САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт искусств
Институт истории и международных отношений
Институт филологии и журналистики
Институт физической культуры и спорта
Факультет иностранных языков и лингводидактики
Факультет психологии
Факультет психолого-педагогического и специального образования
Философский факультет
Экономический факультет
Юридический факультет

Социологический факультет

Материалы
VI Международной научной конференции
«Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления»
(13 апреля 2018 г.)

г. Саратов
2018

УДК 316.285(082)
ББК 60.56я43
С 34

Редакционная коллегия:
С.Г. Ивченков, д-р соц. наук, доцент, декан социологического факультета;
Никифоров Я.А., д-р. соц. наук, профессор кафедры социологии регионов;
Калинникова М.В., д-р. соц. наук,профессор кафедры социологии регионов;
Бегинина И.А., канд. филос. наук, зав. кафедрой социологии регионов;
Шахматова Н.В., д-р. соц. наук. профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии

Рекомендовано к изданию
Ученым советом социологического факультета
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

С 34 **Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления.** Материалы VI Международной научной конференции. Саратов, 13 апреля 2018 года/ Я.А Никифоров., Н.В. Шахматова., С.Г. Ивченков (отв. ред.). Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. [Электронный ресурс] - электрон. текст. дан. - 4,69 Мб.- 1 оптический диск

ISBN 978-5-91879-817-1

В сборник включены материалы VI Международной научной конференции «Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления», прошедшей 13 апреля 2018 года в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского. Цель конференции - обсуждение опыта и результатов исследований широкого спектра проблем социального неравенства современности в социально-гуманитарной науке. Сборник адресован исследователям, аспирантам, студентам, занимающимся научной и практической деятельностью. Сборник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Статьи публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание и достоверность сведений, представленных в материалах конференции, возлагается на авторов.

УДК 316.285(082)
ББК 60.56я43

ISBN 978-5-91879-817-1 © Коллектив авторов, 2018

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 811.161.1-25

ФАКТОР СЕМЕЙНОЙ ИЕРАРХИИ И ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ИМ КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ

А.Н. БАЙКУЛОВА

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: allabay15@mail.ru

Аннотация: В статье изложены результаты наблюдений за функционированием языка в сфере неофициального общения, в семейно-родственной коммуникации. Показано, как иерархическая организация семьи влияет на выбор тех или иных языковых / речевых средств. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на материале записей фонда разговорной речи кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, блокнотных и диктофонных записей автора работы за период конца XX, начала XXI в., материалов форумов, находящихся в свободном доступе (всего более 50 тыс. словоупотреблений), с применением современного описательного метода, методики дискурсивного анализа, метода включённого наблюдения. Выявлены коммуникативные риски речевого взаимодействия в сфере семейного общения и пути их преодоления. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке различных тренингов по культуре семейного общения, в популяризации сведений о специфике семейной коммуникации.

Ключевые слова: русский язык; семейное общение; семейная иерархия; разговорная речь; коммуникативные риски.

THE FACTOR OF FAMILY HIERARCHY AND COMMUNICATIVE RISKS IT ENTAILS

A.N. Baikulova

Abstract. The article offers the results of observations of language usage in one of the spheres of unofficial communication – communication between family members. The hierarchical structure of a family is shown to influence the choice of speech devices. The text presents the results of empirical research based on the recording collection of the Department of Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language, notes and recordings made by the author during the period of late 20th – early 21st centuries, materials provided by free access Internet forums (over 50 000 word usage examples). The research was implemented using the methods of description, discursive analysis, and included observation. As the result, the author identifies the risks in the sphere of family communication and suggests the ways of minimizing them. Study results can be applied in family communication trainings and in disseminating knowledge about particularities of family communication.

Keywords: The Russian language, family communication, family hierarchy, colloquial speech, communicative risks.

ВВЕДЕНИЕ

Каждый человек на протяжении своей жизни сталкивается с необходимостью

преодолевать те или иные риски: техногенные, природные, экологические, социальные, профессиональные, политические и др. Рискогенна и человеческая коммуникация. Исследование коммуникативных рисков – одна из важнейших проблем, которые ставят перед собой лингвисты. Большую роль в преодолении любых рисков играет коммуникативная компетентность говорящих, их способность делать правильный выбор языковых / речевых средств, эффективно используя возможности языка[1].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Одной из самых рискогенных сфер является сфера неофициальной коммуникации и её ядерная зона – семейное общение. Многочисленные риски, зафиксированные в этой сфере, могут быть связаны с недостаточным уровнем коммуникативной компетентности членов семьи или с их низким уровнем общей культурысм[1]. Но есть и такие факторы, которые обусловлены самой спецификой семейного общения, например, его полиглоссностью (наличием семейных «языков»); спаянностью речи с ситуацией, отсутствием у говорящих особой заботы о форме выражения мысли; сниженным уровнем этикетности коммуникации[2,3]. Немалые риски связаны с семейной иерархией и ролевой природой семейного общения. Если рассматривать эту разновидность общения с точки зрения такого параметра, как «партнёры коммуникации», то в нём можно выявить различные виды неравенства: иерархическое, психологическое, неравенство в уровне компетентности, ситуативное неравенство[2,3].

Американские исследователи Р. Блад и Д. Вульф на материале опроса городских и сельских семей выявили четыре вида семейной власти и в соответствии с этим предложили выделять четыре типа семьи: автономная власть (автономная модель семьи, когда решения супруги принимают сообща на основе компромисса); власть мужа (семья с ведущей ролью мужа); власть жены (семья с ведущей ролью жены); синкретическая власть с равномерным распределением ролей (синкретическая семья, где при принятии решений учитывается самостоятельность каждого из супругов)[4]. Однако властные отношения устанавливаются не только между супругами, но и между другими членами семьи: между родителями и детьми; между старшими и младшими братьями или сёстрами; между другими родственниками (например, между свекровью и невесткой) и даже между животным, которое считается привилегированным членом семьи, и остальными домочадцами. Таким образом, в каждой семье формируется своя иерархия.

Властные отношения не могут не отражаться в речи, и многое зависит от того, как члены семьи исполняют свои семейные, психологические, коммуникативные роли.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование семейной коммуникации производилось на материале записей фонда разговорной речи кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, блокнотных и диктофонных записей автора работы за период конца XX, начала XXI в., материалов интернет-форумов, находящихся в свободном доступе (всего более 50 тыс. словоупотреблений).

Анализ материала осуществлялся на основе применения современного описательного метода, методики дискурсивного анализа, метода включённого наблюдения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Статусно-ролевое неравенство имеет языковые / речевые способы и средства выражения. Особенно заметно оно в использовании семейных вокативов: например, дети к родителям, бабушкам или дедушкам обычно обращаются на *ты*, но в некоторых семьях возможно и на *вы*, тогда как к ребёнку – только на *ты*. Свекровь к невестке обычно обращается на *ты* и использует имя, нередко разговорное (*Наташк, Наташка*); невестки же, как показывают наблюдения последних лет, всё чаще называют свекровь по имени-отчеству и обращаются на *вы*. Во многих семьях в конфликтных ситуациях по отношению к ребёнку

могут использоваться пейоративные номинации: *гад*, *паразит*, *идиот*, *говнюк*, *засранка* и др. В направлении ребёнок → родитель это не допускается. Нарушение этических норм в использовании вокативов, безусловно, рискогенный фактор. Преодоление подобных рисков связано с речевым самоконтролем адресанта и соблюдением этики общения.

Статусно-ролевое превосходство главы семьи или какого-либо члена, претендующего на главенство, связано преимущественно с информационной и регулятивной стратегиями в реализации общения. Коммуникативная стратегия адресанта предполагает реализацию ряда тактик, направленных на достижение его речевых и неречевых целей. Достижение целей является показателем эффективности речи. Эффективность же самого процесса общения мы связываем с соблюдением в нём гуманистических принципов и культурой речи.

Информационная стратегия предполагает использование **тактик заботы**, **участия и контроля**: в речи главы семьи (мужа или жены) наблюдается большое количество вопросительных конструкций: *Так / ты во сколько придёшь?*; *Рыбу купила?; Что тут этот стакан делает?*; *Почему здесь не разобрали? Я же сказал здесь всё убрать* и т.п. Нередко они начинаются с регулятивного *так*: *Так / Миша сегодня пылесосил? А почему?*

Излишнее проявление заботы и контроля в семье часто воспринимается как вторжение в личную сферу, как недооценка возрастного статуса адресата, его самостоятельности в действиях или принятии решений, как недоверие. Из материалов интернет-форума: (невестка о своей свекрови): (орфография и пунктуация сохранены)…*у нее есть особенная черта характера – уж очень она грубо говоря жадная..жадная на все...на еду, на внимание и самое главное она хочет прибрать к рукам мою волю. Но мне 30 лет и я не могу постоянно находиться под микроскопом...*[5]; из материалов опроса студенток СГУ об их общении с матерями: *Она мало общается со мной, все сводится к критике, а когда все хорошо – так никакого общения, тишина, типа так и должно быть; Не удовлетворяет несерьезность по отношению ко мне, много заботы. Когда ей нужна помощь относится как к взрослому, но чаще как к глупому ребенку. Она относится ко мне как к ребенку на 100 процентов… еще у меня есть брат ему 27 лет, так вот к нему она еще более как к ребенку относится.* Эти высказывания вскрывают ещё одну причину возможных коммуникативных рисков – роль семейных устоев: во многих русских семьях родители опекают детей всю жизнь, и такая опека нередко вносит дисгармонию в отношения.

Регулятивная стратегия предполагает использование императивных тактик. Для утверждения ролевого превосходства члены семьи обычно прибегают к **тактикам самоутверждения, приоритета мнения:** *Я что сказала?! Убирай планшет!; Слушай меня внимательно…*; *Ты меня слышишь?*; Слушай меня внимательно!; *Тебе всё понятно? Я тебя спрашиваю / тебе всё понятно?* Адресант использует глаголы в повелительном наклонении (*убирай*, *слушай* и др.); личные местоимения (*я – ты*); стереотипные речевые конструкции, вопросительные и восклицательные предложения.

В конфликтных ситуациях возможны **тактики запрета на возражение:** *Поговори (мне) ещё!; Замолчи!; Замолчи я сказала!; Помолчи лучше //; Рот закрой!; Перестань (сейчас же)! Не спорь со мной*; **псевдоугроз и реальных угроз:** *Я щас тебя прибью! Щас заберу телефон и не дам больше!*, которые нередко совмещаются с **тактикой выдвижения ультиматума***: Если я щас приду и ты ничего не сделал / все игрушки выкину!; В последний раз тебе говорю! Больше ничего не получишь!* Реализация тактик сопровождается регулятивной тональностью, повышенной громкостью голоса. Цель адресанта – оказать воздействие на адресата – порождает прескриптивные речевые жанры угрозы, наставления, приказа, требования, команды, инструкции, распоряжения и др.

При неравноправных отношениях реализуется и модальная стратегия. Непаритетность отношений манифестируют **тактики обвинения**, **поиска виноватого, укора**: (мать сыну) *Так / почему здесь всё разбросано? Кто брал ножницы? Это ты здесь опять всё перевернул?*. Иногда для этого используется местоимение 3-его лица: (из разговора матери М. с семилетней дочерью Д) М. *Ань / ты умылась?* – Д. (не отвечает) – М. *Ань / я к кому обращаюсь? **Она** даже головы не поворачивает // Мне это надоело / все //* (уходит) – Д. (бежит следом) *Мамочка /*

прости...[6]. Демонстрация неравенства связана и с тактиками **показного равнодушия к мнению адресата** (***Меня вообще не интересует*** *хочешь ты или нет // Я сказала делай!*) или **отказа от общения** (*Я с тобой (вообще) не разговариваю*).

Иногда в семье главенствующая роль принадлежит ребёнку, ведь в период раннего детства ему подчинена жизнь всей семьи. Например, маленький ребёнок, желая, чтобы ему купили игрушку, исполняет коммуникативную роль царька, требуя и упрекая родителей: *Купи! Я хочу маши-ину! Не хочу эту! Хочу белую! Вы мне никогда ничего не покупаете! Всегда только всё себе!*

Императивные тактики в речи главы семьи обладают большей силой воздействия, чем в речи членов семьи, не наделённых такой ролью и ответственностью, эти тактики реже вызывают открытую реакцию неприятия и, следовательно, более результативны. Для реализаций подобного рода стратегий и тактик говорящие, как правило, используют сложившиеся в речевой коммуникации стереотипы, которые удобны для адресанта, поскольку требуют меньших мыслительных затрат, и более понятны адресату вследствие их шаблонности и регулярной воспроизводимости. Однако речевые стереотипы приводят к обезличиванию общения, и постепенно их роль как средства воздействия может снижаться, доходя до нуля. Поэтому в семейных ситуациях, связанных с воспитанием детей, можно наблюдать коммуникативную беспомощность родителей, которые, считая, что своей речью они оказывают на ребёнка эффективное воспитательное воздействие, на самом деле не достигают своей цели. Такая коммуникация может оказаться не только неэффективной, но и губительной для семьи.

Гораздо эффективнее могут быть тактики бесконфликтного, гармоничного общения, к которым прибегает адресант с более высоким ролевым статусом. Это **тактики похвалы**: (отец сыну) *Молодец сынок! Настоящий рыбак! Весь в меня!*; **дружеского совета, ухода от конфликтогенной темы, единения с адресатом:** (бабушка внуку) *Дим / **я тебе не советую** сейчас это делать (играть в конструктор) / смотри уже темно / **давай лучше соберём игрушки** / а завтра с утра поиграем //*; *Вот послушай / Давай **мы с тобой** сейчас порисуем / а потом пойдём погуляем.*

Тактики гармоничного общения позволяют не только снизить рискогенность общения, но и в целом смягчить существующее в семейной сфере неравенство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семейная иерархия порождает различные коммуникативные риски. Нецелесообразное использование императивных тактик и даже тактик, цель которых – забота об адресате, неверный выбор языковых / речевых средств в разных ситуациях семейного общения приводят к дисгармонии в нём, а иногда и к разрушению семьи. Путь преодоления коммуникативных рисков связан с повышением уровня культуры речи, которая предполагает способность и желание индивида осуществлять целесообразный выбор языковых / речевых средств для гуманизации общения и достижения своих целей, и уровня коммуникативной компетентности граждан.

Список использованной литературы и источников:

1. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / А. Н. Байкулова [и др.]; под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 188 с.

2. *Занадворова А.В.* Функционирование русского языка в малых социальных группах (речевое общение в семье): автореф. дис. … канд. филол. наук. М.: Испо-Сервис, 2001. 18 с.

3. *Байкулова А.Н.* Неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов: ООО ИЦ «Наука», 2014. 216 с.

4. *С. Д. Резник, В. А. Бобров, Н. Ю. Егорова*. Менеджмент в домашнем хозяйстве: учебное пособие, 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2010. 461 с.

5. Рассуждения об отношениях невестки и свекрови [Электронный ресурс]: https://forum.say7.info/topic53106.html (дата обращения: 01.04.2018)

5. *Китайгородская М.В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.

УДК [94(47):323.1](072.8)

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

А.П. МЯКШЕВ

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: myakshev@mail.ru

Аннотация. Изложены основные параметры и характеристики системы этнического неравенства в современном российском социуме. Показано, что неодинаковый государственный статус российских этносов является фактором, обеспечивающим внутреннюю неустойчивость и несбалансированность общества риска. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на комплексных методологических принципах этнической истории, этнологии, этносоциологии, этнополитологии с применением диагностического инструментария этномониторинга. Установлены «исторические обстоятельства» невозможности сохранения государственного единства и формирования единой общероссийской идентичности в условиях существующего национально-территориального устройства РФ. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован при разработке новой Стратегии межнациональных отношений в России.

Ключевые слова: этнос, национальное государство, общество риска, национальная структура, национально-территориальное устройство.

THE SOCIAL INEQUALITY ETHNIC ASPECTS IN THE SOCIETY OF RISK

A.P. Myakshev

Abstract. The main parameters and characteristics of the ethnical inequality system in the modern Russian society are set out. It is presented, that the differential state status of the Russian etnic groups is the factor that ensure internal volatility and imbalans of the society of risk. The results of the empirical investigation based on the complexed methodological principles of ethnic history, ethnology, ethno sociology, ethnopolitology with the diagnostic toolkit ethno monitoring use. The "historical sircumstances" of the impossibility of national unity safe and formation of single whole-russian identity under actual national-territorial unit of the Russian Federation are found. The application of this problem can be realized during the new Strategy of the interethnic relationship in Russia.

Key words: ethnos, national state, society of risk, national structure, national-territorial unit

ВВЕДЕНИЕ

Распад СССР и раскол советского общества по этническому признаку, вероятно, были необходимы всего лишь для устранения с геополитической карты мира советской сверхдержавы, разрушения социалистической альтернативы в мировом историческом процессе и торжества либерального миропорядка. Упорное нежелание Российского государства и русского мира превращаться в историческую периферию и ресурс «золотого миллиарда» уже привело к корректировке главного идеологического постулата Модерна о

неизбежной гибели самого феномена национального государства. Американский философ-историк Фрэнсис Фукуяма, еще в 1992 г. в книге «Конец истории и последний человек» провозгласивший абсолютный триумф либерализма, позже предположил, что глобализация и конец истории откладываются и необходимо заново укрепить национальное государство. Российская история после 2014 г. подтверждает правоту Сэмюэля Хантингтона, признававшего, что помимо обществ Запада, основательно проработанных либерализмом, обнаруживаются иные цивилизации, в основе развития которых лежат совсем иные ценности и идеологии[1]. Таким образом, гуманитарное знание преодолело период растерянности, вызванное насаждением идеологии одномерного и линейного развития человечества по западно-либеральным «лекалам», и уверенно заявляет о формировании новых и укреплении старых цивилизационных центров, в основе которых функционируют разные государственные механизмы, культурно-исторические типы, экономики, национальные идеи. В рамках этих цивилизационных миров (западный мир, китайский мир, исламский мир, русский мир) сохраняют свою ценность и историческую субъектность такие уникальные человеческие общности как этносы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Все сегодняшние теоретические попытки критического осмысления постмодернистской реальности базируются на фундаменте исторического фатализма, тотальности, обреченности, пессимизма и на поверку оказываются политическими «оправданиями» западной глобалистско-либеральной социальной утопии. Наиболее ярким примером такого рода интеллектуальных манипуляций на базе множественного «компилирования» порой взаимоисключающих философских построений в сугубо утилитарных политических интересах глобальной финансовой элиты являются взгляды и деятельность одного из основателей школы «Новой Философии» Бернара Анри-Леви. Только певец «новой онтологии власти», своеобразного умозаключения о совпадении власти и социальной действительности, мог быть допущен до идеологического обоснования любых действий глобалистов и демагогической демонстрации якобы решающей роли интеллектуалов в разработке судьбоносных управленческих решений глобал-элиты.

Начинающий приверженец «мультикультурализма» и один из создателей «SOS racisme» в 1990-е годы выступал в защиту боснийских мусульман и участвовал в демонизации сербов, в 2000-е годы заявлял о решительной борьбе с мусульманским фундаментализмом, но поддерживал в Ливии исламистов, в 2008 г. «продвигал» вместе с Саакашвили агрессию Грузии против Южной Осетии, а в 2011 г. – вместе с Н. Саркози военное вмешательство в Ливию, в феврале 2014 г. на сцене Майдана звал украинцев в ЕС, а в январе вместе с финансистом Дж. Соросом призвал оказать Украине масштабную финансовую и военную помощь. По сути, интеллектуалы, обслуживающие либерал-глобализм, предлагают в качестве цивилизационного образца «общество спектакля», в котором власть заполняет собой все общественное пространство, овладевает языком социума и тотально подавляет индивидуально-творческое начало в этом обществе. Никакой альтернативы, контр-власти, возможности бороться с глобальной властью, таким образом, быть не может. Такой подход не оставляет выбора и интеллектуалам, вынужденным, подобно Леви, прагматично обслуживать глобалистско-либеральную власть, извлекая при этом неплохую «маржу».

Российский социум можно рассматривать в контексте российской версии общества риска, как одной из захолустных сегментов «мирового общества риска». Книга одного из ведущих исследователей модерна профессора социологии Мюнхенского университета Ульриха Бека была написана в 1986 г. сразу после Чернобыльской катастрофы, и, прежде всего, была посвящена очевидному финалу индустриального общества и формированию новой системы международных отношений, в основе которых, по его мнению, находится переход от национальных государств как главных действующих лиц международной политики к пресловутому принципу глобализма. Такие общественные институты, как политические партии, правительства, профсоюзы, социальные учреждения, по мнению

ученого, превратились в «охранителей социальной действительности, обреченной на быстрое исчезновение»[2]. Общество модерна, таким образом, предстало как модель производства рисков, причем глобальный бизнес, по мнению А. Бека, рос как раз за счет всевозрастающей потребности защиты от рисков. Риск как средство получения сверхприбыли! Риски направлены на усиление социального неравенства, несмотря на то, что они распространяются на общество в целом: как на массы, так на элиты. С этой точки зрения, следует выразить сожаление по поводу довольно заметной потери интереса к специфике российских элит.

Изданная в 2005 г. «Анатомия российской элиты» О.В. Крыштановской являлась сводкой ее предыдущих исследований, а вышедшая годом позже монография «Политические элиты России: вехи исторической эволюции» была переизданием работы О.В. Гаман-Голутвиной 1998 г. Научный элитизм, правда, пополнился хорошо аргументированным выводом О.В. Крыштановской о том, что западная элита заточена на эффективность, российская – на силу и преданность, заключением О.В. Гаман-Голутвиной о том, что масштаб стагнации российских элит и общества привел к радикальному отрицанию системообразующих смыслов. Собственно, все эти выводы располагаются в русле концепции А.С. Панарина, который на рубеже тысячелетий в своей известной работе «Искушение глобализмом» (М., 2000) сделал вывод о «глобализированных» элитах, ускользающих от национального контроля, и массах, под воздействием этнических расколов и автономизаций теряющих цивилизационное пространство.

На наш взгляд, все оценки «настоящего» в истории человечества базируются на прогнозах «будущего», высказанных великим мыслителем XX века А.Дж. Тойнби. Ведь по сути, «риски» А. Бека – это «вызовы» А. Дж. Тойнби. Вероятно, «неспособность» современных Тойнби локальных цивилизаций найти успешный ответ на вызовы-риски, привела его к выводу о том, что не цивилизации являются высшей формой человеческой общности, а мировые религии. Бесспорно одно – в формирующихся мирах национальная идентичность сохраняется как их непременный атрибут и системообразующий признак, а принадлежность к одной из мировых религий характеризует конечные ценности этих форм человеческой истории.

Современное российское общество, на наш взгляд, как раз характеризует собой переходное состояние от «советской» цивилизации к русскому миру как квинтессенции социальных, экономических, политических, духовных институтов, сформированных на ценностях социального и национального равенства, экономической справедливости, православных добродетелях. Трансформация одной исторической общности, причем находящейся не на стадии цивилизационного надлома, а на пике своего развития, в другую, более прогрессивную и перспективную, была осложнена случайными, преимущественно внешними причинами: распадом классического рыночного капитализма и индустриального общества, агрессивным наступлением реализующей либерально-глобалисткий проект господства мировой финансовой элиты, частью которой являлась компрадорская советская-постсоветская элита. Никакой самостоятельной определенностью и, уж тем более, исторической субъектностью, настоящая российская действительность не обладает. Не отвечает она и «броделевскому» смыслу «исторических площадок равновесия», не только из-за своей исторической скоротечности, но прежде всего, из-за сохранения тех ценностей, которые, по мысли Ф. Броделя, должны были отмирать для того, чтобы рождались новые, более прогрессивные. Русский мир, трансформирующийся из советской цивилизации, как раз пытается сохранить и приумножить те ценности и добродетели, которые лежали в основе социальных и национальных приоритетов и ценностей советского народа и государства.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования межэтнических отношений и формулирования выводов по проблеме национального неравенства обнаруживается крайне неоднозначное и неоднородное

толкование базового понятия «этничность». Все существующие подходы к определению этничности актуализируют какую-то одну сторону данного феномена. Сторонники инструментализма понимают этничность как эффективное средство преодоления социального отчуждения, восстановления униженной национальной гордости, разрушенной национальной идентичности. Приняв эту точку зрения, исследователь вынужден сосредотачивать внимание преимущественно на тех процессах, участвуя в которых, этнос выступает как мощный ресурс мобилизации политической власти и энергии этноса, помогающий ему отстаивать свои собственные «национальные» интересы. Конструктивисты определяют этничность как социальную идентичность, как особую форму социальной организации и чаще всего интерпретируют её «как своего рода социальный манипулятор», в котором культурные связи выступают с меньшей очевидностью, нежели «социальная идентичность». Нельзя не учитывать, что на постсоветском пространстве в политическом поле и массовом сознании продолжает господствовать примордиализм, рассматривающий этнос как историческую общность людей «по крови» с неизменными, врожденными признаками. В силу этого для обоснования опасности существующих в российском государстве и обществе рисков в форме национального неравенства вполне пригоден, целесообразен и практически полезен такой классический исторический принцип исследования, как принцип социологизма в его двух аспектах: предметном и методологическом. Предметный аспект заставляет историка интерпретировать общество как целостную социальную реальность с жесткой взаимозависимостью ее различных институтов и структур. Методологический аспект ориентирует историка как на познание общего, имеющего характер и форму социального закона, так и на выявление исторических закономерностей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Главным системообразующим признаком российской версии общества риска стало тотальное отчуждение масс от собственности и власти. В условиях катастрофического лишения российского социума доступа к «ресурсным» сегментам общества стремительно актуализируется фактор самоидентификации человека. Одним из главных идентифицирующих признаков при этом становится этническая принадлежность. По мнению У. Бека, в обществе модерна «устойчивые конфликтные линии» возникают на основе «врожденных» признаков, в частности, этнической принадлежности. Подобное социальное неравенство, писал он, «как бы предопределенное самой природой» получает особые организационные и политические шансы на основе его неизбежности во времени, его противоречивого отношения к успеху, его конкретности», а также на основе «обусловленных всем этим» процессов идентификации»[2].

Несмотря на то, что в ходе проведения переписи 2010 г. национальная принадлежность указывалась опрашиваемыми на основе «самоопределения-самопричисления», только четыре процента сочли возможным не называть свою национальность. Этничность в данном случае выступает как мощный социальный инструмент протеста против выстраиваемой системы социального неравенства. Насколько эффективна (не продуктивна!) бывает консолидация и мобилизация на этнической основе демонстрируют события 2014 г. на Украине.

Формирование надэтничной общности типа «общероссийской гражданской нации» без учета возрастания мобилизующей роли этничности может быть рассмотрено не как научно проработанная программа, а как один из разновидностей «проект–социальная утопия», для реализации которого предпосылки и условия отсутствуют. Попытки игнорирования экспертных оценок в сфере межэтнических отношений и процессов лишь усиливает межэтническое недоверие. Так, публикация весьма приблизительных и спорных данных проекта «Ленты.ру» по изучению российской элиты (доля русских среди богатейших граждан России на 2014 г., по данным «Ленты.ру» составляла 44,5% (доля русских в населении России – 80,90%); доля евреев – 21,0% (доля в составе населения – 0,11%); украинцев – 12% (1,41%); татар – 4,0% (3,87%); армян – 3,5% (0,86%); горских евреев – 3,0% (0,0005%); азербайджанцев – 1,5% (0,44%); ингушей – 1,5% (0,32%); чеченцев – 1,5% (1,04%); осетин – 1% (0,39%);

узбеков – 1% (0,21%)[3], была встречена резким осуждением со стороны либеральной общественности. В частности, член Совета по правам человека при Президенте России Н.К. Сванидзе расценил это как «расистский, а то и нацистский подход»[4]. На самом деле, несоответствие между такими показателями, как представленность в элите и доля в национальной структуре населения, актуализирует проблему этнического неравенства.

Вряд ли кто из серьезных исследователей будет отрицать негативное воздействие системы национально-территориального устройства России на развитие и перспективы единой российской государственности. Подобная система в СССР выступила как одна из причин, приведших великую державу к распаду. Крах этой системы привел к формированию на постсоветском пространстве новых, в большей части, этнократических государств с вольно «нарезанными» в советский период истории границами и крайне «интернационализированными» социумами. Отсутствие национальной государственности у русского этноса и наличие «суверенных» национальных государств с этническими границами этническими властными институтами (доля представителей элит титульных этносов в 2010 г. в Дагестане, Ингушетии, Чечне достигала 100%, Кабардино-Балкарии – 86%, Татарстане – 84%[5]) доказывает реальность национального неравноправия в государственно-правовой сфере. Игнорирование абсолютной аналогичности таких исторических феноменов как советский и современный «иерархический федерализм», как «советский народ как новая историческая общность людей» и «единая общероссийская нация», для политической практики и повседневности усиливает и усложняет риски, функционирующие в советской версии общества риска, для научной экспертизы актуализирует проблему забвения исторического опыта и его роли в формировании системы межэтнического доверия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема национального неравенства в российской версии общества риска может быть разрешена путем институциональной трансформации. Создание эффективно и рационально работающих экспертных институтов позволит выработать новую стратегию межнациональных отношений, в основу которой необходимо поместить механизм параллельного, взаимопереплетающегося, взаимосвязанного, научно выверенного формирования и совершенствования национальной идентичности всех российских этносов и единой гражданской «российской нации». Государственные институты обречены продолжить и углублять начатую с объединением ряда национально-государственных образований с административными областями и краями административную реформу, в ходе которой будет изжит национально-территориальный принцип внутреннего устройства единого многонационального российского государства.

Список использованной литературы и источников:

1. Подробнее см.: *Мякшев А.П.* «Новое дело» историков и либеральный разлом в российской исторической науке. URL: http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=36280 (дата обращения: 31.03.2018).

2. *Бек У*. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.

3. Российская элита - кто есть кто по национальности? URL: http://lenta.ru/articles/2014/10/27/reachethnic/ (дата обращения: 10.04.2018).

4. Сванидзе заподозрил «Ленту.ру» в нацизме. URL: https://lenta.ru/news/2014/10/28/svanidze/ (дата обращения: 4.04.2018).

5. Федерализм и этническое разнообразие в России. М., 2010.

УДК 811.11: 316.776.3

РЕКЛАМА НА МЕЖКУЛЬТУРНОМ УРОВНЕ

Р.З. НАЗАРОВА, Г.А. НИКИТИНА, А.Д. НИКИТИНА

Назарова Раиса Зифировна, кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания, декан факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: inyaz.dekanat@mail.ru

Никитина Галина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: dimgalnick2@yandex.ru

Никитина Анна Дмитриевна, студентка 2 курса, социологический факультет СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: anezka2013@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается рекламный дискурс как явление социальной действительности. Показано, что в условиях глобализации мировой экономики значимость адекватной передачи рекламных текстов при межкультурном взаимодействии достаточно велика. Представлены результаты практического исследования рекламных текстов на английском и русском языках (n = 200) с применением комплексного лингвокультурологического анализа. Выявлены лингвокультурные особенности рекламного дискурса на двух языках на лексическом, стилистическом, синтаксическом и графическом уровнях. Результаты исследования могут иметь практическую значимость в области лингвистики, изучения языков, межкультурной коммуникации и рекламного дела.

Ключевые слова: рекламный текст; лингвокультура; межкультурная коммуникация; социальные функции рекламы.

ADVERTISING ON THE CROSS-CULTURAL LEVEL

R.Z. Nazarova, G.A. Nikitina, A.D. Nikitina

Abstract. The article is devoted to advertising discourse considered as a social phenomenon. It reveals the significance of adequate interpretation of advertisement in the case of cross-cultural communication in the globalized world economy. The article presents the results of complex practical linguocultural study of commercials in English and in Russian (n = 200). Hence, linguistic and cultural peculiarities of advertisements are revealed on the lexical, stylistic, syntactical and graphical levels. The practical value of the research lies in the spheres of linguistics and language learning, cross-cultural communication and advertising.

Key words: advertisement copy; linguoculture; cross-cultural communication; social functions of advertising.

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникация в условиях межкультурного взаимодействия, безусловно, определяется рядом специфических характеристик, что связано не только с языковыми, но и с культурными особенностями коммуникантов. Риск неверной или неточной интерпретации реципиентом исходной информации, представленной носителем другой культуры, достаточно велик. Необходимость минимизировать подобные риски актуализирует исследовательские задачи в области лингвокультурологии. Однако актуальность исследований различных типов дискурса на межкультурном уровне определяется и объективными условиями действительности. Очевидно, что растущие международные партнерские отношения, как на государственном, коммерческом, так и на личностном уровне, способствуют развитию рекламы. Возникает необходимость выявления способов эффективной передачи заложенного в рекламе смысла в условиях иной языковой и культурной среды. «Изучение рекламы приобретает особую важность в настоящее время, в эпоху тотальной информатизации, когда возникает

необходимость нахождения путей адекватной интерпретации рекламных текстов, созданных в определённой языковой и культурной среде и распространяемых далеко за границами страны-производителя»[1].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Работы, связанные с исследованием рекламы, составляют достаточно большой пласт научных трудов в различных областях знания. Представляется, что понимание рекламы как информации о чем-либо или о ком-либо, распространяемой в любой форме, с помощью любых средств и призванной формировать и поддерживать интерес к своему предмету[2], является достаточно универсальным.

С точки зрения социологии реклама может рассматриваться как социальный институт, как подсистема общества, выполняющая ряд функций: информационную, маркетинговую, стимулирующую социальных субъектов активизировать определенную деятельность. Реализация рекламой социальной функции связана с ростом производительности труда, повышением качества жизни, изменениями в работе средств массовой информации. Вместе с тем, реклама может оказывать на общество, в котором она функционирует, не только экономический, но и социокультурный эффект. Достаточно незаметно, но основательно, реклама задает определенные рамки и модели поведения, определяет нормы социальной и культурной жизни, может стать транслятором новых ценностей и, «отчасти, творцом социокультурного универсума»[2]. Утверждается, что в «современной культуре формирование мировоззрения и определенных ценностных ориентаций личности во многом зависит от воздействия на них средств массовой коммуникации и рекламы»[3].

На уроне межкультурной коммуникации выполнение рекламой указанных функций зависит от того, насколько умело информация, закодированная в исходном иноязычном рекламном материале, передана носителю другой культуры. В подобной ситуации межкультурный контекст можно отнести к числу экстралингвистических факторов, влияющих на восприятие информации, к числу помех, искажающих исходный смысл[4] и, как следствие, снижающих эффективность воздействия рекламы.

Очевидно, что вербальный компонент рекламы играет значимую роль при создании воздействующего эффекта. Так, например, идея, заложенная в телевизионной рекламе кетчупа «Heinz» с убегающей с пикника коровой, становится очевидной только после появления вербального компонента на фоне видеоряда: «*80 % of all cows are eaten with ketchup "Heinz*"» (*80 % всех коров съедается вместе с кетчупом "Heinz*").

Еще один очевидный факт современной российской действительности - большой процент товаров, рекламируемых здесь, производятся зарубежными компаниями, которые и являются рекламодателями. Многие рекламные ролики, созданные на английском языке и для представителей иной лингвокультуры, необходимо адаптировать для российской социокультурной действительности.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лингвокультурологический анализ рекламных объявлений на английском и русском языке позволяет выделить и систематизировать ряд факторов, определяющих специфику рекламы. Этапами лингвокультурологического анализа являются описание и сопоставление визуальной и вербальной составляющих, дефиниционный и компаративный анализ, интерпретационный и описательные методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исследование англоязычных и русскоязычных рекламных объявлений позволило выделить несколько уровней, на которых проявляются лингвокультурные особенности рекламного текста: лексический, стилистический, синтаксический, графический.

На лексическом уровне одним из наиболее примечательных и эффективных средств аттракции и воздействия на потребителя является игра слов. С помощью игры слов

усиливается уровень экспрессивности и эмоциональности рекламного текста. Например: «*Я не плачу, и ты не плати*» (Я не плач***у*** за домашний интернет, и я не пл***а***чу. И ты, на плати и не плач!).

Для создания игры слов так, чтобы она легко считывалась адресатом, создатели рекламы используют несколько приемов. Во-первых, это образование новых слов на основе других (деривация) путем прибавления суффиксов - *he coffee-er coffee* (реклама кофе Savarin); префиксов - *supermother, supervalue, superprice* (реклама Colgate), *супердышащие подгузники* (Huggies).

Во-вторых, высокочастотным и экспрессивным способом в обоих языках является построение языковой игры на уровне лексической и семантической сочетаемости слов так, чтобы создавался эмоциональный фон или комический эффект. Например: *You haven't worked the bugs out of this promotion yet* (*to work the bugs out* – разговорное выражение, обозначающее «*продвигать, раскручивать кого-либо*», одновременно «*bug*» – «*жук*», на рекламном плакате изображены жуки, которых не смахнули с лица). *Hate dropped calls?* (игра слов основана на значениях глагола «*drop*» – «*ронять*» и «*пропускать звонки*»; огромный рекламный постер «выронил» слово «*calls*», рекламируя при этом связь, которая характеризуется наименьшим уровнем пропущенных звонков).

В рекламе компании по экспресс-доставке и логистике UPS основная идея о скорости доставки груза достигается на созвучии глагола «*to lose*» и названия города «*Toulouse*» (Тулуза): *No time TOULOUSE*.

Еще одним частотным лексическим средством, применяемым в рекламных текстах на обоих языках, является оценочное прилагательное: *идеальный, новый, роскошный, стопроцентный, best, gorgeous, more than just*…, *good, full, free* и др.

На стилистическом уровне как англоязычные, так и русскоязычные создатели рекламы используют обширный арсенал средств, включая метафору, сравнение, эпитет, гиперболу, каламбур, иронию, оксюморон, аллитерацию, рифму. При этом, метафора, эпитет и лексический повтор составляют, согласно анализу рекламных объявлений, наиболее частотную группу приемов. Например, *Не спи, разбуди мозги* (реклама кофе). *Зарядись на пол-лимона* (реклама банка). *An unwashed vegetable can become a deadly weapon* (Немытые овощи могут стать смертельным оружием).

С точки зрения синтаксиса рекламные тексты в обоих языках характеризуются следующими особенностями: краткие неполные предложения (односоставные глагольные предложения преобладают в английских текстах, номинативные – в русских), восклицательные предложения (в англоязычных текстах чаще, чем в русском языке).

Лингвокультурологические особенности рекламного дискурса на графическом уровне можно отнести к числу манипулятивных средств коммуникативного воздействия экстралингвистического характера. Визуальный компонент служит для того, чтобы помочь реципиенту правильно интерпретировать заложенную в рекламном тексте информацию и увеличить экспрессивность и эффект эмоционального воздействия рекламы. Например, рекламный текст *Spit gum one time on the floor. Soon it's under your shoes for sure. Let's stay human on public transport* (*Выплюнув жевательную резинку даже один раз, будь уверен, что она наверняка вскоре окажется под твоими туфлями. Давайте оставаться людьми, пользуясь общественным транспортом*) дополнен картинкой, на которой изображен человек с головой ламы, что раскрывает смысл последнего предложения.

Суммируя эффективные механизмы коммуникативного воздействия на адресата, применяемые в современном англоязычном и русскоязычном рекламном дискурсе, следует выделить следующие приемы:

- использование имплицитной информации;

- множественность создаваемых образов, основанная на взаимодополнении разных видов информации: текстовой, графической, звуковой, зрительной;

- опора на общие фоновые знания реципиентов, учет национально-специфических особенностей их мышления и восприятия;

- апелляция к уже известным в данной культуре явлениям, наличие прецедентных феноменов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование рекламного дискурса на межкультурном уровне позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, очевидно, что реклама как инструмент социального воздействия выполняет как минимум две взаимодополняющие функции. С одной стороны, она отражает развитие современного общества, поскольку реципиенту и потенциальному потребителю товаров и услуг преподносят именно те идеи, которые он готов принять. С другой стороны, обладая высокой степенью воздейственности, реклама может использоваться в качестве «двигателя» современного общества, внедряя в общественное сознание социальные нормы и стереотипы.

Во-вторых, эффективность воздействия, заложенного в рекламе, связана с наличием у потенциальных получателей рекламной информации фонда общих фоновых знаний, к числу которых относятся и специфические культурные знания целевой аудитории. Именно поэтому адекватная интерпретация рекламы представителями иных лингвокультур не всегда возможна.

Исследование англоязычного и русскоязычного рекламного дискурса позволяет выделить несколько специфических черт, характерных для каждой из культур. Так, русскоязычной рекламе свойственна бо́льшая вербализация. Кроме того, довольно частым явлением в русскоязычной рекламе является наличие англоязычных вкраплений. Общим средством воздействия, применяемым и в русскоязычной, и в англоязычной рекламе, является языковая игра. Кроме того, очевидной чертой рекламы в обеих лингвокультурах является апелляция к социальным нормам, характерным для конкретной культуры, прецедентность рекламы.

Таким образом, реклама на межкультурном уровне становится своего рода элементом межнациональной коммуникации, поскольку в рамках глобального экономического взаимодействия между разными странами рекламодатели и потребители становятся, зачастую, представителями разных наций и культур. Следовательно, посредством рекламы создается общекультурное пространство, связывающее нации.

Список использованной литературы и источников:

1. *Назарова Р.З., Пальгова З.Ю.* Особенности интерпретации англоязычных вкраплений в рекламных текстах // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (260). С. 104-108.

2. *Мицкевич И.А.* Роль рекламы в конструировании социальной реальности [Электронный ресурс] // Личность-слово-социум: Международная научно-практическая конференция. 2006. URL: http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2006/368-koncepcii-funkcionirovaniya-sredstv-massovoy-informacii-v-sovremennom-obschestve/8138-rol-reklamy-v-konstruirovanii-socialnoy-realnosti.html (дата обращения: 24.02. 2018).

3. *Дроздова А.В.* Повседневность и реклама как взаимопорождающие феномены социальной реальности // Теория и практика общественного развития. 2011. №8. С. 111-113.

4. *Никитина Г.А.* Фразеологизмы как фактор риска в процессе межкультурной коммуникации (на материале английского языка) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 25. С. 183-188.

УДК 316.2

СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ОППОЗИЦИИ ОСМЫСЛЕНИЯ В РУССКОЙ И ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Я.А. НИКИФОРОВ

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: nikiforovy@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются принципиальные различия в понимании проблем социального равенства и социальной справедливости в русской и западной социологических традициях. Особое внимание уделяется оппозиции трактовки роли социологического знания в переустройстве общественной жизни.

Ключевые слова: социальное равенство, социальная справедливость, русская социология, западная социология.

SOCIAL EQUALITY AND SOCIAL JUSTICE: OPPOSITIONS OF JUDGMENT IN THE RUSSIAN AND WESTERN SOCIOLOGICAL TRADITIONS

Ya.A. Nikiforov

Abstract. In article fundamental differences in understanding of problems of social equality and social justice in the Russian and western sociological traditions are considered. Special attention is paid to opposition of interpretation of a role of sociological knowledge in reorganization of social life.

Key words: social equality, social justice, Russian sociology, western sociology.

Проблема социального равенства и неравенства в социально-историческом контексте неразрывна с проблемой социальной справедливости. В чем состоит сущность социологического подхода к социальному равенству и справедливости? Общим местом как для русской так и для западной социологических традиций является убеждение, что обществ без социального неравенства никогда не существовало, это утопия. Что касается социальной справедливости, то она выступает как категория, обуславливающая меру равенства и неравенства социальных субъектов в зависимости от социально-ценностной и социально-нормативной матрицы конкретного общественно-исторического состояния социальной системы. В силу этого задача теоретической социологии к проблеме справедливости есть обобщение нравственного, философского, правового и прочих подходов и выработка практопии (то есть исторически возможного, осуществимого сценария) общества социальной справедливости. Поскольку социальная справедливость, являясь идеальной ценностью, не поддается точному измерению, формула справедливости невозможна. И именно поэтому так разнится суть социологических концепций справедливости в русской и западной традиции в трактовках социального неравенства, степени его незыблемости и детерминирующего положения по отношению к социальной архитектонике. Классики западной социологии главной своей задачей считали не столько познание общественных законов, сколько использование этого знания для наведения порядка в обществе, не изменяя основ его социетального уклада. В этом ключевое стартовое идеологическое, социально-ценностное побуждение западной социологии. Исходя из него и рассматривалась одна из главных проблем, с которой ей пришлось столкнуться: природа социального неравенства, факторы его поддержания, суть социальной дифференциации и т.д. О. Конт считал разделение труда фундаментальным социальным фактом, который является главным условием социальной жизни. Социальная иерархия, по О. Конту, определяется естественным, вечным и неустранимым характером функционирования и развития самой социальной системы. Исходя из этого, социальное равенство он считал явлением противоестественным[1,12].

Э. Дюркгейм исходит из того, что справедливость в обществах с органической солидарностью, основанных на разделении труда и договорном праве, гораздо важнее, чем в

обществах с механической солидарностью, основанных на господстве коллективного сознания. «Точно так же, как древние народы, для того чтобы жить, нуждались в общей вере, мы нуждаемся в справедливости. И можно быть уверенным, что эта потребность будет становиться все настоятельней»[2]. Сущность справедливости, с его точки зрения, заключается во взаимности и точной эквивалентности обмениваемых индивидами и группами благ и услуг.

Г. Спенсер решает характерную для классической западной социологии задачу: как обеспечить социальный порядок. И его решение состоит в том, что добиться этого можно посредством определенной трактовки и использования принципа справедливости. Коротко говоря, эта определённая трактовка справедливости заключается в отождествлении идеи справедливости и равенства, выраженном через уважение людей к требованиям других; сочетание в справедливости элементов эгоизма и альтруизма; пропорциональности как компонента справедливости, и проч. И как сердцевина спенсеровского подхода понимания справедливости: «каждый человек свободен делать все, что он хочет, если он не нарушает равной свободы другого человека»[3].

Либеральная трактовка принципа социальной справедливости получила развитие у Джона Ролза. Формулируя базовые принципы социальной справедливости, он возвращается к идее равенства, несколько видоизменяя идеи Спенсера: первый принцип: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод совместимых с подобными схемами свобод для других. Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и доступ к положениям и должностям был бы открыт всем. Пытаясь смоделировать конструкцию справедливого общества на основе сопряженности рациональности и моральности, не указывая явно на механизмы реализации социальной справедливости, Ролз постоянно возвращается к теме примата законности. «Там, где мы находим формальную справедливость, - правление закона и выполнение допустимых ожиданий, - мы наверняка находим и реальную справедливость»[4].

Итак, западная теоретическая социология, исходя из начальной установки на роль социологического знания в качестве инструмента установления социального порядка, трактует социальную справедливость как мерило иерархично выверенного упорядочивания существующего социального неравенства. Самым действенным механизмом установления такого формата несправедливой социальной справедливости для западной социологической традиции является легитиматиция. Как следствие, в западной социологической традиции понятия «легитимность» и «справедливость» идут рука об руку, часто перекрывая друг друга.

О близости этих категорий и их значимости писал Ю. Хабермас. Действенная и истинная легитимация институтов основывается на публичных дискурсах и общественных дебатах, в процессе которых универсализуются субъективные мотивации и интересы и выплавляется общая воля. Процедура легитимации сопряжена с аргументированием справедливости предлагаемых различными социальными субъектами решений, точнее, она и есть суть этого аргументирования[5]. Такой процесс легитимации заменяет обеспечение социальной справедливости с позиций социокультурной традиции.

Здесь нужно, наконец, напомнить, что английское (или французское) «justice» означает одновременно и справедливость, и правосудие, общий корень этих понятий – закон, право. Русское слово «справедливость» гораздо шире. Если обобщить дискурс отечественной социально-философской мысли на тему социального неравенства и социальной справедливости, то его краеугольным камнем будут именно поиски правды, истины в деле понимания природы неравенства и справедливости. Наследуя отечественной социальной философии, русская социология внесла в этот процесс определённую практичность, выразившуюся в обосновании механизмов реализации социальной справедливости в общественной жизни.

Опорным понятием в осмыслении социального неравенства и социальной справедливости в русской социально-философской традиции был концепт соборности,

впоследствии трансформировавшийся в социологической традиции в категории солидарности, солидаризма, коллективизма.

Важно заметить, что все отечественные социологические доктрины XIX - нач. XX вв., (крестьянского социализма, анархизма, марксизма, народничества, субъективной социологии) несмотря на принципиальные, разногласия в идеологических платформах, диаметрально противоположных теоретико-методологических основаниях, концентрируясь на поиске социального идеала справедливого общества всегда оставались в идейных границах эпистемы соборности.

Наиболее хронологически близкими к русской социологии мыслителями, провозгласившими в середине XIX века приверженность идее социальной справедливости были А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский.

«Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от общинного владения и общинного управления навстречу экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще»[6]. «Наша община есть нечто само по себе, в ее основании лежат более свежие элементы государственного благоустройства и человеческой справедливости... мы не можем не видеть в нем зародыша более спокойного, рационального и гуманного развития»[7]. Н.Г.Чернышевский, хорошо понимал истинную цену «справедливости», законодательно закрепленной в странах Запада. «Юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением»[8]. Социальный идеал М.А. Бакунина представлял собой общинный социализм, исходящий непосредственно от народных масс, стоящий «вне правительственной регламентации и всякого покровительства со стороны государства и подчиняющий политику экономическим, интеллектуальным и моральным интересам общества»[9].

П.А. Кропоткин полагал, что имеющийся в народе нравственный потенциал достаточен для того, чтобы создать «безгосударственный коммунизм» - справедливое общество свободных и равных людей. По его представлению, в отношениях между людьми будущего общества должно утвердиться золотое правило нравственности: «Если ты хочешь счастья, то поступай с каждым человеком так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой…там, где действует эта естественная внутренняя справедливость, не нужна искусственная, внешняя (государственная) справедливость»[10].

Концепция справедливости П.Л. Лаврова имеет ярко выраженный этический характер. В своих трудах он доказывал возможность выработки такого социального идеала, истинность которого будет осознаваться все большим и большим числом людей. «Прогресс есть развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости»[11].

Н.К. Михайловский превратил справедливость в одну из главнейших универсалий русского общественного сознания. Общественный прогресс характеризует как «постепенное приближение к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. «Нравственно, справедливо и полезно только то, что уменьшает разнородность общества»[12,].

Отталкиваясь от экономической обусловленности понятия «справедливость», В.И. Ленин писал, что общество, построенное на частной собственности и эксплуатации, порождает несправедливость в разных измерениях социальной жизни. Несправедливость воспроизводится, во-первых, благодаря аппарату насилия, находящемуся в распоряжении правящего класса; а во-вторых, благодаря тому, что правящему классу удается поддерживать в угнетаемых классах иллюзию справедливости[13].

Попробуем обобщить сказанное. С позиций западной социологии, обоснование социальной справедливости заключается в выработке теоретико-методологических оснований легитимации, узаконивания существующих, реально функционирующих в социальной системе пропорций и механизмов социального равенства и неравенства.

Русская социология утверждала, что возможно продвигать в общественном сознании социальный идеал справедливого общества через механизмы просветительства, формирование мировоззрения путём: трансляции социально-исторического опыта, с осуществлением его селекции, определение категориально-ценностного строя сознания людей, формирование целостного образа жизненного мира.

Список использованной литературы и источников:

1. *Конт О.* Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
2. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996
3. *Спенсер Г.* Социальная статика. Киев: Гама-Принт, 2013
4. *Джон Ролз.* Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета. 1995
5. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма (1973). М.: Праксис, 2010
6. *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30-ти тт. - М., 1966. Т. XIX.
7. *Огарев Н.П.* Русские вопросы / Утопический социализм в России. Хрестоматия. М., 1985.
8. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 16-ти т. Т. 6.
9. *Бакунин М.А.* Избранные сочинения М,: Директ-медиа, 2014.т.3
10. *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990.
11. *Лавров П.Л.* Философия и социология. Т. 2. Избр. произв.: В 2 т. М., 1965.
12. *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? // Герои и толпа: Избранные труды по социологии. В 2 т. СПб.: Алетейя, 1998. Т. I.
13. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 4

УДК 376.3

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ю.В. СЕЛИВАНОВА

Селиванова Юлия Викторовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой коррекционной педагогики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: juliaselivanova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается состояние инклюзивного образования в школах г. Саратова и области. Сравниваются понятия «интеграция» и «инклюзия». Анализируются результаты по следующим показателям: контингент обучающихся; архитектурная доступность; кадровый потенциал.

Ключевые слова: инклюзия, интеграция, ОВЗ, АОП, архитектурная доступность.

INCLUSIVE EDUCATION OF CHILDREN WITH DISABLED HEALTH POSSIBILITIES: REGIONAL ASPECT

J.V. Selivanova

Abstract. The article considers the state of inclusive education in schools in Saratov and the region. The concepts of "integration" and "inclusion" are compared. The results for the following indicators are analyzed: the contingent of students; architectural accessibility; staff potential.

Key words: inclusion, integration, HIA, AOP, architectural accessibility.

ВВЕДЕНИЕ

Инклюзивное образование в законе «Об образовании в Российской Федерации» определено как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей»[1].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время на смену термину «интеграция» (объединение в одно целое) чаще приходит термин «инклюзия», то есть включение (Агнесс Д., Бут Т., Кинг-Сирс М., Миттлер Т., Роза Д. и другие.). Интегративное обучение подразумевает, что ребенок должен адаптироваться к требованиям системы, инклюзивное обучение, наоборот, адаптирует систему под потребности ребенка.

Исходя из этого, инклюзивное образование обеспечивает более широкие возможности для детей с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ) с учетом их индивидуальных особенностей и потребностей. Цель инклюзии - формирование единого образовательного пространства для всех.

На наш взгляд, инклюзивное образование существенно отличается от системы специального (коррекционного), которое базируется на обучении детей в изолированных образовательных условиях. Но, тем не менее, сегодня нет единого мнения о том, какая из систем более успешна. Сторонники инклюзии считают, что у всех детей есть право обучаться вместе, что инклюзия ведет к успешной социально-психологической адаптации в обществе, к развитию сильного общества. Противники специального образования критикуют его за то, что оно ограничивает детей с инвалидностью во взаимоотношении со сверстниками.

Инклюзивное образование – это одна из тех концепций, которая требует изменения привычных, формировавшихся десятки лет представлений всех участников системы образования. Его гуманистическая и правозащитная составляющие подразумевают изменение системы социальных отношений и основываются на иных ценностях, чем традиционное образование.

Сегодня инклюзивное образование стало одним из основных направлений государственной образовательной политики, но, несмотря на существенные изменения в законодательной базе и социальный запрос общества, остается много проблем, препятствующих формированию инклюзивного образовательного пространства. Это и отсутствие в достаточных масштабах общеобразовательных учреждений, осуществляющих обучение инвалидов и лиц с ОВЗ; отсутствие специализированных средств обучения; недоступность архитектурной среды; нехватка специально подготовленных педагогических кадров; проблемы психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ.

На лицо противоречие между потребностью современного общества в формировании инклюзивного пространства во всех образовательных учреждениях страны и в недостаточном уровне готовности (архитектурной, организационной и профессиональной) образовательных организаций.

Стратегическое направление государственной образовательной политики России - повышение доступности качественного образования, соответствующего потребностям общества в целом и каждого гражданина отдельно, - связано с созданием образовательной среды, позволяющей обеспечить равные возможности для всех обучающихся независимо от их состояния здоровья. Существенным шагом в Российском образовании стал Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации», в котором впервые для нашего государства раскрыто определение «обучающийся с ограниченными возможностями здоровья» (статья 2.16.). Кроме того, в законе впервые раскрыт термин «инклюзивное образование». Оно рассматривается как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» (статья 2.27.).

Для обеспечения условий доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населении, была разработана – Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2015 годы. Правительство РФ решило продлить до 2020 года срок реализации данной госпрограммы.

Согласно статистике, в России проживает 29 млн. детей. Свыше 600 тысяч – дети с ограниченными возможностями здоровья (1,7 % всей детской популяции). Ежегодно численность данной категории детей увеличивается. В России насчитывается 665 тысяч детей-инвалидов (450 тысяч детей школьного возраста)[2].

В группу школьников с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ) и /или инвалидностью входят дети с различными нарушениями: слуха; зрения; речи; опорно-двигательного аппарата; задержкой психического развития; интеллекта; расстройствами аутистического спектра; множественными нарушениями развития.

В Саратовской области дети с ОВЗ имеют право обучаться в обычных школах, а также в школах для обучающихся по адаптированным образовательным программам (АОП): -10 школ-интернатов и 7 школ для детей с умственной отсталостью; 1 - школа-интернат для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата; - школа-интернат для детей с тяжелыми нарушениями речи; 1 школа-интернат для незрячих и слабовидящих; - 2 школы-интерната для неслышащих, слабослышащих и позднооглохших детей).

По состоянию на 1 сентября 2017 года на территории Саратовской области: в учреждениях дошкольного образования - 3790 детей с ОВЗ, 382 ребенка из числа детей-инвалидов; - в общеобразовательных учреждениях - 7174 ребенка с ОВЗ, 3290 детей-инвалидов. - в профессиональных образовательных организациях обучается 740 детей-инвалидов и лиц с ОВЗ.

С 1 января 2016 года на территории Саратовской области действуют 7 психолого-медико-педагогических комиссий (ПМПК), которые осуществляют работу по обследованию детей, нуждающихся: - в создании особых условий обучения и воспитания; - в создании специальных условий при проведении государственной итоговой аттестации по образовательным программам основного общего и среднего общего образования.

Полномочия по разработке перечня мероприятий возложены на «Центр психолого-педагогического и медико-социального сопровождения детей» г. Саратова. Создана единая электронная база мероприятий. В 2015-2017 учебном году психолого-медико-педагогическими комиссиями области обследовано 10302 детей, из них 8987 детей с ОВЗ.

Образовательное пространство на территории Саратовской области представлено следующими направлениями: - *Специальное образование*: 22 образовательные организации (далее ОО) реализует АООП – Ресурсные Центры; 3 из которых имеют дошкольные отделения. *Интегрированное образование: в* ДОУ 272 группы компенсирующей и комбинированной направленности, 112 классов в ОО, 12 профессиональных ОУ. *Инклюзивное* образование: 226 общеобразовательных организаций, из них 88 базовых, 616 классов, 14 базовых ДОУ, 1 базовое профессиональное (Базовая профессиональная образовательная организация создана в государственном автономном профессиональном образовательном учреждении Саратовской области «Саратовский техникум строительных технологий и сферы обслуживания». *Дистанционное обучение:* 36 центров, 170 детей с ОВЗ. *Дополнительное образование:* 3 учреждения приняли участие в государственной программе РФ «Доступная среда».

ВЫБОРКА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Совместно с ГАУ ДПО «Саратовский областной институт развития образования», региональным центром практической психологии и инклюзивного образования был проведен мониторинг условий доступности в связи с введением ФГОС НОО ОВЗ. Участие приняли **93%** образовательных организаций.

Были проанализированы результаты по следующим показателям: контингент обучающихся; архитектурная доступность; кадровый потенциал.

Контингент обучающихся

По представленным данным, в образовательных организациях обучается 2691 ребенок с инвалидностью, что составляет 1,19 % от общей численности школьников. 4130 человек имеют статус обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (1,83 %), из них 2256 детей инвалидов, что означает, что у многих детей два статуса – обучающийся с ОВЗ и ребенок-инвалид. Численность обучающихся с нарушениями слуха составила 199 человек, с нарушениями зрения – 353, с нарушениями опорно-двигательного аппарата – 415 человек, с нарушениями интеллекта – 2973, с расстройством аутистического спектра – 141, с тяжелыми нарушениями речи – 106, с задержкой психического развития – 285, со сложным дефектом – 320.

Архитектурная доступность – это возможность для детей-инвалидов пользоваться любыми объектами школ благодаря оборудованным в них пандусам для инвалидных колясок, надписям на языке Брайля для слабовидящих и т.п., благодаря географической близости.

Экономическая доступность означает, что ребенок-инвалид обучается в школе на тех же условиях, что и остальные дети, независимо от дополнительных мер, обеспечивающих для него такую возможность.

Организационная доступность – возможность для ребенка-инвалида полноценно участвовать в учебном процессе. Безусловно, для этого создаются соответствующие условия: привлекаются учителя массовых школ, имеющие необходимую подготовку, позволяющую им участвовать в обучении детей-инвалидов, а также психологи, логопеды, дефектологи и т.д.

Кадровый потенциал

Отметим, что традиционно, в специальных образовательных (коррекционных) учреждениях, в школах для обучающихся по адаптированным образовательным программам (АООП) во основном работают специалисты, имеющие имеющих специальное (дефектологическое) образование. А вот в обычных массовых школах, в гимназиях, лицеях их явно не хватает.

Закономерно, что на одном из совещаний в 2017 году, губернатор Саратовской области Валерий Радаев «поставил задачу увеличить в городе Саратове количество специалистов, которые работают по направлению психолого-педагогической реабилитации и обучению детей-инвалидов»[3].

В данном направлении активно работает Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, осуществляя подготовку студентов по направлению 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование: профили бакалавриата "Олигофренопедагогика", "Логопедия", "Специальная психология", "Тифлопедагогика". С 2017 г. осуществляется подготовка сурдопедагогов (бакалавриат: "сурдопедагогика" и магистратура "психолого-педагогическое сопровождение лиц с нарушением слуха"). В рамах обучения предусмотрены дисциплины по обучению студентов сурдопереводу. Также реализуются магистерские программы «Логопедия», «Дефектология», «Психолого-педагогическое сопровождение лиц с нарушениями слуха», «Психолого- педагогическое сопровождение лиц с расстройствами аутистического спектра».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Саратовская область находится на начальном этапе формирования образовательной среды для особых обучающихся, что объясняет недостаточный уровень организации архитектурной доступности в школах региона и нехватку педагогов, обладающих знаниями и умениями работать с детьми с особенностями психофизического развития.

Данная ситуация объясняется двумя основными факторами:

во- первых, идея бездискриминационного доступа к образованию является достаточно новой, и многие родители детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью или еще не слышали об этой возможности, или удовлетворены тем вариантом организации образовательного процесса, который у них есть (отдельные образовательные организации, интегрированные классы, домашнее или дистанционное обучение и т.д.).

Во-вторых, создать все необходимые или даже базовые архитектурные условия в кратчайшие сроки тяжело, исходя из финансовых возможностей школ, в особенности сельских и малокомплектных. Зачастую администрации школ не имеют представления о том, какие минимальные условия должны быть созданы для разных категорий лиц с нарушениями, каким образом эти условия должны быть осуществлены и оформлены. Имеющиеся возможности архитектурной доступности школ Саратовской области во многом являются следствием участия *88 образовательных* организаций в государственной программе Российской Федерации «Доступная среда на 2011-2015 годы». Работа по организации условий доступа в здания школ региона находится только в начальной стадии.

Подобная ситуация сформировалась и в отношении специальных материально-технических средств, необходимых для организации образовательного процесса детям с нарушениями слуха, зрения, НОДА, РАС и прочими нарушениями. Показательными являются 43,37 % школ, которые не готовы принять ни одну из категорий лиц с нарушениями развития, соответственно, у них нет ни архитектурных, ни материально-технических условий.

Низкий уровень готовности школ к работе с обучающимися с ОВЗ также демонстрирует показатель в 17 % школ, где организована деятельность психолого-медико-педагогического консилиума, что является недостаточным для целенаправленного и последовательного формирования инклюзивного образовательного пространства региона.

Данная деятельность невозможна без формирования инклюзивной образовательной среды в образовательных организациях. Мониторинговые данные сигнализируют о том, что даже единичные тематические мероприятия не проводят 49 % школ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на то, что Саратовская область находится на начальном этапе формирования образовательной среды для особых обучающихся, процесс инклюзии в учреждениях города и области имеет достаточно устойчивую тенденцию к дальнейшему укреплению и внедрению в образовательную практику.

При этом повышение уровня профессионализма представителей психологического и педагогического сообществ, повышения компетентности педагогов в области коррекционной педагогики и специальной психологии, является одной из первостепенных задач на пути эффективной реализации программ, технологий социально-образовательной инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья. Также необходимо продолжать работу по обеспечению архитектурной доступности в школах региона.

Список использованной литературы и источников:

1. ФЗ №273 от 29 декабря 2012 года «Об образовании в Российской Федерации» / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 04.04.2018).

2. Детская инвалидность. По данным Федеральной службы государственной статистики//http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#(дата обращения 07.04.2018).

3. Валерий Радаев поручил увеличить число специалистов для реабилитации детей-инвалидов .02.05.2017 // Официальный портал правительства Саратовской области//

http://saratov.gov.ru/news/valeriy_radaev_poruchil_uvelichit_chislo_spetsialistov_dlya_reabilitatsii_detey_invalidov/ (дата обращения 04.04.2018).

УДК342.72/.73

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

А.Ж. АЙМЕНОВ

Айменов Айдар Жамбулович, преподаватель, магистр кафедры философии и культурологии Южно-Казахстанского государственного университета имени М. Ауэзова г. Шымкент, Казахстан.

E-mail: a.aymenov@rambler.ru

Аннотация. В статье по результатам социологического исследования уточняется отношение молодежи к политическим и правовым основам ее жизнедеятельности. Беспокоящими молодежь проблемами являются недоступность правосудия и уличная преступность. К числу приоритетных гражданских прав и свобод отнесены: право на охрану здоровья, на социальное обеспечение, на жилище, право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на защиту своих прав и свобод, включая судебную. Именно эти права большинство опрошенных впоследствии определили и как труднореализуемые в современных российских условиях. Неблагополучное социально-экономическое неравенства является фактором радикализации поведения молодежи. Более 70% саратовцев известны случаи нарушения прав и свобод граждан, при этом для 36% - это личный опыт или опыт близких родственников. К числу наиболее частых причин нарушений прав и свобод респонденты относили отдельные аспекты работы властных структур и правовую безграмотность населения. Больше четверти жителей готовы решить свою проблему самостоятельно, причем в их числе есть потенциальные участники протестных акций. На помощь адвоката рассчитывают в 0,5% случаев. Сегодня можно констатировать, падение доверия молодежи к демократическим политико-правовым ценностям и нормам и рост авторитарных установок в молодежной среде. Под режимом «жесткой руки» молодые россияне подразумевают идеал справедливого распределения, авторитарное регулирование экономики и защиту личности от произвола и беззакония при сохранении политико-правовых гарантий.

Ключевые слова: политико-правовое сосознание, молодежь, права и свободы граждан.

SOCIAL INEQUALITY AS A FACTOR OF FORMATION OF LEGAL AND POLITICAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH

A.Z. Aimenov

Abstract. Article based on the results of the sociological research clarifies the attitude of young people towards the political and legal foundations of its life. Disturbing youth problems are the inaccessibility of Justice and street crime. The priority of civil rights and freedoms: the right to health, social security, housing, the right to life, the right to liberty and security of person, the right to protection of their rights and freedoms, including the judiciary. Most of these rights have been identified and subsequently as trudnorealizuemye in modern Russia. Unfavourable socio-economic inequality is a factor in radicalizing youth behavior. More than 70% saratovcev known cases of violations of the rights and freedoms of citizens, while 36% is personal experience or the experience of close relatives. Among the most frequent causes of violations of the rights and freedoms of the respondents attributed the individual aspects of the power structure and the legal illiteracy of the

population. More than a quarter of the residents are ready to solve your problem yourself, and among them there are potential participants in the protest actions. To be assisted by counsel in 0.5% of cases. Today we can say, the fall of confidence young people towards democratic political and legal values and norms and the rise of authoritarian attitudes in youth Wednesday. Under the regime of "tough hands» young Russians assume ideal of equitable distribution, the authoritarian management of the economy and to protect individuals against arbitrariness and lawlessness, while maintaining political and legal guarantees.

Key words: political-legal consciousness, youth, citizens, rights and freedoms.

Современное осмысление проблем построения правового гражданского общества должно рассматриваться не только как инструмент государственной политики, «техническое средство» достижения определенных социальных целей, но и как духовный феномен, опирающийся на весь комплекс человеческих ценностей и ценности эти утверждающий. В настоящее время одной из актуальных тем социологии права является определение взаимосвязи общественной деятельности и правовой сферы, правовых норм. Поскольку политико-правовая культура молодежи представляет собой совокупность высокого профессионального знания в сфере права в реальных морально-этических отношениях, она определяет закрепленную в них высокие нравственно-гуманные социальные характеристики основных страт общества. Особенно важно это для анализа правовой культуры молодежи.

В современный период важным условием демократического развития российского общества является освоение молодыми гражданами опыта демократической политико-правовой культуры. Вместе с тем процесс этот длительный, проходящий через этап фрагментарности. Политико-правовые ценности современного российского социума пока противоречивы. Как следствие – противоречивость и раздробленность политико-правового сознания молодежи.

Опрос молодежи г. Саратова по оценке ее политико-правовой культуры был проведен в 2017 году методом формализованного интервью. В территориальной квотной выборке учтены все параметры и характеристики генеральной совокупности, что позволяет говорить о ее репрезентативности. В опросе приняли участие 429 жителей, 44,5% из которых составили юноши, 55,5% - девушки.

Срез уровня тревожности показал: в большей степени молодых жителей беспокоит дороговизна лекарств (37,9%), отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости (33,8%), проблемы с жильем (33,1%), плохое материальное положение (32,6%) и уличная преступность (32,6%). Чуть менее беспокоят молодых саратовцев недоступность медицины (28,1%), отсутствие возможности дать детям бесплатное образование (26,9%), недоступность правосудия (20,7%). Согласно результатам опроса, в 0,2% случаев опрошенных тревожит некомпетентность чиновников и безнаказанность родственников известных личностей. В 0,5% случаев молодежь беспокоит падение рубля, рост цен, нестабильность и неисполнение судебных решений, несогласованность действий ветвей власти

Наиболее важными для респондентов конституционными правами и свободами являются: охрана здоровья (47,4%), право на свободу и личную неприкосновенность (42,2%). Важность права на жизнь молодые люди отмечают в 38,7% случаев, в 37,3% - важность права на социальное обеспечение, права на жилище – в 37%, права на защиту своих прав и свобод, включая судебную, – в 36,1% случаев. Важность права на образование отмечают чуть реже – в 28,5% случаев, право на труд и на отдых опрошенные считают приоритетными в 25% и 20% случаев соответственно. Аутсайдерами рейтинга наиболее важных для молодых саратовцев прав и свобод стали: право избирать и быть избранным (6,1%), право на участие в общественной и политической жизни (6,4%). Иными словами, саратовская молодежь к числу приоритетных относи право на охрану здоровья, на социальное обеспечение, на жилище. Среди важных конституционных прав и свобод - право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, что усиливает значимость того, что респондентов тревожит уличная преступность. Также в центре внимания - право на защиту своих прав и свобод, включая

судебную, что перекликается с тем, что саратовцы обеспокоены недоступностью правосудия. Тот факт, что право избирать и быть избранным, а также право на участие в общественной и политической жизни не были отнесены жителями к числу приоритетных, может свидетельствовать о политической апатичности населения.

Конституционными правами и свободами, которые труднее всего реализовать молодежи, являются: право на жилище (33,8%), право на социальное обеспечение (33,1%), охрана здоровья (27,7%). Существенная часть опрошенных сообщили, что им тяжело реализовать право на труд (18,7%), право на отдых (16,4%), право на защиту своих прав и свобод, включая судебную (15,6%), право на частную собственность, предпринимательство (15,6%). Еще одну группу прав и свобод, реализация которых у молодых саратовцев вызывает затруднения, образуют: право на образование (11,8%), свобода от любых вмешательств в личную жизнь (11,5%), право на свободу и личную неприкосновенность (11,5%). Меньше всего проблем представители молодого поколения испытывают с реализацией права на родной язык (1,5%), свободы объединений, союзов (1,5%), религиозной свободы (1,8%), свободы совести (2,3%). Результаты опроса показали, что права и свободы, которые саратовцы считают важными, практически совпадают с теми правами и свободами, которые им тяжело реализовать. При этом труднореализуемые дополнились правом на частную собственность и предпринимательство, свободой от любых вмешательств в личную жизнь.

Наиболее активно вопросами защиты прав и свобод человека в Саратовской области, по мнению респондентов, занимаются уполномоченный по правам человека (39,8%), прокуратура (29,0%) и суды (23,6%), полиция (20,7%). Наиболее слабо работу в указанной сфере ведут депутаты законодательного собрания области (6,9%) и общественные организации (0,2%). При этом в 8,6% случаев саратовцы отмечали, что активно правозащитной работой не занимается никто, а в 0,5% случаев, что вообще не ощущают такой работы. Ответственность за защиту прав человека респонденты возлагают на губернатора и органы МСУ. При этом они утверждают, что активно правозащитной работой занимаются: уполномоченный по правам человека, правоохранительные органы и суды. Существенен процент ответов, констатирующих, что ситуация в сфере защиты прав человека в Саратовской области не зависит ни от кого, и никто активно не занимается правозащитной работой.

Молодые саратовцы лично сталкивались с ситуациями нарушения прав человека в Саратовской области. Об этом свидетельствует 25,5% ответов респондентов. В 23,4% случаев опрошенные знают о подобных ситуациях, происходящих с незнакомыми людьми, узнают из средств массовой информации. В 22,9% указанные ситуации складывались в отношении знакомых, в 11% случаев – в отношении близких родственников. Четверть опрошенной молодежи не сталкивались с ситуациями нарушений их прав. Чаще всего в качестве причины нарушений прав человека на молодые жители называют коррупцию во властных структурах (55%), незнание населением собственных прав (41,5%), бюрократический аппарат (36%). Несовершенство законодательства как причина нарушений прав называлась респондентами в 29,1% случаев, неудовлетворительная работа полиции – в 2%, другие граждане – в 0,6% случаев.

Среди факторов роста негативизма молодежи на первое место респонденты ставят социальное расслоение (поляризация доходов) - (40%), на втором месте – несправедливость как норма жизни и нравственная деградация общества (по 20%), на третьем месте – невозможность оказать воздействие на центры принятия решений легальным путем, также низкий уровень жизни и безработица - по 15% соответственно. На четвертом месте – разочарование в политике, навязывание западных ценностей СМИ, влияние средств массовой информации (10%). То есть, неблагополучное социально-экономическое неравенства является фактором радикализации поведения молодежи. Это положение подтверждают и то, что, если молодежь всех имущественных категорий примерно одинаково участвует в выборах, то наивысшая степень политико-правовой активности свойственна молодым людям со средним достатком.

Таким образом, саратовцы не понаслышке знакомы с ситуациями нарушений прав человека в Саратовской области. Более 70% саратовцев известны случаи нарушения прав и свобод граждан, при этом для 36% - это личный опыт или опыт близких родственников. К числу наиболее частых причин нарушений прав и свобод респонденты относили отдельные аспекты работы властных структур и правовую безграмотность населения. Ответственность за качество обеспечения защиты прав и свобод граждан опрошенные респонденты в большинстве своем возлагают на губернатора а также уполномоченного по правам человека. В случае нарушения прав саратовцы, скорее всего, обратились бы в суд (43,7% ответов) либо в полицию (36,4% ответов). С равной вероятностью (в 28,5% случаев) респонденты обратятся к уполномоченному по правам человека либо будут решать проблему самостоятельно. Следствием нарушения прав могут стать протестные акции – такой вариант ответа составляет 4,3% от всех ответов саратовцев. На помощь адвоката рассчитывают в 0,5% случаев. Иными словами, доверить решение возникшей проблемы саратовцы чаще готовы судам и полиции. Больше четверти жителей готовы решить свою проблему самостоятельно, причем в их числе есть потенциальные участники протестных акций. Таким образом, в вопросах защиты своих прав и свобод саратовцы, хоть и задействуют при необходимости полномочия органов власти, могут проявить самостоятельность. Что, возможно, свидетельствует о том, что эти респонденты уверены в своих юридических знаниях.

Беспокоящими молодежь проблемами являются недоступность правосудия и уличная преступность. К числу приоритетных гражданских прав и свобод отнесены: право на охрану здоровья, на социальное обеспечение, на жилище, право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на защиту своих прав и свобод, включая судебную. Именно эти права большинство опрошенных впоследствии определили и как труднореализуемые в современных российских условиях. неблагополучное социально-экономическое неравенства является фактором радикализации поведения молодежи

Сегодня можно констатировать, что на протяжении последнего десятилетия в политико-правовом сознании молодежи произошли заметные структурные изменения, выразившиеся в развитии следующих тенденций. Во-первых, - падение доверия к демократическим политико-правовым ценностям и нормам. Во-вторых, наблюдается рост авторитарных ценностей и установок в молодежной среде. Подобная тенденция усиливается, что подтверждается, в первую очередь, всё возрастающей популярностью действующего президента В.В. Путина. Правда, под режимом «жесткой руки» молодые россияне подразумевают идеал справедливого распределения, авторитарное регулирование экономики и защиту личности от произвола и беззакония при сохранении политико-правовых гарантий. Потенциальная поддержка значительной частью молодых россиян «режима жесткой руки» является очень опасным симптомом, за которым может последовать реальная поддержка политического движения или политической партии, непосредственно ориентированных на установление такого рода режима.

УДК 316.34

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ

Л.С. АНИКИН, Д.Р. АМИРОВА, А.Д. СТРОГАНОВА

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социологических наук, зав. кафедрой социологии коммуникаций и управления на базе Энгельсского муниципального района социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: anikinls@rambler.ru

Амирова Динара Рустамовна, студентка 4 курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: Kutyrkina.D.S@yandex.ru

Строганова Анастасия Дмитриевна, студентка 4 курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: stroganova_1996@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема социального неравенства и обусловленные ею эволюционные и революционные перемены в обществе и социальные черты этих общественных изменений, детерминированные, в известной мере, социальными сетями.

Ключевые слова: социальные неравенства, бифуркация, взрывная перколяция, социальный дизайн, социальные сети.

SOCIAL INEQUALITY AS A FACTOR OF CHANGES IN THE SOCIETY

L.S. Anikin, D.R. Amirova, A.D. Stroganova

Abstract. The article deals with the problem of social inequality and the resulting evolutionary and revolutionary changes in society and the social features of these social changes, determined, to a certain extent, by social networks.

Key words: social inequalities, bifurcation, explosive percolation, social design, social networks.

На наш образ жизни влияет широкий диапазон самых различных сил: оттехнологических новинок до расширения городов и бюрократизации управленческого аппарата. Все это представляет собой различные аспекты социальных изменений, трансформации культурных и социальных институтов с течением времени. Этот процесс характеризуются некоторыми социальными чертами.

Во-первых, социальное изменение, как правило, неизбежно. Во-вторых, иногда социальные изменения намеренны, однако чаще всего они происходят без всякого плана. В-третьих, социальные изменения противоречивы. В-четвертых, некоторые изменения имеют большую важность, чем другие. И, наконец, в-пятых социальные изменения последнего времени во многом детерминированы социальными сетями. Постоянно уплотняющиеся сети представляют собой новый потенциально всеобъемлющий элемент нашей жизни, связывающий между собой миллионы жителей земли.

В социологии, с начала ее возникновения, выделяются и исследуются, как правило, два типа социальных изменений - эволюционные и революционные.

Еще совсем недавно утверждалось, что «...системы обладают пороговыми состояниями, переход через которые ведет к резкому, качественному изменению протекающих в них процессов - *к изменению их организации*»[1]. Вообще же эти «пороговые состояния» описывались при помощи самых различных терминов, например, как перелом, кризис, стагнация и др. В марксизме, например, существует теория революционной ситуации, которая гласит, что в «это время» ни управляющая, ни управляемая части общественной системы не могли существовать в прежнем режиме, на повестку дня вставал слом этой системы.

Сегодня, ученые занимающиеся изучением сетей, называют подобный тип изменений «взрывной перколяцией», что означает мгновенное смещение в природе системы, когда та переходит на следующий этап взаимодействия[2].Следует отметить, что в отечественной социологии проблема перехода от одного состояния общественной системы к другому при «помощи» социальных сетей практически не разработана. Однако, сегодня, при помощи сетей, появляются новые немыслимые прежде бизнесы образуются новые горячие точки, меняется семья, образование, медицина, безопасность, армия, т.е. практически все социальные

институты значительно изменяют свой дизайн. И к эти изменениям необходимо адаптироваться, и адаптироваться быстро. Способны ли мы к такой адаптации это большой вопрос. Наши отношения с технологиями и коммуникациями имеют особую сферу влияния, поскольку мы перманентно находимся в сетевых подключениях, где меняется все – привычные способы познания и развлечений, времяпрепровождения наконец.

Специфической особенностью всех самоорганизующихся процессов вообще является тот непреложный факт, что в сложноорганизованных системах, а общество в целом является сложнейшей суперсистемой, постоянно происходит когерентное взаимодействие различных индивидуальных сил, стремлений и мотивов, результат такого взаимодействия не может предсказать никакой индивид или группа, хотя бы с минимальной степенью достоверности. Это многократно увеличивается в условиях сетевых коммуникаций, стремительно сжимающих время.

При этом следует учитывать, что для каждого вида открытых систем существует множество вариантов прохождения через состояние бифуркации, Каждое их бифуркационных ветвлений в этом смысле может предстать в новом качестве, например, в качестве архетипа стабильного периода существования новой системы или же наоборот может привести систему в состояние полного хаоса. Важным для указанной теории является принципиальное положение о невозможности предсказания бифуркации, и главное, нельзя предугадать ее исход, то есть то состояние, в которое попадает система после бифуркации и чем будет определяться ее дальнейшее развитие и смысл.

Это обусловливается тем фактом, что существует множество возможных структур, в рамках которых в дальнейшем способна развиваться система, и, которые в свою очередь, зависят от неизбежных присутствующих случайных - флуктуаций внешней среды - которые в момент перехода через пороговое состояние и будут определять отбор. Вообще в последнее время наука обратила внимание на неравновесные состояния систем, на процессы перехода от стабильности к хаосу и рождения нового порядка. В эти периоды возникает много неустойчивых равновесий - это перекрестки, «расщепление путей». В этот момент решают не объективные законы, а малые, но вовремя совершенные воздействия. На тот или иной путь развития, с которого потом не свернуть, может толкнуть ничтожная личность ничтожным усилием. Действительно, в этот период мы можем наблюдать, с одной стороны, всевозможные перемены, инициируемые власть предержащими, а с другой - мощное сопротивление им, не в последней мере обусловленное не только силой традиционных представлений, но и сетевыми коммуникациями, обусловленными новой информационной эпохой и тотальным включением в них населения. И, естественно, наряду с глобальными изменениями в человеческом обществе мы будем наблюдать, и уже наблюдаем, и возникновение «новых» социальных неравенств.

Список использованной литературы и источников:

1. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М.,1990. С.45.

2. *Купер Рамо, Джошуа.* Седьмое чувство. Под знаком предсказуемости: как прогнозировать и управлять изменениями в цифровую эпоху. М., 2017. С.35.

УДК316.34

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ О.Г. АНТОНОВА

Антонова Ольга Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: ogantonova@rambler.ru

Аннотация: Изложены социологические теории социального неравенства. Показано изменение представлений о неравенстве в обществе в зависимости от типа общественно-политических систем. Рассмотрены модели социального неравенства, типы современных стратификационных систем. Прикладной аспект проблемы может быть реализован в применении подходов для реализации социальной политики.

Ключевые слова: социальное неравенство, социологические теории, идеология, социальная справедливость, модели стратификации.

PATTERNS OF SOCIAL INEQUALITY IN SOCIOLOGICAL THEORY

O.G. Antonova

Abstract. Sociological theories of social inequality arepresented. Shows the change in representations of inequality in society, depending on the type of socio-political systems of the dominant ideology. Various models of social inequality, types of modern stratification systems are considered. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the application of approaches to the implementation of social policy

Key words: social inequality, sociological theories, ideology, social justice, stratification models.

ВВЕДЕНИЕ

Рост социального неравенства ведет к увеличению социальной напряженности в обществе. В современной России проблема социального неравенства приобрела особую актуальность в связи с переходом к рыночным механизмам и демократической политической системе.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Проанализированы классические теории западных и отечественных социологов, а также современные социологические подходы к проблеме социального неравенства в обществе.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение и анализ научной литературы по данной проблематике, публикаций отечественных и зарубежных авторов, журналистских статей и материалов СМИ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Выявлены наиболее общие черты большинства социологических концепций социального неравенства, раскрывающих неизбежность неравенства для любого общества, изменение его форм и степени на протяжении истории человеческого социума, зависимость от социально-экономического развития и типов общественно-политических систем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На характер неравенств большое влияние оказывают многие факторы, в том числе, особенности нормативно-ценностных систем. Анализ типов социальных неравенств различных стран с равным уровнем развития может способствовать выявлению особенностей избранной модели социально-экономического развития, что имеет особую практическую значимость.

Проблема социального неравенства является значимой, как в фундаментальном, так и прикладном аспектах. Рост социального расслоения и неравенства ведет к увеличению социальной напряженности в социуме, особенно в переходные периоды развития. В современной России проблема социального неравенства стала актуальной в эпоху постсоветских трансформаций, когда произошел переход к рыночной экономике и большинство населения утратило значительную часть государственных социальных гарантий. Социальное неравенство присуще любому обществу на каждом этапе его развития и представляет собой условия, при которых люди имеют неравный доступ к социальным благам. Другими словами, социальное неравенство - это определенная форма дифференциации, когда люди находятся в неодинаковом положении, что, в свою очередь, влияет на их жизненные шансы и возможности удовлетворения потребностей.

Постановка вопроса о социальном неравенстве в различные исторические периоды определялась не только уровнем социально-экономического развития общества, но и особенностями господствующего мировоззрения, а также поддерживаемой в данную эпоху идеологией. Социальное неравенство как понятие социологии трактуется в том историческом контексте, в котором оно было создано. Новые подходы к разработке теории социального неравенства особенно актуальны в условиях противоречивости глобальных изменений, неопределенности выбора цивилизационной модели будущего развития и нарастания общественной нестабильности.

В обыденном сознании социальное неравенство воспринимается зачастую как проявление несправедливости. Однако, изучение причин социального расслоения в обществе позволяет вести речь о справедливом неравенстве, которое, с точки зрения социальной справедливости, должно отражать результаты социальной деятельности людей и их полезность для общества. В связи с этим, напомним, что в социологической литературе существуют два подхода к определению социального неравенства, которое, согласно первой точки зрения, является проявлением объективных социальных условий в обществе, влияющих на перспективы людей; согласно другому подходу, представляет собой совокупность иерархически расположенных социальных слоев (страт), объединяющих людей с примерно одинаковыми доходом, образованием, образом жизни, степенью власти и престижа, и отражающих дифференцированно социальные затраты разных людей.

Исходя из этого, причины социального неравенства правомерно разделить на две группы: объективные и субъективные причины. Некоторые авторы выделяют еще специфические причины, но их вполне можно также рассматривать либо как объективные, связанные с независящими от личности социальными обстоятельствами, либо как субъективные проявления, связанные с характером личности.

Еще в трудах античных философов-мыслителей появилось стремление к осмыслению расслоения в обществе. Платон считал, что государство делится на богатых и бедных, которые находятся в постоянной вражде. По мнению Платона, здоровое общество должно основываться на научном знании, принципах социальной справедливости. Одной из наиболее известных концепций социального неравенства, оказавших серьезное воздействие на практику диагностики социального развития, выступил марксизм. Концепция класса К. Маркса указывает на экономическое неравенство, которое является объективным фактором устройства общества. О. Конт стал одним из первых исследователей проблем социального неравенства в новой науке об обществе - социологии. В своей работе «Система позитивной политики» ученый определял разделение труда не только как экономический фактор, но и как фундаментальный социальный факт, который является главным условием социальной жизни.

Социальная иерархия, по мнению О. Конта, определяется естественным, вечным и неустранимым характером ее функционирования и изменения, соответственно, социальное равенство является противоестественным феноменом. Выдающийся социолог П.А. Сорокин, рассматривая социальную стратификацию как дифференциацию населения по классам и слоям, отмечал, что основу социального неравенства составляет неравномерное распределение прав и привилегий, ответственности и обязанностей. Разнообразные и многочисленные модели социального неравенства ученый сводил к трем основным формам стратификации: экономической, политической и профессиональной, и считал социальную стратификацию постоянной характеристикой любой социально организованной группы[1].

Анализируя проблему соотношения разных идеологий и социального неравенства, П. Штомпка выделил три типа идеологии - элитарную, эгалитарную и меритократическую. Элитарная идеология относится к группе, которая занимает самую высокую позицию в обществе, что находит выражение в ее легитимных привилегиях, приписывающих ей выраженные достоинства. Эгалитарные идеологии создаются дискриминируемыми группами, выступающими против любого неравенства и привилегий. Меритократические идеологии видят социальное неравенство результатом собственных заслуг и индивидуальных действий, направленных на потребности всего общества. Такой взгляд на неравенство в обществе характерен для современных демократических открытых систем, приветствующих индивидуализм, ответственность граждан за свой выбор и собственную судьбу. Выделенные социологом типы идеологий отражают, в первую очередь, различные системы мышления – консервативную и либеральную, свойственные развивающимся и развитым странам.

Согласно неоконсервативной трактовке Д. Белла, капиталистическое общество уже достигло необходимого уровня решения проблемы равенства, основным критерием в преодолении социальных преимуществ и естественных различий может выступать принцип принимающего неравенства, требующий в пределах разных “стай” устанавливать больше равенства. Либеральный взгляд Д. Ролза на решение проблемы социального неравенства представлен “теорией справедливости” через рациональные категории “справедливость” и “долг”. Согласно Д. Ролзу, существуют две концепции неравенства. Первая - различает равенства, связанные с распределением общественных благ, что дает преимущество тем, кто занимает в обществе выгодное положение в зависимости от эффективности социальной кооперации. Вторая исследует равенство по отношению ко всем мерам, независимо от их социального положения, т.е. наделения их равными возможностями[2].

Традиционно социологи указывают на 4 основных исторических типа неравенства: рабство, касты, сословия и классы. Рабство, при котором одни люди владеют другими как собственностью, имеет две исторические формы – примитивную и классическую. Они различаются наличием определенных прав у раба и полной его бесправностью. Касты представляют собой такую модель социального неравенства, когда положение индивида в обществе (его принадлежность к определенной страте) определяется рождением, причем на всю жизнь. В основе сословной системы лежит дифференциация разных прав и обязанностей членов общества в зависимости от принадлежности к определенному сословию. Сословия характеризуются закрепленными обычаями и юридическими законами, и передаваемыми в наследство правами и обязанностями. Принадлежность к классу не определяется законами или традициями, не зависит от происхождения индивида, а связана с его профессией, материальным уровнем, и др. Это – открытый тип страты, где возможны социальные перемещения из одного класса в другой[3].

В современном мире формируется новая система отношений неравенства. Меняются соотношение форм собственности, институты власти, происходит исчезновение одних слоев, возникновение других, изменение их социальной роли и статуса и т.д. Видоизменения претерпевают конкретные формы неравенства, сам же принцип проявляется всегда.

Понятие «модель» в теории социального неравенства трактуется на основании концепций и подходов, зачастую противоречащих друг другу и характеризующихся многообразием критериев выделения страт, которые зависят, в первую очередь, от целей и

методов исследования, а также от субъективных взглядов авторов. Предпосылки общенаучного подхода к моделированию социальных страт в социологии можно отыскать уже в работах К. Маркса, Э. Дюргейма, а впоследствии - структурного функционализма Т. Парсонса и др. Элементы общенаучных предпосылок моделирования также содержатся в теории классов М. Вебера, теории классовой структурации Э. Гидденса, теории конструктивизма П. Бурдье, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и др. Введенное П. Сорокиным понятие социальной мобильности связано в пространстве модели с числом страт, которое соотносится с социально-политическим и экономическим устройством общества.

Современные модели стратификационных систем, отражающие существующие в обществе позиции социального неравенства, можно разделить на три типа: западную, восточную и смешанную. Западная модель характерна для большинства демократических стран. Самым многочисленным в этих обществах является средний класс, поэтому схематично данная модель представлена в виде ромба (овала). Восточная модель относится к обществам, в которых преобладает азиатский способ производства. Эта модель представляет собой пирамиду, самым многочисленным в ней оказывается нижний слой. Смешанная стратификационная система характерна для обществ переходного периода. Для них характерно сочетание элементов как западной, так и восточной моделей. Специфической чертой переходных моделей является появление новых маргинальных групп.

Неравенство как фактор развития общества порождает процессы, противодействующие ему (неравенству). Социальная мобильность и другие факторы стратификации служат механизмами компенсации социального неравенства. Важным моментом становится выявление системных взаимоотношений между стратами, которые порождены дискретно-непрерывной эволюцией общества и содержат в своей структурной организации информацию о собственном порождении и развитии. Эти же отношения определяют пространственное положение страты по отношению к нижележащим и вышележащим. При этом страты имеют не только пространственную, но и временную характеристику, вписываясь в определенный исторический этап развития общества.

Таким образом, наиболее общие черты большинства социологических концепций к изучению социального неравенства - неизбежность и необходимость для любого общества на различных этапах исторического развития, изменение его форм и степени на протяжении истории человеческого социума - свидетельствуют об имманентности социального неравенства общественно-политическим системам. На характер распределения неравенств большое влияние оказывают также особенности культуры, в частности - особенности нормативно-ценностных систем. Кроме того, на основе анализа типов социальных неравенств сравниваемых стран с приблизительно равным уровнем экономического развития, можно получить много ценной информации о существенных особенностях избранной ею модели социально-экономического развития. Это имеет особую практическую значимость, в том числе, и применительно к нашей стране.

Список использованной литературы и источников:

1. *Зенин К.А.* Социальное неравенство сквозь призму классической социологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. Вып.1 (174). С. 96-100.

2. *Викторов А.Ш.* Социальное неравенство: философская и социологическая рефлексия.Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. №2. С. 170-186.

3. Социальное неравенство. Основные подходы. Исторические и современные формы. URL: http://lektsii.com/2-21136. (дата обращения: 10.03.2018).

УДК 316.75

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.О. АРЕФЬЕВА

Арефьева Екатерина Олеговна, старший преподаватель кафедры социологии молодежи, социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: arefevaeo@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается специфика гендерного неравенства представленного в рамках социального, экономического и политического пространства современного российского общества. Анализируется перспективы развития женской занятости в условиях современной демографической ситуации, представительства женщин в различных сферах жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: гендер, социальное неравенство, гендерные отношения, гендерное неравенство.

GENDER ASPECTS OF SOCIAL INEQUALITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

E.O. Arefeva

Abstract. The article deals with the specificity of gender inequality represented in the social, economic and political space of modern Russian society. The article analyzes the prospects for the development of women's employment in the current demographic situation, the representation of women in various spheres of society.

Keywords: gender, social inequality, gender relations, gender inequality.

ВВЕДЕНИЕ

Идеи социума, существующего по демократическим принципам, функционирующего в системе равенства полов, имеет давние исторические традиции. Многолетняя борьба представителей полов за равноправное существование женщин и мужчин в обществе подтверждает актуальность и перспективность изучения данной проблематики. Современная эпоха актуализирует вопросы построения равноправного общества, при этом акцент делается именно на гендерной составляющей научных изысканий.

Актуальность гендерных вопросов в реалиях современного российского общества возрастает по той причине, что современная экономика и общественное развитие уровняло женщину и мужчину, сделало их активными участниками трудовых отношений.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Формирование и регулирование социальных отношений между полами на равноправных началах в социуме нуждается в широком научном осмыслении и изучении. Участие в общественной жизни и общественных движениях женщин и мужчин, участие полов во власти, изучение женщины и мужчины в социуме становится привлекательной темой современной литературы, публицистики, научной и общественно-популярной литературы.

В России и странах Запада современная обстановка, значительно, усилила интерес к гендерному вопросу. В теории и практике зарубежного и отечественного обществознания усиливается ориентация на изучение сложившихся условий социально-экономического, политического, правового и культурного характера для реализации мужских и женских специфических интересов, обеспечения их жизнедеятельности в обществе.

Вопрос гендерного неравенства, перерастающего в неравенство социальное в последние несколько десятилетий, достаточно остро стоит перед российским социумом.

Женщины подвергаются дискриминации и по возможности карьерного роста, в ситуации принятия и выхода на работу после декретного отпуска и при наличии малолетних детей. В целом уровень зарплат у женской категории трудового населения, значительно ниже чем в мужской. Современная молодая женщина в подобных условиях все чаще выбирает не построение профессиональной карьеры, а роль домохозяйки.

МЕТОДИКА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Однако, современная демографическая обстановка ставит пере обществом, и сферой экономики новые проблемы и задачи. Общая занятость через 15 лет может сократиться на 8% или на 6 млн. человек, рассказал в ходе Московского финансового форума директор центра трудовых исследований НИУ ВШЭ Владимир Гимпельсон. По его словам, в целом если в предыдущие 15 лет численность занятых росла, и вовлекалось все больше молодых людей, то в следующий такой же промежуток времени все будет ровно наоборот. Такими темпами число молодых работников до 40 лет к 2030 году сократится на 25%[1].

Восполнить предполагаемую убыль рабочей силы возможно было бы за счет старшего поколения, и даже в этом поколении соотношение доля женщин выше - на одного мужчину приходится две женщины.

По данным Росстата за июль 2017 года среди безработных доля женщин составила 46,1%. Активность женщин пока остается ниже, нежели мужская, но это не всегда их выбор. Например, из-за ухода в декрет у женщин снижаются возможности для карьерного роста на 15-20% из-за потерянного времени[2].

Это обусловлено тем, что во многих случаях молодые женщины не могут в полной мере воспользоваться услугами учреждений дошкольного воспитания. Несмотря, на все предпринимаемые действия во многих регионах остается острым вопрос очередей в детские сады. Молодая женщина просто физически не может выйти на работу, она вынуждена «жертвовать» собственной карьерой, занятостью. Что в частном случае сказывается на общих доходах семьи, а в целом влияет на всю систему распределения рабочей силы. По словам министра труда и социальной защиты Максима Топилина, надо создавать условия, чтобы молодые матери раньше выходили на работу на полный рабочий день. Пока же они чаще заняты на полставки

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В марте 2017 года была утверждена «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы». В документе в качестве приоритетных направлений выделяется «создание условий для полного и равноправного участия женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни общества»[3]. Реализацию стратегии планируется проводить в несколько этапов, а финансирование включить в действующие государственные программы.

Власти, в частности, намерены до 2022 года увеличить долю женщин в законодательных органах власти до 30%. Сегодня это 14–15% в регионах и на федеральном уровне. Также планируется повысить до 25% долю женщин на руководящих должностях в политической сфере. Потому что пока на госслужбе занято 72% женщин, тогда как на руководящих должностях высшей группы их всего четверть (25,3%)[4].

Это может говорить о том, что общие мировые тенденции связанные с развитием гендерного вопроса в России реализуется достаточно медленно, возможно это связано с достаточно сильными патриархальными традициями, когда социальная роль женщины переводится на периферийные позиции. При этом не стоит забывать, что современная женщина трудиться не только на профессиональном поле, но и заботиться о семье, воспитывает детей, и порой в одиночестве, не получая полноценной поддержки.

В России не существует даже квот на представительно женщин в органах власти, в отличии от многих других стран (в парламенте Иордании зарезервировано 10% мест, в Кении - 30%, в парламенте Египта - 10%, в парламенте Нигера - до 15%, и Судан - до 30%, в Тунисе

квота составляет - 50%). На 1 января 2016 года среди членов Совета Федераций женщин было только 16,5%, а в Госдуме, спикером которой женщина не становилась ни разу за всю историю, женщин еще меньше - 15,6%.

Только в муниципальных образованиях доля женщин в представительных органах почти сравнялась с мужской - 45%.

В целом неравенство на руководящих должностях, в том числе в негосударственном секторе, сохраняется, среди работодателей 67% - мужчины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматриваемый вопрос несомненно требует внимания не только со стороны научной общественности, главное необходимо осознать и принять проблему на уровне государственных структур. Государственная политика должна быть направлена на общее выравнивание социальных ролей мужчин и женщин, что в целом может благотворно сказаться не только экономической, но и на социально-политической сферах общества.

Список использованной литературы и источников:

1. Проблема-2030: как заставить женщин работать/ 09.09.2017 // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/business/2017/09/07/10878656 (дата обращения 13.02.2018)

2. Федеральная служба государственной статистики. Рынок труда, занятость и заработная плата. URL: ttp://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/ rosstat/ru/statistics/wages/(дата обращения 13.02.2018)

3. «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» URL:http://static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe (дата обращения 13.02.2018)

4. Проблема-2030: как заставить женщин работать/ 09.09.2017// Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/business/2017/09/07/10878656 (дата обращения 13.02.2018)

УДК 316.324.8

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

К.Э. БАГИРОВА

Багирова Карина Эдуардовна, соискатель кафедры социологии молодёжи СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: bagirova@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы неравенства в условиях глобализации общественного развития и их значение для становления общества знания. Формирование общества знания сталкивается с множеством противоречий и практических проблем, по-разному проявляющихся, с одной стороны, в условиях развитых стран, а, с другой, – в условиях стран развивающихся.

Ключевые слова: социальное неравенство, общество знания, глобализация.

PROBLEM OF SOCIAL INEQUALITY IN THE SOCIETY OF KNOWLEDGE

K.E. Bagirova

Abstract. In article inequality problems in the conditions of globalization of social development and their value for formation of society of knowledge are considered. Formation of society of knowledge faces a set of the contradictions and practical problems which are differently

shown, on the one hand, in the conditions of the developed countries, and, another, - in the conditions of the countries developing.

Key words: social inequality, society of knowledge, globalization.

В условиях глобализации мировая система включает в себя хозяйство стран, находящихся на разных уровнях развития. Отсюда возникает проблема неравенства стран «центра» и «периферии» – наличие колоссального разрыва в социальном и культурном уровне развитых капиталистических стран и стран «третьего мира».

Это разрыв носит не только количественный, но и качественный характер. Он выражается в принципиально разнородных системах ценностей, поведенческих стереотипах, образе жизни. В экономически развитых странах возникает ситуация, которая получила название «состояния постмодерна». С одной стороны, информационные технологии многократно расширили возможности развития личности и проявления индивидуальной инициативы, с другой стороны, наблюдается кризис традиционных ценностей и институтов, являющийся выражением кризиса социальной базы национальных культур, вытесняемых интернациональной массовой культурой. В ряде развитых стран Западной Европы на рубеже веков проявились глубокие социокультурные противоречия. По мнению У. Бека, суть социальных перемен, происходящих в экономически развитых странах, связана с тем, что индустриальные общества превращаются в глобальное «общества риска», для которого характерны нелинейность развития и высокие риски[1]. Следствием улучшения материальных условий жизни подавляющего населения становится детрадиционализация сословно окрашенных «классовых положений». Перспективой этих тенденций является «постклассовое общество», для которого будут характерны такие признаки, как унификация норм и образов жизни, вне зависимости от социального неравенства; снижение значения социальной мобильности как побудительной силы при выборе жизненных стратегий; «пунктирность» (ситуативность) политической жизни, ее назависимость от объективных классовых положений; доминирование аскриптивных качеств над прескриптивными в системе социальной идентичности индивидов.

Противоречия между развитыми и развивающимися странами концептуализируются по-разному: иногда говорят о странах Севера и Юга, иногда – о «богатых» и «бедных» странах. Между этими двумя группами стран существует огромный информационный и когнитивный разрыв, который усиливает экономическое неравенство между ними. «Налицо парадокс: хотя стремительно растёт глобальное неравенство, методологический национализм уделяет этому мизерное внимание»[2]. Хотя «если бы человечество представляло собой единое национальное государство, то нынешний раскол на север и юг превратил бы это государство в политически взрывчатое, полуфеодальное образование, стабильности которого угрожали бы внутренние конфликты»[3].

Развивающиеся страны отличаются от развитых стран не только по социально-экономической структуре, уровню экономического развития. Общественные структуры этих стран развивались в рамках различных локальных цивилизаций и содержат в себе разное социокультурное наполнение. Указанные особенности социальной структуры развивающихся стран порождают специфику их социально-экономических и социально-политических проблем. Решение каждой из этих проблем – связаны ли они с распределением, занятостью, социальным обеспечением и др. – предполагает особые подходы, отличные от подходов, используемых в промышленно развитых странах.

Под влиянием этих факторов формируется и общественный строй наименее развитых стран. В то время как в индустриально развитых странах эпоха капиталистического массового производства сменилась постиндустриальной эпохой, в наименее развитых странах активно развивающийся капитализм, превращаясь в системообразующий уклад, разрушает традиционные отношения и социально-институциональные связи. При этом он приобретает местную, патриархальную и неопатримониальную окраску. Утверждение индустриального способа производства корректируется местными традициями, ценностно-целевыми

установками[4]. Еще одной характерной чертой беднейших стран является политическая нестабильность, периодически выливающаяся в гражданские войны, наносящие невосполнимый ущерб социально-экономическому развитию этих стран.

Глубокий разрыв между развитыми и развивающимися странами существует и в области науки. Производство и распространение знаний зависят от национальной системы НИОКР, которая, в свою очередь, зависит от взаимодействия между предприятиями, отраслями промышленности, научно-исследовательскими и учебными институтами и правительственными организациями. Эффективность управления национальной наукой во многом зависит от наличия тесных связей между ними. Инновационные системы в развивающихся странах «не располагают такими же интеграционными возможностями, как промышленно развитые страны или страны Юга, сумевшие создать эффективные структуры»[5]. Риск «разрыва» в науке возникает тогда, когда правящие круги не рассматривают ее как приоритетную область для инвестиций. С учетом этого, такой индикатор, как доля расходов на НИОКР в ВВП страны, демонстрирует неравенстве в этой сфере между развитыми и развивающимися странами.

Возникает вопрос: может ли общество знания преодолеть это разрыв? Вероятно, взяв за основу мир-системный подход в объяснении разрыва между «центром» и «периферией» мира, который представляется наиболее состоятельным из всех представленных, возможен утвердительный ответит на этот вопрос. И. Валлерстайн чрезвычайно много внимания уделил размышлениям о будущем человечества в глобальной перспективе и на основе мир-системного анализа пришел к выводу, что возможности влияния социальных субъектов на состояние общества и его дальнейшее развитие в современном мире чрезвычайно велики. Согласно прогнозу И. Валлерстайна, в период до 2025/2050 гг. «вероятнее всего, будет ощущаться недостаток мира, недостаток стабильности и недостаток легитимности. Отчасти это будет объясняться упадком США в качестве гегемона мир-системы, но еще в большей степени – кризисом последней именно как мир-системы». Последующий подъем будет осуществляться на основе какого-то нового ведущего продукта «высоких технологий», точка монополизации которого и определит страны-гегемоны будущей мир-системы.

Итак, формирование общества знания в условиях глобализации общественного развития сталкивается со множеством противоречий и практических проблем, по-разному проявляющихся, с одной стороны, в условиях развитых стран, а, с другой, – в условиях стран развивающихся. В то же время все эти проблемы имеют общие корни, и потому решение их зависит от понимания их собственной глубинной природы. Поэтому далее именно анализу сущности этих проблем и перспективам развития общества знания в целом будет уделено основное внимание.

Список использованной литературы и источников:

1. *Бек У.* Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001.

2. *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.

3. *Бек У.* Власть и ее Оппоненты в Эпоху Глобализма. Новая Всемирно-Политическая Экономия. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007.

4. *Володин А.Г., Широков Г.К.* Глобализация: начала, тенденции, перспективы. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002.

5. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж: Издательство «ЮНЕСКО», 2005.

УДК 303.425.6

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

В.И. БЕГИНИН

Бегинин Виктор Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры социально-правовых и гуманитарно-педагогических наук Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова.

E-mail: begininaia@yandex.ru

Аннотация. В статье по результатам социологического опроса был выявлен уровень экономической социализации студентов. По результатам исследования уточнено, что экономическая социализация студентов по субъективной оценке находится на достаточно высоком уровне – почти половина (45%) студентов оценивают свои знания и навыки по управлению личными финансами как хороши и отличные. При этом студенты экономических специализаций оценивают свои знания выше – 53%. Уровень финансовой грамотности студентов по объективной оценке менее высок, хотя и коррелирует с уровнем субъективной финансовой грамотности. Наименее известны студентам вопросы, связанные с потребительским кредитованием и пониманием его стоимости и умением сравнивать стоимость различных кредитных продуктов между собой.

Ключевые слова: студенты, экономическая социализация, финансовая грамотность

ECONOMIC SOCIALIZATION OF THE RUSSIAN YOUTH IN PERSPECTIVE OF SOCIAL INEQUALITY

V.I. Beginin

Abstract. Article based on the results of the sociological survey has identified economic socialization of students. The study pointed out that the economic socialization of students on subjective evaluation is at a high enough level, almost half (45%) students evaluate their knowledge and skills to manage personal finances as good and excellent. Students assess their specializations knowledge above-53%. The level of financial literacy of students on an objective assessment of the less high, although correlated with subjective level of financial literacy. The least known students issues related to consumer credit and the understanding of its value and ability to compare the cost of different loan products.

Key words: students economic socialization, financial literacy.

В условиях современных социально-экономических изменений, как никогда раньше во всей своей значимости встал вопрос о неравном социально-экономичском потенциале молодых россиян. В самом общем виде можно считать, что этот потенциал определяется уровнем социализации и образования, полученным в семье и школе, вложениями государства в формирование экономической грамотности, наряду с действенными механизмами стимулирования непосредственной трудовой деятельности.

Молодежь, в отличие от других возрастных групп общества, существенно более включена в инновационные процессы. В условиях экономической социализации она не только по разному адаптируется в процессе, но и неоднозначно реализует становление своей личности как субъекта экономических отношений, общения и познания. Становление ее социально - экономических навыков позволяет каждому молодому человеку реализовывать все свои социальные роли, адекватные статусному положению. В процессе социокультурной идентификации, посредством его, молодежью приобретаются и усваиваются нормы, ценности и идеалы и адекватные им социальные роли и моральные качества тех социальных групп, с

которыми идентифицирует себя молодежь, и это процесс идет постоянно, в любом обществе и при любых обстоятельствах.

Особое внимание к экономической социализации вызвано тем, что в значительной мере проблемы экономики сегодня связаны с проблемами экономического образования, финансовой культуры населения. Сама по себе рыночная экономика заинтересована в финансово образованных людях, без которых невозможно обойтись, если ориентироваться на устойчивое развитие экономики нашей страны. В силу этого проблемы образования без активного включения экономической, финансовой грамотности как части общего социокультурного капитала студентов решить невозможно. И начинать надо с новых образовательных программ развития финансовой культуры, в которых в качестве обязательных условий необходимо учесть взаимодействие экономического образования и социального развития. Это взаимодействие выражается в широкой гуманитаризации экономического образования и включения компонентов финансовой грамотности – в гуманитарное образование.

Длительное время экономической социализацией занимались преимущественно зарубежные ученые. В нашей стране экономическая социализация рассматривалась О.С. Дейнекой[1], Т.В. Дробышевой[2], А.Б. Фенько[3] О.С. Посыпановой[4]. Они под экономической социализацией понимали усвоение и активное воспроизводство индивидом социального опыта в экономической сфере жизни. Основным критерием экономической социализации считается экономическая компетентность. Одним из индикаторов экономической социализации является показатель финансовой грамотности.

Эта терминология было заложена в социологический опрос «Финансовая грамотность студентов саратовских вузов», который был проведен в 2017 году с участием автора. Исследование свидетельствует о достаточно высокой оценке экономической грамотности студенческой молодежи России, причем, как субъективной, так и объективной. Для измерения субъективного показателя было предложено студентам самим оценить уровень своей финансовой грамотности по пятибалльной шкале, где 1 соответствует полному отсутствию знаний и навыков управления личными денежными средствами, а 5 – наличию отличных знаний и навыков в этой сфере. В среднем, по субъективной оценке студентов уровень их финансовой грамотности можно назвать «удовлетворительным» - среднее значение 3,4. На «тройку» оценили свои знания в этой сфере 44% опрошенных. Около 40% поставили себе оценку «хорошо» и 5% - «отлично». На двойку оценили свою финансовую грамотность всего около 8% учащихся, на единицу, заявив о полном отсутствии знаний и навыков в этой сфере – 2%.

В разрезе специализации студентов уровень самооценки был максимальным у студентов-экономистов (3,60), на втором месте оказались студенты естественно-технических специальностей (3,28), на третьем – студенты гуманитарных вузов (3.21). Почти 60% студентов-экономистов поставили себе оценки «хорошо» и «отлично». Такое распределение было вполне ожидаемым, причем ответы на тестовые вопросы показали, что субъективные оценки в целом соотносятся с результатами тестирования.

Таблица 1.

Самооценка студентами своей финансовой грамотности, % по каждой специальностиым

Самооценка	Экономический	Естественно-биологический, технический	Гуманитарный (кроме экономического)	Вся выборка
знаний и навыков нет	0,6	**2,2**	**2,5**	1,6

неудовлетворительные знания и навыки	3,3	**10,6**	**12,7**	8,1
удовлетворительные знания и навыки	37,7	**48,0**	**50,7**	44,5
хорошие знания и навыки	**52,5**	34,9	29,8	40,7
отличные знания и навыки	**6,0**	4,2	4,4	5,0
Среднее значение	3,60	3,28	3,21	3.39

Интересно было проверить, насколько субъективные оценки совпадают с объективным уровнем финансовой грамотности, а также то, в каких именно областях уровень финансовой грамотности критически низок, а в каких – достаточен. Для объективной оценки уровня финансовой грамотности были заданы вопросы в форме тестов, проверяющие наличия правильных установок, знаний и навыков учащихся в области личных финансов.

Установка на самостоятельную заботу о своем обеспечении в старости характерна для 43,3% опрошенных. Еще 33,0% считают, что заботиться о пенсии необходимо уже после 30 лет, что в совокупности позволяет говорить о 76,3% респондентов, которые согласны с утверждением о том, что делать сбережения на пенсию необходимо как можно раньше. Всего 8,3% полагают, что лучше это делать непосредственно перед пенсией, и только 9,7% возлагают заботу о своей пенсии полностью на государство.

Установки по отношению к кредитам являются «правильными» у половины опрошенных: 56,5% студентов отказались от всех остальных обоснований в пользу кредитов на образование, 6,7% согласились с утверждением, не имеющим никакого смысла, но звучащим «математически обоснованно» (ответ «если уровень процентов по кредиту выше уровня процентов по вкладу»). Тема кредита на покупки во время распродажи увлекла всего 7,3% студентов, а покрытие затрат на отпуск – 8,2%.

Таблиц 2.

Распределение ответов на вопрос о том, когда при каких обстоятельствах покупка в кредит является оправданной среди студентов, % от всех опрошенных

Условия покупки в кредит	%
если в магазине на те товары, которые мне нужны, объявлена распродажа	7
если уровень процентов по кредиту выше уровня процентов по вкладу	7
если мне нужно оплатить услуги образования, которое позволит получить более высокооплачиваемую работу	57
если мне действительно нужен отпуск, а других денежных ресурсов нет	8
не могу сказать даже приблизительно	21
Всего	100

Та же картина характерна и для установок по отношению к страхованию: половина опрошенных (49,7%) полагают, что страхование необходимо, так как это поможет преодолеть неприятные последствия. Доля относящихся к страхованию негативно или с предубеждением, тем не менее, достаточно высока: 28,2%. Причем среди них меньше всего считающих, что страхование может навлечь неприятности («не буди лихо, пока оно тихо») – всего 3,2%, в пять с половиной раз больше тех (18,1%), кто не доверяет страховым компаниям, еще 6,9% полагают, что деньги, полученные в виде страховых возмещений, не помогут решить проблемы. 16,1% не имеют по поводу страхования какого-то мнения, относятся к нему безразлично, 5,6% затрудняются ответить. Причем среди «неправильных» ответов более популярным оказался ответ, свидетельствующий о недоверии страховым компаниям, а не бытовых предрассудках.

Почти треть студентов ответили правильно на 10 и более вопросов из 26, входящих в индекс финансовой грамотности, 41% ответили правильно на 7-9 вопросов. Если сравнить ответы на вопросы между собой, и оценить долю тех, кто ответил на все вопросы правильно,

то уровень не столь высок: около половины студентов неправильно ответили на все или две трети вопросов, и только 14% набрали наивысший балл, правильно ответив на все вопросы.

Индекс баллов, % от всех опрошенных

Балл (из 3 возможных)	Студенты
0	15,3
1	34,3
2	36,0
3	14,4

В разрезе специализаций по индексу установок высший балл набрали студенты-экономисты, причем на втором месте с небольшим опережением студентов естественно-технические специализаций оказались гуманитарии.

Значение индекса установок по специализациям, средние баллы, максимальное значение =3

Специализация	**Индекс баллов**
Экономический	1,60
Гуманитарный (кроме экономического)	1,46
Естественно- биологический, технический	1,43
Всего	1,51

При проверке взаимосвязи между уровнем образования родителей и установками была выявлена интересная особенность. Если в случае с субъективной оценкой уровня финансовой грамотности максимальные баллы себе ставили дети родителей с высшим и незаконченным высшим образованием, то в случае с установками при сохранении положительной связи между образованием матери и совокупным индексом, измеряющим установки, наибольшие баллы набрали студенты, у которых матери имели среднее специальное образование, а не высшее. При этом статистической связи с образованием отца обнаружено не было.

Подводя итог, отметим, что экономическая социализация студентов по субъективной оценке находится на достаточно высоком уровне – почти половина (45%) студентов оценивают свои знания и навыки по управлению личными финансами как хороши и отличные. При этом студенты экономических специализаций оценивают свои знания выше – 53%. Уровень финансовой грамотности студентов по объективной оценке менее высок, хотя и коррелирует с уровнем субъективной финансовой грамотности. Наиболее высокий уровень финансовой грамотности среди студентов всех специализаций показали студенты-экономисты, причем как по уровню субъективных, так и объективных оценок. Наименее известны студентам вопросы, связанные с потребительским кредитованием и пониманием его стоимости и умением сравнивать стоимость различных кредитных продуктов между собой. Именно на этой сфере требуется сделать акцент в программах повышения уровня экономической социализации студентов.

Список использованной литературы и источников:

1. *Дейнека О.С.* Экономическая психология СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 160 с.

2. *Дробышева Т.В.* Экономическая социализация личности: ценностный подход. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 312 с.

3. *Фенько А.Б.* Дети и деньги: особенности экономической социализации //Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 94-101.

4. *Посыпанова О.С.* Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. – Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. – 296 с.

УДК 32.019.52

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ

И.А. БЕГИНИНА

Бегинина Ирина Александровна, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии регионов социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: begininaia@info.sgu.ru

Аннотация. В статье по результатам массового репрезентативного социологического опроса выявлена дифференциация оценок общественным мнением деятельности представителей органов власти различного уровня. Уровень одобрения населением региона политики действующей власти замерялся по пятибалльной шкале, где 1 балл выражал полное неодобрение, 5 баллов – полное одобрение. Анализ показал, что чем выше уровень власти, тем выше уровень оценки качества работы ее представителя. Самый высокий уровень одобрения - у Президента РФ. Чем старше саратовцы, чем выше их уровень жизни, удовлетворенность ею, и меньше ощущение социально несправедливости, тем выше уровень одобрения власти, особенно на региональном уровне.

Ключевые слова: социальное неравенство, одобрение деятельности представителе органов власти.

SOCIAL INEQUALITIES AND ESTIMATION OF ACTIVITY OF AUTHORITIES THROUGH THE PRISM OF PUBLIC OPINION IN THE SARATOV REGION

I.A. Beginina

Abstract. Article based on the results of a representative survey identified mass differentiation estimates public opinion of representatives of authorities of different levels. The level region population policy approval current Government zamerjalsja on a five-point scale, where 1 point expressed complete disapproval, 5 points for full approval. The analysis showed that the higher the level, the higher authorities assess the quality of its representative. The highest level of approval- the President of the Russian Federation. Than older than them, the higher their level of life satisfaction, and less sense of social injustice, the higher the level of approval authorities, especially at the regional level.

Keywords: social inequality, the approval of the activities of the representative authorities.

Социальное нервенство в современном обществе проявляется в самых различных сферах жизнедеятельности, в том числе – в неоднозначных оценках общественного мнения деятельности органов власти. Функционализм в традициях Э. Дюркгейма[1] выводил социальное неравенство из разделения труда: механического (природного половозрастного) и органического (возникшего вследствие обучения и профессиональной специализации). У. Девис и К. Мур[2] считали, что социальное неравенство определяется, прежде всего, значимостью и престижностью функций, выполняемых в обществе. В конфликтологических теориях Р. Дарендорфа[3], Р. Михельса[4], Г. Моски[5] обычно подчеркивается доминирующая роль власти в системе социального воспроизводства отношений. Это хорошо применимо к современному российскому обществу, переживающему реформы, трансформации, а изменения социальной структуры часто связаны с действиями институтов власти.

Опрос населения саратовского региона был проведен в октябре 2017г. Объем квотно – стратифицированной выборки составил 1305 человек. В опросе приняли участие жители одиннадцати районов саратовского региона. Большая часть приходится на Саратов и Саратовский район, Энгельс, Балаковский район, Балашовский, Пугачевский и Петровский. 44% опрошенных составили мужчины и 56% - женщины. Средний возраст опрошенных 39лет, самому младшему - 18, самому старшему – 86, половина всех участников исследования в возрасте до 37 лет. Все параметры выборочной совокупности отражают характеристики генеральной совокупности, что позволяет говорить о репрезентативности данных.

Большая часть (55%) жителей региона постоянно (18%) или периодически 37%) интересуются социально – политическими событиями, происходящими в саратовской области. Треть получают информацию, хотя интереса к ней не проявляют и около 13% не интересуются вообще социально – политической жизнью в регионе. Основными источниками информации о социально – политических событиях в регионе, судя по ответам населения, являются интернет ресурсы (42,9%) и телевидение (35,8%). Значительно реже упоминались газеты (7,2%), радио (6,%), журналы (0,9%), собственный опыт (3,8%).

Уровень одобрения населением региона политики действующей власти замерялся по пятибалльной шкале, где 1 балл выражал полное неодобрение, 5 баллов – полное одобрение. Показатели средней тенденции обосновывают вышеозначенную зависимость. Самый высокий средний балл (4) выявлен в оценках деятельности Президента Р.Ф., модальным значением является 5 баллов, это значит, что большая часть опрошенных жителей региона полностью одобряют и поддерживают деятельность Президента. Деятельность губернатора в среднем оценивается в 3 балла, это же значение является модальным. Самый низкий уровень выявлен в оценках деятельности глав муниципальных образований. В среднем 2,7 балла, при модальном в 3 балла. Кроме того, можно отметить, что показатель дисперсии (разброса мнений) самый низкий в оценках деятельности Президента Р.Ф. Это свидетельствует о том, что мнение жителей региона в этом вопросе согласовано в большей степени. В ходе анализа степени одобрения населением региона политики действующей власти, выявлена прямая корреляционная связь: чем выше уровень власти, тем выше уровень оценки качества работы ее представителя.

Та же тенденция наблюдается в оценках качества реализации социально – политических реформ. Наибольший уровень одобрения фиксируется в оценках политики в России в целом. Средняя оценка 3,5 балла, при модальном значении в 4 балла. На уровне региона оценки чуть ниже, средняя оценка - 3,1 балла, она же является наиболее часто встречающейся оценкой по выборке, т.е. одобрение и критика действий региональных властей в равной степени. Средний балл в оценке качества реализации социально – политических реформ на местном уровне составил 2,8 балла, большая часть опрошенных жителей региона в равной степени и критикуют и одобряют политику местных властей. Наибольшая согласованность во мнениях саратовцев выявлена относительно оценок качества реализации социально – политических реформ на Федеральном уровне.

В ходе статистического анализа данных, был выявлен достаточно высокий уровень одобрения деятельности Президента РФ. Так, практически 70% жителей саратовского региона полностью или по большей части поддерживают и одобряют его деятельность. 5,5% от числа опрошенных не одобряют политику В.В. Путина. Чем выше уровень власти, тем выше в среднем уровень положительных оценок качества реализации социально - политических реформ.

Кроме того, выявлены ряд социально – демографических особенностей, определяющих оценки респондентов. Среди работающих жителей региона и пенсионеров встречается больше одобряющих деятельность Президента Р.Ф. Не поддерживающих его деятельность больше среди безработных и студентов. Среди респондентов, имеющих двое и трое детей полностью одобряющих политику Президента Р.Ф. больше. Кроме того, среди них же не оказалось тех, кто бы не одобрял деятельность В,В. Путина. Чем старше респондент, тем выше уровень одобрения деятельности Президента Р.Ф. Среди представителей старшего поколения,

полностью одобряющих политику В.В. Путина около 50%, среднего – 38,8%, младшего – 30%. Среди жителей региона с высшим образованием больше тех, кто одобряет политику В.В. Путина. Среди них, не оказалось ни одного человека, кто поддержал бы позиции неодобрения его деятельности. Чем выше уровень жизни, тем выше уровень одобрения. Чаще всего позиции одобрения поддерживали опрошенные жители региона с достаточно высоким уровнем жизни. Не одобряющих политику Путина В.В. среди них не оказалось вообще. Среди тех, кто абсолютно не удовлетворен своей жизнью, не одобряющих политику Путина В.В. больше, чем в других группах. 7,7% из них полностью и 38,5% по большей части не одобряют деятельность Президента Р.Ф.

Учитывая модальные значения по ряду значимых характеристик можно составить портрет жителя саратовского региона, в наибольшей степени одобряющего политику Президента РФ. Чаще представители среднего или старшего поколения, работающие, либо находящиеся на пенсии. Имеющие двух и более детей. С высшим образованием, со средним или высоким уровнем материального благополучия, в целом удовлетворенные своей жизнью.

Уровень одобрения деятельности губернатора, по результатам опроса населения саратовского региона значительно ниже, чем Президента РФ. Четверть опрошенных в полной и частичной мере не одобряют работу В.В. Радаева, чуть больше 30% одобряют и критикуют в равной степени и 37% респондентов полностью или частично одобряют деятельность губернатора.

К числу социально – демографических характеристик, определяющих подобные оценки можно отнести: район проживания, социальный статус, уровень жизни. Наибольшая доля населения, одобряющего деятельность губернатора, выявлена в Петровском, Пугачевском (48,8%) и Балашовском (68,2%) районах области, в Энгельсе (46,3%) и Фрунзенском районе г. Саратова (60%). Самый высокий уровень неодобрения зафиксирован в Балтайском районе (99%), Красноармейском районе (56,3%), Лысых горах (53,3%), Саратовском районе (46%). Чаще других деятельность губернатора не одобряют безработные жители саратовского региона (62,5% по группе безработных), Одобрение чаще выражают домохозяйки (46,7%) и пенсионеры (40%), и те, кто в отпуске по уходу за ребенком (50%).

По уровню жизни также зафиксированы различия. 58,3% респондентов с очень низким уровнем жизни не одобряют деятельность губернатора области, самый низкий уровень неодобрения выявлен по группам с высоким уровнем жизни. Таким образом, учитывая модальные значения по ряду выше означенных характеристик, можно составить портрет нелояльного жителя саратовского региона по отношению к губернатору области. Безработные, с низким уровнем жизни, жители Лысых гор, Балтайского, Красноармейского, Саратовского районов области.

Оценка деятельности глав муниципальных образований в исследуемых районах области не высока. 40,6% респондентов не одобряют, 29,9% - одобряют и не одобряют в равной степени и 25,7% одобряют работу глав администраций области. В ходе корреляционного анализа выявлена территориальная специфика оценок работы глав муниципальных образований. Так, по наименьшей лояльности населения к числу проблемных районов области можно отнести: Балтайский район, все опрошенные категорически не одобряют деятельность представителей местной власти; Лысые горы, 53% опрошенных жителей не одобряют вообще и 33% по большей части не одобряют деятельность местной власти; Красноармейский район, 47% полностью и 27% по большей части не одобряют работу глав муниципальных образований.

Ленинский район г. Саратова, Энгельс и Балашовский район саратовской области можно назвать наиболее благополучными с точки зрения результативности работы представителей местной власти. В Ленинском районе 47% опрошенных жителей по большей части и 10% полностью одобряют политику главы района. Среди жителей г. Энгельса 40% по большей части и 10% полностью поддерживают местную власть. 48 (38 и 10) % респондентов, проживающих в Балашовском районе одобряют действия властей. По остальным районам, большая часть населения в равной степени как поддерживает , так не поддерживает

деятельность глав муниципальных образований. При этом, чем выше уровень материального благосостояния, тем выше степень одобрения деятельности главы муниципального образования. Статистика показывает, 81,8% респондентов с очень низким уровнем жизни не одобряют деятельность местных властей, 61,9% - среди опрошенных с низким уровнем, от 34,4% до 40% - средним, 24% - высоким и 22% очень высоким.

Таким образом, чем ближе к населению органы власти, чем чаще им приходится реагировать на актуальные конкретные проблемы, тем ниже степень их одобрения действий этих институтов. С другой стороны, чем старше саратовцы, чем выше их уровень жизни, удовлетворенность ею, и меньше ощущение социально несправедливости, тем выше уровень одобрения власти, особенно на региональном уровне.

Список использованной литературы и источников:

1. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

2. *Девис К., Мур У.* Некоторые принципы стратификации/ Кравченко А.И. Социология. Хрестоматия. Екатеринбург, 1998. С. 246-254.

3. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта// Социол. исслед. 1994. №5, С. 71-77.

4. *Михельс Р.* Демократическая аристократия и аристократическая демократия// Социол. исслед. 2000. №1. С. 107-116.

5. *Моска Г.* Правящий класс// Социол. исслед. 1994. № 10. С. 57-71.

УДК 316.442

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ДЕТЕЙ ИЗ ВОССТАНОВЛЕННЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ СЕМЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

О.В. БЕССЧЕТНОВА

Бессчетнова Оксана Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Балашовского института (филиала) СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru

Аннотация: В статье представлен анализ образовательных траекторий детей, чьи родители восстановили родительские права и вернули право опеки над своими детьми. Социологическое исследование осуществлялось на территории трех субъектов РФ: Белгородской, Саратовской областей и Забайкальского края при финансовой поддержке РФФИ (проект 16-03-00057-ОГН). Представленные результаты позволяют констатировать низкий уровень реализации права на получение качественного образования данной категории детей в условиях усиливающегося социального неравенства.

Ключевые слова: восстановленная биологическая семья; дети; родители, восстановление в родительских правах; жизненные траектории.

EDUCATIONAL TRAJECTORIES OF CHILDREN FROM RESTORED BIOLOGICAL FAMILIES IN THE CONTEXT OF SOCIAL INEQUALITY

O.V. Besschetnova

Abstract. The article presents an analysis of educational trajectories of children whose parents have restored their parental rights and returned custody of their children. The sociological research was carried out on the territory of three subjects of the Russian Federation: the Belgorod, Saratov

regions and the Trans-Baikal Territory with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project 16-03-00057-OGN). The results of the research show the low level of realization of the right to receive quality education of this category of children in conditions of growing social inequality.

Key words: restored biological family; children; parents, restoration of parental rights; life trajectories.

ВВЕДЕНИЕ

Социальное неравенство – форма дифференциации, при которой индивиды, социальные слои и классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей. Неравный доступ к таким социальным благам как деньги, власть и престиж, как правило, передается от одного поколения к другому, формируя структуру социальной стратификации общества. Несмотря на то, что существование социального неравенства в любом обществе неизбежно, необходимо минимизировать его негативные последствия, обеспечить доступ к благам для всех челнов общества, основанный на принципе недискриминации и равных возможностей.

Образование является мощным фактором смягчения социального неравенства. Согласно Всемирному докладу по мониторингу «Образование для всех» к наиболее маргинальным группам населения в плане доступа к качественному образованию относятся: дети беженцев, жителей трущоб, ВИЧ-инфицированные, с ограниченными возможностями здоровья, сироты (UNESCO, 2015)[1]. По данным UNESCO в 2014 году 61 млн. детей младшего школьного возраста и 202 млн. детей среднего и старшего подросткового возраста не посещали школу; 758 млн. взрослых в мире не грамотны[1].

В 2012 году 37 тыс. российских детей не имели начального общего образования, более 22,5 тысяч детей неграмотны; свыше 30 тыс. несовершеннолетних от 7 до 18 лет никогда не учились в школе; каждый шестой подросток в возрасте 15–17 лет – неграмотный[2], что является прямым нарушением прав детей на получение образования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Исследования отечественных и зарубежных ученых показывают, что дети из семей, находящихся в социально опасном положении, трудной жизненной ситуации, длительное время находящиеся вне своей биологической семьи, имеют типичные жизненные траектории.

Негативные социально-экономические факторы, рост безработицы, низкий доход и уровень образования выступают ключевыми факторами, обуславливающими субкультуру бедности, асоциальный образ жизни, криминальное и аморальное поведение родителей.

Российскими исследователями установлена корреляция между школьной успеваемостью и социально-экономическим положением семьи: дети из семей с более высоким доходом, уровнем образования родителей, устойчивым положением на рынке труда демонстрируют более значимые достижения в учебной деятельности по сравнению с детьми из семей с низким доходом[3].

Невыполнение обязанностей по содержанию и воспитанию детей приводит к разрушению семьи, лишению или ограничению родительских прав, в результате чего, дети вынуждены длительное время проживать в государственных образовательных, медицинских или социальных учреждениях, в лучшем случае, в замещающих семьях. В течение этого времени детям, изъятым из биологической семьи, должно быть обеспечено право на получение образования в соответствии с их возрастом и состоянием здоровья.

Вместе с тем, зарубежные и отечественные ученые едины во мнении относительно существования целого спектра трудностей при реализации права на образование детьми из семей группы «риска».

Американские исследователи (M.W. Kraus, P.K. Piff, M.L. Rheinschmidt), изучившие 4 500 детей из приемных семей, установили, что 16-20 % из них имели более низкий уровень

знаний по сравнению с «домашними» детьми. Опрос приемных родителей относительно школьной успеваемости приемных детей 6-14 лет показал, что они в два раза реже принимают участие в школьных и внешкольных мероприятиях по сравнению с остальными детьми[4].

По данным австралийских исследователей (J. Cashmore, M. Paxman), каждый четвертый ребенок школьного возраста (N=1132), проживающий вне своей биологической семьи, регулярно пропускает занятия в школе и имеет уровень успеваемости, физического и психоэмоционального развития, социальных навыков ниже среднего[5].

Результаты второй волны лонгитьюдного исследования жизненных траекторий выпускников интернатных учреждений, проведенного через пять лет, показали, что по сравнению со своими сверстниками, воспитывающимися в биологических семьях, выпускники интернатов и дети из приемных семей имели более низкий социальный статус: выполняли низкооплачиваемую, малоквалифицированную работу; были безработными; половина из них уже имели собственных детей.

По оценкам современных отечественных исследователей дети из низкодоходных социальных страт после окончания школы чаще других поступают в ПТУ, лицеи, колледжи и лишь немногие – в вузы. Большинство детей, оставшихся без попечения родителей, также выбирают средние профессиональные учебные заведения для продолжения образования, доля которых за последние несколько продолжает неуклонно снижаться.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование осуществлялось в 2018 году при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта «Жизненные траектории детей и их биологических родителей, восстановленных в родительских правах» (№ 16-03-00057-ОГН) на территории трех субъектов РФ: Белгородской, Саратовской областей и Забайкальского края методом глубинного интервью. В исследовании приняли участие дети школьного возраста 10-17 лет (N=100), возвращенные биологическим родителям после восстановления их в родительских правах по решению суда.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Среди основных объективных факторов, влияющих на получение детьми и молодежью образования, выступают пол, возраст, этническая и религиозная принадлежность, территория проживания (город/село), состояние здоровья, социальный статус родительской семьи.

Бедность является одним из ведущих факторов социального неравенства при получении образования. Согласно проведенному исследованию, молодые люди из наиболее низкодоходных социальных слоев остаются в школе на два года меньше, чем их ровесники из среднего и высшего слоя. В ходе исследования была установлена взаимосвязь между школьной успеваемостью и социально-экономическим положением семьи: дети из семей с более высоким доходом, уровнем образования родителей, устойчивым положением на рынке труда демонстрировали более значимые успехи в учебе, в отличие от детей из семей с низким доходом.

Другим немаловажным фактором является территория проживания, усиливающая разницу при получении качественного образования: дети и молодежь из сельской местности менее образованы, чем городские.

Еще одной причиной неравенства при получении образования является частая смена образовательных учреждений в связи с переводом детей под временную опеку, в приемную семью, государственное социальное учреждение, в связи с неблагополучием в биологической семье, которая сопровождается изменением местожительства. При отсутствии отечественных статистических данных, приведем в качестве примера результаты американских исследований, которые свидетельствуют о том, что 20 % приемных детей в течение своего детства проживали в 3–5 приемных семьях; 18 % сменили 6–9 мест; 24 % – 10 и более семей после изъятия их у биологических родителей[4].

Данное обстоятельство влечет за собой трудности усвоения школьной программы, необходимых социальных навыков, заставляет ребенка заново адаптироваться к социуму, строить отношения с новыми одноклассниками и учителями, испытывать разлуку с друзьями и значимыми людьми, что, в свою очередь, приводит к нарушениям эмоциональной сферы, привязанности, порождает девиации, проблемы в поведении. Вместе с тем, непродолжительность пребывания детей в новой школе не позволяет педагогам и администрации выявить и устранить возникающие проблемы.

Кроме того, следует принять во внимание существование стигматизации и социальной эксклюзии детей, проживающих в замещающей семье или в интернатном учреждении, которые посещают общеобразовательную школу в микрорайоне по месту жительства. Было установлено, что статус ребенка, проживающего вне своей биологической семьи, накладывает негативный отпечаток на его отношения с педагогами и одноклассниками.

В ходе проведенного исследования были выявлены следующие объективные причины социального неравенства при реализации прав на образование детьми из семей группы риска, вынужденные длительное время проживать в образовательных или социальных государственных учреждениях для сирот, под опекой или в приемных семьях: во-первых, пребывание в социально-реабилитационных центрах, приютах из-за неблагополучия в родительской семье, заставляет ребенка осваивать учебную программу школы, закрепленной за данным социальным учреждением, а низкий уровень подготовки не позволяет социальным сиротам впоследствии конкурировать с «домашними» детьми, имеющими возможность посещать дополнительные индивидуальные платные занятия, что не позволяет им, в свою очередь, претендовать на поступление в престижные вузы на приоритетные направления подготовки; во-вторых, распространение повсеместной практики навязывания выпускникам государственных интернатных учреждений определенных траекторий профессионального обучения, без учета их интересов и желаний, путем заключения договоров между детским домом и ограниченным количеством учреждений среднего профессионального образования; в-третьих, низкий уровень мотивации к обучению, труду, при высоком иждивенческом настрое самих детей, длительное время проживающих вне биологической семьи; в-четвертых, нежелание вузов брать на себя дополнительную ответственность и расходы по обеспечению детей данной категории дополнительными ресурсами (общежитие, стипендии, материальная помощь); в-пятых, низкая успеваемость плохая посещаемость занятий, академическая задолженность, срывы сроков сдачи сессий, и, как следствие, отчисление из учебного заведения; в-шестых, высокий риск девиаций при слабом самоконтроле и контроле со стороны учебного заведения; в-седьмых, низкий уровень самооценки, неуверенность в собственных способностях без объективных причин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неравенство в доступе к образованию различных социальных групп и слоев, в условиях сильного социального расслоения, обусловлено следующими группами факторов: снижением качества образования в средних общеобразовательных (массовых) школах, особенно в сельской местности; появлением элитных школ общего среднего образования в городах и мегаполисах; дефицитом кадрового состава, особенно преподавателей-предметников; перегруженностью педагогов дополнительной работой с документами (заполнение электронных дневников; составление портфолио учеников и т.д.); уменьшением воспитательной компоненты в учебно-воспитательном процессе; формальным оказанием помощи неуспевающим ученикам из семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, или группы «риска» со стороны педагогического коллектива, перекладыванием ответственности за школьную неуспеваемость ребенка на родителей, введением дополнительных платных занятий; увеличением стоимости услуг на всех уровнях образования.

Список использованной литературы и источников:

1. Всемирный доклад по мониторингу «Образование для всех». Достижения и вызовы. 2015. URL: https://ru.unesco.org/gem-report/node/832 (дата обращения 31.03.2018)

2. Россия становится страной неучей URL: http : // mirnov.ru/arhiv/ mn982/mn/06-1.php (дата обращения 2.04.2018).

3. *Уваров А.Г., Ястребов Г.А.* Социально-экономическое положение семей и школа как конкурирующие факторы образовательных возможностей: ситуация в России // Мир России. 2014. № 2. С. 103–132.

4. *Kraus M.W., Piff P.K., Rheinschmidt M.L.* Social class, solipsism, and contextualism: How the rich are different from the poor // Psychological Review. 2012. № 119(3). PP. 546–572.

5. *Cashmore J., Paxman M.* The educational outcomes of young people 4–5 years after leaving care: an Australian perspective // Adoption & Fostering. 2007. № 31 (1). PP. 50-61.

УДК 316.3/4

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ НЕРАВЕНСТВА

А.Ш. ВИКТОРОВ

Викторов Александр Шагенович, доктор социологических наук, профессор, кафедра социальных технологий, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: aviktorov@bk.ru

Аннотация: На основе системного анализа научных исследований неравенства современных зарубежных и российских социологов концептуализированы ключевые категории социального неравенства (стратификация, дифференциация, справедливость и др.). Благодаря социологической рефлексии определены их значимые содержательные аспекты и раскрыта противоречивая суть неравенства, имеющая разные причины и формы проявления. Результаты и выводы работы могут быть использованы как в методологическом (дальнейшее изучение этой проблемы), так и практическом (разработка спецкурсов, подготовка к занятиям).

Ключевые слова: неравенство, социальная стратификация, социальная справедливость, социальная мобильность, социальная дифференциация, доверие, равенство.

TO THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION OF CATEGORIES INEQUALITIES

A.Sh. Viktorov

Abstract. On the basis of the system analysis of scientific research of the inequality of contemporary foreign and Russian sociologists, key categories of social inequality are conceptualized (stratification, differentiation, justice, etc.). Thanks to sociological reflection, their significant content aspects are determined and the contradictory essence of inequality is revealed, which has different causes and forms of manifestation. The results and conclusions of the work can be used both in the methodological (further study of this problem) and practical (development of special courses, preparation for classes).

Key words: inequality, social stratification, social justice, social mobility, social differentiation, trust, equality.

С момента своего возникновения социология как научная дисциплина выделяла социальное неравенство как особый объект своего изучения и в процессе своего развития сформировала целый ряд научных подходов и теорий, необходимых для конкретного изучения данного феномена. Однако в современных условиях глобальных изменений это научное знание, которое базируется на либеральной идеологеме миропонимания капитализма как

нечто лучшего из всех существующих форм человеческого объединения и неизменного благодаря своей позитивной динамике, оказалось неадекватным для объяснения сути социального неравенства и причины, обусловливающих его расширение и углубление[1].

Целью работы является социологическая рефлексия определения выделения и уточнения значимых категорий в изучении социального неравенства (социальная стратификация, консолидация, справедливость, мобильность, дифференциация, равенство, доверие), раскрывающих не только его особенности проявления в современном обществе, но и выступающих в качестве основы создания специальной социологической теории социального неравенства.

Категория социальной стратификации определяет общество как структурированное неравенство между различными социальными группами, общностями, слоями, стратами и др. Оно выступает в качестве основы структурного неравного деления общества по целому ряду отличительных признаков (социальных, политических, культурных), благодаря чему выделяются классы, страты, слои, которые отличаются друг от друга соответствующими социальными различиями или социальными статусами (материальным благосостоянием, уровнем дохода, образом жизни, образованием, профессиональной деятельностью и др.). Стратификация как естественное неравенство людей образует реальную иерархическую структуру общества, где выделяются разные критерии (обладание собственностью, властью, разными уровнями дохода (капитал), образования, значимые социально-психологическими качествами и др.). По мнению некоторых авторов, в России сложилась специфическая социальная стратификация, сочетающая сословную (доминирующую) и социально-профессиональную иерархию. Первая есть продукт преобладания властно-собственнических отношений, а вторая – продукт отношений, складывающихся на рынке труда. Поэтому неравенство в России в решающей степени определяется отношением к собственности и объемом располагаемой власти [2]. С точки зрения социального неравенства, их можно разделить на три условные группы (слои): высший – 15%, средний – 45%, низший – 40%, причем вопрос о понятии «средний слой» в структуре российского общества остается дискуссионным в силу его существенной разнородности, неустойчивости и несформированности в некое целостное образование.

Категория справедливости как социологическое понятие дает возможность установить меру неравенства (норм, действий, благ, заслуг) между людьми и социальными группами, в контексте определенного общества (его системы доминирующих ценностей, общественного идеала, порядка, понимания добра и зла, духовно-нравственного состояния). Суть социальной справедливости – это беспристрастное и соразмеренное распределение общественных благ в соответствии с имеющейся иерархий ценностей. Поэтому это понятие непосредственно связано с определением как объективных (что есть), так и субъективных (как представляется) критериев в оценке социального неравенства, которые должны иметь конкретно-исторический характер и базироваться на общечеловеческих и национальных ценностях. В условиях глобальных и национальных изменений, социальная справедливость как мера должна быть выражена в конкретных критериях сохранения и развития человека, группы, общества. Высокая степень чувства социальной несправедливости россиян коррелируется с нереализованными возможностями недостигнутых целей, которое они испытывают по отношению ко всему происходящему, что свидетельствует о нелегитимности существующего миропорядка в России. Отсюда в стратегическом плане необходимо подготовить условия для осуществления перехода от финансово-паразитологического общества к обществу социальной справедливости, которое должно базироваться на новой научной и мировоззренческой парадигме системы образования и воспитания.

Категория социальной консолидации определяет проблему неравенства через степень способности или неспособности социальной общности к процессу объединения, сплочения, укрепления взаимодействия индивидов и интеграции групп, составляющих общество. Усиление или ослабление социального неравенства связывается с характером консолидации. Специальные исследования консолидационных процессов показывают как

существование разных факторов (отсутствие доверия россиян к политическим институтам, низкий уровень удовлетворенности условиями жизни и общегражданской идентичности), которые провоцируют деструктивную, негативную консолидацию общества, так и выявляет влияние неравенства на консолидационные процессы. Поэтому понятие социальной консолидации может обозначать как процесс социальной интеграции (гармонизации отношений), так и уровень дезинтеграции (дисгармонии) общества.

Категория социальной мобильности дает возможность выявить особенности механизма преодоления социального неравенства (перехода из одной социальной группы, стран и т.д. в другие с целью повышения социального статуса, дохода, власти, престижа) для разных социальных структур общества. В современной России в силу низкой эффективности государственной политики в области социальной мобильности образование как ее основной канал значительно снизило свой статус среди других способов достижения социального статуса и утратило свой действенный характер в его позитивном изменении.

Категория социальной дифференциации обозначает особенности процесса социальных изменений, в ходе которого различные группы в обществе отделяются одна от другой и образуют определенную иерархию в соответствии с их статусными позициями (власти, богатства, престижа), выступая тем самым механизмом образования тех или иных форм социального неравенства. Новый аспект в раскрытии категории дифференциации связан с именем немецкого социолога Н. Лумана[3], на его взгляд, дифференциация означает то, что в обществе присутствуют внутренние деления, которые оно само воспроизводит через те или иные виды неравенства в разных социальных группах. Если раньше проблема осмысления социального неравенства была результатом устаревшей модели социологического мышления, основанного на понятийно-логических доводах в оценке (позитивной или негативной), ее природы в рамках одного подхода, то теперь социальные различия в современном обществе имеют тенденцию не уменьшения, а увеличения. Это означает, что они вряд ли когда-нибудь исчезнут. Отсюда возникает необходимость разработки нового концептуального подхода в изучении общества как неоднородного по своей структуре, где ключевое место занимает концепт дифференциации общества как самоорганизующей системы. Самоорганизующаяся система обладает способностью к социальной дифференциации, которая дает возможность адекватно реагировать на вызовы среды и тем самым повышать свою функциональную жизнеспособность.

Согласно Луману, современное общество следует понимать как социальную систему и как функционально дифференцированное: если главной проблемой становления общества в XIX веке была солидарность (не культура), то в XX веке это социальная дифференциация: включение и исключение людей из функциональных систем, а не классовая стратификация (бедные и богатые, эксплуататоры и эксплуатируемые). Современные функциональные системы, в отличие от традиционных обществ, где действовал принцип дифференциации (разделения, основанного на стратификации и иерархии), работают на другом принципе в зависимости от того, кто отвечает необходимым функциональным требованиям, а кто нет. Поэтому в Новое время была создана новая социальная структура, которая базировалась не на происхождении, а на карьерной активности. Соответственно неравенство с необходимостью вытекает или следует из разной социальной индивидуальной активности, которая отвечает или не отвечает требованиям современной функциональной системе общества.

Категория равенства обозначает отношения взаимозаменяемости между объектами в силу их равенства, поскольку социальное равенство выступает одним из идеалов справедливого общества. Однако социальный смысл равенства достаточно многообразен и проявляется в обладании равными правами, в имущественном и статусном равенстве имеет три значения (равенство перед законом; равенство возможностей; равенство результатов).

Идея равенства в истории человечества имела разное содержание и отношение к разным социальным группам. Свою наиболее полную разработку она получила в идеологии социализма – полного социального равенства всех людей и идеологии либерализма равенства прав индивидов в экономической деятельности. Начиная с конца XIX века, идея равенства

среди людей стала своеобразным философским и социально-политическим пиаром либеральной оппозиции (разных оттенков), стремящейся к власти. Ее смысл – наделение людей равными правами в отношении обладания материальными и духовными благами на основе справедливого закона (моральных норм). Однако равные возможности, равные условия и равное распределение (как содержательные принципы идеи равенства) так и остались неразрешимыми. И не столько в силу естественного происхождения и божественной предначертанности («каждому свое»), а сколько социальной предустановленностью к нему человеческого общества.

Своеобразным критерием отношения справедливости, равенства, солидарности и др., выступает *категория доверия,* которая как бы фиксирует качественную основу и реальную направленность деятельности социальных институтов по решению проблемы неравенства в современном обществе, выступая тем самым значимым понятием для анализа социального неравенства людей в тех или иных условиях общественного существования настоящего и будущего времени. Согласно П. Штомпке[4], для возникновения климата доверия необходимы пять обстоятельств: нормативная сплоченность общества и непротиворечивость системы ценностей и правил; стабильность институций, установленных общественных структур; прозрачность общественной жизни; дружественное окружение среды, в которой происходит общественная жизнь; уверенность в том, что все существующие институты будут следовать общепринятым правилам игры.

По мнению Э. Гидденса[5], человеческая история не образует единого процесса и отмечена различного рода «разрывами» (переходами от одной стадии общества или социального порядка к другой). Речь идет о возникновении новых форм социального неравенства, которые несут в себе различного рода угрозы и опасности, а потому ключевым понятием социологии должно стать решение не проблемы порядка, а проблемы связи социальных систем, которые он обозначит термином «доверие» – уверенности в надежности системы человеческих взаимоотношений.

Таким образом, во-первых, благодаря социологической рефлексии проблемы неравенства в современном капиталистическом обществе мы пришли к пониманию выработки нового подхода в его изучении, связанного как с уточнением и целостным (системным) анализом категорий социального неравенства, так и выделением среди них наиболее значимых; во-вторых, особое место среди них занимают концепты социальная дифференциация (дает возможность раскрыть механизм возникновения новых видов неравенства) и социальная справедливость (мера установления конкретных критериев в преодолении неравенства).

Список использованной литературы и источников:

1. *Викторов А.Ш.* Введение в социологию неравенства. М.: Канон+. 2015. 240с.

2. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. 526.

3. *Луман Н.* Общество общества. Кн. 4: Дифференциация. Кн. 5: Самоописания. М.: Логос, 2011. 640 с.

4. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос. 2011. 664 с.

5. *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Праксис. 2011. 343 с.

УДК 316.334.4+316.77

МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

О.Ю. ГОЛУБ

Голуб Ольга Юрьевна, доктор социологических наук, профессор зав. кафедрой социальных коммуникации, юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: Goloub@inbox.ru

Аннотация. В статье показано, что интенсивная и всеобъемлющая информатизация всех сфер общества, рост влияния Интернета приводят к новому социальному неравенству. Одним из факторов, способствующих его развитию, является отсутствие у субъектов минимального уровня знаний и умений, позволяющих адаптироваться в глобальном информационно-коммуникационном пространстве.
Ключевые слова: информационное общество, информационное неравенство, новое социальное неравенство, медиакомпетентность.

MEDIA COMPETENCE AS A FACTOR OF OVERCOMING NEW SOCIAL INEQUALITY

O.Y. Golub

Abstract. The article shows that the intensive and comprehensive informatization of all spheres of society, and growth of the influence of the Internet lead to a new social inequality. One of the factors contributing to its development is the fact that the subjects do not have a minimum level of knowledge and skills that allow them to adapt in global information and communication space.
Keywords: information society, information inequality, new social inequality, media competence.

ВВЕДЕНИЕ

Теория информационного общества, возникшая на Западе в 70–80-х годах XX века, в основе своей содержала попытку анализа и обобщения социально-экономических преобразований, порождаемых масштабным распространением информационных и телекоммуникационных технологий. На тот момент возможности и глубина перемен, вызываемых их экспансией, в отечественной литературе не были до конца изучены и осознаны. Представления об Интернете как средстве свободного общения, основанном на равенстве участников, подверглись пересмотру. Традиционные формы социального неравенства дополняются новыми, обусловленными не только неодинаковым доступом к информационным ресурсам, но и целым спектром факторов финансового, образовательного, этического, правового характера, содержанием новой коммуникационной среды.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий в конце XX – начале XXI века стало причиной появления и развития новых способов трансляции и получения социокультурного опыта. В частности, глобальная компьютерная сеть Интернет стала не просто средством получения и передачи информации, но и фактором, системно трансформирующим всю социальную действительность. М. Кастельс подчёркивал: «Современная технологическая парадигма, как, возможно, никогда ранее, обладает силой проникать в самую сердцевину жизни и мысли. Но ее фактическое развертывание в области сознательного человеческого действия и сложная матрица взаимодействий между технологическими силами, освобождёнными человеком, и им самим - вопрос скорее исследований, чем судьбы»[1].

Социологический дискурс исследований вбирает изучение процессов информатизации общества, социальных последствий функционирования новой коммуникационной среды, общественных изменений, происходящих под влиянием Интернета. В частности, проблема появления под воздействием процесса интенсификации производства и распространения знаний и информации в обществе на основе современных информационных и

телекоммуникационных технологий нового социального неравенства. Об этом одной из первых в отечественной науке заговорила О.Н. Вершинская[2]. Впоследствии тема информационного неравенства и сопряжённых с ним социальных противоречий стала широко обсуждаться научной общественностью.

А.К. Мамедов отмечает, что мы являемся свидетелями формирования типа общества, в основании которого не лежит всеобщее материальное и социальное равенство. Он пишет, что «информационное общество само создает новые социальные «тупики», социальные предпосылки для еще большего расслоения общества, только теперь уже на основе знания и информации, подменяя (снимая) тем самым исторически отжившие формы классового расслоения, господствовавшие в прошлом, на новые, но не менее драматичные. Действительно, как декларировалось, доступ к информации и знанию, быть может, и открыт практически в равной мере для всех людей, но дискретность нового информационного поля вовсе не предполагает свободного и демократического овладения данным ресурсом, поистине доминирующим в современной «мерцающей» информационной реальности»[3]

Е.Л. Вартанова выделяет несколько аспектов, которые, по её мнению, лежат в основе информационного неравенства: технологический, связанный с физическим доступом пользователей к информационно-коммуникационных технологиям; финансовый, сопряженный с наличием средств для приобретения и пользования устройствами и контентом; социальный – означающий общественный доступ; образовательный, предполагающий минимальный уровень знаний и навыков; для операторов сетей, провайдеров - обязательность соблюдения принципов честной конкуренции; для производителей содержания – принцип свободы слова и выражения мнений[4].

Благодаря использованию информационно-коммуникационных технологий практически все экономические сегменты имеют возможность качественно повысить экономическую эффективность и расширить сферы своего бизнеса. Появляются и стремительно растут новые индустрии, связанные с интернетом, программным обеспечением, обработкой информации. Характер и распределение инвестиционного капитала, соотношение количества рабочих мест в различных секторах, механизмы взаимодействия государства и общества также меняются под влиянием изменений, связанных с ростом информационно-коммуникационных технологий. Наблюдается постоянный рост интернет-аудитории, о чём свидетельствуют данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), согласно которым доля пользователей Интернета в России в 1 кв. 2018 г. составила 80%. Прирост числа ежедневных интернет-сёрферов – с 28% в 2011 г. до 62% в 2018 г. (среди молодежи от 18 до 24 лет эта доля превышает 95%)[5]. В данном контексте всё более актуализированной становится проблема преодоления новых форм социального неравенства, сопряжённых с экспансией Интернета и информационно-коммуникационных технологий.

Одним из феноменов современности является информационный парадокс: информационная перегрузка и одновременно информационный дефицит. Человек отбирает только те сведения, которые ему нужны для решения текущих конкретных задач, другая, невостребованная информация, т.н. шум, отметается или уничтожается. С одной стороны, это приводит к перегруженности сознания современного человека и процесса общения с другими людьми непрекращающимся процессом роста числа знаков, значений и смыслов, которые становятся барьером для взаимодействий, затрудняя социальную жизнь. С другой – растёт хаос в индивидуальных картинах мира, распад знакомых образов и себя, и общества, и природной реальности. «Растущая интенсивность коммуницирования «забрасывает» человека формами, не давая подсказки, каково их содержание» – считает В.И. Игнатьев[6].

Ряд исследователей отмечают, что развитие медийных средств в сторону скорости и поверхности излагаемой информации ведёт к исчезновению содержательности и глубины изложения, переизбыток информации не означает возрастания информированности людей. Более того, возможность в той или иной мере удовлетворить информационный запрос по любому поводу, найти готовое решение нивелирует зачатки поисковой мотивации, снижает эвристический потенциал. Выявляется всё больше фактов, подтверждающих, что

человечество сталкивается с неконтролируемым процессом техногенного порабощения людей, подчинения их сознания манипуляционным практикам и ограничения свободы мысли и свободы использования времени. Парадоксально, но изобилие информации способно подавлять гибкость мышления, процедуры анализа и синтеза, да и процесс выработки активных социальных диспозиций, прежде всего, молодого поколения также претерпевает существенные изменения. Взаимодействия в среде глобальных информационно-коммуникационных потоков, перегруженных симулякрами, имеют следствием создание информационного поля повседневного существования современного индивида, которое не просто не выполняет функции социализации, но и обладает потенциалом трансформации личности, её интеллектуального разрушения и маргинализации.

В свете изложенного всё большее значение приобретает умение индивида уверенно ориентироваться в окружающих его потоках информации, оперативно находить необходимые сведения, проверять их достоверность, объективно их оценивать и эффективно использовать в собственных целях. Представляется, что термин медиакомпетентность наиболее точно раскрывает суть необходимых современному человеку компетенций, позволяющих адаптироваться в глобальном информационно-коммуникационном пространстве.

Представляется, что наиболее полное и проработанное содержание данного понятия предлагает А.В. Фёдоров: «Медиакомпетентность личности – это совокупность её мотивов, знаний, умений, способностей (показатели: мотивационный, контактный, информационный, перцептивный, интерпретационный/оценочный, практико-операционный / деятельностный, креативный), способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиатекстов в различных видах, формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме»[7].

В процессы формирования медиакомпетентности личности и медиакультуры общества должны быть вовлечены не только сами индивиды, но и государство, деятельность которого необходимо направить на создание правовых механизмов обеспечения медиакомпетентности, на реализацию образовательной политики, системное внедрение новых дисциплин и курсов, которые начиная с первых этапов обучения формируют у личности весь набор необходимых медиакопетенций. Распространение соответствующих знаний и навыков в масштабах всего общества чрезвычайно важно в контексте обеспечения стабильности и устойчивости социальной системы. Людей, обладающих хотя бы минимальным иммунитетом к манипулированию со стороны массмедиа, труднее спровоцировать, на во многом спонтанные и не всегда обдуманные социальные действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье автором обоснован вывод о том, что формирование медиакомпетентности личности является важной составляющей иинновационной культуры современного человека. Не обладая подобными знаниями и умениями критического осмысления публикуемых данных, человек в конечном итоге становится менее конкурентоспособным, более податливым и уязвимым перед эскалацией информационной зависимости в условиях современного информационно перегруженного мира. Медиакомпетенность личности и общества является фактором преодоления нового социального неравенства и залогом устойчивого развития общества в условиях глобальных изменений медиапространства.

Список использованной литературы и источников:

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/01.php

2. Вершинская О.Н. Адаптация общества к новым информационным технологиям: новые возможности и новое социальное неравенство // Информационное общество. 1999. №1. С.25-29.

3. *Мамедов А.К.* Информационное общество: новая онтология социального

неравенства. // Вестн. Моск. ун-та. сер. 18. Социология и политология. 2014. № 2. С.187-198.

4. *Вартанова Е.Л.* Новые проблемы и приоритеты цифровой эпохи // Информационное общество. 2001.Вып.3. С.50-56.

5. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116780 (дата обращения 10.04.2018)

6. *Игнатьев В.И.* Информационная перегрузка социальной системы и её социальные последствия // СОЦИС. 2017. №7. С.3-12.

7. *Фёдоров А.В.* Медиакомпетентность личности: от терминологии к показателям //Инновации в образовании. 2007. №10. С.75-108.

УДК 316.1

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

И.Д. ГРАЧЕВ, А.А. КОШЕЛЕВ

Грачев Илья Денисович, студен кафедры социологии молодежи социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: ilya.grachyov@mail.ru

Кошелев Александр Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: koshelev76@mail.ru

Аннотация: В статье изложена проблема социального неравенства, которое поднимается в кинематографическом искусстве. Эмпирическая база представлена сравнительным анализом зарубежного и отечественного кинематографа, в котором так или иначе находит отражение обозначенная проблематика.

Ключевые слова: социальное неравенство, кинематограф, ценности, культура

SOCIAL INEQUALITY IN CINEMATOGRAPHIC ART

I.D. Grachev, A.A. Koshelev

Abstract. The article outlines the problem of social inequality, which rises in cinematographic art. The empirical base is represented by a comparative analysis of foreign and domestic cinematography, which addresses the problem of social inequality in society.

Keywords: social inequality, cinematography, values, culture

ВВЕДЕНИЕ

Социальное неравенство, одна из важнейших проблем современного общества, которая поднимается в различных сферах деятельности человека и социума, в том числе и культуре. Кинематограф, как один из видов современной культуры, является мощнейшим медийным ресурсом, продвигающий определенные ценности, и затрагивающий социальные проблемы, которые остро стоят в современной социокультурной системе. Проблема социального неравенства в кинематографическом искусстве затрагивалась не один раз, как в зарубежном, так и в отечественном кино. Подход к раскрытию проблемы социального неравенства в каждой стране отличается, это зависит от менталитета и подхода к решению данной проблемы государством.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Многие ученые занимались вопросом социального неравенства, например П.А. Сорокин, в своей работе «Социальная и культурная мобильность» рассматривал социальное неравенство через теорию социальной стратификации, которая дифференцирует людей на

иерархически соподчиненные классы, а ее основа и сущность состоит в неравномерном распределении прав и привилегий, обязанностей и ответственности, социальных благ и лишений, социальной власти и влияния среди членов того или иного общества[1].

Макс Вебер полагал, что в основе иерархии общества лежит 3 независимых фактора: власть, престиж, собственность. Различия в собственности порождают экономические классы, различия в доступе к власти создают политические партии, а различие в престиже порождают страты, или статусные группировки. К классам Вебер относил возможность обладать благами и получать доход в условиях рынка товаров и труда[2].

Карл Маркс описывал неравенство через классовый конфликт, при котором рабочие должны осознать свое положение в государстве и изменить его радикальными методами. Дискриминация в заработной плате, оказании услуг, классовое разделение, по мнению классика социологической мысли, является катализатором революционных изменений, направленных на полное уничтожение социального неравенства среди населения[3].

Следует отметить, что социальное неравенство начало формироваться еще в первобытнообщинном строе, когда в племени каждому отводилась определенная социальная роль. Кто-то становился охотником, воином, ремесленником, вождем; каждому из этих классов приписывались свои права и обязанности. В то же время женщины были ограничены в правах, и их главной функцией считалось – воспроизведение потомства.

Спустя несколько тысяч лет, когда трансформационные процессы коренным образом изменили общественную систему ценностей, социальное неравенство приобрело более цивилизованные формы, при этом сохранив свои базовые характеристики. В настоящее время, социальное неравенство – это разделение общества по национальным, классовым, социальным, демографическим, или иным признакам; разный уровень доступности, близости к таким социальным благам, как власть, престиж и собственность.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методов исследования в статье использовались результаты вторичного анализа данных теоретических исследований проблем социального неравенства, методика наблюдения посредством просмотра фильмов, отражающих характеристики предмета и объекта исследования, а так же элементы сравнительного анализа обозначенной проблематики в контексте зарубежного и отечественного опыта киноиндустрии.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В кинематографе, к проблеме социального неравенства обращаются довольно часто различные режиссеры, субъективно воплощая в жизнь художественные произведения, наполненные различными проблемами и ценностями того или иного социума. Визуализация проблемы и трансляция ее в массы отличается в зависимости от производителя картины, который трактует обозначенную проблему, сквозь призму различных ценностных ориентаций и исторических особенностей. На примере нескольких кинокартин рассмотрим, как показывают социальное неравенство за рубежом и в нашей стране.

Американский фильм «Джанго освобожденный» (К. Тарантино, 2012) рассказывает о тяжелой судьбе афроамериканцев в период рабовладения в Соединенных штатах. Это одна из самых острых социальных проблем дискриминации по расовому признаку за всю историю, которая до сих пор находит отражение в тех или иных социальных взаимодействиях. В фильме повествуется о представителе африканской нации, который выступил против рабовладения, и спас огромное количество людей из рабства. Или, например фильм «Гран Торино» (К. Иствуд, 2008), в котором пожилой человек, прошедший корейскую войну, недолюбливает людей азиатской внешности, даже считает их дикарями. Но все меняется, когда к нему на перевоспитание попадает азиатский мальчик Тао, который вызывает отеческие чувства у пожилого Уолтера. Уолтер обучает Тао, как себя нужно вести в американском обществе, даже помогает найти ему работу, в то время как его брат находится в криминальной группировке, в которую он хотел затащить и Тао[4].

В отечественном кинематографе проблема социального неравенства тоже затрагивалась некоторыми режиссерами. В большинстве случаев, эта проблема поднималась в криминальных лентах, таких как: «Бумер» (П. Буслов, 2003), «Бригада» (А. Сидоров, 2002), «Жмурки» (А. Балабанов, 2005) и т.д. В них главную роль отводили российскому бандитизму в период 90-х годов XX века. Развитие рэкета, тотализаторов, азартных игр, расцвет проституции, воровство, когда люди были вынуждены заниматься всем, чтобы хоть как-то существовать в новом государстве. В данный период, кто-то приватизировал собственность государства, и дальше продолжал существовать, а кто-то от безысходности выбирал маргинальные пути для развития в условиях кризиса национальной идентичности[5].

Французский фильм «1+1 Неприкасаемые» рассказывает зрителю о том, как обычный чернокожий парень, устраивается на работу сиделкой к бизнесмену инвалиду. В контексте данного кино проекта, социальное неравенство демонстрируется зрителю через жизненные ценности, которые присутствуют в представленных персонажах. Чернокожий парень и бизнесмен через свои социальные взаимодействия четко отражают дифференциацию жизненных ценностей в эпоху капитализма. Первый, ради денег, совершает противоправное действие, чтобы оплатить долги, а второй, проживает жизнь, основываясь на принципах гедеонизма. Социальный сюжет, сквозь призму ценностей и поступков позволяет идентифицировать проблему социального неравенства, которую можно представить в виде статусного противоречия: бедность – богатство, сиделка – бизнесмен. В тоже время, существующие различия, не мешает главным героям стать друзьями, что подчеркивает доминирования гуманистических принципов, в основе взаимодействия индивидов, определяя необходимые векторы общественного развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, социальное неравенство в кинематографе отражает все что происходит, или происходило в стране, от рабства в Америке до разгула бандитизма в России. Эта проблема постоянно заставляет задумываться, об опасностях и социальных последствиях неравенства, как общественного феномена. Ведь, большинство представленных фильмов, основываются на реальных историях, как бы предупреждая современное поколение, о чудовищных проблемах, которые являются прямым следствием материальной поляризации населения в том или ином обществе.

Список использованной литературы и источников:

1. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация Общество. М. 1992. Социальная и культурная мобильность. Стр 315 – 322

2. *Вебер М.* Основные понятия стратификации//Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990

3. *Маркс (Магх) Карл* // Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. - М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

4. *Жабский, М.И.* Глобализм и функции кино в обществе / М. И. Жабский // Вестник РФФИ. – 2005. – Июль – авг. [№ 4 (42)]. – С. 43–50

5. *Полуэхтова И.А.* Американские фильмы на российском экране// Социологические исследования, 1994. N 10.

УДК 316.752

ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА САРАТОВА: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

С.Г. ИВЧЕНКОВ

Сергей Григорьевич Ивченков, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи, декан социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного по квотно-стратифицированной выборке методом раздаточного анкетирования было опрошено 450 респондентов в возрасте от 14 - 30 лет. Опрос показал, что для половины саратовской молодежи патриотизм означает любовь к Родине, ее защита, соблюдение законов государства, уважение и продолжение русских традиций. В целом для российских граждан патриотизм выражается в различных поступках, по результатам нашего исследования основными способами выражения патриотизма являются для девушек добросовестное отношение к обязанностям в обществе и уважение исконно русских традиций. Юноши же, в свою очередь указали преданность какого-либо дела во благо общества и отечества. Молодёжь г. Саратова очень искренне и с почтением относится к празднику 9 мая и очень гордится за свою страну. В целом, половина опрошенных не готовы эмигрировать. Среди молодёжи г. Саратова большинство, считают себя патриотами, имеют друзей и знакомых - патриотов. Однако внутреннее содержательное наполнение этого понятия во многом определяется гендерной принадлежностью. Юноши чаще это увязывают со службой в армии, с патриотическими поступками, неприятием тех, кто уезжает за границу. Девушки больше ориентированы на добросовестное выполнение своих обязанностей, воспитание детей, законопослушность.
Ключевые слова: молодежь, патриотизм, гендер.

ESPECIALLY THE PATRIOTIC SENTIMENTS OF YOUTH OF SARATOV: GENDER DIFFERENCES

S.G. Ivchenkov

Abstract. Presents the results of an empirical study carried out by kvotno-stratified sample method of distributing the questionnaire interviewed 450 respondents between the ages of 14-30 years. The poll showed that half of the Saratov youth patriotism means love for the motherland, its protection, observance of the laws of the State, respect for and the continuation of Russian traditions. In General, for Russian citizen's patriotism is expressed in various acts, according to the results of our studies main ways of showing patriotism for girls are conscientious attitude to duties in society and respect for the native Russian traditions. Boys, in turn indicated the dedication of any proceedings for the benefit of society and the fatherland. Youth of Saratov very sincerely and respectfully refers to the May 9 holiday and very proud for my country. In General, half of the respondents are not willing to emigrate. Saratov youth majority, consider themselves Patriots, have friends and acquaintances-Patriots. However, the inner content of the concept is largely determined by gender. Boys more often is linked to service in the army, with patriotic deeds, rejection of those who are going abroad. Girls are more oriented to the conscientious fulfillment of their obligations, child-rearing, obedience.
Key words: youth, patriotism, gender.

Процесс формирования ценностных установок у молодого поколения в современной России идёт в сложной обстановке. Отказ от старой идеологии в отсутствии достойной альтернативы обостряет процесс самоидентификации молодого человека в неоднородном обществе, где происходит ценностный плюрализм и социальная стратификация. Различное понимание феномена патриотизма, отказ от накопленного педагогического опыта, его принципов и подходов к организации педагогического процесса в духе патриотизма и гражданственности вносят затруднения в работу педагогов-практиков по формированию патриотизма как ценности. В итоге представители молодого поколения оказываются на грани двух крайностей: с одной стороны, маргинализации, представленной человеком без корней, с

другой - национализму, провозглашающему под флагом патриотизма обособление какой-либо нации, очистку территории государства от всего чужеземного. Воспитание патриотизма должно быть направленно на развитие личности, обладающей качествами гражданина-патриота Родины и способной успешно выполнять гражданские обязанности в мирное и военное время. Наполнение идей патриотизма и гражданственности новым содержанием, которое было бы адекватным времени и неуязвимым для критической рефлексии, составит надежную основу для благополучного развития российского общества и роста социального оптимизма.

И.Ф. Бондаренко и В.В. Колпачёва[1] выделили социальные истоки патриотизма. Левашов В.К. посвятил свои научные изыскания изучению определений патриотизма, которые циркулируют в каналах массовой информации, отражаются в сознании обычных граждан и экспертов[2]. В.Н.Кузнецов ввел понятие "культуры патриотизма", под которой понимает новый, адекватный современному этапу российской истории подход к пониманию патриотизма как мировоззренческого комплекса идей и ценностей, типа поведения и образа жизни[3]. Продолжением научных изысканий стало авторское эмпирическое исследование «Отношение молодёжи г. Саратова к патриотизму», проведенное в 2017 г. по квотно-стратифицированной выборке методом раздаточного анкетирования было опрошено 450 респондентов в возрасте от 14 – 30 лет. С высшим образованием приняло участие в исследовании 28,7% респондентов, 23,3% - учащаяся молодежь, 20% респондентов со среднем образованием, 10% респондентов с техническим образованием, 12% - со специальным и 6% респондентов с незаконченным высшем образованием. По роду деятельности респонденты распределились следующим образом: 28,7% респондентов - служащие, 23,3% - учащиеся, 20,7% респондентов - студенты, 16% респондентов - рабочие, по 4% респондентов - военнослужащие и предприниматели, 3,3% респондентов - безработные.

В ходе исследования из многочисленных определений понятий патриотизма молодые люди чаще всего выбирали определение любви к Родине - 49,3%. 13,3% респондентов считают, что патриотизм – это защита Родины, 8,7% респондентов убеждены, что это соблюдение законов нашего государства. Для 8% патриотизм есть уважение и продолжение русских традиций, а для 6% патриотизм выражается в доверии государству.

Патриотизм для саратовской молодежи выражается в добросовестном отношении к обязанностям в обществе (31,3%); в уважении к исконно русским традициям (30%); в преданности какому–либо делу во благо общества и Отечества (22%); в службе в армии (8,7%). Одним из ключевых для авторского исследования является вопрос о том, считает ли респондент себя патриотом. Большинство респондентов (74%) ответили на этот вопрос утвердительно респондентов. При этом 5,3% респондентов заявили, что не считают себя патриотами. У 61,3% респондентов есть патриоты среди друзей или знакомых (у 53,6% юношей и 67,9% девушек). Таким образом, в группе патриотов девушек несколько больше, чем юношей.

Таблица 1.

Влияние пола на наличие патриотов среди друзей, % по гендеру

Пол	Есть ли среди друзей или знакомых респондента патриоты			Итого
	Да	Нет	Не знаю	
мужской	53,6	42,0	4,4	100
женский	**67,9**	23,5	8,6	100

Для 18,8% юношей патриотизм выражается в виде службы в армии, почти в 2 раза чаще девушек (29% против 16,3%) – в преданности делам во благо общества и Отечества. Для девушек чаще (40%) – в добросовестном отношении к своим обязанностям в обществе, в уважении русских традиций (36,1%), а также - в воспитании детей. V Крамера = 0,4, $p < 0,001$. Иными словами гендерная принадлежность достаточно значимо влияет на содержательное наполнение понятия патриотизма.

Таблица 2.

Влияние пола на выражение патриотизма, % по гендеру

Выражение патриотизма респондентами	Пол	
	мужской	женский
служу (служил) в армии	**18,8**	0
добросовестно отношусь к своим обязанностям в обществе	21,7	**40**
преданность какого – либо дела во блага общества и отечества	**29,1**	16,3
уважаю иконно - русские традиции	24,6	**36,1**
я не патриот	5,8	5,0
воспитание ребёнка	0	**2,6**
Итого	**100**	**100**

57,3% респондентов готовы добровольно пойти на защиту Родины, и всего 5,3% для начала посмотрят на обстоятельства. На практике юношам в 2 раза чаще девушек приходилось совершать патриотические поступки (27,5% против 13,6%). Это связано с тем, что мужчины чаще попадают в ситуации, которые требуют от них решений, возможно даже героических, и которые впоследствии называются патриотичными. Большинство же молодежи с такими ситуациями не сталкивалось. Из тех, кто все же совершал их, лишь каждый третий смог выразить сущность поступка.

Таблица 3.

Влияние пола на совершение респондентами патриотических поступков, % по гендеру

Пол	Совершал ли респондент патриотические поступки		Итого
	Да	Нет	
мужской	27,5	72,5	100
женский	13,6	86,4	100

26,7% молодежи города Саратова готовы посвящать свое свободное время на благо общества и Отечества. Однако большинство (53,3%) не всегда готовы посвятить своё свободное время таким целям. Вместе с тем, 89,3% саратовской молодежи чтят память ветеранов и считают 9 мая праздником. Для 57,3% респондентов праздник 9 мая – это повод поблагодарить ветеранов, для 28,7% – это демонстрация силы и мощи нашего отечества, которое неизменно побеждает своих врагов. Таким образом, День победы воспринимается молодежью как самый патриотичный праздник.

На протяжении многих лет в России сохраняется предрасположенность значительной части наших граждан к эмиграции из России. Это стремление выражают не только представители науки, искусства, спорта, но и других категорий населения, рассчитывающих на улучшение возможностей для достойной работы, получения зарплаты, удовлетворения творческих амбиций. 46% опрошенных вполне готовы уехать жить за границу, 0,7% - смогут уехать, но только на пару лет, а вот 51,3% респондентов не готовы навсегда покидать свою родину. Наблюдается обратная линейная связь между готовностью эмигрировать и возрастом: чем старше, тем меньше стремление эмигрировать. Готовы уехать за границу на постоянное место жительства большинство респондентов в возрасте от 14 до 24 лет. Это связано, на наш взгляд, с большей мобильностью и повышенной адаптивностью молодежи именно в этом возрасте, когда она особенно стремится познать все новое.

57,3% молодежи (55,4% юношей и 61,7% девушек) одобряют решения тех, кто уехал жить за границу, 20% отрицательно относятся к этому. Среди юношей это мнение встречается в 2 раза чаще, чем среди девушек (29,2% против 13,6%). Вместе с тем, каждый пятый молодой человек, особенно – девушки относятся к такому выбору безразлично без осуждения.

Таблица 4.

Влияние пола на отношение респондентов к людям, уехавшим за границу, % по гендеру

Пол	Отношение респондента к людям уехавшим жить за границу	Итого

	Отрицательно	Положительно	Безразлично	
Мужской	29,2	55,4	15,4	100
Женский	13,6	61,7	24,7	100

Для половины саратовской молодежи патриотизм означает любовь к Родине, она же является и основой патриотизма на сегодняшний день. Также среди значений патриотизма - защита родины, соблюдение законов государства, уважение и продолжение русских традиций. В целом для российских граждан патриотизм выражается в различных поступках, по результатам нашего исследования основными способами выражения патриотизма являются для девушек добросовестное отношение к обязанностям в обществе и уважение исконно русских традиций. Юноши же, в свою очередь указали преданность какого-либо дела во благо общества и отечества. Молодёжь г. Саратова очень искренне и с почтением относится к празднику 9 мая и очень гордится за свою страну. В целом, половина опрошенных не готовы эмигрировать. При этом наблюдается обратная линейная связь в зависимости от возраста. К людям, покидающим страну отрицательно относится каждый пятый саратовец.

Среди молодёжи г. Саратова большинство, считают себя патриотами, имеют друзей и знакомых - патриотов. Однако внутреннее содержательное наполнение этого понятия во многом определяется гендерной принадлежностью. Юноши чаще это увязывают со службой в армии, с патриотическими поступками, неприятием тех, кто уезжает за границу. Девушки больше ориентированы на добросовестное выполнение своих обязанностей, воспитание детей, законопослушность. Полную готовность посвятить своё свободное время на благо Отечества проявили лишь каждый четвертый, добровольно же пойти на защиту родины готов каждый второй. Поэтому составной частью патриотического воспитания должно быть военно-патриотическое воспитание, направленное на формирование готовности к военной службе. Патриотизм в сознании наших предков - это отношение людей к реальности, способ их бытия, проявляющийся в прошлом, настоящем и будущем. Поэтому патриотизм вырастает из традиций, достижений прошлого, требуя при этом проявления в новых символах и ценностях, в современном мировоззрении.

Список использованной литературы и источников:

1. *Бондаренко Н.Ф., Колпачёв В.В.* Патриотизм и патриотическое воспитание воинов: история, традиции, современность. Учебно-методическое пособие./ Под ред. В.Н. Козлова. – Ставрополь, 1997. С. 10.

2. *Левашов В.К.* Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий.// Социологические исследования. 2006. № 8. С. 68.

3. *Кузнецов В.Н.* Российская идеология 21: опыт социологического исследования формирования российской идеологии XXI века. - М., 2004. С. 183.

УДК 316.334.52

МОЛОДЕЖНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ: ВОЗРАСТНОЙ СРЕЗ

М.С. ИВЧЕНКОВА

Ивченкова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва.

E-mail: ivchenkovams@mail.ru

Аннотация. В статье по результатам социологического опроса была выявлено, что для большинства молодежи средство массовой информации ассоциируется, прежде всего, с телеканалом. Чем старше они становятся, тем меньше обращаются к телевизору как источнику информации, телевизор начинает выполнять другие функции – в основном развлекательные. С возрастом у людей уже сформулированы и налажены контакты, и поэтому они меньше нуждаются в том, чтобы СМИ выполняли коммуникативную функцию. Большинство молодежи признают, что СМИ оказывают влияние на формирование общественного мнения. Однако наблюдается противоречие между ответами на косвенные и прямые вопросы, касающиеся влияния СМИ на формирование ценностей молодежи: молодые люди считают, что на других данное влияние имеется, однако влияние на себя они отрицают. Выявлено, что с возрастом уменьшается интерес молодых людей к политике, и они реже обращаться к СМИ, особенно – к отечественному телевидению, как источнику политической, социальной информации. С возрастом молодежь чаще всего обращаются к интернету. Наблюдается тенденция повышения авторитета интернета, который все чаще оценивается как достоверный источник информации и непосредственный организатор социальных взаимодействий.
Ключевые слова: молодежь, средства массовой информации, восприятие, возраст

YOUTH PERCEPTION OF MODERN MEDIA: AGE CUT

M.S. Ivchenkova

Abstract. Article based on the results of the survey was revealed that for the majority of youth media is associated primarily with the TV channel. The older they get, the less appeal to television as a source of information, the TV starts to perform other functions, mostly entertainment. With age, people have already formulated and contacts, and therefore less need to MEDIA to fulfil its function. Most young people recognize that the media influence on the shaping of public opinion. However, there is a contradiction between implicit and explicit answers to questions relating to the impact of the media on the formation of values of youth: young people feel that on the other the impact, but the impact on themselves they deny. It was revealed that decreases with age concern young people towards politics, and they are less likely to access the media, especially to domestic television as a source of political, social information. With age, young people often turn to the Internet. The trend is raising the profile of the Internet, which is increasingly valued as a reliable source of information and a direct organizer of social interactions.
Key words: youth, media, perception, age.

Средства массовой информации (СМИ) представляют собой институты, созданные для открытой, публичной передачи с помощью специального технического инструментария различных сведений любым лицам. Их отличительные черты - публичность, т.е. неограниченный круг потребителей; наличие специальных, технических приборов, аппаратуры; непрямое, разделенное в пространстве и во времени взаимодействие коммуникационных партнеров; одно направленность взаимодействия от коммуникатора к реципиенту, невозможность перемены их ролей; непостоянный, дисперсивный характер их аудитории, которая образуется от случая к случаю в результате общего внимания, проявленного к той или иной передаче или статье. На данном поле работают как особые службы, применяющие международные технологии (TNS Gallup Media, ROMIR Monitoring, Radiocontrol, Eurisko NOP World Media Monitor, Arbitron Portable People Meter), так и отдельные ученые, специализирующиеся на социологических проблемах СМИ. Например, А.Н. Вартанова[1], Г.Г. Почепцов[2], И.Д. Фомичева[3], А.В. Шариков[4].

В ходе исследования «Отношение молодежи г. Саратова к современным российским средствам информации», проведённого в феврале 2017 года методом анкетирования, было опрошено 520 молодых жителей г. Саратова от 14 до 30 лет (43% юношей и 57% девушек). В анкетировании участвовало 41,5% респондента в возрасте от 19 до 22 лет, 23% - в возрасте от

14 до 18 лет, 20,5% - в возрасте 26-30 лет и 15% респондентов в возрасте от 23 до 25 лет. Более половины молодежи (60,5%) ответили, что слышали о национальных средствах массовой коммуникации, треть опрошенных (30,3%), знали о транснациональных средствах, 3,4% опрошенных знали обо всех разновидностях массовой информации, менее 1% слышали о региональных средствах массовой коммуникации. На практике чаще всего молодежь пользуется интернетом (61,7%), 31,7% - смотрят телевизор. На рекламные щиты и растяжки обращает внимание 11,7% опрошенных. Специализированными изданиями пользуются всего 5,8%. Радио пользуются всего 2,5% молодых людей.

41,5% молодежи указали, что их основной целью обращения к СМИ являются развлечения. Каждый третий (37,5%) обращается к ним за информацией. Для 12% это - обучение и 9% просто включают телевизор или радио для того, чтобы они работали фоном. С возрастом на людей начинают воздействовать различные СМИ. Чем старше становится молодой человек, тем чаще он обращается к периодическим печатным изданиям, меньше доверяя другим видам СМИ. В нашей стране радио не является одной из популярных разновидностей СМИ, с возрастом люди начинают реже пользоваться таким способом передачи информации.

Тематический спектр интересов молодежи к СМИ возглавляет экономика (62,7%). Второй по популярности является политика (32,2%). 11,9% молодых людей интересуются жизнью других людей. Музыкой и юмором, программами о моде и светской хроникой, спортом и сериалами интересуются по 8,5%. Несколько реже (преимущественно у самой молодой категории) интерес вызывает реалити - шоу, криминал и происшествия (по 5,9%). Остальная тематика, включая искусство, медицину, игры и прочее увлекает менее 1% опрошенных.

Под средством массовой информации больше половины респондентов понимают телевидение Если раньше телевидение было основным средством и источником средств массовой информации, то сегодня наблюдается обратная тенденция. Молодежь стала меньше смотреть телевизор. Чем старше они становятся, тем меньше обращаются к телевизору как источнику информации, телевизор начинает выполнять другие функции – в основном развлекательные.

Говоря о функциях СМИ больше половины молодежи считают, что они выполняют непосредственно-организаторскую функцию. Почти каждый третий обозначил коммуникативную функцию общения и налаживания контакта. 12% молодых людей считают, что в основном это – идеологическая социально-ориентирующая функция. 5% полагают, что это - функция развлечения, снятия напряжения и получения удовольствия, 6% считают, что СМИ выполняют рекламно-справочную функцию.

61,9% опрошенных воспринимают СМИ как бизнес. Для каждого третьего они - средством информирования. 11,9% молодежи считают, что средства информации - это искусство. 5,9% рассматривают их как способ развлечения. Менее 1% считают СМИ - средством просвещения. Интересно, что восприятие молодежью по линии должной и реальной направленности современных СМИ совпадают. 63,2% молодежи полагают, что их деятельность направлена на поднятие рейтингов и кассовость. 31,9% респондентов считает, что она ориентирована на создание универсальной индустрии развлечений. Всего лишь каждый десятый опрошенный ответил, что СМИ занимаются объединением общества. 1% ответили, что СМИ это глаза и ушли народа и только 0,5% человек ответили, что СМИ направлено на грамотное воспитание подрастающего поколения. По 1,7% респондентов считают, что СМИ направлено на пропаганду, также их ориентир это идеологизация общества и сохранение действующего режима.

Важным компонентом восприятия молодежью СМИ является уровень доверия. 38,5% в наибольшей степени доверяют интернету, 35,5% - телевидению, десятая часть - информации, размещенной на информационных стендах. Лишь 7,5% опрошенных доверяют газетам и журналам, 3,5% – специализированным изданиям. Радио доверяют 1,5% респондентов.

58,1% молодежи в СМИ не хватает информационных передач. 47,5% молодых людей ощущают в СМИ дефицит передач об искусстве. 46% и 46,5% испытывают недостаток спортивных передач и мультфильмов. 44,9% опрошенных ответили, что им не хватает научно-познавательной информации. Трети опрошенных (соответственно 32,8% и 31,8%) недостает музыкальных и развлекательных программ. Фильмов не хватает почти четверти опрошенных.

В современных СМИ молодежь больше всего (57,5%) не устраивает ненормативная лексика, которой категорически не должно быть в эфире. На втором месте (47%) недостоверность информации; третье место разделили аморальность и скандальность по 46%. 44,5% респондентов считают, что неприемлема демонстрация сцен насилия. 32,5% опрошенных считают, что в эфирах присутствует субъективизм и односторонний взгляд на события. 23% опрошенных считает, что неприемлема пропаганда западного образа жизни.

76,5% опрошенных считают, что формирование общественного мнения возможно без деятельности СМИ. Однако 23,5% ответили, что формирование общественного мнения без СМИ не возможно. В ходе выявления субъективного мнения молодежи о степени влияния СМИ на ее общественное мнение выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных ответили «скорее да, чем нет». Чуть более четверти опрошенных осторожно заметили, что «скорее нет, чем да». Вместе с тем каждый десятый ответил, что СМИ на него, безусловно влияют. 3% опрошенных категорически это отрицали.

46,5% опрошенных, отметили, что СМИ влияют на формирование ценностей молодежи наряду с другими факторами. 35,5% молодых людей отметили, что СМИ формируют ценности молодежи. 10,5% респондентов считает, что СМИ слабо влияют на формирование этих ценностей. 2,5% респондентов считают, что СМИ на формирование ценностей совсем не оказывают влияния. Ответы же на прямой вопрос – «Влияют ли СМИ на формирование лично Ваших ценностей?» - оказались практически противоположными. Так, 53,0% респондентов заявило, что на формирование лично их ценностей СМИ не влияют; каждый четвертый респондент (26,5%) ответил утвердительно, согласившись с тем, что СМИ, безусловно, влияют на формирование его ценностей.

Подвод итог, еще раз подчеркнем, что СМИ являются источниками информации, которые ориентируют индивида в обществе, они выступают в качестве активных агентов социализации и приобщают человека к обществу. Для большинства молодежи средство массовой информации ассоциируется, прежде всего, с телеканалом. Чем старше они становятся, тем меньше обращаются к телевизору как источнику информации, телевизор начинает выполнять другие функции – в основном развлекательные. С возрастом у людей уже сформулированы и налажены контакты, и поэтому они меньше нуждаются в том, чтобы СМИ выполняли коммуникативную функцию.

Большинство молодежи признают, что СМИ оказывают влияние на формирование общественного мнения. Однако наблюдается противоречие между ответами на косвенные и прямые вопросы, касающиеся влияния СМИ на формирование ценностей молодежи: молодые люди считают, что на других данное влияние имеется, однако влияние на себя они отрицают.

Выявлено, что с возрастом уменьшается интерес молодых людей к политике, и они реже обращаться к СМИ, особенно – к отечественному телевидению, как источнику политической, социальной информации. С возрастом молодежь чаще всего обращаются к интернету. Наблюдается тенденция повышения авторитета интернета, который все чаще оценивается как достоверный источник информации и непосредственный организатор социальных взаимодействий.

Список использованной литературы и источников:

1. *Вартанова А.Н.* Основы медиабизнеса, М.: Аспект-Пресс, 2009, 360 с.

2. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М.: «Рефл-Бук», К.: «Ваклер» - 2000. – 576 с.

3. *Фомичева И.Д.* СМИ на ценностной лестнице// Массмедиа и ценностные отношения общества. М.: Медиамир, 2013.280 с.

4. *Шариков А.В.* Медиаобразование: мировой и отечественный опыт. М.: Академия педагогических наук СССР, 1990. 66 с.

УДК 32.019.52

РОЛЬ ДЕТСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ УЧАСТНИКОВ

Ж.А. КАЛИЕВА

Калиева Жадыра Абжамиевна, преподаватель кафедры культурно-досуговой работы и общеобразовательных дисциплин, Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета.

E-mail: kaliyeva_87@mail.ru

Аннотация. В статье по результатам массового репрезентативного социологического опроса уточнено отношение подростков к детским общественным организациям, предложена их классификация и функции в социализации молодого поколения. Выделена тенденция, что чем реже посещения школьниками объединения, тем ниже желание работать в молодежных организациях. Исследование позволило выявить типологию участников: «активные участники», «любители», «занятые участники», «непостоянные участники», «частичные участники», которые различаются по степени активности участив деятельности общественных организаций.

Ключевые слова: детские общественные организации, социализация, типология.

CHILDREN'S PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE SOCIALIZATION OF TEENAGERS: PROBLEMS OF TYPOLOGY OF PARTICIPANTS

G.A. Kalieva

Abstract. Article based on the results of a representative survey mass clarified relationship of adolescents to children's public organizations, offered their classification and functions in the socialization of the young generation. Highlighted the trend that the less frequently visiting students association, the lower the desire to work in youth organizations. Study identified a typology of participants: "active members", "Lovers", "held by attendees, the non-permanent members", "partial participants", which vary in degree of activity offering activity of public organizations.

Key words: children's public organizations, socialization, typology.

Проблема социализации детей в детских организациях вне школы является сегодня весьма актуальной. Современные подростки испытывают недостаток нравственных ориентиров, критериев оценки поступков человека по отношению к самому себе и современному обществу. Помимо школы в социализации современных подростков принимают участие семья, средства массовой информации, внешкольные учреждения спортивной, культурной направленности. В процессе социализации подростков особое место занимают различные детские общественные организации. Они представляют собой важный фактор воздействия на ребенка: с одной стороны, оно создает условия для удовлетворения потребностей, интересов, целей ребенка, формирования новых устремлений; с другой стороны - оно определяет отбор внутренних возможностей личности путем самоограничения и коллективного выбора, корректировки с общественными нормами, ценностями, социальными программами[1].

Детская организация представляет собой самодеятельное, самоуправляемое детское сообщество, создаваемое для реализации социально ценной идеи, имеющее регулирующие его

деятельность нормы и правила, зафиксированные в уставе или ином учредительном документе, выраженную структуру и фиксированное членство[2]. Основной целью социализации подростков в детских общественных объединениях является формирование нравственных идеалов, чувства любви к Родине, стремления к миру, потребности в труде на благо общества. Молодежные общественные организации активно участвуют в процессе социализации, формируют ценностные ориентации, определенные стереотипы поведения подростков, развивают интересы, влияют на их мировоззрение.

Участие в работе общественных организаций предполагает не только удовлетворение индивидуальных интересов членов объединения в каком-то виде деятельности, но определённую долю ответственности каждого за свои поступки в процессе достижения общей цели и за результаты коллективных действий. Совместная организованная деятельность заставляет членов группы согласовывать свои интересы с общими, свою личную цель участия в работе организации с целями организации в целом. Разумеется, это невозможно без некоторого самоограничения личных интересов и свободы. Не всякий из юных современников готов к этому. Однако, участие в детской организации способствует приобретению и новых навыков и развитию способностей участников.

В ходе авторского исследования на тему «Влияние детских общественных объединений на жизнь и развитие подростков», проведенного методом анкетирования в Саратове в 2016 году, было опрошено 350 подростков – членов различных организаций в возрастной группе 14-17 лет. Было выявлено, что основными целями вступления в детскую организацию являются: проявление лидерских качеств и талантов, поиск новых друзей, веселое времяпрепровождения. Юноши и девушки, занимающиеся в организации только на общих сборах, например «школа актива», вручение наград, относятся к «любителям». «Школа актива» проводится каждые каникулы, там ребята выполняют различные задания и представляют свою школу, приглашаются интересные люди (психологи, врачи и т.д.). Этим подросткам интересна организация потому, что там весело и интересно. Они ищут новые знакомства. Несмотря на то, что их посещения редкие, некоторые отметили, что стали хуже учиться. Это говорит о том, что посещение ими общественных мероприятий отвлекает от учебы и основное внимание они уделяют развлечениям. Наблюдается тенденция, что чем реже посещения объединения, тем ниже желание работать в молодежных организациях. Однако, большая доля желающих работать в общественной сфере, приходящаяся на долю «занятых» школьников.

На первое января 2017 года в Российской Федерации зарегистрировано 53246 общественных объединений, из которых на разных территориальных уровнях молодежных и детских насчитывается более 400 тысяч[3]. Тем не менее, вовлечена в деятельность данных организаций малая часть подростков (около 5-10%). В зависимости от путей включения детей в социальные отношения и удовлетворения их интересов была выделена классификация детских общественные объединений: постоянно действующие объединения, формирующие знания, умения и навыки, ставшие творческими коллективами (школы, клубы); объединения, реализующие самоуправление и самостоятельность в рамках сотрудничества взрослых и детей (национальные, религиозные детские объединения, пионерские и скаутские организации); объединения клубного типа, развивающие творческую деятельность (военно-патриотические, военно-спортивные, краеведческие, туристические, экологические, милосердия, юнкоровские, этнокультурные и др.); спонтанные детские объединения саморегулирующие свою деятельность (команды, группы, клубы, возникшие на основе общей увлеченности, неформальные по своей сути и структуре). Все эти типы детских объединений могут действовать как временные детские коллективы (летние центры, туристические группы), так и постоянные (на базе школ, по месту жительства).

Типичным подростком детской организации является школьник 14-15 лет, проявляющий свои таланты, посещающий в основном общественные мероприятия, имеющий большое количество друзей в организации. Приобретая навыки общения, он становится более активным, агитирует других вступать в организацию. Детская организация формирует такие

качества подростков, как активность, открытость, коммуникабельность, способствует обретению уверенности в себе, самореализации. Были выявлены следующие тенденции: большинство участников организации считают свою деятельность интересной и занимательной, отмечают положительное влияние на школьную деятельность; ориентированы на работу в общественной сфере, молодежных организациях и объединениях, на работу с детьми; все профессионально ориентированы. Таким образом, детские общественные объединения помогают школьникам заниматься полезными делами, развивать свои способности, приобретать новых друзей по интересам, реализовать себя в общественно-значимых проектах.

Детские общественные организации реализуют ряд функций в своей деятельности: коммуникативную (постоянное взаимодействие внутри объединения при организации свободного времени подростков), социокультурную (интеграция в определенное социокультурное сообщество, принятие общекультурных целей организации), образовательную (допрофессиональная и профессиональная подготовка, индивидуальная психологическая помощь в преодолении трудностей, обретение новых знаний в коллективе), функция трансляции значимых ценностей (ориентация на общие ценности, конструирование варианта собственной жизни, приобретение опыта самоопределения и конструирования варианта жизни).

Исследование позволило выявить следующую типологию участников: «активные участники», «любители», «занятые участники», «непостоянные участники», «частичные участники». Так, по 47,6% «активных участников» отмечают, участие в организации развивает навыки общения, учит работать в команде и способствует возникновению новых дружеских отношений. 38,1% респондентов указывают, что стали более разносторонними. Хотя 14,3% признаются, что не приобрели никаких навыков за время участия в организации. Тогда как 9,5% «активных участников» стали обращать внимание на проблемы общества, по-новому увидели существующие проблемы.

Научились общаться с незнакомыми людьми и завязывать новые отношения 50% «любителей». Работу в команде отмечают 23% участников опроса. 32,5% респондентов признаются, что стали разносторонними. 30% обзавелись новыми друзьями и знакомыми. По иному посмотрели на общество и стали больше понимать его проблемы 25% «любителей». Лишь 7,5% просто проводят время в организации и не приобрели никаких навыков.

Большинство «занятых участников» (по 58,6%) указывают в качестве основных способностей, полученных за время участия в «Парусе», умение общаться с незнакомыми людьми и разносторонность, увлечение новыми занятиями. 34,5% молодых людей научились работать в команде, а 31% респондентов приобрели новых друзей. Больше стали понимать проблемы, существующие в обществе 17,2% опрошенных. Около 7% «занятых участников» (6,9%) считают, что участие в «Парусе» не способствует развитию новых способностей и навыков.

Среди «непостоянных участников», почти 60% респондентов (57,1%) также научились общаться с незнакомыми людьми, стали более активными. 49% участников опроса познакомились с новыми друзьями. Приобрели навыки работы в команде 40,8% «непостоянных участников». Более разносторонними стали 30,8% респондентов. 16,3% молодых людей стали обращать больше внимания на проблемы, существующие в обществе. 8,2% опрошенных вообще не получили никаких навыков.

Что касается «частичных участников», то по 45,5% представителей данного типа в качестве новых способностей, приобретенных благодаря, называют разносторонность и умение общаться с разными людьми. По 36,4% респондентов стали больше понимать проблемы общества, а также приобрели новых друзей. Научились работать в команде 9,1% юношей и девушек. Таким образом, участие в организации развивает способности своих участников и способствует приобретению новых навыков, таких как, умение общаться и налаживать контакт с незнакомыми людьми, работать в команде, по-иному смотреть на существующие проблемы современного общества, умение их анализировать.

Все типы участников, кроме «непостоянных», признаются, что приобрели новые навыки и способности, увеличилась разносторонность участников, завязались новые дружеские отношения. Наиболее велика доля подобных ответов среди «активных участников». Это свидетельствует том, что в основном, представители всех типов участников ориентированы на работу в общественной сфере, на работу с детьми и в различных молодежных организациях и объединениях.

Современные детские общественные объединения являются добровольными, самостоятельными и независимыми формированиями. Они ориентированы на гуманистические, общечеловеческие и национальные ценности: мир, жизнь, здоровье, добро, милосердие, труд, культура, национальные традиции и т.д. Большинство детских объединений основной целью своей деятельности признает содействие развитию целостной личности, способной самостоятельно и творчески мыслить, имеющей чувство собственного достоинства, ответственной, понимающей свое предназначение, умеющей жить и действовать в реальных условиях окружающего мира.

Список использованной литературы и источников:

1. Педагогика. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов / Под ред. В.А. Сластенина. - М.: Издательский центр "Академия", 2002. - 576 с.

2. Взрослые и детское движение: Доклад Костромского отделения Ассоциации исследователей детского движения // Социальная роль и позиция взрослых в детском движении. - Материалы конференции. – Кострома. - 1993. – С.70-73.

3. Число общественных объединений, политических партий и некоммерческих организаций, зарегестрированных в Российской Федерации на 1 января 2017 года //URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/Isswww.exe/Stg/d1/02-07.htm (дата обращения 14.04.2017) Загл. с экрана. Яз. рус.

УДК 316

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА НА ВОСПРИЯТИЕ РЕЛИГИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В.А. КОЗЛОВ, Н.В. ШАХМАТОВА

Козлов Владимир Александрович, студент социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: kozlowstnc@mail.ru

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: nadezhdashakhmatova@yandex.ru

Аннотация. В статье согласно данным социологического опроса молодежи, проведенного методом анкетирования в 2016 году, анализируется влияние социального неравенства на религиозность молодежи. Исследование показало гендерное неравенство в отношение к вере: среди верующих преобладают представители женского рода, а среди неверующих - мужского пола. Еще более значительное влияние на религиозность молодежи оказывает образовательное неравенство. Чем ниже уровень образования, тем менее значительно и более негативно воспринимается религия, чаще проявляется склонность молодежи к отрицанию растущего влияния религии на современное российское общество. Чем выше уровень образования, тем важнее кажется роль религии жизни современного,

российского общества, тем выше уровень религиозности молодежи, но ниже доверие к церкви как символу Веры

Ключевые слова: молодежь, религиозность, религия, вера, гендер, образование.

THE EFFECT OF SOCIAL INEQUALITY ON THE PERCEPTION OF RELIGION IN YOUTH ENVIRONMENT

V.A. Kozlov, N.V. Shahmatova

Abstract. In the article according to the opinion poll conducted by the youth questionnaire method in the year 2016, analyses the impact of social inequalities on religious youth. The study showed gender inequality in relation to faith: among the faithful is dominated by representatives of the feminine, and among the unbelievers-male. An even more significant impact on religious youth provides educational inequality. The lower the educational level, the less significant and more negatively perceived religion, more frequent tendency of youth to reject the growing influence of religion in the modern Russian society. The higher the education level, the more important the role of religion seems to be the life of the modern Russian society, the higher the level of religiosity, but lower confidence in the Church as a symbol of Faith.

Key words: youth, religious, religion, belief, gender, education.

Религия всегда играла важную роль в функционировании социума как форма общественного сознания, социальный институт, участвующий в решении многих актуальных вопросов современности. В советский период времени считалось, что религия утрачивает свои позиции в жизни общества[1]. Однако сегодня, в условиях изменения государственной политики в этой области, активизации деятельности религиозных учреждений, их взаимосвязей взаимосвязи с другими социальными институтами, религиозность стала неотъемлемой чертой мировоззрения и практик всех слоев россиян, в том числе – молодежи. Поэтому не случайно проблемы религиозности молодежи находятся в центре внимания многих исследователей, таких как И.А Гиндер[2], Л.В. Ребышева, Ю.П. Савицкая[3], А.П. Хриенко[4].

Универсальные основы религиозного мировоззрения - терпимость, милосердие, сострадание, прощение, то есть те социальные идеалы и нормы, которые обеспечивают выживание этноса и индивида, их единство. Они интуитивно воспринимаются как истинные. Однако в реальности социальные и мировоззренческие противоречия норм, ценностей и практик в нашей стране порождают такое явление как «формальная религиозность»[5], которая по сути становится данью социокультурным традициям социума.

В ходе исследования, проведённого в январе 2016 года методом анкетирования по целевой выборке, было опрошено 200 жителей г. Саратова от 18 – до 30 лет. Целью исследования было выяснить отношение к различной религии у саратовской молодёжи. Большинство молодых людей, принимавших участие в опросе (58%) считают себя верующими . 28.5 % опрошенных ответили “скорее да”; затруднились ответить – 0,5 %. Из числа опрошенных 40,6% верующих оказались мужского пола, 57,4% верующих являются представителями женского пола. Неверующими назвали себя 59,4% респондентов мужского пола и 42,6% респондентов женского пола. Из этих данных видно гендерное неравенство в отношение к вере: среди верующих преобладают представители женского рода, а среди неверующих - мужского пола.

Одним из проявлений социального неравенства выступает неравный уровень образования. Среди опрошенных были как представители учебных заведений (школ, вузов, техникумов), те, кто имеет неполное среднее образование (15,5 %), общее среднее (32 %), среднее профессиональное (4%) или среднее специальное (12 %), а также люди, получившие высшее образование (бакалавриат - 17 %, специалитет - 17,5 %, магистратура -1,5%) и даже ученую степень (0,5 %).

20,7% молодежи полагают, что религия - это мировоззрение и поведение отдельного человека. Особенно часто на этом настаивают те, кто имеет ученая степень (50%), средне - специальное (24,2%) и начальное образование (21,1%). Религию как веру в бога интерпретируют 26,7% молодых саратовцев. При этом чаще всего это мнение разделяют представители науки (50%), а также те, кто имеет средне - техническое (37,5%), незаконченное высшее (33,3%) и неполное среднее образование (29,6%). Религию как путь к спасению воспринимают 22,0% молодежи. Особенно это мнение распространено среди тех, кто имеет высшее (28,8%) и общее среднее (24,4%) образование. Религия - трактуется как часть общественной жизни каждым пятым молодым человеком. Немного чаще других на этом настаивают те, кто имеет средне - специальное (27,3%) и незаконченное высшее (22,2%) образование. Религию, как тормозящий страну фактор, оценивают всего 6,3% молодежи, особенно те, кто имеет начальное (15,8%) и неполное среднее (11,1%) образование. Таким образом, чем ниже уровень образования, тем менее значительно и более негативно воспринимается религия.

При характеристике роли религии в жизни современного, российского общества (Таблица 1) самым распространенным ответом стало указание на незначительную, малую роль (44,3% молодежи так думают). Особенно на этом настаивали те, кто имеет средне – техническое, незаконченное высшее и высшее образование (по 50%). На втором месте по популярности стал о мнение, что религия влияет на сознание людей (24,0%) Чаще других об этом говорили лица с ученой степенью (50%), а также со средне – специальным (28,8%) и неполным средним (25,9%) образованием. На третьем месте оказалось мнение, что религия очень важна для людей. На это указали 16,3% молодежи. Особенно на этом настаивали ученые (50%), те, кто имеет средне – техническое (20,8%) и общее среднее (21,8%) образование. Только 7,7% подчеркнули, что религия не имеет никакого значения. Чаще других об этом говорили лица с неполным средним (14,8%) и общим средним (9,0%) образованием. Таки образом, чем выше уровень образования, тем важнее кажется роль религии жизни современного, российского общества.

Таблица 1.

Влияние образование на мнение молодежи о роли религии в жизни современного, российского общества, % по образовательным категориям

Образование	Роль религии в жизни современного, российского общества						Итого
	религия очень важна для людей	религия влияет на сознание людей	религия играет., малую роль	религия не имеет никакого значения	религия важна не для всех людей	затрудняюсь ответить	
начальное	15,8%	31,6%	42,1%	5,3%		5,3%	100,0%
неполное среднее	18,5%	25,9%	40,7%	14,8%			100,0%
общее среднее	21,8%	19,2%	41,0%	9,0%	1,3%	7,7%	100,0%
средне - специальное	13,6%	28,8%	42,4%	6,1%		9,1%	100,0%
средне - техническое	20,8%	16,7%	50,0%	4,2%		8,3%	100,0%
незаконченное высшее	5,6%	22,2%	50,0%	5,6%	5,6%	11,1%	100,0%
высшее	12,1%	24,2%	50,0%	7,6%	1,5%	4,5%	100,0%
ученая степень	50,0%	50,0%					100,0%
Итого	16,3%	24,0%	44,3%	7,7%	1,0%	6,7%	100,0%

Молодежи было предложено оценить тезис о том, что положение религии в современном российском обществе на подъеме (Таблица 2). Самым распространенным стало

осторожное несогласие с этим мнением (30,7%). Особенно на этом настаивали молодые люди со степенью (каждый второй), с незаконченным высшим (44,4%) и начальным (42,1%) образованием. На втором месте по распространенности стало полное согласие с тем, что положение религии в современном, российском обществе на подъеме (23,3%). Немного чаще других на это обращали внимание лица со средне – специальным (28,8%) и высшим (25,8%)образованием. На третьем месте оказалось осторожное согласие с данным тезисом (18,0%). Чаще других такое мнение высказывали ученые (каждый второй) и каждый четвертый молодой человек со средне - техническим образованием. Категорическое несогласие с тем, что религия в нашем обществе сегодня на подъеме высказали 11,7% опрошенной молодежи. Чаще других на этом настаивали молодые люди с неполным средним образованием (каждый трети). Таким образом, чем ниже уровень образования, тем чаще проявляется склонность молодежи к отрицанию растущего влияния религии на современное российское общество.

Таблица 2.

Влияние образование на мнение молодежи о положении религии в современном российском обществе, % по образовательным категориям

Образование	Положение религии в современном ,российском обществе на подъеме					Итого
	полностью согласен	скорее согласен	скорее не согласен	совсем не согласен	затрудняюсь ответить	
начальное	10,5%	15,8%	42,1%	10,5%	21,1%	100,0%
неполное среднее	18,5%	22,2%	14,8%	33,3%	11,1%	100,0%
общее среднее	24,4%	12,8%	32,1%	12,8%	17,9%	100,0%
средне - специальное	28,8%	18,2%	30,3%	12,1%	10,6%	100,0%
средне - техническое	20,8%	25,0%	25,0%		29,2%	100,0%
незаконченное высшее	16,7%	11,1%	44,4%		27,8%	100,0%
высшее	25,8%	21,2%	30,3%	9,1%	13,6%	100,0%
ученая степень		50,0%	50,0%			100,0%
Итого	23,3%	18,0%	30,7%	11,7%	16,3%	100,0%

На контрольный вопрос, верят ли молодые люди в Бога, 72,0% подтвердили это, и лишь 23,3% ответили отрицательно. Остальные затруднились с ответом. При этом все (100,0%), имеющие ученую степень – верят в бога. Среди лиц со средне – техническим образованием таковых - 83,3%, с общим средним - 75,6%, с высшим - 74,2%. Далее по степени распространенности веры идут те, кто имеет средне - специальное (72,7%), незаконченное высшее (72,2%), неполное среднее (55,6%) и начальное (52,6%) образование. Таким образом, еще раз подтверждается, что чем выше уровень образования, тем выше уровень религиозности молодежи

На уровень религиозности также влияет род занятий молодежи. Так верующими себя считают 87,9% служащих, 86,2% учащихся, студентов, 75,9% работников сферы обслуживания, 72,2% управленческого персонала, 71,4% домохозяек, 71,2% пенсионеров по болезни, 66,7% безработных, 58,5% рабочих, 56,0% предпринимателей, 55,6% военнослужащих.

Однако только 11,8% молодежи регулярно посещают церковь, 21,4% - читают молитвы дома, 47,2% - имеют веру себе - без посещения церкви.

Вера в Бога, но не в святость и в силу церкви свойственна 30,6% молодежи. Особенно – лицам с незаконченным высшим (46,2%), средне – специальным (42,9%) образованием. Среди других образовательных категорий таковых несколько меньше: 33,3% - тех, кто имеет средне - техническое образование, 32,7% - высшее, 26,6% - общее среднее. Меньше других

настороженно относятся к церкви лица с неполным средним (11,8%)и начальным (7,1%) образованием.

Таким образом, исследование показало гендерное неравенство в отношение к вере: среди верующих преобладают представители женского рода, а среди неверующих - мужского пола. Еще более значительное влияние на религиозность молодежи оказывает образовательное неравенство. Чем ниже уровень образования, тем менее значительно и более негативно воспринимается религия, чаще проявляется склонность молодежи к отрицанию растущего влияния религии на современное российское общество. Чем выше уровень образования, тем важнее кажется роль религии жизни современного, российского общества, тем выше уровень религиозности молодежи, но ниже доверие к церкви как символу Веры.

Список использованной литературы и источников:

1. *Алексеев Н.П.* Социалистический труд в советской деревне и преодоление религиозных прежитков. Орел, 1965.

2. *Гиндер И.А.* Отношение российской молодежи к религии и теория секуляризации. // История образования и науки в Сибири. Вып. 3. - Красноярск, КГПУ, 2009. - 288 с. - С. 23-284.

3. *Ребышева Л.В., Савицкая Ю.П.* Влияние религиозных убеждений молодежи на формирование отношения к представителям различных религиозных конфессий // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1.//URL: http://www.scienceeducation.ru/ru/article /view?id=21310 (дата обращения: 28.01.2017)

4. *Хриенко А.П.* Метаморфозы религиозно-нравственной детерменации сознания молодежи.//Социологические исследования, 2007. №7. С. 80-86.

5. *Матвиевская Я.А.* Проблема религиозности в информационном обществе, 2006 //URL: http://science.ncstu.ru/conf/past/2006/10region/social/61.pdf/view (дата обращения: 16.04.2015)

УДК 316.423 (4/5)

РИСКИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.И. ЛОЙКО

Лойко Александр Иванович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета.

E-mail: alexander.loiko@tut.by

Аннотация. Представлен анализ экономической и социальной сторон модернизации хозяйственной жизни Беларуси в условиях четвертой промышленной революции. Показано, что новые экономические и социальные формы строятся вокруг сетевых структур управления и информации. Логика процесса модернизации общества развернута в контексте триады: стартовые позиции субъектов, активы и пассивы наличных ресурсов, коридор экономических и социальных возможностей. Выявлены проблемы, которые сужают коридор возможностей при формировании национального проекта модернизации. На основе анализа и обобщения данных статистики и эмпирического социологического исследования, проведенного институтом социологии НАН Беларуси в 2009-2010 годах, раскрывается значимость экономического и социального ресурса среднего класса как индикатора модели социального развития общества. Обосновывается актуальность образования как инструмента формирования ресурсов человеческого капитала.

Ключевые слова: экономическая социология; промышленная революция; риск; социальное неравенство; моделирование.

RISKS OF SOCIAL INEQUALITY IN CONDITIONS FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

A.I. Loiko

Abstract. The analysis of economic and social sides the modernization of economic life Belarus as new condition fourth industrial revolution is presented. It is shown, that new economic and social forms are constructing around structures of management and information. The logic of modernization process is developed in triad context: starting positions of the subjects, the actives and passives of available resources, the corridor of possibilities for formation of national modernization project are revealed. The importance of economic and social resources of the Belarusian middle class as an important indicator of social development is revealed in the article on the basis of analysis and the data compilation of statistics and empirical sociological study, carry out for the Institute of the Sociology Academy Science of Belarus in 2009-2010.

Key words: economic sociology; industrial revolution; risk, social inequality; model.

ВВЕДЕНИЕ

Республика Беларусь в условиях независимости столкнулась с проблемами адаптации национальной экономики, трудовых ресурсов, управленческого аппарата, отношения директорского корпуса предприятий к рынку конкурентной среды.

Интеграционные модели с Российской Федерацией сформировали механизм переходной экономики, в рамках которой создаются институты частного, индивидуального предпринимательства. Их становление открывает новые возможности занятости и эффективного использования трудовых ресурсов. Механизма перераспределения собственности недостаточно для эффективного использования ресурсов человеческого капитала. При развитии рынка труда активно используются модели общества, формируемые промышленными революциями. Одной из них стала модель цифровой экономики.

Высококвалифицированный труд создает механизмы высокой оплаты и соответственно риски усиления социального неравенства[1]. В Беларуси вследствие этого активно внедряется модель общества массового потребления, основанная на доминировании среднего класса в системе общества. При реализации этой модели акцент делается на развитие института предпринимательства. В результате наблюдается ситуация реструктуризации рынка труда. Практические задачи обеспечения социальной стабильности концентрируют на институте государства комплекс задач, требующих аналитического сопровождения. Их стратегическое видение предполагает учет эволюционных тенденций в границах большой длительности.

Промышленные революции XVIII-XXI веков такую длительность сформировали[2]. Она стала предметом исследования, результаты которого использованы в настоящей статье. С тактической точки зрения государство в рамках актуальных тенденций на рынке труда и человеческого капитала может совершенствовать нормативно-правовую составляющую экономического законодательства и тем самым способствовать динамическому равновесию социальных процессов в их взаимосвязи.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Одним из первых на связь промышленных революций с социальными факторами в экономике обратил внимание К. Маркс. В «Капитале» он подробно рассмотрел феномен промышленной революции в Англии, исследовал его влияние на социальную психологию рабочих, рынок труда, рост емкости внутреннего рынка, урбанизацию и миграцию. Рабочие практически сразу увидели в машинах конкурента на рынке труда. Поэтому имели место с их стороны факты поломки машин. Машины повлияли на использование детского и женского труда по отношению к труду мужчин. Вторая промышленная революция (электротехническая)

трансформировала ценности экономической деятельности предпринимателей, сделавших выбор в пользу общества массового потребления. Одними из первых к такому выводу пришли организаторы производства в США.

Г. Форд, заинтересованный в заводском производстве товаров массового потребления в форме легковых автомобилей пришел к выводу, что их производители должны быть основными потребителями собственной продукции. Чтобы снизить таким путем себестоимость легкового автомобиля и создать для него емкий внутренний рынок он сконструировал конвейер и повысил производительность труда высококвалифицированных рабочих до уровня равного стоимости легкового автомобиля. Выплачиваемая им рабочим заработная плата возвращалась на его счета, поскольку все больше рабочих стремилось соответствовать среднему классу.

Т. Веблен выявил институциональные основания роли технических специалистов в обществе массового потребления и производства. Он же обозначил проблему социального неравенства в форме института праздного класса. Его видение социальной справедливости как господства технических специалистов, оказалось неосуществимым.

Под давлением созданных великой депрессией рисков роста социального неравенства и социального взрыва Т. Рузвельт пришел к осознанию особой роли института государства в сохранении социальной стабильности. В основу практической деятельности им была положена кейнсианская модель присутствия государства в экономической сфере. Она позволила минимизировать риски социального конфликта. В результате было сформировано пространство золотого миллиарда, на внутренний потребительский рынок которого стали ориентироваться производители всего мира.

Баланс в соотношении экспорта и импорта золотого миллиарда и развивающихся государств обеспечила высокотехнологичная продукция, созданная, в том числе достижениями третьей промышленной революции. Промышленность и компании были ориентированы на информационные технологии, автоматизацию, роботизацию, рост производительности труда и его стоимость. В стоимостной компоненте выросла роль культуры в форме общения, коммуникации, потребления и производства информации. Возник емкий рынок услуг, который детерминировал трансформацию рынка труда. Занятость в пространстве золотого миллиарда в сельском хозяйстве сократилась до 3-5 %. В промышленности занятость оказалась на уровне 15-20%.

За короткое время была создана система услуг и логистики, которая аккумулировала значительную часть рынка труда. На рынке стали доминировать компании не столько по показателям численности занятых в них людей, сколько по показателям качества человеческого капитала. Ответственность за воспроизводство уровня развития работников была возложена на систему образования.

Четвертая промышленная революция конкретизирует возможности, созданные третьей промышленной революцией[3]. Они заключаются в конвергенции технологий. В промышленности происходит слияние компьютерных и аддитивных технологий. В результате комплексной автоматизации возрастают риски сокращения занятости не только в промышленности, логистике, но и в сфере услуг, в частности, в торговле, жилищно-коммунальном хозяйстве. В этих условиях цифровая экономика аккумулирует значительную часть профессий высокой квалификации.

Беларусь не стала исключением. Несмотря на устойчивую тенденцию ухода молодежи в цифровую экономику, государство вынуждено минимизировать риски, связанные с естественной реструктуризацией рынка труда. Решение этой задачи обусловлено традиционным высоким уровнем образования, но есть и такие слои общества, которые не соответствуют этому уровню[4]. К ним относятся трудовые коллективы крупных предприятий с характерной для них индустриальной психологией. Важную роль играют профсоюзы, которые добились введения в государственное управление практики создания новых рабочих мест. В ней используется методика расчетов, основанная на прямой зависимости между тенденцией оптимизации крупных предприятий и инвестированием в новые сферы занятости

через институт предпринимательства. В реализации этой программы участвуют структуры международных банков и Европейского Союза.

Четвертая промышленная революция акцентирует ресурсы искусственного интеллекта в сочетании его с нано- и биотехнологиями. Активно ведутся разработки гибридных технологий. В них важная роль отводится робототехнике. На фоне рисков сокращения занятости активно обсуждается потенциал креативной индустрии, который аккумулирует творческие профессии в области искусства, игрового рынка, дизайна, архитектуры, социальной работы. С этой целью осуществлена корректировка в понимании многих видов деятельности. Они были введены в перечень сфер, формирующих экономические показатели. В Беларуси произошла унификация законодательства. Статус предпринимателей получили работники, занятые художественными промыслами, дизайном.

Сокращение интервалов между промышленными революциями создало ситуацию, когда естественные процессы стали опережать рефлексию над ними. Объемы информации довлеют над исследовательской деятельностью. Остро встает проблема повышения эффективности аналитической обработки информации и развития современных методик ее интерпретации.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка текстовых массивов как основных источников информации, влияющих на динамику промышленных революций и риски социального неравенства определялась методологическими условиями интерпретации эмпирической информации. Использовались статистические данные по мировой экономике и экономике Республики Беларусь. Их отбор осуществлялся в рамках модели переходной экономики. С этой целью были проанализированы работы Е.М. Бабосова, Т.Н. Беляцкой, А.И. Денискина, П.Г. Никитенко, Е.Б. Палховской, Г.Н. Соколовой, С.Ю. Солодовникова, Е.Б. Тарановой. Использовались результаты социологических исследований, опубликованные в Социологическом альманахе 2013 года № 4 и в сборнике «Социальное пространство Интернета: перспективы экономсоциологических исследований. – Минск, 2014.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты указывают на возможности эффективного использования потенциала модернизации промышленности Беларуси с учетом человеческого капитала, индекса человеческого развития, роли государства в процессах, связанных с реструктуризацией рынка труда[5]. Риски социального неравенства вследствие диверсификации архитектуры национальной экономики минимизированы перераспределением социального заказа на занятость. В результате разность в оплате труда сохраняется, но она базируется на критериях, отражающих социальную стратификацию белорусского общества. Государство формулирует задачу выхода на минимум заработной платы, достаточный для общества массового потребления с характерными для него критериями внутренней емкости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, полученные результаты имеют практическую направленность. Они используются при формировании государственной политики в области социальной сферы.

Список использованной литературы и источников:

1. *Лойко А.И.* Риски инновационной активности и ресурсы институционального наследия структур экономической деятельности // Беларусь 2030: государство, бизнес, наука, образование: материалы 3-ей международной научной конференции. Минск, 27 октября 2016 г. – Минск: Издательский центр БГУ, 2016. С. 99-101.

2. *Лойко А.И.* Институциональные условия модернизации: фактор промышленных

революций // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 12. – М.: РАН ИНИОН, 2017. Ч.2. С. 285-289.

3. *Лойко А.И.* Технологические и институциональные изменения в экономике под влиянием четвертой промышленной революции // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых, социальных и инженерных подходов. – Минск: БНТУ,2017. С. 155-157.

4. *Лойко А.И.* Личностный потенциал человеческого капитала и менеджмент образования // Международный менеджмент и маркетинг в сфере образования. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции. – Минск: БНТУ, 2011. Ч. 1. С. 91-94.

5. *Лойко А.И., Фонотова Э.А., Канарская В.И.* Эффективное использование потенциала модернизации. – Минск: БНТУ, 2011. – 157 с.

УДК 364.14

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ОТНОШЕНИИ ЗДОРОВЬЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.В. ЛЯДОВА

Лядова Анна Васильевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: annaslm@mail.ru

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ понятия социального неравенства в отношении здоровья. Этот вопрос крайне актуален в современном социуме, для которого характерно, как отмечают эксперты, становление глобальных социальных отношений в условиях «…крупномасштабного неравенства между высокоразвитыми и развивающимися странами и уровнями жизни их граждан»[1]. Как отмечается в работе, существуют различные подходы к определению понятия социального неравенства в отношении здоровья. Большинство представленных определений можно объединить в три группы: 1) социальное неравенство в отношении здоровья как различия в уровне здоровья между различными социальными группами, основанные на их социальном статусе; 2) социальное неравенство в отношении здоровья как пробелы в здоровье между различными группами, основанные на их расовых и этнических различиях; 3) социальное неравенство в отношении здоровья как социальных градиентов для всего населения, что обусловлено состоянием системы здравоохранения в целом. Таким образом, очевидно, что термин социального неравенства в отношении здоровья является сложным социальным феноменом, поэтому его определение не может быть ограничено его пониманием только в аспекте социальных факторов или неравного доступа к системе здравоохранения и ее ресурсам. Представляется необходимым принимать во внимание все указанные факторы, что позволит найти эффективные меры его преодоления.

Ключевые слова: социальное неравенство; медицинские услуги; здоровье; здравоохранение; равный доступ.

SOCIAL INEQUALITY IN HEALTH: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

A.V. Lyadova

Abstract. The article presents the theoretical analysis of the term of social inequality in health. This issue is quite actual in modern society. As it showed, there are different approaches to its

definition in studies. The majority of its definitions could be joined into three groups: 1) social inequality in health as the differences in health between different social groups, based on their social status; 2) social inequality in health as the health gaps between different groups, based on their racial and ethnical dissimilarities; 3) social inequality in health as the social gradients across whole populations. So, it is obvious, that the term of social inequality in health is a complex social phenomena, and it could not be limited by either the unequal access to health care system and its resources, nor the social factors.

Key words: social inequality in health; medicine; population health.

ВВЕДЕНИЕ

Социальное неравенство - одна из глобальных актуальных проблем современности. Анализ существующих подходов к пониманию сущности социального неравенства позволяет рассматривать его как «…отражение сложной социальной структуры общества…», с одной стороны, и как специфическую форму«…социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей», с другой[1]. Очевидно, что социальное неравенство не является «отклонением» в развитии какой-то одной сферы общественной жизни. Это комплексное явление, поэтому оно проявляется во всех социальных структурах, что дает основание выделять его различные виды: гендерное, расово-этническое, неравенство жизненных шансов, трудовое и т.п.

В настоящей работе рассматривается социальное неравенство в отношении здоровья. Актуальность этой темы обусловлена существенными различиями в уровне здоровья населения как между странами, так и между отдельными социальными группами, что оказывает негативное влияние на достижение целей устойчивого, сбалансированного развития современного социума. Несмотря на предпринимаемые мировым сообществомпопыткисократить существующий разрыв в уровне смертности, в частности, младенческой, продолжительности жизни населения, особенно в странах Африканского континента, проблема социального неравенства в отношении здоровья по-прежнему остается в центре внимания общественности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Сложность в выработке оптимальных путей решения рассматриваемой проблемы обусловлена ее неоднозначностью. Среди исследователей нет единого подхода к определению как самого понятия социального неравенства в отношении здоровья, так и ключевых факторов, обуславливающих его формирование в современном социуме, что ставит вопрос о необходимости проведения их сравнительного анализа с целью выработки эффективных путей решения рассматриваемой проблемы.

С одной стороны, понятие социального неравенства в отношении здоровья может быть рассмотрено как в рамках классических (К. Маркса, П. Сорокина) и современных (И. Валлерстайн, Г. Терборн) теоретических подходов к проблеме глобального социального неравенства, так и с точки зрения теорий равенства и социальной справедливости Дж. Ролза и А.Сена, соответственно.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной работе представлены результаты сравнительного исследования существующих подходов к определению понятия социального неравенства в отношении здоровья и факторов, его обуславливающих. Методом сравнительного анализа на основе системного подхода автором были изучены 16 работ, опубликованных за период с 2008 по 2017 гг. и посвященных исследованию понятия социального неравенства и факторов, его обуславливающих на примере мониторинга различий в состоянии здоровья населения разных стран.

Следует отметить, что выборка представлена, в основном, зарубежными публикациями, в частности, в английских, американских, латиноамериканских специализированных периодических изданиях, что объясняется интересом исследователей к данному вопросу в связи с актуальностью рассматриваемой проблематики в этих регионах. В отечественной литературе данная тема стала привлекать внимание не так давно, что обусловлено сохранением т.н. советского наследия в виде системы обязательного медицинского страхования, включающего (до недавнего времени) достаточно широкий спектр оказываемых бесплатно медицинских услуг, что позволило, несмотря на внедрение рыночных механизмов в отечественную систему здравоохранения, охватить бесплатной медицинской помощью широкие слои населения нашей страны.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Наиболее распространенная трактовка понятия социального неравенства в отношении здоровья, которая представлена в работах большинства исследователей рассматриваемой проблематики, - это определение, предложенное экспертами Всемирной Организации Здравоохранения, согласно которому под социальным неравенством в отношении здоровья подразумеваются различия в состоянии здоровья отдельных социально-экономических групп, которые не являются непреодолимыми[2].

По мнению исследователей, эти различия обусловлены такими факторами, как: временное преимущество одной группы над другой в отношении здоровья, обусловленное более ранним доступом первой группы к здоровьесберегающим технологиям; поведение, являющееся угрозой здоровью, в условиях ограниченности выбора жизненного стиля; воздействие вредных условий окружающей среды (рабочих, условий проживания) на здоровье; ограниченный доступ к основным медицинским услугам; естественный отбор или социальная мобильность в отношении здоровья, включая взаимосвязь между заболеванием индивида и его социальным статусом[2].

Указанные факторы были выявлены в ходе масштабного исследования состояния здоровья населения в разных странах, проведенного в 1990 году по инициативе Всемирной Организации Здравоохранения. На основании полученных данных был сделан вывод о социальной обусловленности здоровья человека в современном социуме, а указанные факторы получили название социальных детерминант здоровья.

Однако с момента опубликования данного отчета прошло более 20 лет, в течение которых произошли существенные трансформации в медицине как профессиональной сфере, так и социальном институте. Стремительное распространение информационных технологий кардинально образом перестроило жизнь современного человека во всех ее направлениях, в частности, изменилась структура взаимоотношений между основными акторами системы здравоохранения, что привело к переходу от принципов патернализма к коллегиальной системе отношений между врачами и пациентами, подразумевающей равенство позиций обеих сторон, приоритет прав пациента в выборе методов лечения и т.п. Поэтому, как показали данные региональных исследований существующих различий в состоянии здоровья населения, они не всегда обусловлены выявленными в 1990-х годах социальными причинами, что поставило вопрос о необходимости проведения их сравнительного исследования с целью выработки эффективных путей решения рассматриваемой проблемы.

В 2005 году по инициативе Всемирной Организации Здравоохранения была создана Комиссия по социальным детерминантам здоровья, целью которой было выявить основные социальные детерминанты, препятствующие преодолению социального неравенства в отношении здоровья. По результатам проведенного исследования были выявлены следующие ключевые факторы: 1)неравномерное распределение медицинской помощи; 2) социальные условия, в которых люди рождаются, растут, живут, работают и старятся; 3) глобализация; 4) структурообразующие факторы (неэффективные социальные мероприятия и программы, несправедливые экономические механизмы и нездоровый политический климат); 5) состояние окружающей среды[3].

Более широкий подход к определению социального неравенства в отношении здоровья, основанный на учете указанных социальных факторов, позволил исследователям рассматривать данный термин в аспекте теорий равенства и справедливости Дж. Ролза и А.Сена, соответственно, неравенство - с позиции несправедливости, когда один индивид или группа имеют большие возможности доступа к источникам и ресурсам для поддержания и сохранения своего здоровья, чем другие[4,5].

В целом, большинство представленных определений можно объединить в три группы: 1) социальное неравенство в отношении здоровья как различия в уровне здоровья между различными социальными группами, основанные на их социальном статусе; 2) социальное неравенство в отношении здоровья как пробелы в здоровье между различными группами, основанные на их расовых и этнических различиях; 3) социальное неравенство в отношении здоровья как социальных градиентов для всего населения, что обусловлено состоянием системы здравоохранения в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, очевидно, что термин социального неравенства в отношении здоровья является сложным социальным феноменом, поэтому его определение не может быть ограничено его пониманием только в аспекте социальных факторов или неравного доступа к системе здравоохранения и ее ресурсам. Представляется необходимым принимать во внимание все указанные факторы, что позволит найти эффективные меры его преодоления.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», проект № 18-011-01106).

Список использованной литературы и источников:

1. *Осипова Н.Г.* Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С.119-141. DOI:10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141.

2. Whitehead M. The concepts and principles of equity and health // International Journal of health services: planning, administration, evaluation. 1992. Vol.22 (8). P.429 - 445.

3. World Health Organization. Commission on Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Final Report of the Commission on Social Determinants of Health. Geneva, 2008. URL: http://www.who.int/social_determinants/thecommission/finalreport/en/ (дата обращения: 02.04.2018).

4. *Arcaya M., Arcaya A.,* Subramanian S. Inequalities in health: definitions, concepts, and theories // Global Health Action. 2015. № 8.URL: http//doi.org/10.3402/gha.v8.27106 (дата обращения: 01.04.2018).

5. *Graham H., Kelly M.* Health Inequalities: concepts, frameworks and policy. Health Development Agency, London: 2004.

УДК316.44

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОЦИОЛОГИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Т.С. МАРТЫНЕНКО

Мартыненко Татьяна Сергеевна, кандидат социологических наук, ассистент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: ts.martynenko@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются современные концепции социального неравенства. Рассматриваются основные подходы к концептуализации понятия «социальное неравенство». Выявляются особенности подходов, базирующихся на понятиях «доступ» и «социальная эксклюзия». Демонстрируется эвристичность и актуальность современных подходов к изучению социального неравенства. Представленные подходы могут быть использованы для изучения социального неравенства в современном российском обществе.

Ключевые слова: социальное неравенство; доступ; социальная эксклюзия; глобализация; цифровой разрыв.

TO THE ISSUE OF CONCEPTUALIZATION OF SOCIAL INEQUALITY IN SOCIOLOGY OF THE END OF XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURY

T.S. Martynenko

Abstract. The article analyzes modern concepts of social inequality. The main approaches to the conceptualization of the concept of “social inequality” are considered. Specific features of approaches based on the notions of “access” and “social exclusion” are revealed. It demonstrates the heuristics and relevance of modern approaches to the study of social inequality. The presented approaches can be used to study social inequality in modern Russian society.

Key words: social inequality; access; social exclusion; globalization; digital divide.

Проблема социального неравенства всегда являлась одной из важных тем социологии и всей предшествующей социальной мысли. Как отмечал Ральф Дарендорф, вопрос о социальном неравенстве «с исторической точки зрения был первым вопросом социологической науки»[1].Сегодня, в условиях социальных трансформаций современного общества проблема социального неравенства нисколько не утратила своей практической и теоретической значимости. Под влиянием процесса глобализации и распространения информационных технологий неравенства не исчезают. В связи с этим необходимо обозначить несколько положений, влияющих на современную дискуссию по вопросу социологического анализа социального неравенства.

Особое значение приобретает проблема концептуализации категории «социальное неравенство» и ряд вопросов, задающих всю перспективу исследования этих проблем. Как пишет известный социолог С.А. Макеев, специализирующийся на изучении социального неравенства: «Терминология, наиболее уместная для целей социологического обдумывания мира неравенства, а также зачина и поддержания разговора о них, вовсе не очевидна»[2]. Каждое из используемых учеными понятий соотносится с конкретной системой координат, в которой так или иначе имплицитно содержится представление о ценности равенства или неравенства для существующей социальной системы, его следствий и тенденций. В связи с этим «выбор концепта … отнюдь не безобиден»[2]. Среди понятий и социологических категорий, используемых для исследования проблематики неравенства, необходимо отметить такие, как «социальная стратификация», «класс», «дифференциация», «бедность», «доступ», «сословие», «социальная эксклюзия» и др.

Цель статьи – выявить основные факторы и особенности концептуализации понятия «социальное неравенство» в современной социологической теории.

Вторая половина XX – начало XXI века характеризуется появлением многочисленных новых подходов к изучению социального неравенства. Основными факторами трансформации методологических установок исследователей стали утрата собственностью и трудом своей ключевой роли, интенсификация процесса глобализации и беспрецедентное развитие информационно-коммуникативных технологий. Под влиянием этих факторов социологи

создавали новые концепции социального неравенства, способные адекватно представить картину социального расслоения в современных обществах и мире в целом.

Образ современных обществ значительно трансформировался во второй половине XX в. Вместе с достижениями научно-технического прогресса произошли и значительные социальные преобразования, которые, с одной стороны, способствовали «сжатию» мира, а, с другой стороны, продемонстрировали всем жителям земного шара радикальный социальный разрыв между регионами мира. Этот разрыв был связан не только с различиями в уровне дохода или богатства, но отражал специфику и особенности образа жизни и потребления отдельных социальных групп, а также степень их мобильности и информированности. Все чаще возникающие ситуации статусной несовместимости способствовали появлению в социальных науках новых подходов, стремящихся зафиксировать новые виды и критерии социального неравенства. Речь шла не столько о распределении благ и ресурсов, сколько об исключенности из важнейших социальных процессов отдельных социальных групп и регионов.

Наиболее явным методологическим новшеством стало оформление понятия «глобальное социальное неравенство». В настоящее время термин все еще не является устоявшимся в социальных науках. Со второй половины XX века образ глобального социального неравенства был серьезно пересмотрен. Первые исследования глобального неравенства выбирали в качестве субъектов этих отношений общества, оформленные как национальные государства, что вполне соответствовало представлениям классиков о социальной реальности. Под влиянием работ двух крупных социологов XX века И. Валлерстайна и У. Бека глобальное социальное неравенство стало трактоваться значительно шире. Перспектива исследований сменилась на глобальность в противоположность универсальности классических подходов, а также была подчеркнута взаимосвязь между положением отдельных стран в масштабе всего мира. В начале XXI века термин «глобальное социальное неравенство» наиболее часто определяется как совокупность социальных отношений между отдельными индивидами вне зависимости от их гражданства, характеризующийся неравным доступом к материальным и нематериальным благам, положение которых отличается различными возможностями, качеством и продолжительностью жизни.

Глобализация в современных исследованиях часто рассматривается в качестве фактора, способствующего росту или снижению социального неравенства. Большинство авторов приходят к выводу о том, что глобализация увеличивает поляризацию и социальный разрыв, тем не менее, в социологической литературе представлены различные позиции[3].

В качестве особой группы подходов, оформившихся в последней трети XX – начале XXI века, необходимо выделить концепции доступа и социальной эксклюзии. Понятие «социальная эксклюзия», получившее распространение в 90-е гг. XX века, было призвано заменить понятие «бедность» и подчеркнуть возросший уровень жизни западных стран. Социологи подчеркивали, что включенность в социальную жизнь во многом определяет жизненные шансы и социальное положение индивида. Концепция социальной эксклюзии отталкивается от традиционных для социологии представлений о социальной интеграции и солидарности, от дихотомии «мы-они», «свои-чужие». Первоначально социологи обращались к изучению наиболее незащищенных слоев населения (например, пожилых людей, людей без определенного места жительства и др.). Уже в начале XXI века концепция начинает трактоваться максимально широко, также появляется концепция глобальной социальной эксклюзии[4].

На рубеже веков концепция социальной эксклюзии была переосмыслена в терминах сетевого подхода и сетевого анализа и концептуализирована в понятии «доступ». По мнению таких ученых как Дж. Рифкин[5], в современных обществах возможность использовать новейшие технологии оказывается определяющим фактором социального расслоения.

Сетевая методология и понятие «доступ» активно использовались при изучении новейших форм социального неравенства, связанных с развитием технологий, а именно –

цифрового разрыва (или цифрового неравенства).Развитие информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) значительно увеличило их роль в жизни современных обществ. При всем многообразии положительных и отрицательных последствий активного внедрения ИКТ в общество очевидным остается тот факт, что осведомленность, мобильность, оперативность и включенность, создаваемые этими технологиями, все чаще выступают критериями не только различий между людьми, но и неравенства. В начале XXIвека понятие «цифровой разрыв» было пересмотрено и дополнено несколькими уровнями измерения, предполагающими помимо материального доступа к новейшим технологиям способность и навыки их использование, а также получение при этом жизненных шансов.

Проведенный анализ позволяет проследить изменение подходов к концептуализации социального неравенства. Явной чертой современных концепций является ориентация на глобальную перспективу. В них подчеркивается взаимосвязь и взаимозависимость отдельных регионов мира и социальных проблем. Современные концепции также характеризуются изучением новейших форм социального неравенства, важнейшее место среди которых занимает цифровой разрыв. Общей тенденцией становится использование комплексных подходов и показателей. Рост благосостояния западных обществ во второй половине XX века выдвинул на первый план подходы, обращающиеся к анализу социальных процессов, а не социальной структуры. Основными категориями анализа неравенства становятся «социальная эксклюзия» и «доступ». Трансформация подходов к концептуализации проблемы социального неравенства в современной социологической теории также делает возможным сделать выводы обосновных направлениях изменения социальных наук в эпоху глобализации и беспрецедентного развития информационно-коммуникативных технологий. Рассмотренные подходы могут быть использованы для изучения социального неравенства в современном российском обществе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», № 18-011-01106.

Список использованной литературы и источников:

1. *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. 535 с.

2. *Макеев С.А.* Неравенство в социологической перспективе // Новые социальные неравенства / Под. ред. С. Макеева. К.: Институт социологии НАН Украины, 2006.

3. *Rasler K., Thompson W.R.* Globalization and North-South Inequality, 1870-2000: A Factor for Convergence Divergence or Both? // International Journal of Comparative Sociology. 2009. N 50(5–6). P. 425–451.

4. *Munck R.* Globalization and Social Exclusion: a Transformationalist Perspective. Bloomfield: Kumarian Press, 2005. 208 p.

5. *Rifkin J.* The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism, Where all of Life is a Paid-For Experience. N.Y.: Putnam Publishing Group, 2000. 320 p.

УДК 316.344.23

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ РАБОТУ РОССИЯН К. В. МОХНАТКИНА

Мохнаткина Ксения Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной информатики социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: kse339@yandex.ru

Аннотация. В статье по результатам эмпирического исследования выявлена взаимозависимость степени экономической депривации и основных характеристик работников по линии наличия, причин отсутствия работы, профессионально-трудовой мобильности, физической и умственной тяжести их работы. Выявлены факторы, способствующие и препятствующие повышение значимости работы, повышения уровня удовлетворенности россиян своим трудом. Корреляционный анализ показал, что чем ниже уровень депривированности россиян, тем выше их удовлетворенность своей работой. Прямое сильное влияние на это оказывают такие характеристики, как форма собственности организации, умственная тяжесть, востребованность новых знаний и гарантированность работы. Менее значимое прямое влияние имеют ответственность работы, перспективы роста, физическая тяжесть и хорошая оплата работы. Отрицательно на удовлетворенности россиянами своей работой значимо сказывается отрасль хозяйства, величина рабочего дня и субъективная интерпретация работы

Ключевые слова: депривация, экономическая депривация, работа, корреляционный анализ, факторы

THE IMPACT OF ECONOMIC DEPRIVATION ON THE PROFESSIONAL WORK OF THE RUSSIANS

K.V. Mohnatkina

Abstract. Article based on the results of empirical research revealed the interdependence of the economic deprivation and the main characteristics of the employees through the availability, the reasons for the lack of work, labor mobility, physical and intellectual seriousness of their work. Identified factors that contribute to raising the profile and preventing work, raise the level of satisfaction with the Russians through their work. Correlation analysis showed that the lower the level of deprivation of Russians, the higher their satisfaction with their work. Direct a strong influence on this have characteristics such as the ownership of the Organization, mental gravity, the demand for new knowledge and job security. Less significant direct impact have a responsibility to work, prospects for growth, physical gravity and good paying jobs. Negative impact on the satisfaction of Russians their work significantly impacts industry sector, working days and subjective interpretation of the works.

Key words: deprivation, economic deprivation, job, correlation analysis, factors.

В «советский» период развития общества, идеологически ориентированного на формирование социально-однородного общества различия между «рядовыми» гражданами были невелики. Доминировали идеологические установки «быть как все», «быть не хуже других». Эти идеологические установки действуют и сегодня, в условиях продолжающихся социально-экономических реформ, экономического кризиса, растущей социальной дифференциации и связанных с этим издержек в уровне жизни россиян. Однако в реальности большинство россиян в той или иной степени подвергаются депривации, которая нередко порождает ощущение своей обездоленности, по сравнению с другими категориями населения.

Важнейшую роль в изучении депривации сыграли английские социологи Т. Маршалл[1] и П. Таунсенд[2], которые ввели этот термин в социологию и рассматривали его как наблюдаемое и доказуемое невыгодное положения индивида, семьи или группы на фоне сообщества. Оно может быть осознанным и сопровождаться пониманием причин такого состояния, а может быть не осознанным. Однако и в том и в другом случае оно может сопровождаться целым рядом негативных последствий и девиаций – от пассивной депрессии до активной агрессии представителей различных слоев россиян, ростом социальной напряженности, девиаций. Исходя из этого, важно социологически отслеживать степень распространенности этого явления, его причины, дабы оценить его масштабы, во время принимать меры по нейтрализации и сокращению его последствий.

Экономическая депривация - это вынужденное полное или частичное ограничение потребления материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения основных потребностей личности. Она проистекает из неравномерного распределения доходов в обществе. Наиболее эффективным инструментом ее измерения выступает уровень потребительских возможностей семьи. Социальная депривация в узком смысле (как антитеза экономической) – это ограничения в каких-либо правах, в возможности ведения полноценного образа жизни. Ее анализ предполагает, например, рассмотрение особенностей работы в жизнедеятельность россиян.

Исходя из этого, в 2015-2016 годах было проведено социологическое исследование степени депривированности россиян Саратовской, Ульяновской, Ленинградской Ростовской, Мурманской областей, а также – Татарстана и Башкирии. В ходе исследования по комплексной квотной стратифицированной, территориальной выборке было опрошено 850 респондентов, из которых 65,3% составляли мужчины 34,7% женщины. Значительная часть респондентов в возрасте от 30 до 40 лет (25,1%), 1,2% респондентов находятся в группе лиц моложе 18 лет и 1,6% опрошенных старше 70 лет.

Опрос показал, что основным источником дохода многих опрошенных является заработная плата. Поэтому большинство россиян работают. 49,9% респондентов имеют постоянную работу, 17.0% - временную, 1,8% работают вахтовым методом. 7,9% - заняты предпринимательством. 23,4% - не работают. Среди эксклюзивно нищих таковых – 73% (против 43,4 –по выборке). Среди бедных – немного меньше – 61,6%. Эти категории населения сходны по признаку отсутствия у большинства работы. Начиная с категории малообеспеченных, среди которых не имеют работы 45%, однако у большинства – есть та или иная работа. Постоянная работа чаще всего встречается среди богатых категорий населения (61% против 29,9% – по выборке). Временная работа чаще других присутствует у состоятельных респондентов (21,2% - против 17% - по выборке), и у бедных (18,3%). Только состоятельные и богатые категории населения имеют свой бизнес. Корреляционный анализ показал достаточно значимую степень взаимозависимости наличия работы уровня и степени экономической депривации (коэффициент корреляции 0,470 при приблизительной значимости 0,000).

Среди работающих 41,3% трудятся на частном предприятии, 38,5% - на государственном, 19,3 – на акционерном. Еще 0,8- трудятся в обществе с ограниченной ответственностью. Примечательно, что на государственном предприятии чаще трудятся те, кто отнес себя к бедным и малообеспеченным категориям населения. Можно предположить, что для них особенно важен и ценен социальный пакет, обеспечивающий им гарантированный минимум необходимых (особенно – медицинских) услуг и трансфертов. Рост потребительских возможностей прямо коррелирует с увеличением доли работников частного предприятия, что, видимо, связано с относительно большей величиной заработных расценок и зарплат. Коэффициент корреляции. 0,78 при приблизительной значимости 0,004.

43,5% россиян считают свою работу физически легкой в той или иной степени. 36,6% охарактеризовали ее как тяжелую. Особенно это касалось нищей категории опрошенных, где таковых оказалось 70,8%. При этом, чем сильнее экономическая депривация россиян, тем физически тяжелее их работа. Большинства опрошенных полагают, что их работа не требует новых знаний (55,7%). Особенно на этом настаивали представители нищей, бедной и малообеспеченной категорий населения (соответственно 79,2%, 65,0%, и 50,6%). Однако 31,5% считают, что их работа требует новых знаний. Чаще других на этом настаивали представители состоятельных и богатых категорий опрошенных (соответственно 48,3% и 44,4%). Иными словами, чем меньше россияне ощущают экономическую депривацию, тем больше они готовы на работе использовать новые знания.

61,8% опрошенных считают свою работу ответственной. Особенно на этом настаивают представители мало обеспеченной, срединной, состоятельной и богатой категорий (соответственно – 69,0%, 59,4%, 79,3% и 77,8%). Таким образом, чем выше уровень ответственности работы, тем выше уровень ее оплаты и шире потребительские возможности

населения. Однако из этой тенденции выпадают мало обеспеченная категория населения. Она, видимо, представляет клерков низшего звена или обслуживающий персонал на государственных предприятиях, который, по его мнению, выполняет ответственную работу, однако получает за это слишком мало, что повлекло за собой их попадание в эту категорию.

Самым распространенным мнением опрошенных стало отсутствие гарантированности работы (47,5%). Особенно на этом настаивают 65,2% нищих и 55,4% бедных категорий населения, так как для них потеря работы, видимо, особенно болезненна. Представители мало обеспеченной и срединно обеспеченных категорий чаще других затруднились с определением степени гарантированности своей работы (соответственно 18,7% и 21,2% против 15,7% – по выборке). На гарантированности своей работы чаще других настаивали состоятельные и богатые категории опрошенных (соответственно 60,7% и 66,7% против 36,7% по выборке). Таким образом, гарантированность работы обратно и взаимно коррелирует со степенью депривированности населения. Чем меньше депривированность, тем больше гарантий не потерять работу и наоборот.

Опрос показал, что доминантным мнением по поводу работы является мнение, что работа плохо оплачивается (41,9%). На этом особенно настаивали большинство представителей обнищавших и бедных категорий опрошенных (соответственно 56,5% и 66,3%). Большинство из состоятельных и богатых категорий населения утверждали, что их работа оплачивается хорошо (соответственно 55,2% и 88,9%). Это еще раз подчеркивает взаимосвязь заработной платы и степени депривированности россиян (коэффициент корреляции. 0,570 при приблизительной значимости 0,000).

Большинство опрошенных (54,9%) при изменении обстоятельств изъявили готовность сменить место работы. Это показывает высокий уровень трудовой мобилности россиян. Однако 19,2 % из категории нищих и 18,1% из категории бедных (против 16,8% в среднем по выборке) не готовы к этому. Можно предположить, что их уровень эксклюзивной и интенсивной депривации значимо ограничивает их профессионально - трудовую мобильность. Корреляционный анализ показал, что больше всего на готовность сменить работу прямо и очень сильно влияет срок отсутствия работы (коэффициент корреляции. 0,775 при приблизительной значимости 0,000). Видимо долгий срок в качестве безработного ослабляет ощущения социальных, профессиональных связей.

Корреляционный анализ позволил выделить 3 группы факторов профессиональной мобильности россиян. Первая группа факторов, которые сильно тормозят эту мобильность и способствуют стабильному удержанию работников на предприятии. К ним относятся такие факторы, как удовлетворенность работой, ее ответственный характер, перспективы роста и физическая тяжесть работы. Намного меньше ограничивающая мобильность работников сила воздействия второй группы факторов, к которой относятся форма собственности организации, умственная тяжесть работы, постоянная востребованность новых знаний и гарантированный характер работы. Они в меньшей степени, но также удерживают работников на своих рабочих местах. И, наконец, - третья группа факторов, которые в небольшой степени, но, тем не менее, способствуют трудовой мобильности респондентов. К ним относятся длительность рабочего дня, величина заработной платы и личная интерпретация места работы в жизни россиянина. Эти характеристики значимо провоцируют текучесть кадров на предприятиях и способствуют усилению трудовой мобильности всех категорий россиян.

13,6% опрошенных полностью или частично (по 6,8%) не удовлетворены своей работой. Особенно это касается нищей категории россиян, где таковых почти в 3 раза больше (35%), и бедных (18,8%). Именно среди этих категорий респондентов больше всего затруднившихся с этой характеристикой своей работы. Среди остальных категорий россиян большинство в той или иной степени удовлетворены своей работой. Так среди мало обепеченных респондентов доля удовлетворенных своей работой составляет 52,2%. Еще выше степень удовлетворенности срединно обеспеченных россиян – 67,7%. Среди состоятельных и богатых россиян уровень удовлетворенности составил соответственно 65,5% и 75%. Коэффициент корреляции Спирмена составил 0,557 при приблизительной значимости

0,000.Таким образом, чем ниже уровень депривированности россиян, тем выше их удовлетворенность своей работой.

Анализ сопряженности признаков показал взаимозависимость степени экономической депривации россиян и их основных характеристик как работников. Чем больше степень депривированности, тем длиннее срок нахождения без работы, тем физически тяжелее их работа. Чем меньше экономическая депривация, тем умственно напряженнее трудятся россияне, тем более у них востребованы на работе новые знания. Гарантированность и оплата работы обратно и взаимно коррелирует со степенью депривированности населения. Чем она сильнее, тем больше у населения шансов потерять работу, что ведет к воспроизводству эксклюзивно депривированных категорий россиян. Уровень эксклюзивной и интенсивной депривации значимо ограничивает профессионально - трудовую мобильность россиян. Чем меньше депривированы россияне, тем больше они испытывают позитива в оценке места работы в своей жизни.

Корреляционный анализ трудовых факторов показал, что прямое сильное влияние на степень удовлетворенности респондентами своей работой оказывают такие ее характеристики, как форма собственности организации, умственная тяжесть, востребованность новых знаний и гарантированность работы. Менее значимое прямое влияние имеют ответственность работы, перспективы роста, физическая тяжесть и хорошая оплата работы. Отрицательно на удовлетворенности россиянами своей работой значимо сказывается отрасль хозяйства, величина рабочего дня и субъективная интерпретация работы.

Список использованной литературы и источников:

1. *Маршалл Т.Х.* Ценностные проблемы welfare-капитализма // Журнал исследований социальной политики, том 8, №4. С.439-458.

2. *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom. Berkeley: Univ. of California, 1979.Townsend P. Deprivation // Journal of Social Policy, 1987, Vol. 16, Part 2. - P. 130-131.

УДК 342.722(470+571)

ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РОССИИ
К.В. НИКИТЕНКО

Никитенко Кристина Викторовна, магистрант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: nikitenko-kristina@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается актуальность изучаемой темы в современном обществе. Дается общее представление о гендерном равенстве и краткий исторический очерк развития идеи гендерного равенства.

Автор приводит проблемы, выявленные в сфере равноправия мужчин и женщин и описывает возможные пути решения данных проблем. В заключении делается вывод о необходимости принятия государственных мер обеспечения равноправия мужчин и женщин. Делается акцент, что необходимо обратить внимание и на ущемление прав мужчин в борьбе за права женщин.

Ключевые слова: равенство; равноправие; гендерное равенство; семья; меры профилактики; работодатели.

PROBLEMS OF GENDER EQUALITY IN RUSSIA

K.V. Nikitenko

Annotation. The article proves the relevance of the topic under study in modern society. It gives an overview of gender equality and a brief historical outline of the development of the idea of gender equality.

The author gives the problems identified in the sphere of equality of men and women and describes possible ways of solving these problems. In conclusion, the conclusion is made about the need to take state measures to ensure the equality of men and women. The accent is made that it is necessary to pay attention to the infringement of the rights of men in the struggle for women's rights.

Key words: equality; equality; gender equality; a family; preventive measures; employers.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы статьи обусловлена назревшей необходимостью обеспечения равенства прав, свобод независимо от пола, приведение законодательных актов России в соответствии с положениями основного закона государства, закрепляющими данный принцип.

Под гендерным равенством, как правило, принято понимать такую систему, при которой доступ к правам и возможностям не зависит от пола конкретного индивида. Гендерную политику государства традиционно считают частью социальной политики. Уровень ее развития зависит от того, насколько проблема гендера и гендерного равенства стоит на государственной повестке дня[5].

Борьба за гендерное равенство берёт начало ещё с середины XX века, когда во Всеобщей декларации прав человека 1948 года было закреплено равенство вне зависимости от пола среди прочих признаков[1].

В Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которую ратифицировал и Советский Союз, от 1979 года основное понятие «дискриминации» рассматривается так: «Для целей настоящей Конвенции понятие «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области».

Все международные конвенции, как правило, посвящены защите прав женщин. При этом, не уделяется внимания обеспечению прав и свобод мужчин.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Проблема гендерного равенства заключается в поиске баланса между действительным равноправием мужчин и женщин и объективной оценкой их деловых, профессиональных, личных качеств, между равенством мужчин и женщин и заботой государства о жизни и здоровье граждан. То есть нельзя допустить, чтобы стремление достичь формального гендерного равенства преобладало над здравым смыслом в деятельности граждан, работодателей, государственных органов.

Важным шагом в достижении гендерного равенства в Российской Федерации стало принятие Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 -2022 годы[3].

Но стоит отметить, что данная стратегия носит односторонний характер. Цель ее состоит в защите прав женщин, но не в обеспечении равенства мужчин и женщин. Реальных мер, направленных на изучаемое равенство данный документ не предусматривает.

Достаточно наглядна проблемы гендерного равенства видится в сфере семейного права, где перевес в правах и возможностях наблюдается на стороне женщин.

Так, существует запрет на расторжение брака в период беременности и первого года жизни общего ребенка, если отсутствует согласие самой супруги.

Данный запрет нарушает принцип добровольности брака, права мужчин, не направлен на защиту прав женщин и тем более не способен наладить отношения между супругами.

Статьи 89 и 90 Семейного кодекса РФ предусматривают только право бывшей жены на алименты в период беременности и ухода за ребёнком в течение 3 лет со дня рождения общего ребенка[4].

В настоящее время нередки случаи, когда уход за ребенком осуществляет отец. Для установления равенства следует в статьях 89 и 90 Семейного Кодекса Российской Федерации предусмотреть права бывшего мужа требовать предоставления алиментов от другого супруга в течение 3 лет со дня рождения общего ребенка, если он остается с отцом.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составили такие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов: метод анализа и синтеза социально-правовых явлений; метод системно-структурного анализа; формально-логический метод, исторический.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках решения проблемы гендерного равенства представляется возможным в качестве реальных мер обеспечения гендерного равенства предусмотреть следующие:

- профилактика насилия в семье;
- закрепление обязанности работодателя указывать реальные причины отказа в принятии на работу соискателей. Для этого необходимо внести соответствующие изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации;
- признание за мужчиной права на расторжение брака в период беременности в течение года с момента рождения ребенка в независимости от согласия жены на развод.
- приведение в соответствии с принципом равноправия мужчин и женщин норм статей 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ проблемы позволил выявить лишь часть проблем гендерного равенства. В современном обществе для обеспечения гендерного равенства необходимо предусмотреть реальные меры такого обеспечения, направленные на защиту прав и женщин, и мужчин. Данные меры должны носить комплексный и систематизированный характер. Представляется возможным принять Стратегию гендерного равенства в РФ, которая бы защищала права не только женщин как действующая стратегия, но и мужчин, которые также нередко оказываются в ситуации, когда им необходима защита.

Список использованной литературы и источников:

1. "Всеобщая декларация прав человека" (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // "Российская газета". 10.12.1998.

2. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

3. Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 N 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы» // СЗ РФ. 13.03.2017. № 11. Ст. 1618.

4. *Белова Д.А.* Проблема гендерного равенства прав супругов по семейному законодательству РФ // Материалы межвузовской научно-практической студенческой конференции. 2016. С. 139-148.

5. *Сукач А.Я., Мухамедова С.В., Зинченко Я.Г.* Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 2. С. 64-74.

УДК 316.342.5

ПАРАДИГМА ЭЛИТАРИЗМА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ОБЩЕСТВУ ПОСТМОДЕРНА

Д.В. ПОКАТОВ

Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой истории, теории и прикладной социологии, социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail.: dvpokatov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности элитаристской и элитистской парадигм. Показаны их базовые отличия, детерминируемые как разной идейно-политической ориентацией, так и направленностью практических установок. Установлены и проанализированы векторы трансформации элитаристской парадигмы в условиях перехода к обществу постмодерна. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в чтении курсов по социологии политики и социологии элиты.

Ключевые слова: элита, парадигма, элитаризм, общество постмодерна.

THE PARADIGM OF ELITARISM IN CONDITIONS OF TRANSITION TO THE SOCIETY OF POSTMODERN

D.V. Pokatov

Abstract. In the article features of elitaristic and elitist paradigms are considered. Their basic differences, determined by both different ideological and political orientations, and the orientation of practical attitudes are shown. The vectors of the elitarist paradigm transformation in the conditions of transition to the postmodern society are established and analyzed. Applied aspect of the investigated problem can be realized in courses on the sociology of politics and sociology of the elite.

Key words: elite, paradigm, elitarism, postmodern society

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в социологии, как и других социальных, а также и гуманитарных науках, продолжаются ожесточенные дискуссии, идейная борьба различных научных школ и направлений, затрагивающая различные стороны общественного развития. Не является здесь исключением и политическая элита, выступающая неотъемлемым компонентом социальной структуры современного общества, который оказывает решающее воздействие на его трансформацию. Само рассмотрение элиты, как многогранного феномена, не может вестись с позиций какого-либо одного теоретико-методологического подхода, которые к тому же претерпевают значительную эволюцию в условиях продолжающихся трансформационных процессов. Это, без сомнения, актуализирует обращение к анализу находящихся у истоков изучения элиты двух ведущих парадигмальных ориентаций – элитаристской и элитистской, что позволит более четко проводить анализ самих характерологических черт данной ведущей общественной страты.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Известно, что элитаристская и элитистская парадигмы, являясь антиподами, выступали двумя ведущими ориентациями в изучении элит, начиная с конца XIX века. У истоков их формирования стояли ведущие социологи классической западной и отечественной социологии.

Одной из первых стала формироваться элитаристская парадигма, идейные творцы которой, в том числе, В. Парето, Р. Михельс, и, отчасти, Г. Моска, исходили из того, что

разделение общества на элиту и массу является закономерным, объективным процессом, выступающим как необходимый атрибут любой общественной системы. Подчеркивая объективность сохранения в обществе особой системы общественного неравенства с элитой во главе, многие идеологи данной парадигмальной ориентации отмечали, что элита является в целом закрытой группой, основанной на особых аристократических началах. Так, один из создателей теории элит и самой элитаристской парадигмальной установки В. Парето отмечал: «…предположим, что в любой сфере человеческой деятельности каждому индивиду присваивается некий индекс, показатель его способностей, наподобие экзаменационных оценок. Например, самому лучшему профессиональному специалисту дается десять баллов; тому, кто не сумел найти ни одного клиента, выставляется один балл, чтобы можно было выставить ноль баллов тому, кто является полным идиотом. Тому, кто сумел заработать миллионы, какими угодно способами, хорошими или плохими, дается десять баллов, кто зарабатывает тысячи лир – шесть баллов; кто едва не умирает от голода – один балл, кто был помещен в дом призрения для нищих – ноль баллов»[1]. В представлении В. Парето, элиту составляли такие представители общества, которые имели наиболее высокие показатели в своей области деятельности. По мнению ученого, в высшей страте общества, элите, присутствуют агрегаты, которые, хотя и не определены четко, но именуются аристократиями[1]. Впоследствии, вслед за Ф. Ницше, многие представители элитаристской парадигмы считали, что, чем более аристократичнее общество, тем выше оно в своем развитии[2].

Можно согласится с теми исследователями, которые отмечают, что элитаризм – глубоко аристократичное и консервативное направление. представляющее собой, по существу, рефлексию самого образа жизни элиты, общество в котором развитие мыслится как эволюция самой элиты[2].

В отличие от элитаризма, представители элитистского направления, хотя и говорили об объективности деления общества на элитную страту и основную массу, управляемое большинство, вместе с тем не считали элиту закрытой социальной группой, не подверженной процессам социальной мобильности. Элитистское направление является более демократичным, не только признавая социальную мобильность и возможности прихода в элиту представителей других страт, но и отстаивая идею о необходимости качественного пополнения элитных слоев неординарными, креативными личностями. Для данного направления уже не характерна рефлексия самой элиты. Здесь происходит формирование основ критического рассмотрения элитных слоев.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сопоставление двух ведущих парадигмальных тенденций в изучении элиты позволяет определить характерные черты трансформации элитаристской парадигмы на современном этапе, в условиях перехода к обществу постмодерна. Сам постмодерн, как подчеркивали многие западные и отечественные социологи, характеризуется качественным ростом неопределенности многих социальных реалий, связанных со случайностью и вариативностью. Среди основных черт постмодерна американский социолог З. Бауман справедливо выделял: плюрализм культур, распространяющийся на традиции, идеологии, формы жизни и т.д., доминирование средств массовой информации, существенно влияющих, а иногда, и определяющих многие общественные процессы, замену многих реальных сущностей символами, а также неопределенность моральных ценностей и стандартов[3].

В условиях постмодерна элитаристская парадигма, не только не теряет своей актуальности, но и приобретает некоторые объективные параметры своего существования. Сама неопределенность, неустойчивость общественного развития порождает во многом потребность в управляющем и регулирующем воздействии элитных слоев. Кроме того, можно согласиться с теми исследователями, которые справедливо отмечают, что в условиях распространяющейся в обществе постмодерна атомизации, растворении творческой

индивидуальности, у многих представителей общества растет необходимость соотнести себя с представителями элиты, противопоставив тем самым безликой, инертной массе.

Однако видение элиты в условиях перехода к обществу постмодерна в самой элитаристской парадигме существенно меняется. Само понятие элиты превращается по существу в образ, симулякр, несколько далекий не только от идеалов классиков социологии конца XIX- первой четверти XX века, но и от реальности. Действительно, в современных условиях трудно утверждать, что в элите сосредоточены преимущественно лица с неординарными, исключительно перспективными, творческими характеристиками. Так, проведенный автором анализ 650 биографий представителей федеральной политической элиты и 344 региональных политиков показал, что доля хозяйственников (включающих когорты бывших руководителей государственных предприятий ВПК и, отчасти, АПК, менеджеров фирм, работников федерального и регионального госаппарата) в её составе по-прежнему велика и равняется 28,8 %. На региональном уровне численность данного слоя варьируется от 30 до 60 %. В Саратовской области в 1996 году она составляла 55,2 %, а после избрания губернатором П.Л.Ипатова увеличилась до 58,8 %. В настоящее время данный показатель составляет в Саратовской области 42,6 %, в Самарской области - 44,7 %, а в Волгоградской области равняется 51,8 %. Процент же интеллигенция, которая должна выступать основой элиты, все ещё остается низким. В настоящее время общая численность представителей интеллигенции в составе политической элиты составляет 26 %, в том числе, среди депутатов Государственной Думы она несколько возросла до 27 %. По сути, состав элиты во многом детерминирует и многие другие характеристики, в том числе, образовательные и профессиональные. Относительно первых можно говорить о том, что в составе современной элиты по-прежнему сосредоточены технократы, имеющее весьма определенные ориентации относительно векторов дальнейшего общественного развития. В политической элите современной России к гуманитариям можно отнести 17,3 % политиков. Экономисты составляют в ней 11,7 % от общего состава таких деятелей, юристы – 11 %, в то время, как политики-технократы – 39,2 %[4].

Очень часто в элитной среде получают все большее распространение индивиды с предпринимательской (но не интеллектуально-нравственной) основой, культурным провинциализмом, далеким от реального творчества и инновационной деятельности. Зачастую, о чем говорят и многие исследования по проблемам политического лидерства и элитизма, в элите представлены и лица с антиимиджевыми характеристиками. Так, выделяется, как минимум 4 такие формы, наиболее распространенные сегодня. Прежде всего, ряду представителей, в основном, региональной элиты не хватает профессионализма как политикам, что происходит при доминировании в регионах административно-бюрократических элит, когда регион возглавляют «хозяйственники», либо представители «директорского корпуса», либо «агродиректора», увлекающиеся экономической и организационной стороной дела. Во втором случае представителям региональной элиты, наоборот, не хватает профессионализма, как руководителям и государственным служащим. Это характерно для харизматичных руководителей, работающих на публику. Такие руководители возглавили регион в результате консолидированной поддержки средств массовой информации на волне политической активности и благодаря умению использовать в своих целях ошибки прежнего руководства. Такие лидеры, как правило, не имеют опыта масштабной политической деятельности. Текущие и очень важные дела в возглавляемом ими регионе волнуют их меньше, в результате они очень часто передоверяют их решение своим заместителям и аппарату. В третьем случае, что можно встретить, не так редко и сегодня, должность в политической элите региона является для некоторых категорий региональных лидеров этапной, переходной на пути к намеченным более высоким статусным позициям в составе федеральной политической элиты. В результате, такие политики уделяют значительное внимание как своей публичной деятельности, так и позитивным результатам, достигнутым в регионе. В-четвертых, имеется и категория региональных лидеров, достаточно мало ориентированных на глубокие и продуманные социально-экономические

преобразования. Такие лидеры менее политизированы, проводят значительную работу с населением и средствами массовой информации. Большое внимание они уделяют также кадровой работе, стремясь расставить на ключевые позиции в институтах власти и управления своих сторонников[5].

В условиях перехода к обществу постмодерна можно говорить о том, что элита больше ориентирована не на приток творческих, креативных личностей, а на ориентацию на следование запросам общества потребления; ей присущи социальная мимикрия, упрощенность, стремление следовать запросам различных корпоративных слоев и групп. Она становится не фактором обновления и творчества, что пропагандировали представители, в том числе, и элитаристской парадигмы, а инициатором сохранения общественной стабильности, своеобразного статус-кво посредством следования базовым, во многом утилитарным запросам и инстинктам.

Определенным парадоксом стадии постмодерна становится то, что, оставаясь по-прежнему закрытой и корпоративной группой, элита стремится показать свою близость к управляемому большинству. Для этого, как правило, её представители умело используют информационные технологии, позволяющие манипулировать общественным мнением, создавая необходимые для этого образы-симулякры[4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог сказанному выше, можно говорить о том, что в обществе постмодерна элитаризм превращается из интеллектуально-консервативной парадигмы в утилитарно-прагматическую установку, во многом используемую для поддержания и сохранения сложившейся стратификационной модели. Можно говорить о том, что в современных условиях ориентация на какую-либо одну парадигмальную установку, либо методологическую ориентацию представляется неоправданной, в связи с чем, более продуктивно использование интегрально-критической методологии, учитывающей апробированные и наиболее перспективные и ценные черты различных парадигм.

Список использованной литературы и источников:

1. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 511 с.
2. *Ашин Г.К.* Элитология. М.: МГИМО-Университет МИД России, 2005. – 544 с.
3. *Кравченко С.А.* Реформы, инициированные постмодерном // Organizmica. 2008. № 10.
4. *Покатов Д.В.* Политическая элитарность в обществе постмодерна // Вопросы управления. 2016. № 2. С. 32-36.
5. *Тулеев А.М.* Политические лидерство в современной России. Региональный ракурс. М.: Мысль, 2000. -231 с.

УДК 316.75

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД

Р.К. ХАБДУЛОВ

Хабдулов Руслан Курмангалиевич, магистрант кафедры социологии регионов социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: ruslan1995007@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема социального положения женщин в современном обществе с позиции гендерного подхода. Анализируются подходы к проблеме социального неравенства между полами.

Ключевые слова: социальное неравенство, гендерный подход, социология.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF SOCIAL INEQUALITY: GENDER APPROACH

R.K. Khabdulov

Abstract. The article deals with the social status of women in modern society from a gender perspective. The approaches to the problem of social inequality between the sexes are analyzed.

Key words: social inequality, gender approach, sociology.

Наряду с формированием человеческого общества, возникла и проблема социального неравенства. На сегодняшний день в социологии нет ни одного идейного направления, где бы ни анализировалась проблема социального неравенства. Но большинство социологов придерживаются мнения о том, что никому ещё за всю историю общественной мысли не удалось так точно охарактеризовать данный процесс, как К. Марксу. Немецкий учёный был уверен, что главным источником социального развития выступает борьба между антагонистическими общественными классами. К. Маркс считал, что классы возникают и противоборствуют на основе различного положения и различных ролей, которые индивиды выполняют в производственной структуре общества. Однако немецкий социолог честно признавал, что ему не принадлежит заслуга открытия существования классов и их борьбы между собой. И это была чистая правда, так как анализом социального неравенства занимался ещё древнегреческий философ Платон. А уже в XVIII веке, когда буржуазия властно вступила на сцену истории, большинство экономистов, философов и историков прочно ввели в обществоведение Европы понятие «социальный класс». К таким ученым, прежде всего, стоит отнести Адама Смита, Этьена Кондильяка, Клода Сен-Симона, Франсуа Гизо, Огюста Минье[1] .

Проблема неравенства людей в обществе всегда существовала как один из аспектов анализа социальных наук. Понимание социального неравенства, как отклонения от идеала социального развития, реализуется в рамках гендерной социологии. Данная отрасль социологии рассматривает культурные изменения как имеющие первостепенное значение для социальной жизни, а культуру анализирует как фактор социальной стратификации. При анализе существующих на сегодняшний день исследований российских учёных, посвященных социальному неравенству, можно выделить два подхода к социологическому анализу социальной роли женщин в обществе. В рамках первого подхода женщина представляется как уникальное образование, социум, который отличается специфическими демографическими характеристиками, многочисленными ролевыми функциями и конкретным социальным статусом. В рамках второго подхода женщин анализируют как социально-демографическую группу. Стоит также подчеркнуть, что первый подход, выделяя женщин в особое социальное образование, только способствует усилению дискриминационных процессов в обществе, не способствуя повышению их социального статуса, а приписывание особых специфических функций создает очередной миф о другом, не таком и, следовательно, неполноценным[2].

Российские социологии в конце XX-го века делают первые попытки введение гендерного измерения в стратификационный анализ. К примеру, российский социолог В.В. Радаев в своих работах гендерную стратификацию рассматривается как один из возможных вариантов стратификации общества. В ходе анализа положения женщин в различных сферах, таких как наука, политика, производственная и управленческая сферах, В.В. Радаев пришёл к выводу о существовании гендерного неравенства во всех областях. Это связанно с разными стартовыми возможностями для мужчин и для женщин занять более высокую позицию в социальной иерархии и различный уровень доступности к политическому и духовному капиталу[3]. С тех пор, как в научной практике появилось понятия гендер, начались изменения научной парадигмы в анализе социальных отношений. В таком методологическом подходе, как в функционализме анализ гендерной стратификации объясняет дифференциацию

гендерных ролей с точки зрения разделения общественного труда, который возникает в доиндустриальном обществе. Базисом такого разделения служит биологические различия женщин и мужчин. Именно отсюда происходит функциональное разделение полов. Главным минусом данного подхода является то, что основной акцент ставится на различии гендерных ролей, а не на роль этих различий в социальной стратификации. В рамках теории конфликтов, главной природой гендерного неравенства является конфликт между господствующей группой мужчин и подчиненной группой женщин. Преимуществом же данного подхода является то, что гендерные отношения рассматриваются как отношения власти. Но совсем не учитывается тот факт, что внутри одной группы тоже возникают властно-подчиненные отношения. Либеральное течение феминизма видит причину неравенства в отсутствии юридического равноправия полов. Радикальное же направление феминизма видит проблему гендерного неравенства в патриархатной системе общества, контролирующее процессы деторождения и сексуальность. Что касается социалистического направления феминизма, то оно ссылается на марксистский анализ разделения труда и частной собственности. Социалистическое направление феминизма видит источник неравенства в разделении труда по признаку пола, а семейный труд рассматривает как дискриминационный, поскольку он не оценивается и не оплачивается.

Сепаратистское направление феминизма основывается на идеи отказа от патриархатной семьи и возвращение к матриархальной модели. Представители данного подхода выступают за изоляцию женской общности от всей патриархатной культуры, настаивая на создании новых культурных ценностей. Гуманистическое направление феминизма же напротив не за изоляцию женской общности от патриархатной культуры, а за взаимодействие с ней. В рамках данного направления предлагается переосмыслить сам гендерный вопрос, тесно связанный с глобальными проблемами в обществе. Упор делается на необходимость пересмотра позиции и отношений в целом к проблеме взаимоотношения гендерных групп не с традиционной мужской точки зрения, а с позиции общечеловеческой, основой которой является ценностный подход к каждому человеку как к личности, а приоритетным становятся эмоционально-этические ценности, такие как миролюбие, толерантность, эгалитарность[4].

После того, как женщина вышла в публичную сферу, в социальной науке возникла необходимость рассмотрения вопроса об определении социальной позиции женщин в обществе. Предпринятые ранее попытки построения социума на основе равенства в России показали, что проблема в терминах равенства и неравенства не соответствует сложности положения индивида в обществе. К тому же в советское время вопрос о социальном неравенстве не был решен, и даже наблюдалось усугубление положения женщин. Советское правительство стало реализовывать политику полового эгалитаризма. Как следствие мужчина был вытеснен из семейной сферы и заменен государством. А женщина приобрела универсальную гендерную роль - работающей женщины, сильной и гордой. Такая политика привела к получению доступа к чисто мужской сфере из-за нужды государства к дешёвой рабочей дополнительной силе. Но она не привела, как предполагалось, к изменению женской и мужской сферы, к взаимопроникновению в эти сферы. Можно сделать вывод, что на протяжении всей истории советского государства положение женщин определялось отрегулированными государственным аппаратом, демографическими и экономическими интересами представителей власти.

В современной России очень сложно в стратификационной сфере выделить индивидуальный социальный статус женщин. Данный процесс усложняется затянувшимся переходным периодом, в котором слой старых общественных отношений блокирует формирование новых общественных отношений. Такое положение дел зачастую способствует образованию сообразного вакуума. Наряду с проблемой приниженности социального статуса женщины, существует проблема его прозрачности, как следствие жесткой изоляции субъектно-объектных отношений. Одним из главных факторов, которые способствуют прозрачности социального статуса женщин, является отношение общества к домохозяйству и

материнству. Общество не признает домохозяйство способом производства, оно не оплачивается, а значит стоит очень низко в стратификационной системе. В России социальный статус женщины определяется в зависимости от той социальной подгруппе, к которой она относится. Таким образом, при определении социального статуса учитывается неравенство внутри самой социально-демографической группы. В социально-демографической группе социологи выделяют шесть основных подгрупп.

Первая подгруппа включает в себя слой безработных женщин и домохозяек. Социальный статус представительниц данной подгруппы определяется совокупностью профессионально-должностных характеристик всех их членов семьи. В отличие от других стран в России, можно наблюдать прямую зависимость социального статуса одного члена семьи от социального положения всей семьи. Отчётливо видна разница между безработной и домохозяйкой. Социальный статус домохозяйки определяется в зависимости от статуса мужа и социально-экономической стратой, в которой она находится. Безработная же женщина либо одинока, либо ее социально-профессиональный статус был выше мужа, до того, как она потеряла работу. В связи со спецификой российского общества появляется проблема определения индивидуального статуса при распределении. Данный факт связан с тем, что домохозяйка вообще может не иметь личного профессионально-должностного уровня в силу прозрачности социального статуса. Это позволит определить ее статусное положение только в соответствии положением ее мужа. К тому же форма ведения домашнего хозяйства может быть вынужденной и представлять собой скрытую безработицу. С другой же стороны, домохозяйка, которая имеет нулевой профессиональный уровень, может занимать высокую социальную страту.

Вторая подгруппа – это рабочие женщины. Их социальный статус определяется единицей измерения общей ситуации. Снижение объемов производства ведет к сокращению рабочих мест. В связи с данной ситуацией многие женщины из этой подгруппы вынужденно перемещаются по «лестнице»[4].

К третьей подгруппе относятся женщины, занятые в государственных сферах образования, науки, культуры, здравоохранения. Проблема определения социального статуса данной подгруппы заключается в том, что специфика российской действительности заключается в несоответствии профессионально-должностного уровня социально-экономической страте. Зачастую престижность большинства профессий, которые входят в эту подгрупп не соответствует доходной категории. Поэтому необходимо давать характеристику социального статуса с учетом социально-экономической страты семей.

Четвёртая подгруппа – это женщины, которые работают на частных предприятиях, но не занимают какие-либо управленческие должности. Женщины, относящиеся к данной подгруппе, имеют более высокий уровень доходов, чем женщины предыдущей подгруппы, но по многим характеристикам схожи.

К пятой подгруппе относятся женщины-предприниматели и женщины-руководители. Социальный статус их очень высок и соответствует занимаемой социально-экономической страте. Однако, для того, чтобы получить полную информацию о социальном статусе женщин в стратификационном пространстве нужно учесть ряд характеристик: возраст, семейное положение, национальность. Это связанно с тем, что все эти различия создают свои оси стратификационного пространства[5].

Сложность изменения в положении женщин в России заключается ещё в ряде факторов. Во-первых, в России проблема социально-психологических стереотипов касается не только мужчин, но и женщин. В отличие от многих европейских стран, в России до сих пор преобладают патриархатные настроения среди женщин. Даже мотивация женщин к участию в общественном труде сводится только к поддержанию семейного положения, которая обостряется кризисным положением российской экономики. Только некоторые видят в участии в общественном труде возможность получения социально-экономической независимости и самореализации себя как личности. Во-вторых, перед женщиной стоит необходимость совмещения ухода за детьми и работы. Данную проблему можно решить путём

проведения реформ в социально-экономической сфере и системе дошкольного воспитания. В-третьих, существует проблема разделения домашнего труда. Данная проблема связана с отсутствием достаточных средств на улучшение и автоматизацию домашнего хозяйства. Также немаловажным фактом является воздействием на полоролевые отношения традиционных стереотипов[6].

Можно сделать вывод о том, что социокультурная динамика женских и мужских ролей, гендер, отражает социальные реалии изменяющегося, трансформирующегося общества. В России структурные преобразования поспособствовали трансформации социальных отношений, и как следствие усиление гендерной асимметрии. Оставшиеся после советского времени проблемы равноправия полов, на сегодняшний день усугубляются и приобретают новые формы. С одной стороны, можно наблюдать ограничение женщин приватной сферой, рамками семьи. С другой стороны, делается постоянный акцент на первичности общественной, публичной сферы, по отношению к сфере эмоциональной ассоциирующейся с женщиной. Таким образом, усугубляется маргинальное положение женщины[7]. Для того, чтобы решить данную проблему можно действовать в двух направлениях. Первое – это расширение участия женщин в тех сферах жизни, которые традиционно считались мужским, таким образом, добиваясь равных экономических возможностей. Второе – это не просто дать возможность женщинам жить по мужским порядкам, но изменить те правила, по которым живет сегодня общество. Все эти действия буду способствовать тому, чтобы социальные отношения построятся на принципе, традиционно считавшимся женским, с учетом качеств, интересов, стилей, которые веками приписывались им.

Список использованной литературы и источников:

1. *Карл Маркс* и современная философия. М., 1999.
2. *Базуева Е.В.* Эконометрический анализ взаимосвязи показателей национальной экономики и гендерного неравенства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. - - N 2. - С.71-84.
3. *Ильин В.И., Ильина М.А.* Самозанятость как социальный феномен российского общества. - Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/ daW335/764/l 217/samozanqtostxl.pdf. (дата обращения: 20.03.2018).
4. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Изд-во Аспект-пресс, 1996.
5. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
6. *Ярошенко С.В.* Женская занятость в условиях гендерного и социального исключения // Социологический журнал. 2002. № 3. Режим доступа: http ://jour.isras.ru/index.php/socj our/article/do^do^/760/713 (дата обращения: 20.03.2018).
7. *Калинина Д.С.* Проблема социального неравенства с позиции гендерного подхода // СИСП. 2017. №2-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnogo-neravenstva-s-pozitsii-gendernogo-podhoda (дата обращения: 20.03.2018).

УДК 364.142

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ МАТЕРЕЙ ОДИНОЧЕК В РОССИИ

Н.В. ШАХМАТОВА

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: nadezhdashakhmatova@yandex.ru

Аннотация. В статье по результатам социологического опроса уточнена ситуация в саратовских монородительских семьях. Главной проблемой при воспитании ребенка у матери-одиночки является малообеспеченность, поэтому многие одинокие матери идут на дополнительную работу. Занятость на двух работах, оставляет немного времени на воспитание ребенка. Главным для матери одиночки является хорошее будущее для своего ребенка. Выявлено 3 вида повседневных стратегий выживания монородительских семей – традиционные, за счет экономии на всем; рыночные стратегии, за счет продажи имущества, сдача в аренду недвижимости; смешанные стратегии, за счет поиска более оплачиваемой работы, дополнительных заработков.

Ключевые слова: монородительская семья, одинокое материнство, стратегии выживания.

THE BASIC STRATEGY OF SURVIVAL SINGLE MOTHERS IN RUSSIA

N.V. Shahmatova

Abstract. In the article according to the Sociologic poll clarified the situation in Saratov monoroditelskih families. The main problem in the upbringing of a child from a single mother is poverty, so many single mothers go on extra work. Employment at two jobs, leaves little time for the upbringing of the child. For single mother is a good future for their child. Found 3 kinds of everyday survival strategies monoroditelskih families-traditional, savings at all; market strategies, by selling the property, leasing of real estate; mixed strategies by seeking more gainful employment, additional earnings.

Keywords: monoroditelskaja family, single motherhood, survival strategies.

Рождение ребенка незамужней женщиной совсем недавно считалось социально-аномальным явлением, и было предосудительным с точки зрения нравственности и морали. Теперь это табу снято, число внебрачных рождений возросло. Число детей, рожденных вне брака, за последние годы удвоилось и составляет около трети от общего числа рождавшихся[1]. В современных условиях, когда внебрачные отношения становятся приемлемой социальной нормой, можно предположить, что общество сменило негативный настрой в отношении одиноких матерей, который был характерен для советского общества, на более толерантный. Однако и сегодня специфика отечественного менталитета такова, что у ребенка в обязательном порядке должны быть и отец, и мать. А если по каким-либо причинам папа отсутствует и физически, и юридически, то люди торопятся навесить на маму ярлык матери-одиночки[2]. При этом Л.Г. Лунянова справедливо утверждает, что до 90% семей одиноких матерей живет за порогом бедности[3].

В современном обществе одинокое материнство характерно не только для асоциальных, неблагополучных категорий населения. Факторами формирования семей одиноких матерей являются разводы, не компенсируемые последующим вступлением в брак, вдовство, внебрачные рождения. Положение усугубляется тем, что высокая смертность мужчин привела к демографическому разрыву: в настоящее время, начиная с 33-летнего возраста, женщин в России на 10 млн. больше, чем мужчин. Женщины все чаще вынуждены в одиночку воспитывать своих детей.

Авторское исследование «Одинокое материнство» проводилось в 2017 году методом анкетирования. Было опрошено по целевой выборке, сформированной методом «нежного кома» 460 женщин г. Саратова репродуктивного возраста, воспитывающих детей в монородительской семье (до 20 лет - 30%, 20-24 - 23%, 25-29 лет - 17%, 30-39лет - 20%, 40-49 лет - 10%). Из них 56% - были замужем единожды, 13% - вдовы, 8,3% женщин никогда не вступали в брак и 22,7% несколько раз были замужем.

Основная масса респондентов являются служащими - 68,3%, 20% женщин составили рабочие, 5% - домохозяек и безработных, 3,7%. – студенты, учащиеся. 41% опрошенных

работают в частных организациях. 16,7% респондентов трудятся в сфере образования, 16,8% – в частном бизнесе (как правило – торговля), по 10% женщин - в промышленности и юридической отрасли. В органах управления - 5% женщин и около 3,5% опрошенных работают в сфере здравоохранения. Около 42% опрошенных имеют среднемесячный доход на одного члена семьи в размере прожиточного минимума. На 10% меньше респондентов - в пределах двух прожиточных минимумов, 18,3% женщин - в размере 3х прожиточных минимума, около 7,7% женщин имеют доход меньше прожиточного минимума.

По данным нашего исследования причиной одинокого материнства у 58% опрошенных респондентов является развод, 26% респондентов относятся к категории не запланированного одинокого материнства, 20% респондентов попали в состояние одинокого материнства в связи со смертью супруга. 12% опрошенных респондентов видят плюсы в одиноком материнстве, но подавляющее большинство опрошенных (88%) считают одинокое материнство бременем. Среди основных проблем одинокого материнства респонденты чаще всего выделяют недостаток денежных средств (75%), недостаток времени для ребенка (21%), дефицит свободного времени (4%).

Прежде всего, неполная семья, это в основном семьи малообеспеченные. Таким семьям предоставляется адресная помощь и льготы на основании заявлений и соответствующих документов граждан, нуждающихся и имеющих право на льготы, ведется учет граждан. В новых экономических условиях, при которых значительно сократился перечень социальных гарантий и снизился уровень социальной защиты, женщина мать, воспитывающая ребенка /детей без отца, сама должна нести ответственность за благосостояние своей семьи. Наиболее общей формой помощи, которой пользуются практически все неполные семьи с несовершеннолетними детьми, является государственное ежемесячное пособие одиноким матерям (не состоящим в браке) на содержание и воспитание детей в размере минимальной заработной платы.

По данным нашего исследования экономят на всем постоянно 43,3%, так как часто случаются ситуации безденежья. Так как денег на жизнь не хватает, 66,7% экономят на всем периодически. Продажей личного имущества периодически, в случае нехватки денег занимается всего лишь 3,5% опрошенных матерей-одиночек. В ходе анкетирования выяснилось, что матери часто занимают денег (55,6%). 32,4% - делают это редко. Поиском более высокооплачиваемой работой занимаются постоянно 22,2% опрошенных матерей. 29,8% - делают это периодически. 2,9% делают это редко. 45,1% - постоянно занимаются подработкой или ищут ее. Таким образом, подавляющее большинство семей одиноких матерей это семьи с весьма скудными материальными ресурсами и ограниченными возможностями в выборе вариантов изменить свою жизнь к лучшему.

Весь жизненный уклад в неполных семьях отличается от уклада других семей. Неполная семья часто не в состоянии обеспечить детям нормальную адаптацию в школе, что приводит к низкой успеваемости. В неполной семье в большей мере матери ориентированы на активное привлечение подростков к выполнению хозяйственных обязанностей. Дети из неполных семей чаще помогают в уборке квартиры, приготовлении пищи, починке одежды, бытовых приборов. При ответе на вопрос могут ли респонденты дать ребёнку всё что нужно, для счастливой и полноценной жизни, 34% матерей дали отрицательный ответ. Решение этой проблемы они видят в построении полной семьи через вступление в брак. 32% утверждают, что существует возможность дать ребенку все необходимое. 22% - в этом уверены. 12% придерживаются мнения, что ребенок сам возьмет от жизни все, что ему нужно для развития, и мама ребенка не в силах повлиять на этот процесс. 61% респондентов дарят подарки детям по некоторым праздникам, 34% - дарят подарки при каждой возможности, 5% - не дарят подарки вообще.

По мнению 12% саратовчанок дети, выросшие в неполных семьях, ничем не отличаются от других детей. 66% респондентов утверждают, что дети, воспитанные одинокими матерями, более ранимы. 12% указывают на большую подверженность таких детей влиянию улицы, 10% указывают на их сложности с учебой. Вне зависимости от количества

детей у большинства матерей остается только 2-4 часа на отдых, занятия с ребенком и личную жизнь. только в выходные дни мать проводит с ребенком больше 6 часов в день, так ответило 33,3% опрошенных.

Опрос показал, что для одиноких матерей главным в жизни является реализация профессиональных потенциалов (42% опрошенных). 26% хотят хорошего будущего своим детям и внукам. 20% ответило, что мечтают встретить надежного спутника жизни. 8% - хотели бы благополучия в семье. 4% - хотят материально обеспеченную жизнь. Таким образом, одна из проблем неполных семей – совмещение профессиональной и родительской ролей, что, при режиме полной занятости, существенно снижает время, которое могло бы быть использовано матерью для совместного времяпрепровождения с ребенком, минимизируя воспитательное влияние матери.

Обязанности по воспитанию детей в разных семьях распределены по-разному. Так 77 % респондентов указали, что основные заботы по уходу за детьми и их воспитанию лежат на старшем поколении, 13 % - воспитанием ребенка занимается сестра, 4% оказывают помощь дальние родственники. 6% респондентов не доверяют ребенка никому. Из этого можно сделать вывод, что большая часть опрошенных не реализуют уход за детьми и их воспитание, перекладывая основные заботы о детях на своих родителей.

Важное значение имеет семейное воспитание, в процессе которого складываются идеалы и представления о взаимоотношениях полов, о ролях и функциях супругов, о значении брака и семьи. По этому поводу выяснилось, что основная масса респондентов (93,3%) воспитывались в полной семье. Это говорит о том, что структура семьи у большинства старшего поколения, значимо отличается от современного представления многих женщин о семье. 97% женщин полагают, что можно иметь постоянного партнера, будучи не замужем, и ничего постыдного в этом нет. Практически идентичная ситуация прослеживается и по поводу рождения ребенка вне брака. Так, 60% женщин считают вполне нормальным родить “только для себя” и около 33,3% опрошенных сомневаются, но не отрицают этот факт и считают, что это зависит от материального положения.

В ходе опроса респондентам было предложено пофантазировать и представить себе такую ситуацию: взрослая дочь собирается выходить замуж. Здесь респондентам требовалось сказать напутственные слова. Почти 40% женщин затруднились ответить. 23% опрошенных считают, что главное это полноценная семья и что её нужно сохранить в первозданном виде на протяжении всей жизни. Примерно 37% матерей в своем напутствии полагали, что «важно это ты сама, что муж это не совсем главный, отчасти и ненужный атрибут семьи и не нужно идти на большие жертвы ради него». Это свидетельствует о тенденции воспроизводства монородительских семей.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что воспитательная активность распределена сравнительно неравномерно, воспитанием ребенка в подавляющем большинстве занимаются родители матери ребенка. Главной проблемой при воспитании ребенка у матери-одиночки является малообеспеченность, поэтому многие одинокие матери идут на дополнительную работу. Занятость на двух работах, оставляет немного времени на воспитание ребенка. Главным для матери одиночки является хорошее будущее для своего ребенка, в настоящее время дать ему хорошее образование, чтобы в будущем у него не было проблем с материальным достатком.

Можно условно выделить несколько видов повседневных стратегий выживания. Традиционные стратегии: рациональное распределение семейных доходов, экономили на всем, удовлетворяя лишь первоочередные потребности; денежная и натуральная помощь от родственников, знакомых и даже посторонних лиц, занимали деньги у друзей и родственников, при этом функции воспитания осуществлялись самостоятельно. Рыночные стратегии: продажа личного имущества, выращенных продуктов, сдача в аренду излишки жилой площади или дачу, функции воспитания также осуществлялись самостоятельно. Смешанные стратегии: проявление активности и предприимчивости поиска более

оплачиваемой работы или дополнительных заработков; приобретении “нужных” контактов для сохранения и поддержания своего материального и социального положения.

И, все-таки, неполные семьи – это девиация, отклонение от нормы. В таких семьях нарушается процесс воспитания и социализации детей, уменьшается уровень рождаемости из-за материальных трудностей, которые испытывают эти семьи. Женский труд в производстве, его качество и эффективность должны сопровождаться обеспечением необходимых условий, позволяющих рационально сочетать труд и материнство. Это касается всех сфер жизнедеятельности женщин: профессиональной, семейно-бытовой, материнской. Не следует забывать, что лучшая борьба с проблемой – это ее профилактика. Система профилактики по сокращению численности неполных семей должна включать в себя: меры, предупреждающие негативные тенденции в сфере устойчивости семьи; меры, нейтрализующие влияние «факторов риска» на стабильность семейных отношений.

Список использованной литературы и источников:

1. Доля внебрачных рождений //Демоскоп Weekly. № 767 – 768. 9 - 30 апреля 2018 //http://www.demoscope.ru/weekly /app/app4013.php

2. *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Цыглакова Е.А.* Одинокие матери: клиенты или граждане? // Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне. Саратов: Изд-во "Научная книга", 2003.

3. *Лунякова Л.Г.* О современном уровне жизни семей одиноких матерей // Социс: Соц. исслед. - 2001. - N 8.- С. 22.

УДК 316.34

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

З.С. ЭЛЬСАЕВА

Эльсаева Зарема Султановна, аспирантка кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ.

E-mail: elsaeva.zarema@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие гендера. Анализируется проблема гендерного неравенства. Рассматриваются основные теории гендерного неравенства. Рассматриваются основные социальные статусы женщины в России. Дается оценка гендерному неравенству в России.

Ключевые слова: гендер, гендерное неравенство, социальное неравенство, гендерный подход.

THE GENDER DIMENSION OF SOCIAL INEQUALITY

Z.S. Elsaeva

Abstract. The article deals with the concept of gender. The problem of gender inequality is analyzed. The main theories of gender inequality are considered. The main social status of women in Russia is considered. The estimation of gender inequality in Russia is given.

Key words: gender, gender inequality, social inequality, gender approach.

Проблема неравенства людей существует на протяжении всего периода существования человека. И является один из основных направлений для изучения в социальной науке. В свою

очередь гендерный поход рассматривает социальное неравенство, как отклонение от нормального развития в обществе.

Рассматривая различные теории гендерного неравенства, по которым не равноправно распределяются социальные блага между мужчиной и женщиной, можно выделить два основных. В одной из них женщина рассматривается как уникальный феномен в обществе. У которой есть свой индивидуальный статус, определенные демографические характеристики, свои немаловажные функции, права и обязанности. В другой, женщина представляется как социально-демографическая группа. Стоит заметить, что первая теория не влечет к повышению статуса женщины, а ведет к усилению дискриминационных настроений.

Заинтересованность к проблеме гендера и стратификации в России появляется в конце XX в начале XXI веков. С точки зрения исследователя Радаева, одним из вариантов стратификации общества является именно гендерная стратификация. Рассматривая женщину в различных сферах общественной жизни, автор приходит к заключению, что гендерное неравенство присутствует во всех областях жизни деятельности человека. Женщины и мужчины имеют неодинаковые первоначальные возможности, и разный доступ к духовным, социальным и политическим благам[4].

Изменения научной теории в изучение социальных отношений, началось именно с появлением понятия гендер. После чего начали образовываться теории гендерного неравенства.

Зарубежные исследователи, а именно Р. Бейлс и Т. Парсонос, которые рассматривали гендерное неравенство через функциональный анализ, видят положительную сторону в дифференциации половых ролей. По их мнению, таким образом осуществляется социализация детей и регламентирование сексуальных связей. Согласно их концепции в семье у супругов должны определятся две разные роли. Мужчина как отец семейства должен выполнять инструментальную роль, то есть иметь статус добытчика. Женщина в свою очередь должна поддерживать семейный очаг, а значит выполнять экспрессивную роль[1].

Можно сделать вывод, что в основе функциональной теории, гендерная стратификация объясняется дифференциацией гендерных ролей, которая берет свое начало в доиндустриальном обществе, в основе которого заложено разделение общественного труда. Ядром такого разделения является биологическое различие женщины и мужчины. Минусом данной теории является то, что за основу в ней берется различие гендерных ролей, а не различие в социальной стратификации.

Рассматривая теорию конфликта, анализом которой занимался Р. Коллинз можно заменить, что за основу гендерного неравенства он берет конфликт между господствующей мужской группой, над подчиненной женской группой. За основу Р. Коллинз привел два основных фактора, которые повлияли на зависимость женщины от мужчины. Первое это материальная зависимость, а второе это ценность женщины как собственности, подлежащей обмену. То есть отношение власти является основой данного подхода. Но в данной теории не рассматривается тот факт, что внутри одной группы также могут сформироваться властно-подчиненные отношения[1].

Теория конфликта в какой-то мере схожа с неомарксистской теорией. Исследователи данного направления отчасти разделяют позицию Коллинза. Но причиной господства мужчины над женщиной неомарксисты видят в структуре капитализма. Исследователь Хартманн, чтобы понять данное господство мужчины над женщиной, изучает связь между капитализмом и патриархатом. И приходит к выводу, что данная форма господства приняла твердую форму экономической структуры и социальной системы. Он отмечает, что данное господство поддерживается путем более низкой оплаты труда женщины, в сравнение с мужской оплатой. Низкий заработок является следствием того, что женщине нужно выходить замуж, чтобы обеспечить себе достойное существование. То есть замужние женщины работают на своих мужей, становясь домохозяйками. Либо многие работают на пол ставки, тем самым ставя себя в невыгодное положение на рынке труда[3].

Подобная теория была сформулирована Бэрроном и Норрисом, которые считают, что в капиталистическом обществе посредством подчинения женщины, можно достичь гибкости рынка. По их мнению есть два рынка труда первичный, в который входят более высокооплачиваемые и стабильные должности, в большинстве своем занимаемые мужчинами. И вторичные, нестабильные на которых работают, как правило, женщины[1]. Причиной по, которой в капиталистическом обществе выработалась такая система, является сам женский пол. Так как женщины в сравнение с мужчинами не дорожат свое работой, являются менее надежными работниками и самое главное не добиваются особых успехов в карьерной лестнице. На современном этапе развития общества данная теория подвергается большой критике.

Существует направление, которое видит причину гендерного неравенства в отсутствие юридического равноправия полов. Данным течением является либеральный феминизм. Более радикально настроенное ответвление либерального феминизма, видят проблему неравенства в господстве патриархальной системы общества, и контроле деторождения.

Социалистическое направление феминизма опирается на марксистскую теорию разделения труда. То есть главной проблемой гендерного неравенства является то, что в основе разделение рынка труда, лежит половой признак. А домашний труд есть источник дискриминации, так как он не оценивается и не оплачивается.

Сепаратистская модель феминизма основывается на переходе от патриархальной модели семьи к матриархальной. Данное направление видит выход в создание новых культурный ценностей, и полной изоляции патриархальной культуры от женской общности.

Представители гуманистического феминизма считают, что нужно не изолироваться, а наоборот взаимодействовать с патриархальной культурой и их ценностями. Они считают, что все проблемы в обществе связаны с неправильным пониманием гендерного вопроса. Нужно полностью пересмотреть проблему взаимодействия гендерных групп, абстрагируясь от традиционно мужской и женской точки зрения. Делая акцент на общечеловеческие ценности, смотря на человека как на личность, индивида, а не на его принадлежность к какому-либо полу[2].

Рассмотрев вышеизложенные теории гендерного неравенства можно точно сказать, что каждая из них имеет место быть, у каждой есть свои плюсы и минусы. Но не одна из них не дает полного и объективного понимания проблемы гендерного неравенства. Потому что каждая из них основывается на конкретном типе общества и на определенной ситуации, и периоде жизни общества.

Появление женщины в публичной сфере поставил перед социальной наукой вопрос, как теперь трактовать социальный статус женщины в обществе. На примере нашей страны в период советского строя можно отметить сильное ухудшение положения женщины, а вопрос о проблеме гендерного неравенства даже не рассматривался. Советское реформирование в этой области было направлено на половой эгалитаризм, то есть мужчина в какой-то степени был вытеснен из семейной жизни. Женщина получила универсальную гендерную роль работающей женщины, и теперь нуждалась не в мужчине, а в государстве. Женщины могли заниматься работой в мужских сферах, а государство получало душевую рабочую силу. То есть в советский период положение женщины регламентировалось экономическими интересами страны.

На современном этапе в нашей стране очень сложно определить положение женщины в стратификационной области. Так как на новые регламенты гендерных взаимоотношений, накладывает свой отпечаток прошлые ценности и традиции.

В России социальный статус женщины регламентируется тем, к какой социальной подгруппе она относиться. Таким образом, устанавливая социальный статус женщины, нужно обращать внимание на неравенство внутри социально-демографической группы, в которой выделается несколько направлений. И для того, чтобы понять социальный статус женщины нужно рассмотреть эти направления.

Перовое направление включает в себя слой безработных, а втрое – домохозяек. Между этими двумя направлениями существует большая разница. В России статус одного члена семьи зависит от социального положения всей семьи. Статус женщины домохозяйки напрямую зависит от социально-экономической группы всей семьи, к которой она относиться и от социального положения мужа. К примеру, безработная женщина может быть не замужем. Или когда женщина потеряла работу ее социально-профессиональный статус был выше чем у мужа. При рассмотрении подгруппы домохозяек, намного сложнее определить индивидуальный статус. Так как у домохозяйки может не быть индивидуального профессионально-должностного уровня. В этом случае ее статус будет зависеть от положения мужа. С другой стороны статус безработной может быть подменен на статус домохозяйки по причине не имения работы. А так же домохозяйка, не имеющая профессионального уровня, может занимать одну из высоких социальных ниш.

Третье направление – это женщины-рабочие. Их социальный статус определяется единицей измерения общей ситуации. С этой группы женщины могут легко перейти в первую или вторую группу потеряв работу.

Четвертое направление – это женщины, работающие в государственных сферах, таких как здравоохранение, образование, культура, наука и т.д. У этого направления трудно определить социальный статус, так как на данном этапе развития нашей страны профессионально-должностной уровень человека не соответствует социально-экономической группе. Зачастую престижность профессии не соответствует уровню дохода, что приводит к проблеме определения социального статуса человека. В таких случаях социальный статус можно определить по социально-экономическому положению всей семьи. И эта проблема довольно остро стоит в России.

Пятое направление – это женщины, работающие на частных предприятиях. И парадокс в том, что они имеют более высокий уровень доходов, чем женщины той категории, о которой говорилось выше, а в целом по многим параметрам схожи.

К последнему шестому направлению относятся женщины-руководители и предприниматели. Социальный статус таких женщин высок и не противоречит их социально-экономическому положению[5].

Но чтобы точно определить статус женщины помимо всего вышесказанного нужно также учитывать возраст, семейное положение, этническую и конфессиональную принадлежность женщины.

Проблема социального положения женщины в России обуславливается социально-психологическими стереотипами. У женщин преобладают патриархальные понятия о своем положение. Большинство женщин выполняют общественную работу по причине улучшение своего семейного положения, а не для того, чтобы реализовать себя как личность. Другой причиной служит проблема совмещения работы и ухода за детьми. А также не маловажной причиной является проблема домашнего труда, так как существует стереотип традиционного разделения домашнего труда между членами семьи.

Подводя итог можно сделать вывод, что структурные реформы в России повлекли за собой изменение в социальных отношениях, с ухудшением гендерного неравенства. Преемственность советского периода усугубилась, и образовала новые проблемы. Ограничение женщины рамками семьи, приводит к усилению маргинальности женщины.

Решить данную проблему можно, расширив участие женщины в тех областях общественной жизни, которые всегда считались мужскими, и предоставить равные экономические возможности. Женщина должна не просто занять место мужчины, а социализироваться эти общественные направления в зависимости с присущими ей качествами.

Список использованной литературы и источников:

1. *Радаев В.В., Шкаратан О.Н.* Социальная стратификация. М.: Изд-во Аспект-пресс, 1996.

2. *Стрельник Е.* Гендерное неравенство: теоретико-методологические подходы к интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005, №4 - с. 147-154.

3. *Смелзер Н.* Сексуальные роли и неравенство // Смелзер Н. Социология. - М., 1994. - с. 328–360.

4. *Малышева М.М.* Гендерное наполнение политического пространства в России: конец 20-го – начало 21 века // Интернет-конференция «Гендерные стереотипы в современной России».

5. *Ярошенко С.В.* Женская занятость в условиях гендерного и социального исключения// Социологический журнал. 2002. №3.

УДК 316

НЕРАВЕНСТВО ГОРОДСКОГО ДЕТСТВА В.Н. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна, доктор философских наук, профессор, кафедра психологии и прикладной социологии, Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
E-mail: jarskaja@mail.ru

Аннотация. Из множества различных неравенств автор останавливает своё внимание на темпоральном неравенстве возрастной когорты. Статья посвящается неравенству детства в современном мире, а также попыткам с помощью инклюзивного образования смягчить, сгладить это неравенство.
Ключевые слова: неравенство, время, темпорализм, когорта

THE INEQUALITY OF URBAN CHILDHOOD

V.N. Yarskaya-Smirnova

Abstract. Of the many different inequalities, the author stops your attention on the temporal inequality of the age cohort. The article is devoted to the inequality of childhood in the modern world, as well as attempts by inclusive education to mitigate this inequality.
Key words: Inequality, Time, Temporalism, Cohort, inclusive Education

Социальное неравенство - форма социальной дифференциации, при которой отдельные когорты, группы, страты, индивиды находятся на разных ступенях социальной иерархии либо обладают неравными жизненными шансами и возможностями. Общество структурировано по многим основаниям - национальным, темпоральным, классовым, демографическим, поселенческим, в том числе естественным, генетическим, соматическим, физическим и возрастным различиям. Принадлежность людей к этим когортам и стратам порождает определённый вид или форму социального неравенства.

Неравенство многолико и проявляется в различных звеньях единого социального организма: семье, возрастной когорте, учреждении, предприятии, малых и больших социальных группах. Оно выступает необходимым условием организации социальной жизни**,** любой социальный институт стремится к сохранению неравенства как упорядочивающего начала**,** без которого невозможны интеграция и воспроизводство социальных связей.

Временные отрезки в жизни сообщества и отдельных индивидов наделяются значением в зависимости от того, какие события происходили в их рамках в различных календарях[1]. Многообразие в современной эволюции культуры показывает время и темпорализм как соответствующее эпохе представление о времени, причём не только естественных форм, но и резкое изменение его социальных форм, особенно в последние годы. Это дополнительно подчёркивает субъектность социального времени в конкретных культурно-исторических практиках, предложено несколько различных типов времени[2], в этом нашли отражение примеры сообществ, которым присущи те или иные разновидности социального времени.

Существует ли неравенство внутри какой-то одной страты? Уже давно, например, думается о возрастных стратах – пожилых, молодёжи и наконец, страте детства, ведь легко заметить, что дети наших городов не защищены от бедности, инвалидности и болезней, неудобств городской жизни и слабой мобильности. Различия временной ориентации, образов времени, толкования анахроничности и современности между группами российского общества затрудняют преодоление аномии, бедности, формирование ценностей и социальных

норм. Можно заметить неравенство между семьями и даже внутри семьи; неравенство между детьми, живущими в семье, и сиротами; инвалидами и не-инвалидами.

Проблемами депривации городских детей и подростков в 90-е годы занимались итальянские учёные, обозначившие детство, которое вынуждено протекать в городском сжатом пространстве и ускоренном времени[3]. Время детства обрывается на жизненном пути в период вступления в самостоятельную жизнь. Команды исследователей в Неаполе, Палермо и Милане объединились в проекте по исследованию темпоральных ситуаций трудного положения городского подростка. С тех пор стали знаменитыми отобранные для анализа жизненные времена, истории подростков из городов, которые иллюстрируют ситуации ребенка в трудных обстоятельствах. Худшая комбинация времени экономической бедности и других форм лишениё ущемляет сотни тысяч подростков в центрах и новых гетто в предместьях городов.

В рамках категории времени нуждающихся в помощи молодых и юных людей идентифицируются безнадзорные, беспризорные, сироты, инвалиды, дети мигрантов и этнических меньшинств. Фокусирующим темпоральным признаком этого процесса выступает социальное сиротство. Ведь более девяноста процентов детей-сирот, проживавших в прежнее время и в настоящее время проживающих в государственных детдомах, интернатах и специализированных учреждениях, имеют родителей. Однако эти так называемые родители игнорируют жизненное время детей, по суду или добровольно не исполняют родительские права и обязанности ни раньше, ни позже, ни сейчас.

Молодое поколение можно полагать значимым для общества ресурсом лишь в том случае, когда не только сами родители, но и государство обеспечивают необходимые условия для развития молодой когорты в качестве субъекта своей жизни. Многие когорты молодых сегодня не могут в полной мере реализовать свой потенциал либо выстроить индивидуальные жизненные стратегии. Они не рассматривают себя в качестве активного субъекта изменений, способного повлиять на политические, экономические, социальные, культурные события, большинство не чувствуют ответственность за происходящее в стране.

Общее для различных типов государств – это, безусловно, социальное ускорение времени, – его никак не избежать. Время социального неравенства обостряется, теории времени должны адаптироваться к социальным реалиям, мобилизуя концептуальные ресурсы. Ускорение может иметь своим напарником, спутником – замедление. Часть россиян существует в прошлом или уже в позапрошлом столетии, без газа, воды, интернета, мобильной и телефонной связи. *Идёшь вдоль улицы – а на подоконниках примусы стоят*… (Анкетёр, вернувшийся из области).

Различия в представлениях о времени сказываются и в обществах с собственными культурно-историческими контекстами, и разных поколениях внутри сообщества. В технократических традициях внутренней политики России система получения образования уязвимыми группами, инвалидами, мигрантами, сиротами развивается преимущественно за счёт частных инициатив, энтузиазма ряда руководителей учебных, профессиональных, социальных учреждений и организаций. В итоге ускорение и замедление выступают составной частью социального развития последних десятилетий[4].

Осуществляемая государственная социальная политика, за исключением некоторых шагов региональных социальных ведомств и служб, де-факто ориентирована на сегрегацию и изоляцию этих групп людей в специальных (коррекционных) учреждениях, трудоустройстве на специальных производствах. В результате - оторванность от широких социальных контактов, низкий уровень образования и конкурентоспособности, отсутствие выбора профессии, заработной платы, возможности достойного образа жизни. Чтобы желаемые конструкции времени социально состоялись, они должны выстроить жизненный мир обыденных реципиентов, обусловленный не только темпоральными и социально-экономическими, но и другими многообразными факторами: возрастными, поколенческими, этнокультурными, географическими, поселенческими, профессиональными и физическими.

Инклюзивное образование предполагает одновременное включение детей, как здоровых, так и с особенностями развития, в общий учебный процесс, перед школой встает задача построения системы, удовлетворяющей потребности каждого ученика. Это гибкая, открытая, динамичная система, где учитываются потребности детей, и с проблемами развития, и разных этнических групп, пола, возраста, здоровья, принадлежности к социальной группе. Образовательная система подстраивается под ребёнка, а не ребёнок под систему, должны создаваться адаптированные программы, индивидуальный подход, техническое оснащение.

Цель деинституциализации коррекционного образования - созданию инклюзивных школ как интеграционной площадки, объединяющей здоровых и особенных учеников. Одновременно, на совещании (https://минобрнауки.рф/m/новости/11046) 21.09.2017 отмечены успехи по устройству детей-сирот в семьи, численность детей-сирот в государственном банке данных за 10 лет сократилась в три раза. Сегодня есть сведения о 52 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей, численность таких детей продолжает снижаться, и в том числе благодаря активной деятельности институтов и служб по предотвращению социального сиротства.

Изменение современных школ ориентировано на всех детей без исключения лишь на формальном уровне, на практике учебные учреждения устанавливают свои правила взаимодействий в контексте обстановки. Инклюзия в контексте деинституциализации образования детей в специальных учреждениях действует в публичном контролируемом пространстве формально, здания школ имеют пока лишь системы дистанционного вызова, пандусы на входе, специальные перила и поручни. Но центры социального обслуживания населения оборудованы с учётом потребностей, возникающих в связи с инвалидностью, и позволяют инвалидам пользоваться социальными услугами[5].

Не только укороченное время детства бедных и находящихся в социально опасной ситуации семей, но и сжатая темпоральность детей с ограниченными возможностями и социальных сирот приводят к тому, что к началу самостоятельной жизни эти дети оказываются с мизерным и негативным социальным багажом. В дело вмешивается еще и городская среда, которая доступна далеко не для всех городских и возрастных когорт, замедляя их мобильность и одновременно еще более укорачивая их социальное время. Выпускники спецшкол или интернатных учреждений не попадают в поле зрения мероприятий по рекрутингу в молодёжные акции, характеризуются депривированностью, несформированной идентичностью, незаконченной социализацией, подтверждая маргинальность, неустойчивость социального статуса. Но ведь это лишь начальный этап деинституциализации образовательной среды.

Находясь один на один с учеником, имеющим особенности развития, учитель порой отказывается от профессиональных норм, которые закреплены документально или этическим кодексом. Именно в рамках личного переднего плана возможно проявление ошибок в педагогической деятельности, и мы не раз наблюдали, как начинают транслировать клише о детях с инвалидностью. Конечно, ещё не всё в российских реалиях соответствует принципам социального государства – гарантиям экономических и социальных прав и свобод человека и гражданина, служению обществу, стремлению исключить или свести к минимуму неоправданные социальные различия. К неравенству в любом возрасте, а также к жёстким, линейным, спускаемым сверху правилам наше поколение привыкло, хотя и не притерпелось.

Можно говорить о нерешённости проблем социальной адаптации субкультур сирот и инвалидов с целью их социальной интеграции в здоровом жизненном пространстве. Вместе с тем постмодернистская темпоральность позволяет личности ощутить себя включённой в гипертекст, свою причастность к инклюзивной культуре. эта цель и преследуется в деинституциализации. Вместе с тем, известна далеко не однозначная реакция родителей особенных детей в связи с предстоящей реорганизацией коллекционных спецшкол. И всё же итог таков: нелинейность и негомогенность форматов социального времени позволяют нам выразить неравенство не только как общую категорию социума, но и как конкретную характеристику части жизненного пути под названием детство.

При поддержке РФФИ, проект № 18-011-00562

Список использованной литературы и источников:

1. *Сорокин П.А., Мертон Р.К.* Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. №6

2. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2005 -525 с.

3. Ray Lorenzo. Italy: Too little time and space for childhood / Unicef / Istituto degliinnocenti di ferenze / 1992

4. *Хартмут Р.* Ускорение. Изменение структуры Времени в современности. 8.11.2005 Suhrkamp Verlag

5. *Шестопалова Ю.* Безбарьерная среда для маломобильных граждан как объект социального проектирования // Интернет-журнал Науковедение. 2011. №6

УДК94 (437) [13]

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПРАГЕ СЕРЕДИНЫ XIV В. И ОСНОВАНИЕ НОВОГО МЕСТА ПРАЖСКОГО

А.Н. ГАЛЯМИЧЕВ

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: galyamichev57@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены свидетельства источников об основании в 1348 г. Карлом IV Нового Места Пражского. На основании их анализа, а также использования сравнительно-исторического метода показано, что это предприятие правителя Чехии и Священной Римской империи способствовало смягчению социальной напряжённости в Праге. Представлены основные социальные конфликты в Праге середины XIV в. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в процессе преподавания курсов истории средних веков и зарубежных славянских народов в высшей и средней школе.

Ключевые слова: Прага, Новое Место, Карл IV, средневековый город.

SOCIAL CONFLICTS IN THE PRAGUE OF THE MIDDLE OF THE XIV CENTURY AND THE FOUNDATION OF THE NEW TOWN OF PRAGUE

A.N. Galyamichev

Abstract. The article deals with the evidence of sources about the Foundation in 1348 by Charles IV of the New Town of Prague. On the basis of their analysis, as well as the use of a comparative historical method, it is shown that this enterprise of the ruler of the Bohemia and the Holy Roman Empire contributed to the alleviation of social tensions in Prague. The article presents the main social conflicts in Prague in the middle of the XIV century. the Applied aspect of the studied problem can be implemented in the course of teaching the history of the middle ages and foreign Slavic peoples in high and high school.

Key words: Prague, New Town, Charles IV, medieval city.

ВВЕДЕНИЕ

Основание королём Чехии и императором Священной Римской империи Карлом IVЛюксембургом в 1348 г. Нового Места Пражского - одна из самых ярких страниц средневековой истории столицы Чехии. Её специальное рассмотрение позволяет выявить некоторые недостаточно изученные до настоящего времени её аспекты, в частности вопрос о природе социальных конфликтов в городе и способах их разрешения.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Впервые о своём намерении расширить Прагу и дать будущей её части название Нового города (по-чешски Noveměsto) Карл IV объявил в грамоте, изданной 3 апреля 1347 г.

Менее чем через год, 8 марта 1348 г., Карл IV издал грамоту об основании Нового города пражского. В грамоте отмечалось: «Город пражский, … расположенный в центре королевства на плодороднейшем месте, посещаемый народами из разных краёв и частей света, дома и здания которого не могут, как подобает, вместить его жителей и тысячи приезжего

люда, и стечение людей, которых никто не может счесть, … ради общего блага мы расширяем и увеличиваем согласно ясному и дальновидному плану»[3].

В соответствии с замыслом молодого правителя, вступившего на королевский и императорский престол в 1346 г., Новый город должен был окружить широким полукольцом Старый город (Старое Место Пражское) - сложившееся в X - XIIвв. поселение вокруг рыночной площадина правом берегу Влтавы, напротив левобережного Пражского града.

Желая привлечь во вновь основываемый город как можно больше новопоселенцев, Карл IV обещал всем, кто пожелает в нём поселиться, выгодные условия: освобождение от налогов на ближайших 12 лет, а также право полной собственности на предоставленный королём под строительство земельный участок и построенные на нём здания. При этом новопоселенцы должны были соблюсти ряд условий: строительство они должны были начать не позже, чем через месяц после распределения участков, а через 18 месяцев полностью завершить его. Грамота также строго предписывала, что дома Нового города должны быть построены из камня и возводиться строго вдоль линии улицы, нигде не выступая за неё и не превышая установленной высоты. Виновные в нарушении этих требований подлежали королевскому суду[3].

Рассматривая историю основания Нового Места пражского, историки отмечают прежде всего грандиозность градостроительного замысла Карла IV[4], вдохновлявшегося образцами градостроительных решений итальянских городов XIVвека, с которыми он познакомился в годы юности, управляя в 1331 - 1333 гг. владениями Люксембургов в Северной Италии. В отличие от Старого Места с его замысловатой паутиной улиц и улочек, складывавшихся в течение столетий, план Нового города предполагал создание сети широких прямых улиц, связывавших просторные прямоугольные площади (улицы и площади Нового Места пражского не имели себе равных по ширине в городах современной Европы).

Уже 26 марта 1348 г. в строительство города был заложен первый камень, и в установленные сроки оно было в основном завершено. Вокруг огромной площади в 250 га было возведено кольцо крепостных стен длиной 3,5 км, надёжно защитившее город от внешних угроз.

Грандиозность градостроительного замысла определялась теми государственно-политическими задачами, которые преследовал Карл IV, приступая к этому предприятию[5]. Основание Нового Места Пражского было неразрывно связано с государственно-политической концепцией Карла IV, одним из звеньев которой являлось превращение Чехии в ядро Священной Римской империи, а Праги - в её столицу. Последняя должна была стать не только блестящей резиденцией императора, но и важнейшим центром международной торговли на континенте, а также средоточием духовной жизни. Очагом последней должен был стать основанный в том же 1348 г. в Праге университет - первый в землях империи к северу от Альп.

Именно в учредительной грамоте Пражского университета, изданной 7 апреля 1348 г., роль Чешского королевства и Праги в государственно-политической концепции Карла IVопределена наиболее отчётливо. В грамоте говорится: «Одним из самых вожделенных желаний нашего сердца и одной из живых, постоянных и настойчивых задач нашей королевской мысли является забота о том, как бы вознести наше Чешское королевство, дорогое нам более иных наших званий и владений, полученных нами по наследству или приобретённых при счастливых обстоятельствах. О его возвышении мы стараемся со всем доступным нам усердием и делаем всё для его чести и блага»[2].

Рассматривая вопрос о месте основания Нового города в истории средневековой Праги, следует, как нам представляется, обратить внимание и на тот аспект этого предприятия, который до настоящего времени недостаточно изученным, - социальный.

XIV век был временем динамичного экономического развития чешских земель, в особенности городов. Бурное урбанистическое развитие сопровождалось нарастанием социальной напряжённости в городах Чехии. Главным конфликтом, имевшим место в городах Чехии XIV в., было знакомое всем странам средневековой Европы противоборство между

патрициатом - богатейшей частью населения города, сосредоточившим в своих руках органы городского самоуправления - и бюргерством - средними торгово-ремесленными слоями, занимавшими всё более прочные позиции в экономической жизни города[1].

В Чехии этот конфликт обострялся в силу особенностей этносоциальной структуры городов страны, сложившейся в XIII веке, в период интенсивной немецкой колонизации: патрицианский слой городов Чехии составляли исключительно немцы - богатые купцы и горные предприниматели, что же касается городских ремесленников, то среди них постоянно увеличивалась доля чехов.

В XIV в. дело нередко доходило до открытых столкновений между бюргерством и патрициатом. В Праге - крупнейшем городе страны социальные противоречия обострялись раньше, чем в других городских центрах.

Королю приходилось принимать участие в урегулировании этих конфликтов, причём в столице страны он должен был действовать предельно осмотрительно. Карл IV должен был в первую очередь учитывать интересы пражского патрициата, поскольку они представляли влиятельную политическую и финансовую силу. За финансовой поддержкой городских патрициев чешским королям приходилось обращаться постоянно.

Думается, что именно к ним обращена грамота Карла IVот 3 апреля 1347 г. Формально адресованная всем бюргерам Старого Места, она была призвана убедить их в том, что строительство Нового города никоим образом не приведёт к ущемлению прав и интересов староместских бюргеров. Король уверял их, что это предприятие задумано «не во вред, не ради пагубы, не из немилости», а для обеспечения его большего процветания[3].

В грамоте было подробно оговорено право свободного проезда и прохода жителей Старого города по территории Нового, за его пределы и обратно[3], что было немаловажным для староместских бюргеров, принимая во внимание предполагаемое местоположение Нового Места.

Кроме того - и это видится особенно интересным - КарлIVписал в грамоте, что в Новый город в течение года должны будут переселиться ремесленники, «которые бьют кувалдой и звенят; и многие другие, причиняющие жителям Старого города беспокойство и заставляющие их терпеть тесноту»[3].

Эти факты свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что основание Нового Места пражского - в полной ли мере осознанно или скорее интуитивно действовал Карл IV - было призвано способствовать смягчению конфликта между патрициатом и бюргерством в Праге, обособляя их друг от друга пространственно и административно, и тем самым частично разрешая конфликт за обладание властью в городе. Принудительное переселения ремесленников из Старого Места было, как нам представляется, обусловлено не только стремлением устранить неудобства, которые они доставляют жителям соседних кварталов, но и удалить источник социальной напряжённости.

Старое Место приобретало, таким образом, статус особо привилегированного города, утрачивавшего в значительной мере производственные функции и ремесленное население. Отметим, что на территории Старого Места разместился и Пражский университет, для которого Карл IV приобрёл несколько зданий, получивших название Каролинум. Здесь позиции патрициата в органах городского самоуправления становились более прочными.

Что же касается Нового Места, то с самого начала это был преимущественно город ремесленников. Поскольку он получал права самоуправления, ремесленные цехи приобретали возможность занять в работе органов городского самоуправления важное место.

Основывая Новое Место, Карл IV предполагал, что с течением времени Старый и Новый города в Праге объединятся, «подобно тому, как целое слагается из частей»[3], управляться единым городским советом и подчиняться единому суду.

Такого рода объединение впервые произошло в годы гуситских войн, в самый драматический момент которых (30 июня 1421 г.) была образована Большая община города Праги. Однако время показало, что обособленное существование двух этих (а также других)

элементов пражской городской агломерации более надёжно обеспечивало общественное согласие в столице Чехии.

Самоуправление Старого и Нового Мест Пражских было восстановлено уже во время гуситских войн (в 1424 г.) и просуществовало до 1784 г.

МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При написании настоящей работы применялись методы источниковедческого анализа. В процессе осмысления фактического материала использовались сравнительно-исторический метод и системно-структурный метод исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами источники и данные исследовательской литературы дают основание для вывода о том, что основание Нового Места Пражского Карлом IV в 1348 г. способствовало частичному разрешению острых социальных конфликтов, имевших место в Праге в середине XIV в.

Список использованной литературы и источников:

1. *Виноградова А.И.* Чешские цехи в XIV - начале XV в. и социальная борьба внутри них // Учёные записки Института славяноведения АН СССР. 1955. Т. XI. С. 260-288.

2. Документы по истории университетов Европы XII - XV вв. / Вступит. ст., пер. и примеч. Г.И. Липатниковой. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1973.

3. Codex juris municipalis regni Bohemiae / Ed.J. Čelakovsky. Pragae: E. Grégr, 1884. T. I. 812 s.

4. *Lorenz O.* Nove Město pražske. Praha: Nakladatelsnví technické literatury, 1973. 208 s.

5. *Spěvaček J.* Uloha Prahy v koncepci českeho statu Karla IV. // Folia historica Bohemica. Praha: Ústav československých a světových dějin ČSAV, 1986. Sv. 10. S. 137-165.

УДК 94(47) |1953–1985|

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В ПОСТСТАЛИНСКОМ СССР: ПРИЧИНЫ УСТОЙЧИВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА СУДЬБЫ СОЦИАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

А.А. ГУМЕНЮК

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедра отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Аннотация: В статье показано, что причинами устойчивого существования в советском обществе постсталинского периода социально-бытового неравенства выступал дефицит экономических возможностей государства для претворения в жизнь одной из целевых установок советской социальной стратегии – вседоступности товаров, продуктов и услуг жителям различных регионов и местностей. В статье рассматриваются и факторы (внешние и внутренние), ставшие причинами неспособности советского руководства реализовать установки социальной стратегии в полном объеме. В заключении делается вывод о том, что сохранение существенных различий в уровне социально-бытового обеспечения жителей СССР и, в частности Нижнего Поволжья, способствовало подрыву веры в преимущества социализма, став важнейшим условием распада Советского Союза.

Ключевые слова: вседоступность, геополитика, город, деревня, дефицит, неравенство, регионы, социализм, экономика.

HOUSEHOLD SOCIAL INEQUALITY IN THE POST-STALIN USSR: CAUSES OF ITS PERSISTENCE AND INFLUENCE ON THE FATE OF SOCIALISM (ON MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)

A.A. Gumenyuk

Abstract. In this paper, we show that the reason for the persistence of the household social inequality in the post-Stalin Soviet society was a lack of the economic capacities, which did not allow the state to accomplish one of the target settings of the Soviet social strategy – availability of goods, products, and services for residents of various regions and localities. We also examine factors (external and internal) that caused the inability of the Soviet leadership to implement in full the guidelines of the social strategy. Based on these considerations, we conclude that the preservation of significant differences in the level of social welfare among the population of the USSR and, in particular, of the Lower Volga region, contributed to undermining people's belief in advantages of socialism, and therefore, turns out to be among the most important premises for the collapse of the Soviet Union.

Key words: accessibility, geopolitics, city, village, deficit, inequality, regions, socialism, economics.

События октября 1917 г. в России положили начало эпохе радикальных перемен во всех сферах жизни российского общества, включая и социальную. В результате общество социальной несправедливости должен был сменить бесклассовый социум, члены которого будут иметь равные возможности в доступности к разнообразным социальным услугам и благам, предоставляемым на бесплатной основе.

В советский период отечественной истории исследование генезиса стратегии советского государства по формированию бесклассового коммунистического общества велось в рамках изучения эволюции социально-классовой структуры советского общества. В условиях методологического плюрализма, пришедшего на смену марксистско-ленинской методологии, произошло смещение акцентов в исследованиях социальной стратегии советского государства. Если на протяжении так называемого советского периода историографии главное внимание уделялось анализу процесса создания механизма достижения бесклассового коммунистического общества, то в постсоветские годы стали превалировать оценочные суждения о результатах реализации основных принципов советской социальной стратегии к середине 1980-х гг.[4].

Одним из критериев, по которому следовало определять достижение общества всеобщего достатка (т.е. коммунизма), являлись вседоступность товаров, продуктов и услуг. Достижение этого условия виделось, в том числе и посредством ликвидации различий в социально-бытовом развитии жителей городской и сельской местности, отдельных регионов страны, представителей умственного и физического труда. Формулируя эти положения, К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из условия, что реализовываться они будут в мире, где практически не будет капитализма, и экономическое развитие социалистических государств будет преимущественно нацелено на построение общества социальной справедливости. Однако ход исторического процесса пошел по иному вектору и Советскому Союзу пришлось на протяжении большей части своего существования значительную часть средств тратить на решение преимущественно геополитических задач, а не на достижение целей социальной стратегии.

Российское, а затем и советское историческое пространство на протяжении всей своей истории неоднократно являлось объектом территориальной экспансии различных политических лидеров и образований. И хотя во второй половине XX в. открытый военный

конфликт был чреват уничтожением всего живого на планете, тем не менее, международные отношения в формате «холодной войны» вынуждали советских политических лидеров по-прежнему значительную средств государственного бюджета тратить на повышение обороноспособности страны, гонку вооружений. Периодические «обострения» и «потепления» во взаимоотношениях между СССР и США напрямую сказывались на эффективности реализации тех или иных социальных программ в СССР.

В конце 1970-х гг. продолжавшаяся уже больше 10 лет политика разрядки в отношениях между двумя сверхдержавами сменилась новым витком гонки вооружений. С началом 1981 г., когда пост президента США занял Р. Рейган, подрыв экономического потенциала СССР был провозглашен одной из целей внешней политики Соединенных Штатов. Руководством ЦРУ с этой целью была разработана специальная программа. Добиться существенного снижения экономической мощи СССР автор этой программы Уильям Кейси предлагал двумя основными путями: 1) блокировать важнейшие направления советского нефтегазового экспорта и 2) прекратить поставлять в Советский Союз новые технологии и современное промышленное оборудование; ввести запрет на участие американских компаний в советских экономических проектах. В результате к началу 1980-х гг. удовлетворить в полном объеме возраставшие потребности советского общества экономика была уже не в состоянии, а принятые в 1983−1984 гг. решения, при всей их прогрессивности, так и не смогли придать новый импульс ее развитию. В целом, содержание разработанного и реализованного командой Рейгана стратегического плана экономической войны на уничтожение СССР во многом является своеобразным «образцом» для современной санкционной политики США и Евросоюза в отношении Российской Федерации в связи с вхождением в ее состав Крыма в 2014 г.

Помимо геополитического фактора причинами сохранения значительных социально-бытовых различий в советском постсталинском и постхрущевском обществе выступали временные кризисные моменты в сфере социальной политики, выступавшей основным инструментом реализации стратегии построения коммунизма, принятые как системный кризис. В основе него лежал дефицит экономических возможностей государства, препятствовавший целостной реализации на практике прописанных в Конституции СССР 1977 г., основах законодательства и кодексах законов прав, дававших населению страны возможность постоянно улучшать качество своей жизни. Из-за ограниченных экономических возможностей государство оказалось не в состоянии распространить закрепленные в законодательстве «преимущества социализма» (бесплатная медицина, жилье, поддержка материнства и детства, дотируемые цены на товары, продукты и услуги) на все категории населения СССР. В этом состояло отличие СССР от социальных государств Западной Европы, сложившихся на базе развития материальной основы общества.

Неспособность государства обеспечить всем членам советского общества равные возможности в доступности к социально-бытовым благам и услугам породила такое явление как психологическое противоречие государства между человеком и системой. С одной стороны, люди все чаще сталкивались с невозможностью воплотить в жизнь свои потребности и планы, в то время как средства массовой информации сообщали о выполнении страной годовых и пятилетних планов в целом. С другой стороны, наблюдался контраст между относительной социальной защищенностью человека на производстве (особенно на предприятиях военно-промышленного комплекса) и его беззащитностью перед лицом чиновников в собесах и других социальных организациях по месту жительства. Если по месту работы советские рабочие благодаря усилиям администрации имели возможность воспользоваться более квалифицированной медицинской помощью, относительно быстро улучшить свои жилищные условия и т.д., то по месту жительства трудящиеся при решении этих и других проблем постоянно сталкивались с разными ограничениями и запретами. Возникавшие на этой почве бытовые противоречия накапливались, что не могло не сказаться в сумме с другими причинами на росте психических расстройств среди населения. В этих

условиях большинство граждан региона и страны все сильнее и сильнее выражало свое недовольство, формулируемое в негативном лозунге «Так жить нельзя!»

Сохранялась значительная разница в уровне жизни между населением сельской и городской местности. Например, в Калмыцкой АССР на протяжении предперестроечного десятилетия разница в объеме оказанных бытовых услуг на душу населения городскому и сельскому населению республики уменьшилась лишь на 0,1 раза[3]. В Саратовской области в 1985 г. разрыв в уровне средней обеспеченности жильем одного жителя города и села составлял 1,2 раза[2]. Различия между городом и селом имелись и в ассортименте имевшихся на прилавках магазинов продуктов. В справедливости этого тезиса убеждают слова, вложенные режиссером фильма «Брежнев» в уста С. Шакурова, сыгравшего роль Генерального секретаря ЦК КПСС: «Это что же? В городе десять сортов колбасы, а в поселке один. Почему? Здесь что другие граждане живут, второго сорта». Имелись различия и в территориальном плане. Реконструкция повседневных практик населения Нижней Волги убедительно свидетельствует, что наивысшими показателями качества жизни выделялись Волгоградская и Саратовская области, поскольку областной центр первой являлся городом–героем, а второй – с начала 1960-х гг. получил статус закрытого города. В одном ряду с ними следует поставить и Калмыкию 1957–1960 гг., когда шел процесс воссоздания республики, и ее население испытывало большую потребность в разноплановой поддержке государства. Обеспечив жителям АССР необходимые для достойного существования условия жизни, государство исключило эту республику из сферы своего повышенного внимания. В период с 1960-х до середины 1980-х гг. в этом субъекте РСФСР, как и в Астраханской области, относительно высокий уровень жизни наблюдался преимущественно у работников партийного и советского аппарата. Таким образом, одна из основных целевых установок советской социальной стратегии – вседоступность – была сегментировано претворена в жизнь.

Приведенные примеры и наблюдения дают все основания согласиться с мнением М.Н. Руткевича о незавершенности к началу перестройки в СССР перехода от капитализма к социализму и раннесоциалистическом характере советского общества к этому моменту[4]. Судя по некоторым высказыванием Ю.В. Андропова к началу 1980-х гг. в СССР не были решены даже задачи переходного периода[5]. Сохранение к середине 1980-х гг. указанных различий негативно сказывалось на моральном настрое советских людей, усиливая постепенно критическое отношение населения к достигнутому уровню социального развития советского общества. Возникновение упомянутого выше социально-психологического кризиса стало одним из важнейших условий подзыва веры в преимущества социализма у советских людей и произошедшего в 1991 г. распада Советского Союза.

Список использованной литературы и источников:

1. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1738. Оп. 8-пр. Д. 2429.

2. *Мякшев А.П.* О капитализме, социализме и здравом смысле… // URL: http // Izborvolga.ru (дата обращения 10 апреля 2018 г.).

3. Народное хозяйство Калмыцкой АССР за 70 лет (1917–1987): юбилейный статистический сборник. Элиста: Калмиздат, 1987. 214 с.

4. *Руткевич М.Н.* Социальная структура.: монография М.: Альфа-М, 2004. 272 с.

5. Саратовская область за 70 лет. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1987. 415 с.

УДК 316.343.6

РАЗВИТИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Э.Н. МОНОЧЕНКО

Моноченко Эвелина Николаевна, магистрант кафедры журналистики Тольяттинского государственного университета.
E-mail: evemonche@yandex.ru

Аннотация. Изложены особенности принципов воспитания советского и постсоветского времен. Увеличение потребностей в знаниях и навыках, необходимых школьникам, постоянно пополняющиеся данные научных исследований, наработки в деятельности учебных заведений постоянно вносят коррективы в теоретическую базу воспитания. Показаны основные аспекты воспитания детей и подростков меняются в зависимости от государственного устройства, различных процессов, протекающих в мире, изменений социальных институтов.

Ключевые слова: развитие, неравенство, советский период, постсоветский период, образование, воспитание, личность, социальная среда, социализация.

DEVELOPMENT AND EDUCATION OF CHILDREN IN THE CONDITIONS OF SOCIAL INEQUALITY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL ANALYSIS

E.N. Monochenko

Abstract. The peculiarities of the principles of the education of the Soviet and post-Soviet times are described. The increase in the need for knowledge and skills necessary for schoolchildren, the constantly updated data of scientific research, the developments in the activities of educational institutions are constantly making adjustments to the theoretical basis of education. The main aspects of the upbringing of children and adolescents are shown, depending on the state structure, the various processes taking place in the world, and the changes in social institutions.

Key words: development, the Soviet period, the post-Soviet period, education, upbringing, personality, social environment, socialization.

В ходе социалистического и коммунистического строительства в СССР и других странах социализма на практике осуществлялись идеи коммунистического воспитания, у людей воспитывались такие качества, как преданность делу коммунизма, непримиримость к эксплуатации и угнетению человека человеком, коллективизм, гуманизм, социалистический патриотизм, чувство интернациональной солидарности, трудолюбие, личное достоинство. Сердцевиной такого воспитания являлось формирование у трудящихся коммунистического мировоззрения. Считалось, что овладение теорией марксизма-ленинизма позволяло человеку выработать научные взгляды на мир, осознать свое место и роль в происходящих событиях, давать им правильную оценку и делать верные практические выводы, то есть сознательно участвовать в коммунистическом строительстве. Важным и неотъемлемым звеном воспитания в советской России являлось атеистическое воспитание. Предполагалось, что освобождение духовных сил человека от религиозных предрассудков делает его непримиримым ко всякой мистике и суевериям, раскрепощает его творческие силы, ведь коммунистическое воспитание именовалось творческим процессом. Одной из главных задач воспитания того времени являлось трудовое воспитание. Согласно существовавшей идеологии, именно трудовая деятельность могла позволить достичь единства теории и практики, преобразовать знания в убеждения, и сделать их нормой повседневного поведения, руководством к практической деятельности.

Увеличениепотребностей в знаниях и навыках, необходимых школьникам, постоянно пополняющиеся данныенаучных исследований, наработки в деятельности учебных заведений постоянно вносят коррективы в теоретическую базу воспитания. Так, технические революции XX века способствовали повышению требований к школьному воспитанию, которое должно было теперь соответствовать новому уровню как производства и науки, так и культуры. Чёткий регламент содержания воспитания порождает мысль о том, что воспитать личность возможно, следуя определенным технологиям, связанным между собой логически. При этом часто забывается необходимость поощрять любознательность детей, стремление к самостоятельности, проявление здравого смысла. Практика показывает, что дети, имеющие возможность экспериментировать, развиваются гораздо более гармоничными и творческими личностям, способными усваивать новое, нежели дети, ограниченные строгими рамками теорий.

В Советском Союзе воспитание и формирование личностных качеств было тесно связано с образованием. Советская школа была призвана не просто решать образовательные задачи, давать необходимые базовые знания в различных отраслях науки, но также воспитывать политические взгляды, внедрять в умы детей основы коммунистического строя, воспитывать дух высокой нравственности, советского патриотизма. Коммунистическое воспитание наполняло атмосферу жизни в СССР. Всякие действия любых людей, организаций и структур были направлены на воспитание в рамках существующей идеологии[2].

В программе КПСС был сформулирован моральный кодекс строителей коммунизма, основываясь на которых и действовали агенты социализации подрастающего поколения. Этот кодекс включал такие нравственные принципы, как преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения между людьми: человек человеку - друг, товарищ и брат; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству; дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни; непримиримость к врагам коммунизма, мира и свободы народов; братская солидарность с трудящимися всех стран[1].

Современную российскую семью отличает значительное усиление влияния на принципы воспитания внесемейных факторов. Если американцы, несмотря на свойственную и взрослым и подросткам мобильность и самостоятельность, традиционно собираются всей семьей по большим праздникам, то в России такая традиционность не актуальна или в меньшей степени актуальна для большинства семей. Снижен акцент на культурные обычаи в процессе семейного воспитания. Тогда как в детских садах и школах, наоборот, идёт активная работа по просвещению воспитанников о национальных традициях[3].

Сегодня в России идёт активная работа в области патриотического воспитания. Изучение гимна и государственной атрибутики проходит на уровне дошкольного и школьного образования. Патриотический настрой постоянный спутник русской педагогической мысли[4]. В 2007 году Группа изучения современных тенденций формирования личности в сфере образования было проведено исследование с участием старшеклассников, результаты которого показали, что треть школьников не осознают своего отношения к явлению патриотизма, а приблизительно каждый шестой респондент отметил, что тема патриотизма устарела. Для разъяснения ситуации, школьникам был задан вопрос об актуальности патриотизма. Половина респондентов считали, что вопрос патриотизма для страны частично актуален. Российская семья перешла к демократической модели воспитания. Детям предоставляется свобода мысли, слова и действия. На задний план отходят наказания и ограничения. Семья становится все более гуманной. Если говорить о воспитательном

потенциале семьи, то он довольно таки низок. Родителям приходится много работать и педагогическая функция в большей мере перекладывается на школу. Будем надеяться, что такая ситуация не укоренится и семья вернется себе главенствующее положение в воспитании подрастающего поколения. Многообразие воспитательных методик, пропагандируемых СМИ и увеличение возможностей удаленной работы должно тому способствовать. Сложившуюся ситуацию утяжеляют условия рыночной экономики, отсутствие определенной государственной идеологии и общая нестабильность положения страны. Кардинальные перемены в образе жизни требуют изменения уклада семьи, традиционно построенной на непререкаемом авторитете старших[5].

Не смотря на наличие негативных моментов, установление все более твердых позиций России в мире дает уверенность в том, что и институт семьи в стране восстановит свое положение. Все больше исследователей высказывают интерес к ценностям российского населения. Так, функциональный подход нашёл отражение в исследованиях 2007-2013 годов, проведённых в Санкт- Петербурге. В рамках исследования наряду с другими вопросами изучалась связь ценностных установок родителей с аналогичными установками детей-подростков. Результаты работы показали, что главные жизненные ценности исследуемых поколений в основном совпадают в семьях, практикующих традиционное или же солидарное родительство (здесь это семья, любовь, дети и здоровье). В то время как семьи, нацеленные на делегирующий тип родительства или же не иллюстрирующие никакого явного типа, демонстрируют межпоколенные конфликты[6]. Уфимские исследования городских семей, проведенные в 2006-2007 годах, в своё время показали аналогичные результаты – подавляющее большинство респондентов-детей считают свои родителей образцом для подражания[7].

Родительская семья, как и прежде, остается важнейшим институтом социализации подростков. Но она уже не обладает той безоговорочной ролью, какую играла в ранние периоды. Теперь нет абсолютного родительского авторитета. Вместо запретов и принуждения в воспитании используется убеждение, которое теперь все чаще основывается на родительском примере. Современность – тот самый период, когда слова о зависимости будущего от действий в настоящем находят прямое отражение в реальной жизни гражданского общества, наиболее ярко проявляющееся на воспитании подрастающего поколения.

Список использованной литературы и источников:

1. Институт истории и теории педагогики 1944-2014 /под ред. С.В. Ивановой. М.: ФГНУ ИТИП РАО, 2014. 448 с.

2. *Ракунов В.А.* Государственная политика в сфере школьного образования в 1920-30-х годах/В.А. Ракунов // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 1.С. 27-39.

3. *Джуринский А.Н.* //Воспитание в России и за рубежом. М.: Просвещение. 105 с.

4. *Константинов С.А.* Совершенствование патриотического воспитания современных российских школьников /С.А.Константинов// Вестник ТГПУ. 2010. №4. С. 56-62.

5. *Гукаленко О.В., Данилюк А.Я.* Воспитание в современной России /О.В. Гукаленко// Педагогика, 2005. №10. С. 3-17.

6. *Безрукова О.Н.* Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ/О.Н.Безрукова // СоцИс. 2014. №9. С. 85.

7. *Игебаева Ф.А.* Семья в трансформирующемся российском обществе (на примере Башкортостана) /Ф.А.Игебаева// СоцИс. 2014. №9. С. 73-76.

УДК 327(73+470+571)|20|

ЧЕЧЕНСКИЙ ВОПРОС В АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРИОДА «СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА» 2000-Х ГГ.

О.К. РЫБАЛКО

Рыбалко Ольга Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: rybalkook@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается проблема равноправия в российско-американских отношениях в период «стратегического партнерства» двух стран на фоне борьбы с международным терроризмом. Анализируются особенности подхода американской стороны к оценке террористической угрозы. На примере дискуссий вокруг российской политики в Чечне иллюстрируется утилитарность и ситуативность этого подхода.
Ключевые слова: российско-американские отношения, Дж. Буш-мл., В. Путин, международный терроризм, Чеченский конфликт.

THE CHECHEN QUESTION IN THE US-RUSSIAN RELATIONS DURING THE PERIOD OF “STRATEGIC PARTNERSIP” IN 2000s

O.K. Rybalko

Abstract. The article is devoted to problem of equality in US-Russian relations during the period "strategic partnership" of the two countries in the fight against international terror. Author analyzes the peculiarities of the American ways to evaluation of the terrorist threat. The examples of discussions about Russian policy in Chechnya illustrates the utilitarianism and situationality of this ways.
Key words: US-Russian relations, George W. Bush., V. Putin, International terror, Chechen conflict.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос равенства и равноправия имеет особое звучание в теории и истории международных отношений. Пережив две мировые войны и две масштабные переустановки мирополитической системы, человечество в лице созданной в 1945 году Организации Объединенных Наций выработало ряд принципов, направленных на предотвращение возможности повторения подобных конфликтов в будущем. Так среди важнейших основ поддержания мира и безопасности в Уставе ООН был закреплен принцип суверенного равенства государств, а также декларировано уважение принципа равноправия и самоопределения народов. В условиях существования биполярной системы международных отношений провозглашенные постулаты могли претворяться в жизнь лишь с большими оговорками. Суверенное право государства на выбор вектора и методов своего внутреннего развития было ограничено принадлежностью к одному из двух центров силы. Акт вооруженной борьбы под политическими лозунгами в зависимости от полюса восприятия мог быть истолкован и как осуществление права на свободу и самоопределение, и как терроризм.

Завершение холодной войны не принесло принципиальных изменений в этом плане. Политика США, проводимая после распада СССР с позиций глобального гегемона, обнаружила уязвимость принципов международного права перед безальтернативной мощью единственной сверхдержавы. Вопрос особенно обострился в начале 2000-х гг., в связи с началом объявленной Дж. Бушем-мл «войны с террором». «Доктрина Буша», ключевым звеном которой стала концепция «упреждающего удара», поставила под вопрос неприкосновенность государственного суверенитета. Наряду с этим актуализировались

проблемы определения критериев террористической угрозы, выбора инструментов ее нейтрализации и оценки правомерности избираемых методов. Со всей очевидностью эти аспекты проявились в рамках международной полемики вокруг контртеррористической операции российских войск в Чечне.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Специфике отношений США и России в начале XXI века посвящено немало исследований как в России, так и за рубежом. Анализируя содержание и результаты встречного курса двух стран на установление доброжелательных партнерских отношений, имевшего место в период президентства Дж. Буша-мл., все без исключения авторы подчеркивают неравноценность усилий сторон в этом процессе. Устоявшимся является мнение об «асимметричном партнерстве»[3] или «партнерстве неравных»[5]. В рамках этой схемы Россия, перед которой стоял ряд критически важных задач по стабилизации экономики, обеспечению внутренней и внешней безопасности, восстановлению и укреплению международного авторитета, была вынуждена идти на существенные и принципиальные шаги. В то же время партнерские услуги Соединенных Штатов ограничивались в большей степени поддержкой имиджевой составляющей этих отношений и риторической эквилибристикой. Эта диспропорция проявилась и при решении чеченского вопроса.

Начало западной кампании по осуждению действий российских войск в Чечне было положено еще при Б. Клинтоне. В первые годы конфликта сам президент-демократ сравнивал Б. Ельцина с Линкольном, стремившимся не допустить распада Соединенных Штатов во времена Гражданской войны, однако затем признание российских интересов безопасности сменилось обвинениями в адрес Москвы в попирании прав и свобод человека. Российские доводы о том, что чеченские боевики связаны с Аль-Каидой, являются проводниками исламского радикализма и несут опасность в том числе и для США, американской стороной игнорировались[5]. В конце 1990-х г.г. в США возник ряд фондов и общественных организаций, выступавших с поддержкой чеченских сепаратистов, изображавшихся как свободолюбивые борцы против кровавого режима Кремля. Наиболее влиятельным среди подобных организаций был Американский комитет за мир в Чечне. Среди самых видных членов основанного в 1999 г. Комитета были известный своими антироссийскими взглядами З. Бжезинский, бывший госсекретарь США А. Хэйг, бывший глава ЦРУ Дж. Вулси, неоконсерватор Р. Перл – бывший замминистра обороны США и один из консультантов Буша-мл. в период предвыборной гонки и др.[1]. Силами представителей Комитета инициировалось обсуждение чеченской проблемы в правительственных и экспертных кругах, в крупнейших мировых СМИ.

Отсутствие консенсуса с Западом грозило России не только ударом по престижу страны на международной арене. Моральная поддержка, оказываемая лидерам чеченских боевиков, могла спровоцировать центробежные тенденции в других российских регионах. Кроме того, Москва имела основания подозревать, что вмешательство Запада в чеченские дела ведется, как открыто, через общественные фонды с их информационными ресурсами, так и неявно, через структуры спецслужб, по каналам, отлаженным еще в годы Афганской войны[2]. Имели значение и экономические последствия конфронтации – снижение объемов западных инвестиций, сокращение программ финансовой помощи и т.д. Очевидно, что для российской стороны был желателен выход из сложившейся ситуации. Однако для урегулирования требовалась политическая воля руководства США и благоприятная международная конъюнктура. Возможность для позитивных подвижек представилась после прихода к власти в США нового президента.

Первые месяцы президентства Джорджа Буша-младшего прошли под знаком прагматизации и ужесточения политики на российском направлении. Позиция нового хозяина Белого дома по чеченскому вопросу тогда мало отличалась от взглядов его предшественника. Однако к лету 2001 года наметился курс на потепление отношений. Заинтересованность Вашингтона в приобретении лояльности российской стороны в отношении американских

планов по развитию системы ПРО и расширению НАТО сделала возможным начало диалога на высшем уровне для выработки взаимоприемлемых решений. Проблема Чечни значилась как одна из важных тем в рамках этого диалога[4].

Процесс поиска договоренностей по вопросу ускорился после терактов, совершенных боевиками Аль-Каиды в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. и в связи с подготовкой американской операции «Несокрушимая свобода». Российский лидер первым из иностранных глав государств позвонил в Белый дом в день трагедии и уверил американцев, что его страна не станет, как в свое время СССР, автоматически отвечать на объявленное США повышение уровня боевой готовности. С первого дня В. Путин обозначил позицию России как союзника Америки в борьбе с международным терроризмом, выразив готовность делиться разведданными и богатым опытом, накопленным за время войны с афганскими моджахедами, а также предоставить свое воздушное пространство для пролета военных самолетов[4].

Сотрудничество с Россией было необходимо США не только из-за возможности получить ценнейшие разведывательные сведения, но еще и затем, чтобы облегчить процесс доступа в страны Центральной Азии. На территории Таджикистана и Узбекистана планировалось разместить американские военные базы, а через границы этих государств собирались транспортировать войска и технику в соседний Афганистан. В перспективе проникновение и закрепление в Центральноазиатском регионе открывало также и возможности для реализации т.н. «энергетической стратегии», разработанной представителями американских консервативных и реалистских кругов и нацеленной на активное освоение и реализацию ресурсов Каспия[4].

Москва согласилась с этими планами и способствовала их воплощению, несмотря на то, что перспектива нахождения американских военных контингентов в зоне российского влияния в Центральной Азии и в непосредственной близости от российских границ вызывала отторжение и протест у многих представителей правительственных кругов (особенно в МИД и в Министерстве обороны РФ). Кроме того, поддержка кампании США против аль-Каиды подразумевала поставку оружия и техники силам Северного альянса в Афганистане и сотрудничество российских и американских сил разведки в отслеживании террористов. Еще одним жестом доброй воли и свидетельством союзничества со стороны Кремля стало закрытие российской станции электронного слежения в Лурдесе (Куба) и военно-морской базы Камрань (Вьетнам).

В американских политических кругах признавали, что в сложившейся ситуации Россия оказывала Соединенным Штатам помощь более значимую, чем большинство членов НАТО. Меньшее, чем могли ответить США, было признание чеченской кампании частью глобальной войны с террором. Изменение публичной позиции официального Вашингтона по данному вопросу, казалось, было однозначно зафиксировано после саммита двух президентов в ноябре 2001 г. в Кроуфорде, где Буш-мл. предоставил В. Путину гарантии невмешательства Запада в чеченские дела, которое ранее осуществлялось через Грузию и Азербайджан турецкими спецслужбами с благословения ЦРУ, и, по крайней мере на время, обеспечил молчание Запада по поводу нарушения там прав человека, в связи с необходимостью противостоять терроризму[4].

Однако по мере того, как афганская кампания США подходила к своему успешному завершению, ситуация стала возвращаться в прежнее русло. С конца 2001 г. вопрос о правонарушениях в Чечне вновь стал с завидной периодичностью подниматься американскими СМИ. Наряду с этим Конгресс США выступил с инициативой начать финансирование вещания радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» на территории Северо-Кавказского региона на чеченском языке. Еще более возмутительным был факт встречи представителя Госдепартамента с признанным в России террористом «министром иностранных дел» масхадовского правительства Ильясом Ахмадовым в январе 2002 г. Впоследствии значение этого события старались преуменьшить в Госдепартаменте, где настаивали на неофициальном характере и невысоком уровне встречи и подчеркивали, что

США признают российский суверенитет над Чечней. Тем не менее, со стороны России подобный шаг выглядел как откровенное поощрение чеченского экстремизма. Следует упомянуть, что в 2004 году США предоставили Ахмадову политическое убежище, а также выделили ему финансирование из средств Национального фонда в поддержку демократии[2]. На фоне теракта в бесланской школе в сентябре 2004 г. это обстоятельство вновь выявило использование США двойных стандартов в оценке террористической угрозы, стало свидетельством стремления к сдерживанию России путем поддержки антироссийских националистических радикальных сил, высветило стремление Вашингтона сохранить «чеченский козырь» в качестве инструмента давления на Москву.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль ключевого союзника США по антитеррористической коалиции, которую Россия взяла на себя после событий 9/11, не оградила страну от критики, демаршей и попыток оказать влияние на ситуацию в Чечне со стороны американских партнеров. Нежелание США отказаться от педалирования чеченского фактора наряду с прочими проявлениями асимметрии и неравенства российско-американского взаимодействия привели к провалу курса на «стратегическое партнерство» и к последовательному ухудшению двусторонних отношений.

Список использованной литературы и источников:

1. *Laughland J.* The Chechens' American friends // The Guardian. 2004. September 08. URL: https://www.theguardian.com/world/2004/sep/08/usa.russia (дата обращения 05.04.2018).

2. *Petras J.* The Politics of Terrorism in North Ossetia. Self-determination and Imperial Politics // Global Research. URL: https://www.globalresearch.ca/the-politics-of-terrorism-in-north-ossetia/204 (дата обращения 05.04.2018).

3. *Кременюк В.А.* Россия и США в новых международных условиях: асимметричное партнерство? М.: ИСКРАН, 2005.

4. *Рыбалко О.К.* Джордж Буш-младший и формирование российской политики правительства США. Дис. …канд. ист. наук. Саратов, 2015.

5. *Стент А.* Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.

УДК 316

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В РОССИИ XX ВЕКА: ПОПЫТКА ПОСТФАКТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

А.В. РЯЗАНОВ

Рязанов Александр Владимирович, доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой философии Поволжского института управления им. П.А. Столыпина - филиал РАНХиГС при Президенте РФ.

E-mail: alexandr.ryazanov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению социальной стратификации в России XX века. Перечисляются характерные для отдельных периодов общественные классы. Показана логика изменений в обществе, а также взаимодействие между дискурсом и реальностью.

Ключевые слова: социальная стратификация, класс, сословие, дискурс, реальность.

SOCIAL STRATIFICATION IN RUSSIA OF THE 20TH CENTURY: AN ATTEMPT OF POST-FACTUAL RATIONALIZATION

A.V. Riazanov

Abstract. The article is devoted to consideration of social stratification in Russia of the 20th century. Specific to individual periods social classes are listed. The author shows the logic of changes in society, as well as the interaction between discourse and reality.

Key words: social stratification, class, estate, discourse, reality.

Заявленная проблема представляет значительный теоретический и практический интерес, так как она касается одного социокультурного организма на протяжении жизни нескольких поколений, имеющего различное оформление в рамках нескольких государственных формирований. Более-менее прозрачная ситуация может быть описана применительно к началу рассматриваемого периода. Устоявшийся взгляд описывает Россию как феодальное в своей основе государство, постепенно переходящее на рельсы раннекапиталистического развития.

Общество было пронизано сословными границами, но ситуация быстро менялась, они стали более подвижными, и к началу века из прежнего крестьянства активно формировался пролетариат, не представлявший в данный период чего-то монолитного, состоявший из множества разнохарактерных прослоек. Его численный рост и большое количество маргинальных групп, лишившихся опоры в крестьянской общине-миру, шире в традиционной деревне, делало эту пеструю по составу массу работников динамичной группой, открытой к влиянию со всех сторон. Активно, по аналогии с развитыми странами Европы и Америки, в этот период формировалась буржуазия и ее представительство, выкристаллизовывались ее интересы. Таким образом, формировались классы-сословия подобно другим государствам уже вступившим на капиталистический путь развития. Параллельно с этим на основе ряда источников различного происхождения шла работа над будущим «марксистским» проектом развития России, что нашло выражение в идеях В.И. Ленина (позднее И.В. Сталина) о революции.

Идеи будущего «справедливого» общества (в версиях разных партий) активно распространялись среди потенциальных интересантов, формировались партийные «дискурсы», призванные агрегировать вокруг них их сторонников. Это совпало по времени с появлением массовой печати и распространением в обществе пропаганды.

Распространившиеся в России марксистские идеи попали на очень специфическую почву раннекапиталистического общества, и, собственно, марксистскими их можно было назвать с высокой степенью условности. Эта была не та реальность, что описывал в своих трудах К. Маркс, а страна с огромным преобладаниям крестьянского населения, находящегося, с одной стороны, на демографическом подъеме, с другой на стадии дробления и изменения основ своей жизни. В такой ситуации «большевики во главе с Лениным, исходя из того, что капиталистическое развитие России создало необходимую материальную базу для движения к социализму, сформировали на этой основе стратегическую задачу завоевания власти пролетариатом»[1]. Начавшаяся I Мировая война резко обострила общую ситуацию в стране, резко поляризовала общество и дала начало противостоянию и противоборству внутри него как на партийной основе, так и в борьбе всех его групп за свои интересы, а затем за выживание.

Основными группами интересов для данного периода были классы- сословия, находящиеся на этапе формирования или разрушения: крестьянство, пролетариат, буржуазия (промышленная и банковская), помещики, национально-ориентированные группы интересов, пестрые по своему составу. Каждая из групп интересов была заинтересована и продвигала свой дискурс, свое понимание ситуации. Формировались и усваивались идеологии, часто находящие свои аналоги в более развитых капиталистических государствах. Одновременно с этим происходил ускоренный распад устоявшихся социальных связей, падение традиционной морали, что, несомненно, повышало возможности направленного влияния на различные слои

населения со стороны заинтересованных групп интересов, таких, например, как политические партии.

Современный российский культуролог И.Г. Яковенко, который является сторонником цивилизационного подхода, считает Россию (в том числе и современную) периферийной цивилизацией. Он пишет: «Лишенные фундамента предшествующей цивилизации, формирующие ландшафт на голом месте, имеющие в своем распоряжении население, культурная память которых не освободилась окончательно от представлений и положенностей, восходящих к эпохе догосударственного существования, периферийные цивилизации характеризуются слабой устойчивостью»[2]. Так же он считает, что они имеют тенденцию периодически распадаться, что и произошло в течение XX века дважды.

В результате первого крушения государства старая традиция была сметена революцией и гражданской войной, так же серьезные изменения претерпела за первые годы существования советской власти социальная структура общества. Причем изменения произошли не только в реальности, но и в дискурсе о ней.

Большевикам удалось облечь идеи революции в доступную для широких масс форму, в виде конкретных и внятных лозунгов-руководств к действию, как идею извечной борьбы Света и Тьмы. Это помогло им мобилизовать своих сторонников, и лишить легитимации противников. После окончания гражданской войны новая власть проводила значительную работу по переустройству общества, вводила новый язык описания (новояз) и схемы пояснения произошедших событий, вводила новую пролетарскую моду, формировала пантеон героев революции.

Так, выступая с докладом «О проекте Конституции Союза ССР» в 1936 году И.В. Сталин провозгласил, что «необходимость принять новую конституцию назрела потому, что в Советском Союзе создано социалистическое общество; это общество без антагонистических классов, оно состоит из двух дружественных классов – рабочих и крестьян и рекрутируемой из них прослойки интеллигенции»[3]. Кроме того отмечалось, что «советский рабочий класс – не прежний пролетариат; он перестал быть эксплуатируемым классом, лишенным средств производства и продающим свою рабочую силу, а совместно со всем народом владеет средствами производства и освобожден от эксплуатации»[3]. В свою очередь, крестьянство тоже превратилось в освобожденный от эксплуатации класс, труд которого основан «на коллективном труде и передовой технике»[3]. Практически сразу это стало официальной точкой зрения на произошедшие в стране перемены. Напомним, что на начало 30-ых падают проведение коллективизации и перегибы, связанные с ее проведением, что привело к голоду и гибели миллионов людей во многих регионах и республиках Советского Союза, включая и Саратовское Поволжье. К этому времени ранее существовавшие буржуазия, помещики, кулаки как класс в стране были ликвидированы. Многим гражданам приходилось менять свою родословную, фамилию, чтобы скрыть нежелательное происхождение и избежать различного рода притеснений.

Реальность в СССР никогда не совпадала с официальным дискурсом о ней, так как они существовали параллельно друг другу. В официально существовавших источниках и литературе не было ничего похожего на номенклатуру в понимании М. Восленского. Он рассматривал ее как новую бюрократию, управляющую обществом в своих интересах, хотя он сам приводит современные ее описания Н. Бердяевым, правда в эмигрантской литературе: «Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую как паутина всю страну и все себе подчиняющую. Это новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Это и происходит…»[4]. Таким образом, существование этого нового класса не признавалось официальным дискурсом. Однако само понятие номенклатура было, но не фиксировалась его «эксплуататорская сущность» относительно остальных слоев общества. Скорее, имеет смысл считать ее господствующим над другим населением сословием.

В позднем Советском Союзе номенклатура представляла собой замкнутое сословие, имевшее особые привилегии, снабжавшееся по более высокому стандарту, и обеспечивавшая своим членам существенно лучшие возможности получения образования и последующего карьерного роста. Внутри себя она делилась на партийную и хозяйственную, но деление это было, строго говоря, формальным. Сути оно не меняло: принадлежность к ней давала человеку существенно большие, сравнительно с другими, возможности самореализации. Сущность номенклатуры стала известна широкому кругу людей только со времен нахождения у власти М.С. Горбачева, когда появилась возможность опубликовать накопившиеся за много лет исследования и запрещенную ранее художественную литературу.

Постсоветская Россия представляет собой иную разновидность государства, развивающегося в новых условиях, когда прежняя общенародная собственность была приватизирована частными лицами, часто входившими в прежнюю номенклатуру с помощью различных способов. Приватизация коснулась как промышленных предприятий и земельных угодий (т.е. появилась новоявленная буржуазия). Началось наступление на права трудящихся. Источники формирования новой номенклатуры, сменившей прежнюю, были разнообразны.

Термин номенклатура выходит из употребления: исследователи говорят об элите, рассуждают о ее сегментах: федеральной и региональной элитах, выделяются бизнес-элита и топ-элита, обсуждаются проблемы инкорпорации в элиту, а также ее реформация и модернизация. Одна из недавних исследовательниц элит О. Крыштановская, рассуждая о региональной элите, отмечает, что: «Региональная элита как была, так и осталась непроницаема для *разночинцев*, которые могли попасть на высокие посты исключительно благодаря назначениям из центра, но не путем выборов. Выборный механизм выносил на верхние этажи региональной власти представителей старого политического класса. Демократические альтернативные выборы, призванные расширить доступ к власти для всех слоев населения, в регионах сыграли другую роль – они практически прекратили доступ в элиту представителям неэлитарных слоев: рабочие, крестьяне, специалисты стали почти полностью отрезанными от власти»[5].

Данный пассаж показывает появление нового терминологического ряда и смещение акцента привычных ранее терминов: появляется термин элита, элитные слои, обладающий наивысшим статусом. Смещается в меньшую сторону вес ранее вполне статусных терминов («рабочие», «крестьяне») в направлении «неэлитарных слоев», одновременно с этим зримо ухудшается их положение в реальной действительности. Ослабляется дискурсивный «защитный пояс» связанных с ними понятий: таких как «классовая борьба», «социальная справедливость», их сменяют заимствованные из либерального дискурса «плюрализм», «социальное партнерство», «толерантность» и т.п. Привнесенные на российскую почву западные по происхождению понятия легитимируют произошедшие перемены, вытесняя конкурирующие с либеральным дискурсом термины-понятия из обращения (в том числе и через систему образования).

Таким образом, происходит дискурсивное вытеснение конкурирующего дискурса из его собственного пространства, в котором он возник, и в формировании которого он же принимал участие. Дискурс меняет реальность, и способствует реальным переменам. И мы видим эти перемены, происходящие в нашем обществе. При современном уровне развития массовых коммуникативных технологий такая подмена через вытеснение становится менее заметной, а, следовательно, менее токсичной. Если в советское время в разговоре о классах акцент делался на вопросах собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком или класса классом, то в настоящее время чаще возникает обсуждение проблем «среднего класса», в котором смешиваются все группы общества. Заимствованные понятия обладают значительным манипулятивным потенциалом, они меняют восприятие происходящего и заставляют видеть ситуацию в заданной системе координат. Современный мир имеет тенденцию быть лишенным определенных границ, он проницаем, в том числе и благодаря усилиям творцов и распространителей наиболее удачных вариантов дискурсов.

Используемый терминологический ряд, описывающий социальную стратификацию современного российского общества, представляется заведомо нечетким.

Список использованной литературы и источников:

1. Исторический опыт трех русских революций: Книга 3. Коренной поворот в истории человечества: Великая Октябрьская социалистическая революция. Под ред. П.А. Голуб [и др.]. М.: Политиздат, 1987. С. 31.

2. *Яковенко И.Г.* Познание России: цивилизационный анализ / И.Г. Яковенко. – М: Наука, 2009. С. 13

3. *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. Восленский. ¬М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. С. 19.

4. *Бердяев Н.* Источники и смысл русского коммунизма / Н. Бердяев. Париж, 1955. С. 105. (Цит. по М. Восленскому).

5. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 144.

УДК 94:329.054.3

США ПРОДОЛЖАЮТ ОСВАИВАТЬ УКРАИНУ

В.Г. ЦЫПЛИН

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

Аннотация. Изложены факты американского военного присутствие на Украине, в виде строительства новой военной базы в стратегическом городе Очаков. Показано целевое назначение нового стратегического объекта, его правовой статус, законность действий властей Украины по выделению территории. Представлены результаты эмпирического исследования относительно усиления конфронтации в Черноморском регионе. Установлены и другие объекты, принадлежащие американской инфраструктуре. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в ходе формировании внешнеполитической линии России.

Ключевые слова: Очаковская военная база; США на Украине; Си Бриз-2017; Foreign Military Construction Sales; Черноморский регион.

THE USA CONTINUES TO MASTER UKRAINE

V.G. Tsyplin

Abstract. The facts of the American military presence in Ukraine, in the form of construction of new military base in the strategic city of Ochakov are stated. The purpose of a new strategic object, his legal status, legality of actions of the authorities of Ukraine for allocation of the territory is shown. Results of an empirical research concerning strengthening of confrontation in the Black Sea region are presented. Also other objects belonging to the American infrastructure are established. The applied aspect of the studied problem can be realized in the course formation of the foreign policy line of Russia.

Key words: Ochakov military base; The USA in Ukraine; Breeze-2017; Foreign Military Construction Sales; Black Sea region.

ВВЕДЕНИЕ

Летом 2017 года все мировые СМИ стали распространять информацию о начале строительства военно-морского оперативного центра в украинском порту Очаков, расположенном в устье Днепро-Бугского лимана Днепра в 150 км. от республики Крым, для нужд армии Украины. Здесь еще важен стратегический фактор, дающий возможность в Очакове осуществлять контроль водных систем двух крупных украинских рек, на который расположены крупные города и основные кораблестроительные центры Украины. Они давно не получали заказов на строительство военных кораблей и находятся, как и все остальное на Украине, в плачевном состоянии.25 июля 2017 года прошла церемония закладки военно-морского оперативного центра, проект строительства которого состоит из трех частей: главного Центра оперативного управления, мастерских по ремонту в первую очередь флотской техники и контрольно-пропускных пунктов с ограждением по периметру объекта. Подобный центр управления уже находится в Румынии.

Строительная площадка находится недалеко от 73-го морского центра специальных операций ВМС Украины, одной из задач которых является диверсионная деятельность. Официально сообщено, что на базе центра в дальнейшем планируется развертывание командного пункта для поддержки непосредственной связи с кораблями во время учений. Строительство объекта будет осуществлять строительный батальон ВМС США«NMCB 1», входящий в состав Атлантического флота, именуемый как Seabees«Морские пчелы». Военнослужащие этого инженерного подразделения прибыли на Украину в апреле 2017 года. Возводимая база планировалась как один из трёх американских объектов на черноморском побережье Украины. В данной статье исследователь пытается разобраться какие цели будут реализованы в Очаково.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Можно с уверенностью сказать, что на начало 2018 года военно-морского флота у Украины просто нет. У нее остались жалкие крохи советского Черноморского флота в полностью «убитом» состоянии, руководимые с 2.06.2016годавице-адмиралом И. Вороненко, выпускником Ташкентского высшего танкового командного училища. К ним относятся: фрегат «Гетман Сагайдачный», корвет «Винница»,десантный корабль «Юрий Олефиренко»,малый разведывательный корабль «Переяслав», вспомогательные суда, катера и американские надувные лодки. Имеется одна подлодка «Запорожье», стоящая на ремонте на протяжении нескольких лет[1]. В военно-морских учениях «Морской бриз», запланированных на июль 2016 года в Николаевской и Одесской областях, должны были принять участие корабли США, Румынии, Турции и Украины. Военно-морской раунд этих учений был перенесен из-за поломки «Гетмана Сагайдачного» и задержки прохождения американского фрегата в проливе Босфор. Зачем для такого флота строить суперсовременный командный центр? Для Украины, находящейся под внешним управлением США, для Пентагона он конечно нужен. В центре могут находиться американцы и заниматься различными видами разведки, включая радиоперехват. Военные строители из США в 2012 году уже проводили работы на территории Очаковской военно-морской базы ВМС Украины, где был построен слип для спуска лодок и катеров на воду. Тогда базу обустраивали, обосновывая это помощью украинцам в период подготовки и проведения военных учений «Си-Бриз 2012». Чтобы пустить пыль в глаза местным жителям, американцы произвели ремонт местной школы, оборудовали футбольное поле и баскетбольную площадку. В 2013 году в церемонии открытия школы после реконструкции приняли участие представители госдепа США и ВМС Украины. В действительности на базе школы должен был быть организован технологический навигационный центр с оборудованием слежения.

Не является помехой запрет Конституцией Украины пребывания иностранных баз на её территории. Вопрос присутствия иностранных вооруженных сил находится в компетенции Верховной Рады Украины. Допуск иностранных военных подразделений на территорию государства регламентируется её особым разрешением. Руководство Украины уже обошло все запреты, когда Яворовский полигон, расположенный в 30 км. к северо-западу от Львова,

превратился в одну из самых крупных баз НАТО вне ее территорий. Допуск иностранных военнослужащих на Украину каждый раз требует принятия специального закона по представлению президента с перечислением ограниченного числа иностранных военнослужащих и определенным перечнем ввозимой боевой техники. В связи с этим П. Порошенко уже неоднократно обращался к Верховной Раде за временным размещением иностранных контингентов на этом полигоне на период учений. Реально же несколько тысяч военнослужащих США, Канады, Великобритании и Польши вместе с вертолетами и боевыми машинами присутствуют там все время. В январе 2018 года Верховная Рада приняла закон, разрешающий присутствие на территории Украины военнослужащих иностранных государств на учениях в 2018 году в количестве до трех тысяч военнослужащих с закрепленным вооружением и боевой техникой, до шести единиц самолетов и вертолетов. Тем самым решен вопрос по беспрепятственному размещению военной базы США в Очакове. В 2018 году на Украине уже запланированы учения многонациональных сил «Светлая лавина», «Чистое небо» и «Ривериан»..В принятых документах отдельно говорится о маневрах «Rapid Trident-2018» и обозначается допуск на Украину 2 тысяч военнослужащих НАТО и государств-участников программы «Партнерство ради мира» и 20 самолетов и вертолетов на 16 дней во второй половине года. При сегодняшнем составе Верховной Рады не сложно принять любое решение об изменении Конституции для постоянного размещения иностранных военных баз и военнослужащих.

В американских СМИ сообщалось, что Очаковская база строится по программе помощи иностранным государствам- союзникам Foreign Military Construction Sales. Эта программа уже применялась для возведения американских военных инфраструктур различного назначения во многих регионах мира. В тоже время, военные инженеры, хорошо знающие фарватеры Очаковских бухт, сомневаются в возможностях создания там серьезного объекта по типу Севастопольской военно-морской базы. По мнению военных аналитиков, создаваемый военно-морской объект будет находиться под прицелом с территории Крыма. Поэтому под большим вопросом постоянное присутствие кораблей НАТО и их экипажей в Очакове, а так же создание военно-морского учебного подразделения для государств-членов НАТО. В связи с этим можно сформулировать другую опасность. В настоящее время в Черном море период нахождения кораблей нечерноморских государств согласно конвенции Монтрё 1936 года составляет 21 день. Если предположить, что Очаковский центр реально превратится в базу ВМС США, то возникнет какая-нибудь бессрочная аренда территорий по образу и подобию событий в 1898 году вокруг аренды военно-морской базы в заливе Гуантанамо (Куба), а американцы тогда объявят эту территорию своей заморской. США станут тоже черноморским государством, в лучшем случае будут выплачивать арендные платежи, а новые приобретения будут считать зоной своих интересов. Американцы могут организовать имитацию какого-либо нападения на Очаковскую базу, найдут в нем российский след. После этого, для защиты от российской «агрессии» разместят постоянно на базе свои военные корабли, на которые не будет действовать конвенция Монтрё. Ни одна международная организация не сможет этому противостоять, а международный суд - принять решение о незаконности размещения базы и кораблей.

США ждали мая 2017 года, когда заканчивался 20-ти летний срок аренды Россией военно-морской базы в Крыму согласно российско-украинскому договору. Даже российские «яблочники» понимали такой ход мысли. Они поддерживали идею достижения дальнейшего компромисса между Россией и Украиной по крымской проблеме на условиях гарантий отсутствия на ее территории баз и военных объектов[2]. Американцы тогда рассчитывали выдавить Россию из Крыма, после этого разместить базу своих ВМС в Севастополе. Теперь в качестве утешения – строительство базы в Очаково.

По большому счету кроме минфина США никто точно не знает, какие денежные средства используют американцы для строительства базы, имеют ли они отношение к сумме, выделенной США для помощи Украине. США могут официально сообщить правительству Украины, что финансовые транши укрепляют обороноспособность их страны. Тогда на другие

виды военной помощи Украине у США средств может не хватить. По мнению современных экономистов, денежные средства на строительство базы в Крыму у американцев были выделены, они должны быть освоены. На полуострове у них не получилось, а намеченный финансовый план надо выполнять. Теперь выделенный бюджет будет израсходован в Очаково.

Не секрет, что у США существуют реальные планы на Черноморский регион. Так, планируется обанкротить Одесский припортовой завод, а его акватории превратить в базу ВМС США. Око НАТО обращено на песчаный массив «Олешковские пески», состоящий из семи участков, часть из которых имеет статус национального природного парка. На некоторых участках в советское время располагался полигон, где лётчики из государств Варшавского договора отрабатывали бомбометания. США имеют планы на крупнейший в Европе многофункциональный полигон «Широкий лан», находящийся в районе Очаковского порта. На нем можно проводить тактические учения с боевой стрельбой из всех видов современного вооружения. Создание военных объектов планируется в заповеднике «Тузловские лиманы» в Одесской области и в Татарбунарском районе, на берегах озер Карачаус, Алибей и Бурнас. Для управления флотом и выполнения оперативных обязанностей США планировали создать на территории Севастополя морской операционный центр. Он, конечно, существенно расширил бы возможности их руководящих звеньев при принятии важных решений в постмайданный период.

Интерес США к региону огромен. Об этом можно судить по «патриотической» акции, касающейся отправки летом 2017 года по водам Днепра баржи арбузов из Херсона в Киев[3]. Это мероприятие было профинансировано американской организацией USAID, пользующейся успехом на Украине. В течение последних нескольких лет корабли стран НАТО совершают визиты в Одессу, преодолевая соответствующие акватории, а американские военнослужащие организуют регулярные военные тренировки на полигоне «Широкий Лан». В Одессе на борту эсминца Королевских ВМС Великобритании Duncanукраинские и британские военные моряки провели совместные занятия. Ранее, в Николаеве около 20 различных летательных аппаратов ВМС США и ВСУ приняли участие в авиационном взаимодействии в период международных учений «Си Бриз-2017». В них принимали участие 16 стран. К учениям было привлечено: 31единица плавсредств, 29 единиц летательных аппаратов и более 3 тысяч военнослужащих[4].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Таким образом, Очаковская военная база станет пока одним из трёх американских объектов на черноморском побережье Украины. Из истории известно, что США не только не ликвидировали ни одну и своих баз, расположенных вокруг бывшего СССР, но еще более вооружили их. Практически все государства рассматривают способы защиты от вероятного нападения, а размещение натовских баз на востоке Европы не способствует делу мира. Получается, что северо-атлантический блок возводит свои объекты на территории государства, где развязана гражданская война. Это не стыкуется с принципами и требованиями, которые НАТО для себя сформулировали. Объекты альянса, нацеленные в свое время на СССР, перенесены в новую эпоху. Теперь они направлены против РФ. Факт строительства базы лишний раз свидетельствует о том, что североатлантический блок постоянно нарушает свои договоры и правила, а элементы американской военной инфраструктуры будут находиться непосредственно у границ России. Таким образом, передовое размещение баз североатлантического блока вместо территории ФРГ, как это было в советское время, теперь осуществлено на территории прибалтийских государств, стран Восточной Европы, Украины и Грузии. Можно предположить, что в дальнейшем в угоду США, в интересах продолжения политики «сдерживания» России, в плане размещения военных контингентов, будут предприниматься попытки изменения Основного закона Украины. Тогда её территория превратится в одну большую военную базу альянса, что будет продолжением «прибалтийского сценария» НАТО. Ведь Литва и Эстония когда-то тоже

согласились на строительство небольших военных объектов на своей территории. В настоящее время там расположены многочисленные военные формирования Пентагона, создающие угрозу безопасности РФ. Хотя руководители североатлантического блока постоянно заявляют, что не планируют приближение к границам России, демонстративно не принимают Украину в члены альянса, по факту организовали строительство на украинской территории уже не первого объекта. В РФ составлена общая линия поведения представителей альянса, повторяющаяся довольно долго, сводящаяся к всевозможным обвинениям[5].Успокаивает понимание того, что после присоединения Крыма загнать Россию в дальний угол Черного моря уже не получится.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сделать вывод, что военный объект в Очакове может расцениваться как элемент конфронтационной политики США в отношении России. Для управления кораблями Украины, находящихся в удручающем состоянии, и резиновыми лодками не нужен новый военный командный центр. С другой стороны, военно-морской центр, если он создается для украинского флота, должны строить украинцы. Поэтому американцы создают объект для себя. Он является элементом закрепления военных структур альянса на Украине. Это подтверждает возрастающая роль применения американских военных и разведывательных структур в конфликте на Украине. В настоящее время США в Черноморском бассейне не могут в полной мере положиться на Турцию, как на традиционного союзника по альянсу, из-за имеющихся между странами расхождений, хотя ВМФ Турции по-прежнему достаточно силен и долгое время являлся опорой альянса в Черноморском регионе. Внешняя и внутренняя политика Турции в целом не удовлетворяет интересам США в регионе, из-за чего высока вероятность строительства на Украине новых объектов военного назначения в ближайшей перспективе.

Список использованной литературы и источников:

1. *Бовдунов А., Чурсина М.* В опасной близости: зачем американцы строят военно-морскую базу в украинском Очакове. https://russian.rt.com/ussr/article/417991-amerikancy-voennaya-baza-ukraina (дата обращения: 16.03.18.)

2. *Редченко Д.В.* Присоединение Крыма к России в 2014 г.: позиция российской объединенной демократической партии «Яблоко» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 219 – 220.

3. «Историческое событие»: Арбузы баржей из Херсона в Киев. https://jpgazeta.ru/istoricheskoe-sobyitie-arbuzyi-barzhey-iz-hersona-v-kiev/ (дата обращения: 16.03.18.)

4. Си Бриз-2017: хроники международных учений http://dumskaya.net/article/si-briz-2017-hroniki-mezhdunarodnyh-ucheniy/ (дата обращения: 17.03.18.)

5. *Цыплин В.Г.* Не втягиваясь в навязанную гонку вооружений… // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. 2016. № 8. С. 174.

УДК 316.012

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

И.А. ВЕРШИНИНА

Вершинина Инна Альфредовна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра современной социологии, социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: urbansociology@yandex.ru

Аннотация: В работе анализируются экологические проблемы современности, которые рассматриваются как источник нового вида неравенства - социально-экологического. Рассматриваются пространственные аспекты неравенства в современной России.
Ключевые слова: социальная несправедливость; экологические риски; урбанизация; агломерации; капитализм.

SOCIO-ECOLOGICAL INEQUALITY IN A RISK SOCIETY: SPATIAL ASPECTS

I.A. Vershinina

Abstract. The article deals with the ecological problems of modern era, which are considered as a source of a new inequality - socio-ecological inequality. The paper presents data on the spatial aspects of inequality in modern Russia.
Key words: social injustice; environmental risks; urbanization; agglomeration; capitalism.

ВВЕДЕНИЕ

В работе «Общество риска: на пути к другому модерну», написанной после чернобыльской катастрофы, немецкий социолог Ульрих Бек указывает на то, что современные угрозы «путешествуют с ветром и по воде, скрываются везде и всюду и вместе с жизненно необходимыми вещами - воздухом, пищей, одеждой, домашней обстановкой»[1]. Современное общество - общество риска, где одна из самых очевидных угроз с непредсказуемыми последствиями - экологическая. Таким образом, возникает новый вид неравенства, связанный с возможностью избежать опасностей, большая часть из которых является рукотворными, окружающих нас со всех сторон.

Цель данной работы заключается в том, чтобы рассмотреть социально-экологическое неравенство в современном мире, которое позволяет понять взаимосвязи между социальными и экологическими проблемами обществ XXI столетия. Социально-экологическое неравенство включает в себя не только социальные и экологические аспекты неравенства и несправедливости, но также экономические и политические, поскольку все они являются частью социальных институтов и оказывают воздействие на состояние окружающей среды на самых разных уровнях - от местного до глобального.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

У. Бек полагает, что «логика» производства и распределения рисков в современном мире должна рассматриваться в сопоставлении с «логикой» распределения богатства, поскольку «общественное производство богатств постоянно сопровождается общественным производством рисков»[1], но распределены они при этом чрезвычайно неравномерно. Неравенство индустриального общества можно охарактеризовать как классовое, поскольку

представители каждой социальной группы хорошо осознавали свои возможности и права, за которые активно боролись те, кто был в чем-то ограничен.

В обществе риска мы наблюдаем трансформацию не только социальной структуры, но и изменение неравенства, появление новых его форм, в том числе связанных с рисками и пространственным распределением их последствий. У. Бек полагает, что «неравенство классового общества и неравенство общества риска могут… наслаиваться, обусловливать друг друга, одно может порождать другое»[1]. С одной стороны, мы можем отметить разную степень подверженности риску, связанную с наличием/отсутствием опасных для здоровья человека объектов, с другой стороны, возможности людей минимизировать негативные последствия современных рисков во многом детерминируются их материальным положением.

Географ Дэвид Харви обратил внимание на пространственное измерение социальной несправедливости, связанное с близостью или отдаленностью как различных объектов еще в начале 1970-х годов[2]. Он продемонстрировал, что пространственно люди находятся в неравных условиях вследствие различного расстояния, отделяющего их, как от необходимой инфраструктуры (учебных заведений, поликлиник, больниц, магазинов, общественного транспорта и т.д.), так и от того, что может представлять собой угрозу — жилье может оказаться в непосредственной близости от транспортных путей, источника загрязнения, шума и т.д.[2]. Близость подобных объектов требует значительных дополнительных расходов, которые могут позволить себе далеко не все (например, установка системы кондиционирование, обеспечение звукоизоляции и т.д.). Следовательно, можно зафиксировать неравенство, связанное с различной стоимостью доступности необходимых ресурсов и цены их близости для жителей, которые во многом очевидны, если проанализировать стоимость жилья на рынке недвижимости.

Существенные различия наблюдаются не только между разными районами города, что отражает локальное неравенство, но также между странами и регионами мира. Пространственное неравенство становится особенно острой проблемой в эпоху глобализации, когда транснациональные корпорации выносят производство и связанные с ним риски в развивающиеся страны, формируя глобальное социально-экологическое неравенство.

У. Бек отмечает, что «риски производят неравенства на интернациональном уровне, с одной стороны, между третьим миром и промышленно развитыми странами, с другой стороны, между самими развитыми странами»[1]. Таким образом, глобальное социально-экологическое неравенство представляет собой сложную систему, связанную с распределением различных рисков и их возможных последствий, оказывающих непосредственное воздействие на качество жизни населения.

Современный социолог Майкл Манн рассматривает экологические проблемы как угрожающие существованию человечества и потому считает, что они должны находиться в центре внимания мирового сообщества. Он полагает, что ответственность за экологический кризис, жертвами которого становятся миллионы людей лежит на трех великих достижениях Нового времени: капитализме, национальном государстве и правах гражданина[3], результатом которых стало общество потребления, эксплуатирующее окружающую среду. Если не обуздать потребительские паттерны поведения, то экологическая катастрофа неминуема. Однако ее последствия затронут представителей разных стран и социальных слоев не в равной мере: «относительно привилегированные и богатые государства Севера выстроят себе крепости “осадного капитализма”, “осадного социализма” или “экофашизма” против остального мира; появится множество голодающих беженцев; начнутся войны за ресурсы»[3]. Таким образом, обладание материальными ресурсами является конкурентным преимуществом, позволяющим улучшить свое положение в системе социально-экологического неравенства.

Внимание современных социологов к экологической проблематике демонстрирует не только ее актуальность, но и существование множества измерений ее анализа. Решение экологические проблем рассматривается многими учеными как приоритетное, поскольку они становятся причиной социальных, экономических и политических, а также угрожают

существованию всего человечества. Вместе с тем необходимо учитывать, что экологическая повестка дня имеет место не только на глобальном уровне, но и на региональном и локальном. Социально-экологическое неравенство уже стало привычным явлением для многих стран, и Россия не является исключением.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ

В России проблема пространственного неравенства имеет свою специфику. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за 2017 год, экологические риски неравномерно распределяются по территории страны. Например, выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, оказывающих неблагоприятное воздействие на здоровье населения и окружающую среду, минимальны в Северо-Кавказском федеральном округе (149,6 тыс. т - менее 1% от всех выбросов на территории страны) и значительно выше в Уральском (3837,2 тыс. т - 22,12%) и Сибирском федеральных округах (5604,8 тыс. т. - 32,31%, из которых более половины приходится всего на два региона - Красноярский край и Кемеровскую область)[4]. Стоит ли удивляться тому, что средняя ожидаемая продолжительность жизни в Северо-Кавказском федеральном округе составляет 75,13 лет, в то время как в Уральском и Сибирском округах - 70,82 и 69,81 соответственно[4].

Необходимо отметить как межрегиональное неравенство, так и то, что материальное благополучие зачастую заставляет нести экологические риски другие регионы. Экономический центр страны - Москва аккумулирует множество производств и ресурсов, в том числе трудовых, предлагая один из самых высоких уровней дохода по стране, и вместе с тем столица страны активно выводит свои экологические риски за пределы региона, от чего больше всего страдает Московская область. Между этими двумя регионами также наблюдается довольно существенная разница в средней ожидаемой продолжительности жизни: для столицы это более 77 лет, а для области - 72,5[4]. Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников составляют 63,0 тыс. т в Москве и 253,3 тыс. т в Московской области, сброс загрязненных сточных вод - 825 млн. $м^3$ и 1067 млн. $м^3$ соответственно[4]. Однако наиболее актуальная проблема, вызвавшая сейчас большой общественный резонанс - мусорные полигоны, которые находятся за пределами Москвы и подчас представляют угрозу для здоровья жителей области. Зачастую обитатели когда-то экологически благополучных районов могут стать жертвами изменившейся ситуации, если функционирование крупной городской агломерации требует решения таких проблем, как вывоз мусора.

Волоколамск находится более, чем в 100 км от Москвы, но даже в этом районе Московской области появился мусорный полигон «Ядрово», отравляющий жизнь тех, кто оказался в непосредственной близости от него. Люди расплачиваются своим здоровьем за отсутствие программ по сортировке и переработке бытовых отходов. Люди становятся заложниками места проживания, кто-то может другое жилье, и переехать, а кто-то вынужден ждать решения проблем и мириться с ухудшением состояния окружающей среды и рисками для здоровья.

После того, как стало известно о решении построить в Подмосковье четыре мусоросжигательных предприятия - в Солнечногорске, Ногинске, Воскресенске и под Наро-Фоминском - жители окрестных населенных пунктов начали активно продавать свое жилье, которое стремительно дешевеет[5]. Вырученных средств на покупку равнозначного жилья в другом районе хватает не у всех, значит, многие должны мириться либо с ухудшением жилищных условий, либо с опасным соседством с мусоросжигательным заводом.

Мощность завода под Наро-Фоминском составит 700 тыс. т мусора в год, в то время как сам городской круг производит около 250 тыс. т мусора в год[5], тем самым, очевидно, что строящиеся заводы решают утилизацию отходов не области, а Москвы. Поэтому инициатива властей Московской области с 1 сентября 2018 г. ввести в школах уроки сортировки мусора для повышения экологической культуры населения не сможет решить проблему, поскольку главным «поставщиком» бытовых отходов в область является столица.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материальное благополучие в России зачастую связано с дополнительными экологическими рисками, поскольку регионы с высокими заработными платами зачастую имеют на своей территории экологически опасные объекты (Ханты-Мансийск и т.д.), либо неблагоприятную экологическую ситуацию, являющуюся результатом воздействия комплекса факторов (крупные агломерации, как например, Москва или Санкт-Петербург). Необходимо понимать масштабы социально-экологического неравенства и искать возможные пути решения проблемы, чтобы развитие одних регионов не осуществлялось за счет других и в ущерб другим.

Распространение культуры индивидуализма создает иллюзию, согласно которой можно действовать самостоятельно, не учитывая интересы и потребности других акторов. Однако это заблуждение, которое чрезвычайно опасно. Экологические проблемы в современном мире приобретают глобальный характер и порождают новый вид социального неравенства, который тесно переплетается с экономическим. Материальные ресурсы дают больше возможностей для минимизации экологических рисков, например, семьи с высоким доходом могут позволить себе поставить кондиционеры с системой очистки воздуха. Некоторые полагают, что от экологических проблем можно сбежать, купив билет на самолет. Однако «бегство» позволяет минимизировать лишь локальные риски (такие, как пожары лета 2010 года), но не решают глобальных экологических проблем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», № 18-011-01106.

Список использованной литературы и источников:

1. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

2. *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009.

3. Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Институт Гайдара, 2015.

4. Российский статистический ежегодник. 2017: Статистический сборник. М.: Росстат, 2017.

5. Информационный портал BFM.ru. URL: https://www.bfm.ru/

УДК 316.74:316

ОБЩЕСТВО РИСКА: РИСКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЯН

Е.М. ИВАНОВА

Иванова Екатерина Михайловна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии коммуникаций и управления на базе администрации Энгельсского муниципального района СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: iem07@yandex.ru

Аннотация: В статье изложены теоретические и прикладные аспекты исследования современного российского общества как общества тотального риска. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с повседневными рисками россиян, стабильностью жизнедеятельности индивидов и общества в целом.

Ключевые слова: риск, безопасность, общество риска, повседневность.

SOCIETY OF RISK: RISKS OF DAILY ROSSIANS

E.M. Ivanova

Abstract. The article describes the theoretical and applied aspects of the study of modern Russian society as a society of total risk. Particular attention is paid to issues related to the daily risks of Russians, the stability of the lives of individuals and society as a whole.

Key words: risk, safety, risk society, everyday life.

Главной проблемой современности становится безопасность протекания процессов жизнедеятельности в условиях общества риска. Это - прежде всего, предотвращение появления новых вызовов и угроз социальным сообществам и их представителям, а также блокирование имеющихся опасностей, купирование расширяющихся кризисов и борьба с последствиями катастроф. С другой стороны, в массовом сознании появляется понимание важности риска, состояния неопределенности, поскольку они являются непременными условиями становления и функционирования рыночных институтов, демократических политических систем, гражданского общества, и, наконец, развития свободы личности. Ведь риск подразумевает возможность и право выбора альтернатив, а также ответственность за последствия, вызванные соответствующими действиями. Новая социальная реальность, в которой нашло свое место разнообразие рисков и опасностей, аналогов которым не было раньше, активизирует социологов в таких новых направлениях, как социология риска и социология безопасности.

В исследованиях отечественного автора О.Н. Яницкого предпринята попытка проанализировать современное российское общество в понятиях теорий «общества риска». Согласно его концепции, нормативным идеалом общества является выживание, что свидетельствует о высоком уровне социального риска. «Выбор рисков, о которых беспокоятся люди, зависит от предпочитаемых социальных форм жизни. Выбор рисков и выбор, как жить, должны рассматриваться вместе. Каждая форма общественной жизни имеет собственный «портфель рисков», общие ценности ведут к общим страхам. Не существует разрыва между восприятием и реальностью и правильного описания правильного поведения, по крайней мере, заранее. Действительные опасности не известны до того, как они наступили. Между тем, действуя в настоящем, чтобы предотвратить будущие опасности, всякая социальная система поднимает некоторые риски слишком высоко и опускает другие ниже уровня видимости. Этот культурный уклон неотделим от типа социальной организации. Принятие рисков и их предотвращение, разделяемые всеми уверенность и страхи - это часть диалога о том, как лучше организовать социальные отношения»[1].

Под повседневностью у социологов принято понимать процесс жизнедеятельности индивидов, который развертывается в общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий[2,3]. Общедоступным формам повседневной деятельности соответствуют стабильные структуры сознания и действия, «жизненный мир» как совокупность устойчивых систем ориентаций, позволяющих применять рациональные схемы и оценивать ситуации без дополнительной рефлексии. Это обеспечивает стабильное воспроизведение жизнедеятельности различных социальных групп и общества в целом. В качестве структурных элементов повседневности исследователи выделяют такие составляющие, как быт, работа и обучение, межличностные отношения и семья, поддержание здоровья, отдых, потребление, способы мобильности и многие другие[3].

К рискам повседневности можно отнести риски, внезапно нарушающие самые привычные, обыденные практики человека. Риски, угрожающие тем практикам, которые совершаются в значительной мере автоматически, без рефлексии и не требуют дополнительных ресурсов (усилий, информации и т.п.). Без сомнений, в ходе общественной эволюции привычные для индивида «среды безопасности» трансформируются и становятся рискогенными.

В первую очередь следует отметить накаленную международную обстановку, которая стала одним из главных источником угроз не только государству и обществу, но и индивидам в частности. Это обусловлено реальными событиями: развитием ситуации в Сирии и обострением конфронтационной риторики в отношениях с США, введением санкций в отношении России. Страхи, связанные с международными конфликтами остаются главными факторами, вызывающими беспокойство. В этой связи актуальной становиться угроза терроризма, который имеет политические и экономические корни. Это проблема расслоения общества, проблема бедности, безработицы, низкого уровня образования, на почве которых бурно расцветают различные течения, в том числе и террористической направленности. Эта ситуация характерна не только для современной России, но и мирового сообщества в целом. На вопрос «Насколько лично для себя они ощущают опасность, исходящую от международных террористических групп» 44% опрошенных ответили, что ощущают высокую или даже очень высокую степень опасности. Каждый пятый (20%) полагает, что уровень террористической опасности средний. А более четверти жителей Земли (29%) уверены, что для них международные террористы представляют очень слабую опасность либо ее вообще нет. Очевидно, что в разных странах мнения респондентов по вопросу угрозы международного терроризма разнятся. Что же касается нашей страны, то россияне назвали высокой опасность террористической угрозы для себя лично и страны в целом в 61% случаев. Средней угрозу терактов оценивают 20% россиян, а низкой ее называют 12% наших соотечественников[4].

На этом фоне усилился и второй по значимости источник риска и угроз - продолжение снижения уровня жизни. Проблема роста цен, инфляции, сокращения реальных доходов постоянно беспокоит россиян. Согласно опросам об этом заявляют более 60% наших соотечественников. Почти половина россиян (46%) ответили, что финансовая ситуация в их семьях непростая, но на самое необходимое денег хватает. А почти треть (30%) российских семей пребывают в состоянии, когда могут позволить себе любые повседневные траты. Однако каждая пятая семья в России (21%) жалуется на тяжесть своего финансового положения, причем 4% признаются, что «еле сводят концы с концами». При этом более половины россиян уверены, что в грядущем будущем экономическая ситуация в стране существенно не изменится и останется прежней. На экономические улучшения надеются 20% респондентов, а в усугубление кризиса верят 26% опрошенных, среди которых опять же преобладают самые малообеспеченные слои населения. В целом, несмотря на непростую экономическую ситуацию в стране большинство россиян живут не плохо и успешно справляются с общими экономическими трудностями. Это объясняется тем, что россиянам к кризисам не привыкать, они готовы рисковать и показывают достаточно высокую адаптивную способность в существующих условиях.

Существенные страхи у большинства населения вызывают проблемы со здоровьем и получением медицинской помощи. Согласно полученным результатам, средние оценки, выставленные респондентами качеству медицинских услуг, оказались, пожалуй, самыми низкими по сравнению с другими категориями сервисов. Так, частные медицинские услуги россияне в среднем оценили на 3,9 балла из пяти возможных, государственные медицинские услуги получили среднюю оценку в 3,4 балла. Чуть выше оказалась оценка уровня сервиса в аптеках – 4,1 балла. Государственные же медицинские предприятия оставили неудовлетворенными более половины респондентов (51%). Положительные отзывы в адрес государственных медучреждений были даны 49% участниками опроса. Среди главных причин неудовольствия были отмечены очереди и наличие большого количества посетителей (48%), низкая квалификация и недостаточный профессионализм персонала 47%, грубость и хамство персонала (27%).

В непростых экономических условиях россияне вынуждены экономить на лекарствах, что существенно сказывается на качестве жизни и населения. Более половины респондентов стараются экономить на лекарствах, покупая препараты только при крайней необходимости (32%), либо выбирая более дешевые аналоги (18%), либо используя средства народной

медицины (4%). При этом увеличилась доля россиян, которые стали покупать больше лекарств, т.к. стали больше болеть.

К рискам повседневности, безусловно, можно отнести и ситуацию на рынке труда, проблемы безработицы и трудоустройства. На конец 2017 года 57% респондентов работали непрерывно, 9% поменяли работу в течение 2017 года (уволились по собственному желанию или попали под сокращение). 29% признались в том, что не работают в настоящее время и не работали в последние полгода. Вероятно, столь высокая доля неработающих объясняется увеличением числа неработающих среди молодежи до 24 лет (42%). Наблюдается значительное увеличение доли (80%) успешно трудоустроившихся в течение полутора месяцев после увольнения.

Среди работающих россиян 77% заявили, что в целом они удовлетворены своей работой. Причем аналогичная доля ответов была получена как среди мужчин, так и среди женщин, во всех возрастных группах. Только среди россиян старше 60 лет доля довольных своей работой оказалась еще выше - 84%. Самыми довольными своей работой оказались жители Центрального округа страны - 91%, а наименее удовлетворенными работой себя назвали жители северо-запада (62%) и юга (66%) страны. Так же можно отметить, что в 2017 году наблюдалось меньше сокращений персонала и зарплат, хотя и роста зарплат и расширения штата наблюдается меньше чем в 2016 и 2015 годах.

Несмотря на повседневные риски, россиянам все же присущ оптимизм и высокая степень адаптации в сложившейся ситуации. По данным Фонда общественного мнения спокойное настроение отметили 53% населения против 40% тревожного настроения[5]. Что же касается индекса счастья, то счастливыми себя назвали 55% россиян, несчастными себя ощущают 5% наших соотечественников. В целом, россияне оказались счастливее, чем среднестатистические жители Земли и впервые за многие годы индекс счастья в России превысил общемировой уровень[4].

Таким образом, современное российское общество можно определить как общество тотального риска, для которого характерны состояние неопределенности и высокой рискогенности. Это касается личной безопасности, безопасности родных и друзей, работы, дома, личной сферы. Риски проникают во все сферы жизнедеятельности индивидов, в его повседневные практики и затрагивают жизненно важные интересы. Именно поэтому так важно на сегодняшний день формирование высокого уровня культуры безопасности и высокой способности адаптации в условиях всеобщего риска.

Список использованной литературы и источников:

1. *Яницкий О.Н.* Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. №1. С. 3-33.

2. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. М.: Альфа-М, 2009.

3. *Зарубина Н.Н.* Риски повседневности в сложном социуме: опыт российских модернизаций в XX веке // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 3 (24). С. 153-161.

4. Исследовательский холдинг Ромир / официальный сайт URL: http://romir.ru (дата обращения: 06.04.2018).

5. Фонд общественного мнения / официальный сайт http://bd.fom.ru/pdf/d13no2018.pdf (дата обращения: 06.04.2018).

УДК 177.5 + 241.12

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО С ДУХОВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИЕРОМОНАХ АНТОНИЙ (ПОДОРОВСКИЙ)

Иеромонах Антоний (Подоровский), старший преподаватель кафедры философии СГОАН.

E-mail: podorovskiy@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема социального неравенства сквозь призму христианской традиции. Показаны риски абстрагирования от ее решения для христианства и других монотеистических религий. Описаны аспекты ее постановки: социально-иерархический и имущественный, указаны способы, с помощью которых проблема решалась в христианстве в этих аспектах. Даны философские коннотации предпринятых способов.

Ключевые слова: христианство, господство и подчинённость, богатство и бедность, служение, талант.

THE SOCIAL INEQUALITY FROM SPIRITUAL POINT

A. Podorovsky

Abstract. The problem of social inequality is observed through the prism of Christian's tradition. The risks of abstraction from its solution for Christianity and other Monotheistic religions are presented. The aspects of its presentation are described, one of them is social-hierarchical and another one is property. The ways of solution of this problem in these aspects into Christianity are shoved. The Philosophical connotations of undertaken ways are given.

Key words: Christianity, domination and subordination, wealth and poverty, service of God, talent.

ВВЕДЕНИЕ

Тема социального неравенства относится, безусловно, к темам, имеющим непреходящую актуальность. Спектр её исторических интерпретаторов огромен – от ницшеанского социодарвинизма до коммунистического мессианства, от идеи благословенной зажиточности сборников галахических решений до идеала социальной гармонии конфуцианства. Однако теоретическая проблематизация социального неравенства особенно обостряется в интеллектуальной среде, порождённой дискурсом, догматизирующем провиденциалистский тезис об итоговом воздаянии со стороны претендующей на абсолютную объективность Инстанции. Проблема существования социального неравенства, представленного одновременным наличием господствующих и подчинённых, обеспеченных и малоимущих социальных групп становится своеобразной практической проекцией проблемы теодицеи, где социальное неравенство выступает как зло, которое противоречит атрибутам божественной благости, премудрости и всемогущества. Эта проблема становится, если угодно, стратегическим вызовом монотеизму библейского типа, и в особенности христианству, и, как хорошо известно из истории, она способна с лёгкостью конвертироваться в антиклерикальные социальные проекты даже тогда, когда преференции для представителей христианских институций из сложившегося порядка вещей неочевидны.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

При таких обстоятельствах было бы странно, если бы тема социального неравенства не привлекала самого пристального внимания представителей Церкви – во всей своей многоаспектности, сложности и противоречивости. Необходимость согласования тезиса о всеобщем равенстве людей перед Богом с наличным социальным неравенством породила ряд сложных герменевтических стратегий, которые нередко увязывались с другими аспектами вероучения. В качестве представителей идеологических экстремумов, во-первых, можно

указать на концепции христианского коммунизма, носившие либо утопический характер, либо локализованные в виде закрытых социальных систем, нуждающиеся, однако, в поступлении материальных ресурсов извне. Им противоположна широко известная доктрина кальвинизма, не только возведшая социальное неравенство, во всяком случае, в его имущественном аспекте, в статус нормы, но и разработавшая механизм конверсии житейской успешности в богоизбранничество. Вероятно, что и социальные доктрины Мора и Кампанеллы с одной стороны, и учение Кальвина – с другой, протопресвитер Георгий Флоровский охарактеризовал бы как результат некоего надрыва, отчаяния. В конечном итоге такие учения, хотя, возможно, и являются привлекательными в тактическом плане, но они проигрывают в плане долгосрочной перспективе – хотя бы в силу того, что монотеистические религии, и христианство в том числе, если не сказать в особенности, всегда имели тенденции стать мировыми, а, значит, их аудитория – весь социум в своей противоречивости, многоаспектности и неравенстве.

Отсюда следует, что решение проблемы социального неравенства должно быть принципиально иным. Для того, чтобы его оценить, разграничим два аспекта социального неравенства: сам социальный статус и имущественный вопрос. В первом случае члены социума дифференцируются, помимо своего социального самочувствия, также по своим обязанностям, во втором – по своим возможностям.

1. Господство и подчинённость.

В рабовладельческом обществе, где впервые стало распространяться христианство, деление на доминирующих и подчинённых было абсолютизировано обыденным сознанием, легитимировано римским правом и юстифицировано античной моралью. Парадокс античного и конкретно римского менталитета состоял в том, что раб, обладая человеческой природой, не обладал человеческим достоинством, из чего и следовала зависимость личного благополучия раба от волюнтаристских спекуляций и социальных стереотипов его господина.

Распространявшееся христианство, как известно, имело своих последователей, как среди рабов, так и среди господ. И если, по мнению ряда историков, первые в начальный период превалировали количественно, то вторые, даже будучи немногочисленными, могли принести ощутимо большую пользу Церкви как в вопросах финансовых, так и в вопросах защиты её интересов. При таких обстоятельствах особое значение занял поиск средств, призванных «снять» проблему социального неравенства, нивелировать её.

Во-первых, категориальная пара «рабства» – «владычества» в христианстве переносится из социальной плоскости в плоскость моральную. Об этом свидетельствуют цитаты из Нового Завета. Так, в Евангелии от Иоанна представлен следующий диалог Господа Иисуса Христа и жителей Иерусалима. Он говорит им: «познаете истину, и истина сделает вас свободными. Ему отвечали: мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: сделаетесь свободными? Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8, 33-36). Во втором послании Петра о ересиархах гностического направления говорится так: «Обещают им свободу, будучи рабами тления; ибо кто кем побеждён, тот тому и раб» (2 Пет. 2, 19). Раскрывая ту же мысль, святитель Иоанн Златоуст приводит показательный пример: «Раб и свободный – суть простые названия. Что такое раб? Одно название. Сколько господ лежат пьяные на постели, а слуги стоят подле них трезвые! Кого же назвать рабом – трезвого, или пьяного?»[3]. Категории господства и рабства в данном отрывке описываются святым Иоанном последовательно номиналистически, что очень нехарактерно для обсуждения других вопросов эпохи патристики. Рабство осмысляется как зависимость от стимулов, которые понуждают человека действовать детерминировано вопреки требованиям нравственного чувства и доводам неангажированного разума. Свобода мыслится как отсутствие такой зависимости; все внешние применительно к человеку обстоятельства, не требующие акта отречения от нравственного достоинства, делегируемого человеку Божеством, прекрасно характеризуются гегелевской интерпретацией свободы как «осознанной необходимости».

Во-вторых, социальный статус изображается индифферентным по отношению к человеческому предназначению. В этом смысле показателен отрывок из Первого послания святого апостола Павла к Коринфянам: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7, 20-23)[1]. Русский Синодальный перевод, который здесь цитируется, предлагает рабу в случае возможности освобождения «воспользоваться лучшим». Обыденное сознание здесь видит риторическое побуждение к аксиологической оценке феноменов рабства и свободы, а потому делает вывод, будто бы данный текст внушает рабам искать освобождение от рабства, если представится такая возможность.

Однако оригинальный текст подразумевает такую интерпретацию лишь в качестве допустимой. Весьма показательна схолия на данный отрывок того же святого Иоанна Златоуста, русский переводчик которой опирался не на Синодальный перевод Библии, а на церковнославянский, который значительно точнее следует оригиналу: Раб ли призван был еси? Да не нерадиши. Всё это, – говорит, ничего не значит для веры; потому не спорь и не смущайся; вера превыше всего этого. Каждый, в каком призван звании, в том и оставайся… Призван рабом? Не заботься, оставайся рабом… Рабство и свобода нисколько не вредит. Но, чтобы показать это как можно яснее, он [апостол Павел – прим. авт.] говорит: но аще и можеши свободен быти, больше поработи себе, т.е. тем более служи. Для чего же он повелевает оставаться рабом тому, кто может сделаться свободным? Для того, чтобы показать, что рабство не только не вредит, но ещё доставляет пользу. Знаю, что некоторые утверждают, будто слова «больше поработи себе» сказаны о свободе и объясняют их так: если можешь быть свободен, то освободись. Но такая мысль была бы совершенно противна намерению Павла: утешая раба и доказывая ему, что рабство не причиняет ему никакого вреда, он не стал бы повелевать ему искать свободу, так как тогда иной мог бы сказать: а если я не могу сделаться свободным, то терплю унижение и вред?»

Продолжая, Златоуст пишет: «В отношении ко Христу тот и другой равны. Как ты – раб Христов, так и господин твой. Но каким образом раб может быть свободным? Христос освободил тебя не только от греха, но и от внешнего рабства, хотя ты остаёшься рабом. Он не допускает ни рабу быть рабом, ни человеку оставаться в рабстве – это и чудно. Когда же раб бывает свободным, оставаясь рабом? Когда он делает всё для Бога, нелицемерно и не из человекоугодия: это и значит быть рабом людей и оставаться свободным»[2].

Радикальной мировоззренческой инновацией в христианстве стало переосмысление статуса господ: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный. И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицеприятия» (Еф. 6, 5-9)[1]. Эта же мысль о кардинальной смене модели взаимоотношения рабов и господ содержится и в другом послании апостола Павла: «Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах за благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне, а тем больше тебе, и по плоти и в Господе. Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня. Если же он чем обидел тебя, или должен, считай это на мне. Я, Павел, написал моею рукою: я заплачу; не говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен» (Флм. 13-19)[1]. Впервые в античном мировоззрении и правосознании на сословие господствующих возлагается священный долг заботы о подчиненных, долг, который надлежит исполнять с рабской покорностью. Так антитеза господства – рабства обретает свой синтез в понятии служения, которое становится глубоко

укоренившейся, значимой частью христианского видения сакральной сути общественных отношений на протяжении всей церковной истории.

2. Богатство и бедность.

Тема имущественного ценза в христианстве была поставлена с самого начала его истории. Иерусалимская община, являясь первой общиной в истории Церкви, с самого начала ввела практику обобществления имущества. Хотя эта практика и носила добровольный характер, но её профанация категорически осуждалась (Деян. 5, 1-11)[1]. Дальнейшая история общины, в силу независящих от неё причин так и не смогшей организовать самообеспечивающее хозяйствование, свидетельствует о настроениях, в которых обладание богатством рассматривается как фактор нравственных и репутационных рисков (Иак. 1, 10-11; 2, 1-7; 5, 1-6)[1].

Однако, несмотря на наличие понимания грозных апокалиптических слов «ты оставил первую любовь свою» (Откр. 2, 4) в смысле прекращения этой практики в Иерусалимской Церкви, существующие многочисленные новозаветные сентенции, парадоксальным образом опровергающие ветхозаветный стереотип о прямой зависимости уровня социального благополучия от степени благоволения Божества, не означают, по мнению христианской традиции, необходимость отказа от владения имуществом.

В этом смысле примечательно сочинение Климента Александрийского «Кто из богатых спасётся». В нём присутствуют такое рассуждение: «Продай имение твое. Но что значит это? Не это повелевает Господь, о чём некоторые слишком поспешно думают, что наличное свое имущество он должен был разбросать и со своими богатствами расстаться, нет, он должен был только ложные мнения относительно богатства из своей души выкинуть, алчность и жажду их, перестать о них беспокоиться, устранить со своего пути эти терния жизни, заглушающие собой эти семена»[4].

Эту интенцию целесообразно выразить посредством формирования концепции осмысления социального благополучия как Божественного дара, который, тем не менее, подлежит отчётности перед Дарителем. Богатство является наиболее ярким примером такого дара-залога: его владелец имеет исключительное право им располагать по своему усмотрению, но к богатству прилагается провиденциалистский проект пользования им. Евангельский текст задаёт понятийный образ такого подлежащего отчёту дарования – это талант. Таланты даются разным людям в разном количестве – но их возврат требуется в кратном размере (Мф. 25, 14-30). Святитель Иоанн Златоуст применяет понятие дара к средствам материальной обеспеченности: «Когда мы не подаем милостыни, будем наказаны наравне с похитителями. Эти имущества Господни, откуда бы мы их не собрали; и если мы уделим из них бедным, то приобретем великое богатство. Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяние, и пьянство, и пресыщение, и дорогие одежды, и на другие предметы роскоши, но для того, чтобы ты уделял нуждающимся[3]». В рамках такого подхода подлинной причиной социального неравенства мыслится не факт исключительного обладания какой-либо собственностью, а практика исключительно своекорыстного её употребления.

Таким образом, богатство-талант даётся человеку не для него самого, оно должно быть осознанно потрачено человеком в пользу нуждающихся. Так выстраивается панорама единства человечества, когда оно становится не только реципиентом Божественного милосердия, но и его соавтором в отношении своих членов. Постулируемая христианством подлинность ощущения единства человечества в рамках макросоциума, расширяющегося в своих устремлениях до универсума, претендует на равновеликую компенсацию ощущения вселенской несправедливости индивидуального бытия и может служить действенным фактором профилактики асоциального мировосприятия и снижения рисков, с ним связанных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема социального неравенства в рамках христианской мысли выступает своеобразной практической проекцией проблемы теодицеи. Абстрагирование от ее решения чревато для христианства рисками популяризации антиклерикальных проектов. При рассмотрении двух

базовых аспектов социального неравенства – иерархического и имущественного – обнаруживается, что христианство разработало комплекс герменевтических процедур, которые противостоят как тенденциям ложного примирения с действительностью посредством забвения существующих социальных девиаций, так и популистским манифестациям насильственной аннигиляции существующего порядка вещей под знамёнами утопических проектов. К таким процедурам относятся: перенос категории свободы из правового поля в сферу нравственного идеала, осмысление в качестве религиозно значимого любого нравственного допустимого повседневного труда, интерпретация служения как всеобщего долга и включение в этот долг необходимости заботы о подчинённых, конверсия идеала обобществлённого имущества в концепцию богатства как дара-залога, осмысление роли человека как соавтора божественных благодеяний.

Список использованной литературы и источников:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод – М.: РБО, 2009.

2. *Иоанн Златоуст*, святитель. Беседы на Первое послание Коринфянам // Полное собрание творений святого Иоанна Златоустого в двенадцати томах. Т. 10. Кн. 1. – М.: Православное братство «Радонеж», 2004. – 455 с.

3. *Иоанн Златоуст*, святитель. Семь слов о Лазаре // Полное собрание творений святого Иоанна Златоустого в двенадцати томах. Т. 1. Кн. 2. – М.: «Православная книга», 1991. – С. 778-877.

4. *Климент Александрийский*. Увещевание к язычникам. Кто из богатых спасётся. – СПб: «Издательство Олега Абышко», 2006. – 288 с.

УДК316.334.5

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ГОРОЖАН

М.В. КАЛИННИКОВА, Т.В. ПОЛИКАРПОВА, А.А. ГОЛОВИНА

Калинникова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии регионов СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: Kalinnikova1@rambler.ru

Поликарпова Татьяна Владимировна, кандидат политических наук, доцент, кафедра социологии регионов СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: polikarpovatv@mail.ru

Головина Анна Алексеевна, аспирант, кафедра социологии регионов СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: anechka_mango@mail.ru

Аннотация. Изложены социально-экономические факторы, определяющие престижность различных районов города Саратова в качестве мест проживания. Показано, что в представлении молодежи престижность места жительства связана, во-первых с высоким материальным достатком, во-вторых с проживанием в центральной части города. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на вероятностной, трех ступенчатой, квотной выборке (n=88; критерий квот: возраст, пол, район проживания). Установлено, что такие характеристики молодежи как возраст, уровень образования, доход, занятость оказывают значимое влияние на формирование образа престижного места жительства. Результаты исследования могут быть использованы в рамках социологии города, социологии молодежи и других смежных теорий. Прикладной аспект исследуемой проблемы

может быть полезен для повышения эффективности городской политики в области развития районов, жилищной политики и градостроительства.

Ключевые слова: город; место жительства; престижность; сегрегация.

RESIDENCE AS A FACTOR OF SOCIAL DIFFERENTIATION OF CITIZENS

M.V. Kalinnikova, T.V. Polikarpova, A.A. Golovina

Abstract. It was presented social-economic factors, which influenced to prestige of different districts of Saratov. It was shown, that according to youth`s opinion prestige of residence connected with high earning and central location. It was represented results of empiric research, which was executed on basis of probabilistic three-step quota sampling (n=88, quota criteria: age, sex, residence). It was established, that age, education level, income, occupation had significant influence to formation of imagine of prestige residence. Results may be use in theory of town`s sociology, sociology of youths, and in other complementary theories. Applicative aspect of research problem may be useful for rising of efficacy of town policies for districts development, housing policies and town planning.

Key words: town; residence; prestige; segregation.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время российское общество развивается в сторону поляризации социально господствующих и подчиненных слоев, следовательно, актуализируется и проблема социальной дифференциации (городской в том числе). В городе мы сталкиваемся с разительными контрастами между великолепием и запущенностью, богатством и нищетой, порядком и хаосом. Конкуренция за городское пространство велика, и существует множество различных факторов, определяющих, насколько желательными будут те или иные районы города в качестве мест проживания для различных групп населения. Одним из таких факторов, представляющих интерес для исследователя, является престижность. Престижное место жительства – это место жительства, обладающее (вследствие своего расположения) набором характеристик, который обеспечивает повышенный спрос на него.

В связи с этим, цель данной работы – выявить социально-экономические факторы, влияющие на представление горожан о престижном месте жительства, на примере молодежи города Саратова.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Одним из основоположников изучения городского образа жизни считается Луис Вирт. В своей концепции города – “урбанизм как образ жизни” - он, одним из первых, затронул тему социальной сегрегации в городе и ее последствий. Ученый отмечал, что возникновение пространственного неравенства возможно на основе различия индивидов по цвету кожи, этнической принадлежности, экономическому и социальному статусу, вкусам и предпочтениям[1]. Проблема престижного адреса, как одной из сторон социальной сегрегации, в западной социологической традиции детально изучалась французским социологом Пьером Бурдье[2]. Поскольку выбор места жительства предполагает реализацию тех или иных потребностей индивида, уместно вспомнить теорию потребностей А.Г. Маслоу. Главная концепция, которой: пока не будут удовлетворены потребности низшего уровня, не актуализируются потребности более высокого уровня[3]. Среди отечественных социологов, занимающихся социальной дифференциацией городского пространства, следует отметить труды Трущенко О.Е.[4]. Используя историко-социологические методы и опираясь на теоретические разработки французских социологов П. Бурдье, М. Пэнсон, М. Пэнсон-Шарло, Э. Претесея и др., на примере Москвы она показала, что городская сегрегация есть продукт социальной стратегии практического использования символически ценных пространств, который воплощается в характере расселения господствующих социальных групп и сословий.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось с использованием методологии количественных методов,в рамках структурно-функционального подхода. Основным методом сбора социологической информации был анкетный опрос.

Формирование выборки осуществлялось на основе закона больших чисел. Для формирования репрезентативной выборки, были запрошены последние данные о численности интересующих нас социальных групп из Саратовского областного комитета статистики. Генеральная совокупность составила, 376 035 человек. Исходя из задач исследования и статистических данных, были сформированы следующие возрастные интервалы: 18-22, 23-26, 27-30; и вычислено процентное соотношение каждой группы в генеральной совокупности. Для построения репрезентативной выборки также было вычислено процентное соотношение мужчин и женщин в каждом из возрастных интервалов. В итоге, на основе имеющихся данных была сформирована бесповторная, вероятностная, трех-ступенчатая квотная выборка. Критерии квот: возраст, пол, район проживания. Объем выборки составил 88 человек. В гендерном соотношении 52,3% составили мужчины и 47,7% – женщины. В изучаемой социальной группе численность представителей мужского пола хоть незначительно, но все же превышает численность женщин, что соответствует данным статистики, использованным для формирования выборки.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для большей части саратовской молодежи проживание в престижном районе характеризуется как желаемое и позитивное (55,7% молодежи хотели бы жить в престижном районе). Однако существенным является тот факт, что более трети молодежи (35,2 %) высказали либо равнодушное отношение к проблеме престижности места жительства либо вовсе не задумывались о данном вопросе.

Под престижным районом 47,7% молодежи понимают район, который они выбрали бы при неограниченных материальных возможностях. 35,2% молодежи понимают престижный район как район, где проживает “верхушка общества”. Таким образом, несмотря на то, что значительная часть молодежи равнодушно относится к вопросу престижности места жительства, в представлении основной массы (82,7%) данное качество вызывает, прежде всего, позитивные ассоциации, такие как: материальное благосостояние и высокий социальный статус жителей. В целом, престижное место жительства можно охарактеризовать как желаемое и предпочтительное в представлении основной части изучаемой нами социальной группы.

Самым престижным районом г. Саратова в представлении молодежи оказался Волжский район. 55,7% молодежи охарактеризовали его таким образом. Как самые престижные были особо выделены следующие территории в Волжском районе район, обозначенный Набережной Космонавтов, улицами Московская, Лермонтова и Волжская, район улицы Чернышевского от пересечения с ул. Радищева вплоть до въезда в Заводской район, а также отдельно был отмечен район городского парка им. М. Горького. На втором месте по престижности в представлении молодежи находится Кировский район – 21,6%, а именно: район проспекта Кирова, парка “Липки”, а также территория, очерченная улицами Рахова, Радищева, Зарубина и Вавилова. Достаточно высокий процент предпочтений также получил район Соколовой горы, поселок Юбилейный. На третьем месте по престижности оказался Фрунзенский район – только 18,2 % назвали его “наиболее престижным”.

В целом, результаты показали, что представления о престижном районе не зависят от района фактического проживания человека. Наблюдается явная тенденция к определению центральной части города как наиболее престижного района проживания, это объясняется тем, что центральное ядро города сосредотачивает в себе то, что занимает наиболее престижные позиции на шкале ценностей. Среди качеств, свойственных престижному району, по мнению основной части молодежи, наиболее распространенными оказались следующие качества:

удаленность от промышленных объектов (93,2%); близость к центру (84,1%); близость к месту работы/учебы (80,7%); новая застройка района (80,7%); близость парков (78,4%); близость театров/музеев (77,3%); высокая концентрация мест развлечений (61,4%); многоэтажные дома (53,4%); низкая плотность заселения района (50%).

Так же были выявлены дополнительные качества, по которым молодежь склонна оценивать престижность того или иного района. Такие как: криминогенная обстановка (59% оценили данное качество как “очень важное”), экологическая ситуация (57%),развитость системы общественного транспорта (45%), качество квартир в районе (38%).Говоря о престижности жилья, отметим, что престижной в представлении изучаемой социальной группы считается многоуровневая квартира или частный коттедж. Причем, такое представление о престижном районе и престижном жилье характерно для молодежи в целом, независимо от пола и возраста, образования и других статусных характеристик.

Исследование показало, что в представлении основной массы молодежи престижность места жительства связано, прежде всего, с высоким материальным достатком. Материальное состояние является скорее первичным, а престижное место жительства представляет собой лишь следствие высокого социального статуса их обладателя.

Отмечено, что 100% респондентов с уровнем дохода менее 1000 рублей в месяц на одного члена семьи положительно ответили на вопрос о желании жить в престижном районе. Далее наблюдается тенденция – с увеличением уровня дохода уменьшается процент желающих иметь престижный адрес. Так, если в категории молодежи с уровнем дохода от 1000 до 1500 рублей (на человека в месяц) процент желающих жить в престижном районе составил 75%, то в группе с доходом 2000-2500 и более 2500 рублей процент желающих составил уже 66,7% и 42,4% соответственно. Причем отрицательный ответ на вопрос – “Хотели бы Вы жить в престижном районе?” - появляется только в группе молодежи с уровнем дохода более 2000 рублей в месяц на человека. Однако наметились две тенденции: первая - молодежь с более высоким уровнем дохода склонна определять престижный район как “элитарный”; вторая - молодежь с более низким уровнем дохода склонна определять престижный район через категорию “материальные возможности”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на представление о престижном месте жительства и на критерии определения престижного района в среде молодежи в первую очередь оказывают влияние социально-экономические факторы. Основные характеристики молодежи (возраст, уровень образования, уровень дохода, занятость), оказывают определенное влияние на формирование образа престижного места жительства. При этом характер воздействия перечисленных факторов является качественным, в том смысле, что при повышении социального статуса интересы по отношению к месту жительства смещаются от одних качеств района к другим, определяясь изменением набора актуальных потребностей индивида. В целом же, проблематика исследования городской социальной сегрегации представляет собой широкий спектр незатронутых аспектов, требующих внимательного изучения.

Список использованной литературы и источников:

1. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература // Реферативный журнал. 1997. №3. Сер.11. Социология. Стр.164-197.
2. *Бурдье П.* Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение//Бурдье П. Социоллогия политики: пер. с фр. / Сост., общая редакция и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
3. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность: пер. с англ. Татлыбаевой А.М. – Спб.: Евразия, 1999.-478с.
4. *Трущенко О.Е.* Престижный адрес: социально-пространственная сегрегация в Москве // Социологический журнал, 1994. Том. 0. № 4. С. С. 120-126.

УДК 316.344.233

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е.В. КАРГАПОЛОВА, Н.Г. БУЛАТОВА, Н.В. ОЗЕРОВА

Каргаполова Екатерина Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии, Астраханского государственного университета.

E-mail: k474671@list.ru

Булатова Наталья Георгиевна, студентка, кафедра социологии, Астраханского государственного университета.

E-mail: k474671@list.ru

Озерова Надежда Викторовна, студентка**,** кафедра социологии, Астраханского государственного университета.

E-mail: k474671@list.ru

Аннотация. В статье на основе статистических показателей (коэффициент Джини), а также результатов мониторингового социологического исследования проведен анализ динамики социального неравенства по уровню доходов в современной России на примере конкретного субъекта – Астраханской области.

Ключевые слова: социальное неравенство, динамики, материальное положение, уровень доходов, регион.

DYNAMICS OF SOCIAL INEQUALITY IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF ASTRAKHAN REGION)

E.V. Kargapolova, N.G. Bulatova, N.V. Ozerova

Abstract. The article on the basis of statistical indicators (Gini coefficient), and the results of monitoring sociological research analyzes the dynamics of social inequality in income level in modern Russia on the example of a particular subject – the Astrakhan region.

Key words: social inequality, dynamics, financial position, income level, region.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проблематики социального неравенства является одним из ключевых направлений в социологии. Гендерные, расовые, религиозные или физические отличия между людьми могут быть основой для формирования социального неравенства. Однако в

современной России более значимым становится неравенство, связанное с социальными различиями по материальному положению, уровню доходов[5].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Выделяются основные доводы относительно положительного и отрицательного воздействия различий по уровню доходов на социальную систему. К положительным можно отнести следующие: у богатых людей склонность к сбережениям выше, чем у бедных слоев населения; различия в доходах повышают стимул к росту производительности труда. Размышляя об отрицательном влиянии, можно выделить то обстоятельство, что население с низким доходом тратит большинство своих средств на товары потребления, необходимые только для поддержания жизнеспособности человека. Кроме того, потребление богатыми качественных товаров, на которые мало спроса, ведет к понижению производительности труда. Неравенство в доходах приводит к повышению социальной напряженности в стране[3]. Для людей с низкими доходами характерны высокие показатели преступности. Низкие доходы являются причиной снижения уровня здоровья, что связано с ограничением доступа к дорогостоящему лечению.

Процессы дифференциации населения по уровню доходов происходят по всей территории России, но обладают ярко выраженной региональной спецификой[1,2].

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Определить уровень социального неравенства в социальной системе можно с помощью коэффициента Джини. Анализ коэффициента Джини крайне важен для общества, т.к. с его помощью можно охарактеризовать масштабы бедности в конкретной социальной системе.

Масштабы социального неравенства можно анализировать не только по данным статистики, но и по результатам опросов населения. В нашем случае – это мониторинговое социологическое исследование индекса потребительских настроений, проведенное в Астраханской области под руководством Е.В. Каргаполовой методом анкетирования, где квотируемыми признаками являлись «пол», «возраст», «тип поселения» (первая волна - январь 2013 г. (N = 830), вторая – в апреле 2013 г. (N = 690), третья – в декабре 2013 г. (N = 600), четвертая – в апреле 2014 г. (N = 700), пятая – в ноябре 2014 г. (N = 600), шестая – в марте 2015 г. (N = 1200), седьмая – в ноябре 2015 г. (N = 1200), восьмая – в марте 2016 г. (N = 700), девятая – в ноябре 2016 г. (N = 600), десятая – в апреле 2017 г. (N = 600), одиннадцатая – в ноябре 2017 г. (N = 600). Ошибка выборки не превышает 3%.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Рассматривая динамику изменения коэффициента Джини в Российской Федерации за период 1995-2016 гг., можно заметить, что он имеет тенденцию к увеличению: если в 1995 г. его значение составляло 0,381, то в 2008 г. он достиг своего пика на отметке 0,423 (см. табл. 1). Следует отметить, что начиная с 2013 г. наблюдается постепенный спад индекса, что может свидетельствовать о некотором сокращении неравенства в распределении доходов среди населения. Можно предположить, что данная ситуация связана с реализацией «майских указов» Президента РФ.

По Астраханской области значения коэффициента Джини значительно ниже, чем по всей России (за исключением 1995 г. и 1997 г.). Минимальные значения этого коэффициента зафиксированы в 2002 г., максимальные – в 2013 г. и 2014 г., после чего наблюдается некоторый спад значений коэффициента, повторяя среднероссийский тренд.

Если проследить за структурой распределения общего объема денежных доходов за период 1995–2016 г., то в Астраханской области доля лиц с наибольшим размером доходов снизилась на 1,7 п.п. Снижение данного показателя наблюдалось с 1995 г. по 1999 г. (на 6,1 п.п.), далее зафиксирован рост до 2014 г. (на 8,3 п.п) и в 2015–2016 гг. также некоторое снижение на 1,9 п.п. Доля лиц с наибольшим доходом за весь исследуемый период в регионе ниже, чем в среднем по стране.

Что касается группыс наименьшими доходами, то ее доля выросла с 6,1% до 7,9% за период 1995-2000 г., далее фиксируется спад и с 2014 г. – повышение с 5,4% до 6%. Доля данной группы в регионе с 2000 г. превышает среднероссийские показатели. Доля второй 20-процентной группы в Астраханской области до 2000 г. повышалась, далее наблюдается ее снижение. Минимальное значение зафиксировано в 2012-2014 гг., а далее – повышение на 0,6 п.п. к 2016 г. Максимальное значение доли третьей группы наблюдается в 2000 г., далее доля этой группы снижается и ее рост фиксируется только в 2015-2016 гг. Максимум доли четвертой группы приходится на 2004-2005 г., с 2006 г. доля этой группы остается практически неизменной.

По результатам мониторинга в Астраханской области можноотметить следующие тенденции (см. табл. 2):

– число астраханцев, доход которых на одного члена семьи составляет 0-3500 руб., снизилось с марта 2013 г. по ноябрь 2017 г. с 13,5% до 5,2%.Связано это, прежде всего, на наш взгляд, с увеличением размера прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда Минимальное значение доли этой группы (1,6%) зафиксировано в марте 2015 г.;

– максимальная доля астраханцев с доходами на одного члена семьи от 3501 до 5000 руб. наблюдается в ноябре 2013 г. и в ноябре 2015 г., минимальная – в ноябре 2014 г. и марте 2016 г. После марта 2016 г. фиксируется увеличение доли этой группы до 22-23%;

– минимум доли группы с доходом от 5001 до 7000 руб. приходится на март 2016 г., а затем – резкий подъем до максимальных значений по результатам последней волны мониторинга в ноябре 2017 г.;

– минимум доли группы с доходом 7001-10000 руб. приходится на май 2013 г. и апрель 2014 г., максимум – на ноябрь 2016 г.;

– минимальное значение группы астраханцев, доход которых составляет 10001-15000 руб. на члена семьи,наблюдалось в ноябре 2013 г., максимальное – в марте 2015 г. А с марта 2017 г. доля этой группы стала уменьшаться. Такая же тенденция по результатам трех последних волн мониторинга наблюдается среди астраханцев, доходы которых на одного члена семьи составляют 15001-25000 руб., 25001-35000 руб. и свыше 35000 руб. Доли этих групп стремятся к ничтожно малым значениям и нулю, что в некоторой степени соотносится со статистическими показателями уменьшения доли четвертой и пятой групп.

– к ноябрю 2017 г. более трех четвертей астраханцев имеют доходы от 3501 до 10000 руб. на каждого члена семьи, из них около 30% – 5001-7000 руб.

Таблица 1

Распределение совокупного объема денежных доходов среди 20-процентных групп населения Астраханской области[4]

Год	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, процентов					**Коэффициент Джини**	
	Первая (с наименьшими доходами)	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая (с наибольшими доходами)	Астраханская область	Российская Федерация
1995	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3	0,387	0,381
1996	6,1	10,7	15,2	21,6	46,4	0,387	0,387
1997	5,9	10,5	15,3	22,2	46,1	0,390	0,381
1998	6,0	10,6	15,0	21,5	46,9	0,394	0,394
1999	6,0	10,5	14,8	21,1	47,6	0,400	0,394
2000	7,9	12,8	17,2	23,1	38,2	0,395	0,395

2002	7,1	12,0	16,7	23,1	41,2	0,338	0,398
2003	6,5	11,4	16,2	23,0	42,9	0,361	0,400
2004	6,3	11,2	16,0	23,9	43,6	0,370	0,407
2005	6,3	11,2	16,0	23,9	43,6	0,370	0,405
2006	6,2	11,1	15,9	22,9	43,9	0,374	0,410
2007	6,0	10,8	15,7	22,8	44,7	0,384	0,422
2008	5,8	10,5	15,5	22,8	45,4	0,392	0,423
2009	5,6	10,4	15,4	22,7	45,9	0,398	0,422
2010	5,6	10,4	15,3	22,7	46,0	0,400	0,421
2011	5,6	10,4	15,3	22,7	46,0	0,399	0,417
2012	5,5	10,2	15,2	22,7	46,4	0,405	0,420
2013	5,5	10,2	15,2	22,7	46,4	0,406	0,419
2014	5,4	10,2	15,2	22,7	46,5	0,406	0,416
2015	5,7	10,5	15,5	22,8	44,9	0,394	0,413
2016	6,0	10,8	15,7	22,8	44,7	0,384	0,412

Таблица 2.

Ответы астраханцев на вопрос: «Каков средний доход на члена семьи ежемесячно?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Май 2013 г.	Ноябрь 2013 г.	Апрель 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Март 2015 г.	Ноябрь 2015 г.	Март 2016 г.	Ноябрь 2016 г.	Апрель 2017 г.	Ноябрь 2017 г.
0–3500 руб.	13,5	8,7	9,1	10,0	1,6	5,1	4,4	3,5	5,0	5,2
3501–5000 руб.	17,7	27,4	18,6	15,3	18,1	27,4	15,9	19,7	23,4	22,8
5001–7000 руб.	18,7	24,6	18,0	24,0	20,2	19,5	12,1	25,2	26,2	29,8
7001–10000 руб.	16,1	22,0	16,1	17,3	22,4	19,0	17,4	20,8	26,5	23,6
10001–15000 руб.	11,2	2,0	13,4	12,8	17,4	8,6	15,6	10,5	3,8	4,0
15001–25000 руб.	4,9	0	7,3	4,5	4,9	3,3	13,0	4,5	0,0	0,0
25001–35000 руб.	2,5	0,1	2,6	3,0	0,6	0,9	5,4	2,0	0,3	0,0
Свыше 35000 руб.	2,0	0,1	1,9	1,8	2,2	0,7	2,9	1,8	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	7,0	6,6	6,1	4,7	5,2	5,4	6,9	4,7	7,0	7,4
Отказ от ответа	6,4	8,5	6,9	6,6	7,4	10,1	6,4	7,3	7,8	7,2
ИТОГО	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследуя динамику социального неравенства в Российской Федерации за период 1995-2016 гг., можно наблюдать значительные масштабы увеличения социальной дифференциации по уровню доходов, которая имеет в последние годы тенденцию к некоторому снижению. Аналогичная ситуация фиксируется и по Астраханской области. При этом необходимо отметить, что, несмотря на то, что значения коэффициента Джини в регионе ниже, чем по стране, доля лиц с наименьшими доходами превышает среднероссийский

показатель, хотя и наблюдается тенденция ее снижения, что подтверждается результатами опроса населения. Доля группы с наибольшими доходами в регионе, напротив, ниже, чем в среднем по стране, зафиксирована тенденция к ее снижению, что также подтверждается результатами опроса. В 2017 г. в регионе трудно найти семью с доходами ниже 3500 руб. на человека в месяц, но также трудно найти семью с доходами свыше 10000 руб. на человека.

Список использованной литературы и источников:

1. Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа) / Д.П. Ануфриев, А.Ю. Арясова, Н.В. Дулина, С.В. Каргаполов, Е.В. Каргаполова, С.Н. Коннова, Д.Р. Крипакова, Ю.Г. Миронова, С.В. Новоселов, И.И. Потапова, Е.О. Черемных; под общ.ред. Е.В. Каргаполовой. Астрахань: АГАСУ, 2017. 378 с.

2. *Каргаполова Е.В., Коннова С.Н., Черемных Е.О.*Социальное расслоение в современной России: региональное измерение // Материалы Международной научно-практической конференции Дыльновские чтения «Социология XXI века: традиции и инновации». Саратов, 10 февраля 2017 г. Саратов, 2017. С. 62–66.

3. *Крамин Т. В., Крамин М. В., Тимирясова А. В*. Неравенство в доходах как фактор экономического роста и инвестиционной привлекательности российских регионов // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2013. №2. С. 31-44.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

5. *Симонян Р.Х.* Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2010. 255 с.

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО ПОЛОВ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: СПЕЦИФИКА, ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Т.А. КОСТРИЦКАЯ

Кострицкая Таиса Андреевна, магистрант философского факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: kostrickayata0@sgu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме гендерного неравенства в обществе риска. Показано, что социальное неравенство полов пронизывает все сферы общества, определяя не только политику, экономику, образование и культуру, но и само мышление. Выявлена недостаточность терминов «равенство/неравенство»как основных инструментов социальной теории, целью которой является преодоление неравенства, и необходимость использования более фундаментальных категорий (патриархат). В качестве одного из способов преодоления гендерного неравенства предлагается способствование развитию женской автономной мысли, в практическом смысле, это означает, помимо прочего, включение трудов феминистских мыслительниц в университетские программы по философии.

Ключевые слова: общество риска, социальное неравенство, гендерное неравенство, патриархат, феминистская теория.

GENDER INEQUALITY IN RISK SOCIETY: SPECIFICITY, SIGNIFICANCE AND THE PROSPECTS FOR OVERCOMING

T.A. Kostritckaia

Abstract. The article is devoted to the problem of gender inequality in a risk society. It is shown that the inequality of the sexes permeates all spheres of society, and defines not only politics, economics, education and culture, but also thinking itself. Attention is drawn to the inadequacy of the terms "equality / inequality" as the basic tools of the social theory aimed at overcoming inequality, andto the need to use more fundamental categories (patriarchy). Contributing to the development of women's autonomous thought is proposed asone of the ways for overcoming gender inequality, in practical terms, this means, among other things, the inclusion of the works of feminist thinkers in university programs in philosophy.

Key words: risk society, social inequality, gender inequality, patriarchy, feminist theory.

В обществе риска силой, определяющей действительность, выступает не прошлое, но будущее. Спор о рисках - это разговор о том, чего нет, но что вполне может произойти, если мы не предпримем усилия для изменения предпосылок; однако, оборотной стороной риска выступает шанс, шанс определить исторические альтернативы текущему пути развития общества и перенаправить это развитие в иное русло. Общество риска способно на порождение критической теории социального, а любая самокритика общества так или иначе касается проблемы социального неравенства, которое с точки зрения У. Бека противоречит основным принципам модерна, постулирующего равенство для всех. Неравенству полов У. Бек придает особое значение по сравнению с иными неравенствами, однако же, он не проводит между ними четкую черту. Тем не менее, мы полагаем, что гендерное неравенство в обществе риска обладает особой спецификой (как в контексте исторического изменения положения женщин и мужчин, так и по сравнению с иными видами неравенств), которая определяет его роль и значение в функционировании современного общества.

Как уже было сказано выше, У. Бек полагает, что неравенство полов противоречит основным принципам модерна в их целостности; так, тому кто «в самом деле хочет восстановить семью в формах 50-х», пришлось бы «расположинить» «неделимые принципы модерна», а именно: «одному полу (естественно) их предоставить, а у другого (естественно) отнять, причем раз и навсегда»[1]. С этим непросто согласиться, и не столько в силу того, что «всеобщее избирательное право» изначально не включало в себя женщин, но, прежде всего, потому, что девиз общества модерна, воплощающий принцип равенства, включает в себя еще два взаимосвязанных понятия: свободу и братство. К. Пейтман в работе «Сексуальный договор» раскрывает его как единую и неделимую триаду, условием свободы и равенства в которой выступает братство (фратрия), воплощающее идеал объединения всех мужчин и изначально исключающее женщин как таковых. Этот принцип воплощен в понятии якобы бесполого или «гендерно нейтрального» индивида, которое в действительности означает только мужчину и исключает женский опыт. Иными словами, неравенство полов - это не эффект индустриального общества, не способного полностью воплотить неделимые принципы модерна, скорее, оно заключено в самом сердце этих принципов, и в этом оно уникально.

«Конкретное "равенство" по-прежнему ждет своей интерпретации», - пишет У. Бек перед тем как приступить к разбору равенства, понимаемого как равенство на рынке труда[1]. Действительно, понятие «равенства» не просто требует своей конкретизации, оно, в сущности, всегда конкретно, но не всегда определенные его интерпретации обозначены как таковые, в результате чего не редко возникает ошибка эквивокации, а анализ, проводимый с помощью данного понятия, остается поверхностным и неполным. Так, либеральный феминизм, стремясь достичь равенства женщин и мужчин как индивидов, пришел к тому, что, «ратуя за конкуренцию на равных условиях», он «квалифицирует любое признание различий между полами как акт неполноценности женщин либо как низведение их лишь к биологической функции»[2].

Равенство может пониматься как равенство стартовых возможностей, экономическое, политическое равенство и т.п. Но какие именно виды равенства/неравенства в наибольшей

степени отражают суть отношения полов в современном обществе, и какое понимание равенства необходимо современной теории общества для того, чтобы быть в состоянии увидеть перспективы общественного развития, ведущие к преодолению того, что обозначается словами «неравенство полов» или «гендерное неравенство»?

У. Бек вполне убедительно показал, что равенство на рынке труда в контексте существующих институтов, изначально основанных на неравенстве, не способно привести к желаемым результатам. В докладе ООН «Женщины мира в 2015 году. Тенденции и статистика» прогресс в достижении равенства женщин и мужчин измерялся по нескольким показателям, в числе которых: возраст вступления в брак, доступ к образованию, положение на рынке труда и общее количество выполняемой работы (в том числе неоплачиваемой), представленность во властных структурах. Также, в докладе рабочей группы совета по правам человека ООН по вопросу о дискриминации в отношении женщин в законодательстве и на практике от 2 апреля 2015 года поднимается проблема равенства женщин и мужчин в семье. По всем указанным критериям фиксируется наличие прогресса, но прогресса медленного и постепенного, настолько, что его источником, скорее всего, является общее повышение качества жизни, едва ли способное привести в конечном итоге к решению указанных проблем, имеющих структурный характер.

На современном этапе недостаточность достижения экономического равенства кажется весьма очевидной. В первом из указанных выше докладов сообщается, что около десяти процентов замужних женщин не распоряжаются собственными денежными средствами, и один этот факт ясно свидетельствует о том, что само по себе равенство в доходах может вообще не привести к улучшению положения женщин, поскольку структуры, обеспечивающие возможность безнаказанного отчуждения этих доходов останутся неизменными. В данном случае основной такой структурой является семья, и она заслуживает отдельного рассмотрения.

У. Бек понимает современную семью, прежде всего, как «партнерство» между мужчиной и женщиной, не предпринимая попыток исследования основ самого института семьи. Его проекты преодоления разъединения семей и изоляции людей друг от друга, создаваемой в результате требований рынка труда (прежде всего, требования мобильности), упускают из виду саму сущность семьи, но они весьма интересны и безусловно заслуживают внимания как способы сохранения устойчивого партнерства между людьми. Однако же сама семья исторически имеет мало общего с партнерством. Во-первых, речь идет об институте, созданном волей одного пола и изначально основанном на «обмене женщинами», то есть на низведении последних до исключительно объектов обмена, лишенных собственной воли. Во-вторых, попытка уместить вопрос деторождения, воспроизводства всего общества, физически осуществляемого за счет ресурсов только одного пола, в рамки партнерства между женщиной и мужчиной, представляется изначально обреченной на провал.

Возгласы о «разрушении семьи», раздающиеся как в СМИ, так и в университетах, говорят нам куда меньше о действительном состоянии данного института, чем повсеместный негласный запрет его критики, понимаемой в данном случае не как изучение истории семьи, ее видов и типов, но как исследование самих ее оснований, изучение которых требует не просто знания ее истоков, но и их осмысления в контексте современности, то есть исходным объектом критики в данном случае должна выступать современная нуклеарная семья.

Следует отметить, что в современности, как правило, именно на государство возлагается «обязанность по принятию соответствующих мер в целях устранения любой дискриминации в отношении женщин и девочек в законодательстве, в сфере культурной практики и в семье»[3], однако о равном представительстве женщин и мужчин в органах государственной власти не идет и речи, а темпы прогресса в этом вопросе остаются медленными.

Кроме того, открытым остается вопрос о том, действительно ли достижение равного распределения властных позиций приведет к желаемым результатам, ведь речь идет о распределении мест в структурах, сформированных в условиях огромного дисбаланса власти,

в сущности, только мужчинами. К тому же, сам факт столь медленного прогресса в достижении равенства обществом, декларирующим свое стремление к этому равенству, свидетельствует, что сама структура этого общества препятствует заявленным целям. Сказанное подводит нас к выводу о том, что, хотя равенство доступа женщин и мужчин к властным позициям и экономическим ресурсам и является, пожалуй, необходимым элементом справедливого общества, эти интерпретации равенства едва ли можно считать эффективными в качестве инструментов социальной теории, направленной на достижение идеала равенства. Иными словами, категорий равенство/неравенство совершенно недостаточно для определения перспектив преодоления неравенства, ведь его причиной является вовсе не банальное отсутствие равенства, которое может быть достигнуто постепенно на основе существующих структур; его преодоление требует более фундаментальных понятий, одним из которых является понятие патриархата, как социальной системы, основанной на мужском господстве и женском подчинении, пронизывающих все сферы общества и в особенности сферу, называемую «частной».

Впервые таким образом понятие патриархата было использовано К. Миллет, в работе «Сексуальная политика» она писала: «Если считать, что патриархатное правление есть такой институт, где одна половина населения (женщины) контролируются другой (мужчинами), то принципы патриархата означают [двойную власть]: мужчин - над женщинами и старших - над младшими»[4].

В. Брайсон отмечает, что сама К. Миллет исследует только первый принцип и «не делает различия между мужской властью в семье и в обществе в целом»[2]. Исследовательница утверждает тотальность угнетения, угнетение в рамках семьи и за их пределами для нее выступает проявлением общества мужского господства, для которого нет рамок.

Патриархат пронизывает все общество, он определяет не только экономику, политику и семью, но и образование, и культуру, и знание, и язык. Так, Д. Спендер утверждает, что женское знание и понимание собственного положения подавлялось веками и поэтому «каждые 50 лет женщины вынуждены были заново изобретать колесо»[2]. В работе «Язык, созданный мужчинами» она описывает, как мужской контроль осуществляется на уровне языка, выстраивающего наше мышление в соответствии с восприятием мужчин.

Этот аспект актуален в России еще больше, чем на родине Д. Спендер, ведь мы имеем дело не просто с ограничением нашей традиции пятьюдесятью годами, но с уничтожением традиции автономной женской мысли в зародыше. Так, Ленин «сказал, что никаких отдельных организаций женщин, конечно, создавать не надо, но надо иметь соответствующий аппарат в партии, который бы нес ответственность за работу по поднятию самосознания широких женских масс и учил бы женщин строить советское государство»[5]. Таким образом, женские объединения создавались после революции только внутри партии, при том, что на протяжении всего существования советского государства высшие позиции в партийной иерархии были заняты по преимуществу мужчинами. В результате, пока на западе (по большей части в Америке) развивалось женское самосознание, в России женщины были (и остаются) запертыми в андроцентристском взгляде на мир, пронизывающем в том числе всю систему образования, равный доступ к которой, как предполагается, должен привести к равенству полов. Так, основные работы по феминистской теории не переводятся и не включаются в университетские программы, а представление о женской мысли в целом в российском обществе формирует что угодно, кроме оригинальных трудов мыслительниц. Существующие на русском языке материалы редко переиздаются и представляют собой по большей части статьи, что в целом дает весьма отрывочное впечатление о развитии женской мысли. При этом опыт построения «советского государства», в котором женщины подчас были лишены самых основных прав (в том числе права на телесную автономию, без которой немыслима никакая другая), ясно говорит нам о последствиях стремления уместить «женский вопрос» в мужскую повестку.

Таким образом, социальное неравенство полов в обществе риска обладает своей собственной спецификой, оно является не просто следствием недостаточной реализации основных принципов модерна, но заключено в исходных понятиях последнего и в этом уникально, поскольку братство, как условие свободы и равенства исключает женщин и только женщин в качестве таковых. «Социальное неравенство полов», или «гендерное неравенство», это термин, неспособный охватить причины явления, которое призван обозначить, но лишь касается некоторых симптомов проблемы, мало помогая нам в поисках ее решения. Современная теория общества едва ли может обойтись без таких понятий, как «патриархат» или «мужское господство» для обозначения явления, структурно организующего весь социум и пронизывающего политику, экономику, культуру и мышление. Вездесущность этого явления даже на современном этапе развития общества делает перспективы преодоления патриархата, или его симптома - «неравенства полов», крайне смутными. Скорее всего, на данном историческом этапе возможна лишь медленная, упорная работа над устранением симптомов проблемы и способствование развитию женской автономной мысли, которая необходима для обнаружения истоков проблемы и способов ее окончательного решения. В том, что касается практических предложений, мы полагаем, что работа над переводом и изданием основных феминистских работ и включение этих работ в университетские программы по философии уже было бы большим шагом вперед в достижении подлинного равенства женщин и мужчин.

Список использованной литературы и источников:

1. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

2. *Брайсон В.* Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, 2001. 304 с.

3. Совет по правам человека, Доклад Рабочей группы по вопросу о дискриминации в отношении женщин в законодательстве и на практике, 2 апреля 2015, A/HRC/29/40, URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G15/070/05/PDF/G1507005.pdf?OpenElement (дата обращения: 7.04.2018).

4. *Миллет К.* Сексуальная политика (главы из книги) // Вопросы философии, 1994, № 9, С. 148–172.

5. *Коллонтай А.М.* Избранные статьи и речи. М., 1972, 432 с.

УДК 316.75

РОБОТОТЕХНИКА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Н.Е. КУЗНЕЦОВ

Кузнецов Никита Евгеньевич, магистрант социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: popikil955@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи является предположительный анализ социального неравенства путём прогресса в области искусственного интеллекта и робототехники. Развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники может усилить неравенство внутри общества. Разрыв между богатыми и бедными может углубится из-за того, что первые могут переквалифицироваться, тогда как менее обеспеченные слои населения не смогут так быстро отреагировать на изменения.

Ключевые слова: ИИ, роботы, неравенство, сокращение, производительность, эффективность, автоматизация.

ROBOTICS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE, AS A FACTOR OF INCREASING SOCIAL INEQUALITY

N.E. Kuznetsov

Abstract. The purpose of this article is a tentative analysis of social inequality through progress in the field of artificial intelligence and robotics. The development of artificial intelligence and robotics technologies can increase inequality within society. The gap between rich and poor could deepen due to the fact that the former can retrain, while the poorer sections of the population cannot respond quickly to changes.

Key words: AI, robots, inequality, reduction, productivity, efficiency, automation.

В XXI веке развитие искусственного интеллекта, робототехники привело к сильной трансформации характера и условий человеческого труда. По подсчетам Bank of America Merrill Lynch, искусственный интеллект и роботы будут выполнять приблизительно 45% всех производственных задач к 2025 г., сейчас они выполняют лишь 10%.

С позиции продуктивности и занятости автоматизация рассматривается в исследовании McKinsey Global Institute. Его авторы указывают на то, что только менее 5% профессий представляют собой действия со 100%-ной возможностью автоматизации, а около 60% всех профессий автоматизируемы на 30%. К действиям с наибольшим потенциалом автоматизации относятся рутинный физический труд (81%), обработка данных (69%) и сбор информации (64%)[2].

Перспективность автоматизации какой-либо профессии определяют такие факторы, как техническая осуществимость задачи, стоимость разработки программно-аппаратного комплекса для автоматизации, динамика рынка труда, экономическая эффективность автоматизации, а также общественное отношение.

На основании анализа существующих трендов и тенденций в области автоматизации человеческой деятельности эксперты McKinsey заключают, что автоматизация, по сути, не является абсолютно новым явлением и многие вопросы, которые человечество сейчас себе задает, уже звучали в прошлом. Тем не менее сегодня роботы могут выполнять не только физические задачи, но и задачи интеллектуального характера, включая принятие решений[2].

Автоматизация некоторых видов деятельности окажет положительный экономический эффект не только на функционирование отдельных предприятий и бизнес, но и на уровень стран в целом. На макроэкономическом уровне, по подсчетам экспертов McKinsey, автоматизация может повышать мировую продуктивность на 0,8-1,4% ежегодно[2].

Влияние автоматизации на уровень жизни отдельных работников различается в зависимости от страны, профессии и других показателей. Однако только 5% существующих профессий находится под серьезной угрозой исчезновения. Наконец, несмотря на то, что основной угрозой роботизации является массовая безработица, для преодоления эффекта повсеместного старения земного населения и поддержания экономического развития в будущем потребуется максимальное количество человеческой энергии.

Интересно, что, по данным Американской ассоциации робототехники (Robotics Industries Association, RIA), в 2015 г. в США был побит рекорд продаж промышленных роботов, рынок которых показывает высокий темп роста, и в то же время количество рабочих мест продолжало увеличиваться - безработица в этом регионе достигла 4,9%, что является самым низким показателем с февраля 2008 г[3]. Это объясняется тем, что развивающийся рынок робототехники создает новые рабочие места для тех, кто умеет программировать, устанавливать и обслуживать робототехнические комплексы. Также имеет значение то, что сейчас в развитых западных странах, в том числе США, компании придерживаются политики «решоринга» (reshoring), которая заключается в возврате производств из стран Юго-Восточной Азии, где цена рабочей силы на побережье уже перестала быть дешевой.

Предприятия, которые возвращаются в развитые страны, обладают высоким уровнем автоматизации и роботизации производства, сокращают расходы на логистику и затрудняют кражу интеллектуальной собственности со стороны восточных коллег.

В то же время исследователи Oxford Martin School проанализировали влияние компьютерных технологий на 702 различные профессии и пришли к выводу, что 47% рабочих мест США находится под угрозой ликвидации в ближайшие два десятилетия в связи с развитием ИИ и робототехники. В зоне особого риска: кредитные специалисты (вероятность автоматизации - 98%), администраторы (вероятность автоматизации - 96%), помощники юристов (вероятность автоматизации - 94%), водители такси и шоферы (вероятность автоматизации - 89%), охранники (вероятность автоматизации - 84%) и программисты (вероятность автоматизации - 48%). Самые низкие строчки рейтинга занимают юристы (вероятность автоматизации - 3,5%), учителя начальной школы (вероятность автоматизации - 0,4%), терапевты и хирурги (вероятность автоматизации - 0,4%). Интересно, что примеры автоматизации юридических операций уже существуют. Например, Сбербанк планирует запуск робота-юриста, который будет писать исковые заявления физических лиц и сможет работать вместо трех тысяч сотрудников, которым грозит сокращение[1].

Наиболее «безопасными считаются профессии с максимальным уровнем непредсказуемости, т.е. связанные с числами (специалисты по анализу управления), с вирусами и микробами (аллергологи, иммунологи), а также профессии, требующие развитых личностных качеств (социальные работники, учителя, психологи).

Pew Research Center интервьюировал 1896 экспертов в области новых технологий, задав им вопрос о том, может ли развитие робототехники и искусственного интеллекта к 2025 г. вытеснить больше рабочих мест, чем создать[4].

Из общего числа экспертов 48% считают, что автоматизация вытеснит значительное число рабочих мест «белых» и «голубых воротничков», что может привести к увеличению неравенства, безработице и нарушению социального порядка. Другая половина, 52% опрошенных, считает, что технологии не вытеснят больше профессий, чем создадут. Ниже приведена аргументация тех, кто думает, что роботы и ИИ будут иметь позитивное или нейтральное влияние к 2025 г.:

1. В течение всей истории технологии создавали новые специальности, а не уничтожали их (нет оснований считать, что на этот раз будет по-другому).

2. Передовые технологии создадут новые специальности и индустрии, даже если они вытеснят некоторые старые.

3. Есть определенные типы работы, которые способен выполнять только человек, обладающий эмпатией, креативностью, чувством справедливости, критическим мышлением.

4. Технологии не продвинутся настолько, чтобы оказать значительное влияние на рабочие места.

5. Наши социальные, юридические и другие регулирующие структуры минимизируют влияние на занятость.

Аргументы тех, кто считает, что искусственный интеллект и роботы к 2025 г. вытеснят большее количество рабочих мест, чем создадут:

1. Предыдущие технологические революции были намного медленнее, поэтому люди имели достаточно времени для переобучения или перемещались с одной неквалифицированной работы на другую.

2. Роботы и искусственный интеллект угрожают целому ряду квалифицированных профессий, что приведет к вытеснению людей из сферы сервиса, увеличит раскол между ними и квалифицированными рабочими, чья работа не может быть автоматизирована. Социальный раскол будет расширяться, что приведет к нестабильности[4].

Из-за сокращения потребности в административных навыках компании будут искать специалистов с навыками межличностного общения, такими как уверенность, мотивация и устойчивость. Одним из ключевых навыков также станет возможность переобучения. Выпускники университетов, чьи родители принадлежат к рабочему классу, гораздо реже

переобучаются после университета, чем более богатые выпускники. Снизить социальное неравенство позволят меры со стороны правительств, которые должны поддерживать обучение профессиям, связанным с наукой и технологиями.

Если посмотреть на сегодняшние реалии использования робототехники, то наибольшее развитие сейчас имеет промышленная робототехника, которая позволяет автоматизировать рутинные, тяжелые и небезопасные для человека операции, улучшить условия труда и повысить эффективность производственных процессов. Наиболее роботизируемыми операциями являются сварка, перемещение, окраска и паллетирование, а самой роботизированной отраслью - автомобилестроение. Интересно, что при этом в автомобильной промышленности наблюдается стабильная положительная динамика влияния роботизации на количество рабочих мест. Автоматизация сокращает издержки производства, что снижает себестоимость продукта и его цену, а это, в свою очередь, повышает спрос, что приводит к расширению производства и увеличению занятости.

Развитие промышленной робототехники играет важную роль в создании нового типа промышленного производства, где работники освобождаются от выполнения повторяющихся рутинных задач или выполнения операций, которые небезопасны или вредны для здоровья. Это позволяет рабочим сосредоточиться на выполнении заданий, которые требуют умения принимать решения, творческого подхода и ловкости. Роботы также улучшают качество продукции, а мобильные роботы позволяют оптимизировать логистические процессы производства. Упрощение использования роботов позволяет все большему числу компаний их устанавливать.

Таким образом, робототехника и искусственный интеллект представляют угрозу для профессий, которые направлены на выполнение рутинных ручных или интеллектуальных операций, будь то сварщик и водитель, операционист в банке или клерк. Но вместе с бурным развитием отрасли растет число рабочих мест, связанных с созданием и поддержанием новых продуктов в этой области, что способствует эффективности бизнес-процессов и повышению качества жизни и эффективности.

Список использованной литературы и источников:

1. Промышленная робототехника в России и мире / НАУРР. – Москва. – 2016, ноябрь. – http://robotunion.ru/images/files/rar_industrial_robotics.pdf.

2. На основании анализа McKinsey данных Innography по состоянию на март 2017 г. – https://www.innography.com/.

3. World Robotics Industrial Robots / Международная федерация робототехники. – 2016, 29 сентября. – https://ifr.org/worldrobotics.

4. *Конюховская А., Цыпленкова В.* Роботы, искусственный интеллект и проблема сокращения рабочих мест//Control Engineering, 2017. С 50-53.

УДК 37: 14

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ИНСЦЕНИРОВКА РИСКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ

О.М. ЛОМАКО

Ломако Ольга Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии философского факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: olga-lomako@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена философскому рассмотрению социального неравенства в мировом обществе риска. Анализируется концепция Ульриха Бека о космополитическом повороте современной цивилизации. Связь социального неравенства и инсценировки рисков в современном мировом сообществе раскрывается через понятия «опасность», «катастрофа» и через экзистенциалы «страх», «страдание».

Ключевые слова: социальная философия, Ульрих Бек, мировое общество риска, социальное неравенство, инсценировка рисков, социальная безопасность

SOCIAL INEQUALITY AS RISKS STAGING IN THE MODERN WORLD COMMUNITY

O. M. Lomako

Abstract. The article is devoted to the philosophical consideration of social inequality in the world risk society. Ulrich Beck's concept of cosmopolitan turn of modern civilization is analyzed. The connection of social inequality and risks staging in the modern world community is revealed through the concepts of "danger", "disaster" and through the existential "fear", "suffering".

Key words: social philosophy, Ulrich Beck, world risk society, social inequality, risk staging, social security

Раскрывая взаимосвязь риска и социального неравенства, необходимо обратиться к определению социально-философской сути понятия риска. Изначально риск не является чем-то равно социально-распределённым. Риск и социальное неравенство, риск и господство, риск и власть - две стороны одной медали, что коренится в самой логике риска: поляризация и стигматизация - (от греч. στίγμα - ярлык, клеймо) - относится и к «навешиванию» социальных ярлыков. Эта асимметрия и следующее отсюда противопоставление социальных перспектив не является чем-то внешним и вторичным. Оно составляет саму сущность риска, наряду с его бытийно-экзистенциальными характеристиками: неуверенность, опасность, страх. При этом семантика риска относится к тематизации в настоящем будущих опасностей, то есть опасностей, которых нет в настоящем, они отсрочены, отнесены на неопредёлённое время и в неопределённое место[1].

Именно неуловимость опасности и беспомощность перед ней способствуют порождению радикальных идей, фанатичных настроений, самых различных мифологем и мистерий, что служит основанием для инсценировки рисков. Как отмечает У. Бек, многие могут принять инсценировку риска за абстракцию, которая почти ничего общего не имеет с рискогенным опытом. Он предупреждает, что это мнение можно считать серьёзной ошибкой, поскольку такие инсценировки имеют всегда экзистенциальную сторону, сторону страдания. Глобальный риск становится повседневностью через публичную зрелищность смерти, страдания, и не только как индивидуальной, но и как коллективной судьбы[1].

В качестве примера У. Бек приводит ураган Катрина, который будучи природным бедствием, одновременно как медиальное событие непреднамеренно раскрыло его

просвещенческую функцию. То, чего не могли, где и когда бы то ни было, добиться социальные движения, политические партии, социологический анализ, каким бы фундированным он ни был, это случилось всего за несколько дней: Америка и весь мир были противопоставлены голосу и картинам другой Америки — расистскому лицу бедности. Американское телевидение не терпит изображений бедных людей, но при трансляции о Катрине они были повсюду. Весь мир видел и слышал, что жилой негритянский квартал в Новом Орлеане из-за своей социальной уязвимости был полностью разрушен штормовыми потоками[1].

На исходе XX века наступает конец противопоставления природы и общества: как природа не может быть понята без общества, так и общество не может быть понято без природы, которая в естественных условиях своей репродукции превратилась в разрушенный или находящийся под угрозой разрушения внутренний интерьер цивилизованного мира[2].

Ураганы, землетрясения, цунами являются природными бедствиями и, казалось бы, что они выпадают тем самым из схематики рисков, которая относит катастрофы не к природным событиям, а к решениям людей. Фактически масштаб таких событий как цунами основывается на социальных различиях и предшествующих человеческих действиях. Отсутствие информации о надвигающейся опасности, так же как бездействие систем предупреждения, привело к гибели множества людей, в связи с чем, телевизионные передачи зафиксировали «первый закон мирового общества риска, который гласит: риск катастроф преследует бедных»[1]. Глобальные риски имеют две стороны: вероятность возможных катастроф и социальная уязвимость через катастрофы.

У. Бек задаётся вопросом: «Подразумевает ли инсценировка риска, что риски вообще не существуют?». И с уверенностью отвечает: «Конечно, нет. Никто не может отрицать, что страх перед взрывом межконтинентального воздушного лайнера в результате террористического акта или предвиденное наводнение в Лондоне и Токио вследствие изменения климата происходит из объективных предпосылок»[1]. Прежде всего, именно аналитики риска знают, что риск не является объективно измеряемой величиной. Что же в таком случае имеется в виду под «действительностью» риска? Вполне вероятно, что действительность риска проявляется в бесспорности риска. Риски не имеют абстрактной экзистенции для самих себя. Они становятся реальностью в противоречивых суждениях различных народностей. Идея объективного масштаба, по которому можно было бы измерить рискогенность, игнорирует тот факт, что только вследствие определённого культурного восприятия и оценки риски считаются неотложными, опасными и действительными или, напротив, недействительными, т.е. такими, которыми можно пренебрегать[1].

В любом случае всемирное распространение опасных ситуаций не должно скрывать новые социальные неравенства внутри рискогенных территорий. Таковые возникают, прежде всего, там, где - в международном масштабе - классовые ситуации наслаиваются на ситуации риска. Пожалуй, можно утверждать, что существует некая систематическая «сила притяжения» между экстремальной бедностью и экстремальными рисками. Особенно рискогенными являются слабо развитые провинциальные зоны. В международном масштабе материальная нужда совпадает с пренебрежением риском, что особенно очевидным становится в выводе производства, связанного с риском, в страны с дешёвой рабочей силой[2].

С одной стороны, структура социального неравенства в развитых странах обнаруживает все атрибуты относительной стабильности. В процессе технических и промышленных реформ отношения неравенства между большими социальными группами не претерпели существенного изменения. С другой стороны, вопросы неравенства социально обострились, вызывая повышенный интерес и проявляясь в новых взаимосвязях (борьба за права женщин, неравенство между поколениями, региональные и религиозные конфликты). Это означает, что хотя отношения социального неравенства остаются стабильными, жизненные условия населения радикально изменились. Особенность социальной структуры развития У. Бек выразил метафорой «эффект лифта»: в своём развитии общество в целом поднялось на один этаж выше.

Не в последнюю очередь это связано с тем, что специфическая рациональность и технологии неолиберализма учредили новую форму субъективности, которая всё больше основывается на «свободе» субъекта. Субъект становится «предпринимателем самого себя» (Unternehmer selbst sich), который должен самостоятельно и в либеральном смысле «свободно» развивать свои возможности и нести ответственность за свою биографию и положение в жизни. Субъект неолиберализма активный, самодостаточный, ответственный за свои поступки и свой выбор человек. Но это не значит, что категория господства становится излишней. Скорее, именно это самоутверждение индивида является тем, что стало медиумом господства, при котором индивиды с личной ответственностью воспроизводят те структуры, которые делают возможной личную ответственность. Ульрих Бек в своём обществе риска исходит, прежде всего, из того, что в последние 50 лет улучшились жизненные стандарты и условия жизни всех социальных групп, что привело к коллективному увеличению дохода, развитию образования, права, науки. Но это не значит, что исчезло социальное неравенство. Напротив, оно возрастает[2].

Всё более очевидной становится связь социальной безопасности и социального неравенства: социальная безопасность, которая должна быть обеспечена государством всеобщего благосостояния, в возрастающей мере приходит в противоречие с действительностью и становится инсценировкой рисков. На место безопасности социальной приходит забота о «личной безопасности», которая в экономизированном мире не воплощает больше социальное право, а становится ответственностью отдельного человека, определяемой его покупательной способностью. Коммерческие «актёры» предлагают в этом игровом пространстве продукт под названием «безопасность» в форме товаров. Однако созданные индустрией безопасности товары предназначены для создания безопасности только обеспеченных людей[3].

Размышляя об инсценировке рисков, У. Бек говорит о «вынужденном просвещении» современного мирового сообщества, сравнивая его с греческим полисом, где коммуникация происходила только между присутствующими, в то же время это общественное место было элитарным и эксклюзивным: из политического общения исключались женщины, рабы и непривилегированные. Вынужденное просвещение заключается в том, что массовые медиализованные глобальные риски могут дать бедным, маргиналам и меньшинствам право голоса в рамках мировой общественности.

Инсценировочный характер риска в отношении социального неравенства состоит также в том, что с глобализацией сострадания жертвы катастроф различаются по своим национальностям, и это становится предметом политических дебатов и достоянием широкой публики через массмедиа. На Западе умалчиваются частично или полностью последствия катастроф, что свидетельствует об эгоистической избирательности, с которой Запад реагирует на угрозы мирового общества риска. Какие же принципы публичности включаются в эту игру? Один принцип У. Бек полагает очевидным: существует некий императив, который всем, кто находится «по ту сторону благосостояния и класса», особенно непривилегированным, маргиналам и меньшинствам, отказывается в праве голоса в пределах глобальной медиальной общественности. Хотя следует признать, что массмедиа руководствуются вовсе не принципами просвещения, а законами рыночной рациональности и движения капитала[1].

У. Бек выявляет специфику глобальной публичности риска, которая структурируется совершенно иначе, чем, например, публичная сфера Ю. Хабермаса, предполагающая равенство шансов всех участников и их обязанность придерживаться принципов рационального дискурса. Тогда как публичность опасности основана на недобровольности и определена эмоционально и экзистенциально. Вместе с тем глобальный риск обладает силой разрушить механизмы организованной безответственности и даже открыть возможности для политического действия. Так, глобальные опасности делают возможным новые пост-утопические мобилизации сообществ, как например космополитические инициативы против изменения климата, временные союзы между общественными движениями, государствами и промышленными концернами[1].

Понятие космополитизации связано с целым рядом ложных интерпретаций. У. Бек использует два концепта космополитизма, в широком смысле и в узком смысле. В широком смысле он говорит о «космополитическом моменте» мирового общества риска, который определяет реально действующий нормативный горизонт современного мирового сообщества как космополитический горизонт, в узком смысле речь идёт о «вынужденной космополизизации»[1]. Он поясняет суть последней на примере глобальной трансплантологии. В мире радикального неравенства нет недостатка в отчаявшихся людях, готовых за гроши продать почку, часть печени, лёгкое, глаз. Эта принудительная космополитизация снимает все дихотомии между Севером и Югом, Востоком и Западом, центром и периферией, между имущими и неимущими. Смешиваются классы, расы, нации, континенты и религии. «Мусульманские» почки очищают «христианскую» кровь. Представитель «белой расы» дышит лёгкими «чернокожего». Тела богачей напоминают лоскутные одеяла, а бедняки, в свою очередь, превращаются в хранилище запасных частей. На вопрос: «Как же мы можем анализировать и оценивать новую взаимосвязь мира?» У. Бек даёт точный ответ: «…глядя на себя глазами другого - если определять это методологически»[4].

В сетях мировой коммуникации впервые в истории человечества все этнические и религиозные группировки, все народности стали единым мировым сообществом. Информация о катастрофах и потрясениях в одном месте земного шара распространяется с чрезвычайной скоростью среди всего населения Земли. Однако фактическое совместное настоящее не базируется на совместном прошлом и ни в коем случае не гарантирует совместного будущего. Именно потому, что мир объединён без учёта прошлого и будущего, противоречия между культурами, традициями и религиями - особенно в суждениях о глобальных опасностях (изменение климата, терроризм, ядерная энергия, атомное оружие) - выступают особенно отчётливо[1].

Становится всё более сложным различение между истерией и целенаправленной политикой страха, с одной стороны, и разумными опасениями и предусмотрительностью, с другой стороны, поскольку риск не является вещью, ничем, что можно было бы увидеть, услышать, попробовать. Он не является также фактом, который можно исследовать объективно, так чтобы - как этого хотели бы эксперты по рискам - чудесным образом все ошибки относились бы к дилетантам, а всё познание, напротив, принадлежало бы экспертам. У. Бек приходит к выводу: «Объективность рисков есть продукт их восприятия и их фактическая инсценировка»[1]. И ещё раз подчёркивает: это вовсе не значит, что риски не существуют, что они лишь иллюзия, продукты жажды сенсаций массмедиа. Прежде всего, это значит, что в обращении с рисками никто не может в одиночку взывать к внешней реальности. Риски это зеркальное отражение нас самих, наших культурных восприятий. И в этой противоречивости культурных достоверностей и в горизонте возникающей мировой солидарности глобальные риски становятся действительными.

Список использованной литературы и источников:

1. *Beck U.* Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 2015. 437 S.

2. *Schmidt-Semisch H*. Kriminalität als Risiko. München: Gerling Akademie Verlag, 2002. 284 S.

3. *Beck U.* Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 2016. 391 S.

4. *Бек У.* Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот. www.gorby.ru/lekciya_ulrich_beka: https//yandex.ru userfiles/search/?Ir=1948text=Ульрих %20Бек/. Дата обращения 05.04.2018.

УДК 314.48

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕРАВЕНСТВА В ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ
Е.Н. НОВОСЕЛОВА

Новоселова Елена Николаевна, кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

E-mail: alena_n_@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию ожидаемой продолжительности жизни (ОЖП) населения России, при этом особое внимание уделяется неравенству в ОЖП в региональном и мировом разрезе, а также гендерному разрыву. Приведены статистические данные, характеризующие смертность и продолжительность жизни населения России в сравнении с другими странами, даны объяснения различиям в продолжительности жизни жителей различных регионов нашей страны, главными из которых являются серьезная территориальной дифференциацией климатических и социально-экономических условий жизни населения РФ.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, неравенство в ОЖП, региональная дифференциация ОПЖ

CONTEMPORARY PROBLEM OF INEQUALITY IN LIFE EXPECTANCY

E.N. Novoselova

Abstract. The work is devoted to the study of the life expectancy among Russian population, with special attention paid to inequality in regional and global perspectives and in regard to gender gap. The statistical data describing mortality and life expectancy of the Russian population in comparison with other countries is given, including explanations for differences in the life expectancy among residents of different Russian regions. Author concludes that major differences lay in serious territorial differentiation of climatic and socio-economic living conditions.

Key words: life expectancy, disparity in life expectancy, regional differentiation of life expectancy

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XX века характеризовалась значительными успехами в области увеличения продолжительности жизни, которая выросла более чем на 20 лет с середины 1950-х годов. Если сравнивать между собой развитые и наименее развитые страны мира, то разница в продолжительности жизни составит почти 35 лет, то есть уровень неравенства в продолжительности жизни в мире по-прежнему огромен, например, в некоторых Африканских республиках этот показатель равен 50 годам, в то время как в Японии все ближе приближается к 85 годам[1]. Различия в показателях продолжительности жизни между Россией и развитыми в экономическом отношении странами конечно не так велики, однако, как правило, составляют не менее 10 лет, кроме того, в нашей стране наблюдается значительная региональная дифференциация и огромный гендерный разрыв в данном показателе, что в совокупности обуславливает актуальность данной работы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Анализ показателя средней ожидаемой продолжительности жизни традиционно является одной из центральных тем в демографических исследованиях, данной проблеме посвящены труды отечественных и зарубежных авторов Новосельского С.А., Урланиса Б.Ц., Птухи М.В., Борисова В.А., Антонова А.И., Вишневского А.Г., Школьникова В.М., Престона

С., Брасса У., МакКи М. и др. Методологические разработки и рекомендации по повышению продолжительности жизни дают такие международные организации как ВОЗ и ОНН, а также Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения поставленных в работе задач использовались следующие методы: сравнительно-исторический, сравнительно-аналитический, демографический, статистический. Информационной базой работы послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, а также статистические данные и официальные документы Организации Объединенных Наций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По показатели средней продолжительности жизни Россия всегда отставала от развитых в экономическом отношении стран. Если посмотреть в недавнее прошлое, то продолжительность жизни в нашей стране, с переменным успехом, росла с 1950-х годов, затем кризисная ситуация в экономической и политической сфере в 1990-е годы XX века изменила ситуацию, еще более значительно усилив разрыв с развитыми странами, который на тот момент достигал 15-18 лет[2]. На сегодняшний день картина также весьма печальна, и наша страна отстает по этому показателю даже от государств, с похожим уровнем развития экономики.

На 2017 год продолжительность жизни в РФ достигла 72,7 года - 77,64 года для женщин, 67,5 года для мужчин. Как видно из приведенных данных, гендерный разрыв огромен, дистанция в десятилетие, наиболее существенный различия в продолжительности жизни мужчин и женщин характерны для: Орловской области – 12,87; Республики Марий Эл – 12,84, Курганской области – 12,69, Республики Карелия -12,64, Новгородской области – 12,46, Республика Коми – 12,4, Удмуртской Республики -12,4. Безусловно, более низкая продолжительность жизни мужчин характерна для многих стран западной цивилизации, однако в большинстве из них этот разрыв составляет 4-6 лет, т.е. в купе с тенденцией в сторону увеличения продолжительности жизни там происходит и уменьшение гендерного разрыва.

Продолжительность жизни зависит от сочетания целого ряда факторов: биологических, социальных, причиной же ее изменения могут быть экономические, политические, социальные реформы, изменение идеологии общества и др. По оценкам ООН на 2015 год Россия занимает 125-е место в мире по ожидаемой продолжительности жизни (в этом списке 201 страна с численностью населения не менее 90 тысяч человек) наряду с КНДР, Бангладеш, Непалом, Монголией, Узбекистаном, Фиджи, Филиппинами. Кроме того, для России, как страны с высокой территориальной дифференциацией климатических и социально-экономических условий жизни населения, характерны существенные региональные различия данного показателя, достигающие по состоянию на 2016 год 16,6 лет, при этом в гендерном разрезе ситуация такова - региональные различия по ожидаемой продолжительности жизни мужчин - 18,2 года, женщин - 14,3 года[3]. Подобное неравенство регионов существует во всех странах мира, но особенно велико оно в крупных странах догоняющего развития.

Среди федеральных округов самым высоким показателем формально может похвастаться Северо-кавказский федеральный округ (75 лет), однако полнота учета регистрации умерших в округе нередко вызывает вопросы, особенно когда речь идет о младенческой смертности. И тем не менее, на данный момент, согласно данным официальной статистики самые высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни зафиксированы в Ингушетии (80,8 года) и Дагестане (77,2 года). Далее следует Москва (77 лет) и, с некоторым отрывом, занимая шестое место в рейтинге, Санкт-Петербург (74,9 года), где экономическая ситуация относительно стабильна, а уровень жизни населения, развитость социально-экономической инфраструктуры и медицинской сферы довольно значительно отличается от среднероссийского.

Следует отметить, что и внутри двух столиц показатели продолжительности жизни также далеко не одинаковы и довольно сильно зависят от района. Причем данные отличия нельзя объяснить лишь экологической обстановкой. Например, в Москве, дольше всех живут жители одного из самых экологически грязных округов столицы – Центрального административного округа. Доминирующим фактором здесь являются социальный статус и уровень образования, которые позволяют жителям ЦАО лучше заботиться о здоровье. В целом же, продолжительность жизни в столице России опровергает мнение о том, что мега-города значительно сокращают продолжительность жизни своих жителей. С 1990-х годов прошлого века продолжительность жизни москвичей выросла на целое десятилетие, а по России в целом - меньше чем на три года. Московский мужчина в среднем живет около 73 года, то есть примерно на семь лет больше, чем его соотечественник из провинции. Таким образом, Москва по показателю ожидаемой продолжительности жизни «не только приблизилась к европейским показателям, но даже довольно прилично обогнала некоторые европейские страны, например, Россию»[4].

Самый низкий показатель ОПЖ в Республике Тыва – 64,2 года. Основными причинами здесь являются: огромные масштабы бедности в регионе, уровень развития здравоохранения и доступности медицинской помощи, чрезвычайно высокая заболеваемость (например, активным туберкулезом порог эпидемии, которого превышен почти 4 раза, а общая заболеваемость превышает среднероссийский показатель почти в три раза и остается самым высоким по РФ), алкоголизация населения и т.д. Кроме Тывы в аутсайдерах находятся Амурская область, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область, где существуют повышенные риски смертности во всех возрастных группах.

ВЫВОДЫ

Объяснение существующим в России показателям продолжительности жизни, их отставанию от развитых европейских стран, региональной дифференциации и гендерному разрыву следует искать в комплексной оценке факторов риска повышенной смертности населения. Именно показатели смертности и продолжительности жизни населения страны выступают индикатором качества жизни, отражают уровень и особенности социально-экономического развития страны, являются барометром общественного здоровья. Анализ указанных показателей дает возможность найти сферы, требующие наибольшего внимания государства и общества, выработки отдельной политики.

Позитивные изменения в динамике продолжительности жизни в России не могут не радовать, однако «на европейский уровень продолжительности жизни Россия так и не вышла»[5], наша страна продолжает терять миллионы жизней, в большинстве своем, мужчин в самых продуктивных возрастах. Справедливости ради надо отметить, что региональные различия уже сокращаются, к чему ведет общий рост ожидаемой продолжительности жизни, так, в 2005 году различия между наименьшим и наибольшим значением ожидаемой продолжительности жизни составили 24 года, сегодня это 16 лет. Однако пропасть между регионами по-прежнему огромна и ее необходимо уменьшать, причем именно за счет роста продолжительности жизни отстающих регионах, в которых она практически стоит на месте, т.к. какой-либо основы для роста, просто нет. Стабильный рост экономики, повышение уровня жизни население и снижение уровня неравенства, развитие здравоохранения и пропаганда здорового образа жизни, могут и должны стать катализаторами роста средней продолжительности жизни в России, тогда и только тогда мы сможем говорить о великой стране, счастливой и справедливой, сохранившей главное свое богатство - свой народ.

Список использованной литературы и источников:

1. World Population Prospects 2017 // URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery/

2. *Харченко В.И., Михайлова Р.Ю., Онищенко П.И.* Показатели продолжительности жизни населения России в сравнении с другими странами // Проблемы прогнозирования. 2003. №6.

3. *Щербакова Е.* Россия: предварительные демографические итоги 2017 года (часть II) // Демоскоп Weekly № 761-762. 2018. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0761/barom02.php (дата обращения 27.03.2018).

4. По продолжительности жизни Москва почти сравнялась с такой европейской страной как Эстония // URL: Демоскоп Weekly. № 591 – 592, 24 марта - 6 апреля 2014 http://demoscope.ru/weekly/2014/0591/lisa01.php (дата обращения 27.03.2018).

5. *Ефимова Л.А.* Продолжительность жизни в России: динамика и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2012. С. 55.

УДК 654.19

НЕРАВЕНСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

М.О. ОРЛОВ

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, доцент, декан философского факультета, заведующий кафедрой теологии и религиоведения СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: orok-saratov@mail.ru

Аннотация. Дистанционное обучение не является инновацией для глобализирующегося мира и выступает одним из условий неравенства и его преодоления. В последние годы мир, напротив, переживает настоящий бум дистанционных форм обучения, которые сегодня, с одной стороны, дополняют активность студентов на кампусах, а с другой – видимо, впервые в истории западного образования – становятся содержательным и концептуальным вызовом для университетов, предлагая альтернативу долгим и дорогим занятиям в высшей школе. Логично предположить, что это стало возможным благодаря активному развитию инновационных веб-технологий.

Ключевые слова. Цифровое неравенство, философия образования, дистанционное образование, цифровая среда, социальные трансформации, социальная философия, экспертное мышление.

INEQUALITY IN SPACE OF THE DIGITAL ENVIRONMENT: SOCIAL RISKS AND NEW OPPORTUNITIES

M.O. Orlov

Abstract. Distance learning is not an innovation for the globalized world and acts as one of conditions of inequality and its overcoming. In recent years the world, on the contrary, endures the real boom of remote forms of education which, on the one hand, supplement today activity of students on campuses, and with another – probably, for the first time in the history of the western education – become a substantial and conceptual call for the universities, offering an alternative to long and expensive occupations at the higher school. It is logical to assume that it became possible thanks to active development of innovative web technologies.

Key words. Digital inequality, education philosophy, remote education, digital environment, social transformations, social philosophy, expert thinking.

Изначально веб-технологии были предназначены для создания и развития систем традиционного дистанционного обучения, агентами которого оставались университеты[1]. Эта форма работы остается популярной и сегодня. Согласно опросам, проведенным в 2011 году, 77 % американских университетов предоставляют своим слушателям те или иные онлайновые курсы[2]. Тем не менее, следует констатировать тот факт, что в последнее десятиление активно создаются открытые образовательные площадки в сети, где университеты публикуют свои учебные материалы для всех желающих без каких-либо дальнейших обязательств для обеих сторон. Интерес публики к открытым курсам рос на фоне кризиса высшего образования, его дороговизны и стремительного устаревания программ. Специфическая особенность открытых курсов состоит в том, что они не предполагают какой-либо оплаты, не подразумевают вручения дипломов; у слушателей нет прямой возможности общаться с преподавателями. Пальма первенства здесь принадлежит Массачусетскому технологическому институту (MIT), создавшему в 2002 году собственную программу OpenCourseWare (ocw.mit.edu). OpenCourseWare выступает одновременно и в качестве филантропического проекта, направленного на популяризацию знаний, и способом рекламы и продвижения MIT в качестве мирового образовательного лидера. При этом представители MIT акцентируют внимание на том, что проект не рассматривается ими как особая разновидность дистанционного обучения в университете. Основная суть проекта заключается том, что он лишь дает образное представление о том, как в его рамках ведется преподавание той или иной предметной диспиплины. OpenCourseWare оказался весьма успешным, привлек внимание более 53 млн пользователей интернета и породил многочисленных подражателей.

В ближайшей перспективе развитие веб-образования связано с появлением многопользовательских открытых онлайновых курсов (massive open online courses, MOOC), которые представляют собой своеобразные площадки, предлагающие своим слушателям учебные программы от преподавателей различных университетов. Вместе с данными программами предлагается возможность академического общения и получения официальных сертификатов после сдачи экзаменов. За последние два года здесь появились как некоммерческие проекты (edX), так и компании, ориентированные на получение прибыли (Udacity).

Лидером движения MOOC стал проект Coursera, созданный в апреле 2012 года двумя специалистами по computer science из Стэнфордского университета, Эндрю Нгом и Дафной Коллер. Темпы развития Coursera действительно впечатляют: сегодня он предлагает своим слушателям более 400 курсов, представленных 80 университетами. Летом 2013 года проект отчитался о том, что в его участники записалось уже 4 млн человек. Эта глобальная аудитория виртуальных пользователей, состоящих из студентов, достаточно быстро увеливается в численном составе. В 2012 году из первого миллиона слушателей 38,5 % представляли США, далее следовали ученики из Бразилии, Индии и Китая; на долю России приходилось 2,4 %, Украины – 1,3 % студентов.

Сегодня Coursera готова предложить образовательные программы по многим отраслям знаний. Важная специфическая особенность курсов заключается в том, что они не привязаны к учебному году и начинаются по мере подготовки и публикации на сайте. В январе 2013 года произошло достаточно весомое событие, которое, по прогнозам аналитиков, может совсем скоро перерасти в настоящую революцию на рынке образовательных услуг США. Американский совет по образованию особо отметил пять учебных программ проекта Coursera. Результатом такого ризнания стало приравнивание даннх программ к курсам, которые ведутся в различных специализированных колледжах. Ещё одной позитивной сторой этого признания стало то, что студенты могут расситывать на получение за них кредитов в банках.

К ажиотажу вокруг Coursera подключаются и работодатели. Так, в частности, корпорация Yahoo! заявила о готовности финансировать получение образовательных сертификатов для своих сотрудников. Американские эксперты в сфере образования, включая представителей ведущих университетов, заняты проработкой перспектив и возможностей

интеграции МООС в традиционную систему школ и колледжей[3]. Еще одним важнейшим направлением деятельности Coursera стало развитие профессиональных навыков учителей и преподавателей – большой раздел сайта посвящен тому, что мы назвали бы курсами повышения квалификации[2]. Главная инновация проекта в целом состоит в получении масштабируемого способа эффективной обратной связи и контроля знаний: качественный образовательный продукт здесь подается в привычной современному человеку упаковке digital media и при этом стоит дешево.

Западная пресса не скупится на пиар Coursera и его аналогов. The New York Times назвала 2012 год годом МООС. Новые инвестии в проект делают возможным увеличить количество кусов, а это, в свою очередь, означает, что учиться станет еще интереснее. Coursera, являсь коммерческим проектом, пытается найти всевозможные способы, как извлечь максимально возможную прибыль из своей деятельности. Доступ ко всем материалам проекта свободный, однако за экзамен на получение сертификатов нужно заплатить от 30 до 100 долларов, что включает в себя стоимость проверки тестовых заданий и даже услуги онлайнового супервайзера, который проследит за тем, чтобы вы самостоятельно выполняли свою работу. Эта сумма вразы отличается от стоимости традиционного высшего образования в иных вузах, например, том же Стэнфорде. Следует акцентировать внимание и на таком факте, что Coursera не упускает прямой возможности выйти на рынок труда, предлагая за определённую плату работодателям информацию об академических успехах своих слушателей, что явно напоминает тот же вид бизнеса, что и Facebook.

Отметим, что отношение к веб-образованию постепенно меняется. Хотя лишь 22 % американцев считают, что онлайновые курсы столь же полезны, как и работа в аудитории, среди тех, кто уже прослушал те или иные курсы онлайн, это число составляет уже 39 %.

Исследование Джорджтауновского университета показывает, что для слушателей сертификаты об онлайновом образовании – выгодное вложение денег, причем окупаемость здесь происходит быстрее, чем в случае дипломов колледжей[2]. Современные студенты сегодня не стоят перед кординальным вобором между онлайновым обучением и традиционным дипломом о высшем образовании. Они, скорее, рассматривают их как взаимодополняющие факторы профессионального развития. И, тем не менее, появляется всё больше желающих приобрести сертификат, так как работодатели готовы принять его как основной документ наровне с дипломом. Дешевизна и простота доступа к образовательным услугам, предлагаемым в рамках МООС, их ассоциация с преподавателями и брендами ведущих американских университетов побудило журналистов журнала Time назвать проекты вроде Coursera «Лигой плюща для народа». В данном случае достаточно сложно понять, где здесь доля сарказма, а где – явное наравление социума обратить пристальное внмание на проблему изменений, происходящих в сфере онлайнового образования.

До недавнего времени многие университеты сами выступали субъектами дистанционного образования, диктуя свои условия для обучающихся[4]. На определённом периоде развития дистационного образования интересы университетов стали расходиться с предоставляемыми им возможностями. Университетское образование всегда было элитарным, в то время как интернет склоняется к эгалитарной модели распространения знаний. В отличае от университетов, которые ориентировались на выпуск однопипных и достаточно дорогих специалистов, онлайн-образование ориентировано на масштабируемую практику по созданию индивидуального набора интересов, знаний и компетенций. Исходя из этого можно констатировать, что в этом случае университеты сами вынуждены подстраиваться под те условия (правила и задачи), которые определяют лидеры в сфере веб-образования. Последнее, на удивление многим, начинает составляю ощутимую конкуренцию таким традиционным образовательным программам, как undergraduate, так и особенно postgraduate уровней.

Однако, следует отметить, что в развитии МООС универститеты выполняют неоднозначную роль, она, скорее, противоречива. С одной стороны, если судить по опыту Coursera, именно университеты остаются основными провайдерами учебных программ и

заодно гарантом качества предоставляемых услуг. Процесс интеграции традиционного университетского образования и МООС, который Китай переживает сегодня, можно описать как медиафикацию университета. Те университеты, которые были максимально ориентированы на качественных дипломов, сегодня оказались в ситуации игроков на глобальной арене, где вынуждены в силу создавшихся условий представлять свои продукты на открытых площадках. Университет не просто должен предоставлять потенциальным студентам широкий спектр информации о своей работе, не просто быть открытым, он должен буквально пускать слушателей со всего мира в свои аудитории. В этом плане университеты буквально превращаются в медийную корпорацию, лекции становятся подобием новостей, а сайты университетов и проектов в стиле Coursera неизбежно превращаются в новые академические social media. Подписаться на курс для слушателя в современном мире не требует особых усилий. Университеты вынуждены выступать в несвойственной для него роли, бороться за внимание студента, который уже мало чем отличается от потребителей любой другой информационной продукции.

О кризисном положении традиционных медиа сейчас говорится наровне с кризисом университетов. Исходя из сегодняшних тенденций мы можем прогнозировать нарастающую поляризацию медиа: выживут только самые крупные игроки, претендующие на вещание и информационное присутствие в масштабах всего мира, а также множество небольших нишевых проектов, нацеленных на свою уникальную аудиторию. Весомее всего технологический прогресс ощутят на себе средние медиа. Большие игроки останутся в выгоде за счет масштабности потенцтальной аудитории, у малых игровок козырем является уникальность предлагаемого продукта, и минимальные издержки. Средним же придётся гораздо сложнее: они достаточно дороги, их лекгко заменить на аналоги и они не обладают достаточными ресурсами для конкуренции в более крупных масштабов и с более сильными соперниками.

Подобные выводы можно сделать и относительно тех университетов, которые превратились в своего рода некие образовательные медиа. Именно они станут главными выгодоприобретателями от развития МООС. Затраты, сведённые к минимуму в развитии таких проектов, позволят им укрепить свои позиции на рынке мировых образовательных услуг, привлечь новых абитуриентов, новые кадры и новых меценатов. Именно поэтому в авангарде движения вокруг Coursera и его аналогов находятся сегодня ведущие американские университеты, которые вроде бы и так не нуждаются в рекламе (Стэнфорд, Йель, Принстон). Подобных оценок придерживаются и сами основатели МООС-проектов.

Идеологи МООС понимают, что университеты сегодня больше нуждаются в их услугах, чем онлайновые площадки в университетах. Coursera вообще грозит превратиться в монополиста на рынке открытого веб-образования, и уже сегодня в эту структуру выстраивается очередь из высших учебных заведений по всему миру, желающих получить статус партнера. В российском ракурсе эта проблема вызывает непосредственный живой интерес: сейчас довольно любопытно наблюдать за тем, какой из российских вузов опередит других, представив свои программы на Coursera и тем самым откроет там русскоязычный раздел.

Возвращаясь к вопросу конкуренции-интеграции с МООС следует отметить, что он получила своё развитие в контексте имеющихся проблем университетов. Они практически не соответствуют реалиям и требованиям современности, так как знания достаточно бвстро устаревают, образовательные услуги стоят довольно дорого, а желание сделать работу университетов более эффективной наталкивается на бюроктические стены, от чего в первую очередь страдают преподаватели. В этом контексте набирает популярность идея бегства из академического мира и выстраивания параллельных официозу образовательных структур: независимых конференций, мастер-классов, «вольных» или «уличных» университетов, онлайновых образовательных программ[5]. Можно смело предоложить, что МООС со временем избавятся от необходимости ассоциироваться с теми или иными образовательными институтами. В прераготиве у них станет прямое сотрудничество с личными брендами

преподавателей. В этом плане сложиться следующая ситуация: у преподавателей появится возможность работать напрямую с глобальной аудиторией, не будет давить груз бюрократизма а административного контроля, появится вероятность получения более высокой оплаты труда.

В современном мире и, в частности, в его образовательном пространстве, университеты перестали быть единственным источником получения качественных знаний. На современном этае развития образования им придется искать свое место в изменившемся мире и предлагать образовательные продукты, способные конкурировать в нем.

Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-190.2017.6) по теме «Национальная система экспертных сообществ и процесс социализации научной молодёжи в условиях обострения цивилизационного противостояния»

Список использованной литературы и источников:

1. *Семененко И.С.* Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Политические исследования. 2003. № 1. С. 5

2. *Буденкова В., Савельева Е.* Культурологический подход в изучении глобализации: актуальность развития коммуникативного потенциала локальных культур // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 44

3. *Понарина Н.* Глобализация культуры и распространение неоднородности мировой культуры // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1-2. С. 123

4. *Балакирева Е.И.* Общекультурный компонент содержания высшего профессионального образования (компетентностный подход) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 1. Научный журнал, 2009, том 9. с. 98

5. *Дуреева Н.* Глобализация как социальное явление. – Красноярск: СФУ, 2010. – С.74

УДК 316.4

ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

О.М. СЛЕПОВА

Слепова Ольга Михайлова, аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Ульяновского государственного технического университета.

E-mail: slepova15@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема информационно-цифрового неравенства как социального феномена, присущего самым различным обществам, в том числе и развитым в экономическом отношении. Делаются выводы о возможных путях преодоления данной проблемы.

Ключевые слова: информационное общество; цифровое неравенство; публичные библиотеки; общество; социокультурные институты.

INFORMATION AND DIGITAL INEQUALITY IN THE SOCIETY OF RISK: WAYS OF OVERCOMING

O. M. Slepova

Abstract. The article analyzes the problem of information and digital inequality as a social phenomenon inherent in various societies, including those developed economically. Conclusions are made about possible ways of overcoming this problem.

Key words: information society; digital inequality; public libraries; society; socio-cultural institutions.

Стремительное развитие и распространение новых информационных и телекоммуникационных технологий приобретает сегодня характер глобальной информационной революции, которая оказывает возрастающее влияние на политику, экономику, управление, финансы, науку, культуру и другие сферы жизнедеятельности общества в рамках национальных границ и в мире в целом. Информационное неравенство характеризуют, прежде всего, различия в доступе к современным информационным технологиям различными социальными слоями и группами. Уровень проникновения современных информационных технологий определяется развитием информационной инфраструктуры.

В информационном обществе первичная ценность труда заменяется ценностью знаний информации. Возрастание стоимости информации приводит к тому, что социальное неравенство в обществе базируется на информационном неравенстве. Информатизация дает серьезный толчок интеграционным процессам в национальном и международном масштабах, но в то же время усиливаются процессы децентрализации и поляризации. Возникает опасность появления «информационной элиты», определенной страты людей, владеющих релевантной информацией и определяющих правила доступа к ней. В связи с этим различный уровень экономического развития регионов, различный уровень доходов населения, различный уровень развития человеческого капитала породили новый вид неравенства населения - цифровое неравенство.

Цифровое неравенство - социальный феномен, который вызван противоречиями развития традиционных сфер деятельности людей, экономическими и политическими отношениями, государственным устройством; ростом уровня жизни населения, образования и культуры, состоянием институтов гражданского общества, степенью развитости средств массовой информации. Цифровое неравенство зависит от состояния в области прав и свобод человека; от того, насколько активно внедряются новые технологии в быт личности.

Данный вид неравенства усиливается в условиях его повышенной рискогенности, наличия глобальных угроз и опасностей.

Цель статьи – определить способы преодоления информационно-цифровое неравенство в обществе.

В первом приближении цифровое неравенство состоит в неравномерном распространении доступа к интернету среди различных групп населения, однако такой подход излишне упрощает данный феномен. Й. Де Хаан отмечает, что при анализе цифрового неравенства важно учитывать не просто наличие и отсутствие подключения к интернету, но и то, каким образом он используется[1].

Базовым основанием для цифрового неравенства является наличие доступа к всемирной информационной сети, однако оно далеко не всегда может отразить реальные формы неравенства, существующие в сфере информационных технологий. Именно поэтому факторы, на основе которых делается предположение о неравенстве в сфере информационных технологий, постоянно пересматриваются. Э. Харгитай отмечает, что классическое деление на пользователей и не пользователей может быть использовано как эффективный аналитический инструмент только на ранних этапах распространения интернета. В связи с этим она выделяет два типа цифрового неравенства: неравенство первого порядка, т.е. как раз неравенство в доступе/пользовании, и неравенство второго порядка, т.е. различия в специфике использования интернета, которые актуализируются на более поздних стадиях интернетизации[2].

Д.В. Пименова в своей работе «Информационное неравенство в современном российском обществ: социально-территориальный аспект» характеризует «цифровое

расслоение» прежде всего, как различие в доступе к современным информационным технологиям для различных социальных слоев и групп. Она отмечает, что понятие «цифровое неравенство» является более узким, чем «информационное неравенство», поскольку первое отражает неравномерность развития лишь одного компонента информационного пространства – информационной инфраструктуры. Понятие же «информационное неравенство» отражает в том числе и уровень готовности социальных институтов и организаций общества по обеспечению доступа и использованию гражданами достижений современных информационных технологий. В работе подчеркивается, что оценка информационного неравенства должна учитывать всю сложность иерархических отношений современного общества, на которое оказывает влияние не только уровень дохода, но и такие переменные как пол, возраст, уровень образования, характер труда, имеющее решающее значение при оценке информационного неравенства.

Автор фиксирует взаимосвязь между информационном неравенством и информационным пространством. «Информационное неравенство складывается и проявляется соответственно уровням информационного пространства. На мезоуровне информационное неравенство выражается в неравенстве уровня информатизации различных государств. Макроуровень информационного неравенства – это различия в уровне использования информационных технологий в организациях, различия в развитии инфо-коммуникационной среды в городе и селе, отдельных регионов и областях одного государства.

Микроуровень – это информационное неравенство, существующее между индивидами.

Для интегральной оценки уровня развития информационного пространства автор вводит Индикатор информационного пространства. Данный показатель включает следующие показатели: компьютерная оснащенность региона, информационная инфраструктура, экономическая инфраструктура, социальная инфраструктура. [3,52]

П. Норрис говорит о трех уровнях цифрового неравенства. Во-первых, это разрыв в интернетизации между развитыми и развивающимися странами. Во-вторых, социальный разрыв между людьми, имеющими и не имеющими доступ к информации. В-третьих, демократический разрыв, связанный со способностью и неспособностью разных групп населения конвертировать использование информационных технологий в политическое участие[4].

В России, по мнению специалистов, ситуация в области компьютеризации за последнее время улучшилась. 51,3 % граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме. 0,5% населения, не использующего информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» по соображениям безопасности, в общей численности населения. 74,8% домашних хозяйств, имеющих доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в общем числе домашних хозяйств, проценты. 70,7% домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в общем числе домашних хозяйств. 18,6 ед. число абонентов фиксированного широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на 100 человек населения. 71,1 число абонентов мобильного широкополосного доступа к информационно - телекоммуникационной сети «Интернет» на 100 человек населения. Уровень цифровизации местной телефонной сети: 92,0 % в городской местности 81,3% в сельской местности[5].

В качестве возможного варианта, способного повлиять на решение проблемы, предлагается повышать информированность населения о новых возможностях, а также совершенствовать систему обучения и переобучения навыкам владения информационно-коммуникационными технологий (ИКТ). Нужно создавать условия для развития общества знаний, чтобы в России постоянно росло число людей, которые имеют доступ к современным ИКТ, умеют их использовать и получают от этого преимущества.

В перечень приоритетов, направленных на снижение неравенства, специалисты настоятельно рекомендуют включить, во-первых, формирование общественного мнения (в частности, это может быть проведение соцопросов и открытых обсуждений либо анализ

публичных докладов). Во-вторых, расширения требует культурно-информационная сфера (подразумевается, что с увеличением количества культурно-информационных центров автоматически повысится и доступ общественности к ИКТ). В-третьих, нужен мониторинг готовности жителей к жизни и работе в информационном сообществе. В-четвертых, приветствуется разработка и внедрение в электронном виде системы социальной помощи для представителей различных категорий граждан (будь то инвалиды, пенсионеры, безработные, мигранты или беременные).

Сохранение и приумножение разнообразия информационного сектора, будь то официальная или деловая, справочная или образовательная, научная, спортивная или культурная информация либо информация развлекательного характера, является краеугольным камнем преодоления цифрового неравенства.

По нашему мнению, в сфере культуры публичные библиотеки являются одним из самых мощных институтов, направленных на преодоление цифрового неравенства среди населения.

К ресурсам, необходимым для совершенствования адаптации индивидов и групп к информационному неравенству, в первую очередь относятся те, которые в силу своей активности могут превращаться в капиталы. Квалификационный, социальный, культурный, личностный ресурсы напрямую связаны с деятельностью института публичных библиотек, что доказывает возможность его участия в когнитивной и культурно-информационной поддержке групп населения разного возраста и социально-экономического статуса.

Анализ официальных статистических данных, опубликованных на портале Министерства культуры РФ период 2015 - 2016 годов позволяет говорить о росте информационной значимости общедоступных библиотек для населения. Происходит активная информатизация библиотечных процессов и рост количества библиотек, имеющих доступ в Интернет (рост на 3,7 %) и предоставляющих доступ в Интернет для пользователей (рост на 4,2 %). Незначительное сокращение общего числа пользователей и посещений (на 1,2 %), при активном росте числа посещений Web-сайтов библиотек (8%).

Преимущества такого подхода очевидны: публичная библиотека не только не порождает информационное неравенство, но и стремится предотвращать его. Информация, которую предоставляет данный институт, доступна кругу пользователей на всей планете, на разных языках и в различных форматах, а ее разнообразие только содействует конструктивному диалогу между отдельными людьми, слоями общества и даже целыми народностями.

Также, для преодоления цифрового неравенства необходимо 100% обеспечение образовательных учреждений, учреждений здравоохранения, органов государственной власти и местного самоуправления современными услугами цифровой связи.

Таким образом, в качестве преодоления информационно-цифрового неравенства предлагается создавать в современном обществе такие условия, которые бы максимально способствовали распространению среди людей соответствующих знаний, что, в свою очередь, в достаточной степени повысило бы уровень их информационной культуры. Особое внимание при этом уделять институтам культуры, таким как публичные библиотеки. В условиях форсированной цифровизации общества публичные библиотеки как социальный институт имеют потенциал и ресурсы в снижении информационно-цифрового неравенства. Большое внимание уделяют организации автоматизации и информатизации библиотечных процессов. Необходимо развитие дополнительных услуг для населения в части обеспечения свободного доступа к социально-значимой информации в электронном виде. Именно от уровня информационной культуры напрямую и зависит, как скоро будет стерта грань цифрового неравенства, когда балластом для развития информационного общества становится неготовность самих граждан к использованию ИКТ или их нежелание учиться использовать эти технологии в принципе.

Список использованной литературы и источников:

1. *De Haan J.* A multifaceted dynamic model of the digital divide. IT & Society. 2004. Т. 1. № 7. P. 66-88.

2. *Hargittai E.* Second-level digital divide: mapping differences in people's online skills. arXiv preprint cs/0109068. 2001.

3. *В.С. Игнатов, Д.В. Пименова* информационное пространство. Структура и функции

4. *Norris P.* Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge University Press. 2001.

5. Информационное общество в Российской Федерации : статистический сборник / К. Э. Лайкам, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова и др.; Росстат, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 328 с. – 250 экз. – ISBN 978-5-7598-1719-2 (в обл.).

УДК 316.472.3

АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВОЗРАСТНОГО СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Е.В. СОБОЛЕВА

Соболева Елена Викторовна, соискатель кафедры прикладной социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail:sobolevaev@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема возрастного неравенства, одним из способов преодоления которого может являться активное долголетие. Констатируется, чтоподдержание социальной, трудовой, образовательной и творческой активностипожилого человека должно стать основным моментом на современном этапе развития государственной социальной помощи гражданам третьего возраста. Отмечается, что направления волонтёрской деятельности могут давать возможность для вовлечения пожилых граждан в общественную жизнь. Автором проведен системный анализ реализуемых в пяти районах области наиболее интересных добровольческих проектов, который позволил выделить их основные составляющие, направленные на продление активного долголетия пожилых участников и сглаживания границ возрастного неравенства. Приводятся данные эмпирического исследования, проведенного среди пожилых волонтёров, подтверждающие, что активная жизненная позиция человека «серебряного» возраста способствует поддержанию социальных контактов, повышению социального статуса, поддержанию навыков и знаний, сохранению смысла жизни в пожилом возрасте и, как следствие, дает возможность преодолевать возрастное социальное неравенство.

Ключевые слова: пожилые люди, возрастное неравенство, активное долголетие, «серебряные» волонтеры

ACTIVE AGING AS A WAY OF OVERCOMING AGE-RELATED SOCIAL INEQUALITY

E.V. Soboleva

Abstract. The problem of age inequality is considered in the article. Active longevity can be one way to overcome it. It is stated that the maintenance of social, labor, educational and creative activity of an elderly person should be the main point at the present stage of development of state social assistance to third-age citizens. It is noted that the direction of volunteer activities can provide an opportunity to involve older citizens in public life. The author conducted a systematic analysis of the most interesting volunteer projects implemented in five districts of the region, which allowed to identify their main components aimed at prolonging their active longevity of elderly participants and

smoothing the boundaries of age inequality. The data of empirical research conducted among elderly volunteers are given. They confirm that the active life position of a silver age person contributes to maintaining social contacts, improving social status, maintaining skills and knowledge, preserving the meaning of life in old age and, as a result, makes it possible to overcome age-related social inequality.

Key words: elderly people, age inequality, active longevity," silver " volunteers

Многогранность понятия «социальное неравенство», дифференциация отдельных человеческих индивидов и общественных групп на протяжении длительного периода времени заставляют многих исследователей искать возможности для снижения высоты ступеней социальной лестницы, смягчения жестко прописанных социальных ролей.

Парадокс данной ситуации заключается в том, что возрастное неравенство – единственный из всех видов социального неравенства, с которым столкнется каждый индивид. И, не смотря на это, возрастное неравенство нередко нацеливает членов общества на негативное отношение к старости, заставляет воспринимать ее как явление нежелательное и, даже, недостойное.

В современном обществе пожилые люди нередко страдают от возрастной дискриминации, основывающейся на убеждении, что одни возрастные категории хуже других. И это не смотря на то, что в последние десятилетия во всем мире наблюдается тенденция роста представителей старшего поколения, Россия не является исключением. По данным Росстата 2017 года россияне пенсионного возраста составили 25%. В соответствии с имеющимися прогнозами их численность будет продолжать расти. В 2025 году при среднем прогнозе доля граждан старше трудоспособного возраста может составить 27,5%, при высоком прогнозе – 27,3%.В 2030 году – 28,3% как при среднем, так и при высоком прогнозе[1].

Первые социологические теории старения появились в 60-е годы прошлого века в западной науке. Их спектр разнообразен: от идеи исключения пожилых граждан из активной жизни по причине быстрой модернизации общества до идеи возникновения разрыва между личностью пожилого человека и обществом вследствие уменьшения его энергии и ухудшения качества оставшихся социальных связей.

Несомненно, процесс разрушения организма в старости оказывает основное влияние на возрастные роли людей третьего возраста, ввергает в зависимое состояние, связанное с ограниченным доступом к широкому диапазону социальных ресурсов. Кроме того, выход на пенсию, как правило, приводит к резкому сокращению круга общения, снижению доступа к привычным материальным благам. На наш взгляд, в современной России именно прекращение трудовой деятельности в связи с выходом на пенсию заставляет человека наиболее остро ощутить социальное неравенство по отношению к представителям более молодого возраста.

В связи с этим государственная социальная помощь людям третьего возраста в настоящее время должна быть направлена на всестороннее поддержание их профессиональной, творческой и социальной активности. Ведущая роль в реализации данной задачи должна принадлежать учреждениям социального сервиса, культуры, образования, спорта и туризма с высококвалифицированным персоналом. Преграды возрастного неравенства могут быть разрушены только при условии уничтожения стереотипов мышления в отношении старости поэтапной государственной социальной политикой. Указанная проблема нашла свое отражение впринятой в феврале 2016 г. «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». В документе подробно представлены направления движения с целью решения задач в области активного долголетия.

Концепция активного старения, предложенная Всемирной организацией здравоохранения, направлена на оптимизацию политики старения в различных политических сферах, таких как участие в рынке труда, социальная интеграция и здравоохранение. Пожилые люди могут лучше интегрироваться в общество, если видят, что существуют структуры для волонтёрской деятельности[2].

Следует отметить, что направления волонтёрской деятельности, поддерживаемые на государственном уровне, могут давать возможность для вовлечения пожилых граждан в общественную жизнь и, даже, участия в политической деятельности[3].

Комплексные центры социального обслуживания населения (далее – КЦСОН), созданные и успешно работающие в нашем государстве, - проводники государственной политики активного долголетия, направленной на изучение аспектов социальной работы с пожилыми людьми. На территории Саратовской области подобных учреждений – 39, т.е. в каждом муниципальном районе региона. Одним из направлений деятельности данных учреждений является предоставление социально-психологических, социально-педагогических, анимационных и прочих социальных услуг пожилым гражданам, самостоятельно посещающим учреждение (полустационарная форма социального обслуживания). Ежегодно в каждом КЦСОН названные социальные услуги получают от нескольких десятков до нескольких сотен человек, из которых небольшая, но наиболее активная часть заинтересованы волонтёрской деятельностью в различных ее формах и проявлениях.

В течение двух лет (с января 2016 года по настоящее время) в КЦСОН Саратовской области ведется работа по привлечению пожилых клиентов учреждений к добровольческой деятельности в рамках движения «серебряное» волонтёрство». В подобном виде добровольческой деятельности пожилой человек воспринимается не только как объект добровольческого движения, а становится его активным субъектом. В настоящее время движение «серебряных» волонтёров представлено во всех 39 муниципальных районах области. Количество его участников - более 300 человек. В каждом районе на базе и при поддержке социозащитных учреждений пожилые люди с активной жизненной позицией реализуют собственные добровольческие инициативы, представленные в виде социальных проектов.

Проведенный системный анализ реализуемых в пяти районах области наиболее интересных добровольческих проектов позволил выделить их основные составляющие, направленные на продление собственного активного долголетия пожилых участников и сглаживания границ возрастного неравенства:

- долгосрочность проектов (содержание предполагает возможность реализовывать мероприятия в течение длительного (до нескольких лет) времени);
- направленность на целевые группы, отличные по возрасту от возраста волонтёров;
- возможность присоединения новых участников на любом этапе реализации проекта;
- возможность постоянного расширения кругозора, повышения интеллекта пожилых активных добровольцев.

Так, пожилые добровольцы Хвалынского района разработали и успешно внедряют социальный проект «Хвалынские просторы», суть которого заключается в активном развитии социального туризма на территории Национального парка, привитии интереса к краеведению у инвалидов и своих ровесников. «Серебряные» волонтёры выступают в проекте в качестве экскурсоводов и проводников туристических групп.

В Краснопартизанском районе добровольцы старшего возраста ведут просветительскую деятельность среди пенсионеров и оказывают поддержку малообеспеченным семья с детьми.

«Серебряные» волонтёры Пугачёвского района реализуют экологическийпроект, цель которого – сохранить окружающую среду.

Проект пожилых добровольцев г. Саратова «Хранители традиций», реализуемый за счёт средств гранта Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко, вовлекает детей в различные виды традиционной досуговой деятельности без использования сети «Internet».

В приоритете добровольцев третьего возраста из Балаковского района - реализация проекта «Мастерская «Добросеребро», направленного на социализацию детей, являющихся клиентами центра социальной помощи семье и детям, детей-сирот, взрослых инвалидов и своих ровесников.

Балаковские «серебряные» волонтёры вошли в число победителей III Всероссийского конкурса проектов «Культурная мозаика для малых городов и сёл», разработав социальный проект «Никогда не поздно играть в куклы». Реализация проекта предполагается силами 15 «серебряных» добровольцев. Цель проекта - создание новой сферы культурной активности - полностью оправдывает себя, так как проект по-настоящему уникален и является новаторским. Проект реализуется в нескольких сельских поселениях Балаковского муниципального района. «Серебряные» волонтёры совместно с детьми и подростками в возрасте 7-17 лет по специальным технологиям шьют игровые куклы, придумывают для них роли и пишут сценарии для социальных спектаклей. Финалом проекта станет социальный кукольный спектакль на актуальные для сельского жителя темы.

С целью выявления степени влияния добровольческой деятельности на социальное самочувствие пожилых клиентов учреждений социального обслуживания было проведено полуформализованное интервью. Респондентами стали 15 человек в возрасте от 57 до 72 лет (2 мужчин и 13 женщин), являющихся «серебряными» волонтёрами из числа клиентов КЦСОН Балаковского района и получающих социальные услуги на постоянной основе в полустационарной форме. 7 респондентов имеют средне-специальное или средне-техническое образование, 8 респондентов – высшее. Мужчины по семейному положению являются вдовцами, 3 женщины разведены, 5 – состоят в браке, 5 - вдовы. Опыт участия в добровольческой деятельности – от 4-х месяцев до 2-х лет.

Анализ ответов подтвердил предположение, что основной причиной вступления в ряды волонтёров стало желание применять имеющиеся знания и опыт в дальнейшем: «Ведь у нас большой жизненный опыт, знания есть различные, да и физические силы еще немного (смеется) остались. Хотелось не только развлекаться, но и пользу приносить. В Центре, на занятиях, нам специалисты рассказали, что некоторых регионах России появились пожилые люди, которые добровольно разные дела делают – помогают детям-сиротам, одиноким ровесникам, благотворительные концерты и акции проводят. И много чего другого хорошего делают. А что же мы? Мы – не хуже» (ж., 58 лет, вдова, высшее обр.).

Большинство из респондентов обратили внимание на размывание границ между своей возрастной группой и более младшими (среднего возраста, молодежью): «Ко мне дочери стали больше проявлять уважение, советоваться начали, особенно после того, как я на два Всероссийских форума в качестве добровольца съездила – в Петербург и Москву. У них таких ярких событий в жизни нет» (ж., 63 года, вдова, ср.-спец. обр.); «Внук-студент мной гордится, друзьям обо мне рассказывает. Он сам тоже волонтёр, так что у нас уже семейная добровольческая династия» (ж., 67 лет, вдова, ср.-спец. обр.).

Все, без исключения, респонденты отметили, что волонтёрская деятельность существенно повысила их самооценку, наполнила жизнь новым смыслом, придала уверенности в завтрашнем дне: «Второй год работаем с детками из центра «Семья»: девочек учим готовить, пирожки печь, варенье варить, для мальчиков свой мастер-класс – называется «Мужские секреты». В общем, всему тому учим, что дети от родителей узнавать должны. А для этих деток мы – учителя» (м., 65 лет, разведен, ср-тех. обр.).

Таким образом, добровольческая деятельность людей «серебряного» возраста, как одна из форм активного долголетия, оказывает всестороннее позитивное воздействие на основные сферы жизни: психическое и физическое здоровье, степень самодостаточности и уверенности в завтрашнем дне, удовлетворенностью жизнью. Кроме того, активная жизненная позиция человека «серебряного» возраста дает возможность поддерживать и расширять социальные контакты, повышать свой социальный статус, поддерживать навыки и знания, сохранять смысл жизни в почтенном возрасте и, как следствие, преодолевать возрастное социальное неравенство.

Список использованной литературы и источников:

1. Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб./ Росстат. – М., 2017. – С. 20, 238, 242-244.

2. Программная справка ЕЭК ООН N 13 по вопросам старения/ Июнь 2012 г. - С. 2.URL:http://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Policy_briefs/ECE-WG.1-17-RU.pdf (дата обращения: 07.04.2018).

3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.03.2018 г. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения 07.04.2018).

УДК 304.2

НЕРАВЕНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ: ИНВЕРСИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

О.А. СОМОВА

Сомова Оксана Андреевна, магистрант философского факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: *oksanasomova@mail.ru*

Аннотация. В статье были выявлены причины, породившие накопление виртуального социального капитала, на примере дискредитации самой себя сегодняшней политической власти в России. Исходя из них, а также оперируя оригинальным коммуникативным определением социального доверия, были обозначены тенденции формирования рессентиментных настроений в киберпространстве. Они обозначают себя в качестве мемовой культуры, опирающейся на иронию, что было доказано и раскрыто при помощи обращения к трудам Ю. Лотмана.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальное доверие, коммуникация, интернет, виртуальность, ирония

INEQUALITY AND SOCIAL TRUST: INVERSE RELATIONSHIPS

O.A. Somova

Abstract. The article reveals the reasons that gave rise to the accumulation of virtual social capital, on the example of discrediting itself today's political power in Russia. Based on these, as well as in terms of the original communicative definition of social trust was identified the trends of formation ressentiment sentiment in cyberspace. They designate themselves as a “mems” culture, what based on irony, which was proved and disclosed by reference to the works of J. Lotman.

Key words: social inequality, social trust, communication, Internet, virtuality, irony

Изучение проблематики социального неравенства в контексте общества риска нередко можно встретить в качестве разработки концепции социального капитала, что, в общем-то, логично, поскольку не что иное, как социальный капитал играет роль амортизатора в крайне нестабильной сегодня системе общественных отношений и процессов. Обращаясь к трактовке социального капитала Джона Коулмена, определим социальный капитал как когерентность социальных структур, их функций и возможностей для действий акторов. С точки зрения Коулмена, социальный капитал может приобретать три формы: форму обязательств и ожиданий, иными словами, доверия; форму данных, поставляемых социальными структурами и необходимых для действий акторов; и форму норм и сопровождаемых их эффективных санкций[1]. Справедливо можно предположить, что первая форма, социальное доверие, является наиболее значительной, так как от уровня доверия будет зависеть оценка справедливости норм и восприятие информации в качестве достоверной. Интерпретируя эти

характеристики, скажем, что социальный капитал является барометром гражданской демократичности общества.

Коулмен пишет о том, что социальный капитал будет накапливаться тогда, когда все части систем общества равновесны в своей значимости, а также тогда, когда производимые блага распределяются среди всех членов общества равномерно. Сосредоточение благ в какой либо общественной прослойке, или, иными словами, социальное неравенство, имеет вероятность обращать социальный капитал в отрицательные значения. Пример политической ситуации России наглядно демонстрирует то, что в ряде случаев власть дискредитировала саму себя, что привело к росту аполитичности, аномии в обществе, часть которого предпочла игнорирование в духе Мишеля де Серто.

Этот вывод о подрыве неравенством социального доверия к институциональным структурам далеко не нов. Однако сейчас мы имеем возможность наблюдать становление нового типа социальности – виртуальной социальности, взаимодействие членов которой детерминировано природой технического оснащения, иначе говоря, самим носителями и характером связи. Социальные сети, ставшие площадкой формирования этого вида интеракции, представляют собой совокупность пользователей Сети, сосредоточенных на одном ресурсе, но рассредоточенных территориально. Основой развития и функционирования этой организации являются коммуникация и акторы. Акторы – равнозначные, подобные друг другу действующие субъекты.

Поскольку, очевидно, что новый тип социальности будет отличен от прежнего, возникает вопрос о том, творит ли она собственную социальность, как упоминал Латур, и каковы законы ее становления? Сначала стоит обратиться к причинам, приведшим к формированию виртуальной общности.

Во-первых, сама организация киберпространства весьма удобна для коммуникации разных уровней масштабности. Во-вторых, как существа постоянно коммуницирующие, мы склонны выбирать наиболее новые, эволюционно и качественно отличные от существующего способы взаимодействия. Н. Луман отмечал, что мы предпочитаем «мутацию» сегодняшнему положению дел[2]. В-третьих, этому способствует неэффективность существующего бюрократического способа взаимодействия общественных групп.

Если мы обратимся к трактовке доверия как коммуникационной системе редуцированных показательных прецедентов, опосредующих действия, то можно сказать, что существующий строй «навязанной демократии» исчерпал свой лимит доверия, тогда как киберпространство, в силу своей новизны, гибкости и постоянного развития, этим лимитом не только располагает, но и преумножает его за счет разительных отличий от действительных институциональных структур, показавших свое моральное и структурное устаревание[3]. Пространство современной нам общественной коммуникации оперирует событиями, которые размечают гибкую (или, выражаясь терминами Лумана «еще не размеченную») область виртуальности, при этом с ней не срастаясь.

Все это приводит нас к пониманию того, что происходит в сетевом общественном дискурсе сегодня. Интернет, как площадка потенциально равных субъектов, рассчитанная на массивный обмен информацией, становится аккумулятором общественного рессентимента, в выражении которого пользователя ничто не сдерживает, и, вероятно, даже поощряет. Безграничность и постоянная активность киберпространства дает шанс высказаться всем, и именно эта свобода слова является линией демаркации доверительной «народности» и дискредитированной институциональности. Виртуальность резко не приемлет неповоротливую действительность и всячески ее сторониться. Особенно ярко этот дискурс проявляется в среде видеоблоггеров, безапелляционно осудивших своих коллег, выпустивших в свет агитационный контент[4].

Почему именно рессентимент? Вероятно, возможность говорить во всеуслышание культивирует словесное творчество граждан. В свою очередь, возможность высказываться перед столь массовой аудиторией, чем не могут похвастаться традиционные СМИ,

способствует повышению лояльности к сети «говорящих». Здесь ты можешь быть тем, кем хочешь казаться, творить и критиковать, что, безусловно, подкупает пользователей. Но, пожалуй, самым очевидным доказательством формирования виртуального рессентимента служит сам контент сети – мемы. Не вдаваясь в подробности мемовой культуры, упомянем только, что основой ее функционирования является ирония и рефлексия над существующим положением дел. Благодаря масштабности Сети и ее высокой коммуникативности, она представляет собой ни что иное, как пространство всеобщей социального рефлексии вслух.

Мы имеем дело, по сути, с информационным взрывом, упоминавшийся Ю.М. Лотманом. Он отмечал, что «повышение внутренней однозначности можно рассматривать как усиление гомеостатических тенденций, а рост амбивалентности как показатель приближения момента динамического скачка». Вместе с тем исследователь подчеркивал, что момент взрыва характеризуется «резким возрастанием информативности всей системы»[5]. Таким образом, прослеживается зависимость уровня информативности системы от развития амбивалентности (неоднозначности и противоречивости) в ее подсистемах.

Зафиксировав связь между «взрывами» в культуре и амбивалентностью, можно сделать вывод, что ирония, основанная на смысловом смещении, с особенной силой актуализируется в переломные, кризисные моменты в развитии культуры или отдельных ее областей.

В эпохи глубоких культурных кризисов верования теряют характер безусловности; обнаруживается, что социальный капитал в виде общественного дискурса – ангажированная интерпретация событий, которая, будучи массированно транслируемой сливается с реальностью и ее формирует. Кризис вскрывает амбивалентность общепризнанных ценностей, прежде казавшихся незыблемыми, абсолютными.

В периоды бурных социальных перемен нигилизм является типичным проявлением стихийного протеста против изменившихся условий, в которые индивид поставлен силой внешних, необходимых, а потому враждебных ему обстоятельств. Принудительный характер социальной действительности, заключающийся в необходимости действовать по правилам более не легитимным, и невозможность по этой причине самореализации, рождают неприятие индивидом социальности как таковой. А иронию можно считать рефлексивным механизмом функционирования социальной памяти в противоположность нерефлексивным механизмам – мифу, обряду, ритуалу.

В итоге мы имеем место, куда приходят граждане, чтобы проводить общественное взаимодействие, бойкотируя индифферентную действительность и рефлексируя о ней, как о вместилище разочаровывающих вещей. Манифестантами этой действительности являются медийные и власть предержащие персоны (как ее организовывающие). А по ту сторону – люди, которые, выражаясь словами А. Блока, «одержимые разлагающим смехом, в котором топят они, как в водке, свою радость и свое отчаянье, себя и близких своих, свое творчество, свою жизнь и, наконец, свою смерть». При помощи этого орудия, циничной иронии, виртуальный рессентимент противопоставляет себя постоянной существующей несправедливости. Организуется дистанция второго порядка – дистанция, необходимая для анализа удваивается посредством ее высмеивания, как не имеющей давления на субъект. Получается, что пространство, задуманное как людей объединяющее, позволяет выстроить еще одну стену между социальными группами, давая возможность в ярких показательных образах высветить «козлов отпущения». Вместо «прохождения мимо» общественных неурядиц, пользователи проходят сквозь, высвобождая рессентимент, что приходит на смену преумножению благ равенства сети.

К сожалению, разочаровывает то, что, вероятно, весь этот массив сообщений и информации не способствует каким-либо качественным изменениям в обществе, проговаривание недугов не побуждает к действию. Это чревато дальнейшим правовым «закручиванием гаек» киберпространства, как аккумулятора декадентства, что, в конце концов, приведет к более глубокому уходу «в подполье» виртуального сообщества.

Список использованной литературы и источников:

1. *Coleman J.* Капитал социальный и человеческий// Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121-139

2. *Антовский А.Ю.* Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. Москва: ИФРАН. 2007. С.22

3. *Сомова О.А.* Коммуникативные основания феномена доверия // Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам «многомерное общество и человек в XXI веке (22 и 26 февраля 2018, г. Саратов)

4. Ютуб-2018: лицемерие, травля и гонорары. URL: https://moika78.ru/news/2018-03-16/19002-yutub-2018--litsemeriey-travlya-i-gonorary/

5. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. - М.: Гнозис, 1992. - 271 с.

УДК316.347

РИСКИ НЕРАВЕНСТВА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И АДАПТАЦИЯ К НЕЙ

А.Л. СТРИЗОЕ

Стризое Александр Леонидович, доктор философских наук, профессор заведующий кафедрой социологии Волгоградского государственного университета.

E-mail: strizoe@volsu.ru

Аннотация: Показаны особенности и формы проявления социальных неравенств в современных транформирующихся обществах, а также формы осознания новых социальных реалий и адаптации к ним. Представлены результаты исследования ценностей современной студенческой молодёжи Волгограда (2017, n=350). Аргументирована возможность использовать молодёжь как модельную группу для исследования осознания сущности равенства и неравенства в обществе риска и адаптации к ним. Установлено, что при наличии различных стратегий адаптации, большинство респондентов смогли адаптироваться к реалиям трансформирующегося общества в России. Идеи относительности равенства и неравенства достаточно глубоко укоренились в сознании респондентов, однако реальное материальное положение большинства далеко от устойчивой адаптации.

Ключевые слова: риск; неравенство; социальная трансформация; адаптация; молодёжь.

RISKS OF INEQUALITY IN A TRANSFORMING SOCIETY: REALITY AND ADAPTATION TO IT

A.L. Strizoe

Abstract. The article focuses on features and forms of social inequalities manifestation in modern transforming societies, as well as forms of awareness of new social realities and adaptation to them. The results of the study of values shared by modern Volgograd students are presented (2017, n=350). The opportunity to use youth as a model group for studying awareness of the nature of equality and inequality in a risk society and adaptation to them is argued. It is found that in the presence of various adaptation strategies the majority of respondents were able to adapt to realities of the transforming society in Russia. The ideas of relativity of equality and inequality are deeply entrenched in the minds of respondents, but the real financial position of the majority is far from sustainable adaptation.

Key words: risk; inequality; social transformation; adaptation; youth.

Российские социологи использовали идеи концепции "общества риска" при изучении экологических, экономических, и социально-политических проблем трансформирующихся обществ, связывая риски, как правило, с непредсказуемым (стихийным) протеканием объективных процессов. Это позволяло моделировать вероятность наступления тех или иных деструктивных и опасных последствий и сближало социологическое рассмотрение риска с экономическим и инженерно-технологическим подходами (см. работы О.Н. Яницкого, А.В. Авраамовой, Ю.А. Зубок). Такое понимание риска оставляло все рассмотрения управленческие воздействия акторов, их выбор и его обоснование. Между тем, социальные и антропологические риски интенсивно исследовались отечественными философами, подчёркивавшими органическую связь риска с рефлексией и выбором социальных субъектов (См., например, работы саратовской школы исследования рисков во главе с В.Б. Устьянцевым). Этот подход позволял связать философский дискурс с теориями принятия решений, получившими распространение в менеджменте и политологии, а также с теориями социальных институтов, социальной стратификациии поведенческими теориями современной социологии. Анализ рисков неравенства может быть осуществлен на основе взаимной дополнительностиобеих подходов, поскольку сами неравенства, с одной стороны, порождаются логикой трансформации общества, с другой, - обнаруживаются в результатах осознаваемых действий акторов.

Модификация социальной структуры общества сопровождается опережающим развитием социальной инфраструктуры, как особой сферы условий воспроизводства человека в обществе. При этом параллельно формируется система социокультурных факторов воспроизводства человека, знаково-символическая инфраструктура общества, система установок сознания и поведения, задающая определенные алгоритмы (а в перспективе и традиции) общения и коммуникации. Сложность, неоднозначность и вариативность детерминации культурой социальной структуры, а также связь новых неравенств с использованием благ инфраструктуры была в своё время хорошо показана Л.Г. Ионины[2].

Трансформирующиеся общества представляют собой, прежде всего, общества с изменяющимися социальными институтами. Устройство самих институтов и предлагаемые ими образцы и стандарты поведения, во-первых, далеко не всегда представляют собой системно организованные структуры, продуманные и прозрачные для здравого смысла правила и процедуры. Во-вторых,они далеко не всегда соответствуют ожиданиям и социальным практикам повседневности. Величина такого несоответствия зависит от качества проектирования реформ и управления ими. В любом случае граждане оказываются перед выбором: довериться институциональным правилам и столкнуться с неопределённостью и непредвиденным последствиями или не довериться им и вынужденным иметь дело с теневыми, неформальными механизмами давления.

Сегодня на латентных границах социальных общностей возникают различные промежуточные маргинализованные слои и группы. Это умножает ситуация неопределённости идентификации себя с тем или иным социальным слоем. Неустойчивость положения индивидов усиливается их иллюзиями относительно своего места в пространстве социальных статусов и групп. Риск оказаться вне ожидаемого контекста, вне общности, с которой индивид отождествлял себя, возрастает в условиях социальной трансформации, когда отдельные индивиды или социальные общности становятся объектами рискогенного проектирования или манипулирования, ошибки выбора, деструктивного умысла или произвола.

Социальные трансформации, при которых механизмы институционального порядка функционируют неустойчиво, делают невозможным использовать в таких ситуация механизмы социальной защиты: обращение в суд, к контрольным или надзорным органам, силе общественного мнения.

Нелинейность трансформации и неоднозначность обусловленных ею социальных изменений выражается в наличии сложных траекторий социальной мобильности и множества связанных с ними выборов, что умножают ситуации неравенства. Принятие решений в них

требует от индивидов, с одной стороны, морально-психологической готовности, с другой – ситуационности мышления. Достигнуть этого можно либо на основе здравого смысла, который, - увы – часто оказывается в плену стереотипов и догм, либо при помощи сознательно сформированного современным образованием гибкого и релятивного в своей основемышления, сочетающего системный и синергетический взгляд на реальность. Но необходимое здесь качество образования сегодня не принадлежит к числу демократически доступных благ. В условиях недостаточной готовности принять новую реальность массовидные реакции на внезапность неравенства проявляются в иллюзиях сознания, адаптации терпения и ограничения потребностей или в эскапизме, уходе в семейно-бытовые проблемы, частную жизнь.

Как показал З. Бауман, «социальный водораздел в современном обществе проходит уже не столько между верхними, средними и нижними слоями, сколько между крохотной группой на вершине социальной пирамиды и остальным обществом»[1]. При этом, поскольку разнообразные социальные риски локализуются в разных социальных средах, создавая в разных слоях риск производителей и риск потребителей, возрастает взаимная отчужденность и изоляция слоёв и групп между собой, элиты общества и его рядовых членов. В России мы сталкиваемся с непреодолимым неравенством во власти и аппарате управления, в организациях между руководством и рядовыми сотрудниками, в практиках повседневности (в доступности социальных благ, образе и стиле жизни). Такие закрытые для контроля и критики снизу системы продуцируют властно-управленческие решения, порождающие неприемлемые риски для подвластных и управляемых.

Помимо отмеченных выше вариантов пассивной адаптации к ним широкое распространение получил вариант, описанный Н.Е. Тихоновой как «консенсусная модель законопослушания», предполагающий, «во-первых, что нормы закона обязательны для всех и только в этом случае они (граждане – А. С.) готовы их соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимизацию, то есть соответствуют их представлениям о социальной справедливости»[3]. Этот вывод подтверждается результатами опроса, в котором две трети респондентов, не находясь в ситуации альтернативного выбора, высказались против выполнения приказов и распоряжений руководителей в том случае, если подчинённые не согласны с ними. Даже в армии, правоохранительных и других силовых структурах лишь половина респондентов считает, что распоряжения руководства надо выполнять в любом случае, а остальные сотрудники силовых структур убеждены, что надо выполнять лишь те распоряжения, с которыми они согласны. И хотя, по замечанию Н.Е. Тихоновой, за период 1995 - 2010 годов число сторонников соблюдения дисциплины выросло, это не изменило общей картины, суть которой в том, что «саботаж распоряжений «начальства», еще со времен крепостного права бывший основным способом борьбы за свои интересы в России, имеет определенную и четко артикулированную подоплеку – убеждение, что делать надо только то, с чем ты согласен. Причем это убеждение – общая социокультурная норма»[3].

Рассмотрим подробнее варианты восприятия неравенств в рискогенном обществе и адаптации к ним на примере студенческой молодёжи г. Волгограда. Проведённое нами исследование «Либеральные и традиционные ценности студенческой молодёжи г. Волгограда» было посвящено аксиологическим аспектам адаптации молодёжи к социальным трансформациям, происходящим в обществе (выборка квотная, сбалансированная по полу, профилям и курсам обучения, n= 350). Обработка проводилась с помощью программного комплекса Vortex8. Выбор молодёжи в качестве модельной группы при обсуждении проблем неравенств в обществе риска обусловлен, во-первых, статусом молодёжи как группы объективно, по своим социально-демографическим показателям, находящейся в зоне рисков. Во-вторых, студенческая молодёжь острее и быстрее других слоёв чувствует перемены в обществе и реагирует на них. В-третьих, адаптация и связанный с нею выбор варианта поведения, для молодёжи являются актуальными проблемами самосохранения, успешной социализации, использования «лифтов» социальной мобильности.

Исследование показало, что в молодёжной среде сформировались примерно равные группы модернистов, склонных самим определять свою жизнь и изменять её на основе гражданского участия; традиционалистов, ожидающих помощи и поддержки извне и неопределившихся. При этом все три сошлись в определении главных жизненных ценностей: здоровье и достаток (80%); крепкая семья (47,3%); материальная независимость (13,1%). Это указывает, как на ограниченность собственных ресурсов и неустойчивость материального благосостояния и социального благополучия, так и на примерно одинаковый уровень адаптации всех групп к превратностям повседневной жизни.

Оценивая уровень материального положения своих семей, примерно треть опрошенных (31,1%) отнесла себя к базисному слою, едва адаптировавшемуся к рыночным трансформациям (денег хватает на питание и одежду, но не на бытовую технику), который, судя по полученным данным, в Волгограде балансирует между бедностью (7% респондентов) и группами устойчивой адаптации. Проблемной адаптацией можно назвать адаптацию семей, в целом обеспечивших себя, но не обладающих значительными финансовыми резервами для покупки нового автомобиля. Эти семьи представляют собой низший слой российского «среднего класса» (25,6%). Устойчивая адаптация – ядро среднего класса - характерна для семей четверти опрошенных(24,8%). К его высшей части, претендующей на принадлежность к элите общества, можно отнести 9,6%. Таким образом, более половины опрошенных студентов (56,7%) причисляют себя к группам с неустойчивым материальным положением. Для сравнения: по данным ФОМ осенью 2017 года в таком же положении находился 71% всех опрошенных россиян.

Неустойчивость собственного материального положения объясняет и доминирование среди студентов установки на участие государства в решении социальных проблем граждан (84,3%), а также на оценку российского общества как несправедливого (58,4% при 31,1% затруднившихся).

Среди вариантов трактовки равенства, как ценности организации социального порядка, предложенных респондентам, приоритет получили варианты формально юридического равенства прав, которыми каждый пользуется, как может, по своему усмотрению (44.4%), а также вариант равенства исходных шансов, стартовых возможностей и правил конкуренции людей 41,6%. Консервативную идею невозможности равенства ввиду естественного неравенства людей по способностям и интересам разделили 44,2%. Сторонниками эгалитарно-уравнительного варианта равенства являются лишь19,1%. Можно сказать, что студенческая молодёжь, как и общество в целом, приблизились к пониманию относительности, ситуационности равенства и неравенства между людьми как важнейшего элемента социального порядка.

Важно, что среди факторов, повлиявших на ценностные суждения и предпочтения респондентов. Наряду с влиянием друзей и родственников (68,4%) и общением в социальных сетях (17,1%) для студентов значим собственный опыт знакомства с неравенствами: работа по найму (12,3%) и личный предпринимательский опыт (7,4%).

Таким образом, большинство опрошенной студенческой молодёжи смогло адаптироваться к жизни в обществе с высокой степенью неравенства и риска. На долю активных адаптантов, склонных своим участием изменять реальность, уменьшая неравенства и минимизируя риски, приходится 30-33%% опрошенных. Применительно к интерпретации ценностей построения нового, более справедливого социального порядка обнаруживаются установки студенческой молодёжи на умеренность, баланс различных интересов, поддержание относительного равенства/ неравенства и справедливости, а также на достижение не корпоративной, а универсальной гражданской и коммунитаристской солидарности.

Список использованной литературы и источников:

1. *Бауман З.* Идёт ли богатство немногих на пользу всем прочим? // Социологические исследования 2016. №7. С. 157 – 161.

2. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура. // Социологические исследования 1996. №2,3.

3. *Тихонова Н.Е.* Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995 – 2010 годы). // Общественные науки и современность 2011. №4. С.5 – 20.

УДК 122+304.2+316.4.063.6

АГРЕССИЯ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н.В. ТРОШИНА

Трошина Надежда Валерьевна, аспирант, кафедра теологии и религиоведения философского факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: romanovanv1999@yandex.ru

Аннотация: Изложена проблема агрессии молодежи как наиболее уязвимой социальной группы современного общества. Показаны отличия агрессии от агрессивности. Проведены социально-философский анализ и рефлексия материалов исследования по проблеме агрессии среди подрастающего поколения, а именно определение основных ее форм с учетом возрастного и гендерного аспектов. Установлены факторы, влияющие на возникновение агрессии среди молодежи. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в курсе лекционных и практических занятий по таким дисциплинам как «Возрастная психология», «Социальная психология», «Социальная антропология» и других.

Ключевые слова: современное общество, деструктивность, агрессия, агрессивность, аутоагрессия.

AGGRESSION OF YOUTH AS A SOCIAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEM OF THE MODERN SOCIETY

N.V. Troshina

Abstract. The problem of youth aggression as the most vulnerable social group of modern society is outlined. The differences of aggression from aggressiveness are shown. Socio-philosophical analysis and reflection of research materials on the problem of aggression among the younger generation, namely the determination of its basic forms, taking into account the age and gender aspects, are carried out. Factors affecting the occurrence of aggression among young people have been identified. The applied aspect of the problem under investigation can be realized in the course of lecture and practical classes in such disciplines as "Age Psychology", "Social Psychology", "Social Anthropology" and others.

Key words: modern society, destructiveness, aggression, aggressiveness, autoaggression.

Агрессия молодежи – одна из наиболее актуальных социально-философских проблем. В период постмодерна, на всем постсоветском пространстве наблюдается чрезмерный рост преступности, в том числе связанной непосредственно с агрессивным проявлением как отдельной личности, так и общества в целом.

Социальные философы и исследователи прикладных наук (психологи, социологи, педагоги, медики, криминалисты) отмечают, что на появление агрессии и агрессивности влияют несколько групп факторов (Басс А.и др.)[1]. Среди них наиболее широко представлены такие группы, как биологические, индивидуально-типологические, педагогические, влияние

субкультуры, роль средств массовой информации.

Думается, что учитывая специфику факторов, влияющих на деструктивно-агрессивные проявления молодежи, можно выявить социально-философские детерминанты агрессии, направленные на изучение причин деструктивности молодежи в целом. Понимая агрессию в качестве действия индивидуума, мы можем выяснить особенности возникновения и развития агрессии у молодежи как одной из наиболее уязвимых групп современного рискогенного общества.

Именно поэтому следует разобраться в двух понятиях деструктивного характера – агрессии и агрессивности. В отличии от агрессии, агрессивность следует рассматривать в качестве одной из важнейших характеристик действий и поступков личности, определяющих отношения между людьми, а также можно рассматривать как черту характера[2].

В современном обществе агрессивность выступает на первый план, представленная в виде всевозможных вооруженных конфликтов, насилия, аутоагрессии (например, суицида), перед которыми современное общество оказывается иногда практически беззащитно.

Среди основных факторов усиления аутодеструктивного поведения, следуя логике М. Хоркхаймера и Т. Адорно[3], можно выделить технологический и политический аспекты. Ученые-франкфуртцы говорят уже о том, что человека покорила им же созданная техника, продукт человеческого разума.

Таким образом, создается источник, который трансформируется в механизм социальной манипуляции для цивилизации, активизируя деструктивные процессы.

По убеждению М. Хоркхаймера и Т. Адорно, западная цивилизация стала заложницей техники, которая вынуждает человека жертвовать природой и собой как частью природы. Действительно, при отсутствии автоматизированного производства современный человек теряет свою полезность для общества и способность выживать. Конечно, изначально техника и ее составляющие была призвана удовлетворять антроповиталистические потребности современного человека[4], однако выяснилось, что данные потребности постоянно увеличиваются.

На наш взгляд, взамен антроповиталистических потребностей выступают на первый план потребности производства, а также искусственно созданные потребности, среди которых можно назвать рекламу, имидж или стиль жизни современных людей. В настоящее время техногенные процессы разрастаются, вытесняя, а иногда даже уничтожая современного человека и общество в целом, что находит свое отражение в поведении представителей подрастающего поколения.

В настоящее время исследователи – девиантологи и криминалисты отмечают значительный рост аутоагрессивных проявлений деструктивности, который непосредственно связан с использованием информационного оружия, поражающего сознание человека, особенно подрастающего поколения.

Используя персональные средства связи (различные гаджеты) и пространство сети Интернет-технологий, современный представитель молодежи становится мишенью для информационного оружия, тем самым напрямую разрушая свой внутренний мир, свое биологическое начало.

Примером тому может быть аутодеструктивное поведение современной молодежи , которое находит свое отражение в таких злокачественно-деструктивных формах как суицид, суицидальная попытка; нехимические формы аддикций (пищевая и игровая формы зависимостей); химические формы аддикций (наркомания, токсикомания, алкоголизм); вовлечение в деструктивно-религиозные культы; виктимное (жертвенное) поведение; увлечение рискогенными видами спорта (экстремальные виды спорта, превышение скорости на автомобиле) и др.

Таким образом, следует акцентировать внимание различных специалистов, в том числе и социальных философов в вопросах будущего поколения, так как современное общество сталкивается с различными негативными проявлениями, непосредственно связанными со сложными социально-значимыми проблемами, а именно проблемами социальной динамики,

глобализации, виртуализации жизненного пространства человека, а, значит, и общества в целом.

Действительно, в XXI веке среди молодежи как наиболее уязвимой социальной группы происходит обеднение ценностей, формирование изменившихся смысложизненных ориентаций и новых форм их социальной активности.

Учитывая данные изменения, происходящие в молодежной среде, считаем обозначение форм деструктивности важнейшей задачей с целью дальнейшей минимизации угроз не только для молодежи как разновидности социальных групп современного социума, но и системы Человек/Человечество.

Исследователь А.Ю. Дроздов, изучая агрессивное поведение молодежи констатирует тот факт, что злокачественно-деструктивная форма агрессии появляется у молодежи, особенно подростков, на всех уровнях социальных связей, а именно в семье, в школе, в общении с ровесниками[5].

Известно, что в подавляющем большинстве случаев агрессия является реакцией на агрессию. Так, ряд социальных ситуаций действительно может провоцировать агрессию у большинства людей, но данные ситуации не становятся универсальными, так как феномен владения ситуацией в данном контексте не срабатывает.

А. Басс детально разбирает формы агрессивного поведения человека, выделяет восемь форм, дает им характеристики и приводит примеры. Разделяя агрессию на несколько форм (по А.Бассу), исследователей данной проблематики интересуют, прежде всего, в силу своей актуальности «физическая-активная-прямая» агрессия, которая выражается в нанесении побоев человеку и «вербальная-активная-прямая» агрессия, выражающаяся в словесном оскорблении человека[1].

Интересен факт изучения агрессивного поведения подрастающего поколения А.Ю. Дроздовым, который констатирует, что совершеннолетние чаще используют косвенные формы агрессии. Также исследователь делает акцент на гендерном отличии одной формы агрессии от другой. Он считает, что современные девушки более склонны к вербальным формам агрессии, а юноши, наоборот, к физическим проявлениям агрессии.

Таким образом, проведенный теоретико-методологический анализ источников исследований и рефлексия сложившейся социально-значимой проблемы позволяют сделать вывод, что среди молодежи как наиболее уязвимой группы современного общества существуют определенные стереотипы в выборе тех или иных поведенческих моделей. Если между субъектами возникает антипатия, то возрастает возможность отказать в просьбе одного субъекта другому.

Несомненно, учитывая особенности возрастного, гендерного характера, специфику каждой отдельной личности, группы и коллектива, следует акцентировать внимание на вопросе ситуативных факторов, играющих важную роль в актуализации агрессивного поведения молодежи.

Список использованной литературы и источников:

1. *Рогов Е.И.* Настольная книга практического психолога. В 2-х книгах. М.: ВЛАДОС, 1999. Кн. 1: Система работы психолога с детьми разного возраста.384с. с.228.

2. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб., 1997.С.193.

3. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. М., 2016.104с.

4. *Трошина Н.В.* Виды адаптации современного человека: социально-философский анализ проблемы//Известия Сарат.Университета. Новая серия. Серия Философия.

Психология. Педагогика. Том 1. №1. 2014. с.32-34.

5. *Дроздов А.Ю.* Агрессивное поведение молодежи в контексте социальной ситуации. URL: http://www.isras.ru/socis_2003-4.html(дата обращения: 12.03.2018)

УДК 316.442

ПОЖИЛОЙ ВОЗРАСТ КАК ФАКТОР ИНФОРМАЦИОННОГО НЕРАВЕНСТВА

Т.В. ТЫЧКОВА

Тычкова Татьяна Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры информатики и информационных технологий в управлении Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ.

E-mail: ttychkova@yandex.ru

Аннотация. Анализируются понятия цифрового и информационного неравенства и особенностей его проявления среди пожилых людей. Приводятся возможные причины формирования информационного неравенства. На основании практического опыта автора обучения пожилых, анкетирования и интервью делаются выводы о путях преодоления людьми старшего возраста информационного неравенства.

Ключевые слова: информационное общество, цифровое неравенство, информационное неравенство, пожилые, информационная культура.

ELDERLY AGE AS A FACTOR OF INFORMATIONAL INEQUALITY

T.V. Tychkova

Abstract. Analyzing the concepts of digital divide and informational inequality, describing peculiarities of the phenomenon among elderly people. Possible reasons of informational inequality and ways of overcoming the problem, based on author's practical experience in teachingelderly people, questionnaires and interviews are presented.

Key words: informational inequality, digital divide, elderly people, information society, information culture.

ВВЕДЕНИЕ

Информационное общество в России стало формироваться в конце 20-го столетия. По количественному признаку – с того с момента, когда проникновение Интернета перевалило через порог 50%, то есть в 2012 году. Сейчас это цифра составляет 72,8%.

Наиболее активно включившейся в процессы компьютеризации и информатизации стратой стала молодежь. И напротив, совершенно не получалось интегрироваться у людей старшего поколения. Сегодня ситуация понемногу выправляется и всё же по данным всероссийского омнибуса GfKлишь каждый третий (36%) россиянин старше 55 лет пользуется Интернетом. Для сравнения, в возрастной группе 30-54 лет этот показатель составил к началу 2018 года 83%, а среди молодежи – 98%.Выпадение пожилых из информационного общества сформировало одну из новых сторон неравенства, обусловленную возрастом.

Таким образом для людей пожилого возраста сформировался новый, характерный именно для информационного общества вид неравенства – информационный.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Автором понятия «информационное общество» является японский профессор Ю. Хаяши. Он определяет информационное общество как общество, в котором процессы компьютеризации, обеспечив надежные способы хранения, анализа и передачи информации, избавят людей от рутинной работы, обеспечат высокий уровень автоматизации производства, повысят производительность труда.

При всей привлекательности идеи «информационного общества» оно рождает новые риски, противоречия, негативные последствия. Одной из таких негативных сторон является

новый вид неравенства – информационное, которое обуславливает деление стран, социальных групп и отдельных личностей по информационному признаку, по признаку полноты интеграции в информационное общество.

Следует различать «информационное неравенство» и «цифровое неравенство». Термин «цифровое неравенство» или Digital Divide появился в 1997 году, когда было признано, что все новые цифровые, компьютерные, коммуникационные технологии создаются и активно используются в странах, с количеством жителей не более 15% от населения всего мира. И доходят они в менее развитые страны не более, чем до половины жителей земного шара.

Если смотреть на явление цифрового неравенства шире, с охватом всех социальных, экономических, психологических факторов и последствий, то следует использовать термин информационное неравенство, который в отличие от цифрового обусловлен не только развитием и доступностью всех благ цифровой индустрии.

Вот некоторые из социально-культурологических и психологических причин, влияющих на формирование информационного неравенства:

- мотивация к использованию современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ);
- структура информационных потребностей личности;
- стресс вызываемый большими потоками информации – информационный стресс;
- коммуникационные привычки и предпочтения людей;
- неспособность освоить новые информационные технологии или неуверенность в своих способностях;
- инерция, неприятие всего нового;

Структура основных социокультурных потребностей и жизненный уклад складывается в ходе социализации и сложно поддается изменениям. Представляется возможным утверждать, что люди старшего поколения должны «ресоциализироваться» в современном информационном обществе[1].

Таким образом, проблема информационного неравенства – это проблема социальная, и ее нельзя сегодня понимать только как физическое отсутствие или ограничение по финансовым обстоятельствам доступа к Интернету и другим ИКТ. И особенно остро она стоит для категории пожилых людей.

Кроме того, следует отметить негативное влияние на экономику информационного неравенства пожилых, связанные с проблемами финансовой грамотности, не вовлеченности этой возрастной группы в Интернет торговлю, дистанционное образование или переквалификацию.

Негативное влияние на личность состоит в культурном, социальном выпадении, увеличении дистанции между поколениями, десоциализация пожилых в условиях информационного общества.

Для преодоления информационного неравенства пожилых должны быть приложены усилия как ими самими, так и извне.

Считаем, что информационная культура как приобретаемое качество личности в информационном обществе – это ключ к преодолению информационного неравенства самой личностью. Под информационной культурой личности в данной статье понимается «совокупность информационно-социальных («инфосоциальных») качеств человека, позволяющих ему успешно интегрироваться и функционировать в формирующемся информационном обществе»[2].

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор статьи последние несколько лет, являясь научным руководителем и преподавателем курсов компьютерной грамотности для пожилых, обладая собственным опытом обучения людей старшего поколения компьютерной грамотности в рамках программ «Институты третьего возраста», изучал стиль обучения пожилых путем наблюдений на занятиях, с помощью анкетирования и полуструктурированных интервью, где были выявлены

их образовательные потребности в области информационных технологий, на основании которых сделаны выводы о возможностях их лучшей интеграции в информационное общество, которые будут изложены далее.

Состав обучаемых был весьма разнообразен: по возрасту (от 56 до 81 лет); по отдаленности периода активной трудовой деятельности – от только что вышедших на заслуженный отдых или еще подрабатывающих до людей давно неработающих; по имеющимся навыкам работы на компьютере – от никогда не работавших на компьютере до активных пользователей социальных сетей; по характеру предшествующей трудовой деятельности – работники умственного и физического труда.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Процесс обучения предполагал активное участие в нем студентов-волонтеров, которые представляли теоретическую часть и осуществляли персональное консультирование в ходе выполнения практических заданий. Научное руководство и разработку учебно-методического комплекса курса осуществлял автор данной статьи. Проводилось анкетирование, интервьюирование и контрольное тестирование.

Анкетирование проводилось исходя из предположения, что пришедшие в центр имеют высокую внутреннюю мотивацию и записавшиеся на курсы позитивно настроены на обучение компьютерным технологиям. Целью анкетирования являлось выявление частных потребностей в овладении компьютером и ожиданий от данного курса компьютерной грамотности. Кроме того, проводились личные полуструктурированные интервью с каждым обучаемым, что позволило определить наиболее востребованные темы. Так, все опрашиваемые отметили, что хотели бы уметь: общаться с друзьями, бывшими коллегами посредством писем (электронная почта); общаться в социальных сетях в текстовом режиме (Одноклассники); общаться в видео режиме (Скайп); осуществлять поиск информации о здоровье, финансах, соцобеспечении, ЖКХ и т.п. Большинство также желают просматривать в Интернете фильмы и телепередачи (88%), просматривать тематические сайты, участвовать в обсуждениях, форумах (71%), делать покупки, оплачивать счета и получать услуги в сети Интернет (67%).

При этом не у всех пожилых людей имеется компьютерная техника (только у 78%), но не имеющие компьютер планируют его приобрести и надеются, что занятия помогут им выбрать подходящее для их нужд устройство.

Контрольное тестирование, проведенное для определения усвоения материала, в виде вопросов с вариантами ответов показало, что большинство обучаемых (97%) справилось с тестом. Многие высказывали желание продолжить обучение на более продвинутом этапе.

Рассматривая одну из причин неуспешного освоения новых ИКТ – сниженные способности к обучению у пожилых, не согласимся с теми авторами, которые считают, что в силу возраста люди становятся всё менее обучаемыми из-за снижения способности к концентрации, ухудшения памяти, внимания. Как видно из результатов контрольного тестирования, имеется лишь временный эффект «отучения учиться» из-за большого периода отсутствия каких-либо активных учебных действий. Тем не менее, люди старшего возраста, обладающие серьезной мотивацией, довольно быстро восстанавливают свои способности к учению. При этом предпочитают узко практическую направленность приобретаемых знаний и навыков.

Анкетирование, интервью и опыт проведения курсов обучения пожилых людей компьютерной грамотности позволяет сделать следующие выводы.

Традиционное воспитание и образование было нацелено на формирование целостного мировоззрения, твердых нравственных принципов, давало четкий план изучаемых наук. Вследствие данного обстоятельства для людей старшего возраста четкий строго прописанный алгоритм действий является более удобным, чем освоение материала по интуиции, методом проб и ошибок, принятие моментального решения в незнакомой ситуации. Данный факт значительно осложняет процесс обучения, так как одновременно существующие различные

версии платных и свободно распространяемых программных продуктов, различные аппаратные платформы, не позволяют дать «рецепт» на все случаи жизни. Одним из возможных выходов в такой ситуации будет проведение занятий на персональных устройствах самих пенсионеров: планшетах, нетбуках, ноутбуках и т.п. с предустановленным программным обеспечением.

Старшее поколение часто знает, что хочет получить в результате обучения, формирует адекватные цели и тонкая подстройка тематики под нужды обучаемых категорически необходима.

У обучаемых, начинающих «с нуля» отмечалось проявление психологического барьера общения с техникой, который компенсировался большим желанием овладеть компьютерными навыками и быстро, за 2-3 занятия, таковой пропадал.

На основании этого следует вывод об однозначной положительной перспективе выравнивания положения пожилых людей в информационном обществе. В этом направлении по всей стране делаются отдельные шаги, проводятся точечные акции: организовываются институты третьего возраста для обучения пожилых при образовательных государственных организациях, но к сожалению, действующие не на постоянной основе; проводятся разовые акции или однодневные тренинги коммерческими организациями, в большей степени развита помощь онлайн, но она не подходит тем, кто делает свои первые шаги в освоении информационной культуры. Системное участие государства в сфере ликвидации информационного неравенства пожилых решило бы окончательно данный вопрос и было бы всесторонне оправдано. С экономической точки зрения привело бы росту числа пользователей Интернет и ростом сектора электронной коммерции. Существенно снизится должна и нагрузка на государственных чиновников, работников банков, ЖКХ и других организаций с переходом пожилых на онлайн обслуживание.

С точки зрения социальной адаптации, восстановится связь поколений. Для этого нужна работа различных социальных институтов по популяризации информационного образа жизни для старшего поколения. Таким образом, расширится круг общения пожилых, появятся новые интересы, смыслы, приоритеты, старшее поколение не будет испытывать дискомфорта в информационном обществе, ресоциализируется и станет его неотъемлемой частью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преодоление информационного неравенства пожилых нельзя рассматривать просто как наличие доступа к компьютерам и сети Интернет, а главным образом как формирование достаточного уровня информационной культуры. Для повышения информационной культуры пожилых и нивелирования информационного неравенства требуются усилия как со стороны самих пожилых людей, так и со стороны государства.

Список использованной литературы и источников:

1. Информационный аспект ресоциализации взрослых в трансформационном обществе // Российское общество: цивилизационные горизонты трансформации. Межвузовский сборник научных трудов: материалы. Вып. 2. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 238-240

2. *Тычкова Т.В.* Информационная культура как условие социализации личности в современном российском обществе автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Краснодар. ун-т МВД России. Краснодар, 2009 – 23 с.

УДК 177.5 + 304.444

ИДЕЯ АРИСТОКРАТИИ, ИЛИ ВОСТРЕБОВАННАЯ УТОПИЯ О.Ф. ФИЛИМОНОВА

Филимонова Ольга Федоровна, кандидат философских наук, профессор кафедры философии Институт социального и производственного менеджмента Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
E-mai: filmon-2006@yndex.ru

Аннотация. В статье изложен ряд социально-философских воззрений на структурные изменения в классовой системе современного общества в перспективе идеи аристократии. Показан сложный контекст динамики неравенства в процессах структурной и многосторонней трансформации современной реальности в связи с интенсивным развитием информационно-коммуникативных технологий и глобализацией капитализма и, как источником и следствием последних, возвышением образованного класса. Анализ проведен на основе классового, сословного и социокультурного подходов, в результате представлен титул «новой аристократии» как явление гибридной культуры в виде смешения двух элитарных типов – аристократии таланта и аристократии богатства. Установлено, что появление «новой аристократии» не привносит глубоких изменений в существующее классовое деление, однако, существенно затрагивает проблему качественного подбора в управленческие, властные структуры и актуализирует онтологические начала аристократической идеи.
Ключевые слова: элита, идея аристократии, образованный класс, неравенство, утопия.

THE IDEA OF ARISTOCRACY, OR UTOPIA IN DEMAND

O.F. Filimonova

Abstract. In the article, a number of philosophical viewpoints on the structural changes in the class system of the modern society in the perspective of the idea of aristocracy are stated. The complicated context of the inequality dynamics in the process of structural and versatile transformations of the modern reality connected with intensive development of informational and communicative technologies and capitalism globalization and, as a source and result of the latter, aggrandizement of the educated class is shown. Analysis was conducted on the basis of class, estate, social and cultural approaches; as a result, the title of the “new aristocracy” as the phenomenon of hybrid culture as a mixture of the two elite types, aristocracy of talent and aristocracy of wealth, is presented. It is found that emergence of the “new aristocracy” does not make deep changes in the existing class division but, however, significantly influences the problem of high-quality staff selection for administrative and governing structures and actualizes ontological principles of the aristocratic idea.
Key words: elite, idea of aristocracy, educated class, inequality, Utopia.

Современные социальные и политические философы, предпринимавшие попытки получить представление о неравенстве в наше время и в нашем обществе, так или иначе исключали из обсуждения один концепт, обращение к которому, на наш взгляд, не вызывает сомнений и даже представляется своевременным – идея аристократии. Наряду с духовенством, торговцами, ремесленниками, слугами, свободными крестьянами и художниками аристократы принадлежат к сословной системе традиционных цивилизаций, занимая в них высший статусный уровень. Сегодня считается, что старые формы аристократии (привилегии естественного и заслуженного превосходства) разрушены навсегда. Между тем, в политическом дискурсе классовых теорий меритократические тенденции сохраняются в титуле буржуазной элиты и партиях консервативного толка. А вот утвердившейся темой социально-структурного анализа аристократическая идея пока не стала, хотя самым непосредственным образом привлекает внимание исследователей минимум с двух точек зрения. Во-первых, как свидетельство интеллектуальной жизни и возвышения образованного класса (креативный слой). Во-вторых, как эффект конверсии избранности в материальный

эквивалент (богатство), а отсюда в виде маркера изменений на шкале социального неравенства.

Для первой опции функционирования меритократического принципа в дискуссиях закрепились различные термины: «творческое меньшинство», «интеллектуалы», «технократы», «новая элита», «креативный класс» и т.п., созданные или открытые в теоретических проектах общества риска, постиндустриального, информационного, сетевого общества. Для второй опции характерны концепции и методы, которые учитывают не только существующие социальные неравенства (класс или слой), но и появление новых неравенств, когда внимание фокусируется на более «тонкие» различия (культурные), например, цели и способы использования «социального капитала» (П. Бурдье, Дж. Коулман), «постматериальные» ценности (Р. Инглхарт), мобильность, образование, а также процессы, имеющие с ними очевидную связь – плюрализация и индивидуализация стилей жизни, «эффект лифта» (У. Бек, М. Кастельс, Э. Гидденс), «неравенство богатства» (Петер А. Бергер) и другие. Мы рассмотрим эти две перспективы в изучении социального неравенства и представим результаты в рамке современности, обратившись к третьей, дополнительной теме, а именно к ныне выпавшей из употребления идее аристократического принципа.

Вопрос о том, как революционные изменения влияют на структуру и функционирование общественных отношений, можно причислить к классическим темам социальной теории. Феномен промышленной, а вместе с ней и менеджерской революции, в полной мере заявивший о себе на временной границе XIX-XX столетий, основательно изменил экономическую и социальную структуру Запада. Если к этим процессам модернизации добавить социалистические революции и демократические движения, потрясшие политические структуры, то правомерно говорить о фундаментальных системных изменениях, охвативших все современное общество.

Новейшей вариацией на эту знакомую тему стала структурная и многосторонняя трансформация современной реальности в связи с интенсивным развитием информационно-коммуникативных технологий и глобализацией капитализма. Облик этого этапа развития, по мнению М. Кастельса, определила новая культура, уходящая своими корнями в социальные движения 1960-70-х годов. Основной ее особенностью стал этос свободы, предопределившей впоследствии расцвет индивидуализма и экономической дерегуляции, приватизации и либерализации (стихии глобального свободного рынка). Столь радикально изменившие сегодняшний мир технологические инновации были разработаны в относительно малочисленной креативной среде образованного класса, где соединились предпринимательская энергия, страсть к открытиям и одновременно протест субординации и корпоративному истеблишменту, организованной социальной деятельности и государственной бюрократии[1].

Это наблюдаемое явление новой элиты самим фактом своих специфических признаков располагает, как представляется, к аналогии с аристократией. Порожденная античностью идея аристократии задала ряд известных теоретических и практических принципов, прежде всего, представление о природном превосходстве одних людей над другими и их заслуженном, деятельном превосходстве. Высшая специфика аристократии происхождения проявилась в идее «гуманности», т.е. в убеждении в совершенстве природы человека как требовании развития всех сил, которыми наделила его природа, и вере в благородство человеческой природы вообще, в совершенствуемость всякого существа, носящего человеческий облик. Отсюда последовало признание индивидуальности нравственным фактором, когда наряду с общечеловеческим идеалом добра - honestum, был поставлен идеал личный – decorum (то, что мне специально подходит). Культ индивидуальности, в свою очередь, потребовал выделения избранного меньшинства выдающихся личностей, которые деятельны и трудятся с напряжением всех сил на пользу друзей, родины, человечества; они должны обладать глубокой, благородной натурой и потому быть добрыми и с рабом, и обычным человеком.

Отождествить новую элиту с аристократией происхождения – значит допустить, что она сопоставима с представленными выше индексами избранности и превосходства, значит

измерять ее тем, что в наше время ей менее всего свойственно. Однако от возможности этого сопоставления и сравнения зависит понимание того, что классовое деление, вековое неравенство и мысль о превосходстве избранных не исчезли, а лишь утверждают себя по-новому. В современную эпоху расцвет традиции интеллектуального труда свидетельствует о процессе глубокой структурной дифференциации в зависимости от меритократического принципа, благодаря чему, на наш взгляд, обретает значимость идея аристократии.

Новая элита, которую образует тот слой людей творческих профессий, что составляют верхушку среднего класса, можно рассматривать в качестве аристократии таланта, или трудовой меритократии. С определенной долей условности сегодня к этой когорте избранных можно отнести интеллектуальную рабочую силу управленцев и специалистов, вовлеченных в важные секторы высокотехнологичной и креативной экономики, в индустрию знания и культуры. Успеха здесь добиваются те, кто способен придать идее осязаемую потребительскую ценность, кто умеет невещественное сделать востребованной на рынке вещью, иначе говоря, благополучно соединить творческое воображение с бизнесом. Отсюда высокий уровень дохода, растущая обособленность и утрата какого-либо участливого отношения к заботам обычных людей. Отсюда известный оттенок превосходства и высокомерия, которым сопровождается взгляд на тех, кто не принадлежит ни к классу наемных рабочих, ни к классу богатой элиты – так называемому мелкобуржуазному слою (техники, инженеры, врачи, юристы, преподаватели, военные, государственная бюрократия и т.п.). Парадоксально, но аристократия таланта с ее атрибутивным свойством индивидуальной свободы действий и высокой структуральной позицией значима только тем, что служит «инструментом и материалом» для результативных усилий власти в достижения политических и экономических целей.

С другой стороны, культурная идеология новой элиты выстраивается на ценностях, сопряженных с чисто материальными сторонами жизни, а свое социальное положение креативный класс оценивает по главному признаку буржуазного общества – богатство, деньги, материальное обладание. В этом смысле умение и знание того как конвертировать собственные высокие социальные позиции, способности и талант в материальный эквивалент, воспроизводит иной образ сословной модели – аристократию богатства. Если буржуазное общество и не признает аристократии в ее сословном выражении, тем не менее, меритократические тенденции сохраняет, хотя и сводит их к узко материальным сферам. Так или иначе, новая аристократия богатства свободно признала буржуазный критерий понимания общества по принципу обладания и сориентировалась на выгодное вложение индексов своего превосходства в материальные блага. Таким образом, аристократический титул новой элиты несет в себе черты гибридной культуры, так как слагается из смешения двух элитарных типов – аристократии таланта и аристократии богатства, становясь статусным выражением высокого материального благосостояния, заслуженного творческой созидательной активностью.

Однако обретенная социальная позиция не может обеспечить новой элите долгосрочной стабильности. Даже если удалось существенно превзойти низовые уровни среднего класса на шкале неравенства, то сократить дистанцию между элитарным «верхом» остается для тотального большинства недостижимой мечтой, если таковая имеется. Как показывает практика, проблема заключается не только и не столько в достижимости статусной высоты, благодаря знанию и приобретенному богатству, сколько в способности и возможностях поддерживать достигнутый уровень. В наше время наблюдается негласный отход от модели демократизации образования/благосостояния и в дальнейшем, по всей очевидности, будут обеспечиваться потребности значительно более узких групп людей (например, профессионалов, работающих в весьма ограниченных приоритетных отраслях экономико-техно-научной деятельности). При этом фильтрация и разочарование неизбежно постигнет тех, кто не будет обладать потенциалом, позволяющим, как в предшествующие времена экономического роста, создавать, преумножать, или удерживать ранее достигнутый высокий уровень благополучия. Сами по себе такие условия (исторической или

индивидуальной конкретики) лишь закрепят на неопределенный срок очередную дифференциацию в структуре неравенств.

В этом смысле структурное положение «новых аристократов» напоминает то, что В. Тэрнер называл лиминальностью, или переходом, пороговой ситуацией: «Лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то, ни сё; они – в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом»[2]. К тому же хорошо известно, что parvenu редко включают в высшие круги, именуемых истеблишментом (наследуемый титул и состояние через несколько поколений, или «старая элита»). Если сравнить этот статусный пик с другим полюсом социальной иерархии – низами, для которых также важны родственные, поколенные связи, традиционные регламентации, нормы, рекомендации, услуги, то можно увидеть, как на этих двух противостоящих социальных уровнях просматривается работающая часть культуры консерватизма: сохранение вневременных и долгий по времени отбор нарождающихся ценностей. А там, где есть непрерывная преемственность, не остается места для неожиданностей и резких переворотов. Иначе ориентирована гибридная культура «новой аристократии», в которой доминирует страсть свободного поиска, азарт самовозвышения, соперничество в креативности, импровизация, подвижность, легкое принятие элементов чужеродных культур, привкус эскапистской направленности, внутреннее отождествление с альтернативной реальностью, и потому она наиболее втянута в зоны риска. Отсюда масса общих ментальных и поведенческих несоответствий и несообразностей (вплоть до радикальных – протестов, бунта, террора, маргинальности).

Итак, рассматривая статусные перспективы «новой аристократии», ищущей себе место в высших кругах буржуазной элиты, мы нашли возможное объяснение другого факта, который в свое время был отмечен Н.Бердяевым: разрушение исторической иерархии и исторической аристократии не означает уничтожения всякой иерархии и всякой аристократии; образуется новая иерархия и новая аристократия. Однако в демократический век, и в этом русский философ был, бесспорно, прав, основы аристократической идеи затуманились, и аристократические симпатии рассматриваются лишь как проявление классовых инстинктов, или как эстетизм[3]. Тогда закономерен вопрос: каковы же те основы, о которых не вспоминает (или не знает) «новая аристократия»? В своей «Философия неравенства» Н.Бердяев, в сущности, расставил в этом вопросе все точки над «и», утверждая, что «аристократия не есть сословие или класс, аристократия есть некоторое духовное начало, по природе своей неистребимое, и оно действует в мире в разных формах и образованиях»[3]. Его аргументы в возможность только природного, прирожденного аристократизма, аристократизма от Бога оказываются еще более убедительными, когда вопреки упрощенным представлениям о значении крови, наследственности, он говорит о том, что аристократия есть порода, имеющая онтологическую основу, что она обладает собственными, незаимствованными чертами. Полное исчезновение этих черт может стать понижением человеческой расы, «безраздельным торжеством parvenu, смертью древнего благородства в человечестве». А потому невозможно всякое желание «выйти в аристократию», «возвыситься до аристократии» из состояния низшего («все плебеи хотели бы попасть в аристократию). «Возможен лишь природный, прирожденный аристократизм, аристократизм от Бога»[3]. Для культурной работы, для всякой государственной и общественной деятельности возможен только качественный отбор, ценз воспитания, образования, ума, длительный подбор благородных черт характера, поскольку «аристократическая власть, власть лучших и благороднейших». И далее, Н. Бердяев определяет миссию истинной аристократии: ее путь – не столько восходить к еще не достигнутым высшим состояниям, сколько нисходить к состояниям низшим; ее свойство – щедрость, а не жадность; ее добродетель – дарящая, а не отнимающая; ее призвание не притязание, а служение – служить другим, служить человеку, отечеству и миру. Аристократ тот, кому больше дано (таланта, знания, культуры, богатства), кто может уделить от своего избытка, и в этом вечная ценность аристократического начала.

Если это верно, тогда можно предположить, что нашему обществу, в котором политический курс является результатом демократических выборов (пафос равенства), трудно избежать того, что программы перераспределения общественных благ будут несправедливыми. Современная публика не питает иллюзий на этот счет, иначе как объяснить существование индекса «черта бедности». Извечная проблема богатых в том, что они не думают о других, наживаются на других. Бедных считают простаками; они для них – пустое место, поскольку не имеют ни сил, ни власти. Сегодня сохраняется опасность серьезного социального конфликта между такого рода группами. Есть мнение, что альтернатива может состоять в формировании новой экономической культуры, во многом преодолевающей ценности общества массового потребления[1]. Скорее всего, это не принесет ожидаемого успеха, если из благородного человеческого сердца вытравлена мечта о господстве и управлении лучших, или аристократическая идея – единственная достойная человека утопия, как сказал бы Н. Бердяев[3].

Список использованной литературы и источников:

1. *Кастельс М., Караса Ж., Кардоу Г.* Культуры экономического кризиса: Введение // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. М., 2013. №3. С.25-31.

2. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. - 277с.

3. *Бердяев Н.* Философия неравенства. М.: АСТ: АСТ МОСКВА-ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 349с.

УДК 316

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

З.А. ШУКШИНА

Шукшина Зинаида Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом Сибирского Института Управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail:prepod-socium@siu.ranepa.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности современного этапа формирования системы непрерывного образования взрослых как фактора сглаживания социального неравенства в обществе, акцентируется внимание на процессах массовизации высшего образования и проблемах его доступности. Автор обращает внимание на социальные аспекты управления образовательной системой в России, его влияние на социальную стратификацию в современных условиях.

Ключевые слова: социальное неравенство, непрерывное обучение взрослых человеческий потенциал, виртуальный университет, доступность образования.

THE DEVELOPMENT OF LIFELONG EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA AS A FACTOR OF OVERCOMING SOCIAL INEQUALITY

Z.A. Shukshina

Abstract. The author describes the peculiarities of the present stage development of the lifelong educational system of adult learners as a factor evening out social inequality in the society,

focuses on the fact, that higher education has acquired mass character nowadays and it has become very accessible. The article draws attention to the current state of management of the educational system in Russia and its influence on social stratification in modern conditions.

Key words: social inequality, lifelong adult education, human potential, virtual university, education accessibility.

Современная социальная стратификация (структурированное социальное неравенство) определяется как «условия, при которых социальные группы имеют неравный доступ к таким социокультурным благам, как деньги, власть, престиж, образование, информация, профессиональная карьера, самореализация»[1]. Возникшие еще в эпоху древнейших цивилизаций, в современном информационном обществе эти категории социального неравенства приобретают все болеее многооаспектный характер. Среди причин социального расслоения и неравного доступа к социокультурным благам К. Маркс, Э. Дюркгейм, П. Сорокин в качестве основных назвали различия в видах деятельности и качестве труда, способностях людей, их социальных статусах.

В настоящее время в связи с массовизацией социально-экономических процессов в мире, глобализацией экономики, противоречивостью развития информационного общества возрастают, с одной стороны, возможности людей прорываться в более высокие социальные страты. С другой стороны, современный человек сталкивается в глобальном мире с усугубляющимся социальным неравенством во всех сферах жизнедеятельности, что, на фоне набирающего обороты консьюмеризма, обостряет борьбу за различного рода ресурсы, в том числе, образовательные. В связи с этим самое пристальное внимание общества обращено к институту высшего образования как наиболее доступному, демократичному механизму социального выравнивания. Недаром около 70% выпускников школ России стремятся получить высшее образование. Социальная реальность такова: представители различных слоев населения стараются изыскать экономические возможности для обучения как выпускников школ, так и более взрослых людей по программам высшего профессионального образования.

Такая массовизация порождает неоднозначное отношение общества к самому институту высшего образования: с одной стороны, происходит девальвация ценности диплома о высшем образовании, с другой - общество не готово предоставить такое количество привлекательных рабочих мест, на которые претендуют люди с дипломами о высшем образовании. К тому же вышеназванные тенденции совпали с почти безграничными возможностями информационного общества, позволяющими получить образование как по традиционным формам, так и в режиме дистанционного обучения. Мало того: современное общество испытывает все возрастающую потребность в образовании и развитии глобальных образовательных систем, обеспечивающих непрерывность образовательного процесса. Так человек, получивший высшее образование два-три десятилетия назад, мог в дальнейшем не беспокоиться о рабочем месте, наращивать профессионализм по полученной специальности вплоть до выхода на пенсию, - потребность же современного социума в непрерывном обновлении, диверсификации знаний уже однажды обученного субъекта чрезвычайно высока. Вполне возможно, что в этой потребности заложен мощный механизм мотивация к преодолению социального неравенства в обществе. Такой уровень мобильности в сфере образования в стратегической перспективе могла бы обеспечить система непрерывного обучения взрослых.

Осмысление феномена обучения взрослых международным сообществом началось еще в 50-ых годах XX века: в 1949г. этой теме была посвящена специальная конференция ЮНЕСКО (Дания). Дальнейшее развитие эта тема получила на конференциях Юнеско в Монреале (1960г.), Токио (1972г.), Париже (1985г.), Гамбурге (1997г.).

В материалах Гамбургской конференции (1997г.) отмечается, что процесс обучения становится главенствующим на рабочем месте, дома, в различных сообществах: режим жизнедеятельности современного человека, вовлеченного в непрерывное обучение, отвечает

запросам социума на наиболее полное использование человеческих ресурсов на всех этапах жизнедеятельности человека.

Непрерывное обучение рассматривается современным человеком не только как фактор профессиональной мобильности, возможность претендовать на привлекательное рабочее место, но и как претензия на определенное качество жизни[2].

Вместе с тем потребности общества в умелом субъекте, способном функционировать в режиме непрерывного обучения, вступают в противоречие с реальным положением дел в сфере высшего образования в России. Например, исследования показывают: около половины опрошенных студентов считают, что в настоящее время наличие высшего образования не является гарантией успеха, и не соотносят получение образования с жизненными достижениями, и/или не имеют четких представлений о том, как тот или иной уровень образования может быть конвертирован на рынке труда[3]. Вышеназванные аспекты имеют прямое отношение к теме социального неравенства, так как возникает целый комплекс проблем, связанных с доступностью инновационных форм образования для различных категорий взрослого населения: мигрантов, беженцев, людей с ограниченными возможностями, заключенных тюрем, жителей сельской местности, окраин, иных категорий населения[4].

Вместе с тем расширению возможностей обучения взрослых как одному из путей преодоления социального неравенства также способствуют:

- диверсификация образовательной сферы за счет корпоративных университетов, дистанционного обучения;
- взаимопроникновение классических форм и видов обучения и инновационных;
- развитие рынка коммерческих образовательных услуг;
- развитие транснациональных организаций, занимающихся обучением (ярким примером в этой сфере - ЮНЕСКО).

Наиболее рациональной и продуманной системой управления непрерывным обучением представляется система управления обучением взрослых Франции: она начинается со службы «Информации и ориентации населения в сфере образовательных услуг» (СИОНО)[5]. СИОНО в управлении непрерывным обучением решает основные задачи: 1) информирование населения об имеющихся образовательных услугах, потребностях экономики в кадрах с определенной подготовкой; 2) выявление образовательных потребностей людей и отслеживанию тенденций их развития; 3) сбор информации производственной, образовательной, государственно-общественной сфер об образовательных потребностях населения; 4) разработка научно-методических рекомендаций по организации тех или иных форм обучения взрослых; 5) взаимодействие по отлаженным каналам связи с заказчиками образовательных услуг, вузами, потенциальными и реальными потребителями.

Целью деятельности СИОНО является организация взаимодействия информационных потоков между основными субъектами социально-экономической жизни: индивидом, сферой производства, государственно-общественной сферой, сферой образовательных услуг, что, в конечном счете, способствует сглаживанию некоторых аспектов социального неравенства. В России в настоящее время подобные централизованные системы управления непрерывным образованием еще не созданы.

В условиях усиливающейся глобализации, стремительном развитии информационно-коммуникативных технологий, диверсификации и интернационализации образования появились виртуальные университеты. Российские формы обучения взрослых в этом плане коррелируют с западными достаточно уверенно; наглядный пример тому - Британский открытый университет, созданный в 1969г. Открытый университет, цель создания, которого - предоставление качественного образования людям, желающим учиться в удобном для них месте и в удобное время. Сейчас The Open University - мега-университет, в котором одновременно обучаются 200 тысяч студентов из 44 стран мира (Россия в их числе). С 1992г. в России стратегическим партнером в сфере обучения взрослых стал Международный институт менеджмента, партнер Открытого Британского университета, создавший

международную образовательную структуру ЛИНК (Learning international Network) - организацию сетевого типа, предоставляющую услуги в области бизнес-образования международного уровня. Динамику развития образовательной деятельности ЛИНК характеризует следующая статистика:

- 90 учебных центров в России и 7 государствах ближнего зарубежья;
- 55 тысяч руководителей и специалистов прошли переподготовку;
- 30 тысяч пользователей системы дистанционного бизнес-образования;
- партнерство в области образования с крупнейшими корпорациями России: КАМАЗ, ЛУКОЙЛ, ММК, Норильский никель, РАО ЕЭС, Росстрах, Роснефть, Спорт-мастер и др.

Функционирование такого рода учебных заведений помимо ликвидации всевозможных социальных ограничений (география, национальность, возраст и др.) достигает следующих целей:

1) удовлетворение потребностей населения в интеллектуальном и профессиональном развитии;

2) формирование единого коммуникационного и обучающего пространства, развитие системы сотрудничества;

3) формирование открытого рынка образовательных услуг;

4) развитие тьюторско-преподавательского корпуса;

5) создание единой сети учебных центров[6].

В настоящее время в России просматриваются определенные тенденции в сфере обучения взрослых. Из них наиболее перспективными представляются:

- обретение вузами России большей самостоятельности в вопросе организации обучения взрослых;
- обновление содержания профессиональной подготовки студентов-взрослых;
- появление новых форм обучения (ДО-технологии, корпоративные формы обучения взрослых, виртуальные университеты и др.);
- внедрение в процесс обучения информационных технологий, сближающих требования практической деятельности с теорией;
- осознание вузами региона потребности в едином образовательном пространстве для обучающихся взрослых.

Среди негативных тенденций аналитиками отмечаются:

- коммерциализация высшего образования, приводящая к ухудшению качества обучения, усугубляющая социальное неравенство;
- ослабление входного контроля при поступлении в вузы: хлынувшая серость, пестрая картина культурных характеристик студентов ведет к тому, что за годы учебы «котел» обучения не в состоянии «переплавить» в однородную массу и привить всем выпускникам соответствующие нормы, ценности, эталоны поведения профессионалов и интеллектуалов;
- социальная неопределенность (усугубляющаяся в кризисные периоды);
- недостаточная инновационная готовность преподавателей высшей школы;
- необходимость совмещения учебы и работы большинством студентов;
- возросшая социальная, интеллектуальная, психологическая нагрузка на взрослого человека, отсутствие компенсаторных механизмов, минимизирующих риски.

В России в настоящее время система управления непрерывным обучением находится в стадии формирования. Основными препятствиями являются: слабая законодательная база, регламентирующая этот процесс, неопределенность стратификационных ожиданий населения, а также ограниченный доступ к информационным источникам низших слоев общества, слабая изученность мотивации как обучающихся, так и обучающих взрослых.

Список использованной литературы и источников:

1. Социология: энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин и др. – Мн.: Книжный дом, 2003.-1312с.

2. *Шукшина З.А.* Социально-партнерское взаимодействие «взрослых студентов» и преподавателей в контексте обучения. Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал.2006.№11.С.1098.

3. *Голубев И.А.* Образовательный потенциал современной студенческой молодежи // Власть.- 2015.-№11.- С.166-170.

4. *Шукшина З.А.* Некоторые особенности интеграции обучающих и обучающихся взрослых в образовательное пространство:XXI век // Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе: мат. Международной науч.-практ. конф. - Казань, 2015.- С.245-248.

5. *Змеев С.И.* Андрагогика: основы теории и технологии обучения взрослых / С. И. Змеев. - М.: ПЕР СЭ, 2003.-207 с.

6. Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы // Аналитический доклад. М.: Логос, 2005. С.437.

УДК 323.3:342

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ В ИЗМЕРЕНИИ НЕРАВЕНСТВА

А.Э. ГЕРМОНИЙ

Гермоний Ангелина Эдуардовна – магистрант 2 курса кафедры таможенного, административного и финансового права юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: germoni1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются политико-правовые аспекты проблемы социального неравенства. Рассмотрены возможные механизмы сокращения социального неравенства, а также взаимосвязь неравенства и социальной сплоченности, которые носят характер обратной взаимозависимости.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная политика, социально-политическая стабильность, налоговая политика

POLITICAL AND LEGAL ASPECT IN MEASURING INEQUALITY

A.E. Hermony

Abstract. The article deals with the political and legal aspects of the problem of social inequality. Possible mechanisms for reducing social inequality are considered, as well as the interrelationship of inequality and social cohesion, which are of the nature of inverse interdependence.

Key words: social inequality, social policy, socio-political stability, tax policy

Позитивный образ социально-экономического и политического развития стран Запада, сформировавшийся во второй половине XX в., во многом связан с усилением социальной политики, ориентацией на «социальное гражданство» и умеренную модель социального распределения доходов. Затем наступил период, когда проблема неравенства оказалась на периферии политических интересов: если она рассматривалась, то в контексте «манифестаций» бедности, которая, при наличии уже достаточно мощных институтов социальной защиты и роста благосостояния, по-прежнему остается серьезным вызовом обществу.

Важно отметить, что в развитых странах получает достаточно широкое распространение точка зрения о том, что необходимо осуществить переход к новому типу неравенства, когда социальная дифференциация осуществляется посредством индивидуальных талантов и усилий. Можно сказать, что это неравенство позитивного и справедливого типа, если оно не разделяет людей, а способствует формированию потенциала роста и социальной консолидации.

И действительно, труд и знания стали в условиях постиндустриального общества и информационной экономики важными факторами карьерного роста,

продвижения вверх по социальной лестнице. Но, несмотря на эти изменения, тип неравенства, основанный на материальном богатстве, особенно полученном через институт наследования, по-прежнему сохраняет доминирующие позиции и является базисом социального воспроизводства.

В последние десятилетия происходит переформатирование общемировой модели неравенства между различными группами стран. Вновь набирает силу тенденция

концентрации богатства: финансовый капитал усилил свое влияние на реальную экономику, непрерывно перераспределяя доходы между секторами экономики, территориями, социальными группами.

Снижение доходов значительной части населения оказывает негативное воздействие на важный фактор роста – сокращает спрос и потребление. Таким образом, под вопросом оказываются достижения европейской социальной модели, которая в предшествующий период привела к значительному сокращению бедности, способствовала социальному росту и социальной сплоченности.

Следствие такой политики – увеличение доли граждан, которые испытывают падение жизненного уровня, так как не справляются с финансированием базовых расходов и потребления, в частности, не могут оплачивать ренту, счета по ипотеке и коммунальные услуги, нести непредвиденные расходы, регулярно употреблять мясо и выезжать в отпуск.

Опасность данных процессов состоит в том, что высокие уровни неравенства определяют существенные различия в социальных возможностях, что создает постоянный и глубокий конфликт социальных интересов, который проецируется на политический уровень. Как отмечают специалисты Всемирного банка, высокий уровень неравенства угрожает политической стабильности: так как все больше людей не удовлетворены своим экономическим положением, серьезно осложняется достижение социально-политического консенсуса.

В свою очередь, политическая нестабильность повышает риски, связанные с инвестиционными решениями, что значительно подрывает потенциал роста.

В данных условиях политика, направленная на укрепление социально-политической стабильности через интеграцию социальных интересов таким образом, чтобы общество «выходило» на сценарий максимально достижимого роста благосостояния (при данных ресурсных ограничениях), не достигает своих целей.

Ключевой задачей социальной политики выступает обеспечение динамического социального равновесия, ориентированного на развитие общества, укрепление его устойчивости и сплоченности. Рост неравенства – это, как правило, свидетельство недостаточности социальной политики. Власть должна учитывать это и предпринимать адекватные действия для корректировки возникшей структурной (а высокий уровень неравенства – это серьезная структурная проблема) несоразмерности. Ввиду потенциально высокой конфликтности проблемы распределения, это правило соблюдается далеко не всегда, хотя степень конфликтности во многом зависит от успешности социально-экономического развития.

По большому счету, современное развитое общество построено таким образом, что рыночный механизм, непрерывно порождающий и воспроизводящий социальные проблемы и в силу своей природы игнорирующий их, должен эффективно уравновешиваться политическими решениями. В развитии стран Запада были периоды, когда удавалось сформировать такую модель.

Фундаментальные причины смены тенденций в динамике социального неравенства – в изменениях, которые произошли в экономическом развитии, конкретно – в соотношении темпов роста производительности труда, прибыли и дохода. Согласно обоснованной интерпретации логики этого процесса, данной французским экономистом Т. Пикетти, с увеличением нормы прибыли происходит трансформация социальной модели, а неравенства приобретают более спорный и неприемлемый характер, так как наследованное богатство растет быстрее, чем производительность и доход. Отсюда неизбежно, что оно будет доминировать над доходом, сформированным за счет трудовой деятельности, в результате чего концентрация капитала увеличивается до уровней, несовместимых с ценностями меритократии и принципами социальной справедливости, которые фундаментальны для современных демократических обществ.

Вместе с тем характер политики распределения во многом определяется доминирующими представлениями о справедливости и о допустимом уровне социального

неравенства. В различных обществах может устанавливаться разное отношение к одному и тому же уровню социальной дифференциации доходов.

При этом многое зависит от того, как в обществе относятся к происхождению богатства и доходов – через добродетель, усилия и способности или через удачу, связи и коррупцию. Данный вопрос имеет принципиальное значение, ибо обусловливает различие мотиваций к продуктивной деятельности и трактовок справедливости со всеми вытекающими из этого последствиями для социально-экономического и политического развития. Необходимо также учитывать стремление влиятельных экономических и политических групп к максимизации собственных позиций и их нацеленность на получение контроля над механизмами распределения доходов, что часто вступает в противоречие с общественными интересами. В результате распределение носит несбалансированный характер, что негативно сказывается на социально-экономических факторах роста благосостояния и социальной сплоченности.

Между тем, согласно либеральному подходу, который доминирует в современной политике, активность государства в социально-экономической сфере создает больше проблем, чем решает. Исходя из этого, действующими в либеральной парадигме политиками была поставлена задача – снять с государства многие социальные обязательства, ограничив его роль задачами регулирования денежного предложения, подавления инфляции, оптимизации бюджета. Оказалась фактически пересмотрена прежняя концепция гражданства, ориентированная на выравнивание социальных прав и социальных возможностей. На смену «социальному гражданству» пришла концепция «индивидуальной ответственности»; значительное усиление неравенства во многом является следствием этого подхода.

Рост неравенства связан также с влиянием внешних факторов на развитие общества, которое столкнулось с необходимостью глубокой трансформации институтов социального благосостояния. Однако во многих странах ЕС власти, судя по всему, и не предполагали осуществлять ее на принципах социальной справедливости. Правительства оказались в сложной ситуации, когда провести глубокие реформы сферы благосостояния, отвечающие интересам большинства, они не могут, и любые действия в этом направлении неизбежно

ведут к ухудшению положения значительной части граждан. Здесь, во-первых, необходимо учитывать, что страны, в которых в свое время сформировались «эталонные» модели благосостояния-потребления, в современных условиях постоянного роста международной конкуренции не могут позволить себе поддерживать сложившийся характер государства благосостояния, связанный с инерцией значительных социальных расходов (равно как и суммарных бюджетных расходов).

Во-вторых, общество отнюдь не избавилось от структурных социальных проблем (таких как бедность и безработица), которые серьезно обременяют развитие. Оборотной стороной формального снижения уровня бедности во многих развитых странах стало то, что с начала 2000-х годов сформировалась и усиливалась тенденция к росту социального неравенства.

В-третьих, значительная часть общества в странах Запада, судя по результатам социологических исследований, выступает в поддержку государства благосостояния, считая, что оно является фактором, противодействующим росту социальной несправедливости, и не может принять реформы, которые нацелены на снижение уровня социальных гарантий.

Формально политическое регулирование должно корректировать естественную несправедливость рыночного механизма и первичного (основного) распределения, способствовать обеспечению устойчивого социального равновесия и сплоченности, расширению политических и социальных прав граждан. Но сейчас с этими функциями оно в должной мере не справляется. Не удивительно, что в обществе быстро распространяется чувство несправедливости.

Ответственная политика должна носить социально компромиссный, согласительный и сбалансированный характер и быть нацелена на повышение социально-политической устойчивости общества. А этого нельзя добиться без «примирения крайностей», формирования умеренной модели социального неравенства. В конечном счете, именно

подобная модель способна предоставить каждому человеку право на достойную жизнь, а в результате способствовать росту человеческого капитала.

Несмотря на противоречивость общей картины, есть достаточно оснований для вывода: вопрос о социальном выравнивании, который на протяжении предшествующих десятилетий занимал в странах Запада существенное место в политических декларациях и реальной политике, в последние годы вновь становится политически актуальным. Существенно острее он стоит в странах с более выраженной политикой неолиберального типа.

Ключевой его аспект состоит в том, что процесс накопления богатства в рамках современной мировой политико-экономической системы объективно задан мощными силами, которые толкают к чрезмерно высокому уровню неравенства. И эта логика доминирует, несмотря на то, что громадное неравенство в уровне богатства имеет мало общего с предпринимательским духом и не может способствовать росту.

Однако посредством каких механизмов возможно сокращение социального неравенства? Ключевым из них выступает налоговая политика: эффективное применение прогрессивной шкалы налогообложения и усиление санкций в случаях ухода от налогов. С бедностью можно достаточно эффективно бороться через создание квалифицированных рабочих мест, а значит, формировать и осуществлять программу развития, прежде всего ориентированную на приоритетное и быстрое развитие технологически передовых отраслей.

В качестве решения проблемы Т. Пикетти обосновывает необходимость прогрессивного налога на капитал (до 5-10% на состояния в размере от нескольких сотен миллионов евро) и осуществления координированной международной политики в этой сфере. По его мнению, такая мера могла бы стать эффективным средством регулирования процесса накопления, в том числе на глобальном уровне, а значит, и средством социального выравнивания.

Несомненно, такая политика в известном смысле способна сдержать рост глобального неравенства. Но ее осуществление сопряжено с большими трудностями. Во-первых, установление подобного налога требует высокого уровня международного сотрудничества, но далеко не все страны (даже в ЕС), судя по всему, готовы к активной и последовательной деятельности в указанном направлении. Во-вторых, вызывает сомнение, что одна лишь данная мера способна принципиально изменить тенденцию в области социального неравенства – эта проблема требует комплексного подхода с использованием

различных инструментов экономической и социальной политики.

Необходимо также учитывать взаимосвязь неравенства и социальной сплоченности, которые носят характер обратной взаимозависимости. В этом смысле проблема регулирования неравенства должна была бы находиться в центре социальной политики, ибо тенденция роста неравенства в той, или иной степени постоянно ставит в политическую повестку дня и в развитых, и в развивающихся странах вопросы справедливости и легитимности доходов и собственности. При чрезмерном (избыточном) неравенстве вопрос о легитимности подобной модели распределения в политическом плане становится острее, так как, как правило, значительная часть общества ее отрицает. В свою очередь это негативно отражается на состоянии социальной сплоченности, которая страдает по мере роста неравенства. Таким образом, чрезмерные доходы и потребление могут создавать серьезные социально-политические риски для общества. Ибо в условиях неравенства в доходах, выходящего за допустимые пределы, чувство социальной несправедливости у большинства граждан обостряется, что объективно формирует и усиливает социальную конфликтность. Тем самым не только власти различного уровня, но и высшие социально-профессиональные группы несут ответственность за несоразмерный характер распределения и недостаточный уровень социальной сплоченности и могут оказаться в ситуации утраты легитимности.

Модель развития, при которой успех богатых способствовал бы успеху малообеспеченных социальных групп, декларируемая сторонниками либеральной социально-экономической политики, особенно в России, весьма привлекательна, но она традиционно приводит к прямо противоположным результатам. Пока такую модель не удавалось создать

нигде и никогда, ее не было и в период «золотого века». Представляется, что ее реализация в принципе невозможна, если социальная политика не нацелена на движение в сторону соразмерности распределения на макросоциальном уровне: рост доли доходов малообеспеченных групп при ее соответствующем снижении у высоко обеспеченных категорий граждан. Это было бы равнозначно социальному перевороту, изменению некоторых сторон человеческой природы, для чего необходима, прежде всего, новая мораль, которая бы отрицала ценности, связанные с безудержным ростом материального богатства, доминирующим в высших социальных группах. Признаки такого переосмысления на уровне большой политики пока отсутствуют в большинстве стран на Западе и на Востоке. Новая мощная волна несоразмерного роста доходов и усиления неравенства, захватившая значительную часть современного мира, продолжается уже достаточно длительное время, и остановить ее никак не удается. Да и соотношение политических сил, с одной стороны, поддерживающих такое развитие, а с другой – критикующих его и предлагающих альтернативы, пока явно не в пользу последних. Но рано или поздно разворот тенденции должен наступить, иначе современная цивилизация обречена на дальнейший рост конфликтности, который подрывает основы прогресса.

К сожалению, Россия во многом использует принципы регулирования социального развития, которые доминируют в международной политической практике в последние десятилетия. Более того, по уровню социальных расходов Россия отстает от многих стран. Они далеко не чрезмерны, как это доказывают представители либерального блока, и на самом деле составляют только 3/4 среднего показателя по странам ОЭСР.

Кроме того, пропорциональная система налогообложения по сути является фактором, который поддерживает нынешний характер социальной дифференциации доходов.

Появляется запрос на формирование новой модели социального развития, выработки и реализации социально-экономической политики, способной обеспечить развитие на базе сочетания эффективности, справедливости, выравнивания социальных возможностей и сплоченности общества. Тем самым актуализируется вопрос о сближении власти и общества, когда власть действует как социально и политически ответственный институт, отражающий интересы большинства граждан и инициирующий такие политические решения и действия, касающиеся социально-экономического развития, которые общество активно принимает и поддерживает.

Достижение общественно-политического согласия в России по данным вопросам имеет важнейшее значение и может открыть возможности для устойчивой и долговременной социальной консолидации, решения стратегических проблем развития страны и устойчивого роста благосостояния граждан.

УДК 316.334.52

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Н.М. ГОРБУНОВ

Горбунов Николай Михайлович, магистрант, кафедры журналистики Тольяттинского государственного университета.

E-mail: nickgorbunov@rambler.ru

Аннотация: Изложены теоретико-методологические аспекты исследования региональной идентичности. Показаны основные субъекты формирования региональной идентичности, и анализ основных экономических, политико-правовых, историко-культурных предпосылок возникновения этой идентичности.

Ключевые слова: регион, идентичность, неравенство, обществ, характер, измерение.

POLITICAL AND LEGAL MEASUREMENT OF REGIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL INEQUALITY

N.M. Gorbunov

Abstract. Theoretical and methodological aspects of the study of regional identity are outlined. The main subjects of the formation of regional identity are shown, and the analysis of the main economic, political, legal, historical and cultural preconditions for the emergence of this identity.

Key words: region, identity, inequality, societies, character, dimension.

Очевидно, что одним из базовых понятий проблемно-теоретического поля региональной идентичности является само понятие «идентичность». В общем виде идентичность определяется как «тождественность, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь; характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо группе, общности».

Раскрытие сути каждого из этих понятий, изучение связей и взаимоотношений между ними позволяют построить теоретическую модель региона, выявить параметры идентификации государства[1] в рамках того или иного региона или регионального образования.

При рассмотрении содержания и характерных особенностей региональной идентичности используется обширный понятийно-категориальный аппарат, связанный с данной проблемой. Ученые оперируют такими терминами и понятиями, как регион, трансграничный регион, регионализация, индентификация, межгосударственная идентичность и т.д.

В литературе по социально-гуманитарным наукам встречается довольно много определений данного термина, поскольку идентичность и близкие к ней понятия являются объектами исследования политологии, антропологии, этнологии, экономики, философии, психологии и других наук[2]. В рамках каждой из перечисленных выше наук ученые стремятся понять принципы существования идентичности и объяснить ее суть.

Так, известный специалист в области изучение геополитической и региональной идентичности З.А. Жаде полагает, что идентичность, это «самотождественность человека или группы с определенным политическим и социокультурным сообществом; интегрированность человека и общества, их способность к осознанию самотождественности и ответу на вопрос: «Кто я такой?».

Наиболее содержательным является определение, предложенное исследователями М. Х. Фарукшиным и О.И. Зазнаевым, которые понимают под идентичностью «осознание человеком собственного Я, собственной самобытности, а также своей принадлежности к определенной социальной группе, отождествление с некоторыми социальными общностями».

Идентичность имеет многоуровневый характер. Как правило, современные исследователи данного феномена выделяют три уровня идентичности:

- на личностном (микросоциальном) уровне человек идентифицирует себя с наиболее значимыми в его жизни людьми (семьей, друзьями, коллегами и т.д.);
- на социальном уровне человек идентифицирует себя с определенными социальными группами (профессиональными, возрастными, гендерными и т.д.);
- на макросоциальном уровне человек идентифицирует себя с наиболее широкими категориями, такими как нация, этнос, религия, культура, политическое образование и т.д.

Необходимо добавить, что также на макросоциальном уровне индивид может идентифицировать себя и с крупной социальной общностью – регионом. Например, гражданин Российской Федерации может идентифицировать себя со своей областью (малая

Родина), со страной (большая Родина), с регионом европейской части России, наконец, со всей Россией.

В этой связи необходимо отметить, что регионы в мире, и в России в том числе, становятся важной частью социального процесса, и различные национальные, наднациональные и глобальные силы вынуждены с этим считаться.

Для понимания сущности феномена идентичности недостаточно учитывать только факт принадлежности индивидуума к той или иной общности. По мнению М.Х. Факрушина и О.И. Зазнаева, «понятие идентичности включает в себя важный субъективный момент – осознание указанной принадлежности самим человеком (самоиндетицикация)».

Под самоидентификацией понимается процесс выбора человеком той или иной индентичности, а также процесс формирования данной идентичности.

К примеру, в отождествлении индивидом себя с определенным этносом (этнической общностью), наличии у него чувства принадлежности по определенным признакам к этой общности проявляется этническая самоидентификация, которая подразумевает осознание человеком специфичности прочих этнических образований (реализация принципа «мы» - «они»).

Человек при этом может не считаться со своей этнической принадлежностью, однако его идентичность с некоторой этнической группой все равно будет существовать, поскольку эта принадлежность признается этносом (другими людьми), относящими человека к той или иной этнической группе.

Самоидентификацию и идентичность необходимо отличать от идентификации - процесса отождествления индивида с определенным социальным слоем или группой, который заключается в усвоении присущих данной группе социальных ролей и установок, ценностей, поведенческих моделей.

Рассмотрев понятие феномена идентичности и близкие к нему понятия идентификации и самоиндентификации, можно сделать вывод о том, что идентичность - сложное многомерное понятие, наполнение которого конкретным содержанием зависит от концептуального и дисциплинарного подходов, применяемых в разных науках.

Управление процессами в региональном сообществе, а также управление процессами территориального развития национального государства требует не просто учета фактора идентичности, а идентичности региональной.

Поскольку региональная идентичность является не только управляемым, но и конструируемым процессом, понимание природы данного феномена позволяет в значительной степени осознать насущные проблемы того или иного регионального сообщества, предложить наиболее эффективное их решение, а также успешно урегулировать возникающие в отдельно взятом региональном образовании кризисы и конфликты, что зачастую не представляется возможными на государственном или международном уровнях.

Анализ научной литературы, посвященной проблематике региональной идентичности, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время взгляды как отечественных, так и зарубежных специалистов на обозначенную проблему существенно разнятся.

Одни исследователи исходят из того, что региональная идентичность представляет собой самоотношение индивида к той или иной территории на основе некоторых признаков. Например, житель России может соотносить себя с субъектом Российской Федерации (Самарской областью), группой субъектов (Приволжским федеральным округом) или отдельной частью субъекта (городом Тольятти).

Другие исследователи отождествляют региональную и национальную идентичность, в противоположность идентичности цивилизационной (русской, французской, испанской, американской и т.п.).

Третьими исследователями региональная идентичность рассматривается как некая сумма общих черт национальных идентичностей, носители которых проживают на некоторой территории.

Сопоставление мнений специалистов, занимающихся проблемами региональной идентичности, позволяет сделать вывод о том, что определение этого феномена в значительной мере зависит от того, какое значение исследователи вкладывают в термины «регион» и «региональный».

С точки зрения российских исследователей В.В. Фокиной и Ю.В. Косова, под термином «регион» следует понимать относительно самостоятельную систему, охватывающую одну или несколько областей (провинций, земель, субъектов федерации и т.д.) одного или нескольких соседних государств, сохраняющих собственную независимость, характеризующихся при этом общей географической, политической, экономической, историко-культурной и иной спецификой.

Таким образом, исследование региональной идентичности подразумевает, с одной стороны, изучение основных субъектов ее формирования, а с другой – изучение основных предпосылок возникновения этой идентичности (экономических, политико-правовых, историко-культурных и т.д.).

Зарубежные исследователи Роджерс Брубейк и Фредерик Купер разделили все представленные в научной литературе определения региональной идентичности на пять групп по признаку целей использования данного термина и того, что с его помощью предполагается подчеркнуть:

- идентичность как некоторое глубинное индивидуальное свойство человека;
- идентичность как специфическое коллективное явление, отражающее последовательное и фундаментальное тождество между членами одной группы или категории населения;
- идентичность как не инструментальная основа политической и социальной практики, фундамент социальной и политической активности населения;
- идентичность как специфический продукт политической и социальной активности населения, некоторое процессуальное развитие определенного вида коллективного самопонимания, делающего возможными коллективные действия;
-наконец, идентичность как случайно возникший продукт многочисленных соревнующихся между собой дискурсов.

Среди перечисленных выше групп определений региональной идентичности наиболее подходящим является понимание региональной идентичности как продукта политической и социальной активности.

В то же время региональная идентичности должна рассматриваться как основывающееся на рефлексивном чувстве личной целостности и самотождественности, непрерывности в пространстве и времени объективное состояние. В этом контексте региональную идентичность можно рассматривать как структурное образование, обладающее своим собственным содержанием, мерой стойкости и противодействием к влиянию извне.

Многие авторы отмечают, что потребность в формировании региональной идентичности в значительной степени связана с особенностями, присущими социально-культурной жизни территориальных систем.

Список использованной литературы и источников:

1. *Zhelnina, E.V.* Russia-2050: population, education, culture, production // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia [Electronic resource]: collected papers. The 3rd ISA Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» / Editor-in-Chief V.Mansurov. - electronic data - Moscow: RSS, 2016. – 378 P. 1 CD ROM; 12 sm - system requirements: Windows XP/Vista/7/10 - Title from disk label. – 2016. – С. 109–115.

2. *Мансуров Т.З.* Теоретико-методологические подходы к проблеме региональной идентичности в политической науке // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. №1.

URL: http://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-podhody-k-probleme-regionalnoy-identichnosti-v-politicheskoy-nauke (Дата обращения: 24.02.2018).

УДК 316.44

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: «КУЛЬТУРА НЕРАВЕНСТВА» И ПОЛИТИКА

А.В. КАРПОВА

Карпова Александра Владимировна, магистр юриспруденции, аспирант 4-ого года обучения юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: alesya-me477@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается конституционно-правовой механизм регулирования социального неравенства в современной России, дано авторское определение «культуре неравенства». Изложены доводы о том, что уровень «культуры неравенства» зависит от установившегося государственного режима и политической обстановки. С помощью общедиалектических методов познания, а именно: анализа и синтеза, индукции, а также статистического метода установлена тесная взаимосвязь таких общесоциальных явлений, как социальное неравенство и политика. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в процессе правотворчества.

Ключевые слова: государственный механизм, социальное неравенство, политика, дифференциация, культура неравенства.

STATE-LEGAL MECHANISM OF REGULATION OF SOCIAL INEQUALITY: «CULTURE OF INEQUALITY» AND THE POLICY

A.V. Karpova

Abstract. The article examines the constitutional-legal mechanism of regulation of social inequality in contemporary Russia, the author's definition of a «culture of inequality». The arguments are stated that the level of «culture of inequality» depends on the established state regime and political situation. The close interrelationship of such social phenomena as social inequality and politics has been established with the help of General didactic methods of cognition, namely: analysis and synthesis, induction, as well as statistical method. The applied aspect of the studied problem can be realized in the process of lawmaking.

Key words: state machinery, social inequality, politics, differentiation, culture of inequality

ВВЕДЕНИЕ

В науке права дефиниция «государственный механизм» довольно часто употребляется, когда имеется в виду некая система или прочие сложные правовые конструкции. Отдельные главы в учебниках по теории государства и права посвящены именно государственному механизму, под которым, например, А.В. Малько понимает систему государственных органов, посредством которых осуществляются задачи и функции государства[3]. В.Я. Любашиц дает следующее определение государственному механизму: механизм государства – это система разнообразных органов и учреждений, находящихся во взаимной зависимости и связи друг с другом, с помощью которых осуществляются государственная власть и управление делами общества[4].

В свою очередь, согласимся с мнением И.М. Сампиева, определившим социальное неравенство как форму дифференциации, при которой отдельные индивиды и (или)

социальные группы находятся на разных ступенях социальной иерархии и обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей[2].

Уяснение сущности и роли государственного механизма регулирования степени социального неравенства можно рассматривать в качестве генеральной линии в современных исследованиях в теории прав человека.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Считаем неверным определение степени социального неравенства только с точки зрения экономических показателей. Хотя данные показатели являют собой сверхвесомые аргументы, поскольку обладают конкретными количественными характеристиками. Так, к примеру, как вы отнесетесь к неоспоримому факту о том, что Российская Федерация по-прежнему является лидером среди других государств по имущественному неравенству. По данным на 2017 год, предоставленным институтом Credit Suisse Research, львиная доля благосостояния российского государства, а именно: 89% – находится в руках узкой прослойки населения – 10%[5].

Как бы там ни было, социальное неравенство также должно определяться и политико-правовыми аспектами. Автор не *caput in nubes* и не задается целью отыскать пути преодоления данного общесоциального явления, поскольку оно (социальное неравенство) неизбежно и любые попытки его искоренения приведут нас в *utopia.* Вот почему попробуем методами политико-правового регулирования минимизировать негативные элементы, составляющие социальное неравенство, не забывая при этом об уже сформированной самим человеческим существом социальной действительности.

В Конституции РФ насчитывается более десяти словесных единиц однокоренных к дефиниции «равенство» (см., напр., ст.-ст. 6; 8; 13; 14; 19; 32; 38; 72; 81)[1]. Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что с точки зрения Основного закона страны термин «равенство» не должно пониматься буквально: государство лишь предоставляет равные, одинаковые возможности, а вот как воспользуются и распорядятся ими его граждане – это уже другой вопрос. На первый взгляд все справедливо, *dura lex, sed lex,* но как быть с тем фактом, что на сегодняшний день ничтожно малый процент российского населения (7%) совмещает сравнительно высокий уровень образования и квалификации с соответствующим уровнем дохода? А раз так, то значит уровень официальных зарплат не соответствует трудовым затратам в тотальном большинстве случаев. Следует ли приводить более пугающую социальную статистику и обнажать другие общеизвестные последствия социального неравенства, выражающиеся в росте доли малоимущих граждан, катастрофической скорости обнищания бедных, возникновении риска все большей социальной деградации и появлении на этом фоне мультимиллионеров и миллиардеров?

Не ходя вокруг да около, рассмотрим степень воздействия на социальное развитие средоточия всего общественного благосостояния, престижа и влияния, а именно – государственной власти и смоделированной ею политической системы. При этом, мы отдаем себе отчет в том, что власть в данном случае – это не безликие «институты» и «органы», а наполняющие их люди со своими интересами, принципами и слабостями. Стремясь соблюсти в первую очередь собственные интересы, регуляторы гражданского общежития и блюстители законности вспоминают об интересах общества, как правило, только во время предвыборных кампаний. А средства массовой информации и Интернет-сообщество все чаще напоминают рядовым гражданам о том, что неплохо было бы искренне радоваться благосостоянию других, более успешных членов социума, не завидовать их успехам и, более того, брать с них пример. Вот здесь мы и подходим ближе к понятию скорее не правовому, а духовному – к культуре неравенства, к нахождению меридиана никоим образом не достижимой полностью справедливости.

В общем виде понятие «культура» многоаспектно и является предметом изучения философии, культурологии, истории, искусства, социологии, права, политологии, экономики, педагогики и т. д.

Культура неравенства – мировоззренческая категория, заключающаяся в нахождении сбалансированности существования различных по материальному достатку и положению в обществе классов, корректности их взаимодействия между собой и, если хотите, толерантности по отношению друг к другу. Отсутствие понимания данной дефиниции влечет негативные последствия для общества, так или иначе поделенного на богатых и бедных: богатые осознанно уничтожают низший слой, впадая в эйфорию от приобретения большой выгоды и богатства, а бедные принимают рабовладельческую позицию и так же осознанно деградируют и утопают в ненависти. Поэтому, очевидно, что общество – это вовсе не гомогенная структура, однако, чем сильнее его дифференциация, тем ниже культурный уровень личностей, составляющих его страты: причем как бедных, так и богатых в равной степени. Сегодняшнее непомерное социальное расслоение (которого, к слову сказать, не было даже в 1917 году) вытесняет не только культуру неравенства, но и культуру как социальное явление вообще.

Ни для кого уже не является новостью, что для ликвидации бедности в российском государстве и значительного сокращения разрыва между богатыми и бедными требуется изменение системы налогообложения физических лиц: целесообразно отменить подоходный налог для людей с доходами ниже 20 тыс. рублей в месяц, а для людей со сверхдоходами ввести прогрессивную налоговую шкалу. Что же мешает действующему правительству (а в свете прошедших выборов уже «новой» власти) принять ряд важных решений, которые столь очевидны для всех нас? Видимо, любовь к сверх высоким стандартам жизни и страх что-либо менять в действующей, такой «удобной» политической системе.

«Деньги – это сила, и редкие руководители могут справиться с этой великой силой», – так в XIX веке сказал английский государственный деятель Бенджамин Дизраэли, и с этим трудно не согласиться.

Поэтому представителям государственной власти важно осознавать, что когда власть имущий хочет сделать добро одному человеку, он неизбежно причиняет вред другому. А людям, стесненных в средствах, научиться понимать, что Россия является самодостаточной для своего достойного развития и обеспечения высокого благосостояния своего народа.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект настоящего исследования – правовое регулирование социального неравенства – синтезирован путем разделения его на две составные части: 1) отдельно рассматривается государственно-правовой механизм как регулятор соответствующих общественных отношений; 2) исследуется такое общественное явление как социальное неравенство. Посредством индукции удается определить, что на формирование «культуры неравенства» определяющим образом влияет политическая обстановка, сложившаяся в государстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результатом проведенной автором исследовательской работы является сформулированное понятие «культуры неравенства», а также его тесная связь с большинством государственных институтов, в том числе с политикой. Также даются рекомендации по применению семантики «культуры неравенства» при построении дальнейшего политического курса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, из приведенных умозаключений становится очевидным факт прямой связи проводимой государством политики в регулировании вопросов социального неравенства, а также зависимость общественного настроя и отношения людей к государству от уровня социальной дифференциации. Культура неравенства, то есть мировоззренческая категория, заключающаяся в нахождении сбалансированности существования различных по материальному достатку и положению в обществе классов, корректности их взаимодействия между собой как новый элемент толерантности, должна пропагандироваться на

государственном уровне, а также в средствах массовой информации только тогда, когда лица, осуществляющие государственную власть, продемонстрируют не свое пренебрежение к сбережению своего социального капитала – отдельной личности, а стремление к тому самому меридиану справедливости, которого, как становится ясным, вовсе не трудно, а не хочется достигать.

Список использованной литературы и источников:

1. Конституция РФ 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

2. *Сампиев И.М.* Социальное неравенство в реалиях современной России // Теория и практика общественного развития. № 10. 2012. С. 40 – 44.

3. Теория государства и права: учебник / отв. ред. А. В. Малько. – 4-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2011. – 398 с.

4. Теория государства и права: учебник / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 781 с.

5. Credit Suisse Research Institute: 89% богатств России находятся в руках узкой прослойки населения. URL: http://eurorussians.com/global-wealth-report/ (Дата обращения: 24.03.2018).

УДК316.43

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.Е. НЕМЕРЮК

Немерюк Евгения Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникаций и управления на базе администрации Энгельсского муниципального района социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: evgeniya_nemeryuk@mail.ru

Аннотация. Изложены основные направления в области социальной политики на региональном уровне. Показана специфика Саратовской области в реализации социальной политики. Установлено, что в нашем регионе наработан успешный опыт в сфере социальной защиты населения. При активном внедрении принципов адресности и нуждаемости возможно сохранение всего объема мер соцподдержки.

Ключевые слова: социальная политика, социальная структура, класс, бедность, пособия.

THE BASIC DIRECTIONS OF SOCIAL POLICY IN THE SARATOV REGION

E.E. Nemeryuk

Abstract. The main directions in the field of social policy at the regional level are outlined. The specificity of the Saratov region in the implementation of social policy is shown. It is established that in our region the successful experience in the sphere of social protection of the population is acquired. With the active implementation of the principles of targeting and need, it is possible to preserve the entire volume of social support measures.

Key words: social policy, social structure, class, poverty, benefits.

Социальная политика, как зачастую принято считать в обществе, заключается в увеличении размера социальных пособий, пенсий и зарплат. Однако следует обратить внимание на то, что социальная политика представляет собой целую систему мер, направленных на решение важнейшей задачи – обеспечения справедливого, комфортного проживания граждан. В связи, с чем она включает в себя решение демографических проблем, жилищных, вопросы трудовой занятости, максимальной реализации каждого гражданина и его достойной жизни. Направление в социальной политике дает реальное представление о классовой сущности государства, а также о характере взаимоотношений государства с различными социальными группами и слоями общества.

Кризис 90-х годов привел к тому, что более половины населения оказалось за чертой бедности, массовому бегству от нищеты на Запад, в основном в США, ученых, деятелей культуры, технической интеллигенции; развалу вооруженных сил, подрыву научно-технического и образовательного потенциала, упадку сельского хозяйства, невозможности модернизации недопустимо устаревшего промышленного оборудования. Кроме того, кризис 90-х привел к переливу финансовой олигархией, теневой экономикой и криминалом громадных финансовых средств и национальных богатств России за границу.

В начале XXI века социальная структура российского общества имеет сильное разделение. Традиционно, в обществе существовало три класса: к верхнему классу относились наиболее богатые люди (предприниматели 1-3 % населения), ниже располагался средний класс (20-25% населения). Основная часть населения относилась к «базовому классу» (45-50%), который включал примерно те же категории населения, что и средний класс, но с более низким уровнем доходов[1].

С приходом к власти Владимира Путина социальное направление ставится в число приоритетных. В посланиях Владимира Путина к Федеральному Собранию середины 2000-х годов главной целью социально-экономического развития страны является повышение уровня и качества жизни населения.

С 2004 года основные задачи, сформулированные в послании к Федеральному Собранию, касались вопросов современной государственной жилищной политики, в частности, обеспечение граждан доступным жильем. В этой связи ипотека стала решением проблемы для людей со средним ежемесячным заработком.

Следующим немаловажным моментом социальной политики Путина стал рост пенсий и заработных плат. В посланиях к Федеральному Собранию в период 2002-2006 гг. глава государства ставит задачу по росту уровня пенсионного обеспечения российских граждан и достижения европейских и мировых стандартов, принятых в развитых странах. Уже в 2003 году Путин подписал закон «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в РФ», в связи с которым российские граждане получили возможность управлять своими пенсионными накоплениями. Владимир Путин неоднократно отмечал приоритетность работы по обеспечению достойной жизни для старшего поколения, предложено повысить в 2007 году пенсии, в общей сложности, почти на 20 %.

Борьба с бедностью являлась одной из главных тем президентских посланий Путина. В разные годы он требовал повысить пенсии, довести их до прожиточного уровня, увеличить в полтора раза доходы бюджетников. При этом если в 2000 году в стране было 43 млн. бедных, средняя пенсия составляла 694 руб., средняя зарплата - 2223 руб., то к 2007 году эти цифры составили 23,2 млн., 2853 руб. и 12 580 руб. соответственно.

В программной статье 2012 года «Строительство справедливости. Социальная политика России» Владимир Путин отмечает, что люди разных профессий - рабочие, предприниматели, «бюджетники» - должны иметь поле для реализации своего профессионального и социального роста.

В сравнении с 90-ми годами, в современной России уровень жизни в стране постепенно начинает расти. Происходит повышение заработных плат, пенсий, рост уровня медицинского обслуживания в стране[1].

В каждом регионе Российской Федерации власти принимают определенные меры, чтобы помочь наиболее нуждающейся категории населения. Социальная защита Саратовской области также имеет свои региональные особенности.

В четвертом квартале прошлого года прожиточный минимум на душу населения в Саратовской области уменьшился на 528 рублей и составил 8222 рублей. При этом прожиточный минимум трудоспособного населения снизился за квартал на 568 рублей и составил 8834 рубля, пенсионеров - 6793 (минус 413 рублей), детей - 8424 (минус 579 рублей)[2].

Напомним, что в соответствии с Федеральным законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» величина прожиточного минимума в субъектах Российской Федерации применяется для оценки уровня жизни населения и оказания адресной социальной помощи малоимущим гражданам.

При этом, в прошлом году Госдума одобрила в первом чтении проект закона о повышении МРОТ до уровня прожиточного минимума. Согласно законопроекту, с 1 января 2018 года МРОТ составит 9489 рублей в месяц[2].

С 1 февраля 2018 года в Саратовской области увеличены на коэффициент 1,025 размеры пособий гражданам, у которых есть дети.

Пособие по беременности и родам теперь составляет 628 рублей 47 копеек. Единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности, равно этой же сумме. Единовременное пособие при рождении ребенка с 1 февраля 2018 года составляет 16 759 рублей 90 копеек[3].

В 2018 году в нашем регионе выплаты ежемесячных денежных пособий при рождении или усыновлении первого ребенка могут получить более трех тысяч семей. Размер такого месячного пособия для саратовцев составит 9159 рублей.

Ежемесячное пособие по уходу за ребенком для неработающих граждан на первого ребенка составляет теперь 3142,33 рубля, на второго и последующего детей 6284,65 рубля. Единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, составляет 26539,76 рубля. Наконец, ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, с 1 февраля 2018 года составляет 11374,18 рубля. Всем получателям указанных пособий, состоящим на учете в органах социальной защиты населения, с 1 февраля 2018 года пособия установлены в новом размере[3].

В июне 2017 года в Саратове на базе Саратовской государственной юридической академии прошёл межрегиональный форум «Социальная защита, социальное обслуживание – XXI век. Новый вектор развития». Мероприятие, участие в котором приняли представители социальных служб пяти регионов России, а также руководители и специалисты соцучреждений Саратовской области, организовано министерством социального развития области с целью обмена опытом в реализации оказания социальных услуг населению.

В работе дискуссионной площадки «Повышение эффективности и результативности социальной защиты: усиление адресности и введение критериев нуждаемости при предоставлении мер социальной поддержки» приняли участие Управляющий ОПФР по Саратовской области Александр Романов, заместитель управляющего Светлана Лукашева и начальник отдела информационных технологий Роман Краснов.

Были обсуждены вопросы организации работы по созданию Единой государственной информационной системы социального обеспечения, в которой будут собраны данные обо всех мерах социальной поддержки, гарантиях, выплатах и компенсациях, которые государство предоставляет гражданам. Оператором этой системы является Пенсионный фонд России, поскольку ПФР единственная структура, которая имеет такую базу данных на территории Российской Федерации, которой равных нет. Речь идет о СНИЛСе. Все остальные ведомства, в том числе Министерство социального развития, являются поставщиками информации для этой базы.

Единая система создается для того, чтобы усовершенствовать учет прав граждан на социальное обеспечение, обеспечить оказание социальной помощи именно тем лицам, которые в ней нуждаются. ЕГИССО позволит оптимизировать предоставление отдельных мер социальной поддержки, учитывая уровень доходов и материального положения гражданина.

Одним из важных пунктов внедрения ЕГИССО является повышение уровня информированности граждан о своих правах на социальное обеспечение. Сейчас, чтобы получить различные льготы, гражданину необходимо обратиться с заявлением в соответствующий государственный орган. Но многие жители не знают, что им положены различные пособия. Введение ЕГИССО позволит гражданам через личный кабинет на портале госуслуг узнавать информацию об имеющихся у них правах на социальную выплату.

Информационная система будет содержать полную информацию о лице, имеющем право на меры социальной поддержки. Постепенно к системе будут подключены уже существующие на федеральном и региональном уровне регистры и базы данных, а также внесены сведения обо всех нормативных актах, на основании которых оказывается социальная поддержка, обо всех организациях, которые осуществляют эту деятельность.

В разных регионах насчитывается от 70 до 400 различных мер социальной поддержки, которые предоставляются в натуральной и денежной форме и распределяются по десяткам и сотням категорий граждан. Только Пенсионный фонд, помимо выплаты пенсии, осуществляет выплаты порядка 40 видов федеральных пособий[4].

Объединение регистров и баз данных ведомств, оказывающих гражданам меры социальной поддержки, созданных на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, позволит повысить прозрачность системы социального обслуживания, как для государства, так и для граждан.

В рамках внедрения ЕГИССО предусмотрена стандартизация и унификация всех видов социальной поддержки, для чего Министерством труда и социальной защиты РФ создан Классификатор видов социальной поддержки и категорий лиц, которым она оказывается. В субъектах РФ оказываются где 70, где 90 мер соцподдержки, единый классификатор будет приводить в систему, но не отметать льготы, которые реализуются в субъектах РФ. Это принципиально. В классификаторе будут учтены все категории льгот, как федеральных, так и региональных.

В настоящее время в Саратовском регионе создана рабочая группа по внедрению ЕГИССО, которую возглавил заместитель Председателя регионального Правительства Иван Кузьмин. А заместителями руководителя рабочей группы назначены министр социального развития Саратовской области Лариса Колязина и Управляющий ОПФР Александр Романов. С 1 января 2018 года ЕГИССО была введена в промышленную эксплуатацию[4].

С 1 декабря 2017 года в Саратове был запущен совместный проект Союза пенсионеров России и Пенсионного фонда «On-line Университет третьего возраста», цель которого заключается в повышении качества жизни пенсионеров и активизации участия граждан старшего поколения в общественной жизни[4].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что согласно конституционному постулату «Россия – социальное государство», подразумевающему под собой то, что права, свободы, возможности человека являются главной ценностью в нашей стране, социальные обязательства должны неукоснительно соблюдаться. Усиление адресности и установление критерия нуждаемости при оказании социальной помощи отвечает современным запросам общества и способствует реализации сбалансированной социальной политики.

Список использованной литературы и источников:

1. *Элиза Абиева* В. Путин и социальная политика.URL: http://www.grozny-inform.ru/news/analitics/92067/(дата обращения: 24.03.2018).

2. В Саратовской области жить стало лучше и веселей. URL:http://pfo.svpressa.ru/economy/news/9791/(дата обращения: 20.03.2018).

3. Официальный сайт Министерства социального развития Саратовской области. URL: http://www.social.saratov.gov.ru/ (дата обращения 24.03.2018)

4. Официальный сайт Пенсионного Фонда Российской Федерации. Отделение по Саратовской области. URL: http://www.pfrf.ru/branches/saratov/news~2017/06/23/138032 (дата обращения: 25.03.2018).

УДК 32:9

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО НЕРАВЕНСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ А.В. СМИРНОВА

Смирнова Анна Васильевна, магистрант кафедры налогового, бюджетного и банковского права юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: Annet19.99@mail.ru

Аннотация. Конституционное государство, являясь той правовой материей, которая на законодательном уровне в «главном» законе государства устанавливается права и свободы граждан, должно неукоснительно их соблюдать, ввиду того, что такая необходимость продиктована значимостью конституционного строя и тех прав, которые закрепляются в «основном» законе анализируемого государства.

Ключевые слова: право, конституционное право, политические права, ограничение, решение суда.

PROBLEMS OF LEGAL INEQUALITY OF THE POLITICAL RIGHTS

A.V. Smirnova

Abstract. Constitutional government, as the legal matter, which at the legislative level in the "main" state law sets the rights and freedoms of citizens, should strictly comply with them, due to the fact that such necessity is dictated by the importance of the constitutional order and those rights that are fixed in the "main" law analyzed state.

Key words: law, constitutional law, political law, the limitation, the court's decision.

ВВЕДЕНИЕ

Определение «политические» права граждан не имеют законодательного закрепления, а лишь относятся к доктринальному пониманию и толкованию вопроса. Стоит отметить, что это – права граждан, которые наделены ими государством, для осуществления определенных функций, применения знаний и навыков для управления государством и его развитием. Таким, образом, стоит отметить, что политические права имеют множество понятий и определений в доктрине конституционного права, однако для понимания данной категории необходимо осознавать сущность политических прав, которая заключается в возможности осуществления управления государственными и общественными делами.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Вопросом классификации и определения видов политических прав граждан занимались многие ученые, такие как Кушнир И.В.[1], Некрасов С.И.[2], Каковкина И.В.[3], Бошно С.В.[4].

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Стоит рассмотреть вопрос относительно политических прав в комплексном аспекте, ввиду того, что это достаточно важный вопрос при изучении ограничения политических прав.

Проблема соблюдения конституционных прав и свобод граждан является актуальной проблемой ввиду того, что на данный момент правовая база Российской Федерации проходит этап формирования, становления и развития. Конституционные права и свободы граждан являются неотъемлемой частью любого правового государства, которое добросовестно выполняет свои социальные функции. В настоящий момент существует ряд неразрешенных проблем соблюдения конституционных прав и свобод граждан, таких как право на жилище и право на жизнь, а также ряд других проблем. Автором данной научной статьи будет предпринята попытка анализа сложившейся ситуации и поиска путей выхода из нее.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Современное правовое поле Российской Федерации, находится в постоянной динамике, то есть происходит его постепенное развитие и введение все более новых правовых категорий и институтов. Однако любое правовое государство должно соблюдать прописанные в конституции, основном законе страны, права и свободы граждан, а также следить за их исполнение.

Так, ст. 40 Конституции Российской Федерации закрепляет право на жилище каждого гражданина Российской Федерации, что является правильной и востребованной в современном мире нормой. Кроме сказанного стоит отметить, что ст. 19 Федерального закона от 29.12.2004 N 189-ФЗ (ред. от 29.02.2016) "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации" закреплено право пользования приватизированным жилым помещением лиц приобретающих статус бывших членов семьи. Однако на данный момент существует проблема, которая заключается в том, что, хоть и есть те люди, которые способны приобрести жилье, они, тем не менее, не защищены от мошенничества в данной сфере. Речь в данном случае идет о риэлтерской деятельности, который на данный момент вправе заниматься любой гражданин или организация. Стоит отметить, что 2002 года риэлтерская деятельность должна была проходить процедуру лицензирования, что оберегало приобретателей жилья от обманов в данной сфере и осуществлялось государственное регулирование законного права граждан на жилище, обеспеченное Конституцией РФ. Однако на данный момент, положения о лицензировании не действуют, что на мой взгляд является неправильным. Тем самым государство не контролирует реализацию право на жилище. Выходом из данной ситуации будет внесение риэлтерской деятельности в перечень обязательной деятельности, подлежащей лицензированию или ее переведение в статус саморегулируемых организаций, чтобы при начале работы с будущим покупателем жилья риэлтором предоставлялись соответствующие документы, подтверждающие полномочия на ведение риэлтерской деятельности.

Второй проблемой современности является до сих пор не разрешенный вопрос о смертной казни. Как известно, ст. 20 Конституции РФ закреплено право на жизнь каждого, что очень правильно в части выполнения государством социальных функций и обязательств. Однако в настоящее время в подвешенном состоянии находится вопрос о смертной казни. Автором данной научной статьи не делается вывод о правильности того или иного решения данного вопроса, но констатируется факт важности решения этого вопроса.

Как известно, ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" запрещает эвтаназию, что верно и правильно в целях реализации конституционных прав и свобод, так необходимо и разрешение вопроса о смертной казни, либо исключения ее из ст. 44 УК РФ либо ее использования в зависимости от политического курса государства.

Также, на мой взгляд, важным является введения новых полномочий для уполномоченного по правам человека. На данный момент, ст. 20 Федерального

конституционного закона от 26.02.1997 N 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" очерчены такие полномочия как:

1) принять жалобу к рассмотрению;

2) разъяснить заявителю средства, которые тот вправе использовать для защиты своих прав и свобод;

3) передать жалобу государственному органу, органу местного самоуправления или должностному лицу, к компетенции которых относится разрешение жалобы по существу;

4) отказать в принятии жалобы к рассмотрению.

Нужно также закрепление на законодательном уровне, в случае несогласия с решением компетентного органа, возможности Уполномоченного влияния на дальнейшую судьбу каждого конкретного дела, путем запроса более точных объяснений на специально подготовленные вопросы.

Для более качественной проработки вопросов, связанных с пресечением ограничений политических прав граждан в практике Конституционного суда Российской Федерации, на мой взгляд, необходима комплексная работа по повышению правового понимания гражданами конституционных правоположений и заключающихся в них конституционных, в том числе и политических прав.

Также стоит остановиться на механизме материального поощрения информаторов политических нарушений и факторов и их всестороннюю поддержку и защиту. Проблема данного инструмента заключается в том, что он действует в рамках той же системы ценностей, что и сама политическая деятельность: власть как первопричина политической деятельности изначально имеет социально-отрицательный оттенок, и использование корыстных мотивов с целью борьбы с политическими конкурентами представляется спорным решением. Так, общеизвестна фраза А. Эйнштейна о том, что ни одну проблему нельзя решить на том уровне сознания, на котором она была создана.

К положительным факторам можно отнести консолидированный, разделяемый практически всеми группами общества вектор массового сознания, связанный с такими понятиями, как "порядок" и "справедливость". Социальный запрос российского общества на такие исторически сложившиеся ключевые ценности способствует принятию обществом норм социального поведения, препятствующим распространению социальных практик, представляющих опасность этим ценностям. В данном случае задача заключается в установлении смысловой корреляции политической деятельности с угрозой порядку и справедливости. По мере решения этой проблемы социально-культурные ценности способны стать сильным стимулом непринятия коррупционных проявлений в политической деятельности[5].

Ограничение политических прав весьма важный процесс в формировании любой государственности, ввиду того, что этот процесс носит политический характер и направлен на контроль над деятельностью субъектов права в контексте политического высказывания или пропаганды того или иного мнения. Процесс ограничения политических прав, безусловно, должен носить исключительно правомерный характер, ввиду того, что он является важной составляющей любой политической системы государства и должен контролироваться властью.

Один из примеров ограничения политических прав, это возрастной ценз, который устанавливается для осуществления различного рода деятельность, будь то работа в парламенте, правительстве или на посту президента. Такая практика достаточно распространена в мире и является передовой в этой сфере. Стоит отметить, что такое ограничение носит естественный характер, ввиду того, что человек, претендующий на ту или иную должность, должен обрести зрелость и мудрость для принятия важных политических решений, затрагивающих жизни многих людей.

Следующим, немаловажным цензом является – образовательный ценз, который требует достаточность квалифицированных знаний по тому или иному аспекту деятельности кандидата. Ярким примером такого ценза является пример из истории США, когда кандидат

на работу в американском парламенте, должен был раскрывать перед комиссией сущность строк, прочитанных им из Конституции страны.

Следующим цензом, к которому стоит обратиться является ценз оседлости (ценз проживания), который также является правомерным способом ограничения политических прав граждан и направлен на понимание сущности, менталитета, той народности, где ограничиваются его права.

Следующим немаловажным цензом, то есть способом ограничения политических прав является ценз по признаку пола. В древности такой ценз был естественным в понимании гражданами сущности политических прав, однако, с развитием права данный ценз уходит как один из способов ограничения политических прав граждан.

Также существует такой способ ограничения политических прав, который, безусловно является важной составляющей любой политической системы, как ограничение политических прав лиц, которые отбывают наказание, ввиду того, что такое ограничение носит достаточно важный социальный характер и направлен на улучшение управления государственными делами.

В ряде стран, также имеет место быть и расовый ценз, однако он абсолютно неверен в его понимании. К тому в настоящее время ведется достаточно активная борьба с проявления расовой дискриминации не только в нашей стране, но и во всем мире в целом.

Одним из способов ограничения политических прав ранее был также имущественный ценз, который характеризовался тем, что к выборам допускались лишь определенные группы лиц. Безусловно, пока он был закреплен на законодательном уровне, то имел характер правомерности, однако постепенно понимание того, что данный ценз ограничивает не только политические права, но и иные конституционные права граждан, он перестал относиться к числу ограничений.

Еще одним примером ограничения политических прав, можно считать «моральный ценз» сущность которого заключается в том, что такие ограничения направлены на тех лиц, которые совершают аморальные поступки, таким образом, устроено в Италии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На мой взгляд, для более правомерного применения ограничения политических прав, необходимо конкретизировать и улучшить практику Конституционного суда РФ, ввиду того, что такая необходимость продиктована правовой неграмотностью населения страны. Четко прослеживается такой аспект, как разъяснение обоснованности применения того или иного решения Конституционным судом, который затрагивает ограничение политических прав граждан. Кроме того, необходимо проводить семинары и круглые столы по этим вопросам не только в кругу правоведов теоретиков или практиком, но и в кругу старших классов, так как это касается в первую очередь их законных прав и свобод.

Список использованной литературы и источников:

1. *Кушнир И.В.* Конституционное право России / И.В. Кушнир. - М.: Норма, 2007. С. 64.

2. *Некрасов С.И.* Конституционное право Российской Федерации. - Юрайт-Издат. – 2010. – С. 167.

3. *Каковкина Е.Н.* Конституционное (государственное) право России.- Юриздат. - 2010.

4. *Бошно С.В.* Правоведение. 2002. http://www.konspekt.biz/index.php?text=43265 (уровень доступа свободный).

5. *Якупов А.Г., Исаев Э.Е.* О проблемах независимых антикоррупционных экспертиз // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции: в 2 томах. 2017. С. 237-238.

УДК316.4

СТАНДАРТ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ – НОВЫЙ ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

М.Л. ТЕОДОРОВИЧ, А.А. ВАРЫЗГИНА, Н.Н. ПАТОКИНА

Теодорович Михаил Леонидович, руководитель Нижегородского УФАС России, заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

E-mail: mt231@yandex.ru

Варызгина Алла Александровна, кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

E-mail: varyzgina@mail.ru

Патокина Наталья Николаевна, начальник отдела Нижегородского УФАС России.

E-mail: natpatok@gmail.com

Аннотация: Поднимаются вопросы применения стандарта развития конкуренции для регулирования социального неравенства. Стандарт рассматривается как политико-управленческий механизм, гибко подстраивающийся под региональную ситуацию за счет мониторинга, проведение которого создает необходимые условия для запуска механизма участвующего управления. Регулирование социального неравенства изучается на основе проактивного подхода, исходящего из повышения качества жизни населения через управление доступностью товаров/услуг и расширения возможностей для экономической активности.

Ключевые слова: социальное неравенство, Стандарт развития конкуренции, участвующее управление, регионы.

THE STANDARD OF COMPETITION, A NEW POLITICAL AND ADMINISTRATIVE MECHANISM OF REGULATION OF SOCIAL INEQUALITY

M.L. Teodorovich, A.A. Varyzgina, N.N. Patokina

Abstract. The paper is devoted to the issues of employing the Standard of development in competition for the regulation of social inequality. The Standard is considered as a political and administrative mechanism, but is flexibly adapted to a regional situation by the Monitoring, which creates necessary conditions for the launch of the mechanism of participatory management. The study in the field of regulation of social inequality is based on the pro-active approach, which explores the influence of goods/services accessibilities and economic activities for the improvement of quality life of population.

Key words: social inequality, standard of development in competition, participatory approach, Russian regions.

Социально-экономические процессы, происходившие в российском обществе в постсоветский период, трансформация социальной структуры вынесли на повестку дня проблемы, связанные с увеличением бедности населения, сопровождаемым усилением социального неравенства и расслоения общества. Социальное неравенство, понимаемое в данной статье в широком смысле как неравный доступ к возможностям удовлетворения потребностей как отдельных людей, так и социальных групп, по мнению многих исследователей[1,2,3] в России продолжает увеличиваться; в частности, расслоение населения по уровню дохода сегодня выше, чем в начале 2000-х годов, по этому показателю в 2017 г. РФ входила в число стран-лидеров[4].

Существование социального неравенства в обществе является одной из проекций явления бедности. Бедность как социальное явление представляет собой следствие многих

причин, далеко не всегда зависящих от самого человека. Проживание в состоянии бедности может быть разным по длительности процессом. Попадая в условия бедности, человек, как правило, предпринимает усилия, направленные на преодоление ситуации, повышение жизненного уровня. Однако существует опасность, что в силу тех или иных объективных или субъективных причин, человек остается в этом состоянии, зачастую на длительный срок. В их числе – субъективное восприятие сложившейся ситуации человеком: даже если объективно существуют пути выхода, которые, тем не менее, если человек не видит, не осознает, то у него формируется преобладающее ощущение невозможности влияния на сложившуюся ситуацию, чувство апатии, снижается интенсивность исходно существовавшего стремления изменить ситуацию.

Существование длительной, застойной бедности связано с явлением воспроизводства бедности, а также и с феноменом культуры бедности[5], понимаемым исследователями как определенный сложившийся образ жизни, принятие его на морально - этическом и поведенческом уровне, отсутствие попыток людей, живущих в состоянии бедности, значимым образом изменить ситуацию. При этом важным аспектом является сложившееся в обществе восприятие бедности. Можно говорить о трансформации восприятия бедности в общественном сознании в России за последние 20 лет: на смену восприятия бедности как нормы жизни российского общества в 1990-е годы, когда бедность была массовым явлением, пришло менее однозначное восприятие бедности, связанное с одной стороны, с чувством жалости к человеку, ставшему жертвой обстоятельств, попавшему в беду, вынужденному жить в условиях депривации, и, с другой стороны, восприятие бедности с позиции осуждения и отстраненности, как источника социальной опасности[6]. Закономерным следствием этого изменения стало усиление социальной эксклюзии бедных, формирование замкнутого круга застойной бедности.

Бедность, неравенство по доходам, неравный доступ к экономическим и социальным благам, являясь актуальным и наиболее болезненным для населения видом социального неравенства[3], не является единственным фактором социального разделения. Новым и значимым проявлением социального неравенства является неравный доступ к социальным благам и ресурсам[7] в цифровом пространстве, в сфере цифровой экономики, развитие которой тесно связано с повышением доступности широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»[8], имеющей не меньшее значение для современного общества, чем доступ к образованию, социальному обслуживанию. Предсказуемым проявлением углубляющегося проникновения цифровых решений в практики повседневного проживания стало развитие новой формы неравенства - цифрового, понимаемого как относительное снижение конкурентоспособности части социальных групп и их представителей в социальной конкуренции.

Социальная депривация, возникающая как следствие существующего социального неравенства, ограничивает экономический рост, приводит к углублению социального неравенства[3], что порождает социальные конфликты, создает социальную напряженность, затрудняет социальную мобильность. Значимое социальное неравенство, социальное расслоение препятствует устойчивому социальному развитию российского общества.

Далеко не всегда отсутствие значимой активности населения по преодолению бедности, повышению уровня и качества жизни связано исключительно с отсутствием необходимых ресурсов и возможностей. Часто люди, объективно имеющие ресурсы и возможности для выхода из состояния бедности, не используют их, потому что не осознают их наличие. В силу этого особую актуальность приобретает деятельность, направленная на взаимодействие с бедным населением, помощь в поиске путей преодоления бедности. В ситуации, когда население не видит путей улучшения ситуации, важно предложить набор успешных практик, применение которых способно привести к выходу из круга бедности, более широкие видение социальной перспективы инициирующее важный процесс изменения субъективного отношения человека к своей жизненной ситуации. Применение успешных практик выживания дает ощущение возвращения контроля ситуации в свои руки, уверенности

в существовании выбора, реальности возможности принятия собственного самостоятельного решения, возвращения интереса к жизни, восстановлению активной жизненной позиции.

Снижение, сглаживание социального неравенства наравне с задачей снижения уровня бедности – основополагающие функции социального государства, еще более востребованные в условиях кризисных явлений в экономике[9]. Снижение социального неравенства – сложный и длительный процесс. В долговременной перспективе меры по снижению социального неравенства не могут быть основаны только на налоговой политике или распределительных функциях социальной защиты населения[10]. Более длительный, но и более эффективный путь, имеющий относительно отсроченные, но более устойчивые последствия – меры, связанные с созданием возможностей для повышения экономической активности населения и потребительских возможностей различных групп населения, которые формируются и осуществляются на всех этапах при непосредственном участии заинтересованных социальных групп.

Важный механизм обеспечения равных возможностей – усовершенствование механизма развития конкуренции, создание условий для экономического развития в рамках социально-значимых рынков как важного этапа создания социально-ориентированной конкурентной политики. Качественно новым решением такого рода является Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 05 сентября 2015 года № 1738-р (далее – Стандарт).Эффективность внедрения Стандарта развития конкуренции во многом зависит от качества предусмотренной им системы обратной связи с потребителями, что делает принципиально важным проведение мониторинга развития конкуренции в регионе, одной из ключевых составляющих которого является выявление степени удовлетворенности и, что особенно важно, неудовлетворённости потребителей товаров и услуг ситуацией, сложившейся на тех или иных рынках. В рамках мониторинга осуществляется сбор данных об удовлетворенности качеством товаров, работ и услуг потребителей, приобретавших товар, работу и услугу в определенный период, в том числе данных о наличии жалоб со стороны потребителей в надзорные органы по указанной проблематике и динамике их поступления в сравнении с предыдущим отчетным периодом; сбор данных о восприятии и динамике оценки потребителями состояния конкуренции между продавцами товаров, работ и услуг в субъекте Российской Федерации посредством ценообразования; сбор данных о развитии конкуренции и удовлетворенности качеством товаров, работ и услуг на выявленных рынках потребителей товаров, работ и услуг, предоставляемых субъектами естественных монополий. Полученная информация, учитывающая региональную, местную специфику ситуации, позволяющая оценить удовлетворенность потребителей качеством товаров, работ, услуг, деятельностью органов исполнительной власти в части развития конкуренции на социально значимых товарных рынках, оценить уровень административных барьеров, дает возможность органам власти более глубоко и всесторонне оценить социальные запросы к государству, вносить определенные коррективы в проводимую политику и, что особенно важно, работать с заинтересованными социальными группами. Получаемая в процессе мониторирования информация не может не только использоваться непосредственно в работе органов власти, но и послужить базой для инициализации общественного обсуждения состояния и направлений развития конкурентной среды, возможных мероприятий, процессов, направленных на снижение выявленной неудовлетворенности населения относительно рынков товаров и услуг. Подобный процесс взаимодействия с населением может стать эффективным инструментом повышения заинтересованности населения в участии в процессе управления ситуацией на рынках товаров и услуг.

Проведение мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках и состоянием ценовой конкуренции создает необходимые условия длязапуска механизма участвующего управления, основанного на вовлеченности населения в предметный и содержательный диалог с подсистемами управления различных уровней, в процессы повышения эффективности региональной конкуренции с различной степенью

готовности к взаимодействию. На начальной стадии важно наличие интереса населения к этому процессу, деятельность по отслеживанию подобной информации, а также степень готовности к выражению своего мнения по данному вопросу. Показателем более высокой заинтересованности населения является обсуждение подобной проблематики в социальных сетях, что является вариантом опосредованного участия в диалоге с властью. Более высокая степень готовности населения к взаимодействию с властью проявляется в существовании взаимодействия с общественными организациями как фасилитаторами процесса. Проявлением наиболее высокой готовности населения к вовлеченности в участвующем управлении является его ориентированность на взаимодействие с органами власти, а также готовность к участию в процессах принятия решений, их контролю и принятию своей доли ответственности за совместно принятые решения.

Выявление степени персональной вовлеченности, уровня сопричастности процессам социально-экономического развития, а также степени готовности населения к социальному взаимодействию в процессе обсуждения необходимых изменений на рынках товаров и услуг для улучшения ситуации, – одна из задач проводимого мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках и состоянием ценовой конкуренции. Совершенствование отношений между государством и потребителями товаров и услуг, а также привнесением элементов социального процессов управления в действующие регулятивные механизмы и практики в социально - экономической сфере как будет способствовать повышению уровня и качества жизни населения, расширению коридоров возможностей для социально-уязвимого населения в обеспечение улучшения условий существования, вхождения представителей социальных групп низкого статуса в более ресурсные, более статусные группы, что будет способствовать снижению социального неравенства в обществе.

Список использованной литературы и источников:

1. *Римашевская Н.М., Мигранова Л.А.* Социально-экономическое неравенство в России // Народонаселение. 2016. № 3 (73). С. 17-33.

2. *Шевяков А.Ю.* Важнейшие социальные проблемы России и пути их решения // Федерализм. 2011. № 2 (62). С. 25-34.

3. *Поплавская И.А.* Избыточность социальных неравенств как вектор реформирования социальной политики // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 1 (107). С. 64-71.

4. Организация Объединенных Наций. http://www.un.org/ru/.

5. *Lewis O.* The Culture of Poverty// Scientific American. 1966. 215(4): 19-25.

6. *Варызгина А.А., Кей Р.* Восприятие бедности в малом городе России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. - С. 555-568.

7. *Осеев А.А.* Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в российском обществе // вестник московского университета. Серия 18: Социология и политология. №2, 2014 с. 68-80.

8. Распоряжение Правительства Нижегородской области от 12 ноября 2014 года № 2051-р. Перечень приоритетных и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в Нижегородской области

9. *Тавадова А.В.* Социальное неравенство в функциональном поле социального государства // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 3. С. 100-119.

10.Интервью с директором Института актуальной экономики Н. Исаевым «Россия признана страной неравных возможностей» // Независимая газета, 17 января 2017 http://www.ng.ru/economics/2017-01-17/1_6904_unequal.html (дата обращения 4.04.2018).

УДК 349.3

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ ИЛИ К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Н.В. ТЮМЕНЕВА

Тюменева Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедра теории государства и права юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: tumeneva82@mail.ru

Аннотация. В статье речь обосновывается суждение о том, что социальное неравенство неизбежно. Вместе с тем в организованном обществе вопросы социального неравенства должны быть управляемыми и подлежать правовому регулированию. В современном мире эта задача решается с помощью социального государства, роль которого состоит в обеспечении социальной защиты населения и обеспечении условий достойного уровня жизни. Вместе с тем современное социальное государство в условиях дефицита бюджета дистанцируется от насущных проблем населения, не обеспечивает социально-экономические права, не закрепляет законодательный механизм доступа населения к ресурсам.

Ключевые слова: социальное неравенство, социально-экономические права, социальное государство, социальная политика, экономические ресурсы.

THE SOCIAL INEQUALITY IN A SOCIAL STATE OR TO THE QUESTION OF SOME ASPECTS OF SOCIAL POLICY IN RUSSIA

N.V. Tyumeneva

Abstract. The article substantiates the opinion that social inequality is inevitable. However, in an organized society, issues of social inequality must be manageable and subject to legal regulation. In today's world, this task is accomplished with the help of the social state, whose role is to ensure social protection of the population and the conditions of a decent standard of living. At the same time, the modern social state distances itself from the pressing problems of the population, does not ensure social and economic rights, does not consolidate the legislative mechanism of access to resources.

Key words: social and economic rights, social state, social policy, economic resources.

ВВЕДЕНИЕ

Социальное государство – это такая организация государственной (политической) власти, которая направлена на обеспечение планомерного социально-экономического развития человека и общества, защиту населения от социально-экономических рисков и повышение уровня жизни граждан.

Население России более двадцати лет живет в условиях социального государства, но такие явления, как бедность, работающие бедные, низкий уровень жизни, безработица, низкая социальная защита населения не просто существуют в нашем государстве, а, напротив, прогрессируют, показывая стабильную динамику роста[1]. Эти явления, свидетельствующие о социальном неравенстве, присущи любому обществу, но задача социального государства состоит в выработке критериев, правовых механизмов сглаживании последствий социального неравенства с помощью государственного перераспределения средств. Иными словами, в социальном государстве четко определяются допустимые границы социального неравенства, иными словами, оно подлежит правовому регулированию.

Курс на повышение благосостояния населения, который ежегодно озвучивается высшим руководством нашей страны, обусловливает ожидания граждан на справедливое распределение благ рыночной экономики. Однако в России 1 % самых богатых россиян

принадлежат 30 % всех богатств, а несправедливое распределение доходов, повышающее уровень социального неравенства, приближается к абсолюту (0, 418 из 1,0)[2]. По мнению аналитиков, имущественное расслоение способна снизить политика равных возможностей, основанная на принципах уравнивающей справедливости. В условиях ограниченности федерального бюджета пока говорить об этом не приходится.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Социальное неравенство проявляется в неравном доступе к общественным ресурсам, необходимым для удовлетворения потребностей человека. Жизнеспособность общества зависит от регулирования неравенства, т.е. ресурсов общества, что составляет основу социальной политики. Эффективность регулирования социального неравенства, т.е. возможность социальной политики, становится реальной в условиях наличия определенного объема ресурсов в конкретном обществе. Социальное государство должно создать условия для справедливого перераспределения ресурсов таким образом, чтобы обеспечить условия достойной жизни каждому.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе статистического метода были приведены показатели качества жизни в России, которые свидетельствуют о прогрессировании социального неравенства. С помощью функционального подхода показана роль социального государства в решении социально-экономических проблем. Сравнительно-правовой метод был использован для выявления тождества и различий в осуществлении социально-экономических прав в России и в европейских государствах. Системный метод позволил соотнести меры социальной помощи, осуществляемой государством и сделать вывод об отсутствии спланированной цельной социальной политики в России.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В российском законодательстве ни понятия, ни критериев достойной жизни не установлены. Конституционный Суд РФ отказался толковать ч.1 ст. 7 Конституции РФ, в которой обозначена цель политики социального государства – создание условий достойной жизни и свободного развития личности. В своем Определении Конституционный Суд РФ указал, что вопросы социальной политики должны быть урегулированы на основе федерального законодательства. До принятия закона, определяющего понятия и параметры достойной жизни, действия Конституционного Суда РФ по разъяснению данных понятий, было бы вмешательством в принцип разделения властей и заранее бы предрешали содержание будущего законодательства. До тех пор пока такой закон отсутствует, запрос, не связанный с оспариванием неконституционности ни формы, ни содержания, не может считаться допустимым[3]. Политическая подоплека данной правовой позиции Конституционного Суда РФ понятна, однако с 1999 года и до настоящего времени закон об определении критериев достойной жизни не был принят.

В российском законодательстве устанавливаются лишь параметры качества жизни, необходимые для поддержания физического существования человека: прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда, продовольственная корзина, минимальный размер пенсии по старости и др. Периодически размер этих показателей пересматривается с учетом инфляции. В частности, очередной пересмотр минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) состоялся в конце 2017 года и составил на первое января 2018 года 11163 рубля. Вместе с тем увеличение МРОТ до прожиточного минимума не решило проблему достойной жизни в России.

Для реального подъема уровня жизни в стране увеличение МРОТ необходимо дополнить иными мерами. В частности, применив принципы уравнивающей справедливости, разделить в равных долях между большинством граждан часть доходов от продажи полезных ископаемых, в частности, нефти и газа. Примерно каждый бы гражданин

получил 10000 рублей за год. В виде законодательной инициативы представителей коммунистической партии данное предложение было внесено в Государственную Думу в сентябре 2017 года. Однако Правительство РФ данную инициативу раскритиковало, сославшись на то, что основной строкой государственных доходов является сбор налогов, а граждане получают помощь от государства в виде разнообразных льгот и пособий.

Свое видение повышение благополучия населения российское правительство предложило в многоцелевой стратегии социально-экономического развития в долгосрочной перспективе[4]. В ней для повышения благосостояния страны и социальных изменений предусматривается множество мер, в их числе и сокращение крайней бедности. Сократить уровень бедности можно разными путями, например, путем законодательного установления максимальной суммы пенсии государственным служащим и топ-менеджерам, путем повышения эффективности деятельности Правительства РФ и органов исполнительной власти и др. Но эти меры не будут столь эффективно в сдерживании социального расслоения, если государство будет сохранять пассивность в вопросе обеспечения социально-экономических прав. Обеспечить доступ граждан к участию в распределении ресурсов необходимо первоначально через создание механизма реализации социально-экономических прав всему населению.

Но основная проблема состоит в том, что социально - экономические права не считаются в собственном смысле слова субъективными правами, гарантировать которые должно государство, а рассматриваются всего лишь как объекты устремлений, к которым должно стремиться государство. Это обусловило характер обязательств, принятых на себя государством: обеспечение социально-экономических прав напрямую зависит не от государства, а от самой личности. Поэтому провозглашенные в законодательстве социально-экономические «права» частные лица не могут отстаивать ни в судебном порядке, ни на государственном, ни на международном уровне [5].

Показательна в этом смысле практика Европейского Суда по правам человека. Не раз в своих решениях Европейский Суд заявлял, что Европейская Конвенция не гарантирует социально-экономические права, поскольку рассмотрение споров о гарантировании социально-экономических прав повлечет необходимость дачи им юридической оценки социальной и экономической политики. Между тем вопросы социальной защиты, обеспечения социально-экономических прав – это вопросы политики, а не юриспруденции.

Механизм гарантирования социально-экономических прав слабый. Согласно практике Европейского Суда, ответственность за нарушение социально-экономических прав может быть возложена на государство, только если отказ в предоставлении соответствующих социальных услуг или социальной помощи нарушает позитивные обязательства государства в обеспечении других прав и свобод человека, предусмотренных Европейской Конвенцией. Фактически это означает, что Европейский Суд примет к рассмотрению иск лица, только если действиями государства были нарушены иные – гражданские или политические права человека. Например, в решении по делу Мардзари против Италии от 4 мая 1999 года Европейский Суд признал, что отказ властей в помощи в обеспечении соответствующим жилищем лица, страдающего тяжелой болезнью, может при определенных обстоятельствах (если это серьезно затрагивает частную жизнь данного лица) стать предметом его рассмотрения в случае нарушения статьи 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни)[5].

Подобный выборочный подход к принятию дел о нарушении прав человека к рассмотрению мог бы являться дискриминационным на основании Протокола № 12 к Европейской Конвенции от 4 ноября 2000 года (СЕД № 177). Так, в п. 1 ст. 1 Протокола установлен общий запрет дискриминации, в том числе по имущественному положению, а в п. 2 ст. 1 запрещена дискриминация по названным основаниям со стороны публичных властей. Но в Пояснительном докладе Руководящего комитета по правам человека, уточнено, что дискриминация имеет место только тогда, когда право гарантировалось национальным законодательством и право вытекало из ясно выраженного обязательства

публичной власти, зафиксированном в национальном законодательстве. Следовательно, Протокол № 12 может применяться только тогда, когда публичная власть приняла на себя обязательства, закрепляющиеся в законодательстве, поступать определенным образом, а также в результате любого другого действия или бездействия публичной власти, в том числе при осуществлении ею дискреционных полномочий (например, назначении субсидий). Однако, материальные гарантии социально-экономических прав ни в одном документе прямо не прописаны[6].

По сути, для государства социально-экономические права представляют собой своеобразные долгосрочные стимулы экономического развития. В этой связи по смыслу европейского законодательства государству достаточно продемонстрировать приверженность закрепленным положениям Европейской Конвенции, чтобы его действия считались социально полезными в достижении прогресса в социально-экономической сфере. При этом государствам достаточно достичь определенных показателей и поддерживать их без дальнейших улучшений.

Являясь частью европейского сообщества, Россия ратифицировала Европейскую конвенцию, соответственно, взяла на себя обязательства лишь по формированию условий достойной жизни, а не гарантирование самой достойной жизни каждому. Соответственно, российское государство лишь инструмент помощи гражданам, а не его заменитель. Но и при таком положении дел распределение благ не подкрепляется соответствующими гарантиями справедливости и допустимости для всех.

Это означает, что публичная власть, закрепив законодательно систему социально-экономических прав, в дальнейшем «снимает» с себя обязательства перед гражданами по их обеспечению и защите. Подобная юридическая конструкция исключает право требовать исполнения обязательства от конкретного субъекта, так как нет субъективного права и нет и не может быть правообязанного субъекта.

Действующее законодательство не конкретизирует необходимые меры деятельности государственных и иных органов для воплощения в реальность идей о социальном государстве. Вследствие этого государству проще дистанцироваться от насущных проблем народа путем подмены субъективного «права на достойное существование» объективно – правовым понятием «социального государства».

«Уход» федерального центра от решения социозащитных проблем был осуществлен путем передачи Российской Федерацией вопросов жизнесохранения, социальной защиты населения на местный уровень.

Однако регионы менее всего способны самостоятельно решить эту задачу без перераспределения финансовых потоков между центром и субъектами. Так, после принятия ФЗ РФ от 20 августа 2004 года № 120-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ в части регулирования межбюджетных отношений»[7], налоговое распределение между федеральным и региональным бюджетами установилось в пропорции 70:30 в пользу федерального правительства. Количество регионов-доноров резко сократилось, и большая часть регионов оказалась неспособной к реализации своих социальных функций. Сложившаяся ситуация привела к тяжелым системным противоречиям в бюджетной политике. Вместе с тем принцип остаточного финансирования социальных нужд в регионов и исключение средств федерального бюджета из источников финансирования не соответствует концепции социального государства. Этот дисбаланс федеральный цент решил сгладить адресной помощью нуждающимся социально незащищенным категориям граждан.

Правовой основой адресной помощи стал Федеральный Закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, названный народом законом о «монетизации» льгот[8]. Этот закон окончательно ликвидировал систему нерыночных связей между человеком и государством. Замененные деньгами льготы, размеры которых зависят от категорий льготников, еще более усилили процесс отчуждения личности от государства, вызвали недоверие и падение авторитета власти. Дело в том, что закон освободил федеральный центр от финансирования выплат

большинству бывших льготников, отсутствует, но при этом не была просчитана соотносимость бюджетов конкретных регионов с их численностью населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в современной социальной политике очевидны системные проблемы несоответствия используемых инструментов поставленным задачам социального государства, неучастие населения в распределении доходов от общих ресурсов. Монополизация и приватизация материальных ресурсов заметно снизила обязательства государства по обеспечению социально-экономических прав населения. Адресная поддержка как основное направление социальной политики государства осуществляется фрагментарными и спорадическими преобразованиями законодательства. Полагаем, что социальная политика будет эффективной лишь тогда, когда прекратятся политические спекуляции вокруг.

Список использованной литературы и источников:

1. Распределение общего объема денежных доходов и основные показатели социально-экономической дифференциации // Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/

population/level/# (дата обращения: 26.11.2014).

2. Аналитики: разрыв в доходах россиян объективен. URL: http: //www.vesti.ru/doc.html?id=356705 (дава обращения: 25.03.2018).

3. Определение Конституционного Суда РФ от 01.07.1999 г. № 98-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственной Думы о толковании статьи 7 (ч.1) Конституции РФ // СПС «Гарант» дата обращения: 25.03.2018 г.

4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации от 17.11.2008 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г.) (в ред. от 10.02.2017 г.) // СПС «Консультант Плюс» дата обращения: 25.03.2018 г.

5. Eur. Court H.R. Marzari v. Italy, Decision of 4 May 1999 / Перевод на русский язык в кн.: Европейский Суд правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. I. С.271 - 287.

6. ФЗ РФ «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 г. (в ред. от 28.12.2017 г.) // Российская газета. 1999. 23 июля; СПС «Гарант» по состоянию на 23.02.2018 г.

7. ФЗ РФ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ в части регулирования межбюджетных отношений» от 20.08.2004 г. (в ред. от 29.11.2014 г.) // Российская газета. 2004. 25 авг.; 2014. 03 дек.

8. Федеральный закон от 22.08.04 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 31.12.2017 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2004. № 35. Ст. 3607; СПС «Гарант» дата обращения: 23.12.2018 г.

УДК 342.722

ПРАВО НА ПАЛЛИАТИВНУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ: ПРОБЛЕМЫ РАВЕНСТВА

А.В. БАСОВА

Басова Алла Викторовна, ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения с курсами правоведения и истории медицины ФГБОУ ВО Саратовского ГМУ им. В.И. Разумовского.

E-mail: allsar@rambler.ru

Аннотация: В статье рассмотрено право пациентов на паллиативную медицинскую помощь, разъясняются обязательства государства по реализации данного вида помощи для населения. Рассмотрены различные модели организации паллиативной помощи в России и в зарубежных странах. Вносятся предложения по развитию данного вида медицинской помощи в России.

Ключевые слова: паллиативная; помощь, пациенты; право; равенство.

THE RIGHT TO PALLIATIVE MEDICAL CARE: PROBLEMS OF EQUALITY

A.V. Basova

Abstract. The article considers the right of patients to palliative care, explains the obligations of the state to implement this type of care for the population. Various models of palliative care organization in Russia and in foreign countries are considered. Proposals are being made for the development of this type of medical care in Russia.

Keywords: palliative, care, patients; right; equality.

В настоящее время в системе здравоохранения России большое внимание уделяется организации паллиативной медицинской помощи (ПМП) тяжелобольным гражданам. ПМП направлена на предупреждение и облегчение страданий человека от угрожающей жизни болезни и является одним из приоритетных направлений развития здравоохранения страны.

В целях развития ПМП в марте 2018 г. Правительства Российской Федерации выделило из резервного фонда 4 миллиарда 350 миллионов рублей межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов РФ, которые должны быть использованы на обеспечение лекарственными препаратами и медицинскими изделиями тяжело больных в отделениях паллиативной помощи, хосписах, домах сестринского ухода и на дому, а также на мониторинг оказания ПМП населению. Планируется обеспечить 100 процентную потребность в наркотических лекарственных препаратах, нуждающихся в обезболивании, пациентов в 2018 году во всех субъектах Российской Федерации[1].

Право человека на облегчение страданий (физических, психических, духовных) основано на конституционном праве граждан на равенство прав, в том числе на медицинскую помощь, а также личном праве человека на достоинство. Ничто не может быть основанием для его умаления, никто не должен подвергаться унижающее человеческому достоинству обращению.

Очень важно, чтобы каждый человек, страдающий неизлечимой болезнью с выраженным болевым синдромом, особенно в терминальной стадии ее развития, когда специализированное лечение ограниченно или исчерпано, имел возможность, без унижающего человеческого достоинства, получить своевременный медицинский уход,

обезболивающие и другие медицинские препараты, необходимые для избавления его от страданий. Улучшение качества жизни неизлечимо больного человека до момента его смерти путем своевременного обезболивания и облегчение страданий – основная цель ПМП.

Организация ПМП происходит во всех субъектах РФ, которая оказывается как амбулаторных условиях, так и в стационаре. Однако объем ПМП недостаточен для населения, что ограничивает доступность к данному виду медицинской помощи неизлечимо больных с прогрессирующими заболеваниями и состояниями (онкологических больных, больных с органной недостаточностью в стадии декомпенсации, с заболеваниями терапевтического профиля в терминальной стадии развития, с тяжелыми необратимыми нарушениями мозгового кровообращения и последствиями травм, с дегенеративными заболеваниями нервной системы и различными формами деменции на поздних стадиях развития заболевания)[2].

Например, в Саратовской области, ПМП оказывается только в стационаре. В 2015 г. было развернуто 115 коек, а в 2016 г. – 120 , в 2017 – 140 коек. Показатель обеспеченности населением данным видом медицинской помощи на 10.000 населения в Саратовской области в 2016 году составил 0,48, в Приволжском федеральном округе – 0,63, в Российской Федерации 0,85. Обеспеченность паллиативными койками в Приволжском федеральном округе и в Российской Федерации почти в 2 раза выше чем в Саратовской области[3]. По неофициальным данным (из бесед с родственниками тяжело онкологических больных) в г. Саратове очередь на госпитализацию граждан, нуждающихся в ПМП в отделения паллиативной помощи составляет около трех недель, которая должна оказываться с учетом права пациента на выбор врача и медицинской организации, что в существующих условиях реализовать гражданам невозможно. Хосписы, дома сестринского ухода и амбулаторная ПМП на дому населению на территории Саратовской области не организованы. Следует отметить, что Саратовской области на развитие ПМП в 2018 году выделено 97 миллионов 632 тысячи рублей[3].

По данным ВОЗ ПМП в мире ежегодно получают только 14 % больных, нуждающихся в ней, а потребность в ее оказании ежегодно увеличивается, что связанно с ростом неинфекционных хронических заболеваний населения, числа ВИЧ-инфицированных лиц и старением населения в мире[4].

В Великобритании, Австралии организация ПМП направлена на сокращение числа госпитализаций больных в терминальной стадии заболевания в стационарные условия и хосписы и на оказание профессиональной медицинской поддержки в последние дни жизни таких больных в домашних условиях. Развитие системы ПМП на дому (хоспис на дому) для государства более экономически эффективно, так как это обусловлено более низкими затратами на ресурсы здравоохранения по сравнению с оказанием ПМП в больнице или в хосписе. В Великобритании, для определения необходимых объемов ПМП, ведется реестр больных, нуждающихся в данном виде медицинской помощи[5].

Основанная в кембриджском хосписе Arthyr Rank служба ПМП на дому охватывает городскую и большую сельскую местность с населением 620 000 человек, в то время как включает в себя терапевта, специалиста по клинической психологии, 6 квалифицированных медицинских сестер, 14 помощников в области здравоохранения. Старшая медицинская сестра в течение дня принимает обращения нуждающихся в ПМП и устанавливает первоочередность, с учетом тяжести клинической потребности пациента и семьи в данной услуге. В кризисных случаях течения болезни назначаются квалифицированные медсестры, а в мене сложных ситуациях – помощники в области здравоохранения. Одинокие пациенты имеют приоритет на оказание ПМП на дому[5].

Опыт Великобритании в организации хосписа на дому следует оценить положительно, так как это позволяет обеспечить ПМП и сельское население, что в России пока невозможно. Однако, согласно информации, представленной на официальном сайте кембриджского хосписа, данный вид помощи населению оказывается только с 22 часов до 7 утра и стоимость

ухода за одним пациентом за ночь составляет 260 фунтов стерлингов, что противоречит праву на равенство оказания медицинской помощи гражданам.

В Великобритании было проведено исследование эффективности организации хосписа на дому и реализации равенства прав населения на ПМП за период 2012 – 2013 гг. Оказалось, что спрос населения превышает предложения практически в два раза. За год было зарегистрировано 1237 случаев обращения за предоставлением медицинского ухода в ночное время за тяжело больными на дому, но фактически было обеспеченно только 613. Большинство людей, получивших такой уход были более богатыми, чем население в среднем по области, в которой они жили. Пациентам с раком в 5 раз чаще оказывалась ПМП на дому ли в хосписе, нежели пациентам с другими прогрессирующими тяжелыми заболеваниями. Следует отметить, что в Великобритании ежегодно увеличивается количество тяжело больных людей, желающих умереть дома, что связанно с желанием больных оставаться в привычных для себя условиях[6].

В России также существует опыт организации ПМП на дому. Например, в 2012 году в Свердловской области в соответствии с законодательством организованно отделение выездной консультативной помощи детям с паллиативными состояниями на базе «Областной детской клинической больницы № 1», которое состоит из 2 выездных бригад, с 12 штатными сотрудниками. Врач-педиатр с неврологом осуществляют оценку состояния здоровья детей и определяют необходимый объем ПМП. Медицинские сестры осуществляют гигиенический уход за ребенком на дому, обучают родителей профилактике пролежней, санации верхних дыхательных путей, зондовому кормлению и другим процедурам. Клинический психолог осуществляет психологическую поддержку больных детей, родителей, близких родственников[7].

Таким образом, в России, как и во многих зарубежных странах, равенство права пациентов на своевременную ПМП государством не обеспечено. В нашей стране только происходит становление ПМП населению и приоритетным направлением ее развития является оказание данного вида помощи на дому, так как снижаются затраты государства на ее организацию и одновременно увеличивается охват населения, что позволяет оказать ПМП большему количеству нуждающихся. При организации ПМП на дому, как и в стационарных условиях оказания ПМП, реализуется право пациентов на достойное уважительное обращение, а также их право до конца своей жизни оставаться окружении родных и близких, без дополнительных стрессов транспортировки в отделения паллиативной помощи. Организация выездных бригад позволит приблизить данный вид помощи и для сельского населения.

Список использованной литературы и источников:

1. Об утверждении распределения иных межбюджетных трансфертов, предоставляемых в 2018 году бюджетам субъектов Российской Федерации за счет бюджетных ассигнований резервного фонда Правительства Российской Федерации в целях развития паллиативной медицинской помощи: Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2018 N 427-р // СПС «Консультант плюс»

2. Об утверждении Порядка оказания паллиативной медицинской помощи взрослому населению: Приказ Минздрава России от 14.04.2015 N 187н // СПС «Консультант плюс»

3. Ресурсы и деятельность медицинских организаций здравоохранения. Коечный фонд (число и обеспеченность населения койками различных специальностей) // Статистический сборник 2016 год Министерства здравоохранения РФ. 2017. Ч. 3. С. 26.

4. Паллиативная помощь взрослым и детям: организация и профессиональное обучение // Сборник документов ВОЗ и ЕАПП. М.: Р.Валент, 2014. 180 с.

5. *Jack BA., O'Brien M.R., Scrutton J., Baldry C.R.,Groves K.E.* Supporting family carers providing end-of-life home care: a qualitative study on the impact of a hospice at home service. // J Clin Nurs. 2015. Т. 24. № 1-2. P.131-140. doi: 10.1111/jocn.12695. Epub 2014 Sep 19.

6. *Buck J., Webb L., Moth L., Morgan L., Barclay S.* Persistent inequalities in Hospice at Home provision. // BMJ Support Palliat Care. 2018. [Published online]. doi: 10.1136/bmjspcare-2017-001367.

7. *Беспалова Е.А., Ануфриева Е.В*. Организация паллиативной помощи детям в Российской Федерации на примере выездного отделения паллиативной помощи в Свердловской области // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: Материалы II Международной (72 Всероссийской) научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Екатеринбург: Уральский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ. 2017. С. 19-24.

УДК 342.739

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ, КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.С. БУРДАНОВА

Бурданова Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail:gons.anna@yandex.ru

Аннотация: В статье изложено теоретическое понимание социальной ответственности предпринимательства в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Показаны философская и историческая трактовка данной категории, закрепление принципов социальной ответственности в конституционном законодательстве указанных государств, отношение предпринимательства к социальным обязательствам. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного с применением общетеоретических и специальных методов познания. Установлено, что социальная ответственность предпринимателя в Европе вытекает из моральной ответственности, корни которой уходят в христианство. Социальная ответственность в условиях социального государства может иметь конституционно-нормативное закрепление, например через установление обязанности собственника по социально-правовому поведению. Кроме того, государство может создавать условия, способствующие реализации данного принятого в обществе поведения. Прикладной аспект исследования может быть использован для совершенствования Российского законодательства.

Ключевые слова: социальная ответственность, предпринимательство, конституция, экономический правопорядок, основные права

SOCIAL RESPONSIBILITY OF ENTERPRISE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY. HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL, CONSTITUTIONAL AND LEGAL AND SOCIO-ECONOMIC ASPECTS

A.S. Burdanova

Abstract. The article outlines the theoretical understanding of the social responsibility of entrepreneurship in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. The philosophical and historical interpretation of this category, the consolidation of the principles of social responsibility in the constitutional legislation of these states, the relation of entrepreneurship to social obligations are shown. The results of an empirical study carried out using general theoretical and

special methods of cognition are presented. It is established that the social responsibility of the entrepreneur in Europe derives from moral responsibility, the roots of which go to Christianity. Social responsibility in the conditions of a social state can have a constitutional-normative fixing, for example, by establishing the duty of the owner for social and legal behavior. In addition, the state can create conditions conducive to the implementation of this accepted behavior in society. Applied aspect of the research can be used to improve Russian legislation.

Keywords: social responsibility, entrepreneurship, constitution, economic order, basic rights

ВВЕДЕНИЕ

Понятие социальная ответственность предпринимательства появляется с середины XIX века, чаще всего в религиозно-практических дискуссиях. Категория применимой традиции социальной ответственности в Германии является теологической интерпретацией поведения корпоративных акторов, хотя последние не описываются как христианская категория. В современных немецких научных учениях используется термин «общественная ответственность» предпринимательства, которая по своему внутреннему наполнению и теоретическому пониманию соответствует категории «социальная ответственность», применяемой в России.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В условиях правового государства вслед за конституционно-правовой гарантией основных прав субъектов предпринимательской деятельности более значимой становится и их роль в жизни общества и государства. Поэтому возникают закономерные вопросы: существует ли прямая связь между признанием и закреплением основных прав субъектов предпринимательской деятельности, способов их воздействия на общественно-политические и социально-экономические процессы и социальной ответственностью? Как соотносятся конституционно-правовые и социально-экономические аспекты социальной ответственности данных субъектов, и необходимо ли вслед за признанием основных прав за ними также признать и их социальную ответственность? Является ли социальная ответственность предпринимателей в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия одним из исторически сложившихся принципов их деятельности или одной из насущных экономических проблем?

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу составили современные учения о методологии научного исследования: диалектический подход к анализу соотношения общего, особенного и отдельного в установленном конституционном социально-экономическом порядке Российской Федерации и Федеративной Республике Германия; общенаучные и частнонаучные методы исследования: системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, логический подходы и другие методы. В основе исследования лежит сравнительно-правовой метод, поскольку объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе закрепления в конституционном законодательстве и теории права указанных государств категории «социальная ответственность» предпринимательства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В историческом аспекте социальная ответственность предпринимателей стала активно проявляться в Европе с середины XIX века. С этого времени ряд немецких промышленников, в частности платили пенсию своим бывшим пожилым работникам, открывали школы и клиники. В Российской Империи купцы строили на свои сбережения больницы, приюты, облагораживали места досуга.

В немецкой философии права вопросу социальной ответственности предпринимательства уделяется большое значение. Причем круг социальных обязанностей

предпринимателя расширяется и уже не ограничивается только поддержкой своих работников. Согласно позиции профессора Карла Хоманна, центральным звеном общественной ответственности предпринимателя является ответственность за правопорядок, т.е. за создание условий для развития правового государства и дееспособного правового управления им, property rights, борьба с коррупцией и дискриминацией, защита прав человека, влияние на государственные структуры с целью разделения властей, открытости и парламентского контроля[1].

Социальная ответственность в условиях социального государства может иметь конституционно-нормативное закрепление, например через установление обязанности собственника по социально-правовому поведению. Кроме того, государство через законодательные, исполнительные и судебные органы власти может создавать условия, способствующие реализации данного поведения и обязанностей, принятых в обществе (в частности, путем предоставления льгот и субсидий).

Создатели Основного Закона Германии закрепили принцип социального государства, а также социальную обязанность собственника. Так, согласно ч. 2 ст.14 Основного Закона ФРГ «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общественному благу». Указание на социальную ответственность предпринимателей, «публичное значение крупных предприятий» встречаются в рамках конституционной судебной практики. Федеральный Конституционный Суд ФРГ постановил, что «крупные предприятия, а также концерны являются существенным элементом высокоразвитой и дееспособной национальной экономики и несут социально-правовую ответственность»[2]. В решении BVerGe 50, 290\365f Федеральный Конституционный Суд Германии установил, что «право голоса работника и профсоюзов представляет социально-государственное дополнение к свободной предпринимательской деятельности. Является конституционно-оправданным, что закон не только оформляет конституционную свободу, но и при этом упорядочивает её с другими важными конституционными благами… Это является социальной платой крупных предприятий: к обычной экономической легитимности управления дополняется социальная легитимность, поскольку кооперация и интеграция всех сил (капитала и труда), действующих на предприятии, является предпосылкой существования и работы предприятия»[2].

Признание дополнительной социальной легитимности предприятий соответствует закрепленным конституционным принципам и не нарушает установленную свободу предпринимательской деятельности. В условиях закрепления за субъектами предпринимательской деятельности основных прав и свобод (которые в то же время могут быть применимы к их сущности), в том числе за юридическими лицами, занимающимися коммерческой деятельностью, с каждым днем возрастает роль предпринимательского сообщества в принятии политических решений. Движение государства навстречу предпринимательству подразумевает и соответствующие добровольные действия с их стороны. Проще говоря, нельзя одновременно пользоваться всеми предоставляемыми благами, и быть свободным от ответственности перед обществом.

Закрепив в качестве основ конституционного строя социальное государство, в то же время авторы российской Конституции не закрепили конституционно-правовую обязанность собственника. Поэтому можно отметить незавершенность формирования именно правовой части социальной ответственности в России. С практической стороны это означает, что государство может столкнуться с проблемами при правовом регулировании социально-правовой ответственности.

Необходимо отметить, что не только правовое закрепление социального поведения предпринимателей способствует их ответственности перед обществом. Часто социальные и экологические обязательства прямо вытекают из фундаментальной концепции деятельности предприятия и служат, к примеру, конкретизацией предпринимательской философии или демонстрацией предпринимательской культуры[3]. Больше чем две трети предпринимателей в Германии считают себя активными или проактивными в области социальной ответственности (проактивные действия предполагают, что компания берет на себя

инициативу в социальных вопросах, самостоятельно идентифицирует общественные интересы и действует, не дожидаясь указаний или давления со стороны заинтересованных групп). Немецкие топ-менеджеры сформулировали эту стратегию так: «Каждый выделывает свое собственное гражданское поле», что означает, что предприятия сокращают свои частные интересы по извлечению прибыли и дополнительно – как граждане – будут преследовать публичные интересы[4].

С экономической и практической точек зрения, несмотря на то, что современная экономическая деятельность представляет много вызовов, связанных с одной стороны с изменением рыночных и рамочных условий в глобальной экономике, с другой – увеличением правовых требований по все большей социальной ответственности, экономика и социальная ответственность не противоречат друг другу. Принцип «The business of business is business» подразумевает, что эффективная предпринимательская деятельность зависит, в первую очередь, от репутации и признания обществом. И это касается не только хорошего имиджа продукции, но и положительного восприятия конкретного предпринимателя как работодателя, поскольку развитие предприятия зависит от хорошо образованных и мотивированных работников. Существует золотое правило немецкого предпринимательства: «Инвестируй в условия общественного сотрудничества ради всеобщего блага!», иными словами социально-правовая ответственность не проблема, а принцип деятельности предпринимателей в Германии, основанный на христианской этике и конституционном принципе социального государства, и ведущий к равной выгоде между обществом и предпринимателями. Большинство немецких предприятий выступают за «приватизацию» многих государственных социальных задач, однако в качестве необходимого условия предлагают изменение сложившихся рамочных условий в отдельных сферах[3].

В отличие от немецких предпринимателей, для которых характерно выполнение не только юридических и этических требований, но и добровольное участие в социальных программах[5], российские предприятия в меньшей мере участвуют в разрешении социальных проблем и проблем окружающей среды. Безусловно, если брать муниципальную практику, то многие социальные объекты, церкви в селах содержатся, в том числе за счет средств местных крестьянско-фермерских хозяйств. В то же время, крупные предприятия и их собственники, к примеру, в Саратовской области не всегда готовы взять на себя социальную ответственность. Депутат Государственной Думы РФ Николай Панков неоднократно, в том числе в своем телеграмм-канале «Пара слов», указывал, иллюстрируя примерами, что, несмотря на увеличение количества миллионеров и миллиардеров в Саратовской области, число социальных объектов, получающих спонсорскую помощь, не изменяется. Решение этой проблемы, на наш взгляд, заключается в том, чтобы продвигать социальную этику предпринимательских отношений через обдуманные политические решения. При формировании социальной ответственности предпринимателя должны учитываться не только моральная и правовая составляющая, но и экономические рамочные условия. Это будет способствовать поддержанию социальной справедливости и согласию в обществе между всеми социально-экономическими группами, в котором заинтересованы не только государство, но и предпринимательское сообщество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ концепций немецких ученых о социальной ответственности предпринимательства показывает увеличение круга социальных обязанностей предпринимательства, к которым, в частности может относиться и ответственность за демократический правопорядок. Социальная ответственность предпринимательства в современных условиях становится не только моральной, но и правовой категорией. Этому способствует закрепление в Основных законах государств принципа социальной государственности и социальной ответственности собственника. Безусловно, предприятия не должны «подменять» государство в решении всех социально-экономических задач. В то же время в условиях закрепления за предпринимателем, как физическим, так и юридическим

лицом, конституционных прав, доминирования либеральных подходов к регулированию государством экономики, возможностей предпринимательства влиять на социально-экономические отношения и на принятие политических решений, выглядит достаточно логичным необходимость увеличения роли и ответственности предприятий в социальной и экологической сферах.

Список использованной литературы и источников:

1. *Homann K.* Aktuelle Probleme der Wirtschaftsethik (Schriften des Vereins für Socialpolitik N.F. Bd. 211). Berlin. 1992. C. 143-158.

2. Судебная практика Федерального Конституционного Суда Германии: сайт. URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/entscheidungen.html (дата обращения 12.03.2018).

3. *Bruhn M.* Sponsoring. Systematische Planung und integrativer Einsatz. 2. Auflage. Wiesbaden. 1998. C.125.

4. *Homann K.* Gesellschaftliche Verantwortung der Unternehmen. Philosophische, gesellschaftstheoretische und okonomische Uberleugungen. LMU Munchen. 2005. C 1-10.

5. Например, по материалам симпозиума: «Corporate Responsibility: Luxus oder Rettungsanker?»: «Предприятия должны активно брать на себя экологическую и социальную ответственность» – BMW; «Развитие культуры – наш приоритет» – Allianz. «Наши многочисленные обязательства сосредоточены в четырех направлениях – общество, сотрудники, экономика и экология» – Commrezbank AG. «Программа от сердца к сердцу (помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию)» – AXA Konzern AG. «Развитие сетей образовательных учреждений для «ограниченных» детей и подростков» – Bankhaus Metzler. Laeis C.E. «Corporate Citizenship. Unternehmerische Burgerkompetenz in Dienste einer Erneurung der Sozialen Marktwirschaft. Ein Mittelstandskonzept». C.15.

УДК 34.05

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ЖЕНЩИН В ИСЛАМСКОМ ПРАВЕ

Т.А. ДУРАЕВ, А.Ш. АЛЬ-РУБАЙЕ

Дураев Таулан Азреталиевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридическом факультете СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: taulan-d@yandex.ru

Аль-Рубайе Али Шамам Наджм, руководитель правового отдела администрации провинции Васед Республики Ирак.

E-mail: alishamam3@gmail.com

Аннотация. В статье идет об особенностях правового регулирования прав женщин в исламском праве. Для раскрытия этой проблематики авторы обращаются к анализу содержания норм, закрепленных в международных исламских документах, а также к доктрине ислама и нормам Корана.

Ключевые слова: исламское право, правовой статус женщины в исламе, права женщины, международные исламские документы.

LEGAL REGULATION OF THE RIGHTS OF WOMEN IN ISLAMIC LAW

T.A. Duraev, A.S. Al-Rubaie

Abstract. The article deals with the peculiarities of legal regulation of women's rights in Islamic law. To solve this problem, the authors turn to the analysis of the content of the norms enshrined in international Islamic documents, as well as to the doctrine of Islam and the norms of the Koran.

Key words: Islamic law, legal status of women in Islam, women's rights, the international Islamic documents.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня практически во всем цивилизованном исламском мире можно наблюдать закрепление международного стандарта прав человека. Касается это и прав женщин, которые уже долгое время выступают краеугольным камнем полемики между западными правозащитниками и исламскими политическими деятелями.

Несмотря на то, что роль ислама в современном мире значительно повысилась и права и свободы человека постепенно становятся ценностными ориентирами развития исламского общества[1], правовое регулирование некоторых прав человека продолжает основываться на Коране и иных религиозных догмах ислама, которые плохо сочетаются с западной светской доктриной прав и свобод. Так, права женщин оказывается в центре сложных проблем и даже конфликтов, сопровождающих появление и быстрый рост мусульманских меньшинств на Западе. В частности, выдвигаемые против ислама обвинения, связанные с дискриминацией женщин, ограничением и даже нарушением их прав нарушением, порождают негативную оценку ислама в целом[2].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Проблема прав женщин в исламе актуализировалась в связи с внедрением международного стандарта прав человека в законодательство арабских государств и интенсивной демократизацией большинства из них. Между тем, регулирование прав женщин в арабских государствах осуществляется, исходя из ее положения, закрепленном в Коране. Соответственно, преобладает религиозно-этический, а не формально – юридической подход к правам женщин.

В соответствии с нормами Корана, женщина равноправна с мужчиной, но равноправие это связано не с функциональной ролью мужчины и женщины (равенство в Западном понимании связано со стиранием функциональных различий между мужчиной и женщиной), а с равноправием в осуществлении возможностей, обязательств мужчины и женщины, а эти характеристики у них различны.

Равенство возможностей выражается в одинаковых критериях оценки поступков мужчины и женщины по Корану, в их взаимной ответственности, в одинаковом наказании мужчин и женщин за некоторые преступления. Однако в Коране прослеживается разница в регулировании семейных и имущественных прав женщин и мужчин. Статус мужчины в этих сферах шире, чем статус женщины за счет включения в него дополнительных обязательств. Так, Коран возлагает на мужчину обязанность по обеспечению имущественного достатка семьи, каждого ее члена. И если говорить об имущественных гарантиях прав женщин, закрепленных Кораном, то они гарантированы гораздо лучше, чем у мужчины.

Таким образом, изоляция женщин от мужских функций не должна рассматриваться как дискриминационное положение, а, напротив, создающее социальные гарантии положения женщины в исламском обществе.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выявления содержания норм законодательства о правах женщин были использованы анализ и синтез. Тождество и различия в регулировании прав женщин в международном праве и законодательстве арабских государств было выявлено на основании

сравнительно-правового метода. Функциональный метод позволил выявить специфику правового статуса женщины в исламском праве. Диалектический подход позволил рассмотреть эволюцию правового регулирования прав женщин в исламе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Прежде чем раскрывать особенности прав женщин в исламе, необходимо рассмотреть специфику самого исламского права. Важнейшей чертой ислама является то, что в нем не наблюдается последовательного отделения религии от мирского пространства. Ислам выступает не только религией, но и образом жизни, самостоятельной культурой и цивилизацией. Всеобъемлющий характер ислама проявляется в шариате, который тесно связан со всеми социальными нормами[3]. Но, регулируя мирскую (обыденную) жизнь, действие шариата неоднозначно, он проблемно взаимодействует и сочетается с другими правовыми культурами. А это, в свою очередь, приводит к конфликтам культур и восприятию шариата и ислама в целом весьма противоречиво.

Центральным аспектом правового статуса личности является подчинение человека в его внешне выраженном поведении воле Аллаха. Следовательно, человек должен добросовестно выполнять не только возложенные на него обязанности, но и должным образом пользоваться своими правами в соответствии с шариатом.

Наконец, в правах женщинах отражены основные принципы шариата, они основаны на ценностях ислама, ориентированы на удовлетворение не только интересов женщины, но и членов семьи и общества в целом[4]. И если действие исламского права во многих современных исламских государствах ограничено и уступило место законодательству, основанному на западноевропейских образцах[5], то в сфере личного статуса и в регулировании семейных правоотношений исламское право действует в неизменном виде и в полном объеме регулирует данные общественные отношения. Следовательно, правовой статус женщины определяется этико-религиозными нормами Корана и Сунны Пророка.

Действительно, особенности и объем правового регулирования личных и социальных прав женщин в исламе отличается от аналогичных норм в западном праве. Прежде всего, эти различия касаются права на образование, права на труд вне дома, права на свободу передвижения. Эти права для исламских женщин имеют ограничения, обусловленные морально-нравственными основаниями ортодоксального исламского общества.

Сами по себе женщина обладает этими права, но их реализация поставлена в зависимость от исполнения женщиной своей социального роли, своего социального долга – быть матерью, женой, дочерью. Именно выполнение социального долга имеет приоритет перед остальными правами женщины. И если, например, женщина справляется со своими семейными обязанностями и работа не мешает этому, то никто не может препятствовать женщине реализовывать свое право на труд, если она сама того желает.

Однако следует отметить, нежелательность некоторых видов профессий и форм организации труда. Нежелательно, например, для женщины занятие должности судьи. Некоторые исламские школы говорят лишь о запрете на уголовный суд, а по гражданским делам допускают судопроизводство женщиной. Подобный запрет связан с желанием оградить женщину от бремени рассмотрения жестоких уголовных дел.

В международном исламском законодательстве подчеркнута значимость нравственных аспектов статуса женщины и закреплено, что женщина равноправна с мужчиной при условии выполнения женщиной своих семейных обязанностей и соблюдения требований исламской этики в отношении защиты ее чести и достоинства (ст.ст. 19,20 Всеобщей декларации прав человека в исламе от 1981 г.)[6].

Данный компромисс нашел отражение в Конституции Ирака, которая, во-первых, закрепляет запрет дискриминации по признакам пола (ст. 15), во-вторых, закрепляет право равных возможностей для всех (ст. 16), в-третьих, закрепляет равенство политических прав между мужчинами и женщинами (ст. 20). Это означает, что женщины, обладая пассивным

избирательным правом, могут выдвигать свои кандидатуры на выбор на занятие государственных должностей и непосредственно заниматься общественной деятельностью[7].

Большинство исламских стран закрепили в своем семейном законодательстве аналогичные нормы, согласно которым за женщиной признаются личные и социальные права, но поставленные в зависимость от норм шариата, закрепляющих выполнение женщиной ее брачно-семейных обязанностей.

Некоторая ограниченность, можно сказать, ущемленность прав женщин наблюдается в предпринимательской сфере. В случае необходимости представления доказательств достаточно свидетельство одного мужчины, но необходимо свидетельство двух женщин. Но в семейных отношениях, в случае спора по поводу семьи, брака, развода свидетельства одной женщины бывает достаточно для доказательства факта. Это несоответствие связывают с вероятной меньшей осведомленностью женщин в финансовых вопросах.

В законодательстве некоторых исламских государствах устанавливаются ограничения прав женщин. Например, запрет на вождение автомобиля, появление на публике без сопровождения родственника-мужчины, запрет на участие «во всем, что связано с музыкой и костюмированными представлениями» (эти ограничения действуют в Саудовской Аравии). Эти ограничения и запреты западные правозащитники рассматривают как дискриминационные в отношении прав женщин.

Таким образом, женщина в исламе в целом свободна и независима в обладании, пользовании и распоряжении собственностью, она может участвовать в управлении государственными делами, работать, получать образование, защищать свои права, путешествовать вместе с близкими родственниками, осуществлять свое право на вступление в брак, в случае развода получать алименты. Более того, при любых обстоятельствах женщине гарантированы средства к существованию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на начавшуюся демократизацию государственно-правовой жизни в ряде арабских государств, исламские критерии продолжают оказывать серьезное влияние на закрепление прав и свобод человека, на их осуществление путем включения в законодательство или санкционируются в косвенной форме. Религиозно-этические основания играют ключевую роль в регулировании правового статуса женщины, определяют который нормы шариата. Именно они выступают формой закрепления и защиты доминирующих в исламском обществе семейных ценностей.

Западные правоведы отрицательно оценивают преобладание норм шариата, предписывающих выполнение различных социальных обязательств, в правовом регулировании статуса женщины. Наличие таких обязательств является условием реализации прав человека, а это, в свою очередь противоречит западному международному стандарту прав человека.

Полагаем, что имеющиеся различия в правовом статусе женщины в исламе разумно не абсолютизировать и подвергать критике из-за несовпадения с западной концепцией прав человека, а рассматривать с точки зрения исламского правосознания и исламских ценностей. К тому же слишком активное внедрение международного стандарта прав человека и в частности, существенная либерализация прав женщин, может вызвать обратную реакцию. Дело в том, что в массовом правовом сознании традиционно-мусульманского общества роль женщины объяснялась и объясняется на основании ценностей ислама. Это обстоятельство ставит реализацию прав женщин под условие осуществления ее религиозно-этических обязательств, прописанных в Коране.

Список использованной литературы и источников:

1. *Дураев Т.А., Тюменева Н.В.* Значение прав человека в исламском праве // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 352–358.

2. *Сюкияйнен Л.Р.* Ислам и права человека в диалоге культур и религий: монография. – М.: ООО «Садра», 2014. – 212 с.

3. Мохамад Сана Ислам и право: проблема соотношения в афганском обществе (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Мохамад Сана – СПб: Санкт- Петербургский юридический институт МВД России, 1995. – 26 с.

4. Цит. по *Сюкияйнен Л.Р.* Ислам и права человека: Абдалла бин Абдель Мухсин ат-Турки Ислам и права человека. Пример Королевства Саудовской Аравии. Эр-Рияд, 1996. - 86 с. (на арабском языке).

5. *Аль Али Насер Абдель Рахим.* Защита прав и свобод человека и гражданина в арабских странах: монография. – М.: Московский ин-т государственного управления и права, 2015. – 192 с.

6. Всеобщая исламская декларация прав человека (Принята 19 сентября 1981 года Исламским советом Европы в Париже) // http://constitutions.ru/?p=500 (дата обращения: 06.03.2017 г.)

7. Конституция Республики Ирак от 15 октября 2005 г. // http://kdpd.uabs.edu.ua/images/department/kdpd/stories/irak.pdf (дата обращения: 06.03.2017 г.).

УДК 342.41

ПРАВО НА МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Р.А. ТОРОСЯН

Торосян Рима Андраниковна, кандидат юридических наук, ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: rima_t@mail.ru

Аннотация: В тексте изложены основные проблемы, связанные с фактической реализацией права на получение материнского капитала, как меры государственной социальной поддержки семей имеющих детей. По итогам исследования установлено, что приоритетное право на получение материнского капитала принадлежит женщинам, у мужчин, несмотря на то, что они имеют равное право на получение «материнского капитала» на практике возникают трудности в фактической его реализации.

Ключевые слова: мужчины и женщины, равенство, право социального обеспечения, материнский капитал.

RIGHT FOR MATERNITY CAPITAL: PROBLEMS OF ENSURING EQUALITY OF MEN AND WOMEN

R.A. Torosyan

Abstract. The text outlines the main problems associated with the actual implementation of the right to receive maternity capital, as measures of state social support for families of children. The study found that the priority right to receive maternity capital belongs to women, men, despite the

fact that they have an equal right to receive "maternity capital" in practice, there are difficulties in actually implementing it.

Key words: men and women, equality, social security law, maternity capital.

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с ч. 1 ст.39 Конституции Российской Федерации[1] в Российской Федерации каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. На сегодняшний день одним из самых востребованных и наиболее популярных мер государственной социальной поддержки семей имеющих детей, является семейный (материнский) капитал. Материнский капитал, направлен на улучшение демографической ситуации в стране, на поддержку наиболее уязвимых в материальном плане категорий граждан. Государство полагает, что, невзирая на то, что средства материнского капитала не способны в полном объёме обеспечить безбедное будущее детям страны, в случае грамотного распоряжения соответствующей суммой они позволят дать неплохой старт детям во взрослую жизнь, приобрести достойные условия проживания семьям, либо поддержать мать в преклонном возрасте[2].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В 2018 году программа материнского капитала расширена с учетом принятых новых демографических мер по поддержке семей с детьми. В настоящее время размер материнского капитала составляет 453 тыс. руб. Одним из нововведений2018 года является право на оплату из средств маткапитала дошкольное образование детей, не дожидаясь пока ребенку, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на материнский капитал, исполнится три года. Это изменение актуально для тех семей, где есть старший ребенок, поскольку материнский капитал можно направлять на образование всех детей в семье. Распорядиться средствами можно на оплату детского сада и яслей, в том числе частных, а также на оплату услуг по уходу и присмотру за ребенком. Также семьи с низкими доходами (менее 1,5 прожиточного минимума трудоспособного населения на одного человека в семье) получили право на ежемесячную выплату из материнского капитала в случае рождения второго ребенка с 1 января 2018 года[3].

Согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»[4], мужчины имеют равные права с женщиной-матерью при получении мер государственной поддержки в форме материнского капитала, если отец ребенка является единственным усыновителем второго, третьего ребенка или последующих детей. Важно отметить, что возникновение право на дополнительные меры государственной поддержки связанно с наличием гражданства Российской Федерации у ребенка на дату рождения (усыновления), у женщины, родившей (усыновившей) ребенка. Мужчина-отец может реализовать свое право на получение «материнского капитала» не зависимо от наличия у него гражданства, если мать детей, будучи гражданкой Российской Федерации, не воспользовалась данным правом ранее. Следовательно, если супруга не является гражданкой Российской Федерации, а супруг является гражданином Российской Федерации данное право у него не возникает.

Однако на практике возникают трудности в фактической реализации установленного права, а именно, получения материнского капитала отцом ребенка. Фактически только путем обращения в судили в органы прокуратуры отец-одиночка может добиться получения материнского (семейного) капитала, так как при обращении в установленном законом порядке с заявлением на предоставление материнского капитала в соответствующее отделение Пенсионного фонда данным категориям лиц отказывают[5].

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На наш взгляд, в силу того, что мужчина (отец) и женщина (мать) имеют на законодательном уровне равное право на получение материнского (семейного) капитала, было бы целесообразно переименовать его в «семейный капитал», так как данная мера государственной поддержки предоставляется прежде всего для ребенка с целью создания благоприятных условий его воспитания и развития.

Интересным представляется позиции Конституционного суда РФ по вопросу возникновения права на материнский капитал у отца ребенка. Конституционный Суд РФ в своем определении по делу гражданина Российской Федерации А.В. Лукьяниц[6] указал, что дополнительные меры государственной поддержки предоставляются в связи с реализацией социального риска материнства, охватывающего беременность и рождение ребенка, а право женщин на их получение обусловлено фактом рождения второго, третьего или последующих детей. В связи с этим право мужчины на дополнительные меры государственной поддержки по случаю рождения ребенка, имеющего обоих родителей, является производным от права женщины и может быть реализовано лишь в случае, когда право женщины на указанные меры прекратилось по основаниям, предусмотренным законом (в связи со смертью, объявлением умершей, лишением родительских прав и в других ситуациях отсутствия материнского попечения). Таким образом, Конституционный Суд РФ своим определением подтвердил «приоритетное право женщин» на получение материнского капитала с учетом их «особой, связанной с материнством, социальной роли».

Судья Г.А. Гаджиев выразил особое мнение по вопросу предоставления материнского капитала отцам при аналогичных ситуациях, а именно: рождение детей от разных матерей. Наличие гражданства иного государства у матери не означает, что дети данной семьи не нуждаются в мерах государственной поддержки, поэтому необходимо учитывать, что дети в данной семье находятся в более трудных обстоятельствах, чем дети, воспитывающиеся в полной семье. Материнство и отцовство в равной мере защищаются Конституцией РФ. Государство заботится о ребенке и выдаст капитал в его интересах. Почему ребенок иностранки должен иметь меньше прав, чем ребенок, родившийся от россиянки, если оба сына-граждане России?. Таким образом, судья Г.А. Гаджиев выступил с особым мнением о недопустимости дискриминации по гендерному признаку при введении мер социальной помощи[7].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Отсутствие законодательного регулирования вопроса предоставления права на дополнительные меры государственной поддержки отца при наличии у них двух детей от разных женщин, ограничивает мужчин-отцов в фактической реализации права на получение материнского каптала.

Важно отметить, что дискриминация мужчин усматривается также в распоряжении средствами материнского капитала. Согласно ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» мужчины в отличие от женщин не могут тратить материнский капитал на увеличение накопительной части своей пенсии. Важно отметить, что данное право было предоставлено женщине с 1 января 2017 года. Считаем необходимым предоставить и мужчине, являющимся единственным родителем, право на распоряжение средствами материнского капитала в части формирования накопительной пенсии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основание выше изложенного можно сделать вывод, что приоритетное право на получение материнского капитала принадлежит женщинам, у мужчин, несмотря на то, что они имеют равное право на получение «материнского капитала» на практике возникают трудности в фактической его реализации. Считаем, что средства материнского капитала должны быть направлены на создание благоприятных условий для

роста и развития детей, особенно если это касается малоимущих и неполных семей, так как дети в таких семьях особенно нуждаются в поддержке со стороны государства. Относительно гражданства считаем, что материнский капитал должен предоставляться при наличии гражданства Российской Федерации у детей и у одного из родителей, в таком случае реализуется цель, установленная при назначении материнского капитала, а именно, удовлетворение интересов детей.

Список использованной литературы и источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; 2014. № 30 (ч.1). Ст. 4202.
2. *Лунева Е.Н.* Материнский капитал, как форма дополнительной социальной поддержки семьи: анализ государственной политики и этапы изменения законодательства // URL: http://os-russia.com/SBORNIKI/KON-YUR-38.pdf#page=68 (дата обращения: 20.03.2018)
3. Материнский капитал: новое в 2018 году // Официальный сайт газеты «Саратовский Арбат. Газета для всей семьи» http://www.province.ru/saratov/vybor-redaktsii/materinskij-kapital-novoe-v-dvanolodinvosem-godu.html (дата обращения 01.04.2018)
4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч.1). Ст. 19; 2017. № 1 (ч.1). Ст. 11.
5. *Торосян Р.А.* Проблемы обеспечения равенства мужчин и женщин в сфере семейных отношений // В сборнике: 100-летие юридического образования в Саратовской области Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного научного симпозиума, посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ. 2018. С. 121.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукьяницы Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав и конституционных прав его несовершеннолетних детей Лукьяницы Владимира Александровича и Лукьяницы Николая Александровича положениями статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»: Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 № 1518-О. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. *Пушкарская А.* Капитал остался только материнским // Газета «Комерсантъ» № 127 от 20.07.2015. С. 3. URL: http://kommersant.ru/doc/2771884 (дата обращения: 19.06.2015).

УДК 349.23/24

ЗАПРЕТ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН В ОБЛАСТИ ТРУДА

К.А. ТАРТЫГИНА

Тартыгина Кристина Александровна, магистрант кафедры конституционного и муниципального права СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: Tartygina2016@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается запрет дискриминации женщин в области труда в соответствии с российским законодательством и международными актами. Дискриминация женщин в области труда является наиболее актуальной, поэтому данная проблема существует и на российском рынке труда.

Ключевые слова: дискриминация, Конституция РФ, трудовое законодательство, трудовая деятельность, льготы.

PROHIBITION OF DISCRIMINATION AGAINST WOMEN IN THE FIELD OF WORK

K.A. Tartygina

Abstract. The article examines the prohibition of discrimination against women in the field of labor in accordance with Russian legislation and international instruments. This discrimination is currently relevant. The situation in the Russian market put forward this problem.

Key words: discrimination, Constitution of the Russian Federation, labor laws, labor activity, privileges.

Дискриминация по половому признаку в области труда, связанна не только с пробелами в законодательстве, но и с низким уровнем правосознания граждан[4]. Данная дискриминация выражается не только проблемой, связанной с нежеланием брать женщин на работу, но и в связи с дополнительными затратами работодателя на женщин дополнительных льгот (например, декретные выплаты, пособие по беременности и родам, и т.д.). Одной из проблем является гендерное неравенство и социальная дискриминация женщин. Данные проблемы не могут быть решены только с помощью государства, то есть на деле существуют нормы права, устанавливающие запрет на ущемление прав женщин, но без существенного контроля за выполнением[2]. Данная дискриминация проявляется и в заработанной плате, поскольку денежные средства составляют экономическую основу каждой женщины. Кроме того, существуют и другие проблемы, например, проблема двойной занятости женщин (то есть занятость женщины как на работе, так и занятость домашними делами), препятствия продвижению по службе, запреты на профессию, то есть в Постановление Президента РФ № 162 указан ряд тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин оно разрешено в исключительных случаях. Необходимо также определить, что не должно входить в понятие дискриминации в сфере трудовых отношений по половому признаку. Так, женщинам запрещено работать с переносом больших тяжестей, поэтому работодатель выбирает на данный вид работы исключительно мужчин. Следовательно, это положение является законным. Сейчас женщины являются не менее активными в трудовых отношениях, чем мужчины[6]. Трудовые отношения складываются не только в сфере экономики, юриспруденции, но и на тяжелых работах, где необходимы физические возможности. Дискриминация женщин на рынке труда связана еще и с их репродуктивными функциями, семейными обязанностями. Женщина имеет меньше времени для карьерного роста, работы без перерывов, выполнять сверхурочную работу, поскольку у большинства работодателей имеется представление, что женщина для какого-либо предприятия будет являться худшим работником. Ими женщины воспринимаются как нестабильные работники, так как женщины чаще, чем мужчины находятся в отпуске по уходу за ребенком. Кроме того, существует представление о «мужских» и «женских» профессиях. Как правило, женские профессии рассматриваются как второстепенные по отношению к мужским, тем самым это является результатом низкой заработанной платой и невыгодными условиями труда у женщин. Существует мнение, что женщины при выполнении своих трудовых отношений должны получать меньший заработок, чем ее мужчина. Данный аргумент является идеологией семейной оплаты, где трудовая деятельность мужчины является основным доходом семьи, а женщина получает второстепенный или временный заработок. Необходимо экономически поощрять мужчин к занятиям с детьми и домашним хозяйством. До граждан Российской Федерации следует доносить смысл законодательных изменений посредством СМИ, работать над законодательством, которое устранит положения дискриминации в трудовой области. Что касается действий работодателя, то тут следует ограничивать законами действие с момента

подачи объявления о приеме на работу, исключая дискриминацию по гендерному принципу. Со стороны государства необходимо создание механизма, который устанавливает факт дискриминации и возмещения ущерба женщинам, подвергнувшихся дискриминации и реализовывать программы женского предпринимательства, профессиональной подготовки и переподготовки женщин[5]. Для устранения данной дискриминации женщина должна защищать свои права любыми способами, которые не будут противоречить нормам Российского законодательства. На сегодняшний день данная проблема вызвана отсутствием или несовершенством соответствующих норм, которые позволили регулировать возникшие отношения в данной области. Поэтому, необходимо создавать нормативные акты, которые бы однозначно регулировали данный вопрос. Кроме того, создание органов, которые предоставляли бы защиту трудовых прав женщин не только на федеральном, но и региональном уровнях.

Также, права женщин на международном уровне обеспечиваются рядом международных актов. Конвенция МОТ № 111 дает определение: как всякое недопущение, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей в области труда и занятости по признаку расы, цвета кожи, религии, пола, политических убеждений и других оснований. Примером акта, защищающие права в области трудовых отношений на международном уровне является Женевские конвенции МОТ от 19.06.1934 № 41, которая неоднократно пересматривалась. В декларации ООН, которую подписало большинство стран, где главным являлось равенство мужчины и женщины, расширение прав женщин в различных сферах жизни, и возможностей, которые определяются в качестве целей развития человечества в настоящее время. Если проанализировать многие акты международного уровня, то можно сделать вывод, что провозглашено равноправие, запрет дискриминации в отношении женщин, охрана материнства (оплачиваемый отпуск для беременных женщин, а также по уходу за детьми, ограничение увольнения женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком и т.д.). Кроме того, эксперты Комитета ООН по ликвидации различных форм дискриминации в отношении женщин положительно относятся к защите прав женщин на территории Российской Федерации. Все данные нормы, так или иначе, закреплены и в Российском законодательстве. Данных норма дискриминации, так или иначе, закрепляется в Конституции Российской Федерации, и признается важнейшей гарантией его соблюдения в сфере труда, поскольку не позволяет труд без какой бы то ни было дискриминации, в том числе право на вознаграждение. Помимо оснований, закрепленных на международном уровне, Основной Закон России устанавливает принцип запрета дискриминации в области трудовых отношений, и представляет собой запрет на любое различие, ограничение в трудовых правах и свободах. Женщина, считающая, что она подверглась дискриминации в области труда по одному из оснований, вправе обратиться в суд с заявлением о восстановлении своих прав, возмещение материального вреда и даже компенсация морального вреда[1].

Кризис в данный момент поставил женщин в сильную зависимость от работодателя, поэтому работодатель всячески может нарушать права женщин, а также трудовое законодательство. Большую роль в выявление нарушений в области труда могли бы профсоюзы, но, к сожалению, они не везде созданы. Женщинам необходимо более активно защищать свои трудовые права, обращаться в органы государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровнях. Для защиты трудовых прав женщин, не стоит спешить с написанием заявления по собственному желанию, а проконсультироваться у специалиста для решения данного вопроса с юридической точки. В России также действует организация «Женщины против насилия и дискриминации», существуют гендерные центры, которые проводят экспертизу законодательства на существование дискриминации по любым основаниям, обсуждается законодательство о равноправии мужчин и женщин в различных областях жизни, в том числе, антидискриминационные меры в сфере труда[3].

Список использованной литературы и источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31.

2. *Воронина О.А.* Феминизм; либеральное, социалистическое и радиальное направления // Теория и методология гендерных исследований. - М.: МЦГИ. 2001.- С. 59.

3. *Рощин С.Ю.* Занятость женщин в переходной экономики России. - М.: ТЭИС.1996.- С. 22.

4. *Лушников А.М.* «Женский вопрос» и отечественное трудовое право: историко-правовой очерк. Юридическая пресса. № 3. 2015.С. 6.

5. *Мезенцева Е.Б.* Профессиональная сегрегция по признаку пола // Теория и методология гендерных исследований. – М.: МЦГИ. 2001. С. 142.

6. *Бурганова Л., Ахмадеева К.* Гендерные стереотипы в управлении // Власть. - 2010. – №3. – С. 65-69.

УДК 811. 161.1.

ФАКТОРЫ РИСКА В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА С ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТОМ

Г.М. АЛТЫНБАЕВА, Д.И. ЯХИНА

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и медиаобразования Института филологии и журналистки СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: gulnarama@gmail.com

Яхина Диляра Инсановна, кандидат филологических наук, доцент, кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистки СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: dilyaraja@gmail.com

Аннотация: В статье выявлены факторы риска работы преподавателя российского вуза в иноязычной студенческой группе, которые необходимо учитывать при обучении иностранных студентов естественнонаучного и гуманитарного профилей; определены составляющие профессиональной компетенции преподавателя в контексте поликультурного образовательного пространства.

Ключевые слова: Русский язык как иностранный, риски межкультурной коммуникации, профессиональная компетенция, язык специальности

RISKS FACTORS IN CONDITIOS OF INTERCULTURAL INTERACTION BETWEEN RUSSIAN UNIVERSITY TEACHER AND FOREIGN STUDENTS

G.M. Altynbaeva, D.I. Yakhina

Abstract. The article describes the risk factors in the intercultural interaction of a Russian university teacher in a foreign student group, which should be taken into teaching of foreign students studying science and humanities; key fearutes of the professional competence of the university teacher in the intercultural educational environment are discussed.

Key words: Russian as a foreign language, risks of intercultural communication, professional competence, language of science.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие увеличивается количество иностранных студентов из стран дальнего и ближнего зарубежья, которые выбирают в качестве обучения и получения диплома о высшем образовании ведущие региональные вузы РФ. По словам министра образования и науки Ольги Васильевой, к 2025 году в России будут учиться до 760 тысяч иностранцев, в то время как в 2017 году «у нас обучаются 273 тысячи иностранных граждан»[4]. Иностранные студенты есть на всех ступенях высшего образования: бакалавриат − магистратура − аспирантура. Так, например, по данным Центра социологических исследований Министерства образования и науки РФ, учеба на медицинских и фармацевтических факультетах привлекает, прежде всего, граждан арабских стран, Африки и Азии (особенно Марокко, Индии, Малайзии), экономику, финансы и менеджмент, иностранные языки осваивают в российских вузах в основном представители бывших советских республик, по инженерно-техническим

специальностям – студенты из стран СНГ, Балтии, Арабского Востока, Африки и Латинской Америки, а также студенты ряда азиатских стран (например, Мьянмы и Ирана)[3]. По данным статистики, число иностранных студентов, обучающихся в Саратовском государственном университете, с каждым годом увеличивается почти вдвое[5]. В этой связи актуальной является проблема построения педагогического межкультурного общения между преподавателем российского вуза и иностранным студентом, так как от данного взаимодействия во многом зависит успешность профессиональной подготовки иностранного специалиста в различных сферах деятельности. Выявление потенциальных факторов риска в общении преподавателя вуза и иностранного студента, знание которых способствует построению гармоничного общения внутри многонационального студенческого коллектива, снижает уровень психологического дискомфорта, облегчает процесс адаптации инофона к новой образовательной среде. В свете современных педагогических тенденций отдельного исследования требуют и формы методической поддержки преподавателя вуза, работающего в поликультурной образовательной среде.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Эффективная работа в многонациональной студенческой группе невозможна без практических навыков в сфере межкультурного общения. В отечественной науке и системе образования инициаторами изучения межкультурной коммуникации стали преподаватели иностранных языков, которые первыми осознали необходимость знаний о природе межкультурного диалога (С.Г. Тер-Минасова, А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, Д.Б. Гудков, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, И.А. Стернин, Ю.Е. Прохоров, О.Е. Сергеева и др.). Собственный опыт работы в группах иностранных студентов убеждает, что преподавателю вуза, работающему в условиях поликультурной среды, недостаточно знаний в рамках собственного (профильного) предмета, необходимо наличие навыков и умений в области межкультурной коммуникации, знание этикетных и социокультурных норм общения, способствующих снижению уровня «культурного шока». Именно межкультурная компетенция, «которая предполагает умения адекватно понимать и интерпретировать лингвокультурные факты, основываясь на сформированных ценностных ориентирах и оценках своей и чужой культуры»[1], обеспечивает эффективность педагогической деятельности преподавателя вуза в иноязычной учебной группе.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общение между преподавателем и иностранными студентами как представителями разных культур может протекать в различных ситуациях, может быть эффективным или, наоборот, приводить к всевозможным рискам. С целью выявления факторов риска в общении со студентом-инофоном и определения составляющих профессиограммы преподавателей, работающих в условиях мультикультурной образовательной среды, был использован метод анкетирования трех категорий:

- преподавателей русского языка как иностранного, работающих в условиях вузовского обучения, в языковых центрах (как в России, так и за рубежом), индивидуально;
- преподавателей-предметников, работающих в группах иностранных студентов в университетской среде;
- кураторов студенческих групп.

Всего в пределах Саратовского государственного университета было опрошено 30 преподавателей РКИ и тьюторов, а также 30 преподавателей-предметников разной возрастной категории с разным опытом педагогической деятельности как в сфере обучения иностранных граждан русскому языку, так и в сфере их непосредственной подготовки к будущей профессиональной деятельности. Кроме того, для выявления факторов риска использовался метод включенного наблюдения за коммуникативным поведением российских студентов (будущих преподавателей русского языка как иностранного), проходящих прикладную практику по специализации «Русский язык как иностранный» в рамках их аудиторной и

внеаудиторной работы с иностранными студентами. В первом блоке сгруппированы, вопросы, посвященные организации учебного процесса в поликультурной студенческой группе. Второй блок включает вопросы, посвященные проблемам межкультурного и межличностного взаимодействия в ситуации "преподаватель – иностранный студент", "иностранный студент – иностранный студент", "иностранный студент – студент-носитель языка", "иностранный студент – носитель языка".

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Имеющийся опыт работы университетских преподавателей с иностранными студентами позволяет выделить группу рисков в работе преподавателя вуза с иностранным студентом, а также отметить «пути» межкультурного взаимодействия для успешной работы. Так, к факторам риска можно отнести следующие проблемы взаимодействия:

1. Языковой барьер − недостаточный уровень владения спецификой педагогического дискурса в группе инофонов первого года обучения, непонимание того, что даже после довузовской подготовки уровень владения русским языком не является достаточным для обучения в российском вузе.

2. Недостаточность знаний (а порой и нежелание преподавателя эти знания получить) в сфере специфики национально-коммуникативного поведения инофона, а это играет немаловажную роль в рамках создания благоприятных условий общения внутри студенческой группы.

3. Личность преподавателя − отсутствие толерантности в отношении к другой культуре, нетерпимость, явное неуважение к студенту, недоброжелательность, пренебрежительное или равнодушное отношение к студентам, негативные предубеждения, раздражительность, высокомерие. Так, один из преподавателей дал следующий ответ в анкете «Нельзя никогда подчеркивать превосходство одной нации над другой, вести разговоры, провоцирующие агрессивное поведение. Важно уважать своих студентов!»

4. Стили педагогического общения − ошибочно выбранный стиль общения, может стать причиной конфликтов между преподавателем и иностранным студентом, а порой и привести к отсутствию коммуникации в целом (вплоть до того, что иностранцы боятся обращаться к преподавателю либо, наоборот, считают возможным использовать менее формальное общение, зачастую «панибратское»).

5. Язык специальности – незнание преподавателем-предметником методики работы с профессионально ориентированными текстами в группах иностранных студентов.

6. Отсутствие у инофона мотивации к изучению русского языка вследствие заниженных требований преподавателя-предметника к формам промежуточной и итоговой аттестации по профильным предметам.

7. Закрытость внеаудиторной жизни иностранца – большую часть времени иностранные студенты общаются преимущественно между собой (в своей этнической группе) и преимущественно только на родном языке, что негативно сказывается на улучшении коммуникативной компетенции на русском языке в целом. С русскими студентами напрямую общаются те инофоны, у которых довольно высокий уровень знаний русского языка. Разобщенность иностранных студентов мешает работе преподавателя.

8. Бестактность, грубость, неуважение со стороны иностранных студентов к культуре страны изучаемого языка (потребительское отношение), вспыльчивость студентов, излишняя настойчивость, отсутствие у отдельных студентов понимания того, что учеба – большой труд; фамильярность, неусидчивость, отсутствие культуры поведения и общения, неумение сосредоточиться на чём-то важном - частые причины конфликта между преподавателем и иностранным студентом. Неготовность преподавателя к такому поведению, незнание стратегий и тактик работы с подобными студентами может привести к риску отказа вести занятия в учебной группе.

Пути преодоления проблем межкультурного взаимодействия между преподавателем вуза с иностранным студентом, по мнению участников анкетирования, заключаются в следующих шагах:

1. Использование стратегии сотрудничества в поликультурной студенческой группе позволяет установить многостороннее взаимодействие в ситуациях «преподаватель – иностранный студент», «иностранный студент – иностранный студент», «иностранный студент – студент-носитель языка», сплочает студентов, способствует более эффективному развитию коммуникативной и социокультурной компетенции инофона.

2. Преподаватели используют традиционные виды занятий, но в зависимости от уровня языковой подготовки, изучаемой темы и степени её трудности предметники обращаются и к индивидуальным формам работы, интерактивным приемам, которые, с одной стороны, позволяют активизировать познавательную деятельность инофона, с другой − интенсифицировать процесс профессионально ориентированного обучения.

3. При необходимости преподаватель использует особые формы работы, отличные от форм работы с русскими студентами. Это помогает лучшему усвоению материала, мотивирует к обучению, повышает уровень коммуникативной и профессиональной компетенции инофона.

4. Не только преподаватели РКИ, но и предметники признаются, что общаются со студентами вне учебных занятий (подготовка различных мероприятий, посещение театров, музеев, совместные поездки в другие города России и т.д.). Это вызвано, прежде всего, стремлением наладить контакт с иностранными студентами, что, в свою очередь, способствует продуктивному обучению иностранного студпредметам русскому языку, так и профильным предметам.

5. Преподавателю необходимо первым идти на контакт, устанавливать благоприятный психологический климат в учебной группе, так как, по мнению большинства участников анкетирования, иностранные студенты стесняются обратиться за помощью, боятся показать своё незнание русского языка, особенно, если в группе больше русских студентов. За помощью к преподавателю и русским студентам обращаются, как правило, более уверенные в себе студенты. Участники анкетирования отмечают, что активно участвуют в налаживании контакта между иностранными студентами и русскими студентами, обращаются к ним за помощью (например, в том случае, когда успевающий студент объясняет неуспевающим на родном для них языке сложный учебный материал), объясняют важность поддержки, взаимовыручки в процессе академической и социокультурной адаптации иностранных студентов.

6. Большую помощь в налаживании контакта с иностранными студентами оказывают кураторы и тьюторы. Система кураторской и тьюторской поддержки первокурсников, хорошо организованная в СГУ, играет существенную роль в налаживании контакта в поликультурной студенческой группе.

7. Преподаватель выступает в роли посредника между иностранными и русскими студентами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Риски, возникающие в условиях межкультурного взаимодействия преподавателя вуза с иностранным студентом, − это реальность образовательного пространства современного российского учебного заведения (ссуза и вуза). Задача современного преподавателя − не только знать факторы риска в процессе учебного взаимодействия в поликультурной студенческой группе, но и уметь эти знания активно использовать в рамках своей педагогической деятельности, строить занятия с учетом «портрета» и студента-иностранца, и иностранной группы в целом. Важно не обходить возникающие проблемы, а решать их совместно с коллегами и студентами-иностранцами. Продуктивнее, с профессиональной точки зрения, видеть факторы риска не как проблему, а как преодолимое препятствие. В этой связи в рабочие программы курсов повышения квалификации/переподготовки профессорско-

преподавательского состава необходимо включать модули, посвящённые вопросам межкультурного взаимодействия в условиях мультикультурной образовательной среды вуза.

Список использованной литературы и источников:

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во «Икар», 2009. 448 с.

2. *Алтынбаева Г.М., Яхина Д.И.* Проблемы академической и социокультурной адаптации иностранных студентов к условиям обучения в российском вузе // Личность − Язык − Культура: Материалы VI Международной научно-практической конференции 22-24 ноября 2017. Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2017. С. 31-38.

3 *Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.* Иностранные студенты в российских вузах. М.: Центр социологических исследований, 2014. 228 с.

4. *Ивойлова И.* Хождение за дипломом. Число иностранных студентов в России вырастет в три раза // Российская газета. 2017. 13 ноября (№7423(257)). https://rg.ru/2017/11/13/chislo-inostrannyh-studentov-v-rossii-vyrastet-vtroe.html

5. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 7 / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2017. 496 с.

УДК 811.161.1 '374

НАРЕЧИЕ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКА

А.В. ДЕГАЛЬЦЕВА

Дегальцева Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail:*deganna@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности функционирования конфиксальных наречий в российской прессе 2008-2018 г.г. В центре внимания автора оказываются приставочно-суффиксальные слова, образованные от фамилий политических деятелей. Такие наречия являются средством репрезентации политического имиджа субъекта. Автор статьи показывает, что данные наречия – обширный и активно пополняющийся класс слов, расширяющий сферу своего употребления. Конфиксальные наречия, образованные от онимов, используются как средство обобщения и типизации поведения или действий политиков.

Ключевые слова: политические деятели; имидж политика; СМИ; наречие; речевой портрет.

ADBERB AS A MEANS OF SPEECH CHARACTERISTICS OF THE IMAGE OF RUSSIAN POLITICS

A.V. Degaltseva

Abstract. The article deals with the peculiarities of the functioning of adverbsin the Russian press in the period from 2008 to 2018.The author focuses on prefixal-suffixal derivativesformed from the names of politicians. Such adverbs are the means of representing the political image of the subject. The author of the article shows that these adverbs are broad and actively replenished class of words,

expanding the scope of its use. The studied adverbs are used as a way of generalizing and typifying of the behavior or actions of politicians.

Key words: politicians; image of politicians; media; adverb; speech portrait.

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество неоднородно. Его члены образуют группы, различающиеся половозрастными признаками, профессией, уровнем благосостояния, непосредственным отношением к власти и т.д. В российском обществе особое место занимают политики: лидеры партий и общественно-политических движений, а также представители политической элиты (правящего класса), то есть организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством[1]. Политики являются объектом пристального внимания и обсуждения в СМИ. Радио, телевидение и пресса формируют и закрепляют в сознании граждан имидж того или иного общественно-политического деятеля. При создании образа медийной личности журналисты используют определённые коммуникативные стратегии и тактики, а также различные лексические средства. В данной работе мы обратимся к рассмотрению функций конфиксальных наречий, образованных от имён собственных и служащих одним из средств речевой характеристики имиджа российских политиков.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

На рубеже XX-XXI веков наречия развивают свои сочетаемостные возможности, расширяют словообразовательный потенциал[2]. Это касается, прежде всего, наречий образа действия, которые относятся к группе собственно-характеризующих слов данной части речи.

Большой продуктивностью обладаютконфиксальные наречия. Такие слова образуются от производящей базы с помощью префикса по- и суффиксов -ски, -ому/-ему, -ьи. Благодаря словообразовательной структуре они обладают сравнительно-уподобительным значением[3]. Наречия, образованные приставочно-суффиксальным способом, «на уровне плана выражения мотивированы адъективными лексемами, содержательно же –существительными»[4]. Интересно, что конфиксальные наречия развивают способность к присубстантивному употреблению и, как отмечает О.В. Сидорова, часто используются в качестве заголовков публицистических статей[5].

Согласно составленному нами словнику наречий образа действия, насчитывающему более 5500 единиц, извлечённых из разных сфер коммуникации (публицистической, научной, официально-деловой, обиходно-бытовой, а также сферы художественной литературы) на конфиксальные адвербиальные лексемы приходится около 10% от общего количества собственно-характеризующих наречий.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предмет данного исследования – функционирование на страницах современных газетнаречий, образованных приставочно-суффиксальным способом от фамилий известных российских политических деятелей. Интерес к конфиксальным наречиям вызван тем, что это обширная и активно пополняющаяся группа слов.

В качестве материала исследования использованы центральные и региональные выпуски таких частных и государственных изданий, как «Аргументы и факты», «Завтра», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец» «Независимая газета», «Российская газета»с 2008 по 2018 г.г. Общий объём проанализированного материала – около 200 единиц. В исследовании использованы методы сплошной выборки, количественного и контекстуального анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Конфиксальные наречия в современной прессе часто употребляются не как собственно-второстепенные члены предложения, характеризующие глагол, от которого они зависят грамматически, но как усложнители смысла предложения – компликаторы. Как показывают

наши наблюдения, сотрудники современных газет нередко употребляют в своих материалах конфиксальные наречия, образованные от фамилий современных политических деятелей. Появляясь на экранах телевизоров, принимая участие в различных мероприятиях, предлагая те или иные решения социальных проблем, политики способствуют формированию своего имиджа, который активно поддерживается в СМИ. В связи с этим упоминание на страницах газет фамилии того или иного политического деятеля начинает ассоциироваться в читательском сознании с его поведением и образом мыслей.

Наречия, образованные от фамилий политиков, возникают в прессе как окказиональные образования, но затем быстро тиражируются различными СМИ, превращаясь со временем в речевые штампы. Такие слова в полной мере отражают сформировавшийся в сознании россиян образ представителя власти или члена политической партии. Контекстное окружение позволяет конфиксальным наречиям наиболее ёмко и обобщенно отразить поведение, образ жизни, характер политика или стиль его управления государством (в случае, если речь идёт о правящей элите). Так, руководитель фракции ЛДПР В.В. Жириновский воспринимается большинством россиян как человек излишне эмоциональный, прямой и резкий, нетолерантный. Не случайно один из журналистов «Комсомольской правды», отмечая излишнюю эмоциональность Игоря Лебедева, сына В.В. Жириновского, депутата ГД и члена ЛДПР, сравнивает его с отцом: *Игорь Лебедев, особо не разбираясь и не вникая в суть дела, отреагировал на это письмо* ***по-жириновски*** *экспрессивно* (Комсомольская правда 13.09.2012). Подмечают характерные черты поведения политика не только журналисты, но и их интервьюеры. Так, член совета партии «Справедливая Россия», профессор Р.И. Пшеничникова в интервью для газеты «Московский комсомолец» говорит о В.В. Жириновском следующее: «*20 лет продолжается клоунада «****по-жириновски****», она уже никого не смешит, а скорее раздражает, пугает своей агрессией и, если хотите, оскорбляет звание депутата, а властям он угоден»* (Московский комсомолец 21.09.2011).

Другой известный политик Г.А. Зюганов, депутат ГД, руководитель фракции КПРФ, обычно характеризуется СМИ как человек простой и скромный, соблюдающий принципы жизни советского гражданина. Поэтому в «Комсомольской правде» мы находим статью с заголовком: «*У лидера КПРФ – картошка* ***по-зюгановски***». Рядом напечатанподзаголовок, разъясняющий смысл первой фразы: «*По-советски скромно Новый год встретит ГеннадийЗюганов»* (Комсомольская правда 28.12. 2017). Таким образом, благодаря контексту лексема «по-зюгановски» ассоциируется в сознании читателя с другими наречиями «по-советски», «по-простому».

Конечно, чаще всего в СМИ встречается конфиксальное образование «по-путински». Оно используется как в текстах публицистических статей, так и в заголовках. Данное наречие обычно используется для характеристики стиля управления, который применяет в своей деятельности Президент РФ: *Конструктив* ***по-путински*** (Независимая газета 10.04.2009); *Где публичные взбучки* ***«по-путински»*** *нерадивым подчиненным?* (Комсомольская правда 18.05.2011); *От Дмитрия Медведева ждут боя* ***по-путински*** (Коммерсант 18.05.2011); *Гражданам нравится решение проблем* ***по-путински****:55% россиян за переизбрание Владимира Путина в 2018 году* (Коммерсант 15.01.2015).Во всех приведённых примерах наречия выступают в роли усложнителей семантики предложения, являясь не только способом синтаксической компрессии, но и средством создания выразительности высказывания. Обычно данное наречие используется, чтобы продемонстрировать положительные, с точки зрения журналиста, действия В.В. Путина как сильного, справедливого и независимого лидера. Конечно, в определённом контекстном окружении лексема «по-путински» получает инегативную оценку. Так, в статье под названием *«Социальная справедливость* ***по-путински****»* (Московский комсомолец 02.12.2012) журналист говорит о том, что, по его мнению, решения проблем, связанных с капитальным ремонтом ветхого жилья и увеличением транспортного налога, оказались нерациональными и несправедливыми. Таким образом, само слово «справедливость», которое характеризуется конфиксальным наречием, приобретает в авторском материале ироническое звучание.

Лексема «по-путински» настолько широко распространена, чторасширяет сочетаемостные возможности наречия, употребляясь при девербативах и деадъективах, называющих процессы или явления, и даже при существительных с конкретно-предметным значением: *Теперь Януковичу осталось освоить «борьбу* ***по-Путински****», тем более что с российским президентом он часто общается* (РГ 09.09. 2008);*К стабильности* ***по-путински*** *это не имеет никакого отношения* (МК 25.12.2013); *Веб-камеры* ***по-путински*** *не дойдут до отдаленных районов* (Коммерсант 17.01.2012). Отдельного пояснения заслуживает последний пример, в котором наречие употребляется при существительном, называющим объект. Под словосочетанием «веб-камеры по-путински» автор статьи имеет в виду целую ситуацию: приказ Президента РФ оснастить системами онлайн-трансляций все избирательные участки.

Нужно отметить, что употребление изучаемых конфиксальных наречий в присубстантивной позиции довольно широко распространено на страницах современных газет. В таких случаях приставочно-суффиксальные лексемы, образованные от фамилий, позволяют ёмко и обобщённо описать совокупность действий, типичных для того или иного политика, а также охарактеризовать его стиль принятия решений или выбранный им политический курс. Приведём несколько примеров: *импортозамещениепо-медведевски* (Аргументы и факты 10.04.2015); *демократизация по-медведевски* (Независимая газета 15.05.2012); *национализация по-грудинински*(Аргументы и факты 06.03.2018);*поправки по-титовски*(Московский комсомолец 07.10.2016).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, наречия, образованные приставочно-суффиксальным способом от фамилий политических деятелей, используются чаще всего для того, чтобы охарактеризовать поведение или действия субъекта как свойственные ему и отличающие его от других политиков. В таком случае конфиксальные наречия имеют значение «так, как обычно поступает Х», где Х – тот или иной человек, наделённый политической властью. Реже такие приставочно-суффиксальные образования используются для того, чтобы охарактеризовать чьи-то действия и особенности поведения как свойственные какому-либо известному политику.

Нужно отметить, что конфиксальные наречия, производящей базой которых являются имена собственные – это довольно обширный класс слов, которыйрасширяет сферу своего употребления и постоянно пополняется новыми единицами, отражающими реалии современной действительности.

Список использованной литературы и источников:

1. *Моска Г.* Правящий класс / Пер. с англ. и примеч. Т.Н. Самсоновой //Социологические исследования. 1994. № 12. С. 97-117.

2. *Валешная Я.В.* Особенности функционирования конфиксальных наречий в русском языке XXI века (на примере словосочетаний тематической группы «Рецептура блюд») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. №2. С. 12-18.

3. Русская грамматика. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.

4. *Савёлова Л.А*. Наречная система современного русского языка в аспекте функционально-социального варьирования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С.81-87.

5. *Сидорова О.В.* Субстантивные словосочетания с наречиями на «-ски» и приставкой «по-» в современном русском литературном языке. Вестник Иссык-Кульского государственного университета. 2013. №4. URL:http://nbisu.moy.su/_ld/18/1844_IGU_Sidorova_34.pdf (дата обращения: 20.03.2017).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ

УДК 316

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА
Я.А. АРДЕЛЬЯНОВА

Ардельянова Яна Андреевна, кандидат социологический наук, старший преподаватель, кафедра современной социологии, социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail:yardelyanova@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается специфика и особенности инклюзивного образования в школе в условиях современного неравенства в обществе. Социологический анализ актуального состояния инклюзивного обучения детей с физическими и ментальными ограничениями здоровья показал необходимость устранения ряда барьеров (социальных, материальных, психологических) для обеспечения равного доступа к образованию и отношения во время учебы. К перспективным направлениям развития инклюзивного образования в России можно отнести: развитие системы тьюторства, разработку и реализацию индивидуальных образовательных программ, специализированная работа и поддержка семей с детьми с ОВЗ.

Ключевые слова: Инклюзивное образование, институт образования, социальное неравенство, современная школа.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INCLUSIVE EDUCATION IN SCHOOLS IN THE CONTEXT OF SOCIAL INEQUALITY

Ya. A. Ardelyanova

Abstract: the article deals with the specificity and peculiarities of inclusive education in school in the conditions of modern inequality in society. Sociological analysis of the current state of inclusive education of children with physical and mental disabilities has shown the need to eliminate a number of barriers (social, material, psychological) to ensure equal access to education and relationships during school. The perspective directions of development of inclusive education in Russia include: development of the tutorship system, development and implementation of individual educational programs, specialized work and support for families with children with disabilities.

Key words: Inclusive education, institute of education, social inequality, modern school.

ВВЕДЕНИЕ

По данным Росстата в России в 2017 году общая численность инвалидов составила 12259 тыс. человек, из них детей-инвалидов в возрасте от 8 до 17 лет - 411 тысяч[1]. Стоит отметить, что количество детей-инвалидов растет с каждым годом. Таким образом, инклюзивное образование является актуальным компонентом современной системы образования. Представляется важным изучение возможностей и перспектив его развития в условиях социального неравенства современного общества.

Каждый ребенок с ограниченными возможностями здоровья должен иметь равные права и возможности получения качественного образования, адаптированного к его возможностям и потребностям. Это позволит детям с ОВЗ успешно социализироваться в обществе, а также найти свое место и призвание в жизни для реализации собственного

потенциала. Основной проблемой является неравный доступ к получению общего образования для детей-инвалидов, а также неравное отношение к ученикам с разными способностями и возможностями.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В широком смысле инклюзивное образование – это более гибкий подход к обучению, уникальный процесс доступного образования для каждого, в котором ликвидированы барьеры, связанные с непохожестью обучаемых, и созданы условия для самораскрытия потенциала человека, при этом выигрывают все дети. При данном подходе рассматриваются все обучающиеся вне зависимости от их физических, психических, интеллектуальных, культурно-этнических и других способностей[2].

ЮНЕСКО определяет инклюзивное образование как обеспечение всеобщего образования для всех детей. Под инклюзивностью понимается осуществление упредительных действий по выявлению барьеров и препятствий, с которыми многие люди сталкиваются в получении доступа к образовательным возможностям, а также определению ресурсов, необходимых для преодоления таких препятствий[3].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Несмотря на то, что данные современных социологических исследований показывают, что большинство школьников положительно относятся к обучению совместно с детьми с физическими или ментальными ограничениями, по-прежнему инклюзивные школы и классы являются редкостью, или существуют формально. Обычно в инклюзивных школах получают образование дети с сохранным интеллектом и относительно незначительными нарушениями здоровья, например с нарушениями зрения, но не полностью слепые, с нарушениями слуха и позднооглохшие, т.е. умеющие говорить, ориентироваться в классе, а также способные достаточно легко усваивать школьную программу. Крайне редко в общеобразовательных школах учатся дети с умственной отсталостью, серьезной задержкой психического развития и т.п. Практически 100% детей с нарушениями умственного развития учатся неинклюзивно, из них около 75% посещают специальные коррекционные учреждения[4].

Сравнительный анализ реализации программ инклюзивного образования выявил ряд направлений и мер, которые составляют перспективу развития инклюзивного образования в России.

Исходя из опыта скандинавских стран, можно сделать вывод, что тьюторство является важной составляющей в инклюзивном образовании. Роль тьютора заключается в оказании помощи, связанной с организацией условий для социализации ребенка с особыми образовательными потребностями в среде сверстников, а также может содействовать в разработке для ребенка его образовательной программы и адаптации его индивидуальной образовательной программы, но главной его задачей является организация для ребенка с ОВЗ «безбарьерной» среды.

На настоящий момент в России только начинает зарождаться данное направление. В ФГОСе прописаны требования, которыми должен обладать тьютор. Именно по данному государственному образовательному стандарту составляются программы обучениятьюторов в педагогических учреждениях.

Наряду с развитием тьюторства также важно развивать направление по созданию индивидуальных образовательных программ для каждого ученика с ОВЗ. Это поможет учесть все особенности развития ребенка с особенностями. При таком подходе ребенок сможет адаптироваться среди сверстников проще, а также процесс социализации будет проходить более эффективно, нежели чем по общеобразовательным стандартам.

Работа и поддержка семей с детьми с ОВЗ является перспективным направлением по развитию инклюзивного образования в России. Например,в скандинавских странах большое внимание уделяется семье ребенка с ОВЗ. Агентство по специальному образованию оказывает помощь и поддержку таких семей. Специалисты данного агентства также прислушиваются к

пожеланию родителей и ребенка и находят компромисс в вопросах инклюзивного образования. Российской психолого-медико-педагогической службе также стоит больше уделять внимание семьям с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Родители ребенка с особыми образовательными нуждами должны принимать участие в воспитании и образовании ребенка для достижения наилучшего результата не только в академической успеваемости, но в достижениях ребенка в социальной сфере.

Серьезным фактором, препятствующим полноценной инклюзии детей в школах является недостаточное материально-техническое оснащение общеобразовательного учреждения под нужды детей с ОВЗ (отсутствие пандусов, лифтов, специального учебного, реабилитационного, медицинского оборудования, специально оборудованных учебных мест и т.д.). Представляется перспективным оборудование отдельных классов, в виду невозможности или сложности оборудования всего здания школы.

При изучении процесса институционализации инклюзивного образования в России было выявлено, что россияне не воспринимают граждан с ОВЗ как равноценных граждан. Это означает, что помимо организации инклюзии в школах, необходимо разработать программы социальной интеграции детей с особенностями развития, повышения уровня толерантности, самосознания и помогающего поведения со стороны здоровых людей. Также необходимо в СМИ создать позитивный образ человека с ограниченными возможностями здоровья для того, чтобы граждане не воспринимали их как «других». Например, в Скандинавских странах инклюзия происходит одновременно во всех сферах жизнедеятельности общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного анализа можно выявить тенденции развития инклюзивного образования в России. На данный момент в России на государственном уровне реализуется программа до 2020 года «Доступная среда». По промежуточным результатам её функционирования и данным отчетов Минобрнауки РФ развитие инклюзивного образования является одной из главных задач. С каждым годом будет увеличиваться количество школ, готовых обучать детей с ОВЗ.

Наряду с этим продолжится тенденция к закрытию специальных (коррекционных) учреждений. Однако многие исследователи считают это проблемой, так как в некоторых регионах общеобразовательные школы еще не готовы принять детей с особыми образовательными нуждами, а коррекционные учреждения уже закрыты. Тем самым дети с ОВЗ оказываются маргиналами в современном обществе.

Так как реализация инклюзивного образования является относительно новой практикой, то до сих пор не существует единого образовательного стандарта на всех ступенях образования для разных групп детей с ОВЗ. В связи с этим предлагается развивать такое направление как тьюторство. Роль тьютора заключается в оказании помощи, связанной с организацией условий для социализации ребенка с особыми образовательными потребностями в среде сверстников, а также может содействовать в разработке для ребенка его образовательной программы и адаптации его индивидуальной образовательной программы. Также важно организовать работу с семьями детей с ОВЗ, таким образом, интеграция таких детей в образовательную среду будет проходить эффективнее.

Борьба с социальной изоляцией и маргинализацией людей с ОВЗ должна происходить в комплексе. Необходимо создать и реализовать программы о доступной среде инвалидов - оборудовать не только инклюзивные школы, но и городское пространство для того, чтобы индивид мог быть мобильным в обществе, а также воздействовать на общественное мнение людей с помощью средств массовой коммуникации со стороны государства для создания позитивного образа человека с ОВЗ.

Список использованной литературы и источников:

1. Государственная статистика детской инвалидности [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/

2. *Коршунова О.В.* Теоретико-методологические основы инклюзии в образовании // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 8. – С. 16–20. – [Электронный ресурс]: http://e-koncept.ru/2016/56114.htm

3. Руководящие принципы политики в области инклюзивного образования, / Опубликовано Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры 7, placedeFontenoy 75325 Paris 07 SP France. - ЮНЕСКО 2009 г. – 36 с.

4. *Кучмаева О.В., Дементьева И.Ф., Петрякова О.Л., Сабитова Г.В., Синельников А.Б.* Проблема доступности среднего образования для несовершеннолетних лиц с ограниченными возможностями здоровья в г. Москве. Научный отчет. – ФГНУ ИСВ РАО, 2012, 208 с.

УДК 376

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.А. ВИНОКУРОВА

Винокурова Асель Амановна, магистрант экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: aselvinokurova@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены основные характеристики инклюзивного образования, его преимущества и ограничения, анализируются основные аспекты внедрения инклюзивного образования, аргументируется необходимость совершенствования инклюзивных образовательных программ, что позволит снизить социальное неравенство в обществе.

Ключевые слова: инклюзивное, инклюзивное образование, социально неравенство.

INCLUSIVE EDUCATION: CURRENT STATUS PROBLEMS AND PROSPECTS

A.A. Vinokurova

Abstract. The article considers the main characteristics of inclusive education, its advantages and limitations, analyzes the main aspects of the introduction of inclusive education, arguments the need to improve inclusive educational programs that will reduce social inequality in society.

Key words: inclusive, inclusive education, social inequality.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы и перспективы инклюзивного образования касаются, прежде всего, людей с ограниченными возможностями здоровья. Поскольку традиционная форма образования не предусматривает использование специальных технологий для людей с ограниченными возможностями восприятия и освоения информации, что не отвечает интересам общества, то на этой почве возникает неравенство. В результате общество получает: а) конфликты; б) упущенную выгоду в плане появления и воспитания новых выдающихся специалистов для различных сфер деятельности общества.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Прежде чем развивать тему инклюзивного образования, необходимо дать определение и принципы инклюзивного образования, которые сложились во всем мире.

Инклюзивное (французское слово inclusif - включающий в себя, от латинского include - заключаю, включаю) или включенное образование - термин, используемый для описания процесса обучения детей с особыми потребностями в общеобразовательных (массовых) школах.

Инклюзивное образование - это совместное обучение и воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и детей, не имеющих таких ограничений.

Существует восемь принципов инклюзивного образования:

- ценность человека не зависит от его способностей и достижений;
- каждый человек способен чувствовать и думать;
- каждый человек имеет право на общение и на то, чтобы быть услышанным;
- все люди нуждаются друг в друге;
- подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений;
- все люди нуждаются в поддержке и дружбе ровесников;
- для всех обучающихся достижение прогресса скорее может быть в том, что они могут делать, чем в том, что не могут;
- разнообразие усиливает все стороны жизни человека.

При инклюзивном обучении дети с особыми образовательными потребностями обучаются в классе вместе с обычными детьми.

Инклюзивное образование на территории РФ регулируется Конституцией РФ, федеральным законом "Об образовании", федеральным законом "О социальной защите инвалидов в РФ", а также Конвенцией о правах ребенка и Протоколом №1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Вместе с тем необходимо отметить, идея инклюзивного образования содержит в себе как риски, так и возможности (таблица 1).

Таблица 1.

Риски и возможности инклюзивного образования

Риски	Возможности
Формирование заниженной самооценки либо комплексов у детей с ограниченными возможностями здоровья	Люди с ограниченными возможностями будут плотнее интегрированы в общество или социум, не будут чувствовать себя изолированными
Субъективизация оценивания знаний, преподавателям сложно будет давать оценку	Однозначно будут новые гении, что вкупе с плотной интеграцией в социум, даст экономике новых высококлассных специалистов различных сфер
Снизится общий уровень требований к знаниям учащихся, поскольку освоение материалов обычно идет со скоростью освоения информации большинства учеников либо со скоростью отстающих	В молодежном обществе будут более развиты идеи идеалов и ценностей, основанные на хороших отношениях со всеми людьми и более бережном отношении к собственному здоровью
	Будет отличный опыт взаимодействия у здоровых детей: они будут более гуманными, будут ценить больше свое здоровье и, возможно, даже помогать детям, лишенным какой-либо способности - это будет триумф человечности

Как показывает анализ инклюзивного образования, преимуществ у него больше, чем недостатков. С тем, чтобы ощутимо снизить риски, можно предложить несколько идей того, как уравнять способности тех, кто имеет прекрасное здоровье с теми, кто этого не имеет. На наш взгляд, должны быть соблюдены несколько необычных принципов, которыми чаще всего руководствуются выдающиеся тренеры и наставники, чем работники образовательной системы:

1) не стоит явно выделять людей с ограниченными возможностями, нужно нанять специалистов (сурдологов, невропатологов и прочих узких специалистов, специализирующихся на развитии речи, улучшении восприятия информации у детей с ОВЗ), которые будут с ними работать над устранением недостатков и над развитием склонностей и способностей, чтобы ликвидировать отставание и способствовать профессиональному росту;

2) люди с ОВЗ должны действовать командой, только так они быстро восполнят недостатки друг друга и научатся применять это в реальной жизни;

3) должна быть общая, объединяющая детей идея, стремление, в рамках которого каждый помогает каждому;

4) надо привить не самостоятельность, а способность находить нужную информацию и налаживать коммуникации с любым человеком и в любых условиях;

5) обучение должно соответствовать требованиям времени, то есть быть проектным: есть проблема, есть цель, нужно поставить задачи, расставить приоритеты, рассмотреть варианты решения, собрать команду, выполнить задачу. Это больше соответствует духу капиталистической экономики, поскольку сегодня люди редко работают по нескольку лет в одной организации;

6) основной упор должен быть сделан на обеспечение развития врожденных склонностей и способностей детей, тогда у каждого будет своя “специализация”, что приведет к стабильной самооценке людей, повышению уровня уверенности в своих способностях и увеличению вероятности стать успешным и востребованным специалистом, деятельность которого будет основана на использовании своих природных склонностей и способностей[3]. Жизнеспособность данной идеи была протестирована и доказана современным американским социологом Маркусом Бакингемом в его книгах, с помощью социологического института Gallup;

7) также нужно вводить игровую форму обучения для каждого возраста, поскольку именно это позволит быстрее и эффективнее закреплять знания и навыки у детей, что приведет к сокращению освоения материала 11-лет школы за 5,5 лет. Другую, “освободившуюся” половину стоит, на мой взгляд, потратить на профориентацию, прокачке профессиональных навыков и стажировке, чтобы у учащегося был уже реальный опыт работы к концу школьного обучения.

Вышеперечисленные принципы позволяют придерживаться отношений с детьми с ОВЗ как с детьми, не имеющих ограничений по здоровью. Мы все стоим на пороге перемен, как сказал генеральный директор союза “World Skills Russia”, что “на смену традиционным дипломам может прийти Skills Passport ”[4]. И это реакция на вызовы времени, в рамках которого дипломы о высшем образовании, как документы, подтверждающие компетентность специалистов, устарели.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ статистических данных свидетельствует о росте численности студентов с ОВЗ. В настоящее время в высших учебных заведениях РФ численность обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью составляет около 6 % всех студентов. Это означает, что большинство молодых людей с психофизическими отклонениями не охвачены высшим образованием, и для их привлечения нужно создавать специальные условия.

Говоря о недостатках инклюзивной программы в России, депутат Госдумы РФ, вице-президент Всероссийского общества слепых Олег Смолин отметил, что родители детей с ОВЗ должны иметь право выбрать для ребенка обычную или коррекционную школу, а дальше высшее учебное заведение.

В 2017 году в Саратовской области был проведен частичный мониторинг в потребности незанятых инвалидов в трудоустройстве.

Выборочным опросом было охвачено 617 чел., из которых 1% (6 чел.) граждан, имеющих 1 группу инвалидности, 33,0% (204 чел.) – 2 группу инвалидности, 66,0 % (407 чел.)

– 3 группу инвалидности. В числе участников опроса 38,2% (236 чел.) женщин и 61,6% (380 чел.) – мужчины, из которых 56,6% (349 чел.) женаты (замужем) или находятся в гражданском браке; 57,5% (355 чел.) имеют отдельную квартиру (дом), а 37,8% (233 чел.) живут совместно с родственниками, детьми родителями[2].

Проведенный опрос показал, что 73,7% инвалидов (455 чел.) нуждаются в трудоустройстве и значительная часть из них, а именно 31,3% (193 чел.) ищут работу более трех лет.

Одной из причин такого положения дел является недостаточная образовательная и профессиональная подготовка (переподготовка) людей с инвалидностью. В этом плане инклюзивное, то есть совместное обучение, позволяет существенно сократить процессы маргинализации детей с инвалидностью с целью интеграции их в общество. Социальную компетентность можно развивать, если осуществить задачу расширения доступа социально-уязвимых групп населения - людей с инвалидностью - к социальным благам и престижным каналам социализации: образованию и трудоустройству.

Обучение должно быть инклюзивным на уровне дошкольного, среднего, профессионального, высшего образования. Конечной целью инклюзивного образования является полноценный член общества, всесторонне образованный, имеющий хорошую профессию.

Еще одно подтверждение устаревания нынешней системы образования состоит в том, что она не учитывает новые возможности поиска, анализа и проверки информации – это компьютеры и интернет, с помощью которых обучающийся может за короткий период времени освоить сложные темы, для освоение которых требовалось наличие специального образования. Это подтверждается экспериментами индийского ученого и просветителя Сугаты Митры, который утверждает: “Дай ребенку компьютер - и он за полчаса разберется в теории относительности”. Также в одном из экспериментов, описанных в его статье, дети, плохо знавшие английский, за два месяца смогли его выучить без акцента[1].

Кроме того, есть дополнительный аргумент в пользу неэффективности школьного и университетского образования – это статистика работающих по специальности выпускников. Согласно статистическим данным в 2017 году, только 27% опрошенных в ходе статистического обследования россиян сообщили, что их работа полностью соответствует полученной ими специальности[5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно заключить, что инклюзивное образование имеет больше плюсов, чем минусов и больше соответствует идее равенства и демократии, а также правам человека, которые доминируют в настоящий момент.

С.Н. Кавокин полагает, что до настоящего времени в нашей стране не проводилось фундаментальных комплексных научных исследований экономической эффективности образования и последующего трудоустройства инвалидов. Из-за этого в структурах, определяющих социальную политику в отношении инвалидов, сложилось весьма ошибочное представление о том, что включающее образование с последующим созданием или переоборудованием рабочих мест для трудоустройства инвалидов требует огромных финансовых ресурсов. Расчеты, проведенные специалистами Московского технического университета им. Баумана показали, что инвестиции в человеческий потенциал – оплата обучения в течение семи лет инвалида в данном университете, полностью окупаются за четыре года за счет выплаты ими налогов после трудоустройства (при уровне заработной платы около 15 000 руб. в месяц). В течение последующих трех-четырех лет происходит погашение расходов на пенсию, полученную студентами-инвалидами за период учебы.

Кроме того, развитие инклюзивного образования играет на руку национальным интересам нашей страны. Плохая экология, некачественные продукты питания, вредные привычки людей и другие различные негативные факторы все еще будут влиять на увеличение числа детей с ОВЗ, с которыми, с одной стороны, должна работать медицина, чтобы

нивелировать негативные патологии здоровья и, по возможности, полностью их устранить, а, с другой стороны, – адаптивное инклюзивное образование, которое позволит реализовать максимальный потенциал каждого гражданина нашей страны вне зависимости от его материального достатка и состояния здоровья.

Список использованной литературы и источников:

1. *Сугата Митра* Дай ребенку компьютер - и он за полчаса разберется в теории относительности. URL://ria.ru/society/20170607/1495988368.html (дата обращения: 01.04.2018).

2. Статья об инклюзивном образовании. https://ria.ru/spravka/20120903/741880407.html

3. *Бакингем М, Клифтон Д.* Добейся максимума. 2016. С 43-47

4. *Уразов Р.* На смену дипломам приходят паспорта навыков. URL//hightech.fm/2017/10/19/World-Skills-Russia-urazov (дата обращения: 24.03.2018).

5. Роструд узнал, сколько россиян работают по специальности. ИА "РИА новости". URL ://ria.ru/society/20170607/1495988368.html (дата обращения: 10.03.2018).

УДК 376.3

КОРРЕКЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА С ДОШКОЛЬНИКАМИ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОСЛЕ КОХЛЕАРНОЙ ИМПЛАНТАЦИИ

Е.Н. ГОРИНА, Н.Н. ИВЛЬЕВА

Горина Екатерина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: ekgorina@yandex.ru

Ивльева Наталья Николаевна, учитель-дефектолог, ГБОУ СО «Школа-интернат АОП №1 г. Энгельса».

E-mail: natalya.ivleva.84@mail.ru

Аннотация: В статье обосновывается актуальность проблемы коррекционно-педагогического сопровождения детей с задержкой психического развития (ЗПР) после кохлеарной имплантации (КИ). Представлены результаты эмпирического исследования эффективности коррекционно-педагогической работы, выполненного на базе дошкольного отделения ГБОУ СО «Школа-интернат АОП №1 г. Энгельса» на выборке дошкольников с ЗПР после кохлеарной имплантации (n=6, 6–7 лет) с применением методик исследования познавательных процессов, адаптированных для данной категории детей. Выявлен недостаточный уровень развития познавательной сферы, что осложняет их слухоречевую реабилитацию. Разработана программа коррекции и развития познавательной деятельности для дошкольников с ЗПР после кохлеарной имплантации, которую необходимо реализовывать в комплексе с работой по развитию слуха и речи. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в дошкольных образовательных учреждениях.

Ключевые слова: кохлеарная имплантация; дошкольники; дети с задержкой психического развития; познавательная деятельность; коррекционно-педагогическая программа.

CORRECTION AND PEDAGOGIC WORK WITH PRESCHOOL CHILDREN WITH DELAY OF MENTAL DEVELOPMENT AFTER COHULAR IMPLANTATION

Abstract. The article presents data about the topicality of the problem of correctional and pedagogic support of children with delay of mental development after cochlear implantation. Here are the results of an empirical study of the effectiveness of correctional and pedagogical work performed on the basis of the preschool department of the Boarding school № 1 of Engels on a sample of preschool children with delay of mental development after cochlear implantation (n = 6, 6-7 years) with used methods study of cognitive processes, adapted for this category of children. An insufficient level of cognitive development has been identified, which complicates their auditory rehabilitation. A program of correction and development of cognitive activity for preschool children with delay of mental development after cochlear implantation, which should be implemented in conjunction with work on the development of hearing and speech of such children. Applied aspect of the investigated problem can be realized in preschool educational institutions.

Key words: cochlear implantation; preschoolers; children with delay of mental development; cognitive activity; correctional and pedagogic program.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы коррекционно-педагогического сопровождения дошкольников после КИ обусловлена многими факторами: во-первых, тенденцией к увеличению числа таких детей, во-вторых, необходимостью разработки индивидуального реабилитационного маршрута после операции с учетом психофизиологических особенностей каждого ребёнка, вариативностью коррекционно-педагогических программ, в-третьих, модернизацией системы образования и развитием инклюзии в ней. Кроме того, проимплантированные глухие дети с ЗПР представляют собой качественно своеобразную категорию детей, для которой обнаружена недостаточность адаптированных методик и технологий коррекционной работы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Кохлеарная имплантация является современным высокотехнологичным методом слухоречевой реабилитации глухих детей и взрослых[1]. Существенный вклад в развитие данного метода коррекции слуха в нашей стране внесли М.Р. Богомильский, А.Н. Ремизов, Э. Ленхардт, М. Ленхардт, Г.А. Таварткиладзе, И.В. Королева, О.В. Зонтова, Э.И. Миронова, Н.В. Тарасова, А.А. Балякова, А.И. Сатаева и другие.

В научной литературе подчеркивается, что КИ – это не просто единовременная операция, а система комплексной медико-психолого-педагогической реабилитации, и её результат зависит от многих факторов: медицинских показаний, возраста, индивидуальных особенностей, наличия слухового и речевого опыта, сопутствующих отклонений в развитии, желания пациента, включения родителей в реабилитационный процесс[2].

Вопросами речевой реабилитации детей и разработкой современных методов обучения речи детей после КИ занимались Л.А. Головчиц, И.В. Королева, Т.И. Обухова, В.И. Пудов, В.Е. Кузовков, О.В. Зонтова, А.В. Стороха, Л.П. Назарова, О.Л. Беляева, И.Г. Багрова, Н.Д. Шматко, А.А. Логинова, Н.В. Тарасова и другие.

Сопутствующие нарушения в развитии глухого ребёнка с одной стороны являются дополнительным показанием для проведения КИ, с другой – существенно затрудняют послеоперационный реабилитационный период, в частности, коррекционно-педагогическую работу.

Сенсорная депривация в любом случае оказывает влияние на весь ход развития ребёнка. Поэтому в дошкольном возрасте у всех детей с нарушениями слуха в большей или меньшей степени имеется задержка психического развития. В связи с чем необходимо пересматривать сроки, содержание, методы, и средства послеопреационной реабилитации.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На базе дошкольного отделения ГБОУ СО «Школа-интернат АОП №1 г. Энгельса» нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 6 детей после КИ, посещающих подготовительную группу. Все они имеют диагноз нейросенсорная тугоухость и ЗПР.

Цель исследования – выявить особенности коррекционно-педагогической работы с дошкольниками с ЗПР после КИ.

Объектом исследования является психолого-педагогическое сопровождение ребёнка с ЗПР после кохлеарной имплантации.

Предмет исследования – коррекционно-педагогическая работа в процессе психолого-педагогического сопровождения ребёнка после КИ.

Мы предполагаем, что эффективность коррекционно-педагогической работы зависит от уровня познавательного развития детей, системной реализации адаптированных методических разработок по слухоречевой коррекции и развитию детей после КИ, степени включения родителей в процесс воспитания, обучения и развития.

Методы исследования: изучение документации (личные карты, индивидуальные программы реабилитации), наблюдение, диагностические методы (беседа, тесты), анализ полученных данных.

При диагностике уровня развития познавательных процессов был использован ряд традиционных методик, подобранных и адаптированных для дошкольников с нарушениями слуха и ЗПР. *Для исследования уровня развития внимания* – «Корректурная проба» (буквенный и рисуночный вариант), «Красно-черная таблица», определение уровня концентрации и распределения внимания, развития целенаправленности. *Для исследования уровня развития памяти* - «Запомни фигуры», «Узнавание фигур», «Весёлые картинки», «Восстанови рисунок по памяти», «Особенности зрительной памяти». *Для исследования уровня развития мышления* - «Обведи контур», «Пройди через лабиринт», «Нелепицы». Диагностика проводилась индивидуально.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ результатов показал, что произвольное внимание у детей с нарушением слуха и ЗПР старшего дошкольного возраста развито недостаточно: низкий уровень – 2 человека, средний – 3, высокий – 1. Особо хочется отметить низкий уровень сформированности таких характеристик как целенаправленность, концентрация и переключаемость внимания.

Выявлены следующие особенности образной памяти: дети реже пользуются приемами опосредствованного запоминания, что отрицательно сказывается на сохранении образов в памяти; сложившиеся системы образов оказываются менее дифференцированными, менее прочными, менее устойчивыми к помехам со стороны сходных образов, чем у их слышащих сверстников.

Исследование наглядно-действенного и наглядно-образного мышления показало, что большинство детей имеют недостаточный уровень его развития.

Безусловно, слухоречевая коррекция и реабилитация являются основным направлением коррекционно-педагогической работы с детьми после КИ. Здесь мы работаем в соответствии с рекомендациями И.В. Королёвой. При оценке слухового и слухоречевого развития детей с КИ используем предложенные ею 3 подхода[3]:

1. В процессе наблюдения за реакциями ребёнка на звуки во время занятий. Педагог оценивает:

– непроизвольные реакции на звук (вздрагивание, моргание и т.д.)

– ориентировочные реакции и реакции внимания на звуки (прислушивание, поворот головы, выражение удивления)

– условно-рефлекторную двигательную реакцию на звуки (позволяет оценить правильность настройки процессора КИ и наличие у ребёнка реакции на звуки в ситуации привлечения его внимания).

2. С помощью формализованных тестов, позволяющих определять сформированность различных процессов слухового и слухоречевого анализа. Тесты включают использование различного материала - неречевые звуки, фонемы, изолированные слова различной слоговой структуры, слова в слитной речи, предложения, вопросы, что позволяет оценить следующие слуховые навыки:

– обнаружение – способность отвечать на появление или отсутствие звука;

– различение – способность определять различие или сходство между двумя звуковыми сигналами (образами);

– узнавание – способность выбирать (узнавать) определённый звуковой (в том числе и речь) сигнал среди других известных звуковых сигналов;

– опознавание – способность повторить или имитировать звуки, в том числе и речь;

– понимание – способность понимать разговорную речь.

3. Посредством анкетирования родителей, наблюдающих за реакцией ребёнка на звуки и речь.

У детей с ЗПР данная работа и последующая слухоречевая реабилитация значительно осложнены отставанием в развитии познавательной деятельности. Недостаточный уровень развития внимания, памяти, мышления замедляют процессы восприятия, понимания, сохранения и закрепления слухоречевого материала и его введение во внутренний план действий ребёнка. Поэтому считаем целесообразным комплексный подход: включение в коррекционно-педагогическую работу обязательную коррекцию и развитие познавательных процессов. Для детей с ЗПР коррекция познавательной сферы является необходимым условием для успешного слухоречевого развития.

Нами была разработана коррекционно-развивающая программа, направленная на коррекцию и развитие познавательной сферы детей с ЗПР с кохлеарным имплантом в возрасте 6-7 лет. Задачи программы: повысить уровень развития регулируемого восприятия, внимания, памяти, мышления. Развивать умение мыслить вслух, способность активного владения речью. Основные направления работы:

1. Развитие сотрудничества ребенка с взрослыми и сверстниками, воспитание навыков продуктивного взаимодействия в процессе совместной деятельности.

2. Развитие у ребенка познавательной деятельности.

Программа состоит из 20 занятий, которые проводились систематически по 20–30 минут в день 2 раза в неделю. Структура занятий традиционная:

– положительный настрой, постановка задач («Снежный ком», «Имя+прилагательное»);

– игры с правилами: подвижные, словесные и дидактические («Ищи безостановочно», «Классификация», «Пуговицы», «Лабиринт», «Заметить всё», «Найди отличия», «Фигуры», «Замысловатая картинка», «Дорисуй», «Кто, что любит», «Прятки с игрушками», «Сюжетная картинка», «Найди лишнюю», «Сравни картинки» и т.п.);

– игровые упражнения, творческие и подражательно-исполнительного характера («Маленькие обезьянки», «Весёлое троеборье», «Запретное слово», «Запретное движение», «Бабочки», «Узнай по голосу», «Шерлок Холмс», «Изображение предметов», «Пантомима для наблюдательных» и др.);

– релаксация («Настроение в цвете», «Факиры», «Спасибо, до свидания!»).

В ходе лонгитюдного наблюдения за детьми в процессе и после занятий мы увидели положительную динамику в развитии их познавательных процессов (внимание, память, мышление), большую эффективность слухоречевой коррекции. Родители, которые дома выполняли рекомендации[4,5], закрепляли и отрабатывали с детьми материал, который мы прорабатывали на занятиях, в значительной степени способствовали лучшим результатам. В настоящее время 2 ребёнка из данной группы обучаются в общеобразовательной школе, диагноз ЗПР у них снят. Остальные дети (4 человека) обучаются в начальной школе по адаптированной образовательной программе для слабослышащих детей, и имеют возможность при желании перейти в среднее звено общеобразовательной школы. Таким образом, мы можем

подтвердить эффективность данной коррекционно-развивающей программы, которая является лишь частью всей коррекционно-педагогической работы в процессе психолого-педагогического сопровождения дошкольников с ЗПР после КИ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реабилитация пациентов с кохлеарными имплантами – это работа целой команды специалистов, включающей аудиолога, сурдопедагога, логопеда, специального педагога, фонопеда, музыкального педагога, психолога. При КИ принципиально важным является активное участие родителей в этом процессе.

Результаты эмпирического исследования и коррекционно-развивающая программа могут быть рекомендованы дефектологам, сурдопедагогам и воспитателям в работе с дошкольниками с ЗПР после кохлеарной имплантации.

Список использованной литературы и источников:

1. *Королева И.В.* Кохлеарная имплантация глухих детей и взрослых (электродное протезирование слуха). 25е изд., испр. и доп. СПб.: КАРО, 2012. 752 с.

2. *Зонтова О.В.* Коррекционно-педагогическая помощь детям после кохлеарной имплантации: Методические рекомендации. СПб.: Российский Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена, 2007. 43 с.

3. *Королева И.В.* Развитие слуха и речи у глухих детей раннего и дошкольного возраста после кохлеарной имплантации: учебное пособие. СПб.: Спб НИИ уха, горла, носа и речи, 2008. 286 с.

4. *Зонтова О.В.* Рекомендации для родителей по развитию слухового восприятия у детей с нарушенным слухом/ Науч. ред. проф. И.В. Королева. СПб: Умная Маша, 2010.

5. *Королева И.В.* Кохлеарная имплантация и дети. Все самое важное для родителей. СПб.: Умная Маша, 2010.

УДК 376

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ С ОВЗ: РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ

Е.С. ДОЛБАЕВА

Долбаева Евгения Сергеевна, магистрант кафедры коррекционной педагогики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: Evgescha.Dol@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальность инклюзивного обучения детей с ОВЗ наравне с другими. Эта система является эффективным методом развития инклюзивного общества, именно в этом его ключевое предназначение.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивное образование, ограниченные возможности здоровья, социальная адаптация, интеграция.

INCLUSIVE EDUCATION FOR CHILDREN WITH DISABILITIES: EQUAL OPPORTUNITIES FOR ALL

E.S. Dolbaeva

Abstract. The article discusses the relevance of inclusive education of children with disabilities on an equal basis with others. This system is an effective method for the development of an inclusive society, this is its key purpose.

Key words: inclusion, inclusive education, limited opportunities for health, adaptation, integration

В России для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) довольно успешно практикуется система специального образования. В специальных образовательных учреждениях организованы оптимальные условия для занятий с такими детьми, работают врачи, специальные педагоги. Но таким образом происходит расслоение общества на здоровых и аномальных детей. В результате обучения в таких условиях тяга к знаниям у последних низкая, нет цели продолжения образования после окончания школы.

Альтернативой является совместное обучение детей, имеющих нарушения развития, и здоровых детей в общих образовательных школах.

Инклюзия (от английского слова «inclusion») - включение ребёнка с ограниченными возможностями здоровья в коллектив здоровых учеников в соответствии с его правом на образование.

Инклюзивное образование - путь повышения доступности качественного образования для всех категорий, обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей.

Инклюзивное обучение позволяет получить образование учащимся, имеющим нарушения, наравне с остальными детьми[1].

Основной идеей инклюзивного образования становится приближение к социальному равенству, избавление от ущемления, дискриминации детей с дефектами, обеспечение гуманного отношения к любым категориям лиц. Инклюзивное обучение - процесс развития общего образования, который предусматривает его доступность для всех, включая детей с ограниченными возможностями здоровья. Это очень актуально в современных условиях социального неравенства.

Сегодня всё возрастает важность образования, от его качества зависит уровень жизни, развитие и формирование личности, способной самостоятельно и осознанно контролировать свою жизнедеятельность.

Основная трудность детей, имеющих нарушения в развитии, заключается в пониженной мобильности, недостатке контактов со сверстниками и окружающим миром; недоступности многих составляющих социальной жизни, а, зачастую, и элементарного образования.

Инклюзивное обучение помогает достичь всестороннего развития и формирования личности, социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в общество. Обучение детей с различными дефектами развития совместно со здоровыми признано во всём мире самым гуманным и эффективным.

Сейчас интерес к актуальному инклюзивному образованию всё возрастает. Часто ребёнок, имеющий дефекты, оказывается весьма талантливым, способным в учёбе наравне со сверстниками, не имеющими проблем со здоровьем. Только проявить свои способности, развить их таким детям мешает неравенство возможностей, разные стартовые позиции.

Государство обязано помочь детям с ОВЗ удовлетворить их социальные потребности и организовать систему психологической поддержки, различных социальных служб, способных максимально рано диагностировать и корректировать нарушения, препятствующие процессам социализации, адаптации и индивидуального развития ребёнка с особыми потребностями.

Для детей с ОВЗ очень важно воспитываться и обучаться вместе с другими детьми из их окружения в одних общих образовательных школах. Они должны быть включены в общую систему образования, где учитываются их особые образовательные потребности и оказывается необходимая специальная психологическая поддержка.

Инклюзивное образование значительно повышает статус ребёнка с ОВЗ и семьи, где он воспитывается. Являясь приоритетным направлением современного этапа развития системы образования, инклюзия не может заменить систему коррекционного, специального обучения в целом. Эффективность этой педагогической системы в удачном объединении специального и общего образования, создании оптимальных условий для ослабления, преодоления у детей дефектов развития, для успешной социальной адаптации детей с различными отклонениями и ОВЗ. Причём, это не новые, а уже существующие школы начинают реализовать практику инклюзивного образования. Инклюзивный подход становится нормой, признаком современного уровня развития системы обучения в образовательном учреждении.

Однако, внедрение такой системы в общее образование встречает на своём пути следующие трудности: недостаточность технического оснащения образовательных учреждений; необходимость введения в штаты психологов, специальных педагогов; необходимость преобразования мест общего назначения, а также препятствия социального характера, неготовность к такой системе совместного обучения учителей, здоровых учеников и их родителей. Как показывает практика, большинству педагогов не хватает пока опыта и знаний. Необходимо педагогическое самосовершенствование, повышение квалификации, обучающие курсы, помогающие взаимодействию их с детьми, имеющими ОВЗ. Кроме этого надо внедрять специальные программы, направленные на облегчение процесса адаптации детей с особыми потребностями в общеобразовательном учреждении[3].

К сожалению, с каждым годом количество детей с физическими и психическими дефектами увеличивается. Особый интерес представляет дошкольное детство - важнейший этап становления личности, когда происходит формирование набора элементарных знаний, развитие основных способностей личности, её социокультурных навыков, привычек, ОЗОЖ. Когда ребёнок развивается нормально, то ходит в детский сад, где играет, общается со сверстниками, учится чему-то новому. Если же у ребёнка есть проблемы в развитии, то не всегда возможно отдавать его в обычный детский сад. Поэтому на сегодняшний момент особенно актуально развитие новых подходов к образованию в ДОУ для детей с ОВЗ.

Адаптированные развивающие программы в ДОУ делают возможным оказание полноценного специального обучения большему числу детей, позволяют обеспечить родителей консультативной помощью, а также подготовить социум к безусловному принятию лиц с ограниченными возможностями. Ведь на формирование и развитие каждого ребёнка влияют не только генетические и биологические факторы, а также окружающая обстановка. Негативно сказывается на развитии ребёнка с ОВЗ недостаток контактирования общение со сверстниками, неуверенность в способностях ребёнка его родителей и соответствующее снисходительное к нему отношение, «не ожидание» от него особых успехов в обучении, невнимание. А ведь ранняя диагностика и начало корректирующей работы с такими детьми значительно повышает их шансы на успешное развитие, социальную адаптацию и самореализацию. Именно своевременная психологическая и педагогическая помощь становится наиболее эффективной и результативной[5].

Итак, в группе садика появился ребёнок с ОВЗ. Воспитатель, прежде всего, должен выявить особенности развития ребёнка, степень обучаемости и способы коррекции дефектов, составить соответствующую индивидуальную образовательную программу. И только ознакомившись и вооружась знаниями о нарушении, имеющемся у ребёнка, выявив его сильные стороны и компенсаторные возможности, опираясь на которые при обучении и воспитании, будет возможно эффективно организовать предметно-развивающую среду. Именно так успешно реализуется инклюзивный образовательный процесс, стимулирующий развитие самостоятельности, инициативности и деятельности ребёнка.

Важными условиями создания развивающей среды являются: безопасность, комфортность, избирательный подход, позитивная обстановка, соответствие возрастным особенностям развития и личным интересам детей. Педагоги, которые работают с детьми в инклюзивных группах, сами варьируют количество и продолжительность занятий, необходимых воспитанникам в соответствии с их способностями, скоростью усвоения

информации. Особый акцент делается на сильные (здоровые) стороны каждого ребёнка. Для развития детей с ОВЗ обязательно нужно стимулировать и поощрять их контакт и взаимодействие со здоровыми детьми в таких группах, что способствует формированию социальных навыков общения и взаимодействия. Формирование воспитателями игровой и познавательной деятельности в группах также сближает детей. Успешно применяются дополнительные программы по организации досуга, арт-терапия, физическое и музыкальное развитие. Решая общие задачи, дети в коллективе учатся контактировать, принимать совместные решения, договариваться, взаимодействовать друг с другом, находить общие интересы и решать конфликты.

Совместное обучение здоровых детей и имеющих ОВЗ осуществляется в соответствии с образовательной программой дошкольного образования, адаптированной для детей с особыми потребностями. И у здоровых детей уже в раннем детстве формируется нравственное отношение к людям с нарушениями в развитии. Решаются следующие задачи:

- Создание условий, оптимальных для своевременного психического и всестороннего развития ребёнка с ОВЗ;
- Охрана и укрепление детского здоровья;
- Коррекция нарушений в развитии;
- Стимулирование развития посредством познавательной, игровой, трудовой коллективной деятельности;
- Профилактика вторичных отклонений в развитии.

Создание индивидуального плана обучения, гибкий подход и терпение педагога дают возможность достичь прекрасных результатов. Для здоровых детей опыт совместной работы с детьми, имеющими ОВЗ, просто необходим, если мы хотим воспитать в них милосердие, толерантность, доброжелательность. В свою очередь, дети с ОВЗ прекрасно социализируются среди сверстников, не чувствуя себя чужими, «не такими». Дети растут и учатся сообща, не делая различий. Ребёнок с особыми потребностями тянется за здоровым, старается не отставать (здоровая конкуренция), получает шанс проявить себя, реализовать. Он перестаёт жить в узких рамках ограниченного пространства. Крайне важно, чтобы родители детей с ОВЗ активно сотрудничали с педагогами в воспитательном процессе. У них появляется возможность выйти за рамки узкого семейного общения, появляется понимание, что ребёнок способен социализироваться, адаптироваться в современном обществе, а значит, появляется уверенность в его будущем. На каждом этапе образовательного процесса можно и нужно включать родителей, тогда эта работа будет наиболее продуктивной. Задача инклюзивного педагога помочь родителям перестать стесняться своего ребёнка, принимать его таким, какой он есть, помочь ребёнку стать увереннее в себе, самостоятельно в домашней обстановке стимулировать его познавательную деятельность и развивать эмоционально-волевую сферу[4].

Жизнь современного общества невозможно представить без участия каждого гражданина во всех сферах жизнедеятельности, уважения прав и свобод каждого отдельного человека, обеспечения необходимых гарантий безопасности, свободы и равноправия. Перед всеми участниками образовательного процесса стоит непростая и ответственная задача - построение не просто инклюзивного образования, а инклюзивного общества. Согласно Конституции РФ, «Россия - это социальное государство, в политике которого есть направление на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, право каждого на качественное образование и высокооплачиваемый труд»[2].

Осознание эффективности социальной и образовательной интеграции детей с ОВЗ показывает необходимость обеспечения им адекватного процесса обучения именно в общих образовательных учебных заведениях, играющим важнейшую роль в организации инклюзивного образования.

Инклюзивное образование предоставляет большие возможности аномально развивающимся детям, открывает новые перспективы для социального развития общества. Перед педагогами открыты широкие горизонты для творческого взаимодействия,

профессионального общения и совместного анализа результатов и достижений. Формируется прекрасная возможность для обмена мнениями, выработки оптимальных методик и идей, что является очень ценным для саморазвития и профессионального роста.

Список использованной литературы и источников:

1. Инклюзивное образование в России. ЮНИСЕФ. М., 2011.
2. Конституция РФ, ст. 7. п. 1
3. *Назарова Н.М.* Инклюзивное и специальное образование: препятствия и риски развития: сб. Научных статей IV международного теоретико-методологического семинара. М.: Логомаг, 2012.
4. *Токарь И.Е.* Инклюзивное образование: опыт и перспективы развития: (подготовка кадров для реализации идей совместного обучения) /И. Е. Токарь// Социальная педагогика. - 2011. - №5. - С. 93-105.
5. *Кухарчук О.В.* Психологическая готовность умственно отсталых детей к обучению в школе в условиях ДОУ // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 11-2. С. 110-114.

УДК 316.614 – 056.2 (470+571)

ТРУДНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

А.Г. КОЛЧИНА

Колчина Алина Геннадиевна, кандидат философских наук, доцент кафедры коррекционной педагогики факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: savanna.77@mail.ru

Аннотация. В статье обоснована актуальность проблемы социализации лиц с патологией опорно-двигательного аппарата. Дана оценка отношения современного общества к инвалидам и раскрыто значение формирования активной жизненной позиции лиц с данной патологией для обеспечения их полноценной социализации. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей эмоционально-волевого сферы подростков с церебральным параличом и показано значение нарушений ее развития для осуществления их социализации.

Ключевые слова: социализация, лица с двигательными нарушениями, церебральный паралич, эмоциональные расстройства, волевые качества.

THE DIFFICULTIES AND PROBLEMS OF SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH CEREBRAL PALSY

A.G. Kolchina

The article substantiates the urgency of the problem of socialization of persons with pathology of the musculoskeletal system. The author evaluates the attitude of modern society to the disabled and reveals the importance of the formation of the active life position of persons with this pathology to ensure their full socialization. The results of empirical research of peculiarities of emotional-volitional sphere of adolescents with cerebral palsy are presented and the significance of disorders of its development for their socialization is shown.

Key words: socialization, persons with motor disorders, cerebral palsy, emotional disorders, volitional qualities.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из острых проблем, которая широко обсуждается в современном мире, является проблема инвалидности. Данное обстоятельство связано, прежде всего, с тем, что численность инвалидов проявляет тенденцию к неуклонному росту. Слабая защищенность этой группы в различных сферах жизнедеятельности: в сфере образовании, на рынке труда и др., так же требует безотлагательного разрешения. По данным Росстата, в начале 2016 г. в России численность инвалидов составила 9,0% от общего числа населения, что более чем в 3 раза превысило показатель 1990г. Наибольшую тревогу вызывает возрастание доли детской инвалидности. В последние годы число детей-инвалидов в России превысило 600 тысяч и 40% из них имеются нарушения функций опорно-двигательного аппарата. Не останавливаясь подробно на причинах данных негативных тенденций, в формате настоящей статьи хотелось бы рассмотреть проблемы социализации детей с ограниченными возможностями здоровья. Ведь инвалид это не просто инертный объект социальной помощи, а ребенок обладающий правом на удовлетворение его разносторонних общественных потребностей - в познании, общении, творчестве.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Безусловно, социализация по своему содержанию представляет собой процесс, который должен начинаться с первых дней жизни ребенка и продолжаться непрерывно в течение всей его последующей жизни. Только в процессе социализации, отмечает Т.В. Егорова, индивид становится личностью, поскольку включается в социальные отношения, и благодаря этому приобретает знания, умения и навыки, необходимые для жизни среди людей[1]. В последние десятилетия в России складывается позитивная динамика в изменении отношения общества к инвалидам. В первую очередь это связано с расширением информированности общества о проблемах инвалидов. В тоже время готовность принять инвалидов-опорников в качестве полноправных членов общества различными слоями общества еще не всегда проявляется однозначно. В некоторой мере объяснение этому можно найти в высказываниях населения по поводу работоспособности инвалидов. Только 18% специалистов, работающих с инвалидами, выделяют это качество среди других положительных качеств этих детей, а остальные категории людей оценивают ее в 6 - 10% случаев. В то же время среди отрицательных качеств инвалидов выделяют недостаток инициативы (до 40% опрошенных), недоверие к окружающим (до 51%) и чрезмерное чувство жалости к себе (до 43%). Вместе с тем, выделение практически всеми слоями населения среди положительных качеств детей с особыми нуждами «терпения», свидетельствует о том, что они косвенно подчеркивают наличие огромного количества трудностей, с которыми инвалидам приходится сталкиваться в повседневной жизни .

С.В.Паршутина рассматривает основную проблему осуществления социализации ребѐнка-инвалида в нарушении его отношения с миром, связанном с ограниченной подвижностью, бедностью контактов с ровесниками и взрослыми, в ограниченном общении с природой, недостижимости полноценного образования. Данная проблема является результатом не только субъективного фактора (состояние физического и психического здоровья ребѐнка), но и сохраняющимися последствиями общественной политики и сформировавшегося общественного сознания, которые в ряде случаев до сих пор разрешают наличие недостигаемой для инвалида архитектурной среды, общественного транспорта и т.п.[2].

Весьма значимыми факторами, существенно осложняющими процесс социализации и интеграции таких детей в общество, следует рассматривать и незрелость их эмоций, устремленность на удовлетворение лишь элементарных потребностей, снижение самокритичности.

Кроме реакции на осознание своей неполноценности у детей с нарушением функций опорно-двигательного аппарата, огромное влияние на трудности формирования и протекания процессов адаптации в обществе оказывает социальная депривация и реакция окружающих на имеющийся у детей-инвалидов физический недостаток. При этом ребенок замыкается в себе; у него доминируют такие качества как тревожность, страх, и как результат - значительное затруднение его социализации[3].

Учитывая, что эмоциональный фактор является одним из базовых в социальной адаптации, изучение его имеет большое научное и практическое значение в целях ранней и своевременной коррекции различных нарушений, ведущих к патологическому развитию личности ребенка с дефектом опорно-двигательного аппарата и его социализации.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 40 испытуемых. Все участники были разделены на две равноценные группы. В первую группу (экспериментальную) вошли подростки 12-14 лет с церебральным параличом, вторую группу (контрольную) составили подростки, не имеющие отклонений в развитии. У всех испытуемых экспериментальной группы основным диагнозом являлся детский церебральный паралич. Они имели различные формы данного двигательного нарушения: спастическая диплегия (41,6%), гиперкинетическая форма (25%), гемипаретическая форма (33,4%).

У трех человек уровень умственного развития оценивался как «легкая степень умственной отсталости» и еще у двоих – как «средняя степень тяжести умственной отсталости». У остальных детей отклонений в умственном развитии не отмечалось, оно соответствовало возрасту ребенка.

В ходе эксперимента использовались следующие методики:

«Шкала личностной тревожности» А.М. Прихожан; «Hand-test» Э.Вагнера; тест «Самооценка силы воли». Н. Н. Обозова; тест-опросник А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ результатов «Теста тревожности» свидетельствовал о повышенном уровне тревожности детей с церебральным параличом. Индекс тревожности у детей экспериментальной группы имеет весьма широкий диапазон значений: от 21 % до 72 %. У 65 % подростков уровень тревожности расценивался как высокий, у 35% - как средний.

Проведение качественного анализа тревожности позволило установить, что у детей с индексом тревожности > 50 %, ее высокий уровень проявляется и в ситуациях, моделирующих отношения ребенок – взрослый и в отношениях ребенок – ребенок. Дети с высоким индексом тревожности в ситуациях связанных с одиночеством всегда делали отрицательный эмоциональный выбор. Такой же выбор имел место часто и в ситуации «Игнорирование».

Показатели тревожности у детей контрольной группы в основном относились к среднему уровню (75%) и только у 15% детей – к высокому уровню.

Итак, у детей контрольной и экспериментальной групп имеют место существенные различия в выраженности тревожности: наибольший процент детей в контрольной группе имеет средний уровень тревожности (75%), тогда как 65% респондентов экспериментальной группы обладают высоким уровнем.

При анализе результатов исследования по Шкале личностной тревожности А.М. Прихожан, было выявлено, что дети с ДЦП в основном имеют завышенный уровень школьной тревожности. Такая ситуация, безусловно, отрицательно влияет на формирование личности больного ребенка, а именно на развитие адекватной оценки себя, и затруднений в общении со сверстниками и взрослыми.

Самооценочная и межличностная тревожность у детей экспериментальной группы так же оказались повышена. Это, вероятно связано с тем, что ребенок, осознавая свой дефект, предполагает предвзятое отношение к нему со стороны сверстников и окружающих.

Результаты, полученные по методике «Hand-test» свидетельствовали о том, что, дети контрольной группы обладают большим энергетическим потенциалом и запасом тенденции к действию, в то время как респонденты экспериментальной группы имеют меньшую степень активированности личности, характеризуются низкой психологической активностью. Так, количественный и качественный анализ ответов показал, что высказывания по категориям «Описание» и «Пассивная безличность» у детей экспериментальной группы встречаются в 55% случаев, тогда как у детей контрольной группы лишь в 15% случаев. Это свидетельствует о том, что у детей с церебральным параличом значительно чаще (почти в четыре раза) имеет место снижение уровня активности.

При оценке агрессивности было выявлено, что у большей части детей с церебральным параличом индекс агрессивности имел положительные значения. Проведенный анализ полученных данных показал, что в обеих группах испытуемых присутствуют все три уровня агрессивности. Однако, преобладающим, в экспериментальной группе (45%) является первый (когда имеет место высокая вероятность проявления агрессии в поведении), а в контрольной группе (50%) - второй уровень (где вероятность проявления агрессии существует, но только в особо значимых ситуациях). Процентное соотношение респондентов отнесенных к третьему уровню (вероятность открытой агрессии, даже в особо значимых ситуациях минимальная) экспериментальной группы (20%) почти в два раза меньше, чем аналогичный процент в контрольной группе (35%). Выявленные различия явились статистически значимыми.

Анализ ответов по категориям «Зависимость», «Увечность» и «Пассивность» выявил их повышенный удельный вес, что отражает по условиям методики наличие органической патологии головного мозга. К. Лоренц объясняет нарушение механизмов контроля возникновения агрессивности повреждением лимбической системы или нарушением передачи сигнала со стороны коры головного мозга[4]. Аналогичные нарушения центральной нервной системы описываются и М.Б. Цукер в картине детского церебрального паралича[5].

Исследование самооценки силы воли у детей с церебральным параличом позволило отметить снижение ее уровня у детей с двигательной патологией: среднее значение для контрольной группы составило 20,8, а для экспериментальной только 15,6.

Анализ данных, полученные при «Исследовании волевой саморегуляции» с помощью опросника А.В. Звенькова и Е.В. Эйдмана, позволил отметить, что подростки с церебральным параличом имеют повышеную чувствительность, эмоциональную неустойчивость, ранимость. Касательно волевых качеств - у них ярко выражена неуверенность в себе. Рефлексивность характеризуется невысоким уровнем, а общий фон активности занижен. Характерным для них является импульсивность и неустойчивость намерений, что свидетельствует о незрелости личности.

Сравнительный анализ результатов исследования развития волевой саморегуляции и самооценки силы воли позволил установить, что низкие показатели развития волевой саморегуляции (общая шкала – 80%) имеют место именно у тех подростков, которые ранее продемонстрировали низкий уровень самооценки воли (60%).

Полученные в ходе исследования результаты убедительно свидетельствовали о нарушение формирования, как волевых качеств, так и эмоциональных проявлений у детей с церебральным параличом, что негативно отражается на их социальной адаптации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть, что дети с церебральным параличом отличаются повышенной склонностью испытывать беспокойство, характеризуются низким порогом возникновения реакции тревоги, ощущают постоянное напряжение, склонны воспринимать угрозу своему «Я» в различных ситуациях и реагировать на них усилением

состояния тревоги. На этом фоне уровень развития силы воли, а так же волевой саморегуляции у них значительно ниже, чем у их сверстники, не имеющие патологии в развитии. Вероятно, дефицит двигательной активности у подростков, а так же переживание их неполноценности, приводит к формированию определенного комплекса вторичных нарушений развития эмоционально-волевых качеств и вытекающими их этого сложностями социальной адаптации лиц с церебральным параличом

Список использованной литературы и источников:

1. *Егорова Т.В*. Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями / Балашов. Изд-во «Николаев», 2012. С.54.

2. *Паршутина С.В.* Социализация личности детей с ограниченными возможностями здоровья // Актуальные задачи педагогики: материалы VI междунар. науч. конф. Чита: Издательство Молодой ученый, 2015. С. 211-213.

3. *Колчина А.Г.* Социальная работа с детьми с церебральным параличом / Матер. науч-практ. конф Дыльновские чтения «Социологическая диагностика современного общества». Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2016. С. 386-390.

4. *Лоренц К*. Агрессия. М.: Прсвещение, 1994. С.92.

5. *Цукер М.Б.* Клиническая невропатология детского возраста. М.: Просвещение, 1978. С.79.

УДК 376.32

ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТИРОВКИ СЛЕПЫХ ДОШКОЛЬНИКОВ В МАЛОМ ОТКРЫТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л.В. МЯСНИКОВА

Мясникова Людмила Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: myasnikovalv@gmail.com

Аннотация. Изложены результаты исследования особенностей ориентировки в малом открытом пространстве дошкольников с тяжёлой зрительной патологией. Представлены результаты эмпирического исследования уровня сформированности таких навыков у группы из 20 слепых дошкольников, выполненного на базе дошкольного отделения ГБОУ СО «Школа-интернат АОП № 3 г. Саратова» с применением методики В.А. Феоктистовой. Установлены трудности в овладении навыками ориентировки в малом открытом пространстве слепых дошкольников. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован при составлении программ по формированию и развитию навыков пространственной ориентировки у дошкольников с тяжёлой зрительной патологией.

Ключевые слова: дошкольники с тяжёлой зрительной патологией, ориентировка в малом открытом пространстве, сохранные анализаторы, ориентировка, мобильность.

FEATURES OF THE ORIENTATION OF THE BLIND PRESCHOOLERS IN SMALL OPEN SPACE

L.V. Miasnikova

Abstract. The article presents data of the study of orientation in small open space features in preschool children with visual impairments. The results of an empirical study of the level of the formation of such skills in a group of 20 blind preschool children, performed on the basis of the preschool department of "Saratov Boarding School No. 3" with application of the V.A. Feoktistova's technique are presented. Difficulties in mastering the skills of orientation in the small open space in blind preschoolers have been identified. The applied aspect of the problem can be realized when drawing up programs for the formation and developing of spatial orientation skills in preschool children with severe visual pathology.

Key words: preschool children with severe visual pathology, orientation in a small open space, stored analyzers, orientation, mobility.

ВВЕДЕНИЕ

Врожденные и приобретенные дефекты зрительного анализатора обусловливают вторичные отклонения физического и психического развития ребенка. Наиболее существенные из них это снижение познавательной активности, нарушение формирования пространственных представлений об окружающем пространстве, снижение двигательной активности, нарушение ориентировки в пространстве, что приводит к сложностям при передвижении. Без достаточно высокого уровня сформированности навыка пространственной ориентировки и мобильности самостоятельное передвижение невозможно, а значит, невозможна и успешная социальная реабилитация слепых детей.

Ранняя коррекция нарушений пространственной ориентировки у детей с тяжёлой зрительной патологией является основой дальнейшего физического и психического благополучия ребенка, фундаментом успешной абилитационной и реабилитационной работы. Обучение ориентировке в макропространстве детей с глубоким нарушением зрения является наиболее сложным процессом в коррекционной работе.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Отечественные исследователи (А.Г. Литвак, Л.И. Солнцева, В.А Феоктистова) отмечают, что полное или частичное нарушение функций зрения отражается на физическом развитии детей, что обусловлено сложностью пространственной ориентации и вызванным этим ограничением слепых в свободе передвижения. Своеобразие психофизического развития детей с глубоким нарушением зрения проявляется в недостаточной двигательной активности, сложности формирования двигательной сферы.

А.Г. Литвак отмечает, что отсутствие зрения или тяжелые хронические нарушения его ведущих функций вносят существенные изменения в жизнь человека, затрудняя его взаимодействие с окружающим миром, снижая его активность (имея в виду активность познавательной деятельности). Прежде всего, снижение активности отражается в ориентировочно-поисковой деятельности[2].

При нарушении зрения у детей возникает ряд вторичных отклонений, связанных с ослаблением познавательных процессов (восприятия, воображения, наглядно-образного мышления) и изменениями в физическом развитии, в том числе и двигательных функций (нарушаются быстрота, точность, координация, темп движений, соразмерность двигательных актов и др.), ограничивается овладение социальным опытом[1].

А.Г. Литвак подчеркивал, что глубокие нарушения зрения влекут за собой сенсорную и эмоциональную депривацию. При врожденной или рано приобретенной слепоте дети оказываются лишенными не только зрительных стимулов, у них нарушена стимуляция других модальностей в связи с недостаточным развитием сохранных анализаторов, ограниченной мобильностью, бедностью социальных связей и отношений[2].

Для детей с нарушениями зрения характерно недостаточное использование бисенсорных и полисенсорных возможностей в освоении пространства. Исследования Л.И Солнцевой, Е.Б.Островской, В.А.Феоктистовой и др. показали, что нарушение формирования пространственной ориентировки у слепых детей состоит в том, что оно связано в основном с

преимущественной деятельностью одной сенсорной системы: осязательной или зрительной (если у детей есть остаточное зрение).

По мнению Л.И. Солнцевой, это можно объяснить тем, что маленькие слепые дети еще не умеют использовать в полном объеме сохранные анализаторы для отражения свойств предметного мира и не накопили еще необходимого объема образов осязательных, слуховых и зрительных представлений, которыми они могли бы оперировать при анализе своих восприятий, соотнося полученные из внешнего мира сигналы с прежним опытом[4].

Ориентирование в пространстве предполагает полисенсорное развитие детей. Развитая сенсорика является необходимым условием как при ознакомлении с окружающей обстановкой, так и при самостоятельных передвижениях. В этой связи важно целенаправленно развивать у детей такие анализаторные системы, как двигательная, слуховая, тактильная, обонятельная[1].

А.А. Любимов, В.З. Денискина, проведя ретроспективный анализ терминов, описывающих типы и виды пространства для коррекционного курса «Пространственная ориентировка», предлагают использовать в том числе понятие «малое открытое пространство»[2].

А.Г. Литвак, В.М. Сорокин, Т.П. Головина пишут о том, что ориентировка в пространстве есть процесс практического применения пространственных представлений, среди которых важную роль играют топографические представления (представления о местности, возникающие на основе восприятия и локализации объектов в пространстве). Топографические представления являются сложной совокупностью образов памяти, в которых отражается форма, величина, удаленность объектов и направления, в котором они расположены по отношению к какой-либо точке отсчета[1]. В дошкольном возрасте целесообразно учить ребенка за точку отсчета принимать собственное тело.

Целью нашего исследования было изучение уровня сформированности навыков ориентировки в малом открытом пространстве слепых дошкольников.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в 2017-2018 годах в дошкольном отделении ГБОУ СО «Школа-интернат АОП № 3 г. Саратова», в нем принимали участие 20 дошкольников с тяжёлой зрительной патологией.

Эксперимент проводился в естественных условиях: в группе и на игровой площадке в привычной для детей обстановке во время прогулок и занятий по пространственной ориентировке. Для исследования применялся метод наблюдения за поведением детей.

Цель исследования: изучить особенности формирования навыка ориентировки в малом открытом пространстве для дошкольников с тяжёлой зрительной патологией.

Для диагностики исходного уровня навыков пространственного ориентирования детей мы использовали диагностическую методику В.А. Феоктистовой с некоторыми изменениями.

Нами было проведено экспериментальное обследование детей по трем направлениям:

1. Исследование развития навыка ориентировки на собственном теле («на себе») и с точкой отсчета от себя.

2. Исследование уровня развития сохранных анализаторов.

3. Исследование развития навыков ориентировки в малом открытом пространстве.

Обследование проводилось индивидуально, все задания предлагались детям только в игровой форме. При обследовании для предъявления использовались натуральные предметы, рельефное изображение предметов и вещей, окружающих ребенка в жизни.Детям предлагались задания, упражнения, игры. Результаты фиксировались.

Нами были разработаны критерии уровня сформированности навыков:

1 - низкий: ребёнок не выполняет задание даже с помощью конкретизации педагогом задания (или вопроса). Воспитаннику практически неинтересна и трудна предлагаемая ему деятельность.

2 - средний: ребёнок выполняет задание с помощью педагога. Может воспользоваться подсказкой. Самостоятельно исправляет допущенную ошибку после указания на нее. Отвечает на поставленные вопросы, но затрудняется в рациональности и последовательности выполнения действий.

3 - высокий: ребёнок самостоятельно выполняет задание с первой попытки. Слушает внимательно задание, работает сосредоточенно, отвечает уверенно.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование показало, что большая часть экспериментальной группы имеет средний уровень развития навыков ориентировки на собственном теле.

Направления вверху и внизу, впереди и сзади дети в основном знают. С заданиями на определение правой и левой стороны большинство детей (60%) справились самостоятельно. Помощь понадобилась Никите Б., Наде Г., Владу П., и Айгуль М. После подсказки педагога дети смогли справиться с предложенными заданиями. Трудности возникли, когда задания усложнились и нужно было «показать правой рукой левое ухо» или «левой рукой правое плечо». С этим заданием справилась самостоятельно лишь Айгуль М. Семь учеников демонстрировали действия после подсказки, Никита Б. и Надя Г. не смогли выполнить задание даже после практического показа.

Наиболее трудными для всех учеников оказались задания, где требовалось назвать взаиморасположение предметов в пространстве и указать свое местоположение относительно предмета. Большинство детей (80%) смогли воспользоваться подсказкой и все выполнить задания. Никите Б. и Наде Г. приходилось все задания повторять несколько раз, но даже после неоднократного повторения они затруднялись выполнить действия. Дети были скованны, неактивны, малоподвижны. Лучшие результаты показали Никита К. и Айгуль М. Эти дети имеют остаточное зрение. Самыми активными и заинтересованными оказались Софья И. и Никита К. Если у них что-то не получалось с первого раза, они настойчиво стремились исправить свои ошибки и добиться правильности выполнения задания. Это тотально слепые дети, но Софья И. ослепла год назад и навыки ориентировки у неё были сформированы до момента потери зрения, а Никита К. воспитывается в семье слепых родителей, которые формируют у сына навыки социально-адаптивного поведения, исходя из своего опыта.

При обследовании слухового восприятия учащиеся дети в основном правильно показывали и называли направление источника звука (70%), нопроследить за звуковым сигналом и назвать пространственные направления, самостоятельно смогла лишь Софья И. 80% учеников справились с этим заданием после подсказки. Вика В. с заданием не справилась, она не смогла словесно рассказать и даже указать рукой направление движения звукового сигнала, работала с большой неохотой.

Трудности возникли у испытуемых также при определении действий человека на слух. 60% учеников смогли воспользоваться подсказкой, остальные так и не назвали вовсе. Никита Б., Надя Г., Влад П., Айгуль М. не смогли определить действия с предметами на звук, даже после неоднократного повторения и подсказок. Задания выполняли с неохотой, были пассивными.

При обследовании осязательного восприятия испытуемым с остаточным зрением была надета повязка на глаза. Лучшие результаты показала Софья И., девочка была активна, заинтересована. Она проводила обследование предметов двумя руками, задавала интересующие вопросы, отвечала на поставленные вопросы полным ответом.

Низкий уровень развития осязательного восприятия предметов показали Влад П. и Никита Б. Мальчики были пассивны. Никита Б. обследовал предметы только одной рукой, на вопросы отвечал односложно, либо вообще не отвечал. Влад П. старался вообще не брать предметы в руки. На вопросы отвечал лишь после неоднократного повторения.

Задание «Узнайте по запаху» было для детей новым. Софья И. узнала более половины представленных запахов, но не смогла указать, где их можно встретить. Влад П. и Айгуль М. выполняли задание с большой опаской, даже с раздражением. Исследование пришлось

остановить. Никита Б. не умеет вдыхать запах носом. Мальчик смог назвать лишь запах апельсина, вероятно, как наиболее сильный.

Исследование развития навыков ориентировки в малом пространстве предполагало выполнение заданий на передвижение в пространстве. Эти задания оказались для ребят наиболее сложными. Перед выполнением каждого задания с детьми проводились тренировочные упражнения и подробный инструктаж по выполнению каждого задания. Для слепых детей словесная инструкция сопровождалась практическим показом выполнения задания. Результаты оказались очень низкими. Никто из учеников не смог правильно самостоятельно выполнить задания. Лучше всех справились с заданием: Никита К. (у мальчика остаточное зрение), и Софья И. (тотально слепая). Ребята показали средний уровень сформированности навыка пространственной ориентировки в малом открытом пространстве. Они были наиболее активны, подвижны, заинтересованы в правильном выполнении задания. Ученики пользовались словесной подсказкой для корректировки направления движения. Софья И. просила попробовать выполнить задание еще раз, чтобы добиться точного выполнения.

Наиболее сложными для всех ребят оказались задания, где требовалось выполнить повороты направо или налево, а также сориентироваться относительно предмета. Никита Б., Надя Г., Влад П. выполняли задания очень неохотно. Словесной подсказкой ребята воспользоваться не смогли. Требовалось неоднократно повторять задания, с практическим показом необходимого действия, исправлять действия ребят, проводить за руку. И даже после этого они не могли выполнить все верно. Для выполнения всего исследования понадобилось дополнительное время.

Таким образом, проведённое нами исследование показало необходимость проведения специальных занятий по формированию навыков в малом открытом пространстве у дошкольников с тяжёлой зрительной патологией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявив и изучив особенности развития навыка ориентировки в малом пространстве у дошкольников с тяжёлой зрительной патологией, мы сделали вывод о том, что у них наблюдаются: нарушение физического развития, нарушение осанки, снижение двигательной активности и подвижности, несформированность и уменьшение амплитуды движений, нарушение координации движения, у них недостаточно развиты сохранные анализаторы: остаточное зрение, осязание, слух, обоняние, они не могут в достаточной мере использовать их в пространственной ориентировке.

Многие слепые дети боятся открытого пространства. Если в закрытом пространстве (группе, спальне, помещении дошкольного отделения) они еще могут передвигаться самостоятельно, пусть даже в медленном темпе, используя вербальную подсказку, то в открытом пространстве они встают и ждут, когда их возьмут за руку и поведут.

Активная роль в обучении детей навыкам пространственного ориентирования принадлежит взрослому. Формирование навыка самостоятельного передвижения в любом пространстве и развитие навыка мобильности у детей с глубоким нарушением зрения – процесс долгий и сложный, требующий систематических коррекционно-развивающих занятий. И чем раньше начат процесс обучения, тем более лучших результатов стоит ожидать. Поэтому необходимо составить программу по развитию навыка пространственной ориентировки в малом открытом пространстве с учетом особенностей развития детей конкретной группы. Регулярные занятия помогут детям стать более активными, подвижными, помочь преодолеть страх открытого пространства, развить умение самостоятельно передвигаться, используя все сохранные анализаторы, тем самым будут способствовать развитию мобильности дошкольников.

Список использованной литературы и источников:

1. *Ермаков В.П., Якунин Г.А.* Основы тифлопедагогики: Развитие, обучение и воспитание детей с нарушениями зрения: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 2012. С.12.

2. *Литвак А.Г.* Практикум по тифлопсихологии: Учеб.пособие для студентов дефектол. фак. пед. ин-тов / А.Г. Литвак, В.М. Сорокин, Т.П. Головина. М.: Просвещение. 2010. С.105

3. *Любимов А.А.* Ретроспективный анализ терминов, описывающих типы и виды пространства для коррекционного курса «Пространственная ориентировка» / А.А. Любимов, В.З. Денискина // Дефектология. 2013. № 2. С.16-22.

4. *Солнцева Л.И.* Тифлопсихология детства. М.: Полиграф сервис. 2012. С.146.

УДК 376.32

СНИЖЕНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ СЛЕПЫХ И СЛАБОВИДЯЩИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ СРЕДСТВАМИ АЙКИДО

С.А. ПЕТРОВ, Л.В. МЯСНИКОВА

Петров Станислав Анатольевич, магистрант, кафедра коррекционной педагогики, СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: sar-aikido@yandex.ru

Мясникова Людмила Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: myasnikovalv@gmail.com

Аннотация. В статье изложены результаты эксперимента по снижению уровня тревожности слепых и слабовидящих старших школьников средствами айкидо по адаптированной программе для детей с нарушениями зрения. Показано, что регулярные занятия айкидо понижают уровень тревожности у детей со зрительной патологией. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке из 20 детей старшего школьного возраста, имеющих нарушения зрения. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в деятельности учреждений, осуществляющих обучение по адаптированным образовательным программам, спортивных школах для детей-инвалидов.

Ключевые слова: старшие школьники с нарушениями зрения, тревожность, айкидо, адаптивная физическая культура, коррекция нарушений развития.

REDUCTION OF THE ANXIETY OF THE VISUALLY IMPARED HIGH SCHOOL STUDENTS BY MEANS OF AIKIDO

S.A. Petrov, L.V. Miasnikova

Abstract. The article presents the results of an experiment on reducing the level of anxiety of blind and visually impaired high school students using aikido based on an adapted program for children with visual impairments. It is shown that regular aikido classes reduce the level of anxiety in children with visual pathology. The results of an empirical study performed on a sample of 20 high school students with visual impairments are presented. Applied aspect of the investigated problem can be realized in schools that provide training on adapted educational programs, in sports schools for disabled children.

Keywords: high school students with visual impairments, anxiety, aikido, adaptive physical culture, correction of developmental disorders.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из задач современной школы является улучшение психического здоровья учащихся. Особенную актуальность данной задачи придает увеличение количества детей, ощущающих эмоциональное неблагополучие. И его проявление - увеличение школьной тревожности, поэтому решение проблемы снижения школьной тревожности является весьма актуальным.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Тревожность - индивидуальная психическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения[3]. Человек с нормальным уровнем тревожности испытывает реальный страх, связанный с опасностью во внешнем мире. Повышенная тревожность проявляется в недоверии к миру, привычке жить в ожидании катастрофы и подсознательной уверенности, что опасность подстерегает на каждом шагу.

«С физиологической точки зрения тревожность является реактивным состоянием. Она вызывает физиологические изменения в организме, подготавливающие организм к борьбе - отступлению, бегству или сопротивлению, нападению, атаке. При тревожности возбуждается сердечно-сосудистая система (учащается ритм сердечных сокращений, повышается артериальное давление), а деятельность пищеварительного тракта угнетается (уменьшается активность секреции и перистальтика). Кровь из пищеварительного тракта перераспределяется в мышечную систему. Таким образом организм готовится к активной деятельности. Широкий спектр физиологических реакций, сопровождающих состояние тревоги, объясняет, почему на фоне длительного состояния тревоги формируются разнообразные психосоматические расстройства, в частности, нарушения со стороны желудочно-кишечного тракта и сердечно-сосудистой системы»[5].

По мнению А.М. Прихожан тревожность у детей проявляется в снижении у них самооценки. Повышение самооценки – один из эффективных способов коррекции личности слепого и слабовидящего старшего школьника[4].

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что регулярные занятия айкидо (японское боевое искусство) являются эффективным методом психологической коррекции тревожности личности старшеклассников с нарушениями зрения. При этом мы основывались на следующих положениях:

1. При регулярных занятиях в группе айкидо возникает уверенный навык межличностного общения. Дружелюбная атмосфера, наличие обратной связи между занимающимися позволяет ассоциировать себя как часть системы, объединяющий людей со сходными физическими и психологическими проблемами, а рекомендуемые методы решения формируют новые поведенческие стереотипы.

2. Одним из физических аспектов занятий айкидо является приобретение навыка двигаться расслабленно и естественно, с хорошей осанкой. Большое количество упражнений на снятие мышечного напряжение с элементами самомассажа и специфическая физическая нагрузка оказывают расслабляющий эффект.

3. В рамках тренировок по айкидо происходит отработка технических действий, направленных на самооборону, в ходе которых создается контролируемая инструктором стрессовая травмирующая ситуация и предлагается вариант ее разрешения. Это способствует формированию адекватных реакций на стрессовую ситуацию, повышает уверенность занимающихся в своих силах.

4. Метод оценки уровня практикующего айкидо не соревновательный, что не травмирует психику занимающихся[2]. Изучение новых, сложно-координационных двигательных навыков приводит к установлению новых нейронных связей и, в конечном счете, к большей вариативности поведенческих стереотипов. Не соревновательный метод оценки уровня занимающегося не травмирует психику учащихся.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проверка гипотезы была проведена в рамках научной работы во время осуществления совместного проекта Федерации айкидо «Айкикай» Саратовской области и ГБОУ СО «Школа-интернат АОП №3 г. Саратова» «Айкидо для детей с нарушениями зрения». Старшеклассники ГБОУ СО «Школа-интернат АОП №3 г. Саратова» занимаются по адаптированной программе айкидо под наблюдением медицинских работников и учителей физкультуры. Были сформированы экспериментальная (регулярные занятия айкидо в течение всего учебного года) и контрольная группы старшеклассников, в каждой по 10 человек. Занятия айкидо в экспериментальной группе проводились в течение одного учебного года. В начале осуществления проекта и по окончании занятий был замерен уровень тревожности старшеклассников. Для определения уровня тревожности учащихся был использован опросник Айзенка[1]. Тесты Айзенка были проведены в начале и конце учебного года. Для сравнения оценивался средний результат по группе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Экспериментальная группа

№ испытуемого	Тревожность (начало года)	Тревожность (конец года)
1	6	6
2	4	4
3	5	7
4	4	3
5	5	6
6	6	7
7	6	6
8	18	15
9	7	8
10	13	15
Среднее значение	7,7	7,4

Контрольная группа

№ испытуемого	Тревожность (начало года)	Тревожность (конец года)
1	7	7
2	5	6
3	7	6
4	8	5
5	4	4
6	12	13
7	10	8
8	8	6
9	7	6
10	7	7
Среднее значение	6,8	7,5

Анализ результатов показал, что, несмотря на наличие в исследуемой группе двух школьников с повышенной тревожностью, средний показатель тревожности в экспериментальной группе снизился примерно на 4 %. В то же время в контрольной группе этот показатель повысился более, чем на 10%. Единственным дифференцирующим признаком по группам являлись регулярные занятия по адаптированной для слепых и слабовидящих детей программе айкидо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты эксперимента по обучению слепых и слабовидящих старшеклассников по адаптированной программе айкидо для детей с нарушениями зрения показали, что регулярные занятия по экспериментальной методике способствовали снижению уровня тревожности учащихся. Полученные данные являются основой для дальнейших исследований роли адаптивной физической культуры и, в частности, айкидо в коррекции нарушений развития слепых и слабовидящих школьников.

Список использованной литературы и источников:

1. *Айзенк Г., Вильсон Г.* Как измерить личность. Пер. с англ. - М.: Когито-центр, 2000.

2. *Кузнецов Ф.А.* Влияние физического воспитании на умственное развитие детей [Электронный ресурс] //научно-культурологический журнал: элетрон. научн. Журнал -2001.-№2 [56] . URL: http://www.relga.ru

3. *Лукасик А.В.* Взаимосвязь самостоятельности познавательной деятельности и тревожности личности: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 : Москва, 2000 156 с. РГБ ОД, 61:00-19/182-1

4. *Прихожан А.М.* Психологический справочник, или как обрести уверенность в себе: Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1994 – 191 с.

5. *Соловьева С.Л.* Тревога и тревожность: теория и практика [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – N 6 (17). – URL: http://medpsy.ru

УДК 376.3

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОЛЬНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОВЗ

О.И. СУСЛОВА, М.А. ГУРЬЯНОВА

Суслова Ольга Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: imaeva20002001@yandex.ru

Гурьянова Марина Александровна, студентка факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: mar.gurianowa@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования произвольности в учебной деятельности детей младшего школьного возраста с ОВЗ. Приводится теоретический анализ проблемы формирования произвольности.

Ключевые слова: произвольность, учебная деятельность, младший школьный возраст, ОВЗ.

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной психологии формирование произвольности рассматривается как одна из основных линий развития ребенка.

Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин считают главной характеристикой произвольного поведения его осознанность.

По мнению Л.И. Божовичи А.Н. Леонтьева, сущность развития произвольности стоит рассматривать в контексте проблемы развития мотивационной сферы.

Актуальность проблемы произвольности в учебной деятельности детей с ОВЗ обусловлена тем, что число детей с ОВЗ ежегодно растет. В структуре нарушений развития у

них выступают: импульсивность, низкий уровень самоконтроля, нарушение целенаправленности действий, непринятие правил поведения или их неосознанное выполнение.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Нарушения произвольности наиболее ярко проявляются в начальной школе, когда дети только начинают овладевать учебной деятельностью.

Т.Г. Богданова отмечает, что детям с нарушением слуха присуще более позднее становление произвольного внимания. Это объясняется задержкой формирования умения управлять своим вниманием, использовать средства его организации. Наиболее высокий темп развития активного внимания приходит у них на подростковый возраст. В связи с недоразвитием словесной памяти у детей этой категории возникают трудности в овладении приемами произвольного запоминания. Т.Г. Богданова указывает также, что на уровне развития произвольной памяти оказывают влияние степень нарушения слуха и грамматическая категория слова.

Значительные трудности в формировании произвольного внимания наблюдаются у детей с ДЦП. В отдельных случаях ребенок не может целенаправленно выполнить даже простейшее действие.

Вследствие нарушения произвольного внимания оказывается нарушенной активности: концентрация и осознанный выбор во время получения и переработки информации.

Согласно мнению В.В. Ковалева, дети с ДЦП отличаются эгоцентричностью, неумением соответствовать требованиям коллектива. В деятельности у них преобладают эмоции удовольствия, очень слабо развиты познавательные интересы. В совокупности эти особенности составляют так называемый феномен «школьной незрелости», который может быть выявлен в младших классах.

Нарушение произвольной деятельности наблюдаются также и у детей с РДА. Это может быть связанно, по мнению О.С. Никольской, М.Ю. Фединой, со сверхценными интересами ребенка и крайней ригидностью свойственных им малочисленных форм поведения. В некоторых случаях ребенок с РДА легче вовлекается в процесс взаимодействия, но демонстрирует базальные формы организации внимания.

Низкий уровень развития показателей произвольного внимания и трудности в планировании своих действий свойственны детям с нарушениями речи. Младшим школьникам с речевой патологией сложнее сосредотачиваться на анализе условий, находить разные способы решения задач. Детям с речевыми нарушениями труднее сконцентрироваться на задании в условии вербальной инструкции, чем в условиях зрительной.

Организационно - волевая сторона учебной деятельности оказывает существенное влияние на процесс компенсации у детей с нарушением зрения. Именно способность достигать поставленной цели, преодолевая значительные трудности, обеспечивает успешность выполнения деятельности. Непосредственное включение незрячих школьников в деятельность является необходимым условием для формирования произвольного внимания. А.Ф. Самойлов указывает, что при развертывании произвольной деятельности младших школьников со зрительными нарушениями мотивирует непосредственно интерес к обучению. Мотивами, которые побуждают детей этой группы к интеллектуальной самостоятельности, являются понимание поставленной задачи и соотношение ее и средств ее достижения - знаниями, действиями. А.Ф. Самойлов рекомендует для формирования произвольности у детей с нарушениями зрения применять различные методы коррекции целей и задач при организации их деятельности.

В.Г. Петрова отмечает, что у умственно отсталых детей словесная регуляция производимых действий формируется с значительным отставанием. Ученикам младших классов с нарушением интеллекта трудно на протяжении длительного времени удерживать цель действий, им часто необходима помощь взрослого, чтобы закончить начатое.

Имеющиеся у умственно отсталых детей трудности мыслительной деятельности можно объяснить снижением устойчивости внимания, осложняющим целенаправленную познавательную деятельность.

И.М. Соловьев указывает на то, что у младших школьников с умственной отсталостью намерение выполнять определенный вид учебной деятельности формируется с трудом у и скоро исчезает.

Особенности формирования произвольности ярко выражены у детей с комплексными нарушениями развития.

Так, А.Ф. Самойлов и А.И. Зотов утверждают, что произвольность умственно отсталых слепых и слабовидящих школьников нарушена из-за низкого уровня развития конкретного мышления[1].

Существенной проблемой в формировании произвольности незрячих детей с умственной отсталостью является понимание задачи и ее принятие. Для того, чтобы они приступили к выполнению задания, необходимо специальное обучение, которое должно состоять из поэтапного анализа объектов ситуации, формирования конкретных представлений. Это помогает выделить учебную задачу, определяющую их деятельность в дальнейшем. В связи с особенностями произвольности, слепым школьникам с интеллектуальными нарушениями трудно оперировать представлениями при решении учебных задач[2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс формирования произвольности нарушен у всех групп младших школьников с ОВЗ. Это доказывает необходимость целенаправленной коррекционной работы по формированию произвольности в учебной деятельности детей младшего школьного возраста с нарушениями развития.

В начальной школе важно сформировать у детей позицию школьника, мотивировать их к получению знаний заложить основы формирования личности.

Работа будет более эффективной, если строить ее поэтапно:

1. Этап обучения ребенка работать по образцу.
2. Работа по вербальному образцу.
3. Работа по собственному замыслу[3].

По мнению Л.И. Божович, на этапе обучения детей в начальной школе главная задача-научить детей сознательно управлять собственным поведением, сформировать у них необходимые качества личности. Для этого следует:

1. Воспитывать у младших школьников позитивное отношение к позиции школьника.
2. Воспитывать интерес к знаниям, которые они получают в школе.
3. Формировать те качества личности, которые являются необходимыми для формирования произвольности поведения.

Формированию произвольности психических процессов способствует игра. В игре развиваются и другие виды деятельности, в том числе учебная. В процессе игры ребенок относится к учению как к ролевой игре, имеющей определенные правила.

Для развития произвольности эффективными являются игры и упражнения с правилами:

- «Да и нет не говорите»
- «Летает-не летает»
- «Ухо-нос»
- «Повтори за мной»
- «Раскрась фигуры»
- «Копирование фигур»
- «Рисование узоров»
- «Графические диктанты»
- «Лабиринты» и т.д.

Важно определить виды поощрений за соблюдение правил и «штрафы» за их нарушение.

А.С. Махамбетоваотмечает, что важное место в развитии произвольности детей с ОВЗ занимает творческая деятельность. В процессе занятий воспитываются нравственно - волевые качества, такие как: желание и способность доводить дело до конца, работать целенаправленно, сосредотачиваться на задании, преодолевать трудности и т.д.[4].

М.С. Староверова предлагает, развивая произвольное внимание детей с ограниченными возможностями здоровья, использовать приемы его активизации: сюрпризные моменты («У меня для тебя есть кое-что интересное»), игровые ситуации («Ты готов стать лучшим другом котят? Тогда помоги им спастись от собаки. Найди и сосчитай»). Прежде чем задать вопрос, рекомендуется предупредить ребенка («Готовься, скоро твоя очередь отвечать»). Можно попросить ученика повторить задание «как просьбу мамы», «как приказ солдату» и т.д. с соответствующей интонацией. Необходимо задавать ребенку уточняющие вопросы и поощрять его активность[5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что произвольность в учебной деятельности младших школьников с ОВЗ формируется с отставанием и имеет специфические особенности. Коррекционная работа с детьми с ОВЗ способствует развитию произвольности, что оказывает положительное влияние на процесс обучения.

Список использованной литературы и источников:

1. *Зотов А.И., Самойлов А.Ф.* О личностном подходе в изучении психиче-ской деятельности слепых и слабовидящих школьников с нормальным и на- рушенным интеллектом // Особенности познавательной деятельности слепых и слабовидящих школьников. -Л.: ЛГПИ, 1976. С. 3-13.

2. *Самойлов А.Ф.* Развитие произвольности оперирования представлениями у слепых младших школьников с нормальным и нарушенным интеллектом // Особенности познавательной деятельности слепых и слабовидящих школьников. - Л.: ЛГПИ, 1975. С. 107-133.

3. *Иванова Д.Н., Карпова Е.В.* К вопросу о соотношении формиования произольности и развития универсальных учебных действий// Реализация стандартов второго поколения в школе: проблемы и перспективы: сборник научных статей второй всероссийской интернет-конференции. Министерство образования и науки РФ; ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 2012

4. *Махамбетова А.С.* Влияние творческой деятельности на всестороннее развитие ребенка с ОВЗ//Наука в современном мире материалы XXVIII международной научно-практической конференции. Центр научной мысли. 2016 м.: Перо.

5 *М.С. Староверова.* Инклюзивное образование. Настольная книга педагога, работающего с детьми с ОВЗ: Методическое пособие - М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАД ОС, 2011 - 1 6 7 с.

УДК 159.97

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

А. А. ФИСЕНКО

Фисенко Алексей Андреевич, ассистент Центра инклюзивного сопровождения и социальной адаптации СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: fisenko_sgu@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы адаптации студентов с нарушениями зрения в процессе обучения в вузе. Межличностные отношения и взаимодействия в коллективе рассматриваются как факторы, влияющие на адаптацию студентов с нарушениями зрения.

Ключевые слова: проблемы адаптации, студенты с нарушениями зрения, инклюзивное образование, межличностные отношения, социальные установки.

THE PROBLEMS OF ADAPTATION OF STUDENTS WITH VISUAL IMPAIRMENTS IN THE LEARNING PROCESS IN THE UNIVERSITY

A.A. Fisenko

Abstract. This article examines the problems of adaptation of students with visual impairments during their studies in universities. Interpersonal relationships and teamwork are seen as factors that influence the adaptation of students with visual impairments.

Key words: adaptation problems, students with visual impairments, inclusive education, interpersonal relations, social attitudes.

В последние десятилетия в нашей стране активно ведется изучение проблем обучения инвалидов и лиц с ОВЗ в вузе[1]. В 1995 году был принят закон: «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», в котором указывается, что государство берет на себя обязательства перед этой категорией граждан. В соответствии с этим законом инвалиды получили право на получение бесплатного высшего профессионального образования.

Наряду с этим в современном социуме отмечена высокая активность инвалидов по зрению в получении высшего профессионального образования, появилась положительная тенденция увеличения количества слепых и слабовидящих студентов в вузах страны. Вместе с тем стали возникать многочисленные проблемы и трудности. Уже на этапе поступления в вуз лица с нарушениями зрения испытывали трудности, так как процедура поступления не учитывала особенности абитуриентов-инвалидов. Вступительные экзамены порой были не рассчитаны на инвалидов по зрению и противопоставлены их возможностям. Ещё большие трудности появлялись перед слепыми и слабовидящими студентами уже собственно в процессе их повседневной профессионально-образовательной деятельности в разных плоскостях: от психологических до технологических. Примером может являться недостаток специализированных технических средств, нехватка приспособленных аудиторий, недоступность методических пособий, так как нужны специально напечатанные пособия рельефно-точечным шрифтом Брайля, либо в голосовом (дикторском) озвучивании. Следует отметить также отсутствие специализированных туалетов, и трудности перемещения по помещению учебного заведения. Немаловажными являются проблемы социально-психологического порядка. Ставится вопрос о положении студентов с нарушениями зрения в социуме учебного заведения. Констатируется появление ощутимых барьеров в межличностном общении между нормально видящими студентами и студентами с различными нарушениями зрения. Всё это приводит к тому, что у студентов с нарушениями

зрения возникают социально-психологические трудности во время обучения и адаптации в учебном заведении.

Проблема социально-психологической адаптации у студентов с нарушениями зрения остается недостаточно изученной как в теории, так и в практике тифлопсихологии[2]. Большинство нормально видящих студентов впервые сталкиваются со слепыми и слабовидящими людьми, и не все из них стремятся помочь, а зачастую избегают и сторонятся. Следует отметить, что отношение к студентам с нарушениями зрения у нормально видящих студентов может различаться в зависимости от пола, и профессиональной деятельности. Например, юноши, обучающиеся в технических вузах, как правило, недооценивают слепых и слабовидящих студентов, как в трудовых, так и в бытовых аспектах деятельности. Студенты гуманитарных направлений и девушки, обучающиеся в технических вузах, относятся к слепым и слабовидящим студентам более доброжелательно, они даже готовы оказывать кратковременную помощь студентам с нарушениями зрения, но не стремятся к длительному контакту. Однако, невзирая на пол и направление профессионального образования, студенты стараются уклоняться от совместного труда со студентами-инвалидами и с неохотой работают с ними в сотрудничестве, а также сторонятся проводить с ними вместе свободное от учебы время[3]. Следует отметить, что и к коллективной деятельности со студентами-инвалидами нормально видящие студенты не очень готовы. Большинство слепых людей проводят в обществе друг друга, формируя у себя различные изоляционные установки, что еще более усложняет контакты с нормально видящими людьми. Чтобы наладить отношения между нормально видящими и слепыми людьми нужно увеличивать совместное взаимодействие, но при этом проводить профилактические беседы, как с нормально видящими, так и со слепыми.

В специализированных учреждениях внутри коллективов межличностные отношения имеют свои особенности. Изначально межличностные отношения между слепыми и слабовидящими детьми в группах в дошкольном и младшем школьном возрасте своеобразно формируются и зависят от состояния зрения. Тотально слепые оказываются в наиболее неблагоприятном статусном положении, так как у них понижена активность и мобильность. Однако положение тотально слепых может в значительной мере улучшить педагог, так как он активизирует процессы формирования коллектива, способствует установлению благоприятной психологической атмосферы в коллективе. Со временем отмечается относительная однородность коллектива, где отсутствие зрения не влияет на межличностные отношения. Это происходит в старшем и среднем школьном возрасте. Важным является то, что то, что на передний план ценностных ориентаций выходят интеллектуальные и морально-волевые качества индивидов в коллективе, а развитие и проявление этих качеств не зависит от состояния зрения. Но в новых условиях, где слепые учатся вместе со зрячими людьми, проявляются социально психологические последствия дефектов зрения, из-за которых возникают трудности в свободном и деловом общении, вследствие чего слепые люди замыкаются в себе и избегают контактов с нормально видящими людьми. Помимо этого люди с нарушениями зрения, как правило, занимают позиции зависимости от зрячих людей, изоляции, отказа от борьбы с трудностями. Такие позиции образуются из-за недостаточной подготовки слепых к самостоятельной жизни и мире зрячих. Подтверждение этому является зависимость отношения к социальной компенсации, к зрячим и самому себе, а также к труду у поздно ослепших людей, от времени возникновения дефекта, степени поражения и других различных факторов. Помимо этого в смешанных коллективах у людей с нарушениями зрения возникают препятствия на пути к социальному восприятию человека из-за неблагоприятных влияний, вследствие чего им трудно наладить положительные межличностные отношения.

Отсутствие или малая доля зрительного восприятия часто не дают слепому человеку достаточного знания о собеседнике. Данное обстоятельство может усугубиться неадекватными установками нормально видящих по отношению к лицам с нарушениями зрения, обусловленными косметическими дефектами последних, незнанием их психологических особенностей, непониманием. В итоге в смешанном коллективе статус инвалида по зрению, как правило, зависит от степени его дефекта. Таким образом, инвалиды

вторых и третьих групп по зрению чаще оказываются в более высоких статусных категориях, чем инвалиды первой группы по зрению. Под критерии «отверженных» и «изолированных» чаще попадают инвалиды именно первой группы. Это происходит из-за большей активности инвалидов с более сохранным зрением. Однако данное утверждение вовсе не означает, что тяжелые дефекты зрения влияют на возможности человека и не дают им развиваться и показывать себя. Здесь имеется в виду только то, что люди с более сохранным зрением более мобильны и самостоятельны, что облегчает межличностное общение и любые виды деятельности. Помимо того, что в смешанном коллективе статус инвалидов по зрению зависит от их активности и мобильности, есть также и другие факторы, влияющие на положение в смешанном коллективе. По социометрическим данным, на положения человека с нарушением зрения в смешанном коллективе также влияет его возраст, пол и время потери зрения. Наиболее положительные, возрастные показатели в смешанном коллективе получили люди от двадцати до тридцати лет. Это объясняется тем, что в этом возрасте процесс психологической и трудовой адаптации уже завершен, а также наличием положительного опыта общения в коллективе. В сфере эмоционально-личных отношений лидирующее преимущество принадлежит мужчинам. В сфере деловых отношений женщины имеет большее преимущество, нежели мужчины. Данные показатели объясняются тем, что женщина в силу несложного содержания труда занимает более прочное и стабильное положение. В системе же эмоционально-личных отношений положение незрячей женщины меняется, что связано с рядом социально-психологических факторов, в частности, более высокой престижностью для слепых мужчин зрячих женщин.

Если говорить о времени потери зрения, то здесь наиболее положительные показатели у тех людей, кто ослеп в детском или подростковом возрасте. Это говорит о том, что у слепорожденных людей изначально узкий круг общения и некие ограничения социального опыта общения в коллективе. Что касается людей, потерявших зрение в зрелом возрасте, их социальный опыт общения практически не реализуется за счет уже сложившихся стереотипов. В целом развитие межличностных отношений в смешанном коллективе происходят по общим закономерностям, однако следует учитывать влияющие на этот процесс факторы, которые были описаны ранее. Но в конечном итоге в коллективе могут быть наиболее распространены категории нейтральных и изолированных положений лиц с нарушениями зрения. Это говорит о недостаточной форсированности и сплоченности коллектива. По данным социометрических исследований уровень взаимных выборов оказывается невысоким.

Социальная позиция в коллективе зависит от многих факторов. Основными факторами являются компенсация дефекта, уровень психического и физического развития, интеллектуальные и морально-волевые качества. Чтобы добиться и удержать какую-либо социальную позицию человек должен в социально-психологическом плане быть активным. Это подразумевает под собой адекватное восприятие и понимание партнеров по общению, а также способность устанавливать социальные контакты. Социальными психологами было установлено, что во время общения первое впечатление о собеседнике основано на визуальном восприятии. Исходным образом для понимания человеком человека является визуальный образ, который возникает при первой встрече. Симпатии и антипатии, а также непосредственно сами межличностные отношения начинаются от визуального восприятия. От визуального образа зависит желание повторных встреч или же их избегание. На основании этого делается вывод, что при потере или сильном дефекте зрения, не видя лицо собеседника, его мимику, выражение глаз, а также другие визуально воспринимаемые движения, у человека с нарушениями зрения заметно затрудняется процесс межличностного общения. А.Г Литвак подчеркивал, что восприятие любой модальности - это субъективный образ объективного мира. Внешние воздействия преломляются в нашем сознании, их результаты во многом обусловлены субъективными особенностями внутреннего мира человека: его опытом, эмоциональным и типическим состоянием, готовностью к восприятию, установками и др. Из сказанного следует, что восприятие человеком человека на основе зрения или какой-либо иной чувственной основе неизбежно несет в себе элементы субъективности, и информация,

получаемая таким образом, далеко не всегда отражает существенные признаки партнера по общению[4]. Конечно, тот факт, что при утрате зрения человеческое восприятие ограничивает поступающую информацию, никто отрицать не будет. Однако этот фактор не меняет процесс социальной перцепции и не может лишить слепого человека возможности адекватно воспринимать окружающих его людей. Для того, чтобы изучить и раскрыть внутренний мир человека и понять его сущность, информация, которую мы получаем благодаря органам чувств, должна быть проверена в совместной деятельности и труде. Поступки и поведение человека в разных ситуациях открывают его настоящее лицо, что позволяет понять и дать оценку его плюсам и минусам. Именно поэтому поведение является надежной основной в межличностных отношениях. Большей частью слепые люди не интересуются внешним обликом собеседника, за исключением ослепших в более зрелом возрасте.

Вместе с общими для всех людей установками у людей с нарушениями зрения формируются неадекватные установки. Следует учитывать, что у зрячих людей точно также, как и у слепых людей, могут формироваться неадекватные установки. Здесь есть две противоположные друг другу установки. Первая установка - негативная, человек с такой установкой будет избегать и игнорировать слепых людей. Вторая установка - положительная, являющаяся полной противоположностью первой. Но в такой установке наблюдается проявление жалости и чрезмерная опека. Обе эти установки образуются по разным причинам, но прежде всего здесь играет роль фактор незнания психологии слепых людей и их реальных возможностей. Подобные факторы приводят к тому, что слепые люди пытаются уйти от общения с нормально видящими людьми, предпочитая им таких же, как и они, слепых людей.

Таким образом создается микросоциум, который состоит из инвалидов по зрению. Все это ведет к тому, что слепые люди пытаются уйти в свой внутренний мир и выпадают из социального общества. Для успешной реабилитационной работы необходимо не только работать со слепым человеком, но и с его ближайшим окружением. Профилактическая работа со зрячими из ближайшего окружения инвалидов должна быть направлена на воспитание у них чуткого, тактичного, бережного отношения к лицам с нарушениями зрения. Практика реабилитационной работы показывает, что, несмотря на дефекты зрения, человек может совершенно адекватно воспринимать окружающий мир и людей в нем[5]. Но, к сожалению, еще достаточно часты случаи взаимного непонимания, формирования на основе негативного опыта неадекватных социальных установок, влекущих за собой ограничение межличностных контактов. В результате основная задача реабилитации и возвращения слепого человека в общество решена не полностью.

Таким образом, целенаправленное формирование установки на общение, овладение способами восприятия и понимания партнеров по социальным контактам позволяет существенно расширить сферу коммуникаций слепых и таким путем осуществлять их социально-психологическую адаптацию и реадаптацию.

Список использованной литературы и источников:

1. *Шипова Л.В., Гринина Е.С.* Реабилитация, абилитация и социализация: междисциплинарный подход (итоги всероссийской конференции) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 4. С. 376-379.

2. Основы специальной психологии / Акименко А.К., Бурмистрова Е.Д., Георгица Е.А., Георгица Н.В., Гринина Е.С., Еремина Т.В., Колчина А.Г., Кухарчук О.В., Лысогорская М.В., Рудзинская Т.Ф., Суслова О.И., Шипова А.В., Шипова Л.В., Польская Н.А., Трошина Н.В. Учебное пособие. Саратов: ИЦ «Наука», 2013. 335 с.

3. *Айсмонтас Б.Б., Быстрова И.В.* Методические рекомендации по обучению студентов с ОВЗ. М. : МГППУ, 2013. 43 с.

4. *Литвак А.Г.* Психология слепых и слабовидящих: учебное пособие СПб. : Изд-во РГПУ, 1998. 271 с.

5. *Шипова Л.В., Фисенко А.А.* Психолого-педагогическая реабилитация инвалидов по зрению в процессе непрерывного профессионального образования // Социализация и реабилитация в современном мире Сборник научных статей. Под редакцией О.Е. Нестеровой, Р.М. Шамионова, Л.В. Шиповой, Е.С. Пяткиной, М.Д. Коноваловой. Москва, 2017. С. 617-628.

УДК 37.378.1

ИЗУЧЕНИЕ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА

Е.Б. ЩЕТИНИНА

Щетинина Елена Борисовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: ebp1976@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные практики досуга, их личностное и социальное значение для человека. Говорится о том, что свободное время детей с нарушением интеллекта имеет свои особенности, обусловленные патологиями психофизического развития. Представлены результаты опроса, проводимого среди учащихся школы для обучающихся по адаптированным образовательным программам, с целью выяснить каким образом дети проводят свое свободное время. Интерпретация результатов опроса, позволяет сделать выводы о необходимых направлениях коррекционно-воспитательного процесса с детьми с нарушением интеллекта во внешкольное время.

Ключевые слова: досуг, досуговые практики, дети с нарушением интеллекта, коррекционно-воспитательный процесс.

A STUDY OF THE LEISURE PRACTICES OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

E.B. Shetinina

Abstract. The article deals with social and cultural practices of leisure, their personal and social significance for humans. It is said that the free time of children with intellectual disabilities has its own characteristics due to pathologies of psychophysical development. The article presents the results of a survey conducted among school students for students on adapted educational programs to find out how children spend their free time. Interpretation of the results of the survey allows to draw conclusions about the necessary directions of the correctional and educational process with children with intellectual disabilities in extracurricular time.

Key words: leisure, leisure practices, children with intellectual disabilities, correctional and educational process.

ВВЕДЕНИЕ

Общество имеет несколько основных видов деятельности, которые существовали всегда и будут существовать в будущем. Среди них досуг является одной из наиболее важных форм. В настоящее время многими науками, занимающимися вопросами социального воспитания человека, свободное время рассматривается не просто как свободное от обязанностей, социальной и физиологической необходимости, а как пространство свободной деятельности человека как самоцели, деятельности, не навязанной извне, не являющейся необходимостью. По словам Г.П.Орлова, это время, предназначенное для развития умственных и физических способностей и для удовлетворения социальных потребностей. В этом смысле свободное время становится богатством личности, его можно использовать по

собственному усмотрению, для своего развития[1]. Развитие человека неотделимо от его инвайронмента: среды обитания, природного, социального, этнокультурного, экзистенциального окружения. Именно под воздействием внешних ресурсных факторов идет интенсивный процесс отбора жизнеспособных генетических программ, изменение среды обитания.

Детство - стадия жизненного цикла человека, на которой продолжается становление организма, развитие его важнейших функций, наиболее активно осуществляется социализация индивида, включающая в себя усвоение определенной системы знаний, норм и ценностей, освоение социальных ролей, позволяющих ребенку функционировать в качестве полноценного члена общества, целостной личности. Социализация детей с нарушением интеллекта осложнена патологическими особенностями его физического, психического развития[2]. Проблемам умственной отсталости в отечественной дефектологии всегда уделяли большое внимание. Но начиная с 60-х годов интерес к ним все более возрастает. Г.Е. Сухарева, М.С. Певзнер, О.Е. Фрейеров, М.Г. Блюмина, Л.И. Аксенова, Б.П. Пузанов, Н.П. Коняева, Б.Б. Горский, С.Г. Семенака и ряд других ученых внесли неоценимый вклад в теорию и практику олигофренопедагогики. Они достаточно подробно описали в своих трудах коррекцию, развитие, особенности обучения детей-олигофренов, проблемы их социальной адаптации, оставив без внимания сферу досуга и заложенный в ней огромный социализирующий потенциал.

Однако при правильной организации взаимодействия значимых взрослых ребенка с нарушением интеллекта данный процесс может иметь положительные результаты. Люди с нарушением интеллекта могут полноценно жить в обществе, их поведение может соответствовать социальным нормам. Учитывая это, пристальное внимание необходимо уделять организации и регулированию свободного времени детей и подростков с нарушением интеллекта, так как оно обладает большими развивающими, корригирующими, компенсаторными ресурсами, а может оказывать и деструктивное влияние на процесс освоения ребенком социальной среды.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Однако в настоящее время организации досуговой деятельности детей с нарушением интеллекта уделяется недостаточно внимания со стороны значимого для них окружения. Данная гипотеза подтверждается исследованием досуговых практик детей с нарушенным интеллектом, проводимом нами в 2017 году. В выборку исследования вошли 50 учеников 7 класса одной из Саратовских школ для обучающихся по адаптивным образовательным программам. Опрос учащихся проводился в виде полуформализованного интервью. Приведем некоторые данные проведенного исследования:

- 90% детей с нарушением интеллекта считают количество имеющегося у них свободного времени достаточным для удовлетворения личных потребностей и лишь 10% детей жалуются на его нехватку, в связи с выполнением школьных домашних заданий, а так же выполнения работы по домашнему хозяйству;

- любимым и наиболее предпочитаемым занятием большинства детей является просмотр телевизора и компьютерные игры этим занятиям посвящают свое свободное время 60% опрошенных школьников, на втором месте по популярности – прогулки на улице - 35% опрошенных, и лишь небольшое количество детей 5% посвящают свое свободное время занятиям развивающего характера - вязанию, чтению, помощи по дому родителям, коллекционированию;

- если говорить о пространственной локализации досуговых занятий детей с нарушением интеллектуального развития необходимо отметить их интролокальную концентрацию, так – 70% детей проводят свободное время дома, 25% - на улице с друзьями, 5% - бывают в театрах, кино и на дискотеках;

- окружающие детей близкие родственники (мамы, папы, бабушки, дедушки, сестры и братья) принимают участие в организации и регулировании досугового времени детей с

нарушением интеллекта, однако основные их функции сводятся к помощи в приготовлении домашних заданий; сопровождению в медицинские учреждения; приобретению игрушек, компьютера;

- 60% детей с проблемами в умственном развитии проводят свое свободное время в одиночестве, 35% предпочитают общество друзей и 5% родственников;

- на вопрос «Часто ли ты остаешься в школе после уроков?» 50% детей дали ответ «иногда» и в качестве причины указали либо дополнительные занятия, либо праздничные классные или общешкольные мероприятия, либо неформальное общение с одноклассниками и другими детьми учреждения;

- в результате обобщения описаний режима внешкольного времени, путем выявления наиболее популярных занятий и времени уделяемого на них детьми, у нас получилась следующая шкала наиболее предпочитаемых досуговых занятий школьников с нарушением интеллекта: просмотр телевизора – 3-4 часа, прогулки – 2-3 часа, компьютерные игры – 2 часа, слушание музыки – 1-2 часа, домашние дела – 1-2 часа, встречи с друзьями – 1-2 часа, чтение, вязание – 0,5 часа;

- необходимо отметить, что 70% опрошенных школьников не довольны тем, как они проводят свое свободное время. Однако, только 10 % смогли ответить на вопрос: “Как бы они хотели проводить свой досуг?” Были получены следующие ответы: играть компьютер, в игровую приставку, заниматься спортом, среди девочек были ответы - ходить по магазинам, наряжаться;

- среди причин, мешающих проводить свободное время интересно и с удовольствием, дети выделили такие – «у меня нет друзей», «некуда пойти», «заставляют делать уроки», «в школе не проводят интересных занятий», «родителям некогда со мной заниматься».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Согласно типологии личностей в зависимости от отношения их к своему свободному времени, разработанной С.Н. Иконниковой[3], дети с нарушением интеллекта относятся к типу личности, который отличается пассивностью, склонностью к домашним формам досуга. Просмотр телевизора, игры на компьютере не позволяют развиваться личности умственно отсталого ребенка, обрекая ее на пассивность и манипулируемость.

Дети с нарушением интеллекта не в состоянии самостоятельно организовывать свое свободное время. Проблемы, которые у них возникают, связаны с тем, что их возможность распоряжаться самим собой (автономия) ограниченна. Их зависимость ведет к тому, что пассивное проведение свободного времени и скука распространяются относительно широко, досуг ограничивается домашней сферой и в, следствии, недостатка в контактах с друзьями, формируется социальная изоляция[4].

Ведущую роль в организации досуга детей с нарушением интеллекта играют их родители. Дети слепо копируют образцы их как положительного, так и отрицательного, порой асоциального поведения, так как способность к оцениванию поступков с нравственных, эстетических, этических позиций и них крайне низкая[5].

Огромное влияние на организацию досуга детей с нарушением интеллекта оказывают так называемые продукты массовой культуры. Дети стремятся приобщиться к миру модного, яркого, красивого. Их привлекает современные сериалы, радио, одежда, компьютерные игры, при этом способность объективной оценки культурной ценности этого крайне низкая, они подвержены слепому копированию образцов транслируемого поведения.

Родителями в отношении организации досуга детей с нарушением интеллекта занимаются следующие позиции: либо пессимистичная позиция, согласно которой они не прилагают никаких усилий для организации досуга, ссылаясь на их бесполезность, либо потакают в желаниях ребенка, утешая себя тем, что дали по возможности все, что могли. Лишь 10% родителей уделяют время организации поддерживающего, развивающего досуга умственно отсталого ребенка.

Дети с нарушением интеллекта во внешкольное время, часто остаются одни, создавая свой мир определенных увлечений, хобби, который, как правило, не интересен окружающим. Эти увлечения или хобби (коллекционирование вкладышей от жевательной резинки) не являются развивающими, так как ребенок замкнут на самого себя.

ВЫВОДЫ

Таким образом, при рациональной организации социального взаимодействия значимых взрослых с ребенком с нарушением интеллекта досуговые практики могут иметь огромный коррекционно-развивающий, социализирующий потенциал. Люди с нарушением интеллекта могут полноценно жить в обществе, их поведение может соответствовать социальным нормам. Учитывая это, пристальное внимание необходимо уделять организации и регулированию свободного времени детей и подростков с нарушением интеллекта, так как оно обладает большими развивающими, корригирующими, компенсаторными ресурсами, но в то же время оказывать и деструктивное влияние на процессы социальной адаптации и социализации.

Список использованной литературы и источников:

1. *Орлов Г.П.* Свободное время и личность. – Свердловск, 1983.

2. Обучение детей с нарушениями интеллектуального развития: (Олигофренопедагогика): Уч. пособие для студ. /Под ред. Б.П. Пузанова. – М.: Издательский центр «Академия», 2000.

3. *Михайлова Л.И.* Социология культуры. М., 1999.

4. Досуг: социокультурные и экономические перспективы / Межвузовский сборник научных статей под ред. проф. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2003.

5. *Носкова Л.П.* Нравственное воспитание умственно-отсталых школьников //Дефектология, 1999.-№8.

УДК 159.97

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л.Н. ГЕРАСИМОВА

Герасимова Лариса Николаевна, учитель английского языка МБОУ «Лицей №15», г. Саратов.

E-mail: geralar@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена общим проблемам вхождения детей младшего школьного возраста с расстройствами аутистического спектра в систему инклюзивного образования, описываются основные особенности детей с расстройствами аутистического спектра, на которые следует обратить внимание специалистам (учителям, социальным педагогам, школьным психологам, тьюторам), условия обучения детей с расстройствами аутистического, а также приводятся возможные пути решения проблем, возникающих при обучении и воспитании детей с расстройствами аутистического спектра в образовательном учреждении.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра (РАС), адаптированная образовательная программа, адаптация, ограниченные возможности здоровья, инклюзия.

THE PROBLEMS OF SCHOOLCHILDREN'S ADAPTATION TO RAS IN CONDITIONS OF INCLUSIVE EDUCATION

L.N. Gerasimova

Abstract. The article is devoted to the general problems of entry of children of primary school age with the diagnosis of ASD in the system of inclusive education and the main features of children with ASD are described, which should be addressed to specialists (teachers, social educators, school psychologists, tutors), the conditions of teaching children with ASD, and the possible ways of solving the problems arising in the education and upbringing of children with ASD within the educational institution are described.

Key words: autism spectrum disorders (ASD), an adapted educational program, adaptation, limited health opportunities, inclusion.

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет инклюзивное образование как «процесс равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» (гл. 1 ст. 2) и позволяет школе реализовывать образовательные программы разного уровня и профиля[1]. В настоящее время в обществе существует потребность во внедрении такой формы обучения, которая должна создать детям с ОВЗ оптимальные условия обучения, поэтому инклюзивное образование из редкого явления стало реальностью и необходимым условием для образовательных учреждений и является одним из ведущих направлений образовательной политики[2].

В настоящее время все более актуальным становится вопрос адаптации к школьной жизни детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Современные статистические данные свидетельствуют о росте детей с подобным диагнозом по всему миру. Если в 40-е годы

XX века он выявлялся в 4-5-ти случаях на 10 тысяч детей, то в настоящее время эти показатели возросли в 6-10 раз и составляют 30-40 случаев на то же количество детей[3].

Процесс вхождения детей младшего школьного возраста с РАС в образовательное учреждение затрагивает две стороны: ребенка (и родителей) и принимающую его сторону – одноклассников, учителей, администрацию. С одной стороны, возникает страх быть не принятым большим коллективом детей, не похожих на ребенка с РАС, с другой стороны, администрация и учителя теоретически готовы создать адекватные условия для обучения и удовлетворения потребностей такого ребенка. Однако не всегда на практике могут это профессионально грамотно реализовать.

Существует три модели включения детей в инклюзивное образование. При первой модели ребенок с РАС включается в первый класс и обучается в нем вместе со здоровыми сверстниками (возможно пользуясь помощью тьютора). Такая модель возможна для детей, не имеющих грубых поведенческих нарушений, имеющих опыт фронтального обучения и прошедших программу дошкольного образования, то есть для детей с РАС, которые подготовлены к такой форме обучения, которые могут работать в большом коллективе людей.

При второй модели ребенок с РАС проходит индивидуальное обучение по программе начальной школы с частичным включением во фронтальные занятия с классом на предметах неосновного цикла, классных часах, школьных мероприятиях.

При третьей модели ребенка с РАС включают в специальный класс из 5-6 детей с различными вариантами расстройств аутистического спектра примерно одного возраста.

Инклюзивное обучение ребенка с РАС в общеобразовательной школе должно иметь обязательный предваряющий подготовительный этап, так как такому ребенку для адаптации к школе требуется более длительный период времени, чем его здоровому сверстнику. Так как изменение привычного расписания дня, появление новых взрослых и детей, усложнение социальной среды может вызвать у такого ребенка негативизм, аффективные вспышки, неадекватное поведение с вербальной и невербальной агрессией по отношению к окружающим.

Так как для детей с РАС характерна неравномерность развития, то для каждого ребенка необходимо составлять индивидуальный план развития и отдельную программу (адаптированная образовательная программа). Для успешной адаптации ребенка с РАС первичный посыл должен идти от педагога, который профессионально оценивает и наблюдает за ребенком, при этом ориентируясь на то, какой дистанции при общении пользуется ребенок, какие его любимые занятия, когда он предоставлен сам себе, как он исследует окружающие его предметы, использует ли речь и в каких ситуациях, есть стереотипы бытовых навыков, и как ребенок относится к участию взрослого в его обучении.

Выяснив для себя все эти моменты, можно приступать к организации обучающей среды, в которой «включение» ребенка с РАС будет оптимально удачным и безболезненным.

На первом этапе важно установить положительный эмоциональный контакт учителя и ребенка с РАС. Дети с РАС не воспринимают фронтальную инструкцию для всего класса, поэтому обязательно дополнительно повторить задание для такого ученика, обращаясь непосредственно именно к нему, при этом улыбаясь ему, кивая головой. В конце урока нужно обязательно оценить работу ребенка, подбадривая его словами «молодец», «хорошо поработал», «у тебя получается», чтобы ребенок ощущал себя успешным и постепенно осваивал роль ученика. Учитель дает положительную оценку ребенку, акцентируя внимание на его наиболее сильных сторонах, на его необычных познаниях, чтобы он вызывал восторг и уважение одноклассников, а не насмешки. В связи с этим, одной из главных задач образовательного учреждения по отношению к детям с особыми потребностями является формирование у учащихся толерантности, т.е. способности принять ребенка таким, какой он есть, видя в нем носителя иных ценностей, логики мышления, иных форм поведения и воспитать у сверстников толерантное и уважительное отношение к детям с ОВЗ[4].

Следует отметить, что хорошая оценка не должна даваться учителем слишком эмоционально, это может перевозбудить ребенка. Напротив, она должна быть спокойно

ожидаемой ребенком. Также спокойно учитель должен реагировать на других учеников класса, здоровых детей, чтобы не испугать ребенка с РАС. Тем самым создается благоприятная и спокойная атмосфера в классе, ребенку с РАС комфортно, в классе нет напряженности и конфликтов. Зачастую страхи ребенка с РАС связаны с предыдущими неудачами и слишком большим нажимом взрослых в их желании чему-то непременно научить ребенка, тому, что умеют другие дети. Важно сначала создать для ребенка впечатление, что он справляется с заданием, а затем уже на фоне этого «успеха», начинать реальную отработку навыка. В этом случае напряжение ребенка постепенно уходит, и ребенок со временем спокойно воспринимает привычную для него просьбу. Срабатывает опыт успешности, который учитель и родители должны дать аутичному ребенку.

Важная роль отводится организации перемен в процессе обучения. Для ребенка с РАС они должны носить такой же организованный характер, как и урок. В начале учебного года ребенку с РАС важно дать время понаблюдать за детьми в стороне, не торопить его. Ему важно наблюдать за играми детей, слушать их разговоры, пытаться понять их интересы, отношения. Педагог (тьютор) должен быть рядом и комментировать ребенку ситуации на перемены эмоционально, выделяя голосом и жестами важные этапы.

На втором этапе адаптации необходимо учитывать личностные особенности ребенка с РАС и специфику синдрома. Учителю следует помнить о повышенной чувствительности, ранимости, возможно, брезгливости такого ребенка, который может отказываться работать с клеем, пластилином, красками. Важно вовремя найти адекватную замену таким занятиям и тем самым предотвратить возможные срывы, проявления страха, фиксацию негативного. Детям с РАС часто свойственны медлительность и неуверенность, что затрудняет им самостоятельно сделать выбор чего-либо или принять решение. Стандартные вопросы «что ты хочешь сделать» не помогут справиться с ситуацией. В такие моменты учитель должен сам принять решение за ребенка и только со временем ставить вопрос так, чтобы ребенок смог выбрать из перечня то, что ему уже давно знакомо или нравится. Поэтому в самом начале школьного обучения рискованно предлагать такому ребенку трудное задание. И если у его здорового одноклассника оно вызывает азарт, то у ребенка с РАС, наоборот, спровоцирует панический отказ. Нужно изначально пресекать или сглаживать подобные моменты, иначе у ребенка формируется отрицательный опыт. В данном случае более эффективным способом будет не утешение и не успокоение ребенка, так это, наоборот, еще больше концентрирует его на переживании неудачи, а строить задания с перспективой наращивания сложностей. По мнению О.С. Никольской, в процессе начального обучения ребенка с РАС важно сразу включать у него одновременно сенсомоторную, перцептивную, речевую, интеллектуальную, эмоциональную сферы[5].

На третьем этапе адаптации важно правильно организовать учебное время и использовать стереотипы поведения. Здесь учитель формирует поведенческую цепочку ребенка с РАС, наполняя ее эмоциональным смыслом и логикой действий. Например, открывая дверь класса после звонка, у ребенка с РАС возникает ассоциация «надо выйти», а дорожка за дверью вырабатывает стереотип поведения «надо пойти поиграть». При хорошо продуманной организации подобные логически выстроенные стереотипы-подсказки могут «вести» такого ребенка от одного занятия к другому и определять его действия в конкретном занятии. Вовремя запущенный стереотип поведения поможет учителю быстро справиться с поведенческой проблемой: отвлечь ребенка, сосредоточить его, успокоить; грамотный и продуманный подбор цепочки стереотипов может уберечь ребенка от аффективных срывов - перевозбуждения, неожиданных импульсивных действий. Примером таких стереотипов может быть начатое действие учителя, заданный им знакомый ритм, пение, особое обозначающее их слово, картинка. Ребенок отзывается на значимую для него часть стереотипа (сигнал) и автоматически втягивается реализацию задания от учителя.

Ребенок с РАС должен знать свое основное место занятий в классе, что он должен и не должен делать в школе, чтобы снизить тревожность, импульсивность. Зачастую наглядность, например, схемы, план школы, расписание уроков помогает ребенку с РАС организовать свое

время и почувствовать самого себя частью учебного процесса, что, безусловно, является еще одной ступенькой на пути к успешной школьной адаптации. В силу высокой психической пресыщенности и быстрого физического утомления ребенка с РАС важно создать для него индивидуальный адаптированный ритм занятий с чередованием отдыха. Такому ребенку можно разрешить выйти из общего ритма работы с последующим возвращением к общим занятиям. Важно помнить и о максимальной организации зрительного поля ребенка с РАС, чтобы ребенка ничего не отвлекало. Рекомендуют во время занятий педагогу и ребенку сидеть за столом лицом к стене, а не к игрушкам и пособиям, и не к двери, которую кто-то может приоткрыть и этим помешать занятию. На самом столе должно находиться только то, что понадобится для выполнения одного конкретного занятия. Остальные материалы учитель может должен хранить вне зрительного поля ребенка, и доставать их по мере необходимости, а ранее использованные убирать.

Для ребенка с РАС очень важно выработать комфортный и подходящий ему режим освоения учебных навыков. Многие дети с РАС, подходя к школьному возрасту, хотят идти в школу, знают буквы и цифры, имеют хороший словарный запас, редко пишут и считают (складывают). При первом знакомстве со школьном психологом такой ребенок создают впечатление вполне успешного. Однако, в процессе обучения, особенно на первом этапе адаптации учитель часто сталкивается не столько с проблемами школьных учебных навыков, сколько с его поведенческими особенностями. Поэтому учителю следует быть более терпеливым и не торопиться привести такого ребенка в порядок, к общему знаменателю. Это может дать обратный результат, ребенок испугается, замкнется, уйдет в себя или, наоборот, начнет протестовать, кричать. То же самое касается и ограничения в режиме передвижения, активности и пассивности ребенка с РАС. Учителю стоит учитывать особенности синдрома, когда ребенок может начать искать отдых и защиту в привычной для него стереотипной активности. Он может качаться, крутиться вокруг своей оси, делать одно и то же стереотипное движение очень долгое время, смотреть в одну точку. О том, что ребенок перегружен впечатлениями от урока или перемен, можно судить по внешне не мотивированному смеху или плачу ребенка.

Учитель должен грамотно дозировать нагрузку ребенка с РАС, постоянно анализировать, что стоит за неправильным поведением ребенка. Особая роль на этапе адаптации к школьной жизни отводится родителям ребенка. Они должны набраться терпения, не требовать и не ждать от ребенка быстрых результатов. Большие родительские надежды зачастую отрицательно влияют на конечный результат. А в случае с ребенком с РАС нужно особенно чутко и бережно относиться к любому успеху такого ребенка, а неудачи воспринимать как очередной шаг к будущей победе. Родителям важно эмоционально поддерживать ребенка, сохранять обоюдную привязанность, сопереживая весь учебный процесс вместе с ребенком.

Список использованной литературы и источников:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 26 декабря 2012 года

2. *Шипова Л.В., Гринина Е.С.* Социализация и реабилитация в современном мире (итоги конференции) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6. № 4. С. 386-388.

3. *Северный А. А., Иовчук Н.М.* Современные проблемы диагностики аутизма / А. А. Северный, Н.М. Иовчук // Психологическая наука и образование. URL: http:// psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2013_5_Iovchuk_Severniy.pdf (дата обращения 06.12.2017).

4. Интегрированное обучение детей с ограниченными возможностями в обществе здоровых детей / Ф.Л. Ратнер, А.Ю. Юсупова. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2006. 175 с.

5. *Никольская О.С.* Проблемы обучения аутичных детей // Дефектология. 1995. №2. С. 8-17.

УДК 316.6

СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ

Е.С. ГРИНИНА

Гринина Елена Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры реабилитационных технологий на базе ГАУ СО «ЦАРИ» факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: elena-grinina@yandex.ru

Аннотация: Изложены результаты теоретико-эмпирического исследования стратегий взаимодействия в конфликте в контексте социальной адаптации лиц, имеющих нарушения зрительных функций. Показано, что межличностные отношения и особенности поведения в конфликтных ситуациях лиц с нарушениями зрения характеризуются качественным своеобразием, что может снижать эффективность их адаптации в социуме. Представлены результаты эмпирического исследования стратегий взаимодействия лиц с нарушениями зрения в конфликтных ситуациях с применением методики К. Томаса, наблюдения. В исследовании приняли участие 14 испытуемых с нарушениями зрения в возрасте 17-19 лет. Установлена высокая выраженность деструктивных стратегий поведения в конфликте, недостаточность учета специфики конфликтной ситуации испытуемыми, что можно рассматривать в качестве негативного фактора социальной адаптации лиц рассматриваемой категории. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в практике психологического сопровождения реабилитации и социальной адаптации лиц с нарушениями зрения.

Ключевые слова: социальная адаптация, нарушения зрения, межличностные отношения, конфликт, стратегии поведения в конфликте.

THE STRATEGY OF INTERACTION IN CONFLICT SITUATIONS AS THE FACTOR OF SOCIAL ADAPTATION OF PERSONS WITH VISUAL IMPAIRMENT

E.S. Grinina

Abstract. Results of a teoretiko-empirical research of strategy of interaction in the conflict in a context of social adaptation of the persons having violations of visual functions are explained. It is shown that the interpersonal relations and features of behavior in conflict situations of persons with visual impairment are characterized by a qualitative originality that can reduce efficiency of their adaptation in society. Results of an empirical research of strategy of interaction of persons with visual impairment in conflict situations using K. Thomas's technique, observation are provided. 14 examinees with visual impairment at the age of 17-19 years participated in a research. The high expressiveness of destructive strategy of behavior in the conflict, insufficiency of accounting of specifics of a conflict situation by examinees is set that can be considered as a negative factor of social adaptation of persons of the considered category. The application-oriented aspect of the researched problem can be realized in practice of psychological attending of rehabilitation and social adaptation of persons with visual impairment.

Key words: social adaptation, visual impairment, the interpersonal relations, the conflict, the strategy of behavior in the conflict.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальных проблем современного общества является исследование и оптимизация возможностей полноценной интеграции в него лиц с ограниченными возможностями здоровья. На пути решения этой проблемы встречается множество противоречий. С одной стороны, активно разрабатывается нормативно-правовая база, обеспечивающая равные права людям с ограничениям возможностей жизнедеятельности и здорового большинства, обсуждаются вопросы формирования инклюзивной культуры, осуществляется поиск эффективных путей социализации детей и взрослых с нарушениями развития[1] и т.д. С другой стороны, в условиях социального и экономического неравенства возникают прецеденты антигуманного, деструктивного отношения к людям с отклонениями в развитии. Не полагаясь исключительно на инициативу со стороны окружающих, их готовность к принятию лиц с ограниченными возможностями здоровья, последним также необходимо развивать свою социальную и социально-психологическую компетентность, осваивать стратегии конструктивного взаимодействиями с различными представителями социума. Своеобразным маркером социальной адаптации, сформированности готовности к взаимодействию в неоднозначных, затруднительных ситуациях могут служить преобладающие у личности стратегии взаимодействия в конфликте.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Различные отклонения в развитии обусловливают специфику становления не только познавательной сферы, личности, но и взаимодействия человека с окружающими. Ограничения контактов, трудности варификации собственного поведения в меняющихся условиях взаимодействия могут оказать негативное влияние на формирование межличностных отношений и социальную адаптацию лиц с ОВЗ. Специфические особенности проявляются также и в поведении людей с различными видами отклонений в развитии в конфликтных ситуациях. Так, в частности, выявлено, что для старшеклассников с умственной отсталостью характерны трудности осмысления конфликтной ситуации, превалирование деструктивных стратегий поведения в конфликте, нередкое прибегание к вербальной и физической агрессии[2]. В отличие от них, учащиеся с нарушениями речевого развития в конфликтной ситуации нередко занимают неоправданно пассивную позицию, не могут отстаивать свои интересы.

Особую группу в плане своеобразия формирования стратегий взаимодействия в конфликтной ситуации как фактора социальной адаптации составляют люди с нарушениями зрения. Зрительный анализатор обеспечивает поступление более 80% информации, необходимой человеку для ориентировки в окружающем мире. Ограничение или отсутствие полноценной возможности зрительного восприятия не только меняет представление об окружающем, но и выступает в качестве фактора, осложняющего взаимодействие лиц с нарушениями зрения с другими, в частности, адекватного восприятия невербального контекста взаимодействия.

В исследовании Н.С. Кожановой показано, что межличностные отношения детей с нарушениями зрения имеют специфические особенности уже в дошкольном возрасте[3]. Так, более половины исследованных детей в процессе межличностного взаимодействия демонстрируют агрессию, для 48% испытуемых характерна конфликтность, у 59% дошкольников констатируется излишняя импульсивность в поведении и общении. По мнению тифлопихологов, специфическими чертами лиц с нарушениями зрения, оказывающими негативное влияние на формирование конфликтологической и коммуникативной компетентности, являются негативизм, внушаемость, трудности формирования адекватной самооценки. А. Фисенко[4] отмечает, что в специализированных учреждениях внутри коллективов межличностные отношения между слепыми и слабовидящими детьми в группах зависят от состояния зрения. Тотально слепые оказываются в наиболее неблагоприятном статусном положении, так как у них понижена активность и мобильность. Со временем формируется относительная однородность коллектива, где отсутствие зрения не столь

значимо влияет на межличностные отношения. Вместе с тем существует риск формирования у лиц с нарушениями зрения неадекватных установок в общении, что во многом обусловлено неудачными попытками установить контакты с нормально видящими людьми. М.Д. Коновалова указывает на необходимость целенаправленного формирования у учащихся с нарушениями зрения социальной компетентности, навыков коммуникации и социального взаимодействия в различных ситуациях в образовательном процессе[5].

В контексте обозначенных особенностей развития личности и межличностных отношений лиц с нарушениями зрения актуальным является исследование особенностей их поведения в конфликтных ситуациях, что может оказать значимое влияние на успешность их социальной адаптации. Так, от готовности людей с нарушениями функций зрительного анализатора к конструктивному, малоконфликтному взаимодействию с окружающими, сформированности соответствующих навыков и стратегий взаимодействия во многом будет зависеть успешность их интеграции в общество, адаптации к условиям социального функционирования в нем.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве предмета исследования выступали стратегии конфликтного взаимодействия старшеклассников с нарушениями зрения. В исследование приняли участие 14 слабовидящих испытуемых юношеского возраста (17-19 лет).

Цель эмпирического исследования – выявление преобладающих стратегий поведения юношей с нарушениями зрения в конфликтных ситуациях. В качестве основного диагностического инструментария для изучения стратегий конфликтного взаимодействия была выбрана методик К. Томаса, результаты применения которой подкреплялись данными, полученными в ходе наблюдения за межличностным взаимодействием испытуемых с нарушениями зрения, беседы с ними.

Применение методики К. Томаса «Стратегии поведения в конфликте» позволяет выявить представленность в конфликтном репертуаре испытуемого стратегий соперничества, сотрудничества, компромисса, избегания и уступки. Пилотажное исследование показало возможность использования данной методике в психодиагностической работе с лицами с нарушениями зрения, что обусловлено достаточным уровнем сформированности их вербальной сферы, возможностей анализа и интерпретации собственного опыта взаимодействия с окружающими в ситуациях конфликта. Рассмотрим результаты изучения стратегий поведения юношей с нарушениями зрения в конфликтной ситуации подробнее.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования показали, что конфликтное поведение юношей с нарушениями зрения характеризуется преобладанием стратегий соперничества (7,4 балла) и компромисса (7,3 балла). Качественный анализ результатов исследования показал, что у половины испытуемых (7 из 14) стратегия соперничества является ведущим способом урегулирования конфликтной ситуации, что может оказать негативное влияние на формирование отношений с окружающими, адаптацию в социальной среде. Компромиссной стратегии отдают предпочтение 5 из 14 испытуемых. Однако и такое поведение в большинстве случаев не может рассматриваться как оптимальный вариант разрешения конфликтной ситуации, так как в подобных случаях оба участника конфликта получают лишь частичное удовлетворение собственных интересов. В связи с этим компромисс часто рассматривается как промежуточный, временный способ разрешения противоречий. Преобладание в конфликтном поведении испытуемых стратегии соперничества, на наш взгляд, может быть связано с потребностью лиц юношеского возраста в самоутверждении, желанием во всех ситуациях выглядеть победителем, что часто становится причиной деструктивного поведения, провоцирует возникновение конфликтных ситуаций. С другой стороны, склонность испытуемых с нарушениями зрения к компромиссному поведению в конфликтных ситуациях свидетельствует о достаточном уровне их личностной зрелости, возможности выделения

приоритетных и второстепенных потребностей и интересов и разумное пренебрежение последними ради дальнейшего удовлетворения наиболее значимых.

Стратегия сотрудничества выражена в конфликтном поведении лиц с нарушениями зрения в меньшей степени: средний результат составляет 5,1 балла. Максимальное удовлетворении интересов обеих конфликтующих сторон не всегда оказывается доступным лицам рассматриваемой категории.

Еще реже в процессе конфликтного взаимодействия юноши с нарушениями зрения прибегают к стратегиям избегания (средний результат 4,3 балла) и приспособление (средний результат 4,2 балла). Эти данные свидетельствуют о нежелании испытуемых этой категории избегать появления конфликтных ситуаций в процессе их межличностного общения или жертвовать собственными интересами ради удовлетворения потребностей оппонента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование показало, что для лиц с нарушениями зрения юношеского возраста характерны достаточно высокие показатели выраженности деструктивных стратегий поведения в конфликте, недостаточная гибкость, трудности учета специфики конфликтной ситуации. Обозначенные особенности могут обусловливать трудности формирования и поддержания конструктивных отношений с окружающими, затруднять процесс социальной адаптации. Учитывая вышеизложенное, полагается необходимым уделять более пристальное внимания к формированию навыков конструктивного поведения в конфликтных ситуациях в процессе абилитационной, реабилитационной и психокоррекционной работы с лицами с нарушениями зрения различных возрастных групп.

Список использованной литературы и источников:

1. *Шипова Л.В., Гринина Е.С.* Реабилитация, абилитация и социализация: междисциплинарный подход (итоги всероссийской конференции) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 4. С. 376-379.

2. *Гринина Е.С.* Особенности поведения в межличностных конфликта старшеклассников с различным уровнем развития интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2. С. 58-66.

3. *Кожанова Н. С.* Педагогические условия и средства коррекции коммуникативной деятельности детей с нарушениями зрения в семье: Дисс…канд.пед.наук. Екатеринбург, 2009. 247 с.

4. *Фисенко А.* Особенности развития коммуникативных навыков у детей с нарушениями зрения / Проблемы речевого онтогенеза и дизонтогенеза. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции / Научный редактор В.П. Крючков. Редакторы-составители Т.А. Бочкарева, О.В. Кощеева. Саратов, 2017. С. 345-349.

5. *Коновалова М.Д.* Проектирование личностных результатов образования школьников с нарушениями зрения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 1. С. 9-16.

УДК 364.2

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА ПУТИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

А.М. КОРОТКОВА

Короткова Анастасия Михайловна, магистрант, кафедра уголовного, экологического права и криминологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: anastasiakorotckowa@yandex.ru

Аннотация. В данной статье затрагивается дискуссионная тема социализации и адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья, а именно проблемные аспекты, с которыми сталкивается данная категория людей в условиях современного социального неравенства. Анализируются причины и их первоисточники, затрудняющие жизненный путь лицам с ОВЗ, предлагаются определённые пути решения. Показано, при каких условиях социализация данной категории лиц будет более успешна.

Ключевые слова: лица с ограниченными возможностями здоровья, социализация, образование, адаптация, интеграция.

PROBLEMS, EMERGING IN THE WAY OF PEOPLE WITH DISABILITIES

A.M. Korotkova

Abstract. In this article the debatable subject of socialization and adaptation of persons with limited opportunities of health, namely problematic aspects, which this category of people in conditions of modern social inequality faces. The reasons and their primary sources are analyzed, complicating a course of life to persons with disabilities, certain solutions are offered. It is shown that under what conditions the socialization of this category of persons will be more successful.

Key words: people with the limited health possibilities, socializations, education, adaptation, integration.

Тема социализации и адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее по тексту – лица с ОВЗ) является довольно дискуссионной проблемой и требует особого внимания к ней, поскольку данные лица причисляются к социально незащищенным слоям населения. В настоящее время социальное неравенство понимается как доступ индивидов и групп в неравной степени к социально значимым благам, что уже является довольно серьёзной проблемой общества. Во всём мире уже более миллиарда человек живут с той или иной формой инвалидности, такие неутешительные данные приводятся экспертами Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Доказано, что люди с инвалидностью в большинстве случаев показывают более низкие результаты в области образования, малую экономическую активность и более высокие показатели бедности. В некоторой степени это связано с тем, что инвалиды имеют определённые барьеры, которые затрудняют их доступ к таким услугам, как образование, здравоохранение, трудоустройство, туризм, транспорт.

К сожалению, чёткого нормативного определения понятия «лица с ограниченными возможностями здоровья» нет, вследствие чего многие воспринимают данный термин как синонимичный термину «инвалиды», что является ошибочным. Необходимо данные термины разграничивать, поскольку термин «инвалид» подразумевает под собой экспертную оценку специалистами состояния здоровья человека, что затем находит отражение и фиксируется в документе, а именно в выдаче справке о признании лица инвалидом. Понятие же «лицо с ограниченными возможностями здоровья» - шире, и включает как лиц, имеющих статус инвалида, так и граждан с определенными ограничениями в здоровье зачастую неустановленных специалистами в области медицины.

Чаще всего, когда речь заходит про процесс адаптации лиц с ОВЗ,то условно в нём выделяют внутрисубьективные и внесубьективные факторы[1]. В общих чертах адаптация лиц с ограниченными возможностями подразумевает использование как частных личностных, так и социальных технологий, например: направление мотивации на деятельностную активность; разработка необходимых условий для развития, воспитания и обучения инвалидов, так же требуется их материальное обеспечение и предоставление требуемых услуг и так далее.Заметим, что адаптационная работа с такими лицами крайне сложна, поскольку: 1)лица с ОВЗ сталкиваются с определёнными препятствиями на своем пути из-за проблем со здоровьем, приводящими к ухудшению качества жизни и тем самым лишаются полноценного существования в социуме; 2) недостаток в интенсивных социальных контактах, что порождает собой сдерживание интеллектуальных способностей; 3)затруднен доступ к психологической, информационной и правовой помощи, что как следствие проявляется в неиспользовании лицами тех потенциалов, которыми они обладают.

Основной проблемой лиц с ОВЗ считается, конечно же, доступ к таким социальным благам, как образование, поскольку именно образование является тем самым фундаментом, способствующим полноценному развитию личности как таковой, и повышает её социальный статус. Отметим справедливое высказывание И.Ю. Ветровой, её точка зрения такова, что адаптационный процесс в обучении будет более плодотворен, если лица с ОВЗ и здоровые будут более тесно контактировать, так как у первых не хватает неких навыков в общении, вследствие чего им трудно общаться и выражать свои мысли[2]. Интегрированное направление взаимодействия здоровых детей и детей с особыми потребностями предполагает не только коллективное пребывание на определенной территории в одно и то же время, но и участие во многих формах совместной деятельности.Учреждения, занимающиеся воспитательной и учебной деятельностью, не в полной мере справляются с возложенными на них обязанностями в отношении данной категории лиц, так как существуют барьеры, затрудняющие процесс получения образования. Большинство заведений профессионального образования не готовы как к приёму, так и к обучению лиц с ОВЗ из-за отсутствия материально-технических условий для обучения, психолого-педагогического сопровождения таких обучающихся, и кадрового обеспечения данной деятельности.Но не стоит перекладывать весь груз ответственности в образовании лишь на преподавателей, так как само содержание образования должно включать в себя не только передачу информации уже в готовом виде от преподавателя к учащемуся, но и стараться организовать активную учебно-познавательную деятельность самого обучающегося, то есть развить способности самостоятельно приобретать знания, умения сформулировать проблему и обозначить её пути решения.

Результат позитивной социализации лиц с ОВЗ напрямую зависит от общественного сознания, формирующего определённые шаблоны восприятия людей с теми или иными недостатками здоровья, следственно, определяя отношение к таким людям. Именно, отношение общества может способствовать лицам с ОВЗ в успешной социальной адаптации,либо наоборот создавать трудности в ходе процесса интеграции в общество. Одним из фундаментальных условий социализации является укоренение в сознании здоровых людей концепции равноправных возможностей для лиц с ОВЗ. В Российской Федерации, чаще всего, вышеуказанная категория лиц, расцениваются обществом как неполноценные, отличающиеся не в лучшую сторону от здоровых. И как следствие, происходит непринятие их, как полноправных лиц общества, или присутствие чувства жалости по отношению к ним. Многочисленные исследования показывают, что лица с ОВЗ, обладающие огромным потенциалом для активного участия, как в жизни общества, так и возможностью работать, испытывают затруднения в их реализации.В связи с чем, появляется такого рода понятие как «неготовность» подавляющего большинства людей к близкому контакту с лицами, страдающими определёнными проблемами со здоровьем, тем самым приводящим к такой ситуации, когда инвалид не имеет шанса реализоваться наряду с ними. Можно прийти к выводу, что необходимо организовать систему мероприятий, направленную на развитие

позитивного восприятия обществом данной группы лиц, так чтобы процесс интеграции в общество был более прост и успешен.

Первостепенную роль в процессе социализации ребёнка с ограниченными возможностями и становлении его, как личности, играет семья. Очевидно, что социальная роль ребёнка формируется под воздействием социальных позиций, взглядов, которых придерживается его семья, поскольку именно она является первичной ячейкой общества, где происходит познание мира. Собственно социальный фактор осуществляется в условиях социально-средового окружения. Очень часто семьи, в которых воспитываются дети с определёнными ограничениями здоровья, пытаются переложить всю ответственность на государство, связывая все свои трудности с тем, что не хватает материальных средств, определённых условий, чтобы вырастить полноценного участника социума. Но стоит заметить, что «корень зла» необходимо искать и находить пути его решения в самой семье, поскольку правильный положительный психологический микроклимат в семье играет важную роль. Да, ребёнок с аномальным развитием требует намного больше как физических, так и материальных затрат, нежели здоровый, вследствие чего происходит сокращение возможностей заработка, отдыха, всё это приводит к нарушению психологического равновесия в семье. Как правило, семьи, сталкивающиеся с такими проблемами, не готовы адаптировать ребёнка с ОВЗ к реальным условиям жизни, так как уже в самом раннем возрасте к ним предъявляются заниженные требования, тем самым не давая ребёнку проявить себя в полной мере. Ко всему сказанному ещё присоединяется гиперопека, гиперпротекция со стороны родных и близких[3]. Всё это способствует появлению таких качеств как инфантильность, неуверенность, несамостоятельность, что тем самым затрудняет их дальнейший жизненный путь. Чтобы не допустить таких проблем, необходимо родителям осознать, что их постигло не несчастье, а только лишь трудное испытание, которое при упорном старании и, конечно, желании возможно побороть.

В настоящее время тема адаптации лиц с ОВЗ является одной из наиболее обострённых социальных проблем современности. Социально-экономическое состояние данной категории лиц неблагополучно, и как следствие, всё это проявляется в том, что они лишены профессиональной помощи. В результате весь процесс их социализации сводится к тому, что им приходится свыкаться с вынужденными условиями жизни и создавать новые умения, навыки, чтобы реализоваться в обстоятельствах существующего. Неотъемлемым признаком социально-психологической адаптации лиц с ОВЗ значится их отношение к своей собственной жизни. Большинство лиц с ОВЗ, оценивая своё качество жизни, исходят из материальных критериев, и считают своё состояние безысходным, не имеющим будущего. Чем ниже доход таких лиц, тем пессимистичнее его отношение, как к самой жизни, так и ко всему происходящему вокруг.

Подводя итог всему вышеизложенному, хочется сказать, что проблема социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья до сих пор актуальна в России. Задача государства не только должна сводиться к улучшению материального обеспечения лиц с ОВЗ, что, конечно же, сыграет положительную роль в их социализации, но так же необходимо направить все усилия на переформирование общественного отношения к проблеме инвалидности в целом. Особо данная проблема актуальна, когда речь идёт о молодежи, так как, находясь только в начале своего жизненного пути, лица с ОВЗ уже имеют неравные исходные условия и особо нуждаются в поддержке. У детей с ограниченными возможностями нарушается связь с миром, поскольку они сдержаны в своей мобильности, не хватает общения с ровесниками и взрослыми. Всё это является следствием социальной политикии сформировавшегося общественного сознания, которые допускают существование недоступной для лиц с ОВЗ архитектурной среды, общественного транспорта, социальных служб.

Разобравшись в особенностях социальной адаптации лиц с ОВЗ, можно сделать вывод о том, что пик актуальности данного процесса приходится на ранние периоды жизнедеятельности вышеназванной категории лиц. Так как социальная адаптация

ориентирована на приспособление к сложившимся условиям жизни, то следует выделить главные условия в достижении её цели: 1) укоренить в сознании людей равных прав и возможностей для лиц с ОВЗ; 2) сформировать персональную позицию у лиц с ОВЗ, которая бы содействовала в преодолении трудностей на их пути и повышала эффективность личной социальной адаптации в обществе. Если перечисленные элементы будут согласованно взаимодополнять друг друга, то успех в социальной адаптации не заставит себя ждать. Но пока, общество не сделает шаг навстречу сближения, социализация лиц с ОВЗ к нахождению в обществе здоровых людей, состояться в полной мере не может. Удовлетворение вышеперечисленных нужд – непременное условие успешной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Список использованной литературы и источников:

1. *Хворостьянова Н.И.* Социальная адаптация детей-инвалидов: аспекты управления: дис. канд. социол. наук / Н. И. Хворостьянова. Орёл, 1999.С.65-66.

2. *Ветрова И.Ю.* Проблемы социальной адаптации инвалидов/ И.Ю. Ветрова. М.: Дело, 2000. С.112.

3. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социальная работа с инвалидами : учебное пособие / Е.Р. Ярская-Смирнова, Э.К. Наберушкина . 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2004. С.142.

УДК 316.6 + 159.923+159.923.2

ОСОБЕННОСТИ ПРОКРАСТИНАЦИИ У СТУДЕНТОВ С ОВЗ

Е.В. КУПРИЯНЧУК

Куприянчук Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры педагогический психологии и психодиагностики факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail:elena-kupr@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь прокрастинации и таких личностных особенностей как самооценка и копинг-стратегииу студентов с нарушениями зрения в сравнительном контексте со сверстниками без патологии. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на студенческой выборке (n = 22 чел., студенты СГУ им. Н.Г. Чернышевского) с применением диагностического инструментария: «Шкала академической прокрастинации» С. Лэй, методика на исследование самооценки Н.П. Фетискина, методика на оценку копинг – стратегий Э. Хейма. Установлено, что среди испытуемых с нарушениями зрения уровень прокрастинации ниже, а самооценка выше и копинг- стратегии адаптивнее, что может являться существенным потенциалом для таких лиц.

Ключевые слова: прокрастинация; академическая прокрастинация; самооценка; совладающее поведение, адаптационный потенциал.

FEATURES OF PROCRASTINATION IN STUDENTS WITH SPECIAL HEALTH CONDITIONS

E.V. Kupriyanchuk

Abstract: The article examines the relationship between procrastination and such personal characteristics as self-esteem and coping strategies in students with visual impairments in a comparative context with peers without pathology. Presented are the results of an empirical study performed on a student sample (n = 22 people, students of SSU named after NG Chernyshevsky) with the use of diagnostic tools: "Scale of academic procrastination" S. Lei, methodology for the study of

self-assessment. Fetiskina, a technique for evaluating the coping strategies of E. Heim. It was found that among those with visual impairment, the level of procrastination is lower, and self-esteem is higher and coping strategies are more adaptive, which may be a significant potential for such persons.

Key words: procrastination; academic procrastination; self-esteem; coping behavior, adaptive potential.

Актуальность данного небольшого исследования связана с тем, что феномен «прокрастинации» является относительно новым для отечественной психологии, однако его психологическая сущность знакома каждому. Во многих исследованиях психологов показано, что устойчивая прокрастинация имеется у 15–25% населения, причем за последние 25 лет наблюдается тенденция к повышению ее уровня[1].

П. Рингенбах в 1977 году, в книге «Прокрастинация в жизни человека» впервые вводит данный термин. В том же году была опубликована книга В. Кнауса и А. Эллиса «Преодоление прокрастинации», в основу которой легли клинические наблюдения. В середине 1980-х годов ряд таких ученых, как Лэй, Rothblum, Solomon, Tuckman, Aitken осуществляли научно-академический анализ феномена прокрастинации, начали разрабатывать опросники для его изучения. В конце XX - начале XXI века эта проблема привлекла внимание таких российских психологов, как Н. Шухова, Е.Л. Михайлова, Я.И. Варваричева и др.

Многие ученые описывают прокрастинацию как склонность к постоянному откладыванию важных, даже срочных дел, приводящую к жизненным проблемам и болезненным психологическим эффектам[2]. Ключевыми особенностями данного феномена является сочетание поведенческой иррациональности с пониманием и осознанностью негативных последствий.

Особую актуальность в настоящий момент приобретает изучение академической прокрастинации. Так как именно она является одним из главных факторов возникновения трудностей в обучении. От 46 до 95% учащихся средних и высших учебных заведений сталкиваются с проблемой откладывания важных дел на потом[1]. У студентов с нарушением зрения исследования по данной проблематике ранее не проводились.

Причины возникновения академической прокрастинации кроются в различных личностных образованиях, например, таких, как перфекционизм, тревожность, самоограничение. В данной статье мы решили проанализировать взаимосвязь прокрастинации с такими личностными характеристиками, как самооценка и копинг- стратегии у студентов с нарушениями зрения. Первоначальной гипотезой исследования являлось предположение о том, что прокрастинация не зависит от зрительной патологии. Она присуща как студентам, имеющим зрительные нарушения, так и студентам с нормальным зрением. В большей степени прокрастинация связана с личностными особенностями, такими, как самооценка и копинг-стратегии. Чем адекватнее самооценка и адаптивнее защитные механизмы при совладающем поведении, тем меньше уровень прокрастинации.

Исследование проводилось на базе лаборатории инклюзивного обучения СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского совместно с Мамулян Е.К. В исследовании приняли участие 11 студентов, имеющих зрительные нарушения, и 11 студентов с нормальным зрением. Общее число испытуемых - 22 человека. Использовались психологические методики для исследования прокрастинации (К. Лэй), самооценки (Н.П. Фетискин) и копинг – стратегий (Э. Хейм)

При проведении методики, диагностирующей уровень академической прокрастинации, были получены следующие результаты. У 73% испытуемых, имеющих нарушение зрения, выявлена средняя степень прокрастинации. У 9% студентов диагностирован низкий показатель. Студенты данной выборки обладают высоким уровнем дисциплинированности, волевой саморегуляции и мотивации. Для них учебная успеваемость или участие в профессиональных конкурсах и конференция приобретает особый характер, где есть возможность проявить себя не только в учебно-профессиональном плане, но и в личностном. И лишь у 18% испытуемых обнаружена в высокой степени тенденция к откладыванию своих

дел. Это означает, что прокрастинация для них является нормальным рабочим состоянием, в котором они проводят большую часть времени. Такие студенты иррационально откладывают всё важное «на потом» и с приближением сроков либо отказываются от запланированных планов, либо пытаются сделать всё в предельно крайние дни, что, безусловно, отрицательно сказывается на результатах работы.

Иные результаты получены в группе студентов с нормальным зрением. У 81% студентов диагностирована средняя степень прокрастинации. Однако, как видно, количественный показатель возрос по сравнению с предыдущей группой, что говорит о большей склонности к откладыванию работы у этой группы студентов. 18% испытуемых подвержены сильному влиянию прокрастинации. Студентов с низким уровнем прокрастинации в данной группе, в сравнении с предыдущей, не диагностировано вовсе.

При диагностике уровня самооценки по методике Н.П. Фетискинав двух экспериментальных группах были получены следующие результаты. Так, в группе студентов, имеющих нарушения зрения, в большей мере преобладает адекватная самооценка (64%). Однако 18% респондентов характеризуются неадекватно завышенной самооценкой, и столько же процентов – заниженной. Самооценка является важнейшим регулятором адаптационного поведения человека и может быть отнесена к социально-психологическим ресурсам успешной адаптации слепых и слабовидящих студентов к условиям обучения в вузе. Иные результаты продемонстрированы у студентов без зрительной патологии: 72% имеют адекватную самооценку, остальные 27% - заниженную.

Анализ результатов по методике Н.П. Фетискина показал, что, несмотря на распространенную теорию о дезадаптации студентов с нарушением зрения, выражающейся в понижении уровня самооценки, наше исследование демонстрирует иные результаты.

Интересные результаты были получены в двух экспериментальных группах и по методике Э. Хейма. Доля адаптивных стратегий у студентов с нарушениями зрения составляет 54%, относительно адаптивных защитных механизмов - 24% и неадаптивных - 22%.

При детальной качественной характеристике когнитивного, эмоционального и поведенческого копингов видно, что для студентов со зрительными нарушениями в большей мере характерны следующие типы защитных механизмов: «сохранение самообладания», «оптимизм», «сотрудничество», «отвлечение». Вера в собственные ресурсы помогает им в преодолении трудных ситуаций. Также многие прибегают к сотрудничеству со значимыми или более опытными людьми. Некоторые, сталкиваясь с проблемой, предпочитают временный отход, через погружение в любимое дело, путешествия или исполнения давно задуманного.

Во второй экспериментальной группе процент адаптивных стратегий защиты уменьшается до 45%, относительно адаптивных защитных механизмов - 10% и неадаптивных также 45%.При качественной характеристике также наблюдаются некоторые различия с предыдущей группой. Ведущие копинги у них: «сохранение самообладания», «диссимуляция», «оптимизм», «сотрудничество». Студентам без зрительной патологии также присущ анализ возникших трудностей и поиск путей решения. Однако им не хватает веры в собственные силы и в свои интеллектуальные способности, поэтому чаще всего они прибегают к пассивной форме поведения, отказываясь от преодоления стрессовой ситуации. Также как и предыдущая группа, студенты прибегают к помощи опытных людей для разрешения каких-либо вопросов или сами по возможности предлагают свою помощь. Таким образом, у студентов с нарушениями зрения больше адаптивных вариантов копинг-поведения, чем у студентов с нормальным зрением. В сумме у первой выборки доля адаптивных механизмов защиты составляет 54%, а у второй – 45%.

Проведенное нами небольшое эмпирическое исследование позволил нам сделать следующие выводы:

1. Была обнаружена зависимость между уровнем прокрастинации и наличием зрительной патологии. Студенты с нормальным зрением чаще, чем их сверстники с нарушениями зрения сталкиваются с состоянием, откладывания дел в «долгий ящик, на потом».

2. В большей степени у студентов со зрительной патологией прокрастинация связана с личностными особенностями, такими, как самооценка и способы осуществления совладающего поведения. Чем адекватнее самооценка и чем адаптивнее защитные механизмы, тем меньше прокрастинация.

3. В группах студентов с меньшим количеством прокрастинаторов было большее число респондентов с адекватной самооценкой и адаптивными формами поведения.

Психологическая профилактика прокрастинации как сложного психологического явления, охватывающего многие уровни функционирования личности, должна включать комплекс различных мер. При изучении данного вопроса, мы отметили, что, в большинстве своем, программы профилактики академической прокрастинации у студентов нацелены на личностное развитие: эмоционально-волевой, мотивационной сфер, самоорганизацию, формирование чувства долга, определение и укрепление психологических границ, налаживание межличностных отношений[3].

Предложенная нами авторская программа, которая будет нами подробно изложена в следующей публикации, также состоит из нескольких этапов: знакомство, сплочение группы, тайм-менеджмент, самоорганизация и личностная ответственность, мотивационный и эмоционально волевой блоки, рефлексия. На каждом этапе данной программы ставятся определенные цели и задачи при реализации комплекса упражнений.

Формирование и развитие активной зрелой личности с конструктивными формами активности возможно при проведении со студентами данной развивающей программы, которая может способствовать, на наш взгляд, преодолению иакадемической прокрастинации.

Список использованной литературы и источников:

1. *Кормачева, И.Н.* К вопросу о психологическом феномене «прокрастинация» / И.Н. Кормачева, О.А. Шамшикова // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Развитие человека В современном мире», г. Новосибирск, 15-17 апреля 2014 г. С. 253 - 270.

2. *Тарасевич, Г.В.* Прокрастинация: болезнь века / Г.В. Тарасевич // Русский репортёр: журнал. Москва: PunaMustaOy, 2014. № 14 (342). С. 20 - 29.

3. *Куприянчук, Е.В.* Особенности взаимосвязи социальных представлений о профессии с самоактуализацией личности студентов./ Е.В. Куприянчук // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 2. С. 156-160.

УДК 376.63

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

О.В. КУХАРЧУК, А.Г. СУМАРОКОВА

Кухарчук Ольга Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры логопедии и психолингвистики факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: kyxov@mail.ru

Сумарокова Анна Геннадьевна, магистрант факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского

E-mail: sag256@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты теоретического и эмпирического исследований особенностей интеллектуальной готовности детей к обучению в школе старших

дошкольников с задержкой психического развития, как одной из актуальных, теоретически и практически значимых проблем специальной психологии и коррекционной педагогики, изучение которой имеет важное значение для формирования мотивации учения у детей с нарушениями развития, развития внутренней позиции школьника, профилактики школьной дезадаптации.

Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке n=40 старшего дошкольного возраста: воспитанников подготовительных групп МДОУ «Детский сад №235» г. Саратова и МБДОУ «Детский сад компенсирующего вида № 126» г. Саратова, с применением методики Г. Витцлака тест «Диагностика уровня развития, поступающих в начальную школу».

Ключевые слова: интеллектуальная готовность к обучению в школе, старшие дошкольники с задержкой психического развития, недостаточная сформированность познавательной деятельности, задержанное развитие различных компонентов речи и слабость регулирования произвольным поведением.

THE PROBLEM OF INTELLECTUAL PREPAREDNESS FOR TRAINING AT SCHOOL OF SENIOR PRESCHOOLS WITH THE DELAY OF MENTAL DEVELOPMENT

O.V. Kuharchuk, A.G. Sumarokova

Abstract. The article presents the results of theoretical and empirical studies of intellectual readiness of children to training at school of senior preschool children with delay of mental development, as one of relevant, theoretically and practically important problems of special psychology and correctional pedagogy, the study of which is essential for the formation of learning motivation in children with disabilities, development of internal position of schoolchild, prevention of school disadaptation.

Presents the results of empirical research conducted on a sample of n=40 preschool age: the pupils of the preparatory groups of MDOU "Detskiy sad №235" the city of Saratov and of MBDOU "the kindergarten of compensating type № 126" the city of Saratov, using the method of G. Witzlack test "Diagnostics of the level of development entering elementary school."

Key words: intellectual readiness for school, senior preschool children with delay of mental development, the lack of formation of cognitive activity, delayed development of the various components of speech and the weakness of the regulation arbitrary behaviour.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение интеллектуальной готовности детей к обучению в школе является междисциплинарной проблемой, исследованию которой посвящены работы педагогов, психологов, дефектологов (Л.И. Божович, Л.А. Венгер, Н.И. Гуткина, С.Я. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин, А.Н. Леонтьев, Н.Г. Стародубова, Е.Е. Кравцова и др.), которые полагают, что сформированность психических функций ребенка является основополагающим фактором готовности к систематическому обучению.

Интеллектуальная готовность находится в неразрывной связи с развитием мыслительных процессов – способность обобщать, сравнивать объекты, классифицировать их, выделять существенные признаки, определять причинно–следственные зависимости, делать выводы[7]. У ребенка к концу дошкольного возраста должна быть сформирована определенная широта представлений, в том числе образное и пространственное и соответствующее речевое развитие, познавательная активность. Выделяют следующие критерии интеллектуальной готовности к школьному обучению: дифференцированность восприятия, аналитическое мышление, рациональные подходы к деятельности, логическое запоминание, интерес к знаниям, процессу их получения за счет дополнительных усилий, овладение разговорной речью и способностью понимания и применения символов, развитие тонко–моторного движения руки и зрительно–двигательной координаций[8].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Задержка психического развития (ЗПР) является одним из распространенных полиморфных видов дизонтогенеза, характеризующийся незрелостью отдельных психических и психомоторных функций или психики в целом, формирующийся под воздействием экзогенных и эндогенных неблагоприятных факторов. ЗПР часто обнаруживают при поступлении в школу. Для поступающих в школу детей с данным видом дизонтогенеза характерно: недостаточность общих знаний, ограниченность представлений, незрелость мышления, малая интеллектуальная целенаправленность, преобладание игрового интереса, быстрая пресыщаемость в интеллектуальной деятельности. Проблема интеллектуальной готовности к обучению детей с задержкой психического развития, обучающихся в массовой школе, является одной из актуальных, теоретически и практически значимых проблем специальной психологии и коррекционной педагогики. Изучение данной проблемы имеет важное значение для формирования мотивации учения у детей с нарушениями развития, развития внутренней позиции школьника, профилактики школьной дезадаптации.

Для старших дошкольников с ЗПР характерны схематичные, нерасчлененные и даже ошибочные представления. Память характеризуется сниженной скоростью запоминания и малым объемом, преобладанием наглядной памяти над словесной, сниженной продуктивностью механизмов, непродуктивностью непроизвольного запоминания, нарушением механической памяти, сниженным произвольным запоминанием[1]. Для внимания характерно: быстрая отвлекаемость, слабая концентрация, малый объём, нарушение произвольного внимания[2]. Восприятие замедленное, поверхностное, в процессе восприятия нарушена функция поиска. Структуры речи отстают в развитии от нормы. Речь часто аграмматична, недостаточно контекстная[2]. В импрессивной стороне речи отмечается слабая дифференцированность воспринимаемых речевых звуков, оттенков речи, в экспрессивной малый словарный запас, нарушение звукопроизношение, несформированность лексико–грамматического строя речи, дефект артикуляторного аппарата. В развитие наглядно-действенного мышления старшие дошкольники с ЗПР несколько отстают от нормально развивающихся ровесников. Особенно это отставание ярко проявляется при условии усложнения предъявляемых заданий. Отставание в развитие наглядно–образного мышления выраженно значительно больше. Предпосылкой развития словесно–логического мышления выступает переход от наглядно- действенного к наглядно- образному мышлению. По уровню развития словесно–логического мышления старшие дошкольники с ЗПР значительно отстают от своих нормально развивающихся сверстников. Так же они отстают и по сформированности регуляции и саморегуляции поведения, в результате чего не могут хотя бы относительно долго сосредоточиться на каком- либо одном занятии.

Рассмотрев теоретический аспект проблемы, можно сделать вывод, что основными причинами интеллектуальной неготовности к обучению в школе старших дошкольников с задержкой психического развития являются недостаточная сформированность познавательной деятельности, задержанное развитие различных компонентов речи и слабость регулирования произвольным поведением.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью нашего исследования было изучение теоретических и практических аспектов особенностей интеллектуальной готовности к обучению в школе у детей старшего дошкольного возраста с ЗПР. Объект исследования - старшие дошкольники с задержкой психического развития. Предмет исследования: определить степень интеллектуальной готовности к школьному обучению у старших дошкольников с ЗПР. В исследовании принимали участие 40 детей 20 из которых старшие дошкольники с ЗПР и 20 нормально развивающихся сверстников. Гипотезой исследования явилось предположение о том, что для

старших дошкольников с ЗПР характерен более низкий уровень интеллектуальной готовности к школе, чем для их нормально развивающихся сверстников.

В процессе проведения исследования нами использована методика Г. Витцлака тест «Диагностика уровня развития, поступающих в начальную школу». С помощью данной методики, состоящий из 14 последовательных заданий, которые оцениваются в баллах, проводилось выявление сформированности уровня умственного развития детей старшего дошкольного возраста в трех областях – обучаемости, мышления и речи:

I. Уровень развития способности к обучению (обучаемости) определяется с помощью следующих заданий: рассказ по картинкам после предъявления образца этого действия (№1); заучивание стихотворения с использованием дозированной помощи (№2); память (повторение–доучивание стихотворения) (№12); знание названий предметов как общая осведомленность (№3).

II. Уровень развития мышления определяется суммарными данными по следующим заданиям: процесс счета (№4); знание последовательности чисел (№5); классификация (№6); множества (№7); с (№8); равнение аналогии (№9); дифференциация цвета и формы (№10); способность к дифференциации в основных сенсорных модальностях, тонкая моторика руки (№11).

III. Уровень развития речи выявляется путем анализа составленного ребенком рассказа по картинке по следующим параметрам: способ говорения (№13); строение предложений (№14); артикуляция (№15).

Таблица 1.

Шкала процентилей для теста Г. Витцлака

Суммарный показатель	71	76	79	85	90	92	96,5	99	102	108,5	111	117
Процентили	4	10	20	30	40	50	60	70	80	90	98	100

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Прежде, чем приступить к описанию результатов выполнения заданий, необходимо отметить, что исследование вызвало интерес не только у нормально развивающихся детей, но и у их сверстников с задержкой психического развития. В то же время к последнему заданию у старших дошкольников с ЗПР чувствовалось некоторое утомление, о котором свидетельствовало возросшая отвлекаемость на посторонние раздражители, появление большего количества ошибок при выполнении заданий.

Уровень развития способности к обучению

При выполнении задания №1 «Рассказ по картинкам» большинство нормально развивающихся детей хорошо улавливают смысловую связь, существующую между тремя предложенными картинками. Дети способны выделить в рассказе главное, отделить его от второстепенного. Исследуемые с ЗПР справились с заданием менее успешно, большинство детей уловили связь между двумя картинками, и лишь некоторые представили мозаичное описание, называние отдельных предметов, действий и фраз. В рассказах старшего дошкольников с ЗПР отмечается не только недостаточная связность рассказа, но и аграмматизмы. Смысл последней картинки в причинно-следственной взаимосвязи с другими смогли передать лишь нормально развивающиеся детей. Они отмечали, что мама ругает мальчика за то, что он «не слушался» и в результате своего поведения «мог сломать ногу» и т. д. Эмоционально-нравственную оценку изображенных персонажей в ходе рассказа давали в основном нормально развивающиеся дети: «девочка хорошая, воспитанная», «мальчик непослушный», «мама строгая» и т.п. Дети с ЗПР использовали качественные прилагательные, но использовали их не для нравственной характеристики героев, а для характеристики объектов изображения. Названия признаков, используемые ими, носили штамповый, чрезмерно обобщенный характер, относились не к ситуации, а к изображенным предметам: «дерево большое», «девочка красивая», «мальчик маленький» и т.п. При выполнении этого задания нормально развивающиеся дети продемонстрировали достаточно богатый словарный

запас. Адекватно использовали такие слова, как «тревожиться», «опасно», «предупреждать». Их сверстники с задержкой психического развития использовали слова более употребительные: «говорить», «кричать», «страшно» и т.п. Однако следует отметить, что использовались эти слова, как правило, адекватно.

Исследование показало, что нормально развивающиеся дети справляются с заданием №2 «Выучивание стихотворения» успешнее, чем их сверстники с ЗПР. У детей данной группы было достаточно много ошибочных репродукций. Ошибки заключались в замене слов, причем иногда эти замены не меняли ритм стихотворения, то есть подбиралось слово той же ритмической организации («отвечать» – «говорить», «с задачей» – «с заданием» и т.п.). Но чаще производились замены на слова с иной ритмической организацией («я не боюсь» – «я буду», «не ленюсь» – «работаю»). Вместе с тем, анализ результатов выполнения задания показывает, что основной смысл стихотворения детьми с ЗПР был усвоен довольно успешно.

При выполнении задания №12 «Память» ни один старший дошкольник с ЗПР не справились с заданием самостоятельно, нормально развивающиеся старших дошкольников повторили текст стихотворения без ошибок после первого воспроизведения. Более того, некоторые из нормально развивающихся дошкольников не дожидаясь задания, готовы были воспроизвести текст сразу после первого прослушивания.

В задание №3 «Знание названий предметов» затруднения у детей обеих групп чаще всего вызывали картинки и изображением тюльпана и гвоздики. Даже часть нормально развивающиеся старшие дошкольники иногда называли тюльпан цветком и не могли уточнить свой ответ. Дети с задержкой психического развития и вовсе пропускали такие картинки, не высказывая никаких предположений. Все картинки смогли правильно назвать лишь половина нормально развивающихся детей. Часть детей с ЗПР, затруднялись назвать предмет, иногда пытались пояснить свой ответ, например, «цветок с семечками» (подсолнух), «для супа» (капуста – видимо, ребенок имел виду щи).

Уровень развития мышления

Сравнение средних результатов выполнения задания №4 «Процесс счета» нормально развивающимися старшими дошкольниками и их ровесниками с задержкой психического развитая отражает более низкую степень овладения множествами детьми с ЗПР. Наблюдение за процессом счета показывает, что все участники исследования смогли правильно пересчитать девять предложений картинок. Однако сам процесс счета отличается не только по группам в целом, но и внутри групп, то есть у отдельных детей. Так, счет без видимых моторных компонентов (так называемый счет глазами) использовали всего половина нормально развивающихся старших дошкольников. Остальные дети из этой группы проводили подсчет при помощи беззвучного проговаривания чисел, то есть отмечалось движение губ. Дети с ЗПР при счете прибегают к проговариванию шепотом, указанию пальцем на предмет без прикосновения и прикосновения пальцем. Возможно, это связано с тем, что навыки счета у таких детей еще несовершенны. Однако не исключено, что имеет место привычка, закрепившаяся в более раннем возрасте.

Задание, связанное со счетом №5 «Последовательность чисел» от 9 до 21 «Последовательность счета» не вызвало серьезных затруднений у нормально развивающихся детей. Многие нормально развивающиеся дети признались, что могли бы досчитать и до ста.

Дети с ЗПР при счете без наглядной опоры испытывали большие затруднения, так же, как и при выполнении предыдущего задания. Исследуемые этой группы часто сбивались, меняли местами числа, пытались помочь себе с помощью загибания пальцев, постукивали по столу, то есть подключения зрительного, кинестетического и слухового анализаторов.

С заданием №6 «Классификация» нормально развивающиеся дети справились достаточно успешно. Практически все смогли правильно разложить на группы все девять объектов. У старших дошкольников с ЗПР эти показатели значительно. Ни один ребенок не смог классифицировать все 9 объектов самостоятельно.

Дети обеих групп без труда находили место для цветов (розы, тюльпана, гвоздики) в соответствующей корзине. Трудности возникали лишь с распределением по корзинам фруктов и овощей.

Задание №7 «Множества» не вызвало затруднений у нормально развивающихся детей. Им не потребовалась помощь исследователя. Они смогли дать правильный ответ, не прибегая к картинкам. У детей с ЗПР возникли некоторые затруднения при выполнении этого задания. На просьбу ответить на вопрос: «Сколько здесь всего предметов?», дети в основном называли правильное количество фруктов и овощей по отдельности («два фруктов и три овоща»). Видимо, это связано с недостаточной подвижностью, малой гибкостью мыслительных процессов у этих детей, ведь предыдущее задание было направлено на классификацию, а данное – на условное объединение объектов. Таким образом, отношениями множеств дети с ЗПР владеют в меньшей степени, чем их нормально развивающиеся сверстники. Однако элементарные навыки счета у них сформированы. Более того, при оказании помощи со стороны взрослого дети способны выполнять и более сложные задания, требующие подключения мыслительных операций (конкретизации, абстрагирования и т. п.).

Анализ результатов по заданию №8 «Сравнение» показывает, что нормально развивающиеся дети без труда и довольно быстро обнаруживают разницу между изображениями. Детям с ЗПР для нахождения верного решения были необходимы более конкретные формировки по типу «Что в этой коляске, что в этой?».

По заданию №9 «Аналогии» наибольшие трудности у нормально развивающихся детей и у детей с ЗПР вызвали вопросы «Одежда сделана из ткани, а из чего сделана обувь?» и «У кошки есть шерсть, а что есть у утки?». На первый из этих вопросов дети обеих групп часто отвечали «из подошвы», «тоже из ткани», на второй – «лапки», «перепонки», «клюв». По данному заданию ни один нормально развивающийся ребенок не получил высший балл. Полагаем, что такие результаты связаны с объективной сложностью задания.

При выполнении задания №10 «Дифференциации цвета и формы» у всех нормально развивающихся старших дошкольников это задание не вызвало затруднений: они довольно быстро и правильно выбирали кусочки – вкладыши по цвету и форме. Большинство исследованных детей с ЗПР не смогли справиться со всеми четырьмя заданиями. Судя по допускаемым ошибкам, дошкольники данной категории испытывают затруднения из–за необходимости учета сразу двух параметров: цвета и формы. Причем цвет фрагмента изображения все дети определяли верно, ошибались лишь в выборе формы.

Выполняя задание №11 «Способность к расчленению» при срисовывании фигуры и продолжении рисунка нормально развивающиеся дети в целом способны адекватно передавать основные формы с учетом пропорции. Иногда имели место наибольшие неточности, изогнутость линий. Некоторые дети изображали очень маленькие фигуры, соблюдая при этом основные пропорции рисунка, представленного на образце. Однако с позиции изучения интеллектуальной готовности к школе все эти недочеты по замыслу авторов методики являются допустимыми. Возможно, это характеризует их индивидуальные и личностные особенности, в частности, низкую самооценку, неуверенность в себе. Но это лишь наше предположение, поскольку соответственные характеристики нами специально не изучались. Рисунки детей с задержанным развитием иногда оказывались вовсе неузнаваемыми и совершенно несоотносимыми с образцом, но, как правило, некоторые детали можно было увидеть хотя бы на одном из рисунков. Причем наиболее сложным для таких детей оказалось продолжение рисунка, что, скорее всего, связано с необходимостью совершать более точные мелкомоторные движения.

Результаты выполнения заданий свидетельствуют, что старшие дошкольники с нормальным интеллектуальным развитием достаточно хорошо владеют карандашом, ориентируются в малом пространстве. Их сверстники с ЗПР тоже могут выполнять рисунки с помощью карандаша, то есть действуют с этим предметом адекватно. Однако страдает точность изображения (рисунки мало похожи на образец). Большую трудность вызвало

задание, связанное с продолжением рисунка, т.к. оно требовало ориентировки в малом пространстве.

Уровень развития речи

Результаты выполнения задания №13 «Способ говорения» свидетельствуют, что в такие характеристики речи, как плавность значительных различий между детьми с ЗПР и их нормально развивающимися сверстниками практически не наблюдалось. Это, на наш взгляд, и неудивительно: задержка психического развития, как известно, не предполагает нарушений темпоритмической стороны речи и просодических расстройств.

Во время выполнения задания №14 «Строение предложений» для большинства нормально развивающихся детей было характерно построение распространенных, сложных предложений, использование разнообразных союзов: сочинительных (и, а) и подчинительных (чтобы, потому что, как, что). Часть нормально развивающихся исследуемых при описании предложенной картинки использовали преимущественно простые распространенные предложения с применением определений и обстоятельств, но соединительные союзы при этом использовались детьми стереотипно.

Старшие дошкольники с ЗПР использовали в основном простые нераспространенные предложения и неполные предложения.

Приведем наиболее характерные примеры предложений, составленными исследуемыми.

Инна Ш. (нормально развивающийся ребенок): «Мальчик в шапке – ушанке катает на санках маленькую девочку». Никита Б. (ребенок с ЗПР): «Девочки лепят снеговика, а мальчики играют в снежки». Даша К. (ребенок с ЗПР): «Мальчик катаются. Они играют. Все гуляют». Эльдар Б. (ребенок с ЗПР): «Это зима. Тут снег. Катаются и играют. Это лепят».

В ходе выполнения задания грубые искажения структуры предложений в исследуемых группах не наблюдались.

Характеризуя особенности звукопроизношения при выполнении задания №15 «Артикуляция» необходимо отметить, что для большей части нормально развивающихся детей старшего дошкольного возраста характерно очень четкое произнесение звуков, их правильное артикулирование, отсутствие искажений. Произношение участников этой группы также является четким, однако, изредка встречается неверное произношение с самокоррекцией. У большей части исследованных детей с задержкой психического развития умеренно четкое и у меньшей нечеткое. Таким образом, наибольшие различия в группах нормально развивающихся детей и детей с задержкой психического развития наблюдаются в отношении словарного запаса, использования способов связи (управления и согласования), особенностей строения предложений. Для детей старшего дошкольного возраста с ЗПР характерен меньший объем и точность использования словарного запаса. В их речи встречаются негрубые аграмматизмы, носящие неустойчивый характер (трудности в согласовании, управлении и употреблении предлогов).

Таблица 2.

Средние суммарные показатели уровней умственного развития теста Г. Витцлака по двум группам в баллах.

Группа	Со	См	Ср	Суммарный
Экспериментальная	19,9	27,4	13,3	60,6
Контрольная	45,7	45,4	26,7	111,4

Примечание: Со-суммарный показатель по способности к обучению, См - суммарный показатель по уровню развития мышления, Ср - суммарный показатель по уровню развития речи.

Что касается количественных результатов, то сумма баллов у нормально развивающихся детей колеблется в интервале от 108 до 118 баллов (среднее значение - 111,2 балла), у детей с ЗПР в интервале от 56 до 69 баллов (среднее значение - 62,8 баллов). Таким

образом, средний суммарный показатель уровней умственного развития в группе нормально развивающихся старших дошкольников почти в 2 раза больше, чем у их сверстников с ЗПР.

В соответствии с Таблицей 1 у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития интеллектуальная готовность к обучению в школе не сформирована, а у их, нормально развивающихся ровесников готовность в среднем составляет 98%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя результаты исследования, мы сформулировали следующие вывод, что старшие дошкольники с задержкой психического развития демонстрируют более низкий уровень интеллектуальной готовности, чем их нормально развивающие сверстники. В тоже время дети данной группы проявляли интерес к заданию, пытались исправить ошибки, активно использовали помощь экспериментатора при выполнении заданий, что свидетельствует о потенциальных возможностях интеллектуального развития изучаемой группы.

Список использованной литературы и источников:

1. *Виноградова О.А.* Развитие речевого общения дошкольников с задержкой психического развития / О.А. Виноградова. // Практическая психология и логопедия, 2016. № 2. С .53.

2. *Выготский Л.С.* Психология / Л.С. Выготский. // Эксмо- Пресс, 2015. С. 108.

3. *Гуткина Н.И.* Диагностическая программа по определению психологической готовности детей 6- 7 лет к школьному обучению / Н.И Гуткина. М.: МГППУ, 2002. 3- е изд., перераб. С. 68 .

4. *Гамезо М. В., Герасимова В. С., Орлова Л. М.* Старший дошкольник и младший школьник: психодиагностика и коррекция развития: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений/ Под ред. Д. И. Фельдштейн. М.: Издательство «Институт практической психологии», 1998. С. 256.

5. *Кухарчук О.В., Суслова О.И.* Особенности мотивационной готовности к обучению в школе у дошкольников с задержкой психического развития //Психология и педагогика в системе гуманитарного знания Материалы XIII Международной научно- практической конференции. Научно- информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 2014. С. 33- 41.

6. *Сумарокова А. Г., Кухарчук, О. В.* Психологическая готовность к обучению в школе//Педагогическое мастерство и современные педагогические технологии: материалы Международной научно- практической конференции. ЦНС «Интерактив плюс». 2017. С. 36- 42.

7. Обучение и воспитание детей с интеллектуальной недостаточностью: проблема теории и практики: межвуз. сб. научных трудов / под ред. доц. Л.В. Шиповой. Саратов: ид- во Сарат. Ун- та, 2002. С 234.

8. *Рогов Е.И.* Настольная книга практического психолога в образовании. Учебное пособие. / Е.И. Рогов. М.: ВЛАДОС, 2015. С. 408.

УДК 342.72/.73

О ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЗБАРЬЕРНОЙ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНВАЛИДОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

К.О. РЫБКОВА

Рыбкова Ксения Олеговна, аспирант кафедры административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: kseniya_rybkova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы формирования безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов в Российской Федерации с точки зрения правового регулирования и правоприменительной практики, проанализированы возможные причины возникновения данных проблем, предложены варианты совершенствования законодательства в сфере защиты прав инвалидов в целях устранения данных проблем.

Ключевые слова: инвалиды; права инвалидов; безбарьерная среда; беспрепятственный доступ; доступность объектов инфраструктур.

ON LEGAL PROBLEMS OF FORMATION OF THE UNFINISHED ENVIRONMENT OF THE LIFETIME OF DISABLED PEOPLE IN THE CONDITIONS OF MODERN RUSSIAN ACTIVITY

K.O. Rybkova

Abstract. In the article actual problems of formation of barrier-free environment of ability to live of disabled persons in the Russian Federation from the point of view of legal regulation and law-enforcement practice are considered, possible reasons of occurrence of the given problems are analyzed, variants of perfection of the russian legislation in the field of protection of the rights of disabled persons are offered.

Key words: disabled persons; the rights of disabled persons; barrier-free environment; unhindered access; accessibility of infrastructure facilities.

Одним из важнейших вопросов социальной защиты инвалидов в современном российском государстве является создание безбарьерной среды жизнедеятельности, наличие которой позволяет указанным категориям граждан вести независимый образ жизни, иметь равные с другими возможности в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, обеспечивает полноправное участие этих граждан в жизни общества. По данным официальной статистики, на 1 января 2017 года в России насчитывалось 12 259 тыс. инвалидов (83,5 инвалидов на 1 000 человек населения), что составляет около 8,8 процента населения страны. Подписав в 2008 году и ратифицировав в 2012 году Конвенцию о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года, Россия фактически выразила готовность к соблюдению международных стандартов в сфере защиты прав инвалидов. В рамках реализации данных международных стандартов была принята Государственная программа РФ «Доступная среда»[1], основной целью которой стало создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни; был внесен ряд соответствующих изменений в федеральное законодательство. На вопрос о том, насколько эффективно указанные изменения повлияли на процесс формирования безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов в нашей стране, можно ответить, сопоставив продекларированные положения закона с их фактической реализацией на практике.

Основными задачами подпрограммы № 1 «Обеспечение условий доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения» Государственной программы РФ «Доступная среда» на 2011 - 2020 годы названы: формирование условий для просвещенности граждан в вопросах инвалидности и устранения барьеров во взаимоотношениях с другими людьми; оценка состояния доступности приоритетных объектов и услуг и формирование нормативно-правовой и методической базы по обеспечению доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения; формирование условий для беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к приоритетным объектам и услугам в сфере социальной защиты, здравоохранения, культуры, образования, транспорта, информации и связи, физической культуры и спорта.

Федеральным законом от 01 декабря 2014 года № 419-ФЗ[2] были внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов. Ключевые изменения, касающиеся вопросов формирования безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов, состояли в том, что: впервые были определены условия доступности объектов и услуг для инвалидов в зависимости от нарушенных функций; была установлена единая для всех отраслей система действий по поэтапному созданию для инвалидов условий безбарьерной среды; определены виды помощи инвалидам в преодолении барьеров, препятствующих получению ими услуг, оказываемых населению при предоставлении услуг с учетом специфики отрасли; введена норма об обязанности органов государственной власти и подведомственных им организаций осуществлять инструктирование (обучение) персонала по вопросам предоставления инвалидам услуг в доступном для них формате с оказанием необходимой им помощи; введено понятие «абилитация инвалидов», представляющее собой систему и процесс формирования отсутствовавших у инвалидов способностей к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности.

Приказом Минтруда России от 30 июля 2015 года № 527н определен и утвержден порядок обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и услуг, а также оказания им при этом необходимой помощи в сфере социальной защиты, которым предусматриваются:

- меры по инструктированию или обучению специалистов, работающих с инвалидами, по вопросам, связанным с обеспечением доступности для инвалидов объектов и услуг с учетом имеющихся у них стойких расстройств функций организма и ограничений жизнедеятельности;

- меры по поэтапному повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов инфраструктуры (подвижного состава, транспортных средств, связи и информации);

-меры по поэтапному повышению значений показателей доступности предоставляемых инвалидам услуг с учетом имеющихся у них нарушений функций инвалидов, а также по оказанию им помощи в преодолении барьеров, препятствующих пользованию объектами и услугами [3].

Как видим, нормативных положений, касающихся вопросов формирования безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов, повышения уровня доступности для инвалидов объектов инфраструктур, в современном российском законодательстве довольно-таки много. Несмотря на это реализация конституционных прав инвалидов по-прежнему осуществляется с огромными трудностями: как следует из Доклада о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2016 год [4], по-прежнему остаются актуальными проблемы нарушения прав инвалидов на беспрепятственный доступ к объектам социальной инфраструктуры в связи с отсутствием пандусов и электроподъемников в многоквартирных домах. Органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления отказывают инвалидам в установке такого оборудования в подъездах многоквартирных домов, где они проживают. Как указано в Докладе, в целях разрешения названной проблемы еще в 2013 году Уполномоченный по правам человека в РФ обращался в

Государственную Думу РФ с просьбой об ускорении принятия находящегося на рассмотрении проекта федерального закона № 170815-6 «О внесении изменения в статью 36 Жилищного кодекса Российской Федерации», предусматривающего недопущение препятствий собственниками жилых помещений в многоквартирных домах мероприятиям по обеспечению доступа инвалидов-колясочников к своему жилью независимо от вида жилищного фонда. Заметим, что данный проект федерального закона был внесен в Государственную Думу РФ еще в ноябре 2012 года и рассматривался на протяжении шести лет: проект закона получал положительные заключения Правового управления аппарата ГД РФ и Комитета ГД РФ по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству, был принят в первом чтении, но впоследствии на основании Постановления ГД ФС РФ от 15 февраля 2018 г. № 3527-7 ГД был отклонен. Возникает закономерный вопрос: каковы причины столь затянувшегося процесса рассмотрения, казалось бы, актуального проекта федерального закона, и отрицательного итога этого рассмотрения? Полагаем, что таковы современные реалии российской законодательной деятельности, которые можно охарактеризовать фразой «мы строили, строили, но так и не достроили».

Считаем, что в процессе формирования безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов органы государственной власти на всех уровнях слишком неуверенно и медленно решают вопросы, вытекающие из их задач и функций. Неуверенность и медлительность – это, пожалуй, подходящие слова, которыми можно охарактеризовать проблемы деятельности органов государственного управления в рамках реализации Государственной программы РФ «Доступная среда» на 2011-2020 годы. Так, среди проблем реализации данной государственной программы имеются и проблема несовершенства нормативной правовой базы, регулирующей исполнение данной программы, и проблема недостаточного контроля со стороны органов государственного управления (в первую очередь, со стороны Министерства труда и социальной защиты РФ) за использованием средств на реализацию программы, а также на риски неисполнения целевых программных индикаторов в связи с недостаточным объемом запланированного финансирования. Факт ежегодного несоответствия запланированного объема бюджетных ассигнований на реализацию данной государственной программы и фактического объема использованных бюджетных средств на ее реализацию подтверждается официальными статистическими данными, приведенными в таблице 1.

Таблица 1.

Запланированные и фактические затраты на реализацию Государственной программы РФ «Доступная среда» в 2013-2015 годах (тыс. рублей)

2013 год		**2014 год**		**2015 год**	
план.	факт.	план.	факт.	план.	факт.
33331917,2	34842679,2	35589924,4	40285211,2	41087160,8	48534601,8

В целом, в условиях современной российской действительности наряду с одобрением и принятием идей интеграции инвалидов в общество органы государственной власти в первую очередь задумываются над вопросом о затратах и выгодах, поэтому качество реализации принятых государственных программ в сфере защиты прав инвалидов, качество формирования безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов пока остаются второстепенными вопросами.

Следует сказать, что проблемы формирования безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов изначально связаны с несовершенствами правового регулирования в рассматриваемой области, а впоследствии - с реализацией этих «несовершенств» на практике. Например, на сегодняшний день актуальной является проблема отсутствия в законодательстве единообразной системы критериев определения доступности того или иного объекта социальной инфраструктуры. В правоприменительной сфере это приводит к «разобщенности и недостоверности статистических данных, отражающих реальную степень обеспеченности прав инвалидов и лиц с ограниченными возможностями. Так, зачастую статистика считает доступным здание или сооружение, оборудованное пандусом на входе, а то, что инвалид не

может добраться до большинства помещений внутри, например, из-за отсутствия лифта, не принимается во внимание»[5] .

Кроме того, в настоящее время нельзя назвать достаточной степень правовой активности как самих инвалидов по защите прав на доступ к объектам социальной инфраструктуры, так и степень активности соответствующих контрольно-надзорных органов государственной власти и местного самоуправления, в чью компетенцию входит обеспечение прав инвалидов на доступную среду. Действительно, анализ российской судебной практики показывает, что обращения в суд по делам о понуждении к созданию условий для доступа инвалидов к объектам инфраструктур немногочисленны; практика привлечения должностных и юридических лиц к административной ответственности за уклонение от исполнения требований доступности для инвалидов объектов инженерной, транспортной и социальной инфраструктур (ст.9.13 КоАП РФ), является несовершенной и фактически отсутствует. Это говорит о том, что инвалиды в нашей стране недостаточно хорошо осведомлены о юридических средствах защиты своих прав, а должностные лица соответствующих контрольно-надзорных органов недолжным образом выполняют свои обязанности по выявлению нарушений прав инвалидов, в том числе права на доступную среду.

Таким образом, говорить о том, что в Российской Федерации успешно идет процесс формирования безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов, пока не представляется возможным. Несовершенства правового регулирования, неэффективная работа органов государственного управления, неправильная расстановка приоритетов в их деятельности, некачественный контроль за реализацией государственных программ в сфере защиты прав инвалидов - это именно те причины, по которым в нашей стране до сих пор не создана по-настоящему безбарьерная среда для инвалидов. Полагаем, что в российском законодательстве, регулирующем вопросы защиты прав инвалидов, должен быть закреплен основополагающий принцип, в соответствии с которым доступность объектов различных инфраструктур для инвалидов будет рассматриваться как требование закона и необходимое условие функционирования любой организации. В целом, формирование безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов должно быть включено в рамки единого правового режима защиты прав инвалидов, соединяющего в единую конструкцию определенный комплекс правовых средств, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни.

Список использованной литературы и источников:

1. Постановление Правительства РФ от 01 декабря 2015 г. № 1297 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011 - 2020 годы» // Собрание законодательства РФ, 2015, ст. 6987.

2. Федеральный закон от 01 декабря 2014 года № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» // Российская газета, 2014, 05 декабря, № 278.

3. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // URL: http://ombudsmanrf.org/content/doclad2016 (дата обращения: 06.04.2018).

4. *Шестаков В.П., Свинцов А.А., Радуто В.И., Чернякина Т.С.* Совершенствование законодательства Российской Федерации в рамках реализации положений Конвенции о правах инвалидов // Социальное и пенсионное право. 2016. № 2. С. 16 - 21.

5. *Панченко В.Ю., Пикулева И.В.* Правовой режим реализации права маломобильных групп населения на доступность объектов социальной инфраструктуры // Социальное и пенсионное право. 2016. № 1. С. 52 - 56.

УДК 364.65

ВОЗМОЖНОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА В ОЦЕНКАХ ИНВАЛИДОВ

Ю.Э. СИВКОВА

Сивкова Юлия Эдуардовна, ассистент кафедры социологии Забайкальского государственного университета.

E-mail:Andronova.91@inbox.ru

Аннотация. Изложено положение инвалидов на рынке труда в Забайкальском крае. Показаны оценки инвалидов об их возможностях трудоустройства в Забайкальском крае. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного методом снежного кома (n=21, возраст респондентов – 18-55 лет). Установлен комплекс проблем и препятствий при трудоустройстве инвалидов, обозначены факторы, способствующие интеграции инвалидов в трудовую сферу. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в практике социальных служб, а также в разработке программ оптимизации трудоустройства инвалидов.

Ключевые слова: инвалидность, Забайкальский край, трудоустройство инвалидов.

OPPORTUNITIES FOR EMPLOYMENT IN ASSESSMENTS OF DISABLED PEOPLE

Yu.E. Sivkova

Abstract. The article presents situation of disabled people in The Transbaikal labor market. Described the estimates of disabled people about their employment opportunities in The Transbaikal. The results of an empirical study performed by the snowball method (n = 21, 18-55 years) are presented. Established a set of problems and obstacles in the employment of disabled people, identified factors contributing to the integration of disabled people into working life. The applied aspect of the investigated problem can be realized in the practice of social services, as well as in the development of programs for optimizing the employment of disabled people.

Key words: disability, The Transbaikal Region, employment of disabled people.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня инвалидность рассматривается как сложное социальное явление, где специфическим является образ жизни инвалидов, который в современном российском обществе предопределяется, прежде всего, физической и социальной уязвимостью инвалидов, отношением общества к этой категории граждан.

Инвалидами принято считать разнообразную по социальным и медицинским признакам общественную группу, ее возможности и ограничения коррелируют с такими факторами, как характер и степень нарушений функций организма, возраст, материальное положение. Человек с объективными физическими или психическими ограничениями жизнедеятельности обладает специфическими потребностями. Инвалиды I группы менее активны, им, прежде всего, необходима материальная помощь со стороны государства. Инвалиды трудоспособного возраста особо нуждаются в доступе к системе общего и профессионального образования, содействию в трудоустройстве.

В России наблюдается тенденция усиления внимания государства к проблемам трудоустройства данной категории населения. Инвалид, посредством трудовой деятельности приобретает экономическую самостоятельность и, как следствие, уверенность в завтрашнем дне. Однако инвалиды сталкиваются с комплексом сложностей при трудоустройстве.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

По данным Отделения Пенсионного фонда РФ по Забайкальскому краю за 2014 г. в Забайкальском крае проживало более 96000 инвалидов (около 9 % от общей численности населения края), в том числе 4752 ребёнка-инвалида[1].

Маломобильность данной категории граждан, неразвитость социальной и транспортной инфраструктуры Забайкальского края, особенно в его отдаленных районах, недостаточная информированность и подготовленность граждан в вопросах трудоустройства не позволяют полноценно реализовать потенциал инвалидов и адаптировать их к трудовой жизни.

Инвалиды на сегодняшний продолжают оставаться одной из самых низкодоходных групп населения. Изменить ситуацию призваны меры, закреплённые в федеральном и региональном законодательстве, а также в нормативно-правовых актах муниципальных образований. В ст. 20 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» предусмотрен ряд мероприятий по обеспечению занятости инвалидов. В него входят:

– установление в организациях квоты для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов;

– резервирование рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов;

– стимулирование создания предприятиями, учреждениями, организациями дополнительных рабочих мест (в том числе специальных) для трудоустройства инвалидов;

– создание инвалидам условий труда в соответствии с индивидуальными программами их реабилитации;

– организация обучения инвалидов новым профессиям[2].

Квотирование рабочих мест для трудоустройства инвалидов, в соответствии с указанным федеральным законом, является обязательным для всех предприятий со среднесписочной численностью работников более 100 человек. Число квотируемых рабочих мест должно составлять 2-4% от общего количества рабочих мест на предприятии. Порядок квотирования, как установлено в части 2 ст. 20 данного закона, определяется органами государственной власти субъектов РФ.

Примечательно, что на конец 2017 г. в Забайкальском крае для инвалидов выделено по квоте 655 рабочих мест, из которых 151 вакантное находится в Чите. Среди них не требующие специального образования: грузчик, дворник, мойщик посуды. А также есть вакансии для квалифицированных кадров: инженер, врач, учитель начальных классов. Однако, трудоустроено не более трети инвалидов трудоспособного возраста в общей численности инвалидов трудоспособного возраста, что говорит о неактивной интеграции этой категории лиц в сферу занятости[3]. На практике квотирование как инструмент повышения конкурентоспособности инвалидов на рынке труда не дает масштабного положительного эффекта.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая база представлена авторским качественным исследованием. Глубинные интервью проводились с безработными и трудоустроенными инвалидами I, II, III групп (возраст инвалидов – 18-55 лет), (N = 21) по месту жительства респондентов в период с января по март 2018 г. в Чите. Количество информантов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователю нового понимания для раскрытия темы). Применялся метод «снежного кома». Длительность интервью составляла 45-75 минут.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По результатам исследования определены некоторые особенности суждений инвалидов по отношению к их возможностям трудоустройства.

К числу проблем трудоустройства инвалиды относят, в первую очередь, отсутствие интереса у работодателей нанимать инвалидов

«У меня было уже около десяти попыток, наверное, устроится на работу, и все безрезультатно. Складывается впечатление, что работодатели выдумывают каждый раз поводы, чтобы не брать нас на работу. Мол, сложно будет выполнять то, сложно делать это. Или совсем низкооплачиваемую предлагали» (безработный, инвалид II гр., муж., 31 год)

Труд в жизни для человека с инвалидностью играет значительную роль, так как является одним из способов повышения финансового положения и интеграции в социум. Но на современном этапе лица с инвалидностью практически не способны конкурировать со здоровыми, несмотря на законодательно установленное квотирование рабочих мест.

Во-вторых, информанты отмечают проблему несоответствия полученной квалификации выполняемой работе

«Я выучилась в железнодорожном техникуме в Чите, но, к сожалению, по специальности работу найти не могу! Дворником – пожалуйста. Разве для этого я получала диплом? Обидно очень, что нам, инвалидам, не дают шанса устраиваться по специальности» (безработная, инвалид III гр., жен., 29 лет)

Эта мысль не противоречит данным прочих исследований. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, среди работающих инвалидов, имеющих профессию, подтвержденную дипломом (свидетельством): полностью соответствующую полученной специальности – 46,5 %; близкую к полученной специальности – 17,4 %; не соответствующую полученной специальности – 36,1 %[4].

В-третьих, наличие инвалидности в отдельных случаях лимитирует мобильность человека, что отражается на отсутствии возможности получить образование или дополнительную квалификацию

«Работы в крае, в Чите, по сути, для нас нет. У меня нет высшего образования и некоторые сложности с передвижением. Я позвонила в организацию, на что мне ответили: «Нам нужно на Вас посмотреть. Возьмите с собой медицинскую карту. Вот я приехала. Посмотрели на меня, сказали, что им уже сотрудники не требуются» (безработная, инвалид II гр., жен., 34 года)

У работодателя повышаются требования к наемному персоналу, к квалификации и уровню образования, к мобильности и, как следствие, снижаются шансы инвалидов получить работу. Современные условия вынуждают эту категорию лиц трудоустраиваться на низкоквалифицированную работу, что сокращает возможности социально активных инвалидов реализовать себя.

В-четвертых, респонденты недооценивают эффективность мероприятий по трудоустройству инвалидов, проводимых в Забайкальском крае, считая их безрезультативными

«Ярмарки вакансий в крае, слышала, у нас проводят. В поселке Моготуй что-то было, в селе Александровский Завод – круглый стол. Ну и что?! Что толку, обсуждают проблему трудоустройства инвалидов, но не решают. А нам еще добраться до места надо, выслушать, что все будет у нас хорошо. Когда-нибудь…» (безработная, инвалид II гр., жен., 48 лет)

Кроме потенциального трудоустройства на мероприятиях есть возможность получить консультативную поддержку и разъяснение законодательных норм, которые необходимо знать инвалидам при устройстве на работу.

Мы попытались выяснить факторы, способствующие интеграции инвалидов в трудовую жизнь.

Во-первых, информанты отмечают интернет как средство получения образования и работы

«Я сейчас получаю высшее образование, учусь на программиста, не вставая с кровати. Дистанционное обучение – это очень удобно для инвалидов. А как закончу учиться – буду работать удаленно через интернет, фрилансером» (безработный, ***инвалид I гр., муж., 24 года)***

В современной трудовой экономике фриланс определяется как вид самозанятости, ориентированный на фактическое выполнение работы по подряду, по договору о возмездном оказании услуг с нанимателем[5]. Данный вид занятости может решить проблемы трудоустройства для категорий лиц с ограниченными возможностями, которые в силу различных обстоятельств не могут работать в офисах, но могут организовать работу на дому; также имеются положительные стороны для работодателя. Во-первых, не нужно затрачивать дополнительные средства на содержание штатной единицы. Во-вторых, стоимость услуг фрилансера обычно меньше, чем стоимость аналогичной работы специалиста, работающего на постоянной основе.

В-третьих, определенный шанс включения в трудовую жизнь для инвалидов дает социальное предпринимательство. Примечательно, что встречались респонденты, осведомлённые о сущности этого феномена

«Я интересовался, встречал в интернете информацию о социальном предпринимательстве. То есть нанимают на работу инвалидов. В Москве такие есть, ну и в других крупных городах, но не у нас в Забайкалье» (безработный, ***инвалид I гр.,*** *муж., 26 лет)*

Социальное предпринимательство нацелено на решение социальных проблем, для него характерен баланс прибыли и экономической составляющей. Состоявшиеся практики социального предпринимательства в России доказывают возможность трудоустройства инвалидов.

В-четвертых, информанты называют причиной невозможности трудоустройства отсутствие личной мотивации

«Проблемы трудоустройства инвалидов нет. Важно начать с себя! Кто ищет, тот всегда найдет. Не важно, инвалид ты, или физически, психически здоровый гражданин с красным дипломом. Огромную роль здесь играет мотивация. Многие как рассуждают: «А зачем вообще мне работать? Ведь я инвалид, мне обязано государство. Я несчастный, обделенный, получаю маленькую пенсию» (трудоустроенный, инвалид III гр., муж., 32 года)

Важнейшей характеристикой положения неработающего инвалида выступают получаемые им от государства пенсии по инвалидности и ежемесячные денежные выплаты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудоустройство людей с инвалидностью выгодно для государства, так как оно не только улучшает их материальное положение, но и позволяет увеличить доходы от расширения рынка труда, инвалиды выступают как дополнительные трудовые ресурсы. Важно продолжать совершенствовать законодательную базу относительно прав инвалидов на рынке труда, способствующую повышению конкурентоспособности и адаптации инвалидов в области трудоустройства.

Список использованной литературы и источников:

1. *Больницкая А.Н.* Инвалиды и общество // Мониторинг. 2014. №4 (122). С. 119-127.

2. Федеральный закон "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" от 24.11.1995 N 181-ФЗ (последняя редакция) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Ярмарка вакансий в Чите показала: инвалиды готовы работать даже за 8 тысяч рублей http://gtrkchita.ru/news/?id=16280 (дата обращения: 1.03.2018).

4. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/ rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 17.02.2018).

5. *Холодова Е.И.* Значение фриланса для современного рынка труда как возможности социальной поддержки малообеспеченных слоев населения / Е. И. Холодова // Актуальные проблемы управления и экономики: российский и зарубежный опыт: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Томск, 26-

27 апреля 2013 г. Томск, 2013. С. 236-243. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000504779 (дата обращения: 21.02.2018).

УДК 159.9

ТЕАТРОТЕРАПИЯ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Ю.В. ТУРЧАНИНОВА

Турчанинова Юлия Владимировна, зам. директора ГАУ СО "Центр адаптации и реабилитации инвалидов", специальная психология СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: goukb@mail.ru

Аннотация. В данной статье изложен теоретический материал по реализации социокультурной реабилитации на базе центра адаптации и реабилитации инвалидов трудоспособного возраста. Более подробно рассмотрена театротерапия как одна из форм групповой реабилитации людей с инвалидностью с различными нозологиями.
Ключевые слова: реабилитация, арттерапия, театротерапия, социализация, метод.

THEATER THERAPY IN THE STRUCTURE OF MODERN TECHNOLOGIES OF SOCIO-CULTURAL REHABILITATION

Yu.V. Turchaninova

Abstract. This article presents a theoretical material on the implementation of socio-cultural rehabilitation on the basis of the center of adaptation and rehabilitation of disabled people of working age. In more detail, theatre therapy is considered as one of the forms of group rehabilitation of people with disabilities with various nosologies.
Key words: rehabilitation, art therapy, theatre therapy, socialization, method.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящие время процесс социокультурной реабилитации является предметом исследования специалистов многих отраслей научного знания. Психологи, философы, социологи, педагоги, социальные психологи и т. д. вскрывают различные аспекты этого процесса, исследуют механизмы, этапы и стадии, факторы социальной реабилитации людей с инвалидностью.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ

Понятие социокультурная реабилитация характеризует в обобщенном виде процесс усвоения индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей, установок, образцов поведения, которые входят в понятие культуры, присущей социальной группе и обществу в целом, и позволяет функционировать индивиду в качестве активного субъекта общественных отношений.

Социализацию не следует сводить к образованию и воспитанию, хотя она и включает эти процессы. Социальная реабилитация человека с инвалидностью осуществляется под влиянием совокупности многих условий, как социально-контролируемых, и направленно-организуемых, так и стихийных, возникающих спонтанно. Непременным условием социальной реабилитации является культурная самоактуализация личности, ее активная работа над своим социальным развитием. Какими бы благоприятными ни были условия

социальной реабилитации, ее результаты во многом зависят от активности самого человека его целеполагания.

Назначение социокультурных технологий состоит и в том, чтобы научить людей с инвалидностью адекватно участвовать в самых разнообразных формах и ситуациях общения, пользоваться всеми доступными средствами массовой информации, компьютером, книгами, дать знания и навыки, увеличивающие степень его самостоятельности в выборе и осуществлении способов трудовой деятельности, проведения досуга и развлечений, круга общения и самообслуживания.

Процесс социальной реабилитации - это процесс взаимодействия личности и общества. Данное взаимодействие включает в себя, с одной стороны, способ передачи индивиду социального опыта, способ включения его в систему общественных отношений, с другой стороны, процесс личностных изменений. Сущность социальной реабилитации состоит в том, что в процессе ее человек формируется как член того общества, к которому он принадлежит.

Одной из активных форм социальной реабилитации, которая применяется в нашем реабилитационном центре является арттерапия. Арттерапия возникла в 30-е годы нашего века. С тех пор эта форма реабилитации получила широкое распространение и используется как самостоятельный метод и как метод, дополняющий другие техники.

Можно выделить следующие цели арттерапии, которые реализуются на базе ГАУ СО «Центр адаптации и реабилитации инвалидов»:

1. Дать социально приемлемый выход агрессивности и другим негативным чувствам (работа над рисунками, картинами, скульптурами является безопасным способом выпустить «пар» и разрядить напряжение).

2. Облегчить процесс лечения. Неосознаваемые внутренние конфликты и переживания часто бывает легче выразить с помощью зрительных образов, чем высказать их в процессе вербальной коррекции. Невербальное общение легче ускользает от цензуры сознания.

3. Получить материал для интерпретации и диагностических заключений. Продукты художественного творчества относительно долговечны, и клиент не может отрицать факт их существования. Содержание и стиль художественных работ дают возможность получить информацию о клиенте, который может помогать в интерпретации своих произведений.

4. Проработать мысли и чувства, которые клиент привык подавлять. Иногда невербальные средства являются единственно возможными для выражения и прояснения сильных переживаний и убеждений.

5. Наладить отношения между специалистом и клиентом. Совместное участие в художественной деятельности может способствовать созданию отношений эмпатии и взаимного принятия.

6. Развить чувство внутреннего контроля.

7. Сконцентрировать внимание на ощущениях и чувствах.

8. Развить художественные способности и повысить самооценку. Побочным продуктом арттерапии является чувство удовлетворения, которое возникает в результате выявления скрытых талантов и их развития.

В своей статье хотелось бы остановиться на такой форме арттерапии как театротерапия.

С античных времен человечество использовало театр и формы театрального действа в целях образования и развития личности и воспитания общественного сознания. История приобщения людей к искусству театра в России начинается с 17 века, так же, как и вся история русского театрального искусства.

В настоящее время занятие театральным искусством не потеряли своей актуальности, несмотря на сильное влияние телевидения и виртуальных компьютерных игр.

Занятия в театральном коллективе развивают человека во всей его психофизической целостности. Обучение актерскому мастерству обеспечивает равномерные физические, интеллектуальные и духовные нагрузки, способствует формированию и физического и духовного здоровья.

Театр раскрывает философские представления о мире в конкретных чувственных формах, позволяет войти в пространство возможного и невозможного посредством лицедейства

Воспитание театром формирует мировоззрение людей, эстетический вкус, пробуждает самостоятельное и независимое мышление.

Но это не единственная сильная сторона театрального образования. Гораздо важнее, что театр помогает социальной и психологической адаптации, личностному росту человека. Помогает активизировать затрудненные процессы общения, сделать их радостными и плодотворными. Сценическая деятельность базируется на единстве коллективного взаимодействия и максимальном творческом проявлении каждого исполнителя.

Театр – коллективное искусство. Во-первых, театральная постановка – «продукт» совместной деятельности, требующей концентрации сил каждого. Во-вторых, разнообразие постановочных задач дает возможность каждому человеку максимально реализовать свои возможности и способности. В-третьих, театральное творчество богато ситуациями совместного переживания, которое способствует эмоциональному сплочению коллектива.

Театральная модель жизненных ситуаций, «проба» ощутить себя в той или иной среде позволяют участникам коллектива приобрести полезные навыки для преодоления конфликтных ситуаций и создания вокруг себя комфортной среды.

Творчество, выраженное в театральной постановке, это один из способов освоения окружающего мира, социальной и психологической адаптации человека в обществе.

Театральная студия на базе Центра адаптации и реабилитации инвалидов – это уникальный коллектив людей с инвалидностью. Существует он уже четыре года. За это время они уже сформировались как полноценная театральная труппа со своим репертуаром. Руководитель коллектива - Заслуженный артист Р.Ф. Федоров А.Д. применяет исключительно индивидуальный подход к каждому члену творческого коллектива, учитывая их своеобразие и степень заболеваемости. Александр Дмитриевич очень умело расставляет акценты в коллективе, с учётом всех особенностей клиентов.

Программа театрального творчества органично соединяет в себе познавательную деятельность людей с ограниченными возможностями по овладению теорией, историей театра, навыками театрального исполнения с непосредственной творческой деятельностью, организуемой в учебном, репетиционном процессе, театральном показе.

Любой желающий получить представление о театральном искусстве во всех его проявлениях и практически проверить на себе эти знания, получает реальную возможность сделать это, обучаясь по данной программе в театральном коллективе.

Программа обучения основам театрального искусства направлена, прежде всего, на развитие творческого начала, на использовании театральной педагогики – технологии актерского мастерства, сочетающей комплекс специальных упражнений, театральных игр, адаптированных для занятий с людьми с ограниченными возможностями. В основе адаптации лежит принцип действенного освоения материала через постановку увлекательных творческих задач.

Любой желающий получить представление о театральном искусстве во всех его проявлениях и практически проверить на себе эти знания, получает реальную возможность сделать это, обучаясь по данной программе в театральном коллективе Центра по обучению и реабилитации инвалидов.

Программа обучения основам театрального искусства направлена, прежде всего, на развитие творческого начала, на использовании театральной педагогики – технологии актерского мастерства, сочетающей комплекс специальных упражнений, театральных игр, адаптированных для занятий с людьми с ограниченными возможностями. В основе адаптации лежит принцип действенного освоения материала через постановку увлекательных творческих задач.

В процессе обучения должны быть решены следующие проблемы:

1. Раскрепощение обучаемых Снятие зажимов, комплексов.

2. Раскрытие возможностей, способностей и талантов.

3. Обеспечение обучаемых всевозможными средствами для раскрытия и социализации.

В программе используются развивающие методики. Все занятия строятся по принципу игрового существования, от элементарного фантазирования к созданию образа. Чтобы развивать способности людей с ограниченными возможностями, создается ситуация, где обнаруживаются склонности и таланты человека, возникает необходимость в их реализации через театральное искусство.

Обучение ведется согласно основным принципам педагогики искусства:

1. От постановки творческой задачи до достижения творческого результата.

2. Вовлечение в творческий процесс всех участников

3. Смена типа и ритма работы.

4. От простого к более сложному.

Программа обучения театральному искусству представляет целостную систему взаимосвязанных между собою предметов и разделов: «Основы театральной культуры», «Техника и культура речи», «Ритмопластика», «Актерское мастерство», «Работа над пьесой и спектаклем».

Для успешного усвоения материала используются различные методы обучения: беседа, наглядные пособия, аудио и видео записи.

Каждый раздел включает целый цикл тренинговых занятий и упражнений, адаптированных для людей с ограниченными возможностями здоровья.

В работу над техникой речи входит освоение приемов снятия мышечных зажимов голосового аппарата, постановка правильного дыхания, работа над дикцией, выстраивание логико-интонационной структуры речи. Для этого используется специальная комплексная методика упражнений, позволяющая преодолеть многие речевые дефекты.

При работе над литературным текстом проводятся индивидуальные занятия. На занятиях используются произведения фольклора, стихотворения, произведения русских и зарубежных авторов.

Раздел «Ритмопластика» – направлен на обучение навыкам освобождения мышц, снятия зажимов, развития пластичности.

Упражнения тренинга направлены на максимальное развитие возможностей человеческого тела, учат саморегуляции, концентрации и расслаблению. Обучающиеся должны уметь передать пластическую форму живой природы и неживого мира, коллективно и индивидуально передавать заданный ритм.

Упражнения тренинга построены по индивидуально-групповому методу обучения. На занятиях используются музыкальные произведения, которые помогают погрузиться в собственный мир воображения, освободить свое тело от зажимов и перейти к рождению движения.

Полученные навыки в работе над освобождением мышц и пластической выразительностью тела применяются обучаемыми в работе над созданием образа персонажа. А также в гармонизации взаимодействия своего тела, рационального и эмоционального аппарата.

Раздел «Актерское мастерство» - направлен на освоение навыков актерского мастерства.

Основные темы этого блока:

1. «Организация внимания, воображения, памяти»

2. «Сценическое действие»

3. «Творческая мастерская»

4. « Самостоятельная творческая работа».

В процессе всего обучения используются общеразвивающие игры, Специальные театральные игры и упражнения, направленные на развитие внимания, воображения, памяти, логики действия и поведения актера. Большинство упражнений выполняется коллективно, часто в кругу. Задания варьируются от занятия к занятию, вводятся новые.

От упражнений на развитие внимания, воображения обучающиеся переходят к освоению законов сценического действия на примере этюдов. Этюд считается азбукой искусства. Это небольшой отрезок сценической жизни, созданный воображением «Если бы».

Этюды делятся на: одиночные, дуэтные, массовые. Начинается обучение с этюдов «Я в предлагаемых обстоятельствах». Этюды бывают: на смену психофизического состояния, на вынужденное молчание, на вынужденное общение, на органическое молчание, этюд - импровизация.

Именно на этюдах и в специальных упражнениях отрабатываются логика словесных и бессловесных действий, логика общения и взаимодействия.

Задача педагога сделать эти упражнения приемлемыми для данной категории людей, учитывая их ограничения и заболевания.

В эту игру вступают те или иные социальные отношения, действуют различные социальные чувства – и это расширяет и обогащает внутренний мир людей с ограниченными возможностями.

Все упражнения направлены на освоение главного языка сцены - языка действия. Теоретические знания усваиваются через практические задачи. Все обучающиеся проходят путь от упражнения, этюда – к участию в творческой постановке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итог данной деятельности представлен в конкретном выходе на аудиторию в Центре адаптации и реабилитации инвалидов.

Для сплочения коллектива, создания комфортной творческой атмосферы, активизации познавательных интересов в творческом театральном коллективе проводятся самые различные мероприятия.

Смелый, уверенный вход в будущее, развитие эмоциональной сферы, умение владеть своим вниманием, фантазией, четко выражать свои мысли, доброжелательность в общении – вот к чему должны прийти обучаемые, прошедшие курс обучения в театральной студии Центра адаптации и реабилитации инвалидов.

Список использованной литературы и источников:

1. *Валента Милан, Полинек Мартин* Драматерапия / пер. с чешского под общ. ред. В. И. Белопольского. М.: Когито-Центр , 2013. 207 с.

2. *Морено Я.Л.* Психодрама / пер. с англ. Г. Пимочкиной, Е. Рачковой. М.: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2001. 317 с.

3. Проект "Invisible people" [Электронный ресурс]. URL: http://uralpolit.ru/company/5180 (дата обращения: 02.06.2016).

4. *Прасковьина М.* Лечебная сила искусства [Электронный ресурс] // Петербургский театральный журнал 2013. № 3 (73). URL: http://ptj.spb.ru/archive/73/voyage-from-spb-73-4/lechebnaya-sila-iskusstva/ (дата обращения: 02.06.2016).

5. *Строганов А.Е.* Психотерапия на базе театральных систем: практическое руководство. СПб.: Наука и техника, 2009. 496 с.

УДК 159.97

ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЗИЦИИ ШКОЛЬНИКА У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ

Л.В. ШИПОВА, А.Э. ФИЛИППОВА

Шипова Лариса Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент кафедры реабилитационных технологий на базе ГАУ СО «ЦАРИ» факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: larisashi@yandex.ru

Филиппова Анастасия Эдуардовна, магистрант, факультет психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: nassstenka0205@mail.ru

Аннотация. Изложены материалы эмпирического исследования внутренней позиции школьника у учащихся начальных классов с интеллектуальной недостаточностью. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке (n=25, 8-10 лет) с применением диагностического инструментария: методика определения сформированности внутренней позиции школьника (модифицированная методика Т.А.Нежновой, А.Л. Венгера, Д.Б. Эльконина), методика «Кто Я?» (М. Кун, модификация методики Т.В. Румянцевой), методика «Рефлексивная самооценка учебной деятельности» (О.А. Карабанова), методика «Шкала выраженности учебно-познавательного интереса» (по Г.Ю. Ксензовой), анкета для определения школьной мотивации (Н.Г. Лусканова). Установлены особенности внутренней позиции школьника у учащихся начальных классов с легкой степенью умственной отсталости. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в практике диагностики готовности к обучению в школе у умственно отсталых детей.

Ключевые слова: внутренняя позиция школьника, учащиеся начальных классов, умственная отсталость, мотивация учения, интерес к учению, самооценка учебной деятельности.

THE STUDY OF THE INTERNAL POSITION OF SCHOOLCHILD PUPILS OF INITIAL CLASSES WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

L.V. Shipova, A.E. Filippova

Abstract. The article presents the materials of empirical research of the internal position of a schoolboy in primary school students with intellectual disabilities. The results of empirical research carried out on the sample (n=25, 8-10 years) with the use of diagnostic tools are presented: the method of determining the formation of the internal position of the student (modified method of T.A. Nezhnova, A.L. Wenger, D.B. Elkonin), the method "Who Am I?"(M. kun, modification techniques by T.V. Rumyantseva), the technique of "Reflective self-evaluation of learning activities" (O.A. Karabanov), the technique of "the Scale of the severity of the learning-cognitive interest" (G.Yu. Ksenzova), the questionnaire of school motivation (N.G. Lukanova). The features of the internal position of the student in primary school students with an easy degree of mental retardation. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the practice of diagnosing readiness for school in mentally retarded children.

Key words: internal position of a schoolboy, primary school pupils, mental retardation, motivation of teaching, interest in teaching, self-assessment of educational activity.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование внутренней позиции школьника (ВПШ) у детей с интеллектуальной недостаточностью имеет важное значение для формирования психологической готовности умственно отсталых детей к обучению в школе[1], развития мотивации учения у данной категории обучающихся[2], профилактики нарушений поведения в образовательной среде[3].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Исследование опыта теоретического и экспериментального изучения ВПШ в отечественной науке и практике, проведенных Л.И. Божович, Н.И. Гуткиной, О.А. Карабановой, Д.В. Лубовским, Т.А. Нежновой и др., позволило прийти в заключению, что ВПШ является интегрирующим личностным образованием, возникающим в 6-7-летнем возрасте в качестве новообразования, которое совмещает в себе линии предыдущего личностного развития ребенка, характеризующимся положительным отношением к школьно-учебной деятельности. В структуре ВПШ выделяют мотивационный, рефлексивный и аффективный компоненты[4].

ВПШ рассматривается в качестве интегрального личностного образования, включающего в себя уровень развития самосознания, мотивацию учения, эмоциональное отношение к обучению в школе и специфические формы поведения. На протяжении младшего школьного возраста в структуре ВПШ познавательные мотивы становятся доминирующими, а значимость социальных мотивов уменьшается.

Сформированная ВПШ создает предпосылки для успешной учебной деятельности, роста самосознания, становления субъектности школьника в процессе обучения, содействует адаптации в образовательном пространстве и позитивной социализации в социуме.

Исследование ВПШ у умственно отсталых младших школьников не было предметом специального изучения, хотя исследователи отмечали у данной категории обучающихся низкий уровень мотивации учения, несформированность самооценки деятельности, малодифференцированное отношение к школе.

Для диагностики ВПШ в науке и практике используется комплекс взаимодополняющих методик, позволяющих диагностировать ее содержательные и динамические характеристики на разных этапах школьного обучения. Выбор и применение указанных методик осуществляется в соответствии с целью и задачами исследования, возрастными возможностями обследуемых детей с учетом изучения всех структурных компонентов, критериев и показателей ВПШ. Использование методик для диагностики ВПШ у детей с легкой степенью умственной отсталости потребует их адаптации и апробирования с целью оценки понимания вербального материала методик данной категорией обучающихся. В связи с интеллектуальной недостаточностью, возможно, потребуется упрощение инструкции и материалов методик, использование наглядных опор для понимания текста, применение уточняющих вопросов.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования – изучить особенности ВПШ у детей с легкой степенью умственной отсталости.

В исследовании приняло участие 25 детей с легкой степенью умственной отсталости в возрасте от 8 до 10 лет, учащиеся школ и школ-интернатов для обучающихся по адаптированным образовательным программам г. Саратова.

В исследовании применялись методика определения сформированности ВПШ (модифицированная методика Т.А. Нежновой, А.Л. Венгера, Д.Б.Эльконина); «Кто Я?» (М. Кун, модификация методики Т.В.Румянцевой); «Рефлексивная самооценка учебной деятельности» (О.А. Карабанова); «Шкала выраженности учебно-познавательного интереса» (по Г.Ю.Ксензовой); анкета для определения школьной мотивации (Н.Г.Лусканова)[5].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования по методике диагностики ВПШ позволили установить, что у более половины умственно отсталых школьников (52%) был выявлен средний уровень ВПШ, что свидетельствует о недостаточном осознании важности и цели учения, наряду с этим отсутствии негативного отношения к школе и учебе. У 32% умственно отсталых младших школьников ВПШ оказалась несформированной, они не осознают необходимости учения, учебная деятельность для них является непривлекательной. Полученные данные свидетельствуют о том, что у большинства умственно отсталых младших школьников сложилось положительное отношение к школе, но отсутствует ориентация на содержание учебной деятельности, что обусловлено несформированностью познавательных потребностей, нарушением всех интеллектуальных функций, слабостью эмоциональной и волевой регуляции, слабой выраженностью и неустойчивым характером интересов.

По результатам обработки ответов, полученных при проведении методики «Кто я?», было выявлено, что для большинства умственно отсталых младших школьников (68%) был характерен низкий уровень дифференцированности оценочных суждений при определении своей принадлежности к социальной роли, своих интересов, предпочтений, личностных качеств и др.. Средний уровень, предполагающий способность выделить 2-3 социальные роли, личностные качества, интересы и др., выявлен у 32% школьников. У 60% умственно отсталых младших школьников был установлен средний уровень обобщенности при выделении своих ролей и качеств, у 32% - низкий уровень обобщенности, который предполагает способность выделить всего одно направление своей деятельности или интересов. Наряду с этим высокий уровень самоотношения, предполагающий преобладание положительных суждений о самом себе, выявлен у 48% школьников с умственной отсталостью. У 40% школьников, принимавших участие в исследовании, отмечен средний уровень самоотношения, лишь у 12% преобладают отрицательные суждения о себе. Результаты показали, что у умственно отсталых младших школьников преобладает низкий уровень дифференцированности, средний уровень обобщенности и высокий уровень самоотношения. Преобладание положительных суждений о себе связано с характерной для умственно отсталых детей завышенной самооценкой в младшем школьном возрасте.

Результаты исследования по методике «Рефлексивная самооценка учебной деятельности» показали, что 56% детей называют только одну сферу школьной жизни в качестве основы для выделения качеств хорошего ученика. 26% испытуемых могут назвать две сферы, и только 8% могут назвать более двух сфер. В качестве отличий хорошего ученика успеваемость называют только 36% участников исследования. 44% учеников называют успеваемость и поведение в качестве характеристик хорошего ученика. Следует отметить, что преобладающим в выделении качеств хорошего ученика является самый низкий, первый уровень, которому соответствует способность выделить только одну сферу школьной жизни.

Полученные данные по методике «Шкала выраженности учебно-познавательного интереса» (по Г.Ю. Ксензовой) свидетельствуют о том, что у 56% детей, принимавших участие в исследовании, выявлено отсутствие интереса к учебе. Любопытство проявляет 12% учеников, реакцию на новизну – 16%, ситуативный учебный интерес выявлен у 12% школьников. Таким образом, у большинства умственно отсталых младших школьников отсутствует интерес к учебе Слабость произвольного внимания, нарушение осмысленноти и обобщенности восприятия, бедность представлений, несформированность целенаправленного запоминания и воспроизведения, всех мыслительных операций, системное нарушение всех сторон речи обусловливают трудности усвоения учебного материала.

Исследование мотивации учения у умственно отсталых младших школьников по методике Н.Г. Лускановой показало, что у них преобладающими являются мотивация долга и ответственности и мотивация процессом учения. Анализ результатов показал, что умственно отсталые младшие школьники имеют общий низкий уровень мотивации учения (80%). У испытуемых отмечено отсутствие интереса к процессу обучения, серьезные затруднения в общении с одноклассниками, взрослыми (родителями, педагогами), безразличное отношение

к школьным успехам или неудачам. Только 20% детей проявляют активность в учебной деятельности, имеют стабильные контакты с одноклассниками, педагогами, стремятся к позитивному оцениванию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование ВПШ у умственно отсталых младших школьников позволило установить низкий уровень ее сформированности у данной категории обучающихся. В младшем школьном возрасте не все умственно отсталые дети готовы принять на себя роль ученика, они не осознают важность и цели учения, школа их привлекает внеучебной стороной, познавательный интерес остается несформированным.

Определяя собственную социальную позицию, младшие школьники с умственной отсталостью затрудняются выделить даже 2-3 свои социальные роли, большинство детей в качестве основы для выделения качеств хорошего ученика они называют только одну школьную сферу. Вместе с тем у половины учащихся выявлен высокий уровень самоотношения. В качестве отличий хорошего ученика умственно отсталые младшие школьники называют успеваемость и поведение.

У большинства умственно отсталых школьников начальных классов выявлено отсутствие интереса к учебе, отмечается преобладание мотивации долга и ответственности перед учителями и родителями, а также мотивации процессом учения, которая возрастает к концу младшего школьного возраста.

Список использованной литературы и источников:

1. *Кудрина С.В.* Особенности учебной деятельности школьников с недоразвитием интеллекта // Актуальные проблемы обучения, воспитания и социальной адаптации детей с проблемами в развитии сборник материалов конференции молодых ученых, студентов, магистров и аспирантов. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. 1998. С. 116-121.
2. *Шипова Л.В., Кухарчук О.В.* Проблема мотивации учения умственно отсталых школьников в специальной психологии // Теория и практика общественного развития. 2015. №7-2. С. 140-144.
3. *Богданова А.А.* Педагогическая коррекция поведения учащихся с интеллектуальной недостаточностью в процессе обучения: дис. … канд. пед. наук. СПб., 236 с.
4. *Шипова Л.В.* Исследование внутренней позиции школьника у детей разных возрастных групп: учебно-методическое пособие. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. 79 с.
5. Основы специальной психологии / Акименко А.К., Бурмистрова Е.Д., Георгица Е.А., Георгица Н.В., Гринина Е.С., Еремина Т.В., Колчина А.Г., Кухарчук О.В., Лысогорская М.В., Рудзинская Т.Ф., Суслова О.И., Шипова А.В., Шипова Л.В., Польская Н.А., Трошина Н.В. /Учебное пособие / Саратов, ИЦ «Наука», 2013. 335 с.

УДК 159.97

ПРОБЛЕМЫ ДЕЗАДАПТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л.В. ШИПОВА

Шипова Лариса Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент кафедры реабилитационных технологий на базе ГАУ СО «ЦАРИ» факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г.Чернышевского.

E-mail: larisashi@yandex.ru

Аннотация. Изложены материалы исследования проявлений дезадаптации у школьников с интеллектуальной недостаточностью в современном образовательном пространстве. Установлены особенности дезадаптивных проявлений у учащихся с легкой степенью умственной отсталости. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в практике диагностики, коррекции и профилактики нарушений поведения у умственно отсталых школьников.

Ключевые слова: дезадаптация, интеллектуальная недостаточность, умственная отсталость, школьники с умственной отсталостью, образовательное пространство.

THE PROBLEMS OF MALADJUSTMENT OF STUDENTS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES IN MODERN EDUCATIONAL SPACE

L.V. Shipova

Abstract. The article presents the materials of research of the manifestations of maladjustment in schoolchildren with intellectual disabilities in modern educational space. The features of non-adaptive manifestations in students with mild mental retardation. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the practice of diagnosis, correction and prevention of behavior disorders in mentally retarded students.

Key words: disadaptation, intellectual insufficiency, mental retardation, students with mental retardation, educational space.

Исследование дезадаптации школьников с интеллектуальной недостаточностью в образовательном пространстве имеет важное значение для развития личности умственно отсталого школьника, формирования мотивации учения, профилактики нарушений поведения у данной категории обучающихся. Школьная дезадаптация умственно отсталых детей может проявляться в снижении успеваемости, изменении эмоционального отношения к обучению в школе, нарушениях поведения и др.

Исследование школьной дезадаптации у умственно отсталых школьников в работе Л.С. Рычковой, Д.Ю. Гузановой позволило выявить четыре типа (аффективно-кинетический, аномально-личностный, дискогнитивный, аддиктивный)[1]. Аффективно-кинетический тип школьной дезадаптации у умственно отсталых детей составил наибольший удельный вес среди других типов, он проявлялся в эмоционально-волевой неустойчивости, аффективной возбудимости, двигательной расторможенности, патологии влечений. Для учащихся с данным типом дезадаптации характерны нарушение школьной дисциплины, неусидчивость, раздражительность, склонность к конфликтам, агрессия, прогулы, а также асоциальное поведение. Аффективно-кинетический тип школьной дезадаптации был представлен тремя вариантами: гиперкинетический, астеногипокинетический, агрессивно-дисфорический. Аномально-личностный тип школьной дезадаптации у умственно отсталых детей определялся личностной незрелостью (отсутствие чувства долга, ответственности, неумение сдерживать свои желания, неспособность подчиняться требованиям школы) и характеризовался повышенной двигательной активностью, неконструктивным поведением, невнимательностью, отвлекаемостью и др. При данном типе школьной дезадаптации было выделено три варианта: имитационный, депривационный, псевдоаутистический. При дискогнитивном типе школьной дезадаптации характерными были выраженные трудности при выполнении учебных заданий, обусловленные снижением на общем фоне когнитивных функций. Аддиктивный тип школьной дезадаптации был обусловлен ранней алкоголизацией, употреблением психоактивных веществ в сочетании с нарушениями когнитивной и личностной сфер.

В исследовании структуры школьной дезадаптации умственно отсталых детей и подростков Т.А Колосовой было установлено, что уровень их школьной дезадаптации находится на достоверно высоком уровне по сравнению с нормально развивающимися

сверстниками[2]. Применение карты Стотта для изучения дезадаптации умственно отсталых детей и подростков показало, что умственно отсталые по сравнению с нормально развивающимися достоверно в большей степени испытывают дезадаптацию по таким симптомокомплексам, как «недостаток доверия по отношению к новым людям, вещам, ситуациям», «ослабленность», «уход в себя», «тревожность по отношению к взрослым», «непринятие взрослых», «тревожность по отношению к детям», «асоциальность», «эмоциональная незрелость». Одним из системообразующих симптомокомплексов в структуре школьной дезадаптации у умственно отсталых детей является недостаток нормативного поведения. Ребенок может продемонстрировать неприемлемое с позиции социума поведение в незнакомой ситуации или с незнакомыми людьми не по причине недостатка воспитания, а в качестве защитной реакции на стресс. Испытывая тревогу или настороженность умственно отсталый ребенок нуждается в защите, и не чувствуя ее, может также проявить асоциальное поведение.

Одним из факторов, способствующих дезадаптации умственно отсталых детей и подростков, является высокая истощаемость их нервной системы. Их личностно-защитные механизмы снижены в связи с повышенной отвлекаемостью, низкой работоспособностью, неспособностью долгое время концентрировать свое внимание, лабильностью настроения, частыми спадами настроения. Умственно отсталые дети и подростки становятся уязвимыми в незнакомых или нестандартных ситуациях, испытывают тревожные переживания за принятие их взрослыми и сверстниками, часто проявляют неусидчивость, повышенную утомляемость или стремление отгородиться от внешнего мира, уйти в себя. Подобное поведение обусловливает повышенную конфликтность со сверстниками, неумение договариваться и решать проблему конструктивным путем.

Исследователи указывают на конфликтность умственно отсталых детей, неспособность решать проблемы со сверстниками конструктивными способами. В работе Е.С. Грининой было установлено, что умственно отсталым подросткам свойственно решать конфликтные ситуации с помощью насилия (как вербального, так и физического)[3]. При умственной отсталости оказывается невозможным полноценное осмысление создавшейся ситуации, учет наряду с собственными интересами потребностей оппонента, поиск конструктивных путей взаимодействия. Указанные когнитивные особенности усугубляются слабостью самоконтроля, импульсивностью поведения и эмоционального реагирования. В сочетании с актуализирующейся потребностью в самоутверждении данные особенности приводят к применению разных форм насилия в разрешении межличностных конфликтов. Поученные данные свидетельствуют о высоком риске деструктивного протекания и разрешения межличностных конфликтов у умственно отсталых школьников.

Статистические данные свидетельствуют о высокой степени распространенности нарушений поведения у умственно отсталых детей. Среди различных форм нарушений поведения у детей с умственной отсталостью выделяется несколько типов реакций с учетом семейных факторов нарушенного поведения. Агрессивные реакции свойственны детям к трудностями установления социальных контактов, для них характерны проявления жестокости по отношению к другим детям и животным, они могут демонстрировать вызывающее поведение в общении со взрослыми. У данной группы детей наблюдаются реакции активного протеста в ответ на обиды, стремление отомстить обидчику. Этот тип поведения характерен для детей, которые воспитываются в семьях, где родители отвергали их, не проявляли теплоты, понимания и поддержки. Девиантное поведение у детей, склонных к вступлению в асоциальные группы сверстников, воровству, бродяжничеству, пропуску школьных занятий, злоупотреблению психоактивными веществами наблюдается в семьях, где родители не проявляли к ним интереса, где в ближайшем окружении имеются асоциальные элементы. Демонстративное поведение с бурными вспышками эмоций в ответ на любые неудачи, неудовлетворение своих завышенных требований наблюдается у детей при воспитании по типу «кумира семьи». Тормозное поведение характеризуется неуверенностью, чрезмерной застенчивостью, беспокойством, слабой адаптацией в детских учреждениях и

свойственно для детей, родители которых демонстрируют тревожность, повышенную чувствительность либо чрезмерную требовательность. Поведение, характеризующееся проявлением реакций компенсации и гиперкомпенсации в большинстве случаев в форме напускной бравады, отчаянных или дерзких поступков, патологического фантазирования, свойственных детям, страдающим хроническими заболеваниями, значительным расхождением между реальным и идеальным Я.

У умственно отсталых школьников наиболее распространенными формами нарушений поведения являются непосещение школы без уважительной причины, проявления грубости, сквернословия с педагогами, сверстниками; курение; отказ от выполнения учебных заданий; драчливость, нанесение телесных повреждений; уклонение от участия во внеклассных и внешкольных мероприятиях; пропуски учебных занятий; нарушение школьного распорядка; уходы из школы; вхождение в асоциальные группы; воровство; вымогательство; хулиганство; употребление алкоголя; токсических и психотропных веществ и др.[4].

Нарушения поведения у умственно отсталых детей характерны в большей степени для подросткового возраста, но в 15% случаев они возникают уже в возрасте 7-12 лет. Нарушения поведения умственно отсталых детей имеет многофакторный генезис, причинами нарушений поведения умственно отсталых детей являются недостаточность интеллектуальной сферы, негативные личностные особенности, семейное неблагополучие, недоступность качественного дополнительного образования и недостатки учебно-воспитательной работы в образовательных организациях для обучающихся по адаптированным образовательным программам.

Типы нарушений поведения у школьников с умственной отсталостью в процессе обучения выделила А.А. Богданова: дезадаптированное (8%), формально адаптационное (74%) и адаптированное поведение (18%)[5]. Подобное соотношение типов нарушений поведения у младших школьников с умственной отсталостью, отмечает автор, обусловлено их интеллектуальной недостаточностью, не позволяющей критично оценить собственное внутреннее состояние и школьные проблемы. Автором были выделены так называемые ситуативные нарушения поведения, которые возникают в качестве ответа на отсутствие правильного подхода со стороны педагога: ситуативно-демонстративное, ситуативно-агрессивное, ситуативно-инфантильное, ситуативно-неуверенное, ситуативно-репродуктивное, ситуативно-гиперактивное, ситуативно-протестное поведение.

Таким образом, школьники с легкой умственной отсталостью входят в группу высокой степени риска возникновения различных дезадаптивных проявлений в образовательной среде. Изучение дезадаптивных проявлений у умственно отсталых школьников позволит разработать программу психолого-педагогической работы, направленной на повышение уровня социализации лиц с интеллектуальной недостаточностью, их успешной адаптации в социуме, снижение числа противоправных действий.

Список использованной литературы и источников:

1. *Рычкова Л.С., Гузанова Д.Ю.* Медико-психологические аспекты типологии школьной дезадаптации у детей с умственной отсталостью // Вестник ЮУрГУ. Серия Психология. 2009. Вып. 5. № 18 (151). С. 62-68.

2. *Колосова Т.А.* Структура школьной дезадаптации детей и подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52-3. С. 161-165.

3. *Гринина Е.С.* Особенности возникновения конфликтов в межличностных отношениях школьников с интеллектуальным недоразвитием // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 51. С. 187-190.

4. *Шипова Л.В.* Формы нарушений поведения у школьников с умственной отсталостью // Научное мнение. 2013. № 11. С. 288-292.

5. *Богданова А.А.* Педагогическая коррекция поведения учащихся с интеллектуальной недостаточностью в процессе обучения : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.03 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2004. 20 с.

УДК 159.97

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

А.В. ШИПОВА

Шипова Алина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологической антропологии Института детства Московского педагогического государственного университета.

E-mail: shipova.alina@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического изучения социально-психологической адаптации подростков с нарушениями зрения в детском интеграционном лагере «Наш дом». Исследование проводилось с помощью методики незаконченных предложений для вожатых лагеря «Ребенок с нарушениями зрения в лагере», беседы с подростками с нарушениями зрения, беседы с родителями подростков с нарушениями зрения и педагогами школы-интерната для слепых и слабовидящих детей.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, подростки с нарушениями зрения, детский лагерь, корчаковский интеграционный лагерь, временное детское объединение.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION TEENAGERS WITH VISUAL IMPAIRMENTS IN THE CONDITIONS OF A TEMPORARY CHILDREN'S ASSOCIATION

L.V. Shipova

Abstract. Results of empirical studying of social and psychological adaptation of teenagers with violations of sight in the children's integration camp Our Home are presented in article. The research was conducted by means of a technique of incomplete offers for leaders of the "Child with Violations of Sight in the Camp" camp, a conversation with teenagers with violations of sight, a conversation with parents of teenagers with violations of sight and teachers of boarding school for blind and visually impaired children.

Key words: social and psychological adaptation, teenagers with sight violations, the children's camp, the korchakovsky integration camp, temporary children's association.

Исследование социально-психологической адаптации подростков с нарушениями зрения в детском лагере имеет важное значение для их успешной интеграции в социум[1], разработки путей формирования позитивной социализации данной категории школьников в условиях временного детского объединения[2]. Исследование проводилось на базе корчаковского интеграционного лагеря «Наш Дом»[3]. Ежегодно в лагерь вместе со здоровыми детьми приезжают дети с нарушениями зрения (слепые и слабовидящие)[4].

В исследовании приняли участие 11 подростков с нарушениями зрения в возрасте 11-15 лет, 32 вожатых лагеря, 9 родителей, 5 учителей и воспитателей школы-интерната для незрячих и слабовидящих детей.

С целью изучения социально-психологической адаптации подростков с нарушениями зрения в корчаковском интеграционном лагере «Наш Дом» были проведены методика незаконченных предложений для вожатых лагеря «Ребенок с нарушением зрения в лагере», беседа с подростками с нарушениями зрения, беседа с их родителями, а также с учителями и воспитателями школы-интерната[5].

Результаты исследования по методике незаконченных предложений для вожатых корчаковского интеграционного лагеря «Наш Дом» «Ребенок с нарушением зрения в лагере» показали, что уровень социально-психологической адаптации слепых и слабовидящих подростков в условиях лагеря в целом зависит «от личности каждого ребенка», от уровня его «социальной смелости», «личностного и интеллектуального развития», от «воспитания и образованности». Как показали ответы вожатых, подростки с нарушениями зрения являются неотъемлемой частью интеграционной системы лагеря «Наш Дом», каждый слепой и слабовидящий, как и нормально развивающийся ребенок, приезжающий в лагерь, – «это индивидуальность, яркая личность со своими взглядами на жизнь», «они учат других и помогают по-новому взглянуть на наш мир».

С самого начала лагерной смены, как отмечается в большинстве ответов, подростки с нарушениями зрения «стеснительны», «с опаской относятся к окружающим», на контакт идут крайне осторожно, инициативы в общении практически не проявляют. Вожатые отмечают, что подростки с нарушениями зрения отличаются от других тем, что у них «особый мир», многие из детей с нарушениями зрения «думают, что зрячие относятся к ним предвзято», «сначала более замкнуты в себе», проявляют меньше инициативы, имеют недостаточное представление о том, как следует вести себя с окружающими, со сверстниками и взрослыми, иногда странно реагируют на высказывания в их адрес. Подростки с нарушениями зрения многого боятся, к примеру, боятся быть непринятыми в компании, остаться незамеченными.

В межличностном общении со взрослыми подростки с нарушениями зрения в лагере обычно ведут себя спокойно и сдержанно, достаточно уверенны и «стараются поддержать разговор, шутят, пытаются чему-то научиться». Со сверстниками, по мнению вожатых, у подростков с нарушениями зрения наблюдаются трудности в общении. Слабовидящие и слепые «чаще пассивно ведут себя, нежели активно», бывают замкнуты, «ощущают, что они другие, отличаются», «с младшими детьми им все же легче, они могут просто вместе смеяться, веселиться и играть, не задумываясь о восприятии их окружающими».

В целом, нормально развивающиеся дети проявляют к слепым и слабовидящим «в большинстве своем тепло и внимание», «заботу, интерес», но иногда бывают и более сложные ситуации, «часто сторонятся, не принимают, хотя очень стараются». Подростки с нарушениями зрения не всегда могут адекватно оценить ситуацию общения, поэтому часто попадают в неловкие ситуации, а зрячие, хоть и стараются, но не всегда готовы помочь, разъяснить непонятное. В ходе анализа результатов исследования выяснилось, что подростки с нарушениями зрения имеют проблемы «с адаптацией в мире лагеря», «в общении со сверстниками», в решении бытовых проблем.

Но не только у детей с нарушениями зрения возникают проблемы в общении со зрячими, вожатые тоже испытывают трудности в работе с детьми с нарушениями зрения. В начале смены, когда вожатые узнают, что в их «лагерной семье» будет ребенок с нарушениями зрения, у них появляются следующие опасения, «что где-то будет сложнее, кому-то нужно будет уделять особое внимание», не хватит опыта работы.

В работе с подростками с нарушениями зрения вожатых беспокоит то, что часто не хватает времени на индивидуальную работу, «их видение мира, их проблемы и страхи», «их взаимодействие с другими детьми, иногда они ставят барьеры в общении, зрячие часто боятся подходить к ним», «что окружающие люди часто относятся к таким детям предвзято, и это, несомненно, влияет на самих слепых и слабовидящих не совсем благоприятно, еще беспокоит то, что они очень редко высказывают свое отношение к каким-либо ситуациям, поэтому очень сложно, не имея речевого подкрепления, понять настроение ребенка, узнать, как он себя чувствует».

В общении со слепыми и слабовидящими вожатые стараются приблизить их к адекватному восприятию происходящего вокруг, научить их чему-то новому, рассказать то, что им, возможно, никто до этого не рассказывал, интересуются у них тем, как они живут, что им интересно, а что вызывает затруднения.

Исходя из анализа полученных результатов, можно сделать вывод, что самым важным в работе со слепыми и слабовидящими детьми для вожатых лагеря «Наш Дом» является «дать понять им, что мы абсолютно равны», «радость в том, что твоя работа (помощь) была не просто так, а ты помог ребенку», «чтобы они чувствовали себя частью лагерной семьи, им было комфортно, и другие ребята с ними общались», «начальные стадии общения», «чтобы ребёнок с нарушениями зрения ощутил те же приятные чувства, какие ощущает в лагере другой ребёнок, а главное, чтобы ощутил себя нужным, принятым и любимым», «чтобы ребенок не чувствовал, что он особенный, чтобы научился не бояться быть активным в общении с семьей и с другими ребятами лагеря», «чтобы другие дети воспринимали ребенка с нарушениями зрения не как «обузу» и человека, за которым нужно следить и постоянно помогать, а как друга, собеседника и просто человека, такого же, как и окружающие».

Слепым и слабовидящим подросткам интересно, когда они «узнают что-то новое», «быть вместе с другими, общаться», «когда их слушают, когда им что-то рассказывают, когда они занимаются интересным делом, могут кого-то чему-то научить или просто показать свои таланты», «диалог с интересующими их людьми», часто им очень нравятся «многие мероприятия, когда у них есть возможность сыграть какую-то роль, поучаствовать не как зритель».

Подростки с нарушениями зрения проявляют свои творческие возможности в разных сферах деятельности, но бывает и так, что они вообще не проявляют инициативы, предпочитая просто «отмалчиваться». Вожатые считают, что детям с нарушениями зрения не хватает «внимания, тепла, заботы», «помощи, ласки, иногда твердости», «смелости начать общение первыми, опыта взаимодействия, уверенности, что их в лагере примут», «веры в их силы», «родительского более мягкого или более жесткого воспитания, очень не хватает умения самостоятельно ориентироваться в пространстве лагеря и вообще по жизни, проявлять инициативу во всех сферах жизни лагеря».

Беседа с детьми с нарушениями зрения была направлена на выявление их адаптации в лагере, личностных качеств, особенностей общения со взрослыми, сверстниками и младшими детьми с нормальным психическим развитием. Анализ беседы с подростками с нарушениями зрения позволил выявить, что вначале лагерной смены почти все опрашиваемые немного стесняются сверстников, не могут с легкостью познакомиться, сразу наладить контакт, у них возникают трудности с размещением своих вещей, выбором спального места и ориентацией в корпусе.

Дети с нарушениями зрения отмечают, что знакомиться с семьей совсем несложно, потому что в основном сверстники сами проявляют инициативу в общении. Также в этом охотно помогают вожатые, проводя в первый вечер обязательную «Семейную свечку», где все имеют возможность немного рассказать о себе и узнать, о других. Обычно на таких семейных вечерах дети находят общие интересы и завязывают новые знакомства. Конечно, подросткам с нарушениями зрения непросто найти общий язык сразу со всеми, но все же для них этот опыт общения очень важен, и он значительно шире, чем их возможный круг общения в условиях школы и дома. Лишь немногие слабовидящие и слепые дети выступают в качестве инициаторов общения, хотя за время пребывания в лагере они становятся все более инициативными и самостоятельными и вполне могут сами подойти к человеку, который им интересен и познакомиться с ним.

О мероприятиях в лагере подростки с нарушениями зрения в своих беседах рассказывали с удовольствием, отмечали, что в лагере им интересно, выделяли «Семейные свечки», где дети имеют возможность поближе познакомиться со своей семьей, рассказать, что с ними происходило в прошедший день, поделиться впечатлениями и эмоциями, поиграть в семейные игры, а также «Общелагерные свечки», где дети рассказывают стихи, поют все

вместе лагерные песни, слушают рассказы о Я. Корчаке. Также подростки с радостью говорили о ежедневном общелагерном сборе, где все стоят в кругу, обнявшись, и поют любимые песни. Самыми интересными мероприятиями дети с нарушениями зрения назвали «Ярмарку», «Презентацию семей», «День Любви», «День Ангела», «День рождения «Нашего Дома».

Кроме бесед с подростками нарушениями зрения была проведена беседа с их родителями, направленная на выяснение изменений, которые произошли с ребенком в лагере, после лагерной смены, изменений в личностном развитии, в общем эмоциональном состоянии ребенка, в общении с родственниками. Родители отмечают, что после пребывания в лагере дети берут на себя больше инициативы в уборке по дому, начинают выполнять обязанности по дому, которые раньше им были несвойственны. Родители говорят, что дети становятся более ласковые, послушные, легче идут с родителями на контакт, больше начинают рассказывать, больше доверяют. В общении с одноклассниками и учителями, как отмечают родители, «видно, что ребенок повзрослел», учителя стали доверять ему более серьезные дела, с одноклассниками «ребенок начал чувствовать себя более уверенно, защищенно», опираясь на опыт общения в коллективе зрячих.

В основном у слабовидящих и слепых возникают проблемы с установлением долговременных дружеских отношений. Это связано с ограничением доступа к сети Интернет, неумением пользоваться мобильным телефоном. Родители отмечают, что у детей появляется в лагере много интересных знакомых и даже друзей, но, как правило, общение ограничивается только условиями лагеря. Родители говорили, что дети становятся более самостоятельными по возвращении из лагеря, у них появляется целеустремленность, повышается уровень их бытовой и социальной адаптации. Дети стали более инициативными, самостоятельными, у них повысился уровень бытовой адаптации, они белее охотно стали выполнять поручения. Они стали лучше ориентироваться в незнакомом пространстве.

После окончания лагерной смены была проведена беседа с воспитателями и учителями подростков с нарушениями зрения, направленная на выявление динамики развития детей после пребывания в лагере. Все педагоги отметили, что подростки с нарушениями зрения значительно изменились по возвращении из лагеря. Подростки стали более самостоятельными, им можно с легкостью доверить более серьезное поручение. Подростки начинают проявлять инициативу в оказании помощи взрослым. Учителя отмечают развитие творческих возможностей детей, расширение их интересов. Подростки по возвращении из лагеря становятся спокойнее, у них меньше стало проявлений обиды, раздражительности. Важным является то, что у детей отмечается повышение уровня социально-бытовой и пространственной ориентировки. Подростки начали увереннее себя чувствовать в классе, проявляют инициативу в общении, им нравится рассказывать о лагере, делиться впечатлениями с одноклассниками и друзьями. Дети начинают понимать, что они могут быть интересны сверстникам. Это важно, потому что в основном в условиях классного коллектива школы для слепых и слабовидящих детей оценка личности подростка происходит лишь по его учебной успеваемости, что негативно влияет на эмоциональное состояние детей с низкой успеваемостью. После пребывания в лагере детям становится легче самостоятельно выстраивать общение, они быстрее находят контакт со сверстниками.

Все учителя и воспитатели говорят о значимости пребывания ребенка с нарушением зрения в детском интеграционном лагере, так как считают, что это очень важно для развития личности и познавательной сферы детей с нарушениями зрения, для их социальной адаптации, развития навыков самообслуживания, повышения уровня самостоятельности, решения проблем в общении со сверстниками. Важным для развития психики подростков с нарушениями зрения учителя считают интеграционную среду лагеря, в которой ребенок может почувствовать себя нужным и важным для общества нормально развивающихся людей.

После завершения лагерной смены подростки высказывали желание повторно приехать в лагерь, они стали активнее общаться между собой в социальных сетях, вступили в Интернет-

сообщество «Лагерь «Наш Дом». Вожатые отметили высокую активность подростков в общении с ними после окончания лагерной смены. Родители говорили, что подростки стали более ответственными, энергичными, общительными, стали более активно участвовать во внеклассной и внешкольной работе. Родители подростков с нарушениями зрения обратили внимание на то, что после лагерной смены слепые и слабовидящие дети стали более активными, самостоятельными, инициативными, у них расширились интересы. Учителя и воспитатели школы-интерната отметили, что подростки чаще стали участвовать в воспитательных делах, демонстрировать уверенность в собственных силах, у них повысилась самооценка, стали разнообразными интересы, они более свободно вступают в контакт как с людьми с нарушениями зрения, так и со зрячими, у них вырос уровень социально-бытовой ориентировки.

Список использованной литературы и источников:

1. *Шипова Л.В., Гринина Е.С.* Реабилитация, абилитация и социализация: междисциплинарный подход (итоги всероссийской конференции) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 4. С. 376-379.

2. *Шипова А.В.* Культурные практики подростков с нарушениями зрения в условиях детского интеграционного лагеря // Качество современного образования: опыт, тенденции развития Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Саратовский областной институт развития образования; под общ. ред. И.М. Ильковской. 2016. С. 160-169.

3. *Demakova I.D., Valeeva R.A., Shipova A.V.* SOCIALIZATION OF ADOLESCENTS: CULTURAL PRACTICES IN CHILDREN'S SUMMER CAMP // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. № 7. С. 1631-1640.

4. *Демакова И.Д., Бородина А.А., Кажевина Ю.И., Киржой Е.В.* Международный интеграционный корчаковский лагерь «Наш Дом» // Народное образование. 2011. № 3. С. 246-254.

5. *Шипова А.В.* Подростки с нарушением зрения в интеграционной среде лагеря «Наш Дом» // Проблемы инклюзивного образования с учетом реализации ФГОС. сборник статей II Международной научно-практической конференции. Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. 2016. С. 91-96.

УДК 373

ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Т.И. КИСЕЛЁВА, И.В. КОШКИНА

Киселёва Татьяна Ивановна, директор МОУ «СОШ № 70», г. Саратов.
E-mail: kafpndo@mail.ru
Кошкина Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры методологии образования факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: kafpndo@mail.ru

Аннотация: Изложены результаты исследования по вовлечению младших школьников во внеурочную деятельность. Показаны формы и методы работы учителя начальных классов во внеурочной деятельности с целью развития познавательных интересов и формирования ситуации успешности в учебной деятельности детей из малоимущих семей и этнического меньшинства Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке (n= 120 семей, 7-11 лет;) с применением диагностического инструментария: социальный опрос, изучение документации. Установлены причины трудностей адаптации к школе, проблемы общении со сверстниками, трудности в овладении содержанием образования. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в организации внеурочной деятельности в начальной школе.

Ключевые слова: дифференциация, внеурочная деятельность, внеклассная работа, педагогическое сопровождение.

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN AS A TOOL OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE CHILD IN CONDITIONS OF SOCIAL INEQUALITY

T.I. Kiseleva, I.V. Koshkina

Abstract. The results of the study on the involvement of younger students in extracurricular activities. Forms and methods of work of the primary school teacher in extracurricular activities for the purpose of development of cognitive interests and formation of a situation of success in educational activity of children from poor families and ethnic minority are shown results of the empirical research executed on a sample (n= 120 families, 7-11 years;) with application of diagnostic tools are Presented: social poll, studying of documentation. The reasons of difficulties of adaptation to school, problems of communication with peers, difficulties in mastering the content of education are established. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the organization of extracurricular activities in primary school.

Key words: differentiation, extracurricular activities, extracurricular activities, pedagogical support.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важных проблем современного воспитания является социальное неравенство в детских учебных организациях. Особенно заметно оно проявляется в массовой школе. Это

обусловлено различием в отношении родителей из разных социальных слоев к учёбе своих детей; доходом и размером семьи и ее структурой; положением ребенка в семье; развитием языковых способностей обучающихся и особенностями многонационального контингента школы. Всё это неизбежно отражается на успеваемости и личностных взаимодействиях обучающихся со сверстниками, учителями и близкими. Если к низкому материальному достатку семьи, малообразованности родителей добавляется пренебрежительное отношение сверстников из благополучных семей, а помощь со стороны учителя и администрации отсутствует, то ребенок считает себя изгоем, теряет веру в свои способности и отказывается учиться. Проблема усугубляется ещё и тем, что большинство детей из малоимущих семей являются представителями этнического меньшинства.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Анализ научной литературы показал, что проблема социального неравенства волнует как отечественных, так и зарубежных учёных. Таких, как: И.С. Бессарабова, Л.Н. Доброхотова, О.Н. Замятина, У.И. Ибрагимова, Н.С. Расторгуева, М.В. Собко, Н. Бартли, Дж. Брунер, Р. Гесс и В. Шипмэн, Дж. Коулмэн, Дж. Козол, Г. Коль, Дж. Конант, М. Хэррингтон, Э. Кэмпбелл, К. Гобсон, Дж. Мак Портлэнд, А. Муд, Ф. Вайнфельд, Р.Йорк и д.р. Так, изучая социокультурные факторы неравенства в образовании, Замятина О.Н. делает вывод, что "образование является основным механизмом сохранения социального неравенства в обществе, а следовательно, и самого общества"[1]. Исследования американских учёных по сравнению интеллектуального развития детей из разных слоев общества доказали, что в отличие от своих сверстников из более обеспеченных семей, учащиеся из менее обеспеченных семей не получают достаточного образования.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для МОУ «СОШ № 70» города Саратова проблема социального неравенства особенно актуальна:

- контингент обучающихся школы состоит из более 25 разных национальностей (русские, украинцы, белорусы, таджики, узбеки, армяне, азербайджанцы, курды, татары, мордва, марийцы, удмурты, чуваши, татары, казахи, грузины, башкиры и т.д.). При этом только 30 % обучающихся – русские.
- 60% обучающихся из малообеспеченных семей;
- более 70% семей обучающихся являются многодетными (от 3 до 8 детей);
- около 20% семей обучающихся не имеют российского гражданства, а следовательно не могут получать меры социальной поддержки населения;
- 15% обучающихся разговаривают дома только на своём национальном языке, т.к. родители (чаще всего мамы) совершенно не владеют русским языком, а следовательно и не могут оказать должного контроля за учёбой детей. Часто дети или другие родственники выступают переводчиками в беседах классного руководителя с родителями или администрацией школы.
- только 10 % родителей обучающихся имеют высшее образование.

Кроме того, в непосредственной близости от школы расположен Лицей гуманитарных наук, в котором обучаются дети из более обеспеченных семей.

Всё это ставит перед педагогами и психологами школы важную задачу: помочь детям из социально незащищённых слоёв населения реализовать свои потенциальные возможности, таланты и освободиться от самоугнетения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Соглашаясь с мнением многих учёных, что одним из способов решения данной проблемы является дифференциация образования, в МОУ "СОШ № 70" для детей, испытывающих трудности в обучении и освоении русского языка проводятся:

- дополнительные занятия по предметам;

- консультации для родителей;

- помощь психолога;

- индивидуальный подход, учитывающий национальные, этнические и культурные особенности обучающихся;

- введён курс "Изучение русского языка как иностранного". Занятия такого курса посещают не только дети, но и родители.

- привлечение детей в роли помощников-консультантов, которые объясняют или проверяют выполнение задания. Было отмечено, что при усвоении произносительных норм часто детский контакт на уроке обеспечивает лучший результат, чем аналогичный контакт с учителем[4].

Получение в МОУ «СОШ № 70» образования в форме экстерната позволяет сдать ЕГЭ и получить аттестат гражданам всех возрастов, не имеющим среднего образования.

Вместе с тем действенным инструментом педагогического сопровождения ребенка в условиях социального неравенства мы считаем внеурочную деятельность. В соответствии с требованиями ФГОС внеурочная деятельность входит в образовательную программу школы.

Вовлечение детей в разнообразную кружковую деятельность по интересам повышает самооценку, развивает уверенность в своих способностях, способствует формированию коммуникативных навыков.

С этой целью в МОУ «СОШ № 70» организовано множество кружков и спортивных секций разного направления: настольный теннис, футбол, баскетбол, дартс, ушу, кикбоксинг, танцевальная студия «Фантазия», вокальный ансамбль «Гармония», научное общество обучающихся «Начало», клуб журналистов «Диалог», кружок авиамоделирования и т.д. Среди старшеклассников очень популярно военно-патриотическое направление. В школе созданы: Отряд юных помощников полиции «БАРС», отряд «Расковцы». Девочки «Расковцы» участвуют в парадах, занимают призовые места на конкурсах Строя и песни, полевых сборах и соревнованиях разного уровня.

Традиционно в школе проводится Фестиваль национальных искусств, на котором каждый класс представляет одну национальность и рассказывает о её особенностях и традициях. На таком фестивале выступают и целые семьи, демонстрируя национальные танцы, язык и обычаи своего народа. На протяжении десяти лет фестиваль стал таким популярным, что вырос до районного, а затем и городского масштаба.

Несмотря на большую работу, проводимую школой, задача педагогического сопровождения ребенка в условиях социального неравенства остается открытой для теоретического осмысления и экспериментального исследования. На наш взгляд, начинать работу в этом направлении следует в младшем школьном возрасте, когда у ребёнка только начинают формироваться отношения с одноклассниками. При этом очень важным является наличие игры, которая способствует развитию коммуникативных умений, обеспечивает последовательное и системное ознакомление учащихся с нормами общения, увлекает, позволяет проявить свои способности и стирает границы между детьми. Кроме того в играх разной подвижности дети могут реализовать свою двигательную потребность.

Поэтому с целью педагогического сопровождения младших школьников в условиях социального неравенства, нами была разработана программа внеурочной деятельности «Квест вокруг нас». Занятия курса построены в форме интеллектуальных квестов.

Понятие квест (от английского «quest» - поиск, игра-загадка) обозначает целенаправленный поиск информации для решения проблемы или выполнения задания. Интеллектуальный квест - система заданий, направленных на развитие продуктивного мышления с целью познания социальной действительности в условиях ограничения времени и образовательного пространства[3].

Такая форма проведения занятий выбрана не случайно:

- квесты очень популярны среди школьников и молодёжи;

- они дают возможность детям раскрыть свои таланты, показать эрудицию, проявить находчивость и испытать радость победы. При этом в отличие от предметных олимпиад и

научных конференций квест позволяет превратить серьезную интеллектуальную деятельность в игру, в увлекательное состязание, в праздник.

- квесты, предлагаемые для школьников в интернете, являются платными, а следовательно ограничивают доступ всем желающим.

Практика использования интеллектуальных квестов во внеклассной работе обучающихся сегодня довольно широка. Однако, на наш взгляд, данная технология с младшими школьниками используется не в полной мере: применяется без особой систематичности, обычно носит периодичный характер, что не позволяет в полной мере использовать возможности развития позитивных мотивов учебной деятельности; формирования положительного отношения к учению, интереса к предметам, способности к самооценке, самоопределению, самореализации (личностные УУД); развития умения принимать и сохранять учебную задачу, самостоятельно планировать свои действия, осуществлять итоговый и пошаговый контроль, самостоятельно вносить коррективы в действия, критически оценивать себя и окружающих (регулятивные УУД); развития умения анализировать, сопоставлять, исследовать скрытые причины явлений; развития воображения, внимания, памяти, речи, мышления, рефлексии, творческих способностей, умения оперировать логическими приёмами анализа, сравнения, классификации, работать с информацией, устанавливать причинно-следственные связи (познавательных УУД); развитие коммуникативных УУД: контролировать действия партнёра, уважать мнение участников игры, согласовывать действия, приходить к общему решению, учитывать разные мнения.

Цель курса: формирование интеллектуальных умений, связанных с выбором алгоритма действия; формирование коммуникативных навыков.

Задачи курса:

1) развитие познавательной активности и самостоятельной мыслительной деятельности учащихся;

2) развитие мышления в процессе формирования основных приемов мыслетельной деятельности: анализа, синтеза, сравнения, обобщения, классификации, умение выделять главное, доказывать и опровергать, делать несложные выводы;

3) развитие языковой культуры и формирование речевых умений: четко и ясно излагать свои мысли, давать определения понятиям, строить умозаключения, аргументировано доказывать свою точку зрения[5];

4) развитие благоприятного микроклимата, дружеских отношений между одноклассниками.

Предлагаемый курс рассчитан на внеурочную работу с детьми в начальной школе общеинтеллектуального направления. Экспериментальная работа проводилась в 4 классе МОУ «СОШ № 70» города Саратова в 2017-2018 учебном году.

В курсе «Квест вокруг нас» занятия проводятся 1 раз в неделю длительностью 45 минут. Программа рассчитана на 34 часа в год. Для организации квестов обучающиеся делятся на команды. Каждой команде дается маршрутный лист с указанием станций (станций должно быть больше, чем команд) в виде кабинетов на их этаже, при прохождении которых нужно выполнить определенное задание. Станции могут носить, например, такие названия: «Чудеса в природе» (прочитав текст, ученики должны найти в нём все необычные явления), «Удивительное рядом» (выполнить задание на сообразительность и эрудицию), «Математическая карусель» (задания могут предложить подсчитать количество комнатных цветов в коридоре, умножить на количество воды, потребляемое каждым цветком (данные содержатся в кейсе)), «В гостях у сказки» (выполнить задание на построение порядка событий в какой-либо сказке или вспомнить названия сказок со сказочными героями – котами или медведями и т.д.)

Для помощи при проведении занятий, мы привлекали волонтёров-старшеклассников. Они распределялись по станциям и получали инструкции по организации и оцениванию заданий. Если задание выполнено неверно, ученики не получают «ключ» и должны найти и исправить свои ошибки. Побеждает команда, которая преодолеет все препятствия (пройдёт

станции) быстрее. При необходимости, обучающиеся могут находить необходимую информацию в интернете, словарях или справочниках.

Посещение данного курса вызвало большой интерес со стороны обучающихся и их родителей. Количество участников никогда не было менее 20 человек. Уже к концу 1 четверти дети так увлеклись интеллектуальными квестами, что стали готовить и предлагать для них задания сами. Следует отметить, что проведённые занятия отразились на качестве знаний учеников экспериментального класса, получили одобрение и положительные отзывы со стороны родителей, способствовали развитию благоприятного микроклимата, среди обучающихся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, данное исследование позволило сделать вывод, что организация интересной внеурочной работы способствует развитию познавательных интересов, формированию дружеских отношений среди одноклассников, вызывает чувство уверенности в своих силах, что особенно важно для детей из социально незащищённых слоёв населения.

Список использованной литературы и источников:

1. *Замятина О.Н.* Образование как фактор социального неравенства в обществе // Вестник Барнаульского юридического института МВД России.-2016. - № 2 – С. 33-34.

2. *Ибрагимова У.И., Расторгуева Н.С., Собко М.В.* Социальное неравенство в России: современные тенденции // Молодой ученый. - 2015. - №18. - С. 263-269. - URL https://moluch.ru/archive/98/22009/ (дата обращения: 19.02.2018).

3. *Киселёва Т.И., Кошкина И.В.* Интеллектуальные квесты как креативная педагогическая технология внеурочной деятельности младших школьников// Сборник статей Международной научно-практической конференции «Саморазвитие в педагогике и психологии» – Волгоград: Омега сайнс, 2018. – 266 с.

4. *Киселёва Т.И., Кошкина И.В*. Особенности межкультурной адаптации иракских детей в российской образовательной среде //Этнокультурное образование в современном мире: Сб. науч. статей по материалам Всероссийской очно-заочной научно-методической конференции "Этнокультурное образование в современном мире"./ Науч. ред. Е.А. Александрова; ред.-сост. И.В. Кошкина. – М.: Издательство «Перо», 2017. – 880 с. [Электронное издание] ISBN 978-5-906961-68-6 с. 303-307.

5. *Киселёва Т.И., Кошкина И.В.* Особенности организации метапредметного курса внеурочной деятельности в начальной школе// Новая наука: проблемы и перспективы . 2017. – С. 21-27.

УДК 316.4

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЁЖИ НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.В. САЙГАНОВА, А.Т. БЕСПАЛОВ

Сайганова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Беспалов Алексей Тимофеевич, студент кафедры социологии молодежи социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: bespalov000108@gmail.com

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности развития и выявления интеллектуальной и одаренной молодежи на территории региона. Основные направления в региональной молодежной политике, целенаправленные программы для одаренной молодежи в рамках молодежной политики. Сегодня очень важно обратить внимание на интеллектуально одаренную молодежь и проводить мероприятия, направленные на стимулирование к участию в конкурсах. Развитие и финансирование мероприятий для одаренной молодежи с каждым годом улучшается и совершенствуется как в муниципальных центрах, так и в регионе.

Ключевые слова: молодежь, одаренность, программы, поддержка, молодежная политика.

THE EFFICIENCY AND SPECIFICITY OF IDENTIFYING INTELLECTUALLY GIFTED CHILDREN UNDER THE STATE SUPPORT OF TALENTED YOUTH ON THE TERRITORY OF SARATOV REGION

E.V. Saiganova, A.T. Bespalov

Abstract. This article discusses the features of the development and identification of intellectual and gifted youth in the region. The main directions in the regional youth policy, targeted programs for gifted youth in the framework of youth policy. Today it is very important to pay attention to the intellectual gifted youth and to carry out the actions directed on stimulation to participation in competitions. The development and financing of activities for gifted young people is improving and improving every year both in municipal centers and in the region.

Key words: youth, talent, programs, support, youth policy.

В связи с изменениями и новыми тенденциями инновационного развития нашего общества, одним из основных направлений в современной молодежной политики является формирование интеллектуальных, одаренных и творческих молодых людей нового поколения. Талантливая молодежь – это важнейший стратегический ресурс развития страны, которая способна реализовать яркие и интересные проекты. Молодежная политика на территории Саратовской области осуществляется в соответствии с федеральным и региональным законодательством[1]. В Саратовской области количество молодых людей составляет около 20,3 % от общей численности населения – 525 539 человек в возрасте от 14 до 30 лет, из них: 51% – это мужчины (267363 человек), 49 % – женщины (258176 человек)[2]. Для сравнения, в 2015 г.– 504 841 человека[3].

В 2016 году Министерством молодежной политики и спорта области совместно с администрациями муниципальных районов, образовательными и молодежными общественными организациями области проведено более 16 тыс. мероприятий всероссийского, регионального и муниципального уровней различной направленности с охватом более 470 тыс. молодых людей (в 2015 г. – 9100 мероприятий, охват 352 тыс. человек). Наиболее активными в реализации молодежной политики являются Энгельсский, Марксовский, Балаковский, Балашовский, Пугачевский муниципальные районы, ЗАТО «Светлый» и город Саратов[4].

В целях поддержки одаренных детей Саратовской области в 2017 году проведены следующие мероприятия[4]:

- организован региональный этап всероссийской олимпиады школьников по 16 предметам, в котором приняли участие 1306 учащихся общеобразовательных организаций области, победителями и призерами стали 283 учащихся, которые награждены поощрительными грамотами;

- организована летняя школа «Созвездие» по естественно-научному, физико-математическому и гуманитарному циклам предметов, в которой приняли участие 100 одаренных учащихся; приобретены упаковочные коробочки для Почетного знака Губернатора области «За отличие в учебе» для выпускников общеобразовательных организаций области;

- организована поездка 72 детей из числа воспитанников детских домов, интернатных учреждений, детей погибших военнослужащих, победителей конкурсов и спортивных соревнований и 17 сопровождающих в г. Москву на всероссийскую новогоднюю елку с экскурсией в Измайловский Кремль;

- проведен региональный этап Всероссийских спортивных игр школьников «Президентские спортивные игры», в которых приняли участие 6 команд-школ, ставших победителями в зональном этапе соревнований «Президентские спортивные игры» из г. Аткарска, г. Балашова, г. Вольска, г. Пугачева, г. Энгельса, г. Саратова. Победителями регионального этапа в общем зачете по всем видам программы стали: I место – МОУ – Лицей № 2 г. Саратова, II место – МОУ «СОШ № 3 г. Аткарска Саратовской области», III место – МБОУ «СОШ № 1» Энгельсского муниципального района. Команда учащихся 6 класса средней школы с. Новая Порубежка Пугачевского района заняла II место среди команд сельских школ;

- обеспечено участие 48 учащихся и 16 сопровождающих из г. Саратова и г. Балаково в заключительном этапе всероссийской олимпиады школьников по 16 предметам, проведенном в 12 городах Российской Федерации. Победителями заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников стали 2 учащихся, призерами – 12 учащихся. Обеспечено участие обучающихся в XVII Всероссийской командной олимпиаде школьников по информатике и программированию в г. Санкт-Петербург;

- проведен очный этап XX международного интеллект фестиваля «Политика вокруг нас», в котором принимали участие более 200 учащихся из 23 муниципальных районов области и города Саратова, города Уральска Республики Казахстан, Королевства Марокко, Республики Маврикия, в целях выявления одарённых детей, занимающихся исследовательской деятельностью в области гуманитарных наук. Участникам выданы свидетельства об участии в мероприятии, победители, занявшие призовые места, награждены дипломами министерства образования области;

- обеспечена разработка олимпиадных заданий по 16 предметам для проведения муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников 7-11 классов (в рамках текущей деятельности министерства образования области).

В ходе реализации подпрограммы «Поддержка одаренных детей Саратовской области» не удалось обеспечить выполнение целевых показателей[4]:

- «количество участников муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников, выполнявших работы по единым заданиям повышенной сложности (с 7 по 11 классы)» составил 23 981 чел. (план – 24 950 чел.). В связи с уменьшением количества участников школьного этапа олимпиады, набравших необходимое для участия в муниципальном этапе олимпиады количество баллов, установленное организатором муниципального этапа Всероссийской олимпиады;

«количество одаренных детей в областной летней школе, учебно- тренировочных сборах, школе интеллектуального роста по физико- математическому, естественнонаучному, гуманитарному циклам предметов» составил 100 чел. (план – 120 чел.) в связи с недостаточным объемом финансирования. Достигнутые результаты реализации подпрограммы «Поддержка одаренных детей Саратовской области», полнота использования бюджетных средств, предусмотренных на ее реализацию, и полнота реализации мероприятий в соответствии с утвержденной методикой оценки эффективности позволяют в целом признать хорошую степень эффективности реализации данной программы. С каждым годом происходит увеличение участников в олимпиадах, направления на выявление творческих и интеллектуальных одаренных детей в нашем регионе получает широкое развитие. Проведенное исследование эффективности реализации программ и государственной поддержки талантливой молодёжи в Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы:

1. В Российской Федерации доля молодого населения составляет 21,5% от общей численности населения, 525 тысяч из которых, приходится на Саратовскую область. Как

известно, молодёжь - это наиболее активная и динамично развивающаяся категория граждан, многие ученые-социологи говорят, что от молодежи зависит будущее страны и не вызывает сомнения тот факт, что поддержка молодёжных инициатив, проектов и программ это важная составляющая для воспитания конкурентоспособного и социально-активного молодого человека. Государство принимает меры по поддержке молодежи в данном направлении на разных уровнях власти, при этом эффективность реализации упомянутого направления зависит так же от всех уровней власти.

2. Молодежь - это потенциал любого государства. Чем инициативнее и активнее молодежь, тем сильнее государство в будущем. Следовательно, развитие молодежной политики играет важную роль в современном обществе. За последние годы количество молодежи, приходящей на смену взрослым и экономически активным людям очень сильно снижается, что в дальнейшем, скорее всего, может привести к понижению поступлений в федеральный бюджет и значительному старению населения. Снижение поступлений в федеральный бюджет приведет к плохому развитию социальной сферы и снижению множества показателей обеспеченности населения. Чтобы избежать в дальнейшем негативных последствий, необходимо тщательное регулирование молодежной политики на всех уровнях, а также создание необходимых условий для дальнейшего развития демографической политики.

3. Одной из главных задач государственной молодёжной политики в России, является развитие талантов новых поколений и сохранение их на родине. Чтобы из настоящего поколения молодёжи выросли успешные и умные взрослые люди, патриоты России, которые останутся в стране и будут участвовать в ее развитии вперед. Кроме того, должна существовать система отбора наиболее одарённых и активных молодых людей, которые предлагают свои проекты, и поддерживать их развитие.

Таким образом, сегодня в России необходимо создать эффективную систему выявления и поддержки одарённых детей и молодых талантов, которая объединит интересы государства, общества и бизнеса. Эта система создаст условия для развития способностей молодёжи независимо от места жительства, социального положения и финансовых возможностей семьи. Данная система должна строиться на механизмах отбора молодых талантов в школах, их сопровождения в образовательных организациях высшего образования и последующего трудоустройства в российских компаниях.

Список использованной литературы и источников:

1. Закон Саратовской области № 94-ЗСО от 09.10.2006 «О молодежной политике в Саратовской области» (с изменениями на 1 августа 2013 года) // URL: http://docs.cntd.ru/document/933009041 (дата обращения: 16.01.2018).

2. Постановление Правительства Саратовской области от 08.08.2006 № 240-П «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи Саратовской области» (с изменениями на 11 августа 2014 года) // URL: http://docs.cntd.ru/document/933008928 (дата обращения: 16.01.2018).

3. Министерство молодежной политики и спорта Саратовской области// официальный сайт http://sport.saratov.gov.ru/ministerstvo/informacija-o-tekushhej-dejatelnosti

4. Информация об основных результатах реализации молодежной политики в Саратовской области за 2016 год // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.srd.ru/documents/analytics/infomolpolit2016.pdf (дата обращения: 13.01.2018).

УДК316.35

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

Т.М. БАЛАНДИНА, А.М. ПИХТЕЛЁВ

Баландина Таисия Михайловна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, философии, политологии и социологии Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

E-mail: balandinatm@gmail.com

Пихтелёв Алексей Михайлович, адъюнкт, кафедра гуманитарных и социальных наук, Саратовского военного ордена Жукова Краснознамённого института войск национальной гвардии Российской Федерации.

E-mail: pikhtelev.a@bk.ru

Аннотация: В статье проведен анализ основных сущностных характеристик социального неравенства военнослужащих. Автором определены основные причины социальной нестабильности в военных организациях, дана общая оценка социального неравенства военнослужащих.

Ключевые слова: Социальное неравенство, социальные теории, социальная структура, социологический анализ, общество.

SOCIAL INEQUALITY IN SOLDIERS 'MILITARY

T.M. Balandina, A.M. Pikhtelev

Abstract. The article analyzes the main essential characteristics of the social inequality of military servicemen. The author identifies the main causes of social instability in military organizations and provides a general assessment of the social inequality of servicemen.

Key words: Social inequality, social theories, social structure, sociological analysis, society.

На современном этапе развития российского общества повышается качество жизни военнослужащих. При этом сохраняется неравенство отдельных групп военнослужащих, вызванное различием их военно-профессионального потенциала, занимаемых должностей, уровня карьерного роста. В новых условиях необходимо не только методологически обосновать исследование социальных проблем военнослужащих, но и уточнить объективные предпосылки социального неравенства в их среде, выявить направления совершенствования социальной защиты различных групп военнослужащих.

Социальное неравенство – это форма дифференциации общества, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей[1].Человек, живя в обществе, имеет неравный доступ как к материальным, так и духовным благам. В этом и заключается основная причина социального неравенства.

Размышляя о сущности социального неравенства, необходимо отметить, что социальное неравенство является составляющей общества. Во все времена не существовало общества, где не было бы социального неравенства. Одновременно в рамках отдельных организационных общественных подструктур (в том числе и военных) также проявляется факты коллективного социального неравенства. С социологической точки зрения под воинским коллективом следует понимать не только организационное системное образование

в результате взаимоотношений людей, занимающихся совместной деятельностью, но и различные военно-профессиональные группы по статусу, доходам, властным полномочиям. Другими словами воинский коллектив − это социальная система, характеризующаяся профессиональным объединением людей различного статуса, занимающихся деятельностью, направленной на защиту и оборону страны. В различных военных профессиональных групп имеются специфические характеристики неравенства. Иерархия в военной организации определяет социальное неравенство внутри воинских коллективов. Военнослужащие в армии не только находятся на различных ступенях военной иерархической лестницы, но и имеют разный социально-экономический статус. Группы военнослужащих имеют разный доступ к материальным и духовным благам.

Таким образом, как и любому гражданскому институту, военному тоже присуще социальное неравенство. Как известно, военная организация входит в структуру, которая имеет свою иерархичность. Данная иерархия как раз то и деффиринцирует военные организации. Субъектом военной организации является военнослужащий. Иерархичность среди военнослужащих заключается в разделении их на категории по воинским званиям и занимаемым должностям, что определяет различие их доходов. Сделано это прежде всего с целью эффективного управления войсками и успешного выполнения ими поставленных задач.

Суть социального неравенства в воинском коллективе заключается в разделении военнослужащих по доходам. Единственным доходом военнослужащих является их денежное довольствие (заработная плата). Например, у некоторых категорий военнослужащих доход соответствует среднему классу населения России, где доход на одного человека составляет от 27000 до 78000 рублей. В то же время есть группы военнослужащих доходы которых находятся на уровне бедности (от 9489 до 20000 рублей).

Рассмотрим данное обстоятельство на примере солдат (матросов), сержантов, старшин, прапорщиков (мичманов) контрактной службы и офицерского состава на должностях до командира роты включительно. Согласно Федерального закона № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 7 ноября 2011 года и Постановления Правительства РФ № 1598 «О повышении денежного довольствия военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти» от 21 декабря 2017 года, денежное довольствие военнослужащих складывается главным образом из окладов по воинским званиям и воинским должностям плюс дополнительные выплаты. В нашем анализе денежное довольствие военнослужащих будем рассматривать без учета дополнительных выплат. Данные денежного довольствия приведены в таблицах 1 и 2.

Исходя из данных таблиц и путем не сложных арифметических сложений, сравним денежное довольствие солдат (матросов), сержантов, старшин, прапорщиков (мичманов) контрактной службы и офицеров. Например, у рядового контрактной службы на должности стрелка (1 тарифный разряд), денежное довольствие с учетом 13 % налогового вычета составляет 13572 рубля.

Таблица 1

Размеры месячных окладов в соответствии с присвоенными воинскими званиями военнослужащих, проходящих военную службу по контракту

Воинские звания	Размеры окладов по воинским званиям, руб.
Рядовой, матрос	5200
Ефрейтор, старший матрос	5720
Младший сержант, старшина второй статьи	6240
Сержант, старшина первой статьи	6760
Старший сержант, главный старшина	7280

Старшина, главный корабельный старшина	7800
Прапорщик, мичман	8320
Старший прапорщик, старший мичман	8840
Младший лейтенант	9880
Лейтенант	10400
Старший лейтенант	10920
Капитан, капитан-лейтенант	11440
Майор, капитан 3 ранга	11960
Подполковник, капитан 2 ранга	12480
Полковник, капитан 1 ранга	13520
Генерал-майор, контр-адмирал	20800
Генерал-лейтенант, вице-адмирал	22880
Генерал-полковник, адмирал	26000
Генерал армии, адмирал флота	28080
Маршал Российской Федерации	31200

Таблица 2

Перечень тарифных разрядов по штатным воинским должностям военнослужащих, проходящих военную службу по контракту

Тарифные разряды по штатным воинским должностям	Наименование типовых (нетиповых) воинских должностей	Размеры окладов по воинским должностям, руб.
Воинские должности, подлежащие замещению солдатами, матросами, сержантами, старшинами, прапорщиками и мичманами, проходящими военную службу по контракту		
1	Первичные воинские должности солдат и матросов: стрелок, маскировщик, дорожник	10400
2	Пулеметчик, снайпер	11440
3	Старший сапер, старший гранатометчик	12480
4	Командир танка, начальник автодрома, начальник бюро пропусков	13520
5	Командир отделения в мотострелковом (танковом) взводе	15600
6	Фельдшер, начальник полигона	16640
7	Заместитель командира взвода	17680
8	Переводчик, помощник дежурного по командному пункту	18200
9	Старшина (батальона, дивизиона, роты, батареи), старший техник	18720
Воинские должности, подлежащие замещению офицерами		

10	Командир мотострелкового (танкового) взвода	20800
11	Инженер в управлении мотострелкового (танкового) батальона	21320
12	Заместитель командира мотострелковой (танковой) роты	21840
13	Старший офицер в управлении мотострелкового (танкового) полка	22360
14	Командир мотострелковой (танковой) роты, зенитно-ракетной батареи	22880

При этом у лейтенанта, командира взвода (10 тарифный разряд), денежное довольствие составляет 27144 рубля. Из анализа денежного довольствия двух категорий военнослужащих следует, что наши предположения по поводу существования в воинском коллективе бедного и среднего класса полностью оправдываются.

Главным образом, такая иерархическая структура по категориям военнослужащих в армии отражает специфику возлагаемых профессиональных задач, а также занимаемых воинских должностей. Офицерский состав в вопросах военной деятельности наиболее подготовлен и компетентен, в отличие от солдат (матросов), сержантов, старшин, прапорщиков (мичманов) контрактной службы. Еще одно обстоятельство это ответственность офицерского состава и их образование. По нашему мнению, такая разница в доходах между рассматриваемыми категориями, вызвана еще и количественным соотношением офицеров и солдат (матросов), сержантов, старшин, прапорщиков (мичманов) контрактной службы. Так как офицерский состав в армии в разы меньше, чем солдатский и сержантский. Этим и обусловлена разница в доходах между офицерами, а также солдатами (матросами), сержантами, старшинами, прапорщиками (мичманами) контрактной службы.

Рассмотрим денежное довольствие военнослужащих армии США, представленные в официальных источниках[2]. Например, новобранец при устройстве на военную службу получает приличный гонорар, который составляет от 10 до 30 тыс. долларов. Рядовой-рекрут в первые четыре месяца будет получать 1294 долларов, затем 1399 долларов. По нынешнему курсу доллара это составляет порядка 75-80 тыс. рублей. У офицера в воинском звании лейтенант денежное довольствие колеблется от 4100 до 4880 долларов, в переводе на наши деньги это составляет от 220 до 264 тыс. рублей. Для анализа необходимо учитывать размер подоходного налога, который в США колеблется от 10 до 39,6% в зависимости от штата. Эти цифры для наших военнослужащих являются космическими. Тем не менее рядовой состав армии США по уровню доходов относится к среднему классу, в отличии от рядового состава контрактной службы армии России. Печально констатировать соответствующие негативные факты. По нашему мнению, представленная проблема обусловлена прежде всего размером военного бюджета, у России он почти в 9 раз меньше, чем у США.

Воинский труд как американского, так и российского военнослужащего связан с риском для жизни акторов. Поэтому в российской армии должна быть в перспективе создана такая система оплаты воинского труда, благодаря которой наши военнослужащие имели бы хороший стимул в доблестном выполнении воинского долга и достойный уровень жизни.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что неравенство является одной из социальных проблем общества. Социальное неравенство необходимо анализировать как показатель общественной структуры. По своей природе социальное неравенство является формой неравного взаимоотношения между людьми и профессиональными группами людей. Социальное неравенство многолико и может проявляться в различных военных организациях.

По сути, социальное неравенство для военной организации является неотъемлемой частью его существования. При этом не должно существовать такой существенной разницы в оплате воинского труда военнослужащих России и других развитых государств. При сохранении общих принципов неравенства в военных организациях России, сохранении профессиональной субординации, важно обеспечивать общий рост доходов и сглаживание противоречий социально-экономического неравенства. В перспективе современная военная организации должна формировать условия не только для поэтапного и стабильного роста денежного довольствия военнослужащих, но и существенно усиливать систему социальной защиты военнослужащих и членов их семей. Социальная защита в новых условиях призвана не только обеспечивать официально установленные и юридически фиксируемые социальные гарантии, льготы, права военнослужащего, но и создавать условия сглаживания неравенства в военной организации, формировать равные предпосылки расширенного воспроизводства человеческого потенциала членов его семьи.

Список использованной литературы и источников:

1. *Воскобойников А.Э.* Солидарное противостояние насилию и агрессивности // Политика и общество. 2012. №7.

2. Сколько платит Америка своим солдатам и генералам?, URL: https://www.samara.kp.ru/daily/24482.3/638343/ (дата обращения 03.04.2018 г.).

УДК 316.35

ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В СОЦИУМЕ

Ю.Г. БЫЧЕНКО, М.К. МАГОМЕДОВ

Быченко Юрий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации.

E-mail: bychenkoug@gmail.com

Магомедов Магомед Камилович, адъюнкт, кафедра гуманитарных и социальных наук, Саратовского военного ордена Жукова Краснознамённого института войск национальной гвардии Российской Федерации.

E-mail: mk.desperado@mail.ru

Аннотация: В статье представлены основные принципы этнического неравенства в обществе, обоснована связь этнического неравенства и стратификационной структуры социума. Автором выделены определяющие факторы этнического неравенства в обществе и причины их возникновения.

Ключевые слова: социальное неравенство, этническое неравенство, социальная структура, стратификация, социум, этническая группа.

FACTORS OF ETHNIC INEQUALITY IN SOCIUM

Y.G. Bychenko, M.K. Magomedov

Abstract. The article considers the basic ideas of the device stratification structure of society. The author identifies the determinants of ethnic inequality in society and the reasons for their occurrence.

Key words: social inequality, ethnic inequality, social structure, stratification, socium, ethnic group, factors.

Социальное неравенство представляет собой важнейшую проблему не только общества в целом, но и его отдельных социальных институтов. Неравенство определяется как универсальный фактор развития социума на макро-, региональном, а также микроуровнях. В то же время неравенство порождает социальные противоречия развития. Оно приводит к развитию социальных конфликтов, росту политических споров, увеличению риска этнических противоречий, повышению криминальной напряженности в обществе. Поэтому в новых условиях возрастает актуальность исследования проблемы неравенства вообще, а также этнического неравенства в частности.

Проблема неравенства в истории человечества имеет такое же далекое прошлое, как и возникновение первого общества. На протяжении всего общественного развития несправедливость, порождаемая неравенством, становилась причиной многих восстаний (73 год до н.э. восстание рабов под предводительством Спартака в Римской Республике), революций (Великая французская революция, прошедшая под девизом «Свобода, равенство, братство» 14 июля 1789 г.), войн (Национально-освободительная война в Ливии против колониального правительства фашистской Италии с 1923 – 1932 гг.). Философы путем переосмысления прошлого исторического опыта и осознания моральной и нравственной противоестественности угнетения одним человеком другого пытались найти выход, формулируя новые учения и утопическое видение будущего («Государство» Платона, «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, учение К. Маркса). Однако, не смотря на все усилия, неравенство остается суровой реальностью любого социума. Во всем многообразии форм неравенств в обществе, основным является социальное неравенство. Различные формы неравенства раскрываются исходя их содержательных основ социальное неравенство. Последнее необходимо определять как способ разграничения, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей[1].

Несложно заметить, что социальное неравенство в целом как и этническое неравенство в частности имеют связь и зависимость с такими явлениями как «социальная структура», «этническая стратификация» и ее соотношение с «социальной стратификацией».

Понятие «социальная структура» впервые в социологической науке использовал еще Г. Спенсер. Социальная структура понимается как относительно взаимное расположение человека и группы в социуме, а также прочные и повторяющиеся формы взаимоотношений и связей на уровне межличностного и межгруппового общения. Социальная структура – это своего рода каркас социума, который придает групповому опыту организованность, целенаправленность и регламентированность поведения (законы, традиции и обычаи). Вышесказанное подтверждает Т. Парсонс, указав, что социальная структура, в сущности, нормативна и состоит из упорядоченных моделей нормативного поведения (образцы поведения), обладающих определенным постоянством, устойчивостью и обеспечивающих единообразие общественной жизни[2]. В виде главного элемента социальный структуры традиционно рассматривается статус – социальное положение в обществе.

В отечественной социологии принято выделять следующие составные элементы социальной структуры общества: социальные слои, классы и группы; социальные организации и институты; комплекс функционально взаимосвязанных социальных ролей и статусов; совокупность групп и институтов, взаимосвязанных между собой и отношения между ними.

Этническое неравенство взаимосвязано и зависимо с проблемой «социальной стратификации». Анализ данной категории осуществляли Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, К. Маркс и Т. Парсонс. Последние придерживались позиции системного ранжирования отношений в обществе. Также немалый вклад в формирование теории этнического неравенства внесли идеи стратификации М. Вебера и социального конфликта Р. Дарендорфа.

Понятие «стратификация» имеет латинское происхождение (stratum – слой и fasio – делаю). П. Сорокин под социальной стратификацией понимал разграничение индивидов на классы в иерархическом ранге, имеющее свое выражение в существовании высших и низших

слоев[3]. Социальная структура представляет собой структуру организованного неравенства, в которой индивиды и группы получают различную долю ценных ресурсов социума. Это неравенство относительно устойчиво в течение продолжительного промежутка времени и формирует социальные классы. Оценка причин неравенства и попытка найти связь неравенства и стратификации были предметом исследования многих ученых.

Этническая стратификация, как разновидность стратификации, является системой иерархически выстроенного социального неравенства. Подавляющее большинство полиэтнических образований имеют структурно ранжированное устройство национальных групп. В таких обществах одна этническая группа концентрирует в своих руках властные и материальные ресурсы и присваивает возможность формировать приемлемый для себя формат этнических отношений.

Иерархическое положение этнической группы находится в прямой зависимости от близости к доминирующей группе в культурном отношении, по внешним антропологическим показателям и наличием родственного архетипа. Этнические группы близкие к доминирующей группе занимают более высокое иерархическое положение в обществе. Этнические образования, отличающиеся в большей степени, довольствуются нижними уровнями иерархической системы общества.

Таким образом, этническая стратификация общества – это система иерархического выстраивания групп, взаимодействие которых осуществляется по принципу доминирования/подчинения. Этническое неравенство характеризует отличие статусных отношений национальных групп, характеризующийся различием позиций одной из них по отношению к другим. Данная форма неравенства может рассматриваться на формальном и неформальном уровнях. Именно преимущественное положение одной национальной группы над другой порождает противоречия этнического неравенства. На этническое неравенство в социуме влияют экономические, политические (властные), статусные и культурные факторы.

Экономический фактор этнического неравенства обусловлен различными условиями жизни этносов, низко и высоко урбанизированными территориями и особенностями хозяйственно-культурной деятельности. Национально-территориальные регионы в рамках одного государства могут отличаться хозяйственно-экономическим потенциалом территорий в силу климатических и природных условий, доступом к недрам и другим природным ресурсам, а также человеческим и кадровым потенциалом. Разница в показателях вышеперечисленных критериев показывает экономическое положение этноса, проживающего на данной территории.

Сфера организации труда также заключает в себе предпосылки этнического неравенства. Отсутствие экономического потенциала национально-территориального региона провоцирует деградацию образования и отсутствие подготовки высококвалифицированных специалистов, а также миграцию трудоспособного населения в экономически благоприятные регионы, где в итоге возникает напряжение на рынке труда.

Во многих полиэтнических обществах происходит разделение труда по этническому принципу между национальными группами. Закрепляя за собой ряд социальных ниш и монополизируя профессии, этнические группы, находящиеся на более высоком иерархическом уровне социальной структуры, фиксируя за собой более высокооплачиваемые и высококвалифицированные профессии и отрасли экономических систем[4].

При рассмотрении политического (властного) фактора неравенства необходимо отметить, что любая форма стратификации базируется на власти. Определяя различие уровня образования, рода деятельности и благосостояния этнических групп.

Власть господствующей этнической группы заключается не только во власти силы, а в способности выдвигать и отстаивать идеологию, направленную на легитимизацию системы созданного неравенства. Для эффективного подчинения системе других этнических групп в долгосрочный период времени недостаточно одной грубой силы. Для сохранения системы управления правительством и другими властными институтами господствующей группы, необходимо легитимизировать власть менее репрессивным методом, тем самым добиваясь от

иных этнических групп уважения и преданности. Формируя в социуме мнение справедливого распределения материальных благ и власти, достигается устойчивость системы неравенства в обществе.

Иерархическое ранжирование групп в социуме подразумевает наличие четко выраженных границ между этносами. Для представителей этноса принадлежность к группе – это статус, который присваивается каждому члену группы при рождении и в процессе жизни обычно не изменяется[5]. В ходе социализации в семье и этнической группе у индивида формируется этническое сознание (авто - и гетеростереотипы), создавая предпосылки для обострения конкуренции между группами. Во многих полиэтнических образованиях прослеживается взаимосвязь между этнической принадлежностью к этносу и определенному социальному классу. Этническая принадлежность индивида играет огромную роль в распределении социальных благ и тем самым влияет на их классовое и экономическое положение.

Атрибуты принадлежности к определенному социальному классу (благосостояние, род занятий, образование, доход) связаны тесно с национальной принадлежностью[5]. Классовое положение индивида, принадлежащего к господствующей этнической группе, является основным критерием определения престижа, благосостояния и власти. И в рамках данной системы отношений складывается ситуация, когда для представителей доминирующей этнической группы не существует этнического фактора как преграды для движения вверх по социальной лестнице. Чего не скажешь о представителях других этнических групп, находящихся на нижних ступенях иерархической лестницы общества.

Доминирующая этническая группа, располагая политической и экономической властью, осуществляет и культурную экспансию, прививая обществу те культурные нормы и ценности, носителями которых является сама. Происходит процесс внедрения своих норм и ценностей в такие аспекты культуры, как экономическая идеология, политическая практика, язык и религиозные ценности. Тем самым подразумевается усвоение идеалов, традиций и обычаев доминирующей этнической группы другими этническими образованиями.

Рассмотрев основные положения о структуре общества и этнической стратификации, мы выделили основные факторы этнического неравенства в обществе. Решение проблемы этнического неравенства в социуме, не смотря на свою долгую историю, так и не увенчалась успехом. Проблема заключается в самой структуре иерархического устройства общества, наличия множеств социальных ролей и статусов, имеющих под собой сложные социально-экономические основы. Это связано и со сплетением вышеуказанных факторов между собой. Решение проблемы неравенства требует сложного комплексного подхода на основе формирования социальной политики равенства и справедливости, удовлетворяющих чаяния и надежды всех членов полиэтнического общества.

Список использованной литературы и источников:

1. *Воскобойников А.Э.* Солидарное противостояние насилию и агрессивности // Политика и общество. 2012. № 7

2. *Парсонс Т.* Новый аналитический подход к теории социальной структуры // Социальная стратификация. Вып. 2. М.: РАН, 1992.

3. *Сорокин П.* Система социологии. М., 1993. Т. 2.

4. *Климин Д.Ю.* Этнополитические конфликты: теоретико-методологические подходы // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. Т. 149. Кн. 3.

5. *Лихоманова Л.Ф.* Этническая стратификация в полиэтнических обществах // Управленческое консультирование. 2012. № 3.

УДК 316.35

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТРУДОВОЙ КОНФЛИКТ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

П.Ю. КУЛАГИНА

Кулагина Полина Юрьевна, аспирант кафедры социологии молодежи социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail:kulaginapyu@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются трудовые конфликты социально-экономического типа, выявляется его сущность, содержание, формы внешнего проявления. Доказывается, что в современных условиях необходимо применить современные технологии регулирования социально-экономических трудовых конфликтов: формирование демократического стиля управления, развитие лидерского стиля коллективного взаимодействия, конструирование практик профессиональной адаптации и перспективной мотивации труда работников.

Ключевые слова: социально-экономические трудовые конфликты, мотивации труда, профессиональная адаптация.

SOCIAL AND ECONOMIC LABOUR CONFLICT AS SOCIOLOGY OBJECT OF RESEARCH

P.Yu. Kulagina

Abstract. In article the labor conflicts of social and economic type are researched, its entity, contents, forms of external manifestation comes to light. It is proved that in the modern conditions it is necessary to apply the modern technologies of regulation of the social and economic labor conflicts: formation of democratic management style, development of leader style of collective interaction, constructioning practician of professional adaptation and perspective motivation of labour of workers.

Key words: social and economic labor conflicts, motivations of work, professional adaptation.

Трудовые конфликты в современных условиях выступают органическим элементом процесса развития хозяйственной организации и могут исследоваться только в рамках выявления специфики их модернизации. Трудовые конфликты возникают в процессе саморегуляции организации, перехода от неэффективных устаревших практик организации хозяйственной деятельности, к новым, наиболее оптимальным проектам современности. Поэтому трудовой конфликт необходимо рассматривать как объективное явление, являющееся источником социально-экономического роста, а также фактор конструктивного трудового потенциала. В то же время, являясь важным элементом и результатом организационного развития, трудовые конфликты могут дестабилизировать социально-экономический процесс при условии, если в организации отсутствует система диагностики социально-экономических трудовых конфликтов. Когда своевременно не выявляются этапы его развития, не разрабатываются эффективные профилактические проекты.

Одновременно необходимо отметить, что в современных научных источниках осуществляется исследование только трудовых конфликтов в целом, не представляется их дифференциация, не обосновывается содержание социально-экономической формы проявления. Имеется дефицит теоретических разработок по проблеме социально-экономического трудового конфликта, отсутствуют обоснования и практические разработки направленные на формирование технологий оценки различных форм трудовых конфликтов. Не осуществляются проекты эффективного разрешения трудовых конфликтов социально-экономического типа в системе хозяйственных организаций России.

Поэтому в современных условиях создана необходимость исследовать содержание трудовых конфликтов социально-экономического типа, выявить формы внешнего проявления.

В научной литературе представляется ряд определений трудовых конфликтов. В обобщенном контексте трудовой конфликт характеризуется как предельная практика обострения «экономических, организационно-управленческих и психологических противоречий»[1]. Всякий трудовой конфликт выражается в споре и противоборстве акторов трудовой деятельности.

По сути, трудовой конфликт можно рассматривать как рост противоположности взглядов, спора и проявление борьбы трудовых акторов за экономические, материальные ценности и ресурсы. Данная борьба может проявляться как в организационной, управленческой, социально-психологической, так и в социально-экономической форме. Большая часть противоречий, определяющих трудовые конфликты, обусловлены функционированием социально-экономической системы организации. Трудовые конфликты формирующиеся в социально-экономической системе организации необходимо называть социально-экономическими трудовыми конфликтами. В рамках социально-экономической системы организации акторы являются одновременно и субъектами труда и потребителями социально-экономических услуг. В рамках данной системы работникам нормируют, начисляют и выдают заработную плату, предоставляют определенные возможности трудового взаимодействия, оказывают услуги по профессиональному обучению, питанию, отдыху, обеспечивают удовлетворение функциональных и развивающих трудовых потребностей.

Социально-экономические трудовые конфликты обостряются в результате нарушения норм справедливости в социально-экономической системе трудового взаимодействия акторов[2]. При нарушения норм «справедливости» проявляются диспропорции как социально-экономических так и социально-трудовые отношений хозяйственной организации.

Таким образом, социально-экономические трудовые конфликты возникают по причине рассогласованности трудовых отношений, неэффективности технологий нормирования и начисления заработной платы, возникновения противоречий связанных с не востребованностью труда части работников, отсутствием справедливой оценки трудовой деятельности работников, необоснованным понижением уровня жизни семьи работников. Социально-экономические трудовые конфликты как правило представляют собой внешнее проявление социально-экономических противоречий организации. Последние пронизывают не только социально-экономическую, но и многие другие сферы деятельности хозяйственной организации. Они проявляются на всех уровнях социально-экономических отношений - от распределение фонда заработной платы, до трудовых споров, противостояния между работками, управляющими и собственниками организации.

По сути, социально-экономические трудовые конфликты – это конфликты в социально-экономической системе организации. Под социально-экономическим трудовым конфликтом необходимо понимать противоборство, конфликтное взаимодействие субъектов социально-трудовых отношений организации вызванное реальным или предполагаемым нарушением социально-экономических **прав** одного из акторов труда, его ущемлением с различных сторон администрацией или собственником. По сути, социально-экономический трудовой конфликт - это процесс столкновения социально-экономических интересов, позиций, оценок между группами собственников, менеджмента и непосредственных работников. Данный конфликт является результатом нарушения законодательно установленных социально-экономических норм, правил, процедур трудового поведения, а также не выполнения ранее разработанных и принятых внутриорганизационных социально-экономических обязательств. Несложно заметить, что в любом социально-экономическом трудовом конфликте присутствует экономическая составляющая.

Одновременно необходимо отметить, что в целом «социально-экономический конфликт» - это более широкое понятие чем «социально-экономический трудовой конфликт». Социально-экономический конфликт включает в себя не только совокупность социально-экономических отношений отдельных организаций, но и общества в целом. Данная категория

дополнительно отражает проблемы проявляющиеся далеко за пределами отдельных организационных структур, таких как: выплата пособий, стипендий, инвестирование деятельности образовательных и культурных учреждений, инвалидов, поддержание социальной инфраструктуры, финансовая поддержка бюджетных организаций и т.д. Также социально-экономические конфликты может отражать споры в сфере социального воспроизводства, обмена, потребления и распределения общественных благ, ресурсов, ценностей. При этом общим интегральным фактором всякого социально-экономического конфликта (в том числе и социально-экономического трудового конфликта) является недостаток экономических ресурсов в обществе и отдельной организации, а также социально-экономическая неэффективность организации труда.

Поэтому предметом социально-экономического трудового конфликта является определенная экономическая проблема, ради решение которой различные трудовые акторы вступают в социально-экономического борьбу. Объектом социально-экономического трудового конфликта являются финансы, статичные денежные ресурсы, продолжительность рабочего дня, заработная плата, то есть все, что в той или иной степени имеет отношение к социально-экономической системе организации.

Условно можно выделить две формы проявления социально-экономических трудовых конфликтов.

1. Социально-экономический трудовой конфликт между владельцами и работниками. Это проявление социально-экономических противоречий, как результат противодействия интересов владельца, а также отдельных профессиональных групп работников. Владельцы как собственники организации несут ответственность за установление регламента и социально необходимого уровня оплаты трудовой деятельности, норм и принципов организации труда, форм и методов контроля, порядка принятия и выполнения основных разделов коллективного трудового договора, соглашения социально-экономических взаимодействий в организации.

Таким образом, на данном уровне имеется особенность проявления социально-экономических трудовых конфликтов, а именно: 1) проявление противоречий связанных с низким уровнем оплаты труда (ее несоответствие социальным нормам); 2) несвоевременным начислением или задержкой заработной платы; 3) несоответствием законодательным нормам условий трудовой деятельности, отказом владельцев выполнять обязательства; 4) неэффективным стилем стратегического управления организацией; 5) коммуникационными диспропорциями вертикального типа; 6) дестабилизацией труда в организации, социально неоправданным или незаконным сокращением и увольнением работников.

2. Социально-экономический трудовой конфликт между управляющими и непосредственными работниками. Это проявление социально-экономических противоречий, как результат противодействия интересов управляющих, а также отдельных профессиональных групп работников. На практике данная форма конфликта связана с установлением новых или трансформацией старых организационных условий трудовой деятельности, которые по тем или иным причинам на данный момент не являются законодательно урегулированными. Данный уровень социально-экономических трудовых конфликтов как правило разрешается в рамках самой организации и не является предметом судебного разбирательства. При эффективной административной системе данные конфликты разрешаются администрацией с привлечением профсоюзных, а также иных общественных организаций.

Таким образом, на данном уровне социально-экономические трудовые конфликты проявляются в виде противоречий связанных с недолжной организацией труда, отказом реализации норм социальной защиты, диспропорциями в распределении премиальных фондов, несоответствием необходимым требованиям стиля тактического управления организацией, нарушениями коммуникаций горизонтального типа, разрушении установленных правил и процедур реализации труда в организации.

На основе данного методологического подхода можно представить формы внешнего проявления социально-экономических трудовых конфликтов в современной организации.

1. Снижение интенсивности, эффективности, а также качества функционирования организации. Чаще всего современные социально-экономические трудовые конфликты проявляются в латентной форме. Такой формой трудовых конфликтов в России является низкая самоотдача сотрудников (как способ протеста). В целом это обусловлено хозяйственной культурой, сложившейся в России и менталитетом. По причине своей скрытности рассматриваемый феномен сложно поддается изучению, поэтому нет конкретных результатов, оценивающих потери организаций (финансовые, временные или человеческие) от такого рода конфликтов.

2. Обострение служебно-трудовых интриг. Служебно-трудовые интриги определяют процессы манипуляции работниками, которая формирует условия столкновения между собой различных профессиональных групп тружеников, для достижения собственных целей, получения дополнительных ресурсов, обеспечения условий удовлетворения личных потребности как результата роста социально-экономической неопределенности в организации. Акторы, создающие интриги, осуществляют деятельность обеспечивающую им получение собственной выгоды, радость при наличии ущерба собственной трудовой организации. Так как большая часть работников руководствуется своими интересами, их амбиции связаны с личной неприязнью. При этом внешне они стараются прикрыться организационными целями, интересами, новыми технологическими целями и другими обстоятельствами, которые якобы принуждают их к таким действиям.

3. Рост деловых конфликтов общения. Данные конфликты повседневно формируются в процессе реализации трудовой деятельности работников. Практики по данным конфликтам вызваны с одной стороны повышением общей социально-экономической напряженности в организации, нарушением технологических алгоритмов при выполнении трудовых задач, исполнении должностных процедур и обязанностей.

4. Формирование социально-экономических условий и предпосылок развития забастовочных практик в организации. "Забастовка" происходит от итальянского слово сочетания "баста работа". Последнее переводится как призыв к остановке работы. В Российской Федерации забастовку прописывают как временный добровольный частичный отказ сотрудников от исполнения свои трудовые задачи и обязанностей или полная остановка трудовых процессов в целях решения коллективных противоречий, разрешения противостояния трудового спора.

5. Применение технологий локаута. Последние отражают деятельность работодателя в целях оказания давления на работников организации. Технологии локаута, прежде всего связаны с коллективным, поэтапным или одновременным увольнением акторов организации в результате временной приостановки ее функционирования.

Таким образом, в современных условиях активно развиваются социально-экономические трудовые конфликты. Данные конфликты характеризуют конфликтное взаимодействие субъектов социально-трудовых отношений организации: владельцами, управляющими и работниками. Осуществляются данные конфликты как процесс столкновения социально-экономических интересов данных субъектов. Из всех форм конфликтов, социально-экономические трудовые конфликты наиболее стихийны, поэтому сложно поддаются оценки, диагностики, регуляции. Последнее приводит к снижению интенсивности, эффективности, качества трудовых процессов, активизации служебно-трудовых интриг, росту деловых конфликтов общения. В результате формируются социально-экономических условий и предпосылок развития забастовочных практик, а в противовес последним применение работодателем технологий локаута.

Для того, чтобы обеспечить условия эффективного регулирования социально-экономических трудовых конфликтов необходимо использовать такие рычаги, как формирование демократического стиля управления, развитие лидерского стиля коллективного взаимодействия, конструировать практики профессиональной адаптации и перспективной мотивации труда работников, проектирование и поддержка инновационной организационной культуры.

Список использованной литературы и источников:

1. *Таскаев Г.С.* Социально-трудовой конфликт на предприятии: экономико-социологический анализ: диссертация … уч. степени канд. социол. наук: 22.00.03 Москва, 2008. – 184 с.
2. *Соловьев А.В.* Преодоление трудовых конфликтов коллективного характера. Монография: в 2-х ч. – РАПС, 2008. – 428 с.

УДК 316.34

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ А.В.КУЛИКОВА, В.М. МИХАЙЛОВА

Куликова Александра Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

E-mail: kulikova-alex@yandex.ru

Михайлова Вероника Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

E-mail: mihaylovav.v@yandex.ru

Аннотация. В статье образовательные стратегии рассматриваются как определенный индикатор качества жизни домохозяйств. При этом образование детей и инвестиции в образование выступают как одна из активных стратегий повышения качества жизни, в том числе и малообеспеченных семей. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного ИСПЭН РАН. Исследование посвящено изучению пробелам социального неравенства, условий и качества жизни домохозяйств (n=1951 человек из 715 домохозяйств).

Ключевые слова: образование, образовательные стратегии, социальное неравенство, качество жизни, уровень жизни, бедность, преодоление социального неравенства.

EDUCATIONAL STRATEGIES AND QUALITY OF LIFE

A.V. Kulikova, V.V. Mikhailova

Abstract. The article presents educational strategies as an indicator of households' life quality. Child education and investments in education are active strategies of life quality improvement, for poor families in particular. The presented results are based on the survey of households in Taganrog, conducted by the Institute of Social and Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS) (n=1951).

Key words: education, educational strategies, quality of life, social stratification, social inequality, standard of living, poverty, overcoming social inequality.

Один из подходов, определяющих качество жизни, основан на использовании показателей условий жизни (доступность образования и медицинских услуг, труд и его оплата, проведение досуга, жилищные и бытовые условия и т.д.) – и показателей удовлетворенности этими условиями[1,2]. На наш взгляд особенно актуально применение данного подхода, как одного из способов оценки уровня и качества жизни семей с несовершеннолетними детьми. Такие семьи – особая социальная группа, в сравнении с другими домохозяйствами, поскольку

они наиболее уязвимы в связи с повышенной иждивенческой нагрузкой и обладают потенциальным риском бедности[3]. При этом может возрастать социальная активность таких семей по преодолению бедности. Одной форм такой активности являются образовательные стратегии и инвестирование в образование детей.

Большая доступность и широта выбора образовательных услуг для детей сегодня дает возможность семьям с любым доходом и качеством жизни подобрать соответствующий своим потребностям и возможностям вариант образовательной стратегии. Однако именно большая доступность такого многообразия образовательных услуг для детей из обеспеченных семей делает скорость их развития и мобильность недосягаемой для детей из малообеспеченных и бедных семей.

В настоящее время существуют две точки зрения на роль образования, как одного из определяющих факторов социально-экономического положения семьи. Ряд исследователей утверждает, что современное «образование утратило свою функцию в обеспечении социальной мобильности, а в ряде случаев оно начинает служить инструментом создания и воспроизводства культурных и социальных барьеров между различными социальными группами»[4].

Традиционно образование, его уровень, доступность и качество, это один из элементов ресурсного потенциала общества. При этом среди малообеспеченных и бедных семей преобладают люди с невысоким уровнем образования. Получение высшего образования как одна из образовательных стратегий может стать неким гарантом обеспеченности и повышения качества жизни в будущем. Мы понимаем, как правило, чем выше уровень обеспеченности семей, тем выше возможности выстраивать различные образовательные стратегии. Уровень доходов определяет образовательные возможности детей.

Так, для детей из малообеспеченных семей практически закрыт доступ в гимназии, лицеи или школы с лучшими условиями из-за отсутствия социальных связей их родителей, материальных средств на вступительный взнос и более низкий уровень подготовки. Эти дети практически не представлены среди учеников языковых и математических школ. По результатам исследования НИУ ВШЭ сегодня продолжает развиваться дифференциация между школами по квалификации преподавательского состава, социальному составу учеников, уровню технического оснащения[4]. Анализ показывает, что и социальный состав учеников, и ресурсы школы тесно связаны с учебными достижениями школьников.

Наиболее остро неравенство проявляется в доступности дневного высшего профессионального образования. Оно не доступно молодым людям из малообеспеченных семей, поскольку у родителей нет возможностей компенсировать пробелы школьного образования, оплатить дополнительную подготовку к сдаче ЕГЭ, содержать студента в период его обучения[4]. Таким образом, происходит воспроизводство бедности на протяжении нескольких поколений.

Другая группа исследований образовательных стратегий как инструмента преодоления неравенства и бедности показывает, что, несмотря на очевидность дифференциации в масштабах инвестиций в образование различных социальных слоев общества, показательной является доля расходов на образование относительно душевого дохода. В то время как расходы обеспеченных домохозяйств составляют 150% от расходов бедных, затраты на образование малоимущих и бедных домохозяйств также довольно велики[5]. Получение образования такие семьи рассматривают как способ восходящей мобильности и поэтому готовы делать большой вклад в образование даже за счет ограничения других статей расхода бюджета домохозяйства.

Таким образом, образование детей и расходы на него можно рассматривать как одну из стратегий повышения качества жизни семей. При этом, имея возможность вкладывать финансовые средства в образование, даже в ущерб другим статьям бюджета, семья может оценивать свой уровень благополучия более высоко, чем об этом свидетельствуют объективные характеристики. Мы полагаем, что готовность малоимущих семей вкладывать в образование значительную долю своих довольно ограниченных ресурсов – это способ решить

проблему увеличения потенциальных возможностей и тем самым преодолеть социальное неравенство, повысив социальный статус своих детей.

В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного ИСПЭН РАН. Исследование было посвящено изучению пробелам социального неравенства, условий и качества жизни домохозяйств г.Таганрог. Численность опрошенных – 1951 человек, что составляет 703 домохозяйства.

Доступность образования, в том числе и дошкольного, является важной характеристикой качества жизни населения. Основными характеристиками, описывающими доступность дошкольного образования, для нас стали наличие бесплатных образовательных услуг и развитость сети дошкольных учреждений. В условиях нехватки мест в дошкольных учреждениях возрастает финансовая нагрузка на семьи с детьми младшего возраста: возможность выхода на работу матери откладывается или возникает необходимость платных образовательных услуг (частные детские сады, няни).

По результатам обследования около 30% семей с детьми не посещают дошкольные учреждения. В основном по причине того, что дети слишком малы. Однако 19% домохозяйств указывают на отсутствие мест в муниципальных детских садах. Анализируя результаты обследования домохозяйств, мы видим, что услугами частных детских садов пользуются единицы семей, что косвенно также может указывать на невысокий уровень жизни, поскольку плата в таких учреждениях обычно высока.

Качество образовательных услуг, доступность бесплатных услуг относится к важной характеристике качества жизни семей, поскольку повышает образовательный потенциал детей, возможности социализации, а в конченом счете и конкурентные возможности в дальнейшей жизни.

Население в целом высоко оценивает уровень образования в дошкольных учреждениях: и отношение персонала к детям, его квалификацию, питание, качество обучения. Проблемы связаны с условиями содержания детей: часто садики переполнены, площадь, число и состояние помещений также оставляют желать лучшего. Оценки школьного образования также высоки. Психологический климат – отношение педагогов к учащимся, качество и объем знаний – все это оценивается достаточно хорошо. Как и в случае дошкольных учебных заведений, проблемы в школе связаны с состоянием зданий и классов.

Структура расходов на образование – другая составная часть образовательных стратегий, которая в конченом счете также определяет качество жизни семей. Школьное образование по-прежнему остается для подавляющего большинства семей бесплатным, частные платные школы посещают единицы детей (мы сейчас не говорим о дополнительных расходах, связанных с обучением). Тогда же, как за посещение дошкольных учреждений родителям необходимо вносить плату. При этом траты, связанные с обучением детей в школах, превышают расходы на детские дошкольные учреждения в среднем на 25% (2286 руб. в сравнении с 1692 руб.). При этом самые высокие расходы связаны, конечно, с обучение детей в вузе – в среднем домохозяйство тратит около 3500 рублей в месяц. Расходы, связанные с обучением детей в ССУЗах самые низкие - немногим более 1500 рублей.

При отсутствии официальной платы за обучение детей в школе, семьи несут, как мы видим, ежемесячные расходы. Основная нагрузка на бюджет для большинства связана с некими обязательными платежами: хозяйственные нужды и питание. Для половины семей существует потребность в приобретении учебных материалов, цены на которые ежегодно растут. Потребность в безопасности детей в учебном заведении также часто решается за счет родителей (53%). Для повышения качества образования, развития ребенка, а, в конечном счете, и повышения его конкурентных возможностей, многие семьи вынуждены оплачивать занятия в кружках, секциях, как вне школы, так и при ней (44% и 22% соответственно).

Если рассматривать ежемесячные расходы на образование в зависимости от доходов семей, то сложно четкая закономерность роста расходов с повышением уровня жизни не выявлена. В целом семьи со средним достатком (1,5-2 прожиточных минимума) тратят на образование детей несколько выше, чем в других группах дохода. И в тоже время мы видим,

что профессиональное образование детей для бедных домохозяйств обходится дороже, чем для – малообеспеченных.

Анализируя расходы на образование различных имущественных групп, можно сказать, что по всем статьям, связанным с образованием, бо́льшие затраты несет группа малообеспеченных семей. Интересно, что по мере увеличения дохода уменьшается финансовый вклад семьи в образование. Опираясь на приведенные данные, можно судить о более высокой степени активности малообеспеченных семей (доход 1-1,5 ПМ) по отношению к другим. Очевидно, что бедные семьи (до 1 ПМ) объективно не могут нести существенные финансовые затраты в образовании. Однако и более обеспеченные семьи (более 2 ПМ) демонстрируют меньшую, по отношению к малообеспеченным семьям, активность по отношению к материальным затратам на образование.

Базовое образование, так или иначе, доступно всем категориям семей. Однако дифференциация и социальное неравенство формируется в доступности качественного образования, которое требует существенных инансовых вложений. Инвестиции в образование – это инструмент проектирования будущего детей. При этом необходимость расходов на образование, в том числе и на основное, существенно снижает доступ к качественному образованию детей из бедных семей, воспроизводя существующую систему социального неравенства в обществе. Все виды дополнительного образования на всех его уровнях также является платным. Однако готовность малообеспеченных семей вкладывать в образование детей определенную часть своих ограниченных ресурсов, их активность в вопросах образования достаточно высока. Это свидетельствует о том, что тем сами семьи находят способ увеличить свои потенциальные возможности и повысить качество жизни.

Список использованной литературы и источников:

1. *Варызгина А.А., Кей Р.* Восприятие бедности в малом городе России // Журнал исследований социальной политики. – 2014. – Том 12.– №4. – С.555-569.

2. *Ивашиненко Н.Н., Мигранова Л.А., Теодорович М.Л.* Изучение качества жизни населения как основы социального управления// Народонаселение. –2014. – №1. – С. 101-119.

3. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения. Монография / Под общей редакцией М.Н. Римашевской, Н.Н. Ивашиненко. - Н.Н., Москва, Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И.Лобачевского, 2013г. – 268 с.

4. *Косарецкий С.Г., Пинская М.А., Груничева И.Г.* Проблемы бедности и доступа к образованию. Оценка ситуации в России и международный опыт// Мир России: социология, этнология, культурология.– 2014.– Том 23. –№2. – С. 133-153.

5. *Лежнина Ю.П.* Социально-демографические факторы бедности в современной России / в кн. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. – 304 стр.

УДК 316.244.3

КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Б.Р. МОГИЛЕВИЧ

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: mogilevich@sgu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые социологические подходы к исследованию проблемы социального неравенства. Выделены основные характеристики

глобальной культуры как механизмов снижения коммуникативных рисков и социального неравенства в процессе межкультурной коммуникации. Показана взаимосвязь концептов габитуса, коммуникативного сознания и коммуникативных прескрипций.

Ключевые слова: социальное неравенство, коммуникативные риски, габитус, коммуникативное сознание, прескрипции.

CROSS CULTURAL COMMUNICATION RISCS AS SOCIAL INEQUALITY FACTOR

B.R. Mogilevich

Abstract. The article considers some aspects of social inequality sociological study. The main characteristics of global culture as the means of reducing social inequality and communication risks under cross-cultural communication are singled out. The relationship of the concepts of habitus, communication consciousness and communication prescriptions is shown.

Key words: social inequality, communication risks, habitus, communication consciousness and communication prescriptions.

Социальное неравенство как общественный феномен присуще всем социальным группам, определяя их социальную стратификацию. Оно проявляется в неравном доступе членов общества к социальным благам, будто деньги, власть, образование, сохранение здоровья или престиж. В социологическом дискурсе существуют разные подходы к определению сущности и причин возникновения социального неравенства. Так, сторонники структурно-функциональной методологии трактуют социальное неравенство как социальную необходимость поощрения наиболее важных для социума видов деятельности в рамках различных групп – трудовых, семейных, конфессиональных[1].

Согласно классовой теории К.Маркса, основной причиной возникновения социального неравенства является экономическая организация общества. М.Вебер обращал особое внимание на роль статусных групп как сообществ, пользующихся разными социальными правами, а именно престижем, то есть имеющими разную социальную значимость в морально-ценностой иерархии общества. Он выделил три фактора, определяющих социальное неравенство – богатство, престиж, власть[2].

Современный период мирового развития характеризуется созданием ЕС, открытостью границ, расширением прямых межкультурных контактов (образовательных, творческих, деловых) на межличностном, межгрупповом и межгосударственном уровнях вкупе с небывалым усилением миграционных процессов, что свидетельствует о глобализации как определяющей характеристики социума. Есть все основания говорить о феномене глобальной культуры, включающем следующие компоненты:

- Давосская культура как сообщество транснациональных корпораций;
- глобальная интеллектуальная культура, представленная различными неформальными движениями и организациями (международные гранты в области образования, науки и культуры, благотворительные фонды, институты здорового образа жизни, Гринпис);
- массовая культура как самый активный проводник глобализации, актуализированный в СМИ, Интернете, моде, культуре питания, спортивных мероприятиях и всеобщей коммерциализации искусства.

Именно этот компонент глобальной культуры выполняет основную функцию смягчения и нивелирования социального неравенства, унифицируя жизненный стиль социума в глобальном масштабе[3].

Естественно, что межкультурная коммуникация в настоящее время приобретает особую актуальность и значимость в контексте укрепления культурного плюрализма. Этот феномен предполагает стремление коммуникантов, представителей разных культур, добровольно адаптироваться к «чужой» культуре без отказа от «своей». В процессе межкультурного взаимодействия партнёры вступают в коммуникативные отношения,

имеющие лингвистическую основу. Как социальный конструкт, отражающий развитие социума и конструирующий его, любой язык включает сочетание определённых структур (фонетических, лексических, грамматических, стилистических), используемых для построения текстов (высказываний). Но способ конструирования текстов из лингвистического (языкового) материала осуществляется посредством коммуникативных действий. В этой связи, правомочно говорить об изменении габитусов индивидов как социальных акторов глобального пространства. Габитус представляет собой результат коммуникативного опыта на интерсубъективном, межгрупповом и межгосударственном уровнях в сочетании со спецификой интерпретации получаемой информации[4]. Можно утверждать, что социокультурная специфика коммуникативной деятельности при внутри- и межкультурном взаимодействии определяет особенности разных интерпретаций одной и той же информации представителями разных культур.

В то же время, успех социализации в глобальной действительности в большой степени обусловлен наличием у коммуникантов знаний об особенностях коммуникативного поведения представителей «чужих» культур, что даёт возможность преодоления коммуникативных рисков. Межкультурная специфика коммуникативного поведения обусловлена разницей менталитетов, морально-ценностных и поведенческих моделей, природно-климатическими условиями.

И.А. Стернин выделил концепт коммуникативного сознания как категориальной характеристики норм вербальной и невербальной коммуникации представителей определённой культуры. Функция коммуникативного сознания состоит в конструировании и упорядочивании коммуникативного взаимодействия. Коммуникативное сознание детерминирует процесс становления и укрепления национально-поведенческих стереотипов, а именно: что можно, что нужно и что нельзя делать и говорить в процессе коммуникации. Эти коммуникативные стереотипы / нормы представлены как коммуникативные прескрипции[5]. Например, коммуникативные прескрипции русскоязычной культуры включают обязательное рукопожатие между мужчинами, долгие разговоры по душам. Для англоязычной культуры характерны small talk (непринуждённая беседа), privacy (неприкосновенность частной собственности). Для японской культуры – это саби (уединённое молчание на природе).

Таким образом, непрерывное расширение и ускорение коммуникативных процессов и вовлечение в эту сферу всё большего количества индивидов, групп и стран даёт людям возможности более широкого доступа к общемировым знаниям и технологиям, и, следовательно, к уменьшению социального неравенства. Глобальная коммуникация ускоряет процессы социальной мобильности и даёт возможности расширения спектра социальных лифтов.

Список использованной литературы и источников:

1. *Дюркгейм Э.* Принципы 1789 года и социология // Социологический ежегодник, (Сер. Теория и история социологии), М., 2013. С. 286-293

2. *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Соц. Из., 1994, №5 С. 156

3. *Бергер П.* Культурная динамика глобализации / Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004. 380 с.

4. *Бурдье П.* Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алтейя, 2007. С. 87-96

5. *Стернин И.А.* Язык и национальное сознание // Логос, №4 (49), 2005. С. 140-155.

УДК 314.93

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Н.Р. ПЕТРОВ

Петров Никита Романович, аспирант Саратовского социально-экономического института (филиала) РЭУ имени Г.В. Плеханова.
E-mail:nr_petrov@mail.ru

Аннотация. Изложен процесс социального партнерства при реализации социальной политики. Показано, что социальная проблема является объектом, вокруг которой формируется социальное партнерство, но ее выявления и осознания всеми субъектами не достаточно для возникновения социального партнерства - необходимо не только разделение интересов каждого из возможных партнеров, четкое определение значимости социальной проблемы для каждой стороны, оценка собственных возможностей по решению проблемы, формулирование целей и задач дальнейшей совместной деятельности, а также выработка четких правил действий в процессе сотрудничества и в результате возможные прогнозы ожидаемых эффектов. Установлено партнерство это не только конструктивное сотрудничество между тремя секторами на общественной арене, оно также включает развитие проектной культуры, как сферы для разделения задач и ответственности между партнерами, и именно партнерство способствует расширению поиска новых, альтернативных вариантов решения социальных проблем в который партнеры вовлекают друг друга. Как результат, данное взаимодействие совместными усилиями пытается решить такие социальные проблемы как оказание помощи целевым группам социальной работы, снижение или устранение загрязнения окружающей среды; сохранение культурного и исторического наследия и т.п.
Ключевые слова: социальное партнерство; социальная политика; социальная защита; социум; проблемы развития социального партнерства в России.

SOCIAL PARTNERSHIP AS FORM OF REALIZATION OF SOCIAL POLICY

N.R. Petrov

Abstract. The article presents data of social partnership at realization of social policy is stated. It is shown that social all the problem is to decrease an object which around paternalism is formed budgetary social partnership, budgetary but its identification and understanding search by all subjects is also not enough for activity of emergence social one partnership - it is necessary to make not only division of the budgetary interests of everyone elimination of possible partners, search accurate definition budgetary the importance social is carried out problems for the parties of each party, given assessment own more opportunities according to the decision medical problems, formulation there are the purposes and tasks absence further joint activity of the state and also a problem development of accurate rules accurate actions in the course of identification of cooperation and as a result search possible forecasts elimination of the expected effects. Partnership shelters it is established not only to decrease constructive cooperation the countries between three main sectors on public noncommercial the arena, it local also includes disputable development design western cultures as passivity of the sphere for the partnership given divisions of tasks social and responsibility between one partners, and situation promotes insufficient to search expansion before of new, alternative opportunities of versions of the solution of investment of social problems a basis in which partners involve before the friend socially the friend. As bodies result, the interaction given much joint experience by efforts tries to solve it such the sector social problems as realization assistance to also target groups disputable social work, the guarantor decrease or favorable elimination of pollution to work the environment; before preservation of cultural defines also historical heritage as well etc.
Key words: social partnership; social policy; social protection; society; problems of development of social partnership in Russia.

Становление системы социального партнерства как одной из формы реализации социальной политики достаточно длительный и сложный процесс. Как механизм

регулирования взаимоотношений социальное партнерство получило развитие в середине XX века в ряде европейских стран. Многие европейские государства методом проб и ошибок медленными темпами двигались к созданию целостной системы социального партнерства, как формы цивилизованных общественных отношений, обеспечивающих согласование и защиту интересов различных участников партнерства посредством достижения консенсуса по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития в рамках правового поля. На сегодняшний день наиболее развитая система социального партнерства характерна для таких стран как Германия, Австрия, Швеция. В научных изданиях термин «социальное партнерство» определяется неоднозначно и прежде всего по причине того, что политика социального партнерства не ограничивается только лишь сферой экономических или социально-трудовых отношений. В ее разработке и реализации принимают участие общественные объединения, органы государственного управления и местного самоуправления, коммерческие организации. Объекты социального партнерства это реальное социально-экономическое положение различных социальных групп, слоев, их общественных объединений, органов государственной власти, местного самоуправления на основе договоров, соглашений.

В основе социального партнерства лежит заинтересованность каждой из трех взаимодействующих сторон в поиске путей решения актуальных социальных проблем; объединение усилий и возможностей каждой из сторон в преодолении этих важных проблем, решение которых по одиночке неэффективно; конструктивное сотрудничество между сторонами в разрешении спорных вопросов; стремление к поиску реалистичных решений социальных задач; децентрализация решений, отсутствие государственного патернализма; взаимоприемлемый контроль и учет интересов; правовая обоснованность кооперации, предоставляющая выгодные каждой стороне и обществу в целом условия взаимодействия. В мировой практике государству отводится одна из главных ролей в системе социального партнерства, в силу того что социальная функция является одной из основных функций государства. Государство, беря на себя начальную стадию разработки социальной политики, нормативно-правой базы, формирует и закрепляет основные принципы социального партнерства, определяет характер и общую направленность правового регулирования отношений между субъектами, складывающихся при осуществлении социального диалога выступает в качестве медиатора и гаранта при разрешении различных конфликтов между социальными партнерами. Также нельзя не отметить, что в целях социальной защиты, как механизма реализации социальной политики государством выделяются средства, разрабатываются и реализуются социально значимые целевые программы, однако любых усилий только одного государства будет недостаточно (при решении по достижению социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей в удовлетворении потребностей граждан) при решении социальных проблем существующих в обществе, в силу ограниченности финансовых средств, необходимо осуществлять целенаправленное, конструктивное взаимодействие с тремя силами на общественной арене: государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями.

Как отмечалось выше, помимо государства в рамках социальногопартнерства активное участие принимают коммерческие и некоммерческие организации, следовательно, логично предположить, что взаимодействие между участниками возникает тогда, когда представители трех секторов (или любой пары из них) начинают работать совместно, осознав, что это выгодно каждой отдельной взятой группе и обществу в целом. Также партнеры в ходе взаимодействия в равной степени разделяют социальные риски и достижения, ведут различные формы диалога, основанные на взаимном доверии, ответственности и ориентированные на согласование интересов акторов. Врезультате данного взаимодействия социальное партнерство создает основу для формирования и использования социального капитала. Основываясь на определении можно сделать вывод, что социальный капитал характеризуетсякомплексом ценностей, разделяемых всеми социальными группами, которые

создают между ними критическую массу доверия и возможностьвзаимодействия. Важным фактором формирования социального капитала является активность третьего сектора – общественных организаций. Одним из первых, кто обратил внимание на роль общественных организаций в США в начале 80-х годов, был М. Портер. Общественные организации действительно играют важную роль в развитии бизнеса при условии выбора правильной стратегии.

Как было отмечено выше, социальная проблема является объектом, вокруг которой формируется социальное партнерство, но ее выявления и осознания всеми субъектами не достаточно для возникновения социальногопартнерства - необходимо не только разделение интересов каждого из возможных партнеров, четкое определение значимости социальной проблемы для каждой стороны, оценка собственных возможностей по решению проблемы, формулирование целей и задач дальнейшей совместной деятельности, а также выработка четких правил действий в процессе сотрудничества и в результате возможные прогнозы ожидаемых эффектов.

Таким образом, партнерство это не только конструктивное сотрудничество между тремя секторами на общественной арене, оно также включает развитие проектной культуры, как сферы для разделения задач и ответственности между партнерами, и именно партнерство способствует расширению поиска новых, альтернативных вариантов решения социальных проблем в который партнеры вовлекают друг друга. Как результат, данное взаимодействие совместными усилиями пытается решить такие социальные проблемы как оказание помощи целевым группам социальной работы, снижение или устранение загрязнения окружающей среды; сохранение культурного и исторического наследия и т.п. Тема социального партнерства для нашей страны относительно новая, так как патернализм и социальная пассивность всегда были присущи российскому социуму. Процессформирования системы социального партнерства в России осложнялся потому, как отсутствовал опыт использования этой категории в социалистическомобществе и, соответственно, законодательстве, быстрые темпы ломки социалистической парадигмы, ускоренные темпы либерализации социально-экономических отношений привели к ослаблению роли государства в социально-экономической сфере и, как результат, к снижению социальной защищенности российских граждан. Также нельзя не учитывать того факта, что пока основная доля финансирования, а это около 100% в рамках решениясоциальных проблем приходится на государство, в отличие от других стран. При этом сущность партнерства заключается в том, что каждый из секторов в системе социального партнерства имеет свои сильные стороны, как результат усиление эффекта.

В странах Запада он достигается за счет четко отлаженного механизма регулирования партнерства, согласованности действий между субъектами влияния. В России же все складывается несколько по-другому. На данный момент существуют проблемы развития социального партнерства в России:

- пассивность российского социума;
- паттернализм;
- несовершенство нормативно-правовой базы;
- недостаточное финансирование социальной сферы;
- недостаточное количество профессионалов.

Одной из наиболее сложных задач при решении социальных проблем является поиск источника финансирования. В большинстве случаев социальные проблемы решаются посредством бюджетных дотаций, объем которых практически не зависит от реальных качественных результатов работы,поскольку для государственных организаций бюджетная строка всегда строго ограничена. Более того, в России до сих пор не создана система поощрения благотворительной деятельности для коммерческого и некоммерческогосектора, которая в западных странах является серьезным источником финансирования, и государство, желая разделить с коммерческим сектором тяжесть социальной ответственности, стремится навязать концепцию альтруизма. Однако такое нарушение механизма социальной

идентификации приводит к тому, что социальные инвестиции осуществляются бизнесом только под прямым давлением со стороны государства или в ожидании государственных преференций. Средства грантов зарубежных благотворительных организаций и фондов недостаточны для широкого развития социального партнерства. Также нельзя не отметить, что деятельность большинства благотворительных организаций действующих на территории РФ воспринимается обществом неоднозначно, с одной стороны про их деятельность практически ничего неизвестно, во вторых им приходится функционировать в условиях агрессивной среды, так как их деятельностьосуществляется в условиях всеобщего недоверия.

Следующая немаловажная проблема – недостаточное количество профессионалов, способных обеспечить эффективность процесса социального партнерства. Инициатива реализации тех или иных проектов чаще всего исходит от третьего сектора, и отсутствие опыта административной деятельности, планирования, привлечения средств является препятствием усиления социального эффекта партнерства.

Третьему сектору принадлежит особая роль в социальном партнерстве, и на него возлагается особая ответственность в силу того, что в большинстве случаев именно общественность выступает тем механизмом, который инициирует и координирует взаимодействие с властью и коммерческим сектором. Новаторские методики и технологии работы, инициируемыеобщественными организациями или взятые из опыта других стран, не всегда могут быть внедрены в существующий формат социальной системы нашего государства. Государство остается консервативным в своих взглядах и чаще выступает в роли сдерживающего фактора в новаторских проектах. Положение усугубляется еще и тем, что чиновники различных органов государственного управления проявляют неприязнь к переменам, особенно в работе с третьим сектором. Представители последнего часто воспринимаются как «просители» или «подчиненные», или даже как «соперники», но не как партнеры. Партнерство возникает в каждой конкретной ситуации тогда, когда некоммерческому сектору удается обосновать его привлекательность, но существуют принципиальные сложности во взаимодействии общественности и государства. Невольно возникает вопрос, в чем тогда заключается привлекательность партнерства с некоммерческими организациями длягосударства? Государственные органы заинтересованы в перераспределении собственных функций по выполнению социальных обязательств перед населением, соглашаясь на сотрудничество, и в большинстве случаев рассматривают некоммерческие организации как дополнительный инструмент государственного регулирования, с помощью которого требуемые услуги можно оказывать без затрат на громоздкий бюрократический аппарат. Но общественность предлагает не только услуги, но и новые подходы, во многомотличные от государственных, например работа православных патронажных служб в государственных лечебных учреждениях, обслуживание и уход за престарелыми и инвалидами в домах-интернатах, хосписах, благотворительные столовые, приюты для бездомных и т.д. Все стороны участвующие в данном процессе должны осознавать, что социальное партнерство предполагает профессионализм, высокую ответственность за качество и полноту выполнения взятых на себя обязательств. Только при таком отношении к кооперации трех сил можно преодолеть существующие проблемы и сделать процесс социального партнерства эффективным.

В данной ситуации третий сектор должен становиться той творческой, созидательной силой, способной аккумулировать новые идеи, отвечающие требованиям быстро меняющихся социальных условий.

Некоторые практические шаги по формированию соответствующихинститутов уже сделаны, а также создана нормативно-правовая база длявзаимодействия государственного сектора, коммерческого и некоммерческого секторов, регулирующая не только статус и условия деятельности организаций, но и их взаимодействие. В нормативно-правовых документах закреплена идея создания комплексной системы поддержки активности юридическизарегистрированных гражданских инициатив по решению социально-значимых проблем, с которыми сталкивается российское общество.

На данный момент некоммерческие и общественные организации получили возможность более комплексно, целенаправленно и эффективно развивать гражданское общество, повышать активность граждан РФ. За прошедшее десятилетие произошли существенные изменения, связанные с оформлением трех самостоятельных секторов. Заложена правовая база,регулирующая не только статус и условия их деятельности, но и принципывзаимодействия между ними. В последнее время все чаще обсуждаютсявопросы социальной ответственности бизнеса, как добровольный вклад бизнеса в развитие общества и ответственность за последствия ведения бизнеса перед обществом.

В целом, несмотря на все предпринимаемые усилия государства в области развития социального партнерства уровень его развития не соответствуетмировой практике, основная проблема, требующая незамедлительного решения, на наш взгляд, корректировка нормативно-правовой базы и более лояльные условия для создания и развития общественных и благотворительных организаций.

Список использованной литературы и источников:

1. *Белоусова Е.В., Лебедева Н.С.* Применение форм и технологий механизма социального партнёрства в деятельности социального работника на региональном уровне // Отечественный журнал социальной работы. – 2014. – № 4. – С. 106-109.

2. *Котлярова И.О., Сериков Г.Н.* Роль социального партнёрства в социальной политике, направленной на самореализацию человека // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. – 2016. – № 3. – С. 22-26.

3. *Шадрин В.В.* Нравственные начала законодательства о социальном партнёрстве // Материалы Международной научной конференции «Взаимодействие права и морали». – Москва, 2014. – С. 233-236.

4. *Яковлева А.Е., Галимова А.Ш.* Роль социального партнёрства в российской модели социально-трудовых отношений // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 5 (33). – С. 34.

УДК 372.881.1

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ БАРЬЕРОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ СРЕДСТВАМИ ПРЕДМЕТА «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»

Е.Н. ВОРОНОВА

Воронова Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра английского языка для гуманитарных направлений и специальностей факультета иностранных языков и лингводидактики, СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: voronovaen.lion@yandex.ru

Аннотация: Автор статьи подчеркивает важную роль предмета «иностранный язык» в процессе формирования готовности к межкультурной коммуникации у студентов вуза. Отмечено, что языковые различия могут стать серьезным риском в процессе межкультурной коммуникации. Описаны виды коммуникативных барьеров, а также пути преодоления языкового барьера как одного из видов коммуникативных барьеров. Представлены результаты студенческого проекта по составлению мини-словаря заимствованных слов английского языка, вошедших в современный русский язык. Подчеркивается актуальность создания подобного словаря, который может рассматриваться как средство развития межкультурной компетентности студентов.

Ключевые слова: межкультурная компетентность; межкультурная коммуникация; фактор риска; языковой барьер; иностранный язык; студент; словарь англицизмов

OVERCOMING LANGUAGE BARRIERS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION BY MEANS OF THE SUBJECT "FOREIGN LANGUAGE»

E.N. Voronova

Abstract. The author emphasizes the important role of the subject "foreign language" in the process of formation of readiness for intercultural communication among the students of higher educational institution. It is noted that linguistic differences can become a serious risk in the process of intercultural communication. The types of communicative barriers as well as ways to overcome the language barrier as one of the types of communicative barriers are described. The results of the student project on compiling a mini-dictionary of English loanwords in modern Russian language are presented. The relevance of creating such a dictionary which can be considered as a means of

Key words: intercultural competence; intercultural communication; risk factor; language barrier; foreign language; student; a dictionary of anglicisms.

Понятие межкультурной коммуникации (МКК) представляет собой сложное, объективно неоднородное образование. При этом теория МКК, как правило, базируется на двух основных составляющих МКК - коммуникации и культуре. Под коммуникацией как непосредственной составляющей МКК понимается вид осознанной, интенциальной добычи и передачи информации в процессе интеракции между минимум двумя субъектами с помощью специально созданных для этого или исторически возникших семиотических средств (знаков). Невербальная коммуникация, наряду с речевой, является неотъемлемой частью коммуникации в целом[1].

Проблемы интеграции и интернационализации в настоящий момент становятся все более актуальными темами исследования различных наук, особенно психолого-

педагогического цикла. В связи с этим наиболее остро встает вопрос, по каким причинам исход коммуникации между представителями различных культур приводит к межкультурному конфликту, а установление взаимопонимания становится недостижимой целью такого рода взаимодействий. Изучение факторов рисков в процессе межкультурной коммуникации является актуальной как для теоретического осмысления, так и для практической деятельности специалистов различных сфер[2].

Оппозиция «свой»-«чужой» в ракурсе межкультурной коммуникации рассматривается как конфликт идентичностей представителей разных культур и носителей разных языков. Социокультурная ситуация представляет собой процесс противостояния идентичностей, характеризующийся актуализацией стремления индивидов к унификации и отождествлении со «своей» культурой, а, с другой стороны, тенденцией к уникальности и обособленности от «чужого». Концепт «свой»-«чужой» проявляется на всех уровнях межкультурного взаимодействия, а каждая идентичность привносит свои специфические параметры и точки зрения на определение значимости «своего» и «чужого»[3].

Понятие «межкультурная компетентность» связано с объемом и качеством информации о явлениях и ценностях другой культуры. И чем активнее использует человек эти знания, тем выше оценивается уровень его межкультурной компетентности. Важнейшую роль в процессе формирования готовности к межкультурной коммуникации играет «иностранный язык». Вопрос обучения иностранному языку рассматривается в трех аспектах: прагматическом, когнитивном и общеобразовательном, и основной целью обучения иностранному языку является формирование черт вторичной языковой личности. Прагматическая ценность иностранного языка связана, прежде всего, с возможностью выхода на иную культуру и ее представителей. Когнитивный аспект обучения иностранному языку связан с формированием у студентов языковых/речевых способностей, а также психических процессов, которые лежат в основе успешного овладения иноязычной коммуникативной деятельностью. Общеобразовательный аспект обучения иностранному языку связан с вопросами о роли иностранного языка в решении общих образовательных задач и формирования качеств личности, необходимых для участия в межкультурном общении на иностранном языке: толерантности, умения социально взаимодействовать с партнерами по общению, а также развитием у студентов компетенции, позволяющей им соотносить свою культуру с культурой страны изучаемого языка, умением видеть различия и общность в культурах, в мировосприятии их носителей, в системах норм, обязанностей, прав и т.д, принятых в разных социумах. Для достижения конечного результата обучения иностранному языку необходимо овладение обучаемым не только соответствующей иноязычной «техникой», но и усвоение колоссальной внеязыковой информации, необходимой для адекватного общения на межкультурном уровне, а также развитие таких качеств, которые позволяют человеку осуществлять общение с представителями иных культур.

Для определения путей реализации образовательного потенциала иностранного языка М.С. Сафиной были обоснованы и раскрыты основные принципы формирования готовности к межкультурной коммуникации средствами иностранного языка: - принцип культурологического насыщения содержания учебного материала; - принцип ориентации на гуманитарные ценности; - принцип толерантности; - принцип диалога культур; - принцип активности [4].

В научных изданиях, посвященных различным проблемам межкультурной коммуникации, для обозначения причин, осложняющих и нарушающих процесс коммуникации, чаще всего употребляются термины «помехи» и «барьеры», которые обычно используются как равнозначные.

Существуют множество классификаций межкультурных барьеров. Можно выделить три основных вида коммуникативных барьеров:

1. Барьер понимания (языковой барьер), когда языковые различия могут стать большой проблемой при коммуникации, особенно при недостаточном владении данной языковой системой. В первую очередь, они вызываются грамматическими и дискурсными ошибками.

Для преодоления языкового барьера необходимо вовлекать эмоции, чувства, ощущения, стимулировать речевые, творческие способности, знакомиться с правилами вербального и невербального этикета, принятыми в стране изучаемого языка.

2. Барьер социокультурных различий (социально-этнические барьеры), заключающиеся в недостаточности лингвосоциологических и культурологических знаний об иноязычном социуме в процессе перевода и общения.

3. Барьер отношения (психологические барьеры), причинами которых могут быть повышенные тревога или напряжение, которые могут привести к дисфункциональным мыслительным процессам и поведению. Они также могут обострить все остальные препятствия, мешающие эффективной межкультурной коммуникации.

Фактор риска – это имплицитно присущая любому коммуникативному акту угроза срыва процесса понимания общающихся сторон. Фактор риска присутствует в акте МКК от начала до конца процесса общения. Если при этом возникает непонимание/недопонимание между коммуникантами и коммуникация в целом признается неэффективной, то можно говорить о реализации фактора риска в данном акте МКК[1].

Препятствиями, мешающими эффективности процесса межкультурной коммуникации с позиции факторов риска, могут быть языковые различия. Фактором риска в данном случае является следующее: в процессе общения на чужом языке коммуникант не учитывает тот факт, что употребленное им слово, фраза или предложение может иметь несколько значений. Таким образом, языковые различия могут стать серьезным риском в процессе межкультурной коммуникации.

Как преодолеть языковой барьер? Преодоление языкового барьера в изучении иностранного языка заключается в следующем: - общение с носителями языка; - изучение лексики в контексте разговорной речи; - методики, позволяющие преодолеть боязнь ошибиться; - просмотр фильмов и сериалов, адаптированных для обучающихся и др.

При обучении иностранному языку студентов необходимо учитывать их родной язык, родную культуру и приобретаемую ими профессию, т.к. язык определяет характер мышления. Язык выступает в качестве основной формы фиксации знаний человека о мире, равно как и источника изучения самих этих знаний. Важным моментом является практическая познавательная деятельность студентов, проникновение их в чужую культуру посредством изучаемого языка, а также при самостоятельном изучении вопросов, связанных с иноязычной культурой[4].

В настоящее время затрагивается проблема перевода интернациональной лексики на занятиях по иностранному языку. По итогам опроса выяснилось, что современные студенты не всегда адекватно понимают значения заимствованных слов, которые они слышат в речи других людей или употребляют сами, т.е. они не всегда владеют уже вошедшими в словарный состав русского языка англицизмами. В общей сложности в исследовании приняли участие 255 студентов юридического факультета, факультета психолого-педагогического и специального образовании, Института истории и международных отношений и Института искусств. По итогам данного опроса выяснилось, что значения примерно 3%-35% англицизмов из списка опросника, включающего 260 слов (собранных студентами в течение четырех лет), им оказались незнакомы, т.е. они знают значения только 65%-97% слов, причем около половины (52,7%) студентов знакомы со значением 80-90 % англицизмов.

Эти результаты опроса мотивировали обучающихся знакомиться с информацией толковых словарей, где они искали значения неизвестных им англицизмов, а также у них появилось желание составить список таких слов, пришедших в современный русский язык из английского языка. Таким образом, количество слов возрастало и появилась необходимость обобщения, классификации и оформления собранного языкового материала в виде словаря, что и было сделано в период 2017-2018 учебного года, когда студенты 1 курса Института искусств (очно-заочное отделение, специальность «История искусств») под руководством автора данной статьи реализовали долгосрочный индивидуально-групповой проект «Составление мини-вокабуляра англицизмов современного русского языка».

Результаты работы по составлению мини-словаря англицизмов свидетельствуют о высокой эффективности данного вида учебной деятельности в повышении таких показателей социокультурной компетенции студентов, как:

- увеличение словарного запаса студентов за счет лингвострановедчески-окрашенной лексики;
- дальнейшее развитие у обучающихся иноязычной коммуникативной компетенции;
- повышение уровня знаний реалий культуры, традиций, привычек и обычаев народа страны изучаемого языка, моделей поведения носителей иноязычной культуры;
- развитие толерантности, эмпатии и наблюдательности по отношению к культуре страны изучаемого языка;
- повышение мотивации учащихся к изучению иноязычной культуры.

Подводя итог, следует отметить, что:

1. Адекватное речевое поведение в любом профессиональном формате требует освоения не только системно-языковых знаний, но и знания законов, обычаев, национального менталитета страны изучаемого языка. Все это ставит высшую школу перед необходимостью качественно нового подхода к преподаванию иностранного языка. Методологической основой обучения языку в вузе на современном этапе представляется формирование навыков межкультурной коммуникации[4].

2. Процесс межкультурной коммуникации – один из самых сложных процессов межличностного взаимодействия, поскольку участники интеракции не могут посылать или принимать сигналы так, как они привыкли делать это во внутрикультурных ситуациях. Поэтому изучение и учет факторов риска в межкультурной коммуникации является неотъемлемой составляющей процесса формирования межкультурной коммуникативной компетентности[2].

3. Культурологический подход в обучении иностранному языку даёт возможность через язык и текст войти в диалоговое пространство нескольких культур.

4. Необходимо подчеркнуть, что процесс заимствования – это не только расширение лексики языка, он также предполагает освоение чужого опыта через язык[5]. Поэтому изучение и анализ в рамках предмета «иностранный язык» специфики функционирования заимствованной лексики англоязычного происхождения, функционирующей в русском языке, будет способствовать формированию готовности студентов к межкультурной коммуникации. Средством достижения этой цели и будет служить составленный студентами мини-словарь англицизмов.

Список использованной литературы и источников:

1. *Фешкина И.А.* Фактор риска в условиях межкультурной коммуникации. Автореферат дисс. … канд. филол.наук. Саратов. 2009.

2. *Акаемова Ю.А.* Факторы риска в межкультурной коммуникации // Ученые записки. 2011. Т.4. Сер. Психология. Педагогика.№2 (14).с.77-81.

3. *Могилевич Б.Р.* Межкультурная коммуникация в системе социологического знания. Автореф. дисс. … докт. социол. наук. Саратов. 2010.

4. *Сафина М.С.* Формирование готовности к межкультурной коммуникации у студентов гуманитарных вузов. Автореф. дисс. … канд. пед. наук. Казань. 2005.

5. *Воронова Е.Н.* Проблема иноязычных заимствований в современном русском языке // Образование в современном мире: Материалы докладов IX научно-практическая интернет-конференция (10-25 марта 2014 г.). Саратов: Изд-во Сарат.ун-та, 2014. Вып.9. С. 42-44.

УДК 172.15

ОБОСТРЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Е.А. ГРИГОРЬЕВА

Григорьева Екатерина Александровна, студентка социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: yreewda@gmail.com

Аннотация: В данной статье рассмотрены миграционные и лингвистические особенности глобальной эпохи как факторы обострения национализма в локальных общностях. На основе статистических данных показаны масштабы указанных глобальных процессов. Установлены особенности современного национализма, который представляет собой своеобразный ответ на происходящие в современном мире глобальные социальные изменения.

Ключевые слова: национализм; глобализация; миграция; глобальный язык; глокализация.

THE EXTENSION OF NATIONALISM IN THE CONTEXT OF GLOBAL SOCIAL CHANGES

G.E. Aleksandrovna

Abstract. In this article the migration and linguistic features of the global epoch are considered as factors of extension of nationalism in local communities. Based on the statistical data, the scale of these global processes is shown. The features of modern nationalism are established, which is a unique response to the global social changes taking place in the modern world.

Key words: nationalism; globalization; migration; global language; glocalization.

ВВЕДЕНИЕ

Современное национальное государство испытывает влияние новых социальных реалий. Миграция размывает национальную идентичность и институт гражданства, деятельность наднациональных и транснациональных акторов ставит под сомнение суверенитет нации, а глобальная коммуникация представляет угрозу для национальных языков. В этих условиях национализм становится своеобразной реакцией на происходящие изменения.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Возникновение национализма как сложного социального явления произошло сравнительно недавно, однако его корни уходят глубоко в древность. Такие явления как любовь и привязанность к родной земле и к местным традициям можно наблюдать в различных обществах на протяжении всей истории человечества, однако национализм в современном смысле слова, как сформировавшаяся система глубоких чувств по отношению к нации, пронизывающая все сферы общественной жизни и проявляющаяся в совершенно различных формах, возникает лишь в конце XVIII века.

На протяжении всей истории человечества существовала тенденция к объединению и интеграции, в развитии которой важными вехами являлись Великие Географические Открытия, становление колониальных империй, бурное развитие торговли (в том числе действия по упрощению торговых связей и прокладывание новых торговых путей, например: строительство Суэцкого канала), распространение Григорианского летоисчисления и принятие мирового времени, изобретение и постоянное совершенствование различных средств передвижения и связи, создание международных организаций и др. С 1980-х гг. в связи с последствиями микроэлектронной революции, повсеместного внедрения

компьютерных систем, новых способов связи в научном мире говорят о становлении единого человечества, и для описания этого процесса начинает применяться термин *глобализация*.

Одной из ключевых особенностей глобальной эпохи является существенное увеличение *миграционных потоков*. Еще в середине прошлого века миграция не вызывала опасений и не рассматривалась как серьезная проблема, а многие государства Европы намеренно приглашали мигрантов для выполнения различной невостребованной среди местного населения работы, однако, с 2015 года говорят о так называемом европейском миграционном кризисе, который связан с многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов с Ближнего Востока, Северной Африки и Азии в связи с нестабильной политической обстановкой. В отчете по международной миграции ООН за 2015 год можно проследить динамику изменения доли мигрантов в населении европейских стран – в Великобритании их доля в 2000 году составляла 8%, а в 2015 уже 13%; в Италии доля мигрантов возросла за данный период с 4% до 10%; в Испании – с 4% до 13%[1]. При этом международная организация по миграции заявляет, что в 2015 году число международных мигрантов во всем мире было самым высоким за всю историю человечества, достигнув 244 миллионов, что составляет около 3% от населения Земли[2]. Как отмечает президент России Владимир Владимирович Путин в одной из своих программных статей 2012 года, в ответ на неспособность «плавильного котла» ассимиляции справляться с новыми масштабами миграции, в политике возник проект мультикультурализма, который «возводит в абсолют «право меньшинства на отличие» и при этом недостаточно уравновешивает это право – гражданскими, поведенческими и культурными обязанностями по отношению к коренному населению и обществу в целом»[3]. Однако, в настоящий момент политика мультикультурализма так же не является адекватным решением проблемы, поскольку европейские страны столкнулись с давлением на национальные традиции и растущей ксенофобией коренного населения на фоне формирования целых этнических и конфессиональных общин мигрантов, не желающих говорить на языке принявшей их нации. «За «провалом мультикультурного проекта» стоит кризис самой модели «национального государства» – государства, исторически строившегося исключительно на основе национальной идентичности»[3].

На 2015 год самая высокая доля мигрантов в населении принимающей страны зафиксирована в Объединенных Арабских Эмиратах и Катаре, где иностранное население составляет 88,4% и 75,7% от общей численности населения соответственно. Среди европейских стран на 2015 год, согласно данным Евростат, наибольшую долю мигрантов можно наблюдать в Люксембурге – 47% от общей численности населения. Высокая доля (10% или более жителей) также наблюдалась на Кипре, в Эстонии, Латвии, Австрии, Ирландии, Бельгии и Германии[2]. Национальный состав населения европейских государств становится менее однородным под действием миграционных процессов.

С развитием глобализации и увеличением межкультурного общения встает вопрос о способах коммуникации во все более гомогенизирующемся мире. Национальный язык, значимость которого для нации воспевали еще И.Г. Фихте и И.Г. Гердер, испытывает давление со стороны международного сообщества ввиду необходимости успешного ведения международного общения, а значит выработки соответствующих социолингвистических принципов, и в первую очередь установления так называемых *международных языков общения*. Английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский языки являются официальными языками ООН. Но в силу объективных исторических причин английский язык претендует на роль *«глобального языка»*, то есть универсального языка общения различных народов. Это в свою очередь отражается, например, на научной сфере: англоязычные научные издания являются передовыми; университеты, исследовательские институты и сами ученые, ведущие активную научную деятельность внутри своей страны, но не имеющие публикаций в англоязычных изданиях, обречены на невысокие рейтинги и, как следствие, на столкновение с финансовыми последствиями в условиях академического капитализма; предпочтение при выборе подходов отдается англоязычному научному

дискурсу, не говоря уже о том, что научный прорыв совершить гораздо проще, публикуя результаты на английском языке. Согласно статистике W3Techs к марту 2018 года 51,8% всех веб-сайтов использовал английский язык, в то время как русский язык с 2013 года является вторым наиболее часто используемым языком в интернете – на нем на данный момент написано 6,6% всех веб-сайтов. Вслед за русским языком следуют немецкий (5,8%), испанский (5,1%), японский (5,0%), французский (4,1%), португальский (2,7%) языки [4]. Наблюдается огромный разрыв между использованием английского и других языков. Важно уточнить, что указанные веб-сайты могут представлять свой контент сразу на нескольких языках, и как становится понятно из приведенных данных, абсолютным приоритетом в этом вопросе обладает английский язык.

В то время как нация становится неразрывно связана с мировой системой, а социологи фокусируют свой исследовательский интерес на глобальных проблемах, люди стремятся идентифицировать себя с более близкими для них субнациональными, лингвистическими, религиозными, групповыми общностями. Теперь культивируется идентичность куда более малых образований. Глобализация стирает границы между различными социальными общностями, что порождает местные импульсы к сохранению своей самобытности на различных уровнях – экономическом, культурном, этническом и т.д. Данный феномен получил название *«глокализация»*. В научный оборот данный термин ввел Роланд Робертсон – современный английский социолог, один из первых теоретиков глобализации. Он определил глобализацию XX века как «взаимопроникновение универсализации конкретизации и конкретизации универсализма»[5]. Отмечая сосуществование двух противоположных тенденций к универсализации и партикуляризации, социолог предлагает использовать термин «глокализация», созданный посредством соединения двух слов – «глобализация» и «локализация». Эти два процесса взаимодополняют друг друга, однако, как отмечает Р. Робертсон, могут привести к столкновению.

В этой связи современный национализм оказывается своеобразным проявлением глокализации. Во все более связанном между собой мире, увеличивается количество региональных и сепаратистских движений, которые выступают своеобразным ответом на глобальные процессы. Если традиционный национализм был инструментом для создания нации, согласно блестящей формуле выдающегося теоретика национализма Э. Геллнера, то современный национализм – инструмент для сопротивления глобализации и ее социальным последствиям. Помимо кризиса нации и национальной идентичности, определяющими факторами формирования региональных и сепаратистских движений является история региона, его экономическое положение и степень глобализационного воздействия на регион (в первую очередь речь идет о доле иммигрантов).

Регионализм как политическая идеология ставит своей целью сохранение самобытности региона и, как правило, стремится к политической автономии в составе государства. Сепаратизм, в свою очередь, так же направлен на сохранение самобытности региона, но через создания нового самостоятельного государства и обретение суверенитета. Таким образом, сепаратизм является радикальной формой регионализма, культивируя аналогичные ценности, но при этом он представляет собой угрозу территориальной целостности государства.

На примере Евросоюза можно увидеть, что многие этнические группы ведут активную борьбу за свою независимость в условиях глобализации. Показательной является ситуация в Бельгии – страна буквально разделена на два лагеря. Валлоно-фламандское противостояние, которое возникло на основе языкового фактора к середине XIX века, приобретает сейчас экономическую окраску – Фландрия отказывается «кормить» Валлонию. Регионализм и национализм можно увидеть буквально в любой Европейской стране – за независимость таких регионов, как Моравия (Чехия), Бавария (Германия), Лигурия (Италия), Каталония (Испания), Скания (Швеция), Шотландия (Великобритания) ведут борьбу политические партии;

Нормандия, Эльзас и Бретань добиваются автономии в составе Франции; и еще множество организаций отстаивают интересы этнических меньшинств в составе государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, опыт Евросоюза указывает на то, что националистические настроения не уходят на второй план, если даже не обостряются. Национализм традиционный, гражданский в современном мире уступает место новым региональным движениям, которые актуализируются под действием глобализации, культивируют собственную самобытность с опорой на исторические факты, подтверждающие «правомерность» обособления данной территории.

Список использованной литературы и источников:

1. International Migration Report 2015 Highlights [Электронный ресурс] // Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf (Дата обращения: 02.04.2018).
2. GLOBAL MIGRATION TRENDS FACTSHEET [Электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: http://gmdac.iom.int/global-migration-trends-factsheet (Дата обращения: 02.04.2018).
3. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // Независимая газета. 23.01.2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html?insidedoc (Дата обращения: 02.04.2018).
4. Usage of content languages for websites [Электронный ресурс] // W3Techs. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all (Дата обращения: 02.04.2018).
5. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series). London: SAGE Publications, 1992.

УДК 811

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСА БРИТАНСКИХ ЖЕНСКИХ МЕДИАИЗДАНИЙ

М.В. ЗОЛОТАРЕВ, В.Д. ТУПИКОВА

Золотарев Михаил Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: mizrkb@gmail.com

Тупикова Вероника Дмитриевна, студентка 3 курса кафедры таможенного, административного и финансового права юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: vero-nika-97@mail.ru

Аннотация: Исследования в области дискурса в целом и медиадискурса в частности не теряют своей актуальности. В данной статье представлены результаты прагмалингвистического исследования современного британского женского медиадискурса. Под медийным дискурсом понимается совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия. Доказывается, что основными функциями британских женских интернет-изданий являются воздействующая (экспрессивная), оценочная и информационная, которые репрезентируются различными средствами языка.

Ключевые слова: прагмалингвистика, медиадискурс, женский медиадискурс, газетно-публицистический стиль, интернет-издание.

PRAGMALINGUISTIC PECULIARITIES OF BRITISH FEMALE MEDIA DISCOURSE

M.V. Zolotarev,V.D. Tupikova

Abstract. The article focuses on the results of pragmalinguistic research of British female media discourse exemplified in the modern Internet magazines. Media discourse is regarded in the article as a combination of processes and results of verbal activity in the sphere of mass media. It is proved that the main functions of British female media discourse are expressive, evaluative and informative. These functions are represented in British female media discourse by different means of speech.

Key words: media discourse, female discourse, publicistic style, Internet media

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день исследовательский интерес к изучению дискурса не ослабевает, наоборот, в свете антропоцентрической парадигмы языка в современной лингвистике расширяются сферы изучения языковых факторов, все большее внимание уделяется типам дискурса, их лингвистическим и экстралингвистическим особенностям. Рассматривая дискурс вслед за Н.Д. Арутюновой как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь»[1], остановимся более подробно на медиадискурсе как одном из его разновидностей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Опираясь на типологию дискурса, предложенную ван Дейком и дополненную В.И. Карасиком, относим медиадискурс или дискурс средств массовой информации к институциональному типу дискурса. Институциональный дискурс - это общение в рамках сложившихся в обществе институтов; взаимодействие, порождаемое самой деятельностью того или иного социального института (политический, военный, педагогический, медицинский, СМИ (медиа) и т.д.). Противопоставляется ему персональный или личностно-ориентированный дискурс (бытовой и бытийный)[2,3].

Интерес лингвистов к языку средств массовой информации, на наш взгляд, прежде всего связан с тем, что именно СМИ формируют общественное мнение, создают определенный идеологический контекст, пропагандируют ту или иную систему ценностей, а также отражают изменения языковой нормы и состояние национальной культуры.

Особый интерес представляет язык британских женских медиаизданий, поскольку они оказывают большое влияние на речь современных жительниц Великобритании, которые, будучи мамами, а также учителями и воспитательницами (именно женщины традиционно представлены большинством в данных профессиях в британском обществе) оказывают влияние на язык детей, являются главными инициаторами родственного общения, оказывают самое большое воздействие, по сравнению с другими социальными группами, на язык мужчин.

Вследствие этого, речь сегодняшних и завтрашних взрослых людей в значительной степени зависит и от того, что сегодня читают женщины в адресованных им изданиях. Исследование женской речи является актуальным и перспективным направлением в современной лингвистике. Однако стилистическая специфика англоязычной женской речи, представленной в массовой коммуникации, заслуживает более внимательного рассмотрения и дальнейшего изучения. Все вышесказанное обусловливает актуальность настоящей работы.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом настоящего исследования избран язык англоязычных женских СМИ и его функционально-стилистические особенности. Однако, следует уточнить, что нами рассматривались англоязычные тексты британских женских медиаизданий. Возможно, американские, канадские, австралийские и другие англоязычные женские медиаиздания имеют как лингвистические сходства, так и различия, но в рамках данной статьи не освещаются.

Непосредственным предметом исследования послужили лексические единицы и синтаксические конструкции, отражающие особенности англоязычной женской речи, актуализированной в современных британских СМИ.

Основными методами и приемами в работе стали непосредственное наблюдение языкового материала, сопоставительный и сравнительный анализ, метод контент-анализа, позволяющий глубже понять заложенный автором смысл, более верно декодировать заложенные автором интенции. Обработка материала, собранного путем сплошной выборки, осуществлялась методами статистического и сопоставительного анализов.

Кроме того, в рамках проведенного исследования широко применялся метод дискурсивного анализа. Направление дискурсивного анализа, оформившееся в начале 1970-х годах в лингвистике, стало результатом интегрирования знаний отдельных научных дисциплин: семиотики, структурализма, прагматики, социолингвистики, этнографии и др. З. Харрис ввел понятие дискурс-анализа как метода анализа связанной речи «для расширения дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения культуры и языка»[4].

В.А. Лукин видит цель дискурсивного анализа в соотнесении сознания и языка. Анализ дискурса, по его мнению, направлен на раскрытие ментальных основ общественного сознания, выявление сталкивающихся в тексте мировоззренческих позиций, определение идеологического содержания речевого поведения коммуникантов[5].

Дополнив одно высказывание другим и предположив, что анализ дискурса, таким образом, способствует изучению языка, сознания и культуры, неизбежно приходим к выводу, что дискурс анализ направлен на комплексное исследование языка, сознания и культуры, что актуально и важно для нашего исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Материалом настоящего исследования послужили тексты современных британских интернет-изданий для женщин «VOGUE», «Cosmopolitan», «Glamour».

Язык британской женской прессы представляет собой реализацию национального английского языка, норм его употребления в рамках газетно-публицистического стиля. Важнейшими функциями данного стиля является воздействующая (экспрессивная), оценочная и информационная. Для их актуализации авторы газетных и журнальных публикаций используют соответствующие языковые средства.

Воздействующая (экспрессивная) функция репрезентируется использованием ярких заголовков, сопровождаемых картинками, побудительными и восклицательными предложениями, частотным использованием местоимений «мы», «наша», для обозначения единого целого между авторами и целевой аудиторией.

Например, еженедельная рубрика в журнале Vogue: *The Vogue Edit: What We're Loving This Week* (http://www.vogue.co.uk/article/what-vogue-editors-love-this-week дата обращения 28.03.2018).

Или же мотивирующее, побуждающее посетить выставку, название статьи: *The Exhibitions You Need To Visit This Spring* (http://www.vogue.co.uk/gallery/best-new-art-exhibitions дата обращения 28.03.2018).

Газетно-публицистический стиль характеризуется частотным использованием таких стилистических приемов как метафора, персонификация, гиперболизация, метонимия, перифраза, ирония, литота, сравнение, аллюзия, антитеза, оксюморон, которые используются

для повышения эмоциональности текста, его выразительности и реализуют воздействующую функцию женского медиадискурса.

E.g.1: 14 fabulous highlighters to up your glow game. Whether you're looking to dazzle or dew, we've got the ones for you... (http://www.glamourmagazine.co.uk/gallery/the-best-strobing-highlighter-products дата обращения 31.03.2018).

E.g.2: Incredible afro styles to inspire your bouncy hair goals (http://www.glamourmagazine.co.uk/gallery/afro-icons дата обращения 31.03.2018).

E.g.3: Kate Middleton's iconic engagement wrap dress is now available in rainbow colours. The 'Kate Tie Wrap Dress' has been giving a new lease of life in an array of new colours… And yet, the dress has gone down in history as one of the most iconic, elegant and modern looks from the Duchess of Cambridge to date. (https://www.cosmopolitan.com/uk/fashion/celebrity/a19415987/kate-middleton-engagement-issa-wrap-dress-yellow-lime-orange/ дата обращения 15.03.2018).

Использование вышеупомянутых стилистических приемов в заголовках воздействует на целевую аудиторию, мотивируя прочитать статью.

Оценочная функция женского медиадискурса строится преимущественно на ассиметрии между положительной и отрицательной зонами «хорошо/плохо». Так, оценка «хорошо» может означать как соответствие норме, так и превышение ее, в то время как оценка «плохо» всегда означает отклонение от нормы.

Meghan Markle's imminent arrival into the Royal Family is groundbreaking in a number of ways. She will be the first mixed race member of the monarchy, she doesn't come from a British high society family, she's a famous actress in her own right, and she has been married before. It was an important decision for her and Prince Harry and they succeeded («+»). *And people absolutely love her - especially the Royals themselves* (https://www.cosmopolitan.com/uk/reports/a19629622/meghan-markle-divorce-acknowledged-wedding-invites/ дата обращения 29.03.2018).

Но: *There is nothing so important for him as not to interfere in any troubles and not to take any responsibilities* («-») (https://www.cosmopolitan.com/uk/entertainment/g15922606/new-good-books-to-read/ дата обращения 23.03.2018).

Проведенное исследование показало, что оценочные слова в зоне плюса и в зоне минуса во многих случаях не составляют противопоставленных пар. Это относится в первую очередь к общей аффективной оценке, ср.: *прекрасный, великолепный, замечательный, потрясающий, wonderful, brilliant, amazing, perfect и ужасный, скверный, дрянной, отвратительный, horrible, ugly, disgusting, terrible* и т. п. Эти группы можно противопоставить лишь в целом как принадлежащие к разным зонам оценки, но не по отдельным элементам.

Бесспорно, что оценка требует как субъекта, так и объекта. Присутствие оценочного субъекта предполагает некоторые особые свойства оценочного рассуждения и в первую очередь возможность спора об оценках, при котором сталкиваются разные мнения. Субъективный аспект определяет также состав аксиологических предикатов как одного из элементов оценочной структуры. Такие предикаты в английском языке как *consider, suppose, think, believe, feel, hear* и др., отражают субъективный характер оценки.

A: I believe, that taking the religious element out of it, Easter is all about chocolate. So let me assure you, nobody's trying to scare anyone into not stuffing their face full of it on Sunday. Personally I will present chocolate eggs for all my family.

***B**: But I suppose that this is the least healthy Easter present. Your Easter egg might look like a health food, but it certainly doesn't have the nutritional value of one. You'll probs be eating a lot more than that come Sunday, mind you* (https://www.cosmopolitan.com/uk/body/diet-nutrition/a19629213/this-is-the-least-healthy-easter-chocolate/ дата обращения 29.03.2018).

Информационная функция британского женского медиадискурса репрезентируется синтаксическим построением (преимущественно нераспространенными предложениями, содержащими точные даты, сведения, статистику) и выбором тем. Среди тем, освещаемых британскими женскими интернет-изданиями, мы выделили по востребованности и

популярности у целевой аудитории на основании количества просмотров и репостов следующие: семья, дети, праздники, образование, красота, медицина, психология, путешествия, отношения с партнером, бизнес карьера и тренинги, спорт, политика. Великобритания – страна консервативная и приверженная своим традициям, возможно, данная иерархия тем женских медиаизданий по популярности объясняется именно этими причинами.

Hot Spots: Eight London Hideaways To Cosy Up In

1. Dean Street Townhouse

Plush velvet upholstery against dark wood panelling make it all too easy to while a way many an hour in this Soho haunt.

69 - 71 Dean St, Soho, W1D 3SE

2. The Fumoir At Claridge's

A favourite amongst those in the know, there is nowhere better than Claridge's Fumoir bar for a decadent retreat.

Brook Street, Mayfair, W1K 4HR etc. (http://www.vogue.co.uk/gallery/hot-spots-eight-cosy-london-hideaways-to-escape-the-cold дата обращения 15.03.2018)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, применение избранных нами лингвистических и общенаучных методик позволило решить поставленные задачи и достигнуть цели предпринятого исследования – проанализировать прагмалингвистические особенности языка англоязычной (британской) женской прессы.

Представляется, что язык женских изданий отличается повышенной степенью эмотивности и оценочностью за счет использования широкого диапазона метафор, олицетворения, развернутых и ярких по смыслу атрибутивных конструкций эпитетов. Выявленные стилистические приемы используются для повышения эмоциональности текста, его выразительности, а также для объективации оценочности. Информационная функция уходит на второй план в женском медиадискурсе.

Дальнейшей перспективой исследования представляется сопоставительное изучение языка женской/мужской прессы, а также сопоставительное изучение затронутых аспектов английского/русского языков.

Список использованной литературы и источников:

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // ЛЭС.М.: Советская энциклопедия, 1990. С.136–137.

2. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

3. *Тупикова С.Е.* Когнитивные модели некоторых видов тональности англо- и франкоязычного медиадискурса // Известия Саратовского Университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Том 17. №4. 2017. С. 404-407.

4. *Harris Z.S.* Discourse analysis // Language. Vol. 28. 1952. P. 474–494.

5. *Лукин В.А.* Противоречие и согласие: языковые концепты, дискурсивные стратегии, текстовые свойства/ В.А. Лукин// Вопросы языкознания. 2003. №4. С. 91-109.

УДК 81-25

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ФАКТОР РИСКА В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Д.В. ИВАНОВА

Иванова Дарья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: 043@mail.ru

Аннотация: В статье описываются этнокультурные особенности речевого поведения, их влияние на межкультурную коммуникацию. Рассмотрены такие понятия как вежливость, речевой этикет и их национальные особенности. Анализируются доминирующие коммуникативные черты русских и американцев, специфика их этнокультурного поведения в конфликтной ситуации общения.

Ключевые слова: речевое поведение, этнокультурные особенности, межкультурная коммуникация, речевой этикет

ETHNOCULTURAL PECULIARITIES OF SPEECH BEHAVIOR AS A RISK FACTOR IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

D.V. Ivanova

The article focuses on ethnocultural peculiarities of speech behaviour, their influence on intercultural communication. Politeness, speech etiquette and their national special features are shown. Communicative dominant characteristics of the Russians and the Americans are analyzed, their ethnocultural behaviour in conflict situation is described.

Key words: speech behaviour, ethnocultural peculiarities, intercultural communication, speech etiquette

Межкультурная коммуникация – сложное и многогранное явление. Для того, чтобы межкультурное взаимодействие проходило успешно, необходимо выполнение ряда условий, способствующих гармонизации и продуктивности коммуникативного процесса. Социальное взаимодействие представляет собой неотъемлемую часть любой коммуникации, для повышения эффективности межкультурной коммуникации необходимо принимать во внимание не только этнокультурные, но и социальные составляющие.

В процессе межкультурной коммуникации важно не только знание языка, но и культурных особенностей, что неоднократно отмечалось лингвистами. Прежде всего, следует отметить, что язык и культура взаимосвязаны, язык не существует вне культуры. Только знание чужого языка позволяет воспринимать мир так, как собеседник – представитель иной культуры. Следовательно, для того, чтобы хорошо понимать своего собеседника-представителя другой культуры, необходимо не только изучить его язык, но и знать культурные особенности, характерные для представителя данного народа. Отмечается, что для того, чтобы межкультурная коммуникация состоялась и была признана успешной, важно не столько знание самого языка (фонетики, лексики и грамматики), сколько доброжелательный настрой и хорошее отношение к партнерам по коммуникации[1].

Вежливость является неотъемлемым компонентом межкультурной коммуникации. При этом для того, чтобы быть вежливым в межкультурном общении, недостаточно иметь языковые знания, то есть знать этикетные формулы, существующие в языке общения. Очень часто они непереводимы, хотя и могут казаться похожими. Необходимо знать, в каком коммуникативном контексте они могут быть использованы, каково их значение, какие

речевые действия нужно совершать в той или иной ситуации общения. С.Г. Тер-Минасова употребляет понятие «конфликт культур», означающее культурный шок, вызванный столкновением различных культурных традиций. Необходимо отметить, что даже при совпадении основных культурных ценностей, а также при относительной похожести двух культур, могут возникать некоторые коммуникативные затруднения при незнании специфических национальных особенностей партнера по коммуникации.

Изучив национальные особенности поведения представителей разных народов, лингвисты приходят к выводу, что для каждого народа характерно определенное поведение, у каждого народа существуют свои, особенные национальные стереотипы, национальный характер, а также нормы речевого поведения и этикета. Менталитет и национальный характер определяют национальное поведение. Для того, чтобы иметь представление о национальных особенностях поведения представителя другого народа, необходимо исследовать коммуникативное поведение данного народа. Совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности называют национальным коммуникативным поведением[2]. Этнокультурные особенности проявляются в особенностях поведения того или иного народа в стандартных ситуациях. Представители одной национально-культурной общности, как правило, ведут себя в сходных ситуациях сходным образом, что позволяет говорить о национальном характере, обобщенных чертах. Вместе с тем, поведение, определяемое национальным характером, вовсе не обязательно одинаково для всех представителей данной нации. Наряду с национальными чертами, поведение коммуникантов отражает и их индивидуальные особенности. Речевое поведение каждого говорящего содержит универсальные, этнокультурные и индивидуальные черты[3].

Общение в любой ситуации обусловлено многими факторами: временем и местом общения, отношениями между собеседниками, степенью официальности общения, коммуникативной ситуацией и др. Однако можно выделить так называемые доминантные особенности коммуникативного поведения народа, то есть такие особенности общения, которые проявляются у представителей данного народа во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций у представителей разных возрастных, гендерных, социальных групп[4]. Доминантные особенности коммуникативного поведения - это речевые особенности, которые характерны для представителей одной этнокультурной общности в сходных коммуникативных ситуациях. В доминантных особенностях коммуникативного поведения проявляются наиболее яркие отличительные особенности общения того или иного народа.

Считается, что знание и соблюдение норм речевого этикета способствует успешному общению, однако, этого нельзя сказать о межкультурной коммуникации. Речевой этикет свойственен всем народам и культурам, однако, его употребление является национально специфичным. Речевой этикет называют социально заданной и национально специфичной системой коммуникативных стереотипов, устойчивых выражений, служащих для установления, поддержания и размыкания контакта общающихся в соответствии с их статусом, психологическими и социальными ролями, ролевыми и личными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения[5]. Этикет входит в круг обычаев, традиций и ритуалов, составляющих специфику концептов национальной языковой картины мира; это такие речевые ситуации, как: знакомство, приветствие, обращение, прощание, благодарность, извинение, поздравление, комплимент, соболезнование, просьба, предложение, приглашение и другие.

Речевой этикет, как правило, способствует регуляции и гармонизации общения, однако, в ситуации межкультурного взаимодействия соблюдение правил «своего» речевого этикета может привести к непониманию или к затруднениям в общении. Речевой этикет разных народов существенно различается. Различна роль улыбки, рукопожатия, объятий и поцелуев при встрече, приветствии и прощании, причем эти различия нередко оказываются весьма значительными[2]. Соблюдение правил только лишь «своего» этикета, игнорирование норм речевого этикета представителя другой этнокультурной группы при межкультурной коммуникации является достаточно рискованным, может привести к непредсказуемым

последствиям, даже к конфликтной ситуации и значительно снижает эффективность коммуникации в целом. Однако, даже соблюдение всех речевых формулировок (правильного обращения, соответствующих ситуации приветствия, прощания, извинения и т.д.) не гарантирует успешности общения при полном игнорировании невербальных правил поведения другой этнокультурной группы.

Любое коммуникативное поведение проявляется как в вербальных, так и невербальных средствах общения. К вербальным средствам общения относят взаимодействие при помощи речевых средств; к невербальным относят неречевые формы общения, например: мимику, жесты, позу, интонацию, громкость голоса и др. Для успешной межкультурной коммуникации необходимо учитывать особенности не только вербального коммуникативного поведения, но и невербального. Невербальное коммуникативное поведение в межкультурном общении порой играет даже более важную роль, чем вербальное. Если при прекрасном знании языка и речевого этикета другой этнокультурной группы не соблюдать правил невербального поведения, это может привести к непониманию, снижению эффективности общения.

Представители разных этнокультурных общностей по-разному смотрят на возможность возникновения спора в процессе коммуникативного процесса. Особенно заметны такие различия в ситуации социального неравенства, при вертикальном общении (с начальством), в различных коммуникативных ситуациях официального общения, в общении учителя с учениками, преподавателя со студентами и т.д. Различные этикетные установки формируют разное поведение представителей разных народов в ситуации общения, в том числе и в ситуации конфликта. Поведение в конфликтной ситуации представителя какого-либо народа, в свою очередь, во многом зависит от норм поведения, которые предписывает этикет данного народа, от установившихся этикетных формулировок.

Лингвистами неоднократно отмечалась несхожесть русского языка с английским и, как следствие, различия в национально-культурных особенностях. Так, сравнивая картины мира, концептосферы, восприятия русскоговорящих и англоговорящих коммуникантов, ученые приходят к выводу, что за внешним сходством формальной структуры языкового сознания стоят совершенно разные образы мира. Такое сравнение часто строится на противоположностях. Авторы противопоставляют: русский пессимизм и оптимизм американцев, русский коллективизм и американский индивидуализм. Однако, исследователи отмечают, что американцы ближе к русским, чем европейцы.

Сравнительное исследование американского и русского национального поведения является актуальным, поскольку знание этнокультурных особенностей речевого поведения снижает конфликтогенность при межкультурной коммуникации, что особенно важно в современной общественно-политической ситуации. К доминирующим чертам американского коммуникативного поведения относятся: общительность, прямота в общении, эмоциональность, выраженная доброжелательность, коммуникативный оптимизм, стремление к достижению компромисса, стремление не нарушать privacy, толерантность, высокая доля юмора в общении, коммуникативные табу, бесконфликтное общение, в связи с чем табуируются темы, которые теоретически могут нарушить бесконфликтное течение коммуникации и др.[4].

Для русских считаются характерными такие коммуникативные черты, как эмоциональность, искренность, пессимизм. Многие авторы указывают на общительность как на одну из ведущих характеристик русского коммуникативного поведения. Общительность русского человека в сопоставлении с западным коммуникативным поведением может быть оценена как очень высокая. К основным чертам русского коммуникативного поведения относят также низкую вежливость по отношению к незнакомым, низкое стремление к достижению компромисса, допустимость публичного выражения несогласия, допустимость перебивания собеседника, дискуссионность общения. Очень многие зарубежные наблюдатели отмечают, что русские временами могут говорить очень грубо, причем со всеми категориями собеседников, в любых ситуациях, даже в ситуации социального неравенства. Это является отражением эмоциональности и бескомпромиссности русского человека.

Бескомпромиссность – существенная черта характера и поведения русского человека, ярко проявляющаяся в его коммуникативном поведении. Эмоциональная речь занимает очень заметное место в структуре русского общения.

Традиционно считается, что англоговорящие коммуниканты стараются избегать высказываний, которые могут вызвать несогласие, спор, их коммуникативное поведение характеризует некатегоричность общения. Для них спор – это обмен точками зрения, допускающими правоту собеседника в той же мере, как и правоту говорящего. Как правило, русские считают, что верна только одна точка зрения – их собственная, они часто не дают собеседнику возможность «сохранить лицо» в споре, достойно выйти из конфликтной ситуации. Русские в условиях различия во мнениях ведут себя бескомпромиссно. Русский человек легко и охотно вступает в спор, причем в споре каждый коммуникант имеет установку на победу, каждый спорит, чтобы доказать собеседнику свою правоту, одержать верх в споре. Выражение «бесконфликтный человек» имеет синоним бесхребетный, беспринципный человек, не умеющий постоять за себя, отстоять свою точку зрения, свои принципы[4]. Русские не пытаются избегать тем, которые могут привести к конфликтной ситуации, к столкновению точек зрения, т.е. конфликтная тематика общения в русской культуре вполне допустима. Однако, при общении русских на межличностном уровне речь идет не столько о склонности к конфликтному общению, сколько об эмоциональной вовлеченности в процесс коммуникации, что, при незнании данной этнокультурной особенности при межкультурном общении может быть воспринято как грубость, нарушение норм этикета.

Изучение коммуникативного поведения любого народа возможно на основе изучения его сходства и различий с коммуникативным поведением других народов. В процессе общения представители разных народов демонстрируют как сходство в поведении, так и отличия. Для успешной межкультурной коммуникации важно знать нормы и традиции коммуникативного поведения представителей другой языковой культуры. Знание правил речевого этикета, принятых языковых норм, культурных особенностей обеспечивает эффективное коммуникативное поведение. Несоблюдение правил и норм представителей другой культуры может привести к недоразумению и даже конфликтной ситуации. Различия в поведении представителей разных национальностей касаются как общей манеры, стиля общения, так и различий в тех или иных конкретных коммуникативных ситуациях. Для того, чтобы межкультурная коммуникация проходила эффективно, была успешной, необходимо учитывать этнокультурные особенности речевого поведения коммуникантов-представителей другой культуры.

Список использованной литературы и источников:

1. *Тер-Минасова С.Г.* Из практики межкультурной коммуникации, или взгляд на мир через щелку железного занавеса // Сборник научных и учебно-методических трудов Под общ. редакцией С. Г. Тер-Минасовой и М. Г. Бахтиозиной. Москва, 2017. С. 5-20.

2. *Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: Коммуникативное поведение. Москва, 2006. (2-е изд., испр. и доп.)

3. *Larina T., Leontovich O.* Too many walls and not enough bridges: the importance of intercultural communication studies // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. Т.19. № 4. С. 9-16.

4. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 249 с.

5. *Формановская Н.И.* Речевой этикет // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет: Под редакцией А.П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 545-547.

УДК 378.016: 811.112.2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ

Н.Д. ИОСИЛЕВСКАЯ

Иосилевская Наталья Дмитриевна, старший преподаватель кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: natali.iosilevskaya@yandex.ru

Аннотация. В статье указываются особенности креолизованных текстов, позволяющие использовать их в преподавании иностранных языков как фактор оптимизации при формировании межкультурных компетенций. Излагаются некоторые методические приемы работы с поликодовым языковым материалом.

Ключевые слова: поликодовый языковой материал, креолизованный текст, визуальная социокультурная информация, межкультурная компетенция

THE USE OF CREOLIZED TEXTS AS THE FACTOR OF OPTIMIZATION WHEN TEACHING FOREIGN STUDENTS

N.D. Iosilevskaya

Abstract. The article specifies the features of creolized texts that allow using them in teaching foreign languages as a factor of optimization in the formation of intercultural competences. Are some teaching methods work with polycodium language material.

Key words: polycode language material, creolized text, visual socio-cultural information, intercultural competence

В современной коммуникации отмечается возрастание объема визуальной информации. Это обуславливает необходимость изучения языка в его связях с невербальными кодами. В.М. Березин отмечает, что визуальная информация все чаще становится элементом текстообразования[1], Таким образом при изучении иностранного языка требуется разрабатывать и использовать учебные задания на основе поликодового языкового материала или креолизованных текстов. Креолизованные тексты - это тексты, состоящие из двух разнородных частей: вербальной и невербальной, которые состоят в неразрывной связи. При удалении одного из компонентов, оставшийся компонент либо перестает передавать информацию, либо делает это неполноценно, искажает интерпретацию[2].

В психолингвистических исследованиях исходным считается положение о том, что информация, воспринимаемая по разным каналам (вербальный текст и изображение), интегрируется и перерабатывается человеком в едином универсально-предметном коде мышления[3]. Целесообразность использования поликодовых текстов подтверждается тезисом М.Б. Ворошиловой об усвоении информации: информация, содержащаяся непосредственно в текстовом сообщении, усваивается лишь на 7%, голосовые характеристики способствуют усвоению 38% информации, тогда как наличие визуального компонента повышает восприятие до 55%[4].

Что касается жанровой принадлежности креолизованных текстов, то в литературе в качестве примеров приводятся прежде всего тексты рекламы и комиксы. Однако более детальный анализ позволяет утверждать, что креолизованные тексты возможны для всех жанров. Тексты отражают мировоззрение, ценности, эстетические идеалы, изучение которых в совокупности представляет собой социокультурный аспект изучения иностранного языка. Наличие визуальной составляющей позволяет быстрее уяснить сущность ранее незнакомого факта или выявить возможные национально-культурные различия сходных явлений.

Далее мы хотели бы показать возможности использования креолизованных текстов на примере обучения переводу текстов по социологии, политологии и газетной публицистики. В этих текстах мы обнаружили целый ряд лексических единиц типа:

rot-grüne Koalition (Regierung; Zusammenarbeit); der erste grüne Ministerpräsident Deutschlands; Rot-Grün; die Grüne Liste (Aktion; Marktwirtschaft); die grünen Politiker (Jahre); das einzige grüne Direktmandat; die bisher einzige schwarz-grüne Koalition; rot-rot-grüne Koalitionen; Schwarz-Gelb-Grün; „Die Zukunft ist grün"; Grüne Jugend und Campusgrün; die grünen und grün-nahen Hochschulgruppen и др.

Здесь мы имеем дело с лакунарной лексикой, причем речь идет как о лексических лакунах, так и о культурных реалиях. Кроме того, дополнительная сложность перевода обусловлена тем, что прилагательные цветообозначения используются в коннотативном значении. Существует целый ряд приемов передачи реалии и коннотации средствами переводящего языка. Во многих случаях необходимо приводить переводческие комментарий или делать перевод системного значения лексической единицы. Принципиальным и обязательным при этом является наличие у студента-переводчика фоновых страноведческих знаний. Но, как правило, страноведческая информация, необходимая для составления такого комментария или для дефиниции лексической единицы, в переводимом тексте отсутствует.

Для того, чтобы уменьшить или даже исключить подобные трудности можно использовать креолизованные тексты. Следует подобрать или составить такие тексты, где визуализация раскрывает значение коннотаций или культурологические особенности. Креолизованные тексты быстро и наглядно восполняют недостающие фоновые знания по страноведению. Студентам можно предложить ряд текстов, которые содержат информацию о политических парламентских партиях Германии.

Пример 1.

Bündnis 90/Die Grünen

Gründung	13. Januar 1980 (Die Grünen) 21. September 1991 (Bündnis 90) 14. Mai 1993 (Vereinigung)
Haupt sitz	Platz vor dem Neuen Tor 1 10115 Berlin
Aus richtung	Grüne Politik
Farbe(n)	grün
Bundestagsmandate	**68/620**
Staatliche Zuschüsse	€ 15.154.545,27 (2012)
Mitglieder zahl	60.003 (Stand: 24. Februar 2013)
Durch schnitts alter	42 Jahre
Frauen anteil	37,4 Prozent

Bündnis 90/Die Grünen (Kurzbezeichnung: **GRÜNE**; auch als *Bündnisgrüne* oder *B'90/Grüne* bezeichnet) ist eine politische Partei in Deutschland. Ein wesentlicher inhaltlicher

Schwerpunkt ist die Umweltpolitik. Leitgedanke grüner Politik ist ökologische, ökonomische und soziale Nachhaltigkeit.

Protest gegen Atomkraft im November 2008

Beteiligung auf der „Freiheit statt Angst"-Demonstration

Знакомясь с содержанием текстов, студенты понимают, что в общественной жизни Германии политические партии устойчиво ассоциируются у людей с определенными цветами. Эти цвета указаны в партийных документах, присутствуют в партийной символике, доминируют при оформлении партийных акций и мероприятий и др. В ходе работы над текстами у студентов складывается представление об этнокультурных особенностях выделения понятий, их номинации и использования лексического материла. Сравните: CDU - schwarz, blau, orange *ХДС - черный, синий, оранжевый*; CSU - blau, grün, schwarz *ХСС - синий, зеленый, черный*; SPD - rot *СДПГ - красный*; B'90/Grüne - grün *Партия Зелёных -зеленый*; FDP - blau, gelb *СДП - синий, желтый*; die Linken - rot *Левые -красный.*

При этом студентам нужно пояснить, что соответствующие коннотации:

- качественных прилагательных цветообозначения получают значения относительных прилагательных со значением «принадлежащий к определенной партии», «соотносимый с определенной партией»: der grüne / rote Politiker; die rot – rote Koalition и др.

- субстантивированных прилагательных цветообозначения являются экспрессивно-эмоционально окрашенными дубликатами терминов общественных наук и публицистики, т.е. обозначений политических партий: die Grünen, die Gelben, die Roten, die Schwarzen.

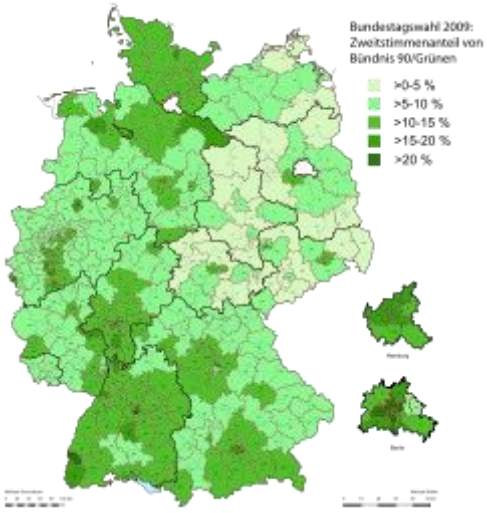
К текстам прилагаются вопросы и задания, акцентирующие внимание студентов на соответствующей страноведческой информации. Эти задания облегчают семантизацию лексических единиц, которые встретятся далее при работе над текстами соответствующей тематики. Получив необходимую фоновую информацию студенты могут сделать перевод предлагаемых лексических единиц. Сравните: rot-grüne Koalition *коалиция Левых и Зелёных*; der erste grüne Ministerpräsident Deutschlands *первый член партии Зелёных на посту председателя правительства*; die schwarz-grüne Koalition *коалиция парламентских фракций ХДС и партии Зелёных*; rot-rot-grüne Koalitionen *коалиция парламентских фракций СДПГ, Левых и Зелёных*; „Die Zukunft ist grün" *«Будущее за партией Зелёных»*; Grüne Jugend und Campusgrün *молодежное и студенческое крыло партии Зелёных*; die grünen und grün-nahen Hochschulgruppen *представительства партии Зелёных а вузах, а также объединения, близкие им по духу* и др.

Использование поликодовых текстов позволяет активизировать также и работу по формированию навыков речепорождения.

Пример 2.

По форме текст представляет собой краткий вербальный комментарий в виде заглавия, информации о статусе (выборы в Федеральный Парламент) и времени выборов в сочетании с визуальным компонентом - изображением ряда карт Германии, каждая из которых имеет цвет одной из политических партий. Содержанием текста является отчет об итогах избирательной кампании. При этом разница в интенсивности окраски указывает на уровень поддержки избирателями соответствующей партии в различных регионах страны.

Wählerschaft



Zweitstimmenanteil in den Wahlkreisen bei der Bundestagswahl 2009.

Информацию текста студенты используют при подготовке ответов на вопросы по его содержанию или монологического высказывания о парламентских выборах в Германии. Работе над текстом должны предшествовать необходимые лексико-грамматические упражнения, введение и закрепление тематического словаря, речевых клише и др.

Пример 3.

Вербальная часть текста представляет собой лаконичное популярное изложение партийных программ (1000 – 1200 печ.зн.).

Невербальная часть:

- информирует о том, что это политические партии (фото предвыборных плакатов и партийных мероприятий с акцентом на логотипы и цвета партий);
- указывает на то, что это парламентские партии (фото зала заседаний Бундестага);
- указывает на численность парламентских фракций (цветная диаграмма с указанием численности каждой фракции);
- информирует о парламентских коалициях, которые в разные годы формировали Федеральное правительство (несколько цветных диаграмм с указанием года формирования правительства).

Данный текст можно использовать как источник страноведческой информации, а также как материал для закрепления речевых навыков. Для вербализации невербальной составляющей текста, в зависимости от уровня подготовки группы, можно предложить подобрать ключевые слова, составить план высказывания, составить тезисы, ответить на вопросы по содержанию текста. Таким образом работа с аутентичным креолизованным текстом дает страноведческую информацию, активизирует запоминание лексики за счет различных каналов восприятия (зрение, слух, ассоциации) и обуславливает понимание принципов номинации, дает возможность развития навыков говорения при вербальном описании фактов, представленных в этом тексте невербальными средствами.

Данный материал мы предлагаем студентам в электронном виде (поскольку не можем предложить цветные бумажные копии). Мы используем эти тексты как дополнительные для аудиторной или самостоятельной работы. За счет визуальной опоры вербальная часть этого учебного материала достаточно компактна, и работа над этими текстами не требует больших временных затрат. Методику использования креолизованных текстов можно рекомендовать на различных этапах обучения как фактор оптимизации при обучении иностранному языку.

Список использованной литературы и источников:

1. *Березин В.М.* Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003.
2. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М., 2003.
3. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982
4. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – Вып. 3(23). – Екатеринбург, 2007.

УДК 808.53

РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНАФОРЫ И ЭПИФОРЫ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ МАСС-МЕДИА

О.И. ИСМАИЛОВА

Исмаилова Ольга Исмаиловна, аспирант Саратовского социально-экономический института (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова.
E-mail: frezia@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена характеристике и анализу роли фонетических средств речевой выразительности в англо- и русскоязычных масс-медиа. Цель работы - выявить функциональные возможности и риски употребления таких стилистических приёмов как анафора и эпифора. В статье проводится дискурс-анализ примеров, содержащих данные стилистические фигуры.
Ключевые слова: масс-медиа; речевое воздействие; языковая игра; анафора; эпифора

RISKS OF USING ANAPHOR AND EPISTROPHE IN ENGLISH-LANGUAGE AND RUSSIAN- LANGUAGE MASS-MEDIA

O.I. Ismailova

Abstract. The article pays attention to the description and analyzing phonetic means of expression in the English-language and Russian-language mass media. The aim of the work is to identify the functionality and risks of using stylistic techniques such as anaphor and epistrophe. The article presents a discourse analysis of models containing these stylistic figures.
Key words: mass-media; linguistic manipulation; language game; anaphor; epistrophe

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время всё чаще ведутся дискуссии на тему межкультурной коммуникации и различных аспектов данной проблемы. Исследователи (Д.В. Козловский; Н.В. Шеляхина) изучают рациональные способы взаимодействия и образования в межкультурной среде, семейные ценности и суждения, вербальное и невербальное взаимодействие, а также воздействие народов друг на друга[1,2]. Одним из наиболее распространённых способов передачи информации и воздействия на население являются средства массовой информации. Масс-медиа выбирают различные способы языкового воздействия, одним из которых может стать языковая игра.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Данное явление в значительной степени отражает то, как носитель языка воспринимает и познает окружающий мир и себя в этом мире, поскольку в бесконечно порождаемых языковых трансформациях заложены различные способы выражения оценки явлений, событий, фактов, в том числе юмор и ирония. Активно используя средства всех без исключения уровней языка, игра выступает одним из важнейших принципов моделирования разнообразных смыслов на стыке языка и речи: любая трансформируемая единица формирует

сугубо контекстуальные коннотации, получает ситуативное семантическое наполнение. Вследствие этого могут возникать риски недопонимания между автором и читателем/слушателем.

Эффективное речевое воздействие, в том числе его агрессивная форма, может радикально изменить взгляды адресата[3]. Гаврилова А.А. полагает, что автор текста может точнее передать информацию и оказать воздействие на реципиента с помощью определённых языковых единиц и приёмов[4]. Речевая коммуникация – это стратегический процесс, базисом для него является выбор оптимальных языковых ресурсов.

На фонетико-морфологическом уровне авторы часто строят языковую игру на основе анафоры и эпифоры.

Анафора - единоначатие, повторение сходных звуков, слов, синтаксических и ритмических построений. Этот стилистический приём направлен на усиление выразительности, лучшей передачи эмоций.

Эпифора – стилистическая фигура, представляющая собой повторение конечных частей (звуков, слов, грамматических форм, строк, фраз).

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Воздействие на сознание языковыми средствами представляет собой комплексную лингвистическую систему, находящуюся в непрерывном развитии и связанную с процессами социодинамики общества. Лингвистике отведена ключевая роль в выявлении и исследовании языковых воздействий: она изучает построение манипуляционного высказывания в рамках различных направлений (дискурс-анализа, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии), позволяет прогнозировать реакцию реципиента, основываясь на фонетических, лексико-семантических, грамматических, синтаксических законах языка и риторических правил построения речи[5].

При анализе примеров, найденных методом сплошной выборки, был использован дескриптивный метод исследования, а также дискурс-анализ с целью выявления лингвистических манипуляций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотрим следующие примеры:

*F**ou**r Tory **donors** in **honours** row.*

David Cameron was under attack yesterday after it emerged that at least four leading Tory party donors had been rewarded in the new year honours list. (Sunday Times, 1.01.2013)

В исследуемом примере автор использует эпифору, сталкивая две лексемы «donors» (рус. экон. «предоставляющие помощь») и «honours» (рус. «почести, награды»), таким образом, поддерживая недовольство населения выбором таких кандидатур из консервативной партии (партии тори). Помимо этого, в заголовке использован ассонанс (созвучие гласных звуков, преимущественно ударных), повторяется один и тот же звук [о], который вызывает ассоциации с неодобрительным гулом.

***Cash-for-ash** scandal.*

Inspections of Renewable Heat Incentive scheme sites are to begin in May in an attempted crackdown on abuse of the scheme. (BBC, 14.12.2016)

В рассматриваемом случае стилистический приём призван показать абсурдность новой системы отопления с помощью возобновляемого топлива вместо горючего в Северной Ирландии, на которую были выделены миллионы фунтов. Однако, автор, употребляя сочетание «cash-for-ash» (рус. «деньги за золу»), подчёркивает, что это не привело к желаемому результату.

Trump Bump Boosts ‘Smart **B**eta’ Funds.

Interest increasing in funds known as smart beta that pick stocks based on traits like growth or volatility. (The Wall Street Journal, 5.02.2017)

В анализируемом примере автор, используя эпифору «Trump bump», практически стирает звуковую границу между словами, при этом добавляя в заголовок аллитерацию с повторяемым звуком [b]. Так, он хочет показать эффективность «ударных» действий, предпринятых президентом Дональдом Трампом, способствующим продвижению Фондов взаимных инвестиций.

В русскоязычных масс-медиа также встречаются примеры эпифоры, хотя их меньше, чем в англоязычных источниках.

*Цена **отказа** от российского **газа** - «Великий смог» в Киеве: обзор энергетики.* (Информационное агентство «Regnum», 25.01.2017)

В данном случае автор указывает на негативные последствия для Украины, вследствие введения антироссийских санкций, которые привели к энергетическим проблемам в стране.

*Огур**ец** - не молод**ец**.*

Свежие огурцы рискуют стать в России товаром премиум-класса ... (Российская газета, 24.01.2017)

С помощью такой незамысловатой рифмы автор акцентирует внимание адресата на резко возросших ценах на свежие овощи.

Помимо эпифоры на фонетическом уровне для создания манипулятивного воздействия на читателя/слушателя используется такой стилистический приём как анафора.

***Hola**, Cuba! It's **Holly**wood Calling. (nytimes.com, 12.02.2016)*

Данный заголовок служит примером позитивного эмоционального воздействия на читателя, т. К. говорит о налаживании отношений между Америкой и Кубой, также повтор звука [h] придаёт высказыванию легкость, создавая ассоциацию с дыханием.

Ген**ий-ген**ерация. (Российская газета, 7.02.2017)

В исследуемом примере автор преднамеренно повторяет буквенное сочетание «ген-», говоря о поколении молодых лауреатов премии президента РФ в области науки и инноваций, подчёркивая тот факт, что наследственность тоже сыграла немалую роль в их достижениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав примеры языковой игры на фонетическом уровне, можно сделать вывод, что авторы применяют такие стилистические приёмы как анафора и эпифора для оказания манипулятивного воздействия на реципиента. При этом характер воздействия напрямую зависит от коммуникативной цели, оценки и интерпретации информации адресантом, а также от восприятия и эмоционального состояния адресата.

Список использованной литературы и источников:

1. *Козловский Д.В.* Картина мира как субъективный образ объективной реальности в сознании человека // Язык и мир изучаемого языка. № 6. Саратов: Саратовский институт РГТЭУ, 2015. С. 49–51

2. *Шеляхина Н.В.* Инновационное развитие языкового конструирования в современной России // Инновационная деятельность. № 1–1 (23). Саратов: СГТУ им. Гагарина Ю. А., 2013. С. 133-139

3. *Исмаилова О.И.* Использование приёмов языковой игры как инструментов информационно-психологической войны // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 2. М.: Научные технологии, 2017. С. 82-84

4. *Гаврилова А.А.* Метатекстовые средства дополнительной интерпретации в немецких научных текстах // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. №73-1. СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 128–135

5. *Данилова А.А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. 2-е изд. М.: Добросвет ; КДУ, 2011. 232 с.

УДК 379.85

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ГОСТЕПРИИМНОЙ СЕДЫ ДЛЯ ПРИЕМА КИТАЙСКИХ ТУРИСТОВ

О.В. КОРОЛЕВА

Королева Оксана Владиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедра туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: korolevaov@mail.ru

Аннотация. Исследуются поведенческие характеристики китайских туристов, риски пребывания и возможности создания гостеприимной среды в России. Установлено, что феномен китайского туриста имеет ярко выраженное культурного измерение, что требует от работников сферы туризма построения коммуникационной модели их приема и обслуживания. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в практике приема китайских туристов и создания комфортной среды их пребывания в России.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; китайские туристы; туристское поведение; гостеприимная седа.

THE ISSUE OF CREATING TOURIST-FRIENDLY ENVIRONMENT FOR CHINESE TOURISTS

O.V. Koroleva

Abstract. This article analyses the behavioral characteristics of Chinese tourists, the risks of their stay and the possibilities of creating tourist-friendly environment in Russia. It is found out that the phenomenon of Chinese tourists has a strong cultural dimension, which requires from employees in the sphere of tourism to construct the communication model of their reception and service. The practical aspect of the researched problem can be implemented in the practice of the reception of Chinese tourists and creation of a comfortable environment for their stay in Russia.

Key words: inter-cultural communication; the Chinese tourists; tourist's behavior; hospitality.

ВВЕДЕНИЕ

Туризм является сложным многомерным явлением с выраженным социально-психологическим измерением. Несмотря на высокую коммуникативность и заинтересованность туристов в межкультурном общении, в пространстве туризма по-прежнему концентрируются не совпадающие нормы социального поведения, наблюдаются негативные смыслы в восприятии «других». Риски межкультурной коммуникации продолжают оставаться одной из самых актуальных проблем в пространстве «близкого взаимодействия». На межкультурную толерантность в туризме оказывают действие такие факторы, как степень этнокультурной компетентности; психологическая готовность к межкультурному диалогу; опыт и навыки межкультурного взаимопонимания и взаимодействия. Все эти параметры следует формировать и развивать, чтобы завоевать свою нишу на международном туристском рынке.

Китайцы гораздо позднее, чем европейцы и американцы, оказались вовлеченными в международные туристские обмены. Однако они быстро заняли лидерские позиции в числе самых путешествующих наций. Китайский туристский рынок рассматривается самым перспективным для России, поэтому перед нашей страной стоит сложная задача — выиграть борьбу за китайского туриста. Для этого следует не только выработать эффективную политику по привлечению китайцев, но и обеспечить комфортную гостеприимную среду их пребывания в стране. Важным шагом является исследование особенностей и предпочтений китайского туриста. В настоящей статье представляется целесообразным изучение передового

опыта зарубежных стран, которые путем проб и ошибок научились успешно взаимодействовать с туристами из КНР.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

За последние годы Китай стал одним из основных туристских доноров в мире. Бурный рост китайского туризма будет продолжительным, что связано с ростом потребительских расходов на услуги, а том числе и за пределами страны. Рост расходов китайцев на туризм и количества поездок за рубеж ежегодно подтверждает статус Китая как глобального лидера на рынке выездного туризма начиная с 2012 года. Несмотря на то, что председатель КНР Си Цзиньпин поощряет выездной туризм, который способствует укреплению «мягкой силы» страны на мировом арене, китайские чиновники корректируют поток туристов, исходя из «температуры» политических отношений с разными странами.

В России существуют предпосылки для проведения политики «мягкой силы» в отношении КНР, целью которой является создание у китайского туриста позитивного образа страны как туристского направления. В их числе положительное отношение большого количества китайских граждан к нашей стране, теплых чувств (особенно старшего поколения) к русской культуре и партнерских межгосударственных связей, широко освещаемых в китайских СМИ. Не смотря на положительные тенденции в российско-китайском туризме, заинтересованность и содействие руководства обеих стран развитию связей, «диалог» между китайскими гостями и принимающими их россиянами зачастую развивается стихийно и приводит к нежеланным последствиям для обеих сторон.

Как сложатся эти отношения, насколько жители принимающей страны гостеприимны, каков их уровень владения информацией об истории, культуре и современности своей страны, какова языковая подготовка и, главное, как обойти «острые углы», которые возникают при погружении туриста в непривычную ментальную среду - это всё является практическим применением «мягкой силы»[1].

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В какую бы страну ни отправились китайские туристы, они привозят с собой свои потребительские привычки, вынуждая зарубежные туристские компании изменять традиционные для них способы обслуживания. Исследование строится на социо-культурном подходе, поскольку устойчивые «модели» поведения и восприятия китайских туристов формируются под влиянием ценностных ориентаций и культурных норм. Системный подход позволяет целостно изучать потребительское поведение китайцев в процессе осуществления туристских практик. Принципы деятельностного подхода дали возможность раскрыть специфику и содержание активности и потребительских практик китайцев в туризме. Идеи символического интеракционизма и концепции идентичности позволили понять механизмы социальной и культурной идентификации и дифференциации, происходящие в процессе потребления туристских услуг.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В 2017 году 130 миллионов китайских туристов выехали за рубеж, из них около 1,8 миллиона приняла Россия. При этом 947 тысяч туристов приехало из КНР в рамках Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках[2].

Россияне, контактирующие с гостями из КНР, чаще всего отмечают проблему так называемого «некультурного» их поведения. Так, поведение гостей и не соблюдение ими норм приличий в музеях, театрах и других заведениях культуры видятся проблемой для представителей туристской отрасли. В свою очередь, китайцы указывают на существующие в России проблемы, такие как малый выбор туристских маршрутов и программ, низкий уровень сервиса, общая неразвитость туристской инфраструктуры, скучные экскурсии и т. д.

Чтобы лучше адаптироваться к потребностям этой целевой группы, прежде всего, следует учитывать то, что по мере роста международной мобильности китайцев их отношение к потреблению туристских услуг становится все более «зрелым». Привычки китайских туристов претерпевают изменения не только благодаря накоплению опыта путешествий, но и при взаимодействии с культурами других стран мира. Английское издание «The Financial Times» отметило, что хотя общий объем расходов китайских туристов во время зарубежных поездок растет, но доля расходов на шопинг, напротив, стремительно падает. Авторы «Отчета о выездном туризме Китая в первой половине 2017 года» считают, что потребительское поведение китайских туристов за рубежом трансформируется от модели «покупки-покупки-и-еще-раз-покупки» к модели «неспешно наслаждаться путешествием». Они все больше отдают предпочтение неторопливому осмотру достопримечательностей. Ключевой мотивацией к путешествию становятся отдых и развлечения.

Групповые туры у китайцев становятся всё менее популярны, в то время как возрастает популярность самостоятельных путешествий, которые в большей степени располагают к вдумчивому наслаждению зарубежной культурой. Вышесказанное позволяет не сомневаться в том, что конкурентную борьбу выиграет та принимающая сторона, которая предложит всё более разборчивому, «голодному» до впечатлений и самостоятельному китайскому потребителю «особенный», разработанный только для него, турпродукт, способный удовлетворить его познавательный интерес.

22 февраля 2018 г. сянганская газета «Наньхуацзаобао» сообщила, что Россия все больше привлекает опытных китайских туристов, которые «устали» от посещения Парижа, Лондона и Милана. В поисках необычных туристских маршрутов они готовы посетить не очень известные туристические города России[3]. Причем, некоторые из них в числе таких городов называют Москву и Санкт-Петербург. Туристы, познавшие главные российские туристские центры, интересуется продуктами с включением Казани, Самары и Нижнего Новгорода.

Учитывая рост спроса китайцев на уникальные индивидуальные туры, то следует сделать акцент на предложения экстремального отдыха или инсентив-туров. Многие китайские компании отправляют по 200-300 сотрудников на какой-нибудь небольшой остров в Юго-Восточной Азии или даже в Европу. В поисках новых впечатлений китайцы выбирают экологические и тематические туры. Из-за нарастания проблемы загрязнения воздуха в Китае качество окружающей среды и девственная природа оказываются важными факторами при выборе туристического направления. Причем, экологические, экстремальные и тематические туры привлекают как поколение 60-х гг., так и поколение миллениума (двухтысячных). Например, в Великобритании китайцев привлекают зеленые парки, сельская местность и викторианские дома, которые они называют альтернативой загрязненным, переполненным городам, таким как Пекин и Гуанчжоу.

Для создания гостеприимной среды пребывания китайских туристов представляется важным не только разрабатывать привлекательный туристский продукт, но и устранить психоэмоциональный и коммуникативный барьеры для путешествующих по стране гостей. С этой целью в нашей стране реализуется специальная программа «China Friendly». Однако в Китае по-прежнему распространено мнение, что путешествие в Россию связано со многими неудобствами, возникновением стрессовых ситуаций, психического дискомфорта, связанного с опасениями по поводу не комфортных условий проживания, не качественного обслуживания, незнанием русского языка и т.д.

Китайские туристы не только не удовлетворены качеством российских услуг, но и итальянские гостиницы, по их отзывам, оставляют желать лучшего. Отмечается изношенность номерного фонда и отсутствие теплой воды. Актуальной проблемой по-прежнему является языковой барьер. Китайцев не устраивает медлительность итальянцев, сиеста, разочаровало отсутствие аудио-гидов и навигации на китайском языке в музеях[4].

Зарубежные СМИ рассказывают о «злоключениях» китайских туристов в Республике Корея. В этой популярной у китайцев стране наблюдается дефицит гостиничных мест, что

вынуждает их ночевать в jjimjilbang (сауна в корейском стиле). Также по сообщениям крупнейшего информационного агентства Республики Корея «Йонхап», во всем городе Пусан имеется только один лицензированный гид, который говорит по-китайски, в отличие от 262 гидов, говорящих на японском языке. В то же время Пусан посещает примерно одинаковое количество туристов из Китая и Японии[5].

Одним из ключевых направлений работы с китайскими туристами является содействие обеспечению безопасности их путешествий. Например, в Париже они часто становятся основной целью карманников, которые выбирают себе жертв возле основных туристических объектов. Китайцы более открыты, а потому более восприимчивы к уловкам карманников, чем другие нации, сильней отвлекаются и откликаются на любые внешние раздражители, теряя чувство контроля за личными вещами

Повысить привлекательность в глазах китайских туристов нашей стране поможет широкое применение сервиса платежей «Quick Pass» китайской платежной системы «Union Pay». Россия может перенять успешный опыт других стран по приему гостей из Китая. Так, в Японии, Таиланде и ряде других соседних с Китаем стран магазины один за другим внедряют системы мобильных платежей «WeChat» и «Alipay». Другой пример: в соответствии с потребностями китайских туристов, в историческом парке «Порт-Артур» в Австралии не только установили названия достопримечательностей на китайском языке, но и специально организовали бесплатные 45-минутные экскурсии на китайском 4 раза в день. Для того чтобы лучше выявить потребности туристов из Китая, представителям турбизнеса следует начать больше интересоваться китайской культурой питания и чайной культурой, изучать традиции китайских праздников и особенности маркетинга в микроблоге «Weibo».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, особенностью кросскультурной коммуникации является проблема понимания, обусловленная полным или недостаточным знанием, и (или) неприемлемостью объяснительных «матриц» «чужой» культуры. Первым шагом на пути к пониманию коммуникативного поведения должно стать ознакомление с ментальным миром и речевым этикетом иной культуры, типовыми мыслительными приемами, практикуемыми ее носителями. Обслуживание китайских туристов усложняется не только различиями в менталитете. Затруднения в общении также возникают из-за недоверия китайцев к «чужакам». Больший успех у этих гостей будут иметь экскурсоводы и переводчики, имеющие опыт работы с китайцами и еще лучше, не раз посетившие Китай. Сотрудникам сферы гостеприимства необходимо изучить основы китайского делового этикета. Только в этом случае появится возможность выстроить диалог с китайцами и получить более доверительное и плодотворное общение.

Список использованной литературы и источников:

1. *Александрова М.* Туризм как форма мягкой силы. Проблемы китайского путешественника в России // Информационно-политический проект «Однако». URL: http://www.odnako.org/blogs/turizm-kak-forma-myagkoy-sili-problemi-kitayskogo-puteshestvennika-v-rossii/ (дата обращения: 14.03.18).

2. *Королёв Н.* Федеральное агентство по туризму: объем взаимных поездок между РФ и КНР достиг четырех миллионов поездок. 15.03.2018 // Ежедневный интернет-журнал «Hotelier.PRO». URL: http://hotelier.pro/news/item/3319-chinaforum (дата обращения: 14.03.18)

3. Сянганские СМИ: Россия привлекает китайских туристов своей дружбой. 28.02.2018 // Китайский информационный Интернет-центру «Russian.china.org.cn». URL:http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-02/28/content_50697427.htm.

4. Dingding, Xin. Italy looks to attract Chinese tourists. 07.07.2009 // China Daily. URL:http://www.chinadaily.com.cn/world/2009g8/2009-07/07/content_8385659.htm.

5. Chinese tourists now No. 1 in Korea. Not all are happy. 09.10.2012 // CNN Travel. URL: http://travel.cnn.com/seoul/visit/chinese-tourists-now-no1-in-korea-124981/.

УДК 802.0 (075.8)

КОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. ЛАРИОНОВА

Ларионова Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: katiell@mail.ru

Аннотация. В статье предполагается, что современное образование должно быть основано на сочетании комплекса коммуникативных практик и направлено на формирование активной жизненной позиции. Важным является формирование профессиональных навыков, коммуникационных практик, призванных служить базовым основанием современного обучения студентов.

Ключевые слова: коммуникация, современное образование, профессиональные навыки.

COMMUNICATIVE ORIENTATION OF MODERN EDUCATION

E.V. Larionova

Abstract. The author assumes that modern education should be based on a combination of a set of communicative practices and is aimed at forming an active life position. Important is the formation of professional skills, communication practices designed to serve as the basis for modern student learning.

Key words: communication, modern education, professional skills.

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативный характер современной социальной реальности выдвигает определенные требования к методикам и содержанию подготовки специалистов, в связи с чем, приоритетной коммуникативной практикой становится само образование. Образование должно быть основано на сочетании комплекса коммуникативных практик и направлено на формирование активной жизненной позиции. Это и есть важнейший фактор фундаментальной гуманитарной составляющей образования, поэтому особенно важным является формирование профессиональных навыков, коммуникационных практик, призванных служить базовым основанием обучения студентов.

Сегодня на процесс образования студентов влияют социокультурные макрофакторы (доступность мирового образовательного пространства), микрофакторы (преподаватель сегодня не является единственно возможным источником образования) и традиционные мезофакторы (референтные группы, уклады образовательных учреждений). В современной ситуации «образования как процесса» встречаются взрослый человек и растущий человек, которым есть что сказать друг другу»[1].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Эффективное общение представляет важный стратегический ресурс развития личности современного специалиста, занятого в образовательной сфере. Для реализации своих должностных полномочий он должен овладеть теорией и практикой эффективного общения.

Одной из задач системы образования становится задача формирования личности, ориентированной на непрерывное саморазвитие.

Особое значение приобретает подготовка и самого преподавателя, способного работать в современных условиях: он должен быть творческой личностью, сочетать высокий профессионализм с общей культурой, владеть искусством профессионального общения, современными педагогическими технологиями[2]. Преподавателям следует меняться не только в реализации обучения, но и в осуществлении своевременной и объективной коммуникации со студентами. Необходимым условием является формирование у студентов мотивации на активную познавательную учебную деятельность и презентацию студентами своих достижений.

Работники образования передают свои знания в процессе общения с аудиторией, в качестве которой выступает как отдельный потребитель образовательных услуг, так и группа слушателей (большая, малая, средняя, хорошо или недостаточно организованная и профессионально подготовленная или, наоборот, слабо мотивированная).

Эффективное общение представляет важный стратегический ресурс развития личности современного специалиста. В условиях современного образования сложился «некоторый стандарт общения и универсальный образ коммуниканта, который предстает в качестве достойной личности, вызывающей доверие, способной добиться позитивного восприятия полученной информации и уважения слушателей»[2]. Основу речевого общения составляет процесс активного, целенаправленного, опосредованного языком, обусловленного ситуацией речевого взаимодействия людей друг с другом, которое реализуется в таких видах, как: говорение, слушание, чтение, письмо.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Специалист, настроенный на продвижение по службе, должен сформировать собственную модель эффективного общения, используя для этого стратегические ресурсы личностного развития. Инновационные методы позволяют изменить роль преподавателя, который является не только носителем знания, но и опытным наставником, инициирующим творческие поиски студентов и подготавливающим их к последующей профессиональной деятельности. Используя личностно-ориентированный подход, педагог помогает учащимся эффективно организовать обучение, акцентирует внимание на формирование их собственных образовательных потребностей, развивает мотивацию к обучению, что, несомненно, меняет подход студентов к учебе и повышает их ответственность и способствует активному участию в процессе обучения. Они начинают осознавать необходимость качественного образования для того, чтобы овладеть профессией и найти достойную работу. Цели и содержание обучения приобретают для студентов личностный смысл[1].

Одной из основных тенденций в подготовке конкурентоспособного специалиста является усиление коммуникативной направленности учебного процесса.

Коммуникативный метод внедряется в учебный процесс практически по всем дисциплинам в высшей школе. Считается, что максимально эффективные методы должны быть направлены на обучение за короткий промежуток времени и связаны с использованием различных информационных технологий и Интернет-ресурсов.

Взаимодействие образования и коммуникации определяет динамику развития образовательной системы в целом, реформирование отечественной системы высшего профессионального образования, превращение его «в межкультурную систему коммуникаций», актуализирует возникновение новой цифровой образовательной среды в высшей школе. Интенсивное развитие коммуникационных структур требует обновления образовательного пространства, в котором для снижения негативных последствий коммуникативных нарушений следует готовить обучающихся к творческому освоению и анализу ситуации риска, осваивать социальные коммуникации и коммуникативные практики[3].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Отсюда следует, что эффективное общение представляет важный стратегический ресурс развития личности специалиста образовательной сферы, особенно при выстраивании им профессиональной карьеры. В его основе лежит реализация индивидуальных естественных, психологических, ментальных, коммуникативно-образных ресурсов, а также высокий уровень сформированности культуры речи, содержательно и методически грамотной, соответствующей основным нормам русского литературного языка, способной реализовать речевые намерения коммуниканта[4]. Для эффективной (конструктивной) коммуникации требуется выполнение партнерами определенных правил, которые обеспечивают коммуникативное сотрудничество и помогают в реализации коммуникативных намерений:

- использование естественных, ментальных, психологических, технологических ресурсов оратора;
- доверие и внимание к собеседнику, сотрудничество с ним;
- создание уверенной мотивации и аргументации;
- использование вербальных и невербальных средств общения;
- высокий самоконтроль на всем протяжении речевого общения;
- разработка стратегии и тактики общения;
- уважительное отношение к любой аудитории;
- установление контакта и соответствие оратора аудитории;
- внешний облик оратора;
- соблюдение правил речевого поведения (речевого этикета);
- обязательное вступление и заключение в речевом общении.

Необходимо соблюдать нормы литературного языка, которые представляют совокупность наиболее пригодных для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора лексических, произносительных, морфологических, синтаксических элементов из числа существующих, образуемых вновь и извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной оценки этих элементов. Необходимо избегать основных ошибок, которые связаны с нарушением основных требований правильности речи и возникают в результате нарушения принципа коммуникативной целесообразности, а также в связи с перенесением норм одного языка на другой[5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, неэффективное общение, коммуникативные ошибки вызывают конфликты и ухудшают отношения. Но, осознавая свои ошибки, мы можем изменить стиль нашего общения, что приводит к улучшению отношений и пониманию тех ошибок общения, которые мы можем допустить. Эффективное общение представляет важный стратегический ресурс развития личности современного специалиста образовательной сферы, особенно при выстраивании им профессиональной карьеры.

Список использованной литературы и источников:

1. *Александрова Е.А.* Методология культурных практик самостоятельной работы студентов // Организация самостоятельной работы студентов. Коллективная монография. – Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2015, 200 с. – с. 6 – 32.
2. *Лысикова Н.П.* Социокультурная компонента современного вузовского образования. – Уч.-метод. пособие. Саратов, 2009.
3. *Лысенко В.А.* Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества / В.В.Зотов, В.А.Лысенко // Теория и практика общественного развития, 2010. - №3. – с.53-57, 81-86.
4. *Лысикова Н.П.* Социальные коммуникации в системе современного образования//www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2013/07/15/lysikova_0.pdf. (дата обращения 22.12.2015).

5. *Ларионова Е.В.* К вопросу о самостоятельной работе студентов при подготовке к семинарам по лексикологии английского языка // Организация самостоятельной работы студентов: Материалы докладов IV Международной очно-заочной научно-практической конференции «Организация самостоятельной работы студентов» (27 ноября 2015 года) – Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2015. - 448 с. – с. 301-309.

УДК 316.6-1:316(045)

РИСКИ МЕЖПОКОЛЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.П. ЛЫСИКОВА

Лысикова Наталия Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии культуры и культурологии философского факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: 450885@list.ru

Аннотация. Представлено исследование рисков современной межпоколенной коммуникации, связанных с эйджизмом, эскейпизмом, распространением электронных носителей информации и коммуникации. Новые социальные феномены непосредственно осложняют межпоколенное общение в семьи и в обществе. Повышение коммуникативной культуры в процессе образования и воспитания, реализация программ межпоколенного взаимодействия помогут молодым и возрастным членам общества адаптироваться друг к другу, что снизит риски межпоколенной коммуникации.

Ключевые слова: риски, межпоколенная коммуникация, коммуникативная культура, эскейпизм, эйджизм.

RISKI MEZHPOKOLENNOY KOMMUNIKATSII: KULTUROLOGICHESKIY ASPEKT

N.P. Lysikova

Abstract. The paper presents a study of the risks of modern intergenerational communication associated with ageism, sketch, the spread of electronic media and communication. New social phenomena directly complicate intergenerational communication in families and in society. Increase of communicative culture in the process of education and upbringing, implementation of programs of intergenerational interaction will help young and age members of the society to adapt to each other, which will reduce the risks of intergenerational communication.

Key words: risks; intergenerational communication; communicative culture; escapism; ageism.

Современный человек находится в состоянии интенсивного социального взаимодействия, которое характеризуется неопределенностью, дискомфортом, готовностью к резкому изменению внешних и внутренних инстанций, что предъявляет к нему, как к личности, гражданину, специалисту, высокие коммуникативные требования. Коммуникационную ситуацию осложняет и тот факт, что риск как социальное явление постепенно становится нормой повседневной жизни и профессиональной деятельности. Можно констатировать, что в настоящее время происходит активное изменение конфигурации коммуникационного пространства, которое разрывает границы между традиционными системами культуры и создает предпосылки нового типа культурного единства. Одновременно происходит быстрое распространение новых средств и систем связи, формирование глобального телекоммуникационного пространства, скоростной обработкой

информации с помощью компьютерной техники, сети Интернет, мобильной телефонной связи, что сопровождается процессом диффузии сложившийся коммуникативной культуры.

Особую тревогу вызывают и новые для современной коммуникативной культуры риски, связанные такими социальными явлениями, как: эйджизм и эскейпизм, которые непосредственно реализуются в межпоколенном общении на разных уровнях. Исследователи отмечают распространение в обществе жизненной позиции эскейпизма[1], связанной со снятием с себя какой-либо ответственности за что-либо или за кого-либо, в том числе и за своих далеко немолодых родителей, собственных детей, требующих постоянного внимания, поддержки и сопровождения, а также за всех тех, кто слабее и кто в большей степени зависим от окружающих людей. Данный феномен, безусловно, снижает коммуникативную статусность человека в решении жизненно важных проблем, потому что «для жителей современного общества в его твердой и управляемой стадии основное противоречие отмечалось между подчинением нормам и отклонением от них; основное противоречие в нашем обществе в его современной расплавленной и децентрализованной стадии… - это противоречие между способностью принять на себя ответственность и стремлением найти убежище, где не нужно отвечать за свои действия»[2].

Современная молодежь, свободно общающаяся на разных вербальных и невербальных языках, принадлежащая к разным культурам и конфессиям, объединенная единой электронной коммуникативной сетью, приобретает такой опыт деятельности, поведения, общения, которого никогда не было и не будет у старшего поколения[3], причем этот опыт может быть как положительным и продуктивным, так и негативным и разрушительным. В результате нарастания тенденции снятия ответственности за происходящее в обществе, отстранения от решения каких-либо значимых проблем ослабевают традиционные для отечественной культуры межпоколенные связи, что приводит к не пониманию и не одобрению взрослыми норм поведения, взаимоотношений, ценностей молодых, что, собственно, активно реализуется в развитии молодежных субкультур, фиксирующих феномен «разбегания и непонимания поколений». Так, например, в последнее время среди молодежи все большую популярность набирает субкультура АУЕ («арестантский уклад един»), в которой школьники и подростки копируют манеру поведения, тюремный язык, обычаи «блатных». Образцами для социального подражания становятся не родители, учителя, наставники, герои войны и труда, классические литературные образы, а «братва» 90-х, киллеры, смотрящие, воры в законе. Несложно предположить, что данную ситуацию провоцируют, с одной стороны, изобилие сериалов и телепрограмм, посвященных криминальной проблематике, освоение молодежью воровской идеологии не только вербальным путем, но и через интернет, который переполнен тематическими молодежными пабликами, поэтизацией преступности, выраженной в символике и атрибутике. С другой стороны, взрослые, не владеющие основами межпоколенной коммуникации, находящиеся в вечном круговороте собственных проблем, с постоянной нехваткой времени и просто нежеланием дополнительно напрягаться и решать еще какие-то сложные вопросы, к сожалению, очень сильно рискуют потерять контакт с детьми и создать новые для себя новые трудноразрешимые проблемы.

Появление в обществе двух соизмеримых по возрасту, численности, активности групп населения также актуализирует проблему возрастания рисков межпоколенного общения. В настоящее время распространение и влияние во всем цивилизованном мире и в России приобретает другой социальный феномен - эйджизм, который постепенно становится нормой общественной жизни и выражается в увеличении дистанции «понимания и позитивного взаимодействия» между молодыми и возрастными людьми. Основой эйджизма является негативное, пренебрежительное, снисходительное или, наоборот, покровительственное межпоколенное восприятие друг друга. Оно проявляется в дискриминационном поведении разных возрастных групп по отношению друг к другу, когда, с одной стороны, наблюдается рост отчуждения молодежи от семьи и общества, с другой стороны, возрастает осознание своей ненужности и невостребованности пожилыми людьми в связи с невостребованностью их опыта, переосмысление и переоценкой истории.

По мнению отечественного исследователя Д.И. Фельдштейна, эйджизм в России имеет свои особенности развития и приобретает либо яркие, отчетливые, либо завуалированные, скрытые формы, однако в любом случае присутствует тенденция его распространения, особенно в крупных городах. Сошлемся на данные ученого, которые были получены им в исследовании на статистически значимой группе, состоящей из 705 подростков, которые должны были сделать выбор «наиболее значимого для них мнения: конкретных товарищей, когорты сверстников, учителей, родителей или общественного мнения, то есть мнения в целом взрослого общества». Результаты на выходе были таковы: «почти 62% 12–14-летних подростков выбрали мнение абстрактных взрослых - общественное мнение; свыше 22% – мнение когорты сверстников. Мнение же конкретных товарищей, как и мнение учителей, родителей для подростка незначимо». По мнению ученого в сознании подростка доминирует не школа, не учеба, не отдых и даже не развлечения, а «общество, социум, естественно, в его подростковом понимании», то есть для подростка, выходящего на самостоятельный уровень личностного развития «глубинно важна связь с обществом. Она становится для него внутренне регулярной, постоянной, константной, так как, отвечая его возрастным потребностям, обеспечивает принадлежность к миру взрослых. Связи же с близкими людьми, родителями в том числе, при всей их важности, в меньшей мере содержат ту социальную всеобщность, которая является определяющей для подростка, стремящегося к утверждению своего «Я» в обществе»[4].

Беспрецедентное распространение электронных носителей информации и коммуникации также заметно влияет на уровень и качество межпоколенной коммуникации. Очевидно, что распространение формирование нового телекоммуникационного пространства, инновационных средств связи, скоростной обработкой информации с использованием компьютерной техники, сети Интернет, мобильной телефонной связи провоцирует риски, связанные как со степенью их освоения, так и с функционированием коммуникативной культуры носителей. В совокупности средства невербального общения активно влияют на снижение понимания и на усвоение смысла полученной информации. В подобных условиях в практику межпоколенного общения, как отмечают современные специалисты, активно и успешно внедряются такие негативные коммуникационные феномены, как: «псевдообщение», «собственный недовысказанный дискурс», «общение не насыщенное смыслом», «пиардискурс», «отсутствующее присутствие» и многие другие[5].

Отметим также, что в настоящее время разработаны и начинают постепенно реализовываться перспективные практики межпоколенческого взаимодействия, которые направлены на систематическое и преднамеренное взаимодействие между возрастными и молодыми людьми в обществе. Основными целями межпоколенческих практик являются следующие:

во-первых, реализация принципа единства всех поколений;

во-вторых, взаимообмен и передача культуры, опыта, знаний, умений, навыков;

в-третьих, содействие обучению молодых и возрастных людей на протяжении всей жизни;

в-четвертых, поддержка пожилых и молодых в трудной жизненной ситуации;

в-пятых, всестороннее улучшение межпоколенной коммуникации;

в-шестых, предотвращение распространения эйджизма, эскейпизма, негативных последствий использования электронных носителей информации и коммуникации.

Потребность в практиках межпоколенного взаимодействия во многих странах мира, в том числе и в России, существует, потому что в совместных действиях, отношениях, передаче и освоении опыта предшествующих поколений необходима интеграция людей разных возрастов, конфессий и культур. Эксклюзивной особенностью существующих межпоколенческих программ, реализуемых в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Тольятти, Орле и других городах, является переход от одностороннего традиционного подхода, связанного с обучением молодежи оказывать помощь пожилым людям, передачей опыта ветеранов молодым людям, к использованию двустороннего широкого взаимодействия

между поколениями. Кроме того, данные социокультурные программы предусматривают использование социальных транспортных средств, целенаправленный обмен естественными, психологическими, ментальными, коммуникативными ресурсами, в том числе знаниями, опытом между старшими и младшими поколениями. В процессе их реализации используются самые разнообразные традиционные и инновационные формы работы, начиная от неформальных групп общения, коммуникативных вербальных и невербальных взаимодействий до совместной практической, социально значимой межпоколенной деятельности.

Кроме того в практиках межпоколенного взаимодействия актуализируются приобретенные навыки конструктивного, бесконфликтного общения и поведения, что снижает риски, которые могут возникать в процессе общения представителей разных поколений, в том числе во время ролевых игр, тренингов, совместной деятельности, через моделирование, проигрывание образцов поведения в ситуациях, связанных с проблемами межпоколенческих взаимодействий.

Таким образом, для снижения рисков межпоколенной коммуникации необходимо поддержание эффективного уровня развития коммуникативной культуры молодых и возрастных членов общества, предотвращение распространения эйджизма, эскейпизма, негативных последствий использования инновационных средств связи, реализация перспективных практик межпоколенного взаимодействия, а также востребованность таких ресурсов общения, которые способствуют приспособлению человека к действительности и к продуктивному диалогу с другими членами общества.

Список использованной литературы и источников:

1. *Мельникова Л.Г.* Эскейпизм как социокультурная проблема // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. №4. С. 77-80.

2. *Бауман З.* Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

3. *Мид М.* Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Издательство «Наука», 1988. 430 с.

4. *Фельдштейн Д.И.* Человек в современном мире: возможности развития // Человек и образование. 2009. № 3 (20). С. 10–16.

5. Коммуникативные практики в современном обществе: Сб. статей / Под ред. В. В. Васильковой, И. Д. Демидовой. СПб.: Скифия принт, 2008. 344 с.

УДК 316.244.3

КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ ДИСКУРСИВНЫХ ОШИБОК В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Б.Р. МОГИЛЕВИЧ

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: mogilevich@sgu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены причины возникновения коммуникативных рисков в процессе межкультурной коммуникации. Особое внимание уделено феномену тематического репертуара разных культур, обусловленного их социокультурным своеобразием. Показана значимость прецедентных текстов и личностей как межкультурных посредников для преодоления коммуникативных рисков.

Ключевые слова: коммуникативные риски, межкультурное взаимодействие, дискурсивные ошибки, тематический репертуар, прецедентные тексты и личности.

COMMUNICATION RISKS DISCOURSE MISTAKES IN THE COURSE IN THE COURSE OF CROSS-CULTURAL INTERACTION

B.R. Mogilevich

Abstract. The article considers the causes of communication risks in the course of cross-cultural interaction. The phenomenon of theme repertoire of various cultures conditioned by their socio-cultural variety is paid special attention at. The significance of precedential texts and personalities as cross-cultural mediators for overcoming communication risks is shown.

Key words: communication risks, cross-cultural interaction, discourse mistakes, theme repertoire, precedential texts and personalities.

Большинство коммуникативных рисков имеет основой несовпадение дискурсов партнёров по межкультурной коммуникации. В этих случаях коммуниканты обладают достаточно высоким уровнем языковой компетенции, но смыслы их высказываний не совпадают. Причиной является различие уровня фоновых знаний коммуникантов о «чужих» культурах. Эти коммуникативные неудачи получили название дискурсивных ошибок[1].

Коммуникативные риски, возникающие в процессе межкультурного взаимодействия из-за дискурсивных ошибок, многочисленны и разнообразны, но можно выделить некоторые из них:

- ошибки внешней и внутренней интерференции, возникающие от недостаточного знания социально-ролевых аспектов чужой культуры (приветствия, обращения, одобрение, порицание);
- стереотипные ошибки, обусловленные несовпадением ментальных концептов коммуникантов на когнитивном уровне (готовность / неготовность к обсуждению проблем здоровью при межличностном и межгрупповом взаимодействии и тд);
- лингвострановедческие ошибки на уровне безэквивалентной лексики;
- идеологические ошибки из-за разницы мировоззрения коммуникантов (позитивная коннотация слова «красный» в русскоязычной культуре и негативная – в англоязычной)[2].

Различные интерпретации одного и того же явления коммуникантами – представителями разных культур – обусловлены, с одной стороны, различиями их когнитивных практик, а с другой стороны, разницей ситуативных контекстов. Следует отметить, что до второй половины XX века проблемам дискурсивной специфики,

обусловленной социокультурной принадлежностью коммуникантов не уделялось должного внимания. Другими словами исследования проводились только относительно общих принципов интерпретации любого текста.

Теон Ван Дейк, один из родоначальников исследования процессов вербальной коммуникации, обосновал значимость сочетания общих и специфических значений в виде феномена тематического репертуара. Сущность этого феномена состоит в определении комбинации различных дискурсов, отражающих социокультурный контекст коммуникантов (этническая и гендерная принадлежность, образовательный и социальный статус, пространственно-темпоральные характеристики). Естественно, тематический репертуар различных дискурсов включает темы, универсальные для всех людей – любовь, здоровье, дети, семья, карьера, война, мир и так далее. Но, например, в русско-язычной культуре принято обсуждение состояния здоровья с партнёрами, напротив, в англо-саксонской и азиатской культурах имеет место неприятие таких дискуссий, но приветствуется пропаганда здорового образа жизни. В тоже время, тематический репертуар характеризуется наличием контекстуальных ограничений, предполагающих общий стиль поведения коммуникантов. Так, тема разговоров в транспорте варьируется от обсуждения погоды, роста цен, политических событий, но не принято затрагивать темы интимной жизни, обсуждения проблем на работе и так далее.

В этой связи, следует обратить внимание на коммуникативные стратегии, определяющие виды дискурсов как контекстуальной информации, адекватной данной экстралингвистической ситуации. Тематический репертуар различных социокультурных дискурсов предполагает сочетание:

- общекультурной информации (традиции, обычаи, природно-климатические условия);
- коммуникативной ситуации;
- характеристик коммуникантов;
- типов взаимодействия.

В процессе межкультурного взаимодействия социокультурные дискурсы отражают коммуникативные цели партнёров, которые могут как препятствовать, так и способствовать выбору адекватного тематического репертуара. В данном случае межкультурная коммуникация протекает в аксиологических рамках оппозиции «свой»-«чужой», определяющей границы «своей» культуры и обеспечивающей коммуникантам безопасность и комфорт. В процессе межкультурного взаимодействия происходит аксиологическая оценка специфики «чужого» и формирование общего тематического репертуара в виде общих дискурсов и их тождественных интерпретаций[3].

Тематический репертуар, таким образом, включает как общие для всех социокультурных сообществ проблемы (медицинская профилактика, изменение климата, охрана окружающей среды, противодействие распространению употребления наркотиков и тд), так и специфические темы. Например, проблемы сохранения локальных языков для развивающихся стран, борьба с голодом, преодоление неграмотности и тд. Список тем и проблем характеризуется постоянными изменениями как в глобальном так и в локальном измерении. В этой связи, уместно проследить влияние феномена прецедентных текстов и личностей для устранения коммуникативных рисков. Прецедентные тексты и личности можно охарактеризовать в виде ценностных компонентов национальных дискурсов как эталонов актуализации национальной культуры. В качестве социокультурных посредников, они носят универсальный характер, отражают ценностно-поведенческие и ментальные особенности и представлены в виде легенд, сказок, художественных и научных текстов[4]. Исследователи прецедентных текстов считают их явлениями, значимыми «в познавательном и эмоциональном отношении и имеющими сверхличностный характер», то есть хорошо известными и неоднократно воспроизводимыми в дискурсах представителей определённой культуры[5].

Например романы «Война и мир» и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание» Ф.Н.Достоевского, произведения Ч.Диккенса, Б.Шоу. Кроме прецедентных

текстов, следует выделить прецедентные личности как актуализаторов социокультурных характеристик представителей разных культур – Наполеон, В.И.Ленин, Махатма Ганди, Авраам Линкольн, Че Гевара. Незнание этих феноменов служит причиной возникновения коммуникативных рисков и затрудняет межкультурное взаимодействие. Таким образом, коммуникативные риски дискурсивных ошибок в процессе межкультурного взаимодействия могут быть преодолены при формировании фоновых знаний о «чужой» культуре, в результате которого имеет место изменение соотношения «свой»-«чужой», когда «чужое», неизвестное становится «своим», способствуя успешности коммуникации и достижению межкультурного понимания.

Список использованной литературы и источников:

1. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003 –С. 60.
2. *Арустамян Д.В., Байкова Е.Д.* Межкультурное общение как процесс межличностного взаимодействия. // Молодой учёный. -2014. -№ 1. –С. 734-736.
3. *Ван Дейк.* Теон. Язык, познание, коммуникация. – М.: ЛЕНАНД 2015. 312 с.
4. *Семочко С.В.* Диалектика универсального и специфического при внутри – и межкультурной адаптации прецедентных феноменов // Человек как объект коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2004. –С. 128-130.
5. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000, С. 129.

УДК 316.344

ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ДЕВИАНТОЛОГИИ

О.В. МУНИНА

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: munina-devinaov@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается тезис о цикличности поколений, описываются особенности и ценности поколения современных подростков и молодых людей. Параллельно затрагивается проблема вовлечения подростков и молодежи в преступную среду. Автор анализирует специфику механизма отклоняющегося поведения, выделяет основные тенденции, которые окажут наибольшее влияние на развитие и становление подрастающего поколения. При этом автор делает вывод о том, что теория поколений имеет прикладной профилактический аспект: учет особенностей поколения способен конкретизировать и оптимизировать социальные программы и мероприятия, нацеленные на профилактику распространения отклоняющегося поведения в подростковой и молодежной среде.

Ключевые слова: поколение, теория поколений, подростки, молодежь, отклоняющееся поведение, девиантология.

GENERATION THEORY: PROSPECTS OF APPLICATION IN DEVIANTOLOGY

O.V. Munina

Abstract. The article substantiates the thesis about the cyclicity of generations, describes the features and values of the generation of modern adolescents and young people. In parallel, the

problem of involving adolescents and young people in the criminal environment is raised. The author analyzes the specifics of the mechanism of deviating behavior, highlights the main trends that will have the greatest impact on the development and formation of the younger generation. At the same time, the author concludes that the theory of generations has an applied preventive aspect: taking into account the features of generation is able to specify and optimize social programs and activities aimed at preventing the spread of deviating behavior in the adolescent and youth environment.

Key words: generation, theory of generations, adolescents, youth, deviant behavior, deviantology.

Для современной России стала достаточно актуальной проблема активного распространения криминальной субкультуры АУЕ, посредством которой подростки и молодежь вовлекаются в преступную среду. Процесс приобщения подрастающего поколения к контркультуре, пропагандирующей паразитический образ жизни, насилие и нигилизм, рассматривается в качестве предиктора/фактора последующей криминализации несовершеннолетних и молодежи.

Проблема национальной безопасности, связанная с масштабом распространения субкультуры АУЕ ставит вопрос о необходимости выявления предпосылок криминализации нового поколения и разработке контрмер с последующим их внедрением.

В ряду причин, способствующих популяризации АУЕ в подростковой и молодежной среде, прежде всего, невнимание со стороны общества, государства, социальных институтов и семьи к нравственному выбору подростка в условиях субкультур молодежных объединений. В этой связи, важно знать и понимать ценности несовершеннолетних, которые обуславливают нравственный выбор подростка в условиях существующих суб- и контркультур. Следует организовать продуктивный диалог с молодым поколением. Необходимо ввести нравственный выбор подростка в субкультуре молодежных объединений (особенно неформальных) в поле педагогического влияния и осмысления.

Нам представляется возможным, в качестве одной из мер совершенствования профилактических программ и мероприятий, использовать наработки теории поколений, характеризующей специфику каждого нового поколения.

Прежде всего, отметим, что теория поколений была создана американскими учеными-демографами Нейлом Хоув и Вильямом Штраус в 1991 году. Адаптацию теории поколений для России в 2003-2004 гг. выполнила команда под руководством Евгении Шамис – координатора проекта Rugenerations.

По мнению сторонников «теории поколений», поколение – это группа людей, рожденных в определенный возрастной период, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, с похожими ценностями. Мы этих ценностей не замечаем, они действуют незаметно, но во многом определяют наше поведение: как мы общаемся, как решаем конфликты и строим команды, как развиваемся, что и как покупаем, что нас мотивирует, как ставим цели и управляем людьми. Ценности формируются в детстве (до 10-12 лет). Но в течение жизни они могут меняться, однако для этого должны произойти очень крупные, значимые события в обществе, в личной жизни человека.

Теория описывает повторяющиеся поколенческие циклы. Каждые четыре поколения составляют цикл. Временной промежуток, в который рождаются представители одного поколения, - около 20 лет, длительность одного цикла – 80–90 лет. По завершении цикла начинается повторение: пятая генерация обладает ценностями, схожими с первой. Дети, рожденные на стыке генераций, испытывают влияние двух групп ценностей и образуют так называемое переходное или эхо-поколение.

Поколения нового цикла повторяют характерные особенности соответствующих поколений предыдущего, поэтому смену поколений сравнили с сезонностью природы и выделили 4 основных типа:

- «осень» [Герои] – деятельные, уверенные в себе борцы, не столько создающие новые ценности, сколько отстаивающие существующие;

- «зима» [Приспособленцы] - неуверенные, одинокие, лишенные внутреннего «стержня», предпочитающие приспосабливаются к существующей системе;

- «весна» [Идеалисты] – революционеры, оптимисты, создающие новое светлое будущее;

- «лето» [Реакционеры] - непостоянные, циничные, разочарованные реалиях выстроенной системы, отвергающие моральные ценности.

Сейчас в России живут и работают представители следующих поколений:

- поколение GI (1900–1923 г.р.);
- молчаливое поколение (1923–1943 г.р.);
- поколение Беби-Бумеров (1943–1963 г.р.);
- поколение X (1963–1984 г.р.);
- поколение Миллениум или Y (1984–2000 г.р.);
- поколение Z (с 2000 г.р).

Чтобы оценить возможности и потенциал использования теории поколения в современной девиантологии, нужно дать подробную характеристику портрета современного подростка, дитя поколения Z.

Поколение Z (Generation Z, Generation M, Net Generation, Internet Generation, цифровое поколение, потерянное поколение, период «зима»). Годы рождении, начиная с 2001-2003 года по разным источникам. В какое время они живут? Они живут во времена экономического кризиса. Вертикаль власти крепнет, государственный аппарат получает все большую силу и мощь. Мелкие компании поглощаются крупными сетями, слабое погибает, сильное крепчает. Поколение Z - это дети возрастных родителей Поколения X или молодых родителей Поколения Y. То, что предыдущие поколения называли «новыми технологиями» или «технологиями будущего», для поколения Z - это уже их настоящее. Именно это, прежде всего, отличает их от Поколения Y, так как детство Y прошло ещё до технологического бума.

Дети поколения Z, относящиеся к цифровому поколению – другие. Это дети мультимедийных технологий. Это поколение, родившееся в информационном обществе. Представители Поколения Z «связаны» между собой благодаря таким вещам, как интернет в целом, YouTube, мобильные телефоны, SMS и MP3-плееры, в этом поколение Z становится синонимом англоязычного термина Digital Native («Цифровой Человек»). Родителей же детей Z называют «Digital Immigrant», так как в их детстве большинства всего этого не было. Они более зависимы от цифровых технологий, чем их родители, которые пользовались телевидением как альтернативой книгам и газетам. Они нетерпеливы и сосредоточены в основном на краткосрочных целях, при этом они менее амбициозны, чем дети из предыдущих поколений. Они более ориентированы на потребление и более индивидуалистичны. Z не склонны становиться частью определённых групп – они настаивают на собственном праве принимать решения.

Людей этого поколения отличает, прежде всего, максимальная приближенность к информации, с которой они умеют отлично работать. Дети сейчас фактически рождаются с мобильным телефоном в руках, а первой игрушкой для них становится компьютер. Те, кому сейчас 30 и более лет, были воспитаны на книгах, но поколение Z мыслит совершенно иными категориями. Максимум, что они могут прочитать – какую-нибудь статью, но гораздо привычнее для них мини-новости, формат твитов и статусов в социальных сетях. Образ их мыслей отличается фрагментарностью, а в некоторых вопросах поверхностностью.

Они быстрее развиваются, чем дети этого возраста 10-15 лет назад. Например, средний возраст детей, играющих с куклой Барби, упал с 10 до 3 лет. Поколение «Z» обитает в виртуальном мире – они, в отличие от представителей старших поколений, менее склонны совершать поездки и выходить из своих домов. Виртуальные развлечения выходят на первый план. Растущие в Сети дети привыкли, что их желания в виртуальной реальности всегда исполняются, но, чтобы этого добиться в реальной жизни, часто недостаточно просто нажать на кнопку, поэтому дети поколения «Z» будут в будущем испытывать проблемы в связи с этим.

Формирует и будет дальше формировать взгляды нового поколения Интернет. Ведь дети сейчас живут в ином мире, чем раньше: они больше общаются с компьютерами, чем с родителями и друг с другом. Все происходит соответственно ведущей деятельности в каждом возрасте. Если в дошкольном возрасте ведущая деятельность – игра, то они и смотрят мультфильмы в сети и играют в онлайновые игры. Дальше – больше. Ведущей деятельностью становится учение, потом интимно-личностное общение. И обучение, и общение со сверстниками становится все более онлайновым. Отсюда, из специфики такого привычного для нового поколения виртуального способа коммуникации с окружающим миром, и вытекают дальнейшие психологические особенности этого поколения. Меньше человеческой коммуникации, больше техногенной.

Это отражается даже на общении детей с родителями: коммуникативная дистанция между ними увеличивается. Сегодня родители все меньше играют роль авторитета для своих детей, – всезнающим авторитетом для последних становится интернет. Ну, а если дети не учатся у родителей, тогда родители начинают учиться у своих детей. Некоторые ученые говорят о том, что у нас начинает формироваться префигуративное общество. Это такое общество, в котором жизнь молодежи настолько отличается от жизненных моделей старшего поколения, что последние просто не могут передать детям ничего практически значимого, полезного. В таком обществе, напротив, младшее поколение способно передавать какие-то знания старшему. Соответственно, авторитет старших оказывается подорван.

В наиболее ярком виде психологические особенности нового поколения можно наблюдать в их крайних проявлениях, в форме определенных психологических синдромов. Во-первых, это гиперактивность как результат клипового сознания. Это дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). Этим детям трудно долго оставаться сосредоточенными на чем-то одном, они очень непоседливы и потому расторможены, гиперактивны. Поэтому у таких детей часто возникают проблемы с успеваемостью из-за неусидчивости и нетерпеливости, хотя при этом они и могут быть одаренными в каких-то отдельных сферах деятельности. Избыток информации, который обрушивается на детскую голову с первых лет жизни, приводят к нарушению возрастного развития нервной системы. Вот почему эти дети повышенно возбудимы, впечатлительны, непоседливы и менее послушны.

И хотя со временем эти черты детского поведения частично сглаживаются, но все-таки в будущем нас ждет общество бывших гиперактивных детей. Гиперактивный социум, в котором люди будут отличаться большей потребностью в новизне, поиске ощущений, меньшей терпеливостью и терпимостью, склонностью к повышенной конфликтности.

Вторая черта «поколения будущего» − склонность к аутизации. Речь идет об аутизме не в виде расстройства (хотя детей-аутистов становится все больше), а о доклинических формах аутизма, рассматриваемых как крайнее проявление тренда эволюции человечества. Аутизация, как способ взаимодействия с миром людей, с детства погруженных в себя и неспособных общаться с окружающими, выступает как защита от проблем современного образа жизни, как способ отгораживания от мира, по сути – способ десоциализации.

С одной стороны, поколение Z становится менее общительными, более погруженными в себя и виртуальный мир и фантазии. На языке психологии – более интравертированными. С другой стороны, детский эгоцентризм, для ребенка это естественно – думать исключительно о себе. Применительно к человеку взрослому это правильно назвать индивидуализмом. Таким образом, психологический диагноз нового поколения – интровертированный индивидуализм.

Главный социально-психологический тренд для нового поколения – это инфантилизация. Она проявляется в том, что взрослые люди сохраняют детские черты и соответственно во «взрослых» ситуациях ведут себя по-детски, не осознавая этого. Соответственно, подростки будут менее ответственными, менее исполнительными, они не готовы признавать свою вину за срывы и неадекватное выполнение каких-то работ. Но при этом, как дети, будут постоянно ожидать от окружающих и от учителя безусловной положительной оценки всего, что они делают.

Все вышеперечисленные характеристики поколения Z, по нашему мнению, способны в разы оптимизировать социальные программы и мероприятия, нацеленные на профилактику отклоняющегося поведения подростков, при условии их учета и детальной проработки в указанных программах.

УДК 811.161.1’42+929

РИСКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Саунина Екатерина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: sauninaev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается рискогенность как неотъемлемая часть межкультурной коммуникации в политическом дискурсе. Выявляются некоторые особенности интервью американской журналистки М. Келли с президентом России В.В. Путиным с точки зрения рискогенности. Автором предпринята попытка показать посредством каких приемов журналистка повышает эмоциональность и рискогенность во время интервью, а также каким образом на них реагирует глава российского государства.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, политический дискурс, рискогенность, интервью, Путин, Келли.

POTENTIAL RISKS OF CROSS CULTURAL COMMUNICATION IN POLITICAL DICSCOURSE

E.V. Saunina

Abstract. The article considers potential risks as essential part of cross cultural communication in political discourse. Some peculiarities of interview between American journalist M. Kelly and Russian president V.V. Putin form the point of view of potential risks are presented. The author attempted to identify which means are used by the journalist to make the interview more emotional and risky, as well as the president’s response to them.

Key words: cross cultural communication, political discourse, potential risks, interview, Putin, Kelly.

Курс внешней политики любого государства нацелен на урегулирование взаимоотношений с другими государствами и народами на международной арене. В процессе исторического развития, в ходе определенных событий наблюдается напряжение взаимоотношений между странами, растущие разногласия и расхождения в видении существующего миропорядка. Для сохранения сбалансированных отношений между странами ключевые участники формирования и регулирования внешнеполитических отношений должны применять комплекс действий. Политическая сфера формируется не только за счет принятия политических решений, но и посредством коммуникации. На международном уровне роль лингвистических средств приобретает большую значимость.

Взаимоотношения в политическом дискурсе на международном уровне существуют как с дружественными государствами, так и с враждебно-настроенными странами. В условиях, когда страны преследуют разные, а иногда и противоположные цели, неизбежно будут возникать недопонимания, разногласия и конфликты. Нам было интересно посмотреть, что может создавать рискогенность в политической коммуникации двух недружественно-

настроенных участников, и что может способствовать усилению и снижению рискогенных компонентов.

Противостояние стран и столкновение интересов выражается на политическом уровне, на уровне принятия важных международных решений, которые исходят из коммуникативных составляющих. Любой компромисс нужно достигать посредством ведения переговоров, согласования, урегулирования на коммуникативном уровне.

Данное исследование опирается на ключевые понятия межкультурной коммуникации, теории рисков и социально-статусного общения. Межкультурная коммуникация – это адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам[1].

Что качается рисков, то в политическом дискурсе риски можно охарактеризовать как потенциально опасные речевые действия, которые наблюдаются между участниками политической коммуникации. Причем они не затрагивают полностью собственно политический уровень, но могут косвенно быть с ним связаны и опосредованы. Мы исходим из положений, выдвинутых в исследовании «Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении»[2]. В нашем материале рискогенность опосредована не собственно коммуникативными факторами, а институциональными особенностями.

Политический дискурс также напрямую связан с институциональным положением его участников. Политические деятели, их окружение, представители СМИ обладают разными социальными статусами и по-разному представлены в статусно-ориентированном общении. Жанр интервью выступает как яркое воплощение всех этих характеристик.

Мы анализировали интервью действующего президента Российской Федерации – В.В. Путина за 2017-начало 2018 гг., опубликованные на сайте президента kremlin.ru. Всего проанализировано 4 интервью (20.000 словоупотреблений). Но, по ряду причин, основным источником исследования в данной работе является интервью главы государства В. Путина журналистке американской телевизионной компании NBC Меган Келли 2018 г. Данное интервью широко обсуждалось как в российских, так и в зарубежных СМИ. Оно примечательно повышенной напряженностью и эмоциональностью, достаточно прямыми и провокационными вопросами и ответами. В результате степень рискогенности, по сравнению с другими интервью, повышается. Беседа состоялась в преддверии президентских выборов: первая часть была записана в Москве 1 марта 2018 г. после выступления В.В. Путина с Посланием Федеральному Собранию, а вторая – 2-го марта в Калининграде, куда президент приехал на встречу региональных СМИ.

Во время встречи М. Келли и В. Путина сложилась ситуация, заключающаяся в том, что президент дает интервью журналистке из государства, с которым складываются напряженные отношения. Ряд факторов свидетельствует, что изначально беседа не может протекать в спокойном, комфортном для обоих коммуникантов русле. Мы можем наблюдать столкновение интересов участников беседы, а также вполне естественную степень подозрений, недоверия со стороны журналистки. Однако нормы и законы политической коммуникации, особенности жанра интервью сказываются на характере беседы. Безусловно, ни для одного участника отказ от коммуникации, как способа ухода от конфликта, был не допустимым (прием «прерывание конфликта», который можно наблюдать, достаточно часто наблюдать в ситуации бытового общения – подробнее об этом в работе [3]). Тем не менее, встреча главы государства и представителя СМИ не может повлиять на принятие политических решений на высшем уровне. Но средства языка и определенные стратегии коммуникантов играют здесь ведущую роль.

Задача М. Келли, как и любой журналистки, сделать интервью ярким, выведать неизвестные факты, вывести собеседника на «чистую воду». Ее речевое поведение в данном интервью можно охарактеризовать как наступательное, провоцирующее. Вопросы и реплики американской журналистки увеличивают вероятность более эмоциональной реакции со стороны президента, создают некоторую долю напряженности в общении. Конечно, она

стремилась добиться интересных фактов, откровенного признания по определенным вопросам. Цель президента – изложить свою точку зрения по ключевым вопросам, донести до американского населения свою позицию по поводу взаимоотношений России и США. Он неоднократно говорит о необходимости сотрудничества между Россией и США и готовности вести переговоры, объединять свои усилия. Интервью как жанр межличностного общения предполагает, что участники в ходе беседы учитывают поведение друг друга и реагируют. В результате наступательной линии поведения М. Келли, побочная задача В. Путина – не поддаться на ее вопросы и провокации.

Новостные сообщения и аналитические программы, посвященные данному интервью, показывают, что каждая сторона по-своему (в свою пользу) интерпретирует течение и исход беседы. По окончании интервью, делясь своими впечатлениями, М. Келли призналась, что хотела спровоцировать В. Путина и вызвать эмоциональную реакцию, и добавила, что ей частично это удалось.

На невербальном уровне с первых минут интервью по тембру голоса, мимике, жестам и движениям заметно следующее: В. Путин уверен в себе, с его стороны ощущается слегка заметная нотка превосходства, легкая улыбка-ухмылка; М. Келли – немного дерзка, напориста. Общение через переводчика сразу снимает коммуникативные риски, связанные с непониманием участников друг друга.

На лингвистическом уровне оба участника интервью применяют разнообразные стратегии, тактики, которые реализуются через определенные языковые средства. Эти языковые средства различны по своей направленности: одни способствуют снижению степени эмоциональности и рискогенности, которые потенциально могут возникнуть в процессе коммуникации, другие, наоборот, способны повысить напряжение.

На ход интервью М. Келли и В. Путина повлияла информация, которую президент озвучил в Послании за несколько часов до интервью – о владении новых систем вооружения, поскольку журналистке пришлось скорректировать свои вопросы. С этого она и начинает интервью: *Нам хотелось бы поговорить о* ***новостных поводах, которые Вы сегодня создали*** *в процессе своего выступления, в ходе оглашения Послания Федеральному Собранию.* После первого дня интервью была дополнительная возможность скорректировать вопросы.

В данном интервью мы выделили 32 рискогенных вопросно-ответных комплекса. Под ними мы подразумеваем потенциально опасные для гармоничного общения вопросы, комментарии журналистки и реакции В. Путина на них. Каждый из них реализуется через определенные стратегии, тактики, речевые приемы. По отдельности не каждый вопрос или комментарий журналистки может восприниматься как рискогенный, но в сочетании с другими, а также учитывая общий подтекст и настроенность, они усиливают манипулятивный эффект.

Далее мы остановимся подробнее на наиболее частотных приемах М. Келли в рискогенных вопросно-ответных комплексах, а также выявим наиболее типичные реакции В. Путина на них.

1. **Манипулятивные приемы** различной направленности, которые выражаются в провокации, обвинении, нападении, подозрении и т.д. Они направлены на то, чтобы вызвать эмоциональную реакцию, недовольство, раздражение со стороны президента. Из 32 рискогенных вопросно-ответных комплекса данный прием встречается 16 раз. Каким образом на них реагирует президент?

Ответ-объяснение с предоставлением фактов. Это самая частотная реакция, поскольку она встречается в половине случае:

М. Келли: *Почему мы в Калининграде? Является ли это местом, которое является* ***угрозой для НАТО****, это месторасположение каких-то ядерных оружий и таким образом пытаетесь дать какой-то сигнал кому-то?*

В. Путин: <…> *Потому что* ***я регулярно езжу*** *в регионы Российской Федерации. <…> поводом была* ***встреча региональных СМИ****, которую они решили провести здесь.*

Интересно отметить, что с данного вопроса начинается второй день интервью журналистки и президента. Пытаясь доказать В. Путину, что Россия и все, что с ней связано предстает как угроза всему миру, М. Келли с первых секунд задает достаточно обвинительный тон беседе.

Вопросительные конструкции В. Путина как реакция на манипулятивные приемы М. Келли встречается практически с такой же частотой, что и ответ-объяснение. Вопросительные конструкции в данном интервью встречаются значительно чаще, чем в каких-либо других выступлениях и даже интервью. Причем вопросы выполняют различные функции и бывают разных типов. Вопросы-переспросы, направленные на уточнение информации и типичные для устного диалогического общения, мы не учитывали.

В речи В. Путина мы выделили следующие типы вопросительных конструкций: а) вопросы к собеседнику и аудитории *(Представляете какая катастрофа?); б) вопросно-ответные формы (Что же они нам ответили в последний раз? Они нам сказали: да, мы вмешиваемся, но мы имеем право на это, потому что мы несём демократию, а вы нет, вы не можете); в) риторический вопрос (И что, ваш Президент вмешивается в дела каждой американской средней компании, что ли? Это разве не нонсенс?);* г) цепочки вопросов. Следует отметить, что они очень частотны в данном интервью, причем их наибольшая сила достигается за счет повторяемости в пределах одного тематического блока. Например, говоря о кибервойне и предстоящих выборах, М. Келли задает вопрос: *Должны ли русские люди тоже быть обеспокоены относительно того, что Вы не знаете, что происходит у Вас в стране, в Вашем родном городе?* В. Путин дает следующий ответ: *Послушайте, мир очень большой и многообразный. Вы мне назвали часть каких-то физических лиц и говорите, что они русские.* ***И что? А может быть, они, будучи русскими, работают на какую-то американскую компанию? Может быть, кто-то из них работал на кого-то из кандидатов?*** *Я понятия об этом не имею, это не мои проблемы. Вы знаете, что, допустим, на Украине некоторые после выборов, причём государственные деятели, послали поздравительные телеграммы Хиллари Клинтон, хотя победил Трамп. Послушайте,* ***мы-то здесь при чём?*** *<…> И у него какие-то проблемы с Украиной возникли.* ***Мы-то здесь при чём?*** *<…> Они могли засылать соответствующую информацию из Франции, из ФРГ, из Азии, из России.* ***Мы-то здесь при чём?*** *Ну хорошо, русские, но это же не были государственные чиновники.* ***Ну русские, и что?*** *Русских 146 миллионов человек,* ***ну и что?***

Как видно в одном тематическом вопросно-ответном блоке встречается 8 повторяющихся вопросов, причем 3 из них абсолютно идентичны. Все они говорят о непричастности России к выборам в США в 2016 г., но журналистка в своих вопросах пытается доказать обратное. Показательно, что реакция В. Путина говорит о его речевой компетентности, умении терпеливо излагать свою точку зрения разными средствами.

Негативная оценка (В. Путиным) вопросов и высказываний М.Келли. К подобному приему В. Путин прибегает в 30% случаях, реагируя на манипулятивные приемы со стороны журналистки. В качестве примера приведем следующий отрывок из интервью:

М. Келли: *Возвращаясь к вмешательству в выборы. Есть две теории относительно Вас, по меньшей мере две теории. <…> где были опубликованы денежные следы, ведущие к Вам, это стало для Вас последней каплей, и это заставило Вас разозлиться.*

В. Путин: ***Полный бред.*** *Что касается Хиллари, мы с ней лично знакомы, <…> Что касается всяких досье, то это вообще* ***полный бред.*** *Там кого-то упоминали из числа моих знакомых, друзей, ну и что? Ничем это, как известно, не закончилось, всё это* ***чушь, ерунда*** *и просто* ***трескотня*** *в прессе.*

Надо отметить, что негативно-оценочные слова с семантикой неправды крайне разнообразны в речи президента в данной беседе: чушь (5 словоупотреблений), бред (5 словоупотреблений), ерунда (2 словоупотребления), по 1 словоупотреблению *трескотня, передергивание фактов, нонсенс, обман, ложь, фейк, вброс.* Данные слова различны по стилистической окраске, по коннотативным оттенкам, по исторической соотнесенности, но достаточно показательно описывают вопросы, заданные президенту.

Призыв к сотрудничеству. Главной идеей В. Путина в международной политике не только в данном интервью, но и во всех выступлениях президента является желание и готовность сотрудничать, вести переговоры и договориться. В каждой своей речи он неоднократно озвучивает готовность и стремление российского государства сотрудничать, решать возникающие конфликтогенные разногласия. Данный прием реализуется в основном за счет слов и словосочетаний совместная работа, сотрудничество, давайте договоримся.

2. **Цепочка манипулятивных приемов**, которая состоит из нескольких повторяющихся и развивающихся вопросов. Их суть заключается в том, что журналистка продолжает развивать тему и задавать вопросы, на которые В. Путин уже, по сути, ответил. Подобные цепочки встретились 6 раз. Мы выделяем их в отдельную группу, поскольку они более целенаправленны и сильны по степени воздействия. Что еще важнее, В. Путин реагирует на них по-другому, нежели на манипулятивные приемы по отдельности.

Вопрос журналистке, который задает сам президент. Данный прием применяется в большинстве случаев. Например, *«Разве Вы не слышали?»*.

Объяснение как возможный способ реагирования на цепочку манипулятивных приемов со стороны М. Келли, достаточно часто встречается в речи президента.

Ироничные высказывания, к которым прибегает президент характеризуют его как компетентного, неконфликтогенного политического деятеля: В. Путин: *Есть же люди с юридическим образованием у вас? Наверное, есть. Сто процентов есть. И хорошо образованные люди. Они должны понимать и знать, что мы в России не можем никого преследовать, если они не нарушили российского закона*.

3. **Вопрос о личном мнении** В. Путина о других президентах США. В исследуемом интервью М. Келли задает подобный вопрос 4 раза. Ни в одной политической лингвокультуре данный вопрос не считается корректным. Именно такие слова Путин и говорит журналистке.

М. Келли: *Такой вопрос. Вы уже долго находитесь во власти в России, на Вашем веку сменилось уже четыре американских президента**. Кого-либо** из них [четырех президентов]* ***Вы предпочитаете среди остальных?****/ Что Вы думаете о Президенте Трампе? / Почему он [Д. Трамп] так трепетно относится к Вам, как Вы считаете?*

В. Путин дает вполне ожидаемый дипломатический ответ: ***Вы меня простите****, это* ***не очень корректный вопрос****. Каждый из моих партнёров хорош по-своему /* ***Этот вопрос не очень корректный****, потому что оценку работе Президента Трампа должен давать американский народ, его избиратель.*

Среди других способов в речи В. Путина, которые часто встречаются во всем интервью, но не являются типичными и характерными для какого-либо ее вопроса и приемы можно выделить следующие:

Оппозиция «мы-вы» как противопоставление взглядов, столкновение интересов России и США: *Это никакая не кибервойна, и* ***у нас*** *нет таких инструментов, как* ***у вас. У нас*** *нет мировых СМИ, как у вас, как CNN,* ***как Ваше****. Где* ***у нас? У нас*** *есть Russia Today – всё, единственный инструмент наших средств массовой информации, и то* ***вы*** *объявили….* Подобное противопоставление служит разграничению России и США, при этом, с одной стороны глава государства отрицает наличие в России инструментов кибервойны, а с другой – утверждает, что они есть в США.

Ссылка на непричастность тех или иных людей к государственным делам, следовательно, президент не может нести за них ответственность, когда они якобы обвиняются во вмешательстве в дела Америки, в участии в различных «незаконных» действиях.

Характеристика собственных высказываний как честных, прямых, откровенных: я *Вам честно скажу.* Подобные высказывания можно найти не только в данном интервью, но и во многих выступлениях главы государства. Они нацелены на гармонизацию общения, на установление доверительных отношений коммуникантов. Они также подготавливают собеседника на восприятие последующей информации как важной для процесса общения.

Оценка речевого поведения журналистки: Вы *преувеличиваете / цепляетесь* / перебиваете. Подобные высказывания не часто можно встретить жанре интервью, поскольку журналисты, как правило, более сдержаны в своем речевом поведении.

Следует отметить, что в интервью в марте 2018 г. речь М. Келли более яркая и провокационная, чем в интервью в июне 2017г. Общая направленность обоих интервью одинакова, однако последнее отличается большей эмоциональностью, повышенной рискогенностью. Все выявленные нами приемы встречаются и в июньском интервью, но не в таком объеме и не так часто.

Нацеленность на гармоничное общение и изначальное дружественная тональность беседы (в наем исследовании со стороны представителей СМИ) по-разному проявляются в политической коммуникации. Так, в интервью французскому изданию Le Figaro не встречается выделенных нами в речи российского президента приемов (вопросительные конструкции, негативная оценка вопросов и высказываний интервьюера, ироничные высказывания, оппозиция «мы-вы», оценка речевого поведения интервьюера).

Таким образом, рискогенность является неотъемлемой частью межкультурной коммуникации в политическом дискурсе. Мы показали с помощью каких приемов американская журналистка в ходе интервью с российским президентом пытается эмоционально воздействовать на главу государства, манипулировать его реакциями. Ответные реакции В. Путина свидетельствуют о его стремлении снизить рискогенность коммуникации.

Список использованной литературы и источников:

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1990, с. 26.

2. *Сиротинина О.Б.* Способы предупреждения и преодоления рисков // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетенции в ее преодолении. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. – С. 20-21.

3. *Иванова Д.В.* Речевые способы преодоления конфликта (на материале русского и английского языков): Автореф. … канд. филол. наук / Д.В. Иванова. – Саратов, 2010. – 21 с.

УДК 008:316.7

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е.А. СПИЧКОВА

Спичкова Екатерина Александровна, магистрант кафедры социологии Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета.

E-mail: katya.spichkova@mail.ru

Аннотация: Изложены теоретико-методологические аспекты проблемы построения культурной идентичности в условиях культурного разнообразия и межкультурного взаимодействия. Выделен ряд особенностей формирования культурной идентичности в современном обществе. Описана проблема межкультурного взаимодействия в современной России. Предложена политика мультикультурализма как возможное решение сложившихся проблем.

Ключевые слова: культурная идентичность, межкультурное взаимодействие, диалог культур, мультикультурализм

FEATURES OF THE CONSTRUCTION OF CULTURAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF CULTURAL INTERACTION

E.A. Spychkova

Abstract. This article outlines the theoretical and methodological aspects of the problem of building cultural identity in conditions of cultural diversity and intercultural interaction. Also presented are a number of features of the formation of cultural identity in modern society. The problem of intercultural interaction in modern Russia is described. The policy of multiculturalism as a possible solution to the existing problems is proposed.

Key words: cultural identity, intercultural interaction, dialogue of cultures, multiculturalism

Общество XXI века характеризуется не только разнообразием культур, но и интенсивным диалогом между ними. Имеют место такие явления как взаимопроникновение культур, культурная конверсия, диффузия, интеграция, ассимиляция, сближение, конвергенция и т.д. Описанные процессы находят свое выражение в формировании единого мирового сообщества, которое возможно на условиях унификации культур. Однако в современном обществе можно наблюдать и другие процессы, связанные со стремлением культур к сохранению своих особенностей и аутентичности. Кроме того, следствием процессов диффузии и конвергенции является увеличение культурного разнообразия.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Культурная идентичность представляется формой идентичности, в которой наиболее явно прослеживается взаимодействие личностного и социального. Таким образом, культурная идентичность становится интегрирующим феноменом в отношении личности и окружающего мира.

Культурная идентичность представляется одним из наиболее сложных видов идентичностей, так как вбирает в себя социальные, религиозные, национальные, этнические, языковые и т.д. составляющие. В своем законченном виде «отражая приверженность к определенным ценностно-смысловым установкам, она выступает гарантом уникальности сообщества, включая коммуникативные традиции»[2]. На этом уровне возникает основное противоречие, связанное с культурной идентичностью, в масштабах общества. З. Бауман пишет, что существует два типа сообществ, разделяемых по принципу построения идентичности. Первый вид сообществ он называет сообществами «жизни и судьбы». Это такие сообщества, в которых проблема идентичности отсутствует как таковая. Идентичность является предварительно заданной по факту рождения, поэтому вопрос о ней является излишним, как для отдельного индивида, так и для всего сообщества в целом. Ко второму виду сообществ относятся те сообщества, которые связаны идеями или принципами. В таких сообществах вопрос об идентичности является актуальным, так как в них существует многообразие принципов и идей, способных соединять или разъединять людей[1]. Под влиянием процесса глобализации современные общества приобретают все больше черт, характерных для второго вида сообществ. Появление возможности выбора из спектра различных идентичностей делает проблематичным процесс самоидентификации.

Важнейшим фактором инкультурации, то есть усвоения на уровне индивидуального сознания традиций, ценностей, моделей поведения, характерных для культуры сообщества, является коммуникация. Для изучения культурной идентичности в условиях современного плюралистического общества авторы статьи «Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы» В.Е. Буденкова и Е.Н. Савельева предлагают как один из принципов – принцип коммуникативности, означающий, что идентичность формируется и реализуется посредством коммуникации[2].

ТРАНСФОРМЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глобализированный современный мир усложняет процессы коммуникации, увеличивает возможности коммуникации. В обществе XXI века сталкивается множество культур, образуя сложные соединений, порождая новые культурные формы. В заданных

условиях идентичность личности представляет собой проблему, основным показателем которой является затруднение в ответе на вопросы «кто я?», «к какой культуре я принадлежу?».

Если в сообществах «жизни и судьбы» формы социальной идентичности (национальная, культурная, религиозная, этническая и т.д.) определялись по факту членства в сообществе, то сейчас государства (в их классическом понимании) потеряли суверенитет на построение культурной идентичности. Если раньше, в сообществах «жизни и судьбы» культурная идентичность имела формулу: «этничность-традиция-язык-территория», то сейчас государство вынуждено встраивать в этот механизм иные факторы, способствующие идентификации: политические, экономические, социальные, идеологические и т.д. Но это не устраняет возникающую конкуренцию между различными культурными идентичностями.

В условиях культурного многообразия культурная идентичность на личностном уровне строится на основании различения «свой» - «чужой», при этом, в результате трудностей в коммуникации образ «чужого» наделяется негативными чертами, как нечто, отчужденное, неизведанное и непредсказуемое. Усиление акцента на различении «свой» - «чужой» создает потенциально опасную ситуацию в условиях необходимого культурного взаимодействия.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ КУЛЬУТРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ

Нахождение в рамках одного сообщества множества различных культур усиливает их конкуренцию в борьбе за главенствующую роль в процессах идентификации населения, что, в свою очередь, создает конфликтную ситуацию – столкновение культур, ценностей, моделей поведения. Выходом из этого положения является политика мультикультурализма и плюрализма культур. Мультикультурализм как явление, по своей сути, является противоположностью процессу унификации культур и означает культурное разнообразие – сосуществование различных культур в рамках одного общества на равных правах. Философская трактовка мультикультурализма, вытекающая из трудов постмодернистов и постструктуралистов (М. Фуко, Лиотар, Делез и др.), определяет это явление как «теоретическую установку, утверждающую равноценность различных культур, принципиально отказывающаяся от построения иерархии между ними, а также размывающая грань между «высокой» и «низкой» культурами»[4].

Признание плюрализма культур как особенности современного общества, возможность их бесконфликтного сосуществования в одной социокультурной среде является признаком сложившегося мультикультурализма.

Что касается специфики проявления мультикультурализма или культурного плюрализма в современной России, то она определяется изначально сложившейся многонациональностью и многоконфессиональностью российского общества. Британский социолог Х. Пилкингтон пишет: «наблюдается тенденция считать Россию уникальным обществом, которое состоит из разных культурных традиций, являясь не "гибридом", а уникальной сущностью, которая создалась на основе многих и разных культурных влияний»[3]. Это высказывание является свидетельством сложности культурных процессов российского общества, существованием внутри него диалога культур, их взаимопроникновения. Но является ли российское общество мультикультрным в классическом смысле этого понятия?! Отметим, что степень развития мультикультурализма пересекается со степенью развития общества, его цивилизованностью. По-настоящему цивилизованным обществом с присущим ему плюрализмом культур мы можем назвать такое, где индивиды, не принадлежащие к большинству (в контексте культуры), ощущают себя полноправными членами общества и где процесс инкультурации протекает безболезненно. На наш взгляд, российское общество только вступает на путь мультикульутрализма. В нем еще наблюдаются культурные конфликты в двух плоскостях. Во-первых, это конфликты между представителями различных этнических культур, народов (например, русские – татары, русские – армяне, русские – цыгане и т.д.). Русская культура в России признается

главенствующей и определяющей культурное развитие всей страны[5]. Такая ситуация способствует возникновению у представителей других культур чувство угрозы собственной культуре, усиление культурной и этнической идентичности, что, в свою очередь, способствует возникновению конфликтных ситуаций. С другой стороны, большое многообразие культур на территории одной страны рассматривается как угроза и для русской культуры. Во-вторых, столкновение культур в российском сообществе возможно на уровне различения элитарной и массовой культуры. На данный момент, в обществе сохраняется явная дифференциация по этому основанию и довольно глубокий культурный разрыв. Однако этот вид столкновения культур проявляет себя менее остро и находится, скорее, в скрытой стадии.

ВЫВОДЫ

Таким образом, построение идентичности в условиях культурного разнообразия имеет ряд особенностей. Прежде всего, идентичность перестает быть самоочевидной и заданной по праву рождения в границах определенного общества, а становится рефлексивным проектом, задачей, которую необходимо решить каждому: индивид должен ответить на вопрос «кто я?», «к какой группе я принадлежу?». Кроме того это касается самого построение построения идентичности на уровне личности: акцент в этом процессе делается на различение «свой» - «чужой», где образ «чужого» приобретает негативные черты. И, наконец, культурное многообразие приводит к возникновению многообразия культурных идентичностей, которое может быть рассмотрено как потенциальный фактор межкультурных конфликтов. Таким образом, идентичность в современном обществе становится проблемой. Решение этой проблемы видится нам в переходе к политике мультикультурализма, которая сделает возможным бесконфликтное существование множества культур на одной территории, а также позволит решить проблему выбора идентичности на личностном уровне, так как смена идентичности и инкультурация перестанут вызывать ощущение тревоги.

Список использованной литературы и источников:

1. *Бауман Зигмунт*. Текучая современность / З. Бауман ; Пер. с англ. С. А. Комарова ; под ред. Ю. В. Асочакова. - СПб. [и др.] : Питер, 2008. - 240 с.

2. *Буденкова В.Е., Савельева Е.Н.* Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1. С. 31-44.

3. Журнал Washington Profile. Ксенофобий по-российски [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://web.archive.org/web/20090120093738/http://washprofile.org/ru/node/6429, свободный. - Загл. с экрана

4. *Пригода Н.С.* Мультикультурализм как социально-философский феномен / Н. С. Пригода // Мультикультуральная современность: Урал-Россия-Мир : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2009. – Т. 1. С. 31-35.

5. Сайт Президента РФ. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/councils/21027, свободный. – Загл. с экрана.

УДК 373

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С МИГРАНТАМИ

Л.Е. ТАРАСОВА

Тарасова Людмила Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: let01@mail.ru

Аннотация: Изложены вопросы взаимодействия населения принимающего социума и этнических мигрантов, основанного на признании ценности культуры каждого народа. Показаны особенности межкультурной коммуникации разных этносов. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке выходцев из Средней Азии (узбеков и таджиков) (n=25, 28-45 лет) с применением диагностического инструментария: методика Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина; методы наблюдение и беседа. Установлено, что понимание культурных универсалий и межкультурных различий является основополагающим в выстраивании диалога культур в любой коммуникации. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в просветительской работе с мигрантами их среднеазиатских республик.
Ключевые слова: социальная реальность, социальное взаимодействие, мигранты, межкультурная коммуникация, риски.

ETHNO-CULTURAL PECULIARITIES OF SOCIAL INTERACTION OF MIGRANTS
L. E. TARASOVA

L.E. Tarasova

Abstract. The issues of interaction between the population of the host society and ethnic migrants, based on the recognition of the value of the culture of each people. Features of intercultural communication of different ethnic groups are shown. The results of an empirical study carried out on a sample of immigrants from Central Asia (Uzbek and Tajik) (n=25, 28-45 years) with the use of diagnostic tools are presented: the technique of a Multilevel personal questionnaire "Adaptability" by A.G. Maklakov and S.V. Chermyanin; methods of observation and conversation. It is established that the understanding of cultural universals and intercultural differences is fundamental in building a dialogue of cultures in any communication. The applied aspect of the studied problem can be realized in educational work with migrants of their Central Asian republics.
Key words: social reality, social interaction, migrants, intercultural communication, risks.

ВВЕДЕНИЕ

Для современной России весьма серьезным вызовом, оказывающим воздействие на социальное состояние как отдельных регионов, так и всей страны, стала трудовая и вынужденная этническая миграция. Наряду с положительными явлениями, заключающимися в оживлении некоторых сегментов экономики страны, улучшении демографической ситуации, присутствие мигрантов провоцирует появление элементов тревожности и беспокойства в социально-психологической атмосфере принимающего социума, способствует возникновению неблагоприятных явлений, связанных с осуществлением взаимодействия мигрантов и представителей принимающей социальной среды, диктует необходимость переконструирования внутреннего мира субъектов этого процесса.

Саратовская область за последние десять лет стала одним из регионов устремления трудовых мигрантов из Средней Азии, несущих в себе особенности национального социума, консервативные и патриархальные ценности и религиозную доминанту в мировоззрении. При этом необходимо отметить наличие общей цели – благополучия каждого человека независимо от его национальной принадлежности, близость наиболее важных цивилизационных ценностей, сходство стереотипов сознания и поведения, источником которых является мусульманская религия, с теми, что проповедует христианство.

Попадая в новую социальную реальность, мигранты пытаются осуществлять взаимодействие с местным населением, при этом и те, и другие подвергаются множественным рискам, понимаемым как имплицитно присущая любому коммуникативному акту угроза срыва процесса понимания общающихся сторон, как обстоятельства, затрудняющие развитие взаимодействия и препятствующие достижению цели.

Источником риска при контакте с культурой принимающей стороны может служить непонимание того, когда, почему и как люди действуют тем или иным образом, что является основной причиной возникающих проблем в освоении необходимых для существования в другой культуре знаний, поскольку они вступают в противоречие с устоявшимися представлениями о родной культуре, приводя к когнитивному диссонансу.

К числу рисков также можно отнести незнание о существовании различий в интеракциональной части «своей» и «чужой» культуры, в том, что именно люди делают по-разному в этих культурах. Участники межкультурного взаимодействия обычно выстраивают коммуникацию с носителями другой культуры на основе имеющихся у них представлений о значимых коммуникативных факторах в конкретных обстоятельствах общения, о допустимых стратегиях поведения в ней, а также на обусловленных нормами родного языка значений слов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В научных работах социальных психологов, этносоциологов и этнопсихологов Н.М. Лебедевой[1], Г.У.Солдатовой[2], Т.Г. Стефаненко[3] и мн.др. представлены обобщенные результаты исследований социальных практик взаимодействия этнических мигрантов и местного населения, в которых подчеркивается, что люди реагируют на происходящее в мире в соответствии с особенностями культурных норм своего народа. Историческая память, воспитание, обычаи, традиции, родной язык способствуют выработке системы ценностей и ориентаций, которые помогают человеку жить в ладу с самим собой, справляться с жизненными проблемами. Обостренное осознание особенностей национальной культуры осуществляется тогда, когда человек вступает во взаимодействие с носителями других культурных норм, что зачастую порождает непонимание, дискомфорт и ведет к возникновению неприязни и конфликтов. Очевидно поэтому, что при осуществлении непосредственного социального взаимодействия представители разных культур стоят перед необходимостью преодоления не только языковых различий, но и различий социокультурного и этнического характера.

Социальное взаимодействие этнических мигрантов и населения принимающего общества можно рассматривать как конгломерат факторов, влияющих на характер и способы взаимодействия населения принимающего общества и мигрантов, располагающееся в диапазоне от согласия и сотрудничества до напряженности, противостояния и конфликтов. Люди, принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают и интерпретируют одинаковые культурные феномены, поэтому особенно важно изучение основополагающих кодов культуры, понимание межкультурных универсалий и межкультурных различий. Культура каждого народа представляет собой лишь часть кумулятивного опыта всего человечества, поэтому, взаимодействуя с носителями других культур, необходимо знать их традиционные особенности, уважать их и терпимо относиться к их проявлению, допускать «право представителя любой культуры на свободное выражение своих взглядов и реальное поведение в практической жизни при одновременном благожелательном положении к культуре, поведению и мнениям других людей»[4].

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие выходцы из республик Средней Азии мужского пола - 14 узбеков и 11 таджиков в возрасте от 28 до 45 лет, выполняющие работы дворников и рабочих по уборке и благоустройству городской территории.

В исследовании применен диагностический инструментарий: методика Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина; методы наблюдения и беседы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

При исследовании особое внимание было обращено на три составляющих личностного потенциала мигрантов: способности регулировать собственное поведение; развитие коммуникативных способностей и моральной нормативности. Все эти показатели во многом обусловлены не столько генетическими свойствами нервной системы, сколько условиями социализации, усвоением этнических стереотипов и норм поведения, адекватностью самооценки человека.

Поведенческая регуляция характеризует способность человека, постоянно находящегося в социуме, устанавливать и поддерживать контакты с людьми в процессе социального взаимодействия.

По показателю поведенческой регуляции получены достаточно высокие результаты (7-8 баллов по шкале стенов) практически у всех обследованных, что позволяет предположить наличие у них адекватной самооценки высокого уровня и, как следствие, гармоничное восприятие действительности.

Моральная нормативность предполагает формирование морально-нравственных норм и ценностей, способность индивида адекватно воспринимать наличную в данных условиях социальную роль.

Показатель моральной нормативности достигает относительно высоких показателей – 6,7-7,4 баллов, что свидетельствует об уважении фундаментальных норм и ценностей принимающей страны, ориентации большинства мигрантов на следование им, высоком уровне социализации, адекватной оценке собственной роли в новых социальных условиях без утраты своей собственной идентичности.

В эмпирическом исследовании внимание было акцентировано на средствах, при помощи которых возможно осуществление коммуникативных интеракций и делового сотрудничества с другими членами сообщества. Выявлено, что из 25 респондентов свободно изъясняются на русском языке только восемь представителей Узбекистана (32%), все остальные, и особенно таджики, испытывают затруднения разной степени выраженности.

Коммуникативные способности определяются общительностью, потребностью в осуществлении контактов, склонностью к конфликтному/бесконфликтному общению, наличием достаточного опыта социальных контактов.

По этому показателю результаты скромнее – у узбеков в среднем 7,5, у таджиков 5,7 балла, но при этом отмечается достаточный уровень развития коммуникативного потенциала при общении с соотечественниками, где отмечается способность быстро устанавливать и поддерживать контакты, неконфликтность. Но низкий уровень владения русским языком, недостаточный объем знаний и умения коммуникативно адекватно использовать их в межкультурной коммуникации, неумение осознанно выбирать и применять способы выстраивания совместной деятельности, наиболее приемлемые для данной культуры в конкретных обстоятельствах могут стать одним из факторов возникновения риска межкультурной коммуникации в процессе социального взаимодействия.

По результатам наблюдения и бесед с мигрантами выявлены обстоятельства, связанные с особенностями вербальной и невербальной коммуникации, затрудняюшие социальное взаимодействие: использование русскоязычными собеседниками сленга, различных идиом, которые не могут быть адекватно восприняты представителями другой культуры; далеко не всегда проявляется уважение к особенностям и стилю коммуникации, учитывающее территориальное происхождение индивида; отсутствие адаптированных литературных источников о представителях другой культурной общности, что позволило бы лучше понимать основные принципы и способы коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальное взаимодействие является объективным законом общественного бытия, воспроизводства социальности, в котором взаимодействующие субъекты неразрывно связаны друг с другом. Реальность современной России такова, что трудовые мигранты выступают специфической социальной взаимодействующей общности, а довольно распространенным явлением у населения принимающего социума является стремление отторгать культуру мигрантов, считая ее недостойной, а ее носителей подвергать дискриминации и рассматривать как людей второго сорта, лишенных человеческих достоинств. Поэтому жизненно необходимо создавать условия для изучения культуры и коммуникационных традиций тех, с кем необходимо взаимодействовать, чтобы свести к минимуму риски возможного недопонимания. Субъекты социального взаимодействия должны отдавать себе отчет в том, с представителем какой культурной общности они контактируют, иметь устойчивое представление об истории страны, понимать национальные привычки и традиции ее народа. Ожидая толерантного отношения к себе и, тем более к культуре, представителем которой индивид является, необходимо вести себя таким образом, чтобы взаимодействие носило долгосрочный характер, основанный на принципах взаимного уважения.

Список использованной литературы и источников:

1. *Лебедева Н.М.* Этническая и кросс-культурная психология: учебник для высших учебных заведений. – М. : МАКС Пресс, 2011. - 423 с.

2. *Солдатова Г.У.* Психологическая помощь мигрантам. М.: Смысл, 2002. - 479 с.

3. *Стефаненко Т.Г.* Методы подготовки к межкультурному взаимодействию // Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования: Спецпрактикум по социальной психологии. – М.: Изд-во Московского университета, 1993. – 80 с. – URL:http://psychlib.ru/ink/absid.php?absid=10742

4. *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высшая школа, 2005. – 310 с. - С. 239.

УДК 811

АНГЛИЙСКИЙ НОВОСТНОЙ ДИСКУРС: АРГУМЕНТАЦИЯ И УБЕЖДЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ КОМИЧЕСКОГО

С.Е. ТУПИКОВА, Ю.А. ШЕРСТОБИТОВА

Тупикова Светлана Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: tupikovase@mail.ru

Шерстобитова Юлия Александровна, магистрант кафедры английского языка и методики его преподавания, факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail:julya.sherstobitova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются аргументация и убеждение как формы речевого воздействия в англоязычном новостном дискурсе на материале текстов СМИ. Представлены речевые приемыубеждения и аргументации в новостном дискурсе посредством комического. Проанализированы способы осуществления функции аргументации и убеждения новостного дискурса, а также выявлены и описаны лингвостилистические и оценочные средства реализации комического в англоязычном новостном дискурсе.

Ключевые слова: английский язык, новостной дискурс,аргументация, убеждение, комическое

ENGLISH NEWS DISCOURSE: ARGUMENTATION AND CONVICTION THROUGH THE COMIC (ON THE BASIS OF ENGLISH NEWSPAPERS)

S.E. Tupikova, Y.A. Sherstobitova

Abstract: The article focuses on argumentation and conviction as a form of speech influence in the English news discourse on the basis of English newspapers. The purpose of this paper is to examine the representation of persuasion and argumentation in the English news discourse with the help of comic. Methods of realization of argumentative and conviction functions in news discourse are analyzed. Linguistic, stylistic and evaluative means of representation of comic in the English news discourse are studied.

Key words: the English language, news discourse,argumentation, persuasion, comic

Аргументация – особая интеллектуальная деятельность, которая является основанием рационального познания и общения. Методология относит к доказательствам только те аргументационные процедуры, которые подвергаются тщательной проверке. Аргументация помогает реализовать идеалы точности, ясности и строгости.

Необходимо сделать акцент на том, что аргументация является одним из важных средств разумного убеждения. Она называется так, поскольку основанием убеждения являются доводы разума, логика, а не чувства и эмоции. Зачастую, аргументация обладает логическим характером. В суждениях логики представлено то, как наши мысли относятся к действительности. Нельзя не отметить тот факт,что самые убедительные доводы в аргументации – это факты, но они должны иметь свой порядок и быть систематизированы. Для того используются логические умозаключения и суждения. Таким образом, разумное убеждение может быть достигнуто с помощью использования логически правильных рассуждений, в которых с помощью истинных посылок подтверждаются или выводятся заключения[1].

Сложной и вместе с тем универсальной для изучения является такая категория эстетики, как «комическое», она появилась еще в древности. Впервые, интерес к изучению понятия «комическое» проявляли философы античных времен, такие как Демокрит, Аристотель, Платон и т.д. В своих работах они демонстрировали первые попытки осмыслить данную категорию. Изначально, понятие «комическое» рассматривалось в рамках философии, но в последующем становилось интересным объектом для изучения в других науках, таких как социология, психология, сегодня же комическое зачастую используется и изучается в лингвистике.

Так, многие исследователи считают, что основой возникновения комического является *противоречие, контраст и несоответствие*, ведь информация, которую получает субъект не совпадает с тем, что он прогнозировал. Например, С.П. Белокурова в словаре литературоведческих терминов, дает следующее определение *комическому*- (от греч. Komikos ‘смешной, веселый’) «*эстетическая категория, отражающая противоречия действительности и содержащая их критическую оценку*. В основе комического – противоречие, несоответствие безобразного и прекрасного, ничтожного и возвышенного, реального и идеального и т.п.»[2].

Комический эффект создается посредством игры со смыслом, которая отличается разнообразием стратегий, типов и правил. Причем набор их может быть разным, в зависимости от культурной, социальной среды, а также он зависит от исторического периода его применения, менталитета коммуникантов, их духовного и культурного уровня развития, образованности, возраста, пола и многих других факторов.

Одним из самых сложных является вопрос о терминологии понятия «комическое», поэтому вокруг него зачастую возникают разного рода дискуссии. Нередко люди воспринимают комическое, как что-то «юмористическое», «смешное». Однако, отечественные исследователи данного понятия (С.Н. Плотникова и др.) утверждают, что данные термины нельзя использовать в качестве синонимов. Аргументом этого является тот факт, что в первом случае «юмористическое» используется в узком смысле и обозначает один из видов комического, тогда как во втором случае «смех»обладает более широкой сферой употребления, он связан не только с рефлексивной, но и с физическойреакцией.

Необходимо сказать, что существуют различия в используемой терминологии также и в зарубежной научной мысли. Например, в работах англоязычных исследователей, например, Аттардо С., термин «*humor*» в основном, соотносится с понятием «комическое» в русской лингвистике. Поскольку существуют такие расхождения в терминологии, то и не существует единого взгляда на предмет исследования. При этом,в многочисленных типологиях, классификациях и концепциях комического, которые осуществляются по разным основаниям,возможно обнаружить отличия, основанные на разных подходах к данному явлению, обоснованием которых являются особенностив методологии наук, в рамках которых изучается комическое (в лингвистике, социологии, философии, психологии и т.д.)[3].

Помимо перечисленных особенностей, рассматривая феномен комического необходимо помнить о важной роли объекта и субъекта, поскольку от них зависит интерпретация и отличие существующего смысла «комического». Так, например, Плотникова С.Н. пишет, что«не существует комических объектов самих по себе: комическое познается как таковое. Следовательно, не существует объективно смешных дискурсов: дискурсивный референт должен быть осмыслен как комический и отправителем, и получателем дискурса, они должны быть когнитивно едины и совместно прийти к мнению, что познанный объект – смешной»[4].

Для того чтобы реализовать комическое как коммуникативную технологию, необходимо активно использовать аргументацию. Аргументация необходима, прежде всего, для возникновения у адресата перлокутивного эффекта. Данный эффект обеспечивает достижение коммуникативного успеха благодаря которому адресат убеждается в правомерности передаваемой журналистом «другой» дополнительной информации. Во время предоставления аргументов, необходимо уметь управлять самим ходом коммуникации, то

есть уметь последовательно «продвигать» новость. Это необходимо для того, чтобы в конечном итоге адресат принял эту новость, адекватно декодировал не только заложенную автором информацию, но и правильно интерпретировал комическую (ироническую) тональность дискурса[5].

Для создания эффект комического в тексте нередко используются остроумные аргументы. Для подтверждения, рассмотрим использование остроумных аргументов на конкретных примерах, взятых путем сплошной выборки на английских новостных сайтах. В рамках данной работы остановимся более подробно на статье“Likefather, likeson?”, опубликованная в английской прессе[6].

В данной статье, в соответствии с нормами жанра редакторской статьи подразумевается, что текущая новость, основой которой является война в Ираке, уже всем известна, поэтому автор не останавливается на ней более детально. Наоборот, имплицитно заложенная информация о всеобщей осведомленности о войне в Ираке, позволяет автору статьипредставить лишьнекоторыенапоминанияопроизошедшемсобытии:

«thefirstwar; thesecondGulfwar ... hasbeenpresentedas ... thewaragainstterrorism;
SaddamHusseinhadbeenslammedbackintoIraq;
defangingal-Qaeda;
thecurrentvictoryinIraq».

Уже в заголовке самой статьи представлены объекты осмеяния. При этом заголовок представлен эллиптическим вопросительным предложением, которое состоитиз одной паремической единицы (Likefather, likeson?). В данном случае автор статьи выражает шутливое мнение о том, что судьбы близких родственников очень часто бывают схожи: «*resemblanceofthesontothefatherfromtheintellectualoremotionalpointofview*»[6].

Нельзя не отметить тот факт, что автор анализируемой статьи крайне искусно ведет так называемый «завуалированный диалог», во время которого воображаемые возражения противника замаскированы вопросами, которые он задает себе, расширяются. Вопрос, содержащийся в основном заголовке, уточняется во вспомогательном заголовке, а также дальше, непосредственно уже в тексте статьи:

«Willthesimilarityendthere? Now that a second Bush is enjoying the fruits of victory abroad while worrying about a faltering economy at home, it is hard not to suspect that history is about to repeat itself.

Will he be the second Bush in a row to don the victor's laurels from Mesopotamia, only to see them turn to dust by the Capitol? Ask the ghost of Winston Churchill as well as the elder Bush».

Вышеприведенные вопросы можно считать скорее риторическими. Человек, написавший их, старался, прежде всего,выдвинуть на передний план свою собственную личность, создаваядвойные коммуникативные роли, употребление которых не является свойственным новостному дискурсу. Данные вопросы представлены в имплицитной форме, поскольку главный смысл, заложенный в их основу, не лежит на поверхности, он лишь подразумевается пишущим. Подразумевается им следующее: «*не пойдет ли Джордж Буш-младший по следам своего отца? Не окончатся ли его вторые президентские выборы таким же проигрышем?*»

В редакторской статье, которая была построена по прототипической модели данного жанра, аргументация в пользу того или иного ответа была бы основана на чисто рациональных доказательствах. Что же касаетсяанализируемой нами статьи, то здесь, наряду срациональной аргументацией имеет местоаргументация, обыгранная посредством остроумных наблюдений[7].

Основным рациональным аргументом в пользу победы Буша-младшего на вторых президентских выборах была успешная борьба с международным терроризмом. Данныйаргументавторсопровождаетостроумнымсравнениемегокомандысвольеромкровожадныхястребов, которыесумеливырватьклыкидажеутакогозверя, какАль-Кайда:

«TheWhiteHouseisastightlyrunasithasbeeninageneration,
despitesimmeringtensionsbetweenColinPowellandtheadministration'saviaryofhawks»;

TheWhiteHousehawkscouldevenbecomederangedbythetasteofblood»;

«notallAmericansseetheconnectionbetweendefangingal-Qaedaandeliminatingthestatesponsorsofterrorism».

В приведенном отрывке автор использует такое стилистическое средство, как зооморфная метафора. Она представляет собой способ языковой репрезентации характеристики человека через уподобление его внешнего облика, особенностей поведения образу животного (в данном случае ястребу *hawks)*. Зооморфная метафорасоздает эффект комического. Этот эффект подкрепляется остроумным аргументомкак по отношению к команде Дж. Буша, так и по отношению к Аль-Кайде. Благодаря остроумной имплицитной аргументации пишущий предстает перед своей аудиторией как человеквесьма интеллигентный, разбирающийся в критике. Эффект комического позволяет сделать вывод о том, чтоавтор статьи обладает уникальной интерпретативной компетенцией и способен к необычному, подлинно креативному анализу новостных событий.

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно сказать, что управление социальным адресатом посредством остроумной аргументации влияет на него исключительно «правом разума». При этом адресат остается полностью свободным и может самостоятельно решать, присоединиться ему к сконструированному смыслу или нет.

Список использованной литературы и источников:

1. *Котельникова Л.А., Рузавин Г.И.* Системный подход к процессу убеждения и аргументации // Теория и практика аргументации. Сборник науч. трудов для специалистов по теории аргументации, методологов науки, логиков, преподавателей и студентов. Отв. ред. доктор филос. наук И.А.Герасимова. Москва: Институт Философии РАН. 2001.С. 7-28.

2. *Белокурова С.Н.* Словарь литературоведческих терминов.СПб.: Паритет, 2007. 320 с.

3. *Nolan M.* AmericanHumor. SanDiego, CA: GreenhavenPress, 2001. 160 p.

4. *Плотникова С.Н.* Онтологический статус комического в коммуникации / С.Н. Плотникова // Речевое общение: специализированный вестник.Вып. 13 : Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011. С. 6-32

5. Тупикова С.Е. Интерпретация текстовой информации в зависимости от тональности // Когнитивные исследования языка. 2014. № 16. С. 218-228.

6. Karpenter Dick. Likefather, likeson? /Economist/ Apr. 17, 2003. URL: https://www.uccs.edu/Documents/coe/people/faculty/carpenterd/BushCompare.pdf (дата обращения 10.01.2018).

7. *Панченко Н.Н.* Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе. дисс. на соиск. уч.степ.канд. филол. наук: 10.02.04.Иркутск, 2005. 206 с.

УДК 811.1

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ИННОВАЦИИ В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ

С.Е. ТУПИКОВА, Ю.Е. ЮЩЕНКО

Тупикова Светлана Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: tupikovase@mail.ru

Ющенко Юлия Евгеньевна, магистрант кафедры английского языка и методики его преподавания, факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени

Н.Г. Чернышевского.
E-mail: juliua-95@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть основные языковые инновации русско- и англоязычной интернет коммуникации. Выявлены и описаны основные тенденции в особенности использования лексических единиц в современных чатах, блогах, социальных сетях и форумах. В рамках исследования проведен опрос студентов, по результатам которого установлены причины, приводящие к отступлениям от языковых норм, и основные языковые инновации.

Ключевые слова: английский язык, интернет-коммуникация, блог-дискурс, лексические нормы.

MODERN LANGUAGE INNOVATIONS OF RUSSIAN AND ENGLISH INTERNET COMMUNICATION

S.E. Tupikova, Yu.E. Yushchenko

Abstract. The article focuses on the attempts to reveal the main deviations from the norms of lexicon in Russian and English Internet communication. The main tendencies in particular use of lexical units in modern Russian and English chats, blogs, social nets and forums are identified and described. Also the article examines the main tendencies in the Internet communication from the perspective of lexicon use. During the research the survey of students has been conducted, the results of which reveal significant reasons that lead to deviations of lexicon.

Key words: the English language, Internet communication, blog-discourse, lexical norms.

В настоящее время виртуальная коммуникация в чатах, блогах, социальных сетях и форумах является новой формой письменного общения, которое часто приближается по своей специфике к устному, за счёт чего проявляет лексические особенности, получившие недостаточное освещение в современной исследовательской литературе. Специфика лексики в современной интернет коммуникации связана с развитием электронных технологий и повсеместным использованием глобальной сети как средства общения.

Несмотря на то, что столь большое количество ученых посвящают свои работы изучению специфики интернет коммуникации, нельзя уверено говорить о том, что данное явление всесторонне исследовано. На сегодняшний день единственного и общепринятого определения понятия Интернет, учитывающего все аспекты взаимодействия сети, общества и человека, не существует.

Суммируя наиболее распространённые представления о содержательных границах такого многозначного и многомерного понятия, как Интернет, предлагаем выделить следующие подходы к определению интернета. Так, сеть Интернет сравнивается исследователями с «Супермозгом» (В.И. Яванцев), «супермагистралью» (D. Crystal) и «электронной нервной системой» (Т.И. Рязанцева), а также «Всемирной информационной системой» (L. Lengel), и «второй природой» (С.А. Нехаев). Особого внимания в этой связи, с нашей точки зрения, заслуживает вклад В.Н. Волченко. Ученый трактует данное понятие следующим образом: «Интернет - это последний «пробный шар» судьбы в истории цивилизации, поскольку в Универсуме больше не остается предметов для научных игр»[1].

На основе лексикографического и компонентного анализа семантики слова «Интернет», был сделан вывод, что Интернет представляет собой глобальную коммуникационную структуру, осуществляемую посредством взаимосвязанных компьютерных сетей. Безусловно, пользование глобальной сетью требует не только знание правил межличностной и межкультурной коммуникации и владение определенными языковыми нормами, этикетом (например, net-etiquette или netiquette)[2], но и несет в себе социальные риски и риски межкультурной коммуникации в процессе социального

взаимодействия.

Проведенный анализ теоретического материала по теме исследования показал, что термин «компьютерно-опосредованная коммуникация» в настоящее время используется для обозначения всех видов общения и передачи информации через компьютерные сети, включая Интернет. Впервые термин «интернет-коммуникация» был употреблен Сьюзан Херринг и Сьюзан Барнс. Ученые определяет этот вид коммуникации как: «осуществляемое преимущественно в текстовом виде взаимодействие человека с человеком, опосредованно связанными в сеть компьютерами или телефонией»[3].

В рамках исследования под *интернет коммуникацией* понимаем особый вид коммуникации бесчисленного числа субъектов, которое осуществляется посредством современных электронных носителей и характеризуется:

1. возможностью незамедлительной обратной связи;
2. видимым и невидимым процессом общения;
3. письменной и устной формой сообщения.

Считаем, что интернет язык следует рассматривать как новый вид устно-письменной коммуникации и вместе с признаками, свойственными устной и письменной форме речи, выделяем его новым средством виртуального общения с характерными для него отклонениями от языковых норм.

Современная интернет коммуникация обнаруживает свои особенности в использовании лексики, которые часто отличаются от общепринятых норм. В связи с этим возникает необходимость детального изучения специфики лексики, репрезентированной в виртуальном общении, которое в современном мире занимает одно из ведущих мест, является актуальным и востребованным.

В ходе исследования был проведен анализ сообщений респондентов - участников интернет общения в возрасте от 18 до 25 лет в русско- и англоязычных чатах, блогах и форумах. Выявлены следующие тенденции в особенности использования лексики:

1. Реализации в письменной форме элементов устной разговорной речи (универсальные усилительные слова);
2. Использование усечений и других видов графических сокращений;
3. Использование сниженной и разговорной лексики (неологизмы, метаплазмы, заимствования).

Рассмотрим каждую из выявленных особенностей подробнее.

1. ***Реализации в письменной форме элементов устной разговорной речи (универсальные усилительные слова).***

Имитация звуков:

Диана Мельникова: Ты когда волнуешься, сразу начинается ээээ беее меее:*D*

Широко используются такие звукоподражательные слова как: *уууу; гы; кхе-кхе; ммм; бульк-бульк; хе-хе; хм; хр-р-р; чмок-чмок.*

Передача междометий, характерных чаще всего для устной речи:

Кристина Шпак: *Ого го, вот это здорово))*

Передача просодических явлений:

Яна Капелька: *Зимой бррррр противно*

Имитация иноязычной речи или речи человека, другой возрастной или социальной группы.

Павел Мингалиев: *Френды, довожу до вашего сведения, что завтра в больницу иду, пару пропущу…*

Использование в переписке архаизмов:

Алексей Бардаков: *коли такая беседа пошла, то я за ежели все пойдут*

Использование просторечной лексики и грамматических форм, отражение в письменной форме региональных и просторечных устно-речевых вариантов:

Леша Иванов: *Хорошо я кортошечки отворю))))D*

2. ***Использование усечений и других видов графических сокращений.***

Будучи динамично развивающейся, система сокращений получила достаточно широкое распространение в интернет коммуникации. Наиболее часто встречающиеся сокращения, употребляемые в процессе интернет общения, классифицируем на следующие группы:

Общепринятые графические сокращения;

Ильмира Хилькевич: *Ок. Т.е. тебе просто обработка?*

Передача числительных с помощью цифр;

Ольга Семина: *Зачем?? Дело то 2 минут не стоит(((*

Употребление инициальных сокращений;

Полина Рябченко: *Гайз скажите дз по з.ю.?*

Употребление слов сокращений, в записи которых по созвучию или внешнему сходству используются иные буквенные или цифровые знаки;

Семен Проездов: *спасибо4ки; 4и*

Использование консонантного письма.

Альбина Гатина: *Все нрмлн я спокойна))*

Считаем, что русскоязычные пользователи пока находятся на стадии знакомства с англоязычной традицией использования общепринятых аббревиатур в сети интернет, в то время как русские аббревиатуры носят окказиональный характер.

3. ***Использование сниженной и разговорной лексики (неологизмы, метаплазмы, заимствования).***

Развитие интернет технологий привело к совершенствованию интернет языка, поэтому процесс образования индивидуально-авторских слов усилился. По причине отсутствия зрительного контакта с собеседником и неформальностью общения в сети интернет установлено, что интернет коммуникация характеризуется высоким количеством сниженной и разговорной лексики, служащей опознавательным знаком конкретного человека:

Лиля Пинчук: *АААААааа Новый Бузова-мем!*

Катя Пелевина: *Крис, ты теперь вип?*

Зафиксированы частые случаи применения метаплазм. Например, коммуникаторы пишут, чередуя прописные и строчные буквы, или добавляют мягкий или твердый знак в конце слова.

Например. Елизавета Шишкина: *вообщъе я спросила щас продублирую*

Maria Shulia: *ха-ха. Споки Ноки*

В современном языке интернет коммуникации большой популярностью пользуются заимствования из других языков: на первом месте, конечно, английские заимствования, далее слова, пришедшие из японского языка. Например:

Ольга: *ты меня прям выручила ухххх как, аригато от души)))*****

«аригато» с японского «спасибо».

Илья: *Топай, гарнэ дивчина*.

«гарнэ дивчина» с украинского «красавица», «красивая девушка»

Елена: *Ребзя!!!! Ахтунг! Ахтунг!*

«ахтунг» с немецкого «внимание».

Преимущество в употреблении и распространенности заимствованных слов из английского языка объясняется тем, что он лежит в основе международного компьютерного языка. Необходимо отметить, что для общения в сети интернет также характерно использование многочисленных примеров практической транскрипции английских слов, что в свою очередь приносит шутливый смысл написанного:

Яна Мавричева: *просто ван лав*

Ваня прежбитковский: *мы батл сделаем*

Рассматривая процесс словотворчества в интернет коммуникации русско- и англоязычных чатов, блогов и форумов, существуют разные методы и способы создания новых слов. Результат анализа показали, что процесс словообразования происходит в соответствии с правилами словообразовательной системы языка. Весьма продуктивными на наш взгляд оказались такие распространенные словообразовательные приемы как:

префиксация, суффиксация, слияние слов, обратное словообразование, аббревиация. Считаем, что тенденция использования словообразовательных средств как в русском, так и в английском языке логична и закономерна.

Утверждаем, что английский язык в сфере виртуальной коммуникации имеет характерные особенности, связанные с упрощением формы слов с целью передачи информации. Так помимо сокращений часто появляются искажения орфографии слов, при которых они изображают лишь фонетическое звучание и, таким образом, могут быть идентифицированы. Данный процесс получил широкое распространение в английской интернет культуре под названием «*Lolspeak*» (Laughing out loud speak), а в русской именуется как «*Олбанский язык*», например:

«CU 2morrow, m8» – «See you tomorrow, mate».

В данном предложении прослеживаются сокращения «CU» позволяющие исключить из слова часть букв, оставив прежнее звучание, тем самым сократив не только время на набор текста, но и улучшить видимость полного текста сообщения. В сообщении также встречаются замены частей слов цифрами, сходными с ними по звучанию (числительное 2 заменяет начало слова tomorrow, а 8 часть слова mate).

Исследование показало, что часто интернет пользователи в сообщениях используют метод перечисления: *First, Second*, благодаря чему возникает представление об упорядоченной аргументации. При этом выделяем различные варианты: *The first thing is, First of all; On the one hand; On the other hand; First, Then, Finally; Further; Furthermore* и др. В текстах переписки частотны эксплицитные выражения, представленные в различных вариантах: *I think; I believe that; My own view is that; I certainly believe; From my perspective; My point is that* и др., что в свою очередь имеет сходство с участниками русских форумов, которые также используют в своей речи подобные вводные конструкции.

К другим лексическим языковым средствам, характеризующим английскую интернет коммуникацию нами были отнесены следующие:

1. Контактные слова (*friends, you guys, ladies and gentlemen*) и вопросительные частицы (*what???, so..?, yeah?*);

2. Полноударные частицы *yes (yee-yee), aha* и *not (no)*, выражающие оценку предшествующих высказываний;

3. Междометия, например: *heee, heh, ha ha!*

Исследование показало, что количество участников, сокращающих послания, использующие жаргонные выражения и т.п., составляет не более 13% от общего числа интернет коммуникантов. Около 33% пользователей признались, что лишь время от времени применяют сокращения, а оставшиеся 54% никогда их не используют. Таким образом, можно отметить некоторые общие свойства характерные как для русского, так и для английского языков – стремление к сокращению, использование небуквенных символов и орфографических искажений.

Таким образом, результаты проведённого исследования студентов 1 - 4 курсов разных факультетов Саратовского Государственного Университета им. Н.Г. Чернышевского позволяют сделать вывод, что выявленные тенденции в использовании лексики в чатах, блогах, социальных сетях и форумах, несмотря на существенную разницу с каноническими нормами языка, превращаются в своеобразные «нормы» для интернет коммуникации и являются её специфической отличительной чертой. Широкое распространение выявленных тенденций, на наш взгляд, может в дальнейшем оказать определённое влияние как на русский, так и на английский язык.

Список использованной литературы и источников:

1. *Волченко В.Н.* Духовная экоэтика в мире сознания и в Интернете / Сознание и физическая реальность. 1997. Т. 2. N 4. / Цит. по: Зубрилин А. А., Александрова Р. И. Эмигрировавшие в Интернет // Человек. 2002. № 4. С. 131–137.

2. *Тупикова С.Е.* К вопросу о вербальных средствах репрезентации этикетных высказываний // Язык и мир изучаемого языка. 2016. № 7. С. 93-97

3. *Barnes S.B.* Computer-Mediated Communication: Human-to-Human Communication Across the Internet / Boston, MA : Allyn & Bacon. 2002. C. 347

УДК 331.105.2.

ОППОТРУНИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

А.И. АУБЕКИРОВА

Аубекирова Анастасия Исмагуловна, магистрант, кафедры экономической теории и национальной экономики, экономический факультет СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: anastasiya.aubekirova@mail.ru

Аннотация: В данной статье авторы рассматривают феномен оппортунистического поведения наемных работников как один из важнейших аспектов, оказывающих влияние на производительность и качество труда. Вследствие стремительного технологического развития одной из главных тем научного и общественного дискурса выступает вопрос о внедрении высокотехнологичного оборудования. Однако такая, важная социально-экономическая проблема, как борьба с недобросовестным поведением работников с целью повышения производительности производства, незаслуженно остается в стороне. Целью исследования выступает анализ понятия и сущности оппортунистического поведения наемных работников, последствий трудового оппортунизма, а также изучение некоторых методов борьбы с оппортунистическим поведением в трудовых коллективах.

Ключевые слова: Оппортунистическое поведение, трудовой оппортунизм, отчуждение труда, система штрафов и поощрений.

OPPOTRUNISM AS A TOOL OF IMPROVEMENT LABOR PRODUCTIVITY

A.I. Aubekirova

Abstract: In this article, the authors consider the phenomenon of opportunistic behavior of hired workers as one of the most important aspects that affect the productivity and quality of labor. Due to the rapid technological development of one of the main themes of scientific and public discourse, the issue of the introduction of high-tech equipment. However, such an important social and economic problem as combating unfair behavior of workers with the aim of increasing production productivity is undeservedly left aside. The purpose of the study is to analyze the concept and essence of opportunistic behavior of wage workers, the consequences of labor opportunism, as well as the study of some methods of combating opportunistic behavior in work collectives.

Key words: Opportunistic behavior, labor opportunism, alienation of labor, system of fines and rewards.

Многочисленные дискуссии о том, какой вклад оппортунистическое (т.е. направленное исключительно на получение собственной выгоды и улучшение своего положения, подчас за счет ухудшения положения других) поведение работников вносит в производительность экономики оказываются продолжением дискуссии о влиянии тех или иных процессов на производительность труда. Рост объема производства ряда отраслей народного хозяйства невозможен без повышение эффективности отдельно взятых предприятий. В свою очередь, конкурентоспособность и успешность предприятия зависят от целого ряда качеств занятых на них работников, от их профессиональной квалификации, а также мотивации и добросовестного отношения к выполняемой работе. В процессе трудовой интеракции (взаимодействия и взаимного влияния) неизбежно возникновение некоторых специфических

проблем, связанных с пространственной локализацией и физической синхронной коммуникацией работников, а также с самой организацией процесса трудовой активности.

Одной из наиболее значимых эманаций (проявлений) транзакционных издержек предприятия выступает трудовой оппортунизм. Впервые термин «оппортунизм» (франц. – opportunisme, от лат. opportunus), что переводится как «удобный, выгодный», был использован Оливером Уильямсоном в 1996 году и звучал так: «Оппортунизм – преследование личных интересов с использованием коварства (т.е. обмана) <…>»[1]. В современных сферах научного знания данное понятие получило широкое распространение и имеет обширный спектр толкований, таких как: преднамеренное скрытое воздействие, базирующееся на использовании информационного превосходства и направленное на достижение личных целей в ущерб другим участникам отношений или стремление одной стороны изменить условия договоренности, как только другая сторона взяла на себя обязательства и др.[2].

Несмотря на различные трактовки данного термина следует подчеркнуть, что широкое его использование в рамках экономической системы следует отождествлять с некоторым переосмыслением экономической теорией предпосылки о симметричной информированности всех субъектов рынка. Определения понятия «рынок», выдвинутые Адамом Смитом и, затем, Альфредом Маршалом, в которых значительное место уделяется факту хорошей осведомленности субъектов о делах друг друга, безусловно, имело место во времена жизни этих уважаемых экономистов. Однако за прошедшие столетия ситуация поменялась, развитие технологий и значительное усложнение экономических процессов подвергли информационную обеспеченность субъектов рынка асимметрии. Признание этих несовершенств в купе с преследованием эгоистических интересов позволило предположить возможность появления оппортунистического поведения.

Ложь, мошенничество и воровство – это самые грубые формы проявления оппортунизма, но в реальности проблема гораздо шире. Выявляют два вида оппортунистического поведения: первый основан на использовании разницы информации, второй на зависимости одной стороны договора от другой при равном объеме информации. Для нашей страны характерен оппортунизм второго вида, так как законодательство Российской Федерации нацелено на защиту работников от некорректного поведения компаний. Таким образом, для того, чтобы расторгнуть договор с работником, компания должна предъявить очень веские причины, что не всегда представляется возможным. При этом работник может отлынивать от исполнения своих трудовых обязательств, которые, в силу своей специфики, не могут быть прописаны достаточно четко. Также возможна ситуация информационного преимущества работника перед работодателем в случае, если невозможно непосредственное наблюдение за трудовым процессом, что делает почти невозможным определить связь между вкладом, результатом и вознаграждением.

Можно выделить следующие наиболее распространенные проявления оппортунизма: воровство, нерациональное использование ресурсов компании, сокрытие сведений о реальном положении фирмы на рынке, работу с низкой отдачей, заключение фиктивных сделок, передачу инсайдерской информации конкурентам и т.д.[3].

Еще одной формой проявления оппортунизма выступает отчуждение труда. Данный феномен может проявляться в виде использования рабочего времени для решения своих личных вопросов – внережимные «перекусы», разговоры по телефону, использование интернета в личных целях и т.п. В результате подобных действий качество выполняемой работы резко ухудшается. Риск отчуждения труда повышается в случае фиксированной оплаты труда, что демотивирует работника, ведь вознаграждение не имеет корреляции с результатом деятельности. Способом борьбы с подобным оппортунизмом может послужить использование сдельной оплаты труда. Если же это не представляется возможным, то может быть использована система поощрений и штрафов по результатам трудовой деятельности. Еще один прогрессивный метод борьбы с трудовым оппортунизмом – создание здоровой конкуренции в рабочем коллективе. Примеры поощрения других работников за достигнутые

результаты могут стать позитивным подкреплением и мощным стимулом для других специалистов выполнять свои обязанности высокопродуктивно.

Подводя итоги, следует отметить, что проблема трудового оппортунизма не является чем-то отдельным и обособленным. Она неразрывно связана с проблемой повышения производительности труда и роста объемов производства. Общее оздоровление рабочего климата в рамках коллектива, адекватный контроль со стороны руководства, внедрение эффективной системы стимулирования персонала позволят в значительной мере решить вопрос повышения производительности труда.

Список использованной литературы и источников:

1. *Иванова Н.С.* Конкурентная стратегия компании // Проблемы современной науки и образования, 2015. № 2 (42). С. 99-101.

2. Словарь по управлению персоналом. [Электронный ресурс]. URL: http://psyfactor.org/personal0.htm/ (Дата обращения: 20.02.2018).

3. *Уильямсон О.* Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации / О. Ульямсон // Уроки организации бизнеса / Под ред. А.А. Демина, В.С. Катькало. СПб.: Лениздат, 1994. С. 51-61.

УДК 316.4

СЕМЬИ С ДЕТЬМИ: ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ

А.А. ВАРЫЗГИНА

Варызгина Алла Александровна, кандидат социологических наук, ассистент, кафедра социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского.

E-mail: varyzgina@mail.ru

Аннотация: Представлены результаты социологического исследования в рамках международного научно-исследовательского проекта, проведенного в 2010-2016 гг. в Нижегородской области. Использованы данные 130 глубинных интервью с семьями с несовершеннолетними детьми с риском бедности, отобранными в ходе проведения предшествующего количественного этапа исследования, а также с представителями органов местной власти, социальной защиты населения, образования, здравоохранения, НКО. В ходе исследования была также проведена сессия Ketso (n=16). Описываются социально-экономические факторы, воспринимаемые семьями как значимые при выборе семьями превентивных стратегий выживания и избегания бедности. Часть факторов воспринимается семьями как ограничивающие их выбор, часть – как расширяющие выбор доступных стратегий выживания.

Ключевые слова: Семьи с детьми, стратегии выживания, повышение уровня и качества жизни населения, малые города.

FAMILIES WITH CHILDREN: FACTORS OF THEIR CHOICE OF SURVIVING STRATEGIES IN SMALL TOWNS

A.A. Varyzgina

Abstract. The paper presents results of international research project of 2010-2016 in Nizhegorodskaya region. There were 130 in-depth interviews conducted with representatives of

families with children of the verge of poverty and representatives of local authorities, social services, NGOs. Ketso session (n=16) with representatives of families was held as well.

This article presents those social and economic factors which are significant for families in the process of prevention strategies' choice. Part of factors are perceived as limiting family's choice, other factors are sees as extending the range of prevention strategies of avoiding poverty.

Key words: families with children, strategies of avoiding poverty, quality of life, standards of life, small towns.

ВВЕДЕНИЕ

В современной России снижение риска бедности населения и одной из уязвимых категорий населения, семей с несовершеннолетними детьми, продолжает оставаться одной из важных задач. В малых городах и сельской местности уровень жизни существенно ниже, чем в крупных городах, объективно меньше возможностей выхода из состояния бедности и снижения риска бедности семей с детьми.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Семьи с несовершеннолетними детьми являются особой категорией социологического анализа, обладающей повышенной иждивенческой нагрузкой, которая усиливает риск бедности и ограничивает возможности использования ресурсов семьи, но в то же время повышает уровень ответственности за подрастающее поколение и способствует возрастанию активности семей в повышении уровня жизни. Важна государственная поддержка, направленная, в том числе, на создание условий для повышения уровня жизни для таких семей[1,2], однако, не менее важно повышение ресурсности семей. Наличие возможностей, не столько потенциальных, сколько актуализованных, имеет зачастую решающее влияние на выбор семьей превентивной стратегии избегания бедности. С другой стороны, существующие у семьи потенциальные ресурсы не могут быть задействованы, если семьи не видят для этого возможностей. Целью данной статьи является определение факторов, оказывающих влияние на выбор превентивных стратегий выживания семей с детьми.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье используются результаты серии международных исследований, проведенных в 2010-2016 гг. кафедрой экономической социологии ФСН ННГУ им. Н.И.Лобачевского совместно с исследователями из Великобритании, Швеции, Финляндии в Нижегородской области, как в областном центре, так и в малых городах и сельской местности, что позволило выявить специфику этих типов населенных пунктов. В статье преимущественно анализируются данные, полученные при проведении качественного этапа исследований - 130 глубинных интервью с семьями с несовершеннолетними детьми с риском бедности, отобранными в ходе проведения предшествующего количественного этапа исследования, а также с представителями органов местной власти, социальной защиты населения, образования, здравоохранения, НКО. В ходе исследования была также проведена сессия Ketso (n=16) - разновидность круглого стола в форме игры (www.ketso.com), имевшей целью обсуждение проблемы улучшения уровня и качества жизни семей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Семьи с несовершеннолетними детьми планируют и реализуют превентивных стратегии выживания с учетом различных внешних и внутренних факторов. В число факторов, описываемых в данной статье, вошли далеко не все существующие факторы социально-экономического развития, но только те из них, которые наиболее актуализированы в общественном сознании. Факторы, которые учитываются семьями при планировании превентивных стратегий можно условно разделить на две группы: внешних по отношению к семье и воспринимаемых семьей как независящих от их действий, и внутренних, индивидуальных, свойственных конкретной семье.

К *внешним* факторам, воспринимаемых семьями как наиболее значимые, относятся состояние рынка труда (уровень зарплат, наличие рабочих мест, число функционирующих предприятий), миграционные процессы. Как внешние факторы семьи воспринимают также природные ресурсы региона, развитость инфраструктуры и комфортность среды проживания: качество и доступность медицинских услуг, качество и доступность образования, развитость транспортной инфраструктуры, степень удаленности населенного пункта от крупного города. Конечно, это далеко не все показатели социально-экономического развития региона. Это те факторы, которые видимы семьям и учитываются ими при выборе превентивных стратегий. С упоминания этих факторов начинается практически каждый разговор о том, что семья может предпринять для снижения риска бедности и повышения своего уровня жизни. Перечисленные факторы оказывают наибольшее влияние на выбор превентивной стратегии семьи в малых городах и в сельской местности.

Состояние рынка труда во многом определяет качество и уровень жизни населения региона. От степени развитости рынка труда зависит и уровень зарплаты, и возможности дополнительных заработков, и уровень безработицы. Низкий уровень оплаты труда наряду с уровнем задолженностей по выплате заработной плате, безработицы входят в число наиболее важных для семей макрофакторов, оказывающих влияние на снижение уровня жизни[3]. Для малых городов и особенно для сельской местности низкий уровень зарплат – очень распространенный фактор, повышающий риск бедности семей с детьми, основной фактор трудовой бедности. Факт низкой зарплаты не является для жителей малых городов и сельской местности свидетельством недостаточной трудовой активности. Уважительное отношение к работающим бедным в большей степени характерно именно для жителей малых городов и особенно сельской местности. Образ работающего бедного очень часто встречается в высказываниях экспертов и жителей города, что позволяет говорить о распространенности этого явления.

Низкий уровень зарплат в малых городах и особенно в сельской местности сочетается с регулярными сокращениями рабочих мест, в том числе в связи с закрытием предприятий и организаций. Последнее особенно характерно для непромышленных малых городов сельских районов. По мнению респондентов, сокращение производства, закрытие предприятий являются основными факторами, повышающими риск бедности, и, конечно, такая ситуация оказывает существенное влияние на выбор семьями превентивных стратегий избегания бедности. Внешний фактор закрытия предприятий воспринимается в подавляющем большинстве случаев резко негативно. Это связано не только с пессимистичной оценкой жителями перспектив собственных заработков, но и оценкой перспектив развития населенного пункта, зачастую служит толчком для поиска работы в других более крупных населенных пунктах.

Степень удаленности населенного пункта, в котором проживает семья, от крупных городов воспринимается семьями как значимый внешний фактор, определяющий и во многом ограничивающий выбор превентивных стратегий. В зависимости от того, насколько удалено место жительство семьи от крупных городов, трудоспособным членам семьи доступны разные варианты трудоустройства. Если крупный город рядом, распространена маятниковая миграция. Чем дальше семья проживает от крупного города, тем чаще выбор делается в пользу заработков вахтовым методом.

Процесс миграции, уже как внешний фактор, также накладывает отпечаток на восприятие места проживания (приток в сельскую местность людей пенсионного возраста, а также неблагополучных семей, вынужденные менять место жительства в силу разных причин), провоцирует выбор семьями в пользу стратегии смены места жительства.

Существенным внешним фактором, упоминаемым в числе значимых, являются природные ресурсы региона: лесные массивы, наличие и качество земли, возможности для сбора дикоросов, рыбной ловли, а также экологическая обстановка, предоставляющая возможности для рекреации, проживания на чистом воздухе, среди красивой природы в отсутствие суеты, характерной для крупного города, что воспринимается как преимущество.

Фактор наличия природных ресурсов имеет порой исключительное значение для жителей сельской местности. Это, пожалуй, единственный внешний фактор, воспринимаемый как расширяющий возможности, а не ограничивающий выбор превентивных стратегий. В некоторых районах после многолетнего сокращения производства, в том числе сельскохозяйственного, использование природных ресурсов осталось одним из немногих источников дохода и основой местного мелкого производства. По словам респондентов, активный сбор ягод, грибов в сезон может быть очень прибыльным мероприятием, более высокооплачиваемым, чем регулярная занятость.

В качестве внешнего по отношению к семье фактора можно отметить инфраструктуру и комфортность проживания, объединяющие доступность медицинских услуг, функционирование системы образования, развитость транспортной инфраструктуры, доступность интернет услуг. Качество, доступность и разнообразие медицинских услуг также упоминается семьями в качестве внешнего по отношению к семье фактора. Семьи скорее негативно оценивают проведенные за последние годы реформы в области здравоохранения, часто это является дополнительным аргументом в пользу принятия молодыми семьями, имеющими маленьких детей, решения о переезде в более крупный город.

Факторы, влияющие на выбор превентивной стратегии избегания бедности, воспринимаемые семьями как *внутренние*, т.е. являющиеся индивидуальной характеристикой конкретной семьи, были уже частично упомянуты выше в процессе описания внешних факторов, т.к. зачастую неразрывно связаны с ними. К внутренним факторам семьи относят уровень иждивенческой нагрузки и преимущественно ресурсы семьи: включенность в социальные сети поддержки, а также наличие земельного участка, наличие собственного транспорта (особенно часто упоминается жителями сельской местности).

Уровень иждивенческой нагрузки имеет неоднозначное воздействие на выбор семей превентивных стратегий по избеганию бедности. С одной стороны, наличие несовершеннолетних детей, особенно младшего возраста, ограничивает спектр доступных стратегий, т.к. семьи не могут в полной мере реализовывать свой ресурсный потенциал. С другой стороны, именно наличие детей в семье и ответственность, ощущаемая родителями за их развитие и состояние здоровья, является сильным мотиватором к поиску эффективных превентивных стратегий, направленных не просто на «неухудшение ситуации», но на избегание бедности и повышение уровня жизни, к увеличению трудовой активности.

Важным фактором является наличие социальных связей. Опора на социальные связи является одним из наиболее важных, иногда решающих факторов, компенсирующих негативное воздействие внешних факторов при решении различных семейных проблем, связанных с трудоустройством, с получением образовательных, медицинских услуг и т.д. Семьи используют имеющиеся у них социальные связи для поиска работы, необходимой информации, обращаются за советом, поддержкой, а то и за финансовой помощью в трудной ситуации. Особую важность включенность в социальные сети поддержки приобретает в условиях слабой социальной политики, не справляющейся в полной мере с функцией защиты социально уязвимых семей[4].

Следующим фактором, имеющим большое значение в малых городах и особенно в сельской местности, является наличие земельного участка. Земельный участок является важным внутренним ресурсом семьи; ведение подсобного хозяйства является значимым вкладом в бюджет семьи, т.к. сокращает расходы на приобретение продуктов питания и позволяет перераспределять средства на другие важные статьи расходов. Ведение подсобного хозяйства для жителей сельской местности часто является дополнительным, а то и основным источником дохода. Однако, само по себе наличие этого ресурса далеко не всегда означает возможность избрать подобную превентивную стратегию «частичного перехода на натуральное хозяйство». Огромное, подчас решающее значение имеет и способность, и умение использовать земельный ресурс. При отсутствии навыков потенциальные возможности так и не становятся актуализованными[5].

На протяжении последних лет отношение семей к наличию земли постепенно меняется.

Более старшее поколение привыкло к тому, что продукты личного приусадебного хозяйства являются неотъемлемой частью жизни семьи, преимуществом, компенсирующим недостаток заработка: «*те, кто живут в квартирах, в городах, на такую зарплату прожить невозможно. Мы за счет своего подсобного хозяйства живем и не страдаем*». В свою очередь молодое поколение семей с маленькими детьми чаще воспринимает огород как, прежде всего, поглотитель временных ресурсов. Необходимость посвящать время выращиванию продуктов питания воспринимается как депривация и дополнительная нагрузка: «*Нет, мы страдаем, <…>. Огород – это затрата времени. Там тоже надо работать».* Таким образом, наличие земельного участка воспринимается семьями по-разному. Для одних семей - это значимый ресурс, основа выживания и дополнительного дохода. Однако, неумение обрабатывать землю сводит на нет эффективность и полезность этого ресурса. Для других необходимость обрабатывать землю и неизбежные при этом затраты времени и сил являются индикатором бедности и нищеты.

Фактором, расширяющим возможности выбора семьями превентивных стратегий, направленных на избегание бедности, является наличие личного транспорта. Автомобиль в семье повышает ее мобильность, что имеет особое значение в сельской местности, т.к. дает возможность рассчитывать на заработки не только в своем городе, селе, но и за его пределами. Приобретение личного транспорта рассматривается не как роскошь, а, в первую очередь, как средство передвижения. Семьи, особенно многодетные, отмечают, что, не имея личного транспорта, намного сложнее совершать поездки всей семьей. За последние годы, как отмечают респонденты, число личного транспорта постепенно возрастает. В то же время зачастую приобретаются автомобили плохого качества, т.к. более качественный личный транспорт семьи не могут себе позволить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наиболее значимые для семей внешние факторы воспринимаются семьями, как правило, как ограничения выбора превентивных стратегий избегания бедности: состояние рынка труда, степень удаленности населенного пункта от крупного города, миграционные процессы, развитость инфраструктуры и комфортность среды проживания: качество и доступность медицинских услуг, качество и доступность образования, развитость транспортной инфраструктуры. Внешних факторов, воспринимаемых семьями как возможности, расширяющие выбор превентивных стратегий, существенно меньше. В качестве такого фактора семьи упоминают различные природные ресурсы региона, которые особенно жителями сельской местности воспринимается как возможности для основной и дополнительной занятости, а также как источник части продуктов питания.

В качестве основных значимых внутренних факторов воспринимаются уровень иждивенческой нагрузки, наличие социальных связей, наличие земельного участка, наличие личного транспорта. Внутренние факторы, как правило, воспринимаются семьями как возможности, способные отчасти скомпенсировать воздействие неблагоприятных внешних факторов и снизить риск бедности семьи. Низкоресурсные семьи больше страдают от негативных внешних факторов, чем семьи, имеющие необходимый социальный капитал и возможности его конвертации в случае наступления трудной ситуации. Иждивенческая нагрузка не только тормозит, ограничивает, но и мотивирует семьи проявлять, повышать трудовую активность и избирать превентивные стратегии, направленные на повышение уровня жизни и, следовательно, снижение риска бедности семьи.

Список использованной литературы и источников:

1. *Теодорович М.Л.* Бедность как социальная проблема: стратегический подход: монография. 2009. – с. 195

2. *Ивашиненко Н.Н.* Партисипаторный подход в решении проблем населения // Народонаселение. 2012. № 2. С. 16-22.

3. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография. / Под общей редакцией Н.М. Римашевской Н.М., Ивашиненко Н.Н. Нижний Новгород-Москва: Изд-во Нижегородского госуниверситета. 2013. 268 стр.

4. *Тартаковская И.Н.* Социальные сети и поведение на рынке труда / И.Н. Тартаковская // Социологический журнал, 2004. № 1 (2). С.129.

5. *Сен А.* Развитие как свобода / Пер с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 стр.

УДК 331.2

ПРИЧИНЫ НЕРАВЕНСТВА В ОПЛАТЕ ТРУДА НА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В.В. ГРЕКОВА, О.В. СЕНОКОСОВА

Грекова Валерия Валерьевна, магистрант экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: sama_valeria@mail.ru

Сенокосова Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: senoolga@yandex.ru

Аннотация: Изложены некоторые причины неравенства в оплате труда на российских предприятиях, из которых особое внимание уделено различным характеристикам рабочей силы. Показано, что помимо внешних факторов вниманию необходимо уделять внутрифирменным особенностям формированию заработной платы, развивающим неравенство. Установлены направления сокращения неравенства для принятия соответствующей государственной программы по сокращению неравенства. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в корпоративных моделях формирования заработной платы и стимулирования работников предприятий в России.

Ключевые слова: неравенство заработной платы, инвалиды, оплата труда, индекс корпоративной несправедливости, корпоративная несправедливость.

THE CAUSES OF INEQUALITY IN THE PAYMENT OF LABOR AT RUSSIAN ENTERPRISES

V.V. Grekova, O.V. Senokosova

Some reasons for the inequality in pay at Russian enterprises are outlined, of which special attention is paid to the different characteristics of the workforce. It is shown that, in addition to external factors, it is necessary to pay attention to intrafirm features of wage formation, which develops inequality. The directions for reducing inequality have been established for the adoption of the corresponding state program to reduce inequality. Applied aspect of the investigated problem can be realized in corporate models of formation of wages and stimulation of workers of enterprises in Russia.

Key words: wage inequality, invalids, remuneration, index of corporate injustice, corporate injustice.

ВВЕДЕНИЕ

Abstract. В настоящее время вопрос об экономическом неравенстве стоит остро в экономической и социальной науке. В условиях рыночной экономики, в последнее время, выявляется неравенство в оплате труда по регионам, по отраслям и сферам народного хозяйства, вызванное различными факторами. Особое внимание обращает на себя внутрифирменное или внутрикорпоративное неравенство в оплате труда. Причины вызывающее такое неравенство различны.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Рассматривая вопрос о неравенстве в оплате труда работников, теория предлагает несколько возможных объяснений этому явлению: работники обладают разной производительностью, разной квалификацией; сами рабочие места неоднородны; у работников различный человеческий капитал; гендерные различия между работниками и т.д.

В условиях рыночного развития организация, особенно коммерческого сектора, оплата труда работников может формироваться в зависимости от дохода организации, а также от деятельности самого работника через систему грейдинга. Рассмотрим подробнее возможные причины неравенства в оплате труда работников внутри фирмы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. Работники имеют разную производительность. Работники в рамках квалифицированной или неквалифицированной рабочей силы неоднородны по производительности труда. Существует несколько факторов, влияющих на производительность труда в рамках одной фирмы. Во-первых, статус работника на фирме. Как правило, работник, являющийся родственником управляющего (начальника) или владельца менее производителен, т.к. «наказания» не последует. Во-вторых, условия труда на фирме, как собственно и статус работника, могут вызывать оппортунистическое поведение работника. Работник, выполняющие свои и «чужие» обязанности, а также неподъемное количество работы будет стараться отлынивать от работы, чувствуя психологическую и физическую усталость, становясь менее производительным. В-третьих, наличие ограничений в здоровье. Конечно, по сути лица с ограниченными возможностями здоровья являются такими же работниками, как и все остальные, но все же имеют свои особенности. И хотя оплата труда в начислении подразумевает особый порядок, зачастую фирмы стремятся занизить оклад таким работникам или трудоустроить преимущественно на низкоквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие места, так как по факту они имеют ограниченное количество времени работы, по закону инвалид не может трудиться более 35 часов в неделю, так как обычный человек, не имеющий инвалидности - 40 часов[1]. На практике работодатели, чтобы избежать санкций, оформляют их на работу формально, выплачивая минимальную заработную плату, но не обеспечивая реальную занятость. Так, согласно результатам социологического исследования, проведенного кафедрой социальной работы ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина» в 2016 году, лишь 15 % инвалидов работают по специальности, 60 % из них имеют высшее и среднее профессиональное образование, половина (53 %) лиц с инвалидностью имеют официальный статус безработного, при этом каждый третий (34 %) имеет статус безработного свыше одного года и при поступлении на работу факт наличия инвалидности предпочли бы скрыть 15% опрошенных инвалидов, стоящих на учете в Центре занятости населения[2].

2. Идея о том, что разрывы в оплате труда связаны с параметрами человеческого капитала, предполагает, в основном, разницу в образовании и имеющемся опыте работы. Таким образом, женщины, отличаясь от мужчин качеством и уровнем образования, могут чаще испытывать перерыв(ы) в своей трудовой жизни и как следствие иметь меньший опыт работы. Эмпирические исследования подтверждают, что разница в оплате труда между мужчинами и женщинами в значительной мере определяется параметрами человеческого капитала. До недавнего времени существовала точка зрения о том, что высокий уровень неравенства в оплате труда может быть связан с тем, что у работников слишком разное

образование, или с тем, что высшее образование ассоциируется с повышенной заработной платой. Однако в реальности мы видим, что между работниками, обладающими аналогичными характеристиками, имеет место непредсказуемость размера оплаты труда или значительная вариативность. Если рассматривать работников фирмы по уровневой схеме, то можно заметить значительный рост заработной платы на верхней ступени пирамиды оплаты труда, который сложно объяснить различиями в индивидуальных параметрах работников или уровне их подготовке. Подобные явления фиксируются индексом корпоративной несправедливости. Индекс «корпоративной несправедливости» представляет собой отношение размера выплат ключевому руководству компаний в пересчете на месяц к величине среднемесячных зарплат остальных сотрудников. Результаты исследования, проведенное консалтинговой фирмой «Hay Group» в России в 2010 г. показаны в таблице 1.

Таблица 1.

Внутрикорпоративное неравенство оплаты труда[3]

Компания	Индекс корпоративной несправедливости	Численность сотрудников	Заработная плата руководства, руб.	Заработная плата сотрудников, руб.
Банк «ВТБ-24»	181,49	18347	8604074	47408
«Банк Москвы»	130,64	10258	10073891	77114
РЖД	120,26	969662	2853715	28948
Банк «Русский Стандарт»	109,76	22196	2630484	23966
«Северсталь»	108,23	84891	4378190	40454
«Газпром»	88,32	393000	5203333	58918
«Интегра»	88,08	15000	3571740	40552
Сбербанк	85,33	257046	3866183	45200

3. Неравенство в оплате труда возникает в связи с тем, что зарплата утратила свою экономическую природу - быть стимулом производственной деятельности, отражать результаты труда. В реальной экономике встречаются факты, когда на отстающих, убыточных предприятиях заработки более высокие, чем на платежеспособных; в одном и том же населенном пункте работники аналогичных предприятий или одних и тех же профессии получают за одинаковую по содержанию и интенсивности работу резко различную заработную плату. Величина оплаты труда зачастую не зависит от состояния производства на предприятии, в отрасли, в регионе[4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявляя причины неравенства в оплате труда на предприятиях, мы сталкиваемся с особым механизмом формирования заработной платы работникам. Влияние институциональных, социальных или политических факторов, особенно внешней среды незначительно оказывают воздействие на рост неравенства, в большей степени неравенство возникает хаотично, бессистемно, часто в искаженных теневых формах.

Список использованной литературы и источников:

1. *Сенокосова О.В.* Изменения в структуре занятости в условиях трансформации экономики России//Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика, Управление, Право. 2010. №1. С. 29.

2. *Козырева И.А., Чабанова С.С.* Прямая и косвенная дискриминация в сфере труда и занятости инвалидов: анализ проблемы//Здоровье и образование в 21 веке. 2017. № 6. С.171-175.

3. Индекс корпоративной несправедливости

URL:https://ekhard.livejournal.com/60722.html (дата обращения 31.03.2018).

4. *Соболев Э.Н.* Неравенство распределения корпоративных доходов: российская специфика, механизмы регулирования// URL http://naukarus.com/neravenstvo-raspredeleniya-korporativnyh-dohodov-rossiyskaya-spetsifika-mehanizmy-regulirovaniya (дата обращения 31.03.2018).

УДК 331.5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЛЬГОТЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОКРАЩЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

Н.С. ЗЕМЛЯНУХИНА

Землянухина Надежда Сергеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: nadezhda_zeml@mail.ru

Аннотация: Изложены теоретические предпосылки использования социально-экономических льгот населения для сокращения неравенства в России. Приведена классификация льгот, включающая трудовые, социальные, профессиональные и коммерческие льготы. Представлены фактические примеры использования института льгот. Обоснована востребованность льгот как инструмента сокращения неравенства.

Ключевые слова: сокращение неравенства, льготы, классификация, практика применения.

SOCIAL AND ECONOMIC BENEFITS OF THE POPULATION AS A TOOL OF REDUCING INEQUALITY IN RUSSIA

N.S. Zemlyanukhina

Abstract. The article presents the theoretical preconditions for using the social and economic benefits of the population for reducing inequality in Russia. The classification of benefits is presented, including labor, social, professional and commercial benefits. Presented actual examples of the use of the institution of benefits. The demand for benefits as a tool for reducing inequality is justified.

Key words: reduction of inequality, benefits, classification, practice of application.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическое неравенство существовало в обществе в различных видах и формах всегда. И для разрешения или смягчения остроты проблем, вызванных существующим неравенством, на Руси традиционно применялись льготы. Слово «льготы» является исконно русским, и уже в первых письменных источниках, сохранившихся до наших дней, мы встречаем упоминания о льготах, предоставлявшихся тем или иным категориям населения. В современных условиях проблема социально-экономического неравенства остается актуальной, на 2016 год доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляла по данным Госкомстата 13,4%, при этом 64,2% малоимущих относилось к экономически активному населению. На апрель 2017 года коэффициент Джини в России был равен 0,415, а коэффициент фондов в разах составлял 14,1[1].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

С нашей точки зрения льгота есть исключение из общих правил, выражающееся в облегчении или улучшении условий их выполнения (вплоть до полной отмены обязанности

выполнения), и распространяющееся на определенную категорию граждан, личные качества, особенности жизни и деятельности которых выступают источником социально-экономического неравенства.

Как экономическая категория льгота выражает экономические отношения по обеспечению исключений из общих правил, порожденных социально-экономическим неравенством, в целях снижения издержек или извлечения дополнительной выгоды[2].

В зависимости от того, в каких сферах возникают проблемы, обусловленные неравенством (в трудовой, профессиональной или социальной сфере), льготы, направленные на решение этих проблем, можно классифицировать как трудовые, профессиональные и социальные. К коммерческим льготам относятся льготы, добровольно предоставляемые предприятиями категориям граждан, находящихся в условиях неравенства, и предназначенные для получения льготодателем дополнительной выгоды. Отметим, что после принятия в 2004 г. Закона 122-ФЗ[3] термин «льготы» изъят из законотворческой практики (вместе с термином «социальная защита») и заменен термином «государственная социальная поддержка», однако как социально-экономическая категория в теоретическом смысле, как элемент общественного сознания и проверенный годами практический инструмент решения социально-экономических проблем льготы остаются актуальными и востребованными. При этом отказ от решения на государственном уровне некоторых социальных проблем повышает востребованность социально-трудовых льгот, предоставляемых работодателем, а перевод части расходных обязательств на региональный уровень за счет выделения категорий региональных льготников усиливает региональную дифференциацию.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Спектр применения льгот в России достаточно обширен. Социальные льготы предоставляются малоимущим, инвалидам, семьям с детьми, пенсионерам. Кроме того, получателями ежемесячных денежных выплат являются инвалиды и участники Великой Отечественной войны, а также приравненные к ним лица. На региональном уровне социальную поддержку получают ветераны труда и труженики тыла. После вступления в силу закона о монетизации льгот[3], большинство предоставлявшихся до этого льгот были заменены денежными компенсациями, поэтому на данный момент можно констатировать, что основная направленность предоставляемых государством льгот связана с повышением доходов населения и борьбой с бедностью. В этой связи представляет интерес рассмотрение ситуации с пенсионным обеспечением населения РФ. Действующая в настоящий момент пенсионная система такова, что у выходящих сейчас на пенсию работников практически нет возможности получить достойную пенсию, если только они не относятся к отдельным категориям, у которых принцип определения размера пенсии отличается от традиционного (сюда относятся депутаты, представители силовых структур и некоторые чиновники). Размер пенсионных выплат для человека, проработавшего более 20 лет и получавшего достаточно высокую заработную плату, несущественно отличается от размера социальной пенсии для вообще никогда не работавших, т.е. относящихся к экономически неактивному населению. И проработавший всю трудовую жизнь пенсионер сразу попадает в разряд малообеспеченных, если решается закончить свою трудовую деятельность. Последствием такого «равенства» является отсутствие мотивации у работников стремиться к официальному оформлению трудовых отношений и получению «белой» заработной платы. Выход из этой ситуации возможен путем изменения существующей системы определения размера пенсий, но тогда размер пенсий придется увеличивать всем пенсионерам, имеющим необходимый стаж работы, либо путем введения мер социальной поддержки некоторым категориям пенсионеров, что по сути можно рассматривать как льготы.

Социально-экономическое неравенство проявляется и в существенном различии качества трудовой жизни населения РФ. Выделим наиболее существенные направления воздействия льгот на качество трудовой жизни. В первую очередь – это вознаграждение работников за труд. При одном и том же номинальном уровне оплаты труда реальное

наполнение заработной платы зависит от доступности благ, необходимых для полноценного воспроизводства рабочей силы. Предоставление региональных надбавок к заработной плате из средств местных бюджетов, социальных льгот неработающим членам семьи, бесплатных либо частично оплачиваемых санаторно-курортных путевок, дополнительных возможностей улучшения жилищных условий за счет предоставления мест в общежитиях, субсидирования расходов на жильё, предоставления служебных либо социальных квартир, или же беспроцентных заёмных средств на покупку жилья дают возможность более полно удовлетворить потребности работника и членов его семьи. Наличие льгот, обеспечивающих работника дополнительным медицинским обслуживанием, санаторно-курортным лечением, корпоративной связью, транспортом, питанием и другими благами повышает достойность оплаты его труда и в случае натуральных льгот, и в случае субсидирования части расходов. Заметим, что при более высоком уровне оплаты труда актуальность перечисленных льгот может несколько снизиться, однако тот факт, что в развитых странах на льготы работникам выделяется существенная доля расходов на рабочую силу, говорит о том, что льготы работникам и членам их семей являются востребованными при любом уровне развития экономики.

При анализе качества трудовой жизни существенное внимание уделяется условиям труда. Предоставление льгот, связанных с неблагоприятными условиями труда является традиционным способом снижения их негативного воздействия. Так, в 2016 году различные компенсации за работу во вредных и опасных условиях труда получали 60,1% работников, занятых добычей полезных ископаемых, 46,7% работников обрабатывающих производств, 40,9% работников в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, 40,6% работников строительства, 43,7% работников на транспорте и 8,3% работников связи[1]. Наличие льгот, выражающихся в дополнительном медицинском и санаторном обслуживании, сокращенном рабочем дне, дополнительных отпусках, специальном питании способствует более полному восстановлению организма работника и снижению вероятности возникновения профессиональных заболеваний. При этом условия труда остаются неблагоприятными, но их отрицательное влияние на работников сокращается. Полное устранение неблагоприятных факторов было бы более кардинальным решением проблемы, однако ожидать, что это произойдет в ближайшее время, пока не приходится.

Возможность сочетания трудовой деятельности с выполнением других обязанностей (например, воспитанием ребенка) также во многих случаях определяется наличием на предприятии некоторых льгот: предоставлением гибкого графика работы, наличием возможности получения мест в детских дошкольных учреждениях и летних оздоровительных лагерях и т.д.

Льготы могут применяться (и применяются) для эффективного обеспечения воспроизводства социально-профессиональной структуры вооруженных сил[4].

Особое место занимают коммерческие льготы, предоставление которых вызвано не желанием снизить существующее неравенство, а попыткой извлечь дополнительный доход за счет расширения сферы сбыта и использования механизма ценовой дискриминации[5]. Предоставление скидок не всем покупателям, а только относящимся к определенной категории (наиболее распространенными являются добровольно предоставляемые предприятиями скидки на товары и услуги пенсионерам, студентам и держателям социальных карт) дает возможность привлечь дополнительных клиентов и сделать их постоянными. Однако при этом происходит частичная компенсация социально-экономического неравенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, льготы в России являлись и являются традиционным инструментом сокращения неравенства. При этом льготы не устраняют причину неравенства, а только сглаживают его последствия. Поэтому, если существует возможность предпринять шаги, направленные на устранение причин неравенства, то можно обойтись и без льгот, но во многих случаях это потребует гораздо больших затрат.

Список использованной литературы и источников:

1. Федеральная служба государственной статистики - URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 08.04.2018).

2. *Землянухина Н.С.* Социально-экономическая теория льгот. Саратов: Изд-во Сарат. гос. техн. ун-та, 2006. 228 с.

3. Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/12136676/ (дата обращения: 08.04.2018).

4. *Землянухина Н.С., Кузнецов П.С.* Социальные льготы военнослужащих // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 1 (59). С. 292-298.

5. *Землянухина Н.С., Кузнецов П.С.* Теория коммерческих льгот: практика применения// Экономическая наука в Саратовском университете: прошлое и современность Материалы Международной конференции в рамках Международного научного симпозиума, посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ "Столетие гуманитарного образования в Саратовском государственном университете: диалог времен - прошедшего, настоящего и будущего". Под редакцией О.Ю. Челноковой. 2017. С. 106-110.

УДК 316.3

ОСОБЕННОСТИ СПРОСА НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА В РОССИИ

Т.Л. КОНОВАЛОВА

Коновалова Татьяна Леонидовна, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: Konovalovatl@rambler.ru

Аннотация. Изложены проблемы, связанные с формированием и выявлением спроса потребителей на общественные блага. Показаны социальные механизмы качественного и количественного обеспечения общественных благ. Определяется роль государства и региональных органов власти в эффективном производстве общественных благ. Прикладной аспект данной проблемы может быть реализован, в частности, при составлении регионального бюджета Саратовской области.

Ключевые слова: общественные блага, спрос на общественные блага, проблема "безбилетника", благотворительность.

FEATURES OF THE DEMAND FOR PUBLIC GOODS IN RUSSIA

T.L. Konovalova

Abstract. The problems associated with the formation and identification of consumer demand for public goods is outlined. Social mechanisms of qualitative and quantitative provision of public goods are shown. The role of the state and regional authorities in the effective production of public goods is determined. Applied aspect of this problem can be realized, in particular, when drawing up the regional budget of the Saratov region.

Key words: public goods, demand for public goods, free rider problem, charity.

ВВЕДЕНИЕ

Выявление спроса на общественные блага является достаточно сложной проблемой. Обычно выявление спроса на товар осуществляется на рынке, где каждый потребитель проявляет свое желание приобрести определенное количество товара исходя из его цены. Спрос потребителя выражает его готовность платить определенную цену за нужное ему количество товара. Если же речь идет об общественных благах, во внимание берутся не личные, а общественные предпочтения.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Независимо от того, сколько отдельный потребитель готов заплатить за данное общественное благо, он будет пользоваться им наравне со всеми, потребляя не больше того, кто расценивает это благо дешевле, и не меньше того, кто расценивает его дороже. В этих условиях потребителю становится невыгодно выявлять свои истинные предпочтения. Наоборот, ему выгоднее занижать свою оценку общественного блага, поскольку, когда оно будет создано за счет других, он будет иметь возможность пользоваться данным благом наравне со всеми, затратив меньше средств либо не тратясь вообще[1].

Эта проблема пользования общественными благами без внесения определенной лепты в их обеспечение получила название "свободного проезда" или "безбилетника".

В обычных условиях рыночная система нацелена на производство такого количества частных благ, которое необходимо обществу. Что касается общественных благ, то их производство будет зависеть от степени выражения потребителями своих действительных предпочтений по отношению к их определенному виду. В результате недоучета потребительских предпочтений вполне возможно, что рынок снизит производство общественных благ ниже его эффективного уровня, поскольку сработает автоматическая тенденция приведения в соответствие спроса и предложения.

Сегодня спрос на определенные общественные блага уже превысил способность государственного сектора его удовлетворить по подходящей цене. Особенно это касается благ муниципального и местного уровня, которые существенно понизились в качественном и количественном отношении. Такие проблемы невозможно решать без участия местного населения, которое в конечном счете сможет найти ресурсы и добиться их реализации. Парадоксально, но государственная власть действует в рамках определенных ограничений, в том числе финансовых. Локализованные общественные органы (кооперативы, объединения, НКО) более конкретно могут учесть все имеющиеся возможности, принять обдуманные и рациональные решения.

Социальные реформы в России часто усугубляли ситуацию для тех, кого необходимо было поддержать. Поэтому возрастает спрос на благотворительность, и не столько в ее организованных формах, когда, например, сбор средств на лечение тяжелобольных и детей приводит к их утечкам (показательным в этом отношении является сбор средств на лечение тяжелобольной Жанны Фриске, когда значительная часть собранных денег не была использована по назначению), либо с участием государственных структур, а на прямое социальное участие в оказании помощи нуждающимся.

В России явно прослеживается такой социальный феномен, как "унаследованная зависимость от социальной помощи", которая приводит к пассивности, заставляя все надежды на поддержку и улучшение возлагать только на государство. Переход к рыночной экономике был связан с постепенным снижением доли государства в производстве и предоставлении общественных благ, переводе ряда благ из общественных в частные полностью или в значительной степени (приобретение и строительство жилья, услуги высшего образования и здравоохранения). Это позволило индивидуализировать потребление таких благ, дать возможность тем, кто имеет возможность, потреблять эти блага в большем объеме и более высокого качества, чем позволял общепринятый уровень.

Конечно, государство не устранилось от социальной помощи, в которой оно и сегодня занимает господствующее положение, но широкая общественная благотворительность должна включать, кроме государственной помощи, еще и частную, и корпоративную, и религиозную. Обращение к общественной благотворительности, на наш взгляд, свидетельствует о неудовлетворенном спросе на общественные блага.

В последнее время в нашей стране активно идет развитие благотворительности, спонсорства, меценатства, поскольку общество не имеет возможности развивать определенные общественные блага на требуемом потребительском уровне и вынуждено прибегать к альтернативным источникам финансирования. Такой подход имеет свои плюсы и минусы. К положительным факторам можно отнести возможность дополнительного финансирования, что позволяет существенно улучшить состояние дополнительно финансируемых благ, повысить заинтересованность работников, создающих эти блага и услуги; позволяет наиболее заинтересованным потребителям не ждать, когда общество сможет улучшить положение дел в обеспечении того или иного блага, а самим принять в этом непосредственное участие, ускорить производство блага или улучшить его состояние; повысить эффективность выделяемых общественных средств, а также создавать льготы для предприятий, направляющих временно свободные денежные средства на благотворительные или иные общественные цели. Важный моральный аспект стимулирования спонсоров, попечителей в том, что речь может идти о повышении культурного, образовательного уровня, социального развития самих благотворителей и их подопечных.

К негативным моментам можно отнести не всегда рациональное с точки зрения общества расходование средств, направляемых на развитие общественных благ. Часто финансирование их исходит из субъективных интересов региональных руководителей и благотворителей, без учета реального спроса. В результате может возникать недопроизводство отдельных благ при перепроизводстве других. Проявляется и трудность учета поступающих средств и рациональности их использования. Часто важные для общества блага не получают достаточного развития из-за отсутствия спонсоров, а бюджеты не планируют выделение средств, надеясь на благотворительность.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом, спрос на общественные блага нельзя отождествлять с понятием «рыночный спрос». Если величина «рыночного спроса» определяется как простая сумма величины спроса отдельных индивидов, то величина спроса на общественные блага не зависит от количества индивидов в его составе и их персонального спроса, а зависит только от наличия спроса всех индивидов в его составе.

Например, каждый индивид определяет свой спрос на услуги здравоохранения исходя из своей платежеспособности. Но рациональный потребитель не откажется и от дополнительного профилактического обследования, расширяющего спрос на общественное благо, поскольку это увеличивает ценность и полезность для индивида получаемого «продукта» - здоровья.

Специфика спроса на услуги здравоохранения состоит также в том, что потребители не имеют постоянного спроса на большинство медицинских услуг. Необходимость в данном общественном благе возникает только в период болезни индивида. Это порождает еще одну проблему, связанную с определением величины спроса на общественные блага, − довольно сложно подсчитать его реальную величину, поскольку функция спроса имеет непредсказуемый характер. Очевидна абсолютная неэластичность спроса на медицинские услуги – страдающий от какого-либо заболевания человек заплатит любые деньги за свое излечение - но, с другой стороны, изображение функции спроса на медицинские услуги в виде вертикальной прямой не отражает неустойчивый характер объемов спроса на медицинские услуги[2].

В отношении общественных благ рыночные регуляторы дают сбой, оказываются неэффективными. Если общество не научится выявлять реальный спрос на общественные

блага и обеспечивать их производство, это может привести к серьезным социальным последствиям и проблемам.

Для выявления спроса на общественные блага могут использоваться такие методы, как тестирование, голосование, референдум. Эти методы особенно эффективны на региональном уровне, где позволяют охватить больший процент заинтересованных потребителей, не требуют значительных затрат, учитывают территориальную специфику и помогают в короткие сроки реализовать пожелания потребителей.

Региональный уровень обеспечения общественных благ становится приоритетным по отношению к другим уровням, как с позиции объективирования (принадлежности), так и с позиции финансирования. Он включает в себя локальный уровень либо сам является локальным по отношению к национальному и более высоким уровням, получает всё большую самостоятельность как в предоставлении, так и в получении эффекта от использования общественных благ.

Властные структуры региона непосредственно контактируют с потребителями общественных благ, сами являются их потребителями и зависят от их состояния, а значит - непосредственно заинтересованы в их развитии. Всё это не только создает дополнительные стимулы для регионов развивать общественные блага, расширять и совершенствовать их структуру и объекты, но и позволяет эффективнее распределять средства на эти цели, планировать перспективы, создавать программы целевого решения проблем в социальной сфере. Так, 4 апреля 2018 г. в Красноармейске прошло общее собрание членов Ассоциации "Совет муниципальных образований Саратовской области", посвященное 15-летию принятия 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления". Присутствовали представители всех 42-х районов и ЗАТО. Было отмечено, что "важно вовлекать жителей в процессы стратегического планирования и решения вопросов местного значения"; "особое значение в современных условиях приобретает брендирование территорий"; "все это в совокупности – важные условия успешного социально-экономического развития Саратовской области"[3].

На региональном уровне выделяются такие виды общественных благ, как услуги образования и здравоохранения, безопасности и охраны порядка, а также бытовое обслуживание, общественный транспорт, информационные и рекреационные услуги, услуги учреждений культуры. Исследование, проведенное Институтом экономики УрО РАН, показало, что наиболее востребованными бюджетными услугами являются услуги бытового обслуживания (строительство и ремонт дорог, уличное освещение, газо-, водо- и электроснабжение, вывоз мусора и др.), а также здравоохранения, культуры, транспорта. При этом проявляется склонность к сохранению возможности пользоваться низкокачественными бюджетными услугами и неготовность их дополнительного финансирования за счет собственных средств[4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги рассмотрения проблемы выявления спроса на общественные блага, можно сделать вывод, что, являясь объектом совместного и равного потребления, они выступают своеобразным общественным феноменом социального равенства, в котором потребление одних не мешает потреблению других. В отличие от благ частных, потребляемых индивидуально, спрос на которые определяется рыночными регуляторами, общественные блага выступают объектом коллективного, неконкурентного потребления и требуют особых механизмов выявления спроса на них. От того, насколько верным и целенаправленным будет удовлетворение спроса на такие блага, во многом зависит социальная консолидация общества. И в первую очередь это находит свое проявление на уровне региона.

Список использованной литературы и источников:

1. См.: *Коновалова Т.Л.*

2. *Троицкая Н.Л.* Оценка эффективности работы муниципального здравоохранения в рамках современных подходов к оценке эффективности предоставления общественных благ // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2009. №1.

3. Источник: https://news.sarbc.ru/main/2018/04/04/215003.html

4. *Попов Е., Кац И.* Социально-экономическая адаптация сектора общественных благ в регионах России // Общество и экономика. 2014. № 5. С. 126-139.

УДК 330.131.5

НЕРАВЕНСТВО, СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

О.Ю. КРАСИЛЬНИКОВ

Красильников Олег Юрьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: ok-russia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена противоречивая взаимосвязь неравенства, социальной справедливости и экономической эффективности. Автор отмечает отсутствие однозначной корреляции между этими показателями в различных странах. Анализируются институциональные ловушки социальной справедливости и неравенства в России, которые оказывают отрицательное влияние на экономический рост. Предложены меры по улучшению показателей социальной справедливости в целях повышения эффективности экономики.

Ключевые слова: неравенство; социальная справедливость; экономическая эффективность; институциональные ловушки; экономический рост.

INEQUALITY, SOCIAL JUSTICE AND ECONOMIC EFFICIENCY

O.Yu. Krasilnikov

Abstract. The article considers the contradictory interrelation of inequality, social justice and economic efficiency. The author notes the absence of an unambiguous correlation between these indicators in different countries. Institutional traps of social justice and inequality in Russia, which have a negative impact on economic growth, are analyzed. There are proposed some measures to improve social justice indicators in order to increase the efficiency of the economy.

Key words: inequality; social justice; economic efficiency; institutional traps; economic growth.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы статьи определяется имеющимися противоречиями между явлениями неравенства, социальной справедливости и экономической эффективности. Считается, что неравенство способствует росту эффективности экономики, т.к. усиливает конкуренцию между хозяйствующими субъектами. Увеличение социальной справедливости наоборот ведет к понижению экономической эффективности по причине уравнительного распределения доходов и снижению стимулов к повышению производительности труда. Однако современным исследователям в результате эмпирического анализа не удалось обнаружить систематической связи между экономическим ростом (независимо от его измерения: через ВВП на душу населения или через средний доход домохозяйств) и

неравенством в распределении доходов[1]. Кроме того также нет достаточных доказательств того, что рост социальной справедливости ведет к снижению экономической эффективности. Недостаточная разработанность данных проблем определило тему исследования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Неравенство как социальный феномен может носить естественный и превратный характер. Естественное неравенство основано на различии способностей, уровня образования, географических и природных условий.

Превратное неравенство отражает различия по собственности, капиталу, социальному статусу, расам, кастам и кланам.

Понятие социальная справедливость зачастую трактуют как уравниловку, что не правильно. Оно означает, прежде всего, равенство возможностей, единую меру в распределении доходов (например, по трудовому вкладу), равенство всех людей перед законом, высокую социальную защищенность. Поэтому в ряде случаев социальная справедливость стимулирует повышение производительности труда, что, в свою очередь, приводит к ускорению экономического роста, как было в СССР в годы первых пятилеток.

Господствующие в обществе представления о справедливости предопределяют некоторый уровень неравенства в распределении доходов, который признается обществом как норма. Именно по отношению к этой норме дифференциацию доходов населения можно признать чрезмерной или недостаточной. Следует подчеркнуть, что отклонение от этой нормы в любую сторону оказывает негативное влияние на экономическое развитие.

Существуют две точки зрения. Первая: между экономическим ростом и неравенством обнаруживается статистически значимая положительная связь (неравенство подстегивает рост), но при ее разбиении на две группы стран – богатых и бедных, положительная связь сохраняется только для первой, а для второй она оказывается отрицательной. Авторы другой точки зрения приходят к прямо противоположным выводам. Для всей выборки они получают значимый отрицательный эффект неравенства, который, однако, при выделении стран с высоким и с низким душевым ВВП подтверждается только для первых, тогда как для вторых он из негативного становится позитивным. Иными словами, из одни исследователи говорят, что неравенство стимулирует рост в развитых странах, но тормозит его в развивающихся, другие – что оно стимулирует рост в развивающихся странах, но тормозит его в развитых[2].

По данным А. Ситникова и Д. Шакина из стран – экспортеров сырья за период с 1976 г. по 2003 г. только Боливия, Индонезия и Малайзия смогли постепенно увеличить экономическую эффективность и повысить уровень социальной справедливости. Тем не менее, за достаточно продолжительный срок эти страны достигли лишь весьма скромных результатов. К сожалению, одновременное улучшение показателей экономической эффективности и справедливости – скорее исключение, нежели правило. Чаще траектории развития либо приводят к снижению обоих показателей (Нигерия, Колумбия), либо к увеличению одного показателя за счет другого (Эквадор, Венесуэла, Чили, Норвегия).

Что касается более развитых стран (Норвегия, Канада, Австралия), то они также не способны показать значительные темпы роста эффективности, т.к. потенциал ее увеличения уже во многом исчерпан: экономики достаточно диверсифицированы, государство эффективно, социальное неравенство незначительно. Динамика развития «средних» по показателям стран, к числу которых относится и Россия, указывает на большие затруднения для достижения успеха по обоим направлениям: одновременного увеличения социальной справедливости и эффективности, выражающейся, прежде всего, в темпах экономического роста[3].

Одной из причин подобного положения являются, так называемые институциональные ловушки – неэффективные, но устойчивые институты или нормы поведения. В сфере социальной справедливости можно выделить две институциональные ловушки, обусловленные российской культурной традицией и исторически сложившимся менталитетом

советского человека. Назовем их «ловушка равенства» и «ловушка государственного патернализма».

1) Институциональная ловушка равенства или, говоря другими словами, уравниловки. При рассмотрении указанной «ловушки» необходимо делать четкое различие между равенством и социальной справедливостью. Социальная справедливость не то же, что равенство в доходах или накопленном богатстве. Скорее это поиск ситуации, в которой возможности равны, где личные усилия, предпочтения и инициатива, а не происхождение, принадлежность к касте, расе или полу, формируют различия между экономическими достижениями людей.

2) Институциональная ловушка государственного патернализма. За почти семидесятилетнюю историю Советского Союза многие люди привыкли к тому, что государство, как бескорыстный отец, всегда защитит, всегда поможет.

Указанные ловушки тормозят общественное развитие, ведут к институциональному застою. Необходимо разработать стратегию их преодоления на основе создания социально-ориентированных рыночных институтов. Однако при этом нельзя бросаться из одной крайности в другую: от институциональных ловушек уравниловки и патернализма – к ловушкам неравенства.

Так, значительное неравенство внутри отдельно взятой страны – это касается как материального неравенства, так и неравенства возможностей – приводит к растрачиванию человеческого потенциала, и во многих случаях, к снижению темпов устойчивого экономического роста.

Институциональные ловушки неравенства возникают тогда, когда имущественное расслоение между отдельными людьми и различными группами населения приобретает хронический характер, как в рамках одного поколения, так и для последующих поколений. Таким образом, неравными оказываются сами возможности развития человека. Подобное неравенство возможностей снижает мотивацию к индивидуальному развитию и инновациям, а также замедляет прогресс цивилизации в целом. Система, увековечивающая неравенство, «цементируется» благодаря экономическим, политическим и социально-культурным механизмам таким, как дискриминационные отношения и порядки, связанные с расовой, этнической, половой принадлежностью, а также принадлежностью к определенному социальному слою.

Для того чтобы помочь обществу избежать подобных «ловушек» неравенства необходимо усилить представительство бедных и социально обездоленных групп населения в органах власти, предоставляя им возможности использования демократических механизмов для высказывания своего мнения и оказания политического влияния. При этом данные группы населения, могут объединяться со средним классом в целях поддержки стратегий, направленных на внедрение принципов социальной справедливости. Такие стратегии могут послужить инструментом повышения эффективности экономики, размывания олигархического господства и выравнивания условий игры на экономической и политической аренах. Преобладание элиты в институциональных структурах подрывает социальную справедливость.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как показывает опыт некоторых стран, одновременное улучшение показателей социальной справедливости и экономической эффективности в принципе возможно. При этом значительные средства необходимо направить на увеличение доходов малоимущих слоев населения в целях стимулирования совокупного спроса. Одновременно следует осуществлять коренную структурную перестройку экономики: снижать долю сырьевого сектора и развивать высокотехнологичные отрасли и производства, определяющие будущее постиндустриальное развитие страны. Одним из приоритетов должно стать увеличение эффективности функционирования институтов правового демократического государства.

Проведение подобной политики должно быть основано на следующих принципах:

- инвестиции в человека путем расширения доступа к качественным услугам здравоохранения и образования, а также путем формирования системы социальных гарантий для наиболее уязвимых групп населения;
- расширение возможностей доступа к правосудию, средствам производства и экономической инфраструктуре, включая дороги, электроэнергию, водоснабжение, канализацию и телекоммуникации;
- поощрение принципов справедливости на рынках финансов, труда и товаров, с тем, чтобы люди с низким уровнем доходов имели бы больше возможностей получить кредит и работу, а не подвергались бы дискриминации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическая практика показывает, что нет прямой взаимосвязи между эффективностью производства, неравенством и социальной справедливостью. В экономических отношениях возможны различные ситуации. В общем случае на уровне экономического поведения конкретного человека эта зависимость носит субъективно-психологический характер, что обусловлено индивидуальной человеческой природой. Ответные реакции разных людей на реально сложившееся соотношение между эффективностью, неравенством и социальной справедливостью могут быть самыми различными в зависимости от их индивидуальных психологических особенностей. Так, снижение уровня социальной справедливости и рост неравенства во многих случаях приводит к повышению экономической эффективности до некоторого предельного уровня, после которого рост эффективности останавливается или даже при некоторых условиях может произойти снижение объемов производства. Поэтому необходимо найти оптимальное соотношение между неравенством и социальной справедливостью, которое бы обеспечило устойчивый экономический рост.

Список использованной литературы и источников:

1. *Меркулова Т.В.* Экономический рост и неравенство: институциональный аспект и эмпирический анализ // Мир России. 2010. № 2. С. 59 – 77.

2. *Капелюшников Р.И.* Неравенство: как не примитивизировать проблему (критические заметки). URL: https://wp.hse.ru/data/2016/10/31/1111320083/WP3_2016_ 06.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

3. См.: *Ситников А., Шакин Д.* Экономическое развитие эффективность или справедливость? // Институт открытой экономики. М., 2004.

УДК 330

КУЛЬТУРА, ИНСТИТУТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕРМИНИЗМА

В.А. МАКСИМОВ

Максимов Вадим Алексеевич, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: maxvad53@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия экономической культуры и экономической науки. Подчеркивается значение социентальности экономической культуры, как фактора устойчивого развития. Теоретически осмысливается индивидуальное и коллективное поведение в рамках универсализма и уникальности, что находит практическое воплощение в современных компаративистских исследованиях.

Ключевые слова: демаркация культуры и экономики, этапы влияния и расхождения

SOCIALITY OF ECONOMIC CULTURE AND PROBLEMS OF DEMARCATION OF ECONOMICS AND CULTURE

V.A. Maksimov

Abstract. The article deals with the problems of interaction between economic culture and economic science. The importance of the socio-economic culture as a factor of sustainable development is underlined. Theoretical interpretation of individual and collective behavior within the framework of universalism and uniqueness, which finds practical application in modern comparative studies.

Key words: demarcation of culture and economy, stages of influence and divergence

Взаимодействие культуры и экономики предполагает, по меньшей мере, три демаркационных линии:

- культура и экономика;
- культура как экономика vs экономика как культура;
- культура экономической науки vs культура в экономической науке.

Образно говоря, культура сегодня прокладывает себе дорогу назад в экономическую науку, после забвения с 60-х годов XX века. Включение культуры в экономическое исследование как источник хозяйственного развития обосновал А. Смит. «Богатство народов», как подчёркивается историками экономической мысли, несло огромный культурологический заряд (А. Аникин). Нравственность (мораль) определяет структуру взаимосвязей и активацию действий. Им была выделена предпринимательская культура как феномен первой промышленной революции.

Экономика культуры определяется в узком смысле - как экономику отраслей знания[1] и в широком смысле – как расширенную экономическую науку, включающую ментальные факторы. В английском обозначении – cultural economics (буквально = культурная экономика)- предметной области придаётся социентально - ценностное значение.

Возрождению экономической культуры способствовало включение в «твёрдое ядро» экономической теории институциональной парадигмы, подкреплённой авторитетом Нобелевских лауреатов – Р. Коуза, О. Уильямсона, Д. Норта и Э. Остром – и «стучащуюся» в это ядро поведенческой экономики в лице также Нобелевских лауреатов Д. Канемана, Т. Шиллера, Р. Талера. Ярким манифестом нового предметного знания стала книга «Culture matter» («Культура имеет значение»)[2]. В России осмыслению культурно - экономических

институтов предпосланы работы В. Автономова, А. Аузана, В. Тамбовцева, В. Рязанова, Д. Раскова.

Современные дискуссии ведутся по поводу, является ли экономическая культура эксклюзивной или инклюзивной детерминантой (осмысленное действие) экономического роста. Проблематика демаркации (разграничение границ анализа) вращается вокруг трёх конкретных областей:

- Культурные паттерны (установки) заданы личности, в теории же действие и принятие решений является индивидуальным поведенческим актом.

- Культура предполагает совместное коллективное взаимодействие, т.е. макро-уровень или хотя бы мезо-уровень; в экономической теории основная часть предпосылок задана микро-уровнем или выводится из микроэкономического поведения.

- Теория сформулирована на универсальных принципах, экономическая культура же связана с контекстом многообразия, предпочтений и верований (набором аксиом и постулатов).

В научной литературе даётся примерно 170 определений культуры. Первоначально включалось всё, кроме природных различий. Современный исследователь кросс - культурных различий наций Р. Инглхарт[3] отмечает, что «культура приобретается путём обучения и может различаться от общества к обществу». На смену дуализма «природа-культура» пришла оппозиция « разум-материя». Этнолог и антрополог К. Гирц[4] определяет культуру как «исторически передаваемую систему смыслов, воплощённых в символах» На первый план выносится мировоззрение, определяемое не количественно, а качественно (по опросам) на основе самоопределяемой идентичности (по нации, полу, социальному слою, семье). Культура рассматривается как некий исторический, поколенческий код, заданный и наследуемый. Известный политолог С. Хантингтон усматривает в культуре противовес эгоистической деятельности в виде тесных комм унитарных связей. Специалист по методологии экономической науки Д. Коландер утверждает, что культура влияет на рациональный выбор агента, на его индивидуальные цели и предпочтения, запрещая максимизацию интереса. Почти также влияние культуры интерпретируется в институциональной теории: неформальные правила, экзогенный фактор. В этом случае культура почти безболезненно входит в каузальную схему экономической науки.

Если культура влияет на экономическое развитие, то каким образом она воспроизводится, усваивается, кем и почему? Обычно, рассматривая этот аспект, обращаются к корпоративной культуре. Смысловая общность объединяет и привязывает работников к фирме, дистанцирует от других организаций, мобилизует и даёт конкурентные преимущества. Это же прослеживается в концепции экономического патриотизма, который не рассматривается исследователями как нечто искусственное, а как необходимая нормативность. В течение XX века вес экономической культуры и экономической науки был несопоставим, хотя в XIX столетии их синтез, а точнее их смежность, определённое созвучие, считался органичным. Труды К. Макса, Г. Шмоллера, М. Вебера, Т. Веблена указывают на когерентность данных сфер при развивающихся фазах социентальности. Такое расхождение связано с тем, что культура и экономическая наука постепенно пробрели иные коннотации, искажающие контекст и описание реальностей. Культура стала пониматься как лишний фактор, но и наука (= экономическая теория), отбросив её, стала создавать и описывать реальность не релевантную экономической действительности.

Метафорически латинская фраза cultura animi означает «возделывание души» (Цицерон). В эпоху Возрождения, когда общественная мысль «повернулась к человеку», культура стала пониматься как индивидуальный процесс нравственного и интеллектуального развития. В век Просвещения культура рассматривается не только как процесс, но и продукт. Она становится объектом, которым люди владели или нет. Отсюда был сделан логический переход к источнику развития общества в целом. Культура становится почти синонимом цивилизации и возникает разделение наций на «более или менее культурные». Культура

предстаёт нравственным стандартом. Идея прогрессивного развития задала идеал и параметры преобразований в экономической сфере с претензией на универсализм рыночных структур [5].

В XIX веке такое понимание культуры приводит выделению уникальности, особости развития и, в конечном счёте, самобытности общества и государства. Национальная культура императивно отражает народный дух, противопоставляемый чуждому влиянию, моделям и принципам. Остаётся один шаг до национализма. В экономической науке(в рамках исторической школы) на первый план выходит задача разработки экономической политики. Экономический успех стал функцией нравственности (читай – культурного развития). Г. Шмоллер писал, что экономика – это часть культуры…, продукт интеллектуальных усилий человека. Такие идеи о национальной идентичности или локальной коллективной общности на рубеже XX-XXI веков стали популярны, благодаря компаративистским исследованиям Хофстеде и Инглхарта[6]. В России появились работы с акцентом на «национальный код» и архетип экономического поведения российской цивилизации.

В начале XX века происходит окончательный распад общественной науки на специальные области. Экономическая теория буквально отторгает от себя социологию (по словам В. Парето), историю и политику; утверждается маржинализм как «чистая» наука, в которой индивид рационально оптимизирует ресурсы (полезность), делая выбор с целью максимизации прибыли (дохода). Такое определение предмета теории утвердил в качестве парадигмы экономических исследований английский учёный Л. Роббинс, вынося за скобки даже различия в предпочтениях индивидов. Торжествует только один верный, единственный способ объяснения реальности, Контекст не нужен, «неважно, почему у людей возникает спрос на те или иные блага»[7]. По сути экономическая теория возвысила себя над другими дисциплинарными отделами науки, исключив альтернативные объяснения субъективного поведения. Методологически это абстрагирование от кажущихся несущественных форм, хотя и с допущениями. Соответственно, экономическая культура становится «изгоем, своим среди чужих, чужим среди своих» (М. Вебер). Само название общей экономической науки модифицировалось: из политической экономии и национальной экономики – в economics, которая перестала быть тождественной «исследованию экономических явлений»[8].

Но традиционный «широкий» взгляд на экономические явления и действия не исчез. Или, вернее, возвратился к истокам – к «здравому смыслу» в понимании и объяснению социально- экономических процессов. М. Вебер писал, что в экономической науке все акты создания ценности и потребления имеют значение, доступное пониманию. Т. Веблен в работе «Почему экономическая наука не является эволюционной?»[9] с горечью заметил, что стал формироваться канон «нормальности» экономической науки, когда конкретное поведение в определённом месте и в определённое время становится образцом любого поведения при всяких условиях. Поэтому реабилитация экономической теории должна начаться с современной антропологии и психологической науки и принять форму науки об эволюции экономических институтов. Институты трудно поддаются анализу, поэтому Т. Веблен, хотя и разделяет (можно предположить) подход «экономика как культура», но «инструментально» скорее был приверженцем сочетания «экономика и культура» (сказалось влияние Г. Спенсера и американских прагматистов). Во всяком случае культура как и институты не могут быть только экзогенным фактором экономического развития; такая линия прокламируется в современных исследованиях, особенно в социологии[10]. Культура как определённый экономический феномен была вытеснена после первой мировой войны в экономическую социологию и антропологию, т. е. была маргинализирована.

Возврат (реверсия) экономической науки к культуре произошёл вследствие практического воплощения известной максимы Оккама: не множьте сущности без необходимости, не наблюдаемые и не проверяемые на опыте должны быть удалены из суждений. Тому способствовали по крайней мере три обстоятельства:

1. Маржиналистская версия рационального поведения стала вторгаться в те области, которые ранее принадлежали другим наукам, и столкновению «нормальных»(неортодоксальных) экономистов с вопросами, подлежащими культурологическому анализу.

Это т. н. экономический империализм, олицетворением которого стал Нобелевский лауреат Г. Беккер.

2. Эксперементальные исследования, связанные с поведенческой экономикой и неполнотой рынков, стали опровергать модели, основанные на предпосылках о максимизирующей рациональности и факторного(сугубо экономического) равновесия. Это было подтверждено присуждением Нобелевских премий работам Р. Коуза, Д. Канемана, В. Смита, Р. Талера.

3. Идея прогресса, а значит и перманентного экономического роста, и сближения стран с разным уровнем развития, провалилась в долгосрочном плане. Стало ясно, что рынки различны, структурированы по-своему и не сводимы к эталону. Как пишет Д. Асемоглу действуют не просто инклюзивные институты, а какие-то «глубинные факторы»; необходим иной способ исследования и учёт иных точек зрения - неортодоксальных экономистов[11].

Тем самым, «культура как экономика» стала своеобразным минным полем для экономической теории. Стереотипность суждений – «японская культура», «африканская культура» - обозначала культурный феномен нации как что-то когерентное и всеобъемлющее целое (типа: все японцы на одно лицо), в котором исчезали индивиды или где нет места теоретической модели о приятии индивидуальных решений. Если культура считается унаследованной данностью для индивидуальных акторов, то как быть с целевой функцией экономической деятельности? Как сочетать с универсальным мотивом собственного интереса при существовании культурных разнообразных норм поведения(или институтов) в отношении собственности, распределения и неравенства? Экономическая наука с 50-х годов XX века была строгой, технической дисциплиной с физическим пониманием мира и использующая формально–логический аппарат математики и забывшая, что она гуманитарная отрасль знания.

Возвращение экономической науки к экономической культуре происходило двумя путями: как бы извне и изнутри. Извне этому способствовали международные экономические (большинство- некоммерческие) организации и специализированные фонды по помощи развивающимся странам, указывавшие, что стандартные экономические модели неприложимы к разнородным и составным сообществам. Были инициированы массовые компаративистские исследования, учитывавшие культурные различия. Давление изнутри науки исходило из нового теоретического проекта, доказывавшего, что все факторы являются комплементарными или равнозначными. Их влияние (дефиниции схожи: внеэкономические, сравнительно-культурные, социентальные) следует анализировать инструментами экономической теории. Этим проектом стала НИЭ (новая институциональная экономика),которая вдохновлялась идеями социолога И. Валлерстайна о мир-системах и историка Ф. Броделя о «раных капитализмах». По-своему изменила экономическую теорию поведенческая экономика, которая, используя «ядро» науки сеё любимым инструментом анализа по Нейману-Моргенштерну и Нэшу, развернули теорию игр применительно к аксиоматике науки. Нарушения предпосылок о рациональности и стойкости предпочтений являются особого вида субъективного поведения – иррационального выбора. Технически это означает, что кривые безразличия не столь эндогенны и не предопределены. В этом случае, если предпочтения и субъективные ценности становятся экзогенными величинами, то появляется удобный канал проникновения культуры в классическую модель экономического поведения. Что несомненно обогащает ортодоксальную экономическую теорию, не разрывает её, а лишь качественно дополняет.

Если же не включать экзогенные переменные в анализ, то можно педставить культуру как источник ограничений в модели рационального выбора. Так как индивиды не обладают совершенной информацией и вынуждены избегать неопределённости, то они «изобретают» (эволюционно адаптируются) институты: социальные правила и нормы поведения; что окружающую действительность более предсказуемой. Институты укореняются в обществе и способствуют устойчивости развития. Ещё Т. Веблен рассматривал институты как образы

мышления и действия, наиболее склонные к изменениям, как механизм приспособления индивида и коллектива (сообщества) в процессе культурной эволюции общества.

Список использованной литературы и источников:

1. *Автономов, В.*Путеводитель по культуре для экономистов// Бегельсдайк Ш, Маселанд Р. Культура в экономической науке. М.СПб.2016.

2. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Антология// под ред. Л.Харрисона и С. Хантингтона.М. 2002. . .

3. *Inglehart.R.Modernization and Postmodernization.* NY.1997.. M. C.331

4. *Гирц, К.*Интерпретация культур. М. 2004.

5. *Харрисон Л.* Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М. 2016.

6. *Hofstede.G* .Cultures and Organizations: Software of the mind. London. 1991.

7. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // *THESIS.* 1993. Вып. 1

8. *Бегельсдайк Ш ,Маселанд Р.*Культура в экономической науке. М. 2016. С.60

9.*Веблен Т*. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М. 2006.

10. *Ореховский П. А*. «Акторно- сетевой подход» Б. Латура и «фактор культуры» в анализе экономических процессов// Общественные науки и современность. 2017. №3.

11. *Асемоглу Д, Робинсон Дж. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.2015.

УДК 316.334.2:316.32

РОССИЙСКИЕ МОНОГОРОДА КАК АНКЛАВЫ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.И. МАЛЫЙ, В.В. ГУСЕВ

Малый Вадим Игоревич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой корпоративной экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ.

E-mail: sreda@email.ru

Гусев Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ.

E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Аннотация. В данной статье изложены взгляды на решение проблемы бедности в российских моногородах. Представлены результаты социологического опроса самочувствия населения в моногородах, проведенного специалистами Федеральной службы охраны РФ. Установлены возможные пути решения проблем бедности в монопрофильных поселениях. Прикладной аспект статьи заключается в том, что её выводы могут быть использованы органами государственной власти при составлении программ регионального развития и борьбы с бедностью

Ключевые слова: бедность, демография, моногород, занятость, сжатие.

THE RUSSIAN COMPANY TOWNS AS ENCLAVES OF POVERTY IN MODERN SOCIETY

V.I. Maliy, V.V. Gusev

Abstract. This article presents the views on the solution to the problem of poverty in the Russian single-industry towns. The article presents the results of a sociological survey of the health of the population in single-industry towns conducted by specialists of the Federal service of protection of the Russian Federation. Possible ways of solving the problems of poverty in single-profile settlements are established. The applied aspect of the article is that its conclusions can be used by public authorities in the preparation of programs of regional development and poverty alleviation

Key words: poverty, demography, single-industry towns, employment, compression.

Одной из актуальных проблем современной российской экономики является борьба с бедностью. На наш взгляд, абсолютно недопустимой является ситуация, когда в стране, обладающей колоссальными природными ресурсами, огромной территорией, значительным трудовым потенциалом, развитой банковской и финансовой системами, достаточно большая часть населения живет за чертой бедности, получает денежные доходы ниже прожиточного минимума, вынуждена экономить на жизненно необходимых товарах, лекарствах, продуктах питания. В своем Послании Федеральному Собранию 01 марта 2018 года одной из приоритетных задач государства назвал борьбу с бедностью Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Считаю главным, ключевым фактором развития благополучие людей, достаток в российских семьях. Напомню, что в 2000 году за чертой бедности находились 42 миллиона человек, это почти 30 процентов – 29 процентов населения страны. В 2012 году нам удалось снизить этот уровень до 10 процентов. Из-за последствий экономического кризиса бедность вновь подросла. Сегодня с ней сталкиваются 20 миллионов граждан. …Это тоже недопустимо много. Даже некоторые работающие люди живут очень скромно.

По словам Президента, необходимо обновить структуру занятости населения, «которая сегодня во многом неэффективна и архаична». Надо «дать людям хорошую работу, которая приносит достаток, позволяет реализовать себя, создать современные, достойно оплачиваемые рабочие места. На этой основе мы должны решить одну из ключевых задач на предстоящее десятилетие – обеспечить уверенный, долгосрочный рост реальных доходов граждан, а за шесть лет как минимум вдвое снизить уровень бедности. На принципах справедливости и адресности нужно выстроить всю систему социальной помощи. Её должны получать граждане, семьи, которые действительно нуждаются»[1]. Как видно из Послания, Президент России уделяет проблеме борьбы с бедностью очень большое внимание.

Опасность бедности населения для Российской Федерации заключается ещё и в том, что она препятствует решению демографической проблемы в государстве. Для молодых людей, получающих низкую заработную плату, весьма проблематично создать семью и родить двух-трех детей, для того, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство семьи. Меры по стимуляции рождаемости, предпринимаемые в настоящее время государством, в настоящее время не дают желаемого эффекта, поколение, находящееся в репродуктивном возрасте, пугают нестабильность и угрозы, которые несет с собой будущее. В настоящее время высшая власть страны выступила еще с одной инициативой, затрагивающей проблему бедности и демографии - запуск программы субсидирования ипотечной ставки тем молодым семьям, в которых появится второй или третий ребенок до 2022 года. Семьи с двумя детьми смогут получить господдержку в течение трех, а семьи с тремя детьми - в течение пяти лет оплаты ипотечного кредита[2]. Подобные мер способны существенно поддержать домохозяйства, сделать рождение детей не обузой, а сознательным желанием, направленным на благо семьи и государства в целом.

Однако в экономике Российской Федерации есть целые анклавы, районы депрессии и низких доходов, откуда бедность распространяется по стране. Речь идет о так называемых монопрофильных поселениях или моногородах, некогда успешных и процветающих населенных пунктах, в которых на полную мощь работали градообразующие и стратегические предприятия, выпускающие крайне важную для народного хозяйства и обороноспособности страны продукцию. С момента перехода экономики России к рыночным отношениям,

разгосударствления и приватизации многие градообразующие предприятия, вокруг которых и строились населенные пункты, пришли в упадок, породив проблему бедности в моногородских поселениях. На наш взгляд, хуже, чем с моногородами, ситуация может быть лишь в сельском хозяйстве, где после навязанной властью «фермеризации» 1990-х годов, разорения крупных предприятий в полной мере возрождаются отношения «Помещик» – «Батрак», и наёмные работники часто работают за минимальную оплату труда, получают заработанное продуктами и зерном, находятся на грани выживания.

В июле 2014 года в целях стабилизации ситуации в монопрофильных поселениях Правительство России утвердило федеральный перечень моногородов. В него вошли 313 муниципальных образований. Все монопрофильные поселения поделили на три категории: с наиболее сложным социально-экономическим положением (красная зона, 75 моногородов), с рисками ухудшения (жёлтая зона, 149 моногородов) и стабильные (зелёная зона, 89 моногородов). Именно для моногородов «красной» и частично «желтой зоны» характерны бедность, безработица, отрицательная демографическая ситуация, высокие показатели преступности. При этом моногородам данных групп, в первую очередь, должна оказываться государственная поддержка[3].

В настоящее время проблема бедности в моногородах настолько остра, что ей вынуждена заниматься Федеральная служба охраны (ФСО) РФ, ранее, до 1996 года, бывшая структурным подразделением ФСБ России. Федеральная служба охраны вынуждена заниматься данными исследованиями по долгу службы, чтобы представлять более объективную картину текущей ситуации в регионах российскому Президенту. В конце 2015 года ФСО РФ провела социологический опрос и выяснила, что в общей сложности почти 60% жителей российских моногородов считают социально-экономическую ситуацию своего города весьма сложной. Существующее положение моногородов назвали «нетерпимым» 17,4% респондентов, «терпимым с трудом» - 42,4%, 5% населения монопрофильных поселений считают, что «живут за чертой бедности», 37,7% - что «живут бедно». Почти 36% опрошенных говорят, что найти достойную работу в их городе невозможно. 31,3% опрошенных назвали ситуацию «нормальной, терпимой», но «благоприятной» жизнь своего города признали лишь 3,9% опрошенных. Данный опрос проводился в 201 населенном пункте, в нем приняли участие 55,6 тысяч человек. По сравнению с результатами проведенного аналогичного опроса прошлых периодов пессимизм настроений у населения усилился[4].

В отношении благополучных моногородских поселений можно сказать следующее. Если у моногорода есть ресурс – он работает в устойчивом режиме, например, города Новый Уренгой, Сургут, Магнитогорск, Норильск полностью эксплуатируют свои производства, и население чувствует себя в них достаточно комфортно, проблем с бедностью нет. Если у моногорода ресурс есть, но имеющиеся предприятия не работают – значит, здесь имеются проблемы с собственником предприятий, такие активы следует отнимать через национализацию, делать их либо государственными, либо передавать более эффективному собственнику. В отношении неблагополучных городов с наиболее сложным социально-экономическим положением – в настоящее время предприятия в них не могут позволить себе произвольные сокращения рабочей силы, даже если они находятся в кризисе, контроль государства за этими процессами достаточно высок. Но если предприятие в кризисном состоянии переходит на программы неполной занятости, сокращенной рабочей недели – это и ведет к бедности работников таких предприятий, к скромной жизни работающих, из-за соразмерного сокращения заработной платы. В этом случае само рабочее место не ликвидируется, но теряется часть оплачиваемой работы, а это и есть прямой путь к бедности. Следовательно, градообразующие предприятия в моногородах необходимо загружать, это проблема, прежде всего, государства, а не бизнеса.

Меры по преодолению бедности в моногородах можно предложить следующие:

1) создание на базе моногородов территорий опережающего социально-экономического развития (ТОРов или ТОСЭР), чем Правительство Российской Федерации в настоящее время достаточно успешно занимается,

2) укрупнение моногородов за счет созданий агломераций в целях повышения жизни населения за счет увеличения городских бюджетов, повышения уровня социального обеспечения, развития бизнеса. Решение этой задачи представляется нам более сложной, так как здесь должен выполняться ряд географических условий, моногорода должны находиться близко друг к другу, чтобы их объединение и укрупнение в итоге дало положительный экономический эффект,

3) повышение мобильности населения моногорода. На наш взгляд, здесь необходимо быть особенно осторожным. Во-первых, мобильность российского населения традиционно низкая по сравнению с Европой или США из-за иной ментальности и более низкого уровня жизни. Не случайно крупные российские чиновники или представители правоохранительных структур легко переезжают к новому месту работы или службы, перевозят семьи, получают служебные квартиры или покупают собственное жильё. Для простого, рядового жителя депрессивного моногорода переезд в другой, более благополучный регион представляет собой проблему не только психологическую, но, прежде всего, материальную. Во-вторых, если все люди уедут именно с периферийных, приграничных моногородов, из районов Сибири или Дальнего Востока, кто будет проживать на этой территории? Данный вопрос пока остается без ответа.

Будущее российских моногородов в настоящее время представляется туманным. По мнению ведущего эксперта в области региональной политики, доктора географических наук, профессора Натальи Зубаревич: «Моногорода останутся, и будут жить. Часть продолжит существовать в цикле сжатия экономического развития. Есть города, в которых все производства сократились, но они по-прежнему остаются в списке моногородов. В моногородах, утративших свои функции из-за закрытия градообразующих предприятий, часть населения ушла в самозанятость, часть ездит на вахту в соседние регионы, где есть еще добывающие предприятия сходного профиля и спрос на рабочую силу. Кто-то уже подошел к пенсионному возрасту. Молодежь уезжает. Перспективы нерадостные. Ситуацию могли бы, возможно, исправить социальные программы, но, опять же, их предлагают реализовывать за счет регионов, а у них нет денег»[5]. Следовательно, российские моногорода с присущими им бедностью и безработицей продолжат быть актором депрессии и социальной нестабильности в экономике, и эта проблема – одна из важнейших, которую предстоит решить российской власти в ближайшие годы.

Список использованной литературы и источников:

1. *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 года // http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957/ (дата обращения 30.03.2018)

2. Скворцова ответила на идеи Путина о демографии // https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a1d84c89a794707caf2e6e3/ (дата обращения 30.03.2018)

3. Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 года N 1398-р «Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» // http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm/ (дата обращения 31.03.2018)

4. Опрос ФСО: 60% жителей моногородов назвали свое экономическое положение нетерпимым // https://www.newsru.com/russia/25feb2016/fso.html/ (дата обращения 31.03.2018)

5. *Наталья Зубаревич:* Российское госуправление – это вышивка гладью // http://fedpress.ru/interview/1922087/(дата обращения 02.04.2018)

УДК 379.82

ДОСУГОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

Е.С. МИЛИНЧУК

Милинчук Екатерина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: solmirina@inbox.ru

Аннотация. Исследована зависимость между социальным неравенством и досуговыми практиками россиян. Раскрыто понятие досугового неравенства. Выявлены основные досуговые предпочтения и формы досуга различных социальных классов. Проанализированы универсальные формы досуга, определяющие сферу социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: досуг, досуговая деятельность, досуговое неравенство, социальное неравенство, потребительское поведение.

LEISURE BEHAVIOUR IN THE CONTEXT OF SOCIAL INEQUALITY IN RUSSIA

E.S. Milinchuk

Abstract. This article presents a study of the relationship between social inequality and leisure practices of Russians. The concept of leisure inequality is revealed. We have identified the main leisure preferences and leisure activities of various social classes. We analyzed the universal forms of leisure, defining the sphere of social and cultural activity.

Key words: leisure, leisure activity, leisure inequality, social inequality, consumer behavior.

ВВЕДЕНИЕ

Досуг не только характеризует стиль жизни человека и выступает в качестве критерия статусной самоидентификации, но и является сферой проявления различий в уровне и качестве жизни. В настоящее время досуг рассматривается как широкая сфера социально-культурной деятельности и в обществе происходит существенная переоценка значения досуга, поскольку в рамках него происходит самореализация творческого и духовного потенциала общества[1]. Досуг является одной из важнейших сфер жизнедеятельности людей, поскольку в этой области реализуются разнообразные социокультурные потребности. Для сферы досуга характерна свобода личности, которая проявляется в выборе форм, места, времени проведения досуга. Также досуг может рассматриваться как средство приобретения новых впечатлений. Особенно актуально это для молодежи, которая, согласно последним исследованиям, в большинстве случаев боится «обычной» жизни без спонтанности, интенсивных переживаний и ярких впечатлений.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Понятие досуга рассматривали как зарубежные, так и отечественные ученые. Зарубежные исследователи подчеркивали, что в результате досуговых практик рождаются позитивные эмоции и благосостояние. Досуг может способствовать развитию положительных качеств характера и совершенствованию чувства собственного достоинства. Кроме того, социальные и культурные связи личности могут быть развиты через досуг. Досуговая деятельность может способствовать развитию человека и увеличению продолжительности его жизни.

Отечественные исследователи отмечают, что досуг является сферой свободного, нерегламентированного поведения человека, который сам выбирает различные виды

досуговых занятий (искусство, игру, общение, развлечения, художественное творчество и т.д.)[2].

Таким образом, досуг осуществляется в свободное от работы и основных социальных обязанностей время. Он связан с реализацией физических, интеллектуальных, духовных социально значимых потребностей, и приносит психологическое удовлетворение и душевный комфорт. В настоящее время, досуг можно рассматривать способ самопрезентации и социальной идентификации, критерий социальной стратификации.

На формы досуга, как и в целом на потребительское поведение, накладывает отпечаток принадлежность к определенному социальному классу. Стратификация обусловлена неравномерным распределением в обществе экономических, информационных, интеллектуальных и прочих ресурсов, и она обеспечивает социальную идентификацию и устанавливает границы взаимодействия между людьми и группами с различным социальным статусом. Существуют следующий ряд переменных, определяющих социальные классы:

- Экономические переменные: это доход, занятие (работа, выполняемая человеком) и владения (символы принадлежности к определенному классу).

- Переменные взаимодействия: это персональный престиж, ассоциация (она связана с повседневными отношениями индивидуума с людьми), социализация (процесс интеграции личности в социальную систему).

- Политические переменные: это власть (возможность управлять или воздействовать на других людей), классовое сознание (степень осведомленности людей класса о себе как об отличной от других группе с разделяемыми политическими и экономическими интересам, социальная мобильность (возможность смены социального слоя).

Досуг является важной характеристикой стиля жизни различных социальных групп, а также сферой проявления социального неравенства. В связи с этим досуговую деятельность можно связать с вертикальной и горизонтальной стратификацией. Досуговое неравенство представляет собой особый вид социального неравенства, который складывается на основе социально-демографических характеристик, институциональных особенностей общества, досуговых стереотипов социальной группы, форм организации досуговой деятельности и степени доступа к предложениям индустрии досуга и развлечений. Горизонтальное досуговое неравенство определяется совокупностью разнообразных досуговых занятий и связано со сложившимися ценностно-нормативными стереотипами, индивидуальными и групповыми предпочтениями в сфере досуга. Вертикальное досуговое неравенство обусловливается возможностями (материальными, территориальными, статусными) доступа к услугам сферы досуга, количественными и качественными параметрами досугового потребления[3].

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для изучения досуговой деятельности используются социологические методы. К числу наиболее распространенных методов сбора данных, можно отнести опросы и анкетирования, наблюдения, тестирование и ряд других.

В современное время изменение структуры и содержания досуга обусловлено воздействием социокультурных трансформаций. Это связано с тем, что происходит смена ценностных установок и ориентиров в обществе, активное развитие социальной инфраструктуры, стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий, а также виртуализация различных сфер социальной жизни. Потребители предпочитают тот тип досуга, который характерен для их социального класса. Что касается влияния в освоении новой досуговой деятельности, то он исходит от представителей либо того же, либо более высокого класса. Часть семейного дохода, которая тратится на досуг, также может значительно отличаться у разных классов.

Изучение организации досуговых практик тесно связано с исследованиями бюджетов времени. Российские ученые среди показателей свободного времени традиционно выделяли: физическое развитие (физкультура, спорт, туризм); культурную самодеятельность (общественные обязанности, посещение музеев, чтение книг, художественная

самодеятельность и т.п.); культурный отдых (посещение кино и театра, настольные игры и др.); прочие развлечения (поход в гости, прием гостей и пр.); бездеятельный отдых.

В досуговой практике россиян доминируют устойчивые культурные стереотипы о проведении досуга, сложившиеся еще несколько десятилетий назад (например, это чтение книг, просмотр ТВ, общение с друзьями, садовые работы на даче и т.п.). Но при выборе форм досуга большую роль играют материальные возможности человека. Отчасти именно невысоким уровнем дохода большинства граждан объясняется выбор более доступных видов отдыха (дача, походы в лес, общение с друзьями и т.д.). Также последние исследования показывают, что значительная часть населения (порядка 23 %) испытывает острую нехватку свободного времени. В большей степени это люди в возрасте от 25 до 45 лет, проживающие в крупных городах. Очевидным является и восприятие гражданами собственного досуга в соответствии с уровнем материального положения: люди с более высоким уровнем дохода в целом удовлетворены проведением своего свободного времени, нежели те, кто располагает невысокими доходами (27% против 16%). Представители среднего класса выражают большую степень лояльности к своему досугу и скорее удовлетворены его качеством 45%.

Опираясь на исследования ВЦИОМ, проведенные в ноябре 2017 г., досуговые практики россиян претерпевают значительные изменения. Дом, дача, дети, и раньше занимавшие свободное время многих россиян (47% в 2010 г.), сегодня стали еще более актуальными (60% в 2017 г.). В два раза увеличилось число любителей отдыха на природе: с 17% в 2010 г. до 34% в 2017 г., домашних хобби (рукоделие, фотография и др.) – с 11% до 26% соответственно. Третью строчку рейтинга вариантов проведения досуга занимают встречи с друзьями (30%). Все больше свободного время люди проводят в Интернете, в том числе и в социальных сетях: их количество выросло с 5% в 2005 г. до 21% в 2017 г., а среди молодежи в возрасте от 18 до 26 лет эта доля составляет 44%. Популярной формой проведение досуга остается чтение книг: это занятие выбирают порядка четверти граждан (24% в 2010 г., 23% в 2017 г.). Однако падает популярность телевидения и радио: если семь лет назад им посвящали часть своего досуга 63% граждан, то в настоящее время – около 29%. Более 10% в качества способа приятного времяпрепровождения выбирают кинотеатры (13% в 2017 г.), а также фитнес-клубы и спортивные секции (12%).

Важно отметить, что на проведение досуга большинство граждан согласно тратить не более 20% своего семейного бюджета. При этом 43% респондентов отметили, что эта статья расходов не превышает 10% их бюджета. Приблизительно 22% опрошенных заявили, что вообще не тратят средства на организацию своего досуга (в основном эта лица старше 60 лет, среди которых много жителей сельской местности)[4].

Еще одной формой проведения свободного времени является туризм. В международных исследованиях подчеркивается, что около 69% всех туристических поездок в мире совершают люди, которых в их странах относят к состоятельным гражданам и «высшему среднему классу». Но, несмотря на различия в материальном положении, состоятельные и «бедные» туристы предпочитают одинаковые варианты проведения отпуска. Так, первое место занимает пляжный отдых (30% у состоятельных туристов и 31% у «среднего класса»), затем идут познавательные туры по наиболее популярным городам мира (19% «богатые» и 14% «средний класс»)[5].

В 2017 г. на 30 % вырос поток российских туристов за рубеж (всего россияне совершили около 31 млн. поездок за рубеж). Наиболее популярными направлениями оказались Турция, Греция, Кипр, Испания, Болгария, Черногория, Тунис и Италия. В целом в соответствии с уровнем дохода можно выделить 4 сегмента туристского рынка. Первый сегмент – это люди, со средним или даже низким уровнем дохода. Целью их путешествия является пляжный отдых, а выбор места отдыха стоимостью туристских услуг. Второй сегмент включает туристов с уровнем дохода выше среднего. Эти туристы чаще всего имеют высшее образование, а путешествие для них является средством совмещения активного отдыха с получением новых знаний и впечатлений. К третьему сегменту относят людей с высоким уровнем дохода, которые имеют высшее образование, интересуются познавательными

поездками, стремятся к смене впечатлений. Четвертый сегмент составляют высокообразованные люди разных возрастных категорий и с разным уровнем дохода, интересующиеся изучением культуры, природы, образа жизни местных жителей. На путешествия они готовы потратить значительные суммы, часто за счет сбережений. Этот сегмент рынка в последние годы активно растет.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Следует заключить, что в настоящее время российские граждане стали чаще выбирать те виды досуга, которые требует активной деятельности и вовлеченности. В частности, возросла популярность спорта, пеших походов, туризма. Во многом это объясняется стремлением к здоровому образу жизни. В то же время, в связи с развитие информационных и телекоммуникационных технологий возросла популярность интернет-серфинга и компьютерных игр. Формы досуга варьируются в зависимости от социального класса, например среди «элиты» популярны престижные виды спорта (теннис, гольф, плавание), тогда как низший класс выбирает другие виды отдыха (рыбалка, походы в лес и пр.). Формы досуга, так же как и потребительское поведение в целом, носят отпечаток не только социального класса принадлежности, но и социального класса семьи происхождения.

В современном обществе досуг играет важную роль, формируя общество потребления. В последние годы в России наблюдается значительное расширение досуговых возможностей. Но необходимо учитывать не только активное развитие рынка развлечений, но и изменения материального благосостояния граждан, что приводит к дифференциации досугового поведения и способствуют становлению досугового неравенства. Досуговое неравенство может приводить как к социально благоприятным процессам (интеллектуально-культурное совершенствование), так и социально опасным (рост социальной напряженности в обществе, асоциальные виды поведения).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, досуговое неравенство влияет на процессы социальной дифференциации и социальной мобильности в России. Досуг является значимой сферой жизнедеятельности общества, а поведение во время отдыха – это один из показателей социального статуса. Высокий уровень досугового потребления означает расширение возможностей организации свободного времени, что повышает престиж и статус личности. Досуговые практики демонстрируют положение индивида в социальной структуре общества. В связи этим необходимо постоянно исследовать процессы как социального, так и досугового неравенства.

Список использованной литературы и источников:

1. *Киселева Т.Г.* Основы социально-культурной деятельности: [Учебное пособие] / Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников. - Москва: МГУК, 1995.

2. Культурно-досуговая деятельность: [учебник] / Под ред. акад. РАЕН А.Д. Жаркова и профессора В.М. Чижикова. –Москва: МГУК, 1998.

3. *Стебихова Ю.А.* Досуговое неравенство как новая форма социальной дифференциации в современном российском обществе / Ю. А. Стебихова // Проблемы национальной безопасности России: межвузовский научный сборник / СГТУ.- Саратов: Научная книга, 2005.-С.161-167.

4. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116559 (дата обращения: 20.03.2018)

5. Туризм и бедность // Ассоциация туроператоров. URL: http://www.atorus.ru/articles/all/article/2113.html (дата обращения: 22.03.2018)

УДК 316

НЕРАВЕНСТВО СОВОКУПНЫХ КАПИТАЛОВ ОСНОВНЫХ АКТОРОВ ПОЛЯ РОССИЙСКОГО ФОНДОВОГО РЫНКА

Б.Б. ПОДГОРНЫЙ

Подгорный Борис Борисович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского госуниверситета имени Н.И. Лобачевского.

E-mail: b.podgorny46@gmail.com

Аннотация. Согласно разработанной автором теории, российский фондовый рынок представляет собой часть социального пространства, сформированного для реализации своих целей или потребностей полем власти, полем экономики, инвестиционным полем. В статье показаны основные результаты и особенности исследования совокупных капиталов основных акторов российского фондового рынка.

Ключевые слова: фондовый рынок, основные акторы, совокупный капитал.

INEQUALITY OF THE MAIN ACTORS TOTAL CAPITAL IN THE RUSSIAN STOCK MARKET FIELD

B.B. Podgorny

Abstract. According to the author's theory, the Russian stock market is a part of the social space formed for the realization of goals or needs of the power field, the economy field, the investment field. The article shows the basic results and features of the study of Russian stock market main actors' total capital.

Key words: stock market, main actors, total capital.

ВВЕДЕНИЕ

Развитый фондовый рынок является одним из важнейших механизмов привлечения средств для развития экономики и вовлечения населения в инвестиционную деятельность. Основное влияние на это оказывают акторы российского фондового рынка, с присущими им совокупными капиталами и габитусами, что порождает соответствующие практики и действия.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

П. Бурдье предложено четыре типа капитала[1], формирующих совокупный капитал:

– экономический – все экономические ресурсы индивида, в том числе доходы и имущество;

– культурный – все культурные ресурсы, которыми располагает индивид, в том институализированные (дипломы, звания, награды, титулы) объективированные (владение объектами культуры) и инкорпорированные (опыт, знания, навыки, представления);

– социальный – обладание устойчивой сетью отношений (знакомства, признания), позволяющих принадлежать (быть членном) к определенной группе.

– символический – любой вид капитала, имеющий особое признание внутри социального поля (почет, престиж).

Кроме того, ученый указывал, что наиболее значительную роль в социальном поле играет экономический капитал, образующий основу всех других типов капитала.

Для определения российских особенностей в части структуры и влияния совокупных капиталов на развитие российского фондового рынка, нами исследованы и сопоставлены совокупные капиталы основных акторов данного поля

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование капиталов акторов российского фондового рынка зиждется на аналитическом подходе, при этом использовались анкетирование, экспертное интервью, статистический анализ и анализ документов.

Информационная база исследования – законодательство и статистические материалы, касающиеся российского фондового рынка.

Эмпирическая база исследования – мониторинг «Действующий частный инвестор – кто он?», (2006-2017 гг.) выборка исследования – сплошная, исследование охватывает более 5000 человек – действующих частных инвесторов российского фондового рынка; социологическое исследование (2016-2017гг.) населения Курской, Белгородской, Липецкой, Нижегородской областей на предмет отношения к фондовому рынку – выборка по 385 респондентов по каждому региону; экспертные интервью (2014-2017 гг.) с профессиональными участниками фондового рынка – представителями организаций, оказывающих брокерские услуги на фондовом рынке (15 интервью); интервью с руководителями коммерческих организаций (2016-2017 гг.) на предмет отношения к развитию дальнейшей деятельности компаний через использование инструментов фондового рынка (30 интервью).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Согласно разработанной нами специальной теории[2;3], российский фондовый рынок представляет новое поле, сформированное существующими полями для реализации своих целей или потребностей. На российском фондовом рынке взаимодействуют акторы фондового рынка, одновременно являясь агентами образовавших его полей:

– агенты поля власти – федеральные законодательные и исполнительные органы власти в части разработки, принятия и реализации законодательных актов, касающихся развития фондового рынка; Региональные законодательные и исполнительные органы власти в части разработки, принятия и реализации законодательных актов, касающихся развития фондового рынка; мегарегулятор деятельности российского фондового рынка – Центральный банк России; Федеральная налоговая служба, осуществляющая регистрирующие функции новых потенциальных эмитентов фондового рынка; Министерство финансов, осуществляющее государственные заимствования через выпуск ценных долговых бумаг.

– агенты поля экономики – коммерческие компании, чьи акции обращаются на вторичном фондовом рынке, действующие и вновь образованные эмитенты, заинтересованные в выходе на организованный фондовый рынок, что дает возможность привлечь дополнительные средства для дальнейшего развития деятельности и монетизировать принадлежащие акционерам акции;

– агенты инвестиционного поля – институциональные инвесторы, частные инвесторы и потенциальные частные инвесторы фондового рынка, профессиональные участники фондового рынка, которые оказывают услуги предприятиям, частным, коллективным и институциональным инвесторам в выходе на организованный фондовый рынок[4].

– кроме того, определенные порученные функции выполняют агенты дополнительных полей – информационного, образовательного и других.

Соблюдение выгоды образовавших фондовый рынок полей диктует направление его развития. Для этого основные акторы фондового рынка, руководствуясь габитусами и используя свои совокупные капиталы, реализуют практики, соответствующие целям организационных полей.

В отличие от 4-х форм совокупного капитала, предложенных Бурдье, мы применили более расширенную структуру, разработанную В. Радаевым, согласно которой совокупный капитал состоит из разного соотношения экономического, культурного, человеческого, социального, административного, политического, символического, физического капиталов[5].

У разных участников совокупный капитал является неравным, определяя позицию участника в поле, что, в свою очередь, влияет на направленность развития поля.

Так, совокупный капитал агентов поля власти в порядке значимости состоит из административного капитала (законодательное и директивное регулирование), политического капитала (узурпирование права говорить и действовать от имени других агентов, в том числе прикрываться их именем для воплощения собственных стратегий), экономического капитала (через прямое участие в работе фондового рынка), социального капитала (гарантирование выполнения действующих правил – например: облигации федерального займа, индивидуальные инвестиционные счета), символического капитала в виде создаваемой информации с использованием внешнего информационного поля, человеческого капитала – образование с использованием внешнего образовательного поля. Культурный и физический капиталы в совокупном капитале агентов поля власти представлены незначительно.

Совокупный капитал профессиональных участников фондового рынка в порядке значимости состоит из человеческого (профессиональные знания, участие в образовательно-разъяснительном процессе), физического (внешний вид, хорошая физическая форма), культурного (манеры общения и этикет, профессиональная терминология) символического (внутренняя информация, рекомендации), социального (соблюдение обязательств). Экономический, политический капиталы составляют незначительную часть в совокупных капиталах агентов.

Совокупный капитал инвесторов российского фондового рынка в первую очередь состоит из экономического (индивидуальные или коллективные инвестиционные ресурсы), культурного (уровень престижа), человеческого (профессиональные знания), символического (информация), социального (только при развитии первичного и учредительского рынка) капиталов. Политический, административный, физический капиталы в совокупном капитале инвесторов представлены незначительно.

Совокупный капитал агентов поля экономики в первую очередь состоит из экономического (реальные активы компаний), культурного (узнавание компании – бренды) и социального капитала (имидж компаний); символического (в виде открытой информации (стандарты МСФО) и административного капитала (в рамках действий, установленных учредительными документами или законодательством). Политический капитал присущ компаниям на региональном уровне, он может выражаться как в простом участии компаний в региональных политических мероприятиях, так и в определенном влиянии на политическую региональную жизнь. Человеческий и физический капиталы в совокупном капитале агентов поля экономики представлены незначительно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты наших исследований показали, что, в отличие от классического варианта, предложенного П. Бурдье, экономический капитал, являющийся приоритетным у инвестиционного поля и поля экономики, не является решающим фактором, влияющим на направленность и работу российского фондового рынка. Основное влияние на направление, структуру и функциональные особенности российского фондового рынка оказывают акторы поля власти, обладающие преимущественно административными капиталами.

Список использованной литературы и источников:

1. *Бурдье П.* Формы капитала. Экономическая социология. Электронный журнал Том 3, № 5, ноябрь 2002 С. 60-75.

2. *Podgorny B.* The Russian stock market as a social space: a theoretical basis / B. Podgorny // Economic Annals-XXI. 2017. № 3-4. P. 20-24.

3. *Подгорный Б.Б.* Российский фондовый рынок как социальное поле:

к постановке проблемы / Б.Б. Подгорный // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки 2017, № 4. С. 135-144.

4. *Podgorny B.* Habitus in relation to the stock market: national features / B. Podgorny // Economic Annals-XXI. 2016. № 3-4. P. 68-71.

5. *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. №4 С.20-32.

УДК 334.4

ФАКТОРЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

Е.В. ПОРЕЗАНОВА

Порезанова Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: porezanova.elena@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены факторы социального неравенства в экономики России. Определены виды взаимодействий общественных и собственных интересов в социальных процессах, обозначены противоречия социального неравенства и механизмы их разрешения.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальные отношения, социальная безопасность, социальные противоречия.

FACTORS AND CONTRADICTIONS OF SOCIAL INEQUALITY IN RUSSIA

E.V. Porezanova

Abstract. The factors of social inequality in the Russian economy are considered. The types of interactions of social and own interests in social processes are defined, contradictions of social inequality and mechanisms of their resolution are designated.

Key words: social inequality, social relations, social security, social contradictions.

ВВЕДЕНИЕ

В сегодняшней нестабильной, изменяющейся экономике важное место занимают социальные отношения. Эти отношения носят динамический, нелинейный характер. В условиях деформированных рыночных отношений, посткризисных взаимодействий агентов экономики, возникает неравенство в распределении доходов, неравном доступе к ограниченным ресурсам, собственности и власти. Факторы социального неравенства влияют на экономическое развитие страны. Это определяет актуальность темы исследования. Необходимо также рассмотрение противоречий социального неравенства и механизмов их разрешения.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

По мнению автора, одним из факторов социального неравенства выступает ненасытная жажда обогащения бизнеса за счет доступа к рентным и монопольным доходам, а также коррупция, которая приобрела системный характер. Это породило социальную безответственность, пренебрежение национальными интересами и правопорядком[1].

В современных условиях функционирования экономики России собственные интересы стоят выше общественных интересов. Это можно проиллюстрировать с помощью следующей таблицы (табл.1).

Таблица 1.

Модель взаимодействия общественных и собственных интересов в социальных процессах

Направленность на общественные интересы	высокая	Высокое самосознание, ущемление собственных интересов		Оптимизация интересов
	средняя		Компромисс интересов	
	низкая	Игнорирование интересов	Нежелание прийти к консенсусу	Отстаивание собственных интересов
	низкая		средняя	высокая
Направленность на собственные интересы				

Как следует из табл.1, оптимизации интересов в современных условиях не наблюдается. В подавляющем большинстве мы видим игнорирование общественных интересов, экономический эгоизм и асоциальные взаимодействия субъектов экономики.

Беспрецедентное неравенство в распределении доходов и отсутствие должных мер по его снижению привело к тому, что в 2014 году децильный коэффициент в России достиг рекордного уровня - более 17,0 против 13,9 раза в 2000 году и 8 раз – в 1992 году. В конечном итоге это приводит к возникновению новых элитных групп со своими эгоистическими интересами и специфическими методами лоббирования этих интересов, что опять-таки далеко от оптимизации интересов членов общества.

Подтверждением этому являются громкие коррупционные дела 2013-2015 годов, а также слова главы государства, который отметил, что коррупционный оборот составляет 7-10 % ВВП. Думается, что этот оборот реально составляет более 30 % ВВП. Можно привести следующие факты: если в 2012 году Россия занимала 133 место по уровню коррупции из 174 стран, то в 2014 году Россия занимала 136 место из 184 стран, а в 2017 году - 135 место из 180 стран. Исходя из современного положения дел в области социальных отношений, можно сформулировать противоречие между общественными интересами и частными интересами бизнеса.

Социальное неравенство приводит к аномальной бедности населения. Так, по официальным данным уровень бедности в России в 2016 году составлял 16% от общего числа жителей страны. Однако, по данным исследования, проводимом Высшей школой экономики этот уровень в 2016 году составлял 41,4%[2].

Другим вызовом функционирования современной экономики является тенденция к сокращению расходов на образование. По данным официальной статистики расходы на образование в реальном исчислении сократились за последние 8-10 лет более чем вдвое (в среднем - на 55%). В первую очередь, это отразилось на школе, где число выпускников неуклонно сокращается: в 2005 году - на 9%, в 2010 - на 50%. Проанализируем расходы на образование в России за ряд лет. Эти фактические данные приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Расходы на образование в 2007-2014 годах (млрд. рублей)

	2007	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Расходы консолидированного бюджета на образование	1342	1777	1859	2131	2333	2493	2721
Динамика расходов консолидированного бюджета на образование, год к году (%)	129,9	106,7	104,6	114,6	109,5	106,8	109,1

Расходы федерального бюджета по разделу 07 «Образование» (без закрытой части)	282,1	405,9	428,8	536,9	586,3	558,9	499,5
Динамика расходов федерального бюджета на образование, год к году (%)	139,7	106,9	105,6	125,2	109,2	95,3	89,5

Как следует из таблицы 2, в 2007 году динамика расходов на образование в России составляла 129,9%, в 2012 году – 109,5%, а в 2014 году – 109,1%. Видно снижение расходов на образование за этот период на 20,8%. При этом расходы на образование в 2000 году составляли 214,7 млрд. руб., а в 2015 году - 2721,2 млрд. руб. Несмотря на увеличение абсолютных данных по расходам на образование, относительные данные (%) уменьшаются: со 139,7% в 2007 году до 89,5% в 2014 году.

В 2016 году расходы на образование в России составляли 569 млрд. руб., а в 2017 году – 549 млрд. руб., что составляет 3,7% ВВП. В 2018 году эти расходы по сравнению с 2012 годом снизятся на 30%. Это недопустимо для страны, поставившей задачу - сформировать инновационную систему, снизить социальное неравенство. Факторы, способствующие усилению неравенства, можно представить в виде таблицы 3.

Таблица 3.

Виды факторов, способствующих усилению неравенства в России

Виды факторов	Признаки факторов
1.Ослабление роли государства	- нестабильное развитие страны - пренебрежение национальными интересами
2.Коррупция	- социальная безответственность - формирование элитных групп
3.Увеличение поляризации общества	- социальное расслоение общества - снижение уровня жизни населения
4.Сокращение расходов на образование	- снижение качества человеческого капитала - снижение качества образования
5.Замораживание зарплаты работникам	- снижение уровня жизни населения - снижение профессионализма работников - миграция населения
6.Демотивация работников	- увеличение уровня безработицы - снижение производительности труда - незаинтересован-ть в результатах работы

Рассмотренные факторы усиления неравенства в нашей экономике приводят к недостаточной отдаче от человеческого капитала, снижению производительности труда, незаинтересованности работника в улучшении производственного результата.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для снижения социального неравенства необходимо наращивание «инвестиций в человека», повышение квалификации кадров, создание действенных стимулов научно-исследовательской, трудовой, творческой активности работников. Однако в современных условиях эти меры реализовать трудно. В период кризиса и посткризисного состояния экономики широко распространены следующие явления: обман в трудоустройстве женщин и

молодежи, невыплаты после окончания испытательного срока зарплаты и другие негативные явления. Это приводит к обострению многих противоречий. Эти противоречия представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Противоречия социального неравенства и механизмы их разрешения

Противоречия	Механизмы разрешения
1.Между общественными интересами и собственными интересами	-активизация экономической функции государства - создание социальной инфраструктуры -формирование партнерских отношений между государством и бизнесом
2.Между необходимостью повышения качества образования и снижением расходов на образование	-увеличение расходов на образование -контроль за расходами на образование -повышение зарплаты преподавателям
3.Между необходимостью роста зарплаты и резким снижением реальной зарплаты в кризисный и посткризисный период	-повышение зарплаты преподавателям -осознание важности качества образования -разработка социальной политики государства -уменьшение инфляционного давления
4.Между необходимостью роста профессионализма и де стимулированием работников	-повышение мотивации к труду -разработка новых форм стимулирования работников -бесплатные курсы повышения квалификации
5.Между снижением мотивации к труду и самореализацией себя как творческой личности	-создание условий для повышения мотивации к труду -развитие интереса к профессии -развитие гибких систем стимулирования работников

Перечисленные противоречия и механизмы их разрешения не претендуют на полноту. Это первый шаг к их анализу. При этом следует найти механизмы разрешения противоречия между необходимостью усиления роли государства в снижении социального неравенства и ослаблением его роли в современных условиях. В сложной экономической ситуации нельзя минимизировать роль государства путем выделения средств на образование, так как эти действия повлекут и повлекли уже сейчас за собой деградацию человеческого капитала и потерю социальной безопасности экономики России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных условиях формируется закономерность, связанная с низким мультипликативным эффектом этих преобразований и нарастанием противоречий между накопленными социальными инвестициями и нерациональным их использованием, между необходимостью повышения качества образования и бюрократизацией этого процесса, между криминализацией социально-трудовых отношений и нежеланием государства цивилизованными способами решать эти проблемы.

Механизмами разрешения этих противоречий выступают: стимулирование процесса формирования интеллектуального капитала, предотвращение его оттока из страны. Важной составляющей становится не только высокая заработная плата, доступ к современному оборудованию, условия для профессионального роста и карьеры, но и наличие высококлассной профессиональной среды, международные профессиональные контакты, информационные и коммуникационные возможности, независимость, свободный рабочий график, долгосрочная и стабильная занятость[3].

Таким образом, названные механизмы разрешения социальных противоречий, связанных с деградацией человеческих ресурсов и высоким уровнем социального неравенства будут способствовать повышению качества человеческого капитала, стабилизации на рынке труда, оптимальной мобильности рабочей силы, увеличению производительности труда и мотивации работников в улучшении производственных результатов. Это, в свою очередь, приведет к синергетическому эффекту в хозяйстве страны, возрастанию научного, социального и экономического потенциала, его эффективному использованию и уменьшению социального неравенства.

Список использованной литературы и источников:

1. *Порезанова Е.В.* Ограничения и эффекты неоиндустриальной модернизации промышленных предприятий в России // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. 2014.Вып.1, часть 1. С.21-26.

2. Патология неравенства. URL: http:// expert.ru / 2016/ 12 / 6 (дата обращения: 06.03.2018).

3. Современные корпоративные стратегии и технологии в России. Сб. науч. тр.- Вып.7. ч.3. М: Финансовый ун-т, 2012. С.93-98.

УДК 338.1; 911.8

КРИТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПОВОЛЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ю.В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Преображенский Юрий Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии географического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: автора topofag@yandex.ru

Аннотация. Изложены некоторые особенности регионального развития в современный период. Показана тесная взаимосвязь составляющих региональной социально-экономической системы. Представлены результаты исследования по выявлению различий в региональном развитии некоторых поволжских регионов. Установлены критические значения социально-экономических показателей для большинства рассматриваемых регионов. Результаты могут способствовать диагностике регионального развития и уровня жизни, а также в региональной политике.

Ключевые слова: предельные критические значения; региональная социально-экономическая система; уровень жизни; Саратовская область; региональный воспроизводственный процесс.

THE CRITICAL VALUE OF THE DEVELOPMENT OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS IN THE VOLGA REGION (ON THE EXAMPLE OF SARATOV REGION)

Y.V. Preobrazhenskiy

Abstract. Some features of regional development in the modern period are stated. The close interrelation of the components of the regional socio-economic system is shown. The results of the study to identify differences in the regional development of some Volga regions are presented. The critical values of socio-economic indicators for most of the regions under consideration have been established. The results may help the diagnosis of regional development and living standards, as well

as in regional politics.

Key words: limit critical values; regional socio-economic system; standard of living; Saratov region; regional reproduction process.

ВВЕДЕНИЕ

Связка экономики и социума как подсистем территориальных общественных систем задают актуальные вопросы эффективности «конвертации» достижений первой в повышение уровня жизни населения соответствующих регионов. Механизмы повышения уровня жизни населения могут различаться в разные периоды в разных регионах мира, тем не менее, на современном этапе российской действительности очевидно, что в его основе должно лежать развитие обрабатывающей промышленности, направленное как на импортозамещение, так и на экспорт.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Существенная часть методов оценки доходов в обществе посвящена преимущественно неравномерности их распределения, разнице в уровне доходов. Для этого используется коэффициент Джини и другие расчетные показатели. Однако, не отрицая важности исследования различий в уровне доходов, можно поставить вопрос об общем значении дохода, на который могут претендовать жители региона, учитывая развитие отраслей промышленности и сферы услуг в нём, созданную добавленную стоимость. Данный вопрос требует кропотливых подсчётов для каждого региона.

Другим аспектом проблемы можно считать сонаправленность роста экономики и уровня доходов жителей региона. Алгоритм подобного исследования представлен в работе[1]. Деградация обрабатывающей промышленности в большинстве российских регионов в последнюю четверть века поставила под сомнение саму устойчивость региональной системы воспроизводства[2]. «Постиндустриализм» как цель и оправдание гипертрофированного развития третичного сектора экономики так и не наполнился собственным содержанием (а не отрицанием предыдущей фазы). Его база (в том числе и ценностная) начинает подвергаться деконструкции в мировом масштабе. По итогам подобной деконструкции российским регионам придётся вновь оценить, какими ресурсами они обладают для поддержания уровня жизни своего населения.

Политика последней четверти века не способствовала повышению капитализации различных составляющих региональной социально-экономической системы. Система межбюджетных трансфертов приводит к тому, что «перераспределение территориальной ренты в пользу центра не только устраняет региональные власти от действенных механизмов управления, но и лишает их самостоятельности в принятии судьбоносных для территории решений, дистанцируя, таким образом, от поддержки широких слоев местной общественности»[3].

Региону свойственна определённая инерция развития, связанная с ранее поступившими инвестициями, величиной основных фондов, построенной инфраструктурой, компетенциями работающих и пр. Говоря в целом, такая инерция имеет запас «прочности», судя по всему, в одно-два десятилетия (срок сокращается в связи с ускорением технологического развития), т.е. примерно в цикл С. Кузнеца.Однако региональная социально-экономическая система в условиях длительного суженного воспроизводства своих составляющих начинает демонстрировать выход за пределы устойчивости. Последние могут быть установлены эмпирически или теоретически. В частности,В.В.Локосов и С.Ю.Глазьев приводят т.н. предельно критические значения (ПКЗ) развития, ряд таких показателей был рассмотрен ими в 2012 году на материале страны в целом[4], однако, использование ПКЗ для отдельных регионов с отдельными оговорками вполне допустимо.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

С этих позиций важно, во-первых, диагностировать положение региональной

социально-экономической системы относительно предельно-критических значений развития, а во-вторых, эффективность трансформации экономических достижений в рост уровня жизни. Такой комплексный подход позволяет оценить глубину и реальность выполнения мер по улучшению упомянутых показателей.

Для оценки взаимосвязи некоторых удельных показателей региональной экономики с показателями, характеризующими уровень жизни населения, предлагается сопоставить показатель душевого ВРП и долю продуктов питания в общих расходах жителей, поскольку оба показателя говорят как о развитии экономики, так и об уровне жизни.

Для оценки ПКЗ воспользуемся данными, предложенными в статье [4].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотрим комплементарность значений предложенных показателей. Как видно на графике (рис.), для большинства рассматриваемых регионов характерна относительно высокая доля продуктов питания в расходах. Три субъекта РФ (Пензенская, Саратовская, Ульяновская области) показывают почти идентичные значения двух показателей. Хотя визуально можно заметить обратную связь, проявляющуюся в снижении доли расходов на питание при росте ВРП (для корреляционного анализа выборка слишком мала), тем не менее, имеются и существенные отклонения (разница между Самарской и Волгоградской областями).

Рисунок 1. Взаимосвязь удельного ВРП (в месячном исчислении) и доли продуктов питания в структуре потребительских расходов, 2016

Рассмотрим, как Саратовская область выглядит на фоне наиболее развитого субъекта страны (по многим параметрам им оказывается Московская область) (см. таблицу).

Таблица

Предельно-критические значения и индикаторы стадиального развития экономики Саратовской и Московской областей

	Саратовская область	Московская область	Критическое значение (жирным выделены ПКЗ в статье[2])
Степень износа ОФ, 2016, %	56,2	41,9	**40**
Уд. вес полностью изношенных ОФ, 2016, %	25,9	10,6	
Доля объёма инвестиций в ОК к ВРП, 2015, %	22,7	19,4	**25**

Доля обрабатывающих производств в ВРП, 2015, %	21,2	17,9	
Доля инновационной продукции в общем объёме, 2016, %	3,6	15,8	**3,2**
Доля затрат на НИР в ВРП, 2016, %	0,67	3,01	**3**
Доля высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВРП, 2015, %	24,2	22,4	
Число высокопроизводительных рабочих мест, 2016, тысяч	224,5	714	

Таким образом, в Саратовской области ПКЗ превзойдены по параметрам степени износа ОФ; доли инвестиций в ОК к ВВП, доле затрат на научные исследования и разработки (НИР) по отношению к ВРП. Доля инновационной продукции в ВРП формально несколько превышает предложенное авторами ПКЗ, тем не менее является крайне низкой для такого региона, как Саратовская область. Также отметим, чтодля неё показатель доли обрабатывающей промышленности в ВРП в примерно 20% является критически низким (с учётом того, что существенная часть обрабатывающей промышленности представлена относительно низко технологичной пищевой промышленностью). Стратегия социально-экономического развития области закладывает рост доли инновационной продукции в ВРП до 9% к 2030 году, однако «…меры по такой существенной трансформации хозяйства остаются за рамками Стратегии» [5].

Что касается доли затрат на научные исследования в ВРП, то для Саратова, имеющего значительный научно-исследовательский потенциал, приведённый показатель безусловно критически мал. С другой стороны, наблюдаемая разница между Саратовской и Московской областямив количестве высокопроизводительных рабочих мест минимизируется при нахождении удельного значения, т.е. при расчёте на 1000 жителей региона.

Во многом недостатки данного подхода связаны с сопоставлением только российских регионов, тогда как общие значения по стране на мировом фоне могут оказаться (и часто оказываются) крайне низкими. Выходом здесь является расчёт и сравнение подушевых значения тех или иных стоимостных показателей с аналогичными значениями для наиболее развитых стран. Это позволит наиболее явно показать эффективность развития экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, для Саратовской области характерно превышение ПКЗ по ряду наиболее важных экономических параметров. При этом нужно помнить, что соответствие им будет свидетельствовать только о том, чтобы не потерять позиции, тогда как для развития и повышения конкурентоспособности в мировой экономике рассматриваемые показатели должны быть на порядок выше. Это позволит перейти к новому технологическому укладу, а также положительно повлияет на уровень жизни в регионе.

Список использованной литературы и источников:

1. *Преображенский Ю.В., Романова А.Ю.* Сравнительная оценка динамики экономических и социальных процессов (на примере субъектов РФ Поволжского экономического района)» // Вестник ТвГУ. Серия "География и геоэкология". 2017. № 4. С.77-88

2. *Преображенский Ю.В., Цоберг О.А.* Подходы к изучению деградации территориальных общественных систем// Вестник ТвГУ. Серия «География и геоэкология». 2016. №2. сс. 129-139.

3. *Столбов В.А., Шарыгин М.Д.* Стратегия региональной капитализации – основа благосостояния новой России // Вестник АРГО. 2017 (6). С. 156–166.

4. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием. / Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 22-41

5. *Преображенский Ю.В.* Пространственные аспекты в «Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года»// Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 17, Вып. 4. С. 227-231

УДК 316.444.5

НИЗКИЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРЕКАРИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА

А.В. РАСТЕГАЕВА

Растегаева Анна Владимировна, соискатель кафедры социологии молодежи социологического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: golannavl@yandex.ru

Аннотация. Изложены основные проблемы развития прекаризации на рынке труда. Рассмотрены изменения квалификационно-профессионального состава работников. Проведен эмпирический анализ статистических данных, отражающих положение современного российского рынка труда. Рассмотрена связь низких доходов и роста прекаризации.

Ключевые слова: прекаризация, межпрофессиональная миграция, прекарный труд, низкие доходы.

LOW INCOMES AS A FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF THE LABOUR MARKET

A.V. Rastegaeva

Abstract. The basic problems of development of realization in the labor market are stated. Changes of qualification and professional structure of workers are considered. The empirical analysis of statistical data reflecting the position of the modern Russian labor market is carried out. The connection between low incomes and the growth of precarization is considered.

Key words: precarious work, interprofessional migration, pekarny work, low income.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика прекаризации рынка труда обращает на себя внимание социологов и экономистов и определяется важностью всестороннего анализа рыночных трансформаций современной России. Низкая оплата высококвалифицированного труда[1], негарантированная долгосрочная трудовая деятельность через краткосрочные трудовые контракты, социально-правовой нигилизм в деле защиты своих трудовых прав и интересов – это российская реальность, подчеркивающая и актуализирующая проблему исследования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

При детальном рассмотрении проблемы развития прекаризации стоит обратить внимание на изменения в квалификационно-профессиональном составе работников, которые отражаются в трансформации масштабов и отраслевой структуры спроса на рабочую силу.

Объяснить это можно, во-первых, тем, что снижается доля инженерно-технических специалистов всех профилей и рабочих индустриальных профессий (металлообработчиков, текстильщиков, отдельных групп строителей), во-вторых, активно увеличивается численность работников сферы финансов, управленцев, а также работников новых профессии в сфере услуг и отраслей рыночной инфраструктуры. Естественно, люди стараются адаптироваться к условиям рынка труда, и это происходит путем межпрофессиональной миграции: много работников инженерно-технической сферы приобретают новую профессию, актуальную на рынке труда и меняют вид своей трудовой деятельности. Вынуждены проявлять профессиональную мобильность также работники научной сферы. Плохое финансирование этой сферы, низкий уровень заработной платы побуждают работников этой сферы менять свою профессию и род деятельности вполне кардинально.

Вынужденная межпрофессиональная миграция, профессиональная мобильность способствует прекаризации, является одной из ее ситуационных причин. Другие ситуационные причины можно вывести из признаков прекариата. Это разбалансированность рынка труда и снижение уровня жизни. Операционализировав их, определим тренд развития прекариата в современной России и выявим те сегменты российского рынка труда, в которых присутствие и рост прекарности наиболее ожидаемы.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа рынка труда Росстат предлагает большое число показателей[2]. Остановимся на тех их них, которые позволяют судить о разбалансированности в РФ рынка труда. Это, прежде всего, прием и выбытие работников, количество ликвидированных и созданных рабочих мест, численность безработных.

Распространение прекарных практик связано не столько с низкими доходами, сколько с их «плохой» (нисходящей или медленной восходящей) динамикой. Для анализа динамики доходов будем использовать показатель реальных располагаемых денежных доходов населения, рассчитываемый Росстатом на основе показателя реальных денежных доходов (денежных доходов без учета обязательных платежей и взносов), соотнесенных с инфляцией. Он выражается в процентах к предыдущему году и показывает, в каком направлении и с каким темпом менялся уровень жизни населения.

Статистика приема и выбытия работников в течение года доступна с 1995 г. Однако, необходимо отметить, что до 2006 г. расчет проводился «по отраслям экономики», а с 2006 г. – «по видам деятельности». Поэтому движение работников по экономике в целом за весь период 1995-2015 гг. сопоставлять можно, а по конкретным ее сегментам – только за отдельные периоды – за 1995-2005 гг. и с 2006 г. (Также отметим, что сопоставление с данными за 1995 и 1996 гг. надо проводить с осторожностью, так как с 1997 г. методология статистического наблюдения, используемая статистическим ведомством России, и многие методические подходы к измерению конкретных статистических показателей изменились).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЯ

Данные, представленные на рис. 1, позволяют увидеть следующие закономерности в динамике доходов населения и в динамике рабочей силы в РФ в 1995-2015 гг.

Итак, прекарный труд наиболее ожидаем в сегментах рынка труда, связанных с такими видами деятельности, как строительство, сельское хозяйство, торговля и услуги ремонта.

Возвращаясь от рангам к конкретным значениям показателей, отметим, что строительство лидирует по «неучтенным» работникам – имеет наибольшую разницу между выбывшими и не принятыми на работу, по уровню безработицы – удельному весу тех, кто, выбыв с работы, пополнил ряды безработных. Также в строительстве высока доля неформально занятых, слабый прирост числа рабочих мест и средняя заработная плата.

Значения большинства показателей по торговле и услугам ремонта близки к строительству. Только масштаб «неучтенной» рабочей силы (разницы в долях между

выбывшими и принятыми) здесь заметно ниже, и несколько выше удельный вес неформальной занятости.

Что касается сельского хозяйства, занимающего вторую – после строительства – позицию, то здесь ожидания прекарности были априори наиболее высокими, но стать лидером нашего списка сельскому хозяйству помешало низкое значение «неучтенной» рабочей силы. Сказываются особенности сельскохозяйственной отрасли, связанные с ее сезонностью и большим количеством временных работников: в течение года из сельхозорганизаций выбывает более 40% их списочного состава и почти столько же принимается. Более высокая текучесть – только в строительстве и торговле, где имеются свои особенности занятости. Судя же по остальным показателям – по неформальной занятости, которая почти наполовину ассоциируется с сельским хозяйством, по уровню зарплат, самым низким по экономике, и по последовательной убыли рабочих мест в отрасли – в сельском хозяйстве прекарные практики наиболее ожидаемы.

Также представляется важным, что прекарные практики наиболее ожидаемы в тех видах деятельности, в которых все еще сохраняется частная инициатива – относительно высока доля малого и мелкого бизнеса, который в неблагоприятных социально-экономических условиях часто переходит в состояние прекарности.

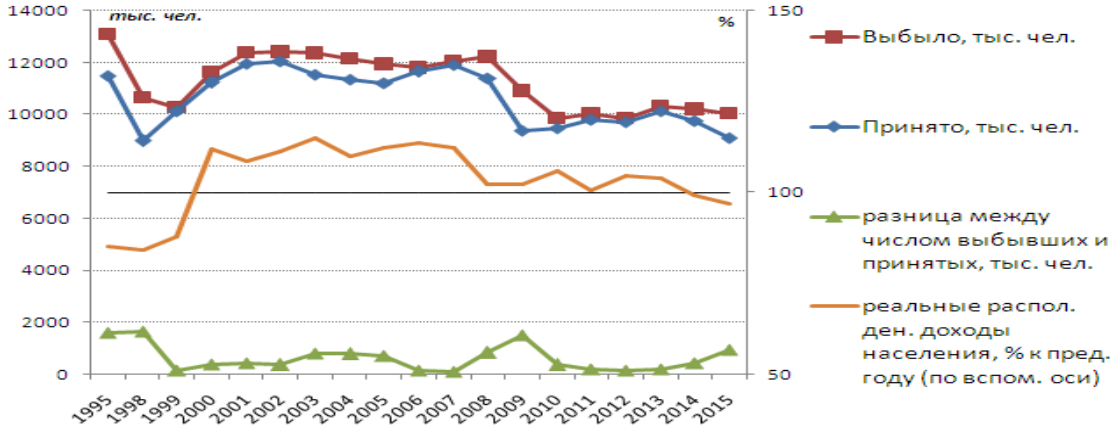


Рисунок. 1. Динамика показателей доходов, приема и выбытия работников по экономике РФ за 1995-2015 гг.

Прежде всего, заметим, что численность выбывших всегда была несколько выше, чем численность принятых на работу. Об этом свидетельствуют две «верхние» кривые, расположенные четко одна над другой, нигде не пересекаясь.

Кривая, расположенная «в середине» рисунка, соответствует показателю реальных располагаемых денежных доходов населения. Там, где она опускается ниже горизонтальной прямой, проведенной на уровне 100% (по вспомогательной левой оси), происходило реальное снижение уровня жизни населения. Возрастание этой кривой указывает на повышение темпа роста уровня жизни, убывание кривой указывает на снижение темпа. Можно видеть, что в 2000-2007 гг. уровень жизни рос высоким темпом – на 9-15% ежегодно, в 2008-2009 гг. последовал резкий спад темпа до 2% в год, с 2014 г. медленный рост уровня жизни сменился спадом. Показатель реальных располагаемых денежных доходов был выбран для анализа, так как он адекватно отражает не только динамику уровня жизни, но и динамику общего состояния экономики: очевидно, 2000-2007 гг. был благоприятным периодом экономического подъема, 2008-2009 гг. – периодом кризиса и постепенного перехода экономики в новое, более «медленное» состояние.

Можно видеть, что в периоды кризисов численность выбывших и принятых снижается, а в экономически благоприятные периоды растет. Скорее всего, это связано с осторожностью и работников, и работодателей, не стремящихся к резким движениям во время кризиса, когда перемена работы чаще мотивирована ликвидацией рабочего места, а не желанием работника

или работодателя. Соответствующая статистика Росстата, доступная за 2008-2014 гг.[3], демонстрирует пики в динамике числа ликвидированных рабочих мест, пришедшиеся на 2009 и 2014 гг. (данных за 2015 г. пока нет, но с 2012 г. наблюдается выраженный восходящий тренд).

Возвращаясь к анализу динамики рабочей силы (рис. 1), отметим, что более важным, чем показатель абсолютной численности принятых и выбывших, для нашей темы является показатель их разницы. Действительно, возможности трудоустройства повышаются при росте спроса на рабочую силу независимо от динамики численности принятых и выбывших работников. В этой связи представляет интерес динамика показателя, полученного как разница между числом выбывших и принятых на работу. Самая нижняя кривая на рис. 1 более четко, чем другие кривые, показывает благоприятные и неблагоприятные периоды на рынке труда. Наибольшая разница между численностью выбывших и принятых приходится на 2009 г., и с 2013 г. наблюдается восходящий тренд этого показателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Увеличение разницы между числом выбывших и принятых на работу должно вести к росту безработицы. В качестве показателя безработицы рассмотрим численность фактических (а не только зарегистрированных) безработных, рассчитываемая Росстатом по методике Международной организации труда (МОТ).

Наблюдаемая разбалансированность рынка труда и снижение уровня жизни способствует росту прекариата, о чем можно судить по динамике его основных признаков – нестабильности занятости, потери профессиональной идентификации, снижению доходов, активности реципрокных связей.

Список использованной литературы и источников:

1. См.: Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2017 года (статистический бюллетень) Объектами статистического наблюдения выборочного обследования по форме № 1 о распределении численности работников по размерам заработной платы, начисленной за апрель 2017 г. являлись работники организаций всех видов экономической деятельности без субъектов малого предпринимательства. Обследованием в 2017 г. было охвачено 103,7 тыс. организаций, что составило 27 % от всех организаций, включенных в основу выборки. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/

2. См.: Российский статистический ежегодник. Раздел 5 «Труд»: Стат. сб. / Росстат. – М., 2007-2016; Труд и занятость в России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2003-2015; Обследование рабочей силы: Стат. бюллетень / Росстат. – М., 2010-2016.

3. Труд и занятость в России: Стат.сб. / Росстат. – М., 2013. С.314-315; 2015. С.163.

УДК 316.334.22

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, БЕЗРАБОТИЦА И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ РОССИЙСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.А. САЛАТОВА, А.Н. ЕРШОВ

Салатова Александра Александровна, магистрант кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) Федерального университета.

E-mail: aleksandra_salatova@bk.ru

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: aleksandra_salatova@bk.ru

Аннотация. В статье на основании данных авторского контент-анализа и дискурс-анализа публикаций СМК приводятся средства и стратегии описания безработицы и социального неравенства в условиях глобализации в медиапространстве федеральных округов. Показано наличие смысловой связки «глобализация-неравенство-безработица-бедность», которая может выполнять деструктивную функцию излишней негативизации ситуации.

Ключевые слова: глобализация; безработица; социальное неравенство; бедность; цифровое неравенство.

GLOBALIZATION, UNEMPLOYMENT AND SOCIAL INEQUALITY THROUGH RUSSIAN MASS MEDIA

A.A. Salatova, A.N. Ershov

Abstract. In the article, based on the data of author's content analysis of Russian mass media, strategies for describing unemployment and social inequality in the context of globalization are presented. Showed the existence the semantic structure "globalization-inequality-unemployment-poverty", which can perform the destructive function of negativization of the situation.

Key words: globalization; unemployment; social inequality; poverty; digital inequality.

ВВЕДЕНИЕ

Статистические исследования, используемые при изучении тех или иных явлений, сами по себе конструируют определенную реальность. В этом отношении, изучение безработицы и социального неравенства в условиях глобализации сквозь призму СМК представляет собой комплексную задачу, решение которой способно дополнить данные «статистической реальности».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Сами понятия «социальное неравенство» и «безработица» неотделимы от специфического социального контекста. Д. Мерлье, занимавшийся исследованием конструирования проблемы безработицы, считает: «Безработица [со временем] не является «той же» не только потому, что не охватывает те же самые категории, но и потому, что ее восприятие в 1964 г., когда статистические данные определяли ее в 2%, отличается от того, как она воспринималась двадцать лет спустя, когда составила 10% всего самодеятельного населения»[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Вторичный анализ данных опросов ВЦИОМ показал: не смотря на статистическое снижение уровня безработицы, страх населения перед потерей работы и невозможностью найти равноценную остаетсяна неизменном уровне[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Возможно, в условиях нарастающей (согласно динамики индекса KOF) глобализации, влияние различных ее факторов на безработицу вызывает опасение населения. Возможно, что мнение населения

складывается под воздействием образа безработицы в условиях глобализации, конструируемого средствами массовой коммуникации СМК.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый этап. Анализ и интерпретация данных базы мониторинга СМИ «Медиалогия». В качестве объектов выступили тематические тексты газет, журналов, сообщения информ-агенств, стенограммы радио- и телепередач, материалы интернет-СМИ, входящие в базу «Медиалогия» и охватывающие население Центрального, Приволжского и Северо-Кавказского федеральных округов. Тема безработицы в условиях глобализации является достаточно специфичной и не образует отдельную постоянную рубрику в СМК. Изучались публикации и сообщения в рубриках о рынке труда, об экономике, политике, бизнесе, культуре. Они могли иметь разное название, но должны были тематизироваться и освящать различные аспекты российской безработицы в условиях глобализирующегося мира. Выборка составила:с 1.01.2001г. по 01.06.2017 (N=7498); с 15.11.2017 по 31.01.2018г. (N_1=188); и с 1.12.2013 по 30.06.2014г. (N_2=268). Выборка целевая и носила теоретический характер, задачей являлось обнаружение достаточного числа категорий (репрезентативность), позволяющих концептуализировать идеи, связанные с характеристиками медиасообщений.

Второй этап. Контент-анализ публикаций и сообщений СМК с 15.11.2017 по 31.01.2018г. (N_1=188); и с 1.12.2013 по 30.06.2014г. (N_2=268).В качестве единиц счета были выбраны как традиционные (объем, настрой, дата выхода), так и специфические. По группам их можно разделить на 2 смысловых блока: образ безработицы в контексте глобализации и образ глобализации. Учитывалось появление признаков в тексте публикаций, при этом единицей контекста была одна статья/сообщение, поэтому в бланке контент-анализа учитывалось лишь однократное появление признака, его повторение внутри единицы контекста не фиксировалось. Применялось манифестное и латентное кодирование. Количественный контент-анализ обрабатывался с помощью статистического пакета анализа данных SPSS.Качественные методы включали в себя традиционный анализ документов, основанный на интерпретации информации и дискурс-анализ текстов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В медиапространстве часто упоминаются социально-экономическое неравенство (30,2%); бедность (49,7%) и «цифровое неравенство» (14,3%). По нашему мнению, именно смысловая связка «глобализация-неравенство-безработица-бедность» может выполнять деструктивную функцию негативизации ситуации и дезориентации обывателя. Дезориентации, т.к. данные статистики свидетельствуют о постепенном снижении уровня безработицы при нарастающей глобализации.Несмотря на то, что большинство (59,8%) СМК соблюдают нейтральную тональность при освящении темы безработицы в условиях глобализации, около половины (46%) упоминаний бедности и неравенства встречаются в публикациях/сообщениях, имеющих негативную тональность. Откровенно негативных настроений придерживаются СМК левого толка (СМК партии КПРФ; общественная организация «Российские ученые социалистической ориентации» и т.п.). Основной их тезис – навязываемая вместе с глобализацией капиталистическая модель экономики не выгодна для России. При аргументации используются драматические сравнения, но отсылки к верифицируемым источникам чаще всего не происходит: «*Глобализация по-американски провалилась; нынешний кризис тяжелее всего сказался на нашей стране именно* в силу навязанной ей модели капитализма. *Потери, которые мы понесли, сопоставимы с потерями во время Великой отечественной войны; больше половины россиян живет за чертой бедности;* мы отброшены на столетие назад». (Отчетный доклад VIII Съезда Общероссийской общественной организации «Российские ученые социалистической ориентации» от 31 мая 2014г.//Сайт КПРФ kprf.ru);*«Сама концепция глобализации, провозглашённая лет 40 назад и получившая название «теории золотого миллиарда», предполагает значительную ненужность подавляющего большинства живущих на планете людей»* (Сергей Перепеченов: «Мы мало чем отличаемся от крепостных»//Репортер, 30.11.2017.);*«Эта гегемония [империализма]*

характеризуется неолиберализмом и глобализацией производственных отношений, что в конечном итоге ведёт к нестабильности и нищете» (О задачах ЛКСМ РФ как части международного молодежного коммунистического движения//kprf.ru; 25.12.2017).

Другим приемом описания безработицы в условиях глобализации и социально-экономического неравенства в исследуемом медийном пространстве является стратегия позитивного сравнения, которую можно описать как «у нас все не так плохо». В качестве тех, у кого хуже, чем «у нас» могут выступать не только развивающиеся страны, но и развитые. Оригинальный прием использования этой стратегии реализован в статье А. Торина Россия и Польша перед общими глобальными вызовами (Международная жизнь, 7.12.2018г.) Автор, рассуждая о том, что в следствии технологических изменений и роботизации ряд профессии исчезнет, заключает: *«В то же время развитие новых технологий в Польше идет не слишком интенсивно. Например, технологии Big data используют всего 5,9% фирм (из них 4,7% ориентированы на промышленную переработку»*. С одной стороны, на лицо явное технологическое отставание Польши, с другой – *«наши [российские] эксперты не всегда до конца понимают суть стоящей перед ними проблемы, концентрируя внимание на формировании электронного правительства, внедряя IT-технологии в финансовой сфере, но мало уделяя внимания промышленному развитию».* Иными словами, ситуация с внедрением передовых технологии в России аналогична польской, если не хуже. Но такое отставание не скоро приведет к росту информационной и технологической безработицы и ухудшению социально-экономического положения населения. Отнести стратегию «у нас все не так плохо» к позитивизации темы нельзя, т.к. как практически в каждом сравнении «у них хуже» присутствует насторожённость, что «их» реальность может стать и нашей.

В СМК раскрывается дискурс имущественного неравенства (внутристранового и международного): *«Неравенство будет расти…» или «…в современном мире XXI века действительно «богатые богатеют, а бедные беднеют. В относительном выражении, бедные точно беднеют, в абсолютном — пока вроде нет. Но ничуть от этого не гарантированы».* (Смирнов Л. От безработицы до ядерной войны//Частный корреспондент от 18.01.2018);«*Глобализация привела к снижению неравенства между государствами, однако она почти повсеместно увеличила неравенство внутри стран*». (Невозможно добиться глобализации, демократии и самоопределения одновременно//Русская планета от 19 апреля 2014г.); *«Чем больше денег, тем сильнее неравенство – и это тоже один из «подарков» глобализации».* (На краю пропасти//РБК журнал, январь-февраль 2014).

Социальное неравенство в XXI веке означает не только разрыв в положении богатых и бедных, но и неравный доступ к информации. По мысли В.Ж. Келле «глобализация внутренне связана с процессами становления информационного общества»[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] в связи с чем, в ходе глобализации происходит углубление различий в уровне развития стран, народов и возникают новые формы неравенства, в том числе информационное или и «цифровое неравенство» (digital divide) по терминологии П. Химанена и М. Кастелса. В его основе лежат различия в возможностях получения доступа к информации и передовым информационным технологиям. Так глобализация прокладывает новые линии социальной дифференциации как в развитых, так и в развивающихся обществах.Несмотря на то, что доступ к различным технологиям (чаще всего к мобильным, возрастает) цифровой разрыв между странами постоянно увеличивается[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Р. Каплински рассматривал технологические изменения фактором как открывающим возможности для глобальное перемещение рабочей силы, так и делающим часть этой силы излишней в новых технологичных условиях производства (технологическая и информационная безработица)[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. В 2018г. в СМК дискурс цифрового неравенства присутствует, главным образом, в связи с проведением Гайдаровкого форума и выступлением Д.А. Медведева, посвященным цифровым технологиям. Интересно, что неравенство раскрывается не только как между индивидуумами, но и между отдельными территориями: *«Скорость технологических изменений в мегаполисах, в крупных городах может усиливать их отрыв от малых городов, сельской местности»*

(Биткоин что это. Эксклюзив//tarelka.biz; 17.01.2018). Цифровое неравенство может стать причиной роста безработицы, о чем напрямую сообщают СМК, правда пока с отсылкой на ситуацию в других странах (еще одна вариация дискурса «у нас не все так плохо») «*…премьер-министр Канады говорил о том, что стремительное технологическое развитие грозит увеличением разрыва между богатыми и бедными и социальным неравенством, а также оставляет без работы тысячи людей».* (Давос-2018:о чем говорили лидеры Запада в Давосе//ИА Саратовский регион, 28.01.2018). Не смотря на уверения Д.А. Медведева об отсутствии вытеснения населения с рынка труда в следствии роботизации, по сообщениям СМК, это уже происходит: *«Исследование, проведённое университетом штата Пенсильвания, обнаружило, что к потере рабочих мест приводит автоматизация»* (Мацкевич И.М. Неудавшаяся глобализация//Союз криминалистов и криминологов, 17.11.207).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под влиянием глобализации происходит поляризация населения в мировых масштабах, углубление разрыва между богатыми и бедными, усиление социального неравенства. В медиареальности тиражируется смысловая связка «глобализация-неравенство-безработица-бедность», которая может выполнять деструктивную функцию излишней негативизации ситуации. Социальное неравенство в XXI веке характеризуется не только различиями в уровнях дохода и жизни, но и в доступе к современным цифровым технологиям. Цифровое неравенство может стать фактором роста безработицы и снижения уровня жизни значительной части населения. Можно утверждать, что теоретические построения А. Тоффлера о технологической и информационной безработице постепенно становятся реальностью XXIвека.

Список использованной литературы и источников:

1. *Мерлье Д.* Безработица, ее формы, отношение к безработице/Ленуар Р., Мерлье Д, Пэнто Л., Шампань П./Начала практической социологии. СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейяю. 2001., 410с. С.188-198.

2. *Ершов А.Н., Салатова А.А.* Общественное восприятие безработицы в 1992-2015гг.//Регионология. 2016. №3(96). С.106-122.

3. *Келле В.Ж.* Процессы глобализации и динамика культуры. Знание. Понимание. Умение. 2005.№ 1.С. 70.

4. *Дутта С.* Погружайтесь в технологии // Деловой квартал. 2013. №18(140). 16.09.2013г. С. 26.

5. *Kaplinsky R.* Technological revolution' and the international division of labour in manufacturing: A place for the Third World?/ Kaplinsky R. Cooper Ch.// European Journal of Development Research. - №1(1). P.5–37. P. 7.

УДК 331.2

НЕРАВЕНСТВО В ОПЛАТЕ ТРУДА В ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

О.В. СЕНОКОСОВА

Сенокосова Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: senoolga@yandex.ru

Аннотация. Изложены аспекты неравенства в оплате труда в межотраслевом разрезе в условиях развития информационной экономики в России. Внимание уделено различным

направлениям, влияющим на усиление неравенства в оплате труда информационного сектора и отраслей производственного сектора. Выявлено, что помимо рыночных факторов вниманию необходимо уделять особенностям формированию заработной платы в ИТ-секторе, усиливающим неравенство. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в моделях формирования заработной платы работников различных отраслей в условиях развития информационной экономики в России.

Ключевые слова: неравенство заработной платы, оплата труда IT-отрасли, информационный труд, производительность труда.

INEQUALITY IN REMUNERATION OF LABOUR IN THE INFORMATION ECONOMY

O.V. Senokosova

Abstract. The aspects of inequality in wages in the cross-sectoral context in the development of the information economy in Russia. Attention is paid to various directions, which affect the increase of inequality in wages in the information sector and the sectors of the production sector. It is revealed that in addition to market factors, attention should be paid to the peculiarities of wage formation in the it sector, increasing inequality. The applied aspect of the problem under study can be implemented in the models of wage formation of workers in various industries in the development of the information economy in Russia.

Key words: wage inequality, wages of IT-industry, information labor, labor productivity.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационного общества вызывает социально-экономические сдвиги в сфере трудовых отношений. Подходы к развитию социально-трудовых отношений в «новой» экономике, основанной на знаниях и информации различны, а вопрос оплаты труда информационных работников затрагивается в теории редко.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Усиление интенсивности информационных процессов производительных сил общества, активное применение информационных ресурсов и необходимость их применения в современной экономике, задают вектор развития, учитывающий новый сегмент трудового ресурса, т.е. информационной рабочей силы. В данном направлении изученного материала фиксируется факт развития новой рабочей силы, способствующей создавать информационный продукт и описывающий систему найма и использования такой рабочей силы. Трудовая деятельность в сфере информационного общества изменяется, а значит должен быть создан механизм оплаты труда такого сегмента работников. Как справедливо отмечает, Фабричнов С.А. с усложнением техники и технологии стремительно растет количество труда, затрачиваемого на создание и обработку информации[1], все возрастающее число людей вовлекается в специфический информационный вид деятельности. В структуре экономики отчетливо наметились контуры принципиально нового народно-хозяйственного образования - материально-духовного комплекса, включающего производство различного рода информационной продукции, опосредующего ее обработку и распространение материальных средств, а также информационное обслуживание.

С другой стороны, развитие нового сегмента информационного работника невозможно рассматривать отдельно от деятельности других отраслей экономики. Вся рабочая сила терпит изменения, подстраивается под структурные сдвиги развития экономики в целом[2]. Отчасти влияет на развитие отраслей и производительность этих отраслей, повышение эффективности их труда, заработной платы.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование опирается на методы дедукции и индукции, анализа и сравнения заработных плат квалифицированного труда в отраслевом разрезе в условиях информационной экономики в России.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Если связывать процесс формирования заработной платы информационных работников с заработной платой работников любой другой отрасли, где был внедрен продукт информационного труда или обновлено оборудования на производствах, то обращает на себя внимание отсутствие четкого механизма формирования заработной платы, как первых, так и вторых в этой цепочке.

В советский период развития экономики информационный труд также имел место быть и механизм формирования его оплаты не приводил к сильному разрыву в оплате труда других работников. В советский период правила и механизмы установления заработной платы действовали в направлении сдерживания неравенства. С одной стороны, ее общий уровень был относительно низким. С другой – установленная государством минимальная заработная плата превышала прожиточный минимум почти в 1,5 раза и обеспечивала доступ хотя и к низкому, но социально приемлемому уровню потребления базового спектра благ и услуг. Величина прожиточного минимума законом не утверждалась, но использовалась государственными органами как отправная точка для определения размеров минимальной заработной платы (МРОТ)[3]. В настоящее время неравенство в оплате труда между информационным сектором и производительным сектором увеличивается.

Информационный сектор экономики опирается на высокие технологии, создаваемые в основном электронной промышленностью и составляет основу сферы услуг. Он представлен тремя релевантными элементами. Во-первых, теми, кто создаёт содержание собственно функционирования этого сектора, а именно деятели культуры, науки, образования, инженерно-техническая интеллигенция, организации, создающие новые виды информации и её представления. Все они продуцируют новую информацию и обеспечивают приращение знания. Во-вторых, экономические агенты, тиражирующие информацию и оказывающие услуги по её нахождению, отбору, определению. Сюда часто относят телевидение, Интернет, средства массовой коммуникации.

По данным рекрутингового агентства GlobalCareer по исследованию рынка труда в отрасли информационных технологий, заработная плата информационного работника в 2016 году имела минимальные и максимальные значения. Так, В Москве и Московской области оплата труда информационного труда составляла от 80000-300000 руб., заработные платы ИТ-специалистов от Junior до Team Lead в Санкт-Петербурге от 50000-280000 руб., в Воронеже – 30000-250000 руб.[4] т.е. в среднем 100000 руб.

В тоже время заработные платы в других отраслях ниже (таблица)[5].

Таблица 1.

Средняя номинальная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации (рублей)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Вся экономика	13593,4	17290,1	18637,5	20952,2	23369,2	26628,9	29792,0	32495,4	34029,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6143,8	8474,8	9619,2	10668,1	12464,0	14129,4	15724,0	17723,7	19721,1
Рыболовство, рыбоводство	14797,0	19498,9	22913,5	23781,9	25939,9	29201,4	32437,3	37061,9	46675,6
Обрабатывающие производства	12878,7	16049,9	16583,1	19078,0	21780,8	24511,7	27044,5	29510,5	31910,2
Строительство	14333,4	18574,0	18122,2	21171,7	23682,0	25950,6	27701,4	29354,3	29960,0

Средний уровень зарплатных предложений напрямую связан с уровнем позиции работника. Впрочем, для ряда специальностей уровень дохода высококлассного специалиста может быть сопоставимым с доходом на позиции руководящего уровня или превышать его. Например, средняя зарплата ведущего программиста Java составляет 155 000 руб., в то время как средняя зарплата руководителя IT-отдела - 145 000 руб.

В IT-сфере можно выделить три основных сегмента:

- руководители (этот сегмент характеризуется высоким уровнем конкуренции и высоким уровнем зарплат);

- программисты и разработчики (здесь наблюдается низкий уровень конкуренции, зарплаты чуть выше средней по отрасли);

- IT-специалисты: тестировщики, системные администраторы и т.д. (для них характерна высокая конкуренция и зарплаты ниже средней по отрасли). Внутри каждого сегмента прослеживается тенденция к повышению зарплат по мере снижения уровня конкуренции, а также в зависимости от категории работников, которые делятся на прикладные: осуществляют работу с готовыми приложениями и системные: создают ПО самостоятельно. Еще один критерий, объясняющий высокую заработную плату это бренд компании: большой доход имеют специалисты, работающие в популярных компаниях, например, Apple, Google, Facebook.

Отечественное производство конкурентоспособной продукции в этой области только формируется и в настоящее время не оказывает должного влияния на развитие национальной экономики, тем не менее заработные платы высоки. Хотя в целом, в России пока заработок программистов меньше, чем в США и Европе. Высокие заработки также объясняются отставанием России сектора ИКТ на фоне общемировых тенденций развития, особенно в разработке программного обеспечения и оказании ИТ-услуг. Информационно-коммуникационная отрасль быстро меняется. В развитых странах добавленная стоимость информационного сектора растет двузначными темпами, при этом относительные цены здесь быстро падают. Это означает, что если смотреть на соответствующую долю в ВВП, то мы можем не увидеть значительного роста. Более того, так как главным драйвером выступает стремительный рост производительности труда, то и в доле занятости, приходящейся на ИКТ, мы увидим существенный, но все же не кардинальный рост.

Позитивное влияние технологий повышает производительность труда во многих отраслях: вычисления и коммуникации выполняются быстрее, а продукция становится технологичнее и дешевле для потребителя. Так, недавние исследования показывают, что именно эффективное использование возможностей ИКТ стало фактором более быстрого роста экономики США по сравнению с Европой с середины 90-х. Нужно отметить, что на сегодняшний день, учитывая совсем невысокую величину ВВП России, отставание в области высоких технологий является ощутимым как в количественном, так и в качественном отношении, а по отдельным технологиям оно представляется непреодолимым.

В связи с использованием информационных технологий, неравенство в заработках необходимо учитывать и с точки зрения применения продукта ИКТ отраслями. В такой связи можно выделить отрасли, производящие ИТ, отрасли, использующие ИТ, в которых применение информационных технологий наиболее интенсивно, и остальные отрасли, не использующие ИТ.

Именно через группу отраслей, использующих ИТ, и осуществляется основное влияние информационных технологий на экономику. К числу таких отраслей в первую очередь относятся отрасли, связанные с оказанием рыночных услуг, ряд обрабатывающих производств, тогда как к числу не использующих ИТ отраслей – добывающие производства и отрасли первичной переработки. Удельный вес отраслей, производящих ИКТ, в России невелик – около 2% (против 6–7% в США и ЕС).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неравенство возникает в связи с тем, что современное российское законодательство практически не регулирует вопросы оплаты квалифицированного труда. Оно ориентировано преимущественно на размер минимального уровня оплаты труда. Для исправления перекосов необходимо, во-первых, усилить связь заработной платы с производительностью труда, не допуская ни длительного отставания, ни опережения; во-вторых, по крайней мере, в рамках бюджетного сектора экономики, усилить зависимость заработной платы от

квалификационных характеристик работников, укрепить зарплатные позиции квалифицированного труда, обеспечив нормальную отдачу на человеческий капитал; в-третьих, сбалансировать верхние и нижние параметры заработков, т.е. усилить перераспределительные процессы, в том числе через налоговые механизмы, но без ущерба для разумной дифференциации заработков.

Список использованной литературы и источников:

1. *Фабричнов С.А.* Информационный труд (Теория, методология и эффективность): Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук : 08.00.01 : Воронеж, 2000. - 325 с.

2. *Сенокосова О.В.* Формирование инновационной бизнес-среды в РФ// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. Т.12 №4. С.41-44

3. *Соболев Э.Н., Ломоносова С.В.* Оплата труда в российской экономике: динамика, факторы, направления преобразований. М.: Институт экономики РАН, 2003. С. 4-5.

4. Обзор тенденций на рынке труда в сфере ИТ// URL: ww.globalcareer.eu (дата обращения: 1.04.2018).

5. Средняя номинальная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации// URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/zarplata.html (дата обращения: 1.04.2018).

УДК 330.101

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК БАРЬЕР РАЗВИТИЯ РЫНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТОВАРОВ И УСЛУГ

Р.Р. ТУГУШЕВА

Тугушева Рясимя Ригаятьевна, ассистент кафедры экономической теории и национальной экономики экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: ryasimya.tugusheva@mail.ru

Аннотация: Изложены недостатки современной российской потребительской корзины, которая является сдерживающим фактором в потреблении интеллектуальных товаров и услуг. Проделан сравнительный анализ потребительские корзины России и других зарубежных стран. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненные на период 2000-2017 гг. с применением диагностического инструментария: метод сравнения, метод анализа и синтеза. Прикладная значимость данного исследования заключается в корректировке потребительской корзины с целью увеличения потребления интеллектуальных товаров и услуг.

Ключевые слова: интеллектуальный товар, интеллектуальная услуга, потребительская корзина, образование, инновации.

SOCIAL INEQUALITY AS A BARRIER TO ELABORATION OF MARKET OF INTELLECTUAL GOODS AND SERVICES

R.R. Tugusheva

Abstract. The article states the drawbacks of the modern Russian consumer basket, which is a restraining limiting factor in the consumption of intellectual goods and services. The carried out an

analysis of consumer baskets of Russia and other foreign countries. Presented the results of empirical research which had been doing since 2000 to 2017, with the use of diagnostic tools: the method of comparison, the method of analysis and synthesis. The applied significance of this study is in the adjustment of the consumer basket in with the aim of increasing the consumption of intellectual goods and services.

Keywords: intellectual goods, intellectual service, consumer basket, education, innovation.

ВВЕДЕНИЕ

В связи с переходом общества на новый этап развития, характеризующийся ростом интеллектуализации экономической деятельности, сопровождающийся повышением роли нематериальной деятельности, связанной с производством знаний возникают рынки интеллектуальных товаров и услуг. Можно выделить различные сегменты данных рынков, но в данной статье приводится сегменты, которые формируют производительные силы общества. Процесс производства данных товаров приведен на следующем рисунке.

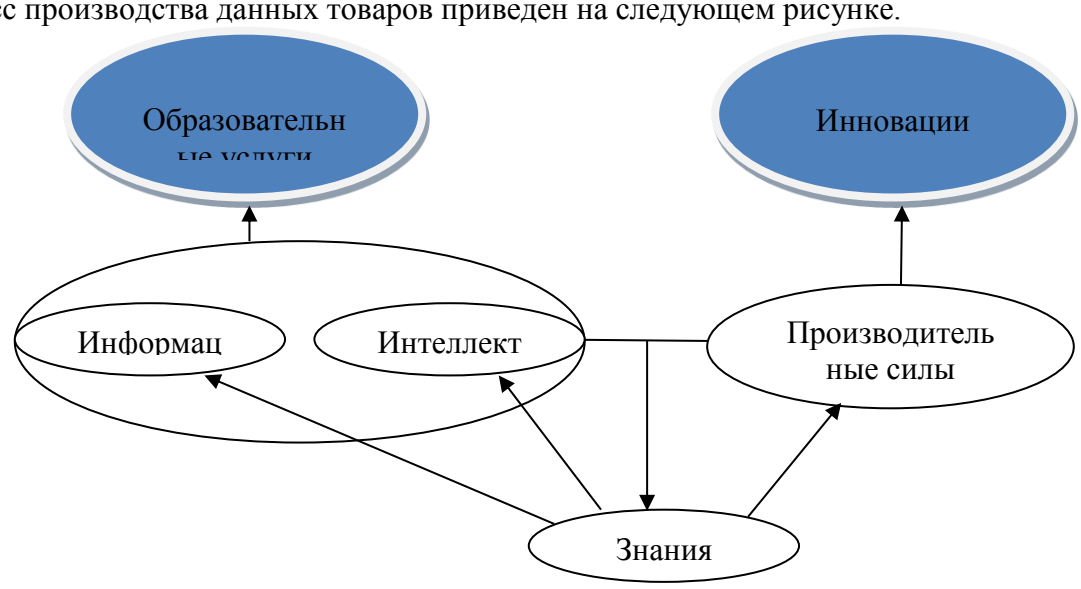


Рисунок 1. Процесс производства интеллектуальных товаров и услуг.

Современная экономика, направленная на инновационное развитие, связана, прежде всего, со знаниями, которые формируют научный и интеллектуальный потенциал. Поэтому необходимы стимулирующие мероприятия, которые бы увеличили потребление товаров и услуг, которые создают и качественно улучшают уже имеющиеся знания. Одним из мероприятий является стимулирование потребителей к потреблению интеллектуальных товаров и услуг. Такого рода стимулированием является формирование такой потребительской корзины, которая включала бы в себя интеллектуальные товары и услуги. В настоящее время данные пункты отсутствуют в потребительской корзине России. В связи с этим её корректировка является актуальной задачей в настоящее время.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Базис социального развития в современном обществе связан с уровнем экономического развития. Минимальные социальные стандарты, которые определяет государство, характеризуют возможности данного государства, в частности, прожиточный минимум, который предполагает потребление определённых товаров и услуг, входящие в структуру потребительской корзины. Потребительская корзина - это примерный расчётный набор, ассортимент товаров, характеризующий типичный уровень и структуру месячного (годового) потребления человека или семьи[1].

В 1992 г. совместно с Международным валютным фондом Федеральная служба государственной статистики сформировала первую потребительскую корзину, а в 1999 г. был

принят Федеральный закон «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации». Согласно данному закону потребительская корзина должна пересчитываться раз в 5 лет[2].

Если рассматривать потребительскую корзину России, то можно заметить, что на протяжении длительного периода времени её структура не меняется. Меняется лишь количество потребляемых товаров и услуг. В настоящее время действует потребительская корзина, которая была принята в 2013 году. Сравнительный анализ потребительской корзины принятой в 2006 году и в 2013 году показал, что структура не изменилась, в то время как в США и европейских странах ведётся статистика того, на что тратят свой бюджет семьи. В частности, в Германии содержимое потребительской корзины пересматривается раз в пять лет, так как на рынке появляются новые товары, а некоторые товары выходят из потребления. На содержимое потребительской корзины Германии оказывает влияние научно-технический прогресс. В связи с этим, список товаров и услуг расширяется. В то же время в Германии в структуру потребительской корзины входят расходы на интернет-услуги, оплату книг, а в США в потребительскую корзину включена оплата образования. В британскую потребительскую корзину входят такие товары и услуги как техника, mp3-проигрыватели и телевизоры с плоским экраном, а так же затраты на частные школы и университеты. Формируя состав потребительской корзины в России, государство вообще исключает, какие-то бы то ни было, интеллектуальные товары и услуги из стандарта потребления современного индивида. Жизненные стандарты, устанавливаемые государством, должны в обязательном порядке включать образование, интеллектуальную деятельности человека.

По мнению В.И. Сухочева доступность высшего образования: «…Совокупность условий, обеспечивающих абитуриентам в комплексе организационную, территориальную, финансовую, ценовую и академическую доступность высшего образования, т. е. это совокупность объективных и субъективных возможностей и способностей индивидов получить высшее образование»[3]. С точки зрения Е.А. Аникиной, Ю.С. Нехорошева доступность высшего образования «предполагает, что финансовые расходы домохозяйств на приобретение услуг качественного высшего профессионального образования (включая сопутствующие расходы) должны характеризоваться таким уровнем, который не поставит под угрозу и не подорвет удовлетворение других первостепенных потребностей, т. е. данные затраты должны составлять такую часть их дохода, которая не является обременительной»[4].

Главная функция образовательной услуги как товара - это формирование и развитие интеллектуального потенциала индивида. Поэтому государство должно создавать условия, то есть делать более доступными образовательные услуги. В связи с коммерциализацией образовательных услуг в России, объём их потребления зависит от реальных доходов населения. Большую долю расходов домашних хозяйств на образование составляют расходы на получение высшего образования (рис. 2).

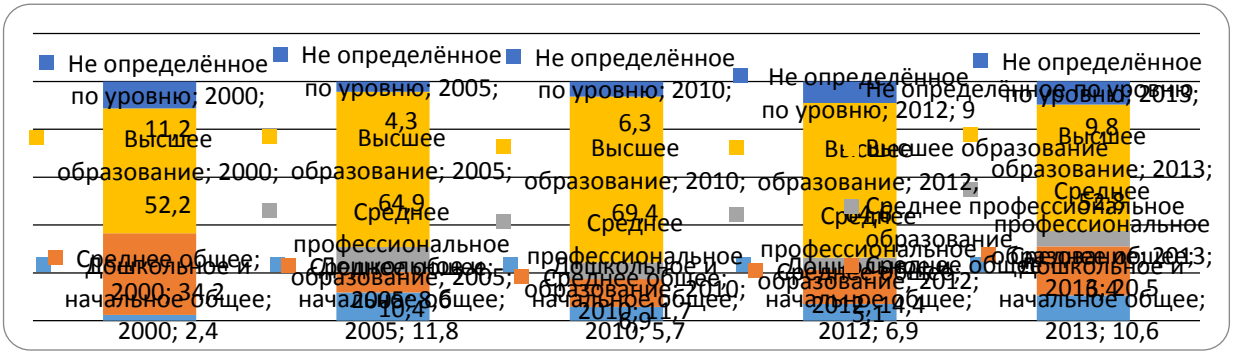


Рисунок 2. Расходы домашних хозяйств на оплату услуг образования, %[5].

В связи с тем, что реальные доходы населения в России по отдельным категориям сильно различаются, то и доступ к получению образовательной услуги ограничен для некоторых категорий граждан. В данном случае наблюдается мультипликационный эффект. Ограничивая доступ к высшему образованию, снижается потенциальная возможность получения населением высокого перспективного дохода в будущем. Это в свою очередь,

приведёт к тому, что родители не смогут так же дать образование своим детям, в связи с неспособностью оплатить их обучение. Так же можно обозначить ещё одну проблему. Ограничивая доступ к получению образования, ограничивается доступ к получению информации и знаний, что приведёт к снижению интеллектуального потенциала населения. Это, в свою очередь,
приведет к неспособности людей производить новые виды товаров (инновационных товаров). Но мало производить инновационные товары, необходим спрос на них, а с низкими реальными доходами, население способно потреблять только товары необходимые для поддержания жизнедеятельности. Поэтому, одним из методов стимулирования спроса на интеллектуальные товары и услуги является корректировка структуры потребительской корзины.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье анализируется период с 2000 по 2017 гг. В данном исследовании использовались такие методы как сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Важным аспектом государственного регулирования развития рынков интеллектуальных товаров и услуг является формирование системы ценностей, исходя из которой, должны складываться приоритеты. Если государство в качестве приоритета рассматривает развитие высокотехнологичного производства, считает важной интеллектуальную сферу деятельности, то посредством различных регулирующих инструментов оно должно нацеливать предпринимателей и домохозяйства на участие в их развитии. Если государство считает необходимым развивать интеллектуальное производство, то должно вводить стандарты, нормативы, регламенты, которые бы стимулировали модернизацию хозяйственной деятельности и принуждали предпринимателей внедрению технологических новшеств, дабы само производство должно соответствовать устанавливаемым государством нормативам и регламента.

Можно выделить ряд преимуществ потребительских корзин вышеназванных стран перед потребительской корзиной России: во-первых, более широкий ассортимент товаров, в который входит не только продукты питания и товары первой необходимости, но и товары, которые возникли благодаря научно-техническому прогрессу, то есть инновационные товары; во-вторых, включение затрат на образование в состав потребительской корзины даёт возможность получить качественное образование на всех её уровнях, несмотря на то, что образование в ряде стран (Германия, Франция, Швеция и т.д.) бесплатное. «Скудный» характер российской потребительской корзины ограничивает потребление товаров и услуг, повышающих интеллектуальный потенциал населения. Следовательно, следую инновационному пути развития, государство должно пересмотреть структуру потребления и скорректировать экономическое поведения домохозяйств и фирм в направлении потребления интеллектуальных товаров и услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в современных условиях, с одной стороны, государственное регулирование не нацелено на стимулирование развития высокотехнологичных, наукоёмких производств, а, с другой стороны, базовые нормативы закрепляют в сознании индивида несущественность сферы интеллектуальной деятельности, малоценность интеллектуальных товаров и услуг. В результате формируются основы «примитивизации» экономики, в рамках которой получают развитие первичные потребности человека, которые являются основанием пирамиды Маслоу, но не развиваются высшие потребности данной пирамиды – потребности человека в саморазвитии и самореализации.

Список использованной литературы и источников:

1. *Кураков Л. П., Кураков В. Л., Кураков А.Л.* Экономика и право: словарь-справочник. М.: Вуз и школа. 2004.

2. *Назипова А.Л.* Потребительская корзина в России // Экономика, социология и право. 2016. № 4-1. С. 64–70 .

3. *Сухочев В.И.* Доступность высшего образования в условиях перехода к экономике знаний // Креативная экономика. 2009. № 9 (33). С. 8–16.

4. *Аникина Е.А., Нехорошев Ю.С.* Доступность высшего образования как институциональная основа современного общества // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317, № 6. С. 57–61.

5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 20.12.2016 г.)

УДК 332.135

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В.С. ФЕДОЛЯК

Федоляк Василий Степанович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского

E-mail: fvs01@rambler.ru

Аннотация. В статье изложены основные идеи некоторых базовых теорий региональной экономики в части обоснования межрегиональных диспропорций социально-экономического развития. Показано, что данные теории должны лежать в основе понимания существования естественного, непреодолимого фактора диспропорций территориального развития и социального неравенства, который связан с местонахождением хозяйственной деятельности и форм расселения в экономическом пространстве. Доказывается, что межрегиональные диспропорции социально-экономического развития приводят к неэффективному использованию экономического пространства и образованию в регионах локальных рынков, характеризующихся существенными различиями.

Ключевые слова: межрегиональные диспропорции, социально-экономическое развитие, региональная экономика, экономическое пространство, территория.

CONCEPTUAL BASES OF INTER-REGIONAL DISPROPORATIONS OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT

V.S. Fedolak

Abstract. The article outlines the main ideas of some basic theories of the regional economy in terms of substantiating the inter-regional disproportions of social and economic development. It is shown that these theories should underlie the understanding of the existence of a natural, insurmountable factor of disparities in territorial development and social inequality, which is connected with the location of economic activities and forms of resettlement in economic space. It is proved that interregional disproportions of social and economic development lead to inefficient use of the economic space and the formation of local markets characterized by significant differences.

Key words: interregional disproportions, social and economic development, regional economy, economic space, territory.

ВВЕДЕНИЕ

Существующие межрегиональные диспропорции в России относятся к проблемам, находящимся под пристальным вниманием ученых разных отраслей знаний (экономистов, социологов политологов, и др.). Исследование соотношения основных характеристик социально-экономического развития регионов России, выявление причин их дифференциации позволяет ответить на многие вопросы, касающиеся динамики экономического роста и развития, устойчивости национальной хозяйственной системы, тенденций интеграционных и дезинтеграционных процессов и др, происходящих в рамках национального социально-экономического комплекса. Формирование основных характеристик развития регионов, а также содержание экономических отношений между ними в условиях рынка демонстрируют нарастание дезинтеграционных процессов, выражением которых служит появление межрегиональных диспропорций социально-экономического развития, которые приводят к неэффективности единого экономического пространства и образованию в регионах локальных рынков, характеризующихся существенными различиями. Необходимо заметить, что неравномерность регионального развития характерна для любой национальной экономики, а не только России. Даже для тех немногих стран, хозяйство которых носит сравнительно комплексный характер, экономическая динамика свидетельствует о неравномерности развития отдельных отраслей и регионов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития представляют собой отклонение основных показателей регионального воспроизводства, уровня и качества жизни населения, условий ведения хозяйственной деятельности и ее эффективности в регионах России от соответствующих среднероссийских показателей. Усиление этого процесса неизбежно приводит к кризисному состоянию национальной хозяйственной системы благодаря формированию в ней структурно-параметрических противоречий.

Причин, порождающих межрегиональные диспропорции социально-экономического развития, множество. Они могут быть объективными, то есть выражать естественные различия природно-климатических условий, состава и масштабов природных ресурсов, местоположения (центр, периферия и др.), сложившейся воспроизводственной структуры, состояния производственной и социальной инфраструктур, степени урбанизации и пр., и субъективными, возникшими вследствие неадекватных политических и экономических решений, находящихся в противоречии с социальными целями реформы. Однако, в данной работе не представляется возможным рассмотреть множество причин через призму концептуальных основ. Поэтому, кратко остановлюсь на некоторых базовых теориях региональной экономики, объясняющие межрегиональные диспропорции социально-экономического развития благодаря существующим различиям местоположения хозяйствующего объекта или экономического центра.

Прежде всего, анализ территориальных диспропорций изложен в работах И. фон Тюнена, предложившего модель локализации различных видов хозяйственной деятельности вокруг отдельно взятого городского поселения (Теория сельскохозяйственного штандорта). В своей работе Й. Тюнен сделал основной акцент не просто на исследовании различий города («центра») и окружающей его периферии в ведении хозяйственной деятельности, а на их функциональной взаимообусловленности.

Известно, что Й. Тюнен предполагал наличие экономически изолированного от остального мира государства, в пределах которого имеется центральный город, являющийся единственным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции и источником обеспечения промышленными товарами. Здесь цена каждого продукта в любой точке пространства отличается от его цены в городе на величину транспортных затрат, которые принимаются прямо пропорционально весу груза и дальности перевозки. Следовательно, для того чтобы уровень жизни людей проживающих на периферии был равен уровню жизни людей

проживающих в городе, нужно чтобы их доход был выше на величину транспортных затрат по доставке грузов в отдаленные территории.

Транспортные издержки, входящие в цену товара являются существенными. Опрос студентов, обучающихся в Саратовском государственном университете, являющихся выходцами из Саратовской периферии, подтверждает, что цены на товары промышленного производства на их малой родине незначительно, но выше. Если цена на некоторые товары совпадает, то это говорит о том, что предприниматели, которые занимаются доставкой грузов в ту или иную географическую точку Саратовской области, берут на себя риски связанные с более низкой нормой прибыли, чем те предприниматели, которые занимаются аналогичным бизнесом, но не предполагающим высокие транспортные издержки. Кроме того нужно учесть, что средняя заработная плата в сельских районах ниже, чем в центральном городе области. Например, по данным Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области средняя заработная плата в сельском хозяйстве (основная специализация сельских районов области) в 2016 году составляла 16017 руб., а средняя заработная по области составляла 23548 руб.[1]. Таким образом, теория Й.Тюнена доказывает, что существует непреодолимый фактор диспропорций территориального развития России, а значит и социального неравенства, который связан с местонахождением населенного пункта в экономическом пространстве.

Дальнейшая эволюция взглядов на существование диспропорциий социально-экономического развития территорий связана с теорией В. Кристаллера о «центральных местах». В. Кристаллер называл центральными местами экономические центры, которые обслуживают товарами и услугами не только себя, но и население своей округи (зоны сбыта). В данной теории как минимум две формулировки свидетельствуют о существовании объективной территориальной диспропорциональности и социального неравенства населения.

1. Известно, что теория В. Кристаллера объясняет, почему одни товары и услуги должны производиться (предоставляться) в каждом населенном пункте (продукты первой необходимости), другие - средних поселениях (обычная одежда, основные бытовые услуга и т.п.), третьи - только в крупных городах (предметы роскоши, театры, музеи и т.д.). В данном тезисе показано наличие объективной непреодолимой субординации размещения хозяйства и деятельности, а стало быть, доходов, зарплат и уровня жизни в территориальном разрезе.

2. Каждое центральное место имеет тем большую зону сбыта, чем выше уровень иерархии, к которому оно принадлежит. Кроме продукции, необходимой для зоны своего ранга (своего шестиугольника), центр производит (предоставляет) товары и услуги, типичные для всех центров низших рангов. Следовательно, федеральный и областные центры имеют большую зону сбыта, чем сельские центральные места, благодаря монополии на производство определенных видов товаров и услуг. Именно в данных населенных пунктах сосредоточены высокотехнологичные производства, которых не существует в абсолютном большинстве населенных пунктах. Кроме того, обслуживание центральных мест высокого ранга в иерархии, обслуживается большим количеством центральных мест (множества сел, поселков и малых городов), а значит, существующая конкурентная среда сдерживает бесконечный рост цен на товары первой необходимости в крупных и средних городах. Тенденциями развития центральных мест в современной России, является с одной стороны, укрепление экономической мощи крупных городов, благодаря притягиванию к себе различных видов хозяйственной деятельности и населения со всей периферии, а с другой стороны, снижение экономической роли сел и поселков, сокращение их физического количества в экономическом пространстве.

В целом, данная теория наглядно показывает существование отношений иерархии, которые складываются вследствие сосредоточения на отдельных субтерриториях некоего набора «центральных» функций (административно-распорядительных, сервисных и т.п.), что можно рассматривать как определенного рода «делегирование» функций системному центру.

И, наконец, теория рационального штандорта промышленного предприятия В. Лаундхардта (метод весового треугольника), в соответствии с которой точка оптимального

размещения предприятия находится в зависимости от весовых соотношений перевозимых грузов, а транспортные издержки на единицу продукции минимальны по доставке сырья и готового товара к пунктам реализации. Лаунхардт писал, что оптимальной точкой размещения промышленного предприятия может быть «любая точка из вершин треугольника, поскольку общие затраты на перевозку всех грузов будут равны или находится внутри треугольника… как равновесие трех связанных нитей проходящих через вершину треугольника»[2].

Данная теория также обозначает диспропорции развития территорий, если предположить, что в реальности конечный товар производится в городе и включает в себя больше добавленной стоимости, чем сырье, которое производится на периферии и является промежуточным продуктом. Кроме того, сырьевой товар имеет узкий, но достаточно насыщенный рынок сбыта и предназначен для конкретного производства. Конечный товар имеет обширный рынок сбыта, существует возможность видоизменять его потребительские свойства в соответствии с потребительским спросом, а, следовательно, поддерживать должный уровень жизни населения там, где сосредоточено это производство. Уровень жизни добывающего региона напрямую зависит от возможности трансформировать сырье в конечный, конкурентоспособный товар. Таким образом, как и две предыдущие теории, теория Лаунхардта также объясняет существование объективных основ межрегиональных диспропорций социально-экономического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из вышеизложенного, приведенные базовые теории региональной экономики, объясняющие роль и положение хозяйства и форм расселения в экономическом пространстве в зависимости от местоположения можно приспособить для объяснения межрегиональных диспропорций социально-экономического развития, если их анализ расширить за счет включения показателей регионального роста и развития.

Приведенные базовые теории региональной экономики должны лежать в основе понимания существования естественного, непреодолимого фактора диспропорций территориального развития и социального неравенства, который связан с местонахождением хозяйственной деятельности и форм расселения в экономическом пространстве. Кроме того, сами межрегиональные диспропорции социально-экономического развития приводят к неэффективному использованию экономического пространства и образованию в регионах локальных рынков, характеризующихся существенными различиями.

Концептуальные основы межрегиональных диспропорций дополняют существующие инструменты понимания сложившегося неравенства социально-экономического развития регионов России: по уровню и темпам экономического роста номинальных доходов населения; по соотношению денежных доходов и прожиточного минимума (по покупательной способности); по доле населения с доходами ниже прожиточного минимума; по динамике производства валового регионального продукта; уровню и динамике бюджетной обеспеченности; по степени их бюджетной самостоятельности; и ряду других критериев. Т.е. тем критериям, которые показывают межрегиональные диспропорции социально-экономического развития.

Список использованной литературы и источников:

1. Федеральная служба государственной статистики по Саратовской области. http://srtv.gks.ru/ (дата обращения: 04.04.2018).

2. Теории и концепции региональной экономики. Учебники онлайн. https://uchebnikionline.com/rps/regionalna_ekonomika (дата обращения: 05.04.2018).

УДК 330.8; 332.05

ОБЩИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

К.В. ФЕНИН

Фенин Кирилл Вячеславович, ассистент кафедры экономической теории и национальной экономики экономический факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: fenin.kir@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены редукция и краткий анализ общих географических и исторических факторов теорий и концепций неравномерного территориального экономического развития.

Ключевые слова: географическое положение, разделение труда.

THE GENERAL CONCEPTUAL GEOGRAPHICAL AND HISTORICAL FACTORS OF ECONOMIC INEQUALITY

K.V. Fenin

Abstract. This article is the short analysis of the general geographical and historical factors of theories and concepts of uneven territorial economic development.

Key words: geographical location, labor division.

ВВЕДЕНИЕ

Неравномерное экономическое развитие, которое интенсифицировалось с началом возникновения национальных государств в XVI–XVII вв., оказало существенное влияние на концептуальное наполнение экономической теории. Большинство научно-хозяйственных парадигм, основанных на идеи о сохраняющемся во времени и постоянно воспроизводящемся территориально-экономическом неравенстве, объясняли специфику течения социально-экономического прогресса действием общих географических и/или исторических факторов. В данной научной работе будут кратко рассмотрены эволюция означенного направления экономической мысли, а также выделяемые ими факторы экономического развития.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Деление факторов по географическому и историческому принципу носит условный характер. К «персональным» географическим факторам можно причислить: выгодное географическое положение (физическое и экономическое) и обеспеченность природными ресурсами. К «аутентичным» историческим факторам относятся: разделение труда, деятельность государства, человеческий потенциал, инновации и совокупный спрос.

Оставшиеся общие факторы неравномерного экономического развития: положительный эффект агломерации (центрального города), высокая плотность населения и инфраструктура, – носят одновременно территориально-историческую или историко-географическую специфику.

Результирующий географический фактор – это географическое положение, определяющее наличие или отсутствие ресурсной базы для экономического развития. Главенствующий исторический фактор – разделение труда, в рамках которого существует государственное управление, формируется человеческий потенциал и совокупный спрос, создаются предпосылки для инноваций. Хронология теорий и концепций вместе с обобщёнными факторами развития представлены в виде таблицы.

Таблица

Основные факторы теорий и концепций неравномерного территориального экономического развития [1,2,3,4, 5]

	Автор, название, год разработки концепции/теории	Географические (территориально-хронологические) факторы	Исторические (историко-географические) факторы
1	А. Серра («Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишённые рудников драгоценных металлов», 1613 г.)	I. Географическое положение (физико-географическое и экономико-географическое) II. Обеспеченность природными ресурсами	I. Разделение труда (на микро- и макроуровнях) II. Государство (государственное управление)
2	Й. фон Тюнен (теория сельскохозяйственного штандорта, «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии», 1826 г.)	I. Географическое положение II. Обеспеченность природными ресурсами III. Воздействие центрального города (эффект агломерации)	I. Разделение труда II. Воздействие центрального города
3	В. Лаунхард (теория регионального штандорта, «Практика эффективного размещения предприятий», 1882 г.)	I. Географическое положение II. Обеспеченность природными ресурсами	
4	А. Вебер (теория промышленного штандорта, «Чистая теория размещения промышленности», 1909 г.)	I. Географическое положение II. Обеспеченность природными ресурсами III. Высокая плотность населения IV. Эффект агломерации	I. Разделение труда II. Высокая плотность населения III. Трудовые ресурсы (человеческий потенциал) IV. Эффект агломерации
5	В. Кристаллер, (теория «центральных мест», 1933 г.) А. Лёш («Пространственная организация хозяйства», 1940 г.)	I. Географическое положение II. Высокая плотность населения III. Воздействие центрального города	I. Разделение труда II. Высокая плотность населения III. Воздействие центрального города
6	К. Акамацу (концепция «летящих гусей», 1930-е гг.)	I. Географическое положение II. Обеспеченность природными ресурсами III. Высокая плотность населения IV. Инфраструктура	I. Разделение труда II. Инновации III. Высокая плотность населения IV. Инфраструктура V. Трудовые ресурсы VI. Государство
7	А. Хиршман (теория «прямой и обратной связи», 1958 г.)	I. Географическое положение II. Обеспеченность природными ресурсами	I. Разделение труда
8	Ф. Перру, Ж.-Р. Будвиль, Х.Р. Ласуэн (зарождение и развитие теории «полюсов роста», 1950–1960-е гг.)	I. Географическое положение II. Высокая плотность населения III. Эффект агломерации	I. Разделение труда II. Высокая плотность населения III. Эффект агломерации IV. Инновации V. Государство VI. Совокупный спрос

9	П. Потье (концепция «осей развития», 1960-е гг.)	I. Географическое положение II. Инфраструктура	I. Разделение труда II. Инфраструктура III. Инновации
10	Дж. Фридман (теория «центр-периферия», 1966 г.)	I. Географическое положение II. Воздействие центрального города	I. Разделение труда II. Воздействие центрального города
11	Р. Вернон (теория продуктового цикла – «РС-теория» 1966, 1971 гг.)	I. Географическое положение II. Высокая плотность населения III. Эффект агломерации	I. Разделение труда II. Высокая плотность населения III. Эффект агломерации IV. Инновации V. Трудовые ресурсы
12	Г. Мюрдаль (развитие концепции «добродетельного круга», 1960–1970-е гг.)	I. Географическое положение II. Обеспеченность природными ресурсами	I. Разделение труда II. Государство III. Трудовые ресурсы
13	Х. Ричардсон (теория городской агломерации, 1970-е гг.)	I. Географическое положение II. Эффект агломерации III. Инфраструктура	I. Разделение труда II. Эффект агломерации III. Инфраструктура
14	Т. Хегерстранд (теория диффузии инноваций 1970-е гг.), Х. Гирш (теория «Вулкан» 1970-е гг.)	I. Географическое положение II. Инфраструктура III. Эффект агломерации	I. Разделение труда II. Инфраструктура III. Эффект агломерации IV. Инновации
15	П. Кругман (теория международной торговли и пространственной экономики, 1980-е гг.)	I. Географическое положение II. Обеспеченность природными ресурсами III. Высокая плотность населения IV. Эффект агломерации	I. Разделение труда II. Совокупный спрос III. Высокая плотность населения IV. Эффект агломерации
16	М. Портер (теория международной конкуренции, 1990 г.)	I. Географическое положение II. Обеспеченность природными ресурсами III. Высокая плотность населения IV. Инфраструктура	I. Разделение труда II. Совокупный спрос III. Высокая плотность населения IV. Инфраструктура V. Трудовые ресурсы
17	Э. Райнерт (концепции и теории «другого канона», с 2000 г.)	I. Географическое положение II. Высокая плотность населения III. Инфраструктура	I. Разделение труда II. Высокая плотность населения III. Инфраструктура IV. Инновации V. Трудовые ресурсы VI. Государство

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Теоретический анализ показал тесную взаимосвязь исторических и географических факторов в теориях, описывающих неравномерное экономическое развитие. Взаимная зависимость географического положения и разделения труда, – фундаментальных факторов экономического развития, – представляет собой соотношение действия сил «первой и второй природы».

То есть, благоприятное или неблагоприятное географическое положение влияет на исторический процесс разделения труда, поддерживая или ограничивая его. Процесс разделение труда воздействует на экономико-географическое положение через развитие различных видов производственной деятельность, основанных на благоприятном физико-географическом положении и обильной ресурсной базе или направленных на нивелирование негативных климатических и природных условий.

Подобная тесная корреляция и синергетическое взаимодействие прослеживаются также между остальными факторами, каждый (-ые) из которых может (-ут) следовать из другого согласно определённой иерархии. К примеру, высокая плотность населения → трудовые ресурсы → масштабный платёжеспособный совокупный спрос → развитие инфраструктуры → развитие агломераций → генерация инноваций. Или государственное управление → генерация масштабного спроса, развитие инфраструктуры и агломераций, инновационная деятельность → интенсификация процесса разделения труда → рост плотности населения. Обильная ресурсная база → развитие специализации → рост плотности населения → развитие инфраструктуры и агломераций → генерация инноваций → прогресс в государственном управлении и т.д.

Список использованной литературы и источников:

1. *Серра А.* Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишённые рудников драгоценных металлов. Л.: ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, Ленинградское отделение, 1953. С.89-108.

2. *Родионова И.А.* Промышленность мира: территориальные сдвиги во второй половине XX в. М.: Московский Лицей, 2002. 368 с.

3. *Гаджиев Ю.А.* Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. 2009. №2. С.45-62.

4. *Райнерт Э.* Роль государства в экономическом росте // Прогнозис. 2009. № 2 (18). С. 164–196.

5. *Портер. М.* Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016. 947 с.

УДК 330

ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

А.А. ФИРСОВА, М.А. НОВОСЕЛОВА

Фирсова Анна Александровна, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой банковского дела на базе ПАО «Сбербанк РФ» СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: a.firsova@rambler.ru

Новоселова Мария Александровна, аспирант кафедры экономической теории и национальной экономики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: mariya_nov@mail.ru

Аннотация. Устойчивое развитие стран во многом определяется эффективностью функционирования системы образования. Проанализирована динамика показателей государственных расходов на образование в процентах от ВВП по Российской Федерации, по странам Организации экономического сотрудничества и развития и по странам мира, а также динамика количества образовательных учреждений высшего образования и численности студентов за период с 1914 года, динамика соотношения государственных и частных образовательных учреждений и профессорско-преподавательского персонала с 2012 г. Анализ

специфики функционирования позволил выделить следующие доминирующие тренды в развитии современной системы высшего образования, системно меняющие их дизайн, ландшафт и принципы функционирования: экзогенные структурные преобразования, эндогенные процессы сферы высшего образования и преобразования в области финансирования и администрирования со стороны государства и профессиональных сообществ. Отмечается, что перспективные направления развития системы высшего образования должны включать ее трансформацию, нацеленную на обеспечение запросов обучаемых на высшее образование.

Ключевые слова: система высшего образования, экономический рост, региональное развитие.

DYNAMICS AND TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA

A.A. Firsova, M.A. Novoselova

Abstract. The sustainable development of countries is largely determined by the effectiveness of the functioning of the education system. The dynamics of the indicators of public expenditure on education as a percentage of GDP for the Russian Federation, for the countries of the Organization for Economic Cooperation and Development and for countries of the world, as well as the dynamics of the number of higher education institutions and the number of students since 1914, the dynamics of the ratio of public and private educational institutions and teaching staff since 2012. Analysis of the specifics of the functioning allowed us to identify the following dominant trends the development of modern higher education system, systematically changing their design, landscape and functioning principles: exogenous structural changes endogenous processes of higher education and transformation in the field of finance and administration of the state and professional communities. It is noted that the prospective directions of the development of the higher education system should include its transformation, aimed at ensuring the requests of students for higher education.

Key words: higher education system, economic growth, regional development.

ВВЕДЕНИЕ

Применение новых знаний и создание технологий являются источником роста национальных экономик и мирового хозяйства в целом. Устойчивое развитие стран во многом определяется эффективностью функционирования системы образования.

Происходящие преобразования в современной российской системе высшего образования, так же как и кардинальные изменения в сфере образования в странах Европы, Азии и Америки, обусловлены процессами построения эффективных национальных инновационных систем и привели к интенсивному росту инновационных процессов, к ускорению научно-технического прогресса, уменьшению сроков создания инноваций и повышения эффективности экономических систем[1].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Анализ специфики функционирования позволяет выделить следующие доминирующие тренды в развитии современной системы высшего образования, системно меняющие их дизайн, ландшафт и принципы функционирования:

экзогенные структурные преобразования:

- «настройка» эффективного и оптимального размера системы высшего образования;
- структурная реформа и внешняя перестройка в виде создания крупных федеральных, региональных опорных и исследовательских университетов;
- ликвидация и сокращение неэффективно работающих образовательных организаций;
- повышение качества и прозрачности расходования получаемых бюджетных средств;

эндогенные процессы сферы высшего образования:

- интенсификации и формализации образовательного процесса;

- повышение требований к стандартизации учебных программ и образовательной деятельности;

- введение систем рейтинговой оценки деятельности профессорско-преподавательского персонала и эффективных контрактов;

- интенсивное внедрение новых информационных и интернет-технологий;

- инфраструктурные, технологические и материально-технические вопросы обеспечения реализации образовательного процесса;

- социокультурные и ценностные трансформации, происходящие в современном российском обществе, влияющие на образование;

- усиление ориентации на запросы потребителей образовательных услуг и установление партнерских отношений с бизнес-сообществом, исследовательскими центрами и организациями региона;

преобразования в области финансирования и администрирования со стороны государства и профессиональных сообществ:

- трансформация механизмов аллокации государственных средств в системе высшего образования;

- разделение финансирования образовательной деятельности и научно-исследовательской деятельности;

- диверсификация источников финансирования;

- применение принципа результативности при использовании источников финансирования;

- развитие модели софинансирования высшего образования и механизмов государственно-частного партнерства;

- развитие механизмов государственной и профессиональной аккредитации.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Образование является важной сферой, посредством которой государство оказывает влияние на экономический рост. Особенно актуальным в современных условиях являются вопросы адекватного реагирования на мировые тренды развития и построение новой модели системы высшего образования, отвечающей современным вызовам экономики и общества.

Государственные расходы на образование являются одним из важнейших индикаторов, отражающих процессы воспроизводства интеллектуального капитала и инвестирования в будущее социальное и экономическое развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Динамика государственных расходов на образование в процентах от ВВП по Российской Федерации, по странам Организации экономического сотрудничества и развития и по странам мира представлена на рис.1, который демонстрирует отклонение российской от европейской и среднемировой тенденций роста государственных расходов на образование[2].

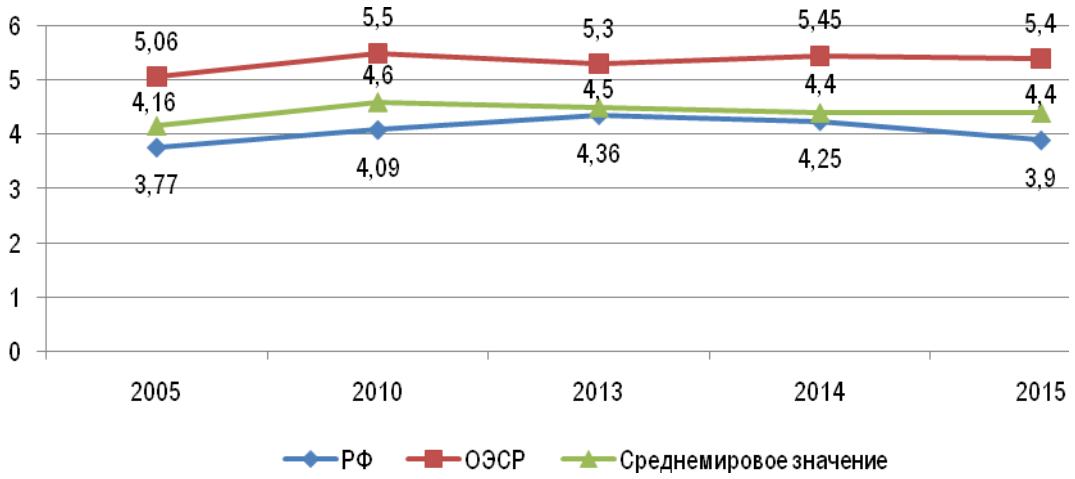


Рисунок 1 – Динамика государственных расходов на образование в процентах от ВВП

На рисунках 2-5 представлена динамика количества образовательных учреждений высшего образования и численности студентов за период с 1914 года, динамика соотношения государственных и частных образовательных учреждений и профессорско-преподавательского персонала за последние 5 лет по данным Росстата за 2016 год[2].

Так, как результат реформы высшего образования, которая в структурном плане предполагает объединение и укрупнение образовательных учреждений высшего образования для их оптимизации, за последние 5 лет количество образовательных учреждений высшего образования в России сократилось на 20%, число студентов, обучающихся в них - на 27%, численность профессорско-преподавательского персонала сократилась на 18% (рис. 2 – 5).

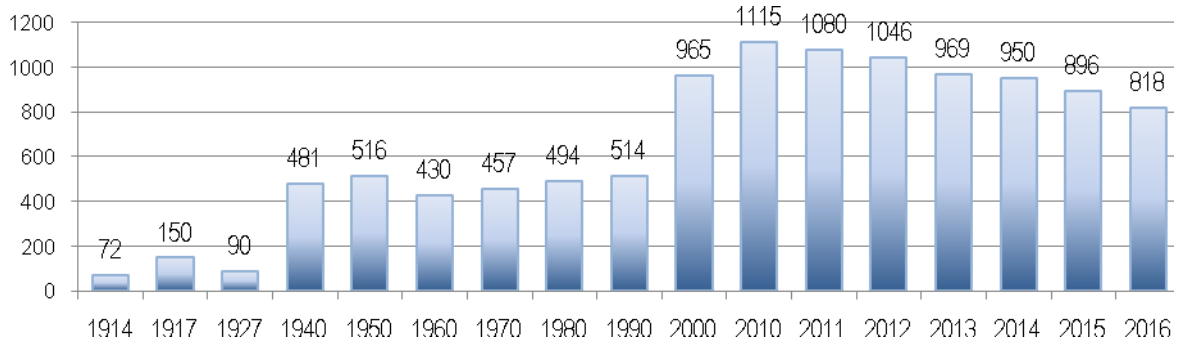


Рисунок 2 - Число образовательных организаций высшего образования, ед.

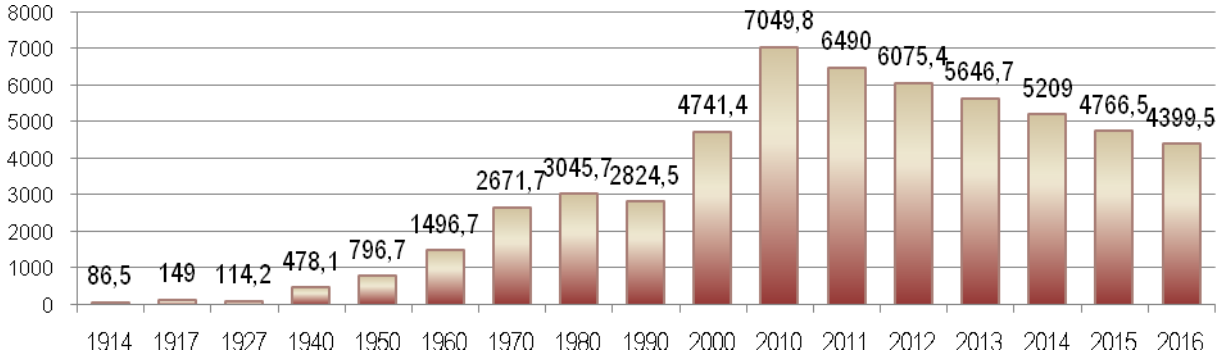


Рисунок 3 - Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, тыс. чел.

Рисунок 4 – Динамика государственных и частных образовательных организаций, ед.

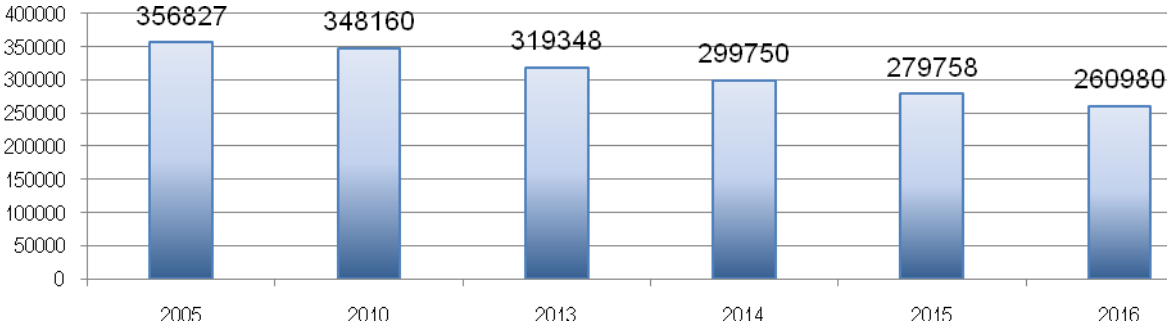


Рисунок 5 – Численность профессорско-преподавательского персонала, чел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспективные направления развития должны быть нацелены на формирование системы высшего образования, конгруэнтной потребностям экономики, на ее качественную трансформацию для обеспечения запросов обучаемых и обеспечение их конкурентных преимуществ для развития национальной экономики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Разработка методологии и инструментария оценки эффективности функционирования региональной системы высшего образования и моделирование ее сбалансированного развития» № 18-010-01115

Список использованной литературы и источников:

1. *Auranen O., Nieminen M.* University Research Funding and Publication Performance. An International Comparison // Research Policy. 2010. Vol. 39. No 6. P. 822–834.

2. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 12.03.2018).

УДК 330.3

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО НЕРАВЕНСТВА В ЭКОНОМИКЕ

О.Ю. ЧЕЛНОКОВА

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: o.chelnokova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема информационного или цифрового неравенства в экономике. Выявляется специфика терминологии при микро- и макроуровнях рассмотрения проблемы, анализируются показатели информационного неравенства, классифицируются барьеры, препятствующие сокращению информационного неравенства в экономике и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: информационное (цифровое) неравенство, показатели информационного неравенства, барьеры информационного неравенства, информационно-коммуникационные технологии

THE PROBLEM OF INFORMATION INEQUALITY IN THE ECONOMY

O.Yu. Chelnokova

Abstract. The article deals with the problem of information or digital inequality in the economy. The definition of digital inequality at the micro and macro levels is given, the indicators of information inequality are analyzed. The article classifies the barriers that prevent the reduction of information inequality in the economy and suggests ways to overcome them.

Key words: information (digital) inequality, indicators of the digital divide, the barriers of the digital divide, information and communication technologies

ВВЕДЕНИЕ

В современной экономике в результате происходящих процессов системной социально-экономической трансформации особую актуальность, научную значимость и практическую востребованность приобретает проблема информационного или цифрового неравенства, которую думается необходимо рассматривать во взаимосвязи с неравенством в других сферах жизнедеятельности общества, например во взаимосвязи с состоянием культуры и социальной сферы.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Следствием усиления процессов технологизации и информатизации в современной экономике становится тот факт, что неоднородность экономического пространства, проявляющаяся в первую очередь в различном уровне социально-экономического развития фирм, отраслей, регионов, стран, дополняется так называемым информационным или цифровым неравенством.

Данный термин применим, как на микро- и мезоуровнях – в отношении отдельных социальных слоев населения или отдельных регионов, так и на макроуровне – в масштабах страны и мирового сообщества в целом. В первом случае цифровое или информационное неравенство (digital divide) означает ограничение возможностей хозяйствующего субъекта из-за отсутствия у него доступа к современным средствам коммуникации (телевидению, Интернету, телефонной связи, радио и т.п.). Подобное ограничение свободному обмену информацией таит в себе угрозу отключения и исключения отдельных хозяйствующих субъектов из современной информационной экономики, что в свою очередь не только не способствует преодолению нищеты и неравенства, а наоборот усугубляет его.

Во втором случае (макроуровень), речь идет о различном уровне развития информатизации и внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) между странами, при этом страны-лидеры значительно опережают по уровню информатизации другие страны. Степень информационного неравенства между странами можно оценить при помощи индекса развития информационно-коммуникационных технологий (IDI), который представляет собой совокупность показателей доступа к ИКТ и показателей навыков их использования. В рейтинге IDI в 2017 году, охватывающим 176 стран мира, первое место занимает Исландия (IDI = 8,98). В целом, среднее значение IDI с 2016 по 2017 год по всем

странам поднялось на 0,18 пункта, достигнув 5,11 пункта, при этом ведущим регионом в развитии ИКТ остается Европа (IDI =7,50 пункта). На постсоветском пространстве в верхней части списка из 176 стран находится Беларусь, занимая 32-ое место. Россия в этом списке находится на 45-ой позиции (IDI = 7,07)[1].

Одним из общих критериев, по которому оценивают степень цифрового неравенства, как на микро-, так и макроуровнях – это уровень проникновения и использования Интернета. Так, несмотря на сокращение с 18,3% в 2014 году до 14% в 2016 году, по-прежнему сохраняется разрыв между городскими и сельскими жителями, использующими сеть Интернет (см. Рисунок 1).

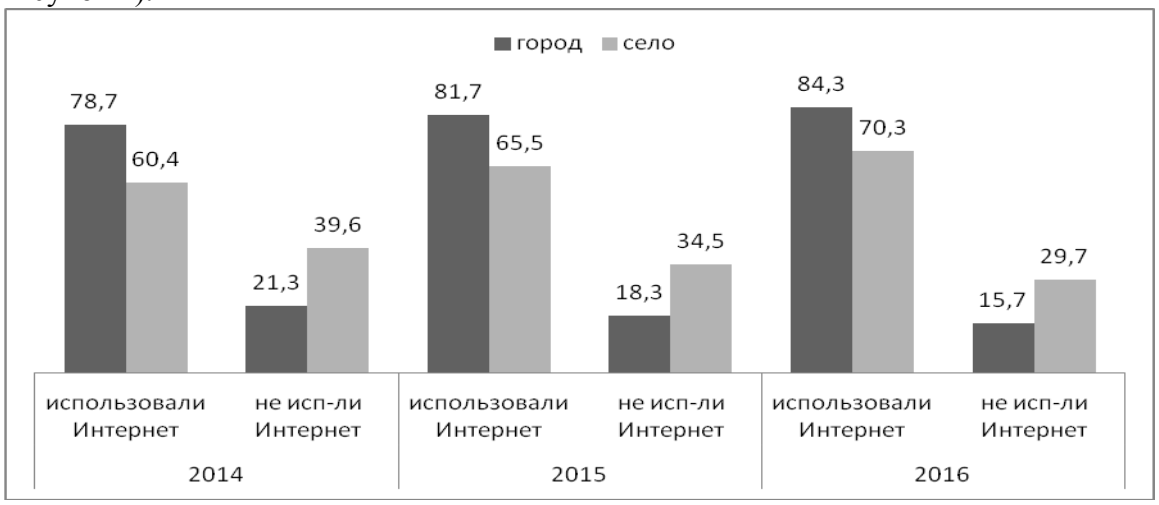


Рисунок 1 – Население, использующее сеть Интернет, по типу местности (в % от общей численности населения в возрасте 15–72 лет)

Источник: Составлено автором по: Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник / К. Э. Лайкам, Г. И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова и др.; Росстат, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 328 с.

Еще одним показателем информационного неравенства может служить уровень цифровизации местной телефонной сети и уровень проникновения сотовой связи. В целом по стране наблюдается увеличение общего числа абонентских устройств сотовой связи (см. Таблицу 1), вместе с тем, в регионах по сравнению с центром (Москвой и Санкт-Петербургом) в 2017 году наблюдалось сокращение, и числа абонентов на 1,1% – до 193,078 млн., и уровня проникновения сотовой связи со 166% до 164%[2]. При этом остается разрыв в уровне цифровизации местной телефонной сети между городом и сельской местностью (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Показатели развития телефонной связи общего пользования и подвижной (сотовой) связи

	1995	*2000*	*2005*	*2010*	*2011*	*2012*	*2013*	*2014*	*2015*	*2016*
Уровень цифровизации местной телефонной сети, %:										
город	13,0	35,3	64,2	83,0	87,6	88,5	89,7	90,3	91,0	92,0
село	0,7	7,9	35,8	63,9	65,9	67,3	72,5	75,1	78,1	81,3
Число абонентских устройств сотовой связи, млн.	0,1	3,3	123,5	237,7	256,1	261,9	277,7	274,8	284,0	290,4

Источник: Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] – URL: http://www.gks.ru. – (Дата обращения: 01.04.2018).

Необходимо отметить существование целого ряда барьеров, препятствующих сокращению информационного неравенства в экономике. Думается, все их можно разделить на две группы. К первой отнести факторы или обстоятельства, возникающие и существующие в экономической системе в результате взаимосвязи развития информационных технологий и уровня состояния экономики, ко второй – барьеры, возникающие со стороны населения и общества в целом. Тогда в первую группу будут отнесены следующие барьеры: состояние инфраструктуры рынка информационно-коммуникационных технологий, в том числе отсутствие российских производителей ИКТ; административные барьеры, возникающие вследствие слабой регулирующей деятельности государства в сфере развития и распространения ИКТ; низкий уровень жизни населения.

Со стороны населения также существуют определенные проблемы, среди которых недооценка различными социальными слоями населения необходимости и важности процесса информатизации; недоверие и недостаточная компетентность людей в области ИКТ, в том числе бытующее мнение о бесконтрольности Интернета. Очень важной проблемой здесь является проблема безопасности и защиты данных, а также языковой барьер, возникающий как противоречие между относительно высоким объемом программного обеспечения и сетевых ресурсов, представляемых на английском языке, и сравнительно небольшим числом людей свободно или хорошо владеющих этим языком[3]. Сложно сказать какой из вышеназванных барьеров является более или менее важным, поскольку все они взаимосвязаны и требуют комплексных мер для их преодоления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Думается, что для преодоления цифрового неравенства и решения существующих проблем в области развития и внедрения ИКТ необходим комплексный подход при активной поддержке со стороны государства. Использование комплексного подхода означает рассмотрение проблемы с различных позиций, во-первых, финансовый аспект решения проблемы означает необходимость снижения стоимости ИКТ и доступа в Интернет, а также улучшение государственного финансирования программ телекоммуникационных сетей по всей территории страны; во-вторых, технический аспект – предполагает широкомасштабное обеспечение доступа к ИКТ; в-третьих, образовательный аспект – требует создания общедоступных центров по обучению, подготовке и переподготовке к использованию информационных технологий, в-четвертых, культурный аспект – повышение уровня информационной культуры населения; в-пятых, демографический аспект – способствование адаптируемости различных возрастных групп населения к ИКТ.

В свою очередь преодоление проблемы информационного неравенства или хотя бы её сглаживание, должно способствовать уменьшению дифференциации на «богатых» и «бедных» в информационном плане людей, а также может стать ключевым фактором экономического роста[4] и эффективного развития экономики.

Список использованной литературы и источников:

1. Индекс развития ИКТ в странах мира 2017 [Электронный ресурс] – URL: http://cdesbmt.blogspot.ru/2017/12/2017.html – (Дата обращения: 30.03.2018).

2. [Электронный ресурс] – URL: https://news.rambler.ru/business/39485537- chislo-mobilnyh- abonentov-v-rf-v-2017-g-neznachitelno-snizilos/ - (Дата обращения: 30.03.2018).

3. Евразийская политическая экономия / под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767с.

4. *Челнокова О.Ю., Огурцова Е.В.* Экономическая интеграция и экономический рост: взаимосвязь и взаимообусловленность процессов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2012, Том 12. Выпуск 3. С.3-9.

УДК 330.1

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

О.А. ШЛЯКОВА

Шлякова Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: engovatova@list.ru

Аннотация. Изложены противоречия вмешательства государства в лице местных органов власти в образовательный процесс, которые приводят к увеличению социального неравенства. Показано, что за последние 24 года кривая Лоренца ещё сильнее отклонилась от абсолютного равенства, а коэффициент Джини вырос на 6,46%, что говорит об увеличивающейся дифференциации населения России по доходам, причём за счёт группы с наиболее высокими доходами. Установлены действия государства, приводящие к потере эффективности. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в качестве рекомендации для поведения экономической политики в области образования.

Ключевые слова: образование; общественное благо; эффективность; благосостояние; коэффициент Джини.

EDUCATION AS A SOURCE OF SOCIAL INEQUALITY

O.A. Shlyakova

Abstract. The article presents data the contradictions of the state intervention in the face of local authorities in the educational process, which lead to an increase in social inequality. It is shown that the Lorentz curve has deviated even more from absolute equality over the last 24 years, and the Gini coefficient has grown by 6.46%, which indicates an increasing differentiation of the Russian population in income, and at the expense of the group with the highest incomes. The actions of the state, leading to the loss of efficiency. The applied aspect of the problem under study can be implemented as a recommendation for economic policy in the field of education.

Key words: education; public good; efficiency; well-being; Gini coefficient.

ВВЕДЕНИЕ

Образование, является одним из ключевых факторов, увеличивающим человеческий капитал индивида. И его, образование, рассматривают как источник, гарантирующий увеличение благосостояния. В результате этого возникает повышенный платёжеспособный спрос на услуги образования. И если раньше фильтрация происходила на уровне высшей школы, то сейчас мы можем наблюдать, что уже расслоение школ достигло небывалых масштабов. Нельзя сказать, что это новое явление, однако стоит отметить, что процесс приобрёл массовость в рамках всей страны.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Перемены в экономической жизни России затрагивают все области человеческой жизнедеятельности. Особенно это касается образования. Серьёзные изменения идут на всех

уровнях: начиная с дошкольного, среднего и высшего, и затрагивая дополнительное, послевузовское и другие ступени образования в течение всей жизни.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы, отвечающая стратегическим интересам развития экономики страны, в качестве приоритетного направления определяет непрерывное образование, представляя его как процесс постоянного роста образовательного (общего и профессионального) потенциала личности в течение жизни, обеспеченный системой образования и соответствующий потребностям личности и общества.

В 2017 г. продолжился процесс совершенствования системы образования, направленный на повышение эффективности деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность, усиления результативности функционирования образовательной системы, в рамках которого происходило укрупнение (объединение) образовательных организаций в целях оптимизации бюджетных расходов на образование.

Несмотря на продолжающийся процесс оптимизации системы образования остается актуальной проблема работы организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования. И здесь примечательно, что введение государством (муниципальными властями) ограничений на образовательную деятельность (карантин, отмена занятий по причине низкой температуры, а эффективность этих мер можно подвергнуть сомнению) приводит к потере общественного благосостояния, т.е. недополученного потребителем и производителем излишка от несовершённых сделок (образовательных услуг). Что безусловным образом искусственно создаёт дефицит товара или услуги, а это в свою очередь увеличивает равновесную цену. В результате, в условиях сильной дифференциации общества по доходам (рис. 1 и рис. 2) государство постепенно передает сферу образования в коммерческие организации, активно развивается предпринимательство в данной сфере и образование становится не чисто общественным благом, а смешанным. И, соответственно, оно становится конкурентным, так как не каждый может позволить себе определенные образовательные услуги. В результате преимущества в получении образовательных услуг получают высокодоходные граждане. Но это законы капиталистического общества и рыночный механизм.

Однако получение среднего образования в нашей стране гарантировано конституцией и позиционируется как общественное благо, т.е. финансирование его частично идёт из государственного бюджета, который в свою очередь формируется из налогов уплаченных физическими и юридическими лицами. В экономической теории есть утверждение, что спрос на общественные блага в большей степени в силу их свойств (неконкурентности и неисключаемости) предъявляют низкодоходные граждане. Получается, что введение таких «благих» мер приводит к стимулированию увеличения социального неравенства со стороны государства, хотя его присутствие в экономике призвано сглаживать это неравенство с помощью косвенных методов регулирования. Особенно это противоречие становится явным в свете документов, публикуемых правительством. Например, «дорожная карта» развития системы образования до 2018 года, в которой прописаны «достижения российскими школьниками новых образовательных результатов и равного доступа к качественному образованию».

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Традиционно для измерения неравенства доходов используют следующие показатели: Кривую Лоренца (точка (X;Y)на кривой показывает, что X% беднейших семей, определённых по среднедушевому доходу, располагают Y% общего дохода. Чем круче выгнут «лук Лоренца», тем сильнее неравенство) – она показывает степень неравенства распределения доходов в стране и коэффициент Джини (он позволяет выразить неравенство доходов как отношение площади между кривой Лоренца и диагональю, характеризующей абсолютное

равенство, в процентах к общей площади треугольника), который чем большое в абсолютном выражении, тем сильнее неравенство.

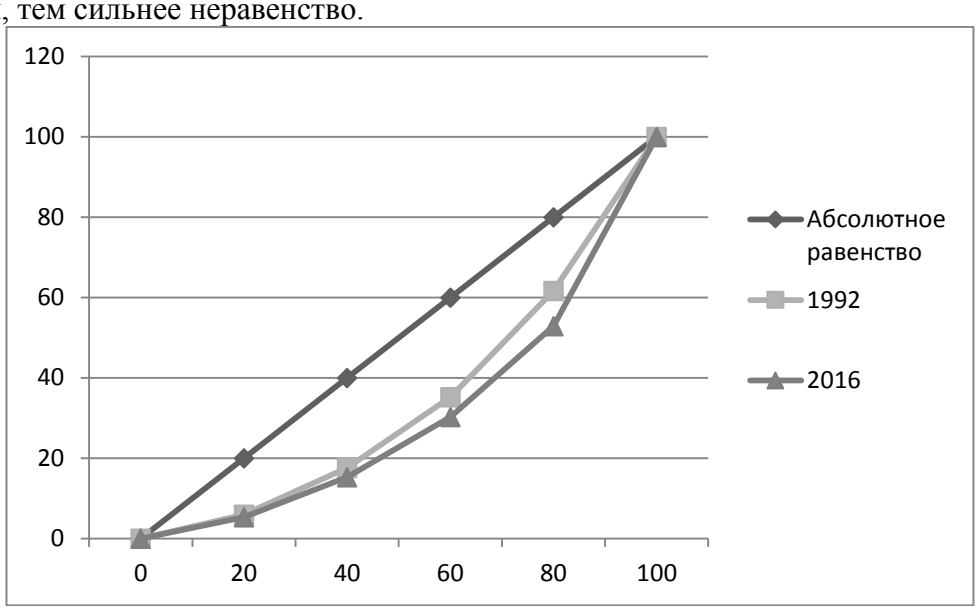


Рисунок 1. Кривая Лоренца для России за последние 24 года[1]

Рисунок показывает, что за рассматриваемые 24 года расслоение граждан по доходам только увеличивалось, причём в основном за счёт последней (самой высокодоходной группы населения).

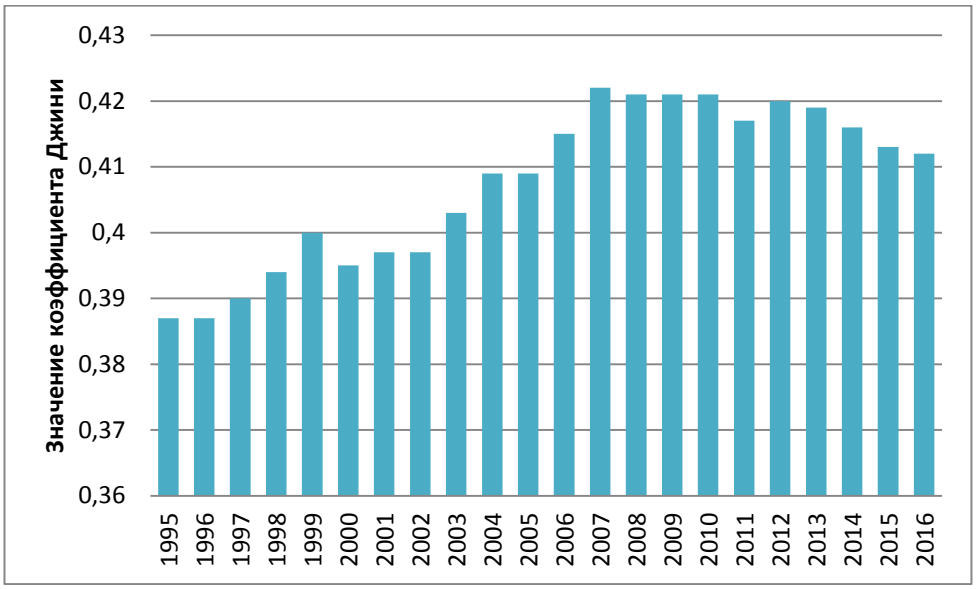


Рисунок 2. Изменение значения коэффициента Джини в России[2]

Если проследить изменение этих показателей в динамике, то видно, что дифференциация по доходам в России до 2007 года нарастала быстрыми темпами и до сегодняшнего дня остаётся на крайне высоком уровне, хотя и есть некоторое снижение в последние годы. Однако эту тенденцию можно объяснить скорее общим снижением реальных доходов населения, нежели выравниванием доходов. Вообще в экономической теории оптимальным значением коэффициента Джини считается 0,250-0,260. Такое значение характерно, например, скандинавским странам. В России этот показатель значительно выше и на сегодняшний день составляет 0,41.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Следует отметить, что в настоящее время ценность исследований, посвящённых выявлению причин увеличивающейся дифференциации доходов населения неуклонно возрастает. Так, в российском образовании не решена проблема неравенства образовательных

возможностей, а уровень учебнойнеуспешности «недопустимо высок», утверждают авторы доклада, подготовленного исследователями ВШЭ и ЦСР[3]. Согласно международному исследованию PISA 2015 года, 28% российских 15-летних школьников не освоили базовые навыки хотя бы в одной области грамотности из трех (естествознание, математика, коммуникация на родном языке).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге можно заключить, что расхожее мнение о конкурентном преимуществе России в виде квалифицированной рабочей силы и развитой системы образования окончательно утратило свою актуальность. Сегодня образование, причём среднее – это элитное благо, которое может получить не каждый в силу его дороговизны и недоступности, на равных условиях, всеми гражданами общества. А это приводит к тому, что образованных граждан становится меньше. А это в свою очередь снижение реального ВВП и нарастание социальной напряжённости. Наверное, это всё таки не тот результат, к которому стремились идеологи реформ, в том числе в системе образования.

Список использованной литературы и источников:

1.http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#(дата обращения 04.04.18).

2. *Трушин А.* По семье и школа URL: https://www.kommersant.ru/doc/3162185.

3. https://www.rbc.ru/economics/05/04/2018/5ac4d5309a794730d2f1b3b7?from=main.

УДК 005.32(075.8)

ФОРМЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Л.И. ДОРОФЕЕВА

Дорофеева Любовь Ивановна, кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга, экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: dorofeyevali@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыты источники власти в разных моделях организационного поведения, которые формируют социальное неравенство в организации. Показаны процессы превращения работника из управляемого объекта в субъекта производственного, управленческого и социального процессов в организации. Представлены механизм и формы перераспределения власти и преодоления, смягчения социального неравенства в организации. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в управлении персоналом с целью формирования важнейших установок, ориентирующих персонал на результативность организации: удовлетворённость трудом, сотрудничество, приверженность организации, вовлечённость в работу.

Ключевые слова: социальное неравенство, модели организационного поведения, власть, перераспределение власти, факторы и источники перераспределения власти, механизм и формы перераспределения власти.

FORMS OF REDISTRIBUTION OF POWER IN THE ORGANIZATION AS A WAY OF OVERCOMING SOCIAL INEQUALITY

L.I. Dorofeyeva

The article reveals the sources of power in different models of organizational behavior that form social inequality in the organization. The processes of transformation of an employee from a managed object into a subject of production, management and social processes in the organization are shown. The mechanism and forms of redistribution of power and overcoming, alleviation of social inequality in the organization are presented. Applied aspect of the investigated problem can be realized in personnel management with the purpose of forming the most important installations that orient staff to the effectiveness of the organization: satisfaction with work, cooperation, commitment of the organization, involvement in the work.

Key words: social inequality, models of organizational behavior, power, redistribution of power, factors and sources of redistribution of power, mechanism and forms of redistribution of power.

ВВЕДЕНИЕ

В любой организации, деятельность которой нуждается в управлении для достижения общих целей, существует социальное неравенство, возникающее на основе разделения труда на управленческий и исполнительский, появления управляющих и управляемых, а значит, неравного распределения власти в организации, приобретения разного социального статуса и возникновения отношений руководства и подчинения. Характер этих отношений, степень социального неравенства механизм и формы его преодоления, смягчения, уровень социальной

справедливости в отношении работников и гуманизации управления зависят от модели поведения данной организации.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В теории организационного поведения выделяют четыре базовые модели организационного поведения: авторитарная, опекающая, поддерживающая и коллегиальная[1]. В настоящее время формируется новая модель организационного поведения. *Авторитарная* модель основана на абсолютной власти менеджера, который опирается на формальные полномочия, централизованную структуру, вертикальные нисходящие и восходящие коммуникации, позволяющие отдавать приказы подчинённым и жёстко контролировать трудовой процесс. Работники являются *объектом управления*, средством достижения целей, исполнителями простых операций и функций, ориентированными на подчинение. Взаимодействие «руководитель – подчинённый» основано на неравноправии, зависимости, подчинении, дисциплине, пассивности сотрудников, которые не могут полностью реализовать свой потенциал.

Опекающая модель основана на патерналистской политике, обеспечивающей повышение степени защищённости работников социальными программами. Власть по-прежнему сосредоточена в руках руководителей, которые применяют уникальные методы стабилизации рабочей силы, а работники по-прежнему остаются *объектом управления*. Модель предполагает использование дополнительных льгот и привилегий, часто не зависящих от результата деятельности. В качестве основного мотивирующего фактора выступает потребность сотрудников в безопасности, что приводит к усилению зависимости работника от организации. Однако такая ситуация не является достаточно сильным стимулом к росту производительности труда, повышению квалификации, профессионализма и реализации творческого потенциала. Взаимодействие «руководитель – работник» представляет собой пассивное сотрудничество, неспособное обеспечить полное использование потенциала человеческих ресурсов.

Поддерживающая модель опирается не на абсолютную власть руководителя, а на лидерство, когда менеджеры создают благоприятные условия для индивидуального развития работников и использования их способностей в интересах организации. Модель предполагает, с одной стороны, подчинённость работника стратегическим целям компании, а с другой – предпринимательство и инициативу на рабочем месте, самоуправление, которое включает решение проблем, возникающих на рабочих местах и контроль своей деятельности, а часто и её результатов. Такое делегирование полномочий предполагает высокую степень зрелости сотрудников, в том числе высокий уровень ответственности. Взаимодействие «руководитель – работник» предполагает переход от формальной власти руководителя к лидерству, основанному на неформальной власти, передаче части власти подчинённым, сочетании власти и доверия. Работники ориентированы на выполнение конкретных заданий и участвуют в управлении, они превращаются в *субъекта производственного и управленческого процессов* в организации. Возрастает мотивация работников к труду посредством удовлетворения потребностей высшего уровня в развитии, статусе и признании.

Коллегиальная модель опирается на взаимное доверие, партнёрство, работу в команде, ответственность за выполнение рабочего задания, самодисциплину. Люди вовлекаются в процесс разработки и принятия решений, реализуется их творческий потенциал. Взаимодействие «руководитель – работник» предполагает установление баланса власти в организации, сотрудничество персонала и менеджмента для достижения общей цели, командную работу, высокую мотивацию на результативную работу посредством удовлетворения потребности в самореализации.

Новая модель (*развивающая*) поведения основана на знаниях, творчестве, развитии организации через развитие личности. Развитие работников осуществляется в направлении формирования ключевых компетенций организации. Модель предполагает непрерывное самообучение организации и рост её интеллектуального капитала, одним из компонентов

которого является человеческий капитал. В такой организации каждый работник занимается выявлением и решением проблем, обеспечивая организации возможность непрерывных изменений, что способствует её росту, развитию и выживанию в долгосрочном периоде. Каждый поощряется за попытку выхода за пределы существующих знаний. Взаимодействие «руководитель – работник» базируется на взаимной заинтересованности в развитии друг друга, наделении властью сотрудников для принятия самостоятельных решений и эффективного выполнения задач, открытости информации для них, эгалитарной организационной культуре, как факторах успешности и работников, и организации[2]. Работник становится *субъектом производственного, управленческого и социального процессов* в организации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Наилучшими моделями организационного поведения с точки зрения преодоления, смягчения социального неравенства в управлении организацией являются *поддерживающая, коллегиальная и развивающая*. В этих моделях работник не отчуждён от производственного и управленческого процессов, он не только профессионально компетентен, но и инициативен. Он хорошо ориентируется как на своём рабочем месте, так и в работе команды, организации в целом, что позволяет ему стать активным участником хозяйственной деятельности организации. В таких моделях работники обладают большой властью над руководителем, который зачастую должен управлять высококвалифицированными сотрудниками в условиях неполноты информации относительно содержания, характера, методов, сроков, усилий выполнения работ. Поэтому работники сами определяют время, средства выполнения работ, а также вознаграждение за достигнутый результат. Данная ситуация может привести к потере контроля за подчинёнными и потере власти руководителем. В связи с этим необходимо наделение властью работников, что предполагает перераспределение власти между ними и руководителями. Любой специалист, компетентный в своей области, обладает экспертной властью, деятельность его трудно контролировать, поэтому он может осуществить перераспределение власти в свою пользу. Таким образом, перераспределение власти может быть как добровольным, так и вынужденным. Перераспределение власти возможно в каждой из известных форм власти. Но в наибольшей мере перераспределение власти осуществляется в личностных и партнёрских формах власти: эталонной, экспертной, власти, основанной на убеждении и власти, основанной на участии в процессах принятия решений. Это изменяет отношения между работниками и администрацией, а также между самими работниками. Данные изменения проявляются в сотрудничестве между указанными партнёрами и вовлечённости работников в дела организации на основе консолидации интересов и взаимного контроля деятельности партнёров.

Факторами перераспределения власти в организации являются:

- отсутствие у руководителей необходимой информации для разработки, принятия, реализации и контроля управленческих решений;
- профессиональная компетентность работников, обладание ценной информацией, которые становятся ресурсом их власти и необходимы для эффективного решения рабочих задач, в том числе возникающих в новых производственных и управленческих ситуациях;
- возрастающая потребность в формировании благоприятного климата в коллективе, основанного на доверии, сотрудничестве и взаимопонимании в достижении общих целей менеджмента и персонала;
- необходимость формирования взаимного доверия работников и руководителей друг к другу;
- усиление значимости неформальных отношений и неформального лидерства в организации, которые создают дополнительные ресурсы власти, как на стороне руководителей, так и на стороне работников. Это связано с тем, что передача власти работникам не только не уменьшает власть руководителя, но и увеличивает её. Руководитель делегирует подчинённым полномочия и обязанность решать текущие задачи и проблемы,

сосредоточивая своё внимание на решении сложных стратегических задач и проектов. Это повышает возможности адаптации и выживания организации в постоянно меняющейся среде.

Источниками формирования и укрепления доверия как фактора перераспределения власти в организации являются[3]:

- налаживание информационного взаимодействия руководителя и подчинённых, ведущее к перераспределению власти между ними и укреплению социального доверия;

- преодоление жёсткого закрепления управленческих функций лишь за управленческими работниками, предоставление возможности неуправленческим работникам участвовать в разработке и принятии решений, превращение последних из управляемого объекта в субъекта производственного, управленческого и социального процессов, что в наибольшей мере позволяет установить баланс власти между руководителем и подчинёнными;

расширение возможностей реализации человеческого капитала работников, их самореализация, повышение социального и профессионального статуса, в том числе посредством непрерывного развития, управления карьерой;

- достойный имидж и организационная культура доверия, которые создают дополнительные ресурсы власти. Ценностями такой культуры являются: эгалитаризм и уважение личности; высокая производительность труда; командное творчество; новаторство на каждом рабочем месте; ответственность; взаимное доверие; саморазвитие.

Механизмом перераспределения и сочетания власти и доверия в организации, который реализует все источники перераспределения власти, являются партнёрские отношения между менеджментом и персоналом организации, которые формируют и поддерживают внутри организации эффективные отношения совместной работы, доверия, взаимопонимания, сотрудничества всего коллектива. Это обеспечивает решение проблем формирования эффективных коммуникаций, роста производительности труда, удовлетворённости персонала, конкурентоспособности и развития организации для выживания в долгосрочной перспективе. Партнёрские отношения позволяют достичь социального компромисса между трудом и капиталом, сбалансировать интересы менеджмента и персонала посредством разделения между ними хозяйственной власти и преодолеть (смягчить) отчужденность работников от управленческого и производственного процессов и их результата. Это способствует превращению работников в субъектов власти и собственности в организации, формированию внутри предприятия доверительных отношений, возникновению синергетических эффектов от сотрудничества и консолидации коллектива и менеджмента. В результате перераспределения власти работники получают право на участие в управлении производством, распределении его результатов, на повышение качества трудовой жизни и самореализацию, а руководители – высокую мотивацию и активность персонала в решении возникающих проблем. Партнёрство, как механизм перераспределения власти проявляется в таких формах, как Коллективный договор, определяющий интересы, права, гарантии и обязанности работников, работодателя и собственника; участие работников в управлении предприятием; участие работников в собственности и прибылях предприятия; примирительные процедуры при разрешении коллективных трудовых конфликтов; программа развития человеческих ресурсов. Однако представляется, что основной среди них является тройственная система участия работников: в управлении, прибылях и в собственности предприятия. Причём, в самой системе участия, основной формой партнёрства на основе перераспределения власти является участие работников в процессах разработки и принятия управленческих решений, равно как и контроля за их реализацией. Эта форма обеспечивает информационное взаимодействие менеджмента с персоналом и создаёт базу для их сотрудничества. Содержанием сотрудничества является реализация работниками определённых функций управления, в том числе функции контроля. Такое вовлечение работников в управленческий процесс решает проблему обмена только достоверной информацией и укрепляет доверительные отношения между менеджментом и персоналом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, социальное неравенство в организации заключено в неравном распределении власти, разном социальном статусе управляющих и управляемых и существующих отношениях руководства и подчинения, что снижает конкурентоспособность организации и её возможность выживать в долгосрочной перспективе. В связи с этим современный менеджмент всё чаще обращается к таким характеристикам организации, как социальная справедливость в отношении работников, социальная ответственность организации, этика управления, гуманизация управления. Гуманизация управления изменяет социальный статус работника в организации, превращает его из управляемого объекта в субъекта производственного, управленческого и социального процессов в организации; обеспечивает участие персонала в принятии решений; интеллектуализацию труда; самореализацию; благоприятный климат в коллективе.

Развитие российских организаций должно учитывать общемировые тенденции в области управления персоналом, которые предполагают отказ от сосредоточения власти на стороне менеджеров, что проявляется в жёстких централизованных структурах и автократическом стиле управления. Такая модель организации не обеспечивает необходимую мотивацию к труду, реализацию творческого потенциала персонала, не позволяет сформировать партнёрские отношения в коллективе, что не позволяет эффективно решать проблему выживания в долгосрочной перспективе.

Список использованной литературы и источников:

1. *Ньюстром Дж. В., Дэвис К.* Организационное поведение. СПб.: Питер, 2000. 447 с.

2. *Дорофеева Л.И.* Изменение взаимодействия «организация – личность» в новой модели организационного поведения //Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т.13. № 4-1. С. 543 – 549.

3. *Дорофеева Л.И., Ермолова О.В.* Доверие как фактор конкурентоспособности предприятия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. Т.12. № 4. С. 3 – 8.

УДК 330

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

М.А. НОВОСЕЛОВА, Ю.А. ЗАВРАЖНОВ, А.А. ФИРСОВА

Новоселова Мария Александровна, аспирант кафедры экономической теории и национальной экономики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: mariya_nov@mail.ru

Завражнов Юрий Александрович, аспирант кафедры дискретной математики и информационных технологий СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: zavrazhnov_yura@mail.ru

Фирсова Анна Александровна, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой банковского дела на базе ПАО «Сбербанк РФ» СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: a.firsova@rambler.ru

Аннотация. Одной из самых сложных проблем в развитии инноваций в России является финансирования инновационной деятельности и обеспечение роста инновационной активности. Представлены результаты анализа результативности финансирования инновационных предприятий на региональном уровне по 81 субъекту Российской Федерации за 2016 год. Проведена дифференциация уровня финансирования инновационного развития

российских регионов по абсолютным и относительным показателям инновационных предприятий, определены регионы лидеры по показателям эффективности деятельности и результативности финансирования внутренних затрат на исследования и разработки инновационных предприятий. Результаты исследования свидетельствуют об очень высоком уровне дифференциации показателей финансирования инновационных предприятий регионов России.

Ключевые слова: финансирование инновационной деятельности, инновационные предприятия, региональная экономика.

DIFFERENTIATION OF THE RUSSIAN REGIONS BY FINANCING INDICATORS OF INNOVATIVE ENTERPRISES

M.A. Novoselova, Yu.A. Zavrazhnov, A.A. Firsova

Abstract. It is one of the most difficult problems in the development of innovation in Russia is the financing of innovation and the growth of innovative activity. The results of the analysis of the effectiveness of financing innovative enterprises at the regional level for 81 subjects of the Russian Federation for 2016 are presented. Differentiation of the level of financing of innovative development of Russian regions in terms of absolute and relative indicators of innovative enterprises has been carried out, and the regions have identified the leaders in terms of performance indicators and the effectiveness of financing the internal costs of research and development of innovative enterprises. The results of the research testify to a very high level of differentiation of indicators of financing of innovative enterprises in the regions of Russia.

Key words: innovation financing, innovative enterprises, regional economy

ВВЕДЕНИЕ

Важными условиями изменения структуры российской экономики для роста инновационной составляющей является развитие эффективной национальной инновационной системы для поддержки промышленной и научной среды разработки, производства и использования инноваций.

Оной из самых сложных проблем в этом направлении является содействие развитию финансирования инновационной деятельности и обеспечение роста инновационной активности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

За последние 20 лет в России было предпринято много мер по развитию источников финансирования, увеличены объемы государственной поддержки, созданы механизмы институтов развития, расширены косвенные меры налогового, юридического и законодательного регулирования инновационной деятельности.

Но, тем не менее, в целом национальную инновационную систему нельзя считать эффективной без соблюдения важнейшего принципа организации финансирования научной сферы - принципа множественности источников финансирования, а также действенных механизмов аккумуляции частных источников для финансирования инноваций[1].

Уровень инновационного развития различается по регионам России в зависимости от уровня развития производительных сил, природно-географических условий, исторического и социально-экономического развития. Макропроблемы финансирования инноваций отражаются и в региональной специфике финансирования инновационных предприятий.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа специфики и эффективности финансирования инновационных предприятий на региональном уровне в настоящем исследовании был проведен анализ

показателей, характеризующих динамику инновационной деятельности 81 субъекта Российской Федерации за 2016 год (за исключением г. Москвы, Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа, вследствие несопоставимо поляризованных показателей этих регионов).

Для характеристики процессов финансирования инновационных предприятий по данным Росстата с использованием методов сравнительного исследования были проанализированы следующие показатели по регионам, количественно характеризующие процессы финансирования инновационной деятельности[2].

- количество организаций, выполнявших научные исследования и разработки, ед.
- объем инновационных товаров, работ и услуг (ОИТ), млн. руб.;
- объем внутренних затрат на научные исследования и разработки (ВЗИР), млн. руб.

Относительные показатели эффективности использования объемов финансирования инновационных предприятий можно определить в виде показателя эффективности и окупаемости внутренних затрат на научные исследования и разработки по отношению к объему инновационных товаров, работ и услуг, а также в виде объема инновационных товаров, работ и услуг, производимых одним инновационным предприятием.

Дифференциация выбранных для анализа российских регионов по абсолютным и относительным показателям инновационных предприятий представлена на рисунках 1 и 2. Регионы ранжированы в порядке убывания значений рассматриваемых показателей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Самое большое количество инновационных предприятий расположено в порядке увеличения в Красноярском крае, Республике Башкортостан, Ростовской области, Нижегородской области, Краснодарском крае, Республике Татарстан, Свердловской области, Новосибирской области, Московской области и г. Санкт-Петербурге.

По объему инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме произведенных товаров, работ и услуг (ОИТ) лидируют Республика Татарстан, Московская область, г. Санкт-Петербург, Нижегородская область, Самарская область, Пермский край Тюменская область, Свердловская область, Ростовская область, Республика Башкортостан.

Эффективность деятельности инновационных предприятий в сравнительном региональном контексте можно охарактеризовать объемом инновационных товаров, работ и услуг, производимых одним инновационным предприятием (рис. 1). Среднерегиональное значение отношения объема инновационных товаров к внутренним затратам на исследования разработки по 81 региону России составляет 591 млн. руб. Наиболее эффективны в этом аспекте инновационные предприятия Костромской области (показатель превышает среднерегиональные значения в 3,7 раза), Ивановской, Московской, Белгородской, Липецкой, Владимирской, Воронежской, Курской, Брянской и Калужской областей.

Одним из основных показателей, характеризующих финансирование инновационной деятельности, является объем внутренних затрат на научные исследования и разработки. По объему внутренних затрат на исследования и разработки регионами-лидерами являются г. Санкт-Петербург, Московская область, Нижегородская область, Свердловская область, Новосибирская область, Челябинская область, Красноярский край, Тюменская область, Пермский край, Ростовская область.

Анализ окупаемости затрат и результативности использования полученного финансирования показал, что среднерегиональное значение отношения объема инновационных товаров к внутренним затратам на исследования разработки по 81 региону России составляет 5,62%, что является достаточно низким показателем для инновационной сферы. По результативности финансирования сравнительно большую эффективность генерируют инновационные предприятия, расположенные в следующих регионах: Хабаровский край (лидер среди регионов РФ, значение показателя 10,7 %, что в 1,9 раза выше среднерегиональных значений), Камчатский край, Республика Саха, Нижегородская область, Оренбургская область, Саратовская область, Республика Мордовия, Костромская область,

Республика Марий Эл, Алтайский край. На последнем месте по результативности Краснодарский край, входящий в первую треть регионов-лидеров по объему инновационных товаров, количеству инновационных предприятий и сумме затрат на исследования и разработки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования свидетельствуют об очень высоком уровне дифференциации показателей финансирования инноваций регионов России.

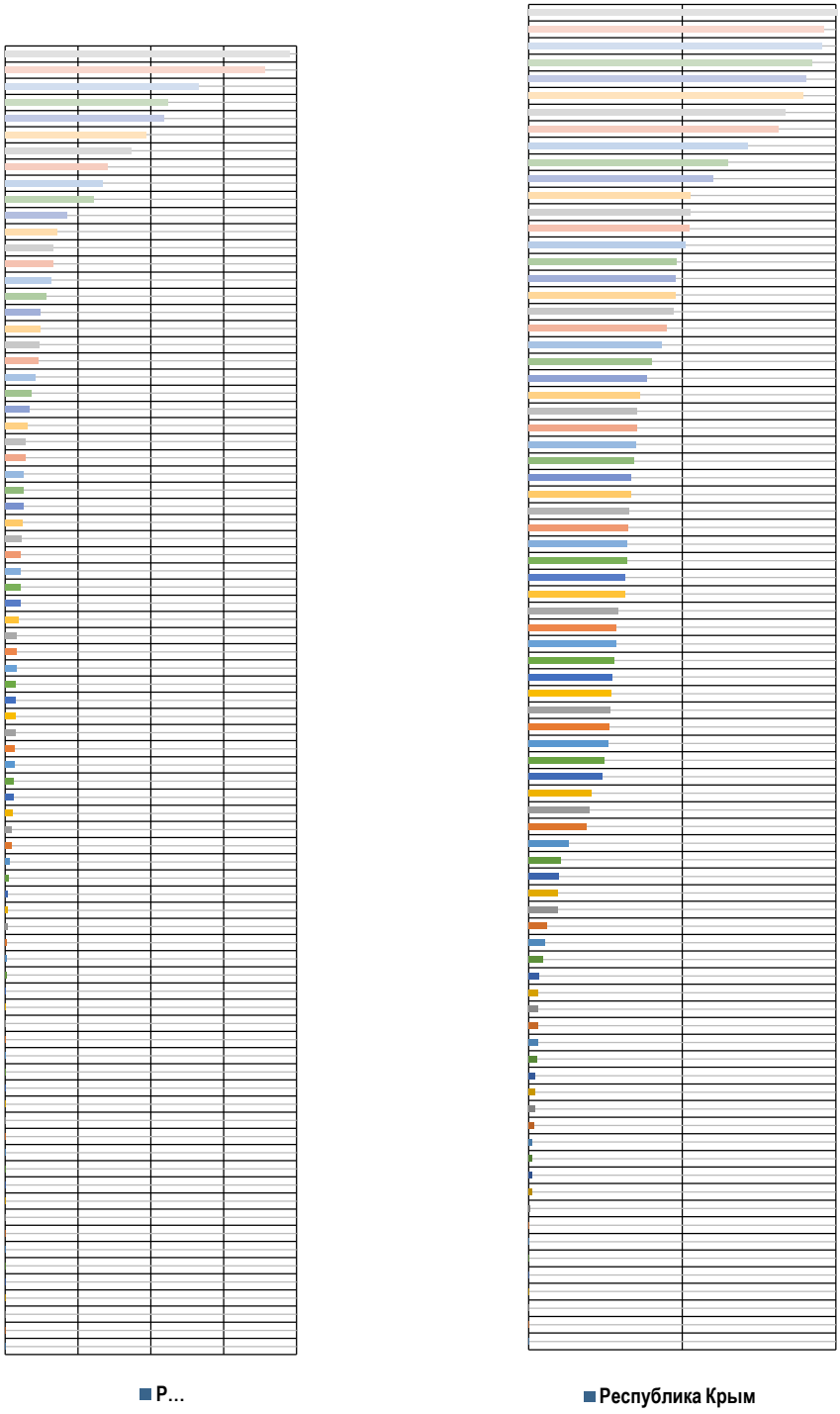
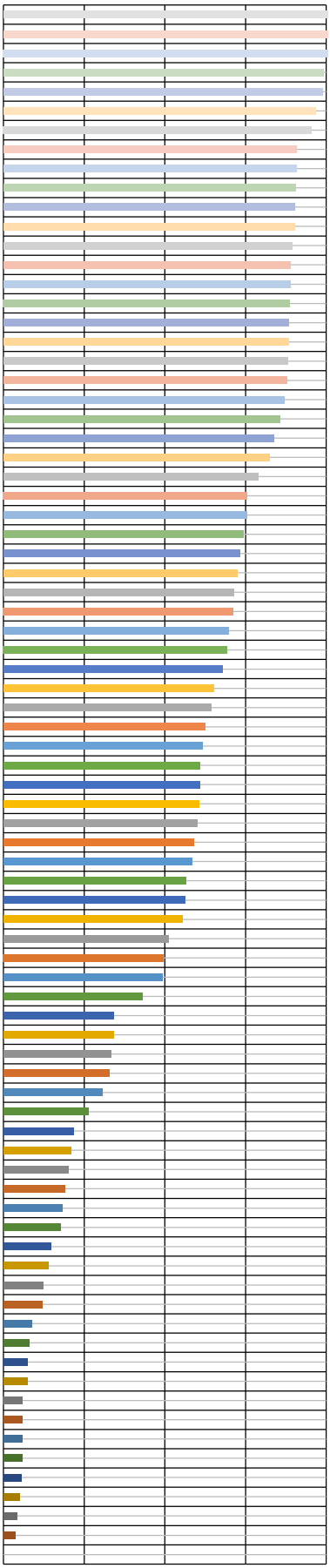


Рис. 1. Эффективность деятельности инновационных предприятий

Еврейская АО



Еврейская АО

Рис. 2. Результативность финансирования инновационных предприятий

Инновационные предприятия первой десятки регионов по объему внутренних затрат на исследования и разработки не демонстрирует их эффективное освоение и использование, что обуславливает усиление мер государственного регулирования для повышения эффективности инновационной деятельности. Как следует из проведенного сравнительного анализа по исследуемым показателям наиболее эффективными являются инновационные предприятия регионов Татарстан, Костромская область, г. Санкт-Петербург Хабаровский край.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Многомерный анализ и моделирование источников и структуры финансирования инновационных предприятий по регионам России» № 17-32-00050

Список использованной литературы и источников:

1. *Аукина А.И., Бабий В.С., Бессонова Н.Ю.* и др. Модернизация финансово-кредитных отношений: проблемы и перспективы. - Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ, 2012. 268 с.

2. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#

УДК 336.7

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

И.Э. ЖАДАН

Жадан Инга Эдуардовна, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: inga645@bk.ru

Аннотация. Изложены исследования причин глобального финансового кризиса, всех негативных тенденций, имевших место в мировой экономике, а также влияние кризиса на финансовое поведение стран. Показано, что финансовый кризис выявил необходимость осуществления совместных скоординированных действий со стороны правительств развитых и развивающихся стран по его преодолению и реформированию международных финансовых институтов. Результаты работы включает рассмотреть меры по преодолению кризиса и формированию устойчивой финансово-экономической системы в России. В статье дается вывод, мировой финансовый кризис – порождение целого ряда причин разной степени сложности и для успешного выхода из него на мировом уровне необходимы комплексные меры воздействия на мировую экономическую систему.

Ключевые слова: финансовое поведение, мировой финансовый кризис, банкротство, безработица, национализация, субсидирование, протекционизм.

FINANCIAL BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL FINANCIAL CRISIS

I.E. Zhadan

Abstract. The article subject of the study is to identify the causes of the global financial crisis, all the negative trends that have occurred in the global economy, as well as the impact of the crisis on the financial behavior of countries. The aim of the study is to prove that the financial crisis has revealed the need for concerted and coordinated action by governments of developed and developing countries to overcome it and reform international financial institutions. The results of the work include considering measures to overcome the crisis and the formation of a stable financial and economic system in Russia. The article concludes that the global financial crisis-the generation of a number of reasons of varying degrees of complexity and for a successful exit from it at the world level requires comprehensive measures of impact on the world economic system.

Key words: financial behavior, world financial crisis, bankruptcy, unemployment, nationalization, subsidization, protectionism.

Финансовый кризис, начавшийся в 2008 г. и пролонгированный до настоящего времени захватил весь мир, стал по-настоящему глобальным. Современный финансовый кризис отличается как глубиной, так и размахом – он, пожалуй, впервые после Великой депрессии охватил весь мир. Финансовый кризис, глобальный экономический спад, снижение мирового товарооборота и бурное ралли на фондовых и товарно-сырьевых рынках - вот чем запомнятся последние 2,5 года. Запомнятся они и беспрецедентными за всю мировую историю убытками финансовой индустрии, а также гигантскими суммами, которые потратили правительства развитых стран на спасение своих экономик.

Кризис обнаружил реальность значительных изменений в глобальной экономике. Во-первых, он более четко высветил уже произошедшие и, вероятно, еще предстоящие

глобальные структурные сдвиги в мировом производстве и спросе, появление новых стран-лидеров (в частности Китая), которые стали претендовать на новую роль, в частности на участие в формировании институтов мировой экономической системы. Во-вторых, он выявил сильную взаимосвязь стран, наличие глобальных каналов передачи возмущений. Настолько отчетливо глобальная связь, мировая финансовая и экономическая "хрупкость" не проявлялись ни в одном кризисе.

Финансовый кризис фактически перерос в социальный, вызвав почти повсеместно увеличение безработицы, снижение реальных доходов у значительной части населения, радикальное сокращение объемов жилищного строительства, ухудшение здоровья населения, подвергшегося стрессу и депрессии. По оценкам МОТ, в 2014 году уровень безработицы в мире достиг 201 млн. человек, т.е. более чем на 30 млн. больше, чем до наступления мирового кризиса в 2008 году. Общемировой уровень безработицы в 2014 году составил 5,9 процента, что значительно выше докризисного уровня 2007 года - 5,5 процента. Сложной задачей является трудоустройство еще свыше 40 млн. лиц, ежегодно вступающих на глобальный рынок труда. В дополнение к широко распространенной безработице само трудовое правоотношение переживает серьезную трансформацию, что создает новые проблемы. Менее 45% наемных работников заняты на условиях полного рабочего дня на постоянной основе[1].

Кризис оказался крайне острым и болезненным для банковской системы, инвестиционных компаний. Он вызвал небывалый обвал фондовых рынков, совершенно необычное (почти трехкратное) снижение цен на нефть, огромное (на треть) снижение цен на металлы и на многие другие виды сырья. И, как ни странно, при этом он вызвал увеличение инфляции в развитых странах и значительное ускорение инфляции в развивающихся странах[2].

Рыночная капитализация американского фондового рынка сократилась вдвое .Ведущие инвестиционные компании и банки заявили о многомиллиардных убытках. На грани банкротства оказались монстры финансового рынка. Рухнул "Lehman Brothers", гигантский банк с полуторавековой историей. В результате массовых дефолтов по ипотечным кредитам в США и, отчасти, в Европе, вся эта масса активов потеряла значительную часть оценки. Грандиозные убытки отразились на балансах крупнейших банков по всему миру. Начался ускоренный отток инвестиционного капитала с финансовых рынков. За несколько месяцев был практически парализован глобальный кредитный рынок. За счет фактического обрушения столпов мировой банковской системы самым ценным товаром стали наличные деньги[3].

Российские политики и экономисты предсказывали спад российской экономики на 7% по итогам 2015 года, инфляцию более 17%, падение инвестиций на 19%. Первый вице-премьер Игорь Шувалов заявил, что Россия так и не вышла из кризиса 2008-2009 годов, а политические причины усугубили имеющийся структурный кризис в российской экономике.

В ходе борьбы с кризисом страны вырабатывают общие и особенные методы финансового поведения, которые дополняются наднациональными методами регулирования. Можно сгруппировать основные антикризисные регуляторы финансового поведения и рассмотреть их влияние на изменение в обществе.

а) Последовательное снижение ставок рефинансирования (ключевых ставок) в развитых странах. Европейский центральный банк снизил ключевую ставку с 4,25% до 1%; ФРС США – с 5,25% до 0-0,25%; Банк Англии – с 5,75% до 0,5%. Банк Японии в 2001-2006 гг. проводил политику нулевых процентных ставок, в период усиления инфляции повышал их, а в период кризиса снизил: с 0,5 до 0,3%, затем до 0,1%.

б) Национализация. Первом шагом на пути к национализации активов стал выкуп государством части «токсичных» активов организаций – потенциальных банкротов, в основном ипотечных агентств и банков. Позднее некоторые структуры были подвергнуты полной национализацию. В США сначала были объявлены банкротами, а потом национализированы ипотечные агентства Fannie Mai и Freddie Mac, страховая группа AIG. В Аргентине национализированы все частные пенсионные фонды.

В Ирландии еще в конце сентября 2008 г. были введены гарантии по вкладам во всех частных банках, без ограничений. Позднее в Ирландии был национализирован третий по величине финансовый институт страны – коммерческий банк Anglo Irish Bank. В Исландии, где кризис оказался наиболее тяжелым и привел к отставке правительства, национализированы три крупнейших банка (Glitnir, Landsbanki Islands и Kaupthing Bank). В Великобритании была проведена частичная национализация трех крупных коммерческих банков: Royal Bank of Scotland, HBOS и Lloyds TSB. Государство осуществило финансовые вливания в эти банки в размере 64 млрд. долл. США. В Германии использовали обширный пакет мер по стабилизации, вплоть до гарантий по межбанковским кредитам. Однако позднее перешли к прямому финансированию и национализации: сначала был приобретен блокирующий пакет акций Commerzbank, а позднее был объявлен выкуп у акционеров государством акций банка Hypo Real Estate, по достаточно выгодной цене. В Латвии государство приобрело контрольный пакет второго по капиталу банка страны Parex Banka.

Другие страны (Франция, Нидерланды, Испания, Италия, Португалия и Австрия) не шли на национализацию, посчитав ее опасной, а помощь банковскому сектору была представлена в форме банковских гарантий и кредитов для рекапитализации.

в) Государственные кредиты. Эта мера использовалась в большинстве стран, наряду с правительственной помощью. Так, в Ирландии в рамках рекапитализации банковской системы кредитным учреждениям были предоставлены заимствования в размере 7,7 млрд. долл. США.

г) Субсидирование наиболее важных отраслей. Как свидетельствует история, наиболее уязвимой перед кризисом оказалась автомобильная отрасль. Именно она претерпела наибольший спад. И именно в ней можно наблюдать значительный передел рынка и собственности, в том числе в международном масштабе. Эта отрасль оказалась под пристальным вниманием правительств развитых стран.

В Германии с целью поддержки отечественного производителя правительство объявило о выдаче компенсации в размере 2500 евро каждому гражданину, сдающему в утиль старый автомобиль и приобретающему новый.

д) Возврат к протекционизму в международных экономических отношениях. Для борьбы с кризисом страны пытаются использовать теорию «третьих лиц», смысл которой заключается в предотвращении импорта кризиса из других государств и стимулировании его экспорта. Для этого вводятся разнообразные ограничения на движение товаров, капиталов и рабочей силы. Всемирный банк в своем исследовании обнаружил 47 различных способов протекционизма, проявивших себя в период кризиса. Сюда относится и описанное выше субсидирование значимых отраслей хозяйства.

В борьбе с кризисом используются и национальные технологии:

- Великобритания - уменьшение НДС на 2,5% (до 15%)

- Общественные работы получили распространение во многих странах, в том числе в США, Великобритании, Германии, Чили, Бразилии, Аргентине.

- Китай: создание фонда помощи малому и среднему бизнесу; государственная поддержка базовых отраслей экономики; инвестиции в инфраструктуру (дороги, транспортные пути, электро- и водоснабжение, жилищное строительство для неимущих, социальную сферу, развитие сельской местности и др.) в размере 586 млрд. долл. США; покупка иностранных активов, прямые зарубежные инвестиции в высокотехнологичные отрасли.

- Венгрия: первоочередной задачей является сокращение текущего дефицита бюджета. Это требование МВФ необходимо выполнить для получения антикризисного кредита.

- Латвия с целью получения кредита МВФ предпринимает жесткие фискальные меры: повышение НДС с 18 до 21%, урезание расходов бюджета на 15%.

К борьбе с кризисом подключаются международные организации. МВФ в разгар кризиса выделяет кредиты в размере 50 млрд. долл. США Исландии, Украине, Латвии, Венгрии и другим странам. Указанная группа стран также получает кредиты Всемирного банка. О взносах помощи в МВФ для борьбы с кризисом из собственных международных

резервов заявляют Япония и ЕС (по 100 млрд. долл. США), Китай (40 млрд. долл. США). Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания предоставляют межгосударственный кредит Исландии в размере 2,5 млрд. долл. США. Страны Евросоюза договорились о создании крупнейшего в мировой истории стабилизационного фонда, размер которого составит 750 миллиардов евро. Предполагается, что фонд должен поддержать европейские страны, которые не в состоянии самостоятельно справиться с ростом государственного долга. Фонд будет предназначаться для быстрой активации денежных средств с целью стабилизации финансовых систем стран-участников Евросоюза. Эти меры необходимы, чтобы не допустить дальнейшего падения общеевропейской валюты.

Глубина кризиса такова, что для антикризисных программ, чтобы смягчить последствия этого кризиса, потребовались беспрецедентные средства – суммарно триллионы долларов. В США, в европейских странах, в России для борьбы с кризисом мобилизованы общие средства, составляющие 10-15% объема валового внутреннего продукта. Таких масштабных антикризисных программ по всему миру история еще не знала.

Таким образом, мировой финансовый кризис выявил необходимость осуществления совместных скоординированных действий со стороны правительств развитых и развивающихся стран по его преодолению и реформированию международных финансовых институтов[4].

Список использованной литературы и источников:

1. Перспективы занятости и социальной защиты в мире. Меняющийся характер занятости. МОТ, 2015.

2. *Аганбелян А.Г.* “Об особенностях мирового финансового кризиса и его последствий для России” // Деньги и кредит. – 2008. - №12. – с. 3-9.

3. *Коновалов В.Л.* “Глобальный экономический кризис: причины и возможные пути преодоления” // Финансы и кредит. – 2009. - №34. – с. 58-64.

4. *Шаститко А.* “Мировой финансовый кризис – возможности для ремонта институтов” // Вопросы экономики. – 2008. - №12. – с. 133-138.

УДК 308

НЕРАВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ КРЕДИТОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

А.Е. КОЛОБОВА

Колобова Анна Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

E-mail: kolobova_anna1@mail.ru

Аннотация: Изложены некоторые аспекты неравенства кредитования населения пенсионного возраста, проявляющегося в условиях современного российского общества. Показано, что имеет место специфика старшевозрастных заемщиков-клиентов кредитных организаций. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного с применением контент-анализа. Установлены основные черты кредитования населения пенсионного возраста в нашей стране. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в практике кредитования населения пенсионного возраста в России.

Ключевые слова: пенсионер; кредит; неравенство; кредитный продукт; пожилой клиент.

INEQUALITY IN THE CONTEXT OF CREDITING OF PENSION POPULATION

A.E. Kolobova

Abstract. Some aspects of the disparity of lending to the population of the retirement age, which is manifested in the conditions of modern Russian society, are described. It is shown that there is a specificity of over age borrowers-clients of credit organizations. The results of an empirical study carried out using content analysis are presented. The main features of lending to the population of the retirement age in our country have been established. Applied aspect of the investigated problem can be realized in the practice of lending to the population of retirement age in Russia.

Key words: pensioner; credit; inequality; credit product; an elderly customer.

В современном социуме неравенство сохраняется, в том числе в отношении пожилых людей. Так кредитные организации в нашей стране предъявляют иные требования к представителям этой группы клиентов и эти требования в большинстве своем более жесткие (по сравнению с другими клиентскими группами), что позволяет констатировать наличие проблемы неравенства.

На рисунке 1 представлены данные по динамике кредитов, выданным населению пенсионного возраста, российскими банками.

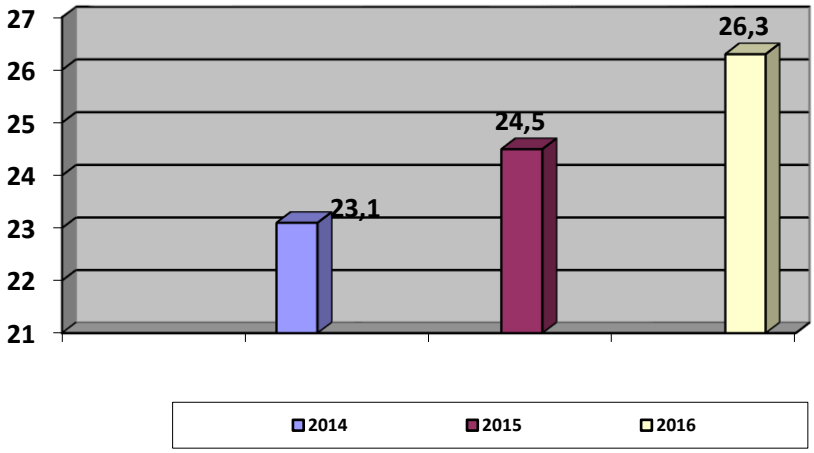


Рисунок 1 – Динамика доли кредитов, предоставленных населению пенсионного возраста, отечественными банками, %[1]

Как представлено, на рисунке 1, имеет место положительная динамика доли кредитов, выданных старшевозрастным клиентам.

На рисунке 2 представлена динамика доли заемщиков старше 60 лет в течение 2016-2017 гг.

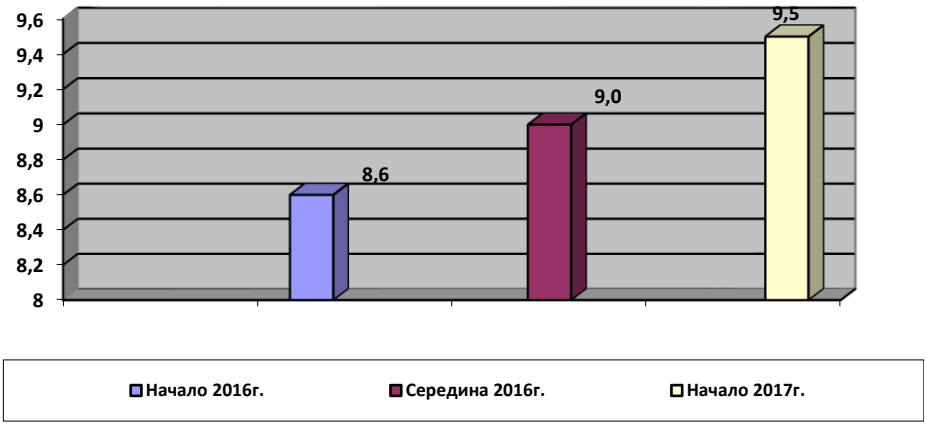


Рисунок 2 - Динамика доли заемщиков старше 60 лет в России, %[2].

Как представлено на рисунке 2, в течение года с небольшим существенно растет доля заемщиков старше 60 лет.

Данные рисунков 1 и 2, с одной стороны, можно трактовать в позитивном ключе - как рост внимания отечественных банков к данной группе населения, объективности в оценки потенциала этой группы и в целом – как сглаживание неравенства в отношении старшевозрастных заемщиков. Однако важно учитывать и то, в условиях финансово-экономического кризиса российские банки стали более тщательно «фильтровать» заемщиков (с учетом кредитной истории) и потому пожилые клиенты как более дисциплинированные (что будет подтверждено в дальнейшем нашем анализе) получают чаще положительный ответ на получение кредита. Другими словами, проблема неравенства скорее вынужденно (со стороны банков) нивелируется, чем сознательно решается.

Представляется важным рассмотреть в динамике структуру групп «пожилые заемщики» в контексте кредитования (см. таб. 3).

Таблица 3

Динамика долей кредитов по возрастным подгруппам в группе «пожилые заемщики» (Россия)[2]

Возрастная подгруппа	На начало 2016г. доля, %	На начало 2017г. доля, %	Изменение, %
50-59 лет	17,9	17,7	-0,2
60-65 лет	5,2	5,5	0,3
Старше 65 лет	3,4	4,0	0,6

Как представлено в таблице 3, наибольшую долю среди пожилых заемщиков имеют наиболее «молодые» пенсионеры, а наименьшую – пенсионеры старше 65 лет. По нашему предположению, чем старше потенциальный заемщик-пенсионер, тем чаще ему отказывают в выдаче кредита, что и отражается в статистике и подтверждает проявление неравенства. Позиция российских банков достаточно объяснима и, предположительно, это связано с двумя основными причинами:

- в предпенсионном и раннем пенсионном возрасте заемщики продолжают работать (имеется дополнительный (помимо пенсии) доход), а значит – для них сохраняются более лояльные условия кредитования;

- в предпенсионном и раннем пенсионном возрасте продолжается достаточно активная жизнедеятельность, включающая широкий спектр потребностей, что и предопределяет кредитную активность.

Рассмотрим характерные черты потребительского кредитования, присущие подгруппе «старше 65 лет» группы «пожилые клиенты», в современных условиях (см. таб. 4).

Таблица 4

Характеристики потребительского кредитования для клиентов старше 65 лет (2016- 2017гг.)[3]

Средний размер потребительского кредита, 2016г., тыс. руб.	Средний размер потребительского кредита, 2017г., тыс. руб.	Изменение, тыс. руб.	Темпы роста, %
60,8	67,8	7	111,4

Данные таблицы 4 позволяют сделать вывод о том, что средний размер потребительского кредита, характерный для группы пожилых заемщиков, невелик. Предполагаем, что это опять же проявление неравенства (кредитные организации склонны уменьшать суммы кредитов, выдаеваемых старшевозрастным клиентам). Положительная

динамика изменения среднего размера потребительского кредита в группе «пенсионеры» имеет место, но она крайне несущественна.

В целом анализ отечественных практик кредитования пожилых заемщиков показал, что данной группе клиентов кредитных организаций присущи следующие черты:

- небольшие суммы кредита;
- небольшие сроки кредитования;
- низкий уровень просроченности по кредиту.

В нашем понимании учет этих черт позволит российским банкам не только уйти от дискриминационных практик в отношении старшевозрастных заемщиков, но и с помощью их более грамотного обслуживания существенно повысить свои доходы.

Наш анализ практик кредитования пенсионеров в России позволяет утверждать, что сегодня банки существенно различаются как в своих требованиях к заемщикам (в частности, в содержании возрастного ценза), так и в условиях кредитования данной группы клиентов (начиная от суммы кредита и заканчивая его стоимостью). По нашему мнению, здесь существенную роль играет фактор государственной поддержки банка. Если она имеется, то банк предлагает более лояльную кредитную программу для пожилых клиентов, являющихся в силу возраста группой «рискованных клиентов». Так кредитные программы Сбербанка России можно считать наиболее лояльными для старшевозрастных заемщиков.

Особо следует подчеркнуть, что Сбербанк России является практически единственным отечественным банком, дающим клиентам пенсионного возраста (причем до 75 (!) лет) кредит на развитие бизнеса (для подгруппы «пенсионеры, имеющие подсобное хозяйство»).

Вообще Сбербанк России стал одним из первых банков в нашей стране, обратившим внимание на пенсионеров как потенциальных заемщиков. Сегодня этот банк в работе с потенциальными заемщиками пенсионного возраста учитывает ряд факторов (возраст, платежеспособность, наличие поручителей и пр.). В целом при анализе заемщиков пенсионного возраста Сбербанк РФ использует традиционные (для всех групп клиентов) факторы, что говорит об объективности отношения к данной группе, а значит – отсутствии дисуриминационных практик. В то же время, по нашему мнению, следует отметить, что данный банк имеет ряд существенных недостатков в кредитовании клиентов пенсионного возраста: например, не всегда учитывается наличие и размер других источников дохода (например, работающий пенсионер имеет, по крайней мере, два источника дохода; в России значительная часть пожилых людей продолжают работать после выхода на пенсию)) при принятии решения о выдаче банковского кредита, а также в отношении условий и суммы кредита. Кроме того, мы установили, что в Сбербанке РФ после наступления 65 лет заемщик имеет получить кредит на крайне жестких условиях (например, обязательным условием выступает наличие залога), а также для него становятся недоступными большинство кредитных продуктов[4].

Отметим, что Сбербанк России – один из немногих российских банков, предоставляющих ипотечный кредит для клиентов пенсионного возраста. В настоящее время Сбербанк РФ разработал и применяет целый ряд специальных кредитных продуктов для населения пенсионного возраста. Они принципиально отличаются от кредитных продуктов для других групп клиентов по ряду параметров и достаточно адаптированы под потребности и возможности российских пенсионеров. Более того, Сбербанк РФ в настоящее время предлагает для клиентов пенсионного возраста более льготные условия кредитования (по сравнению с остальными группами клиентов банка).

В целом Сбербанк России считается кредитной организацией с наибольшим количеством клиентов пенсионного возраста[5].

Другие российские банки, как правило, ведут более жесткую политику в отношении пожилых клиентов, в том числе: ограничиваются выдачей только потребительских кредитов данной группе заемщиков; часто отказывают старшевозрастным (старше 65 лет) клиентам. Дискриминационные практики российских банков в отношении старшевозрастных заемщиков

в нашем понимании в наибольшей степени обусловлены действенностью и распространенностью общественных стереотипов. Последние, как правило, содержат негативные образы пожилых людей. В то же время эти практики явно противоречат опыту обслуживания отечественными банками пожилых клиентов. По данным Совкомбанка, показатель просроченности по кредиту у старшевозрастных заемщиков в среднем почти вдвое ниже, чем у других групп[5].

Таким образом, уход от дискриминационных практик в отношении пожилых людей, сглаживание проблемы неравенства в финансовой сфере одинаково важно как для кредитных организаций, так и для социума.

Список использованной литературы и источников:

1. *Горячева Г.В.* Доля кредитов пожилым заемщикам растет // Ъ-газета. URL: https://finance.rambler.ru/news/ (дата обращения: 17.01.2018).

2. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_51/Main.htm (дата обращения: 07.11.2017).

3. *Васильченко А.И.* Влияние потребительского кредитования на развитие национальной экономики / Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 марта 2017. г. Екатеринбург: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. С. 4-11.

4. Сбербанк России. URL: http://www.sberbank.ru/ru/person (дата обращения: 07.12.2017).

5. *Шумцева Н.А.* Условия кредитования пенсионеров в Сбербанке на 2017 год. - URL: https://bankstoday.net/last-articles/usloviya-kreditovaniya-pensionerov-v-sberbanke-na-2017-god (дата обращения: 07.12.2017).

УДК 332.14

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ НЕРАВЕНСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Е.В. ЧИСТОПОЛЬСКАЯ

Чистопольская Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита экономического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского

E-mail: elena.saratov@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы сущности рейтинговой оценки регионов, включая муниципальные образования, осуществляется обобщение различных подходов. Проведение рейтинговой оценки по уровню социально-экономического развития муниципальных образований является важным и необходимым этапом в разработке и реализации программ развития регионального и субрегионального уровня.

Ключевые слова: муниципальное образование; неравенство; рейтинг; развитие; оценка.

PROBLEMS OF ASSESSMENT OF INEQUALITY OF THE ECONOMIC SITUATION OF MUNICIPAL UNITS

E.V. Chistopolskaya

In article questions of an entity of rating assessment of regions, including municipal units are considered, synthesis of different approaches is carried out. Carrying out rating assessment on the

level of social and economic development of municipal units is an important and necessary stage in development and implementation of programs of development of the regional and subregional level.
Key words: municipal unit; inequality; rating; development; assessment.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие государства во многом определяются его территориальными особенностями. Экономическое положение территории и входящих в ее состав регионов, различаются по многим показателям: наличию и качества природных ресурсов; численность и состав населения, качество трудовых ресурсов; уровень развития производства; развитие социальной сферы; близость от мегаполисов или промышленных центров. Важной проблемой исследования социально-экономического развития являются наличие пространственной социально-экономической дифференциации территорий, а также возрастание этого неравенства в процессе развития. Данная особенность наблюдается как на уровне межстранового сравнения, так и на уровне регионального и муниципального.

Многие исследователи признают существование территориальной ассиметрии в России по темпам социально-экономического развития, экономической активности, уровня жизни населения. Кроме того, отмечено, что масштабы подобного неравенства значительно превосходят аналогичные показатели других развитых стран с федеративным устройством. Прогрессирующая неравномерность развития регионов отрицательно сказывается на общем социально-экономическом положении, тормозит общее развитие экономики[1].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Разработка и внедрения методов рейтинговой оценки социально-экономического развития муниципальных образований вызывают большой интерес исследователей различных аспектов государственного и муниципального управления и органов исполнительной власти, поскольку большое внимание уделяется государственному и муниципальному стратегическому планированию. В связи с этим требуется оценка текущего социально-экономического состояния исследуемых муниципальных образований.

Исследование экономического положения отдельных муниципальных образований связано с некоторыми сложностями. По данным, предоставляемыми органами статистики, в следствии маятниковой миграция населения, невозможно точно интерпретировать, к какому именно району относятся результаты экономической деятельности, в силу их близости. Тем не менее возможно провести мониторинг и анализ процессов и явлений экономической, политической и социальной жизни как отдельного муниципального образования и региона, как систему, состоящую из территорий. Мониторинг представляет собой информационно-аналитическую систему, функционирующую во взаимосвязи структурных элементов, а именно: непрерывное наблюдение, контроль, анализ, моделирование и оценка, прогнозирование; имеющую цель отслеживать конкретные явления и процессы в самых различных сферах деятельности, выявлять причинные и следственные связи и закономерности развития. К числу важнейших целей мониторинга развития в региональном управлении относят следующие: «рейтингование» муниципальных образований, оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления, прогнозирование развития территорий. Мониторинг дает возможность установить существующие тенденции, выявить угрозы и точки роста, является средством обобщения информации, необходимой для принятия в системе государственного и муниципального управления управленческих решений[2]. Подобное наблюдение позволяет, при помощи данных, предоставляемых органами статистики и органами государственной власти, создать базу исходных данных, которая в дальнейшем анализируется при помощи статистических методов и экономико-математического моделирования с целью построения рейтинговой оценки, и построения прогноза развития исследуемых объектов. В муниципальной экономике сформировался принцип сопоставления установленных данных с прогнозными оценками в скользящем режиме (на смену отчетному приходит следующий период). Построение рейтинговой оценки является распространенной

практикой для стран и регионов, но для муниципальных образований это относительно новое направление.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для оценки уровня развития территорий применяются несколько методических подходов, основанные на применении индикаторов социально-экономического развития[3]. Для анализа всех аспектов уровня развития регионов ряд исследователей соглашаются с мнением А.Г. Гранберга, который определяет трех основных подхода к построению рейтинга регионов: сравнение по одному индикатору, выделенному в качестве главного; сравнение по нескольким индикаторам, выделенным как приоритетные; построение системы сводных социально-экономических индикаторов. При формировании региональных рейтингов, многие специалисты сходятся во мнении, что наиболее оптимальным методом является сводный социально-экономический индикатор, так как он всесторонне охватывает развитие экономики на муниципальном и региональном уровне.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для построения рейтингов применяется ряд экономико-математических методов, которые могут быть использованы для комплексной оценки экономического и инвестиционного потенциала региона (табл. 1).

Таблица 1.

Сравнительная характеристика подходов к построению рейтинговой оценки

Методы построение рейтинга	***Способ построения***	***Преимущества***	***Недостатки***
Метод сумм	Сумма фактических значений показателей или их соотношения с планом, с предыдущими периодами (оценка динамики), с эталонными значениями показателей по муниципальным образованиям	Простота расчетов, может быть получен интегральный показатель комплексной оценки	Некорректное сложение различных по экономическому значению показателей или их отношений (фактического к базисному, фактического к плановому, или эталонному, значению анализируемых показателей) и, соответственно, расчет неточного места по итоговым суммам. Использование "идеальных", зачастую завышенных, значений в качестве сравниваемых дает некорректные результаты. Отсутствуют ограничения по числу используемых показателей
Метод суммы мест	Ранжирование показателей по экономическому	Простота применения, легкая интерпретация результатов, получен	Те же, что и в предыдущем.

	положению муниципальных по отдельным показателям. Каждому показателю присваивается новый параметр, определяющий его место среди других. Строится таблица баллов виде матрицы, и рассчитывается конкретное значение обобщающей оценки	интегральный показатель. Возможность присвоения весовой оценки показателей	Высокое место в рейтинге муниципальных образований может быть получено при некоторых низких показателях, но которые компенсируются за счет высоких значений по другим частным показателям
Метод расстояний	Определяется близость объектов по сравниваемым показателям к "идеальному", например среднему значению, или значению, принятому за норматив. Итоговая оценка рассчитывается по формуле евклидового расстояния от точки эталона до конкретных значений показателей оцениваемых объектов.	Получение обобщающей оценки развития территории	Те же, что в предыдущем. Невозможность учета разного веса показателей
Метод суммы баллов	Определяются непрерывные и дискретные шкалы, которые характеризуют минимальное и максимальное количество баллов. По дискретной шкале определяется число баллов, с помощью которых оцениваются показатели. В случае применения непрерывной шкалы оценки могут принадлежать любой точке некоторого отрезка, определяющего шкалу данного показателя[4].	Гибкость метода, заключающее возможности подбора шкал	Необходимо использования большого числа шкальных оценок. Суммирование положительных и отрицательных значений баллов может привести к ошибочным результатам. Распределение баллов может не принимать во внимание значимости показателей рейтинга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При построении рейтинга методом сумм или методом сумм мест желательно использовать небольшой набор показателей, наиболее лучшим образом характеризующим социально экономическое положение муниципального образования, по которым рассчитывается итоговое интегральное значение показателя. Не включение в рейтинг ключевого показателя или же, наоборот, использование большого числа показателей даст

неточную рейтинговую оценку, поэтому важно внимательно отнестись к выбору используемых показателей. Если это условие будет соблюдаться, то полученная интегральная оценка окажет значение при принятии управленческих решений органами власти и другими пользователями информации. Чтобы получить обобщающие рейтинговые оценки следует применять различные методы сведения ряда показателей в единый общий показатель.

Список использованной литературы и источников:

1. *Гранберг А.Г.* Региональное развитие: опыт России и Европейского союза. М.: Экономика, 2000. 312 с.

2. *Юмаев Е.А.* Рейтинговая оценка социально-экономического развития муниципальных образований региона // Молодой ученый. - 2015. - №9. - С. 763-765.

3. *Петрова Е.А.* Теоретико-методические подходы к анализу социально-экономического развития региона и межрегиональные сопоставления: российский и зарубежный опыт // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3, Экон. Экол. 2013. № 1 (22). С. 22-36.

4. *Муратова Л.И., Купова М.К., Хачиров И.Э.* Рейтинговая оценка муниципальных образований в региональной экономике // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 2 (62). С. 26.

УДК 316.6

ПРЕДПОСЫЛКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (ДОСТОВЕРНОСТЬ ФИКЦИИ)

Н.В. ГУЛЬКО, А.Ф. ПАНТЕЛЕЕВ

Гулько Никита Валерьевич, студент 4 курса факультета психологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: nvgulkosaratov@gmail.com

Пантелеев Александр Федорович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: afp45@mail.ru

Аннотация: Данная статья будет интересна всем представителям политических профессий, а также социологам, социальным психологам и лингвистам. Авторы статьи рассматривают политическую коммуникацию как фактор успеха политика на выборах. А феномен достоверности фикции понимается авторами как результат политической коммуникации. Также исследователи провели анкетирование с целью раскрытия специфики представлений об эффективном политическом ораторе.

Ключевые слова: выбор, политическая коммуникация, достоверность фикции, политическое выступление.

PREREQUISITES FOR THE EFFECTIVENESS OF POLITICAL COMMUNICATION (RELIABILITY OF FICTION)

N.V. Gulko, A.F. Panteleev

Abstract. This article will be of interest to all representatives of political professions, as well as to sociologists, social psychologists and linguists. The authors of the article consider political communication as a factor of the success of politics in elections. And the phenomenon of the reliability of fiction is understood by the authors as a result of political communication. Also, the researchers conducted a questionnaire in order to reveal the specifics of the ideas about an effective political speaker.

Key words: choice, political communication, reliability of fiction, political speech.

Принятие решений путем голосования служит одним из главных принципов демократии. Голосованием в демократических странах принимаются жизненно важные политические решения в широком диапазоне от выбора власти до инвестиционных проектов.

Сущность голосования и выбора победителя состоит в трансформации индивидуальных предпочтений избирателей в единое коллективное предпочтение. Поскольку голосование совершается при условии соблюдения равных прав участников выборов, а окончательное политическое решение принимается в соответствии с установленными нормами (в частности – большинства), постольку меньшинство подчиняется большинству. В этом случае мнение меньшинства игнорируется, что может послужить (и есть много подтверждений тому) основанием для возникновения чувства несправедливости окончательного результата выбора.

У. Черчиллю принадлежит выражение «Демократия - ужасная форма правления, если не считать всех остальных». Известен «Парадокс Эрроу «о невозможности демократии», как «коллективного выбора»[1]. Смысл его состоит в том, что при условии невозможности

количественной (объективной) оценки альтернатив не существует такого метода интеграции отдельных индивидуальных выборов при трех и более альтернативах, который удовлетворял бы условиям справедливости и при этом был бы логически непротиворечивым. Известны и другие парадоксы голосования, тем не менее, общество их ассимилировало.

Одним из вариантов объяснения живучести демократического выбора может послужить оценка его как временной структуры, то есть рассмотрения явления выбора не в статике, а в динамике. Дело в том, что выбор – не столько одномоментный акт, сколько длящееся во времени состояние. Каждый из участников политических выборов имеет определенный опыт, либо личный, либо усвоенный извне, поэтому при процедурном акте голосования неизбежно актуализируется как переживание несправедливости (если оно было), так и сам факт принятия решения как мотивированного действия. Например, известно, что информация о мнении большинства перед выборами оказывает влияние на принятие избирателем решения на выборах. Именно поэтому данные экзитполов запрещено публиковать в день голосования. Ориентация на мнение большинства можно рассматривать как своего рода предупреждение самого себя с целью ухода от возможности возникновения переживания чувства несправедливости после акта голосования.

Справедливость традиционно понимается как равенство и беспристрастность. Наличие или отсутствие справедливости особенно чувствительно в системе, связанной с распределением между людьми того, что они заслужили. Хотя оценить «заслуги» каждого проблематично, однако общее представление о справедливости во многом определяет социальное поведение субъекта. Автор теории социального обмена Г.С. Хоманс[2] предположил, что в ситуациях, требующих разрешения проблемы справедливости, люди ищут «распределительной справедливости» - беспристрастности в распределении поощрений и наказаний. Он подчеркивал, что цель заключается не в достижении полного равенства и даже не в получении большего количества благ по сравнению с вкладом, а в поддержании справедливого соотношения этих параметров, как применительно к себе, так и применительно к другим. Как реагируют люди, когда, как они чувствуют, справедливость нарушается? Возникает скрытый гнев, возмущение или, по крайней мере, рост напряженности. Представляет интерес ситуация, когда человек обнаруживает, что получает больше, чем заслуживает. Он может начать работать интенсивнее или по крайней мере считать, что он это делает; он может забыть о разнице своего вклада и отдачи; он может счесть себя более одаренным, чем другие. Однако маловероятно, что он предпримет шаги к уменьшению получаемых им благ, которые в подавляющем большинстве случаев могут быть сведены к материальным. Этому способствует развивающееся общество потребления. Одной из возможных объяснительных категорий, позволяющих раскрыть психологические особенности взаимодействия в данной ситуации может быть категория экономического взаимодействия[3].

Именно субъективный характер возникновения и переживания чувства несправедливости представляет собой основу для управления этим чувством в политических и экономических целях. Интенсивность политической коммуникации возрастает в такие периоды жизни государства, когда населением и властью принимаются важнейшие для их жизни решения. Особое место в этом процессе занимают решения о делегировании властных полномочий конкретным лицам или политическим группировкам. Речь идет об избирательных кампаниях как основной в демократическом обществе организационной форме достижения легитимности подобных решений.

Демократические выборы, при всей их предсказуемости, во многом остаются непредсказуемыми. Проблема состоит в том, чтобы понять мало поддающиеся логическому объяснению процессы, происходящие в этот период и оказывающие решающее воздействие на жизнь общества.

В практике избирательных кампаний нередко приходится сталкиваться с противоречивым по своей сущности феноменом сосуществования доверия и недоверия, как результативной стороны переживания справедливости/несправедливости со стороны доминирующих политических сил, в частности – одновременного неверия и веры избирателей

в предвыборные обещания и программы кандидатов в депутаты и партий. Вряд ли можно назвать хотя бы одну избирательную кампанию, после которой все предвыборные обещания были бы выполнены в полном объеме. Известно приписываемое Людовику X1 изречение «Кто не умеет притворяться, тот не умеет царствовать» как иллюстрация манипулятивной природы политического управления.

Проведенные во время предвыборных кампаний наблюдения показывают, что многие избиратели не удовлетворены выступлениями тех кандидатов, которые объективно оценивают ситуацию, дают трезвые и обоснованные прогнозы и обещают, будучи избранными на выборную должность, только то, что реально. Создается впечатление, что известная доля заведомо невыполнимого в обещаниях – важное условие успешности предвыборного коммуникативного контакта кандидата. Показательно то, что многие представители электората не верят программным заявлениям, считают большинство из них фикцией и, в то же время, нуждаются в них. Фиктивное, то есть мнимое, реально не существующее, тем самым приобретает во мнении избирателей черты достоверного, обоснованного и реально выполнимого.

Примером может послужить наблюдение, сделанное при проведении фокус – группы. Было выявлено, что избирателей не устроила та строка в сведениях об одном из кандидатов, где сообщалось, что его годовой доход составляет 15000 рублей. При попытке выяснить, что именно не устраивает в этом показателе, избирательницы говорили, что кандидат мало зарабатывает и не сможет им помочь материально. При беседе выяснилось, что прецедентов оказания такой помощи со стороны других кандидатов у этих избирателей не было. Вероятно, что, по замыслу политтехнологов, была существенно занижена сумма годового дохода, с целью продемонстрировать «демократизм» кандидата, его близость к простому народу. Результат оказался противоположным, фиктивное не стало достоверным, избиратели не поверили. Кандидат выборы проиграл.

Описанный феномен обозначен нами как феномен достоверности фикции. По нашему мнению, он имеет общий характер и проявляется не только при проведении избирательных кампаний, но и везде, где рождается вера в недостижимое под воздействием пропаганды, рекламы и т.п.

Достоверность фикции как свершившийся эмпирический факт зависит от многих факторов, которые в перспективе можно будет интерпретировать как систему, организованную по принципам нелинейной динамики. Заметим, что рассмотрению при этом подлежит не достоверность самого факта существования фиктивных программных заявлений и обещаний (в этом нет необходимости), а складывающаяся в итоге избирательной кампании парадоксальная вера электората в то, чему он, в общем – то, не доверяет.

Политическая коммуникация, имеющая целью достижение названного выше феномена, имеет специфические особенности. Одна из них из них заключена в открытом или скрытом, латентном, согласовании содержания и формы коммуникативного процесса с интересами власти. Что бы ни сообщалось представителями власти населению, это воспринимается как имеющее отношение именно к власти. В лингвистике эта проблема ставится как проблема политического дискурса. Дискурс в лингвистике определяется как «текст в событийном аспекте», «речь погруженная в жизнь».

Политическая коммуникация наиболее эффективна именно при взаимодействии с группой, аудиторией, толпой, с соответствующим сегментированием, выделением лидеров общественного мнения и т.д. Она по форме представляет собой рассказ, повествование, о каком – либо событии, факте, имеющем отношение к политической реальности. Сам факт принадлежности к такой форме подачи информации имеет определенные последствия для эффективности политической коммуникации в целом и пониманию обсуждаемого феномена достоверности фикции.

Подробно проблема обсуждалась в рамках постмодернизма, где, в частности, получила распространение концепция Ф. Джеймсона о нарративе как особой эпистемологической форме, организующей специфические способы нашего эмпирического восприятия[4].

Сущность концепции состоит в том, что мир доступен человеку лишь в виде историй, рассказов о нем. В то же время, любая история, рассказ, и т.п. содержит в большей или меньшей степени элементы вымысла, фикции. Последнее означает, что восприятие и осознание человеком мира невозможно без доли вымысла. В связи с тем, что политическая коммуникация более эффективна именно при взаимодействии с аудиторией, толпой, с соответствующим сегментированием, выделением лидеров общественного мнения и т.д., вымысел становится коллективной принадлежностью.

П. Рикер[5] и Х. Уайт внесли вклад в понимание столь важной для восприятия мира науки, как история. Работа П. Рикера развивает идею о том, что представление об историческом времени зависит от тех нарративных структур, которые человек налагает на свой опыт. Судя по выводам П. Рикера, характер представленияконкретного исторического события связан не только с объективным содержанием исторической реальности, но и с тем, что называется «научной школой».

Следует отметить, что речь идет именно о рассказе, а не об описании. Отличие состоит в том, что описание подчиняется тем или иным характеристиками предмета и в этом смысле имеет опорные точки в предмете, который описывается. Рассказ, или нарратив, подчиняется не столько логике предмета, сколько логике рассказчика.

Х. Уайт утверждает, что историки, рассказывая о прошлом, во многом заняты нахождением сюжета, который смог бы упорядочить описываемые ими события в осмысленно связной последовательности. Следование найденной сюжетной линии во многом определяет результаты описания. Теоретические представления Х.Уайта с легкостью могут быть иллюстрированы применительно к политической коммуникации, при которой варианты интерпретации одних и тех же событий тесно связаны с политической ангажированностью сюжетных линий. Наиболее показательны в этом аспекте периодически переписываемые тексты учебников по истории.

Литература (или, в более широком контексте – средства массовой информации) выступает как средство моделирования мира, погружения в смоделированные ситуации человека, как своеобразного эксперимента социума над личностью. Построение моделей дает возможность представлять их как (рекомендуемые) схемы поведения.

Существует еще один коммуникативный фактор, лежащий в основе феномена достоверности фикции. Он состоит в специфике номинативной функции языка, в частности, в том, что разные предметы называются одними теми же словами, и, напротив, одни и те же предметы номинируются одинаково. Одним из первых лингвистов, заметивших это, был В.И. Даль.

Многогранность предпосылок возникновения феномена достоверности фикции указывает на то, что принятие личностью того или иного имеющего отношение к политике решения не связано с одним каким – либо фактором. В то же время, сам факт возникновения названного феномена свидетельствует об эффективности политической коммуникации в отношении данного субъекта. Чем более эффективна политическая коммуникация, тем ярче проявляется феномен достоверности фикции, тем дольше люди верят тому, во что они не верят.

Политическое выступление занимает одно из ведущих мест в структуре коммуникации. Ораторское искусство является одним из самых заметных искусств с времен древней Греции и Рима. Умение оратора передать аудитории идеи политических предпочтений служит одним из главных критериев оценки оратора. Целью проведенного нами эмпирического исследования послужило раскрытие специфики представлений об эффективном политическом ораторе. Было учтено следующее: 1)выступление эффективно, если после его восприятия не остается негативных эмоций, связанных с чувством несправедливости, 2) в однородной по составу и возрасту аудитории наиболее вероятны сходные представления, 3) минимизация участия в выборном процессе в качестве избирателей (опыта) способствует более критичной, менее зависимой от сложившихся социальных установок оценке, 4) воспринимаются демонстрируемые, ролевые характеристики. В качестве испытуемых в исследовании

участвовали60 студентов, анкета состояла из четырёх вопросов, нас интересовал перечень качеств, которые, по мнению опрашиваемых, позитивно влияют на успешность выступления политического оратора, а какие негативно. В результате было получено около 450 эпитетов и фраз, которые позитивно или негативно характеризуют оратора. Этот массив условно поделили на следующие группы: группа качеств воздействия, группа эмпатии, группа аттракции и группа волевых качеств. В первую группу отнесены были те качества, которые непосредственно помогают оратору добиваться своих целей, которые он ставит перед началом публичного выступления, а именно убеждение аудитории. К этой группе мы отнесли такие качества, как чёткость и ясность выражения мысли, умение убеждать, хорошая речь, «умение говорить в душу» и др. Вторая группа качеств подразумевает под собой те личностные особенности, которые непосредственно помогают понимать желания, эмоции и переживания аудитории и людей в целом. К группе эмпатии можно отнести такие эпитеты как «понимающий» и фраза «умение слушать». В группу качеств аттракции помещены те личностные особенности, которые так или иначе помогают и упрощают человеку взаимодействовать с людьми и предрасполагать их к себе. Яркими примерами таких качеств является честность, уверенность, дружелюбие, открытость и др. К последней группе качеств, - волевые, можно отнести качества, которые указывают определённую силу воли и умение настаивать на своём. К таким качествам относятся решительность, твёрдость и дисциплина.

Одним из вопросов, который непосредственно касался личностных качеств был следующий: «Назовите одного из политиков и скажите, какие стороны его выступления вам понравились?». В данном вопросе мы получили 122 характеристики. Из этих ответов следует, что характеристики из группы «качества воздействия» преобладают в аудитории. Их процентное соотношение составляет 55%. Второй по значимости группой качеств являются группа качеств аттракции со своими 39%. По 3% от общего количества характеристик на себя взяли группа эмпатии и группа волевых качеств. Люди, видящие перед собой политического оратора, особенно ценят или хотят видеть в нём качества, которые могут помочь ему убедить публику в той или иной идее.

Определённые изменения в расстановке процентного соотношения групп появляются на вопросе «Какими человеческими качествами должен обладать успешно выступающий политик?». Хоть вопрос косвенно и касался ораторских способностей, тем не менее, процент в группе качеств воздействия резко снизился до 13% от общего количества предоставленных эпитетов и фраз на данный вопрос (171 ответ). Первое место в этом вопросе заняла группа качеств аттракции - 71%. Заметно вырос, по сравнению с первым вопросом, показатель группы качеств эмпатии. Он составил 11% от общего количества ответов, что на 8% больше показателя по предыдущему вопросу. Показатель группы волевых качеств вырос на 2% относительно от предыдущего и в этом вопросе составляет 5%. Судя по полученным данным, испытуемые в публично выступающих политиках чаще замечают качества, которые хотели бы находить в своих собеседниках, например честность, дружелюбие, уверенность или понимание, и только потом какие-то умения и навыки, которые помогают убедить или красиво выступить с речью на публике.

Что касается вопроса о характеристиках, которые негативно сказываются на успешности выступления, то по нему мы получили 132 ответа-характеристики. Из них 54% относится к группе воздействия, 39% к группе аттракция, и по 4% и 3% получили группа эмпатии и группа волевых качеств соответственно. Стоит отметить очень схожую картину с процентным соотношением, которую показал первый вопрос. Также для ясности необходимо привести в пример те эпитеты и фразы, которые использовались в ответе на этот вопрос. В группе аттракции встречались такие характеристики как: лживость, неуверенность, несерьёзность, чрезмерная эмоциональность. В группе воздействия упоминались такие характеристики, как: неумение войти в контакт или его отсутствие, чрезмерная громкость или тихость голоса и «льют воду». Среди характеристик, касающихся эмпатии встречались такие, как: непонимание людей или «далёк от народа». В крайней группе качеств присутствуют такие характеристики, как: слабый, безвольный и т.п. Практически одинаковые показатели по

процентным соотношениям с вопросом о позитивно влияющих качествах на публичные выступление даёт понять, что в политическом ораторе люди видят того человека, который может «перетащить» на свою сторону и убедить слушателя в процессе высказывания речи, трибунного призыва. А качества, которые не дают этого сделать считают нежелательными для публичного оратора.

Отдельным для рассмотрения остался вопрос о внешности оратора: «Как должен выглядеть успешно выступающий политик?». Количество ответов, данных на этот вопрос, составляет 125. Интересен тот факт, что при инструктировании перед анкетированием мы не давали конкретных указаний касательно этого вопроса, но дали понять, что в него закладываем понимание того, каким должен быть внешний вид политика. Несмотря на это большинство респондентов вписали характеристики, которые касаются личностных качеств или поведения человека. Именно поэтому мы разделили ответы с этого вопроса на две группы: поведенческие характеристики и характеристики внешнего вида. Примером поведенческих характеристик можно считать уверенность человека, «умный взгляд» или отсутствие надменности при выступлении. Показатель этой группе составляет 52%. В группе характеристик внешнего вида наиболее часто встречалось такое качество, как опрятность, а также отсутствие лишнего веса, стиль одежды и др. Процентный показатель составляет 46,4% (58 ответов). Полтора процента в этом вопросе на себя оттянул ответ «Не имеет значения». Исходя из этого можно сделать вывод, слушателей чаще интересуют личностные особенности выступающего, а не только его внешность.

Проведенное исследование показало, что сложившиеся представления об эффективном политическом ораторе связаны с его умением демонстрировать понимание, дружеское расположение к аудитории, а также и со способностью воздействовать на аудиторию, за которой обычно стоят известные лидерские качества. В качестве модели оратора, успешно решающего задачу достоверности политической фикции можно принять набор таких качеств, как умение дружески располагать, демонстрировать понимание других и умение вести за собой, то есть предлагать нечто, способное увлечь, вывести решение предлагаемого на первый план независимо от других, стоящих перед человеком, проблем.

Список использованной литературы и источников:

1. *Arrow Kenneth J.* Social Choice and Individual Values, 2012, Yale University Press 192 p.

2. *Homans G.C, Merton R.K.* Social behavior : its elementary forms 1961, New York : Harcourt Brace & World, 404 p.

3. *Пантелеев А.Ф.* Психология экономического взаимодействия. 2017, Саратов, Амирит. – 198 с.

4. *Jameson F.* The political unconscious: Narrative as a socially symbolic act. 1981. Ithaca, Cornell University Press, 305 p

5. *Ricœur* P. Temps et récit. T.1. L'intrigue et le récit historique. Coll. «Points essais », 1985. Paris: Seuil, 404 p.

УДК 316.346.36

ПЕРЕЖИВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В ОЦЕНКЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Т.Н. НИКИТИНА

Никитина Татьяна Николаевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей и этнической социологии ИСФН КФУ Казанского федерального университета.

E-mail: nita101@mail.ru

Шакирова Алла Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии ИСФН КФУ Казанского федерального университета.

E-mail: alla-shakirova@mail.ru

Аннотация. Изложены проблемы восприятия феномена социальной справедливости в оценке поколений. Показано, как студенческая молодёжь воспринимает переживание социальной несправедливости пожилыми россиянами. Представлены результаты пилотажного исследования с применением диагностического инструментария: методика проведения фокус-групп; метод – групповое фокусированное интервью. Прикладной аспект проблемы может быть реализован в дальнейших исследованиях межпоколенческих отношений и аксиологических основ общества.

Ключевые слова: социальная несправедливость, пожилые люди, студенческая молодёжь, культурная травма, эйджизм.

EXPERIENCE OF SOCIAL INJUSTICE BY ELDERLY PEOPLE IN THE ASSESSMENT OF STUDENT YOUTH

T.N. Nikitina, A.Yu. Shakirova

Abstract. The problems of perception of the phenomenon of social justice in the evaluation of generations are described. It is shown how young students perceive the experience of social injustice by elderly Russians. The results of a pilot study with the use of diagnostic tools are presented: the methodology for conducting focus groups; method - group focused interview. The applied aspect of the problem can be realized in further studies of intergenerational relations and the axiological foundations of society.

Key words: social injustice, elderly people, student youth, cultural trauma, ageism.

ВВЕДЕНИЕ

Увеличение средней продолжительности жизни населения приводит к целому ряду явлений, требующих комплексного научного осмысления. В современной России положение пожилых людей усугубляется не только характерным поколенческим разрывом, но и наличием культурной травмы поколения, пережившего войну, послевоенное восстановление народного хозяйства, смену государственного строя и глубокие идеологические трансформации.

Восприятие пережитых событий, отсутствие достойного уровня жизни, приводит к негативным последствиям, которые можно выразить понятием культурная травма переживания несправедливого отношения к себе со стороны органов государственной власти, общества в целом, поколения молодежи. Не сформированные позитивные жизненные установки усугубляют психофизиологическое состояние, приводят к пассивной жизненной позиции в старости, неготовности решения личностных проблем. Можно говорить о социальной изоляции граждан в силу их личностного восприятия культурно-травмирующего события несправедливости.

В научной литературе эйджизм рассматривается как проявление дискриминации, причины которой находятся в зоне ответственности общества и государства, личной ответственности человека за жизненную активность. Стереотипное восприятие старости в российском обществе ассоциируется с низким уровнем жизни, ослаблением здоровья и неэффективной медицинской помощью, трудностями в оформлении полагающихся видов социального обеспечения, пренебрежительным отношением к пожилым, фактами насилия, конфликтом поколений. Осознание пожилыми людьми несправедливого отношения со стороны государства и общества вызывает чувство коллективной принадлежности к категории, наиболее уязвимой в социальном плане. Исследование вопросов эйджизма в российской науке, связано, прежде всего, с деятельностью органов государственной власти и механизмами социальной защиты населения. Практически не изученными остаются межпоколенческие отношения, формирование установок на активную, достойную старость.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Категория социальной справедливости является достаточно сложной для понимания и философского осмысления. Насчитывается большое число теоретических конструктов, рассматривающих ценность справедливости. Динамика этой категории обусловлена этапами развития цивилизации и общественного сознания конкретного исторического периода. Социальная справедливость определяется в научной литературе как ценностная категория измерения равенства и свободы. В своей основе социальная справедливость формируется исторически институциональными структурами общества, оказывающими влияние на её эволюционные формы. При этом как ведущая общечеловеческая ценность социальная справедливость выступает частью мировоззренческих установок и системы ценностных ориентаций личности.

Россияне пожилого возраста ассоциируют социальную справедливость с мерой равного распределения общественного блага и регуляцией межпоколенческих отношений. На основании идеального представления о социальной справедливости в обществе, заложенного традициями социализма, исторически несправедливое отношение к пожилым людям в эти годы становится благодатной почвой для восприятия социальной несправедливости современных рыночных отношений как культурной травмы целого поколения. Американский социолог Джеффри Александер рассматривает культурную травму как «результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности»[1].

Особенности социальной трансформации России наряду с преобразованием институциональных основ, появлением частной собственности и безработицы, привели к снижению уровня жизни подавляющей части населения, социальной аномии и социальной депривация старших поколений. Современное информационное общество высоких технологий создает сложности для адаптации поколения пожилых людей. Обнажившиеся противоречия существенно влияют на ментальные установки и поведение граждан. Результатом этого является переживание измененных представлений о социальной справедливости как культурной травмы целого поколения. Поколения, осознающего, по выражению Александера, «что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность»[1]. Как отмечает В.Н. Аргунова, социальная справедливость предстает своеобразным «буфером между коллективными и индивидуальными устремлениями. Она выступает исторической и социокультурной мерой равенства и свободы индивидов в системе общественных отношений»[2]. Социальное самочувствие граждан пожилого возраста зависит от социетального уровня развития социальной справедливости в обществе, но переживается на индивидуальном уровне.

Понимание социальной справедливости пожилыми людьми сводится к формулировке, предложенной Роузом: все социальные ценности - свобода и благоприятные возможности,

доходы и богатства, социальные основы самоуважения - все это должно быть равно распределено, кроме тех случаев, когда неравное распределение любой, или всех, из этих ценностей дает преимущество каждому»[3]. Концепция социальной справедливости, основанная на нравственном идеале и равенстве, оказывает воздействие на восприятие себя гражданами пожилого возраста как людьми, обладающими нравственным достоинством. Потеря нравственности в современном обществе с позиции восприятия пожилыми становится ментальной причиной культурной травмы переживания социальной несправедливости.

Взгляд пожилых граждан на социальную справедливость включает чувство принадлежности к сообществу, группе и традициям, «история которых оказывается частью индивидуальной жизни, истории (и наоборот, жизнь отдельного человека понимается только в контексте истории более широкой социальной целостности»)[3]. Люди, привыкшие думать о социуме и в категориях социума, оказались наедине с проблемами личной жизни, им чужд индивидуализм, его идеалы; их мышление сформировано общественными ценностями, у них отсутствуют практики построения личных и межличностных отношений в неорганизованном социальном пространстве.

Переживание культурной травмы несправедливого отношения к пожилым людям накладывает чувство вины на настоящие поколения, вызывая ответные агрессивные чувства, вербализованные в социальном пространстве. Коллективное прошлое влияет на формирование настоящей идентичности пожилых людей, акцентируя внимание на отличии справедливости в прошлом от настоящего концепта.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основной задачей исследования стало выявление восприятия студенческой молодёжью переживания социальной несправедливости людьми пожилого возраста.

Была использована качественная методика исследования – групповое фокусированное интервью (5 фокус-групп по 10 – 12 студентов в каждой). Для выяснения установок молодых людей, их опыта взаимодействия с пожилыми людьми был разработан гайд. Перед каждой фокус группой участники ответили на вопросы анкеты, послужившие отправной точкой для дальнейшего обсуждения. Групповая дискуссия помогла раскрыть различные точки зрения в отношении предмета исследования, выявить ментальные представления молодёжи в отношении переживания пожилыми людьми чувства социальной несправедливости. Для фиксации хода дискуссии использовался диктофон.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Возрастные границы пожилых студенты определили от 60 лет и выше. На вопрос «Что Вы понимаете под социальной справедливостью в обществе?» были получены ответы «социальное равенство; равномерное распределение благ; равенство уровня жизни, прав и свобод». «Социальная справедливость – это когда каждый получает по своим заслугам» (респондент 3, группа 4, муж.). «Когда всё делается по совести, с соблюдением моральных норм» (респондент 1, группа 5, жен.). «Это благородное отношение одних людей к другим, проявляющееся независимо от возраста и социального статуса» (респондент 7, группа 1, жен.).

На основе оценочных высказываний студентов относительно проявлений социальной несправедливости в отношении людей пожилого возраста, нами были определены несколько кластерных зон. Большая часть ответов (первая кластерная зона), связана с возложением ответственности за социальную несправедливость в обществе на государство и констатацией низкой материальной обеспеченности граждан пожилого возраста: бедность, милостыня как будущее в пожилом возрасте, дома престарелых, низкий уровень медицинского обслуживания, проблемы с выдачей бесплатных медикаментов, дороговизна диагностики, лечения и медикаментов. Всё это, по мнению студентов, вызывает ощущение незащищенности людей пожилого возраста.

Вторая: особенности воспитания, разные культурные ценности поколений, выражающиеся в нетерпимости пожилых к переменам, их «оторванность от современных инноваций».

Третья: межпоколенческий разрыв, что выражается в ответах: «Интересы молодежи выше». Студенты отметили грубость и презрительное отношение, неуважение со стороны молодежи к людям пожилого возраста, обман и равнодушие. «Общество отделяет от себя, забывает их; не проводятся мероприятия, встречи; неуважение к прошлому».

Четвёртая: городское пространство не предназначено для пожилых людей. «Нет места, где пожилым интересно и комфортно; город – для молодежи; отсутствуют возможности для проведения досуга пожилыми людьми; плохие жилищные условия».

Пятая: профессиональная среда. Студентами отмечается дискриминация пожилых в трудовой сфере, предпочтение работодателями молодых работников.

Достойная старость, по мнению студентов, должна обеспечиваться, в первую очередь, государством. Далее в иерархии агентов следуют близкие люди. Ответственность же самих пожилых людей, по мнению студентов, минимальна. Молодёжь связывает достойную старость с материальной обеспеченностью, вызывающей чувство удовлетворённости собственной жизнью. Достойная старость – это когда «не нуждаешься в помощи своих детей» (респондент 10, гр. 2, муж.). «Занимаешься любимым делом» (респондент 5, гр. 3, муж.). «Когда поддерживает не государство, а дети» (респондент 7, гр.2, жен.). «Имеешь рядом близких людей, которые могут ухаживать и заботиться» (респондент 4, гр. 1, жен.). «Когда человек имеет всё необходимое, чтобы не переживать о своём будущем» (респондент 9, гр. 3, жен.). «Достойная старость – достойно прожитая молодость» (респондент 2, гр. 1, муж.). «Достаток, право на работу и отдых» (респондент 4, гр. 2, муж.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Динамика феномена социальной справедливости как ценностной категории измерения равенства и свободы, обусловлена цивилизационным развитием. Несправедливость, ассоциированная с мерой распределения общественного блага и регуляцией межпоколенческих отношений, переживается пожилыми россиянами как культурная травма целого поколения. Отсутствие единой ментальной составляющей ценности социальной справедливости для разных поколений влияет на распад межпоколенческих социальных связей.

Результаты исследования позволили определить не только восприятие студентами переживание пожилыми людьми несправедливого отношения, но и выявить стереотипы по отношению к старению. Отмечается разрыв поколений, выражающийся в разных представлениях об ответственности за несправедливое отношение к старости. Интериоризация ценностей индивидуализма формирует представление об ответственности государства и близких за достойную старость, исключая общественные институты.

Список использованной литературы и источников:

1. *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. - 640 с.

2. *Аргунова В.Н.* Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. - Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. - 312 с.

3. *Канарш Г.Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: монография / Г. Ю. Канарш. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. - 236 с.

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ ЧАСТО И РЕДКО БОЛЕЮЩИХ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Т.В. ХУТОРЯНСКАЯ

Хуторянская Татьяна Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: dialogus1@yandex.ru

Аннотация. Изложены результаты теоретического и эмпирического исследований особенностей детско-родительских отношений в семьях часто и редко болеющих детей младшего школьного возраста. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке младших школьников (7-10 лет): 1 группа - семьи с детьми, перенесшими более 4-6 эпизодов ОРЗ (острое респираторное заболевание) в год (29 семей), 2 группа - семьи со здоровыми (редко болеющими) детьми (32 семей) с применением диагностического инструментария: опросник «Анализ семейных взаимоотношений›› (Э.Г. Эйдемиллер); опросник изучения взаимодействия родителей с детьми (И.М. Марковская); методика изучения родительских установок (Т.В. Нещерет); проективная методика Р. Жиля. Установлено, что имеются различия в особенностях детско-родительских отношений в семьях часто и редко болеющих детей младшего школьного возраста. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в консультационной практике психологов и других специалистов.

Ключевые слова: особенности; детско-родительские отношения; семья; редко болеющие; часто болеющие; дети; младший школьный возраст.

FEATURES OF THE CHILD PARENTAL RELATIONS IN FAMILIES OFTEN AND SELDOM ILL CHILDREN OF YOUNGER SCHOOL AGE

T.V. Hutoryanskaya

Abstract. Results of theoretical and empirical researches of features of the child parental relations in families often and seldom ill children of younger school age are stated. Results of the empirical research executed on selection of younger school students (7-10 years) are presented: 1 group - families with the children who have transferred more than 4-6 episodes of ORZ (acute respiratory disease) a year (29 families), the 2nd group - families with the healthy (seldom ill) children (32 families) with use of diagnostic tools: questionnaire "Analysis of family relationship›› (E.G. Eydemiller); the questionnaire of studying of interaction of parents with children (I.M. Markovskaya); technique of studying of parental installations (T.V. Neshcheret); projective technique of R. Giles. It is established that there are differences in features of the child parental relations in families often and seldom ill children of younger school age. The applied aspect of the studied problem can be realized in consulting practice of psychologists and other experts.

Key words: features; child parental relations; family; seldom ill; often ill; children; younger school age.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Семья является первичным и необходимым условием формирования физически здоровой, эмоционально стабильной и жизнеспособной личности. Но многие родители сталкиваются с тем, что их ребенок очень часто болеет: постоянный насморк, бронхит, воспаление среднего уха, ангина. Такие дети нуждаются в постоянном внимании, своевременном лечении и правильной профилактике[1].

Детей, которые подвержены наиболее частым инфекционным заболеваниям, относят к группе пациентов с рекуррентными или повторными острыми респираторными заболеваниями. Медицинский термин «часто болеющие дети» обозначает более высокий чем, у их сверстников, уровень заболеваемости ОРЗ (острое респираторное заболевание). В педиатрии термин «часто болеющие дети» отражает, главным образом, кратность и тяжесть инфекционной заболеваемости. Иногда для подчеркивания затяжного характера респираторных инфекций у данной категории детей используется понятие «часто и длительно болеющие дети» (ЧДБД). В западных странах по отношению к таким пациентам применяется термин «дети с рекуррентными ОРЗ». Согласно эпидемиологическим данным, часто болеющие дети составляют 15-40% от общего числа детей[2].

Критериями отнесения детей, к категории часто болеющих служат: частота и тяжесть ОРЗ, наличие осложнений, продолжительность интервалов между эпизодами заболеваемости, необходимость в использовании антибиотиков для лечения и др. Главным среди этих показателей является количество повторных эпизодов ОРЗ с учетом возраста ребенка[3].

Высокий уровень вирусных инфекций наблюдается в дошкольном и младшем школьном возрасте. Это связано с индивидуальными особенностями защитных функций организма. Периодичность инфицирования происходит более четырех раз в год. В группу часто болеющих детей относят и тех, у кого длительность болезни продолжается от 10 до 14 дней, при этом может проявляться только один из симптомов: непрекращающийся кашель, постоянный насморк. Частые вирусные заболевания могут сопровождаться серьезными осложнениями для здоровья ребенка, поэтому очень важно родителями принимать необходимые меры для укрепления иммунитета детского организма[4].

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось на выборке младших школьников (7-10 лет): 1 группа - семьи с детьми, перенесшими более 4-6 эпизодов ОРЗ в год (29 семей), 2 группа - семьи со здоровыми (редко болеющими) детьми (32 семей) с применением диагностического инструментария: опросник «Анализ семейных взаимоотношений›› (АСВ) (Э.Г. Эйдемиллер); опросник изучения взаимодействия родителей с детьми (И.М. Марковская); методика изучения родительских установок (Т.В. Нещерет); проективная методика Р. Жиля. Полученные результаты эмпирического исследования обрабатывались с помощью описательной статистики и метода математической статистики: коэффициент корреляции Пирсона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для изучения особенностей детско-родительских отношений в семьях часто и редко болеющих детей младшего школьного возраста мы исследовали группу детей, перенесших более 4-6 эпизодов ОРЗ в год, и их матерей (1 группа) и группу детей, перенесших менее 3 эпизодов ОРЗ в год, и их матерей (2 группа).

В процессе исследования были получены следующие результаты.

На основе выявленных значимых корреляций испытуемых 1 группы можно сделать выводы, что чрезмерная забота о ребенке положительно коррелирует с положительным отношением к матери (r=0,546, при p 0,01), исключение внесемейных влияний отрицательно коррелирует со стремлением к общению с другими (r=-0,641, при p 0,01), подавление агрессивности положительно связано с реакцией на фрустрирующую ситуацию (r=0,488, при p 0,01) и отрицательно связано с конфликтностью (r=-0,437, при p 0,05). Развитие активности ребенка положительно связано со стремлением к доминированию (r=0,706, при p 0,01). Доминирование матери в семье положительно связано с хорошим к ней отношением (r=0,443, при p 0,05). Гиперпротекция отрицательно коррелирует со стремлением к доминированию (r=-0,496, при p 0,01). Чрезмерность запретов положительно коррелирует с реакцией на фрустрирующую ситуацию (r=0,502, при p 0,01). Фобия утраты ребенка отрицательно коррелирует со стремлением к доминированию (r=-0,483, при p 0,01).

Результаты исследования матерей, полученные по методике Т.В. Нещерет и методике Э.Г. Эйдемиллер значимо коррелируют по следующим показателям. Вербализация отрицательно коррелирует с недостаточностью обязанностей (r=-0,372, при p 0,05). Чрезмерная забота о ребенке положительно коррелирует с гиперпротекцией (r=0,712, при p 0,01). Подавление воли положительно коррелирует с гиперпротекцией (r=0,675, при p 0,01). Развитие активности ребенка отрицательно коррелирует с недостаточностью обязанностей (r=-0,408, при p 0,05). Доминирование матери положительно связано с чрезмерностью запретов (r=0,473, при p 0,05). Исключение внесемейных влияний положительно коррелирует с гиперпротекцией (r=0,668, при p 0,01).

Таким образом, на основе проведенного исследования у матерей часто болеющих детей мы выявили следующие особенности взаимодействия их с ребенком. Наблюдается конфликт близости - дистанцирования. Для матерей характерна либо потворствующая гиперпротекция, обусловленная эмоциональным симбиозом матери и ребенка, но чаще проявляется доминирующая гиперпротекция, обусловленная эмоциональным отвержением, скрывающимся под маской опеки. Эмоциональное отвержение обусловлено неприятием ребенка. Также наблюдается расхождение между эмоциональным и поведенческим компонентом материнского отношения, обусловленное негативным эмоциональным состоянием матери, которое не позволяет проявить чуткость к потребностям ребенка. Матери пытаются ограничить круг общения ребенка, проявляют чрезмерную заботу и гиперпротекцию, подавляют агрессивность и волю ребенка, что, в свою очередь повышает реакцию ребенка на фрустрирующую ситуацию, снижает стремление к доминированию, конфликтность и стремление к общению с другими людьми вне рамок семьи. Подавление воли ребенка и гиперпротекция в совокупности с вышеперечисленными особенностями детско-родительских отношений, может влиять на соматическое здоровье ребенка.

У часто болеющих детей проявляются следующие личностные особенности: они демонстрируют приверженность социальным нормам, зависимы от чужого мнения, не уверены в своем мнении, обладают чувством повышенной ответственности, тревожны, осторожны, скованы в проявлении чувств, нарушено эмоциональное реагирование.

Анализируя результаты корреляционного анализа испытуемых 2 группы, можно сделать вывод, что на положительное отношение к родителям влияет высокий показатель вербализации (r=0,673, при p 0,01), низкий показатель подавления родителями воли ребенка (r=-0,577, при p 0,01), партнерские отношения ребенка с родителями (r=0,723, при p 0,01). Стремление ребенка к общению отрицательно коррелирует с исключением внесемейных влияний (r=-0,698, при p 0,01). Развитие активности ребенка снижает его стремление к уединению (r=-0,546, при p 0,01). Чем меньше конфликтов возникает в семье, тем менее конфликтен ребенок (r=0,726, при p 0,01). Такой стиль взаимоотношений в семье приводит к тому, что ребенок положительно относится к отцу, матери и к родителям в целом. Проявляет стремление к общению и доминированию. Снижается конфликтность и стремление к уединению. С учетом того, что ко 2 группе мы отнесли редко болеющих детей, перечисленные выше особенности семейных отношений связаны с соматическим здоровьем ребенка.

Для матерей 2 группы характерно следующее: хорошие партнерские отношения с ребенком снижают чрезмерность санкций и повышают устойчивость стиля воспитания. Нежелание подавлять волю ребенка влечет за собой снижение чрезмерности требований. Развитие активности ребенка повышает круг его обязанностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование выявило, что имеются различия в особенностях детско-родительских отношений в семьях часто и редко болеющих детей младшего школьного возраста.

Список использованной литературы и источников:

1. *Ананьев В.А., Никифоров Г.С., Гурвич И.Н.* Психология здоровья. СПб.: СПбГУ, 2000. 500 с.

2. Юрьев В. В., Симаходский А. С., Воронович Н. Н., Хомич М. М. Рост и развитие ребенка. Краткий справочник. СПб.: Питер, 2007. 272с.

3. *Баранов А.А., Альбицкий В.Ю.* Социальные и организационные проблемы педиатрии. М.: Династия, 2003. 512 с.

4. *Макарова З.С.* Часто болеющие дети и их реабилитация в условиях детской поликлиники // Поликлиника. 2005. № 1. С. 14-16.

УДК 316.6

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Л.Н. АКСЕНОВСКАЯ

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, декан факультета психологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского

E-mail: liudmila_aksenovskaya@mail.ru

Аннотация. В статье дается характеристика современного состояния социально-психологических исследований проблемы социального неравенства. Раскрыто содержание основных линий (направлений) социально-психологического изучения социального неравенства: 1) линия изучения связи социального неравенства и предрассудков, 2) линия изучения конкретных социально-психологических механизмов оправдания и использования социального неравенства в конфликтных ситуациях, 3) линия изучения феномена «справедливого мира» и 4) линия исследований социальной справедливости. Показаны возможности ордерного подхода к изучению феномена социальной несправедливости в контексте изучения нравственного сознания и этико-смысловых систем участников социального взаимодействия.

Ключевые слова: справедливость, социальная психология, социальное неравенство, ордерный подход, нравственное сознание

EQUITY AND SOCIAL INEQUALITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL PSYCHOLOGY

L.N. Aksenovskaya

Abstract. The article describes the current state of socio-psychological research of the problem of social inequality. The content of the main lines (directions) of socio-psychological study of social inequality is revealed: 1) the line of studying the connection between social inequality and prejudices, 2) the line of studying specific socio-psychological mechanisms for justifying and using social inequality in conflict situations, 3) the line of studying the phenomenon of "Justice/ Equity World" and 4) the line of studies of social equity. The possibilities of the order approach to the study of the phenomenon of social injustice in the context of the study of moral consciousness and the ethical and semantic systems of participants in social interaction are shown.

Key words: equity, social psychology, social inequality, order approach, moral consciousness

Проблема социального неравенства в современном обществе приобрела чрезвычайную остроту. Одним из следствий этого обстоятельства стало активное развитие социально-психологических исследований социального неравенства и, тематически связанной с нею, проблемы социальной справедливости. Большая часть таких исследований выполняется зарубежными психологами, что объясняется историческими причинами – капиталистическая модель экономики и общественного уклада, порождающая феномен социальной несправедливости, в нашей стране вновь появилась относительно недавно. Анализ зарубежных исследований позволяет сформировать предварительное понимание содержательных, методологических и методических аспектов изучения социального неравенства и справедливости в социальной психологии.

Можно сформулировать два исходных тезиса, позволяющих резюмировать результаты анализа существующих исследований заявленной проблемы. Первый тезис: мы живем в опасном мире. Опасность обусловлена высокой степенью конфликтности общественных, межгрупповых и межличностных отношений. Социально-психологической причиной конфликтности является социальное неравенство. Второй тезис: ключевым социально-психологическим фактором восприятия и переживания социального неравенства в обществе является социальная справедливость, связанная с работой психологических механизмов нравственного сознания. Изучение социальной справедливости в контексте изучения нравственного сознания является для социальной психологии стратегической линией как изучения, так и изменения проблемного состояния современного общества. Первым для российской социальной психологии такое направление развития указал С.Л. Франк.

Для обоснования справедливости данных тезисов для начала обратимся к обзору существующих линий исследования проблемы социального неравенства в социальной психологии. Это: 1) линия изучения связи социального неравенства и предрассудков, 2) линия изучения конкретных социально-психологических механизмов оправдания и использования социального неравенства в конфликтных ситуациях, 3) линия изучения феномена «справедливого мира» и 4) линия исследований социальной справедливости.

Обращаясь к первой линии исследований – связь социальной несправедливости и предрассудков – отметим, что предрассудки (стереотипы, аттитюды) в значительной степени определяют формы социального взаимодействия, поддерживающие и закрепляющие социальное неравенство. Ключевым фактором, порождающим предрассудки в обществе, является неравный статус участников взаимодействия (политический, экономический, гендерный, расовый и др.). Неравенство не остается «констатирующей» величиной в социальном взаимодействии, а активно применяется, используется обладателями более высокого статуса для доминирования над менее статусным участником взаимодействия и для злоупотребления этой возможностью. Со времен рабства социальное неравенство, представленное ролевыми оппозициями «хозяин-раб», «мужчина-женщина», и далее «преследователь-жертва», порождает специфические предрассудки (например, хозяева, как правило, считают рабов ленивыми, безответственными, нечестолюбивыми). Функция таких предрассудков заключается в том, что они рационализируют и оправдывают сложившуюся систему дискриминации в обществе. В исследованиях Х. М. Хакер (1951) было убедительно показано, что предрассудки сильнее всего выражены в регионах, где сильнее всего дискриминируется какая-либо группа населения (например, в регионах США, где было рабство), а предрассудки, в свою очередь, помогают «убедительно объяснять» подчиненный статус дискриминируемых, например, чернокожих и женщин: обе эти группы «медленно соображают», «эмоциональны и примитивны», «удовлетворены своей подчиненной ролью».

Вторая линия изучения социального неравенства (линия изучения конкретных социально-психологических механизмов оправдания и использования социального неравенства в конфликтных ситуациях) углубляет и раскрывает социально-психологическую «механику» первой. Во времена обострения противоречий и конфликтов, происходит активное размежевание участников взаимодействия по признаку «мы» и «они», интенсивно формируется образ врага, который затем сознательно деперсонализируется (враг - всегда «недочеловек», ему принято давать уничижительные прозвища). Социальное поведение в этом случае подчиняется следующей логике: жестокие действия дискриминанта (агрессора) для утверждения своего превосходства влекут за собой выстраивание системы жестких предрассудков по отношению к дискриминируемому, позволяющих оправдать свою агрессию, порождают особую идеологию своей «исключительности». Группа, испытывающая удовлетворение от своего социального и экономического превосходства, чаще оправдывает свое положение при помощи предвзятых мнений.

Третья линия исследований посвящена изучению феномена «справедливого мира», показывающего, что люди склонны верить в то, что мир «справедлив». А значит, люди имеют то, чего они заслуживают и заслуживают то, что имеют. В своих исследованиях Л. Карли

(1989; 1990) показала, что феномен «справедливого мира» искажает наши впечатления о жертвах насилия: люди часто уверены в том, что жертвы сами виноваты в случившемся. В результате люди индифференты к социальной несправедливости, поскольку не могут ее различить. Однако, когда это удается, большинство людей склонны предпринимать действия для исправления ситуации.

Четвертая линия исследований связана с темой социальной справедливости, которая всегда выступает как естественный элемент бинарной оппозиции «социальная несправедливость – социальная справедливость». Эта тема развивалась в советской социальной психологии, где под справедливостью понималось соответствие между заслугами (личности, группы, коллектива) и ее общественным признанием, либо между проступком (преступлением) и общественным осуждением (наказанием)[1]. Механизм возникновения конфликтов объяснялся возникновением чувства несправедливости в ситуациях нарушения соотношения вклада, сделанного человеком, и полученного им результата при сравнении с другими людьми. Наиболее обстоятельной работой последних лет, посвященных теме социальной справедливости, стала монография О.А. Гулевич «Социальная психология справедливости» (2011). В монографии уделено обстоятельное внимание одной из теорий справедливости, которая связывает справедливость и моральное (нравственное) сознание, полагая справедливость компонентом нравственного сознания.

В развиваемом нами ордерном подходе к социально-психологическому изучению организационной культуры вопрос о структуре нравственного сознания рассматривается через призму этико-смысловых систем культуры. Концептуальное обоснование такого подхода находится в работах С.Л. Франка, создавшего проект новой социальной психологии (духовной). Франк полагал необходимым учитывать духовное измерение социальных процессов и явлений, а социально-психологическую репрезентацию духовного видел в нравственном сознании. Актуальное для современной социальной и организационной психологии изучение феномена духовного лидерства позволяет в едином тематическом пространстве соединить нравственное сознание и справедливость, как репрезентацию духовного аспекта социальных и исторических процессов, а также обозначенную С.Л. Франком ключевую функцию общественного идеала, влияющего на состояние нравственного сознания общества, с одной стороны, и подверженного влиянию со стороны нравственного сознания, с другой стороны. Ответственность за решение проблемы социального неравенства лежит на духовных лидерах - людях, способных преодолеть ослепляющее действие феномена «справедливого мира» и нейтрализовать социальные предрассудки. Такая лидерская способность приведет к снижению уровня деструктивных конфликтов в обществе и в мире и сделает их более безопасными и подходящими для решения созидательных проблем на основе гармоничного сотрудничества людей с разными возможностями и особенностями, в том числе, особенностями статусными.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что проблема социального неравенства в современном мире и в современной России требует пристального внимания со стороны социально-психологической науки. Сегодня мы видим, что эта проблема носит системный характер и обнаруживает себя как на уровне межгосударственных отношений, так и на уровне внутригосударственных отношений. Появилась новая симптоматика проявления социального неравенства в современном мире: если Россия является традиционным оппонентом и соперницей для «западного» мира и комплексный прессинг со стороны стран – участниц НАТО в отношении России не вызывает особого удивления, то в качестве безусловно нового проявления феномена социального неравенства следует выделить ситуации, связанные с массовой миграцией населения стран Африки, Азии и Восточной Европы в связи с возникновением военных конфликтов, а также ситуации, связанные с массовым характером изменений трудовых отношений работодателей и наемных работников (появление так называемого «прекариата»).

Социально-психологическое изучение данных проявлений социального неравенства и нарушения социальной справедливости является актуальной задачей современной науки.

Решение этой задачи предполагает не только описание возникающих тенденций в этой сфере и объяснение их социально-психологических механизмов, но и разработки системы рекомендаций для корректировки способов принятия управленческих решений на государственных уровнях и развития прогностического потенциала систем принятия управленческих решений.

Список использованной литературы и источников:

1. Коллектив. Личность. Общение: Словарь социально-психологических понятий / Под ред. Е.С. Кузьмина и В.Е. Семенова. - Л.: Лениздат, 1987. -144 с.

УДК 159.9.162

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРЕЖИВАНИЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Н.В. ВЛАСОВА

Власова Наталья Валериевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: natali-viola@mail.ru

Аннотация: Данная статья представляет собой попытку раскрыть преимущества феноменологического и экзистенциального подходов, развивающихся в гештальттерапии, как своеобразных стилей терапевтического понимания субъективного мира клиента в переживании феномена социальной несправедливости.
Ключевые слова: социальная несправедливость, переживание, феноменология, гештальтерапия.

EXISTENTIAL-PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO STUDYING THE EXPEDITION OF INJUSTICE

N.V. Vlasova

Abstract. This article is an attempt to reveal the advantages of the phenomenological and existential approaches developing in gestalt therapy as peculiar styles of therapeutic understanding of the client's subjective world in the experience of the phenomenon of social injustice.
Key words: social injustice, experience, phenomenology, gestalt therapy

ВВЕДЕНИЕ

В греческой мифологии Астрея - богиня справедливости и сестра Стыдливости, покинувшая Землю в период «железного века», когда воцарилось человеческое зло, пороки и несправедливость. Образ Девы Астреи, как добродетеля и справедливости мы находим в «Буколиках» (39-41 гг. до н.э.) Вергилия, когда предвидения поэта затрагивают описания наступления «золотого века». Символика Астреи приобретает политическое звучание в произведениях английской поэзии, французских и русских традициях, связанных с престолонаследием. Художественный образ Девы Астреи с весами в руках, неотъемлемо связан с верой в справедливость, ожиданием от нее дарующей благосклонности к людям и истины. Вера в справедливый мир, как отмечает Гулевич О.А. (2011), защищает людей от негативных переживаний[1].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

На современном этапе развития в российском обществе усиливается поляризация социальных групп по качеству жизни, безопасности и здоровья, что приводит к противоречиям и трудностям в процессах управления и социального взаимодействия. Поляризация общества достаточно динамично и устойчиво сформировала в массовом сознании феномен социальной несправедливости, отражающий результат взаимодействия власти и социальных структур. Воспринимаемая личностью реальность, как несправедливая, определяет психическое, физическое, духовное и социальное самоощущение человека. Несправедливость, по мнению социологов, это не упрощенное понимание антонима справедливости, а более сложное, многофакторное явление.

В исследовании Севастьянова В.М. (2012) представлен «групповой портрет» феномена социальной несправедливости:

1. Психологические аспекты социальной несправедливости – потеря личностью свободы выбора, попирание чувства достоинства, чувство беспомощности, как невозможность повлиять на процессы несправедливости.

2. Философский аспект - разрушение морали и нравственности в обществе; несправедливость как признак «времени перемен».

3. Самоорганизация личности - несправедливость заставляет действовать, чтобы изменить жизнь, толчок в борьбе за свободу.

4. Политический аспект – разрыв коммуникации между властью и обществом; информационная ложь, как механизм сдерживания протестных настроений[2].

Возрастание социальной несправедливости приводит к усилению социальных противоречий, к конфликтам, а также способствует процессу аномального развития общества.

Идеи справедливого устройства общества всегда привлекали внимание ученых. Так, в теории справедливости Дж. Ролз идеи справедливого устройства общества опираются на следующие принципы: 1. принцип свободы личности 2. принцип равных прав и возможностей, распределения и обмена 3. принцип честности, гарантирующий защиту от обмана и насилия. Ролз Дж. указывает, что человек «приобретает понимание принципов справедливости и привязанность к ним по мере того, как он взрослеет в данной конкретной форме вполне упорядоченного общества»[3]. Вместе с тем, автор соотносит понимание справедливости с моральным развитием личности и предлагает свою концепцию морали:

1. Стадия авторитарной морали. Основная задача данной стадии - побуждение родителями ребенка к формированию и поддержанию необходимого управляемого поведения – послушание и смирение. Данная стадия морали является для ребенка временной, в силу ограниченности его интеллектуального развития и обусловлена его особой ситуацией и положением. Психологический закон морального развития на этой стадии гласит, что ребенок получает опыт родительской любви, и путем формирования привязанности и доверия в семье научается любить.

2. Стадия морали ассоциаций – если способность человека к привязанности формируется в семье, то включенность его в различные ассоциации и социальные институты помогает ребенку усвоить моральные стандарты. На этой стадии происходит понимание, принятие и оценка ролей других людей. Психологическими механизмами формирования стадии морали ассоциаций становятся идентификация, как « желание быть похожим на свои идеалы».

3.Стадия морали принципов, показывает, как происходит формирование установки «быть справедливым человеком и поддерживать справедливость в обществе». Формируется желание поддерживать принципы справедливости, т.к. они способствуют поддержанию собственного блага и привязанности к сообществу. Мораль принципов проявляется в двух формах: первая соответствует чувству правильности и справедливости, а вторая – человеческой любви и самообладанию.

Таким образом, моральные чувства, к которым относится чувство справедливости, могут выступать регуляторами жизни человека в обществе. Однако, как отмечает Севастьянов В.М. (2012), социальная несправедливость воспроизводится в обществе из-за наличия

системной ошибки в интерпретации современных отношений власти и общества, рассматриваемой в рамках теорий справедливости Дж. Ролза.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПЕРЕЖИВАНИЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Изучение проблемы несправедливости в аспекте феноменологического направления сопряжено, прежде всего, с использованием феноменологии, как метода описательного познания характеристик исследуемого явления. По сути, в некотором смысле нам предстоит дистанцироваться от существующих взглядов и сложившихся установок относительно изучаемого явления. Метафорически, это могло бы выглядеть, как творческие пробы нового стиля или способа контекстуального описания и ситуационного анализа жизненного мира человека в переживании «несправедливости», как феномена сознательной жизни.

В аспекте экзистенциальной психологии феноменологический принцип позволит соотнести сущностные характеристики «несправедливости» с различными уровнями бытия человека в мире. Можно сказать, что проблема несправедливости попадает в поле экзистенциальной проблематики, которая носит универсальный характер в различные этапы жизни человека и сопряжена с вызовом времени, требующем пересматривать жизненные ориентиры, приоритеты и отношения. Практически, экзистенциальный подход ориентирует человека на решение тех жизненных задач, которые реалии современной жизни ставят перед человеком.

Феноменология в психологии, как форма и метод исследования, разрабатывалась, прежде всего, в философии Э. Гуссерля. Согласно воззрениям философа, в задачу исследователя, используемого феноменологический метод, входит «приведение к интуитивной ясности феноменов сознания и понятий»[4]. Ведь то, что изучает психология, берется из опыта обыденной жизни человека. Неотрефлексированными, спутанными и обезличенными феномены жизненного мира человека остаются в силу нерешенности исследователем задачи прояснения самих понятий, открытие иных горизонтов исследуемых явлений. Феноменологический метод, это, прежде всего аналитический, качественный, диалогический, дескриптивный подход к изучению явлений сознания, как первичному опыту. Феноменами сознания предстают восприятие, мышление, образы, эмоции, представления, психические переживания.

Основными принципами феноменологического исследования выступают: 1)принцип беспредпосылочности – отказ от предубежденности и предпосылок, в пользу безотносительного принятия того феноменологического материала, с которым имеет дело исследователь; 2) принцип очевидности – описание явлений такими, какими они предстают в контексте взаимодействия с исследователем, в случае терапии, либо на основании анализа продуктов самоотчета или самоописания.

Одной из интересных концепций, основанной на идеях феноменологической психологии является концепция переживания Ю. Джендлина[5]. Непосредственный опыт переживания всегда возникает на уровне тела, как чувствуемые ощущения, испытываемые клиентом в ходе психотерапевтической работы:1) ощущения возникают в пограничной зоне между сознательным и бессознательным; 2) ощущения вначале носят неотчетливый характер; 3) ощущения испытываются на телесном уровне; 4) они имеют целостный характер, но обладают внутренней сложностью и комплексностью;5) ощущения проявляются поэтапно; 6.)чувственный опыт осознавания приближает человека к более глубокому ощущению собственной сущности и чувству удовлетворения; 7) процесс проявления ощущений имеет собственную направленность и ценность; 8) опыт переживания приводит к изменению восприятия содержания самой проблемы[5]. Чувственный опыт телесного проживания в ходе терапевтической сессии волнующего для клиента события, обладает смыслопорождающим и исцеляющим началом.

Стратегия феноменологического исследования переживания «несправедливости» в гештальтерапии фокусируется на описании чувств и наблюдении за телесными проявлениями

клиента. Из чего состоят переживания и опыт человека, который определяется как «несправедливость», и какой смысл он несет, вот что является основным вектором исследования в терапии. Так, например, методами феноменологического исследования переживаний могут выступать: а) развернутые и подробные описания испытуемыми событий, актуализирующих переживания несправедливости; б) полученные в ходе исследовательского интервью описания переживания несправедливости; в) дневниковые и автобиографические записи; г)обсуждения произведений литературы и художественного творчества, в которых описываются ситуации несправедливости, в случае использования арттерапевтического подхода.

Феноменологический анализ переживания «несправедливости» сопряжен с дескриптивным подходом, ориентированным на расширение осознавания человека в протекании субъективного опыта. Приоритетным поиском выступают ответы на вопросы: «Как человек переживает несправедливость?», «Как он чувствует это переживание и понимает это как несправедливость?», «Переживая чувство несправедливости, что я делаю с собой и другими?», «Что значит, для меня чувствовать несправедливость, в чем его смысл?», «Осознавания того, что с тобой происходит, когда ты чувствуешь несправедливость?».

Феноменология переживания несправедливости это способ вжиться, присоединиться, вглядеться в «структуру и способ бытия человека, представленные в его мировидении»[4]. Важно отметить, что в гештальттерапии акцент делается не только на использовании функциональных понятий при описании поведения другого человека, но и на качественном исследовании описательных понятий, используемых самим человеком, при осознавании своих переживаний. Так, например, определяя состояние «усталости или утомления» человека при наблюдении за его поведением и позой, исследователь будет использовать функциональное понятие - «усталости и утомления». Описательные понятия будет использовать сам человек, характеризуя свое состояние, лишь только он сам может, как никто другой, понимать свои переживания и определять их. Как отмечают гештальтерапевты, поддерживая в ходе терапевтической сессии процесс самоанализа клиента в осознании и проживании переживаний, уже обладает терапевтическим эффектом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная статья представляет собой попытку раскрыть преимущества феноменологического и экзистенциального подходов, развивающихся в гештальттерапии, как своеобразных стилей терапевтического понимания субъективного мира клиента в переживании феномена социальной несправедливости. Мы также, предприняли попытку рассмотреть концептуальные основы феноменологии, принципы и методы феноменологического исследования.

Список использованной литературы и источников:

1. *Гулевич О.А.* Социальная психология справедливости. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 284 с.

2. *Севастьянов А.М.* Социальная несправедливость в отношениях власти и общества: опыт социологического измерения // Социология власти. 2012. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-nespravedlivost-v-otnosheniyah-vlasti-i-obschestva-opyt-sotsiologicheskogo-izmereniya (дата обращения: 08.04.2018).

3. *Ролз Дж.* Теория справедливости: Пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – с. 403.

4. *Улановский А.М.* Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии// Методология и история психологии. 2007. Том 2. Выпуск 1 с.130-151

5. *Джендлин Ю.*Фокусирование: Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями/Пер. с англ. А.С. Ригина. - М.: Независимая фирма “Класс”, 2000. - 448 с.

УДК 316.66

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ДЕЗАДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

И.В. КУЛИКОВ, С.Д. КРИКУН

Куликов Иван Викторович, магистрант кафедры общей и социальной психологии факультета психологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Email: volproezd@gmail.com

Крикун София Дмитриевна, магистрант кафедры общей и социальной психологии факультета психологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Email: sophiekrikun@gmail.com

Аннотация. В статье изложен теоретический анализ влияния социального неравенства на формирование дезадаптивного поведения сотрудника организации. В исследовании показаны предпосылки социального неравенства в организации, а также механизм его воздействия на внутриорганизационные коммуникации. Установлена взаимосвязь между феноменами: социальным неравенством, внутригрупповой динамикой и дистантностью власти в организации. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в организации с целью управления эффективностью внутриорганизационных коммуникаций.

Ключевые слова: социальное неравенство, дезадаптивное поведение, антилидер, параметрическая модель культуры.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF ORGANIZATIONAL DISADAPTIVE BEHAVIOR AS A CONSEQUENCE OF THE IMPACT OF SOCIAL INEQUALITY

I.V. Kulikov, S.D. Krikun

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the influence of social inequality on the formation of the disadaptive behavior of an employee of an organization. The study shows what is the prerequisite of social inequality in the organization, and what is the mechanism of its impact on intra-organizational communications. The interrelation between the phenomena is established: social inequality, intragroup dynamics and power distance in the organization. The applied aspect of the investigated problem can be realized in the organization with the purpose of management of efficiency of intra-organizational communications.

Key words: social inequality, disadaptive behavior, antileader, parametric model of culture.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время следует отметить рост интереса со стороны организационных психологов к вопросу эффективности внутриорганизационных коммуникаций. Для организации вопрос управления коммуникациями, кросс-функциональными взаимодействиями связан с максимальным достижением задач компании и сокращением издержек. Например, «текучесть» персонала, особенно в первый месяц работы, становится индикатором того, что компании следует задуматься над изменениями. Тем более что эффективность внутренних коммуникаций напрямую связана с миссией и задачами компании.

В своем исследовании мы будем рассматривать связь социального неравенства и дезадаптивного, деструктивного поведения сотрудников компании с точки зрения внутригрупповой динамики.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Социальное неравенство как феномен достаточно хорошо изучен в рамках научных дисциплин: экономики, социологии, психологии групп. При наличии известных расхождений, большинство исследователей соглашаются с тем, что социальное неравенство – это, прежде всего, отсутствие равного доступа к ресурсам социума у различных его субъектов. Согласно теории М. Вебера общественное положение субъекта определяется не только правами собственности, но также престижем и властью[3]. Борьба за собственность, престиж и власть, объединение в процессе этой борьбы индивидуумов в группы образуют социальные страты.

Социальная стратификация общества - это организация его вертикальной иерархии. Современные социологические исследования чаще всего графически отображают общество в виде пирамиды или ромба. Вершина пирамиды или ромба будет ближе всего к желаемым ресурсам. Желание обладать ресурсом формируется не только его материальной стоимостью, но и желанием обладания или удовлетворением от достижения. Так, желаемый ресурс становится жизненным ориентиром, ценностью. Чем далее страта от вершины ромба/пирамиды, тем более недостижимы ценности. Чем более не достижимы ценности, тем более деструктивно поведение члена страты с точки зрения участников других страт. Достижимость или недостижимость ценностей большинством социума определяет социальное напряжение в обществе. Когда большинство осознает недостижимость ценностей традиционным порядком, оно революционно меняет структуру общества.

Исследования Г. Хофстеде показали, что национальная культура, культура социума оказывает влияние на организационную культуру предприятия. На этом основании можно сказать, что стратификация общества является одним из параметров организационной культуры. Согласно параметрической модели[4] Г. Хофстеде, культура организации может быть описана через композицию пяти параметров: дистанция власти, избегание неопределённости, индивидуализм / коллективизм, маскулинность / фемининность, долгосрочная / краткосрочная временная ориентация, потворство желаниям / сдержанность. Параметр дистанции власти описывает принятие власти, степень, с которой обладающие относительно меньшей властью члены организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти. Для культур с большой дистанцией власти характерно восприятие власти как наиболее важной части жизни, для культур с малой дистанцией власти характерно построение отношений на основе равенства, уважения к личности. То есть чем больше индекс дистанции власти, тем выше толерантность члена организации к стратификации и социальному неравенству.

Проблему стратификации организации изучали многие исследователи в области организационной психологии. Рауль Шиндлер разработал статусно-ролевую структуру организации[5]:

1) Альфа – лидер – определяет цели, интегрирует и структурирует группу;

2)Бета – участники – группа поддержки лидера: последователи, соратники и младшие партнеры, как правило, эксперты.

3) Гамма – участники – разделяют в целом цели, определяемые лидером, и идентифицируют себя с ним, но не входят в его «ближний круг»;

4) Омега – участники – находятся на периферии принятия решений в группе, не способны противостоять лидеру и его команде;

5) Дельта – лидер – группа оппозиции и ее лидер, выступающие открыто или неявным образом против альфа – лидера и его группы поддержки.

Из данной теории наглядно видно, что стратификация, дистанция власти, проявляющаяся в случае «передвижения» участников к периферии принятия решений, стимулирует выделение групп оппозиций или дельта-группы с собственным неформальным лидером. Такого лидера исследователи называют антилидером, который преследует свои цели, противоречащие задачам и ценностям коллектива. Данный сотрудник стремится изменить цель группы, тем самым дезорганизовывает работу коллектива.

Согласно учебному пособию «Организационное поведение и управление персоналом», - формы поведения, связанные с нарушением норм, предписаний, дисциплинарных рамок, называются деструктивными формами поведения[1]. Распространенная форма деструктивного поведения в отношении организации и общих целей - административно-управленческое: злоупотребление в личных целях своими правами и полномочиями, их превышение, невыполнение прямых обязанностей. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что сотрудник, относящийся в модели Р. Шиндлера к дельта-группе, и являющийся её неформальным лидером, будет проявлять деструктивные аспекты организационного поведения.

Проблему деструктивного организационного поведения сотрудника можно описать как проблему его адаптации в организации. Исследуя понятие социально-психологической адаптации персонала, мы опирались на определение Т.Ю. Базарова[2], согласно которому: «Адаптация - процесс активного приспособления человека к новой среде. В контексте включения сотрудника в организацию это означает, что происходит изменение собственного поведения в соответствии с требованиями новой среды». Деструктивное поведение сотрудника является ярким примером несоответствия требованиям организационной среды, т.е. по сути своей демонстрирует дезадаптивность сотрудника в текущих условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе данного теоретического исследования можно сделать следующие выводы.

1) Социальное неравенство является последствием высокого уровня дистанции власти и народа (в обществе), лидера и коллектива (в организации);

2) Высокий уровень дистантности власти порождает процесс стратификации в организации с точки зрения выделения в коллективе статусно-ролевых групп и неформальных лидеров внутри них;

3) Во главе групп, находящихся в силу высокой дистанции власти, на периферии принятия решений, стоит антилидер. Сотрудник с данной ролевой позицией активно демонстрирует деструктивное, дезадаптивное организационное поведение, противоречащее задачам всего коллектива, требованиям и ценностям компании.

Таким образом, выделение оппозиционных групп внутри организации и их лидера (антилидера), формирование у сотрудников дезадаптивного поведения детерминированы социальным неравенством внутри организации. Данные выводы можно использовать для усовершенствования системы управления персоналом с целью минимизировать количественное соотношение малых оппозиционных групп и их влияние на общую эффективность.

Список использованной литературы и источников:

1. *Басенко В.П., Жуков Б.М., Романов А.А.* Организационное поведение: современные аспекты трудовых отношений: учебное пособие. М. "Академия Естествознания", 2009 год

2. *Базаров Т.Ю., Еремин Б.Л.* Управление персоналом / М.:Академия, 2008, С. 224..

3. *Вебер М.* Избранные произведения.- М.,1990.- 764 с.

4. *Хофстеде Г.* Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур [Электронный ресурс] // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. No. 12. URL: http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2014pdf/LSE2014Hofstede.pdf (дата обращения: 01.02.2016).

5. *Chen, Z., Lam, W., & Zhong.* Leader-member exchange and member performance: A new look at individual-level negative feedback-seeking behavior and team-level empowerment culture // Journal of Applied Psychology, 92(1), 202- 212.

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ И НЕГАТИВНЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н.М. РОМАНОВА

Романова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: Romanova_nm@inbox.ru

Аннотация. В статье представлены результаты качественно-количественного анализа социально-экономических условий, параметров социально-психологического самочувствия, особенностей социально-негативных поведенческих проявлений жителей саратовского региона; показана роль социально-экономическими предпосылок, влияющих на особенности социально-психологического самочувствия жителей региона и риски формирования девиантного и криминального поведения.

Ключевые слова: социально-экономические условия, социально-психологическое самочувствие, характеристики преступности, детское и подростковое неблагополучие.

SOCIAL-ECONOMIC IMPROVEMENT, SOCIAL-PSYCHOLOGICAL SELF-PERSONALITY AND NEGATIVE BEHAVIORAL IDENTIFICATION OF THE PERSONALITY: REGIONAL ASPECT

N.M. Romanova

Abstract. Results of the qualitative and quantitative analysis of social and economic conditions, parameters of social and psychological health, features of social and negative behavioral manifestations of inhabitants of the Saratov region are presented in article; the role social and economic the prerequisites influencing features of social and psychological health of inhabitants of the region and risks of formation of deviant and criminal behavior is shown.

Key words: social and economic conditions, social and psychological health, characteristics of crime, children's and teenage trouble.

ВВЕДЕНИЕ

Современный период социального развития характеризуется ускорением темпов жизни, интенсификацией и трансформацией социальных процессов и явлений. В том числе в современном обществе ускоряются и социальные процессы, связанные с расширением сферы девиантного и криминального поведения личности. Эти формы отклонений во многом связаны с социально-экономическими предпосылками, что обусловлено тем, что преступность и девиантность являются продуктами и частью общества. Исследователи современной российской преступности отмечают наличие определенных процессов, характерных для современной социальной реальности.

Об ускорении социальных процессов, характерных для современной преступности и ее интенсивной трансформации, свидетельствуют следующие факты: 1.темпы прироста преступности постоянно опережают темпы прироста населения примерно в 3-4 раза. Преступность ежегодно прирастает на 5% в год, а численность населения – на 1-1,2%; 2. усложнение преступной деятельности, развитие ее организованных форм, координация между различными структурами преступных сообществ и организаций, налаживание контактов с правоохранительными и другими государственными органами[1]; 3. активный рост организованной преступности в XXI в., порожденный коррупцией. Каждое четвертое корыстно-хозяйственное преступное образование сформировано должностными лицами властных органов; 4. криминализация государственного аппарата – одна из основных

тенденций развития организованной преступности в современной России; 5. глобализация преступности, активный рост транснациональной преступности; 6. активная криминализация общественных отношений[2]; 7. интенсивное проникновение и внедрение криминальных авторитетов в государственные и общественные институты, политические структуры; занятие ими необходимых социальных позиций в органах власти; 8. расширение разнообразия деятельности криминальных групп: изменение их видов, структуры, условий и методов работы[2]; 9. интенсификация социальных, экономических и моральных последствий деятельности преступных групп и причиняемого ими ущерба; 10. усиление интеллектуализации, профессионализации, рационализации современной преступности; 11. интенсивное распространение криминальной идеологии и встраивание ее в жизнь законопослушного общества. Криминальному заражению подвергаются представители самых разных социальных слоев, различающихся по культурному, образовательному, экономическому статусу. Преступный мир, благодаря использованию средств массовой информации, позиционирует представителей криминальной «элиты» в социально-привлекательном виде, происходит героизация и мифологизация преступности; 12. привыкание общества к преступности, в том числе и к таким достаточно новым ее формам, как коррупционная и организованная[3]. Молодые люди нередко рассматривают криминальный способ достижения целей как приемлемый для себя; 13. увеличение толерантности общественного сознания к криминальному насилию в повседневной жизни; 14. омоложение молодёжной преступности, актуальной становится проблема преступности несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет; 15. усугубление опасного состояния, характерного для современного общества: правовой нигилизм в молодёжной среде.

Таким образом, происходит расширение социального пространства в плане приобщения личности к криминальным ценностям и нормам жизни. Последствия приобщения личности к различным формам девиантности являются трагичными, связанными с нарушениями психосоциального здоровья, рисками для витальной активности личности. Необходимо изучить, как влияют на риски формирования девиантного и криминального поведения факторы социально-экономического порядка, а также особенности социально-психологического самочувствия жителей применительно к региональному аспекту.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Перед обществом стоит задача выявлять те социальные факторы, которые негативно влияют на динамику преступности в современном обществе, определять, как связаны современные социальные процессы с особенностями социально-психологического самочувствия населения и тенденциями преступности. Еще в XVI в. английский гуманист Томас Мор высказал идею об экономических и социальных причинах преступности. Он связал победу над преступностью с победой над социальными условиями, порождающими ее. В 1836 г. А. Кетле пришел к выводу, что преступление готовит само общество, а преступник является лишь его инструментом. С точки зрения теории множественности факторов преступности А. Кетле, преступления в обществе развиваются по определенным законам. Законы, определяющие преступность, связаны с социальными факторами. К числу социальных факторов преступности А. Кетле относил: социальное окружение человека, его социальное и материальное положение, семейные отношения, религию, социальные характеристики личности преступника. Теорию социальных факторов преступности развивали также российские ученые: А.Н. Радищев, И.Я. Фойницкий, М.Н. Гернет, А.А. Пионтковский, К. Герман, М.В. Духовской, М.П. Чубинский, рассматривавшие ее как определенное состояние социального организма. Э. Ферри выделял такие социальные причины преступности, как: богатство и бедность, состояние жилища, образование, политическое устройство и др. В свою очередь, К.Маркс и Ф. Энгельс, подчеркивая значение экономического детерминизма, считали социальное неравенство и эксплуатацию рабочих основными факторами преступности в капиталистическом обществе.

В силу расширения числа социальных факторов, способных влиять на динамику преступности, необходимо изучать их применительно к современному обществу. Благодаря развитию в современном обществе систем мониторинга социальных процессов, опросов общественного мнения, анализа настроений населения, широкого освещения в СМИ социальных и экономических вопросов открывается возможность для анализа и сопоставления результатов такого рода исследований с показателями преступности. Таким образом, появляется возможность изучать законы развития преступности, силы, которые влияют на ее динамику применительно к современному миру. Следует отметить в этой связи, что с развитием статистики, СМИ, системы интернет, появилась возможность изучения широкого спектра различных социальных и экономических показателей в контексте анализа их применительно к преступности.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Использовались методы: анализ документальных источников, освещающих вопросы экономического и социального развития региона (на материале Саратовской области): информационно-аналитические доклады, официально представленные правительственными органами, статистика правоохранительных органов, результаты социологических исследований и др.; метод качественного анализа документов. Для сопоставительного анализа были выбраны социальные и экономические показатели, наиболее значимые с точки зрения обеспечения качества его жизнедеятельности в современном мире.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Согласно результатам анализа документальных источников по ситуации в саратовском регионе, следует отметить, что уровень социального и экономического неблагополучия является достаточно высоким в сравнении с общероссийскими данными. Несмотря на то, что регион отличается высоким уровнем образования населения (12-е место по стране), социальные проблемы в нем можно назвать очень серьезными[4]. Рассмотрим некоторые из них: 1. рост числа безработных в последние годы в регионе; 2. стремительное сокращение численности населения (6 место в антирейтинге 28 городов); 3. самые высокие показатели в рейтинге бедности среди российских городов (входит в первую тройку)[4]. По данным научного исследования, проведенного департаментом социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Саратов является одним из самых депрессивных городов России. Изучались показатели 37 городов страны с населением более пятисот тысяч человек. Эксперты анализировали уровень развития медицины, криминогенную ситуацию, уровень образования, финансовое благополучие горожан, состояние дорог, а также работу коммунальных служб, внешний вид города и миграцию[4]; 4. самое низкое качество жизни в сравнении с другими городами (по данным Финансового университета при правительстве РФ)[5]; 5. наибольшая доля бедного населения (по данным Финансового университета при правительстве РФ); 6.низкая удовлетворенность жителей качеством услуг коммунальных служб (по данным Финансового университета при правительстве РФ - одно из последних мест); 7.наибольшее число потенциальных банкротов (по данным Национального бюро кредитных историй, Саратовская область входит в ТОП-30 регионов, в которых проживает 10310 злостных должников); 8. самые плохие дороги; дороги Саратова возглавляют федеральный антирейтинг ОНФ; 9. низкое качество дорог в городе сочетается с высоким уровнем дорожных пробок с 7 и 8-ми балльными оценками - по данным сервиса "Яндекс карта; 10. высокие показатели криминализации населения: по данным правовой статистики Генпрокуратуры РФ среди регионов РФ по числу преступлений Саратовская область занимает 20 место; Саратов входит в число самых коррумпированных городов Приволжского федерального округа; 11. низкий уровень экономической состоятельности молодежи, большой процент бедной и безработной молодежи (по данным Финансового университета при правительстве РФ – предпоследнее место в рейтинге по уровню экономической состоятельности).

Следствием и результатом социального и экономического неблагополучия региона является низкая удовлетворенность жизнью его жителей[5]. Налицо сочетание параметров объективного и субъективного неблагополучия. Таким образом, жители, эмоционально и рационально оценивая свою жизнь, жизнедеятельность в обществе, определяют ее в целом как негативную. Они не удовлетворены своей жизнью. В этой связи следует отметить, что низкий уровень жизни является одним из факторов риска социального недовольства населения.

Факторы социального и экономического неблагополучия региона наиболее интенсивно проявляются в неблагополучии подрастающего поколения. Проблемы детства в регионе отличаются остротой. По итогам 2015 г., согласно данным сайта социального развития Саратовской области, в регионе наблюдается интенсивный рост детского и подросткового неблагополучия[6]. Проведенный нами анализ позволил выявить следующие показатели этого неблагополучия: 1.проблемы со здоровьем: неудовлетворительный уровень здоровья детей (рост заболеваемости, увеличение количества хронических заболеваний); 2. увеличение количества семей, находящихся в социально опасном положении; 3.увеличение отказов матерей от новорожденных детей; 4. рост количества обучающихся в профессиональных образовательных организациях тех, кто хотя бы один раз попробовал наркотики; 5. значительное снижение возрастного порога употребления спиртных напитков и наркотических веществ в молодежной среде; 6. увеличение количества преступлений и административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии на 28,7%. Три четверти всех преступлений совершаются подростками в возрасте 16-17 лет; 7. увеличение количества административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними; 8. увеличение тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними - количество убийств (+200,0%), изнасилований (+100,0%), грабежей (+76,1%), вымогательств (с 0 до 5), мошенничеств (+41,7%); 9. значительный рост преступлений, совершенных несовершеннолетними в общественных местах (+43,4%); 10. рост количества противоправных деяний, совершенных подростками в группе (на 51,5%); 11. рост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных несовершеннолетними (на 29,7%); 12. значительный рост преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Как следует из Ежегодного доклада «О состоянии соблюдения прав и свобод ребенка в Саратовской области в 2017 году» Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области, обеспокоенность вызывают сходные тенденции преступного и правонарушающего поведения несовершеннолетних в регионе в 2017 г.[7]. Так, на момент совершения преступлений на учете в ПДН ОВД состояло всего 83 подростка (2016 г. - 84), а остальные подростки, совершившие преступление (475 чел. или 85,0%) в поле зрения полиции ранее не попадали. Это указывает на латентную готовность к совершению преступления большей части правонарушителей, и прежде всего – внешне «благополучных». Основное место в структуре преступности занимают преступления против собственности: 64 % всех совершенных подростками преступлений – кражи. Подростки оправдывают корыстные преступления, незаконные способы получения денег трудным материальным положением в семье, желанием восстановить социальную справедливость.

В 2017 г. в регионе отмечен значительный рост преступлений среди лиц женского пола - на 66, 6% по сравнению с 2016 г. В смешанной группе (взрослый и несовершеннолетний) совершено 170 преступлений (2016 г. - 137). По ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений) зарегистрировано 38 преступлений (2016 г. - 30). Таким образом, каждое четвертое преступление совершено несовершеннолетними в составе смешанной группы вместе с взрослыми преступниками. Согласно аналитической информации, по-прежнему три четверти всех преступлений совершаются подростками в возрасте 16-17 лет. Кроме того, наблюдается определенный рост числа фактов жестокого обращения с детьми со стороны родителей и воспитателей (в 2017г. – 70, в 2016г. – 66). При этом следует отметить, что в последние годы коэффициент преступной активности несовершеннолетних по стране в целом демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению.

Уполномоченный по правам ребенка подчеркивает: в подавляющем числе случаев основной причиной совершения правонарушений подростками является семейное неблагополучие, нарушение детско-родительских отношений, безнадзорность, значительное ослабление участия семьи и общества в формировании личности несовершеннолетних[7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, характеристики материального бытия (негативные факторы социально-экономического порядка), проанализированные на региональном материале, находят отражение в идеальном бытии, на уровне субъективной реальности, в особенностях социально-психологического самочувствия жителей, их низкой удовлетворенности жизнью.

На материале анализа систем мониторинга социальных и экономических процессов, опросов общественного мнения, показателей настроения населения, представленного в СМИ, показана идентичность, сопоставимость действия социально-экономических факторов, особенностей социально-психологического самочувствия жителей региона и характеристик девиантного и криминального поведения населения.

Социальное и экономическое неблагополучие, наблюдающееся в регионе, сочетается с негативными показателями роста девиантных и криминальных форм поведения, что особенно очевидно на материале анализа социального неблагополучия несовершеннолетних. Подростковое сообщество особенно остро реагирует на социально-экономическую ситуацию в обществе.

Список использованной литературы и источников:

1. *Глазкова Л.В.* О применении системного метода в противодействии организованной преступности и коррупции // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 50-51.

2. *Romanova N.* Classification of criminal groups // CBU International conference on integration and innovation in science and education. April 7-14, 2013. Prague, Czech Republic. DOI: 10.12955/cbup.2013.25
URL:http://ojs.journals.cz/index.php/CBUConference2013/article/view/25/28 (дата обращения: 04.01.2018).

3. *Агапов П.В.* Об основных тенденциях организованной преступности в современной России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3 (25). С. 42-49.

4. Самые депрессивные города России // CRNEWS. URL: http://crnews.ru/analytics/13424-samye-depressivnye-goroda-rossii (дата обращения: 01.12.2016).

5. Саратов — в числе худших в России городов по качеству жизни http://obzor.press/regions/14593-saratov-v-chisle-xudshix-v-rossii-gorodov-po-kachestvu-zhizni (дата обращения: 11.12.2017).

6. Информационно-аналитический доклад "О положении детей и семей, имеющих детей, в Саратовской области" // Минсоцразвития Саратовской области. Официальный сайт. URL:
http://social.saratov.gov.ru/statisticheskaya_informatsiya_o_deyatelnosti_ministerstva/statisticheskie_dannye/ (дата обращения: 11.12.2016).

7. Ежегодный доклад «О состоянии соблюдения прав и свобод ребенка в Саратовской области в 2017 году» / Уполномоченный по правам ребенка в Саратовской области. – Саратов, 2018. – http://дети-саратов.рф/upolnomochennyij/ezhegodnyie-dokladyi.html (дата обращения: 04.04.2018).

УДК 316.6

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

С.В. ФРОЛОВА

Фролова Светлана Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры консультативной психологии факультета психологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

E-mail: frolovasv71@mail.ru

Аннотация. Социально-экономические изменения в жизни современного человека психологически переживаются как условия нестабильности и неопределенности, повышающие степень психологической напряженности процесса социальной адаптации в различных малых и больших устойчивых группах. Удовлетворенность своим социальным самочувствием может сказываться на характере социальных привязанностях человека. Возрастающие миграционные процессы в современном мире делают актуальным изучение проблем приверженности человека большим устойчивым группам и территориальным общностям, таким как социальные общности города и страны, особенно в контексте различной степени удовлетворённости своим социальным самочувствием. В проведенном исследовании проверялась гипотеза о том, что приверженность стране и приверженность региону не имеют линейной связи с социальным самочувствием. В эмпирическом исследовании приняли участие 150 человек (95 женщин и 55 мужчин), средний возраст – 22,5 года, все граждане РФ. Для проверки гипотезы использовались авторский опросник «Приверженность своей стране», структурированное психологическое интервью, психологическая анкета «Моё социальное самочувствие» А.А. Грачёва, А.А. Русалиновой. Установлено, что формирование социально-географической приверженности не зависит от социального самочувствия. Неудовлетворённость социальным самочувствием не обязательно приводит к желанию покинуть свою социальную общность. И наоборот, удовлетворённость своим социальным самочувствием может сопровождаться построением миграционных намерений. Выявлены встречающиеся в выборке типы сочетания социально-географической приверженности и социального самочувствия.

Ключевые слова: социально-географическая приверженность, социальное самочувствие личности, приверженность стране, приверженность региону, эмиграционные намерения, межрегиональная миграция.

SOCIAL WELL-BEING AND SOCIAL-GEOGRAPHIC COMMITMENT IN THE CONDITIONS OF SOCIO-ECONOMIC UNCERTAINTY

S.V. Frolova

Abstract. Psychologically, the modern person perceives social and economic changes as conditions of instability and uncertainty that increase the degree of psychological tension in the process of social adaptation in various small and large stable groups. Satisfaction with one's social well-being can affect the nature of social attachment. The study into the commitment of a person to large stable groups and territorial communities, such as social communities of a city or a country, is becoming topical due to intensive migration processes in the modern world. The issue is of utmost importance in the framework of varying satisfaction with one's social well-being. The given research checked the hypothesis stating that commitment to a country and commitment to a region do not have a linear connection with social well-being. The research involved 150 citizens of the Russian Federation (95 female and 55 male participants; mean age – 22,5). To check the hypotheses, the author used her original questionnaire "Commitment to One's Country", structured psychological interview, A.A. Grachev and A.A. Rusalina's psychological questionnaire ('My Social Well-being'). The research revealed that the development of social and geographical commitment does not depend on social well-being. Dissatisfaction with one's social well-being does not necessarily lead to the

inclination to leave one's social community. Vice versa, satisfaction with one's social well-being can co-exist with the development of migration intentions. The author found the types of combination of social and geographical commitment and social well-being in the sampling.

Key words: social and geographical commitment, social well-being of an individual, commitment to one's country, commitment to a region, emigration intentions, transregional migration.

ВВЕДЕНИЕ

Экономические и социокультурные изменения в жизни современного человека связаны с переживанием нестабильности и неопределенности и выдвигают новые требования к особенностям социально-психологической адаптации. Условия социально-экономической неопределенности сказываются на социальном самочувствии личности в различных малых и больших устойчивых группах. Неудовлетворенность своим социальным самочувствием может приводить к изменению социальных связей человека, выражаясь в желании и намерении покинуть пределы своих групп и сообществ, а может и, наоборот, вопреки испытываемым трудностям, вызывать активизацию внутриличностного потенциала и усиливать эмоциональные привязанности к ингрупповым субъектам. Возрастание мобильности и миграционных тенденций в современном мире на фоне ускоряющихся социально-экономических перемен делает особенно актуальным проблему изучения связи социального самочувствия личности и приверженности большим социально-географическим объектам, таким как страна и регион.

Целью данной работы явилось рассмотрение возможных связей и соотношений социального самочувствия личности и её социально-географической приверженности стране и региону.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Приверженность стране понимается нами как когнитивно-эмоциональное и конативное целостное образование, выражающееся, в первую очередь, в желании и намерении человека строить свою дальнейшую жизнь в пределах своей страны, в привязанности к различным её культурным, социальным и природно-географическим объектам, а также в субъективных представлениях, формируемых в тесной связи с эмоционально значащими переживаниями образов мира[1].

В связи с тем, что страна является сложным социально-географическим и культурно-историческим объектом, приверженность ей может носить полидетерминированный и многомотивный характер. В соответствии с доминирующими мотивами приверженности стране могут быть выделены различные её виды: социальная, экономическая, культурная, климато-географическая[2].

Приверженность региону может быть рассмотрена как приверженность большой и сложной организации. Под организацией в социальной психологии понимается дифференцированное и взаимно упорядоченное объединение индивидов и групп, действующих на основе общих целей, интересов и программ. Одним из главных принципов организации является осуществление определенной упорядоченности, согласованности внутреннего взаимодействия, чему служит выработка правил и стандартов, регулируемых системой этических смыслов в терминологии ордерного подхода к организационной культуре Л.Н. Аксеновской[3].

Понятие региона имеет культурно-историческое, социально-экономическое и географическое содержание и включает в себя понятия, определяющие такие особенности местного социального сообщества как ценности, социальные представления, традиции, национальные особенности, общественное настроение и ожидания. Региональную приверженность в социальной психологии можно понимать как приверженность социальной общности региона, имеющей свои природные и экономические ресурсы, культурно-исторические и этнокультурные характеристики.

Ранее нами была предложена модель внешних и внутренних факторов приверженности личности большой устойчивой группе (видами которой являются социальная общность страны и социальная общность региона), которые группируются в несколько основных классов: 1) личностные диспозиции, 2) характеристики социальной общности (обусловленные её нормами, ценностями, материальными и нематериальными ресурсами), 3) социокультурная ситуация (общий характер эпохи, происходящие макросоциальные изменения)[1].

Социокультурная ситуация и всевозможные, в том числе и экономические ресурсы, большой устойчивой социальной группы могут влиять на приверженность человека данной группе лишь опосредствованно, приобретая своё индивидуальное значение для каждой личности в ходе неповторимых процессов интерпретации с участием системы субъективных представлений, ценностей и отношений. Результатами множества подобных личностных интерпретаций и осмыслений социальных явлений становится особый элемент картины мира – «социально-психологическое пространство личности», или ментальное пространство, в котором социальный опыт выстраивается субъектом в иерархическую систему позитивно, нейтрально или негативно значимых объектов или явлений[4]. Социально-психологическое пространство может содержать и несуществующие в реальном мире объекты, которые могут только мыслиться, представляться субъектом (например, в его будущем), но при этом реально участвовать в регуляции и программировании поведения. Вера человека в будущие возможности и перспективы развития группы, на наш взгляд, могут определять приверженность ей не в меньшей степени, чем её реальные ресурсы и условия существования. Мы предположили, что приверженность стране и приверженность региону не коррелируют линейно с социальным самочувствием.

ВЫБОРКА, МЕТОДИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проверки этих предположений нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 150 человек в возрасте от 19 до 25 лет (95 девушек и женщин, средний возраст – 22,5 года; и 55 юношей и мужчин, средний возраст – 22,5 года), все граждане Российской Федерации, имеющие высшее или неоконченное высшее образование, проживающие в г. Саратове.

В качестве психодиагностического инструментария выступили субъективное структурированное психологическое интервью, направленное на выявление выраженности приверженности стране и региону[2]; психологические анкеты «Смыслообразующие мотивы эмиграционных намерений» и «Смыслообразующие мотивы межрегиональной миграции»; опросник «Приверженность своей стране»[2], психологическая анкета для определения социального самочувствия, разработанная А.А. Грачевым и А.А. Русалиновой[5], использующая количественную шкалу субъективных оценок. Для статистически-математической обработки данных использовался метод ранговой корреляции Спирмена.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе исследования было установлено, что желание эмигрировать, а также желание переехать в другой регион довольно распространены в молодёжной среде (см. табл. 1). По всей видимости, такие полученные данные отражают макропсихологические тенденции современного мобильного, быстро меняющегося мира с возникающей привязанностью к новизне и быстрому темпу жизни [6].

Таблица 1.

Распространённость миграционных намерений в молодёжной среде (%)

Вид миграционного намерения	Временной характер намерения	
	Временная миграция	Безвозвратная миграция

Эмиграционное намерение	52%	31%
Намерение межрегиональной миграции	35%	46%

Намерения безвозвратной эмиграции менее распространены в молодежной среде по сравнению с намерениями безвозвратной межрегиональной миграции, что может быть обусловлено сложностью принимаемых личностью решений при переезде в другую страну.

Предпринятый корреляционный анализ показал, что приверженность стране и региональная приверженность не взаимосвязаны между собой (tэмп= 1,3; p > 0,05). Такой результат говорит в пользу того, что изучаемые социально-психологические явления и конструкты их обозначающие, являютсясамостоятельными и не пересекающимися.

Метод корреляционного анализа позволил установить, что между социально-географической приверженностью и социальным самочувствием личности не существует прямой линейной взаимосвязи (см. табл. 2).

Таблица 2.

Значения коэффициентов корреляции (rs) показателей социально-географической приверженности и социального самочувствия

	Приверженность стране	Приверженность региону
Общее социальное самочувствие	0,344 (p > 0,05), не значимо	0,243 (p > 0,05), не значимо
Социальное самочувствие в городе	0,376 (p > 0,05), не значимо	0,31 (p > 0,05), не значимо
Социальное самочувствие в стране	0,359 (p > 0,05), не значимо	0,374 (p > 0,05), не значимо

Отсутствие значимых корреляций между показателями социально-географической приверженности и показателями социального самочувствия служит дополнительным аргументом в пользу того, что социально-географическая приверженность является сложным личностным образованием и может определяться не только внешними социальными факторами, но и внутренними индивидуальными ресурсами, ценностями и смыслами субъекта, способствующими развитию значимых социальных привязанностей вопреки возникающим трудностям.

Были выявлены встречающиеся в исследуемой выборке типы сочетания социально-географической приверженности и социального самочувствия (см. табл. 3).

Таблица 3.

Типы соотношения социально-географической приверженности (СГП) и социального самочувствия (СС)

№	Типы соотношения социально-географической приверженности (СГП) и социального самочувствия (СС)	Частота встречаемости в выборке(%)
1	Низкий уровень СГП и средний уровень удовлетворённости СС	26
2	Низкий уровень СГП и низкий уровень удовлетворённости СС	19

3	Низкий уровень СГП и высокий уровень удовлетворённости СС	6,4
4	Средний уровень выраженности СГП и низкий уровень удовлетворённости СС	10
5	Средний уровень выраженности СГП и средний уровень удовлетворённости СС	6,4
6	Средний уровень выраженности СГП и высокий уровень удовлетворённости СС	6,4
7	Высокий уровень выраженности СГП и средний уровень удовлетворённости СС	3,2
8	Высокий уровень приверженности стране, средний уровень приверженности региону и средний уровень удовлетворённости СС	3,2
9	Высокий уровень приверженности стране, низкий уровень приверженности региону и средний уровень удовлетворённости СС	6,4
10	Средний уровень приверженности стране, высокий уровень приверженности региону и низкий уровень удовлетворённости СС	6,4
11	Средний уровень приверженности стране, низкий уровень приверженности региону и средний уровень удовлетворённости СС	6,4

В исследуемой нами выборке высокий уровень приверженности стране сочетается со средним уровнем удовлетворённости своим социальным самочувствием и может быть сопряжён с различной степенью приверженности региону. Наиболее распространено в исследуемой выборке сочетание низкого уровня приверженности стране и региону со средним уровнем социального самочувствия. А высокая удовлетворённость социальным самочувствием встречается у молодых людей с низким и средним уровнем социально-географической приверженности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое эмпирическое исследование позволило подтвердить гипотезу о том, что социально-географическая приверженность напрямую не связана с социальным самочувствием личности. Неудовлетворённость социальным самочувствием в городе и стране не обязательно приводит к желанию их покинуть. И напротив, удовлетворённость своим социальным самочувствием может выступать благоприятным условием для построения миграционных намерений. Возникновение психологической привязанности к месту жительства и к ингрупповым субъектам может происходить вопреки возникающим социальным и экономическим трудностям, по всей видимости, за счет активизации внутриличностного потенциала в совладании с жизненной сложностью и неопределённостью. Возможными регулирующими механизмами, перенаправляющими действие внешних социально-экономических факторов на социальное поведение личности, являются психологические процессы интерпретации и осмысления социальных явлений с участием системы субъективных представлений, ценностей, отношений и субъективных образов мира.

Список использованной литературы и источников:

1. *Фролова С.В.* Модель факторов приверженностиличности социальной общности //Изв. Сарат. ун-та. Нов.сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т 13. Вып. 4. С. 80-86.

2. *Фролова С.В.* Социально-когнитивные основания психологической приверженности своей стране: М.: Академический проект, 2017. 153 с.

3. *Аксеновская Л.Н.* Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии: В 3 кн. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005. 348 с.

4. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 496 с.

5. *Русалинова А.А.* Социальное самочувствие человека как социально-психологический феномен. СПб.: Астерион, 2013. 246 с.

6. *Toffler A.* Future shock. N.Y.: Random house, 1970. 362 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Байкулова А.Н. Фактор семейной иерархии и обусловленные им коммуникативные риски..... 3
Мякшев А.П. Этнические аспекты социального неравенства в обществе риска..... 7
Назарова Р.З., Никитина Г.А., Никитина А.Д. Реклама на межкультурном уровне..... 12
Никифоров Я.А. Социальное равенство и социальная справедливость: оппозиции осмысления в русской и западной социологических традициях..... 16
Селиванова Ю.В. Инклюзивное образование детей с ограниченными возможностями здоровья: региональный аспект..... 19

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Айменов А.Ж. Социальное неравенство как фактор формирования политико-правового сознания молодежи..... 25
Аникин Л.С., Амирова Д.Р., Строганова А.Д. Социальное неравенство как фактор изменений в обществе..... 28
Антонова О.Г. Модели социального неравенства в социологической теории..... 31
Арефьева Е.О. Гендерные аспекты социального неравенства в современном российском обществе..... 35
Багирова К.Э. Проблема социального неравенства в обществе знания..... 37
Бегинин В.И. Экономическая социализация российской молодежи в ракурсе социального неравенства..... 40
Бегинина И.А. Социальное неравенство и оценка деятельности представителей власти через призму общественного мнения в саратовском регионе..... 44
Бессчетнова О.В. Образовательные траектории детей из восстановленных биологических семей в контексте социального неравенства..... 47
Викторов А.Ш. К проблеме концептуализации категорий неравенства..... 51
Голуб О.Ю. Медиакомпетентность как фактор преодоления нового социального неравенства..... 55
Грачев И.Д., Кошелев А.А. Социальное неравенство в кинематографическом искусстве..... 58
Ивченков С.Г. Особенности патриотических настроений молодежи города Саратова: гендерные различия..... 61
Ивченкова М.С. Молодежное восприятие современных СМИ: возрастной срез..... 65
Калиева Ж.А. Роль детских общественных организаций в социализации подростков: проблемы типологии участников..... 68
Козлов В.А., Шахматова Н.В. Влияние социального неравенства на восприятие религии в молодежной среде..... 72
Лойко А.И. Риски социального неравенства в условиях четвертой промышленной революции..... 76
Лядова А.В. Социальное неравенство в отношении здоровья: теоретико-методологические аспекты..... 79
Мартыненко Т.С. К проблеме концептуализации социального неравенства в социологии конца XX – начала XXI века..... 83
Мохнаткина К.В. Влияние экономической депривации на профессиональную работу россиян..... 86
Никитенко К.В. Проблемы гендерного равенства в России..... 90

Покатов Д.В. Парадигма элитаризма в условиях перехода к обществу постмодерна..... 92
Хабдулов Р.К. Теоретические основы социального неравенства: гендерный подход..... 96
Шахматова Н.В. Основные стратегии выживания матерей одиночек В России.... 100
Эльсаева З.С. Гендерный аспект социального неравенства..... 104
Ярская-Смирнова В.Н. Неравенство городского детства..... 108

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: ОБРАЗЫ, ВЗАИМОПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Галямичев А.Н. Социальные конфликты в Праге середины XIV в. и основание нового места пражского..... 112
Гуменюк А.А. Социально-бытовое неравенство в постсталинском СССР: причины устойчивого существования и влияние на судьбы социализма (на материалах нижнего Поволжья)..... 115
Моноченко Э.Н. Развитие и воспитание детей в условиях социального неравенства в контексте исторического анализа..... 119
Рыбалко О.К. Чеченский вопрос в американо-российских отношениях периода «Стратегического партнерства» 2000-х гг..... 122
Рязанов А.В. Социальная стратификация в России XX века: попытка постфактической рационализации..... 125
Цыплин В.Г. США продолжают осваивать Украину..... 129

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Вершинина И.А. Социально-экологическое неравенство в обществе риска: пространственные аспекты..... 134
Иванова Е.М. Общество риска: риски повседневности россиян..... 137
Иеромонах А. (Подоровский) Социальное неравенство с духовной точки зрения 141
Калинникова М.В., Поликарпова Т.В., Головина А.А. Место жительства как фактор социальной дифференциации горожан..... 145
Каргаполова Е.В., Булатова Н.Г., Озерова Н.В. Динамика социального неравенства в современной России (на примере Астраханской области)..... 149
Кострицкая Т.А. Социальное неравенство полов в обществе риска: специфика, значение и перспективы преодоления..... 153
Кузнецов Н.Е. Робототехника и искусственный интеллект, как фактор усиления социального неравенства..... 157
Ломако О.М. Социальное неравенство как инсценировка рисков в современном мировом сообществе..... 161
Новоселова Е.Н. Современное состояние проблемы неравенства в продолжительности жизни..... 165
Орлов М.О. Неравенство в пространстве цифровой среды: социальные риски и новые возможности..... 168
Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство в обществе риска: способы преодоления..... 172
Соболева Е.В. Активное долголетие как способ преодоления возрастного социального неравенства..... 176
Сомова О.А. Неравенство и социальное доверие: инверсия взаимосвязей..... 180
Стризое А.Л. Риски неравенства в трансформирующемся обществе: реальность и адаптация к ней..... 183

Трошина Н.В. Агрессия молодежи как социально-философская проблема современного общества..... 187
Тычкова Т.В. Пожилой возраст как фактор информационного неравенства..... 190
Филимонова О.Ф. Идея аристократии, или востребованная утопия..... 194
Шукшина З.А. Развитие системы непрерывного образования в России как фактор преодоления социального неравенства..... 198

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА

Гермоний А.Э. Политико-правовой аспект в измерении неравенства..... 203
Горбунов Н.М. Политико-правовое измерение региональной идентичности в контексте социального неравенства..... 207
Карпова А.В. Государственно-правовой механизм регулирования социального неравенства: «Культура неравенства» и политика..... 211
Немерюк Е.Е. Основные направления социальной политики в Саратовской области..... 214
Смирнова А.В. Проблемы правового неравенства политических прав..... 218
Теодорович М.Л., Варызгина А.А., Патокина Н.Н. Стандарт развития конкуренции – новый политико-управленческий механизм регулирования социального неравенства..... 222
Тюменева Н.В. Социальное неравенство в социальном государстве или к вопросу о некоторых аспектах социальной политики в России..... 226

ЗАПРЕТ ДИСКРИМИНАЦИИ В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Басова А.В. Право на паллиативную медицинскую помощь: проблемы равенства 232
Бурданова А.С. Социальная ответственность предпринимательства в Российской Федерации и федеративной республике Германия. Историко-философский, конституционно-правовой и социально-экономический аспект..... 235
Дураев Т.А., Аль-Рубайе А.Ш. Правовое регулирование прав женщин в исламском праве..... 239
Торосян Р.А. Право на материнский капитал: проблемы обеспечения равенства мужчин и женщин..... 243
Тартыгина К.А. Запрет дискриминации женщин в области труда..... 246

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Алтынбаева Г.М., Яхина Д.И. Факторы риска в условиях межкультурного взаимодействия преподавателя вуза с иностранным студентом..... 250
Дегальцева А.В. Наречие как средство речевой характеристики образа российского политика..... 254

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВСЕХ

Ардельянова Я.А. Перспективы развития инклюзивного образования в школе в условиях социального неравенства..... 259
Винокурова А.А. Инклюзивное образование: современное состояние, проблемы и перспективы..... 262
Горина Е.Н., Ивльева Н.Н. Коррекционно-педагогическая работа с дошкольниками с задержкой психического развития после кохлеарной имплантации..... 266

Долбаева Е.С. Инклюзивное обучение детей с ОВЗ: равные возможности для всех..... 270
Колчина А.Г. Трудности и проблемы социализации детей с церебральным параличом..... 274
Мясникова Л.В. Особенности ориентировки слепых дошкольников в малом открытом пространстве..... 278
Петров С.А., Мясникова Л.В. Снижение тревожности слепых и слабовидящих старшеклассников средствами айкидо..... 283
Суслова О.И., Гурьянова М.А. Особенности произвольности учебной деятельности младших школьников с ОВЗ..... 286
Фисенко А.А. Проблемы адаптации студентов с нарушениями зрения в процессе обучения в вузе..... 290
Щетинина Е.Б. Изучение досуговых практик детей с нарушением интеллекта.... 294

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ ЛИЦ С ОВЗ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА СОВРЕМЕННОСТИ

Герасимова Л.Н. Проблемы адаптации школьников с расстройствами аутистического спектра в условиях инклюзивного образования..... 298
Гринина Е.С. Стратегии взаимодействия в конфликтных ситуациях как фактор социальной адаптации лиц с нарушениями зрения..... 302
Короткова А.М. Проблемы, возникающие на пути людей с ограниченными возможностями здоровья..... 306
Куприянчук Е.В. Особенности прокрастинации у студентов с ОВЗ..... 309
Кухарчук О.В., Сумарокова А.Г. Интеллектуальная готовность к обучению в школе старших дошкольников с задержкой психического развития..... 312
Рыбкова К.О. О правовых проблемах формирования безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов в условиях современной российской действительности..... 320
Сивкова Ю.Э. Возможности трудоустройства в оценках инвалидов..... 324
Турчанинова Ю.В. Театротерапия в структуре современных технологий социокультурной реабилитации..... 328
Шипова Л.В., Филиппова А.Э. Исследование внутренней позиции школьника у учащихся начальных классов с интеллектуальной недостаточностью..... 333
Шипова Л.В. Проблемы дезадаптации школьников с интеллектуальной недостаточностью в современном образовательном пространстве..... 336
Шипова А.В. Социально-психологическая адаптация подростков с нарушениями зрения в условиях временного детского объединения..... 340

СПЕЦИФИКА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: ВОСПИТАНИЕ, ОБУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Киселёва Т.И., Кошкина И.В. Внеурочная деятельность младших школьников как инструмент педагогического сопровождения ребенка в условиях социального неравенства..... 345
Сайганова Е.В., Беспалов А.Т. Эффективность и специфика выявления интеллектуально одаренных детей при государственной поддержки талантливой молодёжи на территории Саратовской области..... 349

СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Баландина Т.М., Пихтелёв А.М. Социальное неравенство в воинских коллективах..... 353

Быченко Ю.Г., Магомедов М.К. Факторы этнического неравенства в социуме..... 357
Кулагина П.Ю. Социально-экономический трудовой конфликт как предмет исследования социологии..... 361
Куликова А.В., Михайлова В.М. Образовательные стратегии и качество жизни.... 365
Могилевич Б.Р. Коммуникативные риски межкультурной коммуникации как фактор социального неравенства..... 369
Петров Н.Р. Социальное партнерство как форма реализации социальной политики..... 371

РИСКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Воронова Е.Н. Преодоление языковых барьеров в межкультурном общении средствами предмета «Иностранный язык»..... 376
Григорьева Е.А. Обострение национализма в условиях глобальных социальных изменений..... 380
Золотарев М.В., Тупикова В.Д. Прагмалингвистические характеристики дискурса британских женских медиаизданий..... 383
Иванова Д.В. Этнокультурные особенности речевого поведения как фактор риска в процессе межкультурной коммуникации..... 388
Иосилевская Н.Д. Использование креолизованных текстов как фактор оптимизации при обучении иностранному..... 392
Исмаилова О.И. Риски использования анафоры и эпифоры в англо- и русскоязычных масс-медиа..... 396
Королева О.В. К вопросу о создании гостеприимной седы для приема китайских туристов..... 399
Ларионова Е.В. Коммуникативная направленность современного образования..... 403
Лысикова Н.П. Риски межпоколенной коммуникации: культурологический аспект..... 406
Могилевич Б.Р. Коммуникативные риски дискурсивных ошибок в процессе межкультурного взаимодействия..... 410
Мунина О.В. Теория поколений: перспективы применения в девиантологии..... 412
Саунина Е.В. Риски межкультурной коммуникации в политическом дискурсе..... 416
Спичкова Е.А. Особенности формирования культурной идентичности в условиях межкультурного взаимодействия..... 421
Тарасова Л.Е. Этнокультурные особенности социального взаимодействия с мигрантами..... 425
Тупикова С.Е., Шерстобитова Ю.А. Английский новостной дискурс: аргументация и убеждение посредством комического..... 429
Тупикова С.Е., Ющенко Ю.Е. Современные языковые инновации в русско- и англоязычной интернет коммуникации..... 432

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Аубекирова А.И. Оппотрунизм как инструмент повышения производительности труда..... 438
Варызгина А.А. Семьи с детьми: факторы, определяющие выбор стратегии выживания в малых городах..... 440

Грекова В.В., Сенокосова О.В. Причины неравенства в оплате труда на российских предприятиях..... 445
Землянухина Н.С. Социально-экономические льготы населения как инструмент сокращения неравенства в России..... 448
Коновалова Т.Л. Особенности спроса на общественные блага в России..... 451
Красильников О.Ю. Неравенство, социальная справедливость и экономическая эффективность..... 455
Максимов В.А. Культура, институты и экономическое развитие: проблемы детерминизма..... 459
Малый В.И., Гусев В.В. Российские моногорода как анклавы бедности в современном обществе..... 463
Милинчук Е.С. Досуговое поведение в контексте социального неравенства в России..... 467
Подгорный Б.Б. Неравенство совокупных капиталов основных акторов поля российского фондового рынка..... 471
Порезанова Е.В. Факторы и противоречия социального неравенства в России..... 474
Преображенский Ю.В. Критические значения развития региональных социально-экономических систем Поволжья (на примере Саратовской области)... 478
Растегаева А.В. Низкие доходы населения как фактор прекаризации рынка труда..... 482
Салатова А.А., Ершов А.Н. Глобализация, безработица и социальное неравенство сквозь призму российских средств массовой коммуникации..... 486
Сенокосова О.В. Неравенство в оплате труда в информационной экономике..... 489
Тугушева Р.Р. Социальное неравенство как барьер развития рынка интеллектуальных товаров и услуг..... 493
Федоляк В.С. Концептуальные основы межрегиональных диспропорций социально-экономического развития..... 497
Фенин К.В. Общие концептуальные географические и исторические факторы экономического неравенства..... 501
Фирсова А.А., Новоселова М.А. Динамика и тенденции развития системы высшего образования в России..... 504
Челнокова О.Ю. Проблема информационного неравенства в экономике..... 508
Шлякова О.А. Образование как источник социального неравенства..... 512

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Дорофеева Л.И. Формы перераспределения власти в организации как способ преодоления социального неравенства..... 516
Новоселова М.А., Завражнов Ю.А., Фирсова А.А. Дифференциация российских регионов по показателям финансирования инновационных предприятий..... 520

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ЭКОНОМИКЕ

Жадан И.Э. Финансовое поведение в условиях мирового финансового кризиса.... 526
Колобова А.Е. Неравенство в контексте кредитования населения пенсионного возраста..... 529
Чистопольская Е.В. Проблемы оценки неравенства экономического положения муниципальных образований..... 533

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Гулько Н.В., Пантелеев А.Ф. Предпосылки эффективности политической коммуникации (достоверность фикции)..... 538
Никитина Т.Н. Переживание социальной несправедливости пожилыми людьми в оценке студенческой молодёжи..... 544

Хуторянская Т.В. Особенности детско-родительских отношений в семьях часто и редко болеющих детей младшего школьного возраста..... 548

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аксеновская Л.Н. Справедливость и социальное неравенство в контексте социальной психологии……... 552
Власова Н.В. Экзистенциально-феноменологический подход к изучению переживания несправедливости..... 555
Куликов И.В., Крикун С.Д. Социально-психологические аспекты формирования организационного дезадаптивного поведения как последствие влияния социального неравенства..... 559
Романова Н.М. Социально-экономическое неблагополучие, социально-психологическое самочувствие и негативные поведенческие проявления личности: региональный аспект..... 562
Фролова С.В. Социальное самочувствие и социально-географическая приверженность в условиях социально-экономической неопределенности..... 567

Научное издание

Материалы
VI Международной научной конференции
«Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления»
(13 апреля 2018 г.)

Статьи публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание и достоверность сведений, представленных в материалах конференции, возлагается на авторов.

Корректор - *Савкина Т.И.*
Оригинал – макет *Комиссаржевская В.О.*

Подписано в печать 22.05.2018 г.
[Электронный ресурс]
Электрон. текст. дан.- 4,69 Мб. - 1 электронный оптический диск
Тираж 100 экз. Заказ 39

Отпечатано в типографии «Саратовский источник»
410000, Саратовская область, г. Саратов, ул. Кутякова 138 Б, д. 138 Б 4 этаж.